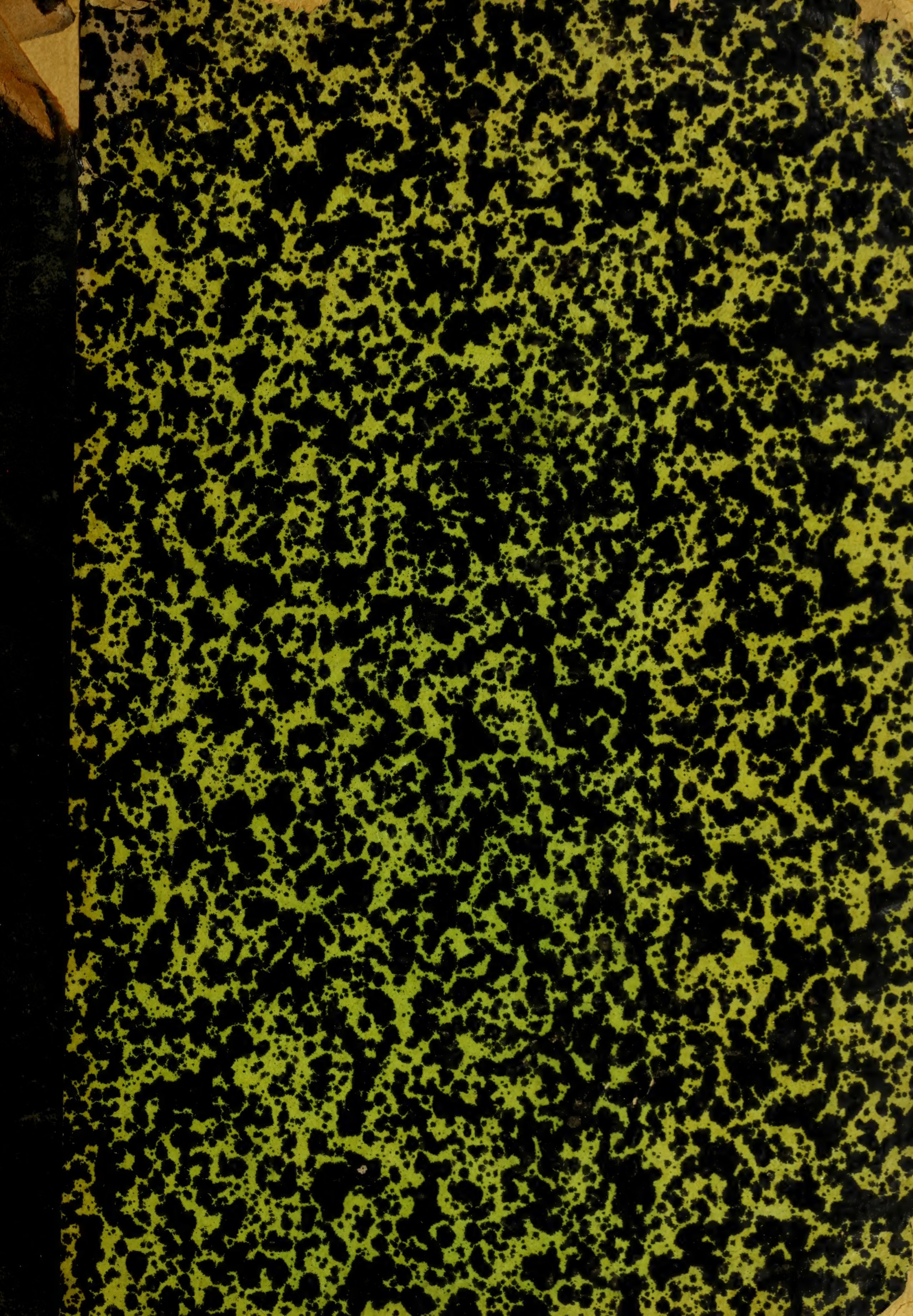

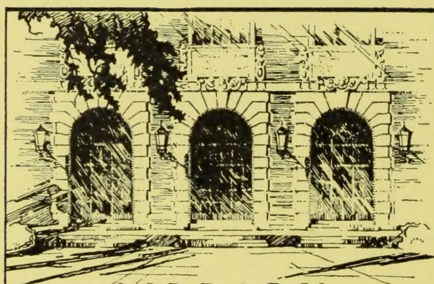

М. Довнаръ-Запольскій.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

при

ЯГЕЛЛОНАХЪ.

Томъ I.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. О-ва печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Разработка экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ въ изученіи исторіи. Между тѣмъ русская историческая наука до послѣдняго времени мало удѣляла вниманія именно этимъ вопросамъ, разрабатывая преимущественно темы, поставленныя юридической школой русской исторіографіи. Этотъ недостатокъ съ особенною силою чувствуется въ настоящее время, когда общій взглядъ на историческую науку выдвинулъ на первый планъ вопросы экономики, а вмѣстѣ съ ними и финансовъ. Сказанное выясняетъ тѣ причины, которыя побудили автора настоящей книги остановиться при выборѣ темы именно по исторіи финансоваго хозяйства.

Поставивъ сложную и отвѣтственную задачу изученія строя всего государственнаго хозяйства и на протяженіи всего періода, наиболѣе характернаго для русской исторіи, авторъ долженъ былъ преодолѣть рядъ затрудненій при выполненіи своей работы, что́ не могло не отразиться на предлагаемомъ изслѣдованіи.

Финансы — nervus rei publicae, какъ говорили въ средніе вѣка. Отсюда понятна тѣсная связь финансовыхъ вопросовъ съ экономической, соціально-политической и другими сторонами въ исторіи государства. Хотя по этимъ побочнымъ, по отношенію къ темѣ изслѣдованія, вопросамъ кое-что сдѣлано, но при освѣщеніи архивными данными многіе изъ нихъ потребовали новой переработки и во всякомъ случаѣ провѣрки. Это обстоятельство затягивало работу, отвлекая вниманіе къ побочнымъ вопросамъ, и расширяло ее, побудивъ внести нѣкоторые изъ нихъ въ настоящее изслѣдованіе.

Другое затрудненіе заключалось въ состояніи источниковъ, на которыхъ основано настоящее изслѣдованіе. Въ основу его положено

изученіе Метрики Литовской, хранящейся нынѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Но дѣло въ томъ, что сохранившіеся отдѣлы архива государственной канцеляріи Великаго княжества Литовскаго, представляя собою богатѣйшій матеріалъ для изученія вопросовъ права, частью экономическихъ, для нашей цѣли являются матеріаломъ далеко не достаточнымъ; среди сохранившихся книгъ нѣтъ книгъ и актовъ скарбовой канцеляріи (за исключеніемъ нѣсколькихъ книгъ Публ. Дѣлъ и Переп. Лит.), т. е. основнаго для нашей цѣли источника. Въ сохранившихся книгахъ спорадически встрѣчаются документы финансоваго характера (напр., аренды, залоговые контракты, уставы, универсалы и пр.) только потому, что многіе изъ нихъ проходили черезъ руки канцлера, или заносились въ книги Судныхъ Дѣлъ и Записей, такъ какъ лично исходили отъ господаря въ качествѣ уставъ, универсаловъ или судебныхъ рѣшеній; встрѣчаются, правда, спорадически и документы, вышедшіе изъ скарбовой канцеляріи (напр., приходо-расходныя записи), попавшіе въ книги, очевидно, при перепискѣ ихъ въ концѣ XVI в. Отсюда понятно, что мнѣ не удалось съ достаточною полнотою освѣтить нѣкоторыхъ вопросовъ; въ особенности недостатокъ данныхъ чувствовался тогда, когда приходилось приступать къ обзору количественнаго роста финансовыхъ средствъ.

Предположеніе о томъ, что скарбовыя книги могли сохраниться въ другихъ архивахъ, побудило автора предпринять сложные поиски въ архивахъ и древлехранилищахъ. Такимъ образомъ авторомъ изучены: собраніе Имп. Публичной Библіотеки, Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба, собраніе рукописей Библіотеки Главнаго Штаба, Архивъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Архивъ Варшавской Казенной Палаты, Главный Варшавскій Архивъ, собраніе гр. Красинскихъ въ Варшавѣ (къ сожалѣнію, весьма бѣгло), Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сдѣланы развѣдки въ двухъ центральныхъ архивахъ Западнаго края, а также въ мѣстныхъ архивахъ Губернскихъ Управленій и Казенныхъ Палатъ [1]) (послѣднее сдѣлано мною при содѣйствіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, за что приношу Обществу

---

[1]) Къ такимъ поискамъ побуждалъ тотъ фактъ, что въ Гродненской Казенной Палатѣ сохранились книги и акты XVI вѣка, переданные ею въ Виленскую Публичную Библіотеку.

глубокую благодарность). Для моихъ ближайшихъ цѣлей я, какъ мнѣ кажется, ознакомился въ достаточной мѣрѣ съ названными собраніями и многое извлекъ по другимъ вопросамъ. Хотя я и нашелъ въ нѣкоторыхъ изъ архивовъ весьма цѣнныя данныя, однако мнѣ не удалось отыскать болѣе или менѣе компактнаго подбора документовъ и книгъ скарбовой канцеляріи: еще въ половинѣ XIX в. кое-какія изъ этихъ книгъ хранились въ архивахъ. Знакомство съ книгами польской скарбовой канцеляріи (въ архивѣ Варш. Каз. Пал.) и тотъ фактъ, что онѣ сохранились въ большомъ числѣ до нашего времени, наводятъ на мысль о существованіи аналогичныхъ порядковъ въ литовскомъ скарбѣ, а также и на то, что книги не уничтожались, но хранились при скарбѣ.

Работа надъ архивнымъ матеріаломъ, при всѣхъ своихъ неудобствахъ для автора, имѣетъ свои неудобства и для читателя: такъ какъ надо предполагать почти исключительно читателя, который не будетъ имѣть возможности провѣрить ссылокъ на источники, то нельзя избѣжать частыхъ цитатъ. Въ отвѣтственныхъ случаяхъ я старался приводить, въ текстѣ или въ примѣчаніяхъ, цитаты изъ источниковъ: подлинныя слова источниковъ, дѣлая чтеніе книги затруднительнымъ для однихъ читателей, дадутъ другимъ основу для провѣрки текста [1]).

Указывая на затрудненія, встрѣченныя мною при работѣ, я тѣмъ самымъ хочу подчеркнуть, что я далекъ отъ увѣренности въ томъ, что мною правильно рѣшены поднятые въ книгѣ вопросы. Напротивъ, я полагаю, что дальнѣйшая работа въ томъ же направленіи можетъ многое исправить въ настоящемъ изслѣдованіи. Вотъ почему я съ большимъ вниманіемъ и благодарностью отнесусь къ указаніямъ безпристрастной критики, именно такой, для которой сужденіе о книгѣ— есть пересмотръ поднятыхъ въ ней вопросовъ. Авторъ будетъ считать свою задачу исполненной, если его книга окажется полезной при дальнѣйшемъ изученіи западно-русской и вообще русской исторіи. Утверждая послѣднее, я убѣжденъ въ томъ, что кардинальные вопросы

---

[1]) Невозможно было также издать всего, привлеченнаго мною къ работѣ матеріала. Немногое мною напечатано въ Актахъ Литовско-русскаго государства. Въ приложеніи къ настоящей книгѣ помѣщены акты, имѣющіе ближайшее отношеніе къ нѣкоторымъ страницамъ текста. Кромѣ того я приступаю къ отдѣльному изданію господарскихъ уставъ и вироковъ, на которыхъ основана 3-я глава.

русской исторіи со временемъ получатъ должное и вѣрное освѣщеніе только при объединенномъ изученіи соціально-экономической жизни обѣихъ половинъ древней Руси. Быть можетъ, уже въ недалекомъ будущемъ точное изученіе будетъ достижимо; оно, конечно, должно составить предметъ особой работы.

Выпуская въ свѣтъ первый томъ своего изслѣдованія, я считаю нужнымъ указать еще на то, что второй томъ будетъ посвященъ изученію организаціи государственнаго хозяйства и, слѣдовательно, будетъ имѣть тѣсную связь съ первымъ. Вотъ почему государственный бюджетъ, данныя для котораго отчасти изложены въ этомъ томѣ, отнесенъ во второй; равнымъ образомъ туда же отнесенъ и обзоръ эволюціи, происшедшей въ экономическомъ строѣ государства въ изучаемый періодъ, такъ какъ изученіе этой стороны вопроса тѣсно связано съ исторіей кадастра и городской и сельской общины. Оставляемъ пока также числовыя данныя о размѣрахъ податей безъ перевода на современныя намъ денежныя единицы не только потому, что для этого надо еще произвести сложную работу по исторіи цѣнъ, но также и потому, что эти числовые показатели налоговой тяготы найдутъ объясненіе въ связи съ изученіемъ экономической жизни.

Въ заключеніе настоящаго предисловія, я считаю прежде всего своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность Историко-Филологическому факультету Университета св. Владиміра за разрѣшеніе напечатать эту книгу на страницахъ „Извѣстій“ и профессору Владиміру Степановичу Иконникову, которому принадлежитъ иниціатива въ этомъ отношеніи.

Во время работы надъ своимъ изслѣдованіемъ, мнѣ приходилось неоднократно обращаться ко многимъ лицамъ за указаніями, книгами, и я приношу глубокую благодарность за оказанную мнѣ помощь профессорамъ В. Б. Антоновичу, П. Г. Виноградову, П. В. Голубовскому, В. О. Ключевскому, В. М. Михайловскому, академику Н. Ѳ. Дубровину, архиваріусамъ В. В. Нечаеву, С. П. Соколову, гг. Рембовскому и Вольскому, хранителямъ библіотеки гр. Красинскихъ, и П. И. Иванову; весьма многимъ я обязанъ моему другу Д. З. Шендрику, который провелъ корректуру почти всей книги.

Я храню благодарную память о покойномъ академикѣ А. Ѳ. Бычковѣ, который оказалъ мнѣ рядъ цѣнныхъ услугъ во время моихъ занятій въ Петербургѣ.

М. Д.-З.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Общія замѣчанія о классификаціи средствъ, шедшихъ на удовлетвореніе потребностей государства.

Система государственнаго хозяйства Литовской Руси не укладывается вполнѣ въ тѣ рубрики, которыя выработаны практикой и наукой въ современномъ хозяйствѣ. Поэтому, какъ происхожденіе, такъ и организацію налоговъ и повинностей Литовской Руси несравненно удобнѣе разсматривать въ томъ видѣ, въ какомъ они здѣсь сложились. Удержаніе тогдашней системы хозяйства, при ея изложеніи, въ значительной мѣрѣ должно содѣйствовать болѣе отчетливому представленію объ ея историческомъ происхожденіи и уяснить многія особенности въ ея организаціи. Конечно, сохраненіе системы нисколько не можетъ препятствовать выясненію финансовой и юридической природы какъ каждаго вида налоговъ или повинностей, такъ и оцѣнкѣ ихъ съ теоретической точки зрѣнія.

Хозяйственная система Литовско-русскаго государства сложилась лишь въ правленіе двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ. Но такъ какъ она представляетъ собою органическое слѣдствіе предшествующаго періода государственной жизни, обусловливаемое, конечно, сопутствующимъ процессомъ въ области экономическихъ соотношеній, то корни ея находятся въ самихъ условіяхъ сложенія государства, восходя, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ до-литовскому періоду русской исторіи. Вотъ почему система, сложившаяся окончательно уже въ послѣдній пе-

ріодъ, подлежащій изученію, вбираетъ, однако, въ себя и разнообразныя проявленія финансовой дѣятельности государства болѣе ранней эпохи. Слѣдовательно, излагая здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, классификацію средствъ, шедшихъ на удовлетвореніе разнообразныхъ государственныхъ потребностей, принятую въ періодъ развитія хозяйственной системы, будемъ помнить, что эта система сложилась постепенно

Литовско-русское государственное хозяйство различало (съ тогдашней точки зрѣнія) разнообразные источники, шедшіе на удовлетвореніе государственныхъ потребностей не только по способу или объекту обложенія или дохода, но объединяло источникъ обложенія съ тою конечною цѣлью, на удовлетвореніе которой назначалось обложеніе. Такъ, въ этой системѣ можно различить двѣ большія группы государственныхъ средствъ; къ первой группѣ слѣдуетъ отнести подати и повинности *земскія* и многочисленные доходы *господарскіе*. Отсюда и различіе между скарбами земскимъ и господарскимъ. Подъ понятіе повинностей земскихъ и господарскихъ, скарба земскаго и господарскаго, подходятъ всѣ повинностныя и платежныя тяготы населенія. Конечно, различіе между скарбомъ земскимъ и господарскимъ вырабатывается въ государствѣ только съ теченіемъ времени, причемъ различіе между повинностями и платежами земскими и доходами господарскими предшествуетъ развитію понятій о различіи скарбовъ. По мѣрѣ развитія идеи государственности выдѣляется и понятіе о личномъ имуществѣ и скарбѣ господаря великаго князя; послѣдній уже составляетъ вполнѣ частную собственность господаря.

По существу (съ современной точки зрѣнія), доходы земскіе и господарскіе шли на удовлетвореніе общегосударственныхъ потребностей; различіе же между ними состояло въ цѣляхъ и источникахъ обложенія, къ чему съ теченіемъ времени присоединяется и различіе въ субъектахъ, имѣющихъ право распоряженія обложеніемъ для этихъ двухъ скарбовъ.

Къ числу земскихъ „податковъ“ и повинностей относятся слѣдующіе: на первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ *земская военная повинность*: имѣя первоначальнымъ источникомъ своимъ землю на правѣ земскомъ (независимо отъ субъекта владѣнія), она, съ теченіемъ времени, становится личною повинностью одного владѣтельнаго шляхетства, хотя и распространяется, съ извѣстными ограниченіями, на

земли духовенства и господарскія. Затѣмъ слѣдуетъ „*податокъ земскій*"—прямая общегосударственная подать (серебщина, иногда поголовщина). Къ земскимъ повинностямъ относятся еще: *замковая работа, дорожная* повинность, *стація* (гонцамъ и посламъ), *мостовая, сторожевая*[1]). Всѣ названныя повинности (кромѣ военной) въ идеѣ, отбывались поддáными, какъ частновладѣльческими, такъ и господарскими (относительно владѣнія духовенства—съ нѣкоторыми ограниченіями). Точно также на поддáныхъ всего государства распространялся и податокъ земскій, за весьма рѣдкими исключеніями, когда онъ ввидѣ поголовщины платился и лично шляхтою. Военная земская служба отбывается шляхтою лично.

Податокъ земскій составлялъ основу земскаго скарба, въ который стекались еще иногда *пенези поконевскіе, мыта новыя* и нѣкот. др. экстраординарные сборы, взимавшіеся на общегосударственныя нужды.

Размѣры военной службы и податка земскаго, мытъ новыхъ и поконевскихъ пенезей вотируются *сеймомъ;* сеймъ же организуетъ собираніе податка, расходуетъ его черезъ своихъ уполномоченныхъ и контролируетъ сборщиковъ и казначеевъ, совмѣстно съ господаремъ. Остальными земскими повинностями распоряжается господарь.

Такимъ образомъ, всѣ названныя повинности и подати идутъ на удовлетвореніе наиболѣе важныхъ государственныхъ потребностей; это—средства войны и обороны страны. Въ доставленіи ихъ участвуетъ все государство, оно же является и верховнымъ распорядителемъ ихъ.

Источники доходовъ, стекавшіеся въ господарскій скарбъ, а также и повинности, шедшія въ пользу этого скарба, покоятся на двухъ основаніяхъ—на господáрскихъ дóбрахъ (имѣніяхъ) и прерогативахъ государственной власти великаго князя. Сюда входятъ всѣ многочисленныя подати и повинности съ господарскихъ поддáныхъ, доходы отъ эксплоатаціи господарскихъ земель и пр.,—все что могло давать землевладѣльческое хозяйство того времени. Въ господарскій скарбъ сходились также и тѣ немногочисленныя подати и повинности, которыя великій князь оставлялъ на себя при пожалованіи земель на одной изъ формъ условнаго владѣнія. Далѣе, надо имѣть ввиду,

---

[1]) Ср. опредѣленіе въ изданныхъ мною Докум. Москов. Архива Мин. Юст., I, р. 460.

что среди господарскихъ повинностей (въ противоположность земскимъ) числились также нѣкоторые виды военной повинности (напр. пушкарская служба, военная служба, осочниковъ, слугъ путныхъ и др.), дворовая и замковая служба (мастеровые при дворахъ господарскихъ и замкахъ) и дворцовая (низшіе дворцовые слуги, какъ то обрусные, одверные и т. п.).

Прерогативы власти доставляютъ великому князю, во первыхъ, доходы за выполненіе имъ административныхъ функцій, напр., стацію (древнее полюдье), судебныя доходы („вины"), подарки. Затѣмъ тѣ же прерогативы власти были основою косвенныхъ доходовъ—съ корчемъ, таможенъ, разнообразныхъ торговыхъ сборовъ, наконецъ, регалій—монетной и нѣкот. др., монополій—соляной и восковой и нѣкот. др.

Наконецъ, государь развиваетъ и свою предпринимательскую дѣятельность, напр., торговлю, что также служитъ источникомъ дохода господарскаго скарба.

Изысканіемъ господарскихъ доходовъ и ихъ распоряженіемъ завѣдывалъ отчасти лично великій князь, отчасти съ согласія и помощію пановъ и радъ.

Господарскіе доходы также шли на удовлетвореніе государственныхъ потребностей: содержаніе господаря и его двора, постройку замковъ, наемъ пушкарей, закупку военныхъ снарядовъ, наемъ жолнеровъ и пр.; но выдѣленіе изъ этихъ доходовъ, лично велико-княжескихъ, послѣдовало только къ концу изучаемой эпохи, такъ что и его частныя потребности удовлетворялись тѣмъ же источникомъ.

Предыдущія строки представляютъ собою скелетъ финансовой системы, выработанной въ Литовско-русскомъ государствѣ при Ягеллонахъ. Историческое развитіе этой системы и ея организація должны составить предметъ послѣдующаго изложенія.

При этомъ необходимо отмѣтить еще и налоги мѣстнаго характера. Къ числу ихъ относятся подати и повинности, шедшія съ населенія въ пользу мѣстной администраціи, и общинные налоги въ собственномъ смыслѣ. И тѣ и другіе, въ извѣстной мѣрѣ, служили также государственнымъ цѣлямъ, хотя ближайшею ихъ задачею является удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Однимъ словомъ, „слѣдуетъ различать въ предметахъ дѣятельности самоуправленія область, порученную ему центральною государственною властью, и область по

природѣ его ему принадлежащую“ [1]). Налоги на содержаніе администраціи собираются съ населенія извѣстнаго административнаго раіона ввидѣ корма и нѣкоторыхъ [2]) „поплатковъ“, или ввидѣ оплаты за административную дѣятельность правительственныхъ органовъ: эти сборы удовлетворяютъ, въ то же время, и потребности государственныя, служа средствомъ содержанія агентовъ, дѣятельность коихъ преслѣдуетъ публичныя цѣли, судъ, взиманіе податей, общественную безопасность [3]). Такое же значеніе имѣютъ и общинные налоги. Города на магдебургскомъ правѣ и волости собирали въ своей средѣ налоги для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ (напр., для содержанія церкви, госпиталей, богадѣленъ, школъ, содержаніе мѣстной полиціи, общинной администраціи); цѣль этихъ сборовъ—мѣстное благоустройство, но государство уступаетъ этимъ общинамъ извѣстныя права (въ томъ числѣ и право самообложенія) съ тою конечною цѣлью, чтобы онѣ, заботясь о мѣстныхъ нуждахъ, способствовали общимъ цѣлямъ благоустройства государственнаго союза, т. е. и мѣстные налоги въ идеѣ служатъ публичнымъ цѣлямъ. Поэтому, представители финансовой науки тѣсно связываютъ изученіе мѣстнаго обложенія съ общимъ строемъ государственнаго хозяйства [4]), указывая на крупное значеніе мѣстнаго обложенія въ государственномъ бюджетѣ [5]) и на общность цѣлей, преслѣдуемыхъ тѣмъ и другимъ обложеніемъ.

Однако налоги на администрацію и общинные не могутъ служить предметомъ детальнаго изученія въ islѣдованіи, посвященномъ государственному хозяйству, прежде всего потому, что они находятся

---

[1]) Лебедевъ, Мѣстные налоги. Опытъ изслѣдованія теоріи и практики мѣстнаго обложенія. Спб. 1886, р. 3.

[2]) На связь кормленія съ государственными нуждами указалъ еще Аксаковъ въ своемъ разборѣ VI т. Ист. Р. Соловьева. Русск. Бесѣда, 1856, т. 4.

[3]) Иногда русскіе историки смотрятъ на намѣстничій кормъ, какъ на передачу княземъ государственныхъ правъ „въ частное временное пользованіе служилому человѣку“ (Лаппо-Данилевскій, Орган. прям. обл., 5; Чичерина „Опыты“, р. 360). Но подобный фактъ передачи налога вовсе не дѣлаетъ его частнымъ сборомъ, потому что пользующееся имъ лицо выполняетъ административныя функціи. Справедливыя замѣчанія въ этомъ смыслѣ были высказаны П. Н. Милюковымъ, Спорные вопросы, р. 12. Однако, если какой либо сборъ переходитъ въ распоряженіе частнаго лица не въ качествѣ оплаты административныхъ его функцій, то онъ легко можетъ совершенно выдѣлиться изъ государственнаго обихода и превратиться въ частноправный.

[4]) Wagner Adolph, Finanzwissenschaft. Dritte Auflage, I, p. 90.

[5]) Paul Leroy-Beaulieu, Traité de la science des finances, Paris, 1888, I. p. 703.

внѣ распоряженія и контроля государственной власти. Въ подобномъ изслѣдованіи ихъ необходимо только имѣть ввиду въ двухъ отношеніяхъ,—какъ факторъ, отвлекающій извѣстную часть налогоспособности населенія отъ цѣлей общегосударственныхъ и устраняющій заботы государства, а слѣдовательно и расходы съ его стороны объ удовлетвореніи мѣстныхъ мелкихъ нуждъ и оплату дорого стоющей мѣстной администраціи.

Этими общими замѣчаніями опредѣляется послѣдовательность предстоящаго изложенія и полнота отдѣльныхъ частей его. На первомъ мѣстѣ должны стоять земскія повинности и подати, затѣмъ доходы господарскаго скарба и пр. Правда, доходы послѣдняго рода, какъ имѣющіе частноправное происхожденіе или источникъ, древнѣе обложенія государственнаго; однако, по значенію своему въ государственномъ организмѣ, на первомъ планѣ должно быть поставлено земское обложеніе.

По сравненію съ принятою въ настоящее время группировкою объектовъ государственнаго хозяйства, литовско-русская система отличается тѣмъ, что какъ земское обложеніе, такъ и господарскіе источники доходовъ совмѣщаютъ и прямое и косвенное обложеніе; оба скарба смѣшиваютъ объекты обложенія; оба скарба имѣютъ цѣлевое различіе съ точки зрѣнія того времени, но оно не вполнѣ выдержано; зато земское обложеніе и преслѣдуетъ цѣли общегосударственныя и въ числѣ своихъ источниковъ имѣетъ исключительно объекты государственнаго властвованія; господарскій же скарбъ пользуется источниками какъ публичнаго, такъ и частноправнаго характера. Оба скарба, съ точки зрѣнія современной финансовой науки, преслѣдуютъ государственныя цѣли, хотя господарскій скарбъ не скоро освободился отъ смѣшенія публичнаго и вотчиннаго началъ. Корень различія между скарбами земскимъ и господарскимъ кроется въ ихъ происхожденіи: скарбъ земскій и земскіе подати и повинности вызваны причинами государственнаго характера, тогда какъ въ основѣ господарскаго скарба лежатъ подати и повинности въ пользу князя вотчинника.

2. Условія происхожденія источниковъ дохода.

Литовско-русское государство сложилось при особыхъ условіяхъ. Оно составилось изъ двухъ народностей—русской и литовской, весьма различныхъ въ моментъ сліянія по своей культурѣ, религіи, языку и національнымъ особенностямъ. Но когда успѣли объединиться обѣ народности, и когда совмѣстное ихъ, въ теченіе почти полутораста лѣтъ, сожительство стало давать культурные результаты, въ смыслѣ побѣды болѣе развитой русской народности надъ литовской, появляется важное обстоятельство—католическая церковь въ литовскихъ областяхъ, а съ нею и польское вліяніе. Первые шаги его были таковы, что, казалось, польская волна готова была залить не только собственно литовскія области, но и русскія. Однако, политическія обстоятельства, на которыя важное вліяніе имѣла уже пустившая корни русская культура, на первое время успѣли остановить давленіе польской національности. Литва и Русь остались самостоятельнымъ государствомъ и польская культура только путемъ постепеннаго воздѣйствія, не ранѣе XVI в., закладываетъ прочную для себя основу, поведшую къ культурному и политическому сліянію обѣихъ народностей. Такимъ образомъ, хронологически русское вліяніе раньше польскаго: но и по своему значенію въ области государственной (не говоря о языкѣ и литературѣ) оно гораздо значительнѣе. Литовско-русское государство успѣло сложиться къ тому времени, когда усилилось польское вліяніе, и не смотря на полное (впослѣдствіи) сходство формъ государственнаго и соціальнаго быта Литовской Руси съ Польшею,—ко многимъ изъ этихъ формъ Литовско-русское государство подошло не путемъ прямого заимствованія, переноса иноземныхъ формъ, но вслѣдствіе внутренняго процесса; часто заимствовались только обряды, форма, но не внутреннее содержаніе государственно-правового порядка.

Вотъ почему русское вліяніе, въ связи съ условіями образованія государства, наложило сильный отпечатокъ на всю правовую жизнь Литовско-русскаго государства.

Главная особенность и историческое значеніе (съ точки зрѣнія интересующихъ насъ вопросовъ) образованія Литовско-русскаго государства заключается въ томъ, что обстоятельства рано вызвали къ жизни государственныя начала въ противовѣсъ вотчиннымъ поряд-

камъ собственной Литвы и земскому строю русскихъ областей. Эти начала выдвигались съ двухъ противоположныхъ сторонъ: условіями, въ которыхъ находилось ядро государства—собственная Литва и Жмудь, и условіями, въ которыя оно стало къ русскимъ землямъ. Высказанное положеніе будетъ ясно, если присмотрѣться къ условіямъ обоего рода.

Въ глубинѣ литовскихъ лѣсовъ къ половинѣ XIII в. образуется государство, самое возникновеніе котораго въ значительной мѣрѣ вызвано внѣшними причинами—борьбой за существованіе.

Во главѣ объединеннаго государства становится одинъ изъ родовыхъ князей, которыхъ такъ много было у литовцевъ. Это князь-вотчинникъ. Но до самаго начала XV ст. продолжается безпримѣрная въ исторіи борьба Литвы съ Орденомъ. Народная война—факторъ экономическаго характера, но она вызываетъ важныя соціальныя и правовыя послѣдствія. Постоянная необходимость обороны страны вызываетъ постройку населеніемъ укрѣпленій, содержаніе стражи, военную службу и, наконецъ, денежные или натуральные сборы для поддержанія оборонительныхъ силъ. Можно еще спорить о характерѣ этихъ первичныхъ отношеній подданныхъ къ князю, но во всякомъ случаѣ это—канва, на которой создаются и развиваются отношенія государственныя [1]). Не слѣдуетъ только ожидать быстраго коренного перехода отъ вотчинныхъ понятій къ государственнымъ: на низкихъ ступеняхъ культуры оба принципа долго сосуществуютъ и даже, по исчезновеніи вотчиннаго принципа изъ правовыхъ нормъ, остатки его легко встрѣтить въ жизни.

Такъ уже въ древнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о Литвѣ встрѣчаемъ извѣстія о замкахъ и крѣпостяхъ; укрѣплены были не только столицы Литвы и Жмуди, но, кажется, было нѣчто вродѣ оборонительной линіи крѣпостей [2]). Встрѣчаемъ также важное свидѣтельство о томъ, что у литовцевъ была правильно устроенная гарнизонная служба [3]) (сторожа).

---

[1]) Къ такому выводу приходятъ и теоретики, см. напр., Каутскаго, Очерки и этюды, p. 69 сл.

[2]) Ср. извѣстія у Виганда, Chronica Vigandi Marburgensis etc., изд. I. Voigt и E. Raczyński, Pozn., 1842, p. 55—56 (это изданіе цитируется и ниже), В. Б. Антоновичъ, Монографіи по исторіи Южной и Зап. Р., I, p. 39. Smolka St., Kiejstut i Jagełło, Krak., 1888, p. 55.

[3]) Дюсбургъ, см. у Антоновича, ib., 39—40, Iaroszewicz. Obraz Litwy, I, 127.

При этомъ легко догадаться, что и замковая или полевая стража и пути сообщенія могли стать общимъ дѣломъ; съ конца XIV в. и объ этихъ повинностяхъ источники говорятъ очень часто.

Но, съ другой стороны, война вызываетъ организацію военной службы со всѣми ея послѣдствіями въ соціальномъ быту. Судя по характеру партизанской войны, большому количеству принимающихъ участіе въ войнахъ, наконецъ, по устройству войска, слѣдуетъ предположить, что все свободное населеніе страны принимало участіе въ дѣлѣ обороны. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкіе лѣтописцы сообщаютъ о тысячахъ и десяткахъ тысячъ сражающихся ferocis Lithuaniae, а древнѣйшее войско состояло изъ конной и пѣшей рати. По одному свидѣтельству, Кейстутъ, для борьбы съ Ягайломъ, собралъ на одной Жмуди 9000 челов.[1]). Хотя, вѣроятно, лѣтописцы иногда и преувеличиваютъ количество побѣжденныхъ или нападающихъ враговъ, все же контингенты литовскихъ войскъ бывали иногда весьма значительны; напр., Вигандъ говоритъ о 1220 убитыхъ[2]), въ другой разъ даже о 18000[3]). Если это и преувеличено, то все же извѣстія Дюсбурга о количествѣ литовскихъ войскъ, характеризуемыхъ словами exercitus praegrandis, validus exercitus, maximus exercitus[4]), заслуживаютъ большого вниманія.

Въ Ковнѣ и Вильнѣ содержались большіе гарнизоны—въ первомъ 4000 ч., а во второмъ 3000 чел.[5]). На Жмуди мы замѣчаемъ, повидимому, признаки военнаго дѣленія страны на terrae съ контингентомъ по 1000 ч. съ каждой[6]). При напряженной борьбѣ съ врагами литовцы дѣлаютъ весьма замѣтные успѣхи въ военномъ дѣлѣ[7]).

Безпрерывная борьба съ Орденомъ велась преимущественно собственными литовскими и жмудскими силами; но Литва опоясана русскими землями, находящимися въ различныхъ подчиненныхъ отноше-

---

[1]) Vigandi, p. 285.

[2]) Ibidem, 18.

[3]) Ibidem, 84, ср. В. Б. Антоновича, Монографіи по ист. зап. и юго-зап. Россіи, 1, 105.

[4]) Собраны у В. Б. Антоновича, p. 39, прим. 1 и др.

[5]) По Кибургу, см. въ приложеніи къ кн. Смирнова „Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею", Одесса, 1868, p. 4 и 20.

[6]) Vigandi, ididem, 50.

[7]) В. Б. Антоновичъ, Монографіи, 39, Iaroszewicz Obraz Litwy, I, 127, Н. Н. Дашкевичъ, Замѣтки по исторіи лит.-русск. государства, p. 18—19.

ніяхъ къ великому князю. Поэтому, для большихъ походовъ великіе князья собираютъ ополченіе и изъ русскихъ земель—Полоцка, Владиміра, Берестья и др.[1]); иными словами, и на эти земли распространялось, въ извѣстной мѣрѣ, вліяніе борьбы.

Военное положеніе вызвало военную службу, какъ повинность населенія. Но если въ этой повинности принимало участіе все свободное населеніе—и смерды и бояре[2]), то легко предположить, что далекихъ походовъ такое ополченіе предпринимать не могло; а походы были часты и продолжительны: русскіе контингенты стягивались въ Литву для похода въ глубь орденскихъ владѣній, а литовскіе—принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ далекихъ русскихъ окраинъ. Очевидно, пѣшее крестьянское ополченіе тутъ не годилось, да и способъ веденія войны ближайшими сосѣдями—нѣмцами—исключительно опирался на кавалерію. Эти обстоятельства вызывали появленіе опытнаго коннаго войска. Дѣйствительно, литовцы нападаютъ на нѣмцевъ преимущественно на лошадяхъ[3]); у Витеня было 8000 конницы[4]); Витовтъ считалъ въ своихъ войскахъ 15000 кавалеріи[5]); и это неудивительно, потому что подъ Медниками однажды нѣмцы захватили 14000 верховыхъ лошадей[6]).

Конная служба воина значительно выдѣляла его отъ обыкновеннаго смерда. Появленіе коннаго войска произвело въ Литвѣ тѣ же послѣдствія, которыя сказывались и въ другихъ странахъ[7]), спеціализируя военную службу, выдѣляя военнослужилое сословіе и завязывая между нимъ и государствомъ правовыя отношенія государственнаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни скудны древнѣйшія извѣстія о внутреннемъ строѣ самой Литвы, однако, уже въ XIV ст. здѣсь ясно выдѣляется вліятельный классъ населенія, который нѣмецкіе лѣтописцы называютъ bajari, seniores, majores, boni viri[8]). Среди этого боярства извѣстная часть представляетъ собою остатки родовыхъ старѣйшинъ—потомковъ тѣхъ родовыхъ князьковъ, о кото-

---

[1]) Vigandi, p. 101; ср. 118, 120, 130, 135.
[2]) Ibidem, p. 122
[3]) Ibidem, 50.
[4]) Н. П. Дашкевичъ, Замѣтки, p. 38—9.
[5]) Vigandi, 359.
[6]) Ibidem, p. 259.
[7]) Ясинскій, Паденіе земскаго строя въ Чехіи, p. 66—7.
[8]) Vigandi, p. 282, 18, 20, 42.

рыхъ такъ часто говорятъ лѣтописи [1]). На Жмуди особенно силенъ былъ родовитый элементъ,—edlesten baioren und gutten luhten [2]), baiori et meliores patriae [3]), barones multorum notabiles, nobiles. По свидѣтельству Дюсбурга, они владѣютъ haeriditas paterna [4]) или, по другому свидѣтельству, veterlcihe guter съ населенными деревнями [5]).

Но военное положеніе государства рядомъ съ родовитой знатью зарождаетъ и служилую знать; являются plures nobiles potentiores terre nostre quos natura ab origine in artibus bellicis et strenuis prout experiencia testatur conspicuos contribuerit et viriles [6]). Вотъ какія качества начинаютъ цѣниться; поэтому примѣръ такихъ людей, какъ Войцилло, едва ли былъ единственнымъ. Верхи этого боярства являются совѣтниками и помощниками великаго князя, низы— обыкновенными milites. Князь оплачиваетъ службу этихъ бояръ и milites земельными раздачами за службу и на условіи службы. На боярскихъ земляхъ появляются зависимые отъ господъ люди.

Среди послѣднихъ были люди, принадлежавшіе своимъ господамъ [7]); основою ихъ могли быть многочисленные плѣнники, которыхъ массами уводили литовцы изъ орденскихъ владѣній [8]), да, конечно, и изъ Руси,—коланные, вялдомыи людци [9]), но могли осаживаться и свободные смерды, платившіе чиншъ [10]).

Въ этихъ то первичныхъ условіяхъ жизни слѣдуетъ искать начала и разъясненія послѣдующихъ правовыхъ и соціальныхъ соотношеній. Но начальныя бытовыя формы Литвы необходимо привести въ связь съ тѣмъ, что̀ она встрѣтила въ русскихъ областяхъ. Представленіе о характерѣ литовско-русскихъ отношеній, въ моментъ сложенія государства, во многомъ зависитъ отъ того, какъ понимать связи, скрѣплявшія Русь и Литву:—былъ ли это актъ завоеванія, или болѣе или менѣе добровольнаго подчиненія Руси литовскому великому

---

1) Антоновичъ, Монографіи, 43.

2) Codex epistolaris Vitoldi, edidit Prochaska, 411.

3) Ibidem, 984.

4) Düsbourg.

5) Codex ep. Vit., p. 171.

6) Ibidem, p. 1022.

7) Смотр. характерное мѣсто у Виганда, p. 202.

8) Ibidem, напр., p. 66, 211 и passim.

9) Изданные мною Документы Моск. Арх. Мин., т. I, p. 538.

10) Codex epist. Vitoldi, p. 73, 103.

князю, слiянiя, основаннаго на предшествующихъ мирныхъ сношенiяхъ и сознанiи взаимныхъ выгодъ такого единенiя. Въ послѣднее время теорiя завоеванiя, господствовавшая раньше, встрѣтила сильныя возраженiя [1]). Возраженiя эти вполнѣ справедливы, потому что основываются на строго провѣренныхъ данныхъ, но въ высказанныхъ аргументахъ есть одинъ пропускъ: необходимо сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя земли дѣйствительно были присоединены мирнымъ дипломатическимъ путемъ, другiя, выдержавъ предварительную борьбу съ литовцами, подчинились имъ на договорныхъ условiяхъ, и, наконецъ, небольшая группа земель составила несомнѣнную добычу великихъ князей литовскихъ. Оттого литовское правительство находилось къ различнымъ частямъ своего государства въ неодинаковыхъ отношенiяхъ.

Окончательное регулированiе правовыхъ отношенiй центральной правительственной власти къ отдѣльнымъ землямъ относится ко временамъ Витовта и всецѣло является плодомъ политики этого замѣчательнаго человѣка. Вслѣдствiе различныхъ политическихъ обстоятельствъ ему пришлось съизнова проводить объединительную политику, начатую его предшественниками. Возстанiе русскихъ земель показало, что онѣ не были довольны своимъ положенiемъ. Витовтъ, отчасти силою оружiя, отчасти политикою, соединилъ ихъ съ центромъ. Это былъ послѣднiй моментъ въ собиранiи западно-русскихъ земель, когда области съумѣли войти самостоятельными членами въ общее государство.

Такъ, Полоцкая земля, управлявшаяся болѣе или менѣе самостоятельно удѣльными князьями изъ литовскаго племени [2]), оказала сопротивленiе объединительнымъ планамъ Витовта, такъ что, въ концѣ концовъ, городъ „дался ему“, т. е. подчинился добровольно, выговоривъ нѣкоторыя условiя [3]). Основнымъ моментомъ въ присоединенiи Витебской области къ Литвѣ былъ, какъ извѣстно, бракъ Ольгерда съ дочерью послѣдняго витебскаго князя Ярослава [4]). По смерти Ольгерда городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока въ 1393 г. Ви-

---

[1]) См. въ соч. М. Ф. Владимiрскаго-Буданова, Населенiе юго-зап. Рос. отъ нач. XIII до полов. XV вв. и проф. Леонтовича, Очерки ист. литовско-русскаго права, р. 19.

[2]) В. Е. Данилевичъ, Очеркъ исторiи Полоцкой земли до конца XIV ст., К. 1896, р. 153–165.

[3]) Ibidem, p. 171.

[4]) Ibidem, p. 173

товтъ не захватилъ его [1]), быть можетъ, не безъ помощи мѣстнаго боярства. Смоленская земля вызвала четыре похода Витовта, но ни одинъ изъ нихъ не окончился порабощеніемъ земли въ собственномъ смыслѣ [2]), и городъ подчинился ему, выговоривъ условія, такъ какъ литовскому князю благопріятствовала сильная боярская партія [3]). Дипломатическимъ же путемъ подчинилась литовскому князю и вся Сѣверщина, съ Мстиславлемъ и Брянскомъ [4]). Кіевская земля тоже не была порабощена [5]), не говоря уже о Волыни и Жмуди [6]).

Результатомъ такого объединенія наиболѣе крупныхъ областей западной Руси было федеративное ихъ положеніе въ государствѣ; уставныя земскія грамоты обезпечивали автономію областей; изъ нихъ Кіевская, Витебская, Полоцкая, Смоленская и Жмудская относятся къ эпохѣ Витовта [7]), т. е. являются актомъ тѣхъ договоровъ, которые населеніе заключало съ княземъ при присоединеніи. Волынь получила уставную грамоту нѣсколько позже, въ 1452 г., по смерти послѣдняго ея удѣльнаго князя [8]).

Кромѣ земель въ составъ государства входятъ еще и удѣльныя княженія. Они плотнымъ кольцомъ обхватываютъ (въ концѣ XIV и въ XV вв.) съ востока и юга собственно литовскія земли. То была сѣть удѣловъ въ Чернигово-Сѣверской землѣ [9]), Смоленской, Кіевской и Волынской. Внутри государства удѣловъ меньше, причемъ эти удѣлы не отличаются историческими традиціями (напр., Заславскій удѣлъ Явнутія, Пинскій—Наримунта, Свислоцкій—Симеона Наримунтовича [10]), впослѣдствіи еще Слуцкій, Копыльскій, Кобринскій).

Въ срединѣ этого пояса земель и княженій лежала отчина великаго князя литовскаго—собственная Литва съ прилегающими къ

---

[1]) Ibidem, p. 175–6.

[2]) П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли до нач. XV в., К., 1895, p. 296, 330, 332–3.

[3]) Ibidem, p. 333–334.

[4]) Леонтовичъ, Очерки, p. 26–7.

[5]) Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли, К., 1891, p. 499–500.

[6]) Любавскій, Областное дѣленіе и пр., p. 35 и 41.

[7]) Ясинскій, Уставныя земскія грамоты лит.-рус. гос. К., 1889, p. 68, 65, 62, 58, 56, 53

[8]) Ibidem, p. 71.

[9]) Wolff. Ród Gedymina, p. 90 сл., Stadnicki, Bracia Władysława Iagelly, p. 308 и др.

[10]) Smolka, Kiejstut i Iagełło, Krak., 1880, p. 10.

ней русскими волостями. Эти русскія волости въ составѣ отчины — результатъ пріобрѣтеній цѣлаго ряда князей.

Центромъ литовской вотчины было Керновское княжество Рынгольта, отца Миндовга [1])—вѣроятно, его родовое владѣніе. Къ этой основѣ присоединяются другія русскія области въ значительной степени колонизованныя Литвой (къ послѣднимъ принадлежитъ, напр., Браславль) [2]). Миндовгу уже принадлежали: Новгородское княжество съ городами Волковыскомъ, Слонимомъ, Городномъ, Здитовомъ [3]). Подробностей о завоеваніяхъ Миндовга мы не знаемъ, но самъ Новгородъ, вѣроятно, былъ завоеванъ, вожди этого князя не разъ являются въ русскія области въ качествѣ завоевателей; реакція, вспыхнувшая въ русскихъ областяхъ сейчасъ по смерти Миндовга, доказываетъ, что русскія области присоединялись имъ не „пріязнью", какъ бывало при Ольгердѣ, но силою [4]). На то же указываетъ и способъ распоряженія этими землями, установившійся впослѣдствіи. Къ концу княженія Гедимина въ составѣ вотчинныхъ земель встрѣчаемъ уже Минскъ, Пинскъ и Туровъ [5]). Гедиминъ раздѣлилъ свое княжество на 8 удѣловъ. Среди этихъ удѣловъ встрѣчаются какъ земли, получившія впослѣдствіи уставы при Витовтѣ (Полоцкъ, Витебскъ, Жмудь, Волынь), такъ и собственныя вотчинныя земли. Изъ послѣднихъ составлены были слѣд. удѣлы: Монивидъ получилъ Керновъ и Слонимъ, Наримунтъ—княжества Пинское и Туровское, Коріатъ—Черную Русь съ Новгородкомъ и Волковыскомъ, Ольгердъ—Крево съ прилегающими къ нему русскими землями и Витебскъ, Кейстутъ—Троки, Городно, Берестіе и Жмудь, Явнутій—Вильно съ Ошменою, Браславомъ и Вилькомиромъ, Любартъ—Волынь, а Воинъ—Полоцкъ [6]).

По вѣрному замѣчанію В. Б. Антоновича, государственному началу при такихъ условіяхъ грозила большая опасность, но она была предотвращена рядомъ счастливыхъ обстоятельствъ. Явнутъ, какъ извѣстно, не удержался на великокняжескомъ столѣ, а Коріатъ и Монивидъ вскорѣ умерли. Ольгердъ и Кейстутъ раздѣлили между собою, перешедшія имъ отъ братьевъ части отчины: Ольгердъ сѣлъ на

---

[1]) Антоновичъ, Монографіи, 24.
[2]) Любавскій, Обл. дѣл., р. 2.
[3]) Антоновичъ, о. с., 24–25.
[4]) Ibidem, 25–26.
[5]) Ibidem, p. 46.
[6]) Ibidem., 76, 77.

великомъ княженіи, кромѣ того, взялъ Керновъ и часть Новгородка, а Кейстутъ присоединилъ къ Трокамъ Слонимъ и другую часть Новгородка [1]). Такимъ образомъ, вся литовская отчина раздѣлилась на двѣ половины Виленскую и Троцкую, во главѣ которыхъ находились братья Ольгердъ и Кейстутъ. Дѣленіе это имѣло значеніе не только лично для князей, но и политическое: обстоятельства требовали борьбы на два фронта, и язычникъ Кейстутъ сдѣлался стражемъ западныхъ границъ и владѣтелемъ языческой Жмуди и бо́льшей части собственной Литвы, а христіанинъ Ольгердъ сталъ оберегателемъ восточной границы, гдѣ его религія и родственныя связи доставили ему не мало дипломатическихъ побѣдъ. Установившійся дуализмъ поддерживался опредѣленнымъ договоромъ, по которому оба князя условились, какъ сообщаетъ литовская лѣтопись,—„што придобудуть, городъ ли или волость, да то дѣлити наполы". Эта реальная основа была одной изъ важныхъ причинъ той „любви, милости и ласки", въ какой жили оба князя. Проф. Смолька высказалъ мнѣніе, что дѣленіе „наполы" понималось князьями такъ, что Кейстутъ въ западныхъ областяхъ получалъ ввидѣ компенсацій часть изъ Ольгердовыхъ волостей, если добыча доставалась на востокѣ [2]). Но это не вѣрно: волости дѣлились пополамъ, безъ всякой разверстки: въ далекой Сѣверщинѣ, на московскомъ пограничьи, Ольгердъ и Кейстутъ владѣли своими волостями, и притомъ очень маленькими [3]). Отъ этого же дѣленія территоріи „на полы" ведутъ свое начало многія административныя особенности государства, именно, дѣленіе нѣкоторыхъ волостей русскихъ на двѣ половины, податная зависимость ихъ отъ Вильна и Трокъ. Къ своей отчинѣ князья сдѣлали нѣсколько пріобрѣтеній, впослѣдствіе составившихъ часть вотчины, напр., Торопецъ, Ржева [4]), Мстиславль (1352 г.), Орша (1367 [5]), въ Чернигово-Сѣверской землѣ—Черниговъ, Брянскъ, Новгородъ, Могилевъ, на югѣ—Кіевъ и Подолію [6]); изъ этихъ завоеваній Мстиславль, Ржева и Торопецъ, Могилевъ и Орша вошли въ составъ господарской отчины, хотя и въ

---

[1]) Stadnicki, Synowe Gedymina, I, 143.

[2]) Smolka, o. c., p. 6.

[3]) А. З. Р., I, 63.

[4]) Любавскій, о. с., 34.

[5]) Голубовскій, Ист. Смоленской земли, p. 319, 320.

[6]) Smolka, Kiejstut i Iagello, p. 6.

разное время, но сдѣлались эти земли господарскими именно потому, что были завоеваны (Черниговскія земли рано отошли къ Москвѣ); Кіевъ успѣлъ при Витовтѣ получить особый привилей, а Подолія отошла къ Польшѣ.

Такимъ образомъ, ко времени Ягайлы и Витовта намѣтился составъ отчины великаго князя литовскаго въ собственномъ смыслѣ; это тѣ самыя земли, которыя въ изучаемое время обычно назывались господарскими дворами и волостями и къ концу періода изъ нихъ выдѣлились такъ наз. столовыя господарскія дóбра.

Въ составъ вотчины, слѣдовательно, вошли княжества Троцкое, Виленское, Новгородское, Городенское съ Подляхіею, Минское, волости среди другихъ княжествъ; Орша, Могилевъ и Мстиславль на далекомъ востокѣ; къ нимъ же надо причислить и земли по Припяти—Пинщину и Туровщину. Сейчасъ будетъ видно, что междукняжескіе договоры еще точнѣе опредѣляютъ эту территорію. Надо только помнить процессъ образованія этой территоріи: къ основному родовому ядру владѣній великаго князя литовскаго присоединена, большею частью посредствомъ завоеванія, обширная территорія изъ цѣлыхъ или отдѣльныхъ частей русскихъ княжествъ. Этою территоріею великіе князья распоряжались по праву завоевателей и всю ее, на основаніи того же права, считали своею вотчиною. Правда, въ послѣдніе годы XIV в. эта отчина подвергалась, во времена междукняжеской борьбы, передѣламъ, но при Витовтѣ она снова собралась въ рукахъ великаго князя, хотя и было еще отличіе между вотчиной Кейстута и Ольгерда, и только при великомъ князѣ Казимирѣ вся эта территорія окончательно превратилась въ господарскую отчину единаго великаго князя. Многое изъ только что сказаннаго разъясняется договорными княжескими грамотами.

Передѣлы земель въ годы борьбы Витовта съ Ягайломъ имѣютъ двоякій интересъ, раскрывая болѣе подробно территорію отчины, во первыхъ, и во вторыхъ, разъясняя взглядъ на нее самихъ князей.

Такъ, Скиргайлло въ 1382 г. получаетъ отъ Ягайлы почти весь удѣлъ Кейстута [1]); но лишенный удѣла Витовтъ, при посредствѣ Ордена, стремился получить aliquid de haereditate et patrimonio [2]), и въ 1384 г. онъ уже владѣетъ Гродномъ и Берестьемъ со всею Подля-

[1]) Stadnicki, Bracia Władysława-Jagełły, p. 259.

[2]) Racziński, Kodex diplomaticus, p. 60. Cp. Monumenta Medii aevi и пр., II, p. 1.

хіею (Дорогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Суражъ, Каменецъ, Волковыскъ [1]). Особенный интересъ представляютъ договорныя грамоты 1387 г. между Ягайломъ и Скиргайломъ. Здѣсь главную роль имѣютъ указанія на тѣ волости, съ которыхъ шли доходы князю Скиргайлу. Волости, поименованныя въ договорѣ, тѣ самыя, которыя и впослѣдствіи считались господарскими добрами. Правда, здѣсь упоминается и о передачѣ Скиргайлу Полоцка съ замками и волостями, назначеннаго ему еще отцемъ, но и въ ней дѣйствительно были великокняжескія волости. Остальная часть Троцкаго удѣла (часть Виленскаго оставалась за Ягайлою, Подляхія—у Витовта, часть Новгородка—у братьевъ послѣдняго), не представляетъ собой сплошной территоріи, но состоитъ изъ волостей въ разныхъ частяхъ государства. Такъ, къ Скиргайлу переходитъ вся Минская земля, Свислочъ, Бобруйскъ—обѣ половины, Рѣчица; Пропойскъ, Любошаны, Игумень, Логойскъ, Рыловая Доля (?), села Лебедево, Дмитріево, Груздово, Анципорово, Сколубино, Тургенево, затѣмъ Троки въ ихъ старыхъ границахъ съ волостями Радунь, Солечники, селами Ивановымъ, Ментвинымъ, волость Мерецкая и замки—Немунекъ, Олита, Пуни, Бирштаны, Бойкува; подъ самыми Троками—села Лепуны, Перелая, Сомилишки, Стравиники, Попорти, Новое Село и Новый Городъ надъ Виліей [2]). Вотъ территорія, тянувшая къ Троцкому удѣлу. Этотъ комплексъ волостей и селъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ государства, объясняется, очевидно, его образованіемъ: подъ Троками территорія болѣе или менѣе сплошная, подъ Минскомъ также, потому что первые—родовое княжество, второй—захваченъ былъ, вѣроятно, цѣльнымъ, остальныя волости носятъ на себѣ слѣды извѣстнаго намъ дѣленія завоеванныхъ земель „наполы“. Однако, за исключеніемъ Полоцка и упоминанія о боярахъ и служебныхъ князьяхъ подъ Минскомъ, въ это дѣленіе входятъ только волости, замки и села; даже подъ Троками выдѣляются отдѣльныя села. Далѣе, удѣлы остальныхъ князей намъ болѣе или менѣе извѣстны, во всякомъ случаѣ, они не врѣзывались такъ причудливо въ Трокскій удѣлъ, какъ можно бы предположить, судя по этому акту: является также и вопросъ о томъ, гдѣ же владѣнія несомнѣнно сильныхъ уже въ то время бояръ и многочисленныхъ служилыхъ (они упоминаются

[1]) Daniłowicz, Skarbec, № 498.
[2]) Daniłowicz, Skarbec, № 542.

только подъ Минскомъ) и мелкихъ удѣльныхъ князей. Всѣ эти недоразумѣнія, кажется, не будутъ имѣть мѣста, если предположить, что. въ данномъ случаѣ, выдѣляется княжеская территорія въ собственномъ смыслѣ, а не государственная. Очевидно, князья недалеки отъ пониманія того, что послѣднею территоріею они управляютъ, но не владѣютъ. Витовтъ и послѣ 1387 г. добивался возвращенія только своей отчины [1]). Добившись великокняжеской власти, онъ выдаетъ грамоту Ягайлу въ 1392 г., повторенную въ 1401 г.[2]), которой обязуется, что послѣ его смерти великое княжество переходитъ къ коронѣ польской una cum omnibus bonis, terris, ducatibus (что вполнѣ понятно), et quibusvis dominiis nostris patrimonialibus; однако, братъ его, Сигизмундъ, наслѣдуетъ Новгородокъ—que fuit de patrimonio nostro sors dominorum fratrum nostrorum съ нѣкоторыми другими волостями. Территорія предназначаемыхъ въ наслѣдство Сигизмунду владѣній опять таки состоитъ изъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ волостей и селеній, среди нихъ встрѣчаемъ и Чичерскъ, Гомель (Hoymi), Рѣчицу—русскія волости и нѣкоторыя др.; наконецъ, тутъ же мы узнаемъ не менѣе любопытное обстоятельство: во владѣніи Любарта были подъ Городномъ села и дворы, перешедшіе теперь къ Витовту и предназначаемые имъ своему наслѣднику [3]). И въ этомъ раздѣлѣ наблюдается прежняя черта: князья, кромѣ государственной территоріи, владѣютъ еще личными дóбрами, дѣленіе которыхъ имѣетъ не политическія основанія, но частныя. Витовтъ получилъ отъ Ягайлы не только свою вотчину, но и plurrimas tenutas, bona, possessiones [4]); на случай своей бездѣтной смерти, онъ завѣщаетъ только часть вотчины брату, остальное—власть и земли предоставляетъ королю и королевству.

Въ томъ же смыслѣ не малый интересъ представляетъ актъ 1432 г., по которому Сигизмундъ Кейстутьевичъ получаетъ отъ Ягайлы magnum ducatum terrarum suarum (Ягайлы) Lithuaniae et Russiae caeterorumque dominorum ducatus praedicti et bona sua paterna, videlicet Vilnam et alia bona ad ipsius patrimoniam spec-

---

[1]) Keneczny St., Iagello i Witold, cz. I, Lwów, 1893, p. 155.

[2]) Ср. замѣчанія Левицкаго Powstanie Swidrigełły, p. 295, прим. 31, ср. разсужденіе д-ра Конечнаго, o. c., p. 164, прим.

[3]) Codex. ep. Vit., № 233, p. 72.

[4]) Ibidem, p. 960.

tantia; по смерти Сигизмунда великое княжество переходитъ къ королю, за исключенiемъ вотчинныхъ земель—Трокъ съ принадлежащимъ къ нимъ округомъ [1]). Въ этомъ документѣ еще яснѣе, чѣмъ въ предъидущихъ, подчеркнуто отличiе ducatus отъ bona великаго князя, т. е. той федеративной группы земель, которая составляла Литовско-русское государство, отъ собственно Литовской вотчины князей. Для подтвержденiя сказаннаго приведемъ еще указанiя на два мѣста Литовской лѣтописи, свидѣтельствующiя о пробуждающемся въ обществѣ сознанiи различiя вотчины и государства. Витовтъ, княжа въ Луцкѣ, „въ Литовской земли *отчину свою мълъ тогды*" [2]). Въ Смоленскѣ, когда его осаждали князья Юрiй Святославичъ и Олегъ Рязанскiй, произошла „замятня" великая: одни „хотѣли взяти собѣ *государемъ* Витовта, а другiе хотѣли князя Юрья *отчича*" [3]).

И не только въ договорахъ, но и въ государственныхъ актахъ того времени проглядываетъ взглядъ князей на Литовское княжество (въ узкомъ смыслѣ), какъ на отчину, и въ ней князья отличаютъ свои bona. Такъ, напр., Ягайло называетъ въ грамотѣ 1387 г. Обольцы своимъ аллодiальнымъ имѣнiемъ [4]), Сигизмундъ Кейстутьевичъ даетъ въ 1396 г. пинскимъ францисканамъ agros nostros Wiszkowicze [5]); Витовтъ и Ягайло подтвердили бискупу Матею haeriditates перваго, находящiяся подъ Троками и въ Подляхiи [6]). И это названiе вотчины надолго утвердилось за литовскимъ княжествомъ (воеводствами Виленскимъ и Троцкимъ): оно встрѣчается въ уставной грамотѣ Витебску, въ противоположность русскимъ землямъ, остальному государству [7]),—слѣдоват., появившись въ оффицiальномъ актѣ въ нач. XV в., имѣетъ значенiе еще и въ XVI в.; наконецъ, Литовская отчина часто противополагалась другимъ частямъ государства и въ иныхъ актахъ [8]).

Такимъ образомъ, вотчинныя земли великаго князя литовскаго, возникнувъ изъ родового владѣнiя князей, съ теченiемъ времени об-

---

[1]) Dlugossi, Historia, изд. 1711 г., I, 614.

[2]) Лѣтопись по сп. библ. Красинскихъ, p. 24.

[3]) Ibidem, p. 32.

[4]) Daniłowicz, Skarbec, № 544.

[5]) Описанiе рукоп. отд. Вилен. Публ. Библ., II, 34.

[6]) Daniłowicz, Skarbec, № 1514 и № 1515; Длугошъ, Lib. XI, p. 551. Ср. еще указанiя на великокняжескiя имѣнiя въ Skarbec. №№ 577, 959, 1692.

[7]) А. З. Р. I, p. 352—3.

[8]) Любавскiй, o. c., p. 5.

ростали вновь пріобрѣтенными русскими волостями, составивъ территорію собственно Литовскаго княжества, Литвы, какъ выражались въ XVI еще вѣкѣ; это—территорія господарскихъ добръ. Русскія волости привходили въ нее путемъ завоеванія—по крайней мѣрѣ для большей части ихъ это можно установить съ точностью, о другихъ,— хотя неизвѣстны обстоятельства присоединенія, но можно предположить такой же путь. Далѣе, территорія отчины, не смотря на всѣ перемѣны, въ концѣ концовъ, съ небольшими измѣненіями, сосредоточивается въ рукахъ перваго Ягеллона.

Однако, въ исторіи той территоріи, которая впослѣдствіи получила названіе добръ господарскихъ, необходимо отмѣтить еще двѣ стороны: увеличеніе ея помимо завоеванія и образованіе на ней удѣльныхъ княжествъ.

Дѣло въ томъ, что въ послѣдующее время встрѣчаются господарскія волости и дворы внѣ территоріи Литовской вотчины (напр., Усвятъ и Озерище въ Витебской землѣ, села въ Полоцкой землѣ, Волынской, дворы подъ Смоленскомъ и т. п.). Происхожденіе этихъ господарскихъ добръ неизвѣстно, отношеніе къ нимъ великокняжеской власти не совсѣмъ ясно; во всякомъ случаѣ, доходы съ нихъ шли непосредственно въ скарбъ (напр., съ Задвинскихъ волостей), или при посредствѣ мѣстныхъ органовъ (ключъ въ Луцкѣ, казна въ Смоленскѣ) въ господарскій скарбъ. О способѣ образованія этихъ владѣній можно высказать только предположенія, не лишенныя, однако, вѣроятія, и привести одну аналогію изъ позднѣйшаго уже времени. Присоединяя ту или иную область, хотя бы и на основаніи уставной грамоты, или на основаніи наслѣдственныхъ правъ и уставной грамоты (Витебскъ, Смоленскъ), великій князь получалъ, вѣроятно, въ свое непосредственное владѣніе нѣкоторыя села, дворы и волости; въ тѣхъ земляхъ, гдѣ великокняжеская власть смѣнила удѣльную, вѣроятно, князь получалъ тѣ волости, которыми владѣлъ удѣльный; далѣе, возстанія въ земляхъ могли давать поводъ къ конфискаціи имѣній возставшихъ въ пользу князя. Такъ, напр., въ Смоленскѣ была произведена обширная реквизиція недвижимаго имущества возставшихъ въ первые годы Казимирова княженія; часть имущества была передана сторонникамъ новаго правительства, о чемъ имѣемъ многочисленныя свидѣтельства въ книгѣ данинъ Казимира [1];

---

[1]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 34.

возможно, что многое изъ конфискованнаго имущества было оставлено и за великимъ княземъ. Съ другой стороны, когда было уничтожено удѣльное княженіе въ Кіевѣ, то села и дворы, принадлежавшіе последнему удѣльному князю, вошли въ число господарскихъ, какъ это видно изъ люстраціи 1471 г.[1]). Наконецъ, относительно выдѣленія изъ земли или удѣла извѣстной территоріи великому князю, можно судить также по аналогіи и нѣкоторымъ намекамъ. Такъ, на Жмуди, уже въ началѣ XVI в., „въ подаваньи" господаря находились 4 державы—Вилькел, Велена, Скерстомоинъ и Шавленская, остальныя же были „въ подаваньи" мѣстнаго старосты. Изъ одного спора по поводу „подаванья" этихъ тивунствъ, ведшагося въ 1522 г., выяснилось, что въ распоряженіи князя были только эти четыре державы „здавна, за предковъ нашихъ и за насъ" [2]). Земскій привилей, на который ссылалась въ этомъ спорѣ жомойтская шляхта, ничего не говоритъ о раздѣленіи тивунствъ между господаремъ и старостою: поэтому ссылка послѣдняго на давность этого обычая, имѣетъ всѣ данныя на достовѣрность и дѣлаетъ не невѣроятнымъ предположеніе, что такой порядокъ вещей установился со времени окончательнаго присоединенія Жмуди къ Лит.-рус. гос. (послѣ 1413 г.) и полученія землею уставной грамоты. Такимъ образомъ, извѣстная часть добръ была предоставлена господарю, а другая осталась въ рукахъ мѣстнаго выборнаго представителя земства—старосты, очевидно, не только въ качествѣ должностного лена, но и какъ земское имущество. Такая постановка воспроса о жмудскихъ господарскихъ волостяхъ разъясняетъ и то обстоятельство, что право распоряженія господаря въ господарскихъ добрахъ внѣ отчины было значительно ýже такого же права въ отчинѣ.

Но, съ другой стороны, выдѣлъ жмудскихъ господарскихъ волостей подтверждается аналогіею послѣдующаго времени и указываетъ также и на то, что позднѣйшіе факты образованія господарской территоріи среди удѣльно-княжеской не представляютъ собой новаго явленія въ концѣ XV или началѣ XVI в. Такъ Симеонъ Ольгердовичъ, получивъ при Витовтѣ Мстиславское княжество, скитался потомъ (1432—1445 гг.) на чужбинѣ и когда вновь получилъ отъ Казимира свой удѣлъ, то уже въ значительно обрѣзанномъ видѣ (безъ

---

[1]) Арх. юго-зап. Р., ч. VII, т. II, № 1.

[2]) Любавскій, о. с., прилож. № 34.

Могилева, Тетерина, Княжичъ, Чичерска, Дрокова), при чемъ отнятыя волости вошли въ составъ великокняжескихъ [1]). Въ средѣ удѣловъ иногда прямо появлялась великокняжеская территорія, такъ какъ великій князь оставлялъ подъ своей властью свои собственныя данины, сдѣланныя, напр., до выдѣла удѣла. Такъ, подтверждая въ 1484 г. княгинѣ Ѳедосьѣ Кобринской ея наслѣдственныя земли, Казимиръ оговариваетъ: „нижьли што будеть въ тыхъ имѣньяхъ нашоѣ данины, въ томъ есть наша воля“ [2]). Жалуя въ 1496 г. князю Симеону Можайскому Чернигово-Сѣверское княжество, великій князь Александръ тоже выдѣляетъ въ немъ „на насъ бояръ нашихъ“, тогда какъ удѣльно-княжескіе бояре обязаны служить своему господарю [3]). Наконецъ, интересно и то, что иногда великіе князья „приказывают себѣ служить“ даже и удѣльно-княжескимъ боярамъ [4]) и, такимъ образомъ, выдѣляютъ ихъ изъ территоріи удѣла. Иногда великій князь, при подтвержденіи удѣльной вотчины, выдѣлялъ изъ нея то, что составляло его данину, сверхъ вотчинной территоріи [5]). Однимъ словомъ, господарь стремился удержать въ удѣльно-княжеской территоріи свои данины [6]). И этотъ порядокъ, повторяемъ, древнѣйшаго происхожденія. Указанія на него встрѣчаемъ еще и въ первой половинѣ XV в.—въ договорной грамотѣ великаго князя Казимира съ княземъ Ѳедоромъ Львовичемъ Новосильскимъ и Одоевскимъ; послѣдній получаетъ свою отчину, однако „опроче того, што давно отошло“ [7]) и, слѣдовательно, составляетъ уже великокняжескую волость.

Сами по себѣ эти факты не только свидѣтельствуютъ о способахъ образованія господарской территоріи, но и о характерѣ великокняжеской политики по отношенію къ удѣламъ: эти господарскіе оазисы на удѣльной территоріи подрывали цѣльность удѣла, а великокняжескіе слуги, жившіе въ удѣлахъ (можетъ быть, большею частію литовцы),были стражами литовской политики на окраинѣ. Эта система выдѣла волости объясняетъ намъ появленіе въ составѣ господарскихъ земель такихъ, которыя не были предметомъ военной до-

[1]) Любавскій, о. с., р. 14.
[2]) А. З. Р., I, р. 105
[3]) Ibidem, р. 163.
[4]) Ibidem, р. 197.
[5]) Ibidem, р. 152.
[6]) Ibidem, т. II, р. 32.
[7]) А. З. Р., I, 55.

бычи; напр., волости Мозырская, Брагинская, Рѣчицкая и Бчицкая, бывшія въ составѣ Кіевскаго княженія, оказываются уже при Казимирѣ (въ первые годы его правленія) въ составѣ господарскихъ— очевидно, выдѣленныя по какому-нибудь поводу изъ удѣльнаго княжества.

Таковъ былъ пестрый территоріальный составъ Литовско-русскаго государства: земли, удѣльныя княженія и господарская отчина, не одинаковаго происхожденія. Но этимъ перечнемъ нельзя ограничиться, такъ какъ надо принять во вниманіе еще одинъ факторъ того же порядка—появленіе привилегированныхъ городовъ на магдебургскомъ правѣ. Такихъ городовъ уже къ половинѣ XV в. можно насчитать нѣсколько, напр., Берестіе, Вильно, Ковно и нѣкоторые другіе болѣе мелкіе. Хотя они находятся на господарской территоріи, но выдѣляются изъ нея своею привилегіею. Наконецъ, надо сдѣлать и еще оговорку двоякаго рода. На территоріи господарской вотчины очень рано выдѣляютъ haereditates крупныхъ пановъ и служилыхъ князей; это—имѣнія, занявшія привилегированное положеніе, которое выдѣляло ихъ подобно городамъ, въ государственную территорію. Далѣе, слѣдуетъ еще разъ отмѣтить, что отношеніе господаря литовскаго къ его собственной вотчинѣ было неодинаково: чувствуется нѣкоторое различіе въ отношеніи господаря къ частямъ родовой или завоеванной вотчины и къ тѣмъ, которыя были, по нашему предположенію, выдѣлены изъ системы земель. Правда это различіе, какъ увидимъ, не легко точно опредѣлить, вслѣдствіе смѣшенія государственнаго и вотчиннаго началъ.

Такое происхожденіе государства и различіе въ этнографическомъ составѣ его населенія, естественно имѣло весьма разнообразныя послѣдствія въ политическомъ и соціальномъ быту его и, конечно, въ той области государственной жизни, которая составляетъ предметъ нашего спеціальнаго изученія, т. е. на происхожденіе системы государственнаго хозяйства. Существенная сторона вопроса заключается въ томъ, въ какія отношенія центральное правительство стало къ разнороднымъ частямъ своей территоріи, какой характеръ имѣютъ эти отношенія и какое вліяніе они оказали на общій укладъ хозяйства государства.

Такимъ образомъ, на литовско-русской почвѣ мы встрѣчаемся съ большимъ разнообразіемъ составныхъ частей государства какъ въ территоріальномъ отношеніи, такъ и въ этнографическомъ. Но въ

отношеніяхъ государства къ его составнымъ частямъ не трудно уловить одинъ общій принципъ, который является связующимъ звеномъ между государствомъ и его частями, поддерживаетъ долгое время разъ установленный правопорядокъ, не препятствуя, однако, жизни вырабатывать новыя условія. Это принципъ—„старины“, пошлины. Старина могла существовать въ формѣ писаннаго закона, или только обычая, но соблюденіе и того и другого считали для себя обязательнымъ какъ великокняжеское правительство, такъ и населеніе. Отсюда происходитъ существенный законодательный принципъ—не нарушать старины и не вводить новины. Этого принципа правительственная власть крѣпко держалась, приблизительно до эпохи второго Статута, по отношенію ко всѣмъ сословіямъ, и только впослѣдствіи онъ окончательно сдѣлался правомъ шляхетства и привилегированныхъ городовъ. Дѣйствительно, законодательные памятники XIV—XVI вв. не разъ торжественно подтверждаютъ принципы старины. Такъ, уже земскія уставныя грамоты закрѣпили эту общую основу, такъ какъ заключаютъ въ себѣ статьи о ненарушеніи старины, установленной Витовтомъ и Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ [1]). „И всимъ есмо пожаловали,—говоритъ Кіевскій привилей,—мѣщанъ кіевскихъ и все поспольство по давнему, какъ было за великого князя Витовта: бо мы никому новины не велимъ уводити, а старины рухати“ [2]). И такого рода принципіальныя заявленія верховной власти встрѣчаются уже со временъ в. кн. Витовта, т. е. почти со времени первыхъ законодательныхъ памятниковъ. Этотъ князь приказываетъ своему намѣстнику „ничѣмъ черезъ пошлину не обидити“ Борисовцевъ [3]). И законодательные памятники послѣдующаго времени развиваютъ то же общее положеніе. Въ грамотѣ мѣщанамъ Слуцкимъ о невзиманіи съ нихъ подводъ намѣстникомъ, кор. Казиміръ говоритъ въ 1481 г.: „Про то, коли они здавна, за великого князя Витовта и за Жикгимонта и перво сего за насъ, подводъ... недаивали... ино и нынѣ ненадобѣ... нехай то будетъ по тому, какъ здавна бывало, за великого князя Витовта и за Жикгимонта и перво сего за насъ: бо мы старины не рухаемъ, а новины не увидимъ“ [4]).

---

[1]) Ср. въ сводѣ у М. Н. Ясинскаго, Зем. уст грамоты, р. 112—113.

[2]) А. З. Р., I, р. 146.

[3]) А. Ю. и З. Р., I, р. 3.

[4]) А. З. Р., I, р. 110.

Великокняжеская власть вездѣ является принципіальнымъ сторонникомъ мѣстной старины и требуетъ того же отъ своихъ органовъ, такъ какъ нарушеніе старины составляетъ „кривду“ для населенія. „Приказуемъ тобѣ, пишетъ вел. князь въ 1491 г. витебскому намѣстнику, кн. М. Жеславскому, штобы еси имъ черезъ то болшъ кривдъ не чинилъ и новинъ не увидилъ, и дѣлалъ бы еси по старому... бо мы новинъ не уводимъ, и старинъ не рухаемъ“ [1]). Старина всегда подтверждается, разъ она представляетъ собою обычай „звѣчный“, „стародавный“: „А про то... будетъ ли то обычай звѣчный, стародавный... и то есть ихъ старина: мы никому съ подданныхъ нашихъ новины не вводимъ, а старины не рушаемъ“ [2]),—пишетъ уже Сигизмундъ-Августъ намѣстнику свислицкому. По старинѣ живутъ всѣ сословія, въ томъ числѣ и духовенство,—„бо мы старины не рухаемъ, а новины не вводимъ“ [3]), заявляетъ вел. князь въ грамотѣ митрополиту [4]).

И заявленія приведенныхъ грамотъ—не случайность: вся жизнь Литовско-русскаго государства регулировалась принципомъ старины. Принципъ „старины“ въ средневѣковую эпоху имѣлъ вообще весьма обширное примѣненіе въ жизни общества, являясь той неписанной конституціей, которая охраняла общественные и правовые порядки и права отдѣльной личности отъ посягательства административной власти въ ту пору, когда писанное право еще не сложилось, или не успѣло получить всестороннюю обработку. Жизнь складывалась изъ прецедентовъ, почему всякій новый фактъ, „новина“, могъ превратиться въ обычай, прецедентъ для будущаго [5]); вотъ почему населеніе

---

[1]) А. З. Р., I, p. 150—1.

[2]) А. З. Р., II, p. 368.

[3]) А. З. Р., II, p. 175.

[4]) Ср. еще, напр., кн., Суд. Д. Л. IV, л. 331—332.

[5]) Для уясненія того, какъ прецеденты могли создавать обычай, небезынтересно привести одинъ—другой фактъ. Мѣщане виленскіе замостили, по просьбѣ великаго князя, „мостъ передъ городомъ... всимъ местомъ“, но при этомъ просили „абы то имъ было напотомъ не въ пошлину“ (Акты Литовско-русскаго государства, изданные М. Довнаръ-Запольскимъ, I, 66). Или вотъ какъ, напр., частное лицо оберегаетъ свои пошлины: „Мы князь Иванъ Юрьевичъ, наместникъ вытебский. Просилъ есми Ивашка Дашковичъ а брата его Олехна, абы намъ призволили зверъ у своихъ ловищохъ въ ихъ отчине (побити). Ивашко из братомъ на нашу прозьбу вчинилъ: зверъ побити намъ с ними на полы по ихъ доброй воли, а то не есть у вечность, бо онъ воленъ у своей отчине. И просили въ насъ листа на то, абы

стойко защищаетъ свою старину, и борьба русскихъ земель, волостей и городовъ съ великокняжескою властью и администраціею представляетъ собою массу любопытныхъ доказательствъ того, какъ энергично населеніе умѣло защищать свою „старину“. Въ этомъ отношеніи борьба земель при Витовтѣ и оппозиція шляхетства на сеймахъ XVI в., тяжбы волостей и городовъ съ урядомъ имѣютъ одно и то же основаніе. Но разъ мы знаемъ о господствѣ старины, то не трудно предположить, каково происхожденіе самой старины. Оно выработалось еще въ до-литовскій періодъ, такъ что эта старина—тѣ соціальныя, правовыя и финансовыя нормы, которыя выработались въ удѣльно-земскій періодъ русской исторіи. Дѣйствительно, источники уже очень ранняго періода вплоть до половины XVI в. говорятъ о господствѣ русскаго, иногда и литовскаго права (едва ли это не одно и то же), о правѣ, выработанномъ въ отдѣльныхъ областяхъ. Древнѣйшія привилегіи на магдебургское право обычно заключаютъ въ себѣ вполнѣ ясное указаніе на господство русскаго права, такъ какъ этими привилегіями уничтожаются omnia jura polonicalia et ruthenicalia et consuetudines universas[1]) (1390 г.), или jus ruthenicum, lithuanicum et polonicum (1408)[2]), или населеніе вызволяется—изъ „права литовского и русского, а которое коли будетъ тамъ держано“[3]). По весьма понятнымъ причинамъ въ города, особенно на западной окраинѣ, легко проникали чуждые порядки, въ особенности jura polonicalia; кромѣ того, въ городахъ селились еще евреи. Неудивительно, поэтому, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вслѣдствіе этого получался jus diversum et varias inter homines consuetudines; все это создавало споры среди населенія, почему и населеніе и король

иные наместники у вечность не взели того, и тему листъ свой далъ на то, што намъ потомъ не всылати въ его ловы ловити, бо они вольни у своей вотчине и в своихъ ловищахъ. Писанъ у Вытебску, генваръ 9 день, индиктъ 3. (Кн. Зап. Лит. XVI, л. 38). О томъ, какъ изъ случайныхъ прецедентовъ складывалась повинностная „старина“ ср. разсказъ Ратненской люстраціи о ястребѣ (Арх. юго-зап. Р., ч. VII, т. II, р. 280, 286, ср. 279). Крестьяне одного села поднесли на свадьбу въ подарки сыну п. Гаштольтовой свинью: помѣщица сочла этотъ фактъ прецедентомъ и установила поборъ (Документы Московскаго Архива Министерства Юст., т. 1, изданный М. Довнаръ-Запольскимъ, р. 118).

[1]) М. Довнаръ-Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, I, р. 1.

[2]) Ibidem, p. 3, ср. р. 17.

[3]) А. З. Р., I, р. 179; ср. р. 187, т. II, pp. 10, 75 и др.

охотно избирали для городовъ магдебургское право [1]). Но населеніе волостей и земель дольше удерживало изстаринное jus ruthenicum.

Но выходъ городовъ изъ русскаго права, въ первое время весьма незначительный, не могъ сильно влiять на съуженіе области его примѣненія. Еще въ XIV в. оно употребляется даже въ международныхъ сношеніяхъ [2]). Мало того, встрѣчаемъ указанія на мѣстныя развѣтвленія этого права. Такъ, въ договорныхъ грамотахъ Полоцка съ Ригою, не разъ встрѣчаемъ условія, по которымъ Полочане обязуются судить Рижанъ въ Полоцкѣ по своему праву, т. е. полоцкому [3]): „Полочане осудятъ по своему праву“ [4]). Въ отдѣльныхъ земляхъ, имѣвшихъ привилегіи, это право вносилось въ грамоты—„право добровольное, христiянское“ [5]). „Въ Витебскѣ судятъ по своему праву“, въ Полоцкѣ „по своему“ [6]),—„подлугъ обычая и уставы земские“ [7]).

Такимъ образомъ, въ Литовско-русскомъ государствѣ укоренилось господство изстариннаго русскаго права, частью писаннаго, но большей частью обычнаго. На эти обычаи, какъ на правообязательныя нормы, ссылаются и законодательные памятники. Въ привилегіи евреямъ 1388 г. вел. кн. Витовта указывается на правовое значеніе обычая: „ижъ бы подлугъ обычая нашое земли, правъ нашихъ былъ каранъ... водлугъ обычая земского маетъ заплатити вину... которая здавна уложена“ [8]).

Однако, принципъ старины, пронизывавшій весь государственный правопорядокъ, вовсе не сковывалъ общественную жизнь, не велъ къ консерватизму, окаменѣнію въ извѣстныхъ, разъ выработанныхъ формахъ. Общій духъ отношеній государства къ обществу былъ таковъ, что старина, пошлина могли подвергаться измѣненіямъ, но съ согласія самого общества. И дѣйствительно, историческое развитіе Литовской Руси служитъ прекраснымъ доказательствомъ того, что современное общество вовсе не было чуждо стремленія къ поли-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Акты, I, р. 84.

[2]) Ср. договоръ 1366 г., М. Довнаръ-Запольскій, Изъ исторіи литовско-польской борьбы за Волынь. Кіевъ, 1896.

[3]) Напіерскій, Рус.-лив. Акты, р. 119.

[4]) Ibidem, р. 130, 131.

[5]) А. З. Р., II, р. 33, 87.

[6]) Ясинскій, Сводъ уст. грамотъ, р. 122—123.

[7]) А. З. Р., I, № 147,

[8]) А З. Р., I, № 9.

тическому и культурному росту. Но важно то, что всякія измѣненія происходятъ не извнѣ, по почину правительственной власти, но назрѣваютъ предварительно въ самомъ обществѣ, переходя отсюда уже въ законодательныя нормы. Послѣднія съ XVI в. устанавливаются на сеймахъ самимъ шляхетствомъ, отстранившимъ къ этому времени остальные классы населенія, но до этого времени измѣненія правовой жизни находятъ себѣ достаточное выраженіе въ самостоятельной жизни областей. Вслѣдствіе такого положенія вещей между государствомъ и отдѣльными составными частями его территоріи, или между отдѣльными группами лицъ, объединенныхъ тѣми или иными интересами, создаются отношенія, которыя можно охарактеризовать терминомъ договорныхъ. Государство устраивается на своеобразныхъ началахъ федераціи. Отдѣльныя его части связаны съ верховною властью договоромъ. Въ такіе договоры вступаетъ великокняжеское правительство съ удѣльными князьями и отдѣльными землями, вошедшими въ его составъ, съ сохраненіемъ мѣстныхъ правъ. Но разъ договорный принципъ является господствующимъ, то онъ проникаетъ не только въ отношенія правительства, но и къ такимъ составнымъ частямъ государственной территоріи, договоръ съ которыми иногда возникаетъ вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ. Такъ при первомъ же удобномъ случаѣ собственно литовское шляхетство, получаетъ привилегіи отъ Ягайлы. Въ первоначальномъ своемъ видѣ грамота 1387 г. только привилегія, но, съ теченіемъ времени, она, подвергаясь измѣненіямъ, превращается въ договоръ государя съ обширнымъ классомъ дворянства. Болѣе слабыя составныя части государства довольствуются молчаливымъ признаніемъ со стороны правительства ихъ „старины“, или привилегіями, дарованными великимъ княземъ (города, евреи, татары). Такимъ образомъ, федеративный строй проникалъ все государство, связывая всѣ многоразличные его элементы. И эта особенность въ строѣ Литовско-русскаго государства не случайна: это изстаринная идея, руководившая государственною жизнью еще въ удѣльно-земскомъ періодѣ [1]), и теперь приложенная къ новымъ условіямъ жизни.

Связующимъ элементомъ всей обширной территоріи является вотчинникъ Литовской земли. Подъ властью его состоятъ отдѣльныя части государства; на этихъ частяхъ долго еще лежитъ печать былой

---

[1]) Имѣемъ въ виду извѣстную теорію проф. Сергѣевича.

самостоятельности: и въ политическомъ, и въ правовомъ и даже въ этнографическомъ отношенiи (послѣднее относится къ крупнымъ землямъ), каждая изъ частей, сознаетъ свое отличiе отъ сосѣда.

Даже въ юридическихъ памятникахъ надолго удерживается еще понятiе о полочанинѣ, витеблянинѣ, литвинѣ и пр., землѣ Полоцкой, Смоленской, Волынской и т. п. Отдѣльныя федеративныя части государства не смѣшиваются, потому что онѣ продолжаютъ свою самостоятельную жизнь. „Или учинится пеня въ Новѣгородѣ полочанину, или витеблянину, или литвину, или русину съ нашого великого княженiя"... говоритъ договоръ Казимира съ Вел. Новгородомъ [1], высчитывая составныя части княжества. „А въ вотчыну, брате, у твою, мнѣ и моей братьи молодшей, у во все твое великое княженье, ни у Смоленескъ .... не вступатися", говоритъ великiй князь Московскiй Василiй въ своемъ договорѣ 1449 г. съ Казимиромъ и т. д. [2]). Витебская уставная грамота, разрѣшая выходъ витеблянину въ Литву, рѣзко выдѣляетъ Литву отъ Витебской земли [3]). И великiй князь не былъ княземъ всего государства: это былъ господарь литовскiй, жмудскiй и русскiй [4]).

Составныя части титула—не случайность: въ первую эпоху сложенiя государства встрѣчается и въ памятникахъ признанiе того, что великiй князь Литовскiй, господарь Вильны и Трокъ, былъ въ то же время господаремъ Полоцка, Смоленска и др. земель. Интересно, что это обстоятельство рѣзко отразилось въ титулѣ Скиргайлы, именовавшаго себя dux Lithuaniae et dominus Trocensis et Polocensis [5]). Грамота Полочонъ въ Ригу 1407 г. оговариваетъ: „кто коли *будетъ*

---

[1]) Сборникъ Муханова, p. 3.

[2]) А. З. Р., I, p. 63. Ср. въ договорѣ съ тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ: „А мѣста порубежные, которие будуть зъдавна потягли къ Литвѣ или къ Смоленску", ibidem, p. 66.

[3]) Ясинскiй, Зем. уст. грам., p. 125.

[4]) Напомнимъ, между прочимъ, что въ нач. XV в. русскому населенiю не была чужда мысль объ особомъ „великомъ княженьи русскомъ": „князи и бояре и вся земля посадили князя Швитригайла на великое княженье Роуское". Это сообщаетъ лѣтопись о Полоцкѣ и Смоленскѣ (Литовская лѣтопись по списку библ. Красинскихъ, Изд. Археогр. Ком., p. 36). Попытки послѣдующаго времени, исходившiя тоже съ русской стороны, имѣли въ виду уже отдѣлить отъ Польши Литовско-русское государство. Ср. замѣчанiя въ *моей* статьѣ „Литовско-польская унiя на сеймахъ до 1569 г.", М. 1896 г.

[5]) Monumenta medii aevi Histor., Krak., 1887, II, p. 11.

осподарь полоцки у Полоцку“ [1]). Въ этомъ отношеніи особенно важно компетентное заявленіе Смоленской уставной грамоты.

Смольняне, прося о подтвержденіи грамоты, заявляли великому князю о своихъ заслугахъ въ борьбѣ за „паньства наши“, съ непріятелями „великого княжества Литовского, завжды неотступни были, а тому *господару, который сѣдѣлъ на Вильни и на Троцѣхъ*, всякою вѣрною послугою служили“ [2]). Съ этой точки зрѣнія, каждая земля является въ отдѣльности отчиною того господаря, который сидитъ въ Трокахъ и Вильнѣ. Именно, смольняне вѣрно служатъ великому князю, „яко господарю своему отчинному и дѣдичному“ [3]; кіевляне тоже служатъ „пану своему природжоному дѣдичному“ [4]). Такимъ образомъ, представители различныхъ земель считали великаго князя литовскаго своимъ отчиннымъ господаремъ, но совокупность всѣхъ составныхъ частей государства, всѣхъ „панствъ“ не скоро составила одну отчину [5]). Вспомнивъ историческое происхожденіе государства, видимъ, что нѣкоторыя изъ областей, дѣйствительно, были отчиной великаго князя (Витебскъ, Волынь, Полоцкъ) [6]), потому, что перешли къ нему по наслѣдству, другія заняли положеніе отчинъ по аналогіи съ первыми. Однако, въ силу особенностей того же историческаго происхожденія, великій князь литовскій предоставилъ своимъ различнымъ отчинамъ широкія автономныя права. Права областей закрѣплены были новыми уставными грамотами, которыя въ извѣстной мѣрѣ носятъ черты договорнаго начала.

---

[1]) Русско-ливонскіе акты Напіерскаго, p. 130.

[2]) Ясинскій, o. c., p. 107.

[3]) Ibidem, p. 110. По разсказу лѣт. Быховца, А. Саковичъ приводитъ Смольнянъ къ присягѣ тому господарю, „кого князи и панове... оберуть имъ“ (по изд. Нарбутта, p. 67—69).

[4]) Ibidem, p. 111.

[5]) Ср. еще слѣд. мѣста договора 1440 г. съ Великимъ Новгородомъ: „А што моихъ людей, или Литвинъ, или Витбленинъ, или Полочанинъ, или Смолнянинъ, или съ иныхъ нашыхъ Рускихъ земль—тымъ тутъ чистъ (въ Новгородъ) изо всее своее отчыны“ (А. З. Р., I, 52).

[6]) Ср., напр., замѣчаніе Литовской лѣтописи: Кейстутъ говоритъ Витовту послѣ своей побѣды надъ Ягайломъ: „А *отчину* его Ведбескъ и Крево и вся мѣста, *што отецъ его держалъ*, то все даю ему“ (въ изданіи Даниловича, p. 33). Ср. въ договорѣ 1427 г.: „А пошлины имати зъ моихъ Тферскихъ людей, въ моего господина дѣда великого князя Витовтовѣ *отчынѣ у Смоленску, у Витебску, на Кіевѣ, въ Дорогобужи, у Вязьмѣ*“, А. З. Р., I, № 33.

Одно изъ важнѣйшихъ условій уставныхъ грамотъ заключается въ томъ, что господарь обязуется не нарушать правъ области, сохранять ихъ „вѣчно и непорушно“ [1]). Такимъ образомъ, и господарь принимаетъ на себя извѣстныя обязательства, а въ Жмудской грамотѣ это обѣщаніе подтверждается даже присягою великаго князя [2]); впрочемъ, вѣроятно, и принимаемая литовскими государями, при вступленіи ихъ на престолъ, присяга относилась не только къ общимъ земскимъ привилегіямъ, но и ко всѣмъ „правамъ“, т. е. и ко всѣмъ уставнымъ грамотамъ. Получаемыя областями права въ грамотахъ, называются „правомъ добровольнымъ христіанскимъ“ [3]), „вольностями“ [4]), „правомъ вольнымъ христіанскимъ, добрымъ и справедливымъ“ [5]). Терминъ „добровольное“ право не совсѣмъ случайный эпитетъ: кажется, онъ можетъ указывать на то, что отдѣльныя земли по своей волѣ соединились съ Литвою. По крайней мѣрѣ, въ Жмудской грамотѣ это обстоятельство подчеркнуто рѣзко: „Хочемъ ижъ имъ (Жмудинамъ) жадны немаеть мовити, альбо на очи иститъ, ижъ бы презъ мечь альбо черезъ оныи валки были увалчоны, але съ доброю волею пристали“ [6]).

Обязательства господаря идутъ еще дальше: по отношенію къ Смоленской области онъ обязуется возстановить древнюю ея территорію [7]). Тотъ же смыслъ имѣетъ и обѣщаніе Полоцкой и Витебской грамоты: „Витибляны (или Полочаны) не даритися никому“ [8]), подтверждающее недѣлимость территоріи области. Это уже принципы государственнаго характера. Дальнѣйшее содержаніе уставныхъ грамотъ представляетъ рядъ обязательствъ со стороны верховнаго правительства, по отношенію къ составнымъ частямъ государства; обязательства эти указываютъ на высокое политическое развитіе обѣихъ договаривающихся сторонъ. Такъ, великій князь гарантируетъ областямъ личную безопасность гражданъ (именно неприкосновенность личности: никто не можетъ быть лишенъ свободы и казненъ безъ суда и слѣд-

[1]) Ясинскій, о. с., 111, 112, 113, 114. 115.
[2]) Ibidem, 114.
[3]) Ibidem, p. 111, 108, 106.
[4]) Ibidem, 110.
[5]) Ibidem, 109.
[6]) Ibidem, p. 115.
[7]) Ibidem, p. 116.
[8]) Ibidem, p. 117.

ствія) [1]), свободу женщинъ, остающихся безъ опекуновъ, отъ принудительныхъ, по желанію великаго князя, браковъ [2]), право передвиженія въ сосѣднія области и за границу государства [3]), не отвѣтственность семьи преступника [4]), сохраненіе личныхъ привиллегій и „чти" шляхетства [5]); имущественныя права гражданъ (право владѣнія имуществомъ [6]), завѣщанія [7]), наслѣдованія [8]); наконецъ, грамоты обезпечиваютъ изстаринное мѣстное процессуальное право [9]), торговое [10]), судъ, личность и имущество гражданъ отъ притѣсненій со стороны мѣстной администраціи [11]), опредѣленныя обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей [12]) и предоставленіе ему нѣкоторыхъ льготъ въ этомъ отношеніи [13]) и т. д.

Этихъ бѣглыхъ указаній на составъ уставныхъ грамотъ достаточно для характеристики ихъ; но для нашей цѣли самое важное заключается въ уясненіи того, какъ устроилось внутреннее управленіе земли, и какъ оно относится къ общегосударственному.

Укладъ земли устраивается по старинѣ, и эта старина вполнѣ русская. Во главѣ земли стоитъ намѣстникъ (впослѣдствіи воевода) или староста (на Жмуди).

Въ большинствѣ земель, намѣстникъ назначается или съ согласія населенія (Витебской и Полоцкой земли), или даже избирается имъ самимъ, хотя и утверждается королемъ [14]). Пріѣзжая въ городъ, новый воевода цѣлуетъ крестъ витеблянамъ и полочанамъ на томъ, „штожъ безъ права ихъ не казнити по вадамъ ни въ чомъ" [15]). Дѣятельность его, какъ правительственнаго органа, весьма строго регла-

---

[1]) Ясинскій, о. с., p. 123.
[2]) Ibidem, p. 168—9.
[3]) Ibidem, p. 125, 131.
[4]) Ibidem, p. 173.
[5]) Ibidem, p. 128–130.
[6]) Ibidem, p. 160–164.
[7]) Ibidem, p. 167.
[8]) Ibidem, p. 172.
[9]) Ibidem, p. 120–122.
[10]) Ibidem, p. 122.
[11]) Ibidem, 141—150.
[12]) Ibidem, p. 119—120, 129.
[13]) Ibidem, p. 132—133.
[14]) Ibidem, p. 118.
[15]) Ibidem, p. 143.

ментирована и, главнымъ образомъ, въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не могъ нарушать стариннаго порядка вещей. Всѣ мѣстныя судебно-административныя и финансовыя функціи предоставлены самой землѣ, съ намѣстникомъ во главѣ [1]). Послѣдній является и представителемъ въ области великаго князя и замѣстителемъ изстариннаго удѣльнаго князя; но такъ какъ онъ избирается населеніемъ, то въ великокняжеской радѣ намѣстникъ является представителемъ областныхъ интересовъ. Мѣстное населеніе играетъ первенствующую роль въ дѣлѣ управленія. Такъ, въ земляхъ существуетъ исконный порядокъ, по которому мѣстные уряды замѣщаются мѣстнымъ же боярствомъ, или поспольствомъ. Такъ въ 1516 г. князья и бояре витебскіе, жалуясь королю на различныя „кривды“ свои отъ воеводы Яна Костевича, между прочимъ указывали: „такежъ жаловали намъ... о вряды—городничое, конюшое, ключъ, ловчее, ижъ то панъ Янушъ въ нихъ поотнималъ и даеть своимъ слугамъ отъ себе держати; а здавна предкове ихъ, з данины предковъ нашихъ, и тежъ они сами з данины нашое, тыи уряды держивали“, что и подтверждается теперь вновь королемъ [2]). Далѣе, въ рукахъ мѣстнаго боярства находится „держаніе“ извѣстныхъ волостей или городковъ [3]). Намѣстникъ отправляетъ судъ (главнѣйшая обязанность древне-русскаго князя) „съ князи и зъ бояры и зъ мѣщаны“, въ Смоленскѣ онъ судитъ съ окольничими „и зъ иншими врядники“ на великокняжескомъ дворѣ [4]). Однимъ словомъ, мѣстное населеніе принимаетъ самое широкое участіе въ судѣ и управленіи. Въ 1516 г. во время тяжбы князей и бояръ витебскихъ съ мѣстнымъ воеводой Яномъ Костевичемъ, жалобщики доказывали, что прежніе воеводы „всякии дела земскии с ними (боярами) справовали (воеводы) и суживали и ряживали и пересудомъ съ ними наполы ся деливали“; король призналъ требованія витеблянъ и приказалъ воеводѣ и его преемникамъ рядить всѣ земскія дѣла и судить вмѣстѣ съ боярами [5]). При намѣстникѣ состоялъ постоянный совѣтъ изъ мѣстныхъ врядниковъ и боярства [6]).

---

[1]) Ср. М. К. Любавскаго, Областное дѣленіе, p. 11.

[2]) Кн. Суд. Д. Лит., II, л. 206.

[3]) Ясинскій, o. c., 116–117.

[4]) Ясинскій, o. c., p. 181. Ср. обстановку суда въ документѣ, напечатанномъ въ Сборникѣ Муханова, p. 130–131, или въ Кн. Зап. Лит., XVI, л. 69.

[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., II, л. 205 206.

[6]) Любавскій, o. c., p. 864.

Кромѣ судебно-административной самостоятельности, каждая земля представляла собою еще и отдѣльную финансовую единицу. Она имѣла свои земскія или городскія имущества и право на самообложеніе. Такъ, вся Полоцкая земля, бояре, мѣщане, городовые дворяне и все „поспольство", имѣли общую земскую „скрыню", въ которой хранилась казна (вѣроятно и земскія привилегіи); по одной грамотѣ кор. Казимира, этою „скрынею" завѣдывали по два выборныхъ отъ названныхъ классовъ общества,—„ажъ бы есте одинъ безъ другого до скрыни не ходили; и тежъ, што возмуть и што роздадуть, то бы подъ свѣдомомъ было и личба бы тому вчинена, абы имъ шкода не дѣялася". Въ этой „скрынѣ" между прочимъ хранилась и „помочь" господарю, которая собиралась всей землей. Около времени изданія цитируемой грамоты, между мѣщанствомъ и боярами происходили ссоры изъ-за раскладки „помочи" [1]). Но въ земскую „скрыню" не только собирали деньги на случай уплаты государственной „помочи". Такъ, Полочане издавна держали „важницу"; доходъ отъ нея мѣщане и бояре дѣлили пополамъ, употребляя,—каждый классъ—„на свои потребы" [2]). Въ витебскую и полоцкую земскую казну поступали штрафы по преступленіямъ противъ торговаго права [3]). Смоляне имѣли въ своемъ распоряженіи нѣкоторыя торговыя пошлины (вѣсъ медовый, соляной, „коромыслъ", „музолки", а также въ извѣстныхъ случаяхъ мыто соляное и восковое [4]). Витебскіе князья и бояре пользовались частью пересуда [5]). Центральные города областей собирали различные „поборы" и „серебщины" на свои „потребы" [6]). Были у земли иногда и еще финансовые интересы иного рода. Такъ, въ Полоцкѣ мѣщане, городовые дворяне и „вси волостные люди" сообща эксплуатировали господарскіе бобровые гоны по всей землѣ и за это вносили въ господарскую казну опредѣленный годичный оброкъ [7]). Все это указываетъ на то, что въ финансовомъ отношеніи земскія общины представляли собою одно цѣлое.

---

[1]) А. З. Р., I, р. 72.

[2]) Ясинскій, о. с., 133.

[3]) Ibidem, 122. Ср. подробности въ Актахъ Лит.-р., т. I, р. 216.

[4]) Ibidem, р. 116.

[5]) Кн. Суд. Д. Л., II, л. 204.

[6]) Ясинскій, 140.

[7]) А. З. Р., I, р 171.

Если судебно-административная и финансовая обособленность земской общины указываетъ не только на ея автономное положеніе въ государствѣ, то въ бытѣ общины были и такія стороны, которыя живо напоминали о ея былой самостоятельности. Даже финансовыя, судебныя и административныя функціи требовали совмѣстной дѣятельности всѣхъ классовъ общества, всей земли. Это мы и видимъ въ дѣйствительности. Основной законъ области, ея уставная грамота, обычно дается не какому нибудь одному классу общества, но всей землѣ. Полоцкая грамота дана боярамъ, мѣщанамъ и всей землѣ, Смоленская—окольничимъ, князьямъ, панамъ, боярамъ, мѣщанамъ, чернымъ людямъ и всему шляхетству, Жлудская—шляхтѣ, боярамъ, кметамъ и всему поспольству и т. д. [1]). Во всѣхъ сношеніяхъ съ правительствомъ фигуритуетъ вся земля. Разумѣется, для управленія и сношеній земля должна была собираться на общія собранія. Дѣйствительно, областныя вѣча, сеймы составляютъ обычное явленіе въ жизни земли. Вѣчевой порядокъ здѣсь никогда не прекращался и впослѣдствіи перешелъ въ повѣтовые сеймики. Но въ литовскій періодъ вѣче остается такой же безпорядочной сходкой всѣхъ жителей земли и на немъ продолжается та же борьба капитала съ трудомъ, большихъ и черныхъ людей, какая хорошо извѣстна изъ удѣльнаго періода. Стоитъ вниманія, для подтвержденія сказаннаго, подробно записанное въ лѣтописи вѣчевое собраніе въ Смоленскѣ при вокняженіи Казимира, или привести нижеслѣдующую цитату изъ оффиціальнаго акта. Король Казимиръ приказываетъ полоцкимъ боярамъ, мѣщанамъ и городскимъ дворянамъ и всему „поспольству“ жить „въ згодѣ межи собою были, а дѣла бы наши городскіе вси згодою, посполу справляли, по давному; а сымались бы (дѣлали бы сеймъ, вѣче) вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймывались здавна; а безъ бояръ, мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“ [2]). Этотъ отрывокъ живо напоминаетъ намъ бытовавшую нѣсколько раньше въ томъ же Полоцкѣ вѣчевую жизнь. Она продолжается и въ Литовскій періодъ съ такимъ же характеромъ, пока, наконецъ, вѣча не смѣнились сеймами шляхты. Но важно, что земскія вѣча имѣли широкую компетенцію. Законодательная власть находилась въ ихъ рукахъ. Можно указать на нѣсколько очень важ-

---

[1]) Ясинскій, о. с., р. 104—105.
[2]) А. З. Р. I, р. 72.

ныхъ мѣстныхъ законовъ, изданныхъ на полоцкомъ вѣчѣ или витебскомъ. Они издавались по совѣту „со всею землею". И эти законы издавались съ согласія „всей земли [1]), или боярами, мѣщанами и „людьми" витебскими [2]). Такъ, напр., Витебскою землею былъ изданъ законъ о вольныхъ похожихъ людяхъ [3]). Витебскіе бояре издали постановленіе о распредѣленіи сторожи, а вся земля Витебская—о работѣ новыхъ замковыхъ городенъ [4]). Полоцкая земля издала постановленіе объ уплатѣ „перейма" за забранный на шляху скотъ [5]). Въ Полоцкой же землѣ, предполагалась „обмова" со всею землею относительно установленія судебныхъ сроковъ [6]). Правда, проявленіе законодательной дѣятельности мѣстныхъ вѣчей становится извѣстнымъ намъ только отъ начала XVI в., когда сами вѣча стремятся перейти въ сеймики одного шляхетства [7]). Но вѣчевая жизнь не новое явленіе, потому что ее и хронологически и по характеру самого вѣча (участіе всѣхъ свободныхъ классовъ общества) можно связать съ древне-русскимъ періодомъ.

Рядомъ съ законодательными функціями, вѣча областей сохранили еще одно важное право: право иностранныхъ сношеній по торговымъ дѣламъ. Характеръ грамотъ, писавшихся изъ Полоцка въ Ригу, не составляетъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ посылались на основаніи вѣчевыхъ постановленій: „А се мы Полочане, вси добрыи люди и малыи" [8]), „отъ всихъ мужъ Полочанъ" [9]), „отъ мѣщанъ Полоцкихъ и отъ всего посполъства" [10]) и пр. Такъ выражаются грамоты. Съ выдѣленіемъ городовъ отъ земли (введеніе магдебурскаго права), Полоцкъ продолжалъ сношенія съ Ригою, до самого распаденія Ордена [11]). Разумѣется, сношенія касались только мѣстныхъ тор-

---

[1]) Зап. Лит., XVI, л. 138.
[2]) Ibidem, л. 5.
[3]) А. Ю. и З. Р., I, р. 79.
[4]) Зап. Лит., IX, л. 45.
[5]) Зап. Лит., XVI, л. 289.
[6]) Ibidem, л. 138 сл.
[7]) Ср. факты, приведенные у М. К. Любавскаго, о. с., р. 873 сл.
[8]) Русско-Лит. Акты, р. 120.
[9]) Ibidem, р. 104.
[10]) Ibidem, р. 203.
[11]) Ср. напр. грамоту 1553 г., ibidem, р. 380.

говыхъ интересовъ, „будетъ ли ся што тыкати дѣла мѣстского", по выраженію одного акта [1]), но самый фактъ и этого рода сношеній весьма характеренъ. Это—остатокъ публичныхъ правъ области. То же сказывается и въ предоставленіи Смоленску и Полоцку взаимно облагать купцовъ того и другого города мытомъ [2]).

Ко всему вышеизложенному надо прибавить, что намѣстникъ—воевода или староста земли является, уже ко времени Витовта, членомъ великокняжеской рады; свое мѣсто въ радѣ онъ занимаетъ какъ представитель земли и, такимъ образомъ, являлся соучастникомъ высшаго управленія въ государствѣ. Намѣстникъ былъ представителемъ великаго князя въ области, но въ радѣ онъ являлся представителемъ земли, и въ этомъ случаѣ его положеніе было сходно съ положеніемъ удѣльнаго князя. Да и вся земля, какъ мы видѣли, привходя въ составъ государства, сохраняла многіе признаки былой самостоятельности. Намѣстникъ замѣняетъ въ области князя, но отношенія намѣстника къ населенію, остаются такими же, какими были при князьяхъ. Ни судебная, ни административная, ни финансовая цѣльность земли не нарушалась; въ ея рукахъ сохраняется даже извѣстная доля внѣшнихъ сношеній. Интересно, что земскій строй сохраняетъ также и внѣшнюю обстановку княженія: дворцовые уряды князя продолжаютъ свое существованіе и при намѣстничьемъ управленіи: въ земляхъ мы встрѣчаемъ мѣстныхъ конюшихъ, ловчихъ, сокольничихъ, бобровничихъ, ключниковъ, окольничихъ и др.; все это обломки княжескаго дворца.

Если внутренній строй земель сохранялъ и въ литовское время свою изстаринную организацію, то неудивительно, что мы съ тѣмъ же явленіемъ встрѣчаемся въ удѣльныхъ княженіяхъ. Правда, великокняжеская политика по отношенію къ удѣламъ подвергалась колебаніямъ, иногда довольно рѣзкимъ. Но эта политика по отношенію къ князьямъ не нарушала жизненнаго уклада самого княжества.

Въ болѣе ранній періодъ Литовско-русскаго государства положеніе удѣльныхъ князей было отлично отъ позднѣйшаго времени.

---

[1]) А. З. Р., I, p. 199.

[2]) Вотъ это мѣсто Смоленской уставной грамоты: „естьли бы Полочане брали на Смолнянохъ мыто отъ соли и отъ воску, и его милость такожъ Смолняномъ велѣлъ брати на Полочанѣхъ мыто отъ соли и отъ воску; а естьли бы Полочане на Смолнянѣхъ не брали, ино и Смолняномъ на Полочанѣхъ не брати" (А. З. Р., I, p. 361).

Пока великіе князья смотрѣли на русскія земли, какъ на военную добычу, удѣлы въ ихъ рукахъ представляли собою передовые полки литовской арміи на востокѣ и югѣ; въ удѣлахъ сидятъ по преимуществу Гедиминовичи. Такъ было, напримѣръ, при Ольгердѣ-Кейстутѣ, когда удѣлы Гедиминовичей опоясывали Литву съ военно-стратегическими цѣлями [1]). Но уже со времени Ягайлы-Витовта положеніе удѣловъ значительно измѣняется. Государство расширяется на востокѣ и юго-востокѣ, удѣлы сохраняются и за Рюриковичами, а сами Гедиминовичи теряютъ связь съ центромъ и становятся вѣрными выразителями мѣстныхъ интересовъ; наконецъ, число удѣловъ и князей сильно увеличивается появленіемъ въ ихъ средѣ сѣверскихъ князей; князья Гедиминовичи постепенно превращаются въ отчичей своихъ удѣловъ и въ этомъ отношеніи они ничѣмъ не рознятся отъ князей Рюриковичей. Подобно тому, какъ при Ягайлѣ-Витовтѣ установились нормы отношеній центральнаго правительства къ землямъ, въ тоже время выработался и характеръ отношеній великаго князя къ удѣльнымъ. Несомнѣнно, смуты при Витовтѣ и сейчасъ послѣ его смерти, въ которыхъ князья принимали столь дѣятельное участіе, пошли въ пользу удѣльныхъ князей: они усилили свою самостоятельность, успѣли установить окончательно договорный характеръ своихъ отношеній къ великому князю. Дѣйствительно, источники эпохи Витовта-Ягайлы иногда, говоря о междукняжескихъ отношеніяхъ, имѣютъ ввиду уже выработанную „пошлину"; давая Спытку Мельштынскому Подолію, Ягайло оговариваетъ условія дачи: cum pleno jure ducali quo ceteri nostri duces Lituaniae et Russiae frui soliti sunt, при чемъ служба отбывается Спыткомъ prout... servire tenentur [2]). Однако коротенькія присяжныя грамоты удѣльныхъ князей великому не говорятъ опредѣленно, въ чемъ заключалась эта „пошлина", очевидно подразумѣвая въ этомъ отношеніи извѣстныя обычныя нормы.

Во всякомъ случаѣ, выработанный жизнью междукняжескій укладъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ древнерусскому удѣльному строю (при новыхъ политическихъ обстоятельствахъ, онъ былъ не примѣнимъ), хотя и несомнѣнно порожденъ послѣднимъ [3]); но въ тоже время этотъ

[1]) Smolka Stan., Kiejstut i Jagiełło, Krak., 1888, p. 10.

[2]) Codex epistolaris Vitoldi, edidit A. Prochaska, № 115.

[3]) Н. П. Дашкевича, Замѣтки по ист. Литовско-русскаго государства, p. 95, и замѣчанія М. К. Любавскаго въ ст. „О распредѣленіи владѣній и объ отноше-

укладъ рисковано было бы отождествлять съ московскимъ удѣльнымъ, хотя послѣднее сравненіе будетъ всетаки ближе къ истинѣ.

Въ зависимости отъ личныхъ и политическихъ обстоятельствъ, отношенія между удѣльными князьями и великимъ подвергались колебаніямъ. Такъ, отношенія между Ольгердомъ и Кейстутомъ, Ягайлою и Кейстутомъ, Скиргайлою, Витовтомъ, Свидригайлою и Сигизмундомъ далеко не похожи на отношенія великаго князья къ другимъ удѣльнымъ, хотя въ нихъ и есть много общаго. Въ древнѣйшій періодъ мы наблюдаемъ сравнительно бóльшую зависимость и старшихъ Гедиминовичей отъ младшихъ и, наоборотъ, младшихъ отъ старшихъ, т. е. отъ великаго князя. Послѣдняя выражалась хотя бы въ томъ, что удѣльные князья Гедиминовичи не скоро, не ранѣе XV вѣка, начинаютъ сознавать себя отчичами своихъ владѣній [1]), и ихъ дѣйствительно можно сравнивать съ велико-княжескими намѣстниками, съ княжескою властью и доходами [2]). Но надо помнить, что и великіе князья, ничего крупнаго, обще-государственнаго, не предпринимаютъ безъ совѣта съ мѣстными князьями. Эти совѣщанія великаго князя съ удѣльными являются, конечно, не актомъ добрыхъ семейныхъ отношеній въ средѣ Гедиминовичей, но трезвымъ пониманіемъ политическаго положенія обѣими сторонами. Но превратившись въ отчичей, князья стали въ болѣе независимыя, менѣе случайныя отношенія къ великому князю. Для нашей цѣли достаточно намѣтить, не входя въ подробности, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ заключалась и чѣмъ выражалась связь между великимъ княземъ и удѣльными и, притомъ какъ разъ въ такомъ періодѣ, когда князья Гедиминовичи осѣдаютъ въ своихъ вотчинахъ и сравниваются въ этомъ смыслѣ съ Рюриковичами, т. е. въ первую половину XV в.

Удѣльный князь долженъ принести „покору", бить челомъ великому [3]); онъ, какъ вассалъ, при торжественныхъ обѣщаніяхъ, прино-

---

ніяхъ между великими и другими князьями Гедеминова рода". (Изданіе Историч. Общ. при Московск. Универ. Годъ I, М. 1886), p. 78.

[1]) Любавскій, p. 81.

[2]) Ibidem, p. 90.

[3]) О князѣ Владимирѣ кіевскомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ „не всхоте покоры учинити и челомъ ударити великому" (В. Б. Антоновичъ, Монографіи, I, p. 233). Ср. Литовскую лѣт. по сп. Красинскихъ, p. 21, 24, 26.

ситъ присягу великому[1]), и при этомъ удѣльный князь „записывался“[2]) великому, т. е. давалъ присяжную грамоту.

Общая черта этихъ грамотъ—обѣщаніе со стороны удѣльнаго князя, вѣрной службы и военной помощи. Такъ грамота луцкаго князя Өедора Любарта 1386 г. королю Ягайлѣ заключаетъ въ себѣ только обѣщаніе вѣрной службы и военной помощи[3]). Въ томъ же году князь смоленскій Юрій Святославовичъ заключаетъ договоръ съ Ягайлою, причемъ главное условіе—„за одинъ быти“ и обѣщаніе военной помощи[4]). Столь же кратки и общія удѣльно-княжескія грамоты, дававшіяся Ягайлѣ въ 1401 г.: всѣ онѣ обѣщаютъ вѣрность королю, какъ высшему сюзерену, въ случаѣ какой либо „пригоды“ кн. Витовту[5]). Латинскіе тексты присяжныхъ грамотъ содержатъ въ себѣ терминологію средневѣковаго феодализма. Такъ Скиргайло, получивъ въ 1387 г. Полоцкъ, даетъ королю omagium fidelitatis sub honore juramenti; fidelis omagialis по этой грамотѣ обязывается соблюдать по отношенію къ королю, королевѣ и коронѣ: fidem, obedientiam, reverentiam et honorem..., fides—заключается въ томъ, что русскія грамоты выражаютъ „быти за одинъ“[6]). Однако князья Симеонъ Лингвеній и Владиміръ Кіевскій, въ своихъ грамотахъ, обѣщая вѣрность, объясняютъ значеніе verus omagialis, какъ debitae subjectionis, obedientiam et omnimodam fidelitatem; они будутъ помогать великому князю *consilio et auxilio*[7]). Если въ первыхъ изъ вышеприведенныхъ договоровъ зависимость удѣльнаго князя отъ великаго весьма незначительна, то въ двухъ послѣднихъ мы уже встрѣчаемся съ терминомъ subjectio, выражающимъ, очевидно, бóльшее подчиненіе. Дѣйствительно, выраженіе подчиненности было не одинаково. Свидригайло называетъ въ одной грамотѣ себя subditus, servitor et adjutor fidelis

---

[1]) Кейстутъ, послѣ побѣды надъ Ягайлою, принималъ присягу отъ вассальныхъ князей cum aspersione sanguinis animalis mactati (Smolka, Kiejstut i Jagiełło, p. 60).

[2]) А. З. Р., I, р. 61.

[3]) Arch. ks. Lubart.-Sang., I, p. 2.

[4]) Ibidem, p. 3—4.

[5]) Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Tomus II continet codicem epistolarem saeculi decimi quinti. Krakow, 1876, p. 22—23. Ср. А. З. Р., I, р 28—29.

[6]) Monumenta etc., II, p. 11—12.

[7]) Ibidem, p. 13—14.

князей Витовта и Ягайлы [1]). Князь Дмитрій Корибутъ, посаженый тѣмъ же Ягайлою въ Сѣверскихъ городахъ, обѣщаетъ великому князю „голдование и вѣрность и послушеньство а также служба и хреста цѣлованіе“ [2]); Корибутъ поддается королю, королевѣ и королевству самъ, съ городами, замками и боярствомъ Сѣверской земли и обѣщаетъ вѣрную службу [3]). Князю Ѳедору володимирскому тотъ же Ягайло въ 1393 году уже отдалъ Сѣверскую землю „до своей воли“ [4]),—tenere, gubernare [5]), что близко подходитъ къ положенію намѣстника. По выраженію присяжной грамоты кн. Ѳедора Воротынскаго королю Казимиру, данной въ 1448 г., удѣльный князь признаетъ полученіе имъ города, какъ ex brachio suo (вел. князя) manutentorem (уд. князя) ac vicarium, обѣщаетъ полную вѣрность и свободу жителей обращаться къ королю [6]). Это уже дача княжества „въ намѣстничество“ [7]).

Въ этихъ древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ, равно какъ и въ присяжныхъ [8]), обоюдныя обязательства очерчены весьма общими штрихами. Вообще требуется только famulatus et servitia exhibere, какъ выражается грамота королевы Ядвиги кн. Ѳедору Острожскому [9]). Однако одна позднѣйшая грамота (1442 г.), представляющая собою договоръ в. кн. Казимира съ кн. Ѳедоромъ Львовичемъ Новосильскимъ и Одоевскимъ, подробно развиваетъ отношенія обоихъ князей. Въ ней интересно прежде всего то, что князь Ѳедоръ „принятъ въ службу“ Казимиромъ по своему „челобитью“. Заключаемое же между ними „докончанье“ воспроизводитъ порядки временъ Витовта. Первое условіе договора: удѣльный князь обязанъ „быть послушнымъ“ великому, но послѣдній держитъ его „во чьсти, и въ жалованьи и въ докончаньи“. Князь Ѳедоръ обязуется платить Казимиру „полѣтнее“. Удѣльный князь отказывается отъ всякихъ политическихъ сношеній съ сосѣдями, но за то великій „боронитъ“ его отъ враговъ. Границы Новосильскаго

---

[1]) Stadnicki K., Bracia Władysława-Jagełły Olgierdowicza. Lw., 1867, p. 324, прим

[2]) Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków. Tom I, Lwów, 1887. p. 9.

[3]) Ibidem, p. 10.

[4]) Ibidem, p. 131.

[5]) Ibidem, p. 13.

[6]) Monumenta, II, p. 35 (прил.).

[7]) Сборникъ Муханова, p. 5.

[8]) А. З. Р., I, p. 28. 29, 30.

[9]) Arch. Sang., I, p. 15.

и Одоевскаго княжествъ остаются прежнія. По смерти Казимира кн. Θедоръ обязуется служить его преемнику и вообще Литовской землѣ; и наоборотъ, наслѣдники Θедора, сохраняютъ положеніе своего отца, владѣя своею „отчиной". Если одна изъ сторонъ нарушитъ заключаемыя условія, то „цѣлованье доловъ, а намъ воля". Далѣе великій князь даетъ судъ всей семьѣ Новосильскихъ въ ихъ спорахъ. Есть также статья и о смѣсномъ судѣ (вѣроятно, въ этомъ смыслѣ надо понимать соотвѣтственную статью); такія дѣла рѣшаются судьями великаго и удѣльнаго князей; но высшей инстанціей считается самъ Казимиръ [1]).

Этотъ договоръ предоставляетъ удѣльному князю значительную долю самостоятельности и совершенно не касается внутренней жизни удѣла. Далѣе, зависимость удѣльнаго князя выражается въ его отказѣ отъ внѣшнихъ политическихъ сношеній, отъ связи съ Москвой. Притомъ, интересенъ пунктъ, предоставляющій право удѣльному князю, въ случаѣ нарушенія договора со стороны великаго, свободнаго выхода изъ службы: такимъ образомъ служба признается вольной. Можно полагать, что этотъ сравнительно полный договоръ оговариваетъ условія, не исключительно принадлежащія княжеству Одоевскому: весьма вѣроятно, что въ коротенькихъ общихъ договорахъ съ другими князьями скрывались тѣже условія и рядъ другихъ еще, о которыхъ до насъ не дошли свѣдѣнія.

Только что изложенныя данныя, характеризующія междукняжескія отношенія, указываютъ на степень политической зависимости удѣльнаго князя отъ великаго. Удѣльный князь является вѣрнымъ слугой великаго; оба связаны „братствомъ"; удѣльный князь помогаетъ великому auxilio et consilio, обязанъ ему вѣрностью, но за то лишенъ права вести внѣшнія политическія сношенія.

По отношенію къ княженію, удѣльный князь получаетъ удѣлъ, но иногда безъ всякаго опредѣленія времени или характера владѣнія; старинные русскіе князья смотрѣли на свой удѣлъ, какъ на вотчину; Гедеминовичи въ болѣе раннее время являются держателями удѣловъ; иногда князья прямо получаютъ „удѣлъ" въ намѣстничество. За то уже въ раннее время выдѣляются удѣлы на „вѣчность" [2]). Нако-

[1]) А. З. Р., I, p. 55.

[2]) Codex epistolaris Vitoldi, № 125; В. Б. Антоновичъ и Козловскій. Грамоты великихъ князей Литовскихъ, p. 1.

нецъ, въ XVI в. встрѣчаемъ удѣлы, которые превращаются въ простыя „имѣнія“ [1]). Такимъ образомъ, въ степени политической зависимости удѣльныхъ князей отъ великаго и въ отношеніяхъ первыхъ къ княженіямъ можно указать нѣсколько градацій.

Но это обстоятельство мало вліяло на внутреннюю жизнь удѣла. Онъ жилъ „по старинѣ“. Объ этомъ прямо говоритъ одна грамота Казимира при передачѣ Брянска князю Ивану Андреевичу Можайскому (1450 г.). Казимиръ приказываетъ жителямъ области — боярамъ, мѣстичамъ и „всимъ мужомъ брянскимъ“, быть послушными князю „*какъ самихъ насъ*“: служба съ отчинъ и имѣній должна идти теперь на удѣльнаго князя. Но при этомъ правительство требуетъ и отъ князя: „а ему васъ приказами есмо съ вашихъ имѣній не гнати а ни отнимати, а въ церковное ся ни во што ни вступати, а суды судити *по старинѣ*, какъ *у васъ* издавна пошло, а своихъ новыхъ судовъ, и никоторыхъ пошлинъ новыхъ не вводити“ [2]). Сама государственная власть, какъ видимъ, обязываетъ князя управлять удѣломъ по старинѣ. Но вся сила удѣльнаго князя заключалась въ сохраненіи „старины“, какъ въ предѣлахъ княжества, такъ и въ отношеніяхъ его къ великому князю: всякое нововведеніе нарушало бы и ту самую „старину“, на которой зиждилось существованіе удѣла.

Дѣйствительно, въ своемъ удѣлѣ князь носитъ всѣ признаки господаря — отчича. Подобно древне-русскому князю, удѣльный окруженъ боярскою думою, съ нею онъ судитъ и рядитъ обо всѣхъ дѣлахъ. Среди этой думы встрѣчаемъ служилыхъ князей, владыкъ и друг. духовныхъ лицъ, бояръ, пановъ, простыхъ „слугъ“, дворянъ и дьяковъ [3]), наконецъ, разныхъ должностныхъ лицъ княжескаго дворца: канцлера [4]), подканцлераго [5]), маршалка земскаго [6]), и просто маршалковъ [7]), старостъ [8]) (на Волыни у Свидригайлы), воеводъ [9]) „дядку дѣтей“ княжескихъ [10]), подскарбіевъ, тиву-

---

[1]) А. З. Р., I, p. 163, 185.

[2]) А. З. Р., I, p. 67.

[3]) Напр. Arch. ks. Lub.-Sang, I, p. 30, 45, 58; А. З. Р., I, p. 60; А. Ю. З. Р., I, p. 24, 294; т. II, p. 107; Вил. Археогр. Сб., VII, p. 3; Акты Вил. Арх. К., III, p, 4.

[4]) А. Ю. З. Р., I, p. 11, Arch. Sang., I, p. 41.

[5]) Arch. Sang., I, p. 44; Антоновичъ, Грамоты, p. 6

[6]) Arch. Sang., I, p. 43—44; Антоновичъ, Грамоты, p. 6.

[7]) Arch. Sang., I, p. 35. 50; А. Ю. З. Р., I, p. 11; Антоновичъ, Грамоты, p. 11.

[8]) А. Ю. З. Р., I, p. 11; Arch. Sang., I, p. 44, 45, 47.

[9]) А. Ю. З. Р., I, p. 234; Arch. Sang., I, p. 58, 8—9.

[10]) Arch. Sang., I, p. 50.

новъ [1]), подвойскихъ [2]), крайчихъ [3]), подкоморыхъ [4]), ключниковъ [5]) и др. Князь дѣйствительно пользуется совѣтами своей рады: помѣта ихъ именъ на грамотахъ не простое указаніе на присутствіе свидѣтелей. Князь Юрій Святославичъ Смоленскій заключаетъ договоръ съ Ягайлою: „а то есмь учинилъ и записалъ своею доброю волею и своими князьми и своими бояры“ [6]). Князья и бояре князя Корибута Новгородъ—Сѣверскаго „слюбуютъ“ королю Ягайлу за своего князя [7]); в. кн. Свидригайло. какъ и другіе удѣльные князья [8]), раздаетъ села своимъ служилымъ боярамъ, „порадившися съ князи и паны, з нашою вѣрною радою“ [9]) или „порадившися з нашою вѣрною радою, съ князи и паны“ [10]) и т. д. [11]). Князья не разстаются и съ титуломъ „божьею милостью“ [12]) или „божьею милостью и здоровьемъ господаря“.

Въ своемъ удѣлѣ князю принадлежитъ обширная власть. Здѣсь онъ прежде всего пользуется судомъ [13]). Вслѣдствіе фискальнаго взгляда на судъ въ древней Руси, удѣльный князь можетъ отказаться отъ суда при пожалованіи частному лицу населенной земли [14]). Удѣльный князь распоряжается раздачею земель на условіяхъ военной службы [15]), или просто записываетъ ихъ на монастыри и церкви [16]); удѣльный князь санкціонируетъ сдѣлки частныхъ лицъ, касающіяся купли, продажи земли [17]). Князь можетъ распорядиться своимъ удѣломъ по завѣщанію [18]),

---

[1]) Ibidem, p. 2.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, p. 45.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem, p. 47.

[6]) Ibidem, p. 4 (Русск. Историч. Библ., II, p. 8; А. Ю. З. Р., II, p. 102; Monumenta m. aevi, II. p. 8).

[7]) Ibidem, p. 9.

[8]) Напр., А. З. Р., II, p. 29.

[9]) Arch. Sang., I, p. 30; ср. p. 33, 35 и др.

[10]) А. Ю. З. Р., I, p. 11.

[11]) Ibidem, p. 12, №№ 21, 24, 25, 30; Грамоты Антоновича, p. 5.

[12]) А. Ю. З. Р., I, p. 26.

[13]) Напр., А. Ю. З. Р., I, p. 42, 296.

[14]) А. З. Р., I, p. 201. А. Ю. З. Р., I, p. 60.

[15]) Напр., Виленск. Арх. Сб., VII, p. 2—3. А. Ю. З. Р, I, p. 8, 11, 31. Акты Виленск. Арх. Ком., XIII, p. 3—4, p. 1. Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ Вел. Кн. Лит., p. 106, 217, 218, 261. 267, 328.

[16]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII. т. I, p. 211; Arch. Sang., III, p. 4—8, 14—25. Грамоты вел. кн. Лит. В. Б. Антоновича и Козловскаго, p. 9—10.

[17]) А. З. Р., I 70

[18]) Skarbec Даниловича, № 1822.

или выдѣлить изъ него части въ вѣно дочерямъ [1]); послѣдніе способы распоряженія, вѣроятно, совершались съ согласія великаго князя. Въ своемъ удѣлѣ князь собиралъ въ свою пользу подати съ населенія и слѣдилъ за отбываніемъ имъ повинностей.

Власть удѣльнаго князя носитъ всѣ признаки вотчинной. Рада, которою онъ окруженъ, состоитъ преимущественно изъ представителей дворцовыхъ должностей. Отношеніе государя къ суду и повинностямъ населенія—наилучшее свидѣтельство успѣховъ государственнаго начала. Въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемся съ вполнѣ вотчинными принципами. Судъ и доходы разсматриваются съ точки зрѣнія частно-правной. Князь Мстиславскій, жалуя селеніемъ своего боярина, отказывается отъ суда въ селеніи, отъ посылки въ него дѣцкихъ „маеть онъ самъ людей своихъ судити и рядити, кромъ тятбы и душегубства": жалуемое лицо освобождается отъ всякаго рода пошлинъ „и подачекъ" въ пользу князя [2]). Свидригайло жалуетъ своему боярину среди другихъ даней и мыто [3]). Князь Верейскій даетъ своему боярину корчму вольную [4]) и т. д. Даже монастыри переходятъ въ частное пользованіе „за службу", по пожалованію удѣльнаго князя [5]). Однимъ словомъ, князь можетъ дать землю съ населенными на ней своими подда́ными, со всѣмъ, что къ тѣмъ селамъ, „изъ вѣка и здавна слушало и тягло" [6]), т. е., конечно, въ томъ числѣ и права государственнаго характера. Наконецъ слѣдуетъ прибавить, что удѣльнымъ князьямъ принадлежало право собиранія мытныхъ сборовъ [7]).

Подобнаго рода дачи наполняютъ содержаніе жалованныхъ грамотъ, выданныхъ удѣльными князьями. Впрочемъ князья обычно оставляютъ за собою военную службу тѣхъ лицъ, которые получаютъ пожалованіе,—„которую (службу) потому изъ другими боярьми нашими мстиславскими повинни будутъ отправовать" [8]).

---

[1]) А. З Р., I, 185.
[2]) А. Ю. З. Р., I, р. 60.
[3]) Ibidem, р. 11.
[4]) Изданные мною Документы Московскаго Архива Мин. Юст., I. р. 95.
[5]) А. Ю. З. Р., I, р. 8—9.
[6]) Антоновичъ и Козловскій, Грамоты, № 3.
[7]) Акты Лит.-рус. государ., I, р. 63.
[8]) Акты Виленск. Арх. Ком., XIII, р. 1.

Однако служба у удѣльнаго князя носитъ всѣ свойства частнаго соглашенія, но не повинности [1]): служилый человѣкъ несетъ свои обязанности по отношенію къ удѣльному князью и пользуется его жалованьемъ до тѣхъ поръ, пока находитъ это для себя выгоднымъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ оставить пожалованную ему землю и уйти на службу къ другому господарю [2]). Государство не имѣло никакихъ отношеній къ этимъ соглашеніямъ удѣльнаго князя и его служилыхъ людей. Впрочемъ, удѣльный князь могъ пожаловать имѣніе съ освобожденіемъ отъ всякихъ повинностей и на условіяхъ „кому хотя служити", и, такимъ образомъ, извѣстная часть территоріи совсѣмъ выходила изъ княжества.

Источники иногда называютъ всю сумму правъ, принадлежавшихъ удѣльному князю, plenum jus ducale [3]). Съ этимъ можно согласиться, понимая объемъ jus ducale, въ смыслѣ вотчиннаго по стольку, по скольку это jus не сталкивается съ государственными интересами. Дѣло въ томъ, что, будучи вотчиннымъ государемъ, удѣльный князь былъ связанъ съ государствомъ политическими и военно-финансовыми отношеніями. Государство иногда и вторгается въ ихъ сферу, хотя источники въ данномъ отношеніи не совсѣмъ ясны. Такъ, въ нѣкоторыхъ междукняжескихъ грамотахъ встрѣчаемъ условіе, по которому населенію дозволяется обращаться къ великому князю „о чемъ имъ будетъ надобѣ" [4]). Можно указать на единичные случаи вмѣшательства государства въ раздачу имѣній удѣльнымъ княземъ [5]), или ограниченія его правъ въ этомъ отношеніи необходимостью согласія великаго князя на такую дачу земли, когда послѣдняя выходила изъ службы и тѣмъ уменьшала военно-

[1]) Въ этомъ отношеніи характерно слѣдующее свидѣтельство. Князь Сем. Юр. Слуцкій даетъ своимъ землякамъ землю, такъ какъ они „powidali, że ich iest otczyzny, chotiaczy nam ku służbie zemskoy koń stawity", Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т I, р. 211.

[2]) Антоновичъ и Козловскій, Грамоты, р. 4.

[3]) Arch. Sang., I, № 19.

[4]) Сборникъ Муханова, р. 5.

[5]) На основаніи подобныхъ отдѣльныхъ случаевъ г. Грушевскій дѣлаетъ слишкомъ широкій выводъ, ср. его замѣчанія въ „Запискахъ товариства имени Шевченка", т. XXXI—XXXII, „До питання про правно державне становище" и т. д.; факты вмѣшательства вел. кн. см., напр., у Ѳ. И. Леонтовича, Очерки исторіи Лит.-русск. права, р. 137; у М. К. Любавскаго, въ статьѣ о распредѣленіи владѣній и пр. (о. с., р. 95-6).

финансовую силу княжества [1]). Во внѣшнихъ сношеніяхъ великокняжеское правительство принимаетъ на себя обязательства, касающіяся иногда внутренняго строя удѣльнаго княжества: такъ, въ договорѣ Казимира съ Борисомъ Тверскимъ, великій князь литовскій обязуется не налагать новыхъ пошлинъ на тверскихъ купцовъ; это обязательство относится и къ Кіевской землѣ, хотя въ то время тамъ сидѣлъ кіевскій отчичъ князь Олелько [2]).

Само стремленіе центральнаго правительства къ удержанію „старины“ въ отношеніяхъ удѣльнаго князя къ удѣлу является актомъ ограниченія власти послѣдняго, потому что князю предписывается извѣстная программа дѣйствій. Въ этомъ отношеніи любопытна тяжба пинскихъ мѣщанъ со своею княгинею Марьею Семеновной Александровичъ. Тяжба происходила въ 1501 году 24 марта. Тутъ интересенъ уже самый фактъ обращенія съ жалобою подданныхъ удѣльнаго князя къ великому. Пинскіе мѣщане жалуются послѣднему на „кривды“ и „новины“, учиненныя имъ княгинею: она беретъ отъ нихъ подводы „на свои потребы, гдѣ хотѣла“, сдавала имъ корчмы по высокой цѣнѣ, брала и другіе поборы не по старинѣ. Все это „новины“ сравнительно съ порядками, господствовавшими при великихъ князьяхъ Жигимонтѣ и Казимирѣ; послѣдніе, своими грамотами на имя намѣстниковъ, утвердили „старину“ мѣщанамъ, возстановленіе которой они теперь и требуютъ. Господарь, дѣйствительно, подтверждаетъ всю „старину“ мѣщанамъ: „имъ новинъ никоторыхъ не вводити, подлугъ листовъ великого князя Жигимонта и отца нашого короля его милости; а господаромъ Пинскимъ держати ихъ потому, какъ бывало за великаго князя Витовта и за Жигимонта и перво сего за отца нашого“ [3]).

Однако категоричность настоящаго господарскаго постановленія нѣсколько смягчается вторичнымъ рѣшеніемъ по тому же дѣлу, состоявшимся всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ перваго (10 іюня).

---

[1]) Такой фактъ встрѣчается въ присяжной грамотѣ Скиргайлы 1387 г.: онъ долженъ испрашивать разрѣшеніе короля на пожалованіе земель церкви. (Monumenta Medii aevi, т II, p. 12). Можетъ быть, такое условіе поставлено потому, что церковныя земли выходили изъ службы, или же объясняется чисто случайными обстоятельствами. По крайней мѣрѣ свободная раздача земель удѣльными князьями не можетъ подлежать сомнѣнію.

[2]) А. З. Р., I, p. 66.

[3]) А. З. Р., I, p. 226 - 7.

Въ послѣднемъ случаѣ мѣщане уже жаловались на князя Ѳедора Ярославича. Содержаніе жалобы то же самое, но рѣшеніе нѣсколько уклончивое. Относительно подводъ, господарь постановилъ, что княжескій намѣстникъ долженъ держать мѣщанъ согласно листа великаго князя Жигимонта; относительно корчемъ, господарь нашелъ, что въ листахъ Сигизмунда „не вписано врокомъ“, почему князь Ѳедоръ имѣетъ право сдавать по какой угодно ему цѣнѣ корчмы: если мѣщане найдутъ его предложеніе невыгоднымъ для себя, они могутъ и не держать корчемъ. Однако, господарскій листъ въ извѣстной степени высказывается при этомъ, съ принципіальной точки зрѣнія, о положеніи отчинника въ своей отчинѣ: „маетъ его (городъ) держати, такъ какъ-то отчичъ, прибавляючи и расширяючи, какъ то самъ налѣпѣй розумѣючи, какъ то *господарь отчинный свое имѣнье*“ [1]). Если въ данномъ случаѣ интересенъ самый фактъ вмѣшательства центральнаго правительства въ сферу внутренней жизни княжества [2]), то не менѣе важно и то, что и это вмѣшательство исходитъ не отъ самого правительства [3]) и рѣшенія его имѣютъ болѣе политическій характеръ, чѣмъ юридическій: по крайней мѣрѣ нѣсколько противорѣчивые выроки по совершенно однородной жалобѣ можно объяснить только причинами перваго рода. Съ другой стороны, въ первомъ случаѣ великій князь предоставляетъ удѣльному руководствоваться распоряженіями правительства, сдѣланными имъ его намѣстнику и, такимъ образомъ, какъ бы приравниваетъ князя къ намѣстнику; во второмъ случаѣ рѣзко подчеркивается вотчинная власть князя, и только его намѣстникъ обязанъ считаться со „стариною“, закрѣпленной раньше великими князьями. Въ обоихъ случаяхъ однако, правительство старается отстаивать авторитетъ своихъ распоряженій и „старины“, ставя то и другое выше распоряженій князя. Смѣшеніе удѣльнаго князя съ намѣстникомъ, съ одной стороны, и съ вотчинниками, съ другой, имѣетъ историческое происхожденіе, и данный фактъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о томъ, что центральное правительство еще

---

[1]) Ibidem, p. 227.

[2]) Ср. замѣчанія объ этихъ грамотахъ и о власти удѣльнаго пинскаго князя у Ѳ. И. Леонтовича, Очерки исторіи Лит.-р. права, р. 130 слл.

[3]) Люстрація Кіевской земли 1471 г., составленная великокняжескимъ правительствомъ сейчасъ послѣ уничтоженія удѣла, полна жалобами жителей на новины, введенныя княземъ Олелькомъ; однако нѣтъ никакихъ намековъ на то, чтобы великокняжеская власть препятствовала князю вводить эти новины.

накануне XVI в. не вполне освободилось отъ исторической традицiи и не вполне усвоило себе определенную точку зренiя. Конечно, правительство, ограничивая вотчинную власть удельнаго князя, считалось съ лицами и обстоятельствами, поводы къ вмешательству не были часты. Вотъ почему въ рукахъ удельнаго князя оставалась весьма обширная вотчинная власть.

Однако, въ стремленiи центральнаго правительства установить связь съ подданными удельныхъ князей, давать имъ въ высшей инстанцiи судъ и управу, регулировать, насколько возможно, отношенiя между населенiемъ и удельнымъ княземъ, очевидно одно, что верховная власть во всехъ этихъ случаяхъ пытается создать отношенiя государственнаго характера.

То же стремленiе правительства къ установленiю государственныхъ отношенiй къ удельнымъ князьямъ заметно и въ определенiи той „службы", которую обязывались нести князья.

Повинностныя отношенiя князей и земель къ центральному правительству составятъ предметъ особаго очерка въ связи съ историческимъ обзоромъ податей и повинностей. Вотъ почему здесь, для нашей ближайшей цели, достаточно будетъ беглыхъ замечанiй о характере этихъ отношенiй. Князья и земли одинаково обязаны были поставлять военные контингенты; военная земская служба техъ и другихъ является повинностью. Кроме этой повинности, населенiе обязано еще принимать участiе въ постройке замковъ и въ стацiйной и въ подводной повинностяхъ, т. е. доставлять подводы и кормъ господарскимъ посламъ и гонцамъ. При этомъ мы встречаемся и съ прямою податью публичнаго характера: князья и земли одинаково принимаютъ участiе во взносахъ на общегосударственныя нужды; взносы эти, можетъ быть, первоначально были только дарами „помочью", но они имеютъ связь съ началомъ прямой подати. Даже великiй князь, какъ глава государства, пользуется особымъ правомъ—получать стацiи, т. е. кормъ для себя лично и своей свиты, и подводы съ населенiя при переездахъ своихъ по землямъ и княженiямъ; эти стацiи ведутъ свое начало отъ древнерусскаго полюдья и сопровождаются, повидимому, дарами великому князю отъ населенiя. Характеръ и исторiя стацiи—полюдья таковы, что заставляютъ предполагать, что ими выражались подданническiя отношенiя населенiя и его представителей (князей, наместниковъ) къ государю. Особенности великокняжеской политики по отношенiю къ повинностямъ населенiя земель

и княженій заключаются въ томъ, что верховная власть стремится стать въ непосредственную связь съ населеніемъ, хотя—необходимо сейчасъ же сдѣлать оговорку,—это были только попытки. Такъ, есть указанія на то, что она регулируетъ подводную повинность въ удѣльныхъ княженіяхъ. Такимъ образомъ, извѣстныя повинности (земская военная служба, городовая работа, сторожа, подводная повинность, стаціи) рано принимаютъ публичный характеръ, что замѣчается уже въ эпоху сложенія государства; въ той же эпохѣ коренится и зачатокъ прямой общегосударственной подати.

Изложенные выше факты, касающіеся положенія въ государствѣ земель и удѣльныхъ княженій, даютъ право на заключеніе объ извѣстномъ сходствѣ отношеній тѣхъ и другихъ къ центральной власти. Сходство это имѣетъ прежде всего историческія основанія: и земли и князья привходятъ въ составъ государства на условіяхъ, носящихъ въ себѣ слѣды договорнаго начала. Въ уставныхъ грамотахъ землямъ эти слѣды выступаютъ рѣзче, чѣмъ въ договорныхъ съ князьями; политика правительства по отношенію къ землямъ однообразнѣе и устойчивѣе, чѣмъ относительно княженій. Объединеніе земель совершается съ государственными цѣлями и въ самомъ актѣ его лежитъ въ извѣстной степени принужденіе: заключенные великимъ княземъ съ землями и удѣльными князьями договоры, являются, въ историческомъ отношеніи, договорами сильной стороны съ болѣе слабой. Но и князья и земли привходятъ въ составъ государства съ сохраненіемъ мѣстной старины во всѣхъ ея отношеніяхъ. Эта старина древне-русская. Она сохранилась, въ видѣ обломковъ, въ политической сферѣ и, главнымъ образомъ, въ области внутренней жизни. Эта же древне-русская старина внесла въ государственную жизнь смѣшеніе вотчиннаго и государственнаго принципа съ здоровыми зачатками послѣдняго. По своему отношенію къ управляемой области удѣльно-княжеская власть носитъ вотчинный характеръ. Земля, какъ политическое цѣлое, не была свободна отъ того-же. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ вольныхъ общинахъ, отдѣленіе государственнаго принципа отъ вотчиннаго менѣе замѣтно, чѣмъ въ княжествѣ, и вообще вольная община заключаетъ въ себѣ больше элементовъ государственныхъ, чѣмъ вотчинныхъ [1]). Вотъ почему и въ бытѣ литовско-русскихъ областей не легко выдѣлить оба элемента. Однако есть нѣ-

[1]) Ср. замѣчанія Чичерина, Курсъ государственной науки, ч. I, М. 1894, 117 сл.

которыя черты, которыя, вѣроятно, имѣютъ вотчинный характеръ. Такъ, въ пользованіи общинъ встрѣчаются торговые и мытные сборы, перевозы [1]); доходы отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и поступаютъ въ земскую казну, но какъ мы видѣли раньше, распредѣляются „на-полы“ между различными классами, составляющими общину: пользованіе Полоцкою землею бобровыми гонами имѣетъ также не политическую цѣль, но частноправную. Такой же характеръ имѣютъ и раздѣлы судебныхъ пошлинъ.

Такимъ образомъ, вотчинный принципъ составляетъ рѣзкую черту областной жизни. Въ силу цѣлаго ряда условій, которыхъ не разъ еще придется касаться, этотъ принципъ имѣлъ возможность дальнѣйшаго развитія именно здѣсь. Но это обстоятельство не помѣшало развитію государственныхъ принциповъ въ устройствѣ самаго государства. И въ данномъ случаѣ Литовско-русское государство почерпнуло свои силы въ основахъ древне-русской жизни, сообразуясь съ назрѣвающими потребностями времени.

Дѣло въ томъ, что уже въ до-литовской Руси мы встрѣчаемся съ зачатками государственныхъ взглядовъ на власть и управленіе, хотя рядомъ съ этимъ существуютъ и вотчинные принципы. Впрочемъ, иногда придаютъ слишкомъ большое значеніе государственному развитію древней Руси, но это не совсѣмъ вѣрно. Здѣсь мы встрѣчаемся только съ смѣшеніемъ понятій публичнаго и частнаго права, вообще вполнѣ свойственномъ при невысокомъ государственномъ развитіи народа. Оба элемента, публичный и частный, сливаются на столько, что публично-правовыя фунцкіи власти пріобрѣтаютъ частноправный характеръ, и, наоборотъ, частныя отношенія принимаютъ публично-правовый оттѣнокъ. Государственная власть превращается въ частную собственность; но эта собственность, въ свою очередь, обслуживаетъ государственные интересы народа. Такое міровоззрѣніе можно констатировать въ древней Руси. Но замѣчательно то обстоятельство, что въ ней же заключались весьма здоровыя начала государственной жизни, Князь является собственникомъ суда, администраціи, различныхъ реальныхъ услугъ, оказываемыхъ имъ населенію (вѣсы, волоки, наблюденіе за правильностью и безопасностью торговли, за торговыми рынками и проч.); за всѣ эти услуги населенію князь получаетъ сборы въ свою

---

[1]) А. З. Р., I, p. 199.

пользу [1]), онъ эксплоатируетъ различныя оброчныя статьи и собираетъ дани и оброки, наконецъ, онъ самъ развиваетъ свою личную предпринимательную дѣятельностъ. Считая вотчинной собственностью свои услуги населенію по судебно-административной дѣятельности, князь однако сталкивался съ такими элементами, которые препятствовали полному освоенію вотчинной властью государственныхъ обязанностей. Эти элементы находились въ средѣ того самого общества, которымъ управлялъ князь. Это общество, т. е. все населеніе княжества, составляло земскую общину. Рядомъ съ княжескимъ управленіемъ существуетъ земское, рядомъ съ княжескою властью существуетъ власть земли, представляемая вѣчемъ. Комбинація обѣихъ властей, ихъ взаимодѣйствіе и являются тѣмъ тормазомъ, который помѣшалъ полному освоенію княземъ своей власти. Вообще, городскія общины, по справедливому признанію историковъ, играютъ весьма важную роль въ дѣлѣ развитія государственныхъ понятій и учрежденій: на Руси [2]), какъ и въ западной Европѣ [3]), онѣ въ этомъ отношеніи имѣли громадное значеніе. Другимъ важнымъ элементомъ, препятствовавшимъ полному развитію вотчиннаго принципа въ древней Руси было то, что князь едва ли сдѣлался вотчиннымъ собственникомъ всей территоріи: если послѣднее мнѣніе можетъ быть оспариваемо по отношенію ко всей Руси, то его надо признать, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ такимъ общинамъ, какъ Новгородъ и Псковъ и, судя по аналогіи, Полоцкъ.

Объединенное Литовско-русское государство восприняло отъ древней Руси смѣшеніе вотчиннаго и общественно-правоваго началъ, съ явнымъ перевѣсомъ послѣдняго. Преобладаніе государственнаго принципа произошло по двумъ причинамъ. Во первыхъ, внѣшнія политическія обстоятельства вызывали къ жизни начала послѣдняго рода. Нѣсколькими страницами раньше было показано, какъ въ нѣдрахъ самой Литвы наростали, вслѣдствіе борьбы съ врагами, потребности

---

[1]) Ср. замѣчанія въ книгѣ Липперта о генезисѣ обложенія, Social-Geschichte Böhmen in Vorhussitischer Zeit., B. I, 1896, въ третьей главѣ.

[2]) Ср. выводы, къ которымъ пришелъ Дитятинъ относительно политическаго значенія древнерусскихъ городовъ, Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I, СПБ., 1873, p. 114 и др.

[3]) Напомнимъ о выводахъ, къ которымъ пришелъ Гирке при изученіи городского строя въ Западной Европѣ. Das Deutsche Genossenschaftsrecht, особ. замѣчанія на стр. 300–301.

государственнаго характера. Если принять во вниманіе, что русскія области также были вовлечены Литвою въ борьбу съ Орденомъ, Москвою и Татарами, то легко согласиться на томъ, что все государство находилось въ однородныхъ условіяхъ; съ другой стороны, такъ какъ въ древней Руси уже извѣстны были нѣкоторыя изъ повинностей общественнаго-правоваго характера (укрѣпленіе городовъ, военное земское ополченіе), то нетрудно также предположить, что литовское правительство воспользовалось въ собственныхъ фискальныхъ видахъ уже существующими въ русскихъ областяхъ повинностными отношеніями. Изъ послѣдующаго изложенія можно будетъ убѣдиться въ томъ, что вся система обложенія Литовско-русскаго государства имѣетъ свое начало въ древней Руси. Такимъ образомъ, нѣкоторыя повинности и подати, изъятыя государственною властью изъ мѣстнаго обихода, (князей и земель), начинаютъ отбываться населеніемъ въ цѣляхъ обще государственныхъ и пріобрѣтаютъ, слѣдовательно, публично-правовой характеръ [1]). За то цѣлый рядъ другихъ налоговъ, имѣвшихся въ распоряженіи составныхъ частей государства (князей, земель), тѣмъ самымъ принимаетъ рѣзко выраженный вотчинный характеръ, даже въ томъ случаѣ, если, по идеѣ своей, эти повинности могли бы служить государственнымъ цѣлямъ. Для поясненія приведемъ примѣръ. Въ древней Руси были извѣстны нѣкоторыя формы прямой подати. Онѣ, конечно, употреблялись иногда и въ государственныхъ цѣляхъ (напримѣръ, для содержанія дружины, какъ постояннаго войска, снаряженіе посольствъ и пр.). Прямыя подати перешли и въ удѣльныя княженія литовскаго періода; но такъ какъ въ государствѣ съ теченіемъ времени установились однообразныя прямыя подати публичнаго назначенія, то мѣстныя подати перешли въ руки вотчинниковъ, пріобрѣтя, такимъ образомъ, вполнѣ частный характеръ. Итакъ, первая причина, способствовавшая проникновенію государственнаго начала въ строй Литовской Руси, заключалась въ обстоятельствахъ, созданныхъ

---

[1]) Публично-правовая подать отличается отъ частно-правовой, между прочимъ, своимъ принудительнымъ характеромъ. Ср. замѣчанія въ курсѣ акад. Янжула, Основныя начала финансовой науки, изд, 1890 г., р. 21—23. Впрочемъ представители финансовой науки обыкновенно смотрятъ на публичный или частный характеръ налоговъ не съ исторической точки зрѣнія, но исходятъ изъ современныхъ отношеній подданнаго къ государству (ср., напр., Рау, Основныя начала финансовой науки въ пер. Лебедева, т. I, р. 76—77), почему историкъ и не находитъ въ этихъ опредѣленіяхъ достаточной полноты.

положеніемъ государства среди сосѣднихъ. Другая причина коренится въ самомъ способѣ образованія государства, именно въ его федеративномъ строѣ. Несомнѣнно, даже разсуждая теоретически, федеративное государство создается въ цѣляхъ государственныхъ и по отношенію верховной власти къ составнымъ частямъ государства носитъ публичный характеръ. Верховная власть выдѣляетъ себѣ только сферу публичныхъ правъ и обязанностей, оставляя въ рукахъ мѣстныхъ элементовъ вотчинныя права. Такъ именно произошло въ данномъ случаѣ: по отношенію къ землямъ и удѣльнымъ княженіямъ великій князь былъ государемъ. Вотъ почему и тѣ подати и повинности, корыя несли составныя части государства, рано получили публичный характеръ и не только въ идеѣ, но и на практикѣ, шли въ пользу всего государства.

До сихъ поръ рѣчь шла объ отношеніи къ великому князю двухъ составныхъ частей территоріи государства—о земляхъ и удѣльныхъ княженіяхъ; но была, какъ мы знаемъ, и еще одна составная часть—собственно Литовское княжество. Господарь на Трокахъ и Вильнѣ, по качеству своей власти является какъ бы раздвоеннымъ. По отношенію ко всей территоріи государства—онъ государь, а по отношенію къ своей отчинѣ—онъ такой же князь вотчинникъ, какъ и любой изъ подвластныхъ ему удѣльныхъ. Но такъ какъ эта двойственность объединялась въ одномъ лицѣ, то смѣшеніе вотчиннаго и государственнаго принциповъ отразилось на весьма многихъ сторонахъ государственной жизни, и повело къ борьбѣ обоихъ принциповъ; только къ концу изучаемаго періода можно констатировать полную побѣду государственнаго начала. Разумѣется, сфера повинностныхъ отношеній населенія къ государю, по самому существу своему, такова, что на ней съ особою рѣзкостью выдѣляется принципъ вотчинный и государственный; въ ней же наиболѣе рельефно выступаетъ послѣдовательный ростъ послѣдняго. Здѣсь нѣтъ надобности подтверждать примѣрами сказанныя только что заключенія, такъ какъ послѣдующій историческій обзоръ податей и повинностей доставитъ намъ массу соотвѣтственныхъ фактовъ. Не безынтересно, быть можетъ, только замѣтить, что смѣшеніе обоихъ принциповъ выходило за предѣлы собственно финансовыхъ отношеній и отразилось на многихъ другихъ сторонахъ государственной жизни. Такъ самое распредѣленіе территоріи государства на земскую и господарскую (вотчинную) имѣетъ своимъ источникомъ именно вліяніе обоихъ прин-

циповъ. Въ области финансовыхъ отношеній это положило начало раздѣленію на скарбъ господарскій и земскій: именно въ двойственномъ отношеніи великаго князя къ задачамъ управленія и подвластной ему территоріи надлежать зачатки такого дѣленія. Съ другой стороны, въ области управленія великій князь литовскій является то отчичемъ, то государемъ, отчего при немъ появляются двойные органы дворцовой администраціи—земскіе и дворные, такъ какъ одинъ и тотъ же дворецъ великаго князя былъ вотчиннымъ дворцомъ и дворомъ государя.

Такимъ образомъ, при государѣ появляются: подскарбій дворный и земскій, маршалки дворные и земскіе, конюшіе, чашники и другіе чины, или рядомъ съ дворными урядами появляются подъ-уряды (подчашій, подстолій и пр.[1]) и тоже дѣлятся на земскіе и дворные; и въ то же время въ областяхъ существуютъ почти всѣ тѣ же чины мѣстнаго характера. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ интересный фактъ, что даже въ источникахъ сравнительно поздняго времени отражается истинное назначеніе дворцовыхъ урядовъ: дворные имѣли значеніе только въ вотчинѣ великокняжеской, а земскіе во всемъ государствѣ. Такъ, давая конюшее дворное Вас. Богдановичу кор. Сигизмундъ I опредѣленно указываетъ, что это „конюшое дворное у *отчизне нашой* великомъ князьстве Литовскомъ“ [2]). Между тѣмъ, какъ извѣстно, эти двойные чины, съ теченіемъ времени, утрачиваютъ свое значеніе и дворные уряды, превращаются въ простые титулы, по мѣрѣ того, какъ и самъ господарь становится земскимъ урядомъ, государемъ.

У себя въ вотчинѣ великій князь литовскій оказался не въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ составнымъ ея частямъ. Можно различить нѣсколько соціальныхъ группъ, изъ которыхъ складывалось населеніе вотчины. Эти соціальные элементы были не новаго происхожденія и не принадлежали исключительно вотчинной территоріи великаго князя.

Въ общемъ существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что сословная группировка населенія сложилась въ Литовско-русскомъ го-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи въ Литовско-русскомъ государствѣ замѣчается тотъ же процессъ въ дѣлѣ образованія урядовъ, что и въ Польшѣ. Ср. Lelewela, Polska, dzieje i rzeczy jej, t. II (Poznań, 1866 г.), p. 15 и др.

[2]) Кн. Записей Литов., XII, л. 160 (1529 годъ)

сударствѣ исключительно подъ польскимъ вліяніемъ и что она является, такимъ образомъ, прямымъ заимствованіемъ изъ Польши. Такъ объясняется, напримѣръ, образованіе магдебургскихъ городовъ, какъ прямое слѣдствіе полонизаціонной политики Ягайлы и его преемниковъ, причемъ эта политика проводится будто бы вполнѣ сознательно [1]). Въ дѣлѣ образованія шляхетскаго сословія столь же почтенное мѣсто отводится вліянію извѣстныхъ привилеевъ Ягайлы литовскому шляхетству [2]). Развитіе крѣпостнаго права также относятъ въ значительной мѣрѣ на счетъ вліянія польскихъ порядковъ. Отсюда не далеко до крайностей въ данномъ направленіи. Такія крайности иногда встрѣчаются въ сочиненіяхъ, даже весьма недавно вышедшихъ въ свѣтъ. Такъ, профессоръ Ѳ. И. Леонтовичъ, приведшій въ одной изъ своихъ предшествующихъ работъ столько данныхъ, доказывающихъ широкое значеніе русскихъ правовыхъ началъ въ Литовско-русскомъ государствѣ [3]), въ послѣднее время высказалъ взглядъ, что даже земскія уставныя грамоты являются актомъ полонизаціонной политики великихъ князей литовскихъ [4]). Думается, что такое мнѣніе не подтверждается историческимъ происхожденіемъ земскихъ грамотъ, ихъ содержаніемъ и, наконецъ, тѣмъ, что̀ о нихъ раньше высказано въ научной литературѣ. Не менѣе крайнимъ представляется взглядъ, отрицающій сословныя начала русскаго общества въ эпоху сложенія Литовско-русскаго государства. „Сильная сословная окраска всей политической и правовой жизни этихъ областей (западно-русскихъ,—говоритъ тотъ же почтенный изслѣдователь)—результатъ воздѣйствія на нихъ старой, польско-нѣмецкой культуры“. Между тѣмъ „было однако время, когда вездѣ на Руси, въ обѣихъ ея половинахъ— восточной и западной, жизнь городская и сельская текла однимъ, общеземскимъ русломъ, безъ всякихъ сословныхъ и иныхъ разграниченій“ [5]). Образованіе шляхетскаго сословія—дѣло земскихъ и областныхъ привилеевъ, пре-

---

[1]) Этотъ взглядъ, высказанный еще въ 1868 г. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ (въ его книгѣ Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ), находитъ себѣ послѣдователей и въ настоящее время; см. Ѳ. И. Леонтовича, Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства, и пр., Варшава, 1899, р. 5—7.

[2]) Ѳ. И. Леонтовичъ, о. с., р. 17.

[3]) Имѣемъ въ виду „Очерки исторіи Литовско-русскаго права“, изданные почтеннымъ авторомъ въ 1896 г.

[4]) Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства, р. 20.

[5]) Ibidem, р. 1, 3.

слѣдовавшихъ, наравнѣ съ магдебургскими, полонизаціонныя цѣли [1]). Развивая подобный взглядъ дальше, иные изслѣдователи доходятъ до идеализаціи безсословнаго строя: „Во главѣ русскаго населенія стоялъ рядъ князей.... любимыхъ народомъ, который чувствовалъ, что они—одно съ нимъ по плоти и духу“ [2]).

Сводить такой важный фактъ въ исторіи народа, какъ образованіе сословій, на почву простого заимствованія, перенесенія чуждыхъ формъ, означало бы совершенное отклоненіе со стороны историка отъ уясненія причинъ этого явленія, отъ желанія проникнуть въ ходъ и причины совершающейся передъ его глазами исторической эволюціи въ жизни народа. Даже простое заимствованіе иноземныхъ формъ не бываетъ безъ соотвѣтственной подготовительной стадіи въ развитіи народной жизни. Въ Литовско-русскомъ государствѣ все шляхетское сословіе получаетъ основную привилегію свою въ 1457 г.; въ это время оно оказывается уже достаточно развитымъ и организованнымъ во всемъ государствѣ, а между тѣмъ до этого времени только собственно литовское шляхетство имѣло особыя привилегіи. Въ половинѣ XV в. еще доживало свой вѣкъ поколѣніе, видѣвшее Литву не соединенную съ Польшей, а дѣйствовало только второе поколѣніе этой эпохи. Изъ этого простого хронологическаго сопоставленія и изъ того, что Ягайловы привилеи распространялись не на все государство, очевидно, что для слѣпого заимствованія сословныхъ порядковъ не было ни времени, ни удобныхъ условій. Если однако мы наблюдаемъ уже при Казимирѣ силу и организованность шляхетскаго сословія, то столько же, очевидно, что для объясненія этого явленія надо искать иныхъ, болѣе глубокихъ причинъ, чѣмъ привилеи Ягайлы и обмѣнъ гербами польской шляхты съ литовской, которыми, однако, послѣдняя никогда не гордилась и потомъ предлагала ихъ обратно полякамъ. Очевидно, поэтому, что почва для организаціи сословій уже была въ значительной мѣрѣ подготовлена въ предшествующую эпоху; условія сложенія государства благопріятствовали росту высшаго сложенія; подготовленному такимъ образомъ матерьялу для сословнаго организма оставалось вылиться въ опредѣленную сословную форму, и въ дѣлѣ заимствованія формы польское вліяніе имѣло свой удѣлъ.

---

[1]) Ibidem, p. 19—20.

[2]) А Ярушевичъ, Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій и православная Русь въ его время. Смол., 1897, р. 24.

Переходя къ строю русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ государства, мы дѣйствительно, встрѣчаемъ акты дѣятельности „всей земли“. Это—безспорная и характерная черта удѣльно-земскаго періода, цѣликомъ перешедшая и въ литовскій періодъ. Но „вся земля“ выступаетъ во всѣхъ случаяхъ, не какъ сословная или безсословная единица, но въ качествѣ политическаго или административнаго тѣла. Это только указываетъ на общеизвѣстный фактъ, что всѣ элементы земли были связаны между собою интересами политическими и въ послѣдствіи, по мѣрѣ утраты политическаго значенія, интересами административно-финансовыми. Съ другой стороны, общія постановленія земли указываютъ на то, что извѣстныя категоріи лично-свободныхъ ея элементовъ пользовались сообща тѣми или иными правами. Это и понятно, такъ какъ древне-русская земля представляла собою вольную общину, т. е. извѣстный типъ государства; если во главѣ общины былъ князь, то и это не измѣняло существа дѣла. Но если различные соціальные элементы пользовались сообща извѣстными правами въ государственномъ союзѣ, то это еще не означало бы того, что между отдѣльными группами населенія нѣтъ различія въ экономическомъ и отчасти и въ юридическомъ отношеніи. Между тѣмъ, экономическое различіе, по существу, является главнымъ базисомъ въ развитіи соціальныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія соціальное различіе, на почвѣ экономической, является внѣ зависимости отъ его юридическаго опредѣленія въ формѣ писаннаго права, и становится само по себѣ крупнымъ историческимъ факторомъ, съ которымъ необходимо считаться историку. Сословія выростаютъ на почвѣ экономическаго неравенства и проявляютъ себя раньше, чѣмъ воспослѣдуетъ ихъ законодательное опредѣленіе. До этого момента ихъ положеніе въ государствѣ и соотношеніе между соціальными группами регулируются на основаніи обычнаго права. Обычное право очень хорошо опредѣляетъ положеніе въ государственной организаціи боярина и чернаго человѣка и т. п.

Именно въ такомъ подготовительномъ, къ образованію сословій въ юридическомъ смыслѣ, періодѣ, когда экономическое положеніе отдѣльнаго лица опредѣляетъ его положеніе въ обществѣ, мы застаемъ общество въ эпоху образованія Литовско-русскаго государства: повторяемъ, что это еще не сословія въ юридическомъ ихъ опредѣленіи, но самый надежный матеріалъ для ихъ образованія, являющійся уже факторомъ экономическимъ и политическимъ.

Тѣ же грамоты, которыя свидѣтельствуютъ будто бы о единствѣ земли, ясно однако говорятъ о существующей въ земской средѣ соціально-экономической группировкѣ. Полоцкія грамоты пишутся отъ „добрыхъ" и „малыхъ" людей [1]). Точно также и грамоты центральнаго правительства, хотя и обращены ко всей землѣ, но всегда высчитываютъ и ея составные элементы: бояръ, мѣстичей и всѣхъ мужей [2]), или—nobiles, oppidani, incolae [3]). Въ Полоцкѣ всегда различаются бояре, мѣщане, городовые дворяне и черные люди [4]). Такимъ образомъ намѣчаются уже въ древнѣйшую пору три группы свободнаго населенія: бояръ—военнослужилыхъ людей, мѣстичей, которые дѣлились, вѣроятно, на добрыхъ и малыхъ (черныхъ людей) и волостныхъ мужей. Но кромѣ свободнаго населенія встрѣчаемъ еще и зависимые классы—закладни [5]), о которыхъ такъ часто говорятъ уставныя грамоты и др. источники, наконецъ, clientes [6]) famuli [7]); тѣ и другіе, вѣроятно, зависимые служилые люди, находящіеся на службѣ пановъ, бояръ и князей; наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о вполнѣ безправной части населенія — рабахъ. Эти группы населенія, встрѣчаемыя нами въ русскихъ земляхъ въ эпоху сложенія государства, соотвѣтствуютъ такимъ же соціальнымъ элементамъ въ средѣ литовскаго племени, что̀ было нами отмѣчено раньше. И тамъ мы встрѣчаемъ группу крупнаго боярства на ряду съ мелкимъ свободнымъ элементомъ. Развитіе городского класса въ литовскихъ областяхъ, вѣроятно, шло медленными шагами, такъ какъ для этого не было подходящихъ условій въ древнѣйшее время. Однако, въ XIV в. литовская великокняжеская политика стремится къ развитію торгово-промышленнаго класса въ городахъ [8]). Не знаемъ, на сколько количественно увѣнчались эти попытки, но есть нѣкоторое основаніе полагать, что къ началу XV в., по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ городахъ Литвы, городской классъ не только былъ, но и дѣлалъ по-

---

[1]) Русско-Ливонскіе акты, p. 120.

[2]) А. З. Р., I, p. 67.

[3]) Monumenta medii aevi, II, p. 35 (прилож.).

[4]) А. З. Р., I, p. 72.

[5]) Ясинскій, Зем. уст. гр., p. 103—5; А. З. Р., I, 73.

[6]) Луцкая жалованная грамота 1392 г.—Archiw. Sang., I, p. 12.

[7]) Smolka St., Kiejstut i Jagello, p. 16 (изъ Виганда).

[8]) Напомнимъ объ извѣстныхъ грамотахъ къ нѣмецкимъ городамъ Гедимина, Raczyński, Kodex diplomatyczny Litwy, 1845, p. 28.

пытки вмѣшиваться въ политическія дѣла; очень вѣроятно, что этотъ классъ состоялъ не исключительно изъ литовцевъ, но и изъ пришлыхъ элементовъ (русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ). Такъ, можно напомнить объ участіи виленскаго мѣщанства въ борьбѣ Ягайлы съ Кейстутомъ [1]; Виленцы и въ послѣдствіи, во время борьбы Витовта съ Ягайлою, были на сторонѣ послѣдняго [2]). Въ договорѣ, заключенномъ Свидригайлою съ Орденомъ въ 1432 г. мы встрѣчаемъ и представительство городовъ, отдѣльно отъ боярства; въ числѣ городовъ кромѣ центровъ русскихъ областей (Чернигова, Кіева, Владиміра, Луцка, Смоленска, Брянска, Полоцка, Витебска) встрѣчаемъ и чисто литовскіе (Вильну, Троки, Ковно, Бряславъ) и русскіе города литовской вотчины (Берестье, Минскъ, Новгородокъ) [3]). Участіе этихъ городовъ въ договорѣ—не простая случайность, а фактъ, указывающій на значеніе городскихъ общинъ. Не забудемъ, что литовскіе города, упомянутые въ договорѣ—за немногими исключеніями тѣ, которые раньше другихъ получили грамоты на магдебургское право и имѣли значеніе крупныхъ городскихъ центровъ въ XV в., а нѣкоторые и въ послѣдующее время. Все это свидѣтельствуетъ, что здѣсь были городскіе элементы.

Конечно, городскіе классы не вездѣ въ собственной Литвѣ играли замѣтную роль; но приведенные факты показываютъ, что даже и здѣсь магдебургскіе привилеи не создавали искусственно городскихъ общинъ, но находили для себя уже готовую почву. Относительно городовъ на территоріи русскихъ земель въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ еще условія древнерусской жизни, ея торговопромышленный характеръ, способствовали образованію городскихъ классовъ общества. И въ литовское время мѣстичи и черные люди (городскіе ремесленники) слишкомъ замѣтный слой общества. За то боярство занимаетъ первенствующее положеніе во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ государства. Съ его ролью мы отчасти знакомы, потому, что приходилось уже указывать на составъ удѣльнокняжеской думы: оно играетъ роль правительственнаго класса при удѣльномъ князѣ. Но и по многимъ другимъ даннымъ легко видѣть преобладающее значеніе военно-служилаго класса. Онъ раздѣляется

---

[1]) Лѣтопись Быховца.

[2]) Литовская лѣтопись по сп. библ. Красинскихъ, р. 24.

[3]) Русско-ливонск. А., р. 192.

на нѣсколько категорій. Грамоты говорятъ намъ о bayoren edelingen herczogen und andirer grosten [1]), о plures duces, barones et proceres [2]), о duces et nobiles Russiae [3]). Грамоты Ягайлы Луцкой землѣ 1392 г. высчитываютъ слѣдующіе разряды служилаго класса: barones, milites, boyari, nobiles, clientes [4]). Порядокъ, въ которомъ перечислены здѣсь эти разряды, конечно, показываетъ ихъ относительное положеніе; на Волыни, ближе къ Польшѣ baro и miles стоитъ выше стариннаго боярина. Но въ восточныхъ и сѣверныхъ земляхъ преобладаетъ еще старинная терминологія. Такъ, грамота Рижанъ въ Полоцкъ 1405 г. показываетъ высокое значеніе мѣстнаго боярства, приравнивая бояръ къ кунторамъ, а городовыхъ дворянъ къ „риделямъ" [5]), рыцарямъ, т. е. къ milites другихъ источниковъ. Присяжная грамота Сѣверскаго боярства королю Ягайлу за своего князя Дмитрія Корибута, разъясняетъ намъ, кто входилъ здѣсь въ составъ этого класса. Присяжную запись даютъ нѣсколько князей, двое воеводъ и нѣсколько другихъ лицъ; по ихъ „доброй радѣ" и „*нашемъ вшего поспольства бояръ* примовлѣніемъ" князь Корибута „слюбилъ" Ягайлѣ; дающіе запись „именемъ и молчавшихъ *землянъ*" „слюбуютъ" за своего князя и обѣщаютъ съ своей стороны вѣрность Ягайлѣ и Ядвигѣ [6]). Эта грамота свидѣтельствуетъ о преобладающемъ значеніи боярскаго поспольства на Сѣверской окраинѣ, удаленной отъ польскаго вліянія, и даже въ то время еще, когда оно и нигдѣ не успѣло сказаться: преобладающимъ элементомъ населенія было боярское „поспольство". Сила боярства здѣсь выступаетъ съ особенною рельефностью: оно принимаетъ обязательства за всю землю—за „грады и земли" и за молчавшихъ „землянъ" (жителей земли), себя оно считаетъ „поспольствомъ", всей землею; принимая столь важное обязательство по отношенію ко всей землѣ и къ князю, оно очевидно соучаствовало въ управленіи удѣломъ. Въ составъ этого боярства входятъ служилые князья и воеводы удѣла, представители мѣстной аристократіи и администраціи. Еще болѣе замѣчательно вотъ какое обстоятельство. Присматриваясь

---

1) Русско-ливонск. Акты, p. 109.

2) Ibidem, p. 110.

3) Stadnicky, Bracia Wladyslawa-Jagelly, p. 320 (въ примѣч. цитата изъ Длугоша).

4) Arch. Sang., I, p. 12.

5) Рус.-Лив. А., p. 119.

6) Arch. Sang, I, p. 8 и 9.

къ списку сѣверскаго боярства, нельзя не обратитъ вниманія на то, что нѣкоторые изъ нихъ записываются *съ братомъ*, отцы и сыновья фигурируютъ рядомъ, а одинъ „слюбуетъ" „со всею братьею". Это даетъ ключъ, почему эта кучка бояръ дѣйствуетъ и за „молчавшихъ", и за все поспольство: конечно, не за однимъ только стояли „братія", но и за другими: это была, значитъ, не кучка случайно выдвинувшихся сильныхъ въ удѣлѣ людей, но цѣлый классъ общества, служившій князю и земству не лично, но съ сыновьями, братьями и „братьею" [1].

Итакъ, западно-русское боярство, подобно литовскому, занимаетъ выдающееся мѣсто въ общественномъ строѣ. И уже въ періодъ сложенія государства замѣчаемъ два явленія въ средѣ этого класса: признаки особой соціальной организаціи, несмотря на принципіальное единство земли, и стремленіе верховъ боярства занять преобладающую роль въ государствѣ, что вызываетъ и оппозицію демократическихъ слоевъ общества, въ средѣ того же класса другихъ низшихъ группъ населенія.

Уже появленіе въ грамотахъ, составленныхъ отъ имени и въ цѣляхъ всей земли, перечня составныхъ соціальныхъ элементовъ ея указываетъ на возможность извѣстной организаціи отдѣльныхъ группъ. Дѣйствительно, признаки ея—конечно слабые,—мы и встрѣчаемъ въ памятникахъ. Такъ, уже цитированную нами не разъ грамоту Ягайлы Луцкой землѣ 1392 г. получаютъ собственно только боярскіе классы населенія. Въ уставныхъ грамотахъ участіе въ судѣ и управленіи волостями предоставляется боярству. Въ одной грамотѣ Казимира,

---

[1]) Настаивая на силѣ боярства и въ чисто-русскихъ областяхъ, считаемъ небезполезнымъ указать на ошибку, допущенную проф. Ѳ. И. Леонтовичемъ и послужившую основой его выводовъ. Указывая на безсословность русскихъ земель и сословный характеръ литовскихъ областей, почтенный ученый приводитъ въ доказательство своего взгляда („Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства", стр. 24 и 25), двѣ, по его мнѣнію, грамоты: одну запись Новгородъ-Сѣверскаго поспольства, которая показываетъ будто бы безсословность русскихъ областей, и другую—Новгородъ-Литовскаго боярства, подтверждающую преобладаніе боярскаго сословія, уже подвергшагося полонизаціи, въ Литовскихъ областяхъ. Тутъ недоразумѣніе: это *не двѣ грамоты*, данныя населеніямъ двухъ различныхъ Новгородовъ, *а одна и таже* запись Новгородъ-Сѣверскаго боярства, подробно нами изложенная. Только въ одномъ случаѣ проф. Леонтовичъ ссылается на № грамоты (9) Arch. Сангушковъ, а въ другомъ—на страницу (тоже 9-ая) той же книги. Такъ какъ выводъ проф. Леонтовича построенъ почти исключительно на сопоставленіи этихъ „двухъ" источниковъ, то онъ падаетъ, въ виду настоящаго разъясненія.

данной всему поспольству полоцкому, до выдѣленія города на магдебургское право, встрѣчается предписаніе короля мѣщанамъ и чернымъ людямъ не чинить вѣча отдѣльно отъ бояръ [1]); значитъ, такія вѣча бывали и они указываютъ на извѣстные признаки раздѣленія и антагонизмъ между классами низшимъ и высшимъ. Но, если указываемый сейчасъ памятникъ хронологически выходитъ за рамки эпохи сложенія государства и самый фактъ вражды могъ бы быть отнесенъ къ причинамъ болѣе поздняго происхожденія, то литовская лѣтопись сохранила яркій примѣръ соціальной розни въ древнѣйшее время. Въ Смоленскѣ всегда была сильная боярская партія, стремившаяся къ соединенію съ Литвою въ противоположность мѣщанству. Столкновеніе обѣихъ партій рѣзко выразилось уже въ 1401 г. и окончилось побѣдою боярства [2]). Еще болѣе бурныя событія наступили въ Смоленскѣ при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Кажется, переходъ Смоленска отъ Свидригайла къ Сигизмунду былъ дѣломъ низшихъ слоевъ населенія [3]). Но когда былъ убитъ Сигизмундъ Кейстутьевичъ, намѣстникъ Смоленскій Андрей Саковичъ тотчасъ же привелъ Смольнянъ къ присягѣ тому государю, который избранъ будетъ въ Литвѣ. Однако, разсказываетъ лѣтописецъ, такъ живо описавшій событія, какъ это могъ сдѣлать только современникъ и участникъ событія,—„здумали Смольняне-чорные людие—кузнецы, кожомяки, перешивники, мясники, котельники“ выгнать изъ города А. Саковича. Они одѣлись въ „зброи.... и зазвонили въ звонъ“—составили вѣче. Боярская партія стояла за воеводу и вступила въ бой съ чернымъ людомъ: бояре побѣдили, но защищаемый ими воевода бѣжалъ ночью изъ Смоленска, а чернь расправилась жестоко съ однимъ изъ представителей противной партіи, маршалкомъ Петрокомъ, утопивъ его въ рѣкѣ. Чернь избрала, по своему желанію, княземъ Андрея Дмитровича Доргобужскаго. Однако, боярская партія не признала выбора, потому что „не сами избра(ли) воеводою его, але простые люди“. Бояре отправились за поддержкою къ великому князю Казимиру, тогда только что избранному аристократической литовской партіей. Тогда черные люди посадили у себя княземъ Юрія Лингвеньевича, который, вѣроятно, угодилъ своимъ изби-

---

[1]) А. З. Р., I, 73.

[2]) Литовская лѣтопись Быховца въ изд. Нарбутта, p. 36, Лит. лѣт. по списку библ. Красинскихъ, p. 32.

[3]) Литовская лѣтопись по списку библ. Красинскихъ, p. 38.

рателямъ—„иныхъ (изъ бояръ) постиналъ а иныхъ поималъ — поковалъ, и именя въ нихъ вси поотнималъ, и подавалъ своимъ боярамъ“ [1]),—среди которыхъ, вѣроятно, оказалось немало изъ возставшей черни. Кончилось возстаніе походомъ самого Казимира на возставшій Смоленскъ и суровой конфискаціей дворовъ и имѣній возстававшихъ „вѣчниковъ“, почти исключительно мѣстичей [2]).

Эта страничка изъ исторіи Смоленска многое разъясняетъ въ соціальномъ строѣ того времени, конечно, не одной Смоленской земли, о которой счастливый случай сохранилъ этотъ разсказъ. Изъ него видно, что такое разумѣютъ источники подъ терминомъ черныхъ людей: это городскіе ремесленники, т. е. городской классъ общества въ его спеціальномъ значеніи. Съ другой стороны мы ясно наблюдаемъ антагонизмъ между группами населенія и антагонизмъ этотъ зиждется не на почвѣ религіозной или національной, а на основѣ экономическаго неравенства классовъ общества. Но при всемъ томъ намѣчаются и элементы соціальной корпоративности: боярство, очевидно, составляетъ тѣсно сплоченный классъ, объединяемый общностью интересовъ, близостью къ власти и участіемъ въ ней и традиціями въ послѣднемъ отношеніи: не они выбрали воеводу, потому и не хотятъ признать избранника черни.

Если принять во вниманіе сказанные факты, то и нѣкоторыя другія явленія въ исторіи Литовско-русскаго государства, въ эпоху его сложенія, примутъ нѣсколько иное освѣщеніе и, кажется, ближе подходящее къ дѣйствительности. Конецъ XIV и почти вся первая половина XV в.—періодъ тяжелой междуусобной борьбы. Только суровая рука Витовта сдержала на время эту борьбу. Въ объясненіяхъ причинъ этой эпохи преобладаютъ взгляды въ томъ смыслѣ, что въ основѣ борьбы хотятъ видѣть защиту русскими своей національной культуры противъ наступающей польской; упрощая эту мысль и привлекая въ древность явленія позднѣйшаго времени, иные изслѣдователи готовы видѣть причину борьбы въ чисто религіозныхъ интересахъ [3]). Послѣднюю тему очень любятъ развивать популяризаторы

---

[1]) Литовская лѣтопись Быховца, по изданію Нарбутта, р. 53—54, по изданію Даниловича р. 67—69.

[2]) Ср. Записи о конфискаціи въ книгѣ данинъ Казимира, Документы Моск. Арх. Минист. Юст., I, р. 34—36.

[3]) Ср., напримѣръ, объясненіе причинъ въ происках латино-польской культуры у г. Ярушевича, Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій и пр., р. 23 сл.

западно-русской исторіи. Второе мнѣніе не имѣетъ научнаго обоснованія, а въ первомъ — надо сдѣлать коренную поправку: если причины борьбы искать не внѣ государства, а внутри его, то и отношенія нѣкоторыхъ классовъ и къ Польшѣ и полякамъ получатъ иное значеніе. Въ теченіи полустолѣтія въ концѣ XIV и начала XV в. боролись за власть и вліяніе въ государствѣ и лица и классы общества. Въ борьбѣ Ягайлы и Витовта мы готовы признать причины болѣе личнаго свойства; оба они не опираются на одну какую нибудь опредѣленную общественную группу, но пользуются тѣми изъ нихъ, которыхъ можно было привлечь. Ягайло, въ силу чисто внѣшнихъ причинъ, сначала держался русскаго боярства, а затѣмъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ польскою знатью и поддерживалъ, съ помощью послѣдней, литовскую. Витовтъ, не смотря на свой глубокій государственный умъ, получилъ власть не съ помощью какой либо опредѣленной партіи: только его умѣлая политика съ Орденомъ, удивительная настойчивость и находчивость доставили ему власть въ государствѣ. Получивъ власть, благодаря личной энергіи, онъ ею воспользовался не въ интересахъ той или иной группы населенія, но для высшихъ государственныхъ цѣлей. По отношенію къ русскимъ землямъ онъ держался политики компромиссовъ между классами населенія. Выданныя имъ уставныя земскія грамоты предоставляютъ обезпеченіе правъ всей землѣ, узаконяя извѣстное участіе въ земскихъ дѣлахъ всѣхъ сословій, не сильно принижая и не рѣзко возвышая положеніе боярства.

Утвержденіемъ старины въ землѣ онъ стремился урегулировать соотношенія между отдѣльными группами ея населенія. Такой политикой центральная власть могла разсчитывать на поддержку населенія земли. Зато верхи тогдашняго общества—полузависимые удѣльные князья—не пользовались поддержкою великаго князя: рядъ случаевъ жестокой расправы съ князьями [2]), не учинившими „покоры“ великому, явно свидѣтельствуетъ о стремленіи Витовта, если не уничтожить удѣлы—что было бы невозможно, то по крайней мѣрѣ обез-

---

[1]) Вотъ почему Витовтъ находилъ и довольныхъ и недовольныхъ его политикою среди различныхъ классовъ населенія, ср. Замѣтки и пр. Н. П. Дашкевича. р. 135—136.

[2]) Фактическія данныя собраны у Барбашева, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, р. 17 слѣд., Lewicki, A., Powstanie Swidrigielly. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną, Krak., 1892, p. 15—20.

печить великокняжескую власть отъ возможныхъ опасностей и государство отъ разложенія. Удѣльное княжье не любило Витовта, но зато государственная власть при немъ достигла такого развитія, какого она не имѣла ни раньше, ни въ послѣдующее время. Низшіе классы общества пользовались вниманіемъ со стороны этого великаго князя. Онъ стремился установить извѣстный порядокъ въ отбываніи податей и повинностей подданыхъ великокняжескихъ волостей, такъ что и въ актахъ послѣдующаго времени постоянно встрѣчаются ссылки на „старину", установленную при Витовтѣ. Не менѣе важно стремленіе этого князя всѣми средствами увеличить ряды низшаго военнослужилаго класса: при немъ широкою рукою происходила раздача земель крестьянству на условіяхъ военной службы и, слѣдовательно, этотъ разрядъ населенія возросъ количественно. Такимъ образомъ Витовтъ, стоя на почвѣ „старины", поддерживалъ однако низшіе элементы общества, сдерживалъ боярство и велъ борьбу съ удѣльной аристократіей. Недаромъ онъ заслужилъ нелестные эпитеты въ характеристикѣ писателей аристократическаго направленія, по времени столь близкихъ къ этому князю, что еще характеристика „кровопійцы" могла исходить отъ поколѣнія, въ юности помнившаго князя [1]).

Зато при Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ открылось широкое поле для взаимной борьбы классовъ. Оба князя вступаютъ въ борьбу, какъ представители различныхъ партій; даже болѣе того: партіи борются между собою, при чемъ каждая выставляетъ своего предводителя. Въ этой борьбѣ ни религіозные, ни національные интересы не могли играть первенствующей роли [2]). И Свидригайло и Сигизмундъ относятся къ религіознымъ вопросамъ вполнѣ индиферентно; первый нѣсколько разъ мѣнялъ религію [3]) и, стоя во главѣ возстанія русскихъ областей, выказывалъ себя усерднымъ католикомъ [4]). Уже одно отношеніе Свидригайлы къ религіознымъ вопросамъ, и особенно къ католицизму [5]), не позволяло бы, само по себѣ, признать за

[1]) Szajnocha, Jadwiga i Jagełło, III, p. 132, ср. 12—13.

[2]) A. Lewicki, Powstanie Swidrigiełły, p. 78 и др. Національно-политическій характеръ борьбы поддерживается Н. Н. Дашкевичемъ, Замѣтки и пр., p. 137—8.

[3]) Lewicki, p. 78.

[4]) Ibidem, p. 51.

[5]) Ср. еще Коцебу А., Свитригайло, великій князь литовскій и пр., СПБ. 1835, p. 162, 207.

поднятымъ имъ возстаніемъ русскій національно-религіозный характеръ, „rusko schizmatycki“, какъ выражается одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей [1]).

Если же съ внѣшней стороны возстаніе и носитъ національный русскій колоритъ, то это объясняется тѣмъ, что мѣсто его дѣйствія происходитъ на Руси, и тѣмъ, что Свидригайлу поддерживаетъ многочисленное русское боярство, не какъ извѣстная національность, но какъ классъ населенія: дѣло шло не о религіи, а объ удержаніи боярствомъ того вліятельнаго положенія въ странѣ, которымъ оно издавна пользовалось и которое пошатнулось при Витовтовомъ режимѣ. Вотъ отчего такой, повидимому, малоспособный, по признанію самихъ современниковъ, государственный дѣятель и полководецъ [2]), какъ Свидригайло, впродолженія многихъ лѣтъ пользуется безусловною поддержкою высшихъ классовъ русскаго населенія, снискиваетъ себѣ симпатіи даже поляковъ, оффиціально державшихъ сторону его противника. Если присмотрѣться къ спискамъ лицъ, окружавшихъ этого князя или павшихъ въ битвахъ въ его войскахъ, то среди нихъ мы встрѣчаемъ цвѣтъ тогдашняго княжья и боярства [3]). Вѣрно и то, что при Свидригайлѣ боярская рада достигаетъ такого положенія, какое было немыслимо при его предшественникѣ; только невѣрно, будто эта рада исключительно состояла изъ русскихъ элементовъ, какъ хочетъ доказать профессоръ Левицкій [4]). Хотя, конечно, русскій элементъ преобладалъ, по указанной выше причинѣ, но уже Коцебу замѣтилъ, что Свидригайлу окружали рядомъ съ русскими панами и литовскіе [5]); извѣстны и факты перехода

---

[1]) Lewicki, o c., p. 78.

[2]) Ср. Коцебу, о. с., р. 142.

[3]) Ср. описаніе битвы при Ошмянахъ, гдѣ 42 князя, сторонниковъ Свидригайлы, взято въ плѣнъ и многіе убиты. Лѣтопись Быховца, р. 47. Лит. Лѣт. по сп. Красинскихъ, р. 38.

[4]) Powstanie Swidrigiełły, p 78.

[5]) Напр., на сторонѣ Свидригайлы были: Ромпольдъ, Гаштольдъ, Генрихъ Гале, нѣмецъ, нѣкто Андрике, очевидно, литовецъ (Коцебу, о. с. р. 161), кн. Юрій и Ярославъ Лигвеньевичи, князья Мих. Ив., Михаилъ и Даніилъ Семеновичи Гольшанскіе, кн. Корибутъ, Хведко Одинцевичъ и друг. (Литовская лѣтопись по списку б. Красинскихъ, р. 36, 37, 38), а по Стрыйковскому еще и Монивидъ (Kronika въ изданіи 1766 г., р. 546). Янушъ, воевода троцкій, вмѣстѣ съ Ромбовдомъ былъ на сторонѣ Свидригайлы (Длугоша, Historia, изданіе 1711 г., кн. XI, р. 615). Объ участіи въ борьбѣ Гедиголъда и Ивашка Монивидовича см. еще Skarbec Дани-

на сторону Свидригайлы крупныхъ вельможъ—католиковъ литовцевъ [1]).

Поведеніе противника Свидригайлова, Сигизмунда Кейстутьевича, ясно показываетъ, въ чемъ заключалась разница между обоими. Сигизмундъ запятналъ себя необычной даже въ то суровое время жестокостью по отношенію къ крупному боярству [2]), хотя былъ и очень милостивъ къ своимъ сторонникамъ [3])—очевидно, къ людямъ не знатнаго происхожденія. Подобно Свидригайлу, Сигизмундъ окруженъ радою, въ средѣ его рады есть нѣсколько видныхъ родовитыхъ именъ князей и бояръ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и оказались потомъ въ рядахъ его убійцъ [4]), но зато среди его близкихъ встрѣчаются и имена, невѣдомыя ни раньше, ни позже [5]); въ перечнѣ его войска лѣтописецъ не приводитъ именъ павшихъ князей и пановъ, очевидно, потому, что само войско состояло не изъ родовитаго люда.

То, что произошло въ Литвѣ и Руси сейчасъ по смерти Сигизмунда, не менѣе ясно указываетъ на характеръ борьбы. Убійство Сигизмунда и возведеніе на престолъ Казимира—дѣло очень родовитой знати, такъ какъ всѣ inferiores, возвышенные Сигизмундомъ, стали на сторону его сына Михаила [6]). Какъ только въ Литвѣ, центрѣ государства, знать взяла верхъ,—все государство быстро успокоилось.

ловича, №№ 1620 и 1624. Довгердъ не былъ вѣренъ Сигизмунду (ibidem, № 1750). По словамъ Длугоша, который впервые слишкомъ сгустилъ національныя черты въ возстаніи Свидригайлы, на сторонѣ послѣдняго были и литовцы, и русскіе (книга XII, p. 725).

[1]) Коцебу, o. c., p. 179, 184.

[2]) Извѣстенъ разсказъ лѣтописи Быховца объ „окрутенствѣ“ Сигизмунда Кейстутьевича, передаваемый и другими хронистами (Длугошемъ, Бѣльскимъ, Стрыйковскимъ) — „надъ *рожаемъ шляхецкимъ*... надъ всими княжеты и панеты и рожаемъ шляхецкимъ *всихъ земль литовскихъ, русскихъ и жомойскихъ*“; по словамъ источника, Сигизмундъ даже намѣревался извести „рожай шляхецки погубити и кровь ихъ розлити, а поднести рожай хлопски, исю кревъ“ и т. д. (p. 48—49).

[3]) Напр. Skarbec Даниловича, № 1623.

[4]) Заговорщики, князь Иванъ Чарторійскій, Довгердъ Лилюшъ, составили заговоръ о сверженіи Сигизмунда именно въ пользу Свидригайлы (Стрыйковскій, Kronika, p. 559, литовская лѣтопись Быховца, p. 49, 51).

[5]) Ср., напр., списокъ, приведенный у Коцебу, o. c., p. 171. Когда Литовская лѣтопись разсказываетъ о тогдашнихъ событіяхъ, она высчитываетъ блестящихъ знатностью происхожденія сторонниковъ Свидригайлы, а о сторонникахъ Сигизмунда говоритъ глухо, какъ о „литовской силѣ“ (напр., Литов. лѣтопись по списку Красинскихъ, p. 36, 37 и др.), очевидно, потому, что среди этой силы знати не было. Списки рати Сигизмунда см. Skarbec Даниловича, №№ 1692, 1726, 1630, 1626.

[6]) Замѣчаніе Длугоша, Historia, lib. XII, p. 725.

Если бы война велась на національно-религіозной почвѣ, то русско-православной партіи нельзя было бы сложить оружіе ввиду выбора великимъ княземъ малолѣтняго польскаго принца—католика, руководителемъ котораго явился католикъ—литовецъ (Гаштольдъ). Однако Свидригайло прекратилъ борьбу, онъ оказался безъ сторонниковъ и не безъ труда усѣлся въ Луцкомъ удѣлѣ, гдѣ преобладали аристократы. Русскія земли признали Казимира. Однако тутъ его поддерживало именно боярство; слѣдуетъ припомнить здѣсь изложенный выше разсказъ о борьбѣ Смоленскихъ черныхъ людей съ боярствомъ: черные люди, узнавъ о смерти Сигизмунда, возстали, и бояре ищутъ поддержки противъ черни у великаго князя—католика. Жмудь только оказала сильное сопротивленіе новому господарю, потребовала отъ него присяги и обѣщанія держать тамошнее населеніе въ „ласцѣ“ [1]. Въ Подляхіи возстали также низшіе классы населенія [2]. Возстаніе въ Смоленскѣ, подробно извѣстное изъ лѣтописи, говоритъ само за себя, а возстаніе на Жмуди и въ Подляхіи станетъ понятнымъ, если указать на то, что еще въ началѣ XVI ст., по переписи 1528 г., Жмудь и Подляхія выдѣлялись во всемъ государствѣ очень мелкимъ составомъ землевладѣнія; слѣдовательно, здѣсь преобладало мелкое земянство, интересы котораго были противоположны интересамъ крупнаго, а въ Подляхіи кромѣ того мы еще видимъ и движеніе среди городовъ.

Приведенные факты указываютъ прежде всего на два важныхъ обстоятельства: на значеніе боярства въ государствѣ и на то, что это боярство проявляетъ себя одинаково, какъ въ русскихъ земляхъ, такъ и въ литовскихъ. Конечно, боярство выиграло въ развитіи своего значенія въ этой борьбѣ, но несомнѣнно однако, что оно и до сложенія государства имѣло преобладающее значеніе, какъ въ древнерусскихъ земляхъ и удѣльныхъ княженіяхъ, такъ и въ самой Литвѣ. Да это и понятно, такъ какъ боярскій элементъ—не новость въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства; онъ является въ русскихъ областяхъ остаткомъ земскаго боярства, матеріальной основою котораго было землевладѣніе. Не забудемъ, что въ составъ государства вошли Волынь, Смоленщина и Полоччина—земли съ рѣзко выраженными боярскими традиціями [3]. Теперь это земское мѣстное бояр-

[1] Лѣтопись Быховца, p. 52—53.

[2] Ibidem, p. 51–52.

[3] Въ вопросѣ о сильномъ развитіи боярскаго элемента въ западно-русскихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Литовско-русскаго государства, сходятся новѣй-

ство, усиленное служилымъ классомъ, стремится провести свое влiянiе за предѣлы земли, сдѣлаться обще-государственнымъ классомъ.

Въ этомъ своемъ стремленiи боярство областей идетъ рука объ руку съ удѣльнымъ княжьемъ. Между тѣмъ литовская знать находилась въ нѣсколько особомъ положенiи: будучи господствующимъ сословiемъ велико-княжеской вотчины, составляя раду при великомъ князѣ въ вотчинѣ, оно распространяло свое влiянiе на предѣлы всего государства; это становится особенно замѣтнымъ при Казимирѣ, такъ что при немъ мы встрѣчаемъ нѣсколько серьезныхъ попытокъ удѣльнаго княжья къ борьбѣ съ литовской знатью, окружавшей Казимира. Кромѣ того, литовское боярство находилось въ болѣе выгодномъ положенiи, сравнительно съ областнымъ, потому что успѣло закрѣпить великокняжескимъ привилеемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ правъ, которыми оно пользовалось въ силу обычая. Эти привилеи были гарантiею въ ненарушенiи правъ боярства велико-княжескою властью. Ягайло и Сигизмундъ Кейстутьевичъ пробовали привлечь русское боярство распространенiемъ на него привилегiй литовскаго [1]): такое сравненiе было осуществлено дѣйствительно Ягайлою [2]), хотя географическое распространенiе этой грамоты неясно, и она, какъ извѣстно, не привлекла Сигизмунду сторонниковъ на Руси. Надо однако думать, что всѣ эти грамоты относились только къ небольшой кучкѣ крупнаго боярства, получившаго clenodia отъ поляковъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ ясно говоритъ Городельскiй привилей 1413 г. Однако рядомъ съ крупнымъ боярствомъ нельзя не замѣтить еще одной группы военно-служилаго класса того времени—многочисленнаго мелкаго служилаго люда, того, который въ грамотахъ древнѣйшаго времени обозначается терминомъ milites, а съ половины XV в. земянами, боярами; послѣднее названiе переносится на мелкiй служилый людъ

шiе историки этихъ земель—П. В. Голубовскiй (Исторiя Смоленской земли, Кiевъ. 1895, р. 219), г. Ивановъ (Историческiя судьбы Волынской земли, Од. 1895, р. 272), ср. и *мой* разборъ книги г. Иванова (Журн. Мин. Нар. Пр., 1896 г. май), Д. И. Багалѣй (Исторiя Сѣверской земли. К., 1882), М. С. Грушевскiй (Исторiя Кiевской земли, К., 1890, р. 330); роль боярскаго элемента въ южно-русскихъ земляхъ вполнѣ отчетливо обрисована въ извѣстной монографiи Н. П. Дашкевича „Княженiе Данiила Галицкаго“.

[1]) Lewicki, Powstanie Swidrygiełły, p. 155.

[2]) Привилей 1432 г.: помѣщенъ у Филевича, Отчетъ объ ученой командировкѣ въ 1892 г., Варш., р. 22—24.

какъ разъ тогда, когда старинный терминъ бояринъ сталъ замѣняться польскимъ—панъ. Появленіе мелкаго служилаго класса слѣдуетъ приписать условіямъ военнаго положенія, усиленной борьбѣ, которую такъ долго приходилось выносить Литовско-русскому государству. Уже было сказано, что количественное увеличеніе этого класса и его обособленіе отъ тяглаго крестьянства относится къ эпохѣ Витовта, такъ какъ мы не только знаемъ многочисленные частные случаи перевода имъ съ тяглыхъ службъ на земскую военную, но и въ веденныхъ имъ военныхъ операціяхъ мы встрѣчаемъ такое количество войска, какое, очевидно, было невозможно безъ предположенія о новыхъ способахъ военной организаціи. Отъ времени княженія Сигизмунда Кейстутьевича мы почти не имѣемъ грамотъ о крупныхъ земельныхъ дачахъ этого князя, но зато встрѣчаемъ грамоты на раздачу земель и людей мелкому боярству. Изъ того характера, который носила борьба Сигизмунда съ Свидригайлою, также несомнѣнно, что первый изъ нихъ опирался на мелкій служилый классъ, составлявшій демократическій элементъ его владѣній. Однако до 1457 г. мелкая шляхта не пользовалась правами шляхетскихъ привилеевъ. Такимъ образомъ, въ военно-служиломъ классѣ можно различить три группы: удѣльныхъ князей, бояръ-пановъ и мелкаго боярства. Всѣ три группы уже существуютъ въ эпоху сложенія государства и представляютъ собою три элемента, изъ которыхъ сложилось впослѣдствіи вольное шляхетское сословіе. Сущность эволюціи заключается въ ростѣ положенія бояръ—пановъ: они сравниваются съ удѣльнымъ княжьемъ и соотвѣтственно съ этимъ понижается положеніе послѣднихъ, но по мѣрѣ сближенія обѣихъ сильныхъ группъ мелкое земянство стремится воспользоваться привилегіями знати и пролагаетъ себѣ путь къ участію, черезъ своихъ депутатовъ, къ управленію въ государствѣ. Эти измѣненія произошли уже въ эпоху династіи Ягеллоновъ и будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

Изъ того положенія, какимъ пользовалось въ государствѣ удѣльное княжье и крупное боярство, вытекаетъ и его значеніе въ центральномъ управленіи. Боярство каждой земли имѣло преобладающее значеніе въ своей землѣ. Въ такомъ же положеніи находилось литовское боярство по отношенію къ Литовской вотчинѣ. Въ каждой землѣ, или въ удѣльной вотчинѣ была своя боярская рада, дума. Такая же дума была и въ Литовской вотчинѣ. Эти боярскія областныя думы несомнѣнно являются съ тѣмъ же характеромъ, что и въ

удѣльномъ періодѣ [1]). Можно согласиться съ тѣмъ, что въ древней Руси совѣщаніе князя съ боярами не означало права бояръ давать совѣты князю, но лишь являлось практическою необходимостью для обѣихъ сторонъ [2]). При князѣ—вотчинникѣ боярскій совѣтъ имѣетъ то политическій, то частный характеръ [3]). Этимъ намѣчаются двѣ стадіи въ развитіи боярской думы. Но въ періодъ сложенія государства замѣтно со стороны боярства стремленіе къ нѣсколько иной постановкѣ своихъ отношеній къ князю—стремленіе изъ частнаго совѣта превратить его въ политическій органъ,—не только имѣть право быть призываемымъ въ совѣтъ въ качествѣ совѣтника, или свидѣтеля, но и добиться права давать совѣты. Къ такой обосновѣ своего положенія боярство областей призывается бурнымъ теченіемъ событій конца XIV и начала XV в. Въ это время большинство князей Гедиминовичей не было еще отчичами своихъ удѣловъ; они часто мѣняютъ удѣлы по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ борьба князей, переходъ ихъ то на одну, то на другую изъ борющихся сторонъ, требуетъ союза съ землей и, конечно, прежде всего съ самымъ могущественнымъ ея элементомъ. Вотъ тутъ практическое удобство княжескихъ совѣщаній съ боярами, освященное обычаемъ, получаетъ обычно-правовое значеніе.

Разумѣется, съ прекращеніемъ удѣла въ области, когда порядокъ въ ней устанавливался уставной земской грамотой, боярство, какъ мы видимъ, уже получало правовое значеніе совѣта при намѣстникѣ.

Путь, по которому проходила удѣльная дума, опредѣляетъ и тотъ путь, по которому развилась общегосударственная рада. Надъ областнымъ боярствомъ стояли удѣльные князья; со времени Витовта, рядомъ съ ними стали намѣстники областей. Изъ этихъ элементовъ съ теченіемъ времени сложилась господарская рада, по образцу удѣльно-княжеской думы, вызвана была къ жизни аналогичными причинами и пережила тѣ же стадіи развитія, такъ какъ въ основѣ своей и она вышла изъ велико-княжескаго совѣта, призываемаго великимъ княземъ въ виду практической необходимости по управленію государствомъ.

---

[1]) Н. П. Дашкевичъ, Замѣтки и пр, р. 142.

[2]) В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Руси, М. 1883, р. 74.

[3]) Ibidem, р. 149.

Слѣды господарской рады встрѣчаются уже при Миндовгѣ. Правда, многія грамоты этого великаго князя выдаются имъ лично [1], но за-то такой важный актъ, какъ завѣщаніе Ордену государства, въ случаѣ смерти безъ потомства, совершается Миндовгомъ de consilio, voluntate ex consensu heredum nostrorum nostrorumque nobilium всего Литовскаго княжества, самъ актъ, слѣдовательно, составленъ съ согласія весьма многочисленнаго круга заинтересованныхъ лицъ. Однако, въ концѣ его находимъ помѣту, что при совершеніи присутствовали, въ качествѣ testes, между прочимъ sororius великаго князя и другіе barones et consangwinei въ числѣ восьми человѣкъ; были и орденскіе представители [2]). Послѣдніе, конечно, только свидѣтели, но такое названіе не идетъ къ первымъ: вѣдь изъ текста ясно, что происходило предварительное совѣщаніе съ ними и получено согласіе всѣхъ heredes и nobiles Литовской земли. Значитъ, прямое указаніе подписей грамоты, какъ на присутствовавшихъ свидѣтелей не доказываетъ еще, что великій князь не спрашивалъ у нихъ мнѣнія. Эта грамота даетъ и ключъ къ опредѣленію состава господарской рады: въ ней присутствуютъ heredes, господари Литовской земли, т. е. очевидно, тѣ родственники, которые помѣчены въ концѣ грамоты, и знать: не знаемъ, со всею ли знатью совѣщался Миндовгъ по данному поводу, или же его рада явилась сама по себѣ представительницей всей земли. И этотъ двойственный составъ рады, изъ князей и знати, остался во весь удѣльный періодъ; по принятіи христіанства въ составъ ея входятъ еще бискупы. Князья и бояре встрѣчаются на актахъ Ольгерда и Кейстута [3]), lieben baioren und obirsten herczogen на грамотахъ Кейстута и Ягайлы [4]), также Ягайлы и Витовта [5]), Свидригайлы [6]) и Сигизмунда [7]), не говоря уже о времени Казимира, когда отношенія рады къ великому князю въ значительной мѣрѣ опредѣляются.

---

[1]) Напримѣръ, Raczyński, Kodex diplomatyczny Litwy, p. 4, 12, 15.

[2]) Ibidem, p. 19—20.

[3]) Срезневскій, Др. памятники русскаго языка и письма, 1882 г., р. 221.

[4]) Raczyński, o. c., p. 55.

[5]) Напр., см. перемирную грамоту Ягайлы и Скиргайлы съ Орденомъ, Ibidem, p. 57, ср. р. 58, 59—60; грамоты Витовта—см. Русско-Ливонскіе Акты, р. 118, Skarbec Даниловича, № 856 и др. Ср. еще Н. П. Дашкевичъ, Замѣтки и пр., р. 142 и М. К. Любавскій, цитированную статью о князьяхъ Гедиминовичахъ, р. 90.

[6]) См. цитированную выше грамоту, стр.

[7]) Ср. Акты Литовско-русскаго государства, I, р. 15.

Правда, встрѣчается за это время немало актовъ, написанныхъ великимъ княземъ безъ бояръ, но, кажется, можно положительно утверждать, что всѣ важнѣйшіе акты (если они не тайно составлялись) конца XIV и начала XV в., пишутся въ присутствіи рады. Правда, ея составъ мѣняется. Грамоты общаго политическаго характера составлялись въ присутствіи князей и бояръ; напротивъ, грамоты, касающіяся дѣлъ Литовской вотчины, пишутся въ присутствіи только ея terrigenes [1]). Это весьма характерно, такъ какъ указываетъ на отдѣленіе вотчинныхъ дѣлъ отъ обще-государственныхъ. Съ другой стороны, составъ рады мѣняется еще и въ зависимости отъ мѣста, гдѣ выдавалась грамота, напримѣръ, грамоты, данныя въ Вильнѣ, содержатъ въ себѣ большею частью ссылки на литовскихъ пановъ; напротивъ, грамоты, напр., данныя въ Луцкѣ, пишутся въ присутствіи бискуповъ владимирскаго, кіевскаго и старосты подольскаго [2]) и такъ далѣе, т. е. очевидно, мѣстная знать окружала здѣсь великаго князя и съ нею онъ совѣтовался. Не всегда бываетъ и опредѣленное число великокняжескихъ совѣтниковъ—ихъ отмѣчается то больше, то меньше, хотя очень и очень часто встрѣчаемъ и ссылку „и иныхъ много". Точно также и имена князей мѣняются въ припискахъ на грамотахъ.

Такой неустойчивый составъ рады способенъ вызвать сомнѣніе въ ея политическомъ значеніи. Подобное сомнѣніе въ извѣстной мѣрѣ не противорѣчитъ истинѣ, по крайней мѣрѣ для древнѣйшаго періода. Господарская рада не раньше Казимирова времени получила опредѣленную организацію, составъ и значеніе политическаго учрежденія. Уже существованіе при великомъ князѣ вотчинной рады на ряду съ общегосударственной могло вести къ смѣшенію функцій частнаго совѣта при князѣ—вотчинникѣ съ совѣтомъ при государѣ. Великіе князья литовскіе до смерти Витовта пользовались обширною властью, проявляя ее иногда деспотически. И тогда очень вѣроятно, что совѣтъ великаго князя съ удѣльными и съ боярствомъ вызывался чаще политическими причинами и не составлялъ права бояръ и князей присутствовать въ совѣтѣ и подавать свое мнѣніе. Однако борьба между великими князьями ставила ихъ въ извѣстную зависимость и

[1]) Напр., см. грамоту Витовта, Skarbec Даниловича, № 856. Ср. еще грамоты Витовта въ *моихъ* Актахъ Литовско-русскаго государства, I, p. 2 слѣд.

[2]) Акты Литовско-русскаго государства, I, p. 10.

отъ удѣльныхъ князей и отъ боярства вотчины. Вотъ почему простой практическій разсчетъ заставлялъ великаго князя призывать на совѣтъ удѣльныхъ князей и бояръ. Конечно, этимъ объясняется присутствіе князей и бояръ въ радѣ Миндовга и его ближайшихъ преемниковъ. При этомъ нельзя забывать и того, что появленіе удѣльныхъ князей Гедиминовичей въ великокняжеской радѣ имѣло еще одно основаніе: всѣ они были heredes литовской земли и братья [1]) великаго князя, слѣдовательно, и этимъ своимъ качествомъ имѣли извѣстное основаніе засѣдать въ радѣ; тотъ же принципъ братства распространялся и на удѣльныхъ князей русскаго происхожденія. Весьма вѣроятно, что совѣтъ этотъ первоначально и не имѣлъ опредѣленнаго состава или, лучше сказать, его составъ былъ слишкомъ растяжимъ: великій князь могъ призывать въ свою думу не только удѣльныхъ отчиней, но и всю знать, когда хотѣлъ испытать ея мнѣніе по тому или иному вопросу; наконецъ, къ совѣщанію могли быть привлекаемы и лично преданные великому князю люди; но, конечно, по маловажнымъ дѣламъ этотъ совѣтъ могъ сильно сжиматься въ своемъ составѣ. Это былъ частный великокняжескій совѣтъ, но съ политическими функціями.

Однако, по мѣрѣ паденія удѣльнаго княжья и роста боярскаго класса, что зависѣло отъ тѣхъ же причинъ, которыя заставляли великихъ князей обращаться къ помощи наиболѣе могущественныхъ элементовъ земли, въ немъ должно было пробуждаться сознаніе своей силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего права давать совѣты [2]). Такимъ образомъ, на почвѣ частно-правныхъ отношеній завязывались политическія. Это вело къ тремъ слѣдствіямъ: во первыхъ, къ сознанію того, что совѣтъ при великомъ князѣ является представителемъ государства и что, слѣдовательно, находящіяся въ данный моментъ въ радѣ лица представляютъ собою „всю землю“, во вторыхъ, къ образованію опредѣленнаго состава рады и, наконецъ, въ третьихъ—къ полному развитію политическихъ правъ рады, завершившему весь процессъ ея образованія. Отдѣлять въ этомъ процессѣ образованіе рады

---

[1]) „Казимеръ... брату нашому князю Александру Володимеровичу“, Записки науков. товариства імени Шевченка во Львовѣ, 1899 г., т. 31—32, ст. М. Грушевскаго, До питаня про правно-державне становище кпівськихъ князівъ XV в., р. 4.

[2]) Иногда сами великіе князья обязывали боярство давать совѣты. Ср. Skarbec Даниловича, № 1749.

удѣльныхъ князей и боярства нѣтъ никакой возможности и нужды, такъ какъ оба элемента одними и тѣми же путями пробираются въ раду. Разница только та, что князья требуютъ „чести" для себя, какъ представителей удѣловъ, а боярство дѣйствуетъ отъ лица цѣлаго класса общества.

Источники даютъ, хотя и немногіе, но довольно опредѣленные факты активной дѣятельности въ великокняжеской радѣ и удѣльныхъ князей и бояръ. Такъ, есть извѣстіе, что жмудскіе и русскіе бояре отвратили своими угрозами Гедимина (verba minatoria habuerunt contra eum) отъ его намѣренія принять католичество [1]). Великій князь, по словамъ лѣтописи, съѣзжался съ князьями „на думу" [2]), конечно и съ боярами. На этой думѣ и рѣшались сообща дѣла [3]). Такъ, Витовтъ рѣшаетъ вопросъ объ отдѣленіи западно-русской митрополіи „згадавъ съ нашею братьею съ князьями *русскими нашихъ русскихъ земль* [4]). По вопросу о коронаціи Витовтъ совѣщался съ своими боярами [5]). И въ другихъ случаяхъ тотъ же князь прибѣгаетъ къ боярской радѣ [6]). Это уже совѣщаніе чисто государственнаго характера— совѣта всей земли по дѣлу, касающемуся тоже всей земли. Бояре и князья участвуютъ въ данномъ случаѣ вмѣстѣ, только князья стоятъ на первомъ планѣ. На такомъ же съѣздѣ—думѣ, но уже составленномъ изъ однихъ литовскихъ князей и бояръ (такъ какъ дѣло касалось Гедиминовичей и Литвы), Ягайло рѣшилъ вопросъ объ уніи съ Польшей и о принятіи католичества: на съѣздѣ въ Крево были мать великаго князя и „братья" и бояры [7]). И въ актахъ 1401 и 1403 гг. Ягайло ссы-

---

[1]) Дашкевичъ, Замѣтки и пр., p. 109.

[2]) Smolka, o. c., p. 8.

[3]) Ср., напр., разсказъ лѣтописи о совѣтѣ, который держалъ Скиргайло съ Витовтомъ и др. князьями, когда кн. Святославъ осадилъ Оршу. Литов. лѣтопись по списку Красинскихъ, p. 23.

[4]) А. З. Р., I, p. 36.

[5]) Codex epistolaris Vitoldi, edidit Prochaska, p. 816.

[6]) Напр., Skarbec Даниловича, № 1661. По разсказу лѣтописи, Витовтъ, княжа въ Луцкѣ, учинилъ „собѣ раду з многими князьми, з бояры литовскими" для борьбы съ Ягайлою; когда походъ на Вильну не удался, Витовтъ ушелъ къ нѣмцамъ со „своими князьми и бояры". Всѣ, слѣдовательно, приняли на себя и отвѣтственность за рѣшеніе. Зато, когда Ягайло предложилъ тому же Витовту великое княженіе, то и это предложеніе было обдумано имъ на радѣ „с князьми своими с паны литовскими" (Лѣтопись по сп. Красинскихъ, p. 24, 25).

[7]) Лѣтопись по сп. Красинскихъ.

лается на этотъ фактъ,—что унія была рѣшена de consensu unanimi nostro et aliorum fratrum nostrorum et omnium baronum, nobilium и пр. Эти думы касались Литовской вотчины.

Не только политическіе акты [1]), но даже крупныя земельныя дачи, князь совершаетъ по совѣту „зъ нашою верною радою, со князьями и паны", какъ говоритъ одна грамота Витовта [2]). Находясь сначала въ положеніи совѣтниковъ, призываемыхъ къ совѣту великимъ княземъ, рада понимаетъ фактическое свое положеніе и вступаетъ на путь самостоятельной дѣятельности: таково, напримѣръ, посланіе рады Сигизмунда Кейстутьевича къ королю Владиславу съ упреками за заключеніе имъ мира съ Орденомъ и Свидригайлою безъ согласія Литвы [3]) и др. [4]).

Такимъ образомъ, въ средѣ удѣльнаго княжья и боярства постепенно развивается сознаніе ихъ права давать совѣты, и фактически это право получаетъ примѣненіе къ жизни гораздо раньше, чѣмъ было санкціонировано общими законами. Это сознаніе своего права князьями сказывается въ нѣкоторыхъ отъѣзжихъ грамотахъ удѣльныхъ князей. Такъ, князь Семенъ Бѣльскій, отъѣхавъ къ Москвѣ, упрекалъ великаго князя Александра въ нарушеніи старины: Казимиръ „дрьжалъ мя.... во чти, въ ластцѣ и въ данинѣ своей, а мѣстьце у его милости *въ радѣ мѣвалъ* есми.... и у твоей милости государя мѣстце у радѣ мѣвалъ есми" [5]),—пишетъ князь Семенъ. И это право князей засѣдать въ господарской лавицѣ признавалось изстариннымъ ихъ правомъ еще въ половинѣ XVI в. [6]).

Сознаніе права давать совѣты, нарождавшееся въ средѣ цѣлаго класса тогдашняго общества, вело къ сознанію извѣстнаго рода пред-

---

[1]) Поэтому, вполнѣ правдоподобны и разсказы лѣтописи, перешедшіе потомъ и въ хронику Стрыйковскаго, объ участіи князей и пановъ въ выборѣ, или вѣрнѣе, въ признаніи великаго князя на столѣ, хотя князья и считали себя вотчинниками земли. По смерти Витовта, Ягайло просилъ „князей и пановъ литовскихъ, абы они взяли собѣ... Швидригайла, и князи и панове литовскии... посадили на великимъ княженіи Литовскомъ и Русскомъ князя великого Швидригайла". Лѣтопись Быховца, р. 44.

[2]) Акты Литовско-русск. госуд., I, р. 2 (ср. еще А. Ю. З. Р., II, р. 107 и др.).

[3]) Варш. арх. Каз. Палаты, отд. I, кн. 32, л. 116.

[4]) Ср. еще Skarbec Даниловича, № 1909.

[5]) Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. XXXV, р. 295.

[6]) Имѣемъ въ виду извѣстную жалобу сейму кн. Юр. Слуцкаго на отказъ рады приглашать его къ совѣщаніямъ. Stadnicki, Bracia Wład. Jagiełły, p. 183.

ставительства, или отвѣтственности передъ сословіемъ или землей со стороны тѣхъ, кто въ данный моментъ былъ при великомъ князѣ и давалъ ему совѣты.

Удѣльный князь въ радѣ соблюдалъ не только свои личные интересы, но и интересы своей земли. Недаромъ князь С. Ѳ. Воротынскій, отъѣзжая въ Москву, упрекая великаго князя Александра въ томъ, что онъ не жаловалъ его и не чтилъ такъ, какъ чтилъ и жаловалъ его Казимиръ, писалъ между прочимъ—„а бояръ моихъ, господине, не жаловалъ такъ, какъ отецъ твой нашихъ бояръ жаловалъ, чтилъ“ [1]). Если князь заботился объ интересахъ не только личныхъ, но всей земли, то въ положеніи боярина—совѣтника это было вполнѣ естественно. И можно указать на факты такого сознательнаго представительства. Для этого стоитъ напомнить о поручной грамотѣ новгородсѣверскаго боярства за князя Корибута, нѣсколько разъ нами уже цитированной, или о такой же записи Жмудскихъ бояръ за Витовта. Интересно, что послѣдніе выступаютъ даже не отъ имени всего посполитства, но, повидимому, каждый отъ своего повѣта [2]).

Извѣстный актъ 1401 г. заключенъ съ согласія всего боярства, причемъ, присутствовавшіе при его написаніи, бояре дѣйствовали не только отъ своего имени, но какъ разъ именемъ всего посполитства боярскаго и съ его согласія [3]). Договоръ Сигизмунда Кейстутьевича съ Ягайлою скрѣпляется радою съ согласія всей его „братіи“, пріятелей и родныхъ [4]).

Вотъ отчего и рада, предпринимая самостоятельный политическій актъ, опирается на согласіе всѣхъ князей и бояръ. Такъ, рада Сигизмунда Кейстутьевича въ своемъ посланіи къ королю Владиславу пишетъ: „Мы князь Метей, бискупъ виленьский, богомолецъ вашъ, князь Олександро Володимеровичъ, князь Семенъ Ивановичъ и *вси князи*, такожъ панове Остикъ виленскии... *и вси панове бояре и вся Литовская земля*“ [5]). Цитируемая грамота—дипломатическій актъ, при со-

---

[1]) А. З. Р., I, р. 124.

[2]) Skarbec Даниловича, № 583, Codex epistolaris Vitoldi, p. 23.

[3]) „Cum fratribus.. cum cognationibus et genealogiis suis necnon tota universitas omnium et singulorum... quorum quamvis nomina singulatim hic non expressa, ipsorum tamen consensus ad subscripta adest ac si pro insertis haberetur. Działyński, Zbiór praw litewskich, p. 3–4.

[4]) Skarbec Даниловича, № 1630.

[5]) Арх. Варш. Каз. Пал., отд. I, кн. 32, л. 116.

ставленіи котораго едва ли было время и даже возможность для совѣщанія всей земли: навѣрно можно предположить, что рада написала его сама, считая свой наличный составъ представительствомъ всей земли.

Въ иныхъ случаяхъ участіе рады идетъ еще дальше: она не только участвуетъ въ совѣщаніи, но и сама въ актахъ выступаетъ рядомъ съ великимъ княземъ: нѣкоторые договоры Свидригайлы съ Орденомъ составлены отъ его имени и отъ имени удѣльныхъ князей, причемъ одинъ, напр. скрѣпленъ согласіемъ бояръ и городовъ [1]), а другой—только боярства [2]).

Хотя эта ссылка на все боярство и княжье не поддается провѣркѣ, но весьма вѣроятно, что, въ случаяхъ подобныхъ только что приведеннымъ, фактическаго совѣщанія наличной части рады со всѣмъ княжьемъ и боярствомъ и не было, а она дѣйствуетъ именемъ всего класса и въ его интересахъ. Разумѣется, говоря о пробуждающемся сознаніи представительства, нельзя облекать его въ какія нибудь опредѣленныя формы: все зиждилось на сознаніи общихъ интересовъ и вліяніи отдѣльныхъ лицъ. Но это молчаливое, со стороны всего класса, признаніе за нѣкоторыми изъ его членовъ авторитета въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ могло быть выгодно и для великокняжеской власти, не имѣвшей возможности фактически совѣщаться со всѣмъ разнороднымъ составомъ своихъ совѣтниковъ. Вотъ почему акты опираются на согласіе всѣхъ князей и бояръ, тогда какъ при совершеніи ихъ присутствуютъ лишь немногіе [3]).

Такимъ образомъ, каждый совѣтникъ съ одной стороны былъ поручителемъ для князя передъ населеніемъ земли, а по отношенію къ землѣ былъ поручителемъ за цѣлесообразность правительственной дѣятельности князя. Это обстоятельство съ теченіемъ времени повліяло на организацію состава рады въ смыслѣ собранія намѣстниковъ и

---

[1]) Русско-Ливонскіе Акты, р. 189.

[2]) Skarbec Даниловича, № 1545.

[3]) Витовтъ даетъ Вялковичу имѣніе по совѣту „з нашою верною радою, со князми и паны“, между тѣмъ при грамотѣ упомянуто только четыре пана (князей вовсе нѣтъ)—„*светковъ*“ (Акты Лит.-русск. госуд., I, р 2—3). Тутъ одно изъ двухъ: или совѣщаніе происходило въ присутствіи всей рады, а грамота написана только при четырехъ панахъ (т. е. по ихъ приказу, какъ это видно изъ другихъ источниковъ), или присутствіе четырехъ наличныхъ членовъ рады достаточно было для ссылки на совѣтъ всей рады.

вообще чиновъ различныхъ земель, а въ связи съ этимъ и пролагало путь къ сеймовому представительству отъ земли.

Изученіе личнаго состава рады можетъ дать весьма важныя заключенія по вопросу о ея происхожденіи, такъ какъ въ немъ отразились разныя стадіи въ развитіи самого института.

Не вдаваясь въ подробности, которыя для насъ не необходимы, остановимся лишь на общей характеристикѣ относящихся сюда данныхъ. Напомнимъ, что въ спискахъ рады древнѣйшаго времени встрѣчаются элементы троякаго рода: удѣльные князья, какъ heredes земли, боярство литовской вотчины и личные слуги великаго князя. Такой ея составъ объясняется сліяніемъ вотчиннаго совѣта съ государственнымъ. Но, если княжье и боярство призывались для совѣщаній въ силу необходимости, то личные слуги господаря попадали въ него въ силу довѣрія къ нимъ великаго князя. Еще въ записяхъ Ягайлы встрѣчаются въ числѣ присутствовавшихъ радъ даже clientes [1]), т. е. люди зависимые. Только личное довѣріе государя могло сдѣлать ихъ совѣтниками по государственнымъ дѣламъ. Но долгое пребываніе въ совѣтѣ этихъ лицъ прежде всего создавало обычай, старину. Изъ слугъ вотчинника, можетъ быть иногда невольныхъ, сами совѣтники получали значеніе государственныхъ чиновниковъ: cubicularius или thesaurarius вотчинника превращается въ государственнаго сановника при государѣ; онъ становится земскимъ, а, для фактическаго исполненія его обязанностей, появляются дворные чины, а потомъ и простые слуги. Такъ, уже въ радѣ Витовта и Ягайлы встрѣчаются придворные чины: маршалки дворные, cubicularii, секретари [2]). Можетъ быть, теперь уже они отдѣляются отъ дворцовыхъ слугъ князя—вотчинника. Такимъ образомъ вошли въ составъ рады представители дворца.

Боярство первоначально состоитъ въ радѣ въ неопредѣленномъ числѣ—„всѣ бояре“, относительно князей надо сказать то же самое. Но рада является совѣтомъ по административнымъ дѣламъ и по политическимъ. Въ качествѣ послѣдняго, объемъ его особенно растяжимъ. Въ важныхъ случаяхъ въ радѣ присутствуетъ безпорядочная толпа. Такъ, въ Луцкѣ, во время извѣстныхъ переговоровъ о коронаціи Витовта, при великомъ князѣ находилось много duces и barones. Когда собралась рада, то, разсказываетъ меморіалъ самого Витовта,

---

[1]) Raczyński, Kodex, p. 61.

[2]) Акты Литовско-русскаго государства, p. 5, 6, 10, 11, 15.

явился бискупъ виленскій, consiliarii nostri Lithuaniae *aliique multi baiori*. На этомъ совѣтѣ читается письмо Ягайлы, ведутся шумные дебаты [1]). Очевидно, составъ такого сборища знати былъ растяжимъ, случаенъ и малоподвиженъ. Такой совѣтъ представлялъ много неудобствъ. Вотъ почему изъ всѣхъ бояръ мало-по-малу выдѣляется опредѣленный составъ совѣтниковъ. Въ качествѣ такихъ постоянныхъ совѣтниковъ при великомъ князѣ остаются придворные чины и представители областной администраціи. Часть областной администраціи — правители вотчины.

Кромѣ того, по мѣрѣ разрушенія удѣльнаго строя, намѣстникъ замѣнялъ въ области удѣльнаго князя; онъ и воспользовался прерогативами послѣдняго принимать участіе въ центральномъ управленіи. Дѣйствительно, уже во времена Витовта все чаще и чаще встрѣчаются въ радѣ представители областной администраціи [2]), но все же немало еще въ подписяхъ встрѣчается и „иныхъ бояръ", должности которыхъ не обозначены. Значеніе господарской рады несомнѣнно сильно поднялось при Сигизмундѣ и Свидригайлѣ. Во главѣ рады по прежнему стоятъ удѣльные князья, дѣйствующіе именемъ всѣхъ князей. Свидригайло, напримѣръ, заключаетъ договоръ съ Орденомъ отъ своего имени и отъ имени всѣхъ князей [3]). Но въ то же время въ радѣ присутствуетъ и боярство; оно занимаетъ второстепенное мѣсто: напр. при томъ же договорѣ Свидригайлы бояре только присутствуютъ при его заключеніи, но не являются участвующей стороной, подобно удѣльнымъ князьямъ. Но зато при именахъ бояръ почти всегда въ грамотахъ Сигизмунда и Свидригайлы обозначается занимаемая ими должность, что уже намекаетъ на то, что бояре присутствуютъ въ радѣ по должности и что они засѣдаютъ въ ней, какъ представители областей и урядовъ. Однако въ первое десятилѣтіе Казимирова княженія рада формируется: въ ней окончательно закрѣпляются назван-

---

[1]) Codex epistolaris Vitoldi, p. 816.

[2]) См., напр., Skarbec Даниловича, № 1388, гдѣ упомянутъ воевода луцкій, бояре изъ Литвы, одинъ изъ Ошмены и др.; Акты Литовско-русскаго государства, I, p. 3 (воевода виленскій), p. 6 (бискупы, нам. виленскій), p. 11 (подольскій намѣстникъ), p. 15 (троцкій и др). Сравни грамоты Ягайлы въ Skarbec, №№ 538, 539, 540, 544. Вездѣ выступаютъ на подписяхъ высшіе уряды, хотя тутъ же и бояре безъ обозначенія ихъ урядовъ.

[3]) Skarbec Даниловича, № 1540.

ные три составные элемента [1]). Но составъ ея, при такихъ условіяхъ былъ малоподвиженъ и мало пригоденъ, какъ государственный механизмъ, такъ какъ онъ состоялъ бо́льшею частью изъ областныхъ правителей; наконецъ въ немъ были дворцовые элементы, служебное положеніе которыхъ нескоро затемнилось. Вотъ почему уже при Казимирѣ выдѣляется старшая рада—настоящіе дѣльцы, которые всѣ вмѣстѣ, а иногда поочередно занимаются государственными дѣлами. Упоминаніе о старшихъ панахъ и въ такомъ смыслѣ, что составъ ихъ предполагался опредѣленнымъ, неслучайнымъ (напр., въ грамотѣ 1455 г.—„и иные панове, *вси старшие*") встрѣчаются уже въ первую половину правленія Казимира [2]). И раньше Казимира встрѣчаются указанія о раздѣленіи рады на старшую и младшую [3]), или на consiliarii и прочихъ бояръ [4]), но возможно предположеніе объ окончательномъ сформированіи старшей рады какъ разъ въ годы регенства въ малолѣтство Казимира, когда для веденія текущихъ дѣлъ необходимо было постоянное присутствіе извѣстной части рады и, конечно, наиболѣе авторитетной. Одна грамота разъясняетъ намъ и составъ такой старшей рады, тоже въ началѣ Казимирова правленія; составъ этотъ почти совпадаетъ съ старшей радой позднѣйшаго времени. Рижскій епископъ въ 1466 г. писалъ къ радѣ грамоту, причемъ адресовалъ ее бискупу виленскому ac generosis magnificis proceribus et nobilibus viris et dominis incliti Magniducatus Lithuaniae consulatui. Адресъ предполагаетъ всю раду, но есть и помѣтка, кому именно предназначена грамота; кромѣ бискупа, она предназначена намѣстникамъ (capitaneis) браславскому, ковенскому, троцкому, виленскому, витебскому и смоленскому [5]). Такимъ образомъ, рада Литовско-русскаго государства сложилась постепенно изъ княжескаго совѣта, думы, имѣвшаго первоначально характеръ частнаго совѣщанія по публич-

---

[1]) Ср., напр., счетъ рады въ А. З. Р., I, №№ 53, 54 — почти исключительно урядовые чины. Ср. еще въ А. Ю. З. Р., I, № 28, гдѣ въ числѣ рады встрѣчаемъ бискупа виленскаго, двухъ удѣльныхъ князей, нѣсколькихъ воеводъ, каштеляновъ, земскаго маршалка и др. Это довольно полный списокъ за сравнительно раннее время (1452 г.). Въ немъ встрѣчаются всѣ составныя части рады—бискупы, князья, уряды.

[2]) А. З. Р., I, № 57.

[3]) Skarbec Даниловича, № 661.

[4]) Codex epistolaris Vitoldi, p. 816.

[5]) Русско-ливонскіе акты, p. 208.

нымъ дѣламъ и только впослѣдствіи занявшаго мѣсто государственнаго учрежденія. Рада сложилась по образцу областныхъ боярскихъ думъ и, по составу своему, образовалась изъ удѣльно-княжескаго совѣта при великомъ князѣ и вотчиннаго при князѣ Литвы. Въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ, состоявшихъ въ особомъ положеніи высшаго сословія въ государствѣ и внутреннихъ въ немъ событій, рада уже въ первую половину XV в. получила свою организацію, заняла выдающееся положеніе въ государствѣ, способное ограничить власть великаго князя, хотя въ это время она и не имѣла еще юридической санкціи.

Надо при этомъ помнить, что въ Литовско-русскомъ государствѣ центральное управленіе, въ собственномъ смыслѣ, въ древнѣйшее время совсѣмъ не существовало. Центромъ правительственной дѣятельности былъ самъ великій князь, дѣйствовавшій лично, или коллегіально—въ собраніи пановъ радъ. Каждый намѣстникъ былъ министромъ по всѣмъ дѣламъ въ своей области. Только во второй половинѣ XV в. выдѣляется одинъ общегосударственный министръ—подскарбій земскій, затѣмъ опредѣляется компетенція маршалка земскаго и появляется гетманъ; канцлеръ былъ и въ XV в. Это небольшое число министровъ по общегосударственнымъ дѣламъ. Но, если нужно было вѣдать какое нибудь общегосударственное дѣло, не входившее въ компетенцію названныхъ министерствъ, то господарь давалъ временныя порученія—„у приказѣ“ чинамъ рады. Старшая рада превратилась въ правительственный органъ; это—совѣтъ министровъ. Когда она расширялась, собираясь въ полномъ комплектѣ, то превращалась въ государственный совѣтъ. Но въ важнѣйшихъ случаяхъ господарь продолжалъ собирать кромѣ рады еще и боярство,—по старинному,—или боярство областей само наѣзжало во время полныхъ собраній рады. Это и былъ съѣздъ „всѣхъ бояръ“ стараго времени, постепенно превращавшійся въ вальный сеймъ; онъ имѣлъ сначала значеніе политическое, но съ теченіемъ времени превратился въ учрежденіе государственное.

Предыдущія страницы посвящены выясненію тѣхъ условій, при которыхъ образовалось Литовско-русское государство, съ цѣлью опредѣлить взаимное отношеніе различныхъ историческихъ факторовъ, вліявшихъ на сложеніе не только государственнаго, но и финансоваго строя послѣдующей эпохи, подлежащей изслѣдованію. Если по ходу развитія повинностныхъ отношеній между государствомъ и его

подданными можно составить ясное представленіе объ успѣхахъ государственности, то съ другой стороны повинностныя отношенія обусловливаются существующими или развивающимися формами государственнаго строя. Вмѣстѣ съ тѣмъ государство, въ поискахъ за источниками для удовлетворенія своихъ потребностей, находится въ сильной зависимости отъ соціально-экономическаго строя. Связь финансоваго хозяйства страны съ государственнымъ строемъ вообще и съ соціально-экономическимъ въ частности гораздо сильнѣе въ болѣе древній періодъ народной жизни: только въ новѣйшее время финансовое хозяйство стало внѣ соціальныхъ подраздѣленій, по прежнему однако оставаясь въ зависимости отъ экономическихъ условій жизни страны и отъ характера ея государственнаго управленія. Вотъ почему описанныя выше условія, при которыхъ сложилось Литовско-русское государство, даютъ рядъ немаловажныхъ указаній на характеръ финансоваго хозяйства, равно какъ и на происхожденіе различныхъ частностей его.

Прежде всего среди особенностей сложенія Литовско-русскаго государства на первое мѣсто надо поставить то, что оно образовалось не только подъ господствующимъ вліяніемъ русской національности, но и сохранило и впитало въ себя всѣ главнѣйшія черты удѣльно-земскаго строя древнерусской исторіи. Выработанныя въ послѣдній періодъ въ различныхъ русскихъ областяхъ правовыя нормы закрѣпляются двоякимъ путемъ во вновь сложившемся государствѣ: путемъ законодательной ихъ санкціи онѣ утверждаются въ русскихъ областяхъ, а путемъ обычая, старины, общія нормы этого права распространяютъ свое вліяніе на весь государственный строй. Такимъ образомъ, всѣ стороны государственной жизни восприняли, въ извѣстной мѣрѣ, древне-русскую старину. Областную жизнь регулируютъ древне-русскія правовыя и обычныя отношенія. Каждая земля или удѣлъ пользуются полною автономіею. Земля и удѣлъ находятся почти въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ центральной власти. Это свойство опредѣляется главнымъ образомъ историческимъ ходомъ образованія государства. Оно представляетъ собою конгломератъ и земель и княженій. Во главѣ тѣхъ и другихъ стоитъ вотчина великаго князя. Она составилась изъ родового владѣнія Гедиминовичей, собственной Литвы, и ряда завоеванныхъ, или по тому или иному случаю выдѣленныхъ городовъ и волостей среди различныхъ русскихъ земель, такъ что вотчина не представляетъ собою сплошной территоріи. Вот-

чинная территорія составила собственность господаря. Русскія земли вошли въ составъ государства посредствомъ договора, хотя онъ иногда и являлся договоромъ сильнаго съ слабымъ. Удѣльныя княженія и въ этомъ отношеніи заняли положеніе, сходное съ землями. Извѣстная часть ихъ присоединилась на основаніи договора; другія, хотя въ основѣ своей являются „жалованьемъ" великаго князя (таковы, напр., удѣлы первыхъ Гедиминовичей), но скоро превращаются въ вотчины князей и регулируются тѣми же началами, на основаніи которыхъ присоединились къ государству удѣльные князья, исконные вотчинники своихъ удѣловъ, т. е. на договорныхъ отношеніяхъ. Вотъ почему все государство можно признать построеннымъ на федеративномъ началѣ, хотя и нѣсколько своеобразномъ. Своеобразность этой государственной организаціи заключается въ извѣстнаго рода отступленіяхъ отъ чистой схемы федеративнаго строя. Такъ, отношенія господаря къ землямъ имѣетъ нѣкоторыя свойства личной уніи: и Смоленскъ, и Полоцкъ, и другія земли—отчина великаго князя, сидящаго на Вильнѣ и Трокахъ; но это земли государственной территоріи и права отчинника ограничены въ нихъ договоромъ, хотя и носящимъ внѣшнюю юридическую форму уставной грамоты. Въ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому въ извѣстной мѣрѣ кроются принципы того порядка, который характеризуютъ терминомъ феодальнаго. Не отрицая извѣстнаго вліянія феодальныхъ понятій въ древнѣйшее время въ собственной Литвѣ, нельзя однако распространять ихъ на междукняжескія отношенія Литовско-русскаго государства, такъ какъ здѣсь не выработалось опредѣленной общей схемы личныхъ отношеній вассала къ сюзерену и, наконецъ, принципъ вотчинности княжеской власти и смѣшеніе его, какъ это было и въ древней Руси, съ государственнымъ началомъ противорѣчили бы условному характеру феодальнаго землевладѣнія. Вотъ почему терминъ федеративнаго государства имѣетъ бо́льшее право на приложеніе его къ государственному строю Литовской Руси.

Основанное при такихъ условіяхъ государство продолжало развитіе древне-русскихъ началъ, примѣняя ихъ къ новымъ явленіямъ жизни. Такъ, въ немъ на первое мѣсто выступаютъ тѣ же соціальные элементы, которые народились еще въ удѣльно-земскій періодъ. Зачатки сословной группировки выступаютъ съ большей опредѣленностью; группы эти пока не составляютъ сословій въ юридическомъ смыслѣ, такъ какъ сословія еще находятся на первой ступени развитія, когда

экономическое неравенство создаетъ группировку классовъ общества въ силу обычая. Однако уже замѣтно извѣстное стремленіе къ сословной корпоративности. Верхи общественной лѣстницы—боярство стремится къ преобладающей роли въ области, и боярство въ союзѣ съ удѣльнымъ княжьемъ—къ власти и первенствующей роли въ государствѣ. Отсюда—значеніе областной рады и образованіе рады общегосударственной. При этомъ необходимо имѣть ввиду, что сословная группировка намѣчается и въ собственной Литвѣ, гдѣ рады высшаго сословія составляются изъ родовой и служилой аристократіи, какъ и въ древне-русскихъ облястяхъ, гдѣ на первый планъ выступаетъ земское боярство. Въ данномъ случаѣ нѣтъ нужды предполагать вліяніе одной народности на другую, такъ какъ въ условіяхъ развитія той и другой были причины, приводившія къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Но это нисколько не препятствовало впослѣдствіи объединенію и совмѣстному росту боярства всего государства, какъ одной корпораціи. Надо при этомъ помнить роль бурныхъ событій конца XIV и начала XV вв. въ процессѣ образованія высшаго сословія, которое, пользуясь событіями, превращаетъ обычай въ право.

Тѣ же событія имѣли значеніе и для низшихъ рядовъ военно-служилаго класса: онъ увеличился численно и, принимая участіе въ борьбѣ, успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторое вліяніе въ государствѣ. Этимъ только и объясняется, въ связи съ другими конечно условіями, ростъ и низшаго шляхетства съ половины XV в.

Этимъ намѣчаются двѣ основныя особенности дальнѣйшаго развитія государства, состоявшія въ развитіи и упроченіи сословнаго строя съ рѣзкимъ преобладаніемъ военно-служилаго элемента. Шляхетство получило, такимъ образомъ, свое начало на мѣстной почвѣ и его развитіе является естественнымъ слѣдствіемъ отношеній, существовавшихъ еще въ древне-русскій періодъ и нашедшихъ весьма благопріятную почву для своего развитія во внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствахъ данной эпохи. Органъ этого шляхетства, въ его древнѣйшемъ видѣ, столь же тѣсно связанъ съ старинными принципами древне-русской жизни, растетъ вполнѣ органически на литовско-русской почвѣ, нисколько не будучи заноснымъ институтомъ.

Весь строй государства, обусловливаемый какъ происхожденіемъ его территоріи, такъ и развитіемъ высшаго класса общества, способствовалъ пробужденію государственныхъ началъ, въ противоположность

вотчиннымъ. Воспринявъ отъ древней Руси смѣшеніе обоихъ, Литовская Русь рано стала отличать господарскіе интересы отъ земскихъ. Конечно, это не значитъ, что послѣдніе окончательно взяли верхъ надъ первыми въ разсмотрѣнный періодъ; напротивъ, литовско-русскій господарь, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, надолго еще сохранилъ черты вотчинника, но въ приложеніи къ весьма ограниченной сферѣ. Зато шляхетство, приравниваясь постепенно по своимъ правамъ къ положенію вотчинника въ своихъ владѣніяхъ, захватило всѣ соотвѣтственныя права надъ населеніемъ своей вотчины; но это произошло уже въ слѣдующій періодъ.

Такимъ образомъ, раннее развитіе сословныхъ отношеній и государственныхъ началъ, въ связи съ постепеннымъ ограниченіемъ верховной власти въ пользу высшаго сословія, составляетъ рѣзкую особенность Литовско-русскаго государства. Однако эти черты государственной жизни не являются заимствованіемъ извнѣ, но представляютъ собою вполнѣ естественное послѣдствіе предшествующей народной жизни и условій, въ которыхъ создалось государство. Вотъ почему необходимо отвергнуть мысль о заимствованіяхъ соціально-политическаго строя изъ Польши. Такія заимствованія были только въ послѣдующее время, но и тогда они дѣлались болѣе на счетъ внѣшней формы, между тѣмъ какъ жизнь народная вырабатывала правовыя нормы.

Самобытность основныхъ началъ въ жизни Литовско-русскаго государства, въ соединеніи съ его федеративнымъ строемъ, наложила опредѣленную окраску и на историческое развитіе и организацію государственнаго хозяйства страны. Оно восприняло формы хозяйства, практиковавшіяся въ древней Руси, и развивалось въ зависимости отъ роста государственныхъ, сословныхъ и экономическихъ условій. Такъ какъ территорія составилась изъ ряда отдѣльныхъ политическихъ единицъ, то это обстоятельство внесло новую черту въ исторію хозяйства: государство восприняло не только общія нормы финансовой системы, но и многія частности, составлявшія особенность той или иной области, претворивъ впослѣдствіи всѣ эти частныя отступленія въ одну общую государственную систему. Поэтому процессъ историческаго развитія государственнаго хозяйства заключается въ постепенной переработкѣ тѣхъ формъ его, которыя государство получило при своемъ образованіи, въ выдѣленіи однихъ изъ нихъ въ область

обще-государственную, а другихъ—въ вотчинную и, наконецъ, въ томъ, что весь этотъ процессъ въ области повинностныхъ отношеній происходитъ параллельно измѣненіямъ въ соціально-экономическомъ и политическомъ строѣ страны. Изъ этого очевидна вся сложность и трудность нашего вопроса, искупаемая только возбуждаемымъ имъ интересомъ.

ГЛАВА II.

Доходы, источникомъ которыхъ служила судебно-административная дѣятельность самого великаго князя.

Основныя функціи древне-русскаго князя заключались въ судѣ, управѣ, т. е. текущей административной дѣятельности, защитѣ земли отъ внѣшнихъ враговъ и въ извѣстной мѣрѣ въ законодательствѣ. Если въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ князь выступалъ въ качествѣ государя, то на первыхъ двухъ лежала печать смѣшенія вотчиннаго и публичнаго права. За исполненіе суда и управы князь получалъ вознагражденіе отъ тѣхъ лицъ, которыя къ нему обращались. Древнѣйшіе князья творили судъ и управу во время личныхъ объѣздовъ племенъ: для выполненія того и другаго князь выѣзжалъ на полюдіе; Все это составляло доходъ князя. Эти первобытные способы собиранія доходовъ не сразу исчезли и въ литовское время. Древнее полюдіе, вслѣдствіе обычной въ исторіи повинностныхъ отношеній дифференціаціи, превратилось въ господарскую стацію и мезлеву; въ рукахъ великаго князя остались „вины“, наконецъ, древніе дары еще долго продержались, въ видѣ переживаній, въ „челобитіяхъ“ великому князю. Къ сборамъ, источникомъ которыхъ служила административная дѣятельность великаго князя, мы причислимъ и еще одинъ, правда случайно попавшій на нѣкоторое время въ число источниковъ государственнаго скарба—тивунщину.

I. Полюдіе.

Древнѣйшій князь совершалъ свои административныя и отчасти судебныя функціи во время объѣздовъ подвластныхъ земель. При

этомъ князь собиралъ *полюдіе* — одинъ изъ самыхъ древнихъ княжескихъ доходовъ. Хотя мы мало знаемъ о способахъ его взиманія, но не трудно видѣть по послѣдующимъ фактамъ, что оно прежде всего состояло въ сборѣ даровъ и поклоновъ [1]), конечно, населеніе поставляло при этомъ содержаніе князю и сопровождавшей его дружинѣ, на что мы имѣемъ любопытное показаніе лѣтописи [2]). При объѣздѣ же князь творилъ судъ, управу и собиралъ дани. Когда князь принужденъ былъ, вслѣдствіе расширенія территоріи, отказаться отъ личнаго объѣзда страны, полюдіе не исчезло, но измѣнило форму и превратилось въ нѣкоторыхъ княжествахъ въ проѣзжій судъ. Князь посылалъ довѣренныхъ людей для суда, вмѣсто себя.

Въ Новгородѣ проѣзжій судъ бывалъ два раза въ годъ и сопровождался также сборами пошлинъ [3]). Впослѣдствіи взносы, собираемые при объѣздахъ (именно дары, поклоны) изъ случайныхъ и неопредѣленныхъ формируются въ опредѣленные ежегодные платежи населенія князю. Дѣйствительно, уже въ Ростиславовой грамотѣ мы встрѣчаемъ опредѣленные размѣры полюдія для нѣкоторыхъ городовъ. Кромѣ того, въ той же грамотѣ полюдіе съ городовъ названо погородіемъ, при чемъ замѣтна дифференціація его: погородіе составляется изъ урока, даровъ переложенныхъ на деньги, и почестья — поборовъ натурою [4]). Такимъ образомъ, сборъ неопредѣленный по размѣру въ пользу князя, какъ администратора, пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени характеръ постояннаго квотативнаго (очевидно) налога; онъ сохраняетъ частью свой первоначальный характеръ, но разлагается на нѣсколько составныхъ элементовъ: въ основѣ полюдія лежитъ въѣздъ для суда и управы; въѣздъ совершаетъ князь, или намѣстникъ, получая приэтомъ содержаніе отъ населенія натурою и судебныя пошлины отъ дѣлъ; но съ другой стороны древнее полюдіе уже является фиксированнымъ въ опредѣленномъ размѣрѣ—независимо, конечно, отъ существующихъ еще въѣздовъ, причемъ одно названіе продолжаетъ напоминать о его происхожденіи (полюдіе „даровное“, почестье).

---

[1]) Ср. грам. Мстислава Юрьеву монастырю, гдѣ говорится объ осеннемъ полюдіи „даровьномъ“, Хрест. Буданова, I, p. 116.

[2]) Ипат. лѣт., 521: „Данилъ же и Василко вѣдаста ему (Михаилу) *ходити по землѣ* своей, и даста ему пшеницѣ много, и меду и говядь и овѣць доволѣ“.

[3]) Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова. СПБ., 1879, 63—4.

[4]) Хрест. Буданова, I, p. 247—8, см. примѣч.

Метаморфоза, происшедшая съ полюдіемъ, для насъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ ею разъясняется генезисъ нѣкоторыхъ сборовъ позднѣйшаго времени, какъ на администрацію, такъ и на великаго князя.

Правда, полюдіе въ собственномъ смыслѣ не часто встрѣчается въ грамотахъ удѣльныхъ князей Литовскаго періода [1]): въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно носитъ характеръ опредѣленнаго налога. Сравнительно рѣдко встрѣчающаяся передача полюдья землевладѣльцамъ въ жалованныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей, можетъ быть объяснена двояко: въ однихъ княжествахъ оно могло сдѣлаться уже чисто намѣстническимъ доходомъ и потому не попадало въ грамоты, въ другихъ—напротивъ, князья могли оставлять его за собою, что одинаково не заносилось въ текстъ грамоты. Для доказательства послѣдняго у насъ есть два важныхъ факта. Въ люстраціи Кіевской земли 1471 г., представляющей собою, какъ извѣстно, порядки удѣльнаго періода, полюдіе идетъ великому князю и представляетъ собою опредѣленный сборъ. Ревизія Пинскаго староства, составленная Л. Войною, точно также знаетъ полюдье въ качествѣ опредѣленнаго налога во множествѣ селъ бывшаго Пинскаго княжества: въ этихъ селахъ, по словамъ ревизіи, оставлены, по разнымъ причинамъ, „старыя“ подати [2]), т. е. существовавшія при удѣльныхъ князьяхъ, до перехода княжества къ королевѣ Бонѣ, а отъ нея къ королю. Трудно опредѣлить, долго ли, по присоединеніи того или иного княжества, полюдіе продолжало быть великокняжескимъ доходомъ. Какъ налогъ, взиманіе котораго связывалось съ производствомъ управы, оно скоро перешло къ намѣстникамъ.

Дѣйствительно мы находимъ полюдіе въ числѣ намѣстничьихъ доходовъ Русскихъ волостей. Здѣсь оно сохранилось дольше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, но въ древнѣйшее время мы встрѣчаемъ полюдье въ качествѣ опредѣленнаго старостинскаго дохода и за предѣлами Подвинья и Поднѣпровья, напр. въ Луцкѣ [3]).

---

[1]) Напр., въ Кіевской землѣ, судя по инвентарю, составленному тотчасъ по присоединеніи области къ Литвѣ, Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, № 1; въ Друцкомъ княж.—Skarbес Даниловича, № 959; въ Кобринскомъ княжествѣ, А. Ю. З. Р., I, № 32; въ Пинскомъ, Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ Велик. кн. Лит. (Изд. Вил. Археогр. Ком., р. 285).

[2]) Писцовая книга Пинскаго Староства, изданная Виленскою Археографич. Ком., т. II, passim.

[3]) А. З. Р., I, № 213.

Полюдье представляетъ собою опредѣленный намѣстничій доходъ, но взиманіе его тѣсно связано съ намѣстничьими въѣздами въ волость. Такъ иногда волостныя уставы разрѣшаютъ намѣстнику или въѣздъ въ волость, или сборъ полюдія: такъ могилевскій державца по уставѣ 1514 г., беретъ на волощанахъ „узъезду своего пятьдесятъ копъ грошей, а полюдованья, *коли у волость не поѣдетъ*, пятьдесятъ же копъ грошей“ [1]).

Здѣсь, замѣтимъ, плата за въѣздъ является надбавкой къ полюдью (это видно изъ судной грамоты 1536 г.): повинность волости состоитъ или въ платѣ полюдья въ размѣрѣ 50 копъ грошей, или въ пріемѣ у себя намѣстника, т. е. во въѣздѣ; особый взносъ же за въѣздъ представляетъ собою дифференціацію полюдья, установленную самимъ королемъ, именно въ данной уставѣ.

Бчицкая волость въ 1509 г. жаловалась великому князю на своего намѣстника (онъ же и мозырскій намѣстникъ), что онъ держитъ на Бчичѣ своего намѣстника: между тѣмъ „здавна“ установился такой порядокъ, что намѣстникъ мозырскій въѣзжалъ въ Бчицкую волость „на полюдье свое“ и тогда ему давали насадку меду и по лисицѣ съ дыму; это бывало разъ въ годъ; король возстановилъ старину волости [2]). Полюдіе для державцевъ было однако менѣе прибыльнымъ, чѣмъ въѣздъ, потому что при послѣднемъ, они получали не только „поклоны“, но и содержаніе натурою, причемъ часто на такой почвѣ допускались различныя злоупотребленія. Такъ, напримѣръ, Свислоцкая волость въ 1534 г. выставила рядъ жалобъ, на намѣстниковъ кіевскаго воеводы Яна Немировича, который державъ Свислочъ. Свислочане жаловались на намѣстниковъ, что они въѣзжали въ волость въ большомъ числѣ, требуя приэтомъ, чтобы имъ давали „поклоны“. Полюдованіе въ Свислоцкой волости бралось дважды въ годъ, весною и осенью въ опредѣленномъ размѣрѣ (по $1^1/_2$ гроша съ дыма), но намѣстники вымогаютъ „за тымъ полюдованьемъ“ особые поборы. Наконецъ, въ ту же волость въѣзжаютъ писари скарбные для сбора серебщины, которые берутъ „узъезду по 15 рублевъ грошей кромъ стравы“. Великій князь нашелъ жалобы Свислочанъ основательными, запретилъ въѣздъ намѣстниковъ, установилъ старинный размѣръ полюдья и отмѣнилъ особую плату за въѣздъ писарямъ,

---

[1]) А. З. Р., II, 113; ср. Уставу 1521 г. Акты Лит.-русск. государства, I, 173.
[2]) Книга Записей Лит. VIII, л. 324 (Любавскій, Обл. дѣл., прил. № 17).

оставивъ для нихъ только кормъ съ волостей натурою, который волощане должны были доставлять въ резиденцію намѣстника — Свислочъ [1]).

Устава Свислоцкой волости, которую мы сейчасъ привели, отличается полною архаичностью существовавшихъ тамъ порядковъ: по увѣренію крестьянъ, всѣ ихъ порядки существовали еще при Витовтѣ, и крестьяне просятъ объ ихъ возстановленія. Въѣздъ намѣстника, какъ мы видимъ, здѣсь былъ отмѣненъ и въ его пользу оставленъ только сборъ полюдья. Черезъ шесть лѣтъ Свислочане снова просятъ короля о выдачѣ уставы, данной въ 1534 г., потому что послѣдняя отнята у нихъ намѣстникомъ. Устава выдана въ 1540 г. въ нѣсколько измѣненной редакціи. Въѣздъ въ ней не упоминается, очевидно, оставаясь отмѣненнымъ; полюдіе оставлено въ прежнемъ размѣрѣ, но оно доставляется намѣстнику вмѣстѣ съ кормомъ въ натурѣ [2]). Дѣйствительно полюдіе иногда дается особо отъ доставки стацій намѣстнику натурою.

Такъ въ Чичерской волости полюдіе платится намѣстнику по одному грошу „водле давного обычая" волощанами, живущими въ селахъ, и тѣми изъ нихъ, которые, хотя и живутъ въ городѣ, но имѣютъ пашню въ селахъ. О въѣздѣ не упомянуто, но на державцу опредѣлена въ извѣстномъ размѣрѣ стація [3]). Въ Кричевской волости совсѣмъ запрещено въ 1522 г. полюдье съ въѣздомъ въ волость [4]), но, вѣроятно, волость доставляла кормъ намѣстнику.

Въ самомъ дѣлѣ, въ другихъ извѣстіяхъ совершенно опредѣленно выступаетъ дифференціація полюдья на въѣздъ и собственно полюдье. Такъ въ Бчицкой волости, какъ подтверждаетъ господарскій вырокъ 1551 г., въѣздъ собирался натурою, а полюдье особо—деньгами [5]). Тоже раздѣленіе встрѣчаемъ мы и въ люстраціи Мозырской

---

[1]) Кн. Судн. Д. Лит. VII, л. 133 об.—135.

[2]) А. З. Р., II, р. 368.

[3]) Зап. Лит., XXXVII, л. 101.

[4]) Акты Лит.-русск. госуд., I, 185.

[5]) Приведемъ характерный для исторіи въѣздовъ и полюдья вырокъ М. Радивила: „Мы Миколай Радивилъ, воевода виленский, маршалокъ земский канцлерь Великого князьства Литовского, староста берестейский державца, борисовский и шовленский смотрели есмо того дела. Жаловали мозыране волости Бчыцкое на державцу своего воеводу подляшиского пана Миколая Воитеховича Нарбута тымъ обычаемъ: державца деи нашъ всылаеть по два разы у волость нашу и беретъ на васъ по тры грошы и по ведру овса; на то панъ Нарбутъ поведилъ: перед тымъ

и Бчицкой волостей 1552 г. Бчицкая волость оплачиваетъ натурою въѣздъ писарскій или старостинскій въ одинаковомъ размѣрѣ, но полюдье оплачивается общей суммой въ 25 копъ грошей въ годъ. Интересно, что мѣщане мозырскіе оплачиваютъ только писарскій въѣздъ, но онъ идетъ уже на замокъ и составляетъ опредѣленный его доходъ [1]). Этотъ послѣдній сборъ, будучи совершенно случайнымъ, успѣлъ фиксироваться. Однако, въ Бобруйской, напримѣръ, волости писарскій въѣздъ попрежнему дается только писарямъ и не перешелъ еще въ опредѣленный налогъ [2]).

До сихъ поръ мы наблюдали тѣсную взаимную связь между полюдьемъ и въѣздомъ, они оба существуютъ неразрывно: полюдье продолжаетъ носить свой изстаринный характеръ сбора въ пользу администратора. Въѣзжая въ волость, намѣстникъ получаетъ содержаніе натурою—въѣздъ, стацію. Оба платежа—налоги на администрацію, такъ какъ въ волости она чинитъ управу во время своихъ въѣздовъ, напр.: присутствуетъ на разметахъ, или, какъ писари,—при сборѣ серебщины, государственной подати. Замѣтимъ, что ни въѣздъ, ни полюдье не замѣняютъ суда: это совсѣмъ особый источникъ дохода. Такъ какъ центральнымъ мѣстомъ волости является городъ—резиденція намѣстника, то горожане не вносятъ ни полюдья, ни въѣзда: намѣстникъ здѣсь живетъ, и нѣтъ предлога для въѣзда. Съ другой стороны, въѣздъ въ натурѣ или его оплата замѣняетъ собою кормъ

дей врадникъ мозырский два разы до году у волость въеждчывалъ и не мешъкивалъ болшъ одно, покол станы звычайные объедетъ, и биралъ з дыму по грошу и по ведру овса, а на служебника его, который то выбираеть по полгроша. Пчычане положили листъ Жыкгимонта короля, писаный до воеводы Киевскаго пана Юря Миколаевича Радивила, на которомъ описано наместнику его милости только одинъ раз въеждчати и по ведру овса и по грошу одному на нихъ брати. И мы заховываючи ихъ водле листу господарского, на том есмо тую речь зоставили, ижъ маеть державца их панъ Нарбутъ водле листу его королевское милости ку ним ся заховати и одинъ разъ на годъ у волость ихъ всылати, а они маютъ на него по ведру овса а по грошу одному давати. А што ся дотычеть, ижъ жаловали Пчычане на державцу своего пана Нарбута о *полюдованье*, якобы онъ, уводячы новину, мелъ на нихъ по полтретядцать копъ грошей брати, панъ Нарбутъ поведилъ, ижъ зъ стародавного обычая то они даютъ и то на нихъ довести хочеть, и мы отложыли то до господаря его милости. И на то есмо имъ дали сесь нашъ листъ под нашою печатью. Писанъ у Вилни под лет Божъ. Нарожь. 1551 мца авъгуста 20 день. Инъдиктъ 9". Кн. Суд. Д. Л. XXVII, л. 88.

[5]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, р. 623.

[6]) Зап. Лит., XV, л. 102—103.

намѣстника. Гдѣ былъ въ обычаѣ въѣздъ, тамъ ни словомъ не упоминается о какихъ либо иныхъ кормахъ для намѣстника. Въѣздъ, такимъ образомъ, является обычной формой кормленія великокняжескаго намѣстника. Какъ таковое, онъ первоначально и взимался натурою въ размѣрѣ дѣйствительной надобности намѣстника и его семьи и слугъ [1]). Но при въѣздахъ возникали пререканія между волощанами и намѣстниками, такъ какъ послѣдніе не рѣдко, не довольствуясь полюдьемъ и въѣздомъ, требуютъ поклоновъ, берутъ „за полюдованьемъ" и пр. [2]). Естественно, со стороны волощанъ является стремленіе фиксировать въѣздъ въ видѣ опредѣленнаго корма или платежа и отдѣлаться отъ появленія въ волости намѣстника. Такіе случаи мы уже видѣли въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Но интересно, что при этомъ переложеніи въѣздовъ, могло исчезнуть и самое понятіе о немъ, такъ какъ въѣздъ иногда замѣнялся новымъ налогомъ на содержаніе намѣстника. Такъ, напр., въ Могилевской волости въ 1536 г., вслѣдствіе жалобъ волощанъ па своего намѣстника за его поборы при въѣздахъ и сборѣ полюдья, въѣздъ былъ совсѣмъ отмѣненъ. Здѣсь намѣстники достигли того, что получали опредѣленную сумму за въѣздъ и за полюдье отдѣльно и, кромѣ того, собирали живность натурою. Между тѣмъ изъ уставы 1514 г. мы уже знаемъ, что намѣстнику могилевскому полагался только въѣздъ и полюдье. Король отмѣнилъ совсѣмъ въѣздъ, передавъ намѣстнику часть великокняжеской тивунщины, но установилъ сборъ живности на кормъ намѣстнику и опредѣлилъ размѣръ ея [3]). Такимъ образомъ, изстаринный налогъ исчезъ изъ обихода волости, оставивъ послѣ себя лишь то, что было въ сущности его придактомъ, незаконно и недавно введеннымъ намѣстниками. Въ Мозырской волости тоже исчезъ въѣздъ: волость получила въ 1551 г. подтвердительный привилей отъ господаря, на основаніи котораго она вносила опредѣленное количество денегъ и жита,—„съ того дей державца мелъ *выхованье* свое мети и послы и гонцы стацеями и подводами поднимати" [4]). Надо замѣтить,

---

[1]) Кстати напомнимъ, что въѣздами пользовались и частные землевладѣльцы, напр. влаыки. А. З. Р., I, п. 174-5.

[2]) Въ Свислоцкой волости намѣстникъ ѣздилъ „у 20 або 30 конехъ из жонами и з слугами своими, тогды до нихъ прыехавши дани не беруть, але держать до тыхъ часовъ, поки имъ поклонъ дадуть". Кн. Суд. Дѣлъ Лит., VII, л. 133.

[3]) Кн. Записей Лит., XIX, л. 173-175.

[4]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XXVII, л. 84—87.

что волощане успѣли перевести свои повинности на деньги и еще въ началѣ XVI в. заключили договоръ съ старостою (до 1510 г.)[1]). Мозыряне, такимъ образомъ, успѣли перевести всѣ повинности на деньги и жито, тогда какъ сосѣдніе Бчичане, находившіеся съ первыми въ одинаковомъ положеніи, платили и полюдье и въѣздъ.

Выше было замѣчено, что полюдье и въѣздъ извѣстно въ XVI в. только въ Русскихъ волостяхъ; въ XV в. мы встрѣчаемъ его въ Кіевщинѣ, на Волыни и въ Припрiпятьи. Однако, зная тѣсную связь полюдья съ въѣздомъ, мы теперь можемъ сказать утвердительно, что въѣздъ былъ извѣстенъ и литовскимъ и жмудскимъ областямъ государства. Только здѣсь терминъ полюдія, быть можетъ, не былъ въ употребленіи. Самый въѣздъ иногда сохранялся подъ своимъ названіемъ, иногда назывался *посѣдью*, или *посадью*. Такъ Упитская волость жаловалась королю въ 1538 г. на врядниковъ троцкаго воеводы, которые въѣзжаютъ въ волость и „кажутъ себе чтити и даровати", между тѣмъ какъ еще грамотой короля Александра размѣры посади были строго опредѣлены: точно обозначено количество дней, которые могъ проводить воеводинъ намѣстникъ въ волости, и поскольку волощане обязаны ему давать на каждой посади; король Сигизмундъ I возстановилъ старину [2]). Изъ контекста этой грамоты видно, что

---

[1]) Волощане въ 1510 г. жаловались на своего намѣстника А. Немировича за кривды: „И панъ Андрей поведилъ передъ нами, ижъ имъ тыхъ кривдъ недѣлалъ, нижли дей вы сами со мною вмовили давати мне на кождую неделю по шести копъ грошей на страву". Господарь, разобравъ дѣло, постановилъ: „маютъ ему (намѣстнику) въ каждый годъ давати зъ места и зъ волости ис каждого дыму по полукопе грошей а по полъ-бочце жита. А онъ маетъ съ того самъ живность мѣти изъ слугами своими", также держать сторожу и подводы. Акты Литовско-русск. госуд., I, 145.

[2]) Волость Упитская жаловалась „што жъ деи врадники упитские воеводъ нашыхъ троцкихъ крывды и тяжкости великии имъ делаютъ и новины уводятъ и в домы ихъ з немалымъ почтомъ *уеждчаютъ* а кажутъ себе *чтити и даровати*, чего деи передъ тымъ николи не бывало; а в которого деи дому пива не найдуть, они того грабять и винами караютъ и ихъ самыхъ безъ винъ не имаючи въ нятство сажаютъ и вины непомерныи берутъ и иныи невымовныи тяжкости имъ делаютъ, чего деи передъ тымъ за предковъ нашыхъ николи не бывало; и вказывали передъ нами листъ брата нашого славное памети Александра короля его милости до воеводы троцкаго пана Петра Яновича писаный, в которомъ же описуетъ, ижъ за первшыхъ воеводъ при отцы нашомъ многии новины имъ ся стали и которыи наместники воеводины на тую волость нашу прыеждчывали, тогды бирали на нихъ, *ездячы по посадемъ, с кождое поседи* по осмисотъ куръ, по осмисотъ плечь мяса, по девеносто барановъ, по двесте бочокъ овса, а по шестидесятъ

въѣздъ и посадъ одно и тоже понятіе. Поѣздка по посадямъ сопровождается кормленіемъ намѣстника и собираніемъ корма. Такъ какъ въѣзды вызывали пререканія, да и не по плечу было воеводамъ XVI в. ѣздить по посадямъ, пить крестьянское пиво, подобно своимъ отдаленнымъ предшественникамъ, то врядники вступаютъ съ волощанами въ соглашеніе о замѣнѣ посадей опредѣленными взносами. „Я по посѣденъ не хочу ездити, яко продкове мои ежчивали для того, ижъ вамъ з большою шкодою и утратою будеть и большей бы вамъ вышло, коль бысте мене подыймовали" говорилъ волощанамъ староста жмудскій и ковенскій, извѣстный Янъ Миколаевичь Радивилъ, и предложилъ имъ замѣнить въѣзды опредѣленнымъ взносомъ [1]).

Впрочемъ въ господарскихъ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ и Жмудскаго староства посѣди были уничтожены господарскою уставаю въ 1527 и 1529 гг. Такъ какъ эти дворы населены были тяглыми подданными и державца здѣсь раньше чѣмъ въ Русскихъ волостяхъ превратился изъ государственнаго агента въ вотчиннаго прикащика, то такое управленіе давало слишкомъ много поводовъ для эксплоатаціи тяглаго населенія, и посѣди здѣсь стали явнымъ вредомъ. Такъ устава 1527 г. отмѣняетъ въ жмудскихъ господарскихъ волостяхъ всѣ посѣди тивуновъ и державцевъ и прежніе господарскіе платы ввиду „тяжкостей" и „утисковъ", которые терпятъ подда́ные отъ уряда. Вновь устанавливаемый налогъ на господаря, по объясненію уставы, вдвое, или втрое меньше того, что выходило на посѣди старостѣ [2]). Устава 1529 г. подтверждаетъ отмѣну посѣдей,

---

копъ грошей, а по двадцати подводъ, чого здавна не бывало. И Александръ король его милость, убачывшы, ижь то есть людемъ нашымъ с тяжкостью, установилъ его милость и выписалъ то въ листе своемъ, ижъ маетъ наместникъ воеводинъ ездити по посадомъ на *году* тры разы, два кротъ мають на него дѣлати по трыдцати поседи, а в третее на весьне по пятнадцати поседей; а на каждую поседъ маютъ прыехати къ обеду, а ночовавшы и обедавшы, на заутрые маеть прочъ поехати, а на каждой поседи маютъ ему дати по барану, а по пятнадцати куровъ, пятнадцать плечъ мяса, а по пуду меду и тежъ на кождой поседи по тры бочки овса, а по куницы шерстью або за куницу дванадцать грошей, а большъ того не казалъ тымъ людемъ нашымъ ничого имъ давати. То пакъ деи врадники пановъ воеводъ троцкихъ не водле тое уставы къ нимъ ся заховываютъ и черезъ тотъ листъ крывды и тяжкости имъ делають, и били намъ челомъ, абыхмо пры той уставе, водле листу брата нашого Александра короля его милости ихъ зоставили". (Книга Записей Литов., XX, л. 165—166).

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, лл. 150 - 152.

[2]) А. З. Р., II, 182 - 3.

подчиняетъ строгой регламентаціи тивунскіе въѣзды и опредѣляетъ размѣръ тивунскихъ доходовъ [1]).

Въ предъидущемъ изложеніи былъ попутно указанъ рядъ свидѣтельствъ изъ которыхъ видно, что полюдье тѣсно связано съ поклонами и дарами тому лицу, которое въѣзжало для суда и управы. Эта связь, весьма характерная и вполнѣ естественная, такъ какъ въ ней мы встрѣчаемся съ переживаніемъ древнѣйшаго свойства сбора: въ однихъ мѣстностяхъ полюдіе, вслѣдствіе тѣхъ, или иныхъ причинъ, могло превратиться въ опредѣленный сборъ, въ другихъ—сохранило изстаринную традицію „даренія", „чести". Конечно, въ XVI в. это свойство полюдія, повторяемъ, составляетъ уже переживаніе, но тѣмъ интереснѣе отмѣтить въ данномъ случаѣ еще одно свидѣтельство источника. Ратненское староство на Волыни принадлежало къ коронньшъ землямъ; оно сохранило любопытнѣйшія черты стариннаго быта, такъ что въ половинѣ XVI в. оно является вполнѣ архаичнымъ въ то время, когда жизнь сосѣднихъ мѣстностей ушла далеко впередъ. Въ селеніяхъ Ратненскаго староства сборъ полюдія имѣлъ широкое примѣненіе. Люстраторъ, записывая дани, даетъ и объясненіе ихъ, указывая иногда на ихъ происхожденіе, значеніе и т. п.; эти замѣчанія весьма любопытны, такъ какъ они—не домыселъ ревизора, но записаны на основаніи объясненій самого населенія; послѣднее вытекаетъ изъ того, что одинъ и тотъ же сборъ въ разныхъ селахъ объясняется иногда различно, а иногда встрѣчаются и ссылки на объясненіе, данное именно крестьянами. Представленіе о полюдьи въ названной мѣстности уже не вездѣ одинаково. Такъ, въ с. Замшанахъ дань медовая складывается трояким способомъ—изъ даннаго меда, бобровничаго и полюдья: полюдьемъ этотъ медъ называютъ потому, что съ увеличеніемъ людей, увеличивается и дань; но это этимологическое объясненіе, не имѣющее, конечно, значенія, противорѣчитъ объясненіямъ полюдья, даваемымъ въ другихъ селахъ; даже въ томъ же с. Замшанахъ встрѣчаемъ, кромѣ полюдья съ даннымъ медомъ, еще и особое полюдье [2]). Полюдье при дани—это тотъ же поклонъ. Дѣйствительно, въ другихъ селахъ полюдье и поклонъ—синонимы. Такъ, въ одномъ селѣ крестьяне даютъ намѣстнику полюдье, или поклонъ, во время его въѣздовъ, въ

---

[1]) Ibidem, p. 201.

[2]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, p. 282—3.

размѣрѣ 2 злотыхъ; при этомъ стаційная яловица дается особо [1]). И въ другихъ мѣстностяхъ намѣстникъ получаетъ paludzia albo poklon, независимо отъ стаціи [2]). Отсюда и наоборотъ „почестье", т. е. тѣже поклоны „называются полюдіемъ" [3]). Такъ какъ полюдіе здѣсь иногда давалось натурой, кормомъ, то встрѣчаемъ и объясненіе полюдья, какъ стаціи (palyudzia albo statyi) [4]). Тутъ мы видимъ какъ будто разнообразныя толкованія полюдья, но въ дѣйствительности всѣ они соотвѣтствуютъ основному его значенію.

Въ исторіи полюдья и въѣзда есть еще одна особенность, которую не безполезно отмѣтить. Будучи въ древней Руси, и вѣроятно и въ Литовскій удѣльный періодъ, вполнѣ самостоятельнымъ и значительнымъ по размѣру налогомъ, оно имѣло при себѣ въ качествѣ необходимаго придакта въѣздъ, т. е. кормъ намѣстника при объѣздѣ. Но такъ какъ окладныя нормы всѣхъ дореформенныхъ налоговъ въ Литовско-русскомъ государствѣ отличались большимъ консерватизмомъ, то и полюдіе, сохраняя неподвижность оклада, стало терять свое значеніе въ качествѣ главнаго налога на администрацію. Послѣдняя стала развивать и увеличивать размѣры придаточной части полюдья— въѣзда, по существу дольше сохранившаго свой неопредѣленный характеръ и еще въ XVI в. отбывавшагося натурою. Нѣкоторые примѣры такого перевѣса въѣзда надъ полюдьемъ мы уже видѣли. Въ этомъ же легко убѣдиться, если сопоставить количественный ростъ обоихъ [5]).

---

[1]) Ibidem, p. 280.

[2]) Ibidem, p. 293, 298.

[3]) Ibidem, p. 284.

[4]) Ibidem, p. 290.

[5]) Напр. въ Могилевской волости при королевѣ Еленѣ собиралось: „хто узьедеть брати дани грошовое.... тому *узьеждчого* 30 рублевъ, 50 копъ грошей широкихъ" (Акты Лит.-русск. гос., I, p. 187). Здѣсь „узьеждчее" не плата за въѣздъ (онъ отбывался кормомъ въ натурѣ), но именно полюдье. Грамотами послѣдующаго времени въѣзды были отмѣнены, а сборъ полюдья продолжался. Державца Могилевскій кн. В. И. Соломирецкій сдѣлалъ было попытку возстановить въѣзды, причемъ за въѣзды и полюдье бралъ особые платы. Но въ 1536 г. король, по жалобѣ волощанъ, повторилъ льготу объ отмѣнѣ въѣздовъ, „а за полюдованье маеть (волость) ему (державцѣ) давати 60 копъ грошей на узкую личбу, *какъ и передъ тыми даивали*"; въѣздъ при этомъ оплачивается доставкою кормовыхъ средствъ въ резиденцію намѣстника (Кн. Записей Литовскихъ, XIX, л. 173 — 175). Отсюда видно, что размѣръ полюдья при королевѣ Еленѣ и въ 1536 г. оставался въ одномъ и томъ же размѣрѣ: 50 копъ гр. широкихъ равны 60 копамъ на узкую личбу.

Неудивительно поэтому, что въ западныхъ господарскихъ дворахъ скоро утрачивается и терминъ и понятіе полюдья, тогда какъ о въѣздахъ и посѣдяхъ хорошо знаютъ наши источники. Но такъ какъ главное значеніе въѣзда состояло въ кормѣ намѣстника, то этотъ последній въ концѣ концовъ вытѣснилъ и полюдье и въѣздъ. Когда произведена была Сигизмундомъ Августомъ реформа господарскаго хозяйства, то ни полюдье, ни въѣздъ не удержались въ качествѣ врядничьихъ доходовъ. Правда, что въ литовскихъ областяхъ въѣздъ, какъ мы видѣли, былъ отмѣненъ еще въ 1527—1529 г., т. е. задолго до введенія волочной системы; но и въ Русскихъ волостяхъ о немъ нѣтъ и помину ни въ уставахъ, ни въ ревизіяхъ этихъ волостей. Вездѣ ревизіи точно опредѣляютъ размѣры доходовъ деньгами и натурою (стація) на старосту, или державцу, а въ Русскихъ волостяхъ и на низшихъ служебниковъ—ключниковъ, городничихъ, медосытцевъ и пр. Эти новыя нормы урядничьихъ доходовъ замѣнили собою древнерусское полюдье и въѣздъ. Такъ какъ въ Русскія волости, какъ мы видѣли, имѣли въѣздъ скарбовые писари, то этимъ обстоятельствомъ объясняется появленіе въ названныхъ волостяхъ особыхъ сборовъ на подскарбія земскаго, скарбнаго и ключника троцкаго: этимъ поборомъ на центральную администрацію замѣненъ въѣздъ.

Все что говорилось до сихъ поръ о полюдьи и въѣздѣ, касалось этихъ налоговъ только по отношенію къ господарскимъ волостямъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они всегда носили свойства сборовъ, взимаемыхъ только съ господарскихъ подданныхъ. Полюдье было княжескимъ доходомъ въ древнѣйшій періодъ и оставалось таковымъ въ удѣльныхъ княженіяхъ литовской эпохи. Такъ какъ намѣстники замѣнили собой удѣльныхъ князей въ областяхъ, то этотъ налогъ, будучи въ основѣ своей оплатой административныхъ функцій князя, перешелъ къ великокняжескимъ намѣстникамъ. Однако, въ ранній періодъ литовской исторіи власть великокняжескаго намѣстника распространялась не на однихъ господарскихъ подданныхъ, а (въ извѣстной мѣрѣ) и на частновладѣльческихъ. Неудивительно, поэтому, что имѣются извѣстія, показывающія, что въѣздъ и полюдье распространялось за предѣлы господарской волости и было повинностью всего тяглаго населенія.

Постановленія Полоцкой, Витебской, Кіевской и Смоленской уставныхъ грамотъ освобождаютъ населеніе частновладѣльческихъ имѣній отъ воеводскихъ въѣздовъ. „А по волости ..... воеводѣ нашому не

ѣздити“ говоритъ текстъ первыхъ двухъ грамотъ; если воевода поѣдетъ въ ловы, то его „по станомъ не дарити“; Полоцкая грамота воспрещаетъ и разъѣзды воеводиныхъ слугъ. Кіевская грамота подробно перечисляетъ всякіе виды воеводскихъ сборовъ съ населенія, которые впредь не должны быть допускаемы, но которые, очевидно, существовали раньше. Кіевскіе воеводы не имѣютъ права „всылати“ для сбора меда на пасѣкахъ и бортныхъ земляхъ и взимать другихъ поборовъ; при переѣздахъ воеводъ, или ихъ слугъ по Кіевской землѣ, населеніе освобождается отъ становъ и стацій на нихъ [1]). Изъ жалобъ Смоленскихъ жителей на своего воеводу п. Миколая Радивила, занесенныхъ въ уставную грамоту, можно также заключить о существовавшемъ здѣсь обычаѣ воеводскихъ въѣздовъ. Смольняне считаютъ ихъ „новиной“ [2]), но, быть можетъ, эта новина была лишь потому, что они раньше уже освобождены отъ въѣздовъ, а воевода нарушалъ эту вольность.

Во всякомъ случаѣ для нашей цѣли достаточно этихъ указаній, потому что они даютъ намъ почву для заключенія о томъ, что въ древнѣйшую пору Литовско-русскаго государства сборъ полюдья выходилъ за предѣлы господарскихъ подданныхъ и былъ сборомъ на администрацію, взимаемымъ со всѣхъ классовъ населенія.

Такимъ образомъ, судьба полюдья въ общихъ чертахъ можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ. Оно возникло, какъ кормленіе въѣзжающаго въ волость князя, сопровождавшееся неопредѣленнымъ сборомъ въ пользу князя (дары) съ населенія, какъ оплатою административныхъ его функцій. Но уже въ до-литовскій періодъ полюдіе въ нѣкоторыхъ княжествахъ становится окладнымъ сборомъ, при чемъ намѣчается его дифференціація на составные части (грамота Ростислава). Въ Литовскій удѣльный періодъ, оно еще составляетъ удѣльно-княжескій доходъ и какъ таковой вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими доходами, переходитъ или въ велико-княжескій доходъ (Кіевская земля, Пинщина), или въ намѣстничій. Въ послѣднемъ своемъ видѣ оно носитъ нѣкоторое время характеръ сбора со всего населенія на содержаніе администраціи, но вскорѣ утрачиваетъ это свойство, по мѣрѣ того какъ само государство теряло власть надъ тяглымъ населеніемъ не господарскихъ земель. Замыкаясь въ сферу

---

[1]) Ясинскій, Уст. гр., p. 143—145.

[2]) Ibidem, p. 147—148.

господарскаго хозяйства, полюдье принимаетъ черты частно-прававого сбора. Въ качествѣ намѣстничьяго сбора, само полюдье иногда является опредѣленнымъ сборомъ, но оно нераздѣльно связано еще съ въѣздомъ врядниковъ. Такъ какъ фиксированный въ извѣстной суммѣ налогъ отличался большимъ консерватизмомъ, то въѣздъ развивается количественно; иногда и онъ принимаетъ нормы опредѣленнаго налога. Составная часть полюдья—въѣздъ пріобрѣтаетъ въ концѣ концовъ значеніе намѣстничьяго корма. Хозяйственныя реформы Сигизмунда Августа совсѣмъ уничтожаютъ въѣздъ и полюдье, но устанавливаютъ опредѣленные сборы натурою или деньгами на господарскихъ врядниковъ (кормъ, стація). Въ послѣдней стадіи своего развитія этотъ налогъ является сборомъ вполнѣ вотчиннаго характера. Такова исторія полюдія. Но значеніе его въ дѣлѣ происхожденія налоговъ будетъ для насъ еще болѣе важнымъ, когда мы узнаемъ, что оно же послужило основой для одного изъ великокняжескихъ доходовъ—стаціи. Эта связь полюдія со стаціей и заставила насъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, хотя самый сборъ рано превратился въ намѣстничій доходъ.

1. Стація на господаря (яловщина, болкуновщина, мезлева).

Стація заключалась въ томъ, что населеніе обязано было доставлять съѣстные продукты на великаго князя и его дворъ при остановкѣ его на территоріи той или иной общины. Великій князь литовскій, подобно своимъ древне-русскимъ предшественникамъ, куда бы ни появлялся, вездѣ творилъ судъ и управу. Извѣстно не мало случаевъ, когда господарь „на станахъ“ во время остановки или переѣзда давалъ тѣ или иныя распоряженія, чинилъ судъ, выдавалъ грамоты и проч. [1]).

---

[1]) Кибургъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ о Витовтѣ, что этотъ великій князь успѣлъ исправить финансовое хозяйство, пошатнувшееся послѣ Ольгерда: „онъ самъ объѣзжаетъ провинціи, вникаетъ въ управленіе коронныхъ имѣній, посѣщаетъ ленныхъ князей и такимъ образомъ собираетъ большіе доходы“. Кибургъ ясно связываетъ объѣзды великаго князя съ собираніемъ доходовъ, а раньше онъ же говоритъ, что въ число великокняжескихъ доходовъ входятъ и неопредѣленныя „приношенія ленныхъ князей, при собираніи которыхъ однако часто приходится употреблять силу“. Эти объѣзды удѣльныхъ князей, съ которыхъ при взиманіи

Онъ, слѣдовательно, путешествуя по странѣ, выполнялъ свои административно-судебныя обязанности. Такимъ образомъ, великій князь могъ всегда пользоваться кормомъ отъ населенія, какъ это бывало при въѣздахъ на полюдье въ собственномъ смыслѣ. Полюдье уже въ древней Руси сдѣлалось опредѣленнымъ сборомъ, но несомнѣнно за княземъ оставался въѣздъ и соединенный съ нимъ кормъ, подобно тому какъ это было по отношенію къ намѣстникамъ въ XVI в. Съ теченіемъ времени, когда полюдье перешло къ намѣстникамъ, послѣдніе стали пользоваться и въѣздомъ. Но едва ли самъ великій князь отказался отъ одной изъ существенныхъ прерогативъ, сопряженныхъ со въѣздомъ, т. е. отъ поставки населеніемъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ на князя и его свиту. При тогдашнихъ условіяхъ путешествія, при постоянныхъ переѣздахъ великаго князя, это, пожалуй, было и немыслимо. Кромѣ того, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, скорѣе можно ожидать наростанія повинностей, дифференціаціи ихъ, чѣмъ полнаго уничтоженія. Естественно поэтому предположить, что отъ древняго полюдья произошла повинность, принявшая потомъ латинское названіе стаціи. Это слово является переводомъ русскаго—„станъ“. Станъ употребляли въ значеніи мѣста остановки, станціи. Интересно, что въ одномъ очень древнемъ документѣ станъ переведенъ полюдьемъ [1]) — сближеніе для насъ весьма важное. Въ каждой волости были свои „звычайные станы“, которые объѣзжались намѣстниками [2]). На этихъ станахъ намѣстникъ производилъ судъ и управу и собиралъ доходы; сюда ему доставлялся кормъ. Такимъ образомъ „готовить станы“—значило приготовить все необходимое для остановки проѣзжающаго.

Интересно, что стація—одна изъ тѣхъ повинностей въ пользу великаго князя, которую великіе князья успѣли удержать на частновладѣльческихъ земляхъ за собою въ теченіе всего изучаемаго періода, тогда какъ всѣ остальные господарскіе сборы перешли къ по-

---

„приношеній“ приходится употреблять силу, сами напрашиваются на сравненіе ихъ съ собираніемъ полюдья въ его наиболѣе архаичномъ видѣ. Въ виду сказаннаго, въ удѣльныхъ княженіяхъ терминъ стаціи въ пользу удѣльныхъ князей не былъ въ употребленіи, потому что его замѣняло полюдье и въѣзды. Дневникъ, въ переводѣ Смирнова, Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. Ч. I. Одесса, 1868 г., р. 42, прил.

[1]) Грамота Витовта 1411 г., Skarbec Daniłowicza, № 959.

[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XXVII, л. 83, см. грамоту въ примѣч. на стр. 96.

мѣщикамъ. Едва ли не впервые извѣстіе о стаціи встрѣчается въ жалованной грамотѣ Ягайлы католическому духовенству 1387 г. по случаю того, что земли этого духовенства освобождаются отъ стацій [1]). Для церковныхъ земель и впослѣдствіи, вѣроятно, на основаніи привилегіи 1387 г. дѣлались изъятія въ отбываніи стацій на короля. Такъ, напримѣръ, жалуя въ 1430 г., по просьбѣ епископа Мартина, нѣкоторыя земли Виленской капитулѣ тотъ же Ягайло отмѣнилъ всѣ доходы съ нихъ, въ томъ числѣ и cum podwodis, stationibus [2]). Однако, по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, тотъ же Ягайло поддерживалъ принципъ сохраненія стаціи на пріѣздъ короля. Такъ его привилей 1432 г. сохраняетъ за частными владѣніями обязанность поставлять ad vias expeditionales aliaque nostra victualia sicut ab antiquo fuit, teneantur [3]), гдѣ подъ victualia слѣдуетъ понимать доставленіе стацій. И въ своей договорной грамотѣ съ Ягайлою Сигизмундъ Кейстутьевичь повторяетъ обязательство давать королю victualia et equorum pabula, хотя онъ и его потомки свободны отъ всякаго другаго рода субсидій въ пользу короля [4]). Такимъ образомъ, верховный государь Литвы сохраняетъ въ свою пользу только право на стаціи. Тотъ же принципъ еще опредѣленнѣе сказался въ привилеѣ Ягайлы Луцкой землѣ 1437 г.; освобождая жителей отъ старостинскихъ поборовъ, король, однако, удерживаетъ стацію на свой пріѣздъ: salvo nostro et nostrorum successorum personali adventu, in quo hujusmodi stationes necessariae solito more dare tenebuntur [5]). Это мѣсто, между прочимъ, разъясняетъ намъ сущность великокняжескихъ стацій и подтверждаетъ, что даже въ началѣ XV в. стація является твердо установившимся налогомъ. Сохранившійся въ хроникѣ Бѣльскаго разсказъ о требованіи Ягайлою стацій въ Польшѣ, при проѣздѣ черезъ Гнѣзно, также свидѣтельствуетъ о томъ, что эта повинность была обычной въ Литовско-русскомъ государствѣ [6]). Эти древнѣйшія указанія на стацію служатъ въ то же

---

[1]) Skarbec Daniłowicza, № 940.

[2]) Длугошъ, Historia въ изд. 1712 г., I, p. 552.

[3]) Длугошъ, Historia, т. I, p. 614, Skarbec Даниловича, № 1630.

[4]) Филевичъ, Отчетъ объ ученой командировкѣ въ 1892 г., Варш. 1893 г., p. 23.

[5]) Архивъ Ю. З. Р., ч. V, т. I, p. 2.

[6]) Бѣльскій М., Хроника въ изд. Туровскаго, XIII, p. 179. Изложеніе того же разсказа см. въ соч. Смирнова, Ягелло-Яковъ-Владиславъ и пр., p. 179.

время прочнымъ показателемъ ея туземнаго происхожденія—несмотря на латинское названіе [1]), давая тѣмъ самымъ право на отождествленіе ея съ древне-русскимъ полюдіемъ. Стація замѣнила собою полюдье, а полюдье сопровождалось дарами, поклонами. Какъ само гостепріимство, оказываемое государю, такъ и дары, поклоны, оплачивая правительственныя функціи власти, служили выраженіемъ подданства. И это не апріорное заключеніе: оно находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ письмѣ короля Ягайлы къ великому магистру Русдорфу. Король разсказываетъ о вѣроломствѣ Свидригайлы, сравнивая при этомъ отношенія Витовта: Витовтъ всегда признавалъ свое зависимое положеніе отъ короля и, въ благодарность за предоставленную ему власть, „обсыпалъ" Ягайлу дарами и упоминками въ золотѣ, серебрѣ, клейнотахъ, одеждѣ, коняхъ и др. драгоцѣнностяхъ; король многократно ѣздилъ въ Литву, какъ государь, и всегда Витовтъ, давалъ стаціи и все необходимое, какъ это обыкновенно дѣлаютъ старосты [2]). Если король, въ данномъ случаѣ, нѣсколько преувеличиваетъ значеніе подчиненности Витовта, то несомнѣнно, однако, онъ выражаетъ свой взглядъ на стацію и дары, какъ на внѣшнее выраженіе подданства. И это вполнѣ подтверждается всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о стаціяхъ.

Слѣдя далѣе за исторіею стаціи по общимъ законодательнымъ памятникамъ, мы встрѣчаемъ извѣстія о ней въ общеземскихъ привилеяхъ и въ Статутѣ. Иногда высказываютъ мнѣніе, будто стація на господаря отмѣнена съ владѣльческихъ крестьянъ привилеемъ 1457 г., наравнѣ съ дякломъ [3]). Но привилей Казимира Ягайловича говоритъ какъ разъ обратное—объ оставленіи стаціи съ частновладѣльческихъ крестьянъ, пожалованныхъ королемъ [4]); изъ этого только слѣдуетъ, что были землевладѣльцы, освобожденные отъ поставки ихъ крестьянами стацій.

То же постановленіе встрѣчаемъ мы въ грамотѣ Александра 1492 г., только въ послѣдней понятіе стаціи объяснено подробнѣе: къ стаціи причислены сторожа (procurationes), поборы (collectae). Какъ

[1]) Впрочемъ въ Польшѣ стація была отмѣнена въ частновладѣльческихъ земляхъ при Людовикѣ, см. Statuta Herburta, p. 466 (под. сл. Stacio). Kar. Hoffmann, Historija reform politycznycz w dawnej Polsce. Lipsk, 1867, p. 16.

[2]) Skarbec Даниловича, № 1554.

[3]) Ср. Леонтовича „Крестьяне Юго-Запад. Россіи по литовск. праву". Кіев. Университ. Извѣстія 1863 г., № 11, p. 39.

[4]) Działyński, Zbiór praw lit, p. 33.

и въ предыдущемъ привилеѣ къ стаціи здѣсь отнесены и дорожная повинность по починкѣ мостовъ и постройкѣ новыхъ и исправленіи дорогъ—pro nobis et successoribus nostris [1]). Этимъ опредѣленіемъ разъясняется и объемъ древнѣйшей стаціи—какъ доставленіе государю всего, что нужно при проѣздѣ: сюда входили и подводы для господаря и его свиты, такъ какъ привилей 1506 г., повторяя о стаційной повинности предшествующія ему грамоты, прибавляетъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ подводъ на господаря и его преемниковъ [2]). Во всѣхъ актахъ эта повинность названа „старой". Зная эти факты по земскимъ привилеямъ, нетрудно предположить, что когда первый Статутъ сохраняетъ за частновладѣльческими крестьянами повинность—„здавна звычайные обычаи подыймованя стацей на станехъ зстародавна звычайныхъ", поправлять мосты и возобновлять новые на прежнихъ мѣстахъ [3]), то это относится къ стаційной повинности на господаря, хотя объ этомъ и не говорится въ текстѣ. Интересно, что латинскій контекстъ употребляетъ выраженіе—victualia in stationibus,—очевидно, подразумѣвая только содержаніе государя, но не подводы. Второй Статутъ, впрочемъ, дѣлаетъ поправку, указывая, что стаціи даются „намъ господарю" (Разд. III арт. 24).

Обзоръ предшествующихъ законодательныхъ актовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что господарь удержалъ за собою право пользованія стаціями, т. е. кормомъ, при своихъ переѣздахъ, по частновладѣльческимъ землямъ, при чемъ владѣльцы обязаны были приэтомъ чинить мосты и дороги, отъ поставки же подводъ подъ господаря были освобождены. Очень вѣроятно, что при обоихъ Сигизмундахъ господари на практикѣ рѣдко пользовались этимъ своимъ правомъ, особенно Сигизмундъ Августъ, переѣзжавшій обычно изъ Польши въ Вильно по своимъ дворамъ. Однако, еще при Сигизмундѣ I мы встрѣчаемъ отдѣльныя указанія на освобожденіе помѣщиковъ отъ стаційной повинности, а иногда и подтвержденіе ея. Подобнаго рода факты, конечно, лишній разъ подтверждаютъ самое пользованіе королемъ стаціями въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Такъ, напримѣръ, великій князь Александръ, по челобитью князя К. Крошинскаго, освободилъ людей его въ Буйгородской волости отъ „подниманія" ста-

---

[1]) Ibidem, 61.

[2]) Ibidem, p. 96—7.

[3]) Ibidem, 164—5.

ціями господаря и его пословъ [1]). Городничій полоцкій Ив. Глѣбовичъ тоже имѣлъ отъ господаря листъ съ освобожденіемъ отъ становъ на господаря [2]).

Съ другой стороны, мы стрѣчаемъ иногда и подтвержденіе обязанности крестьянъ давать на господаря стаціи. Такъ иногда господарь, жалуя земли и людей помѣщикамъ, напоминаетъ объ ихъ обязанности давать стаціи на свой пріѣздъ: такъ, напримѣръ, Александръ, жалуя Б. Колонтаеву данниковъ въ Брянскѣ, оговариваетъ; „коли мы сами господарь будемъ во Брянску", то человѣкъ Колонтаева долженъ вмѣстѣ съ господарскими людьми участвовать въ разметахъ на стацію [3]). Точно также Сигизмундъ I давая Б. Сопегѣ волостку Ельнүю въ Смоленскомъ пов. оговариваетъ: „нижли коли мы сами господарь будемъ у Смоленску, тогды они маютъ на нашъ прыездъ стацию давати подавному" [4]). Почти въ такихъ же выраженіяхъ, король Александръ оговариваетъ свое право на стаціи въ жалованной грамотѣ князю И. Полубенскому на тяглыхъ людей въ Полоцкой землѣ [5]).

При пожалованіи князя М. И. Мстиславскаго въ 1511 г. имѣніемъ Молодечно, король, освобождая его отъ разныхъ повинностей, оставляетъ однако стацію на себя: „коли мы сами господарь пріѣдемъ до того двора Молодечно, тогда маютъ насъ стаціею поднимати, какъ здавна бывало" [6]). При пожалованіи князю С. Слуцкому княжества Слуцкаго, господарь тоже обязалъ князя поставлять стаціи [7]). Дѣйствительно, мы иногда и въ частновладѣльческихъ актахъ встрѣчаемъ распоряженія о стаціи на господаря. Такъ, князь Федоръ Ярославичъ Пинскій, рѣшая споръ волости съ землевладѣльцемъ, освобождаетъ послѣдняго отъ потяглей съ волостью: „выменяя коли самъ господарь король его милость потягнеть, а либо господарскій братъ, какъ тыми разы шолъ царь Заволскій, тогды маютъ быти помоцни во всемъ томъ посполито съ волостью" [8]). Въ волочной уставѣ коро-

---

[1]) Акты Лит.-русск. госуд., I, 74.
[2]) Кн. Зап. Лит. XVI, л. 168.
[3]) Кн. Зап. Лит. V, л. 82.
[4]) Кн. Зап. Лит. VIII, л. 296 сл.
[5]) Кн. Зап. Лит. V, л. 315.
[6]) А. З. Р., II, 86.
[7]) А. З. Р., I, 186.
[8]) Ревизія пущъ, р. 343.

левы Боны для своихъ имѣній, мы тоже встрѣчаемъ предписанія ея о сборѣ стацій на случай пріѣзда короля [1]).

Конечно, стація испытала обычную судьбу всѣхъ господарскихъ доходовъ при переходѣ господарскихъ людей въ частное владѣніе: право на нее перешло къ помѣщикамъ [2]), и, съ отмѣной стацій на господаря, приняла вполнѣ частноправный характеръ. Такова судьба стаційной повинности на частновладѣльческихъ земляхъ. Она продержалась до третьяго Статута, когда окончательно была отмѣнена (Разд. III, арт. 29).

Въ господарскихъ земляхъ стація имѣла такую же судьбу, какъ и другія древнія повинности, т. е. съ теченіемъ времени превратилась въ постоянный налогъ частноправнаго характера и подверглась дифференціаціи. До двадцатыхъ годовъ XVI в. стація съ господарскихъ подданыхъ продолжаетъ еще носить свой обычный характеръ поставки въ натурѣ корма на господаря и его свиты; въ этомъ смыслѣ великіе князья стараются ее удержать, напримѣръ, при отдачѣ державъ, или при выдачѣ городамъ магдебурскихъ привилеевъ.

Отдавая въ управленіе, или въ залогъ староство, или державу, господарь весьма часто выговариваетъ условіе, по которому державцы обязаны давать стацію на его пріѣздъ. Такъ, напримѣръ, король Сигизмундъ I, опредѣляя господарскіе доходы съ Городенскаго староства при отдачѣ его Юр. Радивилу, ставитъ, между прочимъ, условіемъ: „коли будемъ мѣшкати въ Городне, тогды староста городенскій маетъ насъ со всихъ тыхъ дворовъ всякими стаціями поднимати, такъ какъ было за отца и брата нашого"; если господарь не будетъ жить въ Городнѣ, то староста обязанъ доставить стацію въ Вильну, или куда прикажетъ король [3]). Особенно интересно то обстоятельство, что король оставляетъ на случай своего пріѣзда стацію съ заложенныхъ державъ и весьма часто при такихъ условіяхъ, когда всѣ остальные господарскіе доходы переходятъ къ залогодержателю. Такъ, Сигизмундъ I, закладывая въ 1518 г. державу Мерецкую Ст. Гр. Остиковичу ставитъ

---

[1]) Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, р. 31. Ср. ея же листъ городенскимъ врядникамъ въ кн. Зап. Лит. XXXVIII, л. 110 об.

[2]) По разнымъ поводамъ факты существованія стацій въ частныхъ владѣніяхъ, приведены были выше. См. напр. еще XIV т. Актовъ Вил. К. (passim), гдѣ помѣщены инвентари частновладѣльческихъ имѣній.

[3]) А. З. Р., II, 114.

условіемъ: „А коли мы сами господарь будемъ въ Меречи, и онъ маетъ насъ стацiями и подводами поднимати“ [1]). На такихъ же условіяхъ заложены были Бирштаны кн. М. Микитиничу [2]), Довги—Б. Боговитиновичу и др. [3]).

Всѣ эти данныя указываютъ на то, что господари дорожили стаціями и удерживали ихъ даже тогда, когда отдавали свои державы со всѣми остальными доходами. Конечно, такое отношеніе къ стаціямъ вызывалось, прежде всего, практическою необходимостью. Несомнѣнно, тѣми же побужденіями руководствовались господари и при раздачѣ привилеевъ на магдебурское право: большинство городовъ, особенно изъ тѣхъ, которые лежали на большихъ трактахъ, получая привилей, обязывались имъ къ постановкѣ стацій на господарскій пріѣздъ. Такъ, къ этому обязанъ былъ Полоцкъ по привилею 1510 г. [4]). Милейчицы даютъ стацію по привилею 1516 г. тоже только въ случаѣ пріѣзда господаря собственною персоною [5]), точно также какъ Мельникъ и др. [6]). Впрочемъ, есть королевскіе города на магдебурскомъ правѣ, не обязанные поставкою стацій. Многіе изъ привилеевъ вовсе не говорятъ о нихъ. Нѣкоторые даже получаютъ освобожденіе отъ этой повинности (напр., Нарва въ 1514 г.) [7]). Всѣ эти льготы, впрочемъ, объясняются тѣмъ, что въ городахъ, особенно на холмскомъ правѣ, стація при введеніи магдебуріи иногда превращалась въ постоянный сборъ, хотя и утрачивала свое первоначальное названіе. Такъ, въ той же Нарвѣ, освобожденной отъ стаціи, собирались на короля отъ каждой волоки куры, овесъ и сѣно,—т. е. тѣ самые сборы, которые составляли стацію. Или, напримѣръ, въ привилеѣ 1519 г., опредѣляющимъ повинности Воиня, о стаціи не упоминается, но среди платовъ встрѣчаемъ и сборы натурою—овса, куръ, яицъ и т. д. [8]).

---

[1]) Акты Лит.-рус. госуд., I, p. 163.

[2]) Кн. Зап. Л., XI, л. 6 об.—7.

[3]) Любавскій, Обл. дѣл., прил., см. №№ 25—29.

[4]) А. З. Р., II, 79.

[5]) А. Лит.-рус. госуд., I, 160.

[6]) Ibidem, p. 99. Пещатка даетъ, по привилею 1569 г., на господарскій пріѣздъ, стацію въ размѣрѣ: съ волоки по „четвертинницѣ“ овса, 10 гусей, 20 куръ, 2 каменя лою. Но сверхъ того, съ волоки, въ видѣ ежегоднаго обыкновеннаго сбора, идутъ: овесъ, куры, яйца. Кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 318—321.

[7]) Акты Лит.-рус госуд., I.

[8]) Ibidem, 168.

Но при этомъ можно назвать рядъ городовъ (напр., Вильно, Берестье, Ковно, Минскъ, Новгородокъ, Кіевъ и нѣк. др.), которые совсѣмъ не давали стацій; по крайней мѣрѣ привилеи ни подъ какимъ видомъ объ нихъ не упоминаютъ. Это происходило оттого, что вообще при выдачѣ широкихъ привилегій крупнымъ центрамъ разнообразные натуральные сборы обычно замѣнялись общими денежными платами.

Въ господарскихъ дворахъ стація получила съ теченіемъ времени значеніе постоянной повинности, впослѣдствіи переложенной на деньги. Что въ господарскихъ державахъ стація играла видную роль,— это вполнѣ понятно, такъ какъ господарь и его дворъ пользовались этою повинностью при переѣздахъ и во время пребыванія въ Литвѣ. Съ другой стороны, стаційная повинность естественно больше развивалась тамъ, гдѣ дворъ пребывалъ часто, и оказалась въ забвеніи тамъ, куда онъ не заглядывалъ. Такъ, напримѣръ, въ только что названныхъ русскихъ волостяхъ, въ Кіевщинѣ и на Волыни стаційная повинность, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время, была извѣстна. Выше было приведено, по другому поводу, нѣсколько извѣстій, удостовѣряющихъ ея существованіе въ Полоцкой и Смоленской областяхъ, въ Кіевщинѣ стація носила названіе болкуновщины.

Но здѣсь эта повинность не получила дальнѣйшаго развитія, оставаясь, очевидно, только правомъ короля получать съ волостей, какъ господарскихъ, такъ и помѣщичьихъ, кормъ въ случаѣ пріѣзда. Наоборотъ, въ дворахъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ стація уже въ самомъ началѣ XVI в. превращается въ постоянную повинность. Дальнѣйшая исторія стацій въ господарскихъ державахъ будетъ для насъ понятнѣе, если мы здѣсь же ближе познакомимся съ составомъ этой повинности и ея видоизмѣненіями.

Привилей на магдебурское право Милейчицамъ постановляетъ, что мѣщане на пріѣздъ господаря даютъ: по полъ-четверти овса съ дыму и по курицѣ, а отъ всего мѣстечка копу гусей и четыре каменя лою на свѣчи [1]), т. е. наиболѣе необходимые предметы для пищи людей, кормъ лошадямъ и освѣщеніе. По инвентарю имѣнія Раклишекъ, принадлежавшаго пану Ивану Глѣбовичу, составъ стаціи опредѣленъ такъ: за стацію всякую, т. е. за яловицы и бараны даютъ

---

[1]) Акты Лит.-русск. госуд., I, р. 160.

6 гр. [1]). Въ имѣніяхъ королевы Боны, по уставѣ ея 1552 г., на пріѣздъ короля полагалось по 2 гр. съ волоки деньгами, по цыпленку, по 5 яицъ и съ каждыхъ пяти волокъ по одной бочкѣ солянкѣ жита, и по одному гусю [2]). Вообще, въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, шедшихъ всегда впереди господарскихъ въ дѣлѣ увеличенія податей и повинностей, стація иногда пріобрѣтала весьма разнообразный составъ. Такъ, напримѣръ, въ Брянской державѣ, имѣніи сестеръ короля Сигизмунда Августа, стація состояла изъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ сборовъ [3]).

Но какъ бы ни была разнообразна стація, мы встрѣчаемъ въ ея составѣ овесъ, яловицу, или барана и домашнихъ птицъ. Поэтому если мы иногда встрѣчаемъ эти сборы, необъединенные названіемъ стаціи, то безошибочно можно утверждать, что источники говорятъ именно о стаціи [4]). Яловица является во многихъ мѣстахъ настолько важной составной частью стаціи, что послѣдняя ограничивается одною яловицею, и повинность получаетъ поэтому названіе стаціи яловичной [5]). Послѣдній фактъ имѣетъ для насъ тотъ интересъ, что объясняетъ намъ значеніе натуральной повинности, извѣстной подъ названіемъ *яловщины* и нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ сборовъ. Такъ, напримѣръ, въ русскихъ господарскихъ волостяхъ названіе стаціи почти не встрѣчается, между тѣмъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ тѣхъ же мѣстностей оно употреблялось, какъ мы выше видѣли. За то здѣсь распространенъ былъ сборъ яловщины. Такъ какъ въ эти области

---

[1]) Акты Вил., XIV, р. 315. Въ городенскихъ имѣніяхъ королевы Боны на пріѣздъ господаря полагалось съ волоки по 2 гр., по 1 куряти, по 5 яицъ и съ 5 волокъ по солянкѣ овса и по одному гусю. Кн. Зап. Лит. XXXIII л., 110 об. Ср. еще составъ стаціи въ частновладѣльческомъ им. Полономъ. Памятники Кіевской К., т. II, отд. 2, р. 99, 123.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VI, т. I, р. 31.

[3]) А. Вил., XIV, р. 32.

[4]) Напр., въ Радошковской волости мѣщане „на прыездъ панее даютъ корову, тры бараны", Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 102; вся волость даетъ „спольне яловицу, бараны 3", ibid., р. 105. С. Можутевичи Радошковской волости даетъ дякло и кромѣ того барана, куры, яйца, съ каждой службы, ibid., 113, ср. р. 110.

[5]) Въ Радошковичахъ — „яловицу одну побору даютъ, а на Великъ день по барану", ibid., р. 115. Въ с. Рѣчицѣ дается „стацей ялович. 3, або пенязьми копъ 3", ibid., 158. Въ Радошковичахъ люстрація разсказываетъ такъ: „яловицы тры даютъ на господаря, нѣжли поведають, ижъ за пана Кгаштолта на веселе небожчика пана Станислава Кгаштолта, по своей воли стацею тую дали", ibid., 118.

господари заглядывали рѣдко, то яловщина здѣсь рано превратилась въ постоянный налогъ и переведена была на деньги.

Яловщину восточныхъ областей можно поэтому отождествить со стаціей, ввиду совпаденія состава обоихъ повинностей и ввиду того, что акты знаютъ здѣсь стацію на частновладѣльческихъ земляхъ; разница въ названіяхъ не можетъ останавливать насъ въ такомъ выводѣ, такъ какъ иностранный терминъ стацій естественно могъ привиться скорѣе къ западнымъ областямъ государства, а русскій—удержался въ восточныхъ. Единственное предположеніе о связи яловщины съ оброкомъ за пастьбу скота падаетъ, ввиду слабаго развитія въ большинствѣ этихъ волостей скотоводства и еще болѣе ввиду того, что тамъ, гдѣ скотъ пользовался особымъ выгономъ, существовалъ и особый сборъ за него — скотное серебро (напримѣръ, въ Могилевской волости).

Въ русскихъ волостяхъ яловщина собиралась иногда натурою, иногда перелагалась на деньги. Такъ, въ приходной записи писаря господарскаго Ивашки Яцковича встрѣчается запись о сборѣ яловщины деньгами съ нѣкоторыхъ волостей, напримѣръ, съ Рожничанъ, Туранъ, Жижчанъ, Нежелчанъ, Мемежанъ (1496 г.) [1]).

Могилевская волость платила яловщину тоже деньгами 4 рубля отъ волости, при чемъ эта плата взималась въ одинаковомъ размѣрѣ, какъ при королевѣ Еленѣ [2]), такъ и въ послѣдующіе годы [3]). Интересно, что въ уставахъ Могилеву эта повинность то называется яловщиной, то платой „за яловицы". Грамота 1494 г., опредѣляющая размѣръ платы за яловицу Велижской волости, свидѣтельствуетъ, что здѣсь около того времени введена замѣна натуральнаго сбора деньгами [4]). Въ Ржевской области въ 1479 году въ иныхъ погостахъ платили за яловщину, а въ другихъ за *коровщину*, что, конечно, одно и то же [5]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще въ XVI в. давалась яловица натурою, напримѣръ, въ Любашковской волости Витебскаго воеводства [6]).

---

[1]) Акты Лит.-рус. госуд., I, p. 67.
[2]) Ibidem, p. 187.
[3]) Ibidem, p. 173. Ср. А. З. Р., II, 113.
[4]) Акты Л.-р. госуд., I, 57.
[5]) А. З. Р., I, № 71.
[6]) Кн. Зап. Лит., XVI, л. 69.

Такимъ образомъ, въ русскихъ областяхъ яловщина соотвѣтствовала стаціи западныхъ державъ; повинность „поднимапія" господаря кормомъ, состоявшимъ изъ различныхъ продуктовъ, фиксирована была на самомъ крупномъ изъ нихъ—яловицѣ. Это, въ извѣстной мѣрѣ сокращеніе стаціи, произошло, быть можетъ, и потому, что здѣсь получили особое развитіе намѣстничьи въѣзды: на долю намѣстничества пришлись болѣе мелкіе продукты. Между тѣмъ въ древнѣйшее время и они поступали на господарскую кухню. Такъ, напримѣръ, люди Грушане Витебскаго воеводства, по свидѣтельству одного старожила эпохи Казимира, давали во времена Витовта „на кухню по курети и десяти яицъ" княгинѣ Витовтовой [1]).

Что касается южно-русскихъ областей, т. е. Кіевщины и Волыни, то и здѣсь легко найти слѣды стаційной повинности. Такъ, напримѣръ, на Волыни въ концѣ XV в. на господаря взималось „за яловицу або за вепра по двадцати грошей" [2]). Но въ томъ же XV в., въ періодъ удѣльнаго Кіевскаго княженія, стація носила названіе *болкуновщины* [3]). По люстраціи Кіевской земли 1471 г. болкуновщина давалась большинствомъ селъ въ натурѣ: „а болкуновщину давали на приездъ князю великому Витовту" [4]). Это весьма важное мѣсто, подтверждающее государственный характеръ повинности. Но таже люстрація знаетъ уже и такія села (изъ тѣхъ, которыя причислялись къ Житомирскому замку), которыя оплачивали болкуновщину, какъ постоянный поборъ: „А вси тые люди даньники,—говоритъ люстраторъ,—и поляницы болкуновщину дають с *вола* по три гроша" [5]). Это замѣчаніе разъясняетъ еще болѣе смыслъ болкуновщины: она взималась отъ вола (въ сохѣ, значитъ ея раскладка была посошной). Вотъ все, что мы знаемъ о болкуновщинѣ: въ другихъ актахъ она не встрѣчается.

Въ тѣсной связи съ стаціей и яловщиной находится и *мезлева*. Мезлева—литовское слово, обозначающее дань, подать [6]). Обыкно-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XVI, л. 33.

[2]) А. Лит.-рус. госуд., I, 92.

[3]) Значеніе этого слова неясно. По замѣчанію пр. Леонтовича, оно не литовскаго происхожденія, но, быть можетъ, татарскаго. „Крестьянскій дворъ", Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, р. 42, прим.

[4]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 2—3.

[5]) Ibidem, 5.

[6]) Леонтовичъ, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, р. 39, прим. 2.

венно мезлеву, какъ и яловщину связываютъ не со стацiей, но съ дякломъ. Такъ, М. К. Любавскiй опредѣляетъ это соотношенiе слѣдующими словами: „Терминъ „дякло“ обнималъ собою то, что уродилось и прибыло, за исключенiемъ скота, а „мезлева“ относился исключительно къ скоту“ [1]) и сопоставляетъ ее съ польскимъ nazarz [2]). Въ данномъ случаѣ онъ повторяетъ мысль, высказанную М. Ф. Владимiрскимъ-Будановымъ [3]). Но сборъ, о которомъ говоритъ послѣднiй авторъ (nazarz), въ Литовской Руси дѣйствительно существовалъ, но назывался продякло: это придача къ дяклу продуктами животноводства. Въ позднѣйшее время, въ XVII в., существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и терминъ narzaz. Впрочемъ, только что приведенное мнѣнiе свое измѣняетъ и самъ М. К. Любавскiй, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ уже считаетъ мезлеву „своего рода праздничнымъ приношенiемъ, которымъ обязаны были крестьяне по отношенiю къ своему государю“ [4]). Такимъ образомъ, по второму толкованiю мезлева уже не налогъ (а дякло было таковымъ). Тѣмъ не менѣе во второмъ опредѣленiи вѣрно подмѣчена характерная черта мезлевы—ея связь съ приношенiями, поклонами, но эта черта роднитъ ее со стацiею и полюдьемъ.

Проф. Леонтовичъ тоже считаетъ мезлеву однородной съ дякломъ, стацiей и поборомъ. Главное значенiе мезлевы авторъ видитъ въ томъ, что цѣлью ея было „поднимать“ господаря во время его переѣздовъ „животиною“ и всякими кормами. Говоря о составѣ мезлевы, проф. Леонтовичъ утверждаетъ, что онъ аналогиченъ съ дякломъ: „яловица и вепры иногда числятся, и въ составѣ дяколъ“ такъ, что совпаденiе въ дяклѣ и мезлевѣ однихъ и тѣхъ же платежныхъ предметовъ, даетъ автору поводъ сдѣлать предположенiе, что сначала существовалъ только одинъ натуральный сборъ—дякло, „и лишь позже изъ него выдѣлилась мезлева, въ видѣ отдѣльнаго кормоваго сбора“. Развивая свою мысль далѣе, проф. Леонтовичъ признаетъ аналогичной формой побора воловщину, болкуновщину, коневщину. Послѣднiе сборы онъ объясняетъ какъ повинность поставлять стацiи на прiѣздъ господарей. Признанiе аналогiи мезлевы съ послѣдними сбо-

---

[1]) Областное дѣленiе, p. 316.
[2]) Ibidem, 321.
[3]) Нѣмецкое право, Ж. М. Н. Пр., 1868 г., авг., p. 477.
[4]) Обл. дѣл., p 476.

рами ведетъ естественно къ аналогіи ея и со стацією въ собственномъ смыслѣ. Только авторъ почему то считаетъ, что „въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ, особенно имѣній господарскихъ и панскихъ съ вполнѣ усвоеннымъ польско-нѣмецкимъ волочнымъ хозяйствомъ (въ Подляхіи, на Жмуди и пр.) литовскія дякла и мезлева замѣняются польскими стаціями и данями“ [1]). Такимъ образомъ, мезлева не только аналогична съ стацією, но и замѣнила ее въ нѣкоторыхъ областяхъ.

Въ замѣчаніяхъ почтеннаго автора много вѣрнаго, но съ такой широкой постановкой вопроса нельзя согласиться. Авторъ не придаетъ большаго значенія стаціи, считаетъ ее явленіемъ позднѣйшимъ и случайнымъ заимствованіемъ. О мезлевѣ, авторъ, какъ увидимъ ниже, говоритъ очень мало. Если провѣрить ссылки проф. Леонтовича, то въ большинствѣ случаевъ онъ опирается не на факты, говорящіе о мезлевѣ, но о стаціи (хотя часто термина сбора совсѣмъ нѣтъ); это вполнѣ впрочемъ понятно, ввиду тождества обоихъ. Далѣе никакъ нельзя согласиться съ отождествленіемъ дякла съ мезлевою уже потому, что дякло никогда не собиралось скотомъ и не было податью отъ скота. Такъ называемое продякло, собиравшееся живностью, не измѣняетъ самаго характера дякла [2]). Вообще дякло необходимо совершенно устранить отъ сопоставленія съ кормовыми сборами. Воловщина и коневщина, какъ увидимъ впослѣдствіи, тоже едва ли могутъ быть сопоставлены съ этимъ разрядомъ сборовъ. Зато мнѣніе проф. Леонтовича о тождественности мезлевы съ *поборами*, *вепровщиною* [3]), *спижею* и *болкуновщиною* не подлежитъ сомнѣнію. Прибавимъ еще, что то же значеніе стаціи—корма имѣютъ и очень рѣдко упоминаемые, вѣроятно потому, что составляли мѣстную разновидность, — *поуздное* и *коневщина*; они давались только на господарскій пріѣздъ [4]). Вѣрно также и подмѣченное проф. Леонтовичемъ

---

[1]) Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр., 1897, № 5, р. 39-42.

[2]) Только въ XVII в., и то въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, дякло состояло иногда изъ мелкой живности; но это, очевидно, произошло изъ продякла. См. напр. Акты Вил., XIII, р. 378.

[3]) Впрочемъ названіе побора стація носила иногда только въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, см. напр. въ им. Здетелѣ кн. К. К. Острожскаго, Акты Вил., XIV, р. 208, 209 и др. Тоже слѣдуетъ сказать и о вепровщинѣ. См. ibidem, р. 177.

[4]) Напр. Бершадскій, Документы и регесты по исторіи литовскихъ евреевъ, т. II, р. 7. Коневщина здѣсь, судя по контексту, кормовой сборъ, но въ Лигвѣ была и еще коневщина, какъ оплата конной службы.

сходство мезлевы со стацiею, хотя и не совсѣмъ отчетливо имъ проведенное.

О мезлевѣ очень мало встрѣчается извѣстiй: до 1513—1514 гг.— она упоминается всего два три раза. Такъ, нѣкоторые поддáные перелайскiе жаловались въ 1496 г. великому князю Александру на своего пристава за введенiе имъ новины: приставъ „правитъ на нихъ мезлевщины и спижи, и сено кажеть имъ возити къ Трокомъ. А они дей передъ тымъ тою службою не служивали и мезлевого не даивали“ [1]). Отдавая въ 1511 г. дворъ Молодечно князю М. И. Мстиславскому, король Сигизмундъ I жалуетъ ему, въ числѣ другихъ доходовъ, и мезлеву [2]). Въ первомъ случаѣ мы только узнаемъ, что существуетъ поборъ, но онъ сопоставленъ со спижей; между тѣмъ само названiе спижи [3]) (сопоставленiе спижи и мезлевы—обычно) подсказываетъ намъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ кормовыхъ сборовъ. Дѣйствительно, другiя свидѣтельства подтверждаютъ эту связь мезлевы съ кормленiемъ. Такъ, судебный процессъ Неменчинскихъ коиминцевъ съ своимъ тивуномъ доказываетъ, что составъ мезлевы и стацiи тождественнъ. На судѣ передъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиломъ жаловались коиминцы Неменчинскаго двора на виленскаго тивуна Бутрина Немировича о томъ, что „панъ тивунъ казалъ в насъ пограбити вола а яловицу за мѣзлеву вѣликоденную, которую жъ мѣзлеву люди волостные завжды на господара его милость до Вилна вѣликоденную и о Божемъ нароженьи подлѣ ихъ давного обычая жъ дають, и намъ также велить давати“. Но они, коиминцы, никогда не давали вмѣстѣ съ волостью мезлевы, „нежли коли господарь его милость будеть въ Неменчине, тогды даемъ на приездъ его милости з дыму по куряти и по десяти лець“ и другiя службы къ двору служатъ. Тивунъ утверждалъ, что „за первыхъ тивуновъ завжды тыи коиминцы даивали посполъ з волостью мѣзлеву вѣликоденную и о Божемъ Нароженьи до Вилна, а тепер они тое мѣзлевы дати не хочуть“. Но свидѣтели, на которыхъ сослался тивунъ, буквально повторили то же, что сказали коиминцы. Поэтому

---

[4]) Акты Лит.-рус. госуд., I, 70.

[5]) А. З. Р., II.

[6]) Спижа отъ Speise, кормленiе, пища—литовское Spyzáne (бѣлорусское спижарня)—кладовая для съѣстныхъ припасовъ (Леонтовичъ, Крестьянскiй дворъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, р. 39, примѣч.).

Радивилъ „тыхъ коиминцовъ правыхъ“ призналъ, и „тое мѣзлевы посполъ з волостью неказали есмо имъ до Вилна великоденное и о Божемъ Нароженьи давати, только на приездъ господарьский до Неменчины мають давати з дыму по куряти и по десяти яець“ и служить свои обычныя службы [1]).

Изложенный документъ во первыхъ свидѣтельствуетъ, что мезлева—изстаринная „подачка“. Она состоитъ изъ вола и яловицы и отвозится волощанами дважды въ годъ, о Рождествѣ и о Пасхѣ, въ Вильну,—очевидно въ „спижарню“ господарскую, на содержаніе господарскаго двора.

Если мы припомнимъ сказанное нами о связи стацій, въѣздовъ съ разнаго рода дарами, поклонами, то дѣйствительно характеръ мезлевы и въ этомъ отношеніи имѣетъ много общаго со стаціею. Коиминцы не даютъ мезлевы, но за то они принимаютъ участіе въ „подниманіи“ господаря при его пріѣздѣ. Если внимательно всмотрѣться въ контекстъ вырока, то легко вынести убѣжденіе, что и коиминцы связываютъ мезлеву со стаціею: они не даютъ крупныхъ составныхъ частей ея (потому что,—объясняютъ они, у нихъ земли мало), но за то даютъ мелкія—куръ и пр., между тѣмъ тивунъ хочетъ взыскивать съ нихъ всю стацію полностью.

Мы только что видѣли, что мезлева—давній сборъ. Однако одно судебное дѣло, разбиравшееся тогда же, когда разсматривалось и вышеизложенное, говоритъ какъ будто о мезлевѣ въ смыслѣ недавно введенной формы обложенія. Такъ, люди Ейшишской волости Мицковичи жаловались маршалковскому суду на десятника ейшишскаго Товтя Монвиловича о томъ, что онъ „вернетъ насъ посполъ з волостью у службу, вѣлитъ намъ подводы давати и на толоку ходити“. Но они „з вековъ“ этой службы не служили, „нижли дякло даемъ, сено у Троцохъ косимъ и иншии службы служимъ“. Десятникъ говорилъ на судѣ: „Я ихъ ни въ которую службу не приискиваю и подводъ имъ не велю давати и на толоку ходити,—нехай они тою службою служать, какъ передъ тымъ служивали. Нежели господарь его милость *новоположилъ* на насъ мѣзлеву, ино волость ихъ к собѣ приискиваеть въ мезлеву“. Судъ по этому дѣлу вынесъ такое рѣшеніе: „ижъ господарь его милость новоположилъ по всей земли вели-

---

[1]) Кн. Суд. Д. Лит., I, л. 62.

кого князьства мѣзлеву людемъ своимъ давати, вѣлели есмо имъ поспол ъ з волостью мѣзлеву и дякло на господаря его милость давати" [1]).

Въ приведенномъ фактѣ прежде всего отмѣтимъ, что дякло и мезлева различаются. Далѣе, мезлева собирается съ волости, а не со службы, или тягла, какъ дякло. Что касается времени изданія обоихъ судныхъ выроковъ, то оба они относятся къ маю—іюню 1514 г. (записаны безъ даты). Итакъ, акты, столь близкіе по времени появленія ихъ, кореннымъ образомъ противорѣчатъ въ вопросѣ о старинѣ мезлевы, такъ какъ одинъ называетъ ее извѣчною, а другой—„новоположоною". Однако, что мезлева не была новостью до 1514 г., это мы знаемъ изъ болѣе древнихъ свидѣтельствъ. Уже это одно указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ коренной реформой, нововведеніемъ, а лишь съ новою раскладкой прежняго сбора. Дѣйствительно, о таксированіи стацій въ западныхъ областяхъ до временъ Сигизмунда I тщетно было бы искать какихъ нибудь извѣстій. Вѣроятно, она собиралась въ натурѣ при проѣздѣ господаря, или доставлялась въ Вильну во время его тамъ пребыванія. Напротивъ, съ 1514 г. уже встрѣчаются опредѣленныя данныя, не оставляющія сомнѣнія въ томъ что стація и мезлева—постоянный сборъ яловицами, вепрами и пр. Указаніе на превращеніе стаціи изъ случайнаго сбора въ постоянный можно найти и въ уставѣ 1514 г.

Въ этомъ году (2 марта) королемъ была издана „Устава", опредѣляющая повинности крестьянъ дворовъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ и обязанности державцевъ. Цѣль изданія ея—положить конецъ хищеніямъ державцевъ, которые „оборочаютъ" къ своему „пожитку" господарскіе доходы. Первая статья уставы обязываетъ державцу „поднимать" стаціею господаря при его пріѣздѣ. Но если господарь прикажетъ собрать стацію и вести ее въ Вильну, или куда потребуется, то державца обязанъ, собравъ ее съ подданыхъ, доставить, въ указанное мѣсто. Размѣръ ея—какъ „здавна" давалась [2]). По всей вѣроятности, распоряженіе, заключающееся въ этой уставѣ и имѣлось ввиду въ приведенномъ вырокѣ, когда говорится „о новоположенной" мезлевѣ. Новость заключалась въ томъ, что сборъ мезлевы принималъ для тяглаго населенія характеръ постояннаго налога. Устава ничего не говоритъ о мезлевѣ и это потому, конечно, что она одно-

---

[1]) Ibidem, л. 75.

[2]) Любавскій, прил., № 23.

родна со стаціею. Трудно предположить, чтобы между изданіемъ уставы и вырокамн было сдѣлано новое распоряженіе, которое уже успѣло бы повести, при своемъ примѣненіи къ дѣлу, споры между урядомъ и общинами, дошедшіе до суда. Времени между датою уставы и вырокамн такъ немного, что только одна „великоденная“ мезлева могла быть собрана и отвезена въ Вильно (Пасха въ 1514 г. была 16 апрѣля). Съ другой стороны, еще менѣе возможно допустить, чтобы такое важное постановленіе, какъ введеніе новаго сбора, было опущено въ уставѣ, цѣль которой заключалась какъ разъ въ регулированіи сборовъ. Такимъ образомъ, устава 1514 г. только регулировала собираніе стацій, сдѣлавъ ихъ постояннымъ сборомъ. Кромѣ того, ввиду сказаннаго, надо признать, что подъ стаціею уставы разумѣется именно мезлева. Здѣсь умѣстно напомнить, что извѣстія о мезлевѣ мы встрѣчаемъ только въ актахъ, относящихся къ собственно литовскимъ мѣстностямъ. Поэтому, это было нѣкоторое время мѣстнымъ (литовскимъ) названіемъ стаціи, но не выдержало конкуренціи съ нимъ и вскорѣ исчезло изъ употребленія.

Слѣдя за дальнѣйшими извѣстіями о мезлевѣ, мы еще болѣе убѣждаемся въ сказанномъ выше. Въ королевскихъ листахъ на заставы дворовъ разнымъ лицамъ не рѣдко встрѣчаются извѣстія о мезлевѣ, какъ разъ вскорѣ послѣ уставы 1514 г. Такъ, закладывая Довгп Бог. Боговитиновичу (1516), Сигизмундъ I оставляетъ мезлеву за собою: „А мезлева, гласитъ привилей,—сполна—яловицы и вепры и иныи речи—маеть съ тоей волости намъ давана быти кождый годъ поглугъ *давного* обычая; а коли приѣдемъ до Довкговъ, онъ маеть насъ поднимати стацыями подлѣ давности и подводы подъ насъ з мѣста и з волости давати по давному“ [1]). Въ другомъ заставномъ листѣ на Оникшты встрѣчаемъ буквально туже фразу, только вмѣсто мезлевы стоитъ спижа: „а спижу великодную и колядную—яловицы, и бараны и иншии речи мають с того двора на насъ даваны быти въ кождый годъ по давному; какъ пріѣдемъ до Оникштъ, онъ маеть насъ стаціями поднимати“ и т. д [2]). Якубу Кунцовичу, при залогѣ Лепунъ и Волкиникъ, мезлева передана цѣликомъ: „И коли пріѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ, тогды маеть онъ насъ стаціями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку *его рукамъ для того, коли*

---

[1]) Любавскій, прил., № 25.

[2]) Ibidem, № 26 (1516 г.).

мѣшкаемъ въ тыхъ дворехъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ" [1]).

И такъ, когда господарь предполагалъ часто бывать въ державѣ, то онъ цѣликомъ предоставлялъ стацію державцѣ; но когда этого не предполагалось, то вся стація должна быть собираема на господаря; однако еслибы онъ посѣтилъ державу, то державца „поднимаетъ" его стаціями и тогда, конечно, уже не отдаетъ мезлевы. То обстоятельство, что въ послѣднемъ привилеѣ стація и мезлева стоятъ рядомъ не должно насъ удивлять: повтореніе составляетъ обычную черту древнихъ актовъ. Въ одномъ заставномъ листѣ мы, напримѣръ, встрѣчаемъ выраженіе — „изъ мезлевами и съ спижею и съ стацыею" (отдается въ заставу) [2]). Подобныя условія заставныхъ листовъ почти всегда встрѣчаются въ актахъ времени Сигизмунда I.

Такимъ образомъ, только что приведенныя свидѣтельства актовъ подтверждаютъ тожество состава и назначенія мезлевы со стаціею. И въ послѣдующее время мы встрѣчаемъ извѣстія о мезлевѣ [3]). Но самое интересное для насъ—это постановленіе уставы 1529 г. для дворовъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ и для Жмуди; это—инструкціи державцамъ и тивунамъ, дѣйствовавшія до введенія волочной уставы. Такъ, по Жмудской уставѣ на господаря дается стація только на его пріѣздъ: всѣ обязаны давать для стаціи воловъ, яловицъ, гусей, вепровъ, куръ, барановъ, овесъ, сѣно, медъ и пиво [4]). Въ уставѣ дворамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ господарь оставляетъ „на кухни наши" мелкіе сборы при дяклѣ (куры, яйца) на случай своего прі-

---

[1]) Ibidem, № 27.

[2]) Ibidem, № 29.

[3]) Въ 1522 г. Сигизмундъ I пишетъ листъ воеводѣ троцкому князю К. И. Острожскому, въ которомъ излагаетъ жалобу нѣкоторыхъ людей Сомилишской волости. Они жаловались „штожъ дей приставъ сомилишский Лавринъ з волостью Сомилишскою приискивали перед воеводою виленскимъ.... Ольбрахтомъ Мартиновичемъ Кгаштолтом.... нжъ бы они посполу с ними мезлеву и сено жеребячое данвали. А они дей николи мезлевы и сена жеребячого недавали". Объ этомъ у нихъ уже былъ судъ съ приставомъ у покойнаго п. Гр. Стан. Остиковича. Панъ Остикъ „въ томъ ихъ правыхъ знашолъ и не казалъ имъ мезлевы и сена жеребячого давати". На основаніи листа пана Остика, панъ Гаштольдъ тоже нашелъ этихъ людей „правыхъ" и приказалъ своему писарю выдать имъ листъ. Этотъ листъ уже былъ написанъ, но украденъ у писаря, почему господарь выдаетъ жалобщикамъ новый листъ на основаніи устнаго показанія Гаштольда, и приказываетъ кн. Острожскому не править на нихъ мезлевы и сена жеребячаго (Кн. Судн Дѣлъ Лит., IV, л. 15).

[4]) А. З. Р., I, р. 200.

ѣзда; если не будетъ пріѣзжать, то державцы собираютъ за эти сборы деньгами и сдаютъ въ скарбъ. Но это, конечно, не стація, а продякло. Зато мы встрѣчаемъ очень интересный параграфъ о мезлевѣ: державцы обязаны собирать мезлеву деньгами—за яловицу 30 гр., за вепра 20 гр., за барана 4 гр., за курицу и за 10 яицъ—1 гр. [1]). Такимъ образомъ, устава 1514 г. постановляла сборъ стаціи въ натурѣ и отвозъ ее въ Вильно, теперь, черезъ 15 лѣтъ, стація уже переложена на деньги. Устава 1529 г. называетъ ее мезлевою, но ко времени введенія волочной помѣры, названіе стаціи вытѣсняетъ литовскій терминъ мезлевы; волочная устава разверстываетъ стацію по волокамъ (раньше она давалась отъ общины), вводитъ однообразный взносъ деньгами „за стацію" съ каждой волоки; устава предвидитъ случаи, когда стацію нужно будетъ собрать въ натурѣ и опредѣляетъ ея сборъ [2]). Если сборъ стаціи въ натурѣ разверстать по оцѣнкѣ 1529 г. и сравнить со стаціею по волокамъ, согласно съ волочной уставой, то для насъ станетъ ясна плата за стацію въ $2^1/_2$ гроша: она равна переводу мезлевы 1529 г. на деньги. Итакъ, устава 1514 г. говоритъ о сборѣ стаціи, устава 1529 г. называетъ тотъ же сборъ мезлевою, волочная устава — опять стаціею, тогда какъ въ источникахъ встрѣчаются оба названія, конечно потому, что подъ обоими скрывается одинъ и тотъ же сборъ.

Волочная устава окончательно опредѣлила размѣръ стаціи и перевела ее на деньги, хотя ввидѣ исключенія допускаетъ взиманіе ея въ натурѣ (что въ военное время, когда ощущалась нужда въ провіантѣ, часто и дѣлалось). Одновременно происходила съ нею „ревизія" русскихъ волостей, но здѣсь стація была отмѣнена для городовъ [3]), а въ селахъ замѣнена, очевидно, другими сборами.

Но и впослѣдствіи, куда только проникалъ волочной строй, проводили и стацію.

Обзоръ судьбы стаціи даетъ возможность подвести слѣдующіе итоги ея. Стація—только латинское названіе повинности извѣстной и въ древней Руси. Въ первичной основѣ своей—это кормленіе населеніемъ государя при исполненіи имъ, во время переѣздовъ, своихъ судебно-административныхъ функцій. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ

---

[1]) Ibidem, p. 196.

[2]) Памятники, изд. Кіевск. Археогр. Ком., т. II, ч. 2, р. 42—43.

[3]) А. З. Р., III, p. 110.

предшественника въ древне-русскомъ полюдьи, но съ теченіемъ времени, вслѣдствіи разложенія его и дифференціаціи, стаційная повинность осталась у государя, тогда какъ полюдье отъ удѣльныхъ князей перешло къ намѣстникамъ. Подобно полюдью и она нѣкоторое время соединялась съ добровольнымъ даромъ „почтой“ и „поклономъ“ со стороны населенія своему государю. Въ силу самого своего происхожденія стація долгое время собиралась натурою и при томъ только при проѣздахъ господаря [1]). Подобно другимъ повинностямъ, имѣвшимъ факультативный характеръ, стація постепенно превращается въ постоянный налогъ, взимаемый сначала по древнему обычаю въ натурѣ, а затѣмъ (и тоже постепенно) переложенный на деньги.

Этотъ переходъ факультативной повинности въ постоянную совершается, конечно, только въ господарскихъ волостяхъ. Географически переходъ стаціи въ постоянный налогъ совершается раньше въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда господари литовскіе съ конца XV в. перестаютъ появляться—въ такъ называемыхъ русскихъ волостяхъ (яловичные пенези), но потомъ тотъ же процессъ повторяется и въ западныхъ.

Волочная устава окончательно регулировала этотъ сборъ и ввела однообразный терминъ стацій. Между тѣмъ въ болѣе ранній періодъ, для стаціи существовали различныя наименованія (яловщина, мезлева, вепровщина, болкуновщина, спижи, поборы), но всѣ они имѣютъ ввиду одинъ и тотъ же сборъ. Стація въ теченіе всего изучаемаго періода остается повинностью не только господарскихъ подданныхъ, но и всѣхъ вообще подданныхъ великаго князя литовскаго. Этотъ обще-государственный характеръ повинности наилучшимъ образомъ подтверждаетъ его происхожденіе. Конечно, на частно-владѣльческихъ земляхъ она не могла, какъ личное право великаго князя, сдѣлаться постоянной повинностью, но самый фактъ этого права былъ символомъ „подданства“, такъ какъ подданный долженъ былъ оказывать гостепріимство своему монарху. То обстоятельство, что стацію мы встрѣчаемъ и въ Польшѣ, не можетъ служить къ опроверженію ея не русскаго происхожденія.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи стацію можно сопоставить съ др. германскою повинностью, наз. paratae. Clamageran, Histoire de l'impot en France. Paris, 1867, t. I, p. 202.

3. *Дары—челобитья.*

Выше, при разсмотрѣніи полюдья, въѣзда и стаціи, не разъ указывалось на тѣсную связь между объѣздами и дарами, поклонами. Дары представляютъ собою весьма древній способъ оплаты функцій правителя [1]), но вслѣдствіе своей примитивности онъ скоро вышелъ изъ употребленія и въ изучаемое время является лишь какъ переживаніе древняго обычая. Такъ, въ одной грамотѣ Полоцку встрѣчается несомнѣнное доказательство того, что еще въ концѣ XV в. великокняжескіе въѣзды сопровождались сборомъ даровъ: „тежъ серебщины (въ широкомъ смыслѣ какъ денежной дачи) и даровъ, коли пріѣдемъ до Полоцка, съ нихъ не надобе намъ давати" [2]). Въ данномъ случаѣ король отказывается отъ даровъ конечно потому, что они были обязательны для населенія; эти дары давались при въѣздѣ. Великій князь литовскій получалъ дары по самымъ различнымъ поводамъ—таковъ былъ древній обычай; о немъ не разъ говорятъ хроники [3]). Всякое слово въ Литвѣ стоитъ золота, замѣчаетъ Герберштейнъ [4])—и это относилось не только къ врядникамъ, но и къ королю. Неудивительно, поэтому что въ конституціонномъ привилеѣ 1492 г. мы встрѣчаемъ статью, ограничивающую право великаго князя требовать челобитья при раздачѣ урядовъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; онъ можетъ принимать только добровольные дары, pro honestate каждаго жалуемаго [5]). Дѣйствительно, подарки великому князю при раздачѣ урядовъ и вообще разныхъ льготъ, кажется, составляли неизмѣнный обычай [6]); сверхъ того давались господарю и подарки, невызываемые, повидимому, никакой съ его стороны правительственной дѣятельностью [7]), т. е. просто ввидѣ „чести", „почты".

---

[1]) Ср. Осокина, Понятіе промысловаго налога и объ исторіи его развитія въ Россіи. Каз., 1856 г., р. 30—32, Clamageran, Hist. de l'imp., I, 175, 203.

[2]) А. З. Р., I, р. 200.

[3]) Szajnocha, K., Jadwiga i Jagello, III, p. 15.

[4]) Записки о Московіи, р. 166 (пареводъ Анонимова).

[5]) Dzialyński, Zbiór praw lit., p. 63.

[6]) См. запись о раздачѣ „старченьствъ", Акты Литовско-русскаго государства, р. 52, р. 68. Здѣсь же напомнимъ о челобитьяхъ при раздачѣ арендъ на мытные сборы.

[7]) „Тыхъ грошей, што воевода виленскій даровалъ", Акты Литовско русск. государства, I, р. 64.

Однако и послѣ привилея 1492 г. раздача льготъ и урядовъ производились по челобитью. Кіево-печерскій монастырь, напр., имѣлъ льготу выбирать себѣ архимандритовъ, но уплачивалъ за выборы королю 50 злотыхъ челобитья [1]). Панъ Ю. И. Иличичъ получаетъ въ держаніе Берестіе за челобитье въ 300 злотыхъ [2]), Богушъ Боговитиновичъ „отпустилъ" королю часть долга ввидѣ „челобитья" за держаніе Довгъ [3]), Ѳед. Янушевичъ за маршалковство волынское и староство луцкое [4]) и т. д. [5]).

Бывали случаи и даренія безъ всякой услуги со стороны короля; особенно часто король получалъ подарки по завѣщанію своихъ вельможъ [6]).

Хотя челобитья иногда достигали крупныхъ суммъ [7]), но они, конечно, составляли случайный доходъ [8]). Самый фактъ ихъ существованія въ Литовской Руси интересенъ лишь по связи съ дарами при въѣздахъ—полюдьи. Уже въ концѣ XV в. система даровъ подвергается ограниченію и въ XVI в. встрѣчается лишь какъ переживаніе старины. Въ это время дары составляли личный доходъ господаря, потому они и не имѣютъ значенія въ государственномъ бюджетѣ.

---

[1]) А. Ю. З. Р., II, р. 166.

[2]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 346.

[3]) Ibidem, л. 371.

[4]) А. Ю. З. Р., II, р. 113.

[5]) Ср. еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ у Бершадскаго, Литовскіе Евреи, р. 275—6. Или слѣд.: П. Петръ Станиславовичъ подарилъ въ 1523 г. королю 1000 копъ гр., за что получилъ въ доживотье Дорогицкое староство (Кн. Зап. Лит., XII, л. 92 об.). Панъ Гаштольдъ „отпустилъ" королю долгъ въ 1000 копъ, за что получилъ въ доживотье Утены (ibidem, л. 368).

[6]) Сошлемся напр. на завѣщаніе Б. Боговитиновича, А. Ю. З. Р., или на завѣщаніе п. Олизаровой Шиловича, подарившей в. кн. Казимиру имѣніе Здовбицу и Горюховъ, Антоновичъ и Козловскій, Грамоты вел. кн. литов., р. 14.

[7]) Бершадскій, Аврамъ Езофовичъ, Кіевская Старина 1888, ноябрь, р. 261, примѣч.

[8]) По скарбовой ревизіи, ключникъ луцкій П. Загоровскій не додалъ въ скарбъ 600 копъ гр. Загоровскій принялъ ключъ по смерти Дахна Васильевича, счеты были запутаны, такъ что въ своемъ челобитьи королю онъ „незнался быти виненъ" къ насчитаннымъ въ скарбѣ „злишкамъ" и просилъ его сдѣлать „вольнымъ" отъ начета. Король, соглашаясь, что свести счеты при такихъ условіяхъ нелегко, „*наболѣй ижъ онъ и подарокъ за то конь добрый турецкий намъ далъ*", освободилъ Загоровскаго отъ начетовъ. Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 172—172 об.

4. Судебныя вины.

При объѣздахъ князь не только чинилъ управу, но и судилъ. Судъ оплачивался ввидѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, составлявшихъ немаловажную часть великокняжескаго дохода.

Судебныя пошлины и штрафы извѣстны еще въ первые вѣка русской исторіи; уже изъ Русской Правды очевидно, что онѣ въ то время играли немаловажную роль въ числѣ княжескихъ доходовъ [1]), а въ нѣкоторыхъ княжествахъ (напр., въ Псковѣ) онѣ составляли несомнѣнно главную статью доходовъ [2]). И въ Московскомъ государствѣ судебные доходы продолжали долгое время сохранять свой фискальный характеръ [3]), при чемъ вслѣдствіе усиленія вотчиннаго принципа въ управленіи, удержали на долгое время свое частноправное значеніе [4]). Такъ какъ князь не всегда могъ исполнять свои судебныя функціи, то онъ передавалъ ихъ намѣстникамъ. Послѣдніе собирали судебные доходы частью на себя, частью на князя. Насколько велико было значеніе судебныхъ виръ въ дѣлѣ мѣстнаго управленія—въ смыслѣ намѣстничьяго корма, легко видно изъ того что, по остроумному предположенію Ланге, вирникъ Русской Правды является синонимомъ посадника [5]). Такимъ образомъ, сборы отъ суда, съ одной стороны, составляли княжескій доходъ, съ другой оплачивали мѣстное управленіе, составляя доходъ намѣстника. Если князь могъ передавать судъ и пошлины съ него намѣстнику, то такая же передача его возможна была и въ пользу частнаго лица. Отсюда понятно, какимъ образомъ съ теченіемъ времени судъ надъ крестьянами въ частныхъ владѣніяхъ сдѣлался принадлежностью помѣщичьей власти.

Удѣльные князья Литовскаго періода унаслѣдовали отъ древней Руси фискальный взглядъ на судъ. Вь ихъ жалованныхъ грамотахъ на земли церкви и частнымъ лицамъ мы встрѣчаемъ многочисленные случаи полной передачи суда землевладѣльцамъ. Этими фактами

---

[1]) Толстой, Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи. СПБ. 1848, р. 129.

[2]) Никитскій, Оч. внутрен. ист. Пскова. СПБ. 1877, р. 125—6.

[3]) Толстой, ор. с. 131.

[4]) Чичеринъ, Областныя учрежд. Россіи въ XVII в., М. 1856, введеніе. Ср. поправки этого взгляда, сдѣланныя въ разборѣ названнаго сочиненія Калачевымъ, Архивъ ист. и практич. свѣдѣній 1859, кн. 3, р. 33.

[5]) Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, р. 83.

подтверждается и то, что судъ составлялъ доходъ князя, и то, что онъ могъ сдѣлаться принадлежностью частнаго лица вслѣдствіе взгляда на судъ какъ на источникъ дохода; съ другой стороны, эти данныя показываютъ, что судебныя пошлины продолжаютъ еще разсматриваться какъ княжескіе доходы: частное лицо или намѣстникъ можетъ собирать ихъ только по княжеской грамотѣ. Удѣльный князь какъ вотчинникъ, конечно, имѣлъ и право суда въ своей вотчинѣ и собиранія связанныхъ съ этимъ правомъ доходовъ. Но съ теченіемъ времени вотчинныя права помѣщика развиваются очень усиленно и область суда оказалась ранѣе другихъ доходныхъ статей въ рукахъ землед ержателя—какъ вотчинника, такъ и пользовавшагося условнымъ правомъ владѣнія. Еще въ первой половинѣ XV в. требовалось спеціальное великокняжеское подтвержденіе правъ вотчиннаго суда но уже привилей 1457 г. содержитъ въ себѣ отказъ господаря отъ суда надъ частновладѣльческими людьми [1]). Это послѣднее обстоятельство, разумѣется, способствовало уменьшенію дохода великаго князя отъ судебныхъ пошлинъ, такъ какъ съуживало территоріальный объемъ его суда. Этотъ послѣдній простирался только на господарскихъ подданныхъ (крестьянъ и мѣщанъ) и на шляхту.

Такъ, судя по уставнымъ земскимъ грамотамъ, въ господарскій скарбъ поступали штрафы—„вины“ по довольно многочисленнымъ случаямъ преступленій, „змирщины“ и „закладныя“ [2]) куницы; „пересудъ“ же т. е. судебныя пошлины поступали намѣстникамъ и судьямъ. Кромѣ того, господарь, конечно, получалъ и „вины“, когда самъ судилъ.

Но съ теченіемъ времени и въ этой сферѣ произошло съуженіе господарскаго суда.

Привилеи на магдебурское право передавали судъ въ руки войтовъ и лавниковъ. Нѣкоторые привилеи ничего не говорятъ о судебныхъ доходахъ великаго князя; это, конечно, означаетъ, что ему и не выдѣлялось части этого дохода. Другіе привилеи прямо указываютъ, что на короля не идутъ доходы отъ городского суда. Такъ, по привилею Милейчицамъ одинъ грошъ отъ винъ получаетъ войтъ, а два гроша намѣстникъ [3]). Въ Новгородкѣ „вины“ дѣлились между вой-

---

[1]) А. З. Р., I, p. 76.
[2]) Въ сводѣ Ясинскаго, p. 189, 191, 193.
[3]) Акты Литовско-русскаго госуд., I, p 161.

томъ ($^1/_3$) и ратушею ($^2/_3$) [1]. Въ Высокомъ „вины“ дѣлятся между намѣстникомъ и войтомъ [2]) и такъ далѣе. Такимъ образомъ, судебные штрафы въ городахъ, какъ доходная статья скарба едва ли существовали въ пору всеобщаго развитія магдебурскаго права. Король получалъ штрафы отъ суда надъ мѣщанами только въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, когда они переносили свои тяжбы на дворъ господарскій.

Съ другой стороны ускользалъ отъ господарей доходъ отъ суда надъ шляхтой, хотя и очень медленно. Великій князь литовскій, также какъ и король польскій былъ прежде всего судья шляхты: онъ judex supremus и его обязанность судьи praecipua pars functionis regiae [3]). Поэтому, шляхта имѣла самый широкій доступъ къ господарскому суду, отягчая верховную власть тысячами самыхъ мелочныхъ дѣлъ. Но сверхъ личнаго разбирательства, доставлявшаго доходъ господарю, подъ его покровительствомъ творился судъ въ странѣ подчиненными ему органами. И послѣдніе также брали вины на господаря. По первому Статуту при воеводскомъ судѣ долженъ былъ находиться присяжный писарь, на обязанности котораго между прочимъ лежало „винъ нашихъ ... смотрети“ (Разд. VI, арт. 3). Мѣстныя уставы также требовали точной записи господарскихъ винъ отъ дѣлъ производившихся въ мѣстныхъ судахъ [4]). Этотъ порядокъ существовалъ и до изданія перваго Статута. Вины записывались въ особые реестры, провѣрявшіеся при объѣздахъ писарями дворовъ [5]). По Статутамъ, въ пользу судей полагался только пересудъ (первый Ст. Разд. VI, арт. 24). Но фактически король дѣлился съ областнымъ судомъ и винами: на долю его приходилось двѣ трети винъ, а треть на старостъ, воеводъ и державцевъ; только шляхетскія головщины поступали цѣликомъ въ господарскій скарбъ [6]). Судебныя реформы Сигизмунда Августа не измѣнили положенія вещей въ дѣлѣ собиранія винъ въ господарскій скарбъ. Начало реформы положено еще въ 1554 г. постановленіемъ короля и рады, заключавшимся въ установленіи коммиссарскихъ су-

---

1) А. З. Р., II, 90.
2) Ibidem, p. 72. Ср. p. 153.
3) Balcer, Geneza tribunalu koronnego, War., 1886, p. 24.
4) А. З. Р., p. 202.
5) Ibidem, p. 184.
6) Dzialyński, Zb. pr., p. 413. Ср. еще Документы Москов. Арх. Юстиціи. I, p. 532.

довъ для дѣлъ, восходившихъ на судъ короля, и въ окончательномъ разграниченіи компетенціи воеводскаго и старастинскаго судовъ: первый сдѣланъ былъ исключительно органомъ шляхетскаго суда и отъ него отняты апелляціонныя дѣла по жалобамъ мѣщанъ, волощанъ и слугъ путныхъ; послѣдніе разряды въ первой инстанціи судились державцами и старостами, а во второй—самимъ королемъ [1]). Тогда же положено было начало земскимъ судамъ, по крайней мѣрѣ въ Троцкомъ воеводствѣ, гдѣ воевода п. Мик. Ю. Радивилъ отказался отъ своего „пожитка" отъ суда и въ повѣтахъ были избраны земскіе судьи [2]). На сеймѣ въ Бѣльскѣ 1564 г. всѣ судовые уряды отказались отъ своихъ судебныхъ пожитковъ, и въ государствѣ введены были земскіе повѣтовые суды [3]). Самъ король тоже отказался отъ пересуда (Третій Статутъ, Разд. III, арт. 46). Выдѣленіе земскаго суда было крупной побѣдой повѣтовой шляхты надъ аристократіей и государственнаго принципа надъ вотчиннымъ: компентенціи земскаго суда подлежали какъ первый шляхтичъ — король, такъ и самый бѣднѣйшій „повѣтникъ"; земскій судъ на ряду съ подкоморскимъ [4]) окончательно выдѣлился отъ администраціи. Но компентенція обоихъ судовъ была такова [5]), что налагаемыя ими наказанія не вели за собою головщинъ: послѣдніе, по прежнему, вѣдались судебно-админи-

---

[1]) Въ Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 90, есть намова короля съ панами радами: „Приехавши господарю королю его милости и вел. кн. з Люблинского сойму, року божего 1554, м-ца іюня 3 дня во второкъ". Приведемъ вкратцѣ здѣсь содержаніе этого документа первостепенной важности. Такъ какъ дѣла судебныя назначаются на судовые роки, то король, чтобы никому „не дѣялося справедливости предлуженье"... „рачилъ росказать"—„ижъ бы вси таковые станы, которыи не седять въ повете, позываны были перед комисары, на кого комисея будеть дана с канцеляры господарское". По частному поводу тяжбы мѣщанъ Волковыскихъ с земянами о подводахъ, господарь нашелъ, что воеводы не должны судить подданыхъ дворовъ, волостей и мѣстъ господарскихъ;—„только до шляхты, которые под справаю воеводства седять. А мещане, волощане и слуги путные державца судить", апелляція на державцу идетъ только къ королю, а не къ воеводѣ. Въ связи съ этимъ постановленіемъ находится и королевскій универсалъ 1555 г., Акты Вил. Ком., XVII, р. 397.

[2]) Акты Вилен. Ком., т. XXII, р. 1—3.

[3]) Въ изданіи Второго Статута, пред; ср. разсказъ о введеніи земскаго суда въ Слонимѣ, Акты Виленскіе, XXII, р. 147—9.

[4]) О послѣднемъ см. изслѣдованіе И. И. Лаппо, Подкоморскій судъ въ Великомъ кн. Литовскомъ, СПБ. 1899.

[5]) И. И. Лаппо, Земскій судъ въ Вел. кн. Литовскомъ, СПБ. 1897 г., р. 19 сл.

стративнымъ гродскимъ судомъ, и, слѣдовательно, вины шли въ господарскій скарбъ.

Появленіе повѣтовыхъ судовъ выдѣлило также вотчинный судъ короля и его намѣстниковъ по отношенію къ господарскимъ подданымъ.

По отношеніи къ различнымъ разрядамъ крестьянскаго населенія господарскихъ волостей, мы тоже наблюдаемъ постепенное уменьшеніе судебнаго дохода господаря. Доходъ уменьшался прежде всего потому, что быстро переходили господарскія села въ руки шляхты. Кромѣ того, въ различныхъ волостяхъ доходъ отъ суда былъ не одинаковъ. Въ Поднѣпрскихъ и Подвинскихъ волостяхъ большинство дѣлъ вѣдалось самими старцами, писари же вѣдали здѣсь только проѣзжій судъ [1]). Поэтому великокняжескій доходъ отъ винъ едва ли здѣсь былъ значителенъ.

Такъ, въ приходорасходной книгѣ Казимира совсѣмъ не встрѣчается ассигновокъ на вины въ эти волости, тогда какъ западные дворы давали большой доходъ отъ „винщины". Впрочемъ, въ XVI в. изъ Могилевской волости „великіе и малые" вины шли въ скарбъ [2]). Въ 40-хъ годахъ этого столѣтія восточныя волости стали раздаваться намѣстникамъ при условіи отдачи имъ господарскаго дохода въ скарбъ. Однако, среди этихъ доходовъ винъ не встрѣчается, такъ что остается не вполнѣ яснымъ, перешли ли вины въ руки намѣстниковъ, съ ихъ появленіемъ въ волостяхъ (что вполнѣ вѣроятно), или остались въ рукахъ общинъ; во всякомъ случаѣ, въ скарбъ онѣ не доходили. Напротивъ, дворы Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ составляли крупный источникъ доходовъ отъ суда: расходныя записи времени и Казимира и Сигизмунда I содержатъ въ себѣ массу ассигновокъ на вины въ этихъ державахъ и тивунствахъ.

Конечно, надо помнить, что тогда еще намѣстники судили и шляхту, слѣдовательно, крупный доходъ отъ винъ доставлялся не одними крестьянами. По подсчету покойнаго Бершадскаго за первый годъ Сигизмундова правленія вины составили 5500 копъ грошей, что въ тогдашнемъ бюджетѣ было самой крупной статьей [3]). Дѣйствительно, по уставамъ

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Западно-русская сельская община въ XVI в., р. 24.

[2]) Акты Лит.-рус. госуд., I, р. 173. Кн. Зап. Лит. XIX, л. 173.

[3]) Аврамъ Езофовичъ, Кіевская Старина 1888 г., декабрь, р. 428

дворовъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ 1514 г. [1]) и 1529 г. [2]), „великіе и малые“ вины оставлены на скарбъ, и должны заноситься въ особые реестры. Однако, не мало обстоятельствъ способствовало ослабленію интереса къ этому доходу со стороны великаго князя. Съ увеличеніемъ государственнаго бюджета и съ раздачею селъ, залогомъ державъ, доходъ въ общемъ становился, отъ крестьянскихъ винъ, незначительнымъ. Вотъ почему хозяйственныя уставы Сигизмунда Августа не придаютъ этому источнику большаго значенія. Волочная устава, правда, говоритъ о винахъ на господаря [3]). Инструкціи ревизорамъ приказываютъ имъ вести записи винъ [4]), но о собираніи ихъ нигдѣ нѣтъ особыхъ предписаній и совѣтовъ, какіе даются державцамъ по другимъ предметамъ хозяйства. Наоборотъ, въ городахъ восточныхъ волостей подробно регламентируются вины, долженствующія поступать въ скарбъ [5]), слѣдовательно съ 60-хъ годовъ онѣ уже идутъ и изъ восточныхъ областей въ скарбъ. Въ числѣ причинъ, уменьшавшихъ господарскій доходъ отъ винъ, надо имѣть ввиду случаи передачи ихъ господаремъ намѣстникамъ. Напр., въ Полоцкѣ вины были отданы господаремъ воеводѣ и лентвойту „з ласки нашое“ [6]), въ Минскѣ вины были отданы намѣстнику [7]) и пр.

Такова въ общемъ судьба винъ, какъ господарскаго дохода. Составляя въ началѣ крупный его источникъ, онѣ съ теченіемъ времени потеряли прежнее свое значеніе.

Здѣсь остается только добавить, что вины всегда составляли источникъ господарскаго скарба и не переходили въ личный доходъ великаго князя. Бершадскій высказалъ предположеніе, что въ подскарбство Аврама Езофовича и именно подъ его вліяніемъ судебные доходы перешли въ число великокняжескихъ, взамѣнъ ихъ къ государственнымъ отошелъ доходъ отъ чеканки монеты. Это предположеніе мотивируется отсутствіемъ винъ, какъ источника дохода, въ бюджетныхъ смѣтахъ Аврама и другими теоретическими соображе-

---

[1]) Любавскій, о. с., прилож. № 23.

[2]) А. З. Р., II, р. 197. Ср. Гродненская устава, А. З. Р., II, р. 114.

[3]) А. З. Р., III, р. 73.

[4]) Напр. Кн. Судн. Дѣлъ Лит, LIII, л. 216—218 л. и 291 об.—294.

[5]) А. З. Р., III, р. 112; IV, р. 130. А. Ю. З. Р., I, р. 252.

[6]) Акты Лит.-р. гос., I, 202.

[7]) Любавскій, прил. № 11.

ніями [1]). На это надо замѣтить, что вины, наравнѣ съ мытами, по привилею 1492 г., вошли съ составъ господарскаго скарба [2]), принадлежность же монетнаго дохода къ этому скарбу еще и въ 30-хъ годахъ представляла спорный вопросъ. Въ приходо-расходныхъ записяхъ послѣдующаго времени по прежнему встрѣчаются раздачи изъ „винныхъ пенезей". Напримѣръ, подскарбій земскій въ 1536 г. давалъ „зъ скарбу" отправу разнымъ служилымъ людямъ „з винныхъ пенезей, которые до скарбу будутъ принесены" [3]).

Подскарбій земскій распоряжался только господарскимъ скарбомъ, но не личнымъ великокняжескимъ, такъ что не можетъ быть сомнѣній въ томъ, куда поступалъ доходъ отъ винъ. Да и многочисленныя свидѣтельства, которыя приведены выше, говорятъ о поступленіи винъ въ скарбъ. Въ отчетахъ Аврама и др. подскарбіевъ дѣйствительно указаній на вины нѣтъ, но это потому, что всѣ отчеты слишкомъ кратки, содержа лишь важнѣйшія статьи дохода. Въ частности, при Аврамѣ, таможенные доходы и серебщина, чеканка монеты получаютъ первенствующее значеніе въ бюджетѣ, тогда какъ много державъ попадаютъ въ залогъ. Да и вообще, доходы отъ винъ въ бюджетахъ подскарбіевъ фигурируютъ, вѣроятно, въ итогѣ доходовъ съ дворовъ; расходныхъ же записей, подобныхъ Сигизмундовымъ, или Казимировымъ за послѣдующее время мы не имѣемъ.

5. *Тивунщина.*

Полюдье изъ княжескаго дохода сдѣлалось намѣстничьимъ. Совсѣмъ противоположную судьбу имѣлъ чисто намѣстничій доходъ— *тивунщина*. Само его названіе и положеніе тивуна въ древней Руси хорошо объясняютъ ея значеніе.

Въ начальной періодъ литовско-русской исторіи должность тивуна встрѣчается довольно часто: тивуны являются княжескими (въ удѣлахъ) и великокняжескими прикащиками въ волостяхъ: тивуны

---

[1]) Аврамъ Езофовичъ, Кіевская Старина, декабрь, 1888 г., p. 430—431.
[2]) Działyński, Zb. pr. lit. p.
[3]) Кн. Зап. Лит., XXI, л. 4—6.

есть также у воеводъ и намѣстниковъ, владыкъ [1]). Эти тивуны ведутъ свое начало отъ древне-русскихъ. Но ихъ должность становится весьма невысокой въ общей административной лѣстницѣ, когда князя замѣнилъ въ областяхъ намѣстникъ. Съ XVI в. тивуны, какъ правительственные агенты исчезаютъ, оставшись только на Жмуди, гдѣ они имѣли тоже значеніе, что и державцы.

Въ самомъ началѣ литовско-русской исторіи мы видимъ тивуновъ, собирающихъ свой тивунскій доходъ. Такъ, напримѣръ, извѣстна грамота Витовта о тивунскомъ доходѣ въ Борисовской волости [2]). Въ вотчинахъ Кіево-софійскаго собора, около того же времени, собиралась также дань подъ названіемъ тивунщины [3]).

Слѣдовательно, существованіе тивунщины, какъ тивунскаго дохода древнѣйшаго времени не подлежитъ сомнѣнію. Но съ половины XV в. мы (кромѣ Жмуди и Литвы) встрѣчаемъ уже тивунщину въ качествѣ скарбоваго дохода, взимавшагося съ волостей въ опредѣленной нормѣ. Въ расходныхъ книгахъ короля Казимира [4]) и Сигизмунда I [5]) встрѣчается или придача боярамъ за службу тивунщины съ той или иной волости [6]), или ассигновки на этотъ доходъ. Въ Себежской волости выбирали тивунщину полоцкіе бояре [7]), Задвинскія волости иногда сами вносили ее въ скарбъ [8]). Въ Торопецкой волости король разрѣшилъ выбирать тивунщину самимъ волощанамъ [9]). Помимо Задвинскихъ и Поднѣпровскихъ волостей, гдѣ тивунщина была обычнымъ господарскимъ доходомъ [10]), въ началѣ XVI в. она

---

[1]) Любавскій, о. с., р. 420 сл.

[2]) А. Ю. З. Р., I, р. 12.

[3]) А. З. Р., I, № 26.

[4]) Напр.: „Михаилу Маскевичу тивунщина великая мозырская на годъ после Киселя“, здѣсь же была и малая тивунщина, Акты Лит.-рус. гос., I, 51, Ср. р. 118.

[5]) Напр. Кн. Зап. Лит., VIII, лл. 426, 429.

[6]) Это не было назначеніе въ должность тивуна, но только сборъ дохода (можетъ быть даже полученіе его изъ скарба, см. Акты Лит.-р. гос., I, 68). Ср. Любавскій, о. с., р. 693.

[7]) А. З. Р., II, р. 159.

[8]) Запись 1496 г. о взносѣ въ скарбъ тивунщины изъ Дубничъ (2 рубля), изъ Туранъ (1 рубль), Жижецкой тивунщины 2 рубля, Акты Лит.-рус. госуд., I, 67—68.

[9]) А. З. Р., I, 171.

[10]) Кромѣ указанныхъ мѣстностей тивунщина собиралась еще напр. въ Рѣчицѣ, Горволи, Чичерскѣ, Бобруйскѣ, Любошанахъ (Кн. Зап. Лит., VIII, 426), въ Могилевѣ, Свислочи, Мозырѣ, Кричевѣ, Пропойскѣ (Кн. Зап. Лит, XLI, л. 1—2), въ Торопцѣ.

встрѣчается еще и на Волыни—въ Овручѣ [1]). Тивунщина вездѣ взималась въ опредѣленномъ размѣрѣ иногда деньгами [2]), и рѣже медомъ [3]). Подобно другимъ древне-русскимъ налогамъ, тивунщина отличалась неподвижностью разъ установленной нормы. Такъ, при королѣ Казимирѣ въ Могилевской волости и городѣ, тивунщина была опредѣлена въ 80 копъ гр. [4]).

Этотъ размѣръ ея повторяетъ устава 1514 г., по которой половину тивунщины король передалъ своему намѣстнику кн. Юр. Зеновьевичу, а половину оставилъ на себя [5]) и устава 1521 г., когда этотъ доходъ былъ снова взятъ въ скарбъ [6]). Въ 1536 г. господарскимъ верокомъ тивунщина могилевская снова передана и въ томъ же размѣрѣ державцѣ кн. Вас. Ив. Соломирецкому [7]). Тивунщина дожила до реформъ Сигизмунда Августа [8]), когда она была замѣнена новыми налогами.

Такимъ образомъ, въ тивунщинѣ, собираемой на скарбъ, мы имѣемъ фактъ перехода намѣстничьяго дохода въ составъ господарскаго скарба. Съ предыдущими доходами, разсмотрѣнными выше, тивунщина имѣетъ общую точку отправленія: въ основѣ своей—это платежъ населенія управляющему имъ лицу за его административныя функціи.

Полюдіе, стація, челобитья, вины — источники доходовъ, возникавшіе изъ личной судебно-административной дѣятельности представителя верховной власти. По своему происхожденію это древнѣйшіе источники дохода, возникающіе въ такую пору народной жизни, когда публичныя и частноправовыя функціи представителя власти не разграничены въ сознаніи общества. Но вслѣд-

[1]) Любавскій, прил. № 20.

[2]) См. прим. предыд.

[3]) Уст. грам. Свислочи 1540 г. „А коли тивунщины въѣдуть брати, на страву *съ пудовни* по три гроши". А. З. Р., II, р. 367.

[4]) При Ѳедькѣ писарѣ. Акты Лит.-рус гос., I, р. 188.

[5]) А. З. Р., II, р. 113.

[6]) Акты Лит.-рус. гос., I, 173. Ср. р. 198.

[7]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 173.

[8]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 159: въ 1558 г. Мозырская тивунщина была дана на выбираніе воеводѣ Кіев. Гр. Ходкевичу.

ствіе своей примитивности подобные доходы постепенно уменьшаются, оставаясь лишь какъ переживаніе, съ развитіемъ общественно-правовыхъ нормъ въ государственномъ союзѣ. По мѣрѣ возникающаго преобладанія государственныхъ принциповъ, вотчинные уступаютъ имъ въ значеніи. Сказанное легко прослѣдить на постепенномъ паденіи разсмотрѣнныхъ выше сборовъ.

Въ бюджетѣ государства эти сборы не имѣютъ большаго значенія къ концу изучаемаго періода: но въ древнѣйшее время, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ (вины, стація съ дарами) несомнѣнно играли крупную роль. Въ частности обычай даренія подданными государя, въ связи съ обязанностью оказывать ему гостепріимство, является актомъ выраженія подданства [1]) и, быть можетъ, и на литовско-русской почвѣ является источникомъ тѣхъ субсидій, которыя давались подданными великому князю и которыя послужили, въ свою очередь, источникомъ развитія прямой общегосударственной подати.

[1]) Сапега, принимая въ 1506 г. Сигизмунда I у себя въ домѣ, подарилъ ему 58 зл., а Радивиллъ—60. Михаилъ Глинскій одаряетъ приближающагося къ Вильнѣ Сигизмунда I турецкимъ невольникомъ, Янъ Заберезинскій — конями и деньгами. (Trzy rozdziały z historyi skarbowości w Polsce, prz. L., Krak., 1868, p. 6).

ГЛАВА III.

Государственныя имущества.

По опредѣленіи Рау, основанному на историческомъ изученіи вопроса, въ составъ доменъ входятъ двоякаго рода недвижимыя имущества, одинаково служащія удовлетворенію государственныхъ потребностей:—государственные домены, т. е. недвижимыя имущества, находящіяся въ собственности государства, и фамильные домены, находящіеся въ собственности государя, но доходъ съ которыхъ идетъ на нужды государства. Между ними существуетъ различіе только юридическое [1]).

Впослѣдствіи мы увидимъ, что и въ Литовско-Русскомъ государствѣ существовали оба вида государственнаго имущества.

Государственныя имущества Литовско-Русскаго государства состояли изъ обширныхъ поземельныхъ владѣній съ находящимися на нихъ постройками (дворы въ фольваркахъ со всѣми хозяйственными принадлежностями, мельницы и проч.) и зданій въ городахъ. Послѣднія, т. е. городскія, не имѣютъ большаго значенія въ средѣ источниковъ дохода; вѣрнѣе, на нихъ нужно смотрѣть только какъ на извѣстное сокращеніе государственныхъ расходовъ. Городскія постройки имѣли различное предназначеніе. Такъ, въ Вильнѣ источники упоминаютъ о палацѣ великокняжескомъ, служившемъ мѣстопребыва-

---

[1]) Основныя начала финансовой науки, т. I, СПБ., 1867, р. 84. 85 (русск. перев.). Ср. Wagner Adolph, Finanzwissenschaft, I, 1883, 515.

ніемъ главы государства и его двора [1]). Господарскій дворъ упоминается и въ Смоленскѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, служилъ мѣстопребываніемъ намѣстника. Подскарбій земскій Иванъ Горностай купилъ для Виленскаго монетнаго двора за 500 копъ грошей особый домъ [2]). Тамъ же былъ купленъ домъ для помѣщенія государственнаго архива—Литовской Метрики [3]). Очень вѣроятно, что и господарская рада уже въ XVI в. для своихъ засѣданій имѣла особое зданіе, точно такъ же какъ и господарскій скарбъ съ его канцеляріей имѣлъ особое помѣщеніе. Повсемѣстно въ городахъ были казенные дома для намѣстниковъ, воеводъ и старостъ [4]). Для судовъ также устроивались особыя „избы". Всѣ эти постройки обыкновенно находились въ замкахъ. Здѣсь же отводились казармы для наемныхъ солдатъ, а иногда и для другихъ родовъ служилыхъ людей. Но съ точки зрѣнія доходности эта категорія государственныхъ имуществъ не можетъ имѣть интереса.

Иное дѣло—поземельныя владѣнія. Земли, лѣса, рѣки и озера служили могущественнымъ источникомъ государственныхъ средствъ. Государство пользовалось этимъ богатымъ источникомъ многоразличными способами. Такъ, земля прежде всего оплачивала самыя разнообразныя услуги государству. Вся военная и гражданская служба опиралась, именно, на землѣ: великій князь раздавалъ имѣнія или различныя угодья за выполненную службу или на условіи будущей службы. Конечно, подобнаго рода раздачи способствовали изсяканію самаго источника, такъ какъ земли выходили изъ государственнаго оборота; однако, данины съ помѣстнымъ характеромъ, доживотья и „хлѣбокормленія" въ извѣстной мѣрѣ могутъ считаться оборотными государственными средствами, такъ какъ передавались не во владѣніе, а въ пользованіе частныхъ лицъ. Въ непосредственномъ же распоряженіи государства находились земельныя имущества двоякаго рода: такъ называемыя „столовыя" имѣнія (великокняжескія домены) и должностные лены; оба вида имуществъ, кажется, уже съ полов. XVI ст. пріобрѣли характерныя черты государственныхъ земель. Од-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 86 об.

[2]) Скарб. арх. Варш. Каз. Пал., отд. 45, кн. 3, л. 10 об.

[3]) Акты Вил., XIII, р. 89.

[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, л. 335 об., Кн. Зап. Лит., LVII, л. 19, Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 107 и др.

нако, они сдѣлались „до́брами“ Речи Посполитой не сразу: въ понятіи добръ господарскихъ долго сливалось представленіе личныхъ великокняжескихъ имѣній съ государственными доменами въ собственномъ смыслѣ, и только со времени уніи 1569 г. произошло полное и отчетливое разграниченіе личныхъ владѣній государя отъ государственныхъ.

Такимъ образомъ, въ Литовско-Русскомъ государствѣ, какъ и вездѣ въ средніе вѣка [1]), государственные домены занимали выдающееся положеніе среди источниковъ дохода и вообще обслуживали весьма разнообразныя стороны государственной жизни. Правда, этотъ фондъ значительно истощился къ концу изучаемаго періода. Для этого были особыя причины. Къ тому же времени возросло и значеніе косвенныхъ налоговъ. Эти два обстоятельства уменьшили значеніе доменъ какъ источника доходовъ. Однако въ то же время правительство съ особеннымъ вниманіемъ начинаетъ относиться къ хозяйственному развитію своихъ добръ, такъ какъ истощеніе казны побудило его къ изысканію новыхъ средствъ, а причины соціально-экономическаго характера, въ связи съ развитіемъ экономической науки, давали ему средства и умѣнье лучше устроить свое хозяйство. Соціально-экономическія причины заключались въ томъ, что подда́ный теряетъ право по́дданнаго и, слѣдовательно, становится удобнымъ матеріаломъ для скарбовой политики. Она исходитъ изъ взгляда на подда́наго, какъ на лицо зависимое и нуждающееся въ опекѣ: опека надъ подда́нымъ нужна для его собственнаго благосостоянія; правительство высказываетъ, несомнѣнно, много здраваго смысла въ своихъ заботахъ о подда́номъ, но его заботы парализуются тою конечною цѣлью, ради которой онѣ высказывались. Въ общемъ, современная экономика сурово относилась къ земледѣльцу (исключенія въ родѣ Модржевскаго были не часты) и стояла на точкѣ зрѣнія извлеченія наибольшихъ благъ изъ податныхъ классовъ. Подда́ный въ рукахъ владѣльца превратился въ одну изъ составныхъ частей хозяйственнаго инвентаря. Люди сдѣлались неотдѣлимою принадлежностью доменіальнаго хозяйства.

Очерченный переходъ, къ которому нѣсколько разъ придется возвращаться въ теченіе работы, не можетъ всецѣло быть разсмо-

---

[1]) См. Рау, op. c., p. 83.

трѣнъ въ настоящей главѣ; здѣсь нашу задачу придется значительно съузить потому, что домениальному хозяйству въ нашемъ планѣ предполагается отвести особое мѣсто, а въ отношеніи сословныхъ и экономическихъ вопросовъ,— потому, что этихъ вопросовъ намъ придется касаться въ другихъ отдѣлахъ работы. Поэтому предметъ настоящей главы составитъ прежде всего разсмотрѣніе происхожденія и состава добръ господарскихъ и земскихъ, какъ источника дохода. Этотъ доходъ слагался и изъ предпринимательской дѣятельности скарба, какъ землевладѣльца, и изъ вотчинныхъ сборовъ. Разумѣется, ввиду сказаннаго, о вотчинныхъ сборахъ и вообще о господарскомъ хозяйствѣ намъ придется говорить въ самыхъ общихъ чертахъ—лишь настолько, насколько это необходимо для дальнѣйшаго изложенія, потому что впослѣдствіи намъ придется ссылаться на нѣкоторые акты хозяйственной дѣятельности скарба.

1. Добра „властныя“ господарскія, столовыя и земскія.

Основа господарскихъ добръ—это господарская вотчина, территорія которой сложилась въ XIV и началѣ XV в. Отдѣльные дворы и волости этой вотчины сосредоточились въ Подляхіи, на Жмуди, въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ. Но и здѣсь они не вездѣ составляли сплошную территорію: въ Подляхіи и въ западныхъ областяхъ обоихъ названныхъ повѣтовъ встрѣчаются большія пространства, занятыя господарскими староствами и державами, тогда какъ въ Поднѣпровьѣ и Подвиньѣ эти волости разбросаны среди частновладѣльческихъ имѣній. Отчина, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, сохранилась до конца изучаемаго періода, хотя раздачею земель она, конечно, значительно уменьшилась въ объемѣ. Когда окончились завоеванія, то этотъ источникъ увеличенія территоріи господарскихъ земель прекратился. Однако, были еще и другіе его источники. Увеличеніе территоріи добръ происходило четырьмя путями, такъ какъ въ число ихъ поступали „спадковыя“, т. е. вымороченныя имѣнія, или полученныя господаремъ путемъ завѣщаній отъ частныхъ лицъ, или пріобрѣтенныя покупкою или конфискованныя; наконецъ, послѣдній источникъ—это осуществленіе государственныхъ правъ на незанятыхъ земляхъ южной украйны. Ко всему этому слѣдуетъ добавить тѣ староства, которыя были присоединены къ господарскимъ въ Ливоніи во время войны.

Право государства наказывать государственныхъ преступниковъ конфискаціею ихъ имуществъ создалось очень рано; факты расправы подобнаго рода встрѣчаются уже и въ до-литовскій періодъ [1]. Иногда достаточно было гнѣва великаго князя для отнятія имущества: „А отнялъ былъ деи князь великий Витовтъ,—передаетъ грамота заявленіе Смоленскаго владыки Михаила,—розгнѣвався на первого владыку и далъ былъ Нестеру Терпигореву“, отнявъ даже у церкви церковныхъ „прощанъ“ [2]. Великій князь Казимиръ производитъ обширную конфискацію въ Смоленскѣ и раздаетъ земли своимъ сторонникамъ; здѣсь причина конфискаціи уже носитъ характеръ наказанія за государственное преступленіе — возстаніе смольнянъ. Земскія уставныя грамоты и общеземскіе привилеи ограждали общество отъ „гнѣва“ господаря, почему конфискація возможна была только за преступленія государственнаго характера [3]. Возстаніе Мих. Л. Глинскаго передало въ распоряженіе государства много имѣній этого князя и его сторонниковъ, хотя едва-ли господарь что-либо изъ нихъ удержалъ: конфискованное имущество сейчасъ же передавалось сторонникамъ короля [4], которыхъ небезполезно было привлекать такимъ образомъ. Но это же возстаніе дало поводъ къ изданію спеціальнаго закона о конфискаціи имѣній государственныхъ преступниковъ на господаря [5]. Статуты подтвердили конфискацію имѣній за бѣгство въ непріятельскую землю (1 Ст. разд. I арт. 2, 3). Второй Статутъ подробнѣе регламентируетъ составъ государственныхъ преступленій, караемыхъ отнятіемъ имѣній или отнятіемъ имѣній и смертною казнью (разд. I арт. 3, 11, сюда же надо отнести и арт. 6 того же раздѣла). Кромѣ того въ Статутахъ и еще приводятся примѣры преступленій, караемыхъ конфискаціей имѣній. Такимъ образомъ наказывается тотъ, „хто бы много за мало упросилъ, а безъ данины побралъ“ (1 Ст. разд. I арт. 8, 2-ой Ст. разд. I, арт. 15). Установленіе мыта „кромъ звычайного торгового“ тоже карается отнятіемъ имѣнія (2 Ст. разд. I арт. 25). Наконецъ, Статуты предвидятъ цѣлый рядъ уклоненій отъ

---

[1]) Напр., во время борьбы Даніила Галицкаго съ боярствомъ.
[2]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 32.
[3]) А. З. Р., I. р 149.
[4]) Напр., А. З. Р., II, р. 41, 44, 47 и др.
[5]) А. З. Р., II, 62.

исполненія земскихъ повинностей и платежа земской подати, за что виновные подвергаются тому же наказанію. Временнымъ отнятіемъ имѣній карались не уплатившіе въ срокъ серебщины.

Однако, хотя основные законы предвидятъ немало преступленій, въ результатѣ которыхъ являлась бы конфискація недвижимыхъ имуществъ преступниковъ, въ дѣйствительности примѣненіе этой мѣры бывало очень рѣдко, въ особенности при обоихъ Сигизмундахъ. Конфискація въ крупныхъ размѣрахъ извѣстна только при усмиреніи Смоленска при Казимирѣ, при изгнаніи изъ государства евреевъ Александромъ [1]) и во время возстанія М. Глинскаго. Изрѣдка, за неисполненіе военной службы или условій данины господари отнимаютъ имѣнія, но и то большею частію отнятыя имѣнія подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ возвращались. Сами „станы" часто напоминали королю о снисходительности въ данномъ отношеніи. Неуплата же налоговъ кончалась обыкновенно военнымъ постоемъ въ имѣніи неуплатившаго. Такимъ образомъ конфискація имѣній какъ источникъ расширенія господарскихъ добръ, имѣла весьма небольшое значеніе.

Гораздо бóльшій интересъ представляетъ увеличеніе господарскихъ добръ по завѣщаніямъ въ пользу великаго князя. Такъ, пани Олизаровая Шиловича завѣщала Казимиру два большія имѣнія на Волыни—Горюховъ и Здовбицу [2]). Это—„спадокъ", наслѣдство, которое получилъ великій князь. Такой же „спадокъ" получилъ въ 1551 году Сигизмундъ Августъ ввидѣ Глуской волости по завѣщанію Павла Гольшанскаго, бискупа Виленскаго [3]). При Сигизмундѣ I извѣстно нѣсколько случаевъ принудительнаго „записа" королю имѣній. Такъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, сильно скомпрометированный бѣгствомъ своего сына въ Москву [4]), долженъ былъ принять Сигизмунда Августа „за мѣсто сына" и „записалъ по своемъ животѣ" ему Мстиславль и Радомль, а самъ владѣлъ ими уже на условіяхъ доживотья [5]). Князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославича въ 1509 г. выдалъ „записъ", въ которомъ завѣщалъ королю свои кня-

---

[1]) Бершадскій, Литовскіе евреи.

[2]) Грамоты вел. кн. литовскихъ, В. Б. Антоновича, р. 14.

[3]) Baliński, Star. Polska, IV, p, 693.

[4]) Леонтовичъ, Очерки Ист. Лит.-русск. права, 117.

[5]) А. З. Р., II, р. 181.

жескія вотчины—Рогачевъ, Городокъ и Пинскъ [1]). Все это „спадки, волею или неволею завѣщанные королю. Мелкіе записы бывали довольно часто. Статуты предвидятъ завѣщанія въ пользу господаря и указываютъ порядокъ совершенія записовъ на господаря „имѣней лежачыхъ и иныхъ маетностей“. (2 Ст. разд. III арт. 35).

Спадковыя имѣнія по завѣщанію имѣютъ извѣстную связь со спадками на господаря въ формѣ вымороченнаго имущества.

Право великаго князя на „спадки“, т. е. на вымороченныя имущества, коренится въ обычаяхъ древней Руси [2]). Соотвѣтственныя постановленія встрѣчаются уже въ земскихъ уставныхъ грамотахъ. Кіевская уставная грамота постановляетъ: „а будетъ пустый человѣкъ, ни дѣтей, не племени, ино на насъ тое имѣніе“ [3]). Этотъ законъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ древне-русскою жизнью и съ дѣйствительностью, установившеюся на Литовско-русской почвѣ. Тѣмъ не менѣе въ уставныхъ грамотахъ Полоцку, Витебску и Смоленску встрѣчается постановленіе какъ разъ обратнаго характера: „въ беззадщины и въ отмѣрщины витебскія тежъ не маемъ вступатися“ [4]). Противорѣчіе постановленій разныхъ грамотъ вызываетъ недоразумѣніе у изслѣдователей [5]). Но если великій князь не имѣлъ права наслѣдованія вымороченнымъ имуществомъ (а объ этомъ всѣ три грамоты говорятъ вполнѣ согласно), то не будетъ особенной смѣлостью предположить, что въ такомъ случаѣ наслѣдникомъ является земская община [6]). Съ этимъ согласуется и то, что мы знаемъ о вѣчевой жизни этихъ трехъ земель, и, наконецъ то, что въ эпоху уставныхъ грамотъ извѣстенъ фактъ ограниченія великокняжеской власти въ расширеніи территоріи области: на Жмуди господарь обязывался не строить новыхъ дворовъ [7]), но такъ какъ Жмудь въ началѣ XV в. не была вся заселена (что доказывается раздачею пустыхъ земель и въ послѣдующее время), то это ограниченіе означало, что господарь не могъ захватывать новыхъ земель для себя лично.

---

[1]) Wolff, Ród Gedymina, p. 29, 30. Леонтовичъ, o. c., p. 104.

[2]) Бѣляевъ, О наслѣдствѣ безъ завѣщанія.

[3]) Ясинскій, o. c., p. 170.

[4]) Ibidem, p. 172, 173.

[5]) Ср. ibidem замѣчаніе г. Ясинскаго въ примѣчаніи, p. 172.

[6]) Ср. замѣчаніе профессора Леонтовича, Спорные вопросы по исторіи Русско-Литов. права. СПБ., 1893, p. 46.

[7]) Działyński, Zb. pr. lit., p. 71.

Вотъ почему вполнѣ правдоподобно, что и въ Смоленской, Полоцкой и Витебской грамотахъ ограничивалось право верховной власти присоединять вымороченныя имущества къ своимъ собственнымъ, обращать ихъ въ личныя владѣнія. Но великій князь, какъ отчичъ всей земли, могъ, конечно, распоряжаться вымороченными имѣніями, можетъ быть, по представленію намѣстника,—не выводя ихъ изъ земли, напр., отдавая мѣстнымъ боярамъ. Въ уставной грамотѣ Полоцку господарь обѣщаетъ „недаритися никому" полочанами, т. е. верховная власть ограничивается въ раздачѣ земель и людей; подъ этимъ постановленіемъ грамоты подразумѣвается ограниченіе такой раздачи, которая выводила бы земли изъ „воеводства", т. е. изъ военно-служилаго его строя [1]). Дѣйствительно, факты раздачи „спадковыхъ" имѣній въ этихъ областяхъ мы встрѣчаемъ неоднократно, и они оставались безъ протеста, очевидно потому, что не составляли нарушенія мѣстныхъ „вольностей". „Што на насъ господара спало по пани Зофьи Миколаевой Радивиловой княгини Жеславской, яко безпотомной, имѣньице названое Плисса въ Полоцкомъ повѣтѣ... дали есмо тое имѣньице Плису" — Александру Пѣтуху [2]). Такъ комбинировались права земли на вымороченныя имѣнія и право господаря въ распоряженіи ими.

Это вѣроятное различіе, существовавшее въ разныхъ областяхъ по отношенію къ вымороченнымъ имѣніямъ служитъ намекомъ на то, что существовалъ двоякаго рода взглядъ на наслѣдователя: и въ послѣдующее время встрѣчаемъ признаки колебаній въ томъ смыслѣ, что господарь считаетъ самого себя наслѣдникомъ, тогда какъ въ обществѣ замѣчается тенденція считать спадковыя имѣнія въ числѣ земскихъ.

Путемъ „спадка" господарскія поземельныя имущества иногда весьма значительно увеличивались. Такъ, въ числѣ спадковыхъ встрѣ-

[1]) Такъ мы понимаемъ это мѣсто грамоты, руководясь указаніями одного универсала 1605 г. въ Кн. Зап. Литов. LXXV, л. 230 (соотвѣтственное мѣсто изъ него будетъ приведено ниже). На практикѣ отступленій было не мало (Кн. Зап. Лит., XX, л. 194, XLI, л. 99 об. — объ отдачѣ людей путныхъ). Однако и правительство и мѣстное поспольство не разъ высказывалось за такое именно толкованіе грамоты, т. е. противъ отдачи путныхъ людей и ихъ земель (Кн. Зап. Лит., XIV, л. 142 об., VIII, л. 260).

[2]) А. Ю. З. Р., I, 33.

чаемъ цѣлыя княжества — Заславское [1]), Кобринъ [2]), Гомель [3]), и др. Отъ Гаштольдовъ великій князь получилъ цѣлый рядъ крупныхъ имѣній, разбросанныхъ по разнымъ мѣстностямъ государства, напр., Радошковичи [4]), Трабы [5]), Быховъ, Добосна съ селами и др. [6]), Полонско, Лысково и Межирѣчье пришли на господаря по смерти Катерины Войтеховича [7]) и т. д. Приходили и болѣе мелкія имѣнія [8]).

Даже городскія земли, лежавшія въ мѣстскомъ фридѣ, переходили какъ вымороченныя къ господарю [9]).

Конечно, учесть всѣ земли, перешедшія къ великому князю, въ качествѣ спадковъ того или иного рода нѣтъ никакой возможности, такъ какъ очень часто имѣнія поступали къ нему и сейчасъ же передавались, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, частнымъ лицамъ. Да, впрочемъ, въ этомъ и нѣтъ особенной надобности, такъ какъ изъ источниковъ мы узнаемъ только названія имѣній, но рѣдко имѣются какія нибудь свѣдѣнія о размѣрахъ ихъ или хозяйственномъ значеніи (кромѣ нѣкоторыхъ крупныхъ владѣній, какъ Пинскъ, Клецкъ, Кобринъ, Радошковичи); кромѣ того по спеціальнымъ изслѣдованіямъ объ областномъ дѣленіи (гг. Леонтовича, Любавскаго, Балинскаго) и объ удѣльныхъ князьяхъ (каковы работы гг. Вольфа, Стадницкаго и др.) можно прослѣдить переходъ весьма многихъ имѣній въ руки короля и отъ него къ частнымъ лицамъ. Столь же несущественнымъ является для насъ спорный юридическій вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ имѣніе признается вымороченнымъ [10]). Намъ надо

---

[1]) Леонтовичъ, Очерки, p. 96.

[2]) Ibidem, p. 65.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 113.

[4]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 90.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 10—12.

[6]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 263 об.—264 об. и 285—286.

[7]) Кн. Зап. XXXVIII, л. 444.

[8]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 56 об. и 120; XXXVII, л. 105 и 133; Леонтовичъ, Акты Метрики Литовской, № 8 и мн. др.

[9]) Леонтовичъ, Акты, № 557.

[10]) Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, породилъ обширную литературу, привлекшую вниманіе лучшихъ знатоковъ права. Таковы изслѣдованія пр. Бершадскаго, „Литовскій Статутъ и польскія конституціи", СПБ., 1893 г. и *его же* „О наслѣдованіи въ вымороченныхъ имуществахъ по Литовскому праву", СПБ., 1893; пр. Леонтовича, „Спорные вопросы изъ ист. Литовско-Русскаго права" и „Къ вопросу о вымороченныхъ имуществахъ по Литовскому праву" (Журн. Мин. Юст. 1897 г.); пр. Гольмстенъ, „Три вопроса изъ исторіи Русско-Литовскаго права" (Журналъ

только имѣть въ виду, что уже со времени уставныхъ земскихъ грамотъ и первыхъ земскихъ привилеевъ (1387 г. и 1413 г.) шляхта стремится съузить понятіе вымороченности, распространяя право наслѣдованія на широкій кругъ proximiores, тогда какъ въ болѣе древнее время „право наслѣдованія въ Литвѣ было весьма ограничено для родственниковъ въ пользу великаго князя, къ которому, при отсутствіи ближайшихъ родственниковъ наслѣдодателя, оставшееся послѣ него имущество приходило Spadkiem, т. е. по наслѣдству [1])“.

Серьезное значеніе для нашей цѣли имѣетъ вопросъ о томъ, кому собственно поступали спадки, государю или государству. Относительно завѣщанныхъ государю имѣній можно догадываться, на основаніи самаго факта ихъ происхожденія, что они составляютъ личное владѣніе великаго князя. Однако, относительно вымороченныхъ имуществъ опредѣленный взглядъ не скоро установился. Но этотъ вопросъ сливается съ другимъ—съ вопросомъ о происхожденіи земскихъ добръ. Выше было указано, что въ эпоху уставныхъ грамотъ мѣстные законы смотрѣли на этотъ вопросъ неодинаково. При разсмотрѣніи историческаго образованія вотчины были приведены выраженія источниковъ, позволяющія думать объ извѣстномъ разграниченіи государственной собственности и личной великокняжеской [2]). Это не значитъ еще, что оба понятія ясно различаются въ столь древнее время [3]), но здѣсь только видно зарожденіе идеи

Юридич. Общ. при СПБ. универс. 1896 г., февраль); г. Пташицкаго, „Къ исторіи Литовскаго права послѣ третьяго Статута“, СПБ., 1893 г. и г. Ольшамовскаго, „Обязательность для Вел. Кн. Литовскаго конституціи вальныхъ сеймовъ б. Польской Рѣчи Посполитой“ и пр., СПБ., 1897 г.

[1]) Ольшамовскій, о. с., р. 80. Ср. Леонтовичъ, Спорные вопросы, ст. 45.

[2]) Ср стр. 19.

[3]) Замѣтимъ, что идея раздѣленія собственности князя и земской общины извѣстна еща древней Руси (ср. у П. В. Голубовскаго, Исторія Смоленской земли, р. 234, Линниченко, Черты изъ ист. сосл., 48—53, Владимірскій-Будановъ, Обзоръ и пр., р. 409), Бѣляевъ въ статьѣ „О доходахъ Московскаго государства“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос., 1884, IV) развиваетъ теорію, по которой вся земля первоначально принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ или составляла вотчинное владѣніе частныхъ лицъ. Князь владѣлъ тѣмъ, что ему было уступлено общиной, или имъ пріобрѣтено (р. 48). Подтвержденіе своего взгляда на различіе княжеской и общинной собственности онъ видитъ уже въ грамотахъ московскихъ князей (р. 49). Общинныя земли составили разрядъ черныхъ земель, на которыя князь не имѣлъ права личной собственности (р. 52). Взглядъ Бѣляева страдаетъ

обособленія собственности государя и государства. Должно было пройти немало времени для ея развитія и утвержденія въ представленіи общества и въ правѣ. Зародившаяся въ столь древнее время идея раздѣленія собственности государя и государства затрогивала весьма существенные интересы двухъ сторонъ—господаря и посполыства и потому разрѣшеніе ея склонялось то въ ту, то въ другую сторону въ зависимости отъ роста значенія того и другаго „стана" въ государствѣ. Исторія развитія представленій о земскихъ, столовыхъ и лично господарскихъ земляхъ могла бы представить интересъ, но она не можетъ быть возстановлена въ подробностяхъ за отсутствіемъ источниковъ.

Если бы судить по опредѣленіямъ, какія даются источниками разнаго рода землямъ, то отсюда еще нельзя было вывести опредѣленнаго заключенія: всѣ добра называются „господарскими", „нашими", т. е. великокняжескими; по Статуту земли конфискуются или признаются вымороченными „на господаря" — это обычная фраза: только со второй половины правленія Сигизмунда I начинаютъ встрѣчаться термины добръ столовыхъ и земскихъ. Если взять въ основаніе способъ раздачи волостей и державъ, то и это также мало дастъ для разрѣшенія вопроса: власть господаря Литовскаго была обширна и притомъ раздача „достоенствъ", врядовъ и державъ, было прерогативой престола, за весьма немногими ограниченіями мѣстнаго характера. Даже Сигизмундъ Августъ самостоятельно раздаетъ державы, что мы знаемъ не изъ формулъ актовъ (онѣ не всегда вѣдь соотвѣтствовали дѣйствительности), но по болѣе интимнымъ источникамъ. Но тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ или иной намѣстникъ „приказывалъ", какъ выражаются книги времени Казимира, писать жалованную грамоту не нарушалась прерогатива великаго князя раздавать земли. Во всякомъ случаѣ, процессъ раздачи державъ имѣній и зе-

---

тѣмъ общимъ недостаткомъ, что авторъ не принялъ въ расчетъ несомнѣннаго пониженія государственнаго принципа въ начальный Московскій періодъ и пытается найти ясное разграниченіе понятій, чего не было въ дѣйствительности. Въ противоположную крайность впалъ Лакіеръ, отодвигающій развитіе государственнаго принципа къ XVI в. (О вотчинахъ и помѣстьяхъ, р. 24—26).—Если бы понадобилось сравненіе раздѣленія государственныхъ имуществъ Литовской Руси и Московской, то такъ наз. Подвинскія и Поднѣпрскія волости первой можно сравнить съ черными землями второй; а дворы Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ—съ княжескими подклѣтными землями московскихъ государей.

мель не даетъ возможности для заключеній о принадлежности дачъ къ землямъ господарскимъ или государственнымъ. Однако и еще надо отмѣтить одно немаловажное обстоятельство: мѣстное право нѣкоторыхъ земель обусловливало раздачу земель лицамъ „осѣлымъ“ въ землѣ, „прироженцамъ“. Такъ было, напр., на Жмуди. Это означало, что хотя великій князь пользовался прерогативой раздачи земель, но кругъ лицъ, среди которыхъ свободныя земли могли распредѣляться, былъ съуженъ, и слѣдовательно земли оставались въ рукахъ шляхты именно данной области, мѣстнаго поспольства. Это право областей на удержаніе земель въ рукахъ мѣстнаго поспольства можно признать въ Литовской Руси весьма распространеннымъ, хотя оно и не вездѣ имѣло законодательную санкцію.

Характеръ управленія даетъ нѣсколько больше въ вопросѣ о развитіи взгляда на раздѣленіе добръ. Тутъ прежде всего надобно напомнить уже извѣстный намъ фактъ, что еще по уставнымъ грамотамъ привилегіею боярства нѣкоторыхъ областей (Кіевской, Полоцкой и др.) составляло управленіе извѣстными волостями: король назначалъ въ такія „волости“ или замки, чаще всего на опредѣленный срокъ, послѣ чего назначался другой. Хотя лицо въ данномъ случаѣ выбиралось великимъ княземъ, но право выбора было ограничено извѣстнымъ кругомъ лицъ и срокомъ ихъ управленія, слѣдовательно замокъ не могъ быть отданъ, напр., въ доживотье и пр. Съ другой стороны, должностные лены, повидимому, составляютъ древнее явленіе. Въ обоихъ случаяхъ право распоряженія остается за господаремъ, но земли фактически находятся въ обладаніи поспольства цѣлой области. Но въ древнѣйшій періодъ это—только мѣстныя права. Конституціонная хартія 1492 г. содержитъ въ себѣ параграфъ, намекающій на разграниченіе земскихъ и господарскихъ добръ. Эта статья заключаетъ въ себѣ обязательства великаго князя посылать binos et binos dominos по повѣтамъ и общинамъ данниковъ для собиранія даней и такъ называемыхъ „недополнковъ“ (reliquiis in vulgari niedogimkow) [1]). Изъ скарбовой практики очень хорошо извѣстно, что упоминаемые здѣсь domini,—своего рода missi dominici для крестьянскаго населенія—дѣйствительно разсылались въ русскія волости для сбора даней и чиненія суда и расправы; это были скарбовые писари. Само упоминаніе о „недополнкахъ“ тоже намекаетъ

---

[1]) Dzialyński. Zbiór praw litewskich p. 64.

на посылку ихъ именно въ т. наз. русскія волости; наконецъ, въ текстѣ посылки предполагается только super districtus et tributarios, т. е. о дворахъ не говорится; и дѣйствительно посылки писарей по дворамъ вошли въ практику нѣсколько позже и иначе были обставлены. Цѣль указанной статьи выясняется изъ ея редакціи, но остается неясной причина такого обязательства со стороны великаго князя. Если вспомнить о другой статьѣ того же привилея, ограничивавшей согласіемъ рады право распоряженія господаря извѣстнаго рода доходами, то разсматриваемую статью надо понимать въ томъ смыслѣ, что собираемые посланцами доходы контролировались тою же радою и, слѣдовательно, составляли господарскій скарбъ, а не лично великому князю принадлежащіе доходы. Если это такъ, то въ данномъ случаѣ встрѣчаемъ впервые попытку выдѣлить извѣстную категорію земельныхъ имуществъ изъ личной власти господаря и передать подъ контроль государственнаго учрежденія—рады. Это уже ограниченіе не мѣстнаго, но общегосударственнаго свойства и земли подвергаются контролю не мѣстныхъ элементовъ, но общегосударственнаго учрежденія. Это должно было вести къ ослабленію мѣстныхъ и частныхъ законовъ о распредѣленіи добръ и къ выработкѣ общихъ правовыхъ нормъ въ этомъ отношеніи, при чемъ областныя права поглощаются общегосударственнымъ. Что статья привилея 1492 г. имѣетъ въ виду раздѣленіе добръ и дѣйствительно развивала начала понятій о господарскихъ и земскихъ добрахъ, причемъ районы ихъ намѣтились такъ, что русскія волости отошли къ земскимъ, а западные дворы, центръ господарской вотчины,—къ господарскимъ,—доказывается еще и различіемъ въ дальнѣйшемъ управленіи тѣхъ и другихъ. Русскія волости пользуются широкими мѣстными правами, стариной, среди нихъ нѣтъ господарскихъ дворовъ; когда изстаринный обычный строй сталъ колебаться, волости получаютъ господарскіе уставы и выроки, узаконяющіе обычно-правовой строй. Господарскій скарбъ пользуется доходами этихъ волостей, но не вводитъ въ нихъ той системы вотчиннаго хозяйства, которая является преобладающей чертой господарскихъ дворовъ. Назначеніе этихъ волостей—обслуживать нужды общегосударственныя (напр., постройку замковъ украинныхъ, а не только мѣстныхъ), но не лично господарскія. Русскія волости пользовались такими привилегіями, что даже въ пору сильнаго развитія крѣпостническихъ тенденцій, вотчинная власть подошла къ русскимъ волостямъ далеко не сразу, такъ что „мужи“, „волощане“ русскихъ

волостей гораздо позже вошли въ составъ крѣпостного населенія господарскихъ вотчинъ (въ самомъ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в.).

Это отличіе въ положеніи русскихъ волостей отъ господарскихъ дворовъ именно указываетъ на то, что волости эти, несмотря на постоянное смѣшеніе вотчиннаго и государственнаго началъ, все таки сохраняли значеніе земель государственныхъ, но не великокняжескихъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ путемъ „спадковъ" превратились въ господарскія (Обольцы, Могилевъ, Рогачевъ и др.), но эти спадковыя выдѣлялись изъ остальныхъ государственныхъ. Дополнимъ, что одна изъ повинностей русскихъ волостей тоже указываетъ на ихъ принадлежность: нѣкоторыя волости (можетъ быть и всѣ, но о всѣхъ нѣтъ данныхъ) вносили особые платы на подскарбія земскаго и ключниковъ даже въ половинѣ XVI в., между тѣмъ съ дворовъ господарскихъ подскарбій не получалъ содержанія, хотя управленіе ими въ половинѣ XVI в. находилось въ его рукахъ. Такъ какъ всѣ старинные платежи и повинности отличаются традиціонною устойчивостью, то и платежъ въ пользу подскарбія указываетъ на то, что эти волости вошли въ сферу распоряженія рады задолго до того момента, когда раздѣленіе добръ вполнѣ опредѣленно указывается источниками.

Конецъ XV и начало XVI вв. въ исторіи государственныхъ имуществъ долженъ былъ играть немаловажную роль еще и потому, что и въ сосѣдней Польшѣ вопросъ о государственныхъ имуществахъ, о правѣ и порядкѣ распоряженія ими вызывалъ большое вниманіе со стороны общества. Bona mensae regiae получили вполнѣ государственное назначеніе [1]). Вопросъ объ отчужденіи государственныхъ земель вызвалъ къ жизни цѣлый трактатъ очень освѣдомленнаго въ финансовыхъ вопросахъ, по своему служебному положенію, и очень начитаннаго въ церковной и юридической литературѣ,—скарбника Заборовскаго. Въ своемъ трактатѣ, изданномъ въ 1507 году въ Краковѣ, Заборовскій исходитъ изъ общаго представленія о происхожденіи и сущности верховной власти. Текстами изъ св. Бригитты онъ доказываетъ, что народъ нѣкогда вручилъ власть одному лицу,—considerans se non posse stare sine rege. Отсюда король является mediator и conservator власти и народа. Поэтому, король ничего не мо-

---

[1]) Blumenstok, Plany reform skarbowo-wojskowych w pierwszej polowie panowania Zygmunta Starego, Przewodnik naukowy i literacki. 1888, № 2, p. 109.

жетъ уменьшить изъ того, что самъ получилъ, и долженъ все въ цѣлости передать своему преемнику. При возникновеніи государственной власти на основѣ jus gentium, король получилъ и государственныя имущества. Но онъ отнюдь не является ихъ dominus, но только administrator. Имущества являются только составною частью jurium regalium королевской власти, которыми онъ имѣетъ право распоряженія и пользованія, но не собственности. Изъ этого общаго положенія Заборовскій выводитъ тотъ принципъ, что государственныя имущества не могутъ быть отчуждаемы ни подъ какимъ предлогомъ государственною властью [1]).

Такимъ образомъ идея раздѣленія господарскихъ и государственныхъ имуществъ, признаки которой встрѣчаются въ источникахъ очень ранняго времени, при чемъ понятіе государственнаго имущества является въ видѣ общиннаго, дѣлаетъ очевидные успѣхи къ началу XVI в. Правда, первый Статутъ еще молчитъ о разграниченіи имуществъ того и другого рода, но въ немъ есть важная статья, устанавливающая способъ раздачи имѣній господаремъ. По этой статьѣ господарь обязуется „никому ничего" не раздавать изъ имѣній, людей и земель въ бытность свою въ Польшѣ; всякаго рода раздачи и подтвержденія производятся только въ Литвѣ и только за заслуги: но это относится только къ раздачамъ владѣній по условнымъ формамъ: всѣ „вѣчности" подтверждаются королемъ только „кгды будемъ вес-полокъ съ паны радами нашими на валномъ сойми". Всякаго рода привилеи, полученные безъ соблюденія означенныхъ условій „ни увошто оборочаемъ"; только „купли" господарь можетъ подтверждать гдѣ угодно (Разд. I, арт. 25). Латинскій контекстъ яснѣе называетъ фондъ раздачи—bona ducalia [2]). По существу здѣсь право короля значительно ограничено, хотя статутовыя статьи и весьма мягко это выражаютъ. При великомъ князѣ, когда онъ былъ въ Литвѣ, всегда была рада въ большемъ или меньшемъ числѣ; слѣдовательно ея присутствіе являлось извѣстнаго рода контролемъ даже въ раздачѣ обыкновенныхъ „данинъ" и доживотій, а „вѣчности" въ силу тѣхъ же

---

[1]) Tractatus quadrifidus de natura jurium et bonorum regis и пр., переизданный въ V т. изданія Краковской Академіи Наукъ Starodawne prawa polskiego pomniki, 1878 г.

[2]) Działyński, Zbiór praw litewskich, p. 167.

соображенiй, контролируются присутствiемъ и рады и сеймовыхъ депутатовъ.

Вообще, въ перiодъ между первымъ и вторымъ Статутами последовало полное разграниченiе добръ земскихъ, господарскихъ (столовыхъ) и лично великокняжескихъ. Несомнѣнно, большую ясность въ эти соотношенiя внесла дѣятельность королевы Боны. Извѣстно, что въ ея рукахъ сосредоточились громадныя земельныя богатства въ предѣлахъ Польши и Литвы [1]; многое она получила въ даръ отъ своего мужа, многое прикупила сама; дѣятельность ея по отношенiю къ имѣнiямъ вовсе не была похожа на прежнiя Ягеллоновскiя традицiи: это дѣятельность частнаго собственника. Въ свою хозяйственную политику она впутываетъ и молодого Сигизмунда Августа, заключая сдѣлки отъ своего и его имени. При наклонности современнаго общества смотрѣть на господарскiя земли какъ на государственную собственность, дѣятельность Боны вызывала въ его средѣ неудовольствiе и стремленiе выяснить предѣлы лично великокняжеской и государственной собственности. Въ Польшѣ ропотъ и недовольство шляхты выражались съ особенною рѣзкостью [2], такъ что Сигизмундъ I издалъ въ 1540 г. постановленiе, разъясняющее положенiе этихъ имѣнiй въ Коронѣ и возможность ихъ выкупа Речью Посполитой [3].

Дѣйствительно, въ актахъ изучаемаго перiода уже часто встрѣчаются указанiя личныхъ правъ на тѣ или другiя имѣнiя не только королевы Боны, но и Сигизмунда Августа. Такъ въ одномъ актѣ 1533 г. король выражается о Кнышинѣ: „именье сына нашого молодого короля и великого князя его милости Жикгимонта“ [4]. Бѣльскъ и Гродно тоже называются имѣнiями „короля его милости молодого“ (въ грамотѣ около 1536 г.) [5]. Особенно часты эти указанiя около времени унiи 1569 г., когда вопросъ выяснился уже и законодательнымъ путемъ. Въ 1569 г. Сигизмундъ Августъ закладываетъ Ярошу Кречовскому дворъ Шерешовъ—„imienie nasze własne a osobnym pewnym prawem własney osobie naszey należonce“ [6]. Замокъ Ракошковичи—

---

[1]) Pułaski, Szkice historyczne, ст. о хозяйствѣ королевы Боны.

[2]) Ср. у Ст. Орѣховскаго, Анналы при изд. Длугоша 1711 г., т. II, p. 1561 слѣд.

[3]) Statuta Herburta, подъ словомъ bona regalia.

[4]) Кн. Судныхъ Дѣлъ Лит., VII, л. 100 об.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 19 об.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLII, л. 14.

властность королевская“ [1]), Шавли [2]), Любечъ [3]), Остеръ [4]), Брянскъ [5]) тоже принадлежатъ „властной особѣ“ Сигизмунда Августа, точно такъ же какъ и рядъ другихъ имѣній [6]). Имѣнія королевы Боны достались Сигизмунду Августу тоже въ личное владѣніе [7]) и т. д. Какъ частный владѣлецъ, великій князь вступаетъ въ сдѣлки съ другими частновладѣльцами, даритъ, мѣняетъ и пр. Въ 1567 г. онъ помѣнялся своими дворами Воложинымъ и Липичною на дворъ Индуру съ Мих. Юр. Радивиломъ [8]). Съ паномъ Яномъ Ходкевичемъ король заключаетъ договоръ о продажѣ Плотель въ Жомойти, хотя потомъ и уничтожилъ этотъ договоръ [9]). Нѣкоторые изъ актовъ сдѣлокъ содержатъ и разъясненіе, что̀ это именно личныя имѣнія короля. Отдавая въ 1572 г. Миколаю Криштофу Радивилу Шавельскую державу въ доживотье, король разъясняетъ, что Шавли „własney osobie naszey, a nie do stola krolom y wielkim xiążętom ich mosci należąca, ktorą wedle praw naszych y wedle przywelieow ziemskiech na unii uczynionych wolno nam iest szafować, zawodzić y oddawać komu chcąc [10]). Тоже самое общее заключеніе о великокняжеской собственности находимъ въ мѣновой сдѣлкѣ короля съ паномъ Яномъ Ходкевичемъ. Король и Янъ Ходкевичъ заключаютъ въ 1571 г. такое условіе: такъ какъ нѣкоторыя имѣнія Ходкевича прилегли къ королевскимъ, то Ходкевичъ свои дѣдичныя имѣнія Свислочъ, дворъ Гринки, Яново, Волковщизну въ повѣтѣ Волковыйскомъ—со всякою „владностью“ передаетъ „властной особе короля его милости не яко королю Полскому и великому князю Литовскому, але властной парсоне его королевской милости и потомкомъ его королевской милости“.

---

[1]) Публич. Дѣл. Лит. X, л. 30.

[2]) Публич. Дѣл. Лит. VIII, л. 71.

[3]) Публич. Дѣл. Лит. X, л. 87 об.

[4]) Ibid. л. 86.

[5]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 171 об.

[6]) Лысково и Межирѣчье проданы Михаилу Мнишку въ 1572 г. за 20000 коп. гр. литовскихъ, причемъ деньги пошли „до власнои скринки“ короля. Кн. Зап. Лит. LI, л. 30. Ср. еще свѣдѣнія о „власныхъ имѣніяхъ“ въ Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 41, л. 149, въ кн XXXVIII, л. 98 об. и др.

[7]) Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и отъ Волыни, изд. Кіев. Археогр. Ком., I, p. 8 (относительно Ковельскаго староства).—Кн. Зап. Лит. XLII, л. 108 (о Кременцѣ).

[8]) Кн. Зап. Лит. XL, л. 132.

[9]) Кн. Зап. Лит. LIV, л. 61 об.—62 об.

[10]) Кн. Зап. Лит. LI, л. 316.

За это король уступаетъ Ходкевичу на вѣчность „имѣнья свои не ку столу добръ королевскихъ и великого князства Литовского, але властной особе и парсоне его королевской милости належачие“ — замокъ Ляховичи, дворъ Жеребковичи въ Новгородскомъ повѣтѣ, мѣсто Ботоки, дворъ Кретинку, 50 волокъ въ волости Палангенской въ землѣ Жомоитской [1]).

Изъ этихъ актовъ видно, что самъ король подчиняется наравнѣ съ прочею шляхтой общимъ государственнымъ правамъ. Тутъ же особенно обращаютъ на себя вниманіе тѣ мѣста грамоты, которыя указываютъ на отличіе королевскихъ имѣній отъ столовыхъ, т. е. такихъ, которыя составили принадлежность господарскаго уряда. Кромѣ того въ указанныхъ грамотахъ видна связь новаго положенія вещей съ актомъ уніи. Но самымъ интереснымъ въ этомъ отношеніи является указъ Сигизмунда Августа на имя всѣхъ державцевъ личныхъ его имѣній, разосланный 20 іюля 1569 г., т. е. въ дни Люблинскаго сейма [2]). Этотъ господарскій листъ разъясняетъ и заканчиваетъ собою

---

[1]) Кн. Зап. Лит. LIV, л. 63 и сл.

[2]) 20-го іюля 1569 г. Сигизмундъ издаетъ листъ по всѣмъ имѣніямъ, принадлежащихъ ему лично. Образцовый листъ — на имя Ходкевича, какъ старосты Гроденскаго (т. наз. листъ „тымъ обычаемъ“).

Въ немъ онъ говоритъ: Jako to nie iest tayno wszem obec poddanem naszem, a osobliwie w. w., panie wilénski, iako wielkiey a visokiey radzie naszey yżesmy zawsze od początku panowania naszego aż do tych czasow obmyslawaiąc o wszystkiem dobrem i pożitecznem panstw naszych y Reczy Pospolitey nigdy nielitowali nie tylko skarbow naszych ziemskych i stolowi królewskiemu y w. xiędza Lith. naliezących, alie y wlastnych majętnosci, a na ostatek z nieszanowaniem zdrowia naszego wydawaiąc się ze wszelakem usilowaniem starania naszego dla dobrego y pożitecznego panstw naszych iakosz dla wszelakiego poratowania potrzeb Reczy Pospolitey nic tho nam zoradno niebylo, żesmy y z własnych dobr imion samei osobie naszey slusznemi y pewnemi sprawy nalezących do skarbu ziemskiego oddawać byli rozkazali, za czem nie male ubliżenie wychowania osoby naszey y opatrowania potrzeb dwora naszego się dzialo. Такъ какъ теперь заключена унія, вслѣдствіе которой оборона государства стала легче, и такъ какъ послѣ уніи всякій пользуется своими правами и привилегіями во владѣніи и пользованіи своимъ имуществомъ, то и королевской особѣ нѣтъ надобности нести тяжелаго бремени съ имѣній, ему лично принадлежащихъ. Поэтому король приказываетъ старостѣ Гроденскому—съ города Гродна и со всѣхъ дворовъ платовъ чиншовыхъ, поборовъ малыхъ, пенезей пожорновыхъ, мостового на Нѣманѣ и мостовъ въ Гроднѣ и всякихъ другихъ пожитковъ, которые до сего времени шли въ скарбъ земскій великаго княжества Литовскаго,—не давать въ скарбъ, а также и не выдавать людямъ служебнымъ на листы господаря или подскарбія, какъ раньше данные, такъ и на тѣ, которыя могутъ быть даны,— „ale tak dobra imiona starostwa grodzieńskiego trzymaiąc ku rąkom naszym, iako

исторію великокняжескихъ имѣній. Онъ подтверждаетъ давнишнее раздѣленіе имѣній, объясняя сліяніе ихъ въ одинъ скарбъ только недостаткомъ средствъ послѣдняго. Изъ него ясно также, что король во время уніи окончательно выдѣлилъ свои личныя добра изъ государственныхъ. Наконецъ, тотъ же листъ даетъ намъ и списокъ добръ, которыя король считаетъ принадлежащими ему лично.

Если присмотрѣться къ списку добръ, то вскрывается и ихъ происхожденіе: это все спадковыя имѣнія [1]). Кромѣ того, нельзя обойти

---

własność nasze pewnem a słusznem prawem własney osobie naszey należące"—собирать всѣ поборы, ни на какіе листы ихъ не выдавать, пока король кому нибудь поручитъ ихъ собирать и личбу чинить.

Тѣ, кто имѣлъ имѣнія въ закладѣ, сохраняютъ свои права (Кн. Зап. Лит. LII, л. 31 об. слѣд.).

[1]) Вотъ этотъ списокъ:

Гродно съ дворами	Мстиславль	Кременецъ
Меречъ	Рогачевъ	Ляховичи
Довкги	Тыкотинъ	Ищолни
Перелая	Кнышинъ	Межирѣчье
Олита	Радошковичи	Лысково
Новый Дворъ	Крожи	Брянскъ
Болники	Полонга	Саражъ
Довгялишки	Кретинга	Бѣльскъ
Опса	Горжды	Ковно
Вершупы	Камёнчишки	Плотели
Пуни	Мойшагола	Мстибогово
Куренецъ	Кобрынъ	Жижморы
Трабы	Поссирвентская Воля	Шерешовъ
Анторкъ	Жосли	Перстуны
Керновъ	Дубно	Берзники
Ботоки	Вонячинъ	Василишки
Юрборкъ и Новая Воля	Мельникъ	Шавли
Остеръ	Лосичи	Клещели.
Любечъ	Гераноины	

Тогда же разосланы такіе же листы къ старостамъ личныхъ королевскихъ имѣній, которыя отошли къ Коронѣ, а именно: въ Кременецъ, Вонячинъ, Мельникъ, Лосичи, Бѣльскъ, Клещели, Брянскъ и Саражъ (ibid. лл. 33—35 об.).

Спадковое происхожденіе этихъ имѣній опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Отъ королевы Барбары Радивилъ къ королю перешли: Ковно, Жижморы, Меречъ, Олита, Жосли (спадокъ по Софіи Кгаштольтовой). (Эти дворы, въ числѣ другихъ. королева получила въ вѣчность, Baliński, Pamiętniki o król. Barbarze, II, p. 328—329).

Отъ королевы Боны: Кобринъ, Рогачевъ (это, какъ мы знаемъ уже, вымороченныя имѣнія. О передачѣ ихъ въ 1519 г. Бонѣ Сигизмундомъ I, см. въ Описаніи Рукописн. отдѣл. Виленской Публичной Библіотеки, III, p. 50, 51), Креме-

молчаніемъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ того, что большинство этихъ имѣній являются спадковыми въ самой семьѣ Ягеллоновъ, и многія изъ нихъ восходятъ ко времени образованія государства и дѣленія территоріи, такъ что въ общемъ они составляютъ часть старой вотчины, во вторыхъ того, что есть „спадки“ и отъ частныхъ лицъ. Въ спискѣ добръ, на которыя король Сигизмундъ Августъ предъявляетъ личныя права, нѣтъ такъ называемыхъ русскихъ волостей (Мстиславль, Остеръ, Любечъ и Рогачевъ не входили въ ихъ число)—очевидно потому, какъ указано было раньше, что за ними искони было признано государственное значеніе.

Первый Статутъ совсѣмъ молчитъ о спадковыхъ имѣніяхъ, а второй немногое разъясняетъ въ этомъ вопросѣ. Изъ одной его статьи узнаемъ, что и спадковыя имѣнія король раздаетъ „родичамъ“ великаго княжества и что въ этой раздачѣ „моцы рукъ и щодробливости нашое и потомковъ нашихъ не замыкаемъ“ (Разд. III, арт. 21).

вецъ, Гродно, Юрборкъ (Кн. Зап. Лит. XXXIII, л. 13 об.), Пуни (ibid., л. 16), Горжды (ibid., л. 17), Бѣльскъ (ibid., л. 48 об.), Довги (ibid., л. 12 об.), Перелая (ibid, л. 13), Саражъ (ibid., л. 18 об.), Персгуны (ibid., л. 20 об.), Шерешовъ, Новый Дворъ, Мойшагола, Керновъ, Берзники, Анторкъ (Скарб. арх. Варш. каз. пал. кн. № 14 В), Крожи, Полонга, Кретинга и др.

Спадокъ Гаштольтовскій: Трабы (Зап. Лит. XXXVIII, л. 10), Геранонны (Baliński, St. Pol., IV, 185), Радошковичи (Докум. Моск. Арх. М. Юст., I, p. 90), Ляховичи (Зап. Лит. LIV, л. 63 сл.), Довгялишки (Baliński, Star. P., IV, 201), Больники (Любавскій, 116), также Остеръ, Любечъ, Тыкотинъ.

По записи Ст. Кезгайла король получилъ Ботоки (Зап. Лит. LIV, л. 63).

Спадкомъ отъ Кат. Войтеховича пришли Лысково, Межирѣчье, Полопско (Зап. Лит. XXXVIII, л. 444. Срав. Кн. Зап. Лит. LI, л. 300).

Кнышинъ король получилъ въ подарокъ отъ Ник. Радивила (Трачевскій, Польское безкоролевье, p. 8, примѣч.).

Бѣльскъ, Брянскъ и Суражъ были даны въ 1506 г. въ дожизотье королевѣ Еленѣ (А. З. Р, II, p. 6). Лосичи тоже были у кор. Елены (Skarbec Даниловича, № 2136), Шавли—тоже.

Мстиславль—отъ князя Мстиславскаго.

Изъ другихъ державъ—Клещели входили въ составъ Бѣльскаго пов. (Любавскій, p. 185), Дубно — Городенскаго пов. (ibidem, p. 177); иныя, какъ Вонячинъ, Ищолна еще при Сигизмундѣ I составляли частное владѣніе (ibidem, p. 263 и 169) и, вѣроятно, путемъ спадка или замѣны перешли къ королю. Въ спискѣ не встрѣчаемъ Подвинскихъ волостей (Усвята, Озерища и Оболецкой), но они были въ это время въ рукахъ Москвы. Не совсѣмъ ясно отсутствіе въ немъ Могилевской волости и Пинскаго староства. Мельникъ — старая вотчина вел. кн. литовскаго. Мы не успѣли прослѣдить только судьбу Вершупъ, Куренца, Камёнчишекъ, Посспрвентъ (кажется, новое поселеніе), Плотель, Мстибогова и Василишекъ.

Видимо, король оставляетъ за собою право проявлять „щодробливость“ въ раздачѣ спадковъ,—что еще далеко до тѣхъ взглядовъ, которые король проводилъ сейчасъ послѣ уніи. Частные акты правительственной дѣятельности даютъ немало указаній на стремленіе обоихъ Сигизмундовъ упрочить за собою право личнаго распоряженія спадками [1]). Сигизмундъ I по поводу одного частнаго случая еще въ 1510 г. заявляетъ, что вымороченное имѣніе „въ нашей воли, кому хотѣли, тому быхмо отдали“ [2]); и въ послѣдующее время верховная власть по частнымъ поводамъ неоднократно указывала на принадлежность спадковъ королю [3]). Однако, шляхетское общество не всегда считается съ подобнаго рода заявленіями господаря. Старосты иногда стремятся „привлащить“ спадковое имѣніе къ земскимъ, противъ чего протестуетъ великій князь [4]), ревизоры пытаются произвести ревизію въ личныхъ великокняжескихъ имѣніяхъ, что опять вызываетъ протестъ господаря [5]). Иногда споры принимаютъ острый характеръ. Такъ было, напр., на Жмуди въ 1524 г., когда король далъ свое спадковое имѣніе Шавли (по королевѣ Еленѣ) кн. Яну Гольшанскому. Во взаимныхъ препирательствахъ обѣ стороны—король и Жмудское посполъство—обмѣнялись взглядами. Король настаивалъ на своемъ правѣ раздавать свои спадковыя мнѣнія, кому угодно, тогда какъ шляхта протестовала противъ этого; положимъ, шляхта въ этомъ случаѣ жаловалась на то, что король отдалъ будто бы князю Яну и бояръ шавельскихъ, но это былъ благовидный предлогъ только, потому что староста и шляхта вообще не хотѣли впустить князя Яна въ Жомойтскую землю [6]).

---

[1]) Такую же политику короли проводятъ и въ Польшѣ. Однако, Петроковская конституція разрѣшаетъ королю раздачу земель, пришедшихъ ему jure caduco,—wedle woli, но только шляхтѣ и за заслуги (Volumina legum изд. 1857 г., II, p. 19). Тоже повторяетъ и конституція 1567 г. (ibidem, p. 67).

[2]) Arch. Sang., III, № 103; Леонтовичъ, Спорные вопросы, p. 52.

[3]) Кн. Зап. Литов. XXXVII, л. 105, 133.

[4]) Кн. Зап. Лит. XLI, л. 56 об. Въ 1552 г. Король пишетъ пану Троцкому, старостѣ Жомойтскому Яр. Ходкевичу: „Што пишешь к намъ, маючы ведомость о смерти старостиное Жомойтское пани Матеевое Войтеховича пани Катерины Глебовны и о *розшафованьи* именей ее. Ино вже тые именья, которые она перво сего намъ господару записавшы въ моцъ и держанье поступила и дала, а зъ ласки нашое на нихъ до жывота своего мешкала. Ведже врадники отъ насъ вставленые были и по смерти оные врадники тые именья, яко *властность нашу*, къ рукамъ нашымъ взявшы держать, для чого не естъ потреба иншого шафованья тому“ (Запис. Литов. XXXVII, л. 41).

[5]) Кн. Зап. Лит. LII, л. 1 об.

[6]) Любавскій, прил., № 38.

И дѣйствительно, не смотря на всѣ категорическія заявленія великокняжеской власти, спадковыя имѣнія не всегда поступаютъ въ личное ея распоряженіе. Давая Кр. Ленскому два села въ Гомельской волости, король говоритъ въ привилеѣ 1560 г.: „тые селца *спадкомъ ку столови* нашому господарскому пришли“ [1]). И въ другихъ привилеяхъ иногда употребляется тоже выраженіе [2]). Но все это спадки такіе же, какъ и тѣ, которые король объявляетъ своими. О смѣшеніи личныхъ и столовыхъ имѣній рѣчи быть не можетъ потому, что Сигизмундъ Августъ хорошо различалъ оба понятія. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ колебаніемъ болѣе существеннаго характера: ни законъ, ни общественное мнѣніе не поддерживаетъ Ягеллоновъ въ ихъ стремленіи обратить спадки въ личную собственность. Въ результатѣ борьбы обоихъ взглядовъ явилось то, что король съ момента уніи считаетъ личными своими имѣніями лишь тѣ, которыя ему достались путемъ спадка въ семьѣ Ягеллоновъ—части старой вотчины, или пришлись по завѣщанію, на что уполномачиваетъ разсмотрѣнный списокъ этихъ имѣній.

Вообще представленіе о столовыхъ великокняжескихъ имѣніяхъ вырабатывается въ періодъ между первымъ и вторымъ Статутами. Самый терминъ заимствованъ изъ польскаго права (bona mensae regiae). Повидимому, и самый институтъ столовыхъ добръ заимствованъ оттуда же. Впрочемъ, въ изучаемый періодъ выдѣленіе добръ не выработалось окончательно; по крайней мѣрѣ, до уніи терминъ столовыхъ добръ употребляется очень рѣдко. Одно можно заключить, что столовыя добра не принадлежатъ лично господарю; это ясно и изъ свидѣтельства источниковъ, приведенныхъ выше. На принадлежность этихъ добръ государству намекаетъ и сеймовый рецессъ 1544 года, когда говоритъ по поводу просьбы шляхты о несеніи земской службы врядниками, „а звлаща од тыхъ, которые бы *именья великого княз-*

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XLI, л. 113

[2]) Ibidem, л. 120, 124. Скуйбеда просилъ въ 1558 г. отдать бывшее у него въ доживотьи имѣніе Горынку въ Кременецкомъ повѣтѣ (оно пришло къ королю отъ Боны) своему зятю, но получилъ отказъ,—„але ижъ то никому иному, только намъ господару, *ку столу нашому*—належить“ (Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 149). Романъ Невельскій продалъ свою данину въ Полоцкомъ повѣтѣ безъ господарскаго разрѣшенія, почему она, „*яко властность наша господарская* за ся на насъ, господаря, ку столу нашому прышло и спало“ (Кн. Зап. Лит. XXXVIII, л. 98).

ства отъ его кролевское милости столу" держали [1]). Однако фактически выдѣленія столовыхъ добръ до уніи не произошло.

Это доказывается не только бѣдностью о нихъ извѣстій, но и тѣмъ еще, что въ сферѣ управленія всѣ добра составляли одно цѣлое. Такъ въ перечнѣ дворовъ и волостей въ волочной уставѣ встрѣчаются имѣнія, впослѣдствіи числившіяся въ составѣ столовыхъ, и господарскія, спадковыя и др. Есть основаніе предполагать, что на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. состоялось какое то особое постановленіе касательно великокняжескихъ доменовъ; это видно, какъ изъ приведеннаго выше листа Сигизмунда Августа къ держателямъ его личныхъ имѣній, такъ, отчасти, и изъ намека въ самомъ актѣ уніи: въ послѣднемъ говорится, что съ момента уніи прекращается раздача столовыхъ имѣній [2]). Контекстъ самого акта какъ будто предполагаетъ извѣстнымъ какое то иное постановленіе, до насъ, очевидно, недошедшее [3]) и касавшееся раздѣленія добръ. Актъ уніи при этомъ завѣряетъ, что всѣ держатели и владѣльцы господарскихъ добръ, будутъ пользоваться и послѣ уніи тѣми же правами на находящіяся въ ихъ распоряженіи имѣнія, на какихъ они получили ихъ до уніи, по литовскому праву, и что экзекуція правъ, производимая въ Польшѣ, никоимъ образомъ не будетъ относиться къ литовско-русскимъ областямъ [4]). Только въ поборовыхъ универсалахъ Стефана Баторія столовыя добра составляютъ особую группу [5]), а коронаціонные универсалы Сигизмунды III окончательно выясняютъ положеніе столовыхъ имѣній въ числѣ прочихъ статей государственныхъ доходовъ.

Къ выдѣлу столовыхъ добръ относятся два универсала этого короля. Въ первомъ изъ нихъ (отъ 28 января 1588 г.) онъ объясняетъ,

---

[1]) Działyński, Zbiór praw. 403.

[2]) Volumina Legum (Изд. 1857 г.), II, p. 91.

[3]) Это вполнѣ возможно: въ Документахъ Московск. Арх. Минист. Юстиц. т. I, мною изданъ рецессъ Литовскаго сейма 1569 г, происходившаго въ Люблинѣ, и спеціально посвященнаго дѣламъ Литвы; въ актѣ уніи нѣтъ и помину о происходившемъ, параллельно съ общимъ сеймомъ, частномъ Литовскомъ: на послѣднемъ и могло быть издано спеціальное постановленіе о добрахъ.

[4]) Вопросъ объ экзекуціи правъ сильно занималъ литовско-русское общество передъ самой уніей. При залогахъ господарскихъ добръ король обычно вставляетъ статью о томъ, что экзекуція правъ, въ случаѣ соединенія Литвы съ Польшею, не нарушитъ условій залога. Въ томъ же смыслѣ отъ имени короля давали завѣренія шляхтѣ на повѣтовыхъ сеймикахъ передъ Люблинскимъ сеймомъ и господарскіе посланцы (См. „науку" посланцамъ въ Кн. Пуб. Д. Лит. VII, л. 193 об.).

[5]) А. З. Р., III, 192.

что по представленіи пословъ, основанномъ на рѣшеніи сеймиковыхъ съѣздовъ о томъ, „абы столъ господарскій, также и скарбъ земскій у великомъ князствѣ Литовскомъ певными доходами былъ опатренъ, которыхъ бы не только подскарбій земскій, але ани мы господарь... тыхъ доходовъ никому отдавати и ни на што иншое ихъ оборочати и ими шафовати не могли, *только на подыймованье насъ и столу нашого господарского*". Послѣднее опредѣленіе указываетъ на цѣль выдѣленія добръ столовыхъ: на содержаніе господаря. При этомъ ни король, ни подскарбій земскій не будутъ имѣть права дать этимъ имѣніямъ какое либо иное назначеніе. Дальнѣйшій текстъ постановленія разъясняетъ въ частности, на что именно не могутъ быть употреблены эти державы, т. е. не могутъ быть отданы въ залогъ, въ вѣчное или ленное право, въ доживотье, въ обмѣнъ на другія; не могутъ также быть отданы въ частныя руки, а доходы съ этихъ державъ сдаются, по обычаю того времени, только „въ держанье и заведанье", но и то только лицамъ „осѣлымъ" въ Литвѣ а не чужестранцамъ. Далѣе, разъясняются условія ликвидаціи обязательствъ правительства по отношенію къ тѣмъ изъ столовыхъ державъ, которыя заложены, или находятся въ доживотномъ владѣніи. По этому акту въ число столовыхъ державъ отнесены слѣдующія: староство Городенское и Олитская держава со всѣми фольварками и мѣстечками, Берестейское староство съ державами Кобринскою и Каменецкою, со всѣми—фольварками, селами и мѣстечками, державы Могилевская и Шавельская и лѣсничества: Городенское, Олитское, Берестейское, Каменецкое и Бѣловѣжское [1]). Этотъ чрезвычайно важный актъ, завершающій образованіе столовыхъ имѣній, дополняется другимъ, изданнымъ нѣсколько дней спустя послѣ перваго (1 февраля). Послѣдній, впрочемъ, по существу, не вноситъ ничего новаго, повторяя въ общихъ чертахъ условія предъидущаго. Онъ только съ бо́льшей опредѣленностью указываетъ, что король можетъ столовыя имѣнія раздавать только „на личбѣ" притомъ „людемъ заслужонымъ"; доходы отъ имѣній поступаютъ въ скарбъ великаго княжества Литовскаго, за исключеніемъ тѣхъ, кои выдѣлены будутъ на старосту [2]).

---

[1]) А. З. Р., IV, р. 1—3.

[2]) Напечатанъ трижды: въ Акт. Зап. Рос., IV, р. 4—5, въ Акт. Вил. Археогр. Комм. т. VII, р. 95, у Бершадскаго въ приложеніи къ сочин.: „Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи", р. 108.

Смыслъ изложенныхъ актовъ заключается въ томъ, что на содержаніе короля отведены извѣстныя державы, составляющія принадлежность королевскаго уряда. Къ концу XVI в.—король только первый изъ чиновниковъ Речи Посполитой и, подобно всѣмъ другимъ должностнымъ лицамъ, для его содержанія отдѣлены урядовыя державы: это его должностной ленъ. Онъ имѣетъ право раздачи этихъ державъ, но его право распоряженія ограничено такъ же, какъ и право другихъ врядниковъ Речи Посполитой. Если присмотрѣться теперь къ списку столовыхъ имѣній, то легко убѣдиться, что въ число ихъ вошли наиболѣе крупныя спадковыя державы, которыя Сигизмундъ Августъ считалъ лично ему принадлежащими. Среди послѣднихъ мы не встрѣчаемъ только державы Могилевской и староства Берестейскаго. Но о принадлежности Могилева Ягеллонамъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что это давнишній ихъ спадокъ по королевѣ Еленѣ. Относительно Берестья нельзя сказать того же, такъ какъ оно никогда не было отдаваемо на „вѣчность", хотя нѣсколько разъ отдавалось въ доживотье: вѣроятно, это староство было выдѣлено сеймомъ коронѣ внѣ соображеній о спадкѣ по Сигизмундѣ Августѣ.

По существу, столовыя имѣнія составляютъ полную собственность государства. Окончательное признаніе за ними государственнаго значенія юридически опредѣлено было въ Литовско-русскомъ государствѣ какъ разъ въ такое время, когда и въ Западной Европѣ (напр., во Франціи) послѣдовала реформа такого же характера [1]). Въ сосѣдней Польшѣ bona mensae regiae объявлены были государственною собственностью еще въ 1504-мъ году, хотя въ 1590 г. и тамъ произведено было дѣленіе добръ на столовыя и королевскія, отдававшіяся въ доживотье за заслуги [2]).

Однако, сверхъ столовыхъ добръ въ числѣ государственныхъ доменовъ остались еще имущества, которыя вошли въ составъ земскихъ добръ. Такъ, если сравнить списки столовыхъ имѣній съ тѣмъ, чѣмъ фактически владѣло государство, то можно насчитать рядъ державъ, которыхъ нѣтъ въ первомъ спискѣ. Сюда надо присоединить

---

[1]) Рау, Основныя начала финансовой науки, I, p. 84—85. Ср. сужденіе о доменахъ (въ широкомъ смыслѣ) Jean Bodin'a, Clamageran, Histoire de l'impot, II, p. 315.

[2]) См. ст. Lubomirskiego въ „Biblioteka Warszawska", 1862, II, p. 220

и заложенныя имѣнія и доживотья: нигдѣ не говорится о томъ, чтобы эти имѣнія, о своихъ правахъ на которыя никогда не забывала Речь Посполитая, принадлежали бы къ столовымъ [1]); то же надо сказать и о добрахъ, приписанныхъ къ староствамъ, хотя и послѣднія изъ изучаемаго періода вошли въ послѣдующій. Если должностные лены обслуживали опредѣленныя функціи, то доходы отъ земскихъ добръ поступали въ скарбъ. Такъ какъ на господарскомъ скарбѣ лежала забота объ оборонѣ страны, иностранныхъ сношеніяхъ и нѣкоторые другіе расходы, то земскія добра, очевидно, предназначены были для удовлетворенія этихъ статей расхода на ряду съ регальными и таможенными доходами.

Такимъ образомъ государственные домены великаго княжества Литовскаго произошли изъ великокняжеской вотчины, образовавшейся въ періодъ сложенія государства. Но уже тогда въ основѣ правовыхъ воззрѣній можно различить признаки идеи о раздѣленіи государственныхъ имуществъ отъ лично княжескихъ. Эта идея, конечно, тогда не могла получить ясно выраженнаго правового опредѣленія. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ княжескими землями встрѣчаются и земли, которыя земская община считаетъ если не собственными, то, по крайней мѣрѣ, такими, что, по ея представленію, онѣ не могутъ перейти въ руки лицъ, не принадлежащихъ къ мѣстному земству; рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ и державы, пользованіе которыми находится въ рукахъ земства. Только право распоряженія въ томъ и другомъ случаѣ,—съ большими или меньшими ограниченіями—находится въ рукахъ господаря. Основная цѣль этихъ мѣстныхъ земскихъ добръ—удовлетвореніе государственнымъ интересамъ и, главнымъ образомъ, оплатѣ службы. По мѣрѣ сліянія земель въ одно государство, ограниченіе великокняжеской власти въ распоряженіи земельнымъ имуществомъ теряетъ областной характеръ, и принимаетъ общегосударственный. Уже при Александрѣ рада является, въ извѣстной мѣрѣ, контролирующимъ органомъ въ собираніи доходовъ съ волости, а Литовскій Статутъ отдаетъ подъ ея и сейма контроль и раздачу земель. Подобно тому какъ областное право старалось удержать раздачу земель въ предѣлахъ мѣстныхъ элементовъ, съ теченіемъ времени вырабатывается

---

[1]) По универсалу 1588 г. нѣкоторыя изъ находящихся въ доживотьѣ добръ переходятъ къ столу господарскому (Шавли, Могилевъ), но о другихъ доживотьяхъ ничего не сказано.

взглядъ, ограничивающій право господаря въ раздачѣ добръ чужеземцамъ; это постановленіе закрѣплено Статутами и многократно подтверждалось сеймовыми конституціями. Однако, до Сигизмунда I всѣ домены были извѣстны подъ именемъ господарскихъ добръ и цѣлевое ихъ значеніе для государства было однородно. При Сигизмундѣ I является попытка при посредствѣ королевы Боны образовать фамильные домены. Послѣдніе дѣйствительно существовали до смерти Сигизмунда Августа. Главный источникъ этихъ послѣднихъ доменовъ — право государя на вымороченное имущество, которое оба послѣдніе Ягеллоны пытаются превратить въ личное право. Въ то же время вырабатывается представленіе и о столовыхъ имѣніяхъ, какъ урядовомъ ленѣ великаго князя. Впрочемъ, до уніи на практикѣ различія между личными, столовыми и земскими добрами не было, потому что всѣ они обслуживали государственныя нужды. Рѣзкое выдѣленіе фамильныхъ имуществъ изъ государственныхъ послѣдовало только въ 1569 г., окончательное же разграниченіе столовыхъ и земскихъ добръ послѣдовало въ коронаціонномъ актѣ Сигизмунда III. Категорія земскихъ добръ получила двоякое назначеніе. Одни изъ нихъ раздавались частнымъ лицамъ за заслуги государству въ пожизненное владение, пожизненныя и лены, согласно акту уніи 1569 г.; къ нимъ надо причислить и заложенныя имѣнія, потому что по выкупѣ они получали такое же назначеніе. Другая часть земскихъ имѣній составляла урядовыя имѣнія, должностныя лены: они служили и оборонѣ страны и жалованьемъ администраціи [1]).

Основной составъ государственныхъ доменовъ—господарская вотчина съ теченіемъ времени сильно уменьшилась вслѣдствіе раздачъ. Нѣкоторымъ вознагражденіемъ въ данномъ случаѣ служили спадковыя и конфискованныя имѣнія. Но государство имѣло въ своемъ распоряженіи и еще одинъ источникъ увеличенія государственныхъ земель. Этотъ источникъ заключался въ правѣ государствѣ на всѣ не-

---

[1]) Такой взглядъ высказывало само правительство. При производствѣ волочной помѣры въ Полоцкомъ воеводствѣ, путники стали устраивать „бунты" и закладываться за помѣщиковъ, чтобы избѣжать помѣры. Тогда Сигизмундъ III издаетъ въ 1605 г. универсалъ, въ которомъ между прочимъ разъясняетъ „Кгдыжъ воеводство Полоцкое, яко украинное, на которомъ намъ и всей Речи Посполитой немало належить, з давныхъ часовъ... привильями есть уневнено и обваровано, же добра до того воеводства прислухаючые змениены и никому отдаваны быти не могуть", почему путники и обязаны подчиниться помѣрѣ (Кн. Записей Литовск., LXXV, л. 230).

занятыя земли. Незанятыя земли—„Божьи да господарские“—говорили Черкашане Сигизмунду Августу. Поэтому въ оборотѣ государственнаго хозяйства надо принимать въ разсчетъ и то, что оно раздавало на условіяхъ службы нетронутыя культурою или просто покинутыя мѣста. Когда центральныя области къ первой четверти XVI ст. оказались въ значительной степени заселенными (въ половинѣ XVI ст. въ актахъ рѣдко встрѣчаются извѣстія о раздачѣ пустопорожнихъ имѣній въ центрѣ), то колонизація хлынула на окраины. Правительство и само охотно ей содѣйствовало въ видахъ обороны границъ, почему широко стало пользоваться для цѣлей военной службы „Божьей да господарской“ землей.

Наконецъ, въ половинѣ XVI ст. появился и еще одинъ источникъ, который увеличилъ составъ государственныхъ доменовъ, но уже культурной землей съ густымъ населеніемъ—это Ливонскія староства. По договорамъ съ Ливонскимъ Орденомъ рядъ староствъ перешелъ въ распоряженіе господаря литовскаго. Послы литовскіе на сеймахъ не разъ дѣлали попытку поставить вновь пріобрѣтенныя до́бра въ такое же положеніе, какое занимали и земскія до́бра, съ цѣлью оградить ихъ отъ раздачи полякамъ, но получали уклончивые отвѣты отъ великаго князя [1]). Только 1585 г. вопросъ о принадлежности ливонскихъ добръ былъ выясненъ окончательно такимъ образомъ, что эти до́бра были признаны принадлежащими на одинаковыхъ правахъ Коронѣ и Литвѣ [2]).

Для полноты обозрѣнія изслѣдуемаго вопроса остается отмѣтить, что доменіальныя земли пользовались особой защитой закона [3]), хотя ко времени второго Статута юридическое ихъ положеніе по отношенію къ частно-владѣльческимъ почти сравнено [4]), чему содѣйствовали заявленія шляхты на сеймахъ [5]). Кромѣ того господарскія до́бра по отношенію къ выполненію нѣкоторыхъ общегосударственныхъ повинностей (напр., военной службы) пользовались изъятіемъ, но это ихъ различіе отъ частновладѣльческихъ земель исчезло къ концу изучаемаго періода; объ этомъ намъ придется говорить въ послѣдствіи.

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Къ исторіи поземельной реформы въ Ливоніи. М. 1899.

[2]) Кн. Запис. Литов., LXXV, л. 215.

[3]) Напр., 1 Статутъ разд. I, арт. 26. 2 Статутъ разд. I, арт. 9 и 30.

[4]) Второй Статутъ разд. I, арт. 16.

[5]) Напр. Акты Зап. Росс. III, 4, 5.

2. *Должностные лены.*

Болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія о должностныхъ ленахъ встрѣчаются только съ конца XV и въ началѣ XVI в. Однако есть основанія думать, что оплата службы административныхъ органовъ посредствомъ выдѣленія опредѣленныхъ доменовъ изъ государственной или областной территоріи составляетъ явленіе древнее. Въ предыдущемъ изложеніи не разъ указывалось на существованіе доменовъ, находившихся въ распоряженіи общины. Таковы волости и замки, находившіеся въ управленіи мѣстнаго боярства. „Держаніе" такой волости, замка дается господаремъ за службу, потому что оно соединено съ кормомъ; но въ то же время такое „держанье" соединено съ управленіемъ. Но всякое управленіе соединено съ кормомъ. Вслѣдствіе сказаннаго не трудно остановиться на предположеніи, что выдѣлы волостей воеводамъ и старостамъ въ качествѣ должностныхъ леновъ могли имѣть мѣсто еще въ періодъ сложенія государства. Съ теченіемъ времени волости эти подвергались передѣламъ, т. е. господарь бралъ нѣкоторыя изъ нихъ „на себя", выдѣляя воеводамъ часть изъ господарскихъ имѣній. При образованіи новыхъ должностей иногда назначалось и опредѣленное количество волокъ, поступавшихъ въ пользованіе должностнаго лица. Иногда господарь „придавалъ" къ тому или иному уряду „на поживенье" во временное или постоянное пользованіе волость, село или фольварокъ.

Послѣ этихъ указаній намъ остается прослѣдить, гдѣ и въ какомъ видѣ выдѣлялись урядовыя имѣнія.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о должностныхъ ленахъ жмудскихъ старостствъ. Жмудскія державы были раздѣлены на такія, которыя вѣдались лично королемъ и на такія, которыя находились въ завѣдываніи старостъ. Въ уставной земской грамотѣ мы ничего не встрѣчаемъ объ этомъ дѣленіи. Однако, когда тивуны жмудскіе въ 1522 г. жаловались королю на своего старосту Станислава Яновича и пытались доказать, что „подаванье" тивунствъ на Жмуди зависитъ только отъ короля, то староста сослался на старину въ данномъ случаѣ: „тыи тивунства въ земли Жомоитской, кромъ четырохъ дворовъ: Вилькеи, а Велены, а Скерстомони, а Ясвоини, а волости Шовленское, здавна за предковъ нашыхъ и за насъ предковъ его и онъ самъ у подаваньи своемъ мели ажъ до сего часу" и „предкове"

тивуновъ никогда не оспаривали этого права старость. Король, разсмотрѣвъ дѣло, оставилъ изстаринный способъ „подаванья“ тивунствъ [1]). Старина, на которой настаиваетъ староста, восходитъ ко временамъ выдачи уставной грамоты и сложенія государства. Однако, жалобы тивуновъ въ извѣстной мѣрѣ возымѣли свое дѣйствіе на Сигизмунда I, тщательно скоплявшаго въ своихъ рукахъ земельныя имущества. Еще съ тѣмъ же Станиславомъ Яновичомъ король вошелъ въ сдѣлку, по которой право на подаванье тивунствъ по смерти старосты переходитъ къ нему, королю [2]). Дѣйствительно, по смерти пана Станислава, когда староство, по просьбѣ Жмудской шляхты, было отдано сыну его Станиславу Станиславовичу, произведена переверстка державъ и тивунствъ на Жмуди. Это было въ 1527 г. Господарь оставляетъ за собою дворы Вилькею, Вилену (кромѣ Тондякгольской волости), Ясвоину и Скертомоинъ. Сверхъ того онъ беретъ къ „своимъ рукамъ“ нѣкоторыя тивунства, бывшія до того времени въ „подаваньи“ старосты (волости Биржану, Ужвенту, Дирваны, Берженяны, Вешвяны, Тельши, Тверы, Ретово, Довды (Шовды?), Гондингскую, Поюрье, Полоную, Коршево, Колтеняны, Пошили и Ойрагалу), и въ свою очередь отдаетъ въ „подаванье“ старосты нѣкоторыя изъ королевскихъ волостей (волости Крожи, Кельми, Видукли, Жораны, Корkляны, Тондякголу, Медингяны, Повондены, Потайши и Юрборкъ [3]). Всѣ остальныя тивунства на Жмуди, сверхъ перечисленныхъ, оставались въ подаваньи старосты. Эта разверстка волостей имѣла преимущественно хозяйственное значеніе, такъ какъ старостѣ отошла сѣверо-восточная часть Жмуди, а къ королю—юго-западная.

Въ началѣ XVI ст. Виленскому воеводству принадлежало шесть волостей (Борисовская, Судеревская, Роконтишская, Мемижская, Быстрицкая, Свиранская) [4]). Этотъ объемъ воеводскихъ волостей немногимъ измѣнился ко времени волочной помѣры, когда была произведена переверстка господарскихъ и воеводскихъ волостей. Для этой цѣли король, вѣроятно, воспользовался назначеніемъ на воеводство въ 1566 г. пана Миколая Радивила. Объ этомъ говоритъ привилей Радивилу на воеводство, хотя и не опредѣляетъ ближай-

---

[1]) Любавскій, о. с. прилож. № 34 Ср его же замѣчанія на стр. 205.

[2]) Skarbec Даниловича, № 2287.

[3]) А. Ю. З. Р, I, р. 72.

[4]) Любавскій о. с., р. 107—110.

шимъ образомъ размѣровъ переверстки волостей. По этому привилею воеводству принадлежатъ еще по прежнему дворы Борисовскіе, Дрисвятскіе, Мемижскіе и Рудоминскіе; тутъ живутъ „подданые волостные замковъ и дворовъ воеводства Виленскаго". Въ чемъ заключались дальнѣйшія „отмены", которыя, по словамъ привилея, должны были находиться въ особомъ реестрѣ [1]), можно догадываться по нѣкоторымъ другимъ указаніямъ. Такъ, къ воеводству было отчислено изъ господарскихъ волостей Городиское войтовство Браславскаго повѣта [2]) и дворъ Ошмены, присоединенный взамѣнъ за какія то волости [3]). Старинныя воеводскія волости Роконтишки, Ловаришки, Быстрица были взяты „до столу господарского" взамѣнъ Медникъ [4]).

Къ ленамъ Троцкаго воеводства въ началѣ XVI в. причислялись волости Упитская, Ремигольская, Курклевская и Грезская [5]). Однако Упита была взята въ 1542 г. при назначеніи на воеводство пана Станислава Гаштольда „къ рукамъ нашимъ на пожитокъ нашъ

---

[1]) При дачѣ дворовъ воеводства, король приказываетъ подданымъ волостнымъ „замковъ и дворовъ воеводства Виленского": „А особливе тымъ селамъ и волостямъ Быстрицкимъ, Ловаришскимъ и Роконтишскимъ, которые суть прилучони ку тымъ дворамъ воеводскимъ ку Дрисвяту, Мемижи и Рудомини"—всѣмъ имъ приказано повиноваться вновь назначенному воеводѣ Миколаю Радивилу. Дано воеводство Виленское „съ тыми замки и дворы вышейпоменеными со всимъ по тому, што на тое воеводство Виленское ку тымъ помененымъ замкомъ и дворомъ естъ волостей *прилучоно*. А Быстрица, Ловаришки, Роконтишки зо всими волостями ихъ и такъ-же што отъ иныхъ дворовъ воеводскихъ было привернено, прилегло, тыи к рукамъ нашимъ господарьскимъ на отмену отъ воеводства Виленскаго отошло, яко то ест достаточне описано до реестровъ нашихъ скарбныхъ".

Для увязанья воеводы король посылаетъ дворянина, которому приказано увязать воеводу въ замки Борисовъ, Дрисвяты и въ волостьи этихъ замковъ: Рудоминскія, Мемижскія, Судеровскія, Крентовскія въ млыны при мѣстѣ Вилен. и иные „приналежности воеводства" (Книга Запис. Лит LI, л. 7 об. 1567 г.).

[2]) Кн. Запис. Литов. LI, л. 7.

[3]) „Ижъ некоторые дворы и волости зъ неякихъ причинъ отошли суть отъ воеводства Виленского, тогды нагороду чинечи воеводству Виленскому отменою дали есмо воеводе Виленскому.. Миколаю Радивилу дворъ на имя Ошменский" (ibidem, л. 8 об., 1567 г.).

[4]) Закладывая Ларіону Ивановичу замокъ Медники, король говорить: „то пакъ мы, господарь, тотъ замокъ нашъ Медники з местомъ и волостью тамошнею и со всими пожитки съ певныхъ причинъ поступили и привернули есмо ку воеводству Виленскому напротивку дворовъ воеводства Виленскаго Быстрицы, Ловарышокъ и Роконтишокъ, которыхъ мы взяли ку уживанью до стола нашого господарского (Кн. Судн. Дѣлъ Литовск. LIII, л. 4 об., 1566 г.).

[5]) Любавскій, о. с., р. 167, 168.

господарскій", за что воевода получалъ жалованье изъ скарба [1]). Въ составѣ Троцкихъ воеводскихъ волостей были еще дворы Рудники, Терешки и Межирѣчье, взятые къ столу господарскому Сигизмундомъ Августомъ въ обмѣнъ за какія то села; названіе этихъ селъ не извѣстно, но кромѣ нихъ къ воеводству еще въ 1586 г. причислялись старыя волости Грезская и Курклевская (послѣдняя съ фольварками Козелкшискимъ, Старотроцкимъ и Бражалскимъ [2]). Впослѣдствіи Упита, превратившись въ гродовое староство, получило двадцать волинъ „осѣлыхъ" на содержаніе староства [3]).

Къ Полоцкому воеводству также тянулъ рядъ селъ. Въ одномъ актѣ 1559 г. говорится, что село Кушлики тянуло къ воеводству; подданые его давали подачки только на воеводу [4]). Дѣйствительно, въ ревизіи Полоцкаго повѣта можно насчитать 12 селъ, дававшихъ подачки только на воеводу (село Клясичи, волость Заборская съ селами Заборьемъ, Замшанами, Крешутами, Нещедрою, Дрисою, Бедчановымъ, Бордиловичами и Сарою, дворъ Черсвятскій съ селами Лукиновичами и Бѣльчицою). Все это были села воеводства [5]).

Къ Витебскому воеводству еще при Казимирѣ отошли волости Усвятская и Озерищская, перешедшія потомъ къ королевѣ Бонѣ. Сюда же тянули Лужосно, Ильменица и нѣк. другія [6]). Смоленское воеводство какъ пограничное, было обставлено довольно внушительнымъ числомъ волостей, селъ и дворовъ [7]).

Кіевская земля съ принадлежащими къ ней украинными староствами въ концѣ XV в. была богато обставлена замковыми селами. По люстраціи 1471 г., напр., Кіевскіе замки Чудновъ и Житомиръ имѣли цѣлый рядъ селъ [8]). Но съ теченіемъ времени эти села поступаютъ въ частное владѣніе и въ рукахъ Кіевскаго воеводы и украинныхъ старостъ остается весьма немного замковыхъ селъ. Еще по люстраціи 1552 г. къ Кіевскому замку насчитано около десяти селъ [9]). Между тѣмъ Житомирскій замокъ, по люстраціи того же

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XXVIII, л. 26 об.

[2]) Кн. Зап. Лит. LXXII, л. 29.

[3]) Кн. Зап. Лит. LXXII, л. 30 об

[4]) Кн. Зап. Лит., л. 35.

[5]) Scriptores rerum Polonicarum. T. V. Крак. 1884 г., pp. 204, 205, 207, 208, 211.

[6]) Любавскій, о. с. p. 248, 250. Ср. перечень въ Актахъ Леонтовича, № 679.

[7]) Ibidem p. 270—272.

[8]) Архивъ Юго-Западн. Росс. ч. VII, т. II, p. 4, 5.

[9]) Архивъ Юго-Западн. Росс. ч. VII, т. I, p. 117—121.

-ода, насчитываетъ совсѣмъ немного селъ [1]). Самъ Кіевскій воевода, по указанію тамошняго каштеляна пана Павла Сопеги, въ 1567 г. пользовался доходами только двухъ селъ (Петровцовъ и Демидовичъ), дававшихъ ничтожный доходъ [2]), вмѣсто цѣлаго десятка по ревизіи 1552 г. Правда, на воеводу Кіевскаго около этого времени обыкновенно шла дань Мозырская [3]), а раньше къ нему приписывалась большая Горвольская волость [4]).

Что касается другихъ южныхъ староствъ, то и здѣсь при замкахъ встрѣчаются села или хозяйственныя угодья. При Каневѣ, по люстраціи 1552 г., были селища, правда пустыя; езъ и озера [5]).

Къ половинѣ XVI столѣтія замковыя села Волынскихъ староствъ сильно уменьшились въ числѣ, на что жалуются представители мѣстной администраціи. При Луцкомъ замкѣ былъ въ 1545 г. только одинъ хуторъ [6]); правда и при немъ были замковые млыны [7]). При Владимирскомъ замкѣ оставалась въ 1545 г. только одна Смединская волость въ 100 дворовъ, хотя раньше была при замкѣ много волостей и хуторовъ [8]). Кремянецкій замокъ тоже не могъ похвалиться большимъ числомъ замковыхъ селъ [9]).

Не только крупные пограничные уряды, имѣвшіе самостоятельное военно-административное значеніе, обладали замковыми селами и угодьями, но и мелкіе. Напр., при Чернобыльскомъ замкѣ была дворная пашня, озеры, езы, островъ [10]). Въ Острѣ тоже встрѣчаемъ замковую пашню, боръ, езы, села и озера [11]). Въ Мозырѣ—млынъ, езъ, дворецъ и озера [12]). При Минскомъ замкѣ была замковая волость [13])

---

[1]) Ibidem.
[2]) Кн. Судн. Дѣл. Лит. LII, л. 72.
[3]) Ibidem.
[4]) Кн. Зап. Лит. XXVIII, л. 85 об.
[5]) Архивъ Юго-Западн. Росс. ч. VII, т. I, р. 100.
[6]) Памятники изд. Кіевск. Археогр. Коммис., т. IV, р. 100 (ревизія замковъ).
[7]) Архивъ Юго-Западн. Росс. ч. VII, т. I, р. 173.
[8]) Памятники ibidem, р. 32.
[9]) Ibidem, р. 218.
[10]) Архивъ Юго-Западн. Росс. ч. VII, т. I, р. 588—590.
[11]) Ibidem, р. 595—597.
[12]) Ibidem, р. 615, 619, 621.
[13]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 3 об.

и городовая пашня [1]). Можно еще упомянуть о земельныхъ угодіяхъ и селахъ Берестейскаго замка [2]) и пр.

Такимъ образомъ, предыдущій обзоръ должностныхъ леновъ указываетъ на то, что всѣ воеводства и староства, имѣвшія военно-административное значеніе (вообше замки) были обставлены землями, эксплоатація которыхъ шла исключительно на мѣстный врядъ: воеводу или старосту, городничихъ, ключниковъ, конюшихъ и др. Правда, встрѣчаются и староства, не имѣвшія земельныхъ угодій при замкахъ. Изъ такихъ была напр., Свислоцкая волость [3]).

Назначеніе такихъ должностныхъ леновъ понятно: подачки и повинности жившихъ на нихъ подда́ныхъ, равно какъ доходы отъ эксплоатаціи земельныхъ угодій служили частію оплатою административныхъ функцій уряда, частью для поддержанія замковыхъ сооруженій, исправности дорогъ, мостовъ, содержанія гарнизона и пр. Объ употребленіи всѣхъ этихъ мѣстныхъ доходовъ намъ еще придется говорить [4]). Надо замѣтить, что должностные лены имѣютъ извѣстное сходство съ оплатой вообще службы земельнымъ надѣломъ, селами. Иногда врядники получали за ихъ службу села или угодья. При устройствѣ лѣсничествъ лѣсничіе получали извѣстное количество волокъ въ свое пользованіе, при чемъ обработка ихъ производилась господарскими подда́ными. Державцы иногда получали позволеніе устроить фольварки на господарской землѣ съ цѣлью эксплоатаціи ихъ, трудами подда́ныхъ, въ свою пользу. Иногда должностное лицо временно получало въ свое пользованіе за службу села и доходы и т. д. Но существуетъ и основное различіе всѣхъ подобнаго рода раздачъ за службу отъ должностныхъ леновъ, замковыхъ селъ, въ собственномъ смыслѣ: послѣднія обслуживаютъ не службу отдѣльнаго лица: они предназначаются для обслуживанія цѣлаго ряда государственныхъ нуждъ, являясь не случайнымъ подспорьемъ въ „кормленіи“ служилаго человѣка, а общимъ институтомъ, имѣющимъ при томъ за собою историческую традицію.

---

[1]) Кн. Зап. Лит., L, л. 305.

[2]) Док. Моск. Арх. М. 10, I, р.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 103.

[4]) Здѣсь мы даемъ лишь бѣглыя указанія на врядовыя села и земли; этого вопроса намъ придется коснуться болѣе подробно при обзорѣ доходовъ и податей, шедшихъ на администрацію.

3. Способы управленія.

Способы управленія господарскими и земскими дóбрами были весьма разнообразны. При разсмотрѣніи видовъ владѣнія господарскими дóбрами, надо всегда помнить извѣстное постановленіе Люблинскаго сейма 1569 г., которое ясно указываетъ на то, что всякое владѣніе землею обезпечивается тѣмъ привилеемъ, на основаніи котораго каждый владѣетъ своимъ имѣніемъ [1]). Иными словами, законъ отказывается отъ установленія какихъ нибудь общихъ правовыхъ нормъ и признаетъ существующее ихъ разнообразіе. Это, конечно, не значитъ, что жизнь не выработала общихъ типовъ владѣнія,—такіе существовали, но иногда отдѣльные привилеи заключали въ себѣ существенныя отличія. Конституція 1569 г. имѣетъ въ виду различныя формы землевладѣнія, но она упоминаетъ, напр., и о доживотьяхъ—условіе, на которомъ отдавались не только господарскія земли за службу, но и державы въ управленіе. Поэтому эта статья въ извѣстной мѣрѣ приложима и къ управленію господарскими дóбрами. Замѣтимъ, что отдачу державъ въ управленіе надо строго отличать отъ пожалованій землями, иногда цѣлыми державами и староствами, иногда какими нибудь доходными статьями; оба вида иногда очень сходны въ правовомъ отношеніи, но различаются по своему значенію въ сферѣ государственнаго хозяйства. Доживотье, напр., пожалованное за службу и на условіи службы, совершенно выходило изъ компетенціи скарба на извѣстное время: государство располагало только земскою службою пожалованнаго лица и не могло контролировать хозяйства въ пожалованномъ имѣніи. Державы давались тоже въ доживотье, но державца оставался скарбовымъ (а иногда и судебно-административнымъ) чиновникомъ, вносилъ въ скарбъ извѣстные доходы, а иногда употреблялъ ихъ, согласно условіямъ привилея, на мѣстныя военныя или хозяйственныя нужды. Сейчасъ рѣчь будетъ идти, конечно, только о способахъ управленія государственными имуществами.

Здѣсь надо прежде всего замѣтить, что управленіе „властными" дóбрами Ягеллоновъ ничѣмъ не отличалось отъ управленія столовыми имѣніями уже потому, что само различіе между обоими видами добръ

[1]) Volumina Legum, II, 91.

не было, какъ мы видѣли, строго выяснено почти до конца изучаемаго нами періода. Однако существовало различіе въ способахъ управленія между русскими волостями и дворами и державами западной половины государства; это объясняется отчасти государственнымъ назначеніемъ русскихъ волостей, отчасти ихъ положеніемъ на окраинѣ. Совсѣмъ особую группу, въ смыслѣ управленія, составляютъ урядовыя имѣнія. Будучи земскими, они отдавались вмѣстѣ съ урядомъ, составляли его неотъемлемую доходную статью, почему господарскому скарбу не было нужды вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь этихъ волостей. Если въ XVI вѣкѣ и производились ревизіи этихъ волостей, то онѣ имѣли общегосударственныя цѣли (ревизія 1552 г.), но не скарбовыя. Жалуя то или иное лицо какимъ нибудь урядомъ, господарь предоставлялъ въ его пользованіе и всѣ „пожитки" „оттуль приходячие" [1]), иногда присоединяя къ нимъ и какія нибудь статьи господарскаго дохода (корчмы, мыта, мельницы). Если на территоріи уряда были какія нибудь статьи господарскаго дохода, то господарь только обязывалъ жалуемое лицо сдавать въ скарбъ эти скарбовые „пожитки" (напр., оброчныя статьи) [2]). Тоже самое надо сказать и о боярскихъ волостяхъ, т. е., такихъ, которыя отдавались господаремъ въ управленіе на извѣстный срокъ и исключительно мѣстному областному боярству [3]). Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы съ этихъ волостей скарбъ получалъ какіе нибудь доходы; получавшіе волости „на поживенье" за службу бояре, вѣроятно, давали господарю только обычное челобитье, а доходы выбирали на себя. Такимъ образомъ господарскій скарбъ совершенно устранялся отъ хозяйственнаго вмѣшательства въ урядовыя имѣнія.

---

[1]) Кн. Зап. Лит., L, л. 7, LI, лл. 41 об., 44, 94 об., LXXII, л. 30 об., Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XLIV, л. 162, Кн. Зап. Лит., XLV, л. 11 об. и др.

[2]) А. Ю. З. Р., I, р. 82. Ср. Кн. Зап. Лит., XVII, л. 207.

[3]) О боярскихъ волостяхъ см. Ясинскій, Земск. Уст. грам., 116, А. З. Р., I, № 175, II, р. 159, Леонтовичъ, Акты Метрики Литовской, № 494, Памятники Кіев. Археограф. Ком., т. IV, р. 51 (ревизія замковъ), Книга Судн. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 652 об. и 677 об., Кн. Зап. Лит. XXIV, л. 57 об., 58; ср. Любавскій, о. с., рр. 242—3, 249, 255, 268. Это было пожалованіе управленіемъ за службу: „Што дали есмо имъ, всимъ боярамъ киевскимъ,—говоритъ привилей Сигизмунда I боярину Ивану Полозу на Чернобыль,—у жалованье Чорнобыль заробити и по годомъ держати для успоможенья ихъ, с чого бы они намъ могли службу служити", Кн. Зап. Лит., XII, л. 346 об. (1527 г.).

Иное дѣло тѣ до́бра, которыя находились въ завѣдываніи самого скарба. Тутъ то и сказывалось большое разнообразіе въ ихъ управленіи. Въ этомъ отношеніи надо прежде всего отмѣтить, что приблизительно до второй половины правленія Сигизмунда I преобладалъ двоякій способъ управленія—непосредственное собираніе самимъ скарбомъ даней съ населенія и отдача державъ и волостей въ управленіе державцамъ и старостамъ съ обязательствомъ сдавать собираемые ими доходы въ скарбъ. Со второй же половины правленія Сигизмунда I и въ послѣдующее время скарбъ самъ непосредственно не управляетъ до́брами, являясь лишь центральнымъ казначействомъ, контролемъ и направителемъ хозяйственной политики въ державахъ и волостяхъ. Для русскихъ волостей въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе два законодательныя постановленія: извѣстная уже намъ конституція 1492 г. и сеймовая конституція 1528 г. Первою управленіе передавалось скарбу подъ контролемъ рады. Это вполнѣ согласуется съ наблюденіемъ надъ фактическимъ ходомъ управленія, такъ какъ до 1528 г. скарбъ дѣйствительно самъ собираетъ, при посредствѣ писарей, дани, хотя изрѣдка это поручается и державцамъ. Сеймовое постановленіе 1528 г. способствовало изъятію изъ рукъ большинства пановъ доживотій и залоговъ и передачѣ замковъ и державъ въ руки шляхты magis idoneis et de nobis optime meritis [1]). Такъ какъ залогъ державъ объясняется именно недостаточностью оборонительныхъ средствъ страны на московскомъ рубежѣ, то несомнѣнно это постановленіе имѣло въ виду передачу замковъ военнымъ людямъ съ цѣлью приведенія крѣпостей въ хорошее состояніе и содержаніе гарнизоновъ. Дѣйствительно, уже съ того-же 1528 г. начинается раздача русскихъ замковъ на указанныхъ условіяхъ и притомъ только шляхтѣ [2]).

Такимъ образомъ, ко второй половинѣ правленія Сигизмунда I скарбовая политика исключительно склоняется къ отдачѣ державъ

---

[1]) Zbiór pamiętników do dziejów polskich. Wydal Wl. St. Hr. de Broel-Plater, Warsz., 1858, I, p. 147.

[2]) Управленіе Поднѣпровскими и Подвинскими волостями сопровождалось нѣкоторое время и отсутствіемъ контроля со стороны скарбовыхъ писарей. О передачѣ собиранія даней державцамъ послѣ 1528 г. говоритъ листъ 1337 г. на имя державцевъ, старцевъ и десятниковъ этихъ волостей: „росказали были державцамъ кождому у своей волости вси дани наши грошовыи, и медовыи, и бобры и куницы выбираючи, зъ васъ (волощанъ) до скарбу нашого относити“, Кн. Зап. Лит., XXI, л. 1—2.

въ управленіе. Рядомъ съ этимъ существовали и такіе виды передачи добръ, какъ аренда, доживотье и залогъ. Отъ державцевъ, старостъ и тивуновъ скарбъ обычно требовалъ собиранія тѣхъ податковъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи, и передачи ихъ въ скарбъ; раскладка податей и весь механизмъ управленія опредѣлялся или уставами, или стариной, при чемъ и то и другое вносилось въ инвентарь, составляемый при передачѣ державы. Разумѣется, отъ державцы еще требовалось и стараніе всячески увеличивать скарбовые доходы расширеніемъ хозяйственной эксплоатаціи незанятыхъ земель, привлеченіемъ населенія, наконецъ, на него возлагалась и эксплоатація разныхъ хозяйственныхъ статей, напр., фольварковой пашни, лѣса (до выдѣленія лѣснаго управленія), порученія по продажѣ или доставкѣ къ портамъ продуктовъ сельскаго хозяйства и пр. Требованія скарбомъ отъ державцевъ по отношенію къ выбиранію доходовъ, а также къ ихъ расширенію были одинаково предъявляемы, какъ къ державцамъ русскихъ волостей, такъ и къ державцамъ западныхъ и жмудскихъ. Разница, однако, въ положеніи тѣхъ и другихъ заключалась въ томъ, что въ западныхъ державахъ державцы были исключительно финансово-административными агентами, тогда какъ на востокѣ, въ русскихъ волостяхъ, они имѣли еще и военное значеніе начальниковъ гарнизона и крѣпостей; а на южной окраинѣ за ними исключительно установилось послѣднее значеніе. Военный характеръ восточныхъ староствъ особенно выдѣляется съ 1528 г.,—очевидно не безъ вліянія уже извѣстнаго намъ сеймоваго постановленія и пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ годы Ливонской войны. Постепенно вся окраина покрывается замками. На южной окраинѣ военное значеніе старостинскаго уряда установилось съ момента ихъ окончательнаго присоединенія къ государству, т. е. съ конца XV в. По отношенію къ господарскому скарбу эти обстоятельства отразились на томъ, что скарбъ долженъ былъ выдѣлять старостѣ иногда часть, а иногда и цѣликомъ доходы съ волостей на содержаніе гарнизона, крѣпости и другія военныя нужды.

Отдача волостей, державъ или староствъ могла быть или вовсе не обусловлена никакимъ срокомъ,—тогда подразумѣвалось, что держанье дается до „ласки господарской“ [1]), или на условіи „до жи-

---

[1]) Напр., замокъ Радошковскій отдается въ 1569 году Григорію Войнѣ „до ласки“ господарской, Кн. Пуб. Д. Лит., X, л. 35. Ср. привилей Бакѣ на держанье

вота" [1]), или до „лепшаго уряда", при чемъ послѣднія два условія обыкновенно объединялись [2]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ держава давалась „на личбѣ" въ скарбъ, т. е. державца обязанъ былъ сдавать въ скарбъ всѣ доходы, сколько ихъ соберетъ, согласно инвентарю и уставѣ [3]). Здѣсь мы опять напомнимъ, что и восточныя

Могилева (1540 г.), гдѣ относительно срока держанья ничего не сказано, Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 28–28 об. и т. д.

¹) Напр., въ 1532 г. держава Рѣчицкая А. Вишневецкому, Кн. Суд. Д. Лит., VII, л. 4, таже держава Мышкѣ Варковскому въ 1565 г., Кн. Зап. Лит., XLV, л. 79 об. Ср. еще Кн. Зап. Лит., XII, л. 367 об.

²) Янъ Гайко получаетъ въ 1566 году Трабскую державу до лучшаго уряда „або до староства", Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 10—11. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 271 об., листъ Лукашу Свирскому на тивунство Биржанское до живота или до „лепшого опатренья" (1571 г.). Ив. Ильговскій получаетъ въ 1569 году Вешвянское тивунство до живота или до лучшаго уряда, Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 306 об.

³) Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ актовъ, характеризующихъ условія дачъ: Янъ Аврамовичъ получаетъ Утену до живота—„нижли вси доходы съ того двора нашого, гумна—дякла, корчмы и иныи пожитки" сдаетъ въ скарбъ. Кн. Зап. Литовскихъ, XII, л. 368 (1527 г.). Листъ Войтеху Юндилу на Ушполы и Пеняны и тивунство и городничее Виленское, при чемъ онъ обязывается „тое тивунство и городничое виленское и дворы наши держати и вси платы и доходы и пожитки наши господарскии сполна водле реестровъ скарбныхъ въ кождый годъ до скарбу нашого выдавати и слушне и рядне на немъ ся справовати и доброго и пожиточного нашого господарского смотрети",—Кн. Записей Литовск., XXXVIII, л. 28 об. Бака получаетъ Могилевъ въ 1540 г.: „А што ся дотычеть даней и пожитковъ нашихъ, тые вси дани, доходы и платы, яко грошовые и медовые, такъ и иншие всякие, которые съ того места и волости нашое приходять на насъ господаря,— маеть справедливе дозирати и до скарбу нашого завжды сполна казать выдавати". Кн. Зап. Лит. XXIV, лл. 28–28 об. Кн. Григ. Мосальскій получаетъ въ доживотье (1586 г.) Перстуны, которыя раньше у него были на личбѣ: онъ, „цынши, дякла и иншые доходы намъ господару належачие до скарбу нашого отдавати и личбу съ тое державы чинити былъ повиненъ". Кн. Зап. Литовск. LXXII, л. 20. Тивунъ Большихъ Дирванъ М. Олехновичъ держалъ на *личбѣ* тивунство, „съ которого тивунства в кождый рокъ за цынши и тежъ за сено и отдатки до скарбу нашого господарского, водлугъ постановленья ревизорского належачые, выгрутивши собе десятый грошъ на державцу водлугъ постановеня продка нашого приходячый, давати до скарбу нашого", ibidem, л. 33. Князь Григорій Мосальскій получаетъ Перстуны съ условіемъ: „Маетъ Григорій Масольскій тотъ дворъ нашъ и фольварокъ Перстуньскій со всими подданными, кгрунты и всякими пожитками нашими, до живота свего держати, чинши и платы съ подданныхъ нашихъ тамошнихъ выбираючи, до скарбу нашого отдавати и личбы чинити, а на себѣ пожитки, которые на державцы наши приходять, брати и во всемъ, водле уставы волочное, безъ обтяжливости ку подданнымъ нашимъ тамошнимъ, заховатися и всякія пожитки въ той державѣ своей принимати повиненъ будетъ". Акты Вил. Арх. Ком., VIII, р. 231. Ив. Ильговскому дается тивунство Вешвянское — „маетъ" онъ: „тивунство

волости съ замками даются на условіи „личбы“ съ доходовъ, а послѣ 1528 г. на личбѣ и съ условіемъ содержанія замка, или съ отчисленіемъ части дохода на содержаніе ротъ [1]). Разумѣется, если держава отдавалась въ „голое“ доживотье [2]), или хотя бы и на условіи управленія „до ласки“, но съ передачею всѣхъ доходовъ державцѣ [3]), то староста никакой личбы въ скарбъ и не обязанъ былъ дѣлать.

Вешвенское держати и всякие справы на врадъ тивунский належачие справовати, платы и доходы наши до рукъ своихъ выбираючи до скарбу нашого отдавати и личбу съ того чинити, а доходы тежъ на тивуны прислухаючие маеть онъ на себя брати и всякое владности и пожиточности на тивуны належачихъ потому вживати, якъ иншие“, Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 306 об.—307 (1569 г.). (Тоже въ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 227). Яну Гайку держава Трабская (уже помѣренная на волоки): „Потомъ маеть панъ Янъ Гайко... с того двора нашого Трабского державы своее платы и доходы наши врочистые до скарбу нашого давати, и тежъ збожья з гумна нашого Трабского, пожитки намъ чинити из млиновъ нашихъ, — у скарбе нашомъ личбу с того водле обычаю делати“, Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 10 — 11 (1566 г.).—Лукашу Свирскому держава Кревская: „замокъ нашъ Крево з местомъ и дворъ Вишневое съ фольварки и зо всими поддаными нашими, ку той державе належачими, и зо всими пожитки, которые на державецъ тамошнихъ Кревскихъ належать“. „Маеть“ онъ все „справовать“, съ доходовъ чинить въ скарбъ личбу, а доходы державцы брать на себя. Ibidem, л. 228 (1569 г.). — Кн. Л. Свирскому тивунство Бержнянское въ Жомойтской землѣ „зо всимъ якосе въ собе маеть держати и доходы и вси пожитки тамошние водле постановенья ревизорскаго на тивунство приходячие на себя брати“. Кн. Зап. Лит., LI, л. 280 (1571 г.). Ср. еще въ Кн. Суд. Дѣлъ Лит, LIII, л. 43 (1566 г.), Кн. Зап. Лит. XXX, л. 10 и др.

[1]) Вотъ какъ, напр., обусловливали личбу акты: держава дается „выймуючи на насъ дань грошовую и медовую, бобры и куницы и иные всякие пожитки, которые оттоль на насъ приходять“. Это обычная формула дачъ; ср. Кн. Зап. Лит., XX, л. 241—2, XIX, л. 26—26 об., 152—152 об. Ср. Arch. ks. Lub. Sang., IV, p. 18. Особыя условія держанья Мстиславля см. въ А. З. Р., II, 216. Или ср. слѣд. дачу волостей: Любошаны даются въ 1527 г. кн. П. Масальскому: „а што ся дотычеть дани нашое грошовое и медовое и бобровое и куничное и тивунщины, то все маеть приходити къ нашимъ рукамъ господарскимъ по старине“ (Кн. Зап. Лит., XII, л. 348). Привилей Кн. Сем. Подберезскому на Озерище и Усвятъ: „просилъ въ насъ волостей нашихъ... а онъ подвезался въ кождый годъ дани наши грошовыи, бобровыи и куницы съ тыхъ волостей нашихъ сполна давати какъ передъ тѣмъ бывало“ (ibidem, л. 333). Кн. Ивану Вишневецкому дается Рѣчица: „маеть тотъ замокъ нашъ отъ насъ въ держанье держати з *мытомъ* и с *корчмою* и с *тивунщиною.* А што ся дотичеть с тое волости Речицкое дани наши грошовое и медовое и бобровое и куничное и тивунщины и иныхъ поплатковъ нашихъ господарскихъ, тое все маеть приходити къ нашимъ рукамъ господарскимъ по старине“ (ibidem, л. 348 об.—349).

[2]) Кн. Записей Лит., XLV, л. 79 об., Кн. С. Дѣлъ Лит, LIII, л. 152.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 52.

Однако для державцевъ держаніе на личбѣ было неудобнымъ: постоянный и бдительный контроль скарбовой канцеляріи стѣснялъ предпріимчиваго агента, и этотъ контроль былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, когда держаніе не было обусловлено доживотьемъ. Къ этому присоединялось и то соображеніе, что въ случаѣ недостатка денегъ въ скарбѣ державы отдавались въ залогъ, и державца, не обладающій капиталомъ, легко терялъ свои державы, переходившія въ руки капиталистовъ. Въ нормальное для скарба время правительство охотнѣе отдавало державы только „на личбѣ", но державцы всегда стремились перевести на доживотье, аренду, залогъ, или, наконецъ, исхлопотать себѣ какую нибудь иную льготу, иногда даже сверхъ доживотья и аренды. Эти дополнительныя условія были весьма разнообразны; ихъ невозможно подвести подъ какія нибудь опредѣленныя рубрики, и можно привести только одинъ—другой примѣръ. Такъ, Стравинскій получилъ въ 1576 г. тивунство и городничее Троцкое „съ фольварками, з людьми тяглыми и осадными, з озерами и зо всимъ потому, што ку тому враду здавна належить", исхлопоталъ себѣ между прочимъ и слѣд. условіе. Такъ какъ много селъ тивунства заложено, то всѣ онѣ, какъ только будутъ выкуплены скарбомъ, поступятъ въ управленіе Стравинскаго; еслибы заложенныя добра не могли быть выкупленными скарбомъ, то державцѣ предоставляется право ихъ выкупить самому и держать на залоговомъ правѣ [1]). Это—дача на личбѣ. Кн. Ивану Крошинскому пожалованіе въ доживотье Упитской волости (1570 г.) обставлено между прочимъ обѣщаніемъ господаря не отдавать „грунтовъ" и людей волости въ залогъ, а еслибы и оказалась надобность въ залогѣ, то держава будетъ заложена ему же [2]). Иванъ Зарѣцкій, извѣстный финан-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., LVI, л. 56.

[2]) Вотъ какъ формулирована въ листѣ эта дача: „маеть онъ тую державу до живота своего держати, справуючисе во всемъ слушне и рядне, пожитковъ нашихъ господарскихъ стеречи и ихъ примножаючи и безъ обтежливости подданыхъ нашихъ заховываючи. А мы в него того враду брати и его з него рушати немаемъ до живота его, и никому вжо черезъ то селъ, людей кгрунтовъ волости Упитское ни в которыхъ сумахъ заводити и заставовати не будемъ. А естли бы на потребу Речи Посполитне пенезей набываючи хотели есмо села, люди, або которые кгрунты тое волости заставою завести, тогды никому иншому, одно емужъ маемъ росказати то зоставити, а онъ повиненъ будеть водлугъ важности тое заставы суму пенезей дати, а то на што тые пенези дасть, маеть заставою держати, потомужъ яко в листе заставномъ около того будеть описано". Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 261 об.

совый дѣлецъ и капиталистъ, получаетъ въ 1571 году староство Упитское еще на болѣе сложныхъ условіяхъ. Господарь даетъ слѣдующія льготы Зарѣцкому: обѣщаніе не раздавать земель староства, не посылать въ него приставовъ и „служебныхъ" людей; предоставляетъ право выкупать заложенныя части староства и держать ихъ на залоговомъ правѣ; наконецъ, дается и еще одна льгота: Зарѣцкому предоставляется право осадить фольварокъ въ 15 волокъ „на лепшомъ и погожемъ местцу, где се ему налепей увидить"; онъ пользуется работою посаженныхъ людей и платами ихъ съ волокъ въ теченіи трехъ лѣтъ, а затѣмъ управляетъ фольваркомъ „яко староста" [1]. Иногда льготы бывали, напр., такого рода, что державца на нѣсколько лѣтъ освобождался отъ личбы въ скарбъ и всѣ доходы поступали ему [2]). Василій Тышкевичъ получилъ въ 1565 г. Пинскъ въ доживотье со всѣми сборами въ натурѣ и повинностями крестьянъ, но „голые" пенези шли въ скарбъ и съ нихъ староста давалъ личбу [3]). Различныя льготы при держаньи волостей и державъ, даваемыя державцамъ, имѣли значеніе не только льготъ за службу, какъ иногда говорятъ объ этомъ привилеи, но цѣль ихъ была, главнымъ образомъ, хозяйственная: правительство старалось заинтересовать своихъ агентовъ въ хозяйственномъ развитіи державъ прочностью держаній и самостоятельностью держателя. Независимость отъ контроля скарба была очень удобна и для самихъ держателей, почему они и стараются отъ нея освободиться. Такъ, напр., Василій Тишковичъ получаетъ въ 1552 г. нѣсколько селъ въ Слонимскомъ староствѣ съ освобожденіемъ отъ личбы въ скарбъ, но съ условіемъ уплаты половины всѣхъ доходовъ съ его держанья, что король „на вѣру ему" сдаетъ [4]).

Какъ было уже упомянуто державцы стремятся держаніе на личбѣ перевести на доживотье, аренду или залогъ. Такъ, въ 20-хъ годахъ XVI ст. многіе залогодержатели господарскихъ имѣній получили доживотья на своихъ державахъ „за отпущеніе" съ нихъ господарю залоговой суммы [5]). Въ данномъ случаѣ выгода для держателей заключалась въ томъ, что они, за уступку долга, получили доживотья безъ всякой личбы въ скарбъ.

---

[1]) Кн. Зап. Лит., LIV, л. 7.
[2]) Кн. Зап. Лит., XII, л. 367 об.
[3]) Кн. Зап. Лит., LVII, л. 1—2.
[4]) Вилен. Арх. Сб., III, р. 13.
[5]) Напр., въ Кн. Зап. Лит., XII, л. 92 об., 360 и др.

Переходъ на аренду могъ сопровождаться доживотьемъ или просто условіемъ „до ласки“ господарской. Державы на арендѣ или на „врочистомъ платѣ“ давались обыкновенно по просьбѣ держателей и съ цѣлью улучшенія хозяйства или болѣе успѣшнаго собиранія даней. Такъ, напр., державца Гервольскій Б. Шолуха получаетъ свою волость на личбѣ въ 50 копъ гр. въ годъ, потому что волостные мужи и старецъ не вносили сполна всѣхъ „платовъ“ [1]). Иногда искатели арендъ дѣйствительно предлагали сумму гораздо бо́льшую, чѣмъ скарбъ, могъ получить, или по крайней мѣрѣ болѣе вѣрную. Такъ, Шимко Мацковичъ представлялъ до 1537 г. скарбъ со своихъ державъ Ушполъ и Пенянъ по 590 копъ и 45 грошей, согласно „попису“. Но писарь дворовъ Виленскаго повѣта сдѣлалъ новый „пописъ“ державъ и прибавилъ при этомъ еще 416 коп. грошей. Тогда тивунъ предложилъ королю давать ежегодно въ скарбъ по 1000 копъ аренды, но при условіи отдачи ему дворовъ со всѣми доходами [2]). Король выбралъ здѣсь аренду, потому что считалъ доходъ отъ нея болѣе устойчивымъ. Тивунъ Большихъ Дирванъ въ 1586 г. выхлопоталъ себѣ свою державу на арендѣ, предложивъ королю вмѣсто окладнаго дохода въ 171 копу 5 грошей, 6½ пенязей по 400 копъ ежегодной аренды [3]). За такую сумму тогда же получилъ уже въ доживотную аренду державу Перстунскую кн. Григ. Масальскій, при чемъ онъ мотивировалъ свою просьбу именно „трудностью“ въ „чиненьи личбы въ скарбѣ“ [4]).

Приведенные факты арендныхъ условій носятъ въ извѣстной мѣрѣ прекарный характеръ, такъ какъ держатели выхлопатываютъ себѣ

---

[1]) Акты Лит.-р., ч. I, р. 206.

[2]) Условія отдачи въ аренду Ушполъ и Пенянъ Шимку Мацкевичу слѣд.: „маеть онъ вси пожитки съ тыхъ дворовъ нашихъ, яко пенези осадныи, ильняныи и куничныи и с коней путныхъ, мезлевы, меды пресныи и пшеницы, ячмени, овсы, корчомныи, дякла и пенези, тежъ капщизныи з местъ тамошнихъ к рукамъ своимъ брати и пашни сеголетнии и всякии пожитки с тыхъ дворовъ на себя мети и земли пустовскии роздавати на поклонехъ держати; а людей нашихъ з обеюхъ дворовъ не маеть ни на которыи роботы наши, ани у подводы посылати, ани коней нашихъ и машталерей и псарцовъ со псы на лежу приймовати, ани которыхъ стацей на замки наши посылати, ани писаръ дворовъ нашихъ повету Виленского не маеть того году тамъ уездчати“ — и за все это арендаторъ вноситъ въ скарбъ 1000 копъ гр. (Кн. Зап. Лит., XXI, л. 82).

[3]) Кн. Записей Лит, LXXII, л. 33.

[4]) Ibidem, л. 20.

льготы; это не мѣшало и скарбу соблюдать свои интересы. Но иногда условія арендъ отличались большею сложностью, зависѣвшею отъ разныхъ обстоятельствъ. Такъ, канцлеръ М. Радивилъ держалъ въ арендѣ староство Берестейское на 1000 копахъ грошей и за уплату замковымъ слугамъ. Въ 1559 г. король даетъ ему на Берестьи уже доживотную аренду за то, что „панъ воевода виленьский, причиняючи господарства, знову порадне номеру вольную (волочную) вчинилъ и постановилъ во всемъ томъ старостве Берестейскомъ, платовъ нашихъ примножилъ, а к тому будованьемъ и стрельбою замокъ добре опатрилъ и запособилъ. А то все вчинилъ з великимъ накладомъ и коштомъ своимъ властнымъ". Однако новыя арендныя условія выгоднѣе для скарба прежнихъ. Радивилъ получаетъ всѣ доходы староства, но онъ уплачиваетъ ежегодной аренды уже 1500 копъ грошей. Сверхъ того, въ скарбъ идутъ непосредственно подводные пенези, 100 копъ конщизны горѣлчаной: стація на короля при переѣздѣ его черезъ Берестье [1]). Въ 1567 г. Берестейское староство, безъ дворовъ Милейчицъ, Воиня и Половцовъ, переходитъ въ доживотную аренду къ О. Воловичу уже въ 3000 копахъ грошей въ годъ; при этомъ державца имѣетъ право получить особо въ залогъ названные дворы; онъ уплачиваетъ долги Болеману изъ доходовъ староства. Король обязуется не уменьшать раздачею и залогомъ территоріи староства [2]).

Въ аренду шли не только цѣлыя староства и державы, но и отдѣльные дворы. Приведемъ по этому поводу еще одинъ арендный контрактъ. Панъ Ярошъ Корицкій получилъ въ 1565 г. аренду на три года фольварокъ Лосицкаго, всего въ 18 волокъ, за 150 копъ грошей. Фольварокъ поступаетъ къ арендатору съ полнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Плата вносится впередъ за годъ. Арендаторъ пользуется всѣми „пожитками" и сверхъ того одной господарской шкутой для безмытнаго провоза въ Гданскъ хлѣба. На пріѣздъ короля арендаторъ доставляетъ ему стацію, но вычитываетъ расходы на нее изъ арендной платы. Король обязуется не посылать въ Лосичи ревизоровъ, не употреблять подданыхъ ни на какія господарскія работы, кромѣ возки въ портъ господарскаго збожья; король обязуется не посылать на выкормку въ Лосичи своихъ лошадей. Въ случаѣ градобитія арендатору отпускается изъ арендной платы сумма по-

---

[1]) Кн. Записей Лит., XLI, л. 40 об.—42.

[2]) Кн. Записей Лит., LI, л. 69 об.

требная на покрытіе убытковъ и опредѣляемая подскарбіемъ. Въ случаѣ смерти арендатора, Лосичи переходятъ къ его наслѣдникамъ. По отношенію къ подданымъ арендаторъ обязуется во всемъ поступать согласно ревизорской уставы [1]).

Замѣтимъ, что въ источникахъ иногда называется „певною арендою" [2]) пожалованіе русскихъ волостей при условіи взноса въ скарбъ опредѣленной суммы изъ доходовъ державы и съ обязательствомъ употреблять остатки доходовъ на военныя нужды замка. Съ точки зрѣнія центральнаго казначейства, эта отдача ничѣмъ не отличалась отъ аренды, потому что скарбъ и въ томъ и другомъ случаѣ получалъ опредѣленную ежегодную плату, но, разумѣется, была большая разница между обыкновеннымъ арендаторомъ и старостою замка на восточной окраинѣ. Что касается частностей такого пожалованія „аренды", то надо замѣтить, что привилеи, исходя изъ заслугъ жалуемаго лица, передаютъ ему державу „з даньми грошовыми и медовыми и с бобры и с куницами и съ корчмою и со всими доходы и пожитки"—со всѣмъ, что приходилось на господаря. Державца беретъ всѣ доходы себѣ, а въ скарбъ вноситъ опредѣленную сумму. Иногда встрѣчаемъ и еще оговорку относительно доходовъ скарбовыхъ писарей и подскарбія земскаго: если эти доходы взимались съ волости, то не передавались державцѣ. Затѣмъ неизмѣнно встрѣчаемъ требованія о содержаніи на замкѣ почта, оружія и пр. [3]). Князь Кузьма Жеславскій получилъ Свислочь, но при этомъ господарь „всякие платы и доходы, што з волости Свислоцкое на насъ господаря" приходили, „обратилъ" въ скарбъ. Державца остался безъ „поживенья", почему князь Кузьма и проситъ господаря отдать ему Свислочь со всѣми доходами, какъ державъ ее панъ Андрей Немировичъ. Господарь нашелъ такое пожалованіе „з шкодою нашою господарскою, естли быхмо мели весь платъ тамошний ему дати". Но такъ какъ князь Жеславскій слуга „потребный", то господарь ему передаетъ всѣ дани съ волости, за что князь будетъ давать въ скарбъ по 100 копъ грошей ежегодно, обращая остальное на свой пожитокъ и содержаніе крѣпости [4]).

---

[1]) Кн. Записей Лит., XLV, л. 106-7 об.

[2]) Кн. Записей Лит., XXIV, л. 103.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VII, л. 4.

[4]) Кн. Записей Лит., XXVIII, л. 47 об.—48.

Таковы условія арендъ и доживотій. Они, какъ мы видимъ, были весьма разнообразны. Но ясно, что скарбъ, устанавливая тѣ или иныя условія отдачи державъ, руководствовался или хозяйственными соображеніями или государственными (отдача замковъ въ русскихъ державахъ). Иной вопросъ, насколько появленіе въ державахъ арендаторовъ или доживотныхъ держателей дѣйствительно могло содѣйствовать прочному росту экономическаго положенія плательщиковъ налога: увеличивая временно скарбовые доходы, они несомнѣнно способствали обѣднѣнію тяглыхъ классовъ населенія, такъ какъ всѣ разсужденія господарскихъ листовъ о „хованіи" подданыхъ согласно уставѣ оставались мертвою буквою тамъ, гдѣ дѣло касалось быстрой наживы временнаго держателя господарскаго имѣнія. Впослѣдствіи мы увидимъ еще, что скарбъ самыми разнообразными мѣрами старался увеличить хозяйственное значеніе державы.

Переходимъ теперь къ послѣднему способу управленія господарскими добрами — къ залогу. Залогодержатель являлся старостою, державцею заложенной у него державы. Къ залогамъ правительство прибѣгало только въ періоды острой нужды въ средствахъ. Чѣмъ меньше было денегъ въ скарбѣ, тѣмъ условія залоговъ были труднѣе для скарба и тѣмъ заложенное имѣніе оказывалось въ большей опасности подвергнуться разоренію. Условія залоговъ были поэтому весьма разнообразны: иногда залогодержатели платили въ скарбъ всѣ или часть доходовъ, иногда ничего не давали, такъ что доходы составляли процентъ на капиталъ, или же доходъ шелъ на погашеніе залога (ad extenuationem), иногда получали въ залогъ державу на срокъ, а иногда въ доживотье и пр. Теперь насъ будутъ интересовать только хозяйственныя условія залоговъ, такъ какъ значеніе ихъ какъ государственнаго долга будетъ разсмотрѣно въ отдѣлѣ о бюджетѣ. Сначала мы разсмотримъ условія залоговъ, сдѣланныхъ при Сигизмундѣ I вслѣдствіе нуждъ на московскія войны, а затѣмъ залоги, сдѣланныя Сигизмундомъ Августомъ въ годы Ливонской войны. Такое дѣленіе необходимо потому, что подъ вліяніемъ различныхъ условій денежнаго рынка измѣнялся и характеръ залоговыхъ контрактовъ.

При Сигизмундѣ I залоги державъ совершались большею частью „до отданья" долга, и только небольшая часть ихъ заложена до „живота" заимодавцевъ, т. е. правительство отказывалось отъ права выкупа державы до смерти одолжившаго деньги. Но встрѣчаемъ и еще способъ отдачи державы въ залогъ, когда доходомъ ея предоставля-

лось держателю погасить долгъ. Такъ еще при королѣ Александрѣ дворянинъ господарскій Данило Дѣдковичъ „травячися и впоминки даючи“ на службѣ въ Ордѣ, издержалъ изъ своихъ денегъ 230 копъ гр. По его челобитью король отдаетъ ему въ держанье Брагинскую волость съ господарскими доходами до тѣхъ поръ, пока онъ самъ себѣ „заплатитъ“ долгъ [1]). Около 1524 г. Сигизмундъ I занялъ у п. Юрія Зеновьевича, намѣстника могилевскаго, 1300 копъ гр. и далъ ему листъ на выбиранье долга изъ „данныхъ“ пенезей управляемой имъ [2]) державы. Такая передача доходовъ съ державы для уплаты долга лицу, управляющему тою же державою, не дѣлало его въ полномъ смыслѣ залогодержателемъ, представляя собою какъ бы среднюю форму между залогомъ и управленіемъ. Для скарба такая форма могла представлять много выгодъ, но факты такого погашенія долга единичны, конечно, потому, что не представляли выгодъ капиталистамъ. Обычною формою залога является закладъ до „отданья“ денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, залогъ до отдачи долга представлялъ гораздо болѣе выгодъ для заимодавца. Въ этомъ случаѣ заимодавецъ и правительство заключали условіе, отдѣльные пункты котораго довольно разнообразны, находясь, конечно, въ зависимости отъ спроса на деньги. Такъ, напримѣръ, Ю. Ив. Илиничъ получилъ въ 1519 г. въ залогъ Берестье, замокъ и городъ со всѣми доходами какъ господарскими, такъ и врядничьими, кромѣ мыта и коморъ соляной и восковой, за весьма небольшую сумму 500 копъ грошей [3]). Такимъ образомъ всѣ доходы этого крупнаго центра должны были уйти, въ видѣ процентовъ, заимодавцу. Но часто король оставляетъ нѣкоторые доходы на скарбъ, другіе же отдаетъ заимодавцу. При этомъ надо оговориться, что въ этотъ счетъ не входятъ доходы старостинскіе: заимодавецъ получаетъ ихъ какъ администраторъ. Такимъ образомъ выгодность для него залога заключается въ большемъ или меньшемъ количествѣ господарскихъ доходовъ, передаваемыхъ ему въ видѣ процента на капиталъ. Такъ, напримѣръ, при залогѣ Меречи п. Ст. Гр. Остиковичу эта держава поступаетъ къ нему со всѣми доходами врядничьими и господарскими,— „которыи з места и з волости Мерецкое на насъ хожывали“. Но господарь оставляетъ на себя: стацію и подводы на свой пріѣздъ,

---

[1]) Акты Лит.-р. гос, I, 117.

[2]) Ibidem, p. 154.

[3]) Акты Лит.-р. гос., I, p. 167.

часть дякла и мезлевы на время своего пребыванія въ Литвѣ. Управленіе же волостью во всѣхъ отрасляхъ переходитъ къ державцѣ-залогодержателю [1]). Или Б. Боговитиновичъ получаетъ въ залогъ Довги со всѣми доходами и управленіемъ: воевода троцкій, городничій, ключникъ и тивунъ не имѣютъ права въѣзда и посылки своихъ дѣцкихъ, т. е. и ихъ отрасли управленія передаются державцѣ, а вмѣстѣ съ ними и ихъ врядничьи доходы. На господаря идетъ только по 60 бочекъ жита, овса и сѣна въ годъ, мезлева и стація на пріѣздъ [2]). Въ примѣръ того, насколько иногда не выгодны были для скарба залоги, можно привести условія перезалога тому же Б. Боговитиновичу Каменца. Большая держава закладывается въ 1000 копахъ грошей со всѣми доходами господарскими и старостинскими и врядами (гаевничествомъ, лѣсничествомъ, бобровничествомъ). На господаря идетъ только: корчемные пенези, двѣ части медовой дани и всѣ бобровые гоны. Всякія улучшенія, которыя могутъ быть сдѣланы въ замкѣ Боговитиновичемъ должны быть оплачены королемъ. Державцѣ предоставляется полная свобода осаживать „воли" и такимъ образомъ увеличивать доходность староства. Король можетъ выкупить Каменецъ, но обязуется отдать его Боговитиновичу въ державу до живота [3]). Сущность условій залоговъ „до живота" не отличалась отъ такихъ же „до отданья". Можно лишь отмѣтить, что та и другая форма иногда соединялись вмѣстѣ: заимодавецъ выговаривалъ за собою право получить заложенную у него державу въ „доживотье" и по уплатѣ долга, какъ это мы уже видѣли въ условіи съ Боговитиновичемъ. Впрочемъ, иногда скарбъ переводя залогъ до отданья на доживотный, выгадывалъ какую нибудь уступку со стороны держателя. Такъ, князь М. Микитиничъ получилъ въ 1518 году въ доживотье находящуюся у него въ залогѣ Бирштанскую державу потому, что уступилъ королю по 50 копъ гр. въ годъ изъ суммы залога (2500 копъ гр.); при этомъ король получаетъ весьма значительную часть натуральныхъ сборовъ [4]).

Такимъ образомъ держанье залога „до отданья" представляло правительству только ту выгоду, что оно могло во всякое время вы-

---

[1]) Ibidem, 163.

[2]) Кн. Зап. Л. IX, л. 110 (у Любавскаго прилож. л. 25).

[3]) Кн. Зап. Л. XI, л. 7 (у Любавскаго въ прилож. л. 28).

[4]) Ibidem, л. 6 об.—7.

купить или перезаложить его; но для залогодержателя, несмотря на отсутствіе срока, выгода представлялась въ большемъ процентѣ на капиталъ, такъ какъ онъ получалъ и врядничьи доходы и бо́льшую часть или даже и всѣ господарскіе. Надо только замѣтить, что земскіе налоги, т. е. серебщина и ордынщина въ это время никогда не отдавались державцамъ, а стація на пріѣздъ господаря всегда выговаривалась въ условіяхъ залога. Не безполезно пояснить также и то, что въ горячее время правительство обращалось за ссудами подъ залогъ державъ къ самимъ же державцамъ и старостамъ: они обыкновенно являлись залогодержателями, такъ какъ въ противномъ случаѣ держава могла быть отнята и передана лицу, предлагающему ссуду. Неудивительно поэтому, что когда начинались поиски за деньгами, нѣкоторые старосты спѣшили исхлопотать себѣ листы о томъ, что ихъ державы не будутъ отданы въ залогъ постороннимъ лицамъ [1]).

Однако эти условія залоговъ, сравнительно съ годами Ливонской войны, были еще не очень тяжелы для скарба. Въ послѣднее время нужда въ деньгахъ была настолько велика, что даже къ концу войны условія залоговъ очень невыгодно измѣнились для правительства.

Залоговые контракты обычно совершаются на опредѣленный и притомъ чаще всего на очень короткій срокъ. Мы почти не знаемъ контрактовъ безъ срока: имѣнія закладываются на срокъ чаще всего въ одинъ годъ, рѣже въ три, бо́льшіе сроки—единичны. Удобная сторона сроковъ для залогодержателя заключается въ томъ, что всѣ контракты содержатъ въ себѣ обязательство короля не выкупать имѣнія „межи роковъ“, т. е. выкупъ возможенъ только въ назначенный срокъ, и если послѣдній пропущенъ, то скарбъ долженъ ждать слѣдующаго. Тутъ имѣлись, конечно, въ виду и хозяйственныя соображенія: не даромъ громадное большинство контрактовъ совершено осенью или весною, въ иныхъ, совершенныхъ въ другое время, срокъ дѣйствія контракта переносится на осеннее или весеннее время, т. е. къ началу и къ концу сельскохозяйственнаго года. Далѣе, контракты на уплату по смерти залогодателя, на уплату въ срокъ, но съ обязательнымъ переходомъ державы въ доживотное держанье [3]), наконецъ на условіи

---

[1]) Напр., Зап. Лит. XI, л. 33.

[2]) Напр., Кн. Записей Лит. XLVIII, л. 367 об.

[3]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит. LIII, л. 224 об.

погашенія долга изъ доходовъ — довольно рѣдки [1]). Капиталисты хлопочутъ не только о точномъ опредѣленіи срока, но и о территоріальной полнотѣ въ пользованіи во все время залога: они ставятъ условіемъ, что король не можетъ до отдачи въ срокъ долга выдѣлить какую нибудь часть заложеннаго имущества для залога кому нибудь другому (напр., Пеняны—Ст. Довойну, 1558 г. и др.). Само собою разумѣется, что всѣ контракты оговаривались переходомъ заложеннаго имущества къ законнымъ наслѣдникамъ залогодержателя и большинство выговариваетъ еще право перезалога. Король же за себя и за своихъ преемниковъ обязуется точнымъ исполненіемъ договора.

Къ числу условій, коими ограждаются права держателей, слѣдуетъ и еще прибавить одно, встрѣчающееся буквально во всѣхъ позднѣйшихъ залогахъ—то, что унія и экзекуція правъ и вообще никакіе новые законы не будутъ „шкодить" соблюденію договоровъ. Очевидно, въ виду толковъ объ уніи, капиталисты побаивались давать взаймы, зная о происходящей въ Коронѣ экзекуціи правъ и боясь того же и въ Литвѣ [2]). Король обыкновенно обязуется: „такъ отъ насъ господаря, яко и от потомка нашого великого князя литовского жадная переказа чинены быти, а ни уставы або уфалы посполитые сеймовые шкодити немають и не могуть" и контрактъ долженъ „у зуполной мѣрѣ" соблюдаться до расплаты [3]).

Важная сторона залоговыхъ условій—большая или меньшая широта пользованія залоговымъ имуществомъ. Прежде всего въ руки залого-

---

[1]) Доходы Пинскаго староства, напр., отданы были въ 1562 г. Стан. Довойнѣ „на выбранье" скарбоваго долга въ 2201 копу гр. Кн. Зап. Лит. XLIV, л. 50 об.

[2]) Напр.: „Особливе тотъ варунокъ на семъ листе нашомъ доложить есьмо велели, ижъ тому теперешнему записови нашому альбо праву преречоному, пана Ивана Зарецкого отъ насъ упевняючи ему на томъ старостве Упитскомъ пенези его до скарбу нашого земского на потребы Речы Посполитое отъ него взятые екзекуцыя правъ его або констытуцый коронныхъ яко и великого князства Литовского, на соймехъ великихъ передъ тымъ становленыхъ, и которые за часомъ потомъ для порадку правъ Речы Посполитое также на соймехъ яко и безъ сойму зъ якихъ кольвекъ набольшихъ причинъ и потребъ земскихъ уфаляны и справованы альбо способлены будуть, бы тежъ за намовою и постановленьемъ всихъ становъ на соймехъ и на зездехъ,—до якого змнейшенья к уближенью права и запису нашого теперешнего мело прийти, тогды мы обецуемъ словомъ нашимъ господарскимъ пана Ивана Зарецкого и потомковъ его, або тыхъ, кому отъ него такъ за живота заведено, заставлено, яко и по животе отписано будеть, от такого змнейшенья и шкодъ во всихъ артыкулехъ в семъ листе и въ другомъ листе нашомъ от насъ ему даномъ... заступовати и нагорожати". Ibidem, л. 305 об.

[3]) Кн. Судн. Д. Л. LIII, л. 183 об.

держателя переходятъ всѣ врядничьи доходы потому, что онъ становится и державцею, управителемъ имѣнія или державы. Затѣмъ скарбъ высчитываетъ такъ, чтобы господарскіе доходы давали 10% доходу на капиталъ: это и есть среднiй законный статутовый процентъ—„интереса“ или (какъ облагораживаютъ этотъ терминъ документы) „нагорода“, „юргельтъ“ заимодавца. Такъ, напр., при залогѣ Слонимскаго староства въ 3000 копъ, дано Гр. Воловичу „нагороженье“ по 300 копъ грошей въ годъ (1565 г.); такой же разсчетъ и на такую же сумму былъ сдѣланъ съ кн. А. Збаражскимъ по залогу ему Кременца. М. Нарушевичъ получилъ въ залогъ Пеняны на условiяхъ ежегоднаго погашенія долга, получаетъ „юргельту“ по 10% на остающiйся къ уплатѣ капиталъ. Если 10% на капиталъ составятъ меньше, чѣмъ весь господарскiй доходъ съ имѣнія, то скарбъ долженъ доплатить (напр. Рудоминѣ—дворъ Утены, Коршево Л. Ивановичу и др.); но если „пожитки“ больше этого процента, то залогодержатель „чинить“ въ скарбѣ личбу и излишекъ сдастъ туда же:—„будеть повиненъ каждого року на потребы наши, естли гдѣ черезъ листы наши роскажемъ, або до скарбу нашого отдавати“, говоритъ контрактъ А. Полубенскаго по залогу Вилькеи. Впрочемъ, изрѣдка процентъ повышался и понижался. Такъ, напр., Островицкiй на Оникштенской державѣ, заложенной ему въ 1800 копахъ, получалъ ежегоднаго юргельту 350 копъ. За то Ост. Воловичъ, по залогу ему Берестейскаго староства, бралъ всего 6% на капиталъ. Впрочемъ, тотъ же Воловичъ занялъ у п. Тарло по 20%, причемъ король соглашался дать и 26%, если Тарло этого потребуетъ. Воловичъ взялъ этотъ капиталъ у Тарло на свое имя, передалъ въ скарбъ и получилъ въ залогъ Кобринъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ скарбъ и совсѣмъ не платилъ процентовъ: напр., Иванъ Зарѣцкiй далъ крупный капиталъ, получивъ за него на выбранье восковничее виленское. Процентовъ онъ не получалъ [1]), но черезъ девять дней послѣ заключенія контракта онъ получаетъ крупную льготу по безпошлинному провозу соли изъ Гданска [2]).

Иногда залогодержатель получаетъ всѣ „пожитки“ въ видѣ процента за исключеніемъ опредѣленныхъ доходовъ, остающихся на господаря. Напр., при залогѣ Хлюдзинскому Клещелей на господаря

---

[1]) Кн. Судн. Д. Л. LIII, л. 1.

[2]) Ibidem, л. 2 об.

оставлено: 210 бочекъ овса дякольнаго и работа подданыхъ на замокъ Тыкотинскій. Конечно, серебщина всегда и поборы малые за рѣдкими исключеніями остаются въ распоряженіи скарба. Если въ державѣ есть пуща, то относительно ея всегда встрѣчается особое условіе: пуща обыкновенно ограждается отъ расхищенія, напримѣръ, запрещеніемъ выдѣлки въ ней лѣсныхъ товаровъ (напр. Фр. Фальчевскому—на Луцкій ключъ). Или напр., В. Тишковичъ получаетъ въ залогъ Пинское староство, а лѣсничество въ управленіе, съ правомъ охоты, но безъ права на лѣсныя работы. Но Ясенскій получаетъ Любошаны съ лѣсными работами. Однако, доходовъ съ заложенныхъ державъ мало приходитъ на скарбъ и условія, ограничивающія права пользованія залогодержателя не часты. Происходитъ это оттого, что скарбъ, при погонѣ за деньгами, бралъ все, что можно взять на данной державѣ. Поэтому, имѣнія обычно отдаются со всѣми пожитками, т. е. скарбъ насчитываетъ какъ разъ столько дохода, чтобы вышелъ законный процентъ. Поэтому, державы чаще всего отдаются въ залогъ со всѣми пожитками [1]): напримѣръ, замокъ Рѣчица отдается „изо всею волостью Речицкою, з людьми въ месте и волости Речицкой оселыми, с платы грошовыми, данными, медовыми и капщизнами... яко зстародавна на нас господара держано было, ничого с пожитковъ оного места и волости невыймуючи“ [2]). Сюда входитъ, конечно, и судъ надъ поддаными.

Но при передачѣ залога въ скарбъ могли быть неполныя свѣдѣнія о доходахъ державы: крейсировавшіе тогда по столовымъ имѣніямъ скарбовые ревизоры легко могли бы выискать источникъ дохода, неизвѣстный раньше скарбу и утаиваемый державцею. Тогда залогодержатель могъ-бы лишиться этого излишка. Отсюда происходятъ два довольно обычные пункта договоровъ: во все время залога,

---

[1]) Ив. Зарѣцкому дается „староство Упитское и волость к нему прислухаючую з людьми местскими, волостными, осадными и тяглыми, з их землями и з всими кгрунты и водами и широкостями и пожитки ку тому староству прислухаючими, належачими, с цынши з людей местскихъ и волостныхъ, платы пенязжными, житными и овсяными и иными подачками и роботами, з винами и зо всими вобецъ пожитками, которые теперь исъ померы волочное вынайтисе могуть, къ томужъ с непезьми жорновыми. Але все право дожывотное, перво сего на староство Упитское и волость к нему прислухаючую з ласки нашое господарское от насъ ему даное, при моцы зуполной непорушне зоставуючи“. Кн. Суд. Д. Л. LIII, л. 305 об. сл.

[2]) Ibidem, л. 148.

держатель не чинить въ скарбъ личбы съ доходовъ [1]). Правда, скарбъ при этомъ иногда обязываетъ его взимать подати и повинности, согласно ревизорской уставѣ: „маеть онъ за держанья своего,—говоритъ одинъ изъ контрактовъ,—съ подданныхъ Керновскихъ цынши выбирати водле уставы нашое господарское и постановенья ревизорского, нечинечи никоторое обтежливости подданымъ тамошнимъ, ани уводечы надъ обычай звыклый никоторое повинны, а зъ выбиранья того податку личбы до скарбу нашого чинити повиненъ не будеть" [2]). Но эти ограниченія ревизорскою уставою для держателя были пустою формальностью: все чаще и чаще встрѣчаемъ въ контрактахъ условія такого рода, что король обязуется не высылать въ державу скарбовыхъ ревизоровъ. А такъ какъ послѣдніе не только слѣдили за „вынайденьемъ" пожитковъ, но къ тому же обязаны были выслушивать всѣ жалобы подданыхъ на своихъ державцевъ (залогодержатель—тотъ-же, съ административной точки зрѣнія, державца, имъ онъ и именуется въ актахъ) и разбирать эти жалобы, то само собою разумѣется, что подданыхъ такимъ образомъ цѣликомъ отдавали въ руки держателей.

Послѣднему весьма способствовалъ еще одинъ пунктъ условій, по которому государство отказывалось отъ взысканія съ пользователя убытковъ, могущихъ произойти отъ разоренія подданыхъ, ихъ бѣгства и т. п. Иногда эти условія составлялись, сравнительно, въ мягкой формѣ, вполнѣ естественной въ залоговомъ договорѣ: если на волость Упитскую, говоритъ контрактъ,—„отъ поветрія, огня, голоду, войскъ и иныхъ пригодъ припадковъ якое се спустошенье стало и которые подданые прочь розышли и въ знищенье попали", то господарь отказывается отъ всякаго рода иска [3]). Это понятно. Но едва ли не большинство условій выражается о причинахъ „шкодъ" и „знищенья" гораздо неопредѣленнѣе. Такъ, одинъ контрактъ утверждаетъ, что залогодержатель не понесетъ ни одного гроша изъ залоговой суммы въ случаѣ „подданыхъ нашихъ разогнанья и ихъ всякихъ кривдъ, шкодъ и грабежовъ, естли бы ся которые стали",—независимо отъ ихъ причинъ [4]). Другіе контракты, такъ сказать, сами

---

[1]) Напр.: „ничого давати и личбы чинити не мають и не будуть повинни (держатель и его наслѣдникъ) ажъ до отданья имъ тое сумы", ibidem, л. 149 об.

[2]) Судн. Дѣлъ Лит. LIII, 4 об.

[3]) Ibidem, л. 305 об. сл.

[4]) Ibidem, л. 143 об. сл.

наталкиваютъ залогодержателя на самую широкую и произвольную эксплоатацію крестьянъ. „А где бы люди с места и волости Оникштенское отъ огня, злодейства, *и з якихъ кольвекъ иншихъ причинъ* спустошоны и зубожоны были, альбо се прочь розышли“,—скарбъ претендовать не будетъ. Но этого мало: слѣдующее мѣсто еще характернѣе: „*Такъ же и подданые наши* никоторыхъ шкодъ своихъ на самыхъ державцахъ того двора, места и волости Оникштеньское поискивати не будуть мочи и шкоды меновали (меновати) отъ врядниковъ и слугъ ихъ, о то онижъ сами державчи маютъ з урядниковъ и слугъ своихъ имъ в томъ справедливость учинити, а мы и потомки наши за жалобою подданыхъ тамошнихъ маемъ только дворенина нашого *ку пригледанью* тое справедливости придати, а тымъ и никоторыми иными причинами немаемъ и не будемъ мочы тое сумы преречоное и никоторое части ее имъ вытручати“ [1]). Никакой защиты крестьяне отъ господарскаго дворянина, конечно, не дождутся. Такимъ образомъ, залогодержатель можетъ сколько угодно эксплоатировать подданыхъ. Онъ отгораживаетъ собою, какъ стѣной, заложенныхъ ему крестьянъ отъ всякихъ сношеній ихъ съ администраціей. Мы знаемъ уже, что судъ надъ поддаными передается держателю. Немаловажно и то, что значительная часть контрактовъ передаетъ держателю и право собиранія земскихъ доходовъ съ заложенныхъ крестьянъ,—серебщины и поборовъ малыхъ. Держатель при этомъ во первыхъ, получаетъ законныя пошлины за собираніе (писчее, стацію), во вторыхъ—поводы къ эксплоатаціи: скарбъ, согласно вышеприведеннымъ пунктамъ, не можетъ вмѣшаться въ защиту подданыхъ.

Если мы къ законнымъ десяти процентамъ присчитаемъ теперь врядничьи доходы, доходы по сбору податей, безконтрольность по отношенію къ скарбу, то легко видѣть, что фактически залогодержатель получаетъ гораздо больше. Не говоримъ уже о полной возможности эксплоатаціи подданыхъ. Но это не все. Весьма многіе контракты заключаютъ въ себѣ и еще разныя льготы. Одна изъ нихъ заключается въ правѣ строить на пользуемой землѣ фольварки, пахать ихъ руками подданыхъ и обращать всѣ доходы съ фольварка въ свою личную пользу. Если представимъ себѣ, что залогодержатель будетъ требовать по инвентарю выполненія поддаными всѣхъ

---

[1]) Ibidem, л. 239.

работъ, то постройка фольварка и оборудованіе въ немъ хозяйства неминуемо вызываетъ лишнія дни тяглой работы.

Но гораздо бо́льшей надбавкой къ выгодамъ залогодержателя является освобожденіе его отъ земской службы съ державы. Въ то время, когда вся шляхта несла тяжелыя потери при ежегодномъ выправленіи „почтовъ" на войну съ своихъ имѣній, давшій въ залогъ подъ державу деньги въ скарбъ освобождался отъ поставки почты съ этой державы, къ чему обязывалъ его Статутъ. Условіе о свободѣ отъ земской службы проходитъ почти черезъ всѣ залоговые контракты. Но кромѣ того, подданые этихъ державъ освобождаются иногда и отъ другихъ земскихъ повинностей—подводъ, стацій и замковой работы: „А до службы военное земское почту никоторого с того онъ и потомки его становити, ани выполнять не мають и подданых с подводы, або в ловы высылати повинни не будуть" [1]). Люди, не отбывая повинностей въ пользу государства,—все это дѣлаютъ въ пользу залогодержателя: „але то все и зо всими пожитки мають полнити пану" [2]). Иногда король удерживаетъ въ свою пользу только извѣстную долю этихъ повинностей. Напримѣръ, Бобруйская волость была отдана кн. Юр. Слуцкому съ такимъ условіемъ, что ея подданые освобождены отъ всѣхъ земскихъ повинностей, кромѣ работы замка Бобруйскаго [3]), или Клещели заложены Хлюдзинскому со всѣми работами, кромѣ замковыхъ работъ въ Тыкотинѣ и пр. [4]).

Если къ этому мы прибавимъ, что многіе контракты заключаютъ еще условіе, по которому державы освобождаются отъ „лежи", т. е., постоя жолнеровъ, то имъ исчерпаемъ всѣ пункты, встрѣчающіеся въ залоговыхъ контрактахъ.

Таковы условія залога. Если просмотрѣть всю эту массу контрактовъ хронологически, то легко замѣтить въ нихъ нѣкоторыя различія въ зависимости отъ времени ихъ составленія. При Ост. Воловичѣ скарбъ бралъ у державцевъ деньги подъ залогъ ихъ же державъ. Этотъ залогъ онъ склоненъ былъ считать арендой: такъ какъ многіе изъ этихъ залоговъ и заключены Воловичемъ на условіяхъ погашенія долга изъ дохода, то, очевидно, скарбъ хотѣлъ разсматри-

---

[1]) Ibidem, л. 4 об.

[2]) Ibidem, л. 143 об.

[3]) Зап. Лит. XXXVII, л. 482 об.

[4]) Кн. Суд. Д. Л. LIII, л. 154 об.

вать залоговую сумму, какъ арендную плату впередъ за нѣсколько лѣтъ. Державца получаетъ или всѣ доходы, или-же часть ихъ сдаетъ въ скарбъ; онъ чинитъ въ скарбѣ-же личбу съ доходовъ. Совсѣмъ иной характеръ носятъ условія залоговъ съ 1565 г. и особенно въ 1567—1569 г.г. Самыя тяжелыя для государственнаго хозяйства условія выработаны какъ разъ въ это время. Освобожденіе отъ почты земской, встрѣчаясь сначала спорадически, становится неизмѣнною частью контракта за это время, точно также какъ и освобожденіе отъ исковъ за убытки и оговорки относительно экзекуціи правъ, „лежи" ротъ и др. земскихъ повинностей. Освобождая отъ нихъ залогодержателей, король шелъ прямо въ разрѣзъ съ категорическимъ постановленіемъ Статута и съ многократными требованіями сейма, подтвержденными имъ же, о томъ, чтобы земская служба не избывала на заставныхъ столовыхъ имѣніяхъ. Сюда же относится тоже поздно являющійся въ контрактахъ пунктъ о сборѣ серебщины и малыхъ поборовъ самими держателями. Однимъ словомъ, самыя тяжелыя условія относятся ко временамъ наибо́льшаго напряженія скарба.

Съ другой стороны, если сравнить условія залога, выработавшіяся въ годы Ливонской войны, съ залоговой практикой времени Сигизмунда I, то сравненіе будетъ не въ пользу первыхъ: они гораздо тяжелѣе условій 20-хъ годовъ. Важнѣйшая сторона ихъ—это предоставленіе держателямъ возможности самой широкой эксплоататаціи подданыхъ. А что крестьяне, дѣйствительно стонали подъ управленіемъ алчныхъ залогодержателей—акты объ этомъ свидѣтельствуютъ въ достаточной степени [1]).

---

[1]) Приведемъ одинъ-другой примѣръ: У земянина Рокицкаго было въ заставѣ въ 400 коп. с. Стребени Ковенскаго староства. Но королю сдѣлалось извѣстнымъ: „Нижли частокроть набегають до насъ поддапые наши того села Стребеневского обтежливе и плачливе жалуючы о томъ, ижъ дей ты цыншы и платы великие надъ уставу нашу на них берешъ и ку роботамъ и повинностямъ незвыклымъ ихъ прымушаешъ, бои, грабежи, крывды, и втиски великие имъ делаешъ, чого мы большъ терпети не хотечы: ...... „оную суму пенезей росказали есмо отложыти и тобе заплатити" и село взять к рукамъ посылается дворянинъ. На л. 61 замѣтка: „такой другий листъ писанъ до Кградовскаго, ижъ бы тры села конюхи поступилъ, Конюхи, Авкгустово, Везднловичи, а шестьсотъ и двадцать копъ грошей взялъ" (Кн Пуб. Дѣлъ Лит. X, л. 60 (1569). У Бальтазара Раецкаго дворъ, городъ и волость Румшишская были въ залогѣ въ 3000 копахъ. Но подданые „частокроть" „пабѣгали" съ жалобами на несправедливое выбиранье чинша сверхъ уставы, „бои", грабежи и пр. „Которыхъ крывдъ ихъ догледети есмо были роска-

4. Господарское хозяйство: „платы" и службы населенія.

Намъ нѣтъ нужды въ подробностяхъ останавливаться надъ тѣмъ, что шло въ господарскій скарбъ съ волостей и дворовъ. Вопросы, касающіеся крестьянскихъ поплатковъ и службъ много разъ подвергались детальному разсмотрѣнію въ трудахъ г.г. Антоновича, Леонтовича, Владимірскаго-Буданова, Новицкаго, Бершадскаго, Любавскаго и др. ученыхъ. Мы ограничимся лишь бѣглыми замѣчаніями. Разумѣется, здѣсь мы будемъ говорить только о такихъ службахъ, даняхъ и поплаткахъ, которыя платятъ подданые господарю, какъ своему вотчинному владѣльцу, а не о податяхъ и повинностяхъ государственнаго характера. Вотчинныя подати и повинности насъ интересуютъ, какъ составныя части скарбоваго дохода. При этомъ сначала будутъ разсмотрѣны поплатки и службы сельскаго населенія и лишь впослѣдствіи городскаго, такъ какъ до выдѣленія городовъ изъ волостей сельскія и городскія повинности ничѣмъ не различались.

Господарскія имѣнія раздѣлялись на волости данниковъ и на державы съ дворами, какъ центрами самостоятельнаго хозяйства. Въ дворахъ велось самостоятельное хозяйство, производились запашки, посѣвы огородовъ, ставились мельницы и пр. Въ державахъ, гдѣ были дворы, свободное и полусвободное крестьянское населеніе отбывало тяглую службу, давало дякло и другія „подачки" и „поплатки", но здѣсь же часть крестьянства сидѣла на „осадѣ", куницахъ или на оброкѣ, часть несла спеціальныя службы. Въ волостяхъ свободное крестьянство ограничивалось платежомъ даней. Оброчныя статьи поступали какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ мѣстностей. Около времени изданія перваго Статута такая территоріально-податная группировка уже можетъ считаться установившейся, хотя, конечно, при очень частыхъ исключеніяхъ. Однако до введенія волочной помѣры разнообразіе повинностей населенія было очень велико. Разнообразіе заключалось во-первыхъ въ томъ, что населеніе дѣлилось на много разрядовъ въ повинностномъ отношеніи, но сверхъ

зали дворянину нашому Войтеху Девялтовскому, вижли вы (то есть держатели) и передъ Девялтовскимъ имъ ся усправедливити не хотели, а безъ перестатку таковыхъ же незносныхъ крывдъ имъ чинити не переставаете",—почему король приказываетъ выкупить волость. Ibidem, л. 61.

того принадлежность къ тому или иному разряду (напр., людей дякольныхъ, данниковъ, бобровниковъ и проч.), опредѣляя лишь главную основную службу тяглеца, не гарантировала плательщика отъ множества повинностей или платежей, въ общемъ и не свойственныхъ данной группѣ плательщиковъ. Для поясненія достаточно привести, напр., слѣдующій фактъ. Служба людей путныхъ полоцкихъ хорошо извѣстна; они не были обязаны тяглою службою; между тѣмъ въ ревизіи Полоцкого воеводства масса путниковъ свободна отъ тягла, но встрѣчаются отдѣльные примѣры, когда нѣкоторые путники несутъ тяглую службу и т. д. Вообще вотчинные сборы и повинности наростаютъ самыми разнообразными путями. Но сверхъ самой склонности вотчинныхъ повинностей къ разнообразію надо помнить, что господарскія дóбра составились изъ волостей и дворцовъ, ранѣе находившихся въ различныхъ княжествахъ или же во владѣніи частныхъ лицъ, будучи разбросанными при всемъ томъ въ частяхъ государства, различныхъ по степени и условіямъ хозяйственной культуры. Правда, съ теченіемъ времени мѣропріятія господарскаго скарба клонятся къ нивеллировкѣ повинностныхъ отношеній господарскихъ подданыхъ; поэтому въ болѣе древнее время разнообразіе сборовъ и повинностей было очень велико.

Въ древней Руси дани, шедшія съ населенія на князя, взимались большей частью натурою, иногда деньгами. Обложенію подлежали, судя по данямъ, различные объекты хозяйственной дѣятельности населенія; поэтому въ княжескую казну шли доходы медомъ, овцами, житомъ, овсомъ, льномъ, курами [1]) и пр. Несомнѣнно также, что въ разныхъ княжествахъ способы обложенія были неодинаковы [2]). Основной сборъ носилъ названіе дани, хотя этотъ терминъ понимался то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе узкомъ смыслѣ и противополагался оброку, составлявшему также важную статью княжескихъ доходовъ. Древне-русская дань не имѣла однако характера государственной подати, она составляла вотчинный доходъ князя.

---

[1]) П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли, р. 229; Данилевичъ, Очерки исторіи Полоцкой земли, р. 209; Линниченко, Черты изъ исторіи сословій и пр., р. 74.

[2]) Осокинъ, О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи, Казань 1855 г., р. 32, 33; Куринъ, О прямыхъ налогахъ въ древней Руси, Казань 1855 г., р. 22; Толстой, Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи, СПБ., 1848 г., р. 20.

Увеличивая свои до́бра на счетъ древне-русскихъ земель, великіе князья Литовскіе получали въ свое владѣніе дворы и волости съ уже установившимися повинностными традиціями. Главная особенность послѣднихъ заключалась въ разнообразіи повинностныхъ отношеній плательщиковъ къ скарбу. Очевидно, скарбъ бралъ уже существующія отношенія и только въ послѣдствіи подвергалъ ихъ нивеллировкѣ. Дѣйствительно, въ сказанномъ не трудно убѣдиться, если просмотрѣть фактическій матеріалъ древнѣйшаго періода (приблизительно до конца XV в.). Въ гра́мотахъ удѣльныхъ и великихъ князей древнѣйшаго періода встрѣчаемъ весьма разнообразныя названія даней, платовъ и повинностей [1]). Книга данинъ Казимира, зарегистровавшая только основныя тяготы жалуемыхъ крестьянъ, знаетъ дани медовыя [2]), грошовыя [3]),— серебромъ [4]), корабельниками [5]), куницы [6]), пшеничную землю,—очевидно, такъ названную по шедшей съ нея дани [7]); по повинностямъ и данямъ записи говорятъ о слѣд. субъектахъ обложенія: людяхъ путныхъ, данныхъ, куничныхъ [8]) конюхахъ [9]), конокормцахъ [10]), куз-

---

[1]) Такъ въ договорѣ 1387 г. Ягайлы съ Скиргайлою встрѣчаются: серебряная дань, бобры, бѣлки, медовая дань (Skarbec Даниловича, № 542). По грамотѣ Витовта 1411 года съ с. Блусы Свислоцкой волости идетъ двѣ ставии меду, десять кунъ, полеванье на бобровъ, полюдье (ibidem, № 959). Въ грамотѣ 1407 г. встрѣчаемъ рыбацкую службу села (ibidem, № 856). Дани, воловщизна и др. сборы въ грамотѣ 1407 г. (Акты Лит.-русскаго госуд., I, 3). По грамотѣ 1387 г. на Оболецкій костелъ идетъ pulla mellis (Skarbec, № 544), по грамотѣ 1436 г. на Виленскую капитулу дается село cum tributo et tributariis mellis duarum pullarum (ibidem, № 1726), дани воскомъ и медомъ (Русская Историческ. Библ., II, p. 5—6, грам. 1362—1392 гг.), темьянщина (А. З. Р., I, p. 21) и др. Въ позднѣйшихъ грамотахъ встрѣчаемъ, напр., дани грошовыя, медовыя, бобровыя, куничныя, подымщину, волчось и др. (Любавскій, о. с., p. 768), яловицы, хлѣбы, гроши, яйца, ленъ, рыбацкую службу, медъ, поворотщину, сторожовщину (А. Ю. З. Р., I, p. 54), дякла, бѣлки, тягло (Акты Лит.-р. госуд., I, 83). Ср. еще, напр., А. З. Р., I, № 43, p. 56, 92, 102; А. Ю. З. Р, I, № 32, А. З. Р., II, 29 и проч. Въ этомъ отношеніи любое частновладѣльческое имѣніе или замковое село представляетъ достаточное доказательство разнообразія вотчинныхъ сборовъ и повинностей.

[2]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 1, 8, 9, 10, 11, 12 и др.

[3]) Ibidem, 31.

[4]) Ibidem, 1.

[5]) Ibidem, 21.

[6]) Ibidem, 1, 14, 24.

[7]) Ibidem, p. 27.

[8]) Ibidem, 2.

[9]) Ibidem, 2.

[10]) Ibidem, 3.

нецахъ [1]), сокольникахъ [2]), бортникахъ [3]), бобровникахъ [4]), рыболовахъ [5]), служебныхъ людяхъ [6]) и тяглыхъ, — что „орютъ да сѣно косятъ" [7]). Среди плательщиковъ есть и такіе, что на третій годъ козла даютъ [8]), или ничего не даютъ [9]) или рыболовы „безъ имени" [10]). Господарскому скарбу предстояла нелегкая задача услѣдить за всѣми этими платежами. Можно прибавить къ этому, что бывали и такія службы, какъ „только съ тое службы хоживало намъ по десятеру стрименъ въ кождый годъ" [11]); въ Смоленской области сидитъ человѣкъ, который „никоторое службы не служыть, ани дани не даеть, выменяя толко дей наместника смоленского поднимаеть на стану" [12]), или, какъ видно изъ одной грамоты Свидригайла, служба людей состояла въ ловлѣ волковъ и т. п.

Разнообразіе, далѣе сказывается и въ соціальномъ положеніи субъектовъ обложенія. Вышеприведенныя указанія касаются отдѣльныхъ селъ, службъ. Но слѣдуетъ помнить, что эти различныя по своимъ пошлинамъ службы тѣснились въ перемежку въ однихъ и тѣхъ же селахъ и волостяхъ, отчего пестрота повинностей еще увеличивалась. Все сказанное лучше всего выясняется на фактахъ, изображающихъ характеръ повинностныхъ отношеній не отдѣльнаго села или службы, а цѣлаго ряда ихъ. Намъ мало извѣстны окладныя росписи болѣе древняго времени. Однако и небольшіе отрывки изъ нихъ даютъ весьма любопытныя данныя. Возьмемъ для примѣра нѣсколько такихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ частямъ государства. Мстиславское княжество, какъ извѣстно, по частямъ входило въ составъ господарскихъ добръ. По нѣсколькимъ жалованнымъ грамотамъ мстиславскихъ князей Онуфріевскому монастырю можно составить представленіе о томъ, что̀ скарбъ заставалъ при переходѣ

[1]) Ibidem, 4, 9, 13.
[2]) Ibidem, 7.
[3]) Ibidem, 15, 24, 43.
[4]) Ibidem, 57.
[5]) Ibidem, 57, 62.
[6]) Ibidem, 48.
[7]) Ibidem, 25.
[8]) Ibidem, p. 15.
[9]) Ibidem, 19.
[10]) Ibidem, 62.
[11]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 56 об
[12]) Кн. Зап. Лит., V, л. 2

мстиславскихъ волостей въ его распоряженіе. Такъ, въ грамотѣ названному монастырю (тутъ перечисляются и пожалованія князя Семена и Юрія) князя Ивана Юрьевича (1483 г.) монастырь получаетъ людей съ пашнями и сѣножатями, съ данями грошовыми, медовыми, съ бобровыми гонами и всякими „приходы". Интересно подвести статистическіе итоги полученныхъ монастыремъ доходныхъ статей. Ему пожаловано 27 субъектовъ обложенія и въ томъ числѣ одинъ путный слуга, 17 „полныхъ службъ" тяглыхъ людей, среди нихъ старецъ и тивунъ и 9 данниковъ (среди данниковъ исчислены три отдѣльныхъ земли, вѣроятно, обслуживаемыхъ сосѣдними плательщиками); сверхъ того среди и тяглыхъ и данниковъ встрѣчаемъ людей похожихъ (9 чел.) и непохожихъ (9 чел.). Въ чемъ заключалась „полная служба" тяглыхъ, въ грамотѣ не сказано, за то подробныя свѣдѣнія даются о данникахъ: одни изъ нихъ даютъ только куницу, другіе—только одинъ медъ, третьи—медъ, хмель, гроши и „вари", нѣкоторые даютъ медъ, гроши, вари, накадные пенязи и еще особую дань „за борть". Размѣры всѣхъ этихъ даней для каждаго плательщика показаны различными. Нѣкоторые плательщики при этомъ являются простыми арендаторами—оброчниками и платятъ только оброкъ: „Данилко, монастырскій же данникъ давалъ полконы грошей намъ позема, што *селищо наше пашетъ*; и мы тую полконы грошей монастыру жъ дали... Даниловичы— пять грошей позема съ пономаревы пашни; и мы тую пять грошей монастыру жъ дали"; тутъ же и одинокая подлазная земля, съ которой идетъ кадь меду. Таковы дани и платежи населенія, отданнаго княземъ монастырю. Но кромѣ этого грамота поясняетъ, что монастырскіе люди впредь освобождаются и отъ княжескихъ даней и повинностей: „на наше дело ни на которое тымъ людемъ не ходити ни зъ сохою, ни з косою, ни съ серпомъ, ни съ топоромъ, ани подводъ въ тыхъ людей наимать, а дачъ на насъ въ нихъ никоторыхъ не имать: ни серебщизны, ни подымщины, ни ямщины, никакихъ метовъ не метати, ани вещого, ни померного, ни подводного—никакихъ пошлинъ нашымъ заказникомъ съ тыхъ людей монастырскихъ не имать" [1]). Зна-

---

[1]) Эта грамота помѣщена въ Актахъ Зап. Россіи, I, p. 102 и въ Актахъ Метрики Литовской, изданныхъ проф. Леонтовичемъ (вып. I), но въ обоихъ изданіяхъ текстъ очень неисправенъ. Пользуемся спискомъ Метрики Литовской (Книга Судныхъ Дѣлъ Литов., VIII, л. 190—193).

читъ, населеніе, сообразно своимъ службамъ, исполняетъ и только что перечисленныя повинности и сборы, разные „меты“, сверхъ окладовъ, поименованныхъ при каждомъ плательщикѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ другихъ грамотахъ мстиславскіе князья обычно перечисляютъ тѣ же повинности и дачи и въ другихъ мѣстностяхъ княжества рядомъ съ нѣкоторыми другими; такъ упоминается еще тамщина, толоки, ловы, какъ повинность всѣхъ людей, посощина [1]), подымщина [2]); изъ сборовъ встрѣчаемъ вѣсчее, помѣрное, повозное и другія „пошлины“ [3]); на княжеское дѣло выходили съ косою, серпомъ, къ перерубу и проч. [4]).

Мстиславское княжество не составляло исключенія въ ряду другихъ русскихъ земель. Въ предѣлахъ Смоленской земли, къ которой раньше принадлежалъ и Мстиславль, великимъ княземъ Александромъ пожалована кн. К. Крошинскому волость Бѣлицкая съ дворомъ Болваницкимъ. Часть „селецъ“ на пожалованной территоріи населено людьми, которые „не маютъ пашни ничого, дано имъ было дворное пашни немного“. Часть людей сидитъ на „вроцѣ“—оброчники; оброкъ одного изъ нихъ состоитъ въ платежѣ четырехъ колесъ, другихъ въ дачѣ медомъ. Тутъ же въ Болваничахъ встрѣчаемъ и конныхъ слугъ, одни изъ нихъ сидятъ на дворной землѣ. Въ Болваницкомъ дворѣ всѣ люди „волныи, а даней и пошлинъ съ нихъ нѣтъ никоторыхъ“,—конечно, кромѣ указанныхъ оброчныхъ платовъ, не составлявшихъ пошлинъ. Въ Бѣлицкой волости живутъ слѣдующія категоріи подданыхъ: тяглецы непохожіе, вольные люди и слуги конные; тяглецы даютъ дань грошовую и медовую [5]). Итакъ, несмотря на близкое сосѣдство съ мстиславскими волостями, въ послѣднемъ случаѣ встрѣчаемъ большое различіе въ „пошлинахъ“ подда́ныхъ [6]).

---

[1]) А. З. Р., II, p. 29.

[2]) А. З. Р., I, p. 60.

[3]) А. З. Р., I, 56, p. 60.

[4]) Кн. Зап. Лит., XLI. л. 156, грам. 1443 г.

[5]) Кн. Зап. Литов., VI, л. 112 (у Любавскаго въ прилож. № 2).

[6]) Въ Смоленской землѣ встрѣчаемъ еще дани: грошовую, медовую, посощину, подымщину, тамщину (А. З. Р., I, p. 29), работы хоромъ, „неводъ на озерехъ нашихъ тягнуть“, гроши въ казну даютъ (ibidem, p. 26), куницы, пиво, жито (А. Лит.-рус. гос., I, 89), платъ корабельниками и служба тяглая (ibidem, 129, ср. p. 136), весчее, вставное, хмель (ibidem, p. 135). Въ сосѣднемъ Брянскомъ повѣтѣ: медъ, ловчее, „соколъ на городъ“, поголовщина (ibidem, 78). Ср. дани въ Полоцкѣ (ibidem, p. 122).

Но для нашей цѣли наилучшимъ объектомъ наблюденія является люстрація Кіевской земли 1471 г., составленная сейчасъ по уничтоженіи удѣла и при переходѣ княжества въ управленіе центральной администраціи [1]). Эта люстрація даетъ возможность познакомиться съ хозяйствомъ удѣльнаго княженія почти на всемъ пространствѣ удѣла; такимъ образомъ мы можемъ узнать въ деталяхъ весь строй повинностныхъ отношеній на удѣльно-княжескихъ земляхъ. Эти земли переходятъ въ завѣдываніе центральнаго правительства какъ разъ въ такое время, когда хозяйственныя условія не подверглись значительнымъ измѣненіямъ и—даже болѣе того—вѣрнѣе всего представляютъ собою остатки глубокой старины. Наконецъ, и въ самой люстраціи немало ссылокъ на старину зарегистрованныхъ въ ней повинностныхъ отношеній, при чемъ населеніе заноситъ свой протестъ противъ всякой „новины".

Люстрація Кіевской земли 1471 г. представляетъ собою хорошій образчикъ разнообразія налоговыхъ отношеній податного класса. Изъ 40 съ лишнимъ городскихъ и сельскихъ поселеній, весьма незначительныхъ по размѣрамъ (отъ 1-го человѣка до 55 въ селеніи), очень мало такихъ, которыя имѣютъ населеніе, обязанное однородною податью или службою или, наконецъ, состоящихъ изъ одного разряда людей: на всякомъ шагу различіе въ качествѣ и количествѣ даней, различіе въ отношеніи разрядовъ населенія. Для того, чтобы понять, насколько велико это разнообразіе, я приведу числовыя отношенія, показывающія количество лицъ различнаго разряда и службъ, которыя они несли.

Внизу общественной лѣстницы стоитъ челядь невольная при господарскихъ дворахъ. Она весьма немногочисленна: такъ, въ Чудновѣ ея 6 человѣкъ (съ дѣтьми), въ Житомирѣ 7 челов., въ Костешевѣ—6 челов., въ Грежанахъ—6 челов.,—всего 25 человѣкъ. Затѣмъ слѣдуютъ голтяи и поляницы—люди, не держащіе земли; ихъ 13 челов.; часть ихъ даетъ подымщину, другая—нѣтъ. Далѣе слѣдуютъ люди тяглые; низшій разрядъ ихъ—люди при дворахъ (17 челов.), работа и дань ихъ не обозначена, но, вѣроятно, это та же челядь, посаженная на землю.

---

[1]) О времени составленія люстраціи ср. замѣчанія М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ предисл. къ ч. VII т. II Архива Юго-Западной Россіи.

Остальные по своимъ повинностямъ раздѣляются такъ:

Тяглые ничего не дающіе (вѣроятно, только отбываютъ работу)		—30
„	отбывающіе только толоки	8
„	„ толоки и дающіе подымщину .	18
„	„ работу и дающіе подымщину .	57
„	„ толоки и работающіе на городъ .	10
„	„ толоки, городовую работу и дающіе подымщину	9

Ясачники—въ сущности тѣ же тяглецы; хотя ихъ и немного (14 челов.), но и они разбиваются на 2 группы—на отбывающихъ тягло (3 челов.) и на работающихъ городовую работу и дающихъ въ то же время подымщину (11 челов.). Бортники служатъ „всякую службу" на городъ и даютъ дань. Среди ловцовъ (13 чел.)—одни обязаны только ходить въ ловы (9 челов.), другіе, кромѣ лововъ, даютъ еще и подымщину. Наконецъ, есть еще небольшой разрядъ куничниковъ (3 челов.), изъ которыхъ одни даютъ по 6 куницъ въ годъ, другіе—по 3 только. Одинъ разрядъ названъ прямо пахатными людьми; они даютъ только подымщину (18). Наконецъ, 1 человѣкъ сидитъ только на врокѣ. Разрядъ, собственно, данниковъ весьма разнообразенъ. Тутъ мы встрѣчаемъ:

данниковъ, дающихъ только дань медомъ . . .		10
„	„ дань и отбывающихъ толоки .	5
„	„ дань и подымщину . . .	3
„	„ дань, подымщину и болкуновщину .	27

Но размѣръ дани не одинаковъ. Къ нимъ нужно причислить данникомъ во дворѣ Грежаномъ и его приселкахъ, которые даютъ, въ разныхъ размѣрахъ, деньги, полюдье, куницы, медъ, воскъ, особые сборы ловчему, бобровнику, наконецъ, тивунщину (21). Такимъ образомъ 66 человѣкъ данниковъ находятся въ самомъ разнообразномъ отношеніи къ казнѣ.

Высшій слой населенія состоитъ изъ слугъ, обязанныхъ выходить на войну. Въ Кіевщинѣ, какъ на окраинѣ, ихъ особенно много (187), но и они въ повинностномъ отношеніи не однородны. Такъ среди нихъ различаются:

Слуги только выходящіе на войну		57
„	кромѣ войны платящіе подымщину . . .	48

Слуги	кромѣ воен. сл. платящіе подымщину и болкуновщину	29
„	кромѣ воен. сл. выходящіе въ ловы и дающіе подымщину	8
„	„ „ „ даютъ подымщину и болкуновщину	34
„	платящіе урокъ	10
„	дающіе только подымщину	1

Изъ этихъ повинностей подымщину слуги даютъ только разъ въ три года, если не ходятъ на войну, а если ходятъ, то и подымщины не даютъ; болкуновщину давали на пріѣздъ кн. Витовта, значитъ, вообще обязаны давать на пріѣздъ великаго князя. Ко всему этому разнообразію повинностныхъ отношеній слѣдуетъ прибавить, что часть сельскаго населенія еще не высидѣла воли и слѣд. не несла совсѣмъ никакихъ повинностей, наконецъ часть изъ слугъ должна была отбывать „новину", введенную кн. Семеномъ и состоявшую въ работахъ на ставахъ, косьбѣ сѣна и толокахъ.

Въ двухъ городахъ, описаніе которыхъ сохранила люстрація (Чудновъ и Житомиръ, о населеніи третьяго города Винницы свѣдѣнія не полны) жили слуги, тяглые люди и мѣщане; послѣдніе пашутъ землю съ платой по 20 грошей съ человѣка, кромѣ того ходятъ на толоку жать жито и косить сѣно; торгующіе въ корчмахъ обложены особо съ корчмы.

Я нарочно привелъ числа, чтобы въ числовыхъ отношеніяхъ яснѣе было видно разнообразіе повинностей и даней. Кромѣ собиранія даней, поплатковъ, надзора за службами населенія удѣльный князь велъ свое собственное хозяйство, при немъ тоже были особыя службы. Въ княжествѣ было нѣсколько дворовъ; при каждомъ есть челядь, волы, гуси, свиньи, пашня. Такіе дворы были въ Чудновѣ, Житомирѣ, а также въ Костешовѣ, Грежаной. Кромѣ челяди при дворѣ были еще „люди", т. е. тяглые. Но, впрочемъ, запашки не были многочисленны, такъ какъ въ Чудновѣ было 20 воловъ, въ Житомирѣ 15, въ Костешовѣ 8, въ Грежаномъ 8. При дворахъ есть ловчій и ловцы, бобровники. Бортный промыселъ отбывали двоякимъ способомъ: напр. въ с. Тетеревкѣ „гоны бобровыи два *наймомъ* гонивали осподарскимъ, а иные бортницы гонять у Чудновское волости". Далѣе упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ: „А въ томъ же селе пасека есть, а въ той пасеце 100 бчолъ", въ другомъ селе 104 пчолъ, въ третьемъ 45; такъ какъ эти пасеки

обозначены при селахъ, населенныхъ путными слугами, при чемъ ни съ слугъ за пасеки, ни доходовъ съ самыхъ пасекъ не обозначено, то, вѣроятно, это княжескія пасеки, его „накладомъ“ эксплуатируемыя. Въ нѣкоторыхъ селахъ были земли подлазныя. Къ этому хозяйству надо прибавить княжескіе ставы, такъ какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминается, что кн. Семенъ ввелъ на слугъ новину—заставилъ ихъ ставъ сыпать. Относительно пахатныхъ работъ слѣдуетъ добавить, что онѣ всѣ не могли отбываться челядью вслѣдствіе ея немногочисленности; въ помощь ей были люди тяглые; они употреблялись на косьбу, на работу съ топоромъ, хотя размѣры тягла и не упомянуты; да кромѣ того нѣкоторые данники и слуги отбывали толоки; нѣкоторыя толоки отбывались на „хлѣбѣ и медѣ“ господарскомъ. Въ княжескомъ хозяйствѣ преобладала добыча меда и воска. Это можно заключить изъ обширности княжескихъ пасекъ, но особенно изъ большого количества того разряда сельскаго населенія, который обязанъ былъ въ княжескую казну давать дань медовую—данниковъ. Послѣ слугъ—это самый многочисленный классъ населенія. Если судить по довольно значительнымъ размѣрамъ ихъ дани (до 10 ведеръ меда, кромѣ куницъ, полюдья, бобровничихъ, ключничьихъ, воска) и по тому, что нѣкоторые держатъ по двѣ данныхъ земли, можно сдѣлать заключеніе не только о величинѣ „даннаго“ дохода для княжеской казны, но и о зажиточности населенія—данниковъ. Для собиранія медовой дани былъ и особый слуга—ключникъ. Изъ другихъ даней, шедшихъ въ княжескую казну, отмѣтимъ полюдье, которое давалось иногда медомъ, иногда куницами, куница, грошовая дань, подымщина, болкуповщина, которая давалась на пріѣздъ великаго князя, слѣд. равнозначуща стаціи. Опредѣленіе дани зависѣло отъ тѣхъ ея размѣровъ, которые издавна установились на той или другой землѣ. Такъ извѣстный объемъ „данной“ земли несъ тѣ или другія обязанности и т. д. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ весь кругъ обязанностей и платежей съ извѣстной земли не могъ быть выполняемъ, напр. по отсутствію „отчича“ или по условіямъ самаго участка, земля пустѣла и тогда она эксплоатировалась „на вроцѣ“, т. е. за извѣстную, обыкновенно уменьшенную, сумму повинностей, являясь въ данномъ случаѣ добавочной доходной статьей для кн. дохода. Размѣры урока различны, напр. $1/2$ копы грошей, иногда „изъ третины“, иногда земля пускалась „на полазъ“—вѣроятно, тоже за опредѣленное вознагражденіе.

Городское населеніе въ повинностномъ отношеніи не отличается отъ сельскаго: оно пахало землю, за что платило деньгами или отбывало толоки въ жнитво и косьбу.

Не менѣе интересныя свѣдѣнія имѣются и о Пинскомъ княжествѣ. Въ грамотахъ послѣднихъ пинскихъ князей исчисляются разные повинности и сборы, шедшіе въ пользу князя. Такъ встрѣчаемъ большое разнообразіе сборовъ и повинностей, напр. служба на заставѣ, подъ воротами, облавы [1]), тяглую работу съ топоромъ и косою [2]), кормъ собакъ, ястреба [3]) и др.; изъ сборовъ: полюдье, медовый, грошовый [4]), татарщину, грошъ ловчій [5]), ленъ [6]), возъ, лагвицу, поборъ, бараны, лисицы, сѣно, утки, яйца, овесъ [7]) и пр.

Но наибольшій интересъ представляетъ собою ревизія Пинскаго староства, составленная въ пол. XVI в. Княжество къ этому времени прошло черезъ руки королевы Боны и поступило въ завѣдываніе господарскаго скарба въ качествѣ староства. Оно размѣрено на волоки, но ревизоры во многихъ селеніяхъ староства часто перечисляютъ старые удѣльно-княжескіе сборы. По этимъ замѣчаніямъ ревизоровъ можно составить ясное представленіе объ удѣльно-княжескомъ хозяйствѣ. И тутъ встрѣчаются уже знакомыя намъ черты. Надо замѣтить, что ко времени ревизіи въ вотчиныхъ повинностяхъ староства произошли существенныя измѣненія. Натуральные сборы переложены на деньги, равнымъ образомъ и повинности, въ томъ числѣ и самая важная изъ нихъ—барщина („пригонъ“); челядь и специальныя службы (за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ) переведены на осаду и несутъ общія платы. При такой переверсткѣ вотчинныхъ сборовъ многія повинности уже исчезли и подверглись нивеллировкѣ. Однако, ревизоры перечисляютъ до пятнадцати видовъ платежей и повинностей, переложенныхъ на деньги; всѣ они, несомнѣнно, очень стариннаго происхожденія. Составленная нами таблица [8]) дворищъ

---

[1]) Ревизія пущъ и пр., р. 72, 79, 85, 111, 114.

[2]) Ibidem, 285.

[3]) Ibidem, 340.

[4]) А. Ю.-З. Р., I, 23.

[5]) Ревизія, 330.

[6]) Ibidem, 340.

[7]) Ibidem, р. 130, 296.

[8]) Настоящая таблица составлена на основаніи второго тома писцовой книги Пинскаго староства, изданной Виленской Археогр. Коммиссіей.

Считаемъ нужнымъ замѣтить что количество дымовъ при нѣкоторыхъ дво-

на старомъ обложеніи ясно показываетъ не только разнообразіе сборовъ, но и отрицательныя стороны обложенія. Изъ многочисленныхъ сборовъ только полюдье, сѣно, овесъ и писчее (послѣднее, очевидно, сборъ на администрацію, перешедшій въ княжескую казну) могутъ быть признаны всеобщими, такъ какъ уплатою ихъ обязаны всѣ дворища. Однако, и эти сборы падаютъ неравномѣрно и имѣютъ не одинаковый объектъ. Писчее берется съ дыму, но полюдье, сѣно и овесъ съ дворища. Небольшое число случаевъ уменьшенія полюдья или уменьшенія и увеличенія сѣннаго сбора, повидимому, идетъ съ полудворищъ или двойныхъ (сѣнной сборъ). Размѣръ нѣкоторыхъ сборовъ является фиксированнымъ внѣ зависимости отъ объектовъ обложенія, таковы посощина и лагвица. Основной платъ первой—20 грошей, а второй—21. Нѣкоторыя дворища платятъ полъ-посощины или полъ-лагвицы, другія—двойную, полуторную. Однако, уменьшеніе или увеличеніе ихъ стоитъ внѣ зависимости ни отъ размѣровъ дворищъ, ни отъ количества дымовъ. Относительно другихъ сборовъ (воза или повоза—полагаемъ, что это одно и тоже), побора, прибора, лисицъ, барановъ и пригона, то ни откуда не видно, чтобы они представляли собою опредѣленныя по размѣрамъ подати (за исключеніемъ, можетъ быть, пригона, уменьшеніе и увеличеніе котораго повидимому, всегда пропорціональны). Очевидно, размѣръ ихъ установился съ того или иного дворища случайно. Такимъ образомъ, только небольшое число сборовъ имѣетъ опредѣленный размѣръ при объектѣ обложенія—дворищѣ. Другіе, хотя падаютъ на тотъ же объектъ, но, повидимому, не имѣютъ его въ виду, какъ опредѣленную единицу обложенія, но наросли, въ томъ или иномъ размѣрѣ, случайно, путемъ обычая.

Но само дворище, какъ единица обложенія, вовсе не представляла собою однородной величины. Ревизоры измѣрили дворища и показываютъ занимаемое ими пространство въ волокахъ; количество писчаго даетъ понятіе о числѣ дымовъ дворища. Оказывается, что

рищахъ не показано. Но такъ какъ писчее вездѣ взималось по 2 гроша съ дыму, то тамъ, гдѣ не показано число дворовъ, нами поставлено число ихъ на основаніи размѣра писчаго. Думаемъ, что тутъ ошибки нами не сдѣлано, такъ какъ писчее очень устойчивый сборъ.

Всѣ дворища, по новому обложенію даютъ еще овесъ, обычно въ старой нормѣ, но иногда бочка овса, вслѣдствіе плохаго грунта, разцѣнена въ 5 грошей. Сборъ овсомъ въ нашей таблицѣ не показанъ.

на одномъ дворищѣ находится отъ одного до трехъ дымовъ, но иногда пять, даже десять и двадцать три. И это вовсе не зависитъ отъ количества земли подъ дворищемъ (пахатной и выгонной): размѣръ его колеблется отъ нѣсколькихъ морговъ до 20 волокъ. Таковъ былъ характеръ обложенія въ Пинскомъ княжествѣ.

Выше былъ приведенъ рядъ фактовъ, изображающихъ тѣ повинностныя отношенія, которыя заставало литовско-русское правительство въ различныхъ частяхъ государства на земляхъ, составившихъ добра земскія и господарскія. Количество подобнаго рода фактовъ можно было бы еще значительно увеличить, хотя едва ли въ этомъ настоитъ какая нибудь надобность. Можно обратить вниманіе только на то, что въ частныхъ хозяйствахъ (не удѣльно-княжескихъ и не велико-княжескихъ) воспринимались тѣ же древніе сборы, но нѣтъ нужды опираться на примѣры частнаго хозяйства, такъ какъ здѣсь, на ряду съ древними сборами, легко развивались и новые. Далѣе въ положеніи частно-владѣльческихъ имѣній находились и тѣ земскія добра, которыя составляли должностные лены воеводствъ и старостствъ: реформы центральнаго правительства не касались этихъ имѣній. Ниже намъ еще придется заняться обзоромъ повинностныхъ отношеній этихъ добръ. Но во всякомъ случаѣ сказаннаго уже достаточно для слѣдующихъ общихъ замѣчаній. Литовско-русское правительство застало весьма разнообразныя тягловыя отношенія въ тѣхъ земляхъ, которыя перешли въ завѣдываніе господарскаго скарба. Различіе заключалось въ томъ, что классы сельскаго общества оказались въ весьма неодинаковомъ тягловомъ отношеніи къ скарбу. Верхи этого класса—боярство, слуги (слуги и служки, слуги панцырные и путные) несли на себѣ земскую службу, составляли привиллегированныя группы среди другихъ тяглецовъ. Далѣе, встрѣчаемъ рядовыхъ плательщиковъ въ видѣ данниковъ, дякольниковъ, тяглыхъ людей, наконецъ, полусвободныхъ и несвободныхъ, въ родѣ коминницевъ, коланныхъ и пр. Разряды эти (по крайней мѣрѣ, большинство ихъ) не представляютъ собою мѣстныхъ элементовъ. Такъ данниковъ можно встрѣтить на территоріи всего государства, путныхъ слугъ,—тоже, тяглецовъ—тоже. Нѣкоторые разряды, впрочемъ, составляютъ преобладающій мѣстный элементъ; таковы, напр. дякольники для литовскихъ областей, слуги—для южныхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что повинностныя отношенія дворовыхъ службъ отличаются полнымъ разнообразіемъ. „Платы“ и повинности отличаются тоже раз-

нообразіемъ. Есть повинности, встрѣчающіяся по всему государству (напр. подводная, стацийная, кормы на администрацію). Изъ „платовъ“ нѣкоторые принадлежатъ только извѣстнымъ областямъ; напр., посощина встрѣчается въ Смоленскихъ областяхъ и въ Пинскомъ княжествѣ, подымщина—въ Смоленскихъ, Кіевскихъ и Волынскихъ областяхъ, серебщина—въ Литовскихъ и Смоленскихъ и т. п. Объектомъ обложенія служитъ сложный комплексъ поземельныхъ угодій—дворище или служба, слѣдъ и т. п., но они различны по величинѣ и по задачамъ практикуемаго въ нихъ хозяйства (преобладаетъ то пахатное, то промысловое хозяйство), отчего и обложены неравномѣрно.

Въ такомъ положеніи заставало центральное правительство повинностныя отношенія въ земляхъ, составлявшихъ весь объемъ добръ господарскихъ и земскихъ. Очевидно, что если для хозяйства удѣльнаго князя или частнаго владѣльца не трудно было услѣдить за разнообразіемъ повинностныхъ отношеній его подда́ныхъ, но для скарба такая задача почти не выполнима и, во всякомъ случаѣ, разнообразіе платежей и повинностей оказывалось весьма невыгоднымъ въ смыслѣ контроля надъ мѣстной администраціей. Отсюда вытекала необходимость устройства и администраціи и самого обложенія на такихъ условіяхъ, чтобы то и другое было легко контролируемо и занятыя подда́ными земли давали бы наибольшій доходъ. Въ этомъ отношеніи разнообразіе вотчинныхъ сборовъ и объектовъ обложенія подсказывало необходимость ихъ нивеллировки. Завершеніемъ этого процесса нужно считать повсемѣстное введеніе волочной системы, что произошло только къ къ концу XVI и началу XVII вв. Разумѣется, процессъ этотъ не стоялъ одиноко, но былъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ и съ постепеннымъ развитіемъ финансовыхъ теорій XVI в. и съ соціально-экономическимъ переворотомъ, совершившимся въ этомъ столѣтіи. Здѣсь намъ придется коснуться указываемаго процесса лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ этомъ разнообразіи, которое создалось путемъ обычая, были однако нѣкоторыя общія черты, которыя помогали скарбу пролагать путь къ извѣстнаго рода однообразію въ обложеніи. Прежде всего правительство оставляло извѣстные поборы въ пользу мѣстной администраціи; эти поборы слагались изъ двухъ частей—изъ кормовыхъ сборовъ на ея содержаніе и изъ оплаты за исполненіе разныхъ административныхъ функцій. Только весьма немногіе изъ такихъ сборовъ,

какъ тивунщина, поступали въ скарбъ. Количество доходныхъ статей, за которыми слѣдилъ скарбъ, слѣдовательно, значительно съуживалось. Но и тутъ скарбъ встрѣчался съ разнообразіемъ мѣстныхъ названій сборовъ и способовъ обложенія. Однако среди сборовъ легко замѣтить подавляющее значеніе натуральныхъ, при чемъ предметъ уплаты несомнѣнно характеризуетъ и субъектъ или объектъ обложенія. Затѣмъ слѣдуютъ денежные сборы подъ разными названіями. Наконецъ, необходимо остановиться на одной особенности въ способахъ обложенія, которая для скарба, въ его стремленіяхъ уловить доходы, имѣла немаловажное значеніе. Регистраціи платежей и повинностей помогалъ принципъ, проходящій черезъ всю вотчинную (и отчасти государственную) податную систему дореформеннаго хозяйства. Онъ заключался въ томъ, что извѣстный объемъ повинностей и платежей былъ связанъ не съ субъектомъ обложенія, а съ объектомъ, т. е. съ землей. Это несомнѣнно очень древняя черта, плотно укоренившаяся въ міровоззрѣніи литовско-русскаго общества, такъ что правительство въ своей нивеллирующей дѣятельности очень осторожно относилось къ этому принципу, находясь до половины XVI столѣтія и само подъ его вліяніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ актахъ легко можно найти многочисленные факты, подтверждающіе, что повинности, вообще всякаго рода служба лежали на землѣ. Такъ, Ивашко Романовичъ, прося о подтвержденіи купленныхъ имъ у бояръ земель, заявляетъ королю, что „тыи земли боярские а не тяглые“ [1]), чѣмъ и опредѣляется его будущая служба съ этихъ земель. Вотъ почему мы постоянно встрѣчаемъ въ актахъ опредѣленіе земли, указывающее на характеръ идущихъ съ нея повинностей: боярщина (даже во второй половинѣ XVI в.) [2]), селища боярскія [3]), земли боярскія [4]), дѣлянка боярская [5]); иногда съ подчеркиваніемъ, что земля боярская, но не дякольная [6]) или не данная, не тяглая [7]) селище не тяглое и не данное [8]); встрѣчаемъ и оттѣнки различныхъ

---

[1]) Кн. Запис. Лит., V, л. 11 об.

[2]) Кн. С. Д. Лит. XLIV, л. 134, Кн. Зап. Лит. LXXII, л. 118 об.

[3]) Леонтовичъ, Акты, № 6.

[4]) Ibidem, №№ 301, 409.

[5]) Ревизія пущъ, р. 292.

[6]) Леонтовичъ, о. с., № 185.

[7]) Ibidem, №№ 42, 50, 106.

[8]) Ibidem, № 44.

земскихъ службъ, установившіяся за землей: село не тяглое, но путное [1]), село панцырное, а не тяглое,—не данное и не посошное [2]) село щитное [3]), дворища служебныя, но не тяглыя [4]); опредѣленіе—„земли не велики суть дякольныи“ [5]), или встрѣчаемъ земли конюшскія [6]), конокормскія [7]), бортныя [8]), или — „тая земля лейтская“ [9]) и т. д. Массу аналогичныхъ выраженій актовъ представляетъ намъ книга земельныхъ раздачъ Казимира: она строго держится понятія о повинностномъ значеніи земли. Бывали случаи, когда у короля выпрашивали, напр., боярскую землю подъ видомъ конокормской и проч. [10]). И это вовсе не значитъ, что на данной землѣ сидитъ то или иное лицо и что поэтому она и носитъ служебное положеніе субъекта. Такъ, ключникъ Андрей проситъ о землѣ, при чемъ „поведалъ намъ—говоритъ господарь въ жалованной грамотѣ, — што жъ тое имѣнье *изъ вѣка боярское*, а не тяглое“,—и король даетъ свой листъ: „ино коли тое имѣнье изъ вѣка боярское, а не тяглое... нехай онъ тое имѣнье держытъ... со всимъ..., а намъ съ того имѣнья служитъ“ [11]). Конечно, и будущая служба будетъ боярской же. Не менѣе убѣдительно и то, когда встрѣчаемъ извѣстіе о пустовской землѣ съ опредѣленіемъ ея служебнаго положенія: съ пустовской земли, напр., тяглая служба „бывала“ [12]), или конюхи марковскіе жалуются на своего державцу за то что „земли деи ихъ пустовскии конюшскии волостнымъ людемъ раздаетъ“ [13]). Отсюда понятны условія дачъ той или иной земли на прежней службѣ [14]), вообще стремленіе правительства удержать прежнее служебное назначеніе земли [15]); иногда для вы-

---

[1]) Ibidem, № 344.

[2]) Ibidem, № 403.

[3]) Ibidem, № 118.

[4]) Arch. ks. Lub-Sang. III, p. 8.

[5]) Кн. Зап. Лит., V, л. 7. Ср. Леонтовичъ, № 97.

[6]) Ibidem, № 52.

[7]) Ibidem, №№ 194, 308.

[8]) Ibidem, № 239.

[9]) Кн. Зап. Лит., V, л. 20.

[10]) Леонтовичъ, Акты, № 257.

[11]) А. З. Р., I, р. 72,

[12]) Документы Моск. Арх. М. Юст., I, 116.

[13]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 166 об.

[14]) Напр. псарецкая земля—дядковщина подтверждается наслѣднику-племяннику на псарецкой же службѣ. Кн. Зап. Лит., XII, л. 162 об.

[15]) Вотъ, напр., какое условіе ставитъ король Казимиръ при пожалованіи земли: „Просилъ оу насъ чашникъ нашъ Стирнѣль землици конокормьское оу Крев-

ясненія характера службы земли производилось цѣлое дознаніе [1]). Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ слѣдующій фактъ. Восемь службъ жижморскихъ имѣли тяжбу съ Ѳед. Сопегой: „выпросилъ дей насъ за тяглыхъ людей, а мы бояре“—жаловались они. Сопега доказывалъ, что въ господарской данинѣ эти люди названы тяглыми и представилъ „списокъ“ отъ приставовъ жижморскихъ, по которому значится, что жалобщики „службою тяглою служатъ и дякло даютъ“ и приводитъ размѣръ ихъ службъ. Очень замѣчателенъ отвѣтъ истцовъ: „мы *з отчизны своее* никоторое иншое службы не служивали, ани дякла дaивали, только скарбу господарского стережемъ, а на войну ездимъ и городъ у Троцехъ посполъ з иншими бояры робимъ; а што жъ онъ менуетъ, ижъ мы дякло даемъ и сохою а з бороною ходимъ,—правда есть, ижъ еще дедомъ нашымъ придалъ король его милость Казимеръ *землю пустовскую тяглую*..., которую жъ есмо розделили межи собою, и теперь з нее служымъ“ на тяглой службѣ и даютъ съ нее дякло. Положимъ, судъ въ концѣ концовъ отказалъ жалобщикамъ въ искѣ [2]), но тутъ для насъ интересенъ тотъ фактъ, что возможно было сосредоточеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ земли, различной въ повинностномъ отношеніи. Нельзя не отмѣтить также всей сложности самаго процесса разслѣдованія повинностныхъ свойствъ каждаго клочка земли.

Дѣйствительно съ различной въ повинностномъ отношеніи земли шли и различныя службы независимо отъ соціальнаго положенія субъекта владѣнія. Одна община рогатинниковъ держитъ службу рога-

---

скомъ повѣте на имя Кгирьятовы, а повѣдалъ намъ, што жъ деи пуста, тотъ дей Кгирьятъ оумеръ, а сыновѣ держали тую землю и прочъ пошли. Ино будетъ ли тая земля пуста а отчичовъ не будетъ на той земли, и мы ему тую землю Кгирьятову дали. А коли отчичи прийдуть, тогды маютъ свою землю взяти и намъ служити“. Кн. Переп. Корон., XXVII, л. 16.

[1]) Приведемъ слѣдующій фактъ: мѣщанинъ смоленскій Левонъ Величковичъ выпросилъ у короля Александра людей Кишкиныхъ,—„выпросилъ отчыну ихъ и ихъ самихъ“..., „повѣдаючы ижъ бы они были псарцы и сѣло псарецкое держатъ“. По приказанію короля Сигизмунда I воевода троцкій Миколай Миколаевичъ производилъ дознаніе. Кишкины говорили: „ижъ они службу служатъ панцѣрную“... „а тые люди к тому ся не знали, ижъ бы с того села псарецкая служба бывала“. Тогда истецъ поставилъ передъ воеводою ловчихъ смоленскихъ, которые показали: „што жъ дедъ ихъ Кишка былъ подъ рукою ловчого, звѣръ сочывалъ, а службу дей съ того села панцырную служывалъ, а псарецкое службы не служывалъ“, признаны панцырными. Кн. Зап. Лит., VIII, л. 287.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, 213—215.

тинную, бобровые гоны и псарецкую землю и за всѣ эти земли несетъ особыя службы [1]). На отчизнѣ панцырнаго боярина лежитъ обязанность „въ ловы ходити"; онъ же получаетъ въ придачу къ отчизнѣ тяглую землю на конной службѣ, но съ особымъ освобожденіемъ отъ тягла [2]). Бояринъ „приубожалъ", уходитъ къ помѣщику и садится на тяглую службу и несетъ тягло [3]), или садится на куничной землѣ [4]). Такимъ образомъ, субъектъ владѣнія не переноситъ своего соціальнаго положенія на землю [5]). Достаточно привести слѣдующій примѣръ. Дорсунишскій подданый Гр. Ромашковичъ скупилъ рядъ боярскихъ земель и просилъ о подтвержденіи ихъ на вѣчность; король подтвердилъ, но, конечно, на службѣ земской [6]). Олехно Глазына, окольничій смоленскій, получаетъ село на панцырной службѣ [7]); конечно, по своему соціальному положенію въ землѣ, онъ лично не несъ панцырной службы. Иногда грамоты даже обусловливаютъ, чтобы жалуемое лицо не „привлащило" земли, не вывело ее изъ того повинностнаго состоянія, въ которомъ она жалуется; такъ иногда бывало по отношенію къ землямъ, переходящимъ къ духовенству [8]). Для перехода земли изъ одной службы въ другую требуется каждый разъ особое разрѣшеніе верховной власти. Бояринъ беретъ себѣ въ жоны „дѣвку", наслѣдницу тяглой отчины, но чтобы не сдѣлаться тяглецомъ, проситъ о разрѣшеніи держать эту землю на земской службѣ [9]). Панцырный бояринъ Наршоновичъ купилъ землю у витебскихъ псарцовъ и проситъ короля объ утвержденіи за нимъ ее, но на земской службѣ [10]). На господарскихъ земляхъ подъ Рудо-

[1]) Кн. Суд. Д. Л., XXXV, л. 413.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 134 об.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, 220.

[4]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 139

[5]) Земянинъ, сѣвшій на тягло, несетъ и тяглую службу. Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, р. 625. Тоже Кн. Зап. Лит., XVI, л. 134.

[6]) „Воленъ онъ будетъ тую куплю свою отдати, продати и запродати и заменити и на костелъ записати... нижли маетъ онъ самъ съ той купли службу *земскую* конно збройно намъ служити". Кн. Зап. Лит., XXIV, 202 об.—203.

[7]) Вил. Арх. Сб. III, р. 1, 2.

[8]) А. З. Р., I, № 160.

[9]) „Ино кгдыжъ онъ тую девку понялъ з дозволеньемъ его а будетъ ли то земля тяглая, отчызна ее,... нехай онъ тую землю отчызну жоны своее держыть до воли нашое, а намъ съ нее службу земскую служыть". Кн. Зап. Лит., XII, л. 206 (1524 г.).

[10]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 431.

миною лежала повиность косьбы сѣна, и акты упоминаютъ объ очень извѣстныхъ лицахъ, получившихъ земли въ Рудоминѣ и обязанныхъ высылать на эту службу людей, пока господарь не освобождалъ ихъ спеціальнымъ привилеемъ [1]).

Вообще факты перехода земли изъ однѣхъ повинностей въ другія весьма разнообразны [2]); обычно, конечно, переводятъ изъ низшихъ службъ на высшія. На переводъ всегда требуется разрѣшенія господаря, какъ для вновь жалуемыхъ земель, такъ и для купленныхъ; иногда господарь самъ, давая кому нибудь землю, переводитъ ее на тѣ повинности, которыя несло жалуемое лицо. Такое разрѣшеніе уже является особою „ласкою" господаря. Такъ когда бояринъ Юхно Болгариновичъ купилъ у разныхъ людей въ Витебской землѣ села боярскія, путныя и тяглыя, то король позволилъ ему служить со всѣхъ своихъ купленныхъ земель земскую службу: „а пошлинъ и подачокъ, што будетъ передъ тымъ съ тыхъ земль хоживало, не надобе ему знати" [3]). Это переводъ купленной земли [4]). Но по челобитью могли быть переведены и отчизныя земли; такъ, напр., отчизны нѣкоторыхъ витебскихъ конюховъ переведены на путную службу [5]), сокольницкая

---

[1]) Воевода подляшскій Янъ Костевичъ, купивъ у рудоминскаго боярина земли, просилъ объ освобожденіи отъ косьбы сѣна. Кн. Зап. Лит., XII, л. 9. О томъ же бьетъ челомъ секретарь латинскій панъ Венцлавъ Миколаевичъ: „штожъ которые пашни свои масть онъ въ повете Рудоминскомъ, яко данину нашу и куплю, такъ и по жопе своей, абыхмо его съ тыми его пашнями выволили отъ кошенья сенажатей двора нашого Рудоминского, которыи косять бояре тамошнии". Кн. Зап. Лит., XX, л. 33 (1537 г.). (Тоть же документъ въ Кн. Зап. Лит., XXI, л. 175). Ср. еще Кн. Зап. Лит., XII, л. 401: Бояре Клименсовы Виленскаго повѣта били челомъ господарю: „поведили перед нами, штож дей они с того именья своего Климентова завжды у годъ посылали две косе сено косити до двора нашого Рудоминского" посылають и просятъ, „абыхмо имъ тые две косе отпустили".

[2]) Приведемъ еще одинъ-другой примѣръ. Бояринъ полоцкій Петровичъ купилъ у людей тяглыхъ Полоцкаго повѣта ихъ земли „звечныи" „и куплю ихъ въ Даниловичахъ обель вечно", представилъ на то листъ купчій и просилъ короля— „абыхмо дали ему нашъ листъ и велели быхмо ему с того службу панцырную служити". Король подтверждаетъ: „тяглыхъ службъ нѣкоторыхъ вжо не надобе (с) тыхъ земль служити" (Кн. Зап. Лит., VIII, л. 171). Люди Мощенцы освобождены кор. Александромъ отъ тягла и посажены на конную службу (Кн. Зап. Лит., XVII, л. 31). Ср. еще въ Кн. Зап. Лит., XI, л. 51 об. и 51 об. и др.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 150.

[4]) См. еще напр. Леонтовича Акты, № 442.

[5]) Витебскіе конюхи били челомъ: „перво сего служивали намъ *съ отчизнъ своихъ* службою конюшскою, а теперь хотятъ намъ службою путною конно а збройно *съ тыхъ своихъ отчизнъ* служити, абыхмо съ тое службы конюшское ихъ вызво-

земля на земскую боярскую [1]), съ сокольницкой на панцырную [2]), съ панцырной на земскую [3]), съ машталерской на земскую же [4]). Конечно, какъ мы уже указали, могло послѣдовать и прямое пожалованіе земель съ измѣненіемъ ихъ повинностей, напр. господарь даетъ псарецкія земли на военную службу мѣщанамъ [5]) и т. п. Указанный взглядъ на землю вовсе не исключалъ такой возможности, когда ея обладатель переходилъ въ другой разрядъ и переводилъ за собою и землю. Если тяглый человѣкъ получалъ освобожденіе отъ тяглыхъ повинностей, то для перехода его тяглой земли на оную службу необходимо опять таки пожалованіе господаря. Такъ Витовтъ освободилъ нѣкоего Яновича за его службу „въ нѣмцахъ" „со всихъ служебъ и потяглей и дачокъ" и далъ свой листъ на службу „доспѣхомъ а конемъ"; въ 1496 г. однообщинники вздумали привлечь внуковъ Яновича въ тяглыя повинности, но великій князь освободилъ ихъ [6]).

Факты, устанавливающіе мотивы перехода земли изъ одной службы въ другую, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и пути, по которымъ земля выходила изъ низшихъ разрядовъ службы въ высшіе и такимъ образомъ мѣняла свои служебныя свойства. Выше были указаны факты, относящіеся къ землѣ, уже ранѣе пріобрѣвшей тѣ или иныя служебныя свойства. Но не трудно себѣ представить и то, какимъ образомъ тотъ или иной клочекъ земли впервые пріобрѣталъ свои служебныя свойства. Прежде всего при занятіи никому не принадлежавшей земли тотъ, кто ее занималъ,—и налагалъ на нее то или иное тягло, конечно въ силу своихъ личныхъ правъ. Если землю занималъ тяглый человѣкъ или данникъ, ловецъ, то земля становилась данной, тяглой, ловецкой. Такъ напр. пани Олена Кезгайлова получаетъ отъ кор. Казимира сѣножати, которыя „изъ вековъ не были ни за кимъ" [7]), или Вежгайло получаетъ озеро Преподы, на которомъ „неводъ княжий

лили, а тую службу путную имъ казали служыти". Кн. Зап. Лит., XVII, л. 47 об. (1531 г.). Ср. еще Кн. Зап. Лит., XIV. л. 234.

[1]) Сокольникъ Сташко служилъ съ земли сокольницкую службу и „билъ намъ чоломъ, абыхмо съ тое службы сокольницкое вызволили и *тые земли* на службу боярскую земскую ему дали". Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 117 об. (1541 г.).

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 149.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 282.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 140 об.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 457 об.

[6]) Акты Лит.-рус. гос., I. 65—66.

[7]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 38.

не хаживалъ“ [1]). Или, напр., бояринъ выпрашиваетъ у великаго князя „блудящихъ“ людей [2]), т. е. не несущихъ никакихъ повинностей и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ очевидно, что жалуемый повлечетъ за собою полученную землю или людей въ тотъ служебный разрядъ, къ которому принадлежитъ онъ самъ.

Приведенные факты устраняютъ всякое предположеніе о томъ, что лицо, обладавшее землею, переводило ее въ присущія ему повинностныя отношенія къ государству; источники слишкомъ опредѣленно говорятъ о служебныхъ свойствахъ земли и о связи съ нею повинностей ея владѣльцевъ. Правда, разсматриваемый принципъ составляетъ остатки міровоззрѣнія древнѣйшаго періода, и потому онъ исчезаетъ по мѣрѣ выработки сословныхъ отношеній. Но для насъ именно и важно установить здѣсь исконность разсматриваемаго явленія, такъ какъ впослѣдствіи намъ придется наблюдать надъ постепеннымъ его исчезновеніемъ и замѣной новыми соціальными взглядами. Обычно-правовой взглядъ, видѣвшій въ землѣ источникъ повинностей, велъ къ тому, что на извѣстномъ пространствѣ земли лежала совокупность всѣхъ поплатковъ и повинностей, шедшихъ въ пользу вотчинника или государя. Это и была служба, шедшая съ земли. Отъ этого и земля обозначалась именемъ той службы, которая съ нея шла; эпитетъ этотъ опредѣляетъ только основную повинность держателя, потому что рядомъ съ нею онъ несетъ и другія повинности и поплатки, которыя тянутъ къ службѣ. Понятіе земли, какъ единицы обложенія, было весьма неопредѣленно. Прежде всего она не носила даже одного общаго названія. Вѣроятно, наиболѣе древнимъ терминомъ окладной единицы и, можетъ быть всеобщимъ, надо признать „землю“, „землицу“. Въ древнѣйшихъ актахъ это названіе встрѣчается гораздо чаще *другихъ* и весьма распространено было даже въ началѣ XVI в. Акты знаютъ „землю“, „землицу“ именно какъ объектъ обложенія [3]). При этомъ подъ „землей“ разумѣлась не только пашня, но и вся совокупность хозяйственныхъ или охотничьихъ угодій [4]). „Земля“, „землица“, можетъ быть признана болѣе или менѣе общимъ терминомъ служебной единицы въ Литовско-русскомъ госу-

---

[1]) Ibidem, p. 15.
[2]) Ibidem, 536.
[3]) Любавскій, о. с., р. 441.
[4]) Леонтовичъ, о. с., р. 25.

дарствѣ. Совершенную аналогію ей представляютъ мѣстныя названія. Такъ въ Смоленской области, въ старинныхъ Сѣверскихъ городахъ и другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ такое же значеніе единицы обложенія имѣли *село, сельцо, селище* [1]). Это были тоже небольшія пространства населенной земли съ тягнувшими къ ней угодьями, занятыя крестьянской семьей, несшей „зуполную“ службу. На Волыни, Пинщинѣ и въ Подляхіи то же значеніе имѣло *дворище* [2]). Селенія здѣсь состояли изъ нѣсколькихъ дворищъ, но каждое дворище представляло собою отдѣльный крестьянскій хуторъ, снабженный разными угодьями и несшій службу [3]). Составъ дворищъ хорошо извѣстенъ по ревизіямъ Пинскаго староства. По вѣрному замѣчанію г. Любавскаго [4]) „типъ земельныхъ участковъ, служившихъ единицами земельнаго обложенія, былъ во всѣхъ областяхъ Литовско-русскаго государства, болѣе или менѣе одинаковъ, различаясь только особою терминологіей, смотря по мѣстностямъ“ [5]). Такъ какъ на такомъ земельномъ участкѣ лежала „служба“, т. е. совокупность податей и повинностей, то съ теченіемъ времени и самые крестьянскіе участки пріобрѣтаютъ названіе службы; такъ, говорилось уже въ XV в. служба земли или просто служба. Въ XVI в. терминъ служба пріобрѣтаетъ широкое распространеніе и, наряду съ волынскими и подляшскими дворищами, дѣлается самымъ употребительнымъ названіемъ крестьянскаго участка.

Земля, село, дворище, служба имѣютъ характеръ полныхъ окладныхъ единицъ. Но рядомъ съ ними существовали окладныя земли, происшедшія, очевидно, отъ дѣленія полныхъ. Такова, напр., *выть*, употреблявшаяся въ Смоленской землѣ [6]). Еще въ половинѣ XVI в. выть означала, по люстраціямъ южныхъ замковъ, часть, такъ что „ходить съ выти“ на какомъ нибудь ухожаѣ означало эксплоатировать его за извѣстную часть продуктовъ [7]). Такое же значеніе имѣлъ

---

[1]) Ibidem, p. 25.

[2]) Любавскій, o. c., p. 453.

[3]) Окладное значеніе дворища наглядно характеризуется Ратненской люстраціей. Арх. Ю.-З. Р, VII ч., 8. II, p. 287.

[4]) Област. дѣл., p. 453.

[5]) Такъ смотрятъ и источники: король даетъ Немирѣ Грималичу въ Мельницкомъ повѣтѣ „имѣніе наше то есть люди, *по тамошнемъ* жеребьи речени“. Акты Леонтовича, № 691.

[6]) Любавскій, o. c., p. 453.

[7]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 101.

и *слѣдъ.* Источники ясно свидѣтельствуетъ, что слѣды, являясь слѣдствіемъ раздѣленія земли [1]), несли на себѣ не полныя службы, но части ихъ, „помогали“ въ службѣ [2]). Это, конечно, не исключаетъ возможности и иного происхожденія слѣда, какъ лѣсного „разробка“ или какъ „слѣда“ охотничьяго промысла [3]). Не трудно предположить, что членъ большой, но малоземельной службы, въ поискахъ за „особнымъ хлѣбомъ“, прокладываетъ себѣ „особный“ слѣдъ въ лѣсу для промысла или для роспаши [4]). Этимъ онъ не выдѣляется изъ общей службы, но, имѣя подспорное хозяйство, помогаетъ ей и въ платежахъ. Такимъ образомъ, двоякое происхожденіе слѣда вполнѣ возможно. То обстоятельство, что слѣдъ являлся частью земельной единицы, не мѣшало ему сдѣлаться самостоятельнымъ земельнымъ участкомъ, а слѣдовательно и самостоятельной единицей обложенія. Съ этимъ мы дѣйствительно и встрѣчаемся, когда акты говорятъ намъ о пожалованіи отдѣльныхъ слѣдовъ [5]) или о продажѣ ихъ [6]).

Если о слѣдѣ, какъ земельной единицѣ, происшедшей отъ дѣленія, можно говорить съ полной увѣренностью, что источники не даютъ достаточно поводовъ для того, чтобы считать имѣющимъ такое же происхожденіе *жеребій.* Это названіе преимущественно употреблялось въ Подляхіи [7]) для обозначенія служебнаго земельнаго участка. Жеребій, подобно дворищу состоитъ изъ пахати и угодій [8]) и, какъ на окладной единицѣ на немъ лежала „служба“ [9]). Въ качествѣ таковой жеребій извѣстенъ и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. упоминается въ извѣстномъ актѣ о Ржевской дани [10]) и пр. Однако, несмотря на молчаніе источниковъ, вполнѣ естественно было бы видѣть и въ жеребьи такой участокъ, который, подобно слѣду, произошелъ отъ дѣ-

---

1) Леонтовичъ, Акты, № 566; Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 29.

2) Любавскій, о. с., p. 451.

3) Леонтовичъ, Кр. двор., p. 13.

4) Ср. напр. данину Казимира: даются два человѣка на четырехъ слѣдахъ. Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 2. Уходъ на „особный хлѣбъ“, безъ выдѣленія однако изъ общей службы, хорошо извѣстенъ по люстраціи Ратненскаго староства (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, p. II).

5) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 11, 12 и др.

6) Кн. Зап. Лит., III, л. 74.

7) Ср. Леонтовича, Акты № 691.

8) Леонтовичъ, Акты № 691.

9) Ibidem, № 735.

10) Акты Зап. Рос., I, 88.

ленія цѣлой земли; на это намекаетъ и само названіе жеребья и нѣкоторыя косвенныя указанія актовъ [1]) и, наконецъ, то обстоятельство, что это названіе наиболѣе прочно утвердилось за земельными участками именно въ Подляхіи, области мелкаго землевладѣнія, гдѣ сябринная община разложилась очень рано и смѣнилась подворнымъ владѣніемъ (на это указываетъ преобладаніе здѣсь уже въ половинѣ XVI в. дымовъ, какъ объектовъ обложенія).

Таковы были древнѣйшія единицы обложенія. Можно прибавить, что для нѣкоторыхъ сборовъ, особенно кормовыхъ, прибѣгали еще къ обложенію на дымы и сохи. На „землю", „село", дворище, службу, жеребій, иногда слѣдъ падаетъ вся совокупность крестьянской службы, т. е. повинностей и поплатковъ. Иногда поэтому эти участки назывались „тяглю" [2]), „потяглю". Для того, чтобы охарактеризовать окладное значеніе этихъ службъ тяглей, достаточно выяснить, насколько занимаемое ими пространство пахати и угодій или количество жившаго на службѣ населенія было пропорціонально наложенной службѣ. Въ литературѣ имѣется взглядъ, что литовско-русскія земельныя единицы не были равными ни по размѣрамъ, ни по доходности; сообразно съ этимъ были неодинаковы и шедшія съ нихъ повинности. „Не нужно только представлять себѣ, чтобы онѣ чрезвычайно разнообразились по своимъ размѣрамъ и доходности; существовала извѣстная средняя величина ихъ, къ которой они болѣе или менѣе приближались" [3]). Однако, думается, что средней величины участковъ не существовало въ дѣйствительности такъ же, какъ не могло быть рѣчи и о средней доходности ихъ, хотя бы и очень приблизительной. Средней величиной была не матеріальная обстановка окладной единицы, но та служба, тягль, которая съ нея шла. Уже въ удѣльныхъ княженіяхъ нельзя не замѣтить стремленія къ установленію этой средней величины службы. Такъ, мы уже имѣли случай указать, что основныя подати Пинскаго княженія (полюдье, посощина, лагвица, сѣнное) отличаются однообразіемъ окладнаго размѣра. Тоже надо сказать и относительно Кіевской земли, хотя съ нѣкоторыми оговорками. Конечно, въ разныхъ мѣстностяхъ выравни-

---

[1]) Напр. пожалованіе Щербѣ въ книгѣ данинъ Казимира, гдѣ въ пустомъ жеребьи предполагается нѣсколько жеребьевъ. Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, 54. Акты Леонтовича № 619: дается сельцо въ одинъ жеребій.

[2]) Любавскій, прил. № 2.

[3]) Любавскій, о. с., 438.

вались только основныя службы. Такъ вполнѣ ясно можно себѣ составить представленіе о размѣрѣ панцырной или щитной службъ по военно-служилой переписи Смоленской земли конца XV в. или по книгѣ данинъ Казимира: было извѣстно, въ какомъ размѣрѣ та или иная служба шла. Это и была средняя величина, различавшаяся однако по мѣстностямъ. Но надо помнить, что за службой тянулъ рядъ поплатковъ и повинностей, составлявшихъ дополненіе къ ней. Тутъ разнообразіе, какъ мы уже показали, было особенно велико.

Можно привести немало данныхъ, подтверждающихъ, что земельные размѣры „земель", службъ, дворищъ, слѣдовъ, жеребьевъ были неодинаковы. Иногда въ изслѣдованіяхъ очень положительно указываютъ земельный размѣръ службъ [1]), но встрѣчаемые факты ихъ измѣренія вовсе не оправдываютъ такого утвержденія. При волочной помѣрѣ Бобруйской волости ревизоры часто приводятъ количество службъ въ селахъ до измѣренія ихъ на волоки. Картина получается такая же, какую мы наблюдали относительно пинскихъ дворищъ, такъ что въ службѣ бывало отъ двухъ до десяти волокъ [2])—разница очень значительная. Можно указать еще и на Мядельскую волость. Службы ея измѣрены бочками и возами сѣна: бочка земли—опредѣленная мѣра, равнявшаяся (кажется, повсемѣстно) одному моргу. Размѣръ мядельскихъ службъ также неодинаковъ [3]). Тоже надо сказать и о другой, измѣренной бочками волости—Радошковской. Для характеристики размѣровъ земельныхъ участковъ достаточно указать хотя бы на то, что рядомъ здѣсь мы встрѣчаемъ, напр., слѣдующую разницу: службу въ

---

[1]) Барбашевъ, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, р. 7, въ примѣч.

[2]) Такъ напримѣръ село въ 6 службъ дало 17 волокъ (207 стран.)

Такъ напримѣръ село въ	6	службъ	дало	17	волокъ	(207	стран.)
„	$5\frac{1}{2}$	„	„	17	„	(211	„)
„	4	„	„	14	„	(216	„)
„	6	„	„	40	„	(221	„)
„	6	„	„	20	„	(228	„)
„	$2\frac{1}{2}$	„	„	12	„	(230	„)
„	$2\frac{1}{2}$	„	„	8	„	(232	„)
„	$2\frac{1}{2}$	„	„	8	„	(233	„)
„	1	„	„	10	„	(236	„)
„	4	„	„	14	„	(237	„)
„	6	„	„	46	„	(241	„)
„	5	„	„	30	„	(245	„)

Акты Вил. Арх. Ком., XXV.

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 75 и слѣд. passim.

40 бочекъ пахати, въ 20, 8, $5^1/_2$ полъ-службы въ 10 и 18 бочекъ; столь же неравномѣрно распредѣленъ между земельными участками сѣнокосъ и лѣсъ (послѣднiй измѣренъ тоже бочками) [1]. Надо оговориться, что неодинаковый размѣръ службъ относится не только къ тяглымъ, но и къ спецiальнымъ и боярскимъ: два боярина сидятъ рядомъ и ставятъ по одному коню, но одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе 500 бочекъ всей земли, а другой менѣе 200 [2]. Относительно населенности службъ пришлось бы повторить то же, что и относительно дворищъ: названныя уже люстрацiи перечисляютъ или количество дымовъ на службѣ или количество взрослаго населенiя, но ни то ни другое число не имѣетъ никакого соотношенiя съ размѣромъ участка за исключенiемъ того общаго явленiя, что болѣе многочисленныя семьи чаще встрѣчаются на болѣе значительныхъ земельныхъ участковъ или держатъ по двѣ службы; остановимся хотя бы на нѣкоторыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ инвентаря Оршанскаго староства. Такъ въ Оршанскихъ селахъ встрѣчаемъ такiя свѣдѣнiя о дымахъ и службахъ [3]:

Села.	Въ нихъ службъ	дымовъ.
Баево	1	18
Бабино	16	30
Переволочное	19	31
Острие Шапки	10	12
Стайки	6	8
Грушки	4	30
Ельняне	2	10
Ширневичи	5	19
Соколовичи	4	12

То обстоятельство, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ данныхъ относятся къ болѣе позднему времени, не уменьшаетъ ихъ значенiя и для древнѣйшаго перiода, потому что характеръ окладной единицы до введенiя волочной померы оставался неизмѣннымъ [4]. И послѣ ска-

---

[1]) Ibidem, p. 107 и др.

[2]) Ibidem, p. 111.

[3]) Ibidem, p. 130.

[4]) Укажемъ еще размѣры службъ. Въ Бѣлицкой волости (Смоленскаго повѣта) пять службъ составили 8 дымовъ, а въ Новгородскомъ—четыре службы составили 20 дымовъ (Акты Леонтовича, №№ 612 и 615). Въ селахъ Дмитовичахъ

заннаго, если мы встрѣчаемъ строго проведенный для цѣлой волости объемъ службы, то въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ видѣть уже правительственную или вотчинную регламентацію, измѣнившую первоначальный неопредѣленный характеръ службы земли [1]).

Такимъ образомъ будетъ совершенно понятно, что и Смоленское „село“, слѣдъ и жеребій также отличаются разнообразіемъ размѣровъ и количествомъ живущаго на нихъ населенія, хотя показанія источниковъ въ этомъ отношеніи нѣсколько бѣднѣе, потому что нѣтъ ни одной люстраціи, гдѣ бы слѣды, жеребьи и села были переведены на волоки или бочки земли. Но и указанія отдѣльныхъ актовъ въ этомъ отношеніи не оставляютъ сомнѣнія [2]). Правда, съ половины XVI в. мы иногда встрѣчаемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, опредѣленный размѣръ службъ; но въ этомъ опять таки нужно видѣть правительственную или вотчинную регламентацію, измѣнившую первоначальный неопредѣленный характеръ службъ [3]). И это неравенство служебныхъ участковъ будетъ вполнѣ понятно, если присмотрѣться къ тому, какъ налагалась на участокъ служба и при какихъ условіяхъ труда владѣлецъ эксплоатировалъ свою землю. Службы и дворища по размѣрамъ своимъ въ общемъ были довольно велики; обработывать ихъ силами одного—двухъ рабочихъ было бы невозможно. И, дѣйствительно, источники рѣдко знаютъ малочисленную крестьянскую или боярскую семью. Говоря о составѣ семьи, они называютъ въ ней сыновей, братью и др. родственниковъ; и это исчисленіе членовъ семьи, повидимому, всегда отно-

---

и Ходоровичахъ Гродненскаго повѣта „здавна“ было 12 службъ при 60 дымахъ (Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIV, л. 106). Въ одномъ селѣ число дымовъ на службѣ оказывалось отъ одного до девяти (Кн. Зап. Лит., XLI, л. 151).

[1]) Около половины XVI в. замѣтно стремленіе фиксировать размѣръ службъ. Напр., въ Дубровницкой волости новоселамъ раздавались службы въ 30 солянокъ пахати (Арх. Сбор., III, 263). Въ концѣ вѣка иногда акты говорятъ и о размѣрѣ службъ: такъ въ Рогачевскомъ повѣтѣ дается въ 1586 г. земля, въ которой „того всего *розмеру звыклого* руского служобъ полтрети, въ которыхъ полтрети службахъ, поведилъ передъ нами, всего кгрунту волокъ полосмы вымероныхъ“ (Кн. Зап. Лит., LXXII, л. 48 об.—49). Но едва ли и здѣсь разумѣется сколько нибудь опредѣленная мѣра земли.

[2]) Напр., въ двухъ жеребьяхъ вымѣрено десять волокъ (Кн. Зап. Лит., XII, л. 10 об.), въ другихъ двухъ—восемь волокъ 27 морговъ (ibidem, л. 68 об.). Ср. данныя у Леонтовича, Крест. двор., Ж. М. Н. Пр., мартъ, 1896 г., р. 20 21 и 25; Любавскій, о. с., р. 456 и 460; Акты Лит.-рус. госуд., I, 75, 89.

[3]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 414.

сится къ взрослымъ сочленамъ, т. е. имѣющимъ свои семьи. Въ этомъ случаѣ достаточно, напр., сослаться на инвентарь Мядельской державы, гдѣ перечисленъ составъ семьи владѣльцевъ службъ. Такимъ образомъ на участкѣ земли сидѣла сложная семья, иногда довольно многочисленная. Но когда семья разросталась, то нѣкоторые члены ея выдѣлялись на свой „хлѣбъ“. Они, очевидно, поселялись своимъ дымомъ и получали свою „долю“ въ общемъ владѣніи. Эта доля могла фактически и не выдѣляться, такъ что земля оставалась въ общемъ пользованіи семьи. Но, разумѣется, при этомъ характеръ семейной общины измѣнялся, такъ какъ она превращалась въ сябринную, основанную уже на товариществѣ. Каждый изъ сябровъ могъ имѣть отдѣльное свое имущество, припахивать землю въ лѣсу, дѣлать „просѣчни“; онъ былъ въ то же время и владѣльцемъ своей доли, могъ продать ее, хотя за сябрами оставалось ближайшее право выкупа [1]). Сябринная община могла состоять и не изъ однихъ родственниковъ: за обработку службы и для выполненія шедшихъ съ нея повинностей могли взяться и не родственники, но они владѣли землею на сябринныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ на службѣ сидѣли „дольнички“ [2]) и совмѣстно отбывали повинности. Они въ „одно лыко“ мѣрили свои земли или „съ одное плети“ владѣли ею. Сябры или нераздѣльно владѣли землею [3]), или дѣлили ее [2]), но служба отъ этого не распадалась, потому что каждый имѣлъ свою „долю“, а всѣ вмѣстѣ несли повинности. Впрочемъ, раздѣлъ сябринной земли иногда устанавливался прочно и такая доля образовывала самостоятельное хозяйство [4]). Но сверхъ сябровъ къ службѣ могли быть припущены еще „потужники“, „поплечники“, „сусѣды“ [5]), половники [6]), бурсники [7]). Всѣ они помогали нести общій „потугъ“, „тягль тягнути“ [8]) и пользовались за это въ извѣстной долѣ землею или угодьями [9]). Потужники, поплечники, половники и сусѣды, несомнѣнно, отли-

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, 75.

[2]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 15.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 415. Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 59. Акты Лит.-рус. гос., I, 214.

[4]) Акты Леонтовича № 446.

[5]) Акты Ю.-З. Рос., I, 236.

[6]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, л. 96, 120.

[7]) Леонтовичъ, Акты, № 160.

[8]) Ibidem, № 420.

[9]) Кн. Зап. Лит., XIV, л. 10 об.—11 об.

чались отъ сябровъ, хотя это отличіе пока трудно выяснить [1]). По всей вѣроятности, они допускались въ потугъ только какъ временные пользователи [2]), тогда какъ сябры были совладѣльцы земли, дольщики въ ней. Подда́ный могъ „припустить“ къ себѣ потужника [3]), не рискуя, повидимому, подѣлиться съ нимъ землею. Припущенные въ потугъ иногда тѣсно сживались, такъ что вся служба людей шла въ раздѣлъ вмѣстѣ съ потужниками [4]), правда, иногда потужники отдавались отдѣльно [5]), хотя въ воззрѣніяхъ крестьянскаго люда такое выдѣленіе людей изъ службы встрѣчало оппозицію [6]),—очевидно, потому, что выдѣленіе рабочихъ рукъ изъ службы нарушало ея хозяйственные интересы,—ея цѣльность. Такимъ образомъ каждая окладная единица населена была или семейной общиной или сябринной, дольщиками въ разной мѣрѣ,—цѣлымъ племенемъ; такое „племя“ иногда достигало солидныхъ размѣровъ [7]), какъ и вообще сябринная община [8]).

Но пока мы говоримъ о полноправныхъ членахъ сябринной общины, потому что потужники, хотя, какъ намъ кажется, отличались отъ сябровъ, но тѣмъ не менѣе это были люди свободные, товарищи по тяглу, хотя и на нѣсколько иныхъ условіяхъ; потужниковъ легко, напр., встрѣтить въ числѣ крестьянскихъ властей [9]). Но на крестьянской службѣ—жеребьи сидѣли иногда и люди зави-

---

[1]) Ср. напр. въ люстраціи Чернобыля: „Андрей Литковичъ с племенемъ своимъ и потужники ихъ“,—очевидно потому, что племя и потужники различаются (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, р. 590).

[2]) Акты Лит.-рус. гос, I, 75; Любавскій, о. с., 445.

[3]) Кн. Зап. Лит., XVI, л. 214.

[4]) Акты Ю. З. Рос, II, 126.

[5]) Леонтовичъ, Акты, № 160.

[6]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 482.

[7]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 45. Нѣсколько бояръ ковенскихъ жаловались, что ихъ привлекаетъ намѣстникъ въ тяглую службу. Они оказались боярами, отцовъ ихъ „въ животе не стало, а детей дей сыновъ и дядковичовъ ихъ шесть остало и вси *на одной земли* седять и службу одну служать, нижли деи только промежи себе поделились“. Поэтому врядники вздумали было 2 братьевъ оставить на конной службѣ, а 4-хъ тянули въ тягло. „Ино естли будуть то братья и дядковичи ихъ а седять на одной земли, на чомъ отцы и дядки ихъ были и службу земскую намъ съ тое земли служили, и твоя бы милость“ (староста) удержалъ своихъ врядниковъ: „нехай бы они намъ служили земскую службу потому, какъ отцы и дяди ихъ служили“. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 50, 1524 г.

[8]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 413 сл. Акты Лит.-рус. гос., I, 62.

[9]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 113.

симые—закладни [1]), вообще „люди“, принадлежащіе подда́нымъ же [2]), „подлужные люди“,—можетъ быть въ томъ числѣ и челядь. Скарбъ и его агенты знали только „господара“ службы (онъ заносится въ инвентарь, фигурируетъ въ актахъ и пр.); онъ былъ поручителемъ передъ скарбомъ за исправность въ отбываніи платежей и повинностей: вполнѣ естественно, что этотъ господарь былъ именно представителемъ семьи, старшій въ семьѣ или среди сябровъ, хозяинъ по отношенію къ закладнямъ. Скарбъ воздерживался отъ всякаго вмѣшательства во внутренній распорядокъ сябринной общины, почему „людцы“, сидѣвшіе за тяглецами, вовсе не подлежали обложенію [3]) и, такимъ образомъ, ускользали отъ платежей.

Разумѣется, никакого однообразія въ такой сложной крестьянской общинѣ не было и не могло быть; количество рабочихъ рукъ зависѣло отъ самыхъ разнообразныхъ случайностей. Между тѣмъ доходность отъ хозяйства, а слѣдовательно и зажиточность семьи, могла зависѣть исключительно отъ размѣровъ затраченнаго на производство хозяйственныхъ благъ труда: при преобладаніи охотничьихъ промысловъ и полной возможности дѣлать новыя роспаши, основною хозяйственной цѣнностью былъ трудъ бо́льшаго или меньшаго числа наличныхъ членовъ семьи. Второе коренное условіе въ различіи окладной единицы заключалось въ разнообразіи размѣра участковъ. Что оно существовало, мы уже знаемъ. Но это явленіе будетъ еще болѣе яснымъ, если присмотрѣться къ тому, какъ образовались служебные участки, какъ они получали свою изначальную форму.

Тяглый или военно-служилый участокъ просто подыскивается тѣмъ, кто хотѣлъ его получить. О какомъ нибудь опредѣленномъ размѣрѣ не могло быть и рѣчи. Участокъ долженъ быть такой величины и снабженъ настолько угодьями, „с чого бы могли послужити“ [5]), сообразно требованіямъ данной службы и рабочимъ силамъ садящагося. Князь М. В. Соколинскій выпросилъ себѣ у короля Сигизмунда I цѣлую группу потужниковъ—бояръ путныхъ полоцкихъ „за тяглыхъ людей“. Люди эти не хотѣли попасть въ

---

[1]) Акты Зап. Рос., I, 88.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, л. 16, 17.

[3]) Акты Зап. Рос., III, 400.

[4]) Акты Лит-рус. гос., I, 198; А. Ю. Зап. Рос., I, 236.

[5]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I. 3.

тягло, выхлопотали себѣ право ухода съ отчизнъ своихъ, явились къ воеводѣ полоцкому съ челобитьемъ: „абы онъ далъ намъ гдѣ поместье ку мешканью“. Воевода далъ имъ „уголъ пущи нерозробленое“, „где есмо з великою працою нашою и накладомъ поселилися, розробивши на сыромъ корени“ [1]). Мѣщанинъ витебскій Ивашкевичъ проситъ замковое сельцо, „обязуючи и подвезуючи се при замку... конемъ служити и два человѣки пешихъ з ручницами при кони ставити“ [2]). Очевидно, тутъ устанавливается размѣръ служебнаго участка по взаимному соглашенію правительственнаго агента и того лица, которое подыскиваетъ себѣ „помѣстье ку мешканью“. Тутъ дѣйствовали самыя разнообразныя условія. Если земля была уже обслужена, но покинута, то садившійся снова на нее обязывался и нести прежнюю службу,—„тою службою, какъ и первые“ [3]), „какъ первей того служба была“ [4]). При такихъ условіяхъ не рѣдко случалось и такъ, что служебный участокъ не выгоденъ для человѣка; онъ его бросаетъ, но является другой и садится на немъ, считая для себя возможнымъ нести „зуполную службу“. Жомойтинъ Гедминъ сдѣлалъ „просѣку“ въ лѣсу и держалъ ее на „особной службѣ“, но „не могучи съ того особное службы служити“, бросилъ землю. Къ намѣстнику является другой человѣкъ Сакша и проситъ дать ему „просѣченье“; оно было не велико,—всего въ пять бочекъ и при томъ разбросано въ десяти мѣстахъ, „а большей проробити нельзе“—и тѣмъ не менѣе Сакша берется нести съ этой земли службу [5]). У того же старосты Станислава Яновича человѣкъ Якубовичъ проситъ разрѣшенія „понять“ Дороту, дочь покойнаго Довкгяловича; у послѣдняго было три дочери, двѣ уже вышли замужъ, (вѣроятно, каждая съ третьей частью земли); теперь Якубовичъ беретъ за себя младшую изъ дочерей „на третью часть того дому, а онъ маетъ с *тое части* своей третее особную службу служити воликому князю, какъ и тесть ихъ служилъ“ [6]). Но взятая такимъ образомъ служба могла оказаться столь малой, что съ нея нельзя было „послужити“, почему требовалась, напр. над-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXIX, л. 72 об.—74 об.

[2]) Кн. Зап. Лит, XXXVIII, л. 456 об.—ср. л. 458.

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 5.

[4]) Ibidem, 11, 38.

[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, л. 313.

[6]) Ibidem, л. 317.

бавка оброчной земли[1]). Иногда службы бывали такъ не велики, что приходилось соединять двѣ въ одну, чтобы съ нее могла идти полная служба[2]). Но за то и большія службы разбивались на двѣ[3]), или просто во владѣніи человѣка оказывалась „половица“ прежней земли и всетаки на полной службѣ[4]). Но кромѣ того многорабочая семья могла сверхъ своей службы взять еще другую на какихъ нибудь условіяхъ; въ такихъ случаяхъ человѣкъ получалъ эту придаточную службу „на особную службу“, т. е. обязанъ былъ ее особо нести, независимо отъ прежней[5]). Эта придаточная земля могла состоять или изъ оброчной или изъ полной службы.

Заканчивая нашъ обзоръ способовъ обложенія, необходимо сдѣлать двѣ оговорки. Разумѣется, при раздачѣ земель и образованіи службы и раздающіе агенты и сами принимающіе службу сообразовали размѣръ земли и угодій съ качествомъ службы. Отъ этого боярскія службы были гораздо больше, напр. дворцовыхъ, а эти послѣднія превосходили своими размѣрами тяглыя и данническія. Это вполнѣ понятно, такъ какъ боярину, даже путному или панцырному, чтобы исправно ставить коня приходилось еще на своей землѣ сажать одного, двухъ, трехъ тяглецовъ да имѣть собственную запашку. Спеціальныя службы, напр. осочницкая, стрѣлецкая, ловецкая и пр. считались труднѣе и сложнѣе тяглой, такъ что напр. при надѣлахъ землей при Сигизмундѣ Августѣ эти служебники получали

---

[1]) Державца далъ подда́ному оброчную землю, потому что „онъ землицу малую подъ собою маеть и недужъ уставичное службы на замокъ Лидскій служили бы (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 98 об.). Или бояринъ Митковичъ билъ челомъ: „ижъ онъ землю отчизну свою подъ собою вельми малую маеть и службы нашое не маетъ, с чого намъ послужити“, почему король и подтвердилъ ему землю пустовскую (ibidem, л. 141, 1541 г.).

[2]) Овшинникъ Богдановичъ билъ челомъ о землѣ и представилъ листъ лепунскаго державцы, „въ которомъ описуетъ, ижъ онъ отчизну свою спустилъ братьи своей, не маючи чимъ з ними делитися“ и просилъ о двухъ пустовскихъ земляхъ. Державца „тые *обе землицы у водну спустивши*, далъ тому Мике на *одну службу*, бо служобъ з нихъ особныхъ не могло быти, и казалъ ему с тыхъ землицъ службу овшиницкую зупольно служити и въ каждый годъ по копе грошей до скарбу нашого давати и иншие всякие подачки потому, якъ и иншие овшинники служать и подачки дають“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 53, 1540 г.).

[3]) „Съ тое дей Милейщины здавна бывала *служба одна*, а потомъ дей тая земля *на две службы* роздѣлена“. (Кн. Зап. Лит., XII, л. 161).

[4]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 5.

[5]) Акты Лит.-рус. гос., I, 57, 75, 149.

вдвое большій надѣлъ, чѣмъ тяглецы. Понятно, что и участки, „съ чого бы могли послужити“, были неравны, соотвѣтственно службамъ. Однако и тутъ никакой средины не существовало и все зависѣло отъ самыхъ разнообразныхъ условій. Достаточно сослаться на то, что пинскія тяглыя двориша или бобруйскія службы во много разъ превосходили боярскіе участки въ Радошковичахъ, не говоря о Подляхіи, гдѣ боярское землевладѣніе было очень мелко. Затѣмъ при изложеніи вопроса о наличномъ составѣ служилой семьи или о происхожденіи земельныхъ участковъ безразлично были привлекаемы факты, касающіеся разныхъ службъ какъ боярскихъ, такъ и тяглыхъ. Но это потому, что отношенія окладной службы къ объекту обложенія этихъ разрядовъ, какъ показываютъ сами факты, ничѣмъ существеннымъ не отличались; кромѣ того путная и панцырная службы, несмотря на свое военно-земское назначеніе, были спеціальными службами въ господарскомъ хозяйствѣ и несли на себѣ нѣкоторыя вотчинныя повинности.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе формъ обложенія древнѣйшаго періода вводитъ насъ въ кругъ весьма рудиментарной финансовой системы, свойственной вообще невысокому уровню государственнаго и соціальнаго развитія народа. Въ общемъ она носитъ вотчинный характеръ, но въ то же время она является тою основою, изъ которой стали слагаться принципы государственнаго обложенія. Въ частности такая система представляла массу неудобствъ, такъ какъ не заключала въ себѣ путей для болѣе или менѣе равномѣрнаго обложенія ни главнаго его объекта—земли, ни субъекта—людей. Объектъ обложенія—участки земли отличаются разнообразіемъ, напоминающимъ собою такой же объектъ ранняго періода Московскаго государства—соху. При господствѣ обычно-правовой идеи, по которой объемъ тягла опредѣляется не соціальнымъ положеніемъ тяглеца, но тягломъ, прикрѣпленнымъ къ объекту обложенія, регистрація тягловыхъ единицъ представляла для правительства извѣстную гарантію правильнаго поступленія сборовъ. Оставалось только принимать мѣры къ тому, чтобы мѣстная администрація не разгоняла своими вымогательствами плательщиковъ да увеличивать оброчныя статьи доходовъ. Правда, это были сравнительно палліативныя мѣры, но онѣ, какъ увидимъ, долго примѣнялись центральною властью.

Послѣ изложенныхъ замѣчаній перейдемъ къ обзору доходныхъ статей господарскаго скарба, шедшихъ съ дворовъ и волостей и тѣхъ

мѣропріятій, которыя скарбъ принималъ для увеличенія доходности своихъ имуществъ.

Первыя проявленія нивеллирующей дѣятельности Литовско-русскаго правительства замѣтны уже въ княженіе Александра Ягеллона. Правда, ни отъ этого ни отъ болѣе ранняго времени не дошло до насъ прямого свидѣтельства, почему и самый фактъ нивеллировки можно только предполагать[1]). Предположеніе это можетъ быть построено на основаніи слѣдующаго. Уже въ приходо-расходныхъ скарбовыхъ записяхъ конца XV в. мы встрѣчаемъ извѣстнаго рода группировку господарскихъ добръ по главнѣйшимъ источникамъ ихъ доходныхъ статей. Такъ тогда уже ясно выдѣляются Поднѣпровскія, Подвинскія, Сѣверскія волости, изъ которыхъ идутъ слѣдующіе доходы: на первомъ планѣ дани грошовыя или серебряныя (въ Сѣверщинѣ еще и поголовщина), затѣмъ бобры, куницы; медъ сбираютъ натурою, бобры и куницы то натурою, то деньгами. Сверхъ того отсюда же идутъ побочные доходы, напр. тивунщина, яловщина, переложенныя уже на деньги. Изъ южныхъ областей Кіевщины и Волыни идетъ подымщина, воловщина (денежные сборы) и медовыя дани. Въ западныхъ же имѣніяхъ самою существенною статьею являются хлѣбныя дани, сѣно; здѣсь центромъ хозяйства являются дворы, въ которыхъ скопляются хлѣбныя и сѣнныя дани и находятся господарскія конюшни. Правда, такое раздѣленіе хозяйства имѣло не мало исключеній, но общая группировка его намѣтилась уже въ XV вѣкѣ. Такая группировка волостей и дворовъ имѣла за собою хозяйственное основаніе, такъ какъ на востокѣ и югѣ (украйна) государства господствующей формой хозяйства были охотничьи промыслы, на западѣ же рядомъ съ этими послѣдними большое значеніе имѣло и земледѣліе. Литовско-русское правительство, очевидно, приспособлялось къ этому дѣленію въ направленіи хозяйства.

---

[1]) Впрочемъ здѣсь необходимо привесть слѣдующее сопоставленіе. Дубровенская волость, одна изъ поднѣпровскихъ, была волостью данниковъ. Между тѣмъ въ книгахъ Витебскаго воеводства сохранилась запись,—ввидѣ замѣтки о повинностяхъ дубровенскихъ людей. Хотя въ этой записи даты нѣтъ, но по всей видимости она относится къ XV вѣку, и, вѣроятно, занесена въ воеводскую книгу по поводу какой-нибудь справки (это нерѣдко бывало). По этой замѣткѣ видно, что дубровенскіе люди служили пригонъ, толоки, косили сѣно, т. е. несли тяглую дворовую службу (Кн. Зап. Лит., XVI, л. 269 об.). Отсюда видно, что они были переведены съ тягла на дань.

Въ повинностномъ отношенiи все населенiе господарскихъ волостей и дворовъ можно раздѣлить на слѣдующiя общiя группы: на данниковъ, людей дякольныхъ и тяглыхъ и на различныя спецiальныя дворовыя, дворцовыя и хозяйственныя службы, на слугъ и бояръ путныхъ и, наконецъ, на челядь. Каждая изъ этихъ категорiй имѣетъ свою спецiальную „службу".

Служба данниковъ заключалась въ платежѣ *дани*. Источники называютъ слѣдующiе виды даней: дань грошовую или серебряную, медовую, бобровую, куничную. Хотя одна и таже крестьянская служба несла не одну, а нѣсколько изъ названныхъ даней (обычно дани грошовую, медовую и бобровую), но каждое изъ этихъ названiй дани указываетъ на особый объектъ обложенiя. Дань грошовая или серебряная бралась деньгами; это подать на пахатную землю, дань медовая взималась съ бортнаго дерева, бобровая—съ бобровыхъ гоновъ, дань куничная также представляла собою сборъ съ охотничьихъ угодiй. Источники даютъ не мало указанiй на соотвѣтствiе названныхъ даней и объектовъ обложенiя. Устава Бобруйской волости 1533 г. приказываетъ мѣстному державцѣ взимать при раздачѣ пустовщинъ медовую дань съ бортей, а грошовую дань и „иншыи доходы, што за грошовою данью идеть" только съ пахатной земли[1]). Столь же ясно говорится о соотвѣтствiи даней объектамъ обложенiя въ ревизiяхъ половины XVI ст. Такъ въ ревизiи Гомельскаго староства люстраторъ слѣдующимъ образомъ раскладываетъ дани: съ службы земли дань грошовую, также житомъ и овсомъ, за сѣнокосы полагаетъ отдѣльно сборъ отъ воза выкашиваемаго сѣна, также отдѣльно „за дань медовую", за бобровые гоны, за ловы куничные, бѣлочные „рыбные", „за ловы звѣринные яко великого такъ и малого звѣру и тежъ куничные и иные всякiе пташiе"[2]). Разумѣется, эти дани взимаются только тогда, когда плательщикъ фактически пользуется всѣми угодьями и пашнею; при отсутствiи же какого нибудь изъ объектовъ обложенiя, не взимается и соотвѣтственная дань[3]). Точно такимъ же образомъ производилась раскладка и по другимъ данническимъ воло-

[1]) Кн. Зап. Литов., XV, л. 172.

[2]) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, p. 358 и passim. Ср. напр. слѣдующее мѣсто: Бояринъ Волкъ держитъ нѣсколько пустовскихъ земель, „на которыхъ земли пашное бочокъ чотыри грунту среднего, сѣножатей возовъ тридцать, дани съ тыхъ земль хоживало копа одна грошей 30", p. 260 и др.

[3]) Ibidem, pp. 364, 365 и др.

стямъ[1]). Такимъ образомъ служба данниковъ состояла въ платежѣ различныхъ даней, смотря потому, чѣмъ пользовался субъектъ обложенія. Поэтому, хотя цѣлыя группы господарскихъ волостей въ общемъ платили дани грошовую, медовую, бобровую и куничную, но встрѣчаемъ не мало случаевъ, когда отдѣльныя службы или села платятъ только нѣкоторыя изъ этихъ даней. Въ книгѣ данинъ великаго князя Казимира можно встрѣтить данниковъ, платившихъ только одну медовую дань или медовую и куницу и пр. Истинное значеніе грошовой дани, которой объектомъ служила пахатная земля, не можетъ возбуждать особыхъ сомнѣній. Это была основная дань, за которой тянули и остальные „поплатки". Кто не пользовался пахатной землей, тотъ не несъ разнообразныхъ поплатковъ, связанныхъ со службой, какъ совокупностью тягловыхъ обязанностей. Угодія, тянувшія къ службѣ, были разбросаны на большомъ пространствѣ, составлявшемъ иногда „суплетное", „спольное" владѣніе цѣлаго села или нѣсколькихъ селъ. Право службы на угодія состояло въ правѣ постановки „ловушекъ" въ извѣстныхъ мѣстахъ, устройствѣ рыбныхъ езовъ и пр. Какъ распредѣлялись по службамъ угодія, легко себѣ представить по нѣкоторымъ ревизіямъ. Для примѣра возьмемъ село Перекладовичи Дубровницкой волости. Въ немъ 3 службы при четырехъ дымахъ. Каждая служба уплачиваетъ обычные сборы. Но сверхъ того въ „обрубѣ" того же села ревизоры роздали нѣсколькимъ крестьянамъ на пустовщинахъ новыя службы, новоселамъ отводится только лѣсъ на „розробокъ" пашни и бортное дерево. Платъ за борти взимается съ перваго же года пользованія; на разработку лѣса полагается по нѣсколько лѣтъ „воли", по истеченіи которой новоселы будутъ „платъ до скарбу его королевское милости платити и всякія повинности съ того полнити по тому, яко и иные подданые господарскіе волостные водлѣ уставы господарское съ земль своихъ платять". Такъ какъ по уставѣ платъ взимается также и за бобровые гоны, звѣриную и рыбную ловлю съ каждой службы, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что по прошествіи „воли" службы новоселовъ будутъ привлечены къ „поплаткамъ" за эти угодья. Между тѣмъ звѣриныя ловли и бобровые гоны тянутъ не къ каждой отдѣльной службѣ но-

---

[1]) Ср. Дубровницкій инвентарь въ Виленск. Археогр. Сбор., III, р. 263 (относительно обложенія бортнаго дерева), р. 248 (относительно бобровыхъ гоновъ и другихъ лововъ) и проч.

находятся въ „обрубѣ“ всего села. По всей волости, по замѣчаніямъ люстраціи, „ловъ звѣру великаго“ бываетъ „не вставичный“, хотя подданые и бьютъ звѣрей „разными ловушками“. Для бобровыхъ гоновъ всегда отводились особыя угодья для цѣлаго села, иногда въ „суплетномъ“ пользованіи съ другими. Изложенныя особенности обложенія являются типичными для русскихъ волостей: двѣ подробныя ревизіи (Гомельская и Дубровницкая построены именно на такомъ распредѣленіи обложенія. По уставѣ Могилевской волости 1594 г., (уже по раздѣленія ея на волоки) платъ за бобровые гоны взимался со всего села огуломъ, хотя бы въ немъ и были пустыя волоки. При этомъ охота на бобровъ и рыбная ловля производятся всѣмъ селомъ: „по рѣкахъ безъ подѣленія береговъ огуломъ кождое село уживати маеть, а особливе одинъ безъ другого бобровъ не ловитъ и зъ ручницъ не бьетъ“ [1]). Въ послѣднемъ постановленіи сказывается, вѣроятно, порядокъ, издавна практиковавшійся въ селахъ [2]). Относительно бортнаго дерева та же устава говоритъ о раздѣлѣ бортнаго дерева по волочнымъ участкамъ [3]); такимъ образомъ бортныя угодья не оставлялись теперь въ факультативномъ пользованіи членовъ волостной или сельской общины, но шли въ нарѣзку къ ихъ надѣламъ, какъ пашня и сѣнокосъ. Надо прибавить, что если источники конца XVI в. уже говорятъ о бортномъ деревѣ, источники болѣе ранняго времени всегда говорятъ о бортной землѣ [4]).

Такимъ образомъ дани грошовая и медовая (сюда, конечно, надо причислить хлѣбные сборы и за сѣнокосы, гдѣ они взимались) падали на земли съ угодьями. Остальныя дани (бобровая, куничная, за ловы) въ основѣ своей имѣли объектомъ обложенія трудъ: будучи обложеніемъ промысловой дѣятельности плательщика, онѣ однако не могутъ быть названы промысловымъ налогомъ [5]) въ современномъ его зна-

---

[1]) Виленск. Археогр. Сборн., I, p. 188, 194.

[2]) Вотъ еще важное свидѣтельство, говорящее о спольномъ пользованіи угодьями. Якубъ Милошевичъ, бояринъ, продаетъ Вежгайлу „слѣдъ человѣка своего отчинного на рѣцѣ на Или нивы и сѣножати и часцы, бобровые гоны по рѣцѣ по Или и рыба ловити на моей дѣлницы, што на мене прийдетъ“. Кн. Зап. Лит., III, л. 74.

[3]) Вил. Арх. Сб., I, p. 194.

[4]) Ср. напр. раскладку медовой дани въ Бобруйской волости, размѣренной уже на волоки, но платившей дань по „старой ревизіи“. Акты Вил., XXV, p. 245, 247 и др.

[5]) Ср. у Леонтовича, Крест. дв. Ж. М. Н. Пр, 1897 г., май.

ченіи, такъ какъ въ эксплоатаціи этихъ промысловъ отсутствуетъ основной элементъ промысловаго налога—затрата капитала наряду съ затратой труда: если на неводъ или устройство еза и могъ быть затраченъ капиталъ, то таковую затрату только слишкомъ отвлеченный теоретикъ могъ быть увидѣть въ примитивныхъ „ловушкахъ“ на куницъ бобровъ и другихъ звѣрей. Во всякомъ случаѣ участіе капитала здѣсь столь незначительно, что его невозможно и принимать въ разсчетъ.

Другой весьма важной статьей сборовъ, шедшихъ съ господарскихъ подданыхъ, было *дякло*. Оно состояло въ платежѣ натурою различными хлѣбами или сѣномъ; впрочемъ чаще всего упоминается о дяклѣ овсяномъ или житномъ. Однако подъ „дякломъ“ едва ли можно разумѣть сборъ со всего, что уродилось въ крестьянскомъ хозяйствѣ, кромѣ скота, по крайней мѣрѣ въ господарскихъ имѣніяхъ XVI в. М. К. Любавскій, давшій впервые такое опредѣленіе дяклу, не подтвердилъ его однако же примѣрами [1]). Думается также, что приведенныя у Ѳ. И. Леонтовича указанія на льняныя, коноплянныя и нѣкоторыя другія дякла (кромѣ дровяныхъ), не отнесены самими источниками именно къ разряду дяколъ, да впрочемъ и эти факты относятся не къ господарскимъ добрамъ [2]). Дякло по своему значенію среди натуральныхъ и денежныхъ податей можетъ быть сопоставлено съ данями, и въ западныхъ державахъ имѣло аналогичное значеніе. Самый терминъ этотъ литовскаго присхожденія и обозначаетъ дань—tributum, откуда дякольники переводятся tributarii [3]). Литовское происхожденіе этого термина и особенно то обстоятельство, что онъ встрѣчается въ древнихъ актахъ и имѣетъ уже широкое распространеніе, когда польское вліяніе едва ли могло имѣть мѣсто, не позволяетъ самую эту подать считать заимствованною изъ польскаго sep или annona ducale [4]). Въ такомъ предположеніи нѣтъ и нужды: дякло, какъ и всякая другая натуральная подать, могло вполнѣ самостоятельно развиться на литовской почвѣ, подобно житщинѣ и другимъ натуральнымъ сборамъ русскихъ и литовскихъ областей. Замѣтимъ, что такой въ данномъ случаѣ важный источникъ, какъ устава дво-

---

[1]) Област. дѣл., р. 316.

[2]) Крестьянск. двор. Ж. М. Н. Просв. 1897 г., май, р. 35.

[3]) Czacki Dziela, I, 84; Ярошевичъ, Obraz Litwy, I, § 89; Леонтовичъ, l. c., р. 35.

[4]) Любавскій, о. с., 721; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Крестьянское землевладѣніе Зап. Россіи въ „Чтеніяхъ Общества Нестора-лѣтописца“, кн. VII, р. 21.

рамъ 1529 г., прямо переводитъ дякло словомъ дань: „жита наши данныи и овсы, т. е. дякла“ [1]). Другой вопросъ, насколько дякло могло служить характернымъ признакомъ особой дякольной службы. Источники знаютъ терминъ земли дякольной. какъ и куничной, тяглой, данной. Но едвали въ господарскомъ хозяйствѣ былъ извѣстенъ терминъ отдѣльной дякольной службы. Напротивъ само дякло является составною,—въ извѣстныхъ случаяхъ—важнѣйшею частью другихъ службъ. Дякло могло быть принадлежностью нѣкоторыхъ специальныхъ службъ, но главнымъ образомъ источники связываютъ его съ тяглою службою. О тяглыхъ людяхъ источники обычно говорятъ, что они „службою тяглою служать и дякло дають“ [2]). Однако тѣ же источники всегда раздѣльно говорять о тяглой службѣ и дяклѣ [3]). Въ податныхъ реестрахъ отдѣльно отмѣчалась обязанность подда́ныхъ по тяглой службѣ и по дяклу [4]). Отсюда и двойная характеристика податныхъ отношенiй, когда источники говорятъ о людяхъ тяглыхъ, дякольныхъ [5]). Такимъ образомъ въ представленiяхъ тогдашней администрацiи объемъ тяглой службы не покрывалъ собою дякла [6]). Поэтому возможны отклоненiя въ такомъ смыслѣ, что могли быть тяглецы, не платившiе дякла, и дякольники, не несшiе тягла [7]); тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности, можетъ быть именно благодаря уставамъ, господарское хозяйство знало тяглую службу всегда въ связи съ платежемъ дякла. Поэтому дякло можетъ считаться одной изъ основныхъ податей, идущихъ съ тяглой земли, не смотря на встрѣчающiяся исключенiя.

Составъ тяглой службы не можетъ возбуждать сомнѣнiй. Служить тяглую службу означало выходить на работу господарской пашни—орать, бороноватъ и жать и на сѣнокосъ—косить [8]). Это была служба къ господарскому двору [9]). Тяглая служба состояла

---

[1]) Акты Зап. Рос., II, р. 196.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, 214.

[3]) Напр., ibidem, р. 66, 83, 133. 208.

[4]) Ibidem, р. 215.

[5]) Акты Зап. Рос., II, № 99.

[6]) Ср. замѣчанiе объ этомъ гг. Любавскаго, о. с., р. 318, Леонтовича. l. с., р. 35; здѣсь же указывается и мнѣнiе Бершадскаго.

[7]) Любавскiй, о. с., 319, однако приводимый здѣсь фактъ относится къ городской землѣ.

[8]) Акты Лит.-рус. гос., I, 214.

[9]) Ibidem, р. 208.

изъ пригона и толокъ [1]). Впрочемъ, характерной чертой тягла былъ только пригонъ, такъ какъ на толоки выходили и другія службы [2]). Въ общемъ „потягль" до изданія уставы 1529 года отличалась разнообразіемъ и, кромѣ того, сверхъ работъ по пашнѣ и сѣнокосу въ нее входили иногда и другія. Разнообразіе также проявлялось въ количествѣ отбываемыхъ дней службы и въ томъ, выходили ли на нее съ рабочимъ скотомъ или безъ него. Это разнообразіе оставалось на замковыхъ земляхъ въ полной силѣ въ теченіе всего изучаемаго періода. Къ числу тяглыхъ людей должны быть отнесены также и ясачники: характеръ ихъ тяглой службы а также связь ея съ ордынскою службою можетъ считаться вполнѣ установленною [3]). Замѣтимъ, что ясачники встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ южныхъ замковыхъ селахъ.

Дани, дякло и тягло составляли основные виды крестьянскихъ податей и повинностей, къ которымъ примыкаютъ другія, болѣе мелкія или соотвѣтствующія имъ разновидности. Дякольники, данники и тяглецы относились къ категоріи „простыхъ" людей, какъ выражаются иногда акты [4]) Въ этомъ смыслѣ всѣ не военно-служилые разряды крестьянскаго населенія можно считать тяглыми, такъ какъ это понятіе то понималось широко [5]), включая всѣ рязряды, обязанные лично отбывать какія-нибудь повинности вотчинныя или государственныя— вообще всякую „потягль тягнути" [6]), то примѣнялось въ узкомъ смы-

---

[1]) Ibidem, p. 133.

[2]) Ibidem, p. 66. Такъ въ инвентарѣ Волковыйскаго двора при перечисленіи спеціальныхъ службъ обычно говорится, что они, наприм., сѣно косятъ, а тяглой службы не служатъ (Любавскій, о. с., прил. № 8). Между тѣмъ по уставѣ 1529 г. тяглые „повинны уставичне служить" (Акты Зап. Рус., II, 196).

[3]) Леонтовичъ, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр., 1897 г., май, p. 18 слѣд.

[4]) Люди Мерецкіе жаловались на Яна и Ѳедора Сопежичей, что тѣ считаютъ ихъ данниками, тогда какъ они, бояре, ѣздили на войну. На судѣ они представили листы Казимира и Сигизмунда I, „въ которыхъ жо листехъ бояри ихъ не менуеть и не одно они, але и иншие потужники стоять выписаны, нижли только стоить, ижъ они не мають саду господарского стеречи и дровъ и сена на дворъ господарский возити, а то не стоить, абы они на войну ездили. Мы, бачачи то, ижъ ихъ в тыхъ листехъ бояри не менено, за ся спытали есмо ихъ, давали ль они дякла на господара его милость. Они сами ся передъ нами к тому признали, же *дякла* здавна дають"—поэтому они признаны „простыми" людьми и оставлены за Сапежичами. Кн. Зап. Лит., XXV, л. 183, 1529 г.

[5]) Леонтовичъ, Кр. дворъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., апр., 413 сл. Ср. очень ясное опредѣленіе понятія тягла у Кури, о. с., p. 15, 16.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 27 об., Акты Лит.-рус. гос., I, 87.

слѣ къ людямъ, обязаннымъ ходить на пригонъ и давать дякло [1]). Обширное господарское хозяйство съ его разнообразными задачами частнаго и государственнаго характера не могло довольствоваться только данниками, тяглецами и дякольниками. На господарскихъ земляхъ жило много другихъ разрядовъ служебныхъ людей, служба которыхъ или имѣла связь съ эксплоатаціей сельскаго хозяйства, или состояла въ службѣ въ господарскомъ дворцѣ; наконецъ слѣдующая категорія служебныхъ людей—это замковые слуги и низшіе разряды военно-служилыхъ людей. Для всѣхъ этихъ людей службы были повинностью, лежавшею на принадлежащей имъ землѣ. Такимъ образомъ и частная служба хозяйства и дворца и нѣкоторыя государственныя службы удовлетворялись общимъ источникомъ—повинностями съ господарскихъ земель. Такъ хозяйственное значеніе имѣли слѣдующія службы: лѣсное хозяйство обслуживали осочники [2]), ловцы [3]), мысливцы [4]), псарцы [5]) сюда же могутъ быть отнесены бортники [6]), бобровники [7]), сокольники [8]), рогатинники [9]), наконецъ стрѣльцы. По дворовому хозяйству служили рыбаки, о службѣ которыхъ акты упоминаютъ еще съ XIV в. [10]), прудники, занятые исправленіемъ мельницъ [11]) соленики [12]), узварцы служатъ узварскую службу [13]), текунцы [14]) ошвин-

---

[1]) Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ показанія старцевъ о повинностяхъ Сенки Васковича. Старцы на судѣ намѣстника Дорогицкаго показали: „Тые старцы русь и ляхове такъ сознали передо мною и на то хотели присягнути, што еще отецъ ихъ Васько (отецъ Сенька Васьковича) хоруговъ нашивалъ за великого князя Витолта а за Жикгимонта... потяжи и съ ними не тягнули, недели не стерегли, на городъ не кликивали и на потяжь не тягивали и з секирою не хоживали, подводы не служивали за великого князя Витольта и за Жикгимонта“. Кн. Зап. Лит., XXV, л. 238 об.

[2]) Кн. Записей Лит., XXIV, л. 165 об.; Акты Зап. Рос., II, № 149; Ревизія пущъ, 60.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, 133.

[4]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 109 об.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 457 об., Кн. Зап. Лит., XII, л. 162 об.

[6]) Акты Зап. Рос., I, 20, 187.

[7]) Ревизія пущъ и переходовъ, 352.

[8]) Леонтовичъ, Акты, №№ 34, 41; Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 117 об., 118.

[9]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 413.

[10]) Даниловичъ, Scarbec, № 544.

[11]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 94.

[12]) Кн. Зап. Лит., XII, л. 44.

[13]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 32.

[14]) Любавскій, о. с., прил. № 8.

ники [1]), оребники, мучники, пташечники, лейти [2]), медосытцы, медоварцы, садовники [3]), скатертники [4]), стрименники [5]) и др. Такая крупная отрасль господарскаго хозяйства, какъ коннозаводство, удовлетворялась службами машталеровъ [6]), конюховъ [7]), кобыльниковъ [8]), конокормцевъ [9]).

При дворахъ и замкахъ былъ также разнообразный составъ ремесленниковъ, сидѣвшихъ на землѣ и отбывавшихъ за эту землю соотвѣтственныя службы; иногда они не имѣли на службѣ пашни, но не платили никакихъ подачекъ отъ своего дыма, огорода или еще и пользовались „корчмой вольной отъ платовъ". При замкѣ Оршанскомъ слесари и ковшовники имѣли на слесарской службѣ пашни, кушнеры и гончары—только домы [10]). При Гераноинскомъ замкѣ встрѣчаемъ бальвера и загармистра, которые „в месте Кгероноинскомъ домами своими седять и огороды мають"; они не платятъ съ прутовъ своихъ чиншу, потому что „господарю въ томъ месте нашомъ ремествомъ своимъ уставичне служать: бальверъ машталеровъ и возницъ нашихъ, которые тамъ при конехъ нашыхъ мешкають, и которыхъ ты, пане конюшній, отсель тамъ на лекарство посылаешь, съ хоробъ выбравуеть; а зекгармистръ того ремества своего пильнуеть и зекгаръ направуеть" [11]). Затѣмъ встрѣчаемъ при замкахъ на землѣ кравцовъ на кравецкой службѣ, римарей, муралей [12]), клепачей [13]), плужниковъ [14]), теслей [15]), плотниковъ [16]). На Витебскомъ замкѣ были ковали, несшіе особую ковальскую службу [17]). Правда, иногда замковые ремесленники рабо-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 53.

[2]) Любавскій, о. с., 176—177, 803, прилож. №№ 29, 33 и др.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXV, л. 183.

[4]) Акты Вил., XIII, р. 24.

[5]) Кн. Зап. Лит, VI, л. 56 об.

[6]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 19 об.

[7]) Леонтовичъ, Акты, №№ 52, 111, 713; Кн. Зап. Лит., XVII, л. 498.

[8]) Ркп. № 218.

[9]) Кн. Переписей Коронныхъ, XXVII, л. 8, 16.

[10]) Документы Моск. Арх. Минист. Юст., I, 129.

[11]) Кн. Зап. Лит., XLII, л. 56, 57 (1560 г.).

[12]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 71.

[13]) Кн. Зап. Лит. XIV, л. 77 об.

[14]) Памятники Кіевск. Археогр. Ком., IV, р. 169.

[15]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 121.

[16]) Леонтовичъ, Акты, № 453.

[17]) Кн. Судн. Дѣлъ Литовск., IX, 120 об.

тали по найму, но это случалось довольно рѣдко. Въ такомъ же положеніи находились и замковые пушкари [1]), селетренники [2]) и нѣкоторыя другія службы, т. е. они служили или на платѣ [3]) или на землѣ.

На господарской землѣ сидѣли и несли съ нея службу и личные дворцовые слуги господаря. Такъ господарскій цырульникъ Л. Вольфъ получилъ на своей службѣ въ Олитской пущѣ 15 волокъ пахотной земли и 2 волоки сѣножатной [4]). Кухари дворные имѣли на кухарской службѣ надѣлъ въ двѣ волоки и были освобождены отъ всякаго иного тягла [5]). Въ такомъ же положеніи находились пекарцы, обрусные [6]), конюхи дворные [7]). Многочисленный разрядъ одверныхъ слугъ, которые „уставичне у двора нашого мешкають и служать и во впокояхъ нашихъ у дверехъ стоять“ [8]), пользовался, повидимому, наибольшими льготами. Нѣкоторые изъ нихъ сами и съ женами пользовались шляхетской навязкой за безчестье [9]), а по указамъ обоихъ Сигизмундовъ всѣ одверные получали за безчестье по 12 рублевъ [10]). За себя лично они не платили, подобно шляхтѣ, серебщины [11]). Кромѣ дачъ земли на одверницкой службѣ [12]), встрѣчаемъ еще и дачи на

---

[1]) „Пушкаръ замковый Олексѣй землю маетъ на пушкарствѣ землю пустовскую Бодюколвщину“, Докум. Московск. Арх. Мин. Юст., I, р. 92. Пушкарь Городенскій имѣетъ домъ и фольварокъ, при чемъ обязанъ „намъ служить и всякими потребы пушкарскими справовати, какъ и первый пушкаръ съ того дому и фольварку служилъ“, Кн. Зап. Литов., XII, л. 220. Ср. Кн. Запис. Лит., XXXI, л. 36 об., или въ Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 107 (1541 г.): пушкарь получаетъ въ Витебскомъ повѣтѣ землю: „А тотъ пушкаръ нашъ Кузма тыхъ земль не маетъ ни продавати, ани отдавати, ни заставляти, лечъ онъ самъ и напотомъ дети его и потомки его мають намъ службу пушкарскую на томъ замку нашомъ Витебскомъ служити, яко и передъ тымъ онъ служилъ, нижли съ тыхъ земль не маеть онъ никоторое службы служити и подачокъ давати и на боброгонъ посылати кроме маеть службу пушкарскую служыти“.

[2]) Салетреникъ Янъ (въ Дорогичинѣ) имѣетъ вольную корчму, домъ и право на дрова изъ пущи. Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 111.

[3]) Напр., Кн. Зап. Лит., XII, л. 399.

[4]) Кн. Зап. Лит., LIV, л. 73 об.

[5]) Кн. Зап. Лит., XLII, л. 1 об.

[6]) Ibidem, passim.

[7]) Кн. Зап. Лит, XII, л. 229.

[8]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 143 об.

[9]) Ibidem, l. c.

[10]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 171.

[11]) Ibidem, р. 176.

[12]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 335 об.

палацкой службѣ (въ палатахъ) [1]), музыкамъ господарскимъ [2]), карламъ и пр. Иногда и центральное правительство пользовалось спеціальными службами; напр., при скарбѣ былъ особый слесарь, „который до скарбу нашого речи слесарские робить“ [3]), были при скарбѣ и особые служебники, обязанные сторожитъ скарбъ [4]) и др.

Предшествующія бѣглыя указанія на службы имѣютъ цѣлью не столько охарактеризоватъ ихъ служебное значеніе—въ этомъ нѣтъ особой нужды ввиду предшествующихъ трудовъ,—сколько напомнить объ ихъ разнообразномъ составѣ. Для насъ гораздо важнѣе отмѣтить, что многія изъ этихъ службъ рядомъ съ своей основной повинностью несутъ и другія. Одни изъ этихъ добавочныхъ платежей и повинностей такіе же, какіе несутъ тяглецы, напр., косьба сѣна, взносъ дякла, выходъ на толоку, но другія службы уже относятся къ военному дѣлу. Это обстоятельство не дѣлаетъ, понятно, ихъ тяглецами потому что у нихъ есть своя опредѣленная служба. Такъ, по инвентарю Волковыйскаго двора, различныя дворовыя службы несли еще и добавочныя, другія—нѣтъ. Напр., рыболовы—„рыбою служать, а дякла не дають“. Рудники тоже служатъ только свою службу. Угольники, кромѣ угольницкой службы, даютъ „по вепру съ службы“, но дякла не даютъ. Бортники—„службы тяглое не служать и дякла не дають“, т. е. съ нихъ идетъ одна бортницкая служба. Служба другихъ, однако, разнообразнѣе. Бобровники—не служатъ тяглой службы, однако даютъ дякло, сѣно косятъ, а на толоку не ходятъ. Иные изъ службъ сверхъ того и на войну ходятъ. Напр., санники тяглой службы не служатъ, но ходятъ на толоку, косятъ сѣно и на войну ходятъ, но не даютъ дякла. Тоже говорится о сторожахъ. Соленики сверхъ своей службы на войну ходятъ [5]). Тоже явленіе мы встрѣчаемъ и по отношенію къ другимъ службамъ. Нѣкоторые изъ клепачей ѣздятъ на войну кромѣ исполненія своей службы [6]). Напр., при ошвиницкой службѣ давали отъ службы по копѣ грошей и „иншие всякие подачки, потому какъ и иншыи ошвиники служать и подачки дають“ [7]). При оребницкой

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 230 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 362 об.

[3]) Кн. Зап. Лит,, XLII, л. 57 об.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 214.

[5]) Помѣщено у Любавскаго въ прилож. № 8.

[6]) Кн. Запис. Лит., XIV, 77 об.

[7]) Кн. Зап. Лит., XXV, л. 53.

службѣ идетъ и дякло [1]). Конюшенная служба иногда соединяется съ платежемъ дякла [2]), а иногда и дани [3]), Кобыльники, напр., кромѣ своей службы обязаны были теребить дорогу [4]). Но указываемые факты добавочныхъ службъ не являются принадлежностью цѣлой группы службъ и во всемъ государствѣ, но составляютъ лишь мѣстныя особенности, касающіяся того или иного двора или отдѣльной семьи. Болѣе общій характеръ носитъ участіе нѣкоторыхъ службъ въ военной службѣ. Такъ, переписи 1528 г., на войну выходятъ слѣдующіе сужебники. Впрочемъ, о классахъ сельскаго населенія, несшихъ военную службу, намъ еще придется говорить впослѣдствіи.

Намъ остается еще сказать о высшихъ разрядахъ сельскаго населенія, несшихъ вотчинныя повинности и сборы, именно о боярахъ. Повидимому, бояре путные, панцырные и щитные обязаны были тѣми или иными вотчинными повинностями въ зависимости отъ разныхъ мѣстныхъ условій. Такъ, встрѣчаются службы путниковъ, обязанныхъ давать дякло [5]), платить дань [6]); панцырные Марковскіе слуги ходятъ къ двору съ топоромъ, косою и даютъ дякло [7]). Ошменскіе путники тоже выходятъ съ топоромъ и косою на работу [8]). По уставѣ дворамъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ бояре путники, осочники, бортники и др. выходятъ на толоки и даютъ осадный платъ [9]). Въ Поднѣпровьѣ и Подвиньѣ путники пользовались большими привиллегіями. Полоцкіе путники „плату никоторого до скарбу нашего (господарскаго) не даивали, одно службу военную конемъ служивали“ [10]). Тоже извѣстно

---

[1]) Любавскій, о. с., р. 776.

[2]) Ibidem, р. 843.

[3]) Ibidem, р. 328.

[4]) Кн. Зап. Лит., XVI, л. 51 об.—52.

[5]) Акты Лит.-рус. гос., I, 70.

[6]) Ibidem, р. 136.

[7]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 12 об.—13. Панцырные слуги Марковскіе жаловались на державцу: „што ж дей им от тебе и от твоих врадниковъ кривды и тяжкости ся великие деють, новины дей им уводишъ, посылаешь у подводы, з листы своими и кажешь им на дворъ дерево возить и с топоромъ на роботу ходить“. Наведены были справки, и старцы и мужи показали, что эти слуги: „у подводу не ездчивали и коней не воживали и не подгребали, только конемъ служать, на войну ездять и з сохою и з бороною и с косою и з серпомъ некоторые врочные дни робять“ (ibidem, л. 166).

[8]) Кн. Переп. Кор., XXVII, л. 11.

[9]) А. З. Р., II, 196.

[10]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 83 об.

и относительно, напр., могилевскихъ путниковъ [1]) и др. По люстраціи Полоцкаго староства путники даютъ въ скарбъ только бобровщину— разумѣется, тѣ только, которые пользуются бобровыми гонами, но за то они даютъ нѣсколько платовъ на мѣстную администрацію [2]). Нѣсколько выше путниковъ и панцырныхъ стояли жмудскіе бояре— ройтиники; вѣроятно, это было мѣстное названіе бояръ [3]). Въ литовскихъ повѣтахъ тоже значеніе имѣетъ посѣдное боярство; оно не было хоруговнымъ [4]), т. е. шляхетствомъ въ собственномъ смыслѣ. Положеніе его было такое же, какъ и положеніе бояръ на службѣ частныхъ вотчинниковъ, и по происхожденію своему это боярство на господарскихъ земляхъ является именно съ переходомъ частныхъ вотчинъ къ господарю. При Сигизмундѣ Августѣ, когда служба земская съ господарскихъ имѣній дѣлается обязательною, скарбъ увеличиваетъ ряды этого боярства.

Изложенныхъ бѣглыхъ указаній [5]) вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ разнообразіи податныхъ обязанностей спеціальныхъ службъ. О какой нибудь правильности и послѣдовательности по отношенію ко всѣмъ службамъ не можетъ быть и рѣчи. Во многихъ случаяхъ наростаніе побочныхъ сборовъ могло сложиться на той или иной службѣ путемъ какого-нибудь прецедента, сліянія со службой неокладной оброчной земли и угодій и т. п. Однако уставы обоихъ Сигизмундовъ вводятъ извѣстную нивеллировку въ повинностныя отношенія спеціальныхъ службъ. Древнѣйшая устава дворамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ имѣетъ лишь ввиду сокращеніе нѣкоторыхъ службъ, излишнихъ для двора. Такъ, она предписываетъ оставлять при дворахъ бобровниковъ, ковалей и солениковъ на ихъ спеціальной службѣ „съ потребу", столько, сколько на годъ „въ томъ дворѣ нашомъ можно обойтися", а остальныхъ или облагать день-

---

[1]) Акты Зап. Рос, I, 366.

[2]) Scriptores rerum polonicarum, V.

[3]) Люди волостные пенянскіе показывали относительно трехъ бояръ: „якобы они перед тымъ были слуги путныи, а не бояре, а завжды перед тымъ з державцы того двора пашого Пенянскаго здавна ежчывали при возехъ ихъ, и поседи даивали и службу ройтенпцкую служывали, где имъ роскажуть" (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 135. Ср. свидѣтельство Жмудской уставы 1529 г. (Акты Зап. Р., II, 201),

[4]) Любавскій, о. с., р. 542.

[5]) Большой подборъ аналогичныхъ фактовъ см. въ книгѣ г. Любавскаго „Областное дѣленіе", р. 323 сл. Ср. Ѳ. И. Леонтовича, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр. 1897 г., № 5, р. 1 сл.

гами (солениковъ), или сажать на оброкъ; ковали давали оброку по копѣ грошей [1]). Это первая общая попытка въ регуливаніи службъ, но, какъ видимъ, слишкомъ слабая и неопредѣленная.

Устава 1529 г. вводитъ болѣе важныя постановленія. Прежде всего она относится уже ко всѣмъ дворовымъ службамъ и отчасти къ не-дворовымъ. Такъ, ея постановленія касаются бояръ путныхъ, осочниковъ, рыболововъ, бортниковъ, ковалей и другихъ подда́ныхъ, „которыи тяглоѣ службы не служатъ“. Всѣ они обязаны „сѣно косити по старому“ и сверхъ того выходить на толоку 12 дней: работа на толокѣ—исключительно касается обработки пашни. Далѣе, излишнія количества дворовыхъ службъ устава предлагаетъ отсаживать на осаду, „а втакже съ тыхъ людей, ино осочниковъ, рыболововъ, ковалевъ на дворную потребу по колку службъ зоставити“ [2]). Косьба сѣна для нѣкоторыхъ службъ, какъ видимъ, была исконною повинностью, но толоки—новиной, противъ которой въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подданые протестовали. Такъ осочники Переломскаго двора жаловались на то, что намѣстникъ, на основаніи новой уставы, заставляетъ выходить на дворовую пашню и платить осадные пенязи; между тѣмъ основная ихъ служба заключалась въ сторожѣ лѣса. Король освободилъ ихъ отъ толокъ [3]). Новая устава вызвала такимъ образомъ такое толкованіе, что съ осочниковъ державцы стали требовать, сверхъ ихъ коренной службы, еще осады и толоки, установленныя ею. И это было вводимо не въ одномъ Переломѣ. Писарь дворовъ Виленскаго повѣта привернулъ осочниковъ Дарсунишской державы къ тяглой службѣ; тѣ протестовали и жаловались королю, говоря, что „они завжды уставичне пущъ нашихъ Дарсунишское Румшишское Ковенское стерегутъ и в осоку ездять, а такъ трудно дей имъ на двое служити, бо дей они николи за предковъ нашыхъ тяглое службы не служивали, и подачокъ недавали, нижли здавна пущи нашое стерегивали а иншие дей з нихъ ездчивали на войну“ [4]). Только около времени введенія волочной системы вопросъ о дворовыхъ службахъ, а также о низшемъ военно-служиломъ классѣ господарскихъ державъ и волостей былъ окончательно урегулированъ.

---

[1]) Любавскій, о. с., прилож. № 23.
[2]) А. З. Р., II, р. 196.
[3]) Книга Зап. Лит., XVII, л. 43.
[4]) Книга Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 340.

Выше уже нѣсколько разъ приходилось упоминать о возможности перехода какъ тяглыхъ людей, такъ и служебниковъ на осаду. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію различныхъ видовъ эксплоатаціи скарбомъ земель и угодій на условіяхъ извѣстной платы, независимо отъ служебнаго положенія того или иного лица. Эти формы эксплоатаціи земель на „платѣ“ были весьма разнообразны, такъ какъ онѣ незамѣтно сливаются съ различными формами эксплоатаціи оброчныхъ статей.

Разсмотрѣнныя выше доходныя статьи господарскаго скарба, шедшія съ подданыхъ, раскладываются на службы, какъ на извѣстныя единицы обложенія. Живущіе на этихъ службахъ крестьяне не пользуются правомъ собственности (въ тогдашнемъ ея значеніи) на занятыя ими земли. Однако рядомъ съ крестьянскими землями въ средѣ господарскихъ волостей и державъ были и такія пахотныя земли или угодія, которыя сдавались крестьянамъ на условіяхъ оброка. Въ русской исторической литературѣ составилось прочное представленіе объ оброкѣ, какъ объ арендной платѣ съ государственныхъ имуществъ [1]).

---

[1]) Кури объяснялъ оброкъ въ широкомъ его значеніи, какъ „плату за пользованіе извѣстнымъ предметомъ“; но при этомъ онъ отличаетъ оброкъ, какъ доходъ съ государственныхъ имуществъ и регалій, и оброкъ, какъ „подать платимую взамѣнъ разнообразныхъ повинностей и сборовъ“ (О прямыхъ налогахъ, р. 24). Также расчленяетъ понятіе оброка и Толстой (Финанс. учрежд., 19, 20). Эти опредѣленія, сдѣланныя не безъ вліянія соч. Гагемейстера (Раз. о финансахъ древней Россіи, 93), вызвали однако возраженіе со стороны Осокина, который видѣлъ въ оброкѣ „плату правительству за предоставленіе права частному лицу или установленію пользоваться землею или также заниматься какимъ нибудь промысломъ, принадлежащимъ по преимуществу казнѣ, даже вообще такъ называемый сборъ за предоставленіе какой нибудь привиллегіи“. Это опредѣленіе, стоя ближе къ истинному смыслу источниковъ, страдаетъ однако, въ послѣдней его части, широтою, не соотвѣтствующею характеру оброка. Впрочемъ, приведенныя самимъ авторомъ грамоты источниковъ показываютъ, что и онъ самъ подходилъ уже къ понятію поземельнаго оброка, какъ аренды за пользованіе государственными имуществами. (О понятіи промысловаго налога, р. 33—34). Незабытовскій, а за нимъ новѣйшіе изслѣдователи опредѣленно считаютъ оброкъ арендной платой, которая съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, по замѣчанію г. Лаппо-Данилевскаго, превратилась въ потомственную аренду, объемъ которой опредѣлялся не столько договоромъ, сколько обычаемъ. (Организ. пр. обложенія, 36). Срав. Милюкова, Спорные вопросы, 11. О новгородскихъ оброчныхъ земляхъ и оброкѣ съ нихъ см. интересныя данныя у архим. Сергія, Новгородскій уѣздъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. Истор.-экономич. оч. М. 1900 г., р. 34, 37 и др.

По опредѣленію Незабытовскаго оброки отличались отъ тягла тѣмъ, что „составляли наемную плату за разныя отдѣльныя статьи дохода. Величина оброка соразмѣрялась съ важностью оброчной статьи, а не съ обширностью хозяйства, обротчику принадлежащаго“ [1]). Съ такимъ же характеромъ поземельнаго оброка мы встрѣчаемся на западно-русской почвѣ. Литовско-русская аренда земли, какъ и другія ея средневѣковыя формы, имѣетъ черту, отличающую ее отъ современныхъ формъ арендныхъ договоровъ: въ современномъ договорѣ существеннымъ условіемъ является срочность его или безсрочность, тогда какъ въ средневѣковомъ договорѣ найма земли онъ предполагается безсрочнымъ, и высота арендной платы или продолженіе договора зависитъ отъ воли верховнаго собственника земли, имѣющаго на нее dominium eminens. Обычай и косность сельскохозяйственной жизни дѣлали оброчную плату малоподвижной и самое пользованіе для держателя весьма устойчивымъ,—настолько, что самое оброчное пользованіе незамѣтно сливалось съ нѣкоторыми видами тогдашняго землевладѣнія.

Оброчные платежи [2]) въ западно-русскихъ актахъ обыкновенно называются вроками, врочными, врочистыми платами. Иногда оброчныя земли назывались „поклонными“, потому что раздавались „съ поклону“ [3]). О врочистыхъ платахъ говорятъ уже памятники XV в. Напр., при Александрѣ изъ Буйгородка, Катаны и др. волостей въ скарбъ шло врочное серебро [4]). Въ удѣльныхъ княженіяхъ тоже былъ извѣстенъ способъ отдачи земель на врочистомъ платѣ [5]). Въ XVI в. въ господарскихъ имѣніяхъ врочные платы брались обыкновенно деньгами, почему оброкъ, какъ „платъ голый пеняжный“, противополагается натуральнымъ [6]). Въ Подвинскихъ и Поднѣпровскихъ волостяхъ оброкъ

---

[1]) Собраніе сочиненій. Кіевъ, 1884, р. 13.

[2]) Хотя извѣстно выраженіе „оброчные пенязи“. Ср., напр., листъ короля писарямъ скарбнымъ съ приказаніемъ отсчитать при разсчетѣ въ скарбѣ старостѣ бобруйскому Станиславу Довойнѣ 23 копы и 2 гроша польскихъ, которые онъ выдалъ мысливцамъ и стрѣльцамъ во время королевскихъ лововъ изъ пенязей „*оброчныхъ*“. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 402 об. (1560 г.).

[3]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 162.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, 51.

[5]) Напр. Ревизія пущъ и пр, р. 336. Ср. въ люстраціи Кіевской земли 1471 г., гдѣ пустовщины отдаются на „полуконѣ“ или на „третинѣ“ (р. 8), на „вроцѣ“ (р. 2, 3). О сдачѣ земли „съ трети“ см. еще въ Актахъ Леонтовича №№ 238, 359.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 1—2.

съ пахотной земли носилъ названіе позема [1]). Впрочемъ, поземъ здѣсь взимался обыкновенно на частновладѣльческихъ земляхъ [2]). На господарскихъ же земляхъ оброкъ иногда назывался куницею, куничнымъ платомъ.

Въ оброкъ господарскимъ скарбомъ сдавались какъ пашенныя земли, такъ и различныя угодья и пустовщины, т. е. оставленныя крестьянскія службы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовали обширныя оброчныя статьи и тогда уплата оброка за нихъ принимала опредѣленныя формы. Но сверхъ этого оброчныя земли встрѣчались повсемѣстно среди волостей, почему и условія пользованія ими были различны. Арендная плата для земель послѣдняго рода назначалась сообразно ихъ хозяйственной цѣнности. „Того во всихъ дворехъ нашихъ,—говоритъ листъ 1540 г. относительно раздачи пустовскихъ земель,—у вобычаи нетъ, абы ото всякихъ таковыхъ земль в ровность платъ на насъ мелъ приходити: нижли отъ иншия отъ добрыя по копе грошей платять, а от подлейшихъ по сороку и по полукопью грошей“ [3]). Разумѣется, принимался въ разсчетъ и размѣръ снимаемой земли. Вообще размѣръ оброчной платы зависѣлъ отъ условій, на которыхъ подданый получалъ землю. Такъ, когда господарскій писарь принималъ въ скарбъ вымороченное, послѣ Гаштольдовъ имѣніе Радошковичи, онъ перелагалъ старые оброчные натуральные платежи на деньги. Напр., одну пустовскую землю, держанную на бочкѣ соли, писарь преложилъ на платъ въ 30 грошей; этой земли было на 10 бочекъ и сѣнокоса на 12 возовъ [4]); въ другихъ случаяхъ назначались платы въ бóльшихъ или меньшихъ размѣрахъ, очевидно, сообразно качеству и количеству земли [5]). Князь К. Острозскій получилъ въ 1498 г. волость Бѣлицкую въ Смоленскомъ повѣтѣ, въ которой нѣсколько человѣкъ сидѣли „на вроцѣ“, одинъ платилъ „четьверы колеса“, другой—медовую дань и т. д. [6]).

Садившійся на оброчной землѣ получалъ ее или на основаніи устнаго распоряженія державцы или старосты, которое записывалось въ инвентари,—какъ это мы видѣли въ Радошковской державѣ,—или

---

[1]) Акты Зап. Рос., I, 103.

[2]) Scriptores rerum polonicarum, t. V; ревизія Полоцка passim.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 86.

[4]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 103.

[5]) Ibidem, p. 100, 109 и др.

[6]) Любавскій, прил. № 2.

получалъ листъ отъ державцы, а иногда и отъ короля. Въ листѣ обыкновенно указывается размѣръ плата и объемъ держанія „зо всимъ тымъ, какъ предкове его отъ давныхъ часовъ держали и уживали *до воли и ласки нашое* господарское па сороку грошей литовскихъ“,— какъ говоритъ одинъ такой листъ [1]). Въ иныхъ листахъ еще содержится объявленіе объ освобожденіи подданыхъ отъ разныхъ другихъ службъ и дачекъ. Такъ, двое подданыхъ с. Стадниковъ Дорочицкаго повѣта, прося о подтвержденіи земли на платѣ, данной имъ королевою Боною, „поведили передъ нами, штожъ королевая наша великая кнегиня ее милость Бона *приняла ихъ за подданыхъ* своихъ и вызволила ее милость ихъ отъ всихъ службъ и дачокъ замковыхъ, нижли росказала имъ собе служити и плату врочистою давати каждому с нихъ особно въ кождый годъ светого Мартина по два золотыхъ черленыхъ потому, какъ и *иншие* поддани ее милости“, сидящіе въ томъ же селѣ, платятъ [2]). Для выясненія условій, на которыхъ земли отдавались на врочистомъ платѣ, приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Ловецъ Лидской волости выпросилъ въ 1540 г. у господаря подтвержденіе на данную ему державцею землю „на врочистомъ плату“, земля дана ему на врокѣ „по 40 грошей а толокъ 12 на лете служити, а иншихъ службъ и подачекъ“ онъ не исполняетъ; державца далъ землю „до ласки“ господарской, но въ господарскомъ листѣ [3]) ничего не сказано о срокѣ, т. е. условіе остается прежнее. Другой подда́ный той же волости получаетъ землю пустовскую на поль-службы „на платѣ“ въ 30 грошей при шести толокахъ въ лѣто, съ освобожденіемъ отъ всякихъ службъ [4]). Подданый Еско получаетъ землю конюшескую пустовскую на „урочистомъ плату“ въ 20 грошей безъ всякихъ другихъ условій. Листъ данъ „до воли господарское“ [5]). Иногда пустовская земля, съ которой давно службы нѣтъ, отдается совсѣмъ безъ всякого плату [6]).

Листы отдаютъ землю обычно „до воли и ласки господарское“. Однако на врочныхъ земляхъ подданые иногда жили поколѣніями и господари охотно подтверждали потомкамъ держателей тѣ земли,

---

[1]) Кн. Зап. Лит., LXXII, л. 27.

[2]) Кн. Зап. Лит., XII, л 142 (1524 г.).

[3]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 98 об. 1524 г.).

[4]) Ibidem, л. 195 об. 196.

[5]) Ibidem, л. 197.

[6]) Ibidem, 197 об.

которыя обработаны уже ихъ предками [1]). Вообще скарбъ внимательно относился ко всякой меліораціи на земляхъ подданыхъ, охотно отступая даже отъ уставъ, когда требовалось сохраненіе хорошо воздѣланнаго участка земли [2]).

Оброчныя земли, о которыхъ мы только что говорили,—большею частью такъ называемые „острова“ или „розробки“. Получающійся съ такихъ земель врочный платъ увеличивалъ скарбовый доходъ вслѣдствіе поступленія въ хозяйственный оборотъ новыхъ земель, но особенно скарбовая администрація стремилась къ сдачѣ на оброкъ пустовщинъ, т. е. покинутыхъ крестьянами служебныхъ земель. Это были уже культурныя земли—готовыя роспаши, лезива, борти; наконецъ, это были земли уже числившіяся въ скарбовомъ окладѣ. Неудивительно, что всѣ инструкціи державцамъ переполнены наставленіями и приказаніями, касающимися эксплоатаціи этихъ пустовщинъ. Пустовскія земли иногда отдавались цѣликомъ, т. е., вся служба. Это означало получить землю на „особную“ службу, т. е., когда крестьянинъ бралъ, сверхъ своей службы, еще и цѣлую пустовскую землю. Такъ, люди Наровичи Переломской державы получили отъ короля пустовскую дякольную землю съ обязательствомъ служить съ нея и

---

[1]) Приведемъ, въ сокращеніи, любопытный въ этомъ отношеніи актъ. Сигизмунду-Августу бьетъ челомъ подданый Мартинъ Чехъ „и поведилъ передъ намы, ижъ первей сего король его милость панъ отецъ нашъ далъ ему у волости Переломской въ Понемони землю бортскую на имя Андрушовщину на плату нашомъ врочистомъ на осмидесятъ грошехъ, на которую первей чоловекъ волости Переломской на имя Васюкъ его за сына место себе былъ взялъ и самъ измеръ, которую жъ землю за мытомъ и даниною короля его милости пана отца нашого онъ и теперъ к рукамъ своимъ держитъ и тотъ платъ врочистый з нее полнитъ. И оный листъ его кролевской милости на тую землю передъ нами онъ покладалъ. И билъ намъ чоломъ, абыхмо при томъ зоставили и тую землю листомъ нашимъ ему подтвердили... Ино мы... на чоломбитье его то вчинили, при той земли Андрушовщине его самого, жону и дети его зоставуемъ и то имъ симъ листомъ нашимъ потвержаемъ до воли и ласки нашое господарское: нехай они тую землю на себе держать и вживають. А тотъ платъ врочистый намъ з нее польнять водле листу данины короля его милости пана отца нашого“ (1546 г.). Кн. Зап. Лит., XXIX, л. 79 об.—80.

[2]) Подданый двора Красницкаго Зань жаловался на державцу Л. Война, что онъ при помѣрѣ отнимаетъ у него засаженную садомъ волоку и передаетъ другому: на волокѣ Зань „насадилъ и прищепилъ садъ немалый, яблонь и грушъ дерева съ полторы копы“. Господарь оставляетъ волоку за подданымъ, хотя это нарушитъ порядокъ волочной помѣры,—„абы онъ працы и накладу своего отдаленъ не былъ“ (Кн. Зап. Лит., XLII, л. 65—66).

давать дякло „потому, какъ и первей того съ тое земли служба наша шла и дякло даивано“ [1]). Иногда многорабочая семья брала нѣсколько пустовщинъ на особной службѣ. Такъ, подданый Городенскій Ив. Оленевичъ, имѣвшій „земли отчизное вельми мало“, выпросилъ у короля въ 1511 году пустовскую землю „на особной“ службѣ и дяклѣ и сверхъ того еще оставленную землю своего дядковича: послѣднюю онъ получилъ къ отчинной землѣ безъ платовъ, но только до возвращенія отчича этой земли [2]). Здѣсь мы сдѣлаемъ оговорку, что, какъ врочныя, такъ и служебныя пустовскія земли могли брать не одни подданые, но и лица другихъ сословій, напр., бояре, мѣщане [3]). Однако чаще всего эксплоатація пустовщинъ расчленялась, т. е. на оброкъ шли отдѣльно, напр., пахотныя земли, отдѣльно бортныя, бобровые гоны и пр. Это дѣлалось, вѣроятно, потому, что раздаваемыя отдѣльно угодья пустовскихъ земель скорѣе находили съемщиковъ. Такъ въ Бобруйской волости по уставѣ 1528 года державца долженъ былъ наблюдать за раздачею пустовщинъ. Эта устава имѣетъ въ виду раздачу именно на оброкъ пустовщинъ крестьянамъ, уже владѣющимъ своими участками, слѣд. не отчичамъ пустыхъ селищъ. Пустовщины тутъ раздавались или цѣликомъ и тогда съ нихъ взималась слѣдуемая дань полностью, или же отдѣльно борти и отдѣльно пахотная земля. Соотвѣтственно послѣднему оброкъ состоялъ или въ медовой дани или въ грошовой (за пахотную землю). Незанятыя пустовщины, борти „подлаживались“ на господаря, очевидно принудительнымъ путемъ. Интересно, что врадничьи доходы брались только съ „живаго“, т. е. съ заселенныхъ службъ, а съ пустовщинъ не взимались [4]).

Мы видимъ, что грамота бобруйскому державцѣ заботливо регулируетъ вопросъ о пустовскихъ оброчныхъ земляхъ. Забота правительства въ этомъ отношеніи вполнѣ понятна: во-первыхъ, оно постоянно стремилось къ заселенію незанятыхъ земель и во-вторыхъ, эксплоатація пустовскихъ и другихъ оброчныхъ земель при всей ея прибыльности могла ускользать изъ подъ наблюденія скарба, вслѣдствіе недобросовѣстности мѣстныхъ агентовъ, или вызывать жалобы

---

[1]) Акты Литов.-русск. госуд., т. I, p. 57.

[2]) Ibidem, p. 149—150.

[3]) См. напр., ibidem. Писцовыя книги Пинскаго староства. II, p. 470. О мѣщанахъ оброчникахъ сказано будетъ ниже.

[4]) Кн. Зап. Литов., XV, л. 172—174.

населенія, вслѣдствіе несправедливыхъ вымогательствъ со стороны державцевъ.

Устава дворамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ тоже выказываетъ заботливость о пустовскихъ земляхъ: державцамъ строго воспрещается отдавать ихъ въ оброкъ въ свою пользу [1]), но приказывается „наймовать“ ихъ за деньги или за медъ на господарскій пожитокъ [2]).

Выроки и уставы господарскіе, стараясь предупредить злоупотребленія со стороны мѣстной администраціи въ раздачѣ пустовщинъ, имѣли въ виду, конечно, и дѣйствительные факты. Такъ, напр.: мы встрѣчаемъ жалобы на стремленія державцевъ взимать двойную плату съ пустовскихъ земель [3]). Могилевская волость страдала отъ того, что мѣстные старосты взимали съ волощанъ за пустыя земли, никѣмъ не эксплоатируемыя [4]). И это повторялось не одинъ разъ, не смотря на запрещенія [5]). Иногда агенты чрезмѣрно усердствовали не только въ свою пользу, но и въ интересахъ скарба. Вся волость Ушпольская жаловалась въ 1540 году на писаря дворовъ Виленскаго повѣта Михаила Андрушевича за то, что онъ сверхъ всѣхъ платовъ наложилъ на волость 100 копъ грошей да съ пустовскихъ земель— худыхъ и хорошихъ наложилъ по копѣ грошей, отчего волость „къ впаду немалому пришла и многие дей с нихъ прочь ся розышли“. По этому поводу назначена была для разсмотрѣнія жалобы даже специальная комиссія, рѣшеніе которой, однако, намъ не встрѣтилось [6]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ литовско-русское правительство систематически стремится къ наиболѣе выгодной эксплоатаціи пустовщинъ и къ расширенію культурной площади посредствомъ раз-

---

[1]) Акты Зап. Рос., II, 198.

[2]) Ibidem, p. 196.

[3]) Приведемъ любопытную „жалобницу“, которую подалъ старостѣ человѣкъ Микутисъ: „Милостивы пане. Я, подданый господарский и в. м., з Потулинъ Микутис Станиктисъ жалую Богу и в. м. (на) наместника в. м. Рокотовскаго, ижъ времъ есьми милостивый пане к отчызне своей землю пустую дани по двадцати грошей давати. И онъ, милостивы пане, с тое пустое земли женеть мене на службу тяглую, а перед тымъ того не бывало. Естли жъ, милостивы пане, кажете намъ по две службы служыти, тогды мы послужыти не можемъ, а пойдемъ прочъ. В томъ пакъ воленъ Богъ и в. м. господаръ нашъ милостивы“ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, л. 315 об.).

[4]) Акты Лит.-русск. госуд., I, 192.

[5]) Кн. Зап. Лит., XVII, 2 об.

[6]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 85—86 об. и XXIII, л. 9 об.

витія оброчныхъ земель. Однако нельзя не замѣтить, что хронологически эти стремленія правительства относятся ко времени съ половины правленія Сигизмунда I. Если присмотрѣться къ дѣятельности королевы Боны, то легко подмѣтить въ ея хозяйственныхъ пріемахъ именно стремленіе культивировать оброчныя статьи на условіяхъ денежной платы. Она широко раздавала листки на оброчныя земли. По ея настоянію королемъ была отдана оброчная устава для всѣхъ подданыхъ, имѣвшихъ входы въ Городенскую пущу [1]). Можно, по-

[1]) Приведемъ извлеченіе изъ этой уставы, изданной въ 1538 г. и представляющей любопытныя бытовыя подробности. Устава выдана на имя всѣхъ „сторожей, осочниковъ, слугъ путныхъ, ковалей, кухарей, служебныхъ, одверныхъ пекарцовъ" и „иншымъ усимъ подданымъ нашимъ повету Городеньского, который уходы свои и дерево бортное и сеножати у пущи Городеньской мають". Королевѣ Бонѣ „справено нжды в той пущи ее милости Городеньской уходы свои маете и дерева бортного и сеножатей тамъ вживаете, а с того жадного пожитку и никоторого плату до скарбу ее милости нетъ. Яко жъ намъ ся виделo тыи вси входы ваши и дерева бортныи казати списати и росказали были есмо ключнику городеньскому пану Лукашу Гринковичу, оныи вси уходы и дерева ваши бортные списавшы, тые реистра передъ нами положити што жъ онъ за росказаньемъ нашымъ учынилъ, пописавшы то все, оныи реистра перед нами покладалъ, с которыхъ же мы зрозумевшы такъ установили: хто кольве з васъ будетъ оныхъ входовъ и дерева бортного и сеножатей у пущи ее милости Городеньской уживати, тотъ маеть с кождого лезива королевой ее милости до ключа городеньского давати по медницы меду або по полукопью грошей". Но только немногіе изъ подданыхъ стали платить этотъ оброкъ, а другіе не хотятъ. Поэтому король вновь напоминаетъ свое требованіе и разъясняетъ порядокъ завѣдыванія входами. „А кгды будете до тыхъ уходовъ своихъ ходити, вы бы ключнику городеньскому ся оповедили и за его печатью тамъ ходили, же бы дереву бортному никоторое шкоды ни от кого не было. А естли бы хто з васъ оного плату королевой ее милости подле уставы нашое полнити не хотелъ, ино мы на томъ зоставили, ижъ таковый кождый маеть вси дерева свои бортныи и подписныи и сѣножати, што к землямъ бортнымъ прислухають, вси сполна заведшы, яко сами держали ключнику городеньскому Лукашу здати и клейна свои ему жъ поотдавати; а королевая ее милость маеть тамъ для того своихъ бортниковъ уставити, абы пожитки ее милости не гинули; а такъ ли бы есте за тымъ росказаньемъ нашымъ оныхъ платовъ з уходовъ своихъ королевой ее милости водле уставы нашое выдавати, а ни дерева своего бортного и сеножатей и клеенъ ключнику городничому завести и здавати не хотели, а мели пред ся до пущи Городеньское уходити и того по давному уживати, и мы велели пану Лукашу Гринькевичу осочниковъ и сторожовъ в чьей осоце тыи земли бортныи будуть на то установити и того з великою пильностью стеречы, и хто бы кольве над теперешнее росказанье наше смелъ того ся допустити и до пущи Городеньское к онымъ уходомъ ходити, таковыхъ всихъ казали есмо ему тамъ имати и до казни нашое у замокъ Городеньскій ихъ давати, абы черезъ то жадное шкоды королевой ее милости в томъ не было" (Кн. Зап. Лит., XIX, лл. 249—250).

этому думать, что ея примѣръ и въ данномъ случаѣ не остался безъ вліянія на господарское хозяйство. Разумѣется, трудно учесть количественные результаты этой политики обоихъ Сигизмундовъ.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ объ оброчныхъ доходахъ, шедшихъ или съ пустовщинъ, или съ внѣ-волостныхъ земель. Если слѣдить за любымъ описаніемъ староства, то станетъ понятно значеніе этихъ послѣднихъ земель. Среди грунтовъ села встрѣчались особые клочки земли, бо́льшей или меньшей величины, но бывшіе въ пользованіи этого села. Это „острова", „застѣнки", „лишки", „злишки" (при волочной помѣрѣ) и пр. Эти земли разбросаны среди службъ. Ихъ берутъ на врокѣ или семьи, уже сидящія на службахъ или волокахъ, или пришельцы, довольствующіеся этими врочными землями, или, наконецъ, небогатые землею бояре и мѣщане. Однако раньше было упомянуто, что въ распоряженіи скарба были еще болѣе крупныя оброчныя статьи дохода, иногда лежавшія на пространствѣ цѣлой области. Нѣкоторые изъ этихъ оброчныхъ доходовъ отличались большою древностью, другіе возникли въ позднѣйшее время. При нѣкоторыхъ замкахъ встрѣчаются цѣлые грунты земель, дававшихся въ арендное пользованіе. Такъ, подъ Житомиромъ сдавались въ аренду господарскія поля [1]); тоже мы встрѣчаемъ и подъ другими замками. Бравшіе на оброкъ земли мѣщане здѣсь обыкновенно называются куничниками. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію одного изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ оброка—куницы. Въ литературѣ встрѣчается утвержденіе, что „данники, которые платили свою подать куницами, носили спеціальное названіе куничниковъ, а земли ихъ куничными" [2]). Съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Есть также противорѣчіе и въ другомъ мнѣніи, высказанномъ проф. Леонтовичемъ. Онъ полагаетъ, что жмудскіе куничники владѣли своими землями куничными и платили съ нихъ дань. Впрочемъ далѣе онъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ куничниковъ-арендаторовъ пахотной земли и то, что куничники—не всегда профессіональные ловцы [3]). Прежде всего надо замѣтить, что куничники не были собственниками обрабатываемой ими куничной земли, но только арендаторами. Затѣмъ, необходимо строго различать дань куничную, шедшую куни-

---

1) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 69—70.

2) Любавскій, р. 340.

3) Крестьянскій дворъ. Ж. М. Н. Пр. 1897, май, р. 33.

цами шерстью или въ переложеніи ихъ на деньги, отъ куничныхъ платовъ, пенезей, куницъ, вносившихся за пахотную землю. Куничная дань взималась съ охотничьихъ угодій преимущественно въ восточныхъ волостяхъ. Это былъ, какъ мы знаемъ, тоже оброчный доходъ, но съ охотничьихъ угодій. Куничные же платы съ пахотной земли нигдѣ не называются данью, но платами, пенезями, или прямо куницами. Терминъ—куничный платъ имѣлъ довольно разнообразное употребленіе въ западно-русскихъ актахъ: на куницѣ шли въ аренду и пахотныя земли и разныя угодія (не только куничныя ловли). Такъ, въ с. Рѣчицѣ съ подданыхъ взимался платъ куничный за вольный уступъ въ рѣку, при чемъ куницы были переложены на деньги [1]). Въ южно-русскихъ староствахъ на куницахъ сдавались въ оброкъ пасѣки [2]). Это словоупотребленіе показываетъ, что землепашцы-куничники такъ стали называться не потому, что отъ охотничьяго промысла перешли на пашню, но, вѣроятно, потому, что арендная плата вносилась куницею. Отсюда будетъ понятенъ и терминъ свадебной или „змирской“ куницы. Дѣйствительно, куницы вносились въ древнѣйшее время „шерстью“, а въ позднѣйшихъ актахъ куницы таксируются на деньги, при чемъ въ разныхъ мѣстностяхъ расцѣниваются весьма различно [3]). По отношенію къ пахотной землѣ держать землю на куницѣ было аналогично держанію на „вроцѣ“, отчего и формы отдачи земли на куницъ тѣ же, что и на оброкъ. Мы, напр., встрѣчаемъ куничниковъ, держащихъ пустовщины [4]). Очень часто замковая пашня сдавалась на куницѣ мѣщанамъ, такъ какъ державца ее не запахивалъ.

Такъ, напр., въ Чернобылѣ, пока не было замка, мѣщане и волощане ходили на работу замковой пашни, но съ устройствомъ замка пашня разбиралась на куницы, вѣроятно, потому, что въ замѣнъ барщины подданымъ пришлось исполнять замковыя повинности. „Мѣщане, которые пашутъ земли, даютъ отъ того враднику на годъ каждый за куницу по 12 грошей“; однако доходъ отъ этихъ „пашенныхъ куницъ“ не одинаковъ, „бо не завжды ровно пашниковъ бы-

---

[1]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 158.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. I, р. 90, 604.

[3]) Археограф. Сборн., VI, р. 16; А. З. Р., I, 27; Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 59.

[4]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 109.

ваетъ" [1]). При остерскомъ замкѣ тоже были мѣщане, сидѣвшіе на куницахъ [2]), очевидно при аналогичныхъ условіяхъ. Подъ Мозыремъ не было мѣщанскихъ полей, отчего мѣщане арендовали пашни у волощанъ [3]). Сверхъ того они снимали и замковыя пашни на куницахъ [4]). Оршанскіе мѣщане большею частью имѣли за городомъ пахотныя поля, однако часть ихъ не имѣла полей, а только хаты и огороды въ городѣ; люстраторъ называетъ ихъ куничниками, очевидно, потому, что они снимали, какъ безпашенные, еще и куничныя земли [5]).

Разумѣется, и въ селахъ встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на куницахъ [6]).

Уже предшествующія указанія даютъ достаточно данныхъ для уясненія того, что сущность разсматриваемаго куничнаго плата заключается въ арендѣ съ пахатной земли. Мы видѣли, что мѣщане Чернобыльскіе, Мозырскіе, не имѣя собственныхъ земель, арендуютъ пашни на куницахъ. Самая форма аренды является краткосрочной, такъ какъ замковыя пашни иногда и не всѣ снимаются; весьма вѣроятно, что и участки распредѣляются арендаторамъ каждый разъ съизнова. Можно привести и другія данныя, подтверждающія только что сказанное. Такъ одинъ ошвинникъ проситъ о двухъ земляхъ пашенныхъ; эти „землицы здавна впусте лежали, а службы з нихъ отъ давныхъ часовъ никоторое не бывало, нижли только это ихъ пахивалъ, тотъ на насъ (господаря) по куницы даивалъ—по дванадцати грошей" [7]). Въ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли, относящейся къ XV в. зарегистрованы уже куничники, но они по заявленію люстратора „гольтяи", т. е. люди „што земли не держатъ" [8]).

Очевидно, что они, не имѣя собственной земли, снимали ее на куницѣ. Куничная земля отличается отъ окладной службы. При ре-

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос, ч. VII, т. I, p. 588—9.

[2]) Ibidem, p. 598.

[3]) Ibidem, p. 624.

[4]) Ibidem, p. 623.

[5]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 128.

[6]) Scriptores rerum polonicarum, V, въ ревизіи Полоцкаго староства. Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 99, 109, 118 и др.: Арх. Юго-Зап Рос., ч. VII, т. I, p. 120.

[7]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 53.

[8]) Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, p. 1 и 5.

визіи Пинскаго староства въ 1552—1555 годахъ люстраторы отстояли „приселеніе", т. е. окладной участокъ отъ куничной земли; при этомъ встрѣчаемъ также и факты держанья пустовщинъ на куницѣ [1]). Таковъ характеръ куничнаго плата въ самыхъ различныхъ частяхъ государства [2]). Но куничники, какъ и другіе оброчники, большею частью разбросаны въ волостяхъ, замкахъ и державахъ или въ одиночку, или сравнительно небольшими гнѣздами. Это вполнѣ естественно ввиду самого характера оброчной земли. Однако на Жмуди куничный платъ, какъ доходная статья, занимаетъ весьма видное мѣсто, такъ какъ здѣсь было очень много куничныхъ земель.

О жмудскихъ куничникахъ источники говорятъ съ очень ранняго времени [3]), при чемъ тогда уже со стороны правительства замѣтно стремленіе къ удержанію куничниковъ въ своемъ распоряженіи [4]).

Въ XVI в. размѣръ куничныхъ платовъ и ихъ собираніе не разъ занимаютъ вниманіе правительства. Въ этомъ отношеніи весьма важна устава 1529 года, сопровождаемая послѣдующими распоряженіями по администраціи собиранія куничныхъ платовъ. По уставѣ 1527 года жомойтскіе куничники обязаны платить „подле давного обычая". Они же платятъ и посошную подать въ томъ же размѣрѣ, какъ и осадники [5]). Изъ контекста уставы ясно, что куничный и осадный платы—два различныхъ сбора, но она темно говоритъ о томъ, на что̀ именно падаетъ посошная подать: на куничную же землю, или на службу, (въ послѣднемъ случаѣ—при томъ предположеніи, что куницы держатъ также тяглецы, уже имѣющіе службы). Устава 1529 года налагаетъ на куничниковъ по 12 грошей, объясняя при этомъ, что раньше куничники платили по 16 грошей, (это, очевидно, и есть плата „подле давного обычая"). Платъ въ 12 грошей взимается только въ господарскихъ волостяхъ, а въ старостиныхъ господарскія куницы

[1]) Писц. книги староства Ст. Хвальчевскаго, р. 443.

[2]) Къ этому слѣдуетъ добавить, что терминъ куничнаго плата иногда употреблялся въ смыслѣ осаднаго, т. е. денежный платежъ взамѣнъ натуральныхъ повинностей и сборовъ: въ Оболецкой волости было пять человѣкъ, „которые передъ тымъ коней стерегивали, стайню оправливали, сено важивали, нижли теперъ на куницахъ седять и королевой ее милости куницы платять" (Кн. Зап. Лит., XVI л. 25 об.—26 об.).

[3]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 2, 59.

[4]) Ibidem, р. 135—137.

[5]) Акты Зап. Рос., I, р. 183.

облагаются по прежнему,—по 16 грошей. Эта устава, какъ и первая, облагаетъ куничниковъ, наряду съ осадниками „за тые вызволеные работы и посѣди“ посошнымъ платомъ [1]). Жомойтскія куничныя земли, такимъ образомъ, отличались отъ тяглыхъ и не были пустовщинами, сдаваемыми на врокѣ. Пустовщины здѣсь сдавались особо, за что державцы брали съ арендаторовъ „отмоти“ [2]). Куницы и платъ пенязкный (посошный) настолько различались, что даже вызвали къ жизни особыхъ сборщиковъ того и другого. Такъ, за собираніемъ пенязкнаго плата, платовъ за „отмоти“ и др., а также для общаго контроля по управленію, назначались въ Жомойть особые писари [3]), а для сбора куничныхъ платовъ былъ особый „куничный врядъ“ [4]). Изъ всего сказаннаго видно, что въ Жомойти извѣстная часть пахотной земли называлась куничной и сдавалась на особомъ куничномъ платѣ подобно тому, какъ это мы видѣли относительно замковыхъ полей въ Чернобылѣ, Мозырѣ и др. мѣстностяхъ. Только въ Жомойти, судя по заботамъ правительства, эти земли занимали весьма большое пространство и давали значительный доходъ скарбу. Однако это не были пустовщины, т. е. покинутыя насельниками тяглыя службы. Недостатокъ источниковъ не даетъ возможности опредѣлить, находились ли куничныя земли въ пользованіи уже сидѣвшихъ на тяглѣ подданыхъ, т. е. были только подспорной статьей ихъ хозяйства, или же тяглыя и куничныя хозяйства были не совмѣстимы. Характеръ оброчныхъ земель, какъ можно убѣдиться изъ предыдущихъ данныхъ, допускаетъ и то и другое предположеніе. Относительно Жомойтскихъ куничниковъ, кажется, однако, слѣдуетъ сдѣлать предположеніе въ томъ смыслѣ, что въ лицѣ ихъ мы встрѣчаемъ преимущественно держателей службъ, снимающихъ оброчныя земли, какъ подспорныя. Это потому, что источники говорятъ о сборѣ съ куничниковъ только куницъ, и размѣръ платы (12—16 грошей) сравнительно такъ не великъ, что едва ли скарбъ, облагая воловую соху въ

[1]) Ibidem, p. 200. Въ изданіи А. З. Р. напечатано: освобождаемые отъ посѣдей „маютъ намъ тыи люди куничники“ давать еще и гроши. Это могло бы навести на предположеніе, что тяглые и куничники одно и тоже. Однако тутъ неисправность изданія. Въ текстѣ стоитъ: „люди наши и куничники“. Ср. Кн. Зап. Лит., XIX, лл. 224 об.—229.

[2]) А. З. Р., II, 200.

[3]) Кн. Зап. Лит., XV, л. 89. Кн. Судн. Дѣлъ, IV, л. 343 об.—345.

[4]) Кн. Судн. Дѣлъ, IV, л. 282; Кн. Зап. Лит., XVII, л. 245 об.—247.

30 грошей, при рядѣ другихъ сборовъ, оставилъ бы безъ добавочнаго обложенія куничныя хозяйства; между тѣмъ они ничего не даютъ даже на врядъ, (а мы знаемъ, что на врядъ обычно не давали съ чисто оброчныхъ земель). Съ другой стороны куницы господарь оставляетъ на себя даже въ волостяхъ, отошедшихъ на старостинскій врядъ, (какъ это мы уже знаемъ), или съ людей, отдаваемыхъ въ частное владѣніе [1]). Эти обстоятельства какъ бы указываютъ на то, что бывшія въ пользованіи куничниковъ земли находились въ районѣ господарскихъ.

Укажемъ еще на одинъ видъ оброчныхъ доходовъ—на бобровщину въ Полоцкой землѣ. Во всей Полоцкой землѣ господарь имѣлъ обширныя угодія для бобровыхъ гоновъ, которые сдавались на оброкъ мѣщанамъ и волощанамъ Полоцкой земли. Изъ грамоты 1497 г. мы узнаемъ объ условіи, на которомъ они получили въ оброкъ эти угодія. Оказывается, что „по земляхъ“ полоцкихъ мѣщанъ, дворянъ городскихъ и волостныхъ людей господарь владѣлъ рѣками и бобровыми гонами, т. е. рѣки и берега оставались во владѣніи великаго князя. Но это представляло для Полочанъ большія неудобства, потому что въ случаѣ пожара господарскаго берегового лѣса, порубки и порчи дерева, воеводы высылали на слѣдствіе „ѣздоковъ“ и судей, брали „проѣзды“ и вообще причиняли жителямъ „великіе шкоды и продажи“. Поэтому Полочане просили господаря о передачѣ имъ права „бобры гонити и ловити“ за оброчную плату по 200 рублей въ годъ. Король далъ на это свое согласіе, но въ 1497 г. они уже просятъ господаря объ уменьшеніи оброка на 100 рублей и получаютъ и на это его согласіе. Грамота разъясняетъ, что эксплоатація бобровыхъ гоновъ мѣщанами распространяется и на господарскія угодія—рѣки и озера, лежавшія на земляхъ бояръ и духовенства полоцкаго [2]). Бобровые гоны Полоцкой земли эксплоатировались мѣщанами и волощанами до конца изучаемаго періода, при чемъ раскладка ихъ производилась общиною. Ревизія 1552 г. зарегистровала уже установившіеся оклады [3]).

[1]) Факты приведены у Любавскаго, о. с., р. 341—именно для Жомойти. Это не противорѣчитъ тому, что въ привилеяхъ иногда отдаются люди съ платами куничными: и куничный платъ могъ подлежать передачѣ.

[2]) А. З. Р., I, 171.

[3]) Scriptores rerum polonicarum, V.

Мы исчерпаемъ всѣ виды оброчныхъ земель, если упомянемъ еще объ установленіи оброковъ за пастьбу скота на южной украинѣ. Король Сигизмундъ Августъ, заключивъ въ 1553 г. миръ съ турецкимъ султаномъ, включилъ въ договоръ между прочимъ условіе, по которому турецкіе чабаны должны были получать разрѣшеніе на пастьбу скота на поляхъ украины Литовской и Коронной. Поэтому король назначилъ двухъ писарей „польскихъ"—отъ Короны и отъ Литвы—для наблюденія за чабанами и взысканія съ нихъ арендной платы; всякій погонщикъ, пригнавъ скотъ, долженъ былъ объявить о количествѣ его писарю, условиться съ нимъ относительно платы, и тогда только получалъ разрѣшеніе на пастьбу [1]).

Мы разсмотрѣли различные виды оброчнаго дохода. Сравнивая теперь различныя формы отдачи земель на оброкъ, не трудно подмѣтить между ними извѣстное различіе. Прежде всего выдѣляется категорія оброчныхъ земель, сдаваемыхъ въ краткосрочную аренду на куницѣ, врокѣ; арендаторъ нисколько не связанъ съ этими землями: одинъ годъ онъ пашетъ землю или выбираетъ медъ изъ бортей, а на другой годъ на томъ же участкѣ появляется его сосѣдъ. Скарбъ, какъ мы видѣли, хотя и принужденъ былъ сдавать на такихъ условіяхъ земли, но не считаетъ этотъ способъ выгоднымъ для себя пожиткомъ, такъ какъ эксплоатація земли при такихъ условіяхъ является неустойчивой и доходъ невѣрнымъ. Изъ земель подъ такую аренду идутъ и пахотныя угодья, какъ пустовщины, такъ и роспаши, застѣнки и др.; есть и болѣе или менѣе обширныя пространства такого рода оброчныхъ земель. Рядомъ съ этимъ краткосрочнымъ и неустойчивымъ типомъ арендного владѣнія выдвигается другой; оброчная плата тоже называется врокомъ, куницами, но отношеніе арендатора къ землѣ совсѣмъ иное. Это неслучайное временное пользованіе землею, но продолжительная аренда, иногда продолжающаяся цѣлыми поколѣніями и фактически часто переходящая въ вѣчную аренду. Арендаторъ получаетъ эту землю иногда на основаніи господарскаго листа. Земля дается „до ласки" господарской, но взаимная выгода на столько связываетъ арендатора и владѣльца, что первый изъ нихъ спокойно можетъ предпринимать меліоративную работу. Самъ скарбъ понимаетъ такого рода раздачу земли, какъ эмфитеузу, и значительно расширяетъ ее. Такимъ образомъ эта форма аренды стоитъ въ непо-

[1]) Кн. Перец. Лит., VII, л. 10 об.—11 об.

средственной связи съ чиншевою; такъ какъ она пріобрѣтаетъ наибольшее распространеніе приблизительно съ первой четверти XVI ст. и совпадаетъ, такимъ образомъ, съ періодомъ развитія нѣмецкаго права въ селахъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и послѣднее оказало уже вліяніе на эту форму арендныхъ отношеній.

5. Обзоръ правительственныхъ мѣръ по управленію добрами до введенія волочной уставы.

Предшествующее изложеніе показало намъ двѣ стороны въ строѣ господарскихъ доходовъ съ державъ и волостей. Мы имѣли случай прежде всего убѣдиться въ томъ, что древнѣйшіе сборы отличались большимъ разнообразіемъ, какъ по своимъ названіямъ, такъ и по способу обложенія. Господарь бралъ въ свое распоряженіе добра, входившія раньше въ составъ различныхъ земель; эти земли успѣли, въ періодъ самостоятельной жизни, выработать свои особенности въ отбыванія податей и повинностей и съ этими отличительными чертами вступали въ господарское управленіе. Послѣднее сталкивалось съ мѣстными бытовыми и экономическими особенностями и по свойственному ему консерватизму, проникающему весь государственный механизмъ, оно очень медленно выступаетъ съ нивеллирующими реформами. Разнообразіе доменіальныхъ сборовъ и повинностей—явленіе вполнѣ понятное, и мы встрѣчаемся съ ними и въ другихъ странахъ, напр. въ Польшѣ. Разнообразіе сборовъ и объектовъ обложенія, возможное въ частномъ хозяйствѣ, не могло быть однако терпимо въ такомъ обширномъ, какъ господарское, уже просто по своей невыгодности. Съ другой стороны измѣненіе въ экономической жизни страны, увеличеніе государственныхъ расходовъ, а въ связи съ этимъ развитіе и новое направленіе хозяйственныхъ системъ естественно должны были отразиться и на пріемахъ доменіальнаго хозяйства. Отсюда — стремленіе скарба къ увеличенію доходовъ и вообще къ лучшей эксплоатаціи добръ; подъ эксплоатаціей хозяйства, сообразно понятіямъ того времени, надо имѣть ввиду какъ развитіе доходности недвижимыхъ имуществъ и предпринимательской дѣятельности скарба, такъ и увеличеніе податей и повинностей господарскихъ подданыхъ. Нѣкоторыя мѣры правительства въ этомъ направленіи мы уже видѣли, напр., по отношенію къ оброчнымъ статьямъ, спеціальнымъ службамъ,

Теперь намъ остается сдѣлать общее обозрѣніе правительственныхъ мѣръ въ томъ же направленіи.—Матерьялъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, естественно, распадается на нѣсколько частей. Въ разныхъ отрасляхъ хозявства правительство обоихъ Сигизмундовъ предпринимаетъ и различныя мѣры для его улучшенія и, сообразно съ этимъ, издаетъ особыя инструкціи мѣстнымъ агентамъ. Такъ скарбовая политика по отношенію къ волостямъ данниковъ и къ державамъ съ дворами была далеко не одинакова, такъ какъ не одинаково было и хозяйственное ихъ значеніе. Далѣе осада на нѣмецкомъ правѣ представляетъ собою нѣсколько обособленное явленіе, смѣнившее собою старыя формы двороваго хозяйства. Наконецъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ особое значеніе въ хозяйствѣ лѣсное, такъ что и его необходимо выдѣлить въ особую рубрику. Сообразно съ намѣченными рубриками мы и разсмотримъ послѣдовательный ходъ развитія домеміальнаго хозяйства.

Начнемъ съ волостей данниковъ, такъ какъ хозяйство въ нихъ въ теченіе всего изучаемаго періода подвергалось наименьшимъ измѣненіямъ: правительство Ягеллоновъ стремилось лишь къ болѣе ясной раскладкѣ даней и къ установленію наилучшаго контроля въ ихъ собираніи и способствовало развитію хозяйства, на еще не подвергшихся эксплоатаціи пространствахъ. Такимъ образомъ, предпринятыя здѣсь правительствомъ мѣры относятся преимущественно къ способамъ собиранія даней и ихъ раскладкѣ.

Собираніе даней не могло вызывать особенныхъ заботъ великокняжескаго правительства, такъ какъ само населеніе собирало свои дани и передавало ихъ въ руки намѣстниковъ или скарбовыхъ писарей. До насъ дошла грамота Витовта о собираніи въ Борисовской волости тивунскаго дохода. Дѣло происходило очень просто: данники свозили медъ въ городъ, взвѣшивали его въ присутствіи тивуна и сдавали ему. Великому князю оставалось только регламентировать мѣры, вѣсъ для того, чтобы его агенты не взимали больше, чѣмъ слѣдуетъ [1]). Грамота Витовта излагаетъ процессъ собиранія собственно тивунскаго дохода, но, конечно, и господарскій доходъ собирался такимъ же способомъ. Великому князю оставалось только принимать мѣры къ тому, чтобы дани не убывало, т. е., чтобы населеніе не расходилось, чтобы дань исправно доходила до скарба, не расплывалась

[1]) А. Ю.-З. Р., I, р. 3.

въ рукахъ мѣстныхъ агентовъ, наконецъ, чтобы эти послѣдніе раздавали оброчныя статьи не въ свою пользу, но въ пользу скарба. Мы дѣйствительно видимъ по приходо-расходнымъ записямъ конца XV в., что данники сами приносятъ дань грошами и мѣхами въ скарбъ, а медъ сдаютъ въ мѣстные ключи [1]). Въ этомъ заключалась ихъ старина, практиковавшаяся еще при великихъ князьяхъ Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ [2]). Правда, великокняжеское правительство Александра отступило отъ этой старины, такъ какъ по привилею 1492 года, за сборомъ дани, собственно „недополнковъ“, т. е. недоимокъ, посылались писари [3]). Судя по нѣкоторымъ отчетамъ писарей, послѣдніе привозили съ собой не только недоимки, но и вообще всѣ дани [4]). Однако эта мѣра, повидимому, не дала полезныхъ результатовъ для скарба, а между тѣмъ вызвала неудовольствіе среди данниковъ. Скарбовые агенты, отправляясь въ волость, спѣшили поживиться въ ней и не только сами, но и со своими слугами. Волости подвергались раззоренію. Вотъ почему Сигизмундъ I отмѣнилъ въ 1511 году посылку писарей за сборомъ недоимокъ, возстановилъ старину въ томъ смыслѣ, что данники стали снова сноситъ свои дани въ скарбъ, а медъ свозить въ ключи, при этомъ грамота угрожаетъ посылкою писарей въ случаѣ, если данники не все сполна будутъ уплачивать [5]). Грамотой 1511 г. правительство Сигизмунда I начало рядъ попытокъ урегулировать господарское хозяйство и сдѣлать его болѣе продуктивнымъ. Пока оно по отношенію къ данникамъ остановилось только на возстановленіи старины: тутъ уже замѣтно стремленіе Сигизмунда I сдержать мѣстную администрацію. Однако волости не долго пользовались стариной при взносѣ ими въ скарбъ платовъ.

Выше нами указаны мѣропріятія правительства, касающіяся Поднѣпрскихъ и Подвинскихъ волостей. Однако надо замѣтить, что здѣсь же еще было нѣсколько господарскихъ волостей, не входившихъ въ число названныхъ. Это большею частію волости, уже позже перешедшія въ распоряженіе скарба, или, наконецъ, попавшія въ частное владѣніе. Таковы были волости Могилевская, Гомельская, Оболецкая, Рогачевская. Для нихъ было издано нѣсколько особыхъ грамотъ.

[1]) Акты Лит.-р. гос., I, p. 63 и др.

[2]) А. З. Р., II, p. 99.

[3]) Dzialyński, Zb. praw lit., p. 64.

[4]) А. Ю. З. Р.,

[5]) А. З. Р., II, p.

опредѣлявшихъ ихъ повинностныя отношенія. Правда, эти послѣднія мало чѣмъ отличались отъ другихъ Поднѣпровскихъ волостей. Такъ, Могилеву въ правленіе Сигизмунда I выданы двѣ грамоты 1514 [1]) и 1521 [2]) годовъ, опредѣляющія его платы, и сверхъ того извѣстенъ размѣръ платовъ, шедшихъ съ волостей при королевѣ Еленѣ [3]). Изъ доходовъ этой волости на первомъ планѣ стоятъ дань грошовая, медовая и куничная, сверхъ того яловщина, тивунщина, „скотное" серебро (за пастьбу скота), „восковые" гроши и „накупы" отъ старцевъ, медоваго и серебрянаго, (вѣроятно подарки). Повинностей никакихъ волощане не несли: королева Елена освободила ихъ отъ косьбы сѣна и ухода за конями. Особую грамоту съ описаніемъ порядка выбиранія даней имѣла и Торопецкая волость, рано отошедшая отъ Литвы [4]). Волости Рогачевская и Оболецкая, судя по грамотамъ королевы Боны, платили дани и выполняли еще нѣкоторыя тяглыя повинности [5]).

Такимъ образомъ, основное назначеніе Поднѣпровскихъ и Подвинскихъ волостей по отношенію къ господарскому скарбу состояло въ платежѣ даней; съ другой стороны, эти волости играли очень видную роль въ отбываніи земскихъ повинностей—дорожной и замковой, о чемъ намъ придется говорить впослѣдствіи. Правительство Сигизмунда I и перваго десятилѣтія его преемника стремилось лишь нѣсколько урегулировать отбываніе волостями этихъ податей и повинностей въ смыслѣ охраны населенія отъ вымогательствъ администраціи. Съ этою цѣлью, напр. Сигизмундъ I охотно даетъ эти украинныя староства тѣмъ, кто обѣщаетъ быть „легкимъ" по отношенію къ поддданымъ и осаживать людей [6]) или же предписываетъ быть таковыми [7]).

[1]) А. З. Р., II, 113.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., V, p. 173

[3]) Ibidem, p. 187.

[4]) Любавскій, прил. № 10.

[5]) Кн. Запис. Лит., XVI, л. 25 об. и Кн. Зап. Лит., XXXII, лл. 14 об.—16 об.

[6]) Акты Лит.-рус. гос., I, № 152.

[7]) Князь Василій Толочинскій получаетъ Оршу въ доживотное держанье съ обязательствомъ: „И маеть... держати и на нимъ ся радити и справовати, яко бы было з нашымъ господарскимъ добрымъ и зъ земскимъ пожиточнымъ и безъ обтяженья подданыхъ нашихъ тамошнихъ" (Кн. Зап. Лит., XX, л. 241—242, 1539 года). Бака получаетъ въ 1540 г. Могилевъ съ условіемъ: „намъ господару верне а справедливе служыти и платы и пожытки пырити и множати и людей осажывати и прибавляти. А кривдъ и обтяженья никоторого не маетъ нашымъ подданымъ делати и новинъ уводити" и далѣе идутъ требованія объ аккуратной доставкѣ доходовъ въ скарбъ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 28.

Правительство въ листахъ своихъ старается разъяснить мѣстной администраціи о необходимости мягкаго отношенія къ подданымъ, какъ къ людямъ украиннымъ, потому что они могутъ разойтись. Правительство охотно давало крестьянамъ льготы съ цѣлью „присады“ людей [1]), всѣми способами стараясь удержать на мѣстахъ украинное населеніе [2]), охотно поддерживало и поощряло дѣятельность тѣхъ изъ своихъ агентовъ, которые „присаживали“ людей. На восточной окраинѣ недостаточно было только собрать населеніе, но надо было еще и обезопасить его отъ нападенія непріятеля, поэтому устройство

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія сказаннаго. Въ листѣ (1537 г.) къ воеводѣ виленскому п. Гаштольду король разсказываетъ ему о жалобѣ Гомельскихъ подданыхъ на своего державцу кн. Василія Толочинскаго, получившаго державу по протекціи воеводы; король поручаетъ воеводѣ послать кого нибудь для разбора дѣла и между прочимъ высказываетъ слѣдующее: Гомельцамъ дана льгота въ отбываніи податей, „якожъ мы сами имъ фольгуючи вси платы наши до десяти годъ отпустили, жебы ся запомогли и иншыи люди отчичи тамошнии абы за ся на отчизны свои пришли, а звлаща въ теперешнии часы, якъ ся намъ съ княземъ московскимъ перемирье стало, могли бы они безпечне отчизнъ своихъ уживати и запоможенье собе мети. А теперь того не бачымъ, жебы князь Василей за держанья своего людей што тамъ присадилъ, але и тыхъ, которые после войска нашого въ той волости зоставати, немало оттоль пошло прочъ, за тяговою справою его они ся николи поправити не могутъ. Ведже и самъ онъ могъ бы тому розумети, ижъ тотъ замокъ на украине естъ, акъ *людямъ украиннымъ* треба ся ласкаве заховати и не годиться имъ ни въ чомъ обтяженья чинить; нижли коли бы ся они запомогли и добре тамъ укгрунтовали, могъ бы тымъ намъ господару пожытокъ привлащити и собе тежъ знаючи по часу пожытокъ зъ нихъ мети“. Въ заключеніе король категорически требуетъ, чтобы державца вознаградилъ подданыхъ за „драпежства“ и впредь не допускалъ бы ничего подобнаго (Книга Записей Лит., XXI, л. 153 об.—155). Посланцы королевы Боны, политика которой шла впереди господарской, отправленные для изслѣдованія вопроса о повинностяхъ Оболецкой державы, доносили своей госпожѣ, что крестьяне не соглашаются принять нѣкоторыхъ „новинъ“. „И мы то убачивши, ижъ бы неяко подданыи господарныи ее милости съ того ся не розошли, кгды будетъ имъ старына рушана“, передаютъ весь вопросъ на воззрѣніе королевы (Кн. Зап. Лит., XVI, л. 25 об.—26 об.). И сама Бона, въ листѣ о присудѣ волостей Усвята и Озерища, также хорошо сознаетъ необходимость имѣть этихъ „людей украинныхъ в ласце и бачности“ (Книга Записей Лит., XXXII, л. 38—39).

[2]) Когда въ 1530 году представители Могилевской волости жаловались королю Сигизмунду I на писарей и подключихъ, собирающихъ дань съ населенія за пустыя земли, туда былъ посланъ Иванъ Горностай съ слѣдующимъ порученіемъ: „А прото какъ тамъ на волости нашой Могилевской будешъ, и ты бы о томъ достаточне ся доведалъ а порозумевши по делу въ томъ, абы еси имъ полечку вчынилъ такъ, яко бы зъ нашимъ шкоднымъ и съ обяженьемъ тыхъ людей нашихъ въ томъ не было. Тежъ которые люди съ тое волости нашое Могилевское

поселеній идетъ рядомъ съ устройствомъ безопасности въ краѣ [1]).

Дѣйствительно забота о безопасности края была важнымъ факторомъ при его заселеніи, такъ какъ населеніе страдало отъ частыхъ войнъ съ Москвою и отъ татарскихъ набѣговъ. Волостное населеніе получало отъ господаря уставы и выроки, опредѣляющіе его дани и повинности. Обоего рода акты мало касаются господарскихъ податей и повинностей, опредѣляя обыкновенно отношенія волощанъ къ уряду и къ государственнымъ повинностямъ, которыя на этихъ окраинахъ были особенно тяжелы. Но уставы и выроки неизмѣнно требуютъ отъ старостъ и державцевъ не дѣлать населенію „кривдъ", не вводить „новины" и во всемъ руководствоваться „стародавнымъ обычаемъ" и уставами: „не маютъ имъ черезъ тое наместники жадныхъ крывдъ чинити и новинъ уводити и во всемъ маютъ захованы быти водле стародавного обычая, якъ и за предковъ нашихъ бывало и за первшихъ врадниковъ нашихъ" [2]). Иногда съ цѣлью „повстягнуть" державцевъ отъ „драпежства" подданыхъ на державцевъ даже нала-

съ отчизнъ своихъ для обтяженья будутъ ся розышли до именей князскихъ и напскихъ и боярскихъ и хотели бы за ся на тыхъ отчызнахъ своихъ сести, и ты бы имъ далъ воли на колко летъ, зрозумевшы тежъ потому, яко бы они ся могли запомочи и съ того намъ службу служыти и дачки давати водле давного обычая". Кн. Зап. Лит., XVII, лл. 2 об. 3.

[1]) Семенъ Полозовичъ просилъ въ 1529 году короля о выдачѣ уставы Рѣчицкой волости, обращая въ то же время вниманіе господаря на свою дѣятельность на окраинѣ: „Абыхмо вбачили на его верныи послуги, которые онъ въ той волости нашой Речицкой своими немалыми наклады чынилъ и великою пильностью и нелитованьемъ горла своего на пустомъ месте на насъ господаря замокъ збудовалъ и оборонами всякими за свои властные пенязи тотъ замокъ нашъ вспомогъ. И которые люди подданые нашы тамошные для великого нагабаня отъ неприятелей нашихъ москвичъ, татаръ и турковъ розыйшлися были разно прочъ, онъ тыхъ подданыхъ нашыхъ собралъ и место подъ тымъ замкомъ и волость нашу осадилъ. И билъ намъ чоломъ, абыхмо ему уставу нашу встановили, штобы онъ мелъ съ тои волости нашое на пожитокъ и на поживенье собе мети". Изложивъ повинностныя отношенія подданыхъ къ уряду, король ставитъ условіемъ не нарушать данной имъ уставы, а Полозу предоставляетъ державу въ доживотіе: „И тая устава наша верху писаная вся маетъ держана быти пану Семену до его живота, а то животе его, естли будетъ тая устава наша видети тяжка людемъ нашимъ, мы маемъ державцы иншую уставу нашу уставити, водле воли нашои. И не маемъ его съ того замку нашого и тое уставы рушати и никому иному подъ нимъ давати въ держанnье и въ заставы не маемъ, ажъ до живота его водля первого привилья нашого". Кн. Суд. Дѣлъ Лит., IV, лл. 262 об.—263 об.

[2]) Вырокъ въ 1534 году волости Свислоцкой съ воеводой кіевскимъ А. Немировичемъ. Кн. Суд. Дѣлъ Лит., VII, лл. 133 об.—135.

гались „заруки" [1]). Всѣ эти мѣры принимались, конечно, для того, чтобы господарскіе пожитки не были „заронены", подданые не бѣднѣли и дань господарская „не гинула" [2]). Такими мѣрами правительство Сигизмунда I старалось воздѣйствовать на державцевъ съ цѣлью удержать населеніе на мѣстахъ и умножить скарбовые доходы. Къ числу дальнѣйшихъ мѣръ того же времени надо отнести и устройство въ этихъ державахъ контроля по образцу того, который былъ установленъ въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. Уже многочисленныя тяжбы населенія со старостами свидѣтельствуютъ, что послѣдніе далеко не охотно дѣйствовали въ смыслѣ предписаній правительства. Острыя отношенія между врядомъ и населеніемъ съ особенною силою сказываются съ появленіемъ въ замкахъ военныхъ гарнизоновъ съ ихъ начальниками—старостами. Грамота 1537 года, устанавливающая контроль скарбовыхъ писарей, содержитъ въ себѣ указаніе на то, что поддáные неоднократно били челомъ господарю, „оповедаючи великие трудности и шкоды свои" при сборѣ податей писарями, почему

[1]) Такую заруку установилъ въ 1551 году воевода виленскій панъ Миколай Радивилъ, разбирая, по порученію короля, жалобу мѣщанъ мозырскихъ на своего державцу Миколая Нарбута; эта зарука была, правда, временная: „а до того часу, поки панъ Нарбутъ зъ мещаны и волостью Мозырскою подле жалобъ ихъ росправу передъ господаремъ его милостью прыйметь, заложыли есмо заруки на господара его милость сто копъ грошей, абы онъ безъ выступу ихъ и кромъ слушное прычыны никоторого караньея и обтяжливости и драпежства тымъ подданымъ господарскимъ не чынилъ и врадникомъ своимъ делати не допустилъ". Кн. Зап. Лит. XXVII, лл. 84—87.

[2]) Въ заключеніе господарскаго вырока волощанамъ могилевскимъ съ ихъ державцею кн. В. И. Соломирецкимъ 1536 года встрѣчаемъ слѣдующее: „а которыи слуги твои будуть имъ въ чомъ крывды и грабежи поделали, на тыхъ бы еси всихъ слугъ своихъ право далъ и справедливость вчынилъ и впередъ во всихъ речахъ такъ ся къ нимъ заховалъ, яко бы пожитки наши господарские не были заронены и тыи поддáныи наши къ жадной тяжкости надъ обычай не приймовали и къ убожству не приходили и намъ большей того докуки не чынили конечно". Кн. Зап. Лит., XIX, лл. 68—69. Въ другомъ вырокѣ тому же Соломирецкому и Могилевской волости (тоже 1536 года) господарь запрещаетъ волостные разметы, потому что „поддáнымъ нашимъ тяжкость великая ся деетъ и многии зъ нихъ отъ того ся прочъ росходятъ и для того дань наша гинеть. И во всемъ ся въ томъ маеть державца съ ними заховати водле тое уставы нашое". Ibidem, лл. 173—175. Приведемъ еще выдержку изъ грамоты королевы Боны, проводившей ту же политику, на имя ея рогачевскаго державцы: „А приказуемъ тобѣ, нжъ бысь тыхъ подданыхъ нашихъ Лучинцовъ водлугъ сего листу нашого заховалъ и надъ повинность ихъ стародавную штобы еси имъ кривдъ никоторыхъ не дѣлалъ и новинъ не уводилъ". Кн. Зап. Лит., XXXII, лл. 16 об.—17 об.

господарь приказалъ собирать дани державцамъ. Но и этотъ порядокъ найденъ былъ неудобнымъ, почему господарь назначаетъ въ Поднѣпровскія волости писаремъ Оникія Горностая, ключника виленскаго: онъ обязанъ объѣзжать всѣ волости не менѣе одного разу въ годъ и разузнавать „справедливе и достаточне“ о всѣхъ даняхъ, шедшихъ въ скарбъ, „пописывати“ ихъ и „потому-жъ тамъ ся справовати, яко и тыи писары наши Виленского и Троцкого повету справуютъ“. Всѣ державцы обязаны дать писарю свѣдѣнія обо всѣхъ платахъ и доходахъ, которые уже идутъ на скарбъ, а также и о др. пожиткахъ, „которые бы мели ещо къ пожытку нашому прибавлены быти“; всѣ эти доходныя статьи писарь обязанъ записать въ реестръ, а державцы должны собирать дани и платы уже на основаніи писарскаго реестра и вносить въ скарбъ. Такъ какъ раньше королемъ была выдана грамота тѣмъ же волостямъ, освобождающая ихъ отъ въѣзда писарей (имѣется ввиду грамота 1511 года), то король уничтожаетъ эту грамоту, „хотячи большний пожитокъ скарбу нашому вчынити и платы наши розширити“ [1]). Такимъ образомъ, изложеннымъ распоряженіемъ Сигизмунда I уничтожена „старина“ русскихъ волостей, предоставлявшая имъ право самимъ собирать платы и доходы и сдавать въ скарбъ. Волостныя платы должны подвергнуться скарбовой регламентаціи. Не трудно уловить истинную причину, руководившую скарбомъ въ этомъ отношеніи. При доставкѣ самими волостями дани въ скарбъ, послѣдній слишкомъ далеко отстоялъ отъ плательщика и не могъ слѣдить за увеличеніемъ налогоспособностей населенія. Собираніе податей общинами, основанное на старинѣ, сопровождалось неподвижностью разъ установленнаго оклада. Между тѣмъ рядъ заботъ правительства, направленныхъ къ обезпеченію безопасности на окраинахъ, долженъ былъ содѣйствовать увеличенію здѣсь господарскихъ пожитковъ. Слѣдить за новыми доходными статьями и контролировать старыя возложено на обязанность писаря. Однако всѣ мѣры Сигизмунда I отличаются однимъ общимъ характеромъ—стремленіемъ регулировать, точно опредѣлить повинностную старину населенія, контролировать текущіе доходы, и въ послѣднемъ распоряженіи видна лишь слабая попытка услѣдить за новыми источниками доходовъ.

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXI, лл. 1—2. Эта грамота дана слѣдующимъ Поднѣпровскимъ волостямъ: Могилевской, Любошанской, Бобруйской, Свислоцкой, Кричевской, Пропойской, Чичерской и Горвольской.

Дѣятельность Сигизмунда Августа по отношенію къ русскимъ волостямъ носила тотъ же консервативный характеръ, хотя при немъ и сдѣланъ значительный шагъ впередъ. Основное значеніе дѣятельности правительства Сигизмунда Августа заключается въ проведеніи ревизіи русскихъ волостей. Ревизія сопровождалась въ нѣкоторыхъ староствахъ поземельнымъ кадастромъ и во всѣхъ староствахъ точной регистраціей и регламентаціей повинностныхъ отношеній населенія. Прежде всего необходимо отмѣтить одну важную сторону въ мѣропріятіяхъ, сопровождавшихъ ревизію. До этого времени городъ и волость въ административномъ и финансовомъ отношеніи составляли единое цѣлое. Уставы Сигизмунда Августа выдѣляютъ большинство поднѣпровскихъ городовъ изъ волости; города получаютъ особую уставу, носящую на себѣ въ значительной мѣрѣ слѣды привилегій на магдебургское право: волость въ повинностномъ отношеніи отдѣляется отъ города.

До насъ не дошло ни одной волостной уставы Сигизмунда Августа, но по многимъ указаніямъ можно судить, что эта устава заключалась не въ одной только копіи съ люстраціи, (списокъ съ нея всегда выдавался на руки населенію), но и въ подробномъ изложеніи податныхъ обязанностей населенія. Уставы для городовъ сохранились (напр. Рѣчицы, Могилева, Бобруйска), но о волостныхъ уставахъ можно судить только по косвеннымъ указаніямъ источниковъ и по ревизіямъ волостей. Въ привилеѣ 1562 года Ст. Ст. Довойнѣ на державу Свислоцкую господарь такъ объясняетъ цѣль и содержаніе уставы: „умысливши порадокъ и постановенье слушное при замкахъ и волостяхъ нашихъ русскихъ вчынити и всякіе незбожности выкоренити, для того есмо певные а врочистые платы постановили черезъ посланцовъ нашихъ до скарбу нашого и на врядъ нашъ подданымъ нашимъ давати. И вжо тую уставу и повинность подданыхъ, такъ же якимъ обычаямъ и врядъ нашъ ку подданымъ заховатися маеть, то отъ посланцовъ нашихъ при каждомъ замку зъ волею и ведомостью нашою на письме зоставлено“ [1]). Подобнаго же рода листы выдавались и др. державцамъ, начиная съ 60 г.г. Такимъ образомъ, само правительство видѣло цѣль уставы въ регулированіи повинностныхъ отношеній населенія къ скарбу и къ вряду. Дѣйствительно, обращаясь къ люстраціямъ, мы въ нихъ прежде всего

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XLIV, лл. 4—об.

находимъ точное опредѣленіе податей и повинностей, какъ общегосударственныхъ, такъ господарскихъ и урядничьихъ. Надо замѣтить, что ревизія была выполнена въ два пріема. Волынскіе замки, Кіевскіе и Южные украинные были описаны частью въ 1545-мъ г. и всѣ въ 1552-мъ г. (при этомъ описанные въ 1545 г. снова были описаны въ 1552-мъ г.). Въ томъ же 1552 г. составлено описаніе нѣкот. Подвинскихъ замковъ (сохранилась ревизія Полоцкаго староства). Это описаніе преслѣдовало военныя цѣли, такъ какъ изъ этой группы замковъ въ господарскій скарбъ поступали доходы только съ ключа Луцкаго, волости Мозырской, Остерской и Рѣчицкой (вѣроятно, и эта волость была описана тогда же, хотя люстрація ея и не сохранилась: Рѣчица прикрывала собою Южную границу); изъ Полоцка шла на скарбъ только бобровщина. Такъ какъ это описаніе не задавалось никакими хозяйственными цѣлями, то ревизоры только зарегистрировали платежи и повинности населенія. Въ селахъ Мозырской и Бчицкой волостей мы застаемъ еще господство старыхъ натуральныхъ платежей. Первенствующую роль играетъ медовая дань, уплачиваемая медомъ же; тивунщина тоже уплачивается медомъ. Затѣмъ встрѣчаемъ серебряную дань; дани куничная и бобровая уже переложены на деньги; мелкіе кормовые сборы на врядъ уплачиваются деньгами. Окладъ даней налагается на все село, что имѣетъ ввиду общинную раскладку. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалась вторая ревизія, относящаяся къ 1561—1562 г.г. Она преслѣдовала, преимущественно, хозяйственныя цѣли. Районъ, захваченный этой ревизіей, ограничивался именно Поднѣпровьемъ. Намъ извѣстно о производствѣ ревизіи въ слѣдующихъ волостяхъ: Могилевской, Гомельской, Бобруйской, Рѣчицкой и Дубровенской (Оршанскаго повѣта), Свислочской, Кричевской и др. Но самихъ описаній дошло немного—только описаніе Гомельской волости и Дубровенской; по этимъ только двумъ памятникамъ можно судить о характерѣ ревизіи. Окладною единицею остается служба; ревизоры не указываютъ размѣра службъ, но за то описываютъ ихъ границы. Всѣ натуральные платы уже переложены на деньги. Главною податью остается поземельная подать—дань грошовая, чиншъ; размѣръ ея находится въ зависимости отъ качества земли, занимаемой службою: со службы „добраго“ грунту уплачивалась одна копа грошей, со средняго—50 грошей и съ „подлаго“—по 40 грошей. Сверхъ того служба составляла объектъ обложенія для хлѣбной дани: съ каждой службы

взималось по бочкѣ жита и по бочкѣ овса. Кромѣ того шли еще промысловыя дани. Доходы на врядъ также подверглись регламентаціи и уплачиваются деньгами; сѣнокосы обложены отдѣльно отъ воза сѣна. Тяглыхъ повинностей волощане не отбывали. Во время ревизіи ревизоры раздавали пустовщины, стараясь объ увеличеніи господарскихъ пожитковъ. Такъ, боярскія земли Гомельской волости, отданныя господаремъ до „воли“, обложены чиншомъ наравнѣ съ др. крестьянскими; при ревизіи провѣрены права бояръ и церквей на земли. Присматриваясь теперь къ тому, что сдѣлано правительствомъ Сигизмунда Августа по отношенію къ русскимъ волостямъ, легко видѣть, что въ данномъ случаѣ лишь съ большимъ успѣхомъ и съ большей отчетливостью проведены тѣ мѣры, начало которыхъ можно усмотрѣть въ актахъ Сигизмунда I. И здѣсь мы встрѣчаемся съ стремленіемъ къ контролю и точной регламентаціи повинностей населенія; механизмъ обложенія еще сохраняетъ въ значительной мѣрѣ свои старыя формы, но встрѣчаемъ и новую черту, которой характеризуется начало второй половины XVI в., именно: переводъ натуральныхъ платежей на деньги, точное обозначеніе повинности населенія и земли подъ службою. Правительство Сигизмунда Августа прилагало заботы о томъ, чтобы оградить населеніе отъ „утисковъ“ вряда. При назначеніи державцы оно неизмѣнно требовало строгаго выполненія уставы для того, чтобы населеніе не терпѣло „обтяжливости“ отъ старосты и чтобы обезпеченное такимъ образомъ населеніе могло „осаживаться“ [1]). Скарбъ озаботился также тѣмъ, чтобы имѣть фактическій контроль надъ дѣятельностью мѣстныхъ агентовъ: въ средѣ центральной адми-

[1]) Привилеи на староства содержатъ въ себѣ слѣдующія требованія: „тежъ хочемъ мети, абы того съ пильностью стерегъ, яко бы подданымъ нашимъ надъ уставу никторого обътеженья онъ самъ, врадникъ и слуги его милости (старосты) нечинили, але абы люди осаживали и пожитковъ нашихъ примножали подле набольшого баченья своего, уставы нашое не отъступуючи. А где бы ся то показало, жебы чимъ подданыхъ обтяженья не ведле уставы заховалъ ся и чимъ зъ уставы и съ постановенья нашого онъ самъ або врадникъ его милости выступовалъ, а онъ бы того не дозрелъ, тогды за таковый выступъ маеть зложонъ быти съ того вряду и хотя бы листъ на доживотье мелъ, таковый листъ и право ку помочи ему быти не маеть, кгдыжъ не для обътеженья, але для обороны и въспокоенья подданыхъ и для дозренья пожитковъ нашихъ врады даемъ и именья наши врядникомъ злецаемъ“. Кн. Зап. Лит., XLIV, лл. 4 об.—5. Это—обычная формула листа на староство. Срав. листъ А. Шолухѣ на державу Кричевскую, Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 436 об.

нистраціи появляются скарбовые писари, на обязанность которыхъ возложено было наблюденіе за дѣятельностью старостъ. Писарь не только контролировалъ боевую готовность замка, но главнѣйшей своей обязанностью имѣлъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы врядники не чинили „крывдъ“ подданымъ [1]). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ общемъ наставленіи, которое дано было въ руководство старостамъ и державцамъ всѣхъ королевскихъ державъ; этотъ наказъ развиваетъ взгляды правительства не только касательно управленія, но и вообще содержитъ въ себѣ наставленія хозяйственнаго характера; съ этимъ наказомъ намъ придется познакомиться впослѣдствіи [2]).

[1]) Въ 1567 году для обозрѣнія южныхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ замковъ и волостей былъ посланъ панъ Иванъ Воловичъ. Въ листѣ по этому поводу къ мѣстнымъ старостамъ король между прочимъ говоритъ: „Што есьмо перво сего съ прычынъ певныхъ, бачачы того потребу пилную а хотечи о порадку и справе замковъ нашихъ украиныхъ ведомость мевати, звлаща ижъ частокротъ подданые наши оттоль зъ жалобами до насъ ся утекають, прото постерегаючы того, жебы тые подданые нашы крывды и безправья никоторого не терпели, также и въ волокитахъ своихъ трудностей и зубоженья не приймовали“—король посылалъ Воловича. Между тѣмъ Воловичъ, представляя докладъ королю о состояніи старостъ, указалъ и на то, „ижъ подданымъ нашимъ тамошнимъ, мещаномъ и волостнымъ, которые многие жалобы въ крывдахъ своихъ на васъ къ нему доносили, зъ васъ самыхъ (старостъ), врадниковъ и слугъ вашихъ справедливость дойти не могла“, потому что сами старосты, во время объѣзда, были на „послугѣ“ земской, а ихъ намѣстники, заявляли, что они „передъ посланцами нашими усправедливитися подданымъ нашымъ не естъ повинни и отзываются до васъ пановъ своихъ“. Мало того, послѣ отъѣзда ревизора врадники угрожаютъ подданымъ и запрещаютъ обращаться къ ревизору съ жалобами. Вслѣдствіе такого „безправья“ подданые терпятъ „крывды“, „втиски“ и „шкоды“, приходятъ „ку убозству“ и „знищенью“. Король, не желая терпѣть „безправья“, вновь посылаетъ Воловича на ревизію, настойчиво приказывая старостамъ, чтобы они заставили своихъ врядниковъ давать „справедливость“ подданымъ и въ особенности не запрещали бы подданымъ обращаться съ жалобами къ ревизору на врядниковъ. Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LII, лл. 26—28.

[2]) Этотъ наказъ представляетъ собою весьма любопытный памятникъ хозяйственной политики скарба. Онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ волочной уставой и съ уставами русскимъ волостямъ. Самъ наказъ представляетъ собою общее изложеніе хозяйственныхъ взглядовъ правительства. Происхожденіе его объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ предисловіи къ нему сказано, что такъ какъ подскарбій земскій не можетъ въ короткое время объѣхать всѣ замки, державы и дворы для установленія здѣсь порядка, то король приказываетъ разослать настоящую уставу по всѣмъ державамъ для руководства вряду. Имѣя эту уставу и руководясь ею, врядники могутъ привести въ хорошее состояніе хозяйство и такимъ образомъ могутъ подготовить порядокъ въ державѣ къ пріѣзду подскарбія; это

Итакъ мы разсмотрѣли мѣропріятія правительства по отношенію къ тѣмъ волостямъ, которыя находились въ управленіи скарба и въ которыхъ не была введена волочная система. Это группа такъ называемыхъ русскихъ волостей. Но нашъ обзоръ былъ бы не полонъ, если бы мы оставили безъ вниманія Ливонскія староства. Правда, о нихъ извѣстно весьма немного, такъ какъ военное время, конечно, не благопріятствовало хозяйственнымъ мѣропріятіямъ. Мы можемъ указать только на попытку произвести регистрацію здѣшнихъ старостваъ, предпринятую уже при Сигизмундѣ Августѣ. Сейчасъ по присоединенію Ливоніи, туда былъ посланъ королевскій секретарь Агриппа для описанія старостваъ, какъ съ военной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія податей и повинностей населенія. Впрочемъ, фискальная задача, поставленная Агриппѣ, отличалась большой скромностью, что вполнѣ объясняется военнымъ временемъ. Его задача ограничивалась только регистраціей повинностей населенія, да и то онъ обязанъ былъ не производить разслѣдованія, довольствуясь собраніемъ необходимыхъ справокъ у старостъ; къ населенію Агриппа долженъ былъ обращаться за свѣдѣніями лишь въ крайнемъ случаѣ, когда не было другихъ данныхъ [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ мѣропріятія Литовско-русскаго правительства по развитію хозяйственнаго значенія волостей Подвинья и Поднѣпровья. Разсматривая ихъ въ исторической послѣдовательности, легко убѣдиться въ томъ, что эти мѣры клонились лишь къ

облегчить послѣднему введеніе новыхъ порядковъ. Ввиду этой общей формы предисловія къ наказу мы полагаемъ, что онъ данъ былъ въ руководство державцамъ въ тѣхъ державахъ, гдѣ еще не была введена волочная устава и являлся единственнымъ руководствомъ до введенія уставы. Такъ какъ правительство никогда не оставляло мысли о введеніи волочной уставы и въ русскихъ волостяхъ, то естественно, что этимъ наказомъ руководились и мѣстные старосты. Впрочемъ и по введенію волочной уставы этотъ наказъ, повидимому, имѣлъ извѣстное значеніе: такъ можно заключить изъ того обстоятельства, что наказъ мы встрѣчаемъ въ одной книгѣ со спискомъ волочной и лѣсной уставъ. По сравненію съ волочной уставой, оба памятника проводятъ конечно однѣ и тѣ же хозяйственныя цѣли, почему между ними много общаго. Но разница между обоими памятниками заключается въ томъ, что волочная устава является закономъ, изданнымъ господаремъ для своихъ вотчинъ, тогда какъ наказъ только излагаетъ взгляды скарба и даетъ державцамъ совѣты и указанія. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, какое въ частности придавалось оффиціальное значеніе наказу, для насъ онъ интересенъ именно тѣмъ, что развиваетъ взгляды скарбовой администраціи.

[1]) Инструкціи Агриппѣ въ Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 304 об.—305 и 334 об.

упорядоченію изстаринныхъ податныхъ отношеній, къ точному опредѣленію размѣровъ платежей и къ контролю надъ администраціей. Мѣрамъ этимъ не достаетъ единства, такъ какъ правительство сохраняло въ значительной степени старину отдѣльныхъ волостей. Важнымъ фактомъ является отдѣленіе города отъ волости и переводъ натуральныхъ платежей на денежные. Конечно, обоихъ фактовъ нельзя приписывать правительственной регламентаціи: въ данномъ случаѣ скарбъ шелъ навстрѣчу новымъ экономическимъ отношеніямъ, выработаннымъ новыми условіями жизни. Важнымъ факторомъ является забота правительства о безопасности края, осадѣ населенія и вообще объ эксплоатаціи незанятыхъ земель. Однако, легко предвидѣть, что мѣры правительства, направленныя къ упорядоченію хозяйственно-административной машины и къ увеличенію доходности староствъ едва-ли способствовали прочному благосостоянію населенія. Внѣшнимъ препятствіемъ явилась Ливонская война и наемное войско на окраинахъ, но не надо забывать и того, что всѣ предписанія правительства своимъ старостамъ о „хованіи“ населенія согласно уставамъ производили слабое впечатлѣніе на шляхетскую администрацію: вырабатывались новые соціальные порядки и свободное крестьянство, только что обезпеченное уставами, быстро пошло по пути закрѣпощенія.

Если въ восточныхъ областяхъ правительственная политика оказала малое вліяніе на измѣненіе старыхъ податныхъ отношеній, то въ западныхъ державахъ слѣдствія правительственной дѣятельности сказались гораздо рѣзче. Правда, можно указать не мало точекъ соприкосновенія въ дѣятельности скарба по отношенію къ тѣмъ и другимъ волостямъ; это вполнѣ понятно, но на западѣ скарбовыя мѣры отличались болѣе радикальнымъ характеромъ. Это находится въ зависимости отъ многихъ причинъ. Прежде всего здѣсь, въ центральныхъ мѣстностяхъ, населеніе давно уже осѣло, передвиженіе его было болѣе затруднено. Рядомъ съ тяглецами, крѣпкими землѣ, было не мало рабовъ. Такимъ образомъ въ западныхъ державахъ было достаточно такихъ зависимыхъ элементовъ, надъ которыми правительство могло проводить радикальныя мѣры, не опасаясь нарушенія старины или ухода населенія. Разница между обѣими группами волостей заключалась также и въ томъ, что восточныя волости въ значительной мѣрѣ отвлечены были повинностями общегосударственнаго характера, тогда какъ старая господарская вотчина почти исключительно обслу-

живала дворцовыя нужды. Наконецъ, одну изъ самыхъ существенныхъ причинъ въ различіи хозяйственной политики по отношенію къ тѣмъ и другимъ державамъ, надо видѣть въ различіи ихъ экономическаго положенія. Въ Поднѣпровьи и Подвиньи преобладающую роль играли промыслы, и только во второй половинѣ XVI в. хлѣбопашество является здѣсь крупной статьей производства. Наоборотъ, въ западныхъ державахъ уже въ XV в. пашня является важнѣйшей статьей хозяйства, а съ начала XVI в. хлѣбный экспортъ получаетъ особенное значеніе. Земледѣльческое хозяйство давало больше поводовъ и возможности вотчинникамъ для вмѣшательства въ хозяйственную жизнь села.

Центромъ каждой державы являлся дворъ. Извѣстія о великокняжескихъ дворахъ, имѣющихъ хозяйственное назначеніе, относятся уже къ концу XIV в. [1]). Вел. князь Витовтъ выказывалъ большое вниманіе въ постройкѣ дворовъ, избирая для нихъ лично болѣе удобныя мѣста [2]). Уже тогда при дворахъ были пашни [3]), обрабатываемыя при помощи тяглыхъ повинностей окружнаго крестьянства [4]). При дворахъ содержались табуны лошадей [5]) и проч. Самъ вел. кн. принималъ дѣятельное участіе въ управленіи своимъ хозяйствомъ [6]). Къ концу XV в. въ расходныхъ записяхъ короля Казимира встрѣчаемъ извѣстія о довольно многочисленномъ количествѣ господарскихъ дворовъ въ Западныхъ державахъ [7]), впрочемъ въ XV в. встрѣчаются извѣстія о господарскихъ дворахъ въ восточныхъ областяхъ, напр. въ Смоленской землѣ [8]). Господарскій дворъ представлялъ собою хозяйственное цѣлое, къ которому тянула дворная пашня и рядъ угодій, эксплоатируемыхъ державцей для скарба. Оттого при дворахъ были и службы различнаго назначенія, соотвѣтственно раз-

[1]) Сигизмундъ Кейстутьевичъ даетъ въ 1396 г. пинскимъ францисканамъ десятину ex omnibus curiis nostris ad castrum oppidi Pinsko pertinentibus. Описаніе Рукоп. Отд. Вил. Пуб. Библ., II, 33 (прил.).

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, 73.

[3]) Skarbec Даниловича, № 544.

[4]) А. Ю.-З. Р., I, № 23.

[5]) Szajnocha, Jdwiga i Jagello, III. 6–7.

[6]) Ibidem, 136.

[7]) По этой книгѣ изъ дворовъ выдавалось жалованье служилымъ людямъ: рожью, сѣномъ, лошадьми. См. въ Актахъ Лит.-рус. гос., I.

[8]) А. З. Р., II, 26, Леонтовичъ, Акты, №№ 376, 408. 481. 155, Акты Лит.-рус гос., I, 77.

личнымъ отраслямъ дворцоваго хозяйства [1]). Однако древнѣйшему господарскому двору не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія, какъ самостоятельному крупному производителю сельскохозяйственныхъ продуктовъ, такъ какъ запашка его была не велика и дворовые амбары наполнялись дякольнымъ хлѣбомъ; только со времени Сигизмунда Августа дворъ становится болѣе крупнымъ факторомъ сельскохозяйственнаго производства.

Въ правленіе обоихъ Сигизмундовъ правительство предприняло рядъ мѣръ для усиленія доходовъ съ дворовъ, волостей и городовъ. Мѣры эти сводились къ регламентаціи податей и повинностей населенія, изысканію новыхъ источниковъ дохода и объектовъ предпринимательской дѣятельности скарба, привлеченіе населенія на господарскія земли путемъ колонизаціи ихъ на нѣмецкомъ правѣ и, наконецъ, въ расширеніи собственнаго господарскаго хозяйства. Первыя мѣры Сигизмунда I сводятся къ регламентаціи старины и къ точному опредѣленію предметовъ скарбоваго и намѣстничьяго доходовъ съ дворовъ. Такое направленіе дѣятельности объясняется тѣмъ, что при отсутствіи хотя бы примитивной регламентаціи доходы не доходили до скарба, оставались въ рукахъ намѣстниковъ и державцевъ. Въ этомъ сознается само правительство: „Какъ есьмо сели на отчызне нашой по тыи лета ты (намѣстникъ) и иншие врядники наши, которыи отъ насъ дворы держать, никоторыхъ доходовъ, ани пожитковъ съ тыхъ дворовъ... не даютъ и оборочаете каждый ку своему пожытку“ [2]). Такимъ объясненіемъ начинается устава дворамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, изданная въ 1514-мъ году. Это—первая общая устава для господарскихъ дворовъ, она сама заключаетъ въ себѣ указаніе, что цѣль ея—регламентировать „старину“. Хозяйственныя требованія ея сводятся къ слѣдующему. Державца обязанъ сдавать господарскую стацію въ Вильно или куда будетъ приказано, если самъ господарь не будетъ жить въ державѣ. Далѣе державца долженъ распредѣлить службы людей такъ, чтобы это было наиболѣе выгодно для двороваго хозяйства: на пашни должно быть осажено столько людей, сколько это необходимо, остальные должны быть отсажены „на пенязи“; такъ же должны

---

[1]) Любавскій, о. с., 315, 364; Леонтовичъ, Панскій дворъ въ Литовско-русскомъ государствѣ.

[2]) Любавскій, прил. № 23 и въ А. З. Р., II, р. 115.

быть утилизированы и дворовыя службы. Весь собранный на дворовой пашнѣ хлѣбъ дѣлится между господаремъ и державцею, при чемъ послѣднiй получаетъ одну треть урожая. Затѣмъ слѣдуютъ предписанiя относительно содержанiя челяди, эксплоатацiи рыбныхъ ловлей, разработки челядью льна, собиравшагося съ волостей и проч.

Изложенная устава дворамъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ заключаетъ въ себѣ хозяйственныя распоряженiя, но далеко еще не точно регламентируетъ отношенiя двора и окружавшей его державы. Черезъ 15 лѣтъ послѣ изданiя уставы 1514 г. правительство Сигизмунда I снова регламентируетъ управленiе дворами. Правительствомъ издано двѣ уставы, одна—для дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, другая—для Жмуди. Мы разсмотримъ обѣ уставы въ отдѣльности. Устава дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта издана въ 1529 г. Общая цѣль этой уставы заключалась въ ясномъ разграниченiи дохода господарскаго отъ врядничьихъ, опредѣленiи крестьянскихъ платежей и повинностей, въ установленiи строгаго контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ агентовъ и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы оградить крестьянство отъ излишней тяготы со стороны державцевъ, въ изложенiи хозяйственныхъ наставленiй державцамъ. Устава нѣсколько разъ высказывается противъ „обтяженья“ державцами подданымъ, чтобы „подда̀ныи наши „лупежствомъ непотребнымъ не были утиснены“, запрещая излишнюю посылку децкихъ въ волости, „поклоны“ „откупы“ [1]. Весьма любопытны наставленiя державцамъ хозяйственнаго характера. Такъ устава преподаетъ совѣты о томъ, какъ нужно распредѣлять хлѣбъ, откладывая часть его на сѣмена, часть на „мѣсячину“ для челяди и въ „отсопъ“ подда̀нымъ; устава совѣтуетъ засѣвать ленъ для раздачи на пряжу женской челяди, говоритъ объ уходѣ за рогатымъ скотомъ и лошадьми и т. д. Что касается даней и повинностей съ подда̀ныхъ, то устава ничего не говоритъ о способахъ обложенiя, но за то мы въ ней встрѣчаемъ новую черту, заключающуюся въ переложенiи нѣкоторыхъ платежей на деньги; такъ на деньги переложенъ сборъ за сѣно дякольное, мезлеву и нѣкоторые другiе. По отношенiю къ распредѣленiю работъ подда̀ныхъ устава рекомендуетъ оставить на тяглой службѣ и на ремесленной только необходимое количество людей: остальныхъ оно совѣтуетъ переводить на „осаду“; переходъ на осаду

[1]) А. З. Р., II, 198, 197—195.

означалъ замѣну натуральныхъ повинностей платежами; такъ тяглыя платили за осаду по бочкѣ пшеницы или по вепру, при чемъ иногда этотъ сборъ взимался деньгами. Спеціальныя службы переводились на осаду съ уплатой по одной копѣ грошей „осаднаго“; осадники отбывали сверхъ того толоки [1]). Устава обращаетъ также вниманіе на эксплоатацію нѣкоторыхъ побочныхъ статей, напр., на пустовщины, рыбныя озера и др. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что одновременно съ изданіемъ уставы было произведено описаніе господарскихъ дворовъ; въ Троцкомъ повѣтѣ этотъ „пописъ“ былъ произведенъ подъ руководствомъ воеводы Миколая Миколаевича Радивила; мы не знаемъ ближайшимъ образомъ, въ чемъ заключался этотъ пописъ [2]), но, повидимому, онъ сопровождался главнымъ образомъ регистраціей повинностныхъ отношеній [3]). Фактически пописъ производился писарями дворовъ. Это были спеціальные агенты центральнаго правительства, дѣятельность которыхъ заключалась въ объѣздѣ дворовъ и контролѣ хозяйства въ нихъ [4]).

Устава Жмудскимъ тивунствамъ и дворамъ имѣетъ много общаго съ только что разсмотрѣнной. Ввиду общей цѣли, которую ставилъ себѣ скарбъ, на Жмуди устроенъ былъ контроль скарбовыхъ писарей, какъ и въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. Сигизмундъ I издалъ въ 1527-мъ году предварительную уставу для нѣкоторыхъ

[1]) Ibidem, 196.

[2]) Описаніе дворовъ того времени до насъ не дошло, но о характерѣ его можно, напр., судить по слѣдующему изложенію сути писарскаго реестра. По поводу одной жалобы пристава и всѣхъ людей двора Ушпольскаго въ господарскомъ вырокѣ говорится: „ижъ што зъ розсказанья нашого писаръ дворовъ нашихъ Виленского повету... Миколай Андрушевичъ въ тыхъ дворехъ нашихъ на реестры пописалъ всякие доходы и пожитки наши господарие, што съ нихъ подданыхъ нашихъ плату до скарбу нашого приходить, и оные дей тотъ врочистый платъ кождого року водлугъ уставы нашое и реестровъ писарскихъ: яко осадные и куничные пенязи, такъ тежъ отъ коней путныхъ, за вепры и за яловицы, за бараны, за кури, и за яйца, за пшеницу, за жито, за ячмень, за медъ пресный, за ленъ и за овесъ корчомный, отъ земель пустовскихъ и дякла супольне пенязми кождого году отдають. Якожъ есьмо на то хотячи достаточную ведомость мети, посылали до тыхъ дворовъ нашихъ и казали имъ о доходехъ нашихъ достоточне ся доведати, естли бы въ той волости, што пожиточного нашого люди тамошние межи собою не закрыли“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, лл. 85). Этотъ листъ относится къ 1540 году; изъ него между прочимъ видно, что фактически подданые за всѣ сборы уплачивали деньгами.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, 215.

[4]) А. З. Р., II, 184.

Жмудскихъ державъ, окончательно оформенную въ 1529-мъ году для всей области. Въ уставѣ 1527 года король разъясняетъ, что по его распоряженію былъ предварительно произведенъ „пописъ“ этихъ волостей. Это описаніе показало королю, что Жмудины претерпѣваютъ „великія кривды“ и „непомѣрныя тяжкости“ отъ врядниковъ, почему многіе подданые разошлись. Поэтому король освобождаетъ подданыхъ отъ всѣхъ „посадей“ и поплатковъ и назначаетъ одинъ опредѣленный платъ. Онъ командируетъ въ Жмудь Ивашку Горностая чинить „справедливость“ подданымъ, прекратить сборъ посадей и вообще способствовать тому, „ижъ люди наши зъ земль своихъ не розсходилися, а пустовщины бы оседали“ [1]. Устава 1529-го года является развитіемъ предшествующей; она исходитъ изъ признанія „великаго утисненія“ подданыхъ отъ тивуновъ и необходимости сдѣлать „полегченіе“ людямъ. Прежде всего она освобождаетъ всѣхъ подданыхъ отъ незаконныхъ поборовъ врядниковъ, опредѣляетъ врядничьи доходы и господарскіе; равнымъ образомъ она устанавливаетъ контроль надъ тивунами, такъ какъ за изданіемъ уставы послѣдовали разсылки писарей по державамъ. Изъ господарскихъ податковъ—стація собирается въ натурѣ только въ случаѣ пріѣзда лично господаря, въ противномъ случаѣ она собирается деньгами. Изъ натуральныхъ сборовъ остается медъ прѣсный, очевидно въ видѣ оброчнаго дохода, дякла,—съ тѣхъ людей, которые и раньше давали его; нѣкоторые оброчные доходы уже переведены на деньги, напр., неводничные пенязи, за рыбныя угодья. Изъ натуральныхъ господарскихъ повинностей оставлена только косьба сѣна и то не повсемѣстно. Но самая важная сторона Жмудской уставы заключается въ переводѣ его населенія съ тяглыхъ и спеціальныхъ службъ на осаду.

Мы уже видѣли выше, что переводъ на осаду былъ рекомендуемъ правительствомъ уставами 1514-го г. [2]) и 1529-го г. Но въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ переводъ людей на осаду производился лишь въ томъ случаѣ, если сами подданые выражали

[1]) А. З. Р., II, 182—184.

[2]) „И ты, врядникъ нашъ,—говоритъ устава 1514 г.,—маешъ колько розумеючи людей на пашни оставити, которыми бы еси мелъ достаточне пашню нашу запахати, а иншихъ маешъ на пенязяхъ осадити и съ каждого чоловека по копѣ грошей въ годъ“ и сдавать эти гроши въ скарбъ (Любавскій, прилож. № 23).

на это свое согласіе. Въ 1524-мъ г. господарь издалъ вырокъ по жалобѣ Браславскихъ волощанъ на своего державцу Павла Сопегу. Подданые жаловались, что державца насильно переводитъ ихъ на осаду, а между тѣмъ взимаетъ осадный платъ въ двойномъ размѣрѣ; при прежнихъ державцахъ ихъ „кгвалтомъ на пенязяхъ“ не осаживали потому, что они служатъ тяглую службу. Въ своемъ вырокѣ господарь запрещаетъ Сопегѣ „кгвалтомъ“ переводить подданыхъ на осаду, но „естьли бы которые люди наши хотели сами своею доброю волею на пенязяхъ осести, не хотячи службы служити, тыхъ бы еси людей отсаживалъ“ [1]). Такими чертами отличалась осада въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. На Жмуди, гдѣ не было развито дворцовое хозяйство, господарь уставой 1527 года переводитъ все тяглое населеніе на осаду. Взамѣнъ всѣхъ старинныхъ посадей и дачекъ устанавливается однообразный платъ по 15 грошей въ годъ съ воловой сохи, по $7^1/_2$ грошей—съ конской; тѣ, кто не имѣетъ ни воловъ, ни лошадей платятъ „съ земли“ по 5 грошей. Впрочемъ, указанный размѣръ платежа—временный, пока подданые „успомогутъ“ [2]). Дѣйствительно устава 1529 года удваиваетъ этотъ платъ. Такимъ образомъ основныя крестьянскія службы—тягло и поседи—переложены на деньги. Надо впрочемъ замѣтить, что Жмудская устава нигдѣ не даетъ опредѣленнаго термина этому плату, но не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тою же осадою, о которой говорятъ уставы дворамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: по ясному указанію грамотъ этотъ платъ вводится взамѣнъ тяглыхъ работъ. Что касается самой формы обложенія—по сохамъ, то источники не даютъ никакого разъясненія о томъ, въ какомъ отношеніи посошное обложеніе находилось къ старымъ службамъ, т. е. полагаетъ ли устава соху равной службѣ, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что посошная раскладка вводится только для осадныхъ платовъ, между тѣмъ какъ остальные сборы взимаются съ дворовъ и службъ. По старѣйшимъ инвентарямъ жмудскихъ тивунствъ податная раскладка производилась по службамъ [3]). Это показываетъ, что служба здѣсь была основною окладною единицею. Однако посошную раскладку мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ воеводскихъ тивунствахъ для мелкихъ

[1]) Акты Лит.-русск. госуд., I, 196—197.
[2]) А. З. Р., II, 183.
[3]) Срав. Ивентарь Бирштанъ (у Любавскаго въ прил. № 4).

кормовыхъ сборовъ (напр. въ Тондягольской волости). Но раскладка намѣстничьихъ доходовъ отличалась бо́льшею подвижностью, чѣмъ господарскихъ: намѣстники весьма интенсивно переводятъ свои сборы съ старыхъ службъ и дворищъ на дворы, дымы и сохи, какъ на болѣе эластичныя единицы обложенія. Вотъ почему можно высказать предположеніе, что посошная раскладка осадныхъ платовъ является нововведеніемъ, отражая на себѣ попытки скарба обратиться къ болѣе гибкимъ окладнымъ единицамъ. Посошная раскладка такимъ образомъ падала не на землю, а на важнѣйшую часть хозяйственнаго инвентаря, по которой можно было судить объ имущественномъ состояніи плательщика; въ этомъ смыслѣ осадный платъ можно назвать поимущественнымъ налогомъ. Онъ давалъ правительству возможность уловить и такихъ плательщиковъ, которые легко ускользали при раскладкѣ по службамъ. Съ осаднымъ платомъ на Жмуди въ тѣсной связи находится одинъ натуральный сборъ овсомъ. Устава 1529-го года, опредѣливъ размѣръ плата съ безлошадныхъ, сейчасъ говоритъ: „при томъ уставляемъ", ежегодный сборъ „съ кождаго чоловека" за бочку овса по 6 грошей и за возъ сѣна по 2 гроша. Такъ какъ устава отличаетъ этотъ сборъ отъ дякла и стаціи, то можно думать, что онъ введенъ именно въ связи съ осаднымъ платомъ. Тѣмъ болѣе, что дякло на Жмуди, какъ видно изъ той же уставы, платилось не всѣми; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ сборъ дякольнаго овса распространенъ на всѣхъ плательщиковъ, и въ этомъ отношеніи Жмудь сравнена съ дворами Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ.

Уставы дворамъ и тивунствамъ дѣйствовали до введенія волочной уставы: какъ мы видимъ, онѣ не имѣли въ виду коренного измѣненія податной раскладки; старинныя подати и повинности остаются въ большинствѣ случаевъ прежнія. Но уставы отражаютъ въ себѣ слѣды новаго положенія вещей: натуральные сборы и повинности перелагаются на деньги, а на Жмуди сдѣланъ болѣе крупный шагъ впередъ. Во всемъ этомъ уже можно усмотрѣть признаки стремленій скарба отрѣшиться отъ старины и изыскать болѣе удобные способы обложенія и новыя доходныя статьи. Если на уставахъ правительства Сигизмунда I отразилось стремленіе улучшить господарское хозяйство на основахъ старины, то то же правительство стало подготовлять господарское хозяйство къ введенію новыхъ формъ, заботясь о распространеніи осадъ на нѣмецкомъ правѣ въ Подляхіи. Осада и нѣмецкій чиншъ уже имѣютъ между собою много общаго.

6. Осады на нѣмецкомъ правѣ и волочная устава.

Переходъ населенія городовъ и селеній съ русскаго права на нѣмецкое имѣлъ очень важное значеніе въ исторіи Литовской Руси. Сначала нѣмецкое право проникло въ крупные городскіе центры, а за ними и въ болѣе мелкіе. Раздача привилеевъ на магдебургію идетъ въ теченіе всего XV ст., и количество ихъ увеличивается при Сигизмундѣ I. Реформы Сигизмунда Августа завершили распространеніе магдебургіи въ господарскихъ городахъ, такъ какъ и города Подвинскихъ и Поднѣпровскихъ волостей почти всѣ получали привилеи, хотя и нѣсколько особаго рода. Если принять во вниманіе количество привилеевъ, выданныхъ великими князьями городамъ на магдебургію, да еще переходъ на магдебургію частновладѣльческихъ городовъ, то распространеніе нѣмецкаго права нельзя не назвать весьма быстрымъ. Какъ извѣстно, въ объясненіи причинъ такого расширенія нѣмецкаго права изслѣдователи не сходятся. Одни видятъ причину его расширенія въ сознательномъ стремленіи господарей литовскихъ къ полонизаціи городского населенія, другіе—усматриваютъ чисто экономическія цѣли, преслѣдовавшіяся правительствомъ при пожалованіи новаго права и отмѣнѣ стараго русскаго [1]). В. Б. Антоновичъ указываетъ еще на одну черту, приводившую къ утвержденію нѣмецкаго права въ Западной Россіи. „Если обратить вниманіе на время выдачи этихъ (магдебургскихъ) грамотъ, то замѣтимъ, что чѣмъ раньше и полнѣе городъ утратилъ прежнія общинныя черты быта, чѣмъ болѣе прочно развилось въ немъ преобладаніе военнаго сословія и произволъ старосты, тѣмъ скорѣе князья припуждены были спасти городскую общину отъ окончательнаго исчезновенія грамотою, жалующей магдебургское право“ [2]). Такимъ образомъ упадокъ древне-русской общинной жизни и порабощеніе городского класса старостинскою властью побуждали правительство къ введенію магдебургскаго права [3]). Однако почтенный историкъ въ мрачныхъ крас-

[1]) Сводъ мнѣній по этому вопросу русскихъ и польскихъ ученыхъ съ указаніемъ литературы можно найти въ книгѣ г. Линниченко, Черты изъ исторіи сословій и пр., p. 186 сл.

[2]) Статья о городахъ въ предисловіи къ Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. V, т. I, p. 46.

[3]) Ibidem, p. 48.

кахъ рисуетъ положеніе городскихъ общинъ: онѣ не сжились съ нѣмецкимъ правомъ и не получили необходимой для своего развитія самостоятельности, не избавились отъ административной опеки [1]). Мы не можемъ отвлечься отъ основной задачи нашей работы для подробнаго изслѣдованія причинъ успѣшнаго развитія магдебургскаго права въ Западной Россіи. Несомнѣнно, введеніе его въ городахъ сопровождалось разрывомъ той исконной связи города, какъ центра земской общины, съ территоріей земли. Но надо помнить, что въ данномъ случаѣ не магдебургское право было причиной разрушенія древне-русскаго общиннаго строя; этотъ строй нарушался, претворяясь въ иныя формы общественной жизни, въ зависимости отъ многихъ причинъ. И городъ на нѣмецкомъ правѣ, съ его обособленной мѣщанской общиной, былъ однимъ изъ показателей всеобщей переработки соціальныхъ отношеній. Думается также, что историки слишкомъ сгущаютъ краски, обсуждая невыгодныя стороны въ жизни городской общины на нѣмецкомъ правѣ. Что это право, вслѣдствіе разнообразія городскихъ привилеевъ, не способствовало созданію одного мѣщанскаго сословія, это несомнѣнно. Но съ неменьшею увѣренностью можно утверждать, что оно способствовало быстрому экономическому росту города. Препятствія на этомъ пути относятся не къ періоду XVI в., а къ XVIII и отчасти только къ XVII вв., когда въ средѣ сеймиковой шляхты утвердилось представленіе о городѣ, какъ главномъ источникѣ государственныхъ доходовъ; между тѣмъ параллельно съ утвержденіемъ такихъ взглядовъ шляхта стѣсняла торговую свободу, свободную конкуренцію цѣнъ и пр., наконецъ, налагала свою тяжелую руку на свободу и привилеи городской общины. Но это явленія позднѣйшаго времени, и они не имѣли мѣста въ періодъ развитія нѣмецкаго права — въ XV и почти въ теченія всего XVI в. Въ вопросѣ о вмѣшательствѣ въ городскую жизнь старостинскаго уряда надо имѣть ввиду во-первыхъ, что и борьба уряда съ общинами не исключительная принадлежность нѣмецкихъ общинъ: почти весь XVI в. отличается ожесточенною борьбою волостныхъ и городскихъ общинъ съ урядомъ, при чемъ въ этотъ періодъ администрація имѣла больше поводовъ къ вмѣшательству въ дѣла общинъ на русскомъ правѣ, чѣмъ на нѣмецкомъ. Переходъ на послѣднее въ XVI в. означалъ значительную свободу отъ мелочнаго контроля

---

[1]) Ibidem, p. 69.

администраціи, главнымъ образомъ потому, что сразу выяснялись отношенія населенія къ суду и скарбу. Наконецъ, во-вторыхъ, размѣры административнаго вмѣшательства были прямо обусловлены широтою городского привилея.

Если теперь обратиться къ причинамъ, побуждавшимъ правительство и населеніе къ переходу на нѣмецкое право, то нельзя не отнестись съ большимъ довѣріемъ къ заявленіямъ на этотъ счетъ древнѣйшихъ грамотъ на магдебургію. Онѣ единогласно указываютъ на затрудненія, испытываемыя населеніемъ отъ господства въ городахъ различнаго права—русскаго, нѣмецкаго и польскаго; другое затрудненіе заключается въ вмѣшательствѣ администраціи въ жизнь общины. Изъ этого ясно, что населеніе крупныхъ городскихъ центровъ, переходившихъ на магдебургію, было не всегда однородно, и новое право являлось той серединой, которая могла примирить всѣхъ горожанъ, такъ какъ оно дѣйствительно носило въ себѣ черты интернаціонализма. Съ другой стороны, нѣтъ нужды заподозрѣвать тѣ же грамоты, когда онѣ ясно говорятъ о томъ, что цѣль введенія магдебургскаго права заключается въ томъ, чтобы дать населенію способы къ лучшему развитію торговли, а скарбъ ожидаетъ отъ города увеличенія скарбоваго дохода [1]). Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется привести данныя относительно источниковъ доходовъ съ городовъ магдебургскихъ и не магдебургскихъ, и этотъ обзоръ дастъ не мало указаній на то, что доходы съ магдебургскихъ городовъ отличались бо́льшей опредѣленностью и бо́льшими размѣрами. Сверхъ того

[1]) Приведемъ нѣкоторыя указанія привилеевъ, разъясняющія правительственную политику по раздачѣ магдебургскаго права. Древнѣйшіе привилеи обычно говорятъ о желаніи верховной власти дачею магдебургскаго права городу его condicionem facere meliorem (прив. Берестью 1390 г., Акты Лит.-рус. гос., I, p. 1; при этомъ Берестію дана „воля" при осадѣ на волокахъ); или inopiae et desolationi misericorditer subvenire et ut homines eam inhabitantes uberiora carpere queant incrementa (прив. Витовта 1408 г. тому же городу, ibidem, p. 3), конечно, и ad augendum fructus thesauri nostri (ibidem p. 17, пр. Казимира Берестію же, 1440 г.). Ср. грамоту Перемилю 1430 г. (ibidem, p. 10), Литовижу ок. 1434 (ibidem. p. 12, ср. p. 58, 84, 97, 99, 102. 112). Ср. въ А. З. Р., I, p. 187—189, т. II, p. 72, 75, 90, 179 и др., Арх. Ю.-З. Р, ч. V, т. I, p. 13. Замѣтимъ, что грамоты древнѣйшаго времени знаютъ нѣмецкое населеніе въ городахъ (напр., Акты Лит.-рус. гос., I, p. 11, Арх. Юго-Зап. Р., ч. V, т. I, p. 3), слѣдов. появленіе нѣмецкаго права въ нѣкоторыхъ городахъ было вполнѣ естественно, такъ какъ былъ элементъ населенія, принесшій его съ собою изъ Германіи; въ городахъ акты упоминаютъ также и о польскихъ элементахъ населенія, тоже знакомаго съ правомъ.

надо помнить, что магдебургскіе города привлекали къ себѣ населеніе и имѣли достаточно средствъ, основанныхъ на привилеяхъ, для удержанія этого пришлаго населенія въ средѣ своей общины. Ввиду сказаннаго, развитіе магдебургскаго права въ Литовско-русскомъ государствѣ нужно отнести къ области финансовой политики правительства. Эта сторона дѣла выяснится съ еще большей опредѣленностью при обзорѣ развитія сельскихъ и мелкихъ городскихъ поселеній на нѣмецкомъ правѣ.

Источники довольно рано упоминаютъ о появленіи осадъ въ селахъ на нѣмецкомъ правѣ. Признаками этихъ осадъ можно считать извѣстія объ уплатѣ крестьянами census и о censuales [1])—плательщикахъ чинша. Оба термина по отношенію къ сельскимъ жителямъ—не переводъ мѣстной дани, потому что городскіе привилеи на магдебургію хорошо ихъ знаютъ и всегда связываютъ съ платой отъ лана, манза земли или съ волоки [2]). Повидимому, древнѣйшія крестьянскія поселенія на нѣмецкомъ правѣ были въ Подляхіи, гдѣ при Витовтѣ еще сзывались кметы; цѣль распространенія нѣмецкихъ осадъ состояла въ увеличеніи населенія, такъ что уже Бѣльская уставная грамота стремится положить предѣлы конкуренціи помѣщиковъ [3]). Встрѣчаются также извѣстія о раздачѣ войтовствъ [4]) не только въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, но и въ господарскихъ [5]). Къ этому можно прибавить, что къ началу XV в. относятся попытки введенія осадъ на валашскомъ правѣ [6]), очевидно, подъ вліяніемъ сосѣдней Галиціи [7]). Однако, нѣмецкое право въ господарскихъ селахъ не имѣло широкаго распространенія до времени Сигизмунда Стараго: до него не мало было основано мѣстечекъ, т. е. полугородскихъ, полусельскихъ поселеній; но правильная правительственная дѣятельность по осадамъ чисто сельскихъ войтовствъ, равно какъ и по болѣе интенсивной работѣ по организаціи мѣстечекъ, начинается съ Сигизмунда I.

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, 8; Codex epistolaris Vitoldi, p. 77, 103.
[2]) Напр., Акты Лит-рус. гос., I, 5 и др.
[3]) Яснискій, Зем. Уст. грам., 134—135.
[4]) Записки Наукового товариства имени Шевченка, 1896, т. I, p 7.
[5]) А. Ю. З. Р., I, p. 9.
[6]) А. Ю. З. Р, I, p. 9.
[7]) Линниченко, Черты и пр., p. 170 сл.

Вопросы, связанные съ землевладѣніемъ на нѣмецкомъ правѣ, наиболѣе трудные въ западно-русской исторіи и далеко еще не выясненные. Причину тому надо видѣть не въ одной неразработанности вопроса: по отношенін къ Западной Россіи можно согласиться съ почтеннымъ историкомъ въ томъ, что здѣсь, какъ и въ Польшѣ, понятія, связанныя съ чиншевымъ правомъ, находились въ хаотическомъ состояніи [1]). Если трудно уловить сущность юридическихъ отношеній, возникшихъ изъ перехода на нѣмецкое право, за то нельзя сомнѣваться въ экономической основѣ этихъ заносныхъ формъ землевладѣнія. Ученые, занимавшіеся вопросами о вѣчно-арендныхъ отношеніяхъ въ Западномъ краѣ, пришли къ заключенію о связи ихъ съ формами средневѣковаго эмфитеузиса [2]), который въ свою очередь является возрожденіемъ римскаго эмфитеутическаго землевладѣнія [3]). Въ средніе вѣка существовалъ цѣлый рядъ причинъ, побуждавшихъ землевладѣльца сзывать на свои земли населеніе на льготныхъ условіяхъ, почему различныя формы эмфитеузы были извѣстны повсемѣстно въ Западной Европѣ [4]). Льготы, предоставляемыя при этомъ земледѣльцу, побуждали его переходить на новыя мѣста, разрабатывать залежи и лѣса и вносить земледѣльческую культуру туда, куда она не скоро-бы проникла безъ особыхъ побудительныхъ причинъ. Вотъ почему изслѣдователи придаютъ такое большое значеніе средневѣковой эмфитеузѣ. Средства, съ помощью которыхъ этотъ институтъ стремится къ намѣченной цѣли, состояли въ оживленіи личнаго интереса земледѣльческихъ рабочихъ классовъ.

Въ славянскія земли проникали нѣмецкія формы вѣчно-арендныхъ отношеній; нѣмцы являлись сюда, какъ колонисты, и приносили

---

[1]) Рембовскій, Исторія и значеніе чиншеваго владѣнія въ западномъ краѣ СПБ, 1896, p. 100.

[2]) Такой взглядъ проводится въ книгѣ А. Рембовскаго, Исторія и значеніе чиншеваго владѣнія въ Западн. краѣ, проф. Ө. И. Леонтовичемъ въ ст. Сельскіе чиншевики въ Лит.-русскомъ госуд., Ж. М. Н. Пр., 1899, февраль. Ср. Helcla Dawne prawo prywatne, Krak., 1874, p. 157 слѣд. Въ названныхъ сочин. находятся и указанія на литературу вопроса.

[3]) Garsonnet, E. Histoire des locations perpétuelles et des baux à longue durée, Paris, 1879, p. 262.

[4]) Карышевъ, Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Западной Европы, СПБ., 1885, p. 13—14. Garsonnet (op. cit., p. 2) считаетъ вѣчно-наслѣдственную форму правильныхъ отношеній однимъ изъ періодовъ въ развитіи поземельной собственности.

съ собой новыя юридическія формы владѣнія, общинные порядки, выработанные ими при колонизаціи, свое право [1]), и, наконецъ, исконныя формы землепользованія съ раздѣленіемъ полей на гуфы, моргены, общинное пользованіе выгонами и новое для славянскихъ народовъ расположеніе села. Совокупность этихъ сторонъ нѣмецкой колонизаціи и составила такъ наз. въ Польшѣ, а потомъ и въ Западн. Россіи, „тевтонъ", въ которомъ окристаллизовались всѣ характерныя черты новой системы. Никто не скажетъ, каково было количество нѣмецкихъ поселенцевъ, перешедшихъ въ польскіе города и села, но созданный ими „тевтонъ" оказался удобопримѣнимымъ настолько, что въ XV в. здѣсь уже все крестьянство съ польскаго права оказалось на нѣмецкомъ [2]). Польское крестьянство и мѣщанство вполнѣ сроднилось съ нѣмецкимъ правомъ, а для землевладѣльца оно принесло крупныя выгоды [3]). Въ Польшѣ были причины, которыя особенно способствовали развитію этого права и нѣмецкой колонизаціи,—это сильное разореніе страны въ XIII в. [4]). Укрѣпившись въ Польшѣ, нѣмецкое право стало переходить и въ Литовскую Русь, и тотъ фактъ, отмѣченный нами раньше, что первыя свѣдѣнія о нѣмецкомъ правѣ относятся къ Подляхіи, указываетъ на путь его географическаго распространенія. Впрочемъ, встрѣчаемъ рѣдкія указанія на то, что Польша была не единственнымъ проводникомъ нѣмецкаго права, но что оно иногда переходило непосредственно и изъ нѣмецкихъ земель [5]).

Въ концѣ XV и началѣ XVI в. господарскій скарбъ былъ не въ блестящемъ состояніи. Мы уже знаемъ, что Сигизмундъ I всячески старался поднять и урегулировать доходъ отъ господарскихъ добръ. Тѣмъ болѣе охотно въ его время скарбъ основывалъ города

---

[1]) Характерныя черты нѣмецкой колонизаціи, занесенныя потомъ и въ Польшу, см. въ извѣстномъ соч. Августа Мейтцена Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen, Berlin, B. II, p. 344, 359—357 и др. Возрожденіе римской эмфитеузы—ср. Maurer, Geschichte der Fronhöfe, II, 75 сл.

[2]) Piekosiński Fr., O sądach wyższych prawa niemieckiego w Polsce wieków średnich, Krakow, 1884, p. 18.

[3]) Ibidem, p. 16.

[4]) Bandtkie, Ius Culmenze, ср. Рембовскій, o. c., p. 34—36.

[5]) Въ инвентарѣ Райгорода и Ганязя встрѣчаемъ указанія на уплату чинша „прусскимъ обычаемъ". Арх. Сб., I, p. 31.

и селенія на нѣмецкомъ правѣ, что оно давало опредѣленный и большій доходъ. Самый процессъ колонизаціи прекрасно разъясняетъ ея цѣли. Мы укажемъ на характерныя черты его, замѣтивъ, что выдѣлять въ этомъ случаѣ осаду сельскихъ и городскихъ войтовствъ нѣтъ никакой нужды, такъ какъ пріемы осады въ обоихъ случаяхъ были одинаковы.

Та картина осадъ на нѣмецкомъ правѣ, которую рисуетъ д-ръ Пекосинскій по отношенію къ Польшѣ [1]), вполнѣ повторилась въ началѣ XVI в. и въ Литовской Руси. И здѣсь мы встрѣчаемъ то же оборудованіе подъ сельско-хозяйственную культуру „сырого кореня", ту же погоню за колонистами и интенсивную дѣятельность предпринимателей по ихъ созыву.

Главнымъ руководителемъ по осадѣ городовъ и селеній былъ мѣстный староста, дѣйствовавшій по приказанію или съ согласія короля [2]). Онъ подыскивалъ „годного" человѣка и поручалъ ему найти подходящее для поселенія города или села мѣсто; это—будущій войтъ. Когда мѣсто на осаду найдено, оно разбивалось на волоки, и староста просилъ короля объ утвержденіи „годного" человѣка войтомъ будущаго поселенія; войту даются обычные „платы" на войтовство, за что онъ обязанъ осадить поселеніе [3]). Иногда староста самъ размѣряетъ службы и жеребья подходящаго для поселенія мѣста, опредѣляетъ войтовскіе доходы, поручаетъ будущему войту осаду и проситъ короля объ утвержденіи войтовства [4]). Въ большихъ осадахъ отмѣрялись только „стѣны" будущаго поселка и нѣсколько волокъ въ центрѣ его, а остальные участки нарѣзывались войтомъ уже по мѣрѣ появленія насельниковъ [5]). Впрочемъ, не одинъ староста хлопоталъ объ осадахъ. Проявленіе частной иниціативы въ дѣлѣ новыхъ осадъ широко допускалось правительствомъ: оно охотно утверждало войтовство за тѣмъ, кто самъ „земли и лѣсъ поднялся на волоки розмерити и мѣсто людми осадити прихожими волными, ку его милости (господарю) пожиточному привести" [6]). При Сигизмундѣ-Августѣ часто ревизоры, во время ревизій, находили подходящее мѣсто и давали знать

[1]) O sądach wyższych и пр., p. 7 слѣд.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, 158, 175, 181, 222.

[3]) Кн. Зап. Лит., XIII, л. 99—99 об.

[4]) Ibidem, л. 91 об.—92 об.

[5]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 58, 212, 225.

[6]) Ibidem, p. 126.

королю о предполагаемомъ „пожиткѣ“ отъ поселенія, и король охотно соглашался на ихъ представленія [1]). При немъ-же прибѣгали еще и къ болѣе радикальнымъ средствамъ для увеличенія осадъ. Такъ, одинъ изъ ревизоровъ Дмитрій Сопега получилъ въ 1568 г. въ свое завѣдываніе пущи Лысковскую, Межирѣцкою и Слонимскую, съ которыхъ „до сего часу пожитку ни якого намъ не было“. Поэтому король предназначаетъ эти пущи „на осаженье местечокъ, фольварковъ и селъ нашихъ“; Сопегѣ поручается „въ тыхъ пущахъ нашихъ местечка и села и фольварки на местцахъ погожихъ, где бы ся ему видело, закладати и людьми осаживати, и воли людямъ водлугъ баченья своего роздавати“ [2]). Одинъ мѣрчій, при помѣрѣ Берестейскаго староства, случайно наткнулся на нѣсколькихъ „мужиковъ“, жившихъ на лѣсныхъ островахъ; эти „мужики“ не платили никакихъ платовъ въ господарскій скарбъ, очевидно, потому, что скарбовые чиновники и не подозрѣвали о существованіи лѣсного поселенія. Помѣрчій сообразилъ, что лѣсные острова очень удобны для большого поселенія, „обралъ“ войта изъ тамошнихъ-же жителей, назначилъ ему три волоки на войтовство, льготные годы, и обо всемъ донесъ въ скарбъ, оттуда и получилъ королевское утвержденіе своихъ распоряженій [3]).

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 191—193 об.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., L, л. 53.

[3]) Приведемъ въ извлеченіи этотъ любопытный въ бытовомъ отношеніи документъ. Въ грамотѣ на имя старосты берестейскаго пана Миколая Радивила король приводитъ листъ служебника С. Свидерскаго, открывшаго и устроившаго острова: „Я, Станиславъ Свидерскій, будучы посланый... до повету Берестейского, а колимъ вымерилъ волоки в селе Полоскахъ и в Дубровицы и в Вортоли, тогды у пущы господарской нашолъ при тыхъ трехъ селехъ тры островы земли прозвищемъ Тучная Лука, на которомъ острове седятъ тры мужыки отъ 6 летъ на имя Мицъ Байчичъ, а Петръ Волошинъ, а Ѳедко Баичъ, которыи с того острову плату господарского николи не плачывали, а другій островъ на имя Княжая, на которомъ острове седятъ тры мужыки на имя Сенько Кошоловичъ, а Макаръ Костяновичъ а Ониско Костьяновичъ, а третій островъ Ощепскій недалеко себе островъ отъ острова. А земли тамъ есми вымерилъ двадцать и чотыри моркги. А с тыхъ островов маютъ платити до скарбу господарского по копе грошей польскихъ с кождое волоки на кождый рокъ. А вырозумелъ есми, ижъ на тыхъ островехъ будеть и 40 волокъ, не рушаючы земяньское земли и границъ, а можетъ тамъ на Гоще речце ставъ быти и млынъ. И водлугъ росказанья его милости пана Левицкого уставляемъ тамъ доброго чоловека Мица Байчича, который маетъ садити село на тыхъ островахъ ку великому господарскому пожитку и назначилъ есми тымъ людямъ, которые будуть оседати воли на 12 летъ, или што будеть воля господарская; а якъ выседять волю 12 летъ, тогды маютъ давати до скарбу госпо-

Когда, такимъ образомъ, найдены мѣсто для поселенія и войтъ въ качествѣ осадчаго, то „кликалась“ „воля“ [1]), т. е. на рынкахъ объявлялось о закладкѣ новаго поселенія съ указаніемъ количества льготныхъ отъ платежей лѣтъ. Послѣднее зависѣло отъ условій данной мѣстности, т. е. отъ ея отдаленности отъ населенныхъ уже центровъ и отъ размѣровъ того труда, который долженъ быть приложенъ новоселами для подготовки почвы подъ сельско-хозяйственную культуру. Дѣло въ томъ, что новыя осады обыкновенно отводились на „сыромъ корени“, среди лѣса, разработка котораго требовала тяжелаго труда—„для того ижъ тотъ лесъ на оныхъ волокахъ разробливати маютъ“ [2]). Такъ при осадѣ въ пущѣ Любечской объявлена воля на 12 лѣтъ [3]), при осадѣ людей въ Бирштанской пущѣ объявлена воля на 20 лѣтъ [4]), мѣстечка Переросля, заложеннаго въ пущахъ Ожской и Переломской,—на 10 [5]) и т. д. [6]). Иногда, если уже поселеніе заложено и частью осажено, войту предоставлялось право самому опредѣлять льготные годы для каждаго поселенца въ частности [7]). Любая ревизія староства на волочной помѣрѣ можетъ представить массу указаній на осаду въ дубровахъ, на данную при осадѣ „волю“ и пр.

Проходило нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ диброва была разбита на волоки, прокликана „воля“; поселеніе появлялось въ мѣстечкѣ

дарского вытеймененый платъ, а не маютъ жадныхъ служебъ на господаря служити до воли господарское. И далъ есми ему тры волоки вольныхъ, если выробитъ 100 волокъ“. Король утвердилъ распоряженія мѣстныхъ властей и избраннаго ими войта. Такимъ образомъ крестьяне пользовались только 24 моргами острова, въ которомъ было 40 волокъ годной для поселенія земли (Кн. Зап. Лит., XIII, л. 14—15; 1541 г.).

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 326. Вотъ еще свидѣтельство: подданый Климъ Медвѣдь „повѣдилъ“, „ижъ ловчій великого князьства Литовскаго etc. панъ Григорей Воловичъ а писар нашъ державца Квасовскій и Красницкій панъ Лавринъ Война за росказаньемъ нашимъ будучи в лесництве Бельскомъ и становечи парадокъ на воляхъ тамъ въ той пущи ново осажоныхъ а видечи того потребу уставили его войтомъ въ селехъ нашихъ на воли, то-есть у Ягоднику, въ Локотники, и в Шостакове, на которое войтовство назначили ему две волоки земли пустыхъ“ (Кн. Зап. Лит., LI, л. 63 об.—64).

[2]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 96. Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, 212,

[3]) Кн. Зап. Лит, XXXVII, л. 373.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXV, л. 228.

[5]) Кн. Зап. Лит., LI, л. 24 об.

[6]) Ibidem, л. 16, кн. XLVIII, л. 43 об. и л. 321 об., кн. L, л. 26 об., Акты Лит.-рус. гос., I, р. 226.

[7]) Акты Лит.-рус. гос., I, 106, 123.

или сельскомъ войтовствѣ. Рядомъ съ войтомъ уже засѣдали бурмистры и лавники.

Войтовскій привилей уже въ значительной мѣрѣ служитъ для населенія гарантіею для пользованія нѣмецкимъ правомъ, но это еще не было настоящее „право“. Поэтому населеніе, осѣвши и обжившись нѣсколько—обычно ко времени истеченія льготныхъ лѣтъ,—хлопочетъ о выдачѣ ему господаремъ „права“. Иногда оно сначала получало предварительный или краткій листъ, а потомъ уже и настоящій привилей; иногда послѣдній выдавался сразу [1]). Надо замѣтить, впрочемъ, что сельскія войтовства, кажется, совсѣмъ не получали „права“, но мѣстечки всегда его получали.

Послѣ сказаннаго понятна и цѣль новыхъ поселеній,—чтобы люди „садились“ въ нихъ, приходили „мѣшкати“ [2]), для приведенія мѣста „ку доброму и лѣпшому пожитку нашому“ [3]), для „вмноженія людей“ [4]), или чтобы „люди наши оседали и платы-бы наши намъ се повышали“ [5]); вообще въ осадѣ всегда видѣли „примноженье скарбу нашого“ [6]). Иногда случайныя причины побуждали правительство „садить мѣсто“. Такъ, напр., Милейчицы были основаны потому, что въ нихъ былъ недостатокъ „доброго злежанья и власного отпочиненья“ [7]), а между тѣмъ онѣ были „станомъ“ на дорогѣ, по которой проѣзжалъ господарь.

Такимъ образомъ, правительство принимало всѣ мѣры для усиленія колонизаціи на нѣмецкомъ правѣ, поощряя населеніе льготами и поощреніемъ-же вызывая инициативу какъ администраціи [8]), такъ

---

[1]) Ср. напр. такіе предварительные привилеи Нарвѣ, Воиню, Акты Лит.-рус. гос., I, 158, 175, 181.—Сиг. Августъ даетъ привилей тѣмъ мѣщанамъ которые поселятся въ урочищѣ Переросль въ пущѣ Переломской, потому что „где вжо не мало людей на мешканье сходятся, нижли селитися не хочуть, немаючи певности, покуля маютъ мети вольность отъ плаченья плату до скарбу нашого“, а прежній привилей у нихъ „згинулъ“ (Кн. Зап. Лит., L, л. 26 об.). Безъ привилея вновь осѣвшее населеніе рисковало попасть въ тягло. А. З. Р., II, 153.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., р. 158.

[3]) Ibidem, р. 160, 176.

[4]) Ibidem, р. 181.

[5]) Ibidem, р. 102.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 326.

[7]) Акты Лит.-р г., I, р. 159—160.

[8]) Сошлемся хотя бы на обѣщаніе Дм. Сопегѣ не отнимать у него державъ, которыя онъ осадитъ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 181), на дачу доживотья на Берестьи п. Мик. Радивилу за дѣятельность по осадѣ и пр.

и частныхъ лицъ къ устройству осадъ. И это вполнѣ понятно, потому что осада мѣста требовала не мало труда, энергіи, а иногда и капитала [1]). Въ лицѣ „годныхъ“ людей, стремившихся обезпечить себя войтовствомъ, встрѣчаются очень дѣятельные колонизаторы [2]). Войтъ получалъ за осаду войтовства нѣсколько волокъ, свободныхъ отъ платовъ, право на корчму, мельницу, ятки, доходы отъ суда и др. „пожитки“. Среди войтовъ встрѣчаются какъ шляхтичи [3]), такъ и крестьяне господарскіе—поддáные [4]). Войтовства давались во временное владѣніе, напр., въ доживотье [5]), но чаще владѣніе ими составляло наслѣдственное право съ правами продажи, аренды, замѣны и пр. [6]).

Итакъ, изучая дѣятельность правительства по расширенію волочныхъ осадъ, мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ съ знакомымъ уже намъ явленіемъ: она напоминаетъ стремленіе правительства собрать населеніе въ тѣхъ державахъ и волостяхъ, которыя еще оставались на русскомъ правѣ, эксплоатировать здѣсь пустовщины и пр. Съ этой стороной правительственной дѣятельности мы уже знакомы. Только въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили волочныя осады, эти мѣры были болѣе объединены, имѣли конкрентные образцы для приведенія ихъ въ исполненіе и давали болѣе осязательные результаты.

Говоря о волочныхъ осадахъ, мы преимущественно пользуемся фактами, касающимися Подляхіи. Это не случайный подборъ источниковъ, потому что именно здѣсь правительство Сигизмунда I и его сына производило впервые, путемъ описанной вольной колонизаціи, переводъ населенія на нѣмецкое право. Главная заслуга въ этомъ отношеніи, повидимому, принадлежитъ старостѣ Берестейскому пану Мик. Радивилу, хотя и до него здѣсь уже многое сдѣлано было для

---

[1]) Ловчій Гр. Воловичъ державцѣ немонойтскому „примножаючи пожитокъ скарбу земского на розробенье поля, черезъ ревизоровъ граничоное людьми осаживаючи, поручилъ, зачимъ онъ (т. е. державца) хотечи пожитокъ скарбу земскаго напотомъ вдѣлати, не зъ малымъ кошгомъ своимъ працуючи, людей на воляхъ оного лѣсницства Немонойтскаго колько селъ осадилъ (Акты Вил. Арх. Ком., VIII, p. 229).

[2]) Напр. Хибовскій въ короткое время основываетъ три войтовства (Кн. Зап. Лит., XIII, лл. 91, 99, 110); такова же энергичная дѣятельность Бориховскаго и др. лицъ.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 113.

[4]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 326.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 165.

[6]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 123 об., LI, л. 28–29

водворенія нѣмецкаго права. Въ Подляхіи-же еще при Сигизмундѣ I, былъ предпринятъ и переводъ цѣлыми группами селъ на волочную систему,—напр., въ Дорогицкомъ староствѣ [1]). Въ другихъ господарскихъ староствахъ волочная система водворилась слѣдующимъ образомъ. Королева Бона ввела ее въ тѣхъ староствахъ, которыми она сама владѣла (Пинскъ, Суражъ, Бѣльскъ, Гродно, Кобринъ, Кременецъ) [2]); въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ волочная система была прямо введена Сигизмундомъ-Августомъ, и тогда-же производилась осада пущъ на прусскомъ пограничьи [3]), а въ Подвинскихъ и Поднѣпровскихъ

[1]) Приведемъ слѣдующее распоряженіе Сигизмунда I объ осадѣ селъ въ этомъ повѣтѣ, сдѣланномъ въ 1536 г.: „Росказалъ король его милость воеводе подляшскому старосте дорочицкому пану Ивану Богдановичу Сопезе в тыхъ селехъ повету Дорогицкого на имя у Путковцохъ, у Молмоткахъ, у Кочергахъ, у Випарехъ у Чорныхъ земли на волоки розмерити и оныхъ людей на цыншу осадити и казалъ его милость имъ, водле розмеренья пана воеводина, оныи земли на волокахъ держати и тотъ платъ его милости господарскій давати, потому что и в иншыхъ селехъ тамошнихъ цыншъ з волокъ своихъ даютъ, о чомъ жо и листы свои господарскии до оныхъ селъ его милость писалъ, ажбы вжо они то все полнили и противъ тому росказанью господарскому ничимъ не стояли, бо то естъ воля и росказанье его милости господарское" (Кн. Зап. Лит., XIX, л. 91 об.). Это распоряженіе указываетъ на широкое распространеніе волочныхъ осадъ въ Подляхіи. Въ то же время оно показываетъ, что услѣдить за количественнымъ ходомъ осадъ очень трудно по книгамъ центральныхъ учрежденій: это случайная запись въ книги устнаго распоряженія короля.

[2]) Въ этомъ отношеніи имѣетъ весьма важное значеніе приводимый ниже документъ. Онъ свидѣтельствуетъ о систематическомъ переводѣ на осаду въ староствахъ королевы Боны и о созывѣ въ новыя осады частновладѣльческихъ подданыхъ. Вотъ это распоряженіе короля: „Старостамъ и державцамъ замковъ и дворовъ нашихъ берестейскому, каменецкому, дорогицкому, мельницкому. Мовила намъ королевая наша ее милость и великая княгиня Бона о томъ, ижъ росказала ее милость старосте пинскому, кобринскому, клецкому, городецкому пану Ивану Михайловичу в пущы ее милости Кобринской люди на себе садити на местцахъ годныхъ и воли имъ давати, которыи тамъ за ее милостью осядутъ. Протожъ, штобы есте по местомъ и двором нашымъ казали закликати и тыи воли всимъ оповедати. И которыи бы кольвекъ люди вольныи похожыи у поветехъ вашихъ хотели з местечокъ и торговъ и именей князьскихъ и панскихъ за ее милость ити и на той воли садити, тыхъ бы есте людей не велели никому ничимъ гамовати. А которыи бы тежъ люди с тыхъ место и дворовъ нашихъ вольныи походящыи за королевую ее милость на тыи воли ити мели, вы бы также тыхъ всихъ людей изъ жонами и зъ детьми и зъ статки ихъ з местъ и дворовъ нашихъ добровольне отпущали безъ всякое зачепки и гамованья". 1596 г. (Кн. Зап. Лит., XXI, л. 24). Замѣтимъ, что приведенный документъ хорошо характеризуетъ и самый процессъ осады.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 190 об.

волостяхъ она была введена только въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.; Волынь и Кіевщина отошли къ Коронѣ до введенія волочной помѣры. Другая особенность нѣмецкихъ осадъ заключается въ томъ, что это право сначала, т. е. съ XV в., утверждается только въ мѣстечкахъ; мѣстечки того времени—собственно сельскія поселенія по преобладающимъ въ нихъ занятіямъ, но привилеи, давая имъ льготы городского характера (торги, ярмарки, корчмы, ятки и и пр.), тѣмъ самымъ призывали къ жизни новый типъ поселеній — полугородскихъ, полусельскихъ. Сельскія поселенія развиваются интенсивно только со второй половины правленія Сигизмунда I, но объемъ городского права не отличается отъ сельскаго [1]).

Правительственная дѣятельность—только одна сторона вопроса. Другая его сторона заключается въ томъ, какъ относилось само населеніе къ предлагаемому ему переходу на нѣмецкое право. Нельзя скрыть почти непреодолимой трудности настоящаго вопроса, которая оказывается вслѣдствіе отсутствія данныхъ. Трудно даже и приблизительно указать размѣры передвиженія населенія на „воли“. Мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя бѣглыя указанія.

Въ ревизіяхъ староствъ, выполненныхъ уже по изданіи волочной уставы, можно встрѣтить рядъ двоякаго рода фактовъ. Во первыхъ, находимъ здѣсь „осадниковъ“, не высидѣвшихъ еще „воли“; ихъ можно принять съ извѣстнымъ ограничіемъ, потому что при переносѣ селеній на новыя мѣста и разбивкѣ волокъ, „отмѣнахъ“, иногда и старожилы осаживались на „сыромъ корени“ и слѣдовательно получали льготы; затѣмъ, при раздачѣ волокъ, собранныя семьи распадались и члены ихъ брали отдѣльные участки. Во вторыхъ, списки держателей волокъ иногда указываютъ на новоселовъ потому, что вмѣсто фамиліи употребляютъ прозвище, указывающее на національность поселенца (Ляхъ, Литвинъ), или на село, откуда онъ вышелъ. Разумѣется, и эти указанія не даютъ сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ, потому что такія прозвища могли носить и не новоселы, и, наоборотъ, новоселы могли сохранить свои фамиліи. Впрочемъ за неимѣніемъ другихъ данныхъ и эти могутъ представить нѣкоторый интересъ: можетъ быть, предполагая возможныя неточности, они даютъ до извѣстной степени minimum пришлаго населенія. Если съ этой

[3]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, Ж. М. Н. Пр, 1868, сент., р. 727.

точки зрѣнія смотрѣть на данныя ревизій, то можно допустить все таки довольно значительный процентъ новоселовъ [1]). Впрочемъ, въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ населеніе благопріятно относилось къ переходу на нѣмецкое право. Это доказываетъ не только интенсивный ходъ колонизаціи, но также и нѣкоторыя свидѣтельства источниковъ.

Прежде всего надо замѣтить, что населеніе небезсознательно переходило на нѣмецкое право, и до проведенія волочной помѣры повсемѣстно оно не переводилось на волоки насильно. На это указываютъ нѣкоторые факты отказовъ крестьянъ отъ установленія войтовства. Такъ, когда король далъ въ 1541 г. войтовство въ с. Мощенскомъ Мельницкаго повѣта Борыховскому, то „тые подданые наши тамъ войта мети не хотели для тыхъ прычинъ: намъ дей тамъ места просторонната на селидбу ту нетъ; а што ся тежъ ихъ поселило, имъ ся з великою тяжкостью видело, абы мели войта надъ собою мети“. Король согласился съ крестьянами и отмѣнилъ войтовство [2]). Фактъ этотъ чрезвычайно интересенъ. Оказывается, что населеніе не насильственно переводилось на волочную систему, и правительство считалось съ его желаніями. Только постепенной подготовкой населенія къ переходу на нѣмецкое право и льготами можно объяснить полный успѣхъ волочной реформы: она прошла безъ всякаго протеста со стороны населенія какъ разъ въ то время, когда восточныя области государства были полны борьбой крестьянства съ урядомъ [3]). Мало того, есть всѣ основанія полагать, что крестьянство охотно переходило на волочную систему, предоставляющую ему и временныя льготы и въ будущемъ сравнительно независимое положеніе отъ мѣстнаго уряда. Большинство селъ и мѣстечекъ основывались на дубровахъ и въ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ заселялись: значитъ населеніе охотно

[1]) Обзоръ этихъ данныхъ будетъ приведенъ нами въ той части работы, въ которой будутъ разсмотрѣны статистическія свѣдѣнія о населеніи господарскихъ добръ.

[2]) Кн. Зап. Лит., XIII, л. 94 об.—95. Подробности отказа Мощенцовъ отъ войтовства разсказаны въ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VII, л. 105—106: войтъ Борыховскій допускалъ разные „утиски“, отчего подданые „згибли“ было. Они предложили вносить ежегодно въ скарбъ по копѣ грошей съ дыму, только бы ихъ избавили отъ войта.

[3]) Ср. Довнаръ-Запольскій, Западно-р. сельская община въ XVI в., 1897 г., гдѣ приведены нѣкоторыя данныя объ этой борьбѣ.

стекалось на новыя мѣста. Нѣтъ возможности подвести числовые итоги такой колонизаціи, но нѣкоторые факты очень убѣдительны. Въ 1549 г. Тучная и Княжая были островами, на которыхъ сидѣло *по три* двора [1]), оба острова тогда-же были обращены въ войтовство. Ревизія 1566 г. застаетъ уже въ Тучной 64 заселенныхъ волоки, а въ Княжой 43 заселенныя волоки. Слѣдовательно, населеніе увеличилось въ 21 и въ 15 разъ и какъ-разъ въ тѣ самые годы, когда колонизаціонная горячка господствовала во всей области. Очевидно, это населеніе пришлое; и въ самомъ дѣлѣ, стоитъ всмотрѣться въ имена и прозвища поселянъ Тучной, чтобы признать среди нихъ пришельцевъ: по именамъ и фамиліямъ—здѣсь несомнѣнно подавляющее большинство поляковъ: встрѣчается и прозвище „литвинъ", въ Княжой—нѣсколько лицъ съ прозвищемъ „ляхъ", одинъ „басарабъ", при нѣсколькихъ стоитъ названіе селъ, изъ которыхъ они пришли; среди новоселовъ стоятъ и имена прежнихъ поселенцевъ [2]). Приведенные факты достаточно говорятъ въ пользу того, что населеніе охотно стекалось изъ разныхъ мѣстъ на осады, разбитыя на волоки. Впрочемъ, можно обратить вниманіе еще на одинъ фактъ. Въ 1567 году король подтвердилъ М. Рожчичу „отмѣну" въ Берестейскомъ староствѣ: у Рожчича въ помѣру было занято два дворца съ людьми,—Збероги и Гершановичи, взамѣнъ которыхъ ему отведено ревизорами село Мокраны съ 11 осѣлыми волоками [3]). Неизвѣстно, сколько крестьянъ было въ дварцахъ Рожчича до отмѣны, но понятно, что они не могли быть большими селеньями, потому что взамѣнъ ихъ помѣщикъ получаетъ село въ 11 осѣлыхъ волокъ; отмѣны дѣлались весьма точно, и, разъ Рожчичъ проситъ короля объ утвержденіи замѣны, то, очевидно, онъ ею доволенъ. Между тѣмъ по ревизіи 1566 г. Збероги и Гершановичи уже большія села: въ первомъ селѣ осажено цѣлыхъ 52 волоки, а во второмъ размѣрено тоже 52 волоки, изъ которыхъ занято пока всего 19 [4]). Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ произошло зна-

---

[1]) Смотр. примѣч. 3 на стр. 281.

[2]) Док. М. Арх. М. Ю., I, р. 356 и 360.

[3]) Подтверждая Михаилу Збирозскому замѣну добръ въ Берестейскомъ повѣтѣ, занятыхъ въ волоки, король пишетъ: „если бы оные люди, въ томъ сельцѣ теперъ оселые, ему (Збирозскому) служити не хотѣли, тогды волно имъ будетъ съ тыхъ кгрунтовъ за насъ господаря, або кгдѣ хотѣчи знестися". Акты Вилен., VI, р. 4.

[4]) Док. М. А. М. Ю., I, 255—256.

комое явленіе: какъ только частновладѣльческое населеніе попало въ руки правительства, населеніе его быстро увеличилось въ нѣсколько разъ прихожими людьми.

Правительство всѣми мѣрами стремилось созвать крестьянъ на волоки, объявляя даже тѣмъ изъ нихъ, земли которыхъ переходили къ помѣщикамъ въ „отмѣну", что они вольны служить или уйти отъ своихъ новыхъ владѣльцевъ, или прямо объявляя о свободномъ выходѣ помѣщичьихъ крестьянъ на господарскія осады (факты приведены въ предшествующихъ примѣчаніяхъ). И крестьяне, дѣйствительно, уходили и даже бѣжали съ частновладѣльческихъ земель на господарскія: недаромъ волочная помѣра такъ непріязненно была встрѣчена на сеймахъ, недаромъ, наконецъ, послѣ проведенія ея возникаетъ рядъ процессовъ, вчинаемыхъ помѣщиками по поводу бѣгства ихъ крестьянъ на господарскія земли [1]),—тогда какъ иски королевскихъ урядниковъ къ частнымъ владѣльцамъ едва-ли можно встрѣтить въ это время.

Нѣмецкое право имѣло самыя разнообразныя экономическія и соціальныя послѣдствія въ западно-русской исторіи, къ чему намъ не разъ придется возвращаться. Въ данномъ случаѣ для нашей цѣли достаточно будетъ въ общихъ чертахъ указать на нѣкоторыя изъ нихъ: прежде всего, переходъ на нѣмецкое право велъ къ замѣнѣ старин-

---

[1]) Въ 1570 г. судья гродскій кобринскій Мих. Буховецкій жаловался старостѣ кобринскому о томъ, что нѣсколько отчичовъ изъ его имѣнія убѣжали въ королевское село. На судѣ бѣглецы были спрошены, отчичи-ли они, „а не похожіе люди именья тыхъ землнъ". Крестьяне сознались, что они—властные отчичи земянъ,—„и от давныхъ дей часовъ въ томъ имепьи ихъ, еще за продковъ ихъ отцы ихъ и они сами.... мешкають" (Кн. Судн Дѣлъ Лит., LVII, л. 15). Провинціалъ ордена св. Августина Станиславъ Еньдровичъ заноситъ въ 1569 г. жалобу старостѣ берестейскому о томъ, что двое изъ его подданыхъ Костомолотскихъ убѣжали въ королевское село Прилуки,—„будучи властными отчичами его от давныхъ часовъ, еще отъ славное памети короля Витовта на костелъ... надаными". Истецъ представилъ свидѣтелей—другихъ своихъ подданыхъ, которые себя „менили быти власными отчичами". Войтъ прилуцкій Панасъ Васильевичъ отстаивалъ убѣжавшихъ, говоря, что они жили въ Костомолотахъ не на плебанской половинѣ, а на половинѣ какого-то Филиппа, владѣвшаго ихъ жеребьями за выслугу; истецъ же „привлащилъ" ихъ къ своимъ людямъ по смерти Филиппа. Бѣглецы утверждали, что „дей мы от давныхъ часовъ были людьми господарскими вольными и теперь, иж се намъ от князя провенциала крывда видела, тогды есмо оттоле добровольно шли прочь". Тѣмъ не менѣе, на основаніи привилея, люди оставлены за плебаномъ" (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LVII, л. 1 2).

ныхъ даней и повинностей арендною платой съ земельнаго участка [1]). Арендная плата въ городахъ всегда взималась деньгами, но въ селахъ и мѣстечкахъ денежный чиншъ сопровождается натуральными сборами; однако и здѣсь чиншъ составляетъ основную часть платежей. Земля является исключительнымъ объектомъ обложенія. Вмѣсто неопредѣленныхъ по размѣру службъ и дворищъ единицей обложенія является участокъ земли въ 30 моргеновъ; въ началѣ XV в. онъ назывался манзомъ [2]), ланомъ, волокой [3]). Но съ теченіемъ времени послѣднее названіе вытѣснило первыя.

Арендная плата носила названіе чинша—census [4]), но иногда она просто называлась „платомъ“ [5]) или „урочистымъ платомъ“ [6]), или урочистымъ чиншемъ [7]). Размѣръ чинша не былъ одинаковъ, хотя колебанія его были не велики. Чиншъ съ сельскихъ волокъ былъ больше, чѣмъ съ городскихъ [8]). Съ переходомъ на нѣмецкое право, земельная собственность порывала съ лежавшими на ней служебными обязанностями. Поэтому землю на чиншевыхъ условіяхъ берутъ какъ всѣ разряды подданыхъ, такъ и шляхетство. Однако надо не забывать, что развитіе нѣмецкаго права шло параллельно съ развитіемъ сословныхъ отношеній. Это отразилось на составѣ чиншевыхъ платовъ. Зависимые классы общества сверхъ чинша уплачиваютъ еще нѣкоторыя крестьянскія дани напр., „за осаду“, стацію; съ земянскихъ держаній всѣ платежи взимались подъ именемъ чинша; это указывало на соціальное различіе съемщиковъ земли. Нѣмецкое право вводило систему арендныхъ отношеній; у владѣльца земли оставалось dominium directum, держатель получалъ dominium utile. Такъ какъ крестьянское землевладѣніе на русскомъ правѣ носило прекарный

---

[1]) Тѣми же послѣдствіями сопровождался переходъ на нѣмецкое право и въ Польшѣ, Рембовскій, о. с., p. 47.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 5.

[3]) Ibidem, p. 9, 10 и др.

[4]) Ibidem, p. 99, 102, 123 и др.

[5]) Ibidem, p. 126 и др.

[6]) Кн. Зап. Лит., ХШ, л. 5.

[7]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 159.

[8]) Напр. урочистый платъ въ с. Воинѣ былъ опредѣленъ въ листѣ 1529 г. съ волоки по 40 гр. литов., по четверти овса, одному гусю, парѣ куръ и по 12 яицъ. (Кн. Зап. Лит., XIII, л. 5). Ср. платъ съ сельскихъ волокъ въ Бѣльскомъ пов. Акты Лит.-рус. гос., I, p. 126. Съ городскихъ волокъ взималось обычно дякло 30 грошей.

характеръ, то эта его черта отразилась и на землевладѣніи на нѣмецкомъ правѣ. Въ этомъ отношеніи западно-русское чиншевое землевладѣніе отличалось тѣмъ-же характеромъ, какъ и землевладѣніе польское и нѣмецкое по сравненію съ римской эмфитеузой: положеніе обладателя dominium utile было менѣе обезпечено по отношенію къ владѣльцу сравнительно съ римскимъ эмфитеутомъ [1]), потому что и землевладѣніе на нѣмецкомъ правѣ получило оттѣнокъ прекарнаго.

Послѣднее отразилось, между прочимъ, на томъ, что мы не встрѣчаемъ въ XVI в. договоровъ между арендаторомъ и владѣльцемъ, по крайней мѣрѣ писаныхъ (мы говоримъ исключительно о господарскомъ хозяйствѣ): за то встрѣчаемъ листы—данины на владѣніе на чиншевыхъ условіяхъ; но такая форма отдачи земли придаетъ ей именно прекарный характеръ [2]). Для мѣщанскихъ и крестьянскихъ осадъ, впрочемъ, отдѣльныя условія могли быть и излишни, такъ какъ привилей на осаду мѣста или войтовства заключалъ въ себѣ условія отдачи земли: кто былъ согласенъ на нихъ, тотъ и бралъ земельный участокъ. При составленіи люстрацій ревизоры на такихъ-же условіяхъ раздавали земельные участки боярамъ (въ половинѣ XVI в. надо уже строго различать повѣтовое земянство—бояръ отъ господарскихъ бояръ; владѣніе послѣднихъ аналогично крестьянскому владѣнію). Отсутствіе договоровъ дѣлаетъ затруднительнымъ вопросъ о формѣ владѣнія. Повидимому, крестьянское владѣніе предполагало вѣчноарендныя отношенія; это вытекаетъ какъ изъ общаго духа нѣмецкаго права, такъ и изъ общаго пониженія свободы перехода крестьянъ, которое развивалось въ эпоху вліянія нѣмецкаго права. Что касается земянскаго владѣнія, то оно предполагалось долголѣтнимъ, такъ какъ раздачи земель на чиншѣ мы встрѣчаемъ или на условіи „до ласки господарской“ [3]), или безъ опредѣленія срока [4]), что означало одно и то же.

Историки польскаго права справедливо указываютъ на существованіе въ Польскомъ землевладѣніи чертъ сродныхъ нѣмецкой эмфетеузѣ [5]). И въ западно-русскомъ землевладѣніи можно отмѣтить рядъ

---

[1]) Helcel, o. c., p. 165.

[2]) Напр. листъ кор. Боны въ Кн. Зап. Лит., XXXIII, л. 74 об.—75.

[3]) Акты Вил., т. XIII, р. 361 и др.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXXIII, л. 74 об.—75.

[5]) Helcel, o. c., p. 167.

фактовъ, которые даютъ основаніе сопоставить мѣстныя формы отдачи земли съ нѣмецкими. Если въ основу сравненія взять фактъ перевода дани и повинностей на однообразную плату, то переходъ съ тягла на осадный платъ на Жмуди и въ дворахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ можно признать предшественникомъ нѣмецкаго землевладѣнія. Правда, переводъ на осадные пенези происходилъ какъ разъ въ то время, когда правительство Сигизмунда I расширяло сферу нѣмецкаго права въ Подляхіи. Однако, нѣтъ никакихъ основаній приписывать введеніе осадныхъ платовъ исключительно вліянію нѣмецкаго права, такъ какъ отдача земли на оброчныхъ условіяхъ составляетъ видную особенность русскихъ поземельныхъ отношеній; нѣмецкое-же право привходило не отдѣльными своими сторонами, но во всей совокупности хозяйственныхъ, поземельныхъ и юридическихъ отношеній. Вотъ почему переходъ на осаду еще не являлся переходомъ на нѣмецкое право.

Когда бискупъ луцкій Юрій Фальчевскій, опытный хозяинъ и финансистъ своего времени, заглянулъ въ 1547 г. въ свою далекую полоцкую вотчину и ознакомился съ установившимися здѣсь крестьянскими повинностями, онъ нашелъ, что крестьяне платили мало и что сами повинности и платежи были измышлены поддáными безъ всякаго права; онъ даетъ имъ поэтому новую уставу[1]). Итакъ стародавній обычай, регулировавшій крестьянскіе платежи и повинности, въ половинѣ XVI в. уже казался вотчиннику крестьянскимъ „вымысломъ“ [2]). Теперь помѣщикъ, занятый войною, сеймомъ и торговлею,

[1]) Арх Ю.-Зап. Р., ч. VI, т. I, р. 28—29.

[2]) Приведемъ еще содержаніе одного любопытнаго документа, показывающаго, какъ сталкивались новыя требованія, предъявляемыя помѣщикомъ къ крестьянамъ, со старинной крестьянскихъ повинностей. Въ 1532 году королемъ и королевой Боною были посланы въ Оболецкую волость особые ревизоры; въ своемъ докладѣ они подробно описываютъ существовавшія изстари повинности крестьянъ и въ заключеніе, признавъ ихъ недостаточными, разсказываютъ о своей попыткѣ установить новый порядокъ работъ; разскажемъ этотъ любопытный эпизодъ словами источника: „ино мы убачили, ижъ то естъ шкодою, ане пожиткомъ господарыни ее милости и, зъ росказанья господарского приказали были есмо всей волости Оболецкой, ажъ бы они тые два дни, которыи врадникъ господарыни королевое ее милости роскажеть, посполите а супольне въ недели робили, а выходили бы рано и розходилися зъ роботы позно, якъ и по иншымъ дворамъ господарскимъ и панскимъ служать. И волость вся стала мовити намъ з великимъ крикомъ: быдеи намъ не только статки наши, але жоны и дети были побраны, тогды мы не бу-

съ завистью посматриваетъ на благосостоянiе зажиточнаго крестьянина, на его свободу перехода; „мужикъ богаче пана“—говоритъ помѣщикъ [1]).

Къ этому времени соцiальныя и экономическiя отношенiя сильно измѣняются. Землевладѣлецъ изъ собирателя даней превращается въ помѣщика—хозяина, часто крупнаго экспортера лѣса, хлѣба, притомъ образованнаго, слѣдящаго за сельско-хозяйственной литературой и пр. Тогдашняя экономика учила его лучшему извлеченiю доходовъ изъ земли, лѣса, скота и, конечно, изъ поддáныхъ. Понятно, что многое, даже все, въ старинномъ строѣ не нравилось такому помѣщику. Господарская скарбовая канцелярiя временъ Сигизмунда-Августа состояла изъ передовыхъ финансистовъ эпохи, большею часть прошедшихъ школу королевы Боны, умныхъ и образованныхъ, дѣятельныхъ, независимыхъ отъ мѣстной шляхты, потому что большинство были иностранцы. Они принесли съ собой новыя идеи государственнаго и вотчиннаго хозяйства. Время Сигизмунда-Августа, столь богатое хозяйственными реформами, обязано именно такимъ финансистамъ, какъ Петръ Фальчевскiй, Iеронимъ Квилецкiй и много др. Ихъ трудомъ была произведена волочная помѣра, введена волочная устава, устава лѣсная, конюшенная, упорядоченъ весь скарбовый механизмъ и пр. Это были однако лучшiе представители хозяйственнаго направленiя того времени. Ихъ далеко нельзя обвинить въ эксплоататорскихъ стремленiяхъ по отношенiю къ подданымъ; правда, они слишкомъ настойчиво проводили идею мелочнаго контроля, опеки надъ крестьянствомъ; въ ихъ распоряженiяхъ иногда просвѣчиваетъ тѣнь недовѣрiя къ крестьянину, но, несомнѣнно, они заботились о его благосостоянiи. Въ этомъ отношенiи они стояли на уровнѣ понятiй людей своего времени. Не забудемъ, что люди, проводившiе реформу,—участники великой эпохи возрожденiя. Неудивительно, что они возвышенно относились къ своей миссiи, съ любовiю и вѣрою въ будущее смотрѣли на свое дѣло. „Кто установитель волочной помѣры“? Спраши-

---

демъ служити такъ; одно якъ з вековъ предки и отцы наши и мы передъ тымъ служивали, такъ и теперь служити хочемъ. И панъ Кирдей росказалъ былъ имъ водле приказанья нашого, два дни посполите въ середу а въ четвергъ служити и они на работу не шли и дался на грабежи“. Поэтому ревизоры оставили вопросъ о повинностяхъ на усмотрѣнiе короля и королевы (Кн. Зап. Лит., XV, л. 25—26 об.).

[1]) Źródła dziejove, VI, p. 116.

ваетъ въ своемъ предисловіи Я. Лашковскій и отвѣчаетъ: „не смертные люди, но Тотъ, Кто когда-то ясно приказалъ Моисею раздѣлить землю Ханаанскую между сынами Израильскими“. „Что за люди должны проводить помѣру“? говоритъ онъ дальше.—„Люди, которыхъ избралъ для раздѣленія земли самъ Господь Богъ“ [1]). Для такихъ людей—помѣра есть „успокоеніе“ людей [2]); выполнить наиболѣе трудныя ея части—напр. удачно расположить селенія—нуженъ особый „даръ Божій“ [3]). По ихъ объясненію, сама идея помѣры, проводимая Сигизмундомъ-Августомъ, есть выполненіе съ его стороны воли Божьей, актъ величайшей справедливости христіанскаго государя [4]). „Что такое волочная помѣра“? спрашиваетъ Лашковскій. По его мнѣнію, помѣра есть справедливое межеваніе земли, распредѣленіе ея между тѣми, кто имѣетъ на тѣ или другія части ея законное право для того, чтобы всякій спокойно пользовался своею собственностью, благодарилъ и чтилъ Бога, выполняя свои повинности по отношенію къ государству [5]). И,—что для насъ особенно любопытно, такое высокое понятіе о задачахъ реформы высказывается племянникомъ руководителя всего дѣла П. Фальчевскаго, для котораго даже поговорки дяди служатъ руководствомъ въ работѣ [6]).

Уставы Сигизмунда-Августа касались разныхъ сторонъ господарскаго хозяйства, но главная сторона ихъ—введеніе волочнаго кадастра, и уставы имѣли опору въ предшествующей дѣятельности королевы Боны (правда, уставы послѣдней весьма поверхностны), а съ другой стороны опытъ предшествующихъ работъ, по частичному переходу селъ на нѣмецкое право, Сигизмунда I.

Правительство нигдѣ не дало оффиціальнаго объясненія цѣлей и пріемовъ волочной помѣры. Но этотъ недостатокъ общаго разъясненія съ излишкомъ вознаграждается неоднократными объясненіями короля по частнымъ случаямъ. Особенно важны королевскіе отвѣты, данные сеймовымъ представителямъ.

Такъ, правительство полагало одной изъ важнѣйшихъ задачъ реформы приведеніе въ порядокъ повинностныхъ отношеній тяглаго на-

---

[1]) Акты Вил., XXV, 10.
[2]) Ibidem, 9.
[3]) Ibidem, 13.
[4]) Ibidem, 9.
[5]) Ibidem, 10.
[6]) Ibidem, 14.

селенія не только къ правительству, но (главнымъ образомъ) и къ мѣстному вряду. Дѣйствительно, такъ какъ управленіе господарской державы оплачивалось поборами и повинностями съ жителей и такъ какъ „старина“ этихъ отношеній потеряла свою обязательную силу, то вполнѣ понятно заявленіе короля на сеймѣ 1554 г.: дѣло дошло до того, что ни врядники не знали, что̀ они имѣютъ право брать съ подданыхъ, ни послѣдніе не знали, что̀ они обязаны давать. Волочная устава и помѣра имѣли только упорядочить подобное положеніе вещей [1]). И весьма важно, что въ данномъ случаѣ имѣлись, главнымъ образомъ, ввиду интересы плательщиковъ: помѣра и устава должны были прекратить „вымыслы вряда“ [2]). Конечно, оберегая подданыхъ отъ вряда, правительство не забывало собственныхъ интересовъ и, разумѣется, ставило ихъ на первомъ планѣ. Оно опредѣленно разъясняло сеймовымъ посламъ, что цѣль помѣры „размноженіе пожитковъ“ [3]).

Широкій планъ „размноженія пожитковъ“ былъ построенъ на почти полномъ уничтоженіи старой системы хозяйства. Для введенія новой правительству прежде всего понадобилось точно опредѣлить, что именно изъ поземельныхъ владѣній находится въ его распоряженіи. Это было дѣломъ нелегкимъ, потому что поземельныя отношенія были крайне запутаны и опредѣлить, что̀ принадлежало шляхтѣ, что королю,—было не легко; границы не вездѣ были точно установлены. Дѣло усложнялось еще правомъ „входовъ“ и „суплетнымъ“, „спольнымъ“ владѣніемъ угодіями; шляхта имѣла входы и „лезива“ въ господарскіе лѣса и угодія, и, наоборотъ, господарскіе крестьяне имѣли тѣ-же права въ частновладѣльческихъ земляхъ; села господарскія и частновладѣльческія часто „супольно“ владѣли пашнями и входами [4]). Но сверхъ того тогдашняя сельско-хозяйственная экономика не только указывала на необходимость точнаго обмежеванія владѣній, но также рекомендовала уничтоженіе сервитутовъ, черезполосности владѣній, настаивая на округленіи послѣднихъ. Конечно, скарбу не удалось достигнуть полнаго уничтоженія сервитутовъ, черезполосности и добиться округленія имѣній, но, при производствѣ помѣры, несомнѣнно, многое было сдѣлано въ этомъ направленіи.

---

[1]) А. З. Р., III, р. 63.

[2]) Ibidem, 111.

[3]) Ibidem, р. 39.

[4]) Ср. характерный рядъ жалобъ въ Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, л. 13 об., 25, 26.

Устраненіе черезполосности—одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ волочной помѣры. Трудность ея заключалась не только въ громадности межевой работы, но и въ томъ, что правительству пришлось встрѣтиться съ нежеланіемъ шляхты предъявлять документы. Нетрудно догадаться, что представленіе послѣднихъ вскрыло-бы всѣ незаконные захваты. Правда, и правительство стремилось остановить незаконные захваты и преслѣдовало ихъ [1]). Оно старалось не разъ разъяснить шляхтѣ цѣль устраненія черезполосности,—чтобы установить „певныя“ границы: тогда подда́ные господарскіе не будутъ заходить въ земли шляхты [2]). Король объявлялъ на сеймѣ, что мѣрчіе обязаны отписывать земли на господаря только въ вполнѣ законныхъ случаяхъ: когда кто-нибудь владѣетъ землею безъ данины, когда земля куплена безъ надлежащаго разрѣшенія у людей тяглыхъ, татаръ или бояръ путныхъ [3]). Но этими доводами шляхта не легко убѣждалась. На сеймѣ 1551 г. она проситъ короля избавить ее отъ „покладанья“ листовъ передъ мѣрчими на томъ основаніи, что ей не даютъ отмѣны [4]). Жомойтская земля представила тогда-же свои особые доводы противъ производства помѣры вообще: по ея привилеямъ „новые речи“ не могутъ быть вводимы въ Жомойтской землѣ, на что король основательно замѣтилъ, что помѣра ведется въ его собственныхъ земляхъ: онъ, какъ и всякій помѣщикъ, въ своихъ имѣніяхъ и среди своихъ подданыхъ устанавливаетъ новые „пожитки“ [5]). Тѣмъ не менѣе на томъ-же сеймѣ шляхта добилась весьма важнаго постановленія: въ случаѣ споровъ о землѣ шляхтича съ королевскимъ имѣніемъ могутъ быть привлечены для доказательствъ и „свѣтки веры годные“, т. е. свидѣтельскія показанія на ряду съ письменными доказательствами [6]).

Разумѣется, это должно было значительно облегчить шляхтѣ доказательство на право владѣнія тѣми изъ бывшихъ господарскихъ

[1]) Листъ земянамъ Волпенскимъ и Дубенскимъ: „Маемъ того ведомость, ижъ многие з васъ немалые именья и кгрунты у волости дворовъ нашыхъ Волпенской и Дубенской неведати за якими правы и данинами подъ собою держать и подъ прысудомъ и послушенствомъ державцы волпенского и дубенскаго быти нехотечы до иншыхъ поветовъ се отзываете“. Поэтому король посылаетъ дворянина Вавренца Маковецкаго узнать ихъ твердости на грунты, и они должны показать свои права и явиться на судъ господаря. Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., IX, л. 98.

[2]) А. З. Р., III, 36.

[3]) Ibidem, 31.

[4]) Ibidem, 31.

[5]) Ibidem, 38—9.

[6]) Ibidem, 32.

земель, на которыя у нея не было привилеевъ. Дѣйствительно, ссылки на давность—обычны въ спискахъ земянскихъ имѣній, составляемыхъ ревизорами. На сеймѣ 1554 г. продолжались жалобы на помѣру и объясненія по ея поводу со стороны короля. Послы жаловались на недобросовѣстность мѣрчихъ, на захватъ ими шляхетскихъ земель въ помѣру, на недобросовѣстность со стороны господарскихъ агентовъ. наконецъ, выражали желаніе, чтобы ревизоры не были изъ иноземцевъ [1]). Особенно горько жаловалась опять Жомойтская земля на помѣру и причиняемые ею „утиски“, на требованія со стороны ревизоровъ привилеевъ на шляхетство, на неотдачу „отмѣнъ“, недобросовѣстность помѣрчихъ, наконецъ на то, что присылка ревизоровъ-иностранцевъ противорѣчитъ привилеямъ земли. Король на всѣ эти жалобы представилъ разъясненіе. Онъ указываетъ на то, что скарбовые агенты не получили такихъ инструкцій, которыя давали-бы имъ возможность дѣлать „утиски“ шляхтѣ, напр. требовать привилеевъ на шляхетство, или брать шляхетскіе грунты безъ отмѣны; если ревизоры и допытываются листовъ на боярство, то только у бояръ путныхъ или у такихъ, которые недавно „вкупилися“ въ боярство и освобождены отъ тяглой службы „за поклоны“ [2]). Что касается недоброкачественности отдѣльныхъ врядниковъ, то король совѣтуетъ точно назвать имена ихъ и поступки, обѣщая дать „справедливость“; относительно того, что имъ приходится давать взятки, то, иронически замѣчаетъ король, шляхта напрасно это дѣлаетъ: если даетъ взятки, то пусть она винитъ самое себя [3]). Король объясняетъ также свое право посылать ревизоровъ изъ чужеземцевъ: ревизоръ—не врядникъ, его дѣятельность не касается собственно шляхты, но тяглыхъ людей; при томъ-же при ревизорахъ неотлучно находятся тивуны для наблюденія за шляхетскими интересами [4]). На сеймѣ 1559 г. жалобы были менѣе назойливы. Шляхта просила о подтвержденіи господарскими листами отмѣнъ [5]); Жомойтская земля просила „обварованья“ господарскимъ листомъ того, что волочная помѣра не будетъ „шкодить“ ея вольностямъ, съ чѣмъ король охотно

[1]) Ibidem, 55—56.
[2]) Ibidem, 61.
[3]) Ibidem, 55.
[4]) Ibidem, 61, ср. еще р. 63—64.
[5]) Ibidem, 99.

согласился [1]); наконецъ, жмудины жаловались на то, будто шляхта осажена ревизорами на волокахъ, на что король обѣщалъ произвести разслѣдованіе,—только-бы шляхта сдѣлала опредѣленныя заявленія своему старостѣ [2]); все таки шляхта добилась, что ее освободили отъ представленія привилеевъ [3]). Сеймы 1563 [4]), 1568 [5]) и даже 1569 г. [6]) не представляютъ ничего новаго въ этомъ отношеніи. Можно развѣ только замѣтить, что на этихъ сеймахъ самый вопросъ о волочной померѣ не игралъ крупной роли. Даже самыя просьбы имѣютъ извѣстный смыслъ, какъ напр. просьба объ отводѣ отмѣны раньше, чѣмъ забрана будетъ въ господарскія земли шляхетская. Видимо, шляхта примирилась съ уже совершившимся фактомъ.

Эта борьба шляхты съ правительствомъ представляетъ довольно грустную картину эгоистическаго отношенія шляхты къ государственнымъ интересамъ. Но съ другой стороны, только что разсказанная борьба „становъ" съ королемъ ясно подсказываетъ одинъ изъ недостатковъ помѣры въ хозяйственномъ отношеніи: подъ напоромъ шляхетскихъ притязаній правительство не имѣло мужества возстановить свое право владѣнія на всѣ захваченныя земли. Въ самомъ дѣлѣ, сохранившаяся книга записей привилеевъ и правъ шляхты на земли, представленныхъ ею Гр. Воловичу при ревизіи лѣсовъ, наглядно свидѣтельствуетъ о безсиліи правительства разслѣдовать захваченныя земли: здѣсь множество владѣній оказалось основанными на давности; никакого фактическаго разслѣдованія этой давности произведено не было, но ревизія только придала юридическую силу этой давности. Конечно, легко предвидѣть, что должно было найтись не мало частныхъ владѣній, для которыхъ дѣйствительно давность была единственнымъ основаніемъ владѣній, за неимѣніемъ законныхъ „твердостей". Но сильное правительство могло-бы и не считаться съ такого рода аргументомъ: по Статуту великокняжеская недвижимая собственность не защищена была земскою давностью, и всегда право на нее могло быть возстановлено. Сигизмундъ-Августъ этого, однако, по отношенію къ землянству не могъ сдѣлать—сеймы слишкомъ громко протестовали.

[1]) Ibidem, 102.
[2]) Ibidem, 103.
[3]) Ibidem, 103.
[4]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 152—3.
[5]) Ibidem, 491.
[6]) Ibidem, 439.

Мало того, уничтоженіе черезполосицы пришлось купить дорогою цѣною слишкомъ щедрыхъ „отмѣнъ“ и уступокъ въ пользованіи входами. Такимъ образомъ, возстановленіе во всей полности земельнаго имущества достигнуто не было; но правительство могло быть довольно и тѣмъ, что обмежевавъ столовыя добра, оно на будущее время оградило себя отъ незаконныхъ земельныхъ захватовъ. Тѣмъ не менѣе правительство успѣло произвести ревизію шляхетскихъ привилеевъ на земли. Такъ, при ревизіи пущъ оно поставило себѣ задачею описать всѣ пущи княжества, изслѣдовавъ при этомъ мѣста, годныя для поселенія новыхъ осадъ. По отношенію къ шляхетскимъ землямъ цѣль ревизіи заключалась въ опредѣленіи правъ на выслуги, разсмотрѣніи соотвѣтственныхъ привилеевъ, утвержденіи владѣній на основаніи давности и въ описаніи границъ и „вольностей“ обревизованныхъ частныхъ владѣній [1]). Такъ были обревизованы привилеи Пинскаго, Кобринскаго и Троцкаго староствъ [2]). Въ Берестейскомъ староствѣ также ревизоры произвели въ 1554 г. „списаніе привилеевъ“ [3]). При ревизіи господарскихъ староствъ всегда изслѣдовались „твердости“ шляхетскихъ владѣній (ср. ревизію Гомельскаго староства). Производствомъ ревизіи шляхетскихъ грунтовъ, прилегающихъ къ господарскимъ, и пущъ полагалось начало, способствовавшее дальнѣйшему охраненію государственныхъ поземельныхъ имуществъ. Это и преслѣдуетъ волочная устава, по которой старосты обязаны были наводить справки о входахъ шляхты въ королевскія пущи и возбуждать иски о правѣ владѣнія [4]). Инструкціи ревизорамъ также требуютъ разслѣдованія съ ихъ стороны о захваченныхъ грунтахъ [5]), они обязаны были разслѣдовать спорные вопросы о грунтахъ, „намовлять“ шляхту, имѣющую земли среди господарскихъ, къ отмѣнамъ, провѣрять господарскія данины и уже установленныя границы [6]).

Такихъ „отмѣнъ“ было произведено множество, и въ результатѣ этой нелегкой работы получалось то, что войтовства съ фольварками представляли собою закругленныя экономіи; но часто цѣлыя волости оказывались въ одномъ обрубѣ. Въ сельско хозяйственномъ отношеніи

[1]) Ревизія пущъ, въ предисл. и р. 63 текста.

[2]) Ibidem, p. 63, 171, 194, 197, 207, 209.

[3]) Кн. Зап. Лит., XIII, л. 1.

[4]) А. З. Р., III, р. 85.

[5]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 81 об.

[6]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 292 об.

это представляло большое удобство. Наконецъ, въ тѣхъ-же цѣляхъ король прибѣгалъ къ болѣе крупнымъ замѣнамъ. Такъ, у Ер. Синявскаго имъ вымѣнены озера въ Коневской пущѣ [1]). Особенно крупные размѣры носила сдѣлка съ О. Воловичемъ по обмѣну его входовъ и вступовъ въ господарскія Городенскія пущи [2]) и т. д. [3]). Иногда съ цѣлью округленія экономіи производились крупныя работы по разверсткѣ также земель, принадлежащихъ господарскимъ подданымъ [4]).

Нужно замѣтить, что отчужденіе шляхетскихъ имуществъ обошлось нелегко королевскимъ имѣніямъ: судя по многимъ фактамъ, за отчуждаемыя земли скарбъ дѣлалъ весьма солидныя уступки. Однако округленность имѣній не дѣлала скарбъ еще полнымъ въ нихъ хозяиномъ. Надо было выкупить еще нѣкоторыя права, бывшія на державахъ. Къ нимъ относятся церковныя десятины, наслѣдственныя войтовства и доходы державцевъ и др. врядниковъ. Доходы врядниковъ были потому правами, что „рушить“ во врядѣ безъ причины король не имѣлъ права; между тѣмъ волочная устава значительно сокращала доходы административно-финансовыхъ агентовъ и была, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ „рушеніемъ“ во врядахъ. У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для полнаго выясненія всей операціи, совершенной правительствомъ по выкупу названныхъ правъ; мы можемъ одно констатировать, что этотъ выкупъ производился, но такъ какъ намъ извѣстны только отдѣльные факты его, то нельзя высказать полной увѣренности о широтѣ названной мѣры. Такъ, относительно выкупа церковныхъ десятинъ мы имѣемъ только отдѣльные факты [5]).

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 440 (1561 г.). Зап. Лит., XLI, л. 218 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 343 об. слѣд.

[3]) См. еще Акты Вил Арх. Ком., II, 144, 135.

[4]) Ревизоры Дявилтовскій и Дыбовскій вымѣрили мѣстскіе грунты г. Бѣльска „порозну“ среди земель земянъ и подданыхъ волостныхъ въ количествѣ 359 волокъ и раздали эти волоки мѣщанамъ. Но потомъ король рѣшилъ, што „ихъ мѣстскіе земли межи фольварокъ и поддаными нашими волостными *не могли быти своимъ порадкомъ* селы осажоны и успокоены“, велѣлъ снова произвести помѣру и всѣ 359 волокъ въ „порадокъ помѣрить“ „съ одного селы фольварки ихъ починивши“ и каждому огдать въ новыхъ мѣстахъ принадлежащее ему количество волокъ. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., 44, л. 132 об.

[5]) Напр. замѣна хлѣбной десятины въ Мостахъ волоками, отведенными на костелъ (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 416 об.; ср. л. 1). Какъ въ этой книгѣ, такъ и въ другихъ, аналогичные листы встрѣчаются довольно часто, но относятся преимущественно къ Подляхіи.

Однако можно думать, что не всѣ десятины были выкуплены такимъ образомъ, потому что о нихъ, какъ о существующихъ говоритъ наказъ старостамъ, да онѣ оставались и въ послѣдующее время.

Относительно скупки войтовствъ мы имѣемъ интересный наказъ „справцѣ“ волочной помѣры Петру Фальчевскому. Этотъ наказъ говоритъ о скупкѣ войтовствъ въ Кнышинѣ. Вся операція была поручена самому Фальчевскому и Яну Шимковичу. Войтовства рѣшено выкупить „яко непожиточные намъ“. Выкупъ предположенъ послѣ сдачи войтами въ скарбъ личбы. Но, по докладу Шимковича, войты не чинять „досыть выроку господарскому“ и отчета въ доходахъ не даютъ; имъ удалось выкупить пока только одно войтовство да и то потому, что этотъ войтъ не былъ скарбовымъ должникомъ. На основаніи этого доклада король сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе. Онъ поручилъ Фальчевскому и Шимковичу скупать немедленно войтовства, платя по 10 копъ гр. польскихъ за каждую волоку, наданную къ войтовству, деньги выдать немедленно. Всѣ излишнія земли, забранныя войтами, отнимаются у нихъ безъ платы, какъ состоящія въ незаконномъ пользованіи. Посѣвы и постройки войты берутъ себѣ. Привилеи войтовскіе должны быть отъ войтовъ отняты. Относительно долговъ въ скарбъ король собирается позвать войтовъ къ отчету впослѣдствіи, когда онъ найдетъ это нужнымъ [1]). Можно навѣрно сказать, что послѣднимъ пунктомъ наказа прямо прощались долги войтамъ для ускоренія операціи. Этотъ листъ господарскій обращенъ только къ кнышинскому старостѣ П. Фальчевскому. Онъ далеко всего не разъясняетъ и прежде всего того—всѣ ли войтовства выкупались въ Кнышинѣ, или только сельскія. Онъ ни однимъ словомъ не говорить о томъ, что операція эта касалась и другихъ староствъ. Предписаніе о выкупѣ войтовствъ, очевидно, дано было названнымъ лицамъ устно королемъ, а приведенный листъ—разъясненіе на докладъ Шимковича. Однако, есть не мало основаній думать, что операція, произведенная въ Кнышинѣ, была не случайнымъ единичнымъ фактомъ. Если въ Кнышинѣ, староствѣ самого завѣдующаго волочной помѣрой, рѣшено было скупить войтовства, какъ „непожиточные“ для скарба, то едва-ли этотъ умный финансистъ не признавалъ такого выкупа полезнымъ и въ другихъ староствахъ. Далѣе, здѣсь войтовства выкупались

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII. л. 12 об (1555 г.). Ср. Кн. Зап. Лит.. XXXVII. л. 104.

въ 1555 г., а въ ревизіяхъ 1566 г. Берестья и Кобрина войты въ селахъ—все „простые“ люди, очевидно назначенные урядомъ. Надо припомнить еще, что и въ Польшѣ около половины XVI в. наслѣдственныя войтовства исчезаютъ [1]). Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ предполагать, что при производствѣ помѣры сельскія войтовства дѣйствительно были повсемѣстно выкуплены скарбомъ.

Что касается удовлетворенія старостъ и державцевъ за уменьшеніе доходовъ, то эта мѣра была всеобщей, хотя правительство и прибѣгало къ ея смягченію. Неотъемлемые старостинскіе доходы были тѣ, съ которыми староста получалъ державу. Слѣдовательно, получившій державу по введеніи волочной уставы долженъ былъ довольствоваться представляемыми ему доходами. Въ 60-хъ годахъ державы часто переходили изъ рукъ въ руки, вслѣдствіе усиленнаго заклада и выкупа добръ, почему переходъ державцевъ на условія новой уставы не представлялъ затрудненій. Однако, можно указать не мало такихъ фактовъ, когда правительство, вслѣдствіе уменьшенія врядничьяго дохода при волочной уставѣ, увеличивало жалованье державцевъ. Такъ, всѣмъ жомойтскимъ тивунамъ король далъ, сверхъ обычныхъ ихъ доходовъ, платъ съ каждой десятой осѣлой волоки „до воли и ласки господарской“ [2]). Упитскому старостѣ въ 1560 г. данъ платъ съ каждой пятнадцатой волоки съ тою цѣлью, чтобы державцу кн. Ив. Крошинскаго „хтившого учинити“ къ выполненію уставы [3]). Городничему виленскому велѣно отпускать ежегодно изъ скарба по 40 копъ грошей, такъ какъ при помѣрѣ отняты отъ городничества земли [4]) и т. д. Это были временныя надбавки для избѣжанія ропота шляхты.

Всѣ эти факты между прочимъ указываютъ еще на одну сторону реформы—на уменьшеніе врядничьихъ доходовъ [5]). Сборы кормовъ съ населенія въ пользу мелкихъ врядниковъ были иногда совсѣмъ отмѣняемы [6]).

---

[1]) Pawiński, Zródła dziejowe, Wielkopolska, t. I, p 155.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVI, л. 330.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 57 об.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 235 об.

[5]) При пожалованіи кн. Ивану Крошинскому платы съ каждой 15-й волоки, господарь говорить: „што умысливши есьмо въ порадную справу пожитки наши привести, съ поравняньемъ грунтовъ нашихъ, для того есьмо волоки у волости нашой Упитской, яко и вышшыхъ дворахъ и волостехъ нашыхъ померити казали. А ижъ за тымъ померепьемъ волокъ некоторые врядовые пожитки зложоны“ и т. д. (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 57 об.—58).

[6]) Писц. кн. Пинскаго стар., II, 468.

Освободившись такимъ образомъ въ большей или меньшей мѣрѣ, отъ обязательствъ, лежавшихъ на господарскихъ добрахъ, придавъ имъ хозяйственную цѣльность, скарбъ могъ уже распоряжаться въ добрахъ, какъ самостоятельный хозяинъ. Если присмотрѣться къ той массѣ предписаній относительно контроля надъ мѣстными органами и къ отчетности по имуществу, какими снабжались ревизоры и обязывались державцы, то станетъ понятнымъ, что прежде всего скарбу понадобилось привести въ извѣстность составъ, хозяйственное значеніе и инвентарь имѣній. Разумѣется, это вполнѣ раціональное требованіе. Надо только помнить, что скрупулезный контроль, сложная централизація въ управленіи и регистрація имущества были аксіомами сельскохозяйственной экономики второй половины XVI в. [1]). Произведенная скарбомъ ревизія добръ представляетъ собою грандіозную работу. Она продолжалась во многихъ староствахъ около 15 лѣтъ и состояла въ точномъ обмежеваніи господарскихъ земель, распредѣленіи волочныхъ надѣловъ среди крестьянъ, устройствѣ новыхъ селъ и фольварковъ, регистраціи хозяйственнаго инвентаря замковъ и дворовъ, установленіи новой администраціи и т. д. Выдающеюся особенностью было то, что реформа старалась широко развить самыя разнообразныя отрасли сельскаго хозяйства. Если въ прежнихъ уставахъ мы видѣли кое-какія предписанія касательно дворцовой пашни, охраненія лѣса и пр., то волочная устава во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ушла далеко впередъ. Изъ каждой державы она стремилась создать такое хозяйство, въ которомъ бы ни одна пядь земли не оставалась бездоходной, въ которомъ трудъ рабочаго не пропадалъ бы даромъ. Прежде всего была значительно видоизмѣнена система дворцовой запашки. До этого времени дворъ державцы или старосты

---

[1]) Ссылаясь неоднократно на сельскохозяйственныя и политико-экономическія ученія XVI в., мы имѣемъ ввиду главнымъ образомъ литературу по этимъ вопросамъ, появившуюся съ полов. XVI в. въ Польшѣ (соч. Гастомскаго, Фр. Модржевскаго, Петра Скарга, Тарновскаго и др.). Мы уклоняемся отъ изложенія здѣсь этой очень интересной литературы, потому что предполагаемъ впослѣдствіи посвятить ей особый этюдъ. Эта литература, хотя и имѣла очагомъ своимъ Краковъ, несомнѣнно оказывала вліяніе и въ предѣлахъ Западной Россіи. Краткія свѣдѣнія объ экономическихъ и сельскохозяйственныхъ ученіяхъ того времени можно найти въ книгѣ Ставискаго (Poszukiwania do Historyi rolnictwa krajowego, War. 1858, p. 160 слѣд.) и у Павинскаго (Skarbowość w Polsce, War. 1881, p. 381). Обзоръ политико-экономической литературы XVII в. можно найти въ брошюрѣ Z. Gargas, Poglądy ekonomiczne w Polsce XVII w., Lw. 1897.

представлялъ собою собственно административный центръ волости; размѣры запашки были не велики; дворъ былъ снабженъ челядью и ремесленниками для своихъ надобностей. Теперь дворъ старосты является хозяйственнымъ центромъ большой экономіи. Сверхъ этого главнаго двора на подходящихъ мѣстахъ устраиваются болѣе мелкія экономіи—фольварки, дворы. Здѣсь тоже воздвигаются хозяйственныя строенія, отводится мѣсто для пашни, разводится скотъ, устраиваются мельницы, рыбные садки и пр. Эта система крупныхъ дворовъ съ ихъ отдѣленіями—фольварками очень хорошо извѣстна нѣмецкому хозяйству [1]). Она была весьма выгодна съ хозяйственной точки зрѣнія, такъ какъ дворцы располагались на наиболѣе удобныхъ мѣстахъ и притомъ такъ, чтобы окружающія ихъ села съ тяглыми людьми были невдалекѣ; поддáные такимъ-образомъ не тратили лишняго времени для ходьбы на барщину. Фольварковое хозяйство съ его изстаринными формами кое-гдѣ и теперь еще можно встрѣтить въ большихъ имѣніяхъ Западнаго Края. По ревизіямъ староствъ легко видѣть, что фольварки устраивались именно во время производства помѣры. Правительство Сигизмунда Августа находило ихъ весьма „пожиточными" для скарба и въ этомъ смыслѣ давало неоднократные совѣты и предписанія державцамъ и ревизорамъ. Волочная устава предписываетъ устраивать фольварки при замкахъ и дворахъ [2]). „Примножать",—фольварки совѣтуютъ и инструкціи ревизорамъ [3]). И это потому, что тогда считалось прибыльнымъ устройство фольварковъ: „кгды заложонъ будеть, тогды не малый пожитокъ скарбу нашому чынити можить",—пишетъ въ своемъ листѣ къ Дмитрію Сопегѣ король по поводу устройства фольварка въ Каменецкой волости. Король при этомъ приказываетъ выбрать на пашню „колконадцать волокъ, хотя и которыхъ подданыхъ сколько зрушывшы" и приписать къ новому фольварку потребное число тяглыхъ волокъ [4]). Доходы отъ дворцовой пашни распредѣлялись такимъ образомъ, что державца получалъ третью часть, а остальныя двѣ трети шли въ господарское гумно [5]). Для упорядо-

[1]) Кнаппъ, Освобожденіе крестьянъ и происх. сел.-хоз. рабочихъ (изд. Поповой), р. 3. Ср. Inama-Sternegg, Untersuchungen ü. d. Hofsystem im Mittelalter. 1872, р. 70.

[2]) А. З. Р., III, р. 77.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 293.

[4]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., IX, л. 99 об.

[5]) А. З. Р., III.

ченія храненія зерна было обращено не мало вниманія на дворцовыя гумна [1]).

Кромѣ пашни правительство заботилось и о другихъ сторонахъ хозяйства. Изъ нихъ завѣдываніе лѣсомъ и конюшенное хозяйство составили особыя отрасли, и о нихъ сказано будетъ впослѣдствіи. Изъ другихъ отраслей хозяйства, культивировавшихся при фольваркахъ, важное мѣсто занималъ рыбный промыселъ. Устава предписываетъ державцамъ устраивать сажавки и ставы, употребляя даже наемныхъ рабочихъ, и регулируетъ порядокъ рыбной ловли [2]). Увеличеніе садковъ и разведеніе въ нихъ рыбы ставилось въ особую заслугу державцамъ. Правительство заботилось о томъ, чтобы не вылавливалась мелочь. Рыба доставлялась на господарскую кухню, но излишекъ ея шелъ въ продажу [3]). Рыбныя рѣки, озера, езы тоже подвергались эксплоатаціи [4]). Судя по ревизіямъ, новое рыбное хозяйство при Сигизмундѣ Августѣ едва-ли еще давало сколько нибудь значительный доходъ. Большимъ интересомъ отличалось только рыбное хозяйство въ Кнышинѣ, староствѣ самого волочного справцы П. Фальчевскаго. Видимо, самъ Фальчевскій приложилъ не мало труда для устройства сажавокъ и былъ знатокомъ дѣла [5]).

Ставы не только служили для разведенія и ловли рыбы, но также и для мельницъ. При фольваркахъ устраивались не только мельницы для зерна, но также „тартичные млыны" для лѣсныхъ работъ, „фалюши" и рудные ставы [6]). Правительство выказывало особенную заботливость объ увеличеніи числа послѣднихъ. Наказъ старостамъ разъясняетъ, что имъ вмѣняется въ обязанность осаживать ковалей и рудниковъ, давать имъ землю, вызывать „мистровъ" изъ Мазовіи и Польши. Въ Литвѣ, разъясняетъ наказъ, необходимо увеличить разработку желѣзной руды, потому что здѣсь и больше желѣза и оно лучшаго качества, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ королевствахъ. Выработанное желѣзо идетъ на дворцовыя нужды, а излишекъ на Речь Посполитую [7]). Скотоводство тоже не было забыто. Впрочемъ, при

[1]) А. З. Р., III.
[2]) А. З. Р., III, р. 78.
[3]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 30.
[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 217 об.
[5]) Biblioteka ordynacyi Krasińskich: Muzeum K. Świdzińskiego, t. II, p. 259.
[6]) Loca citata.
[7]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 31.

Сигизмундѣ Августѣ оно развивалось туго, и правительству приходилось иногда выписывать воловъ съ Волыни (вѣроятно изъ Молдавіи) для работъ въ литовскихъ фольваркахъ [1]). Старанія прилагались преимущественно къ разведенію коровъ, овецъ и свиней. Устава предписываетъ „ховать“ въ каждомъ фольваркѣ не менѣе 20 коровъ, по по возможности и больше. Недостающее число коровъ должно быть куплено. Врядъ обязанъ платить въ скарбъ отъ каждой коровы по 20 гр. въ годъ, отъ старой овцы по 1 гр. за шерсть, а отъ молодой по полъ-гроша. Это значитъ, что самъ державца обязанъ былъ продавать продукты скотоводства. Кромѣ того устава предписываетъ разводить дойныхъ козъ и овецъ, гдѣ это возможно, продавать старый скотъ, а также шкуры падшаго. Для наблюденія за скотомъ назначалась одна изъ рабынь въ качествѣ „рыкуньи“, а въ помощь ей давалось нѣсколько дѣвокъ [2]). Ревизорамъ предписывалось не только контролировать состояніе „оборы“, но и заботиться объ увеличеніи ея [3]). Если заботы объ огородахъ встрѣчаются и въ прежнихъ уставахъ, то на разведеніе садовъ теперь впервые обращено было вниманіе. Врядъ обязанъ былъ устраивать огороды и вносить платъ въ скарбъ отъ морга по 12 гр. [4]), при чемъ утилизація продуктовъ предоставлена ему. Доходъ отъ садовъ едва-ли игралъ какую-нибудь роль въ хозяйствѣ [5]). Разумѣется, не былъ забытъ и доходъ отъ угодій такихъ какъ дворные борти [6]) и сѣнокосы [7]), но и то и другое теперь уже имѣло небольшое значеніе. Сѣнокосы врядъ иногда сдавалъ крестьянамъ на платѣ. Бортники платили дани съ бортей, а всѣ подданые также и съ домовыхъ ульевъ, кто держалъ ихъ. Бобровые гоны также эксплоатировались подда́ными, но только на условіи полученія ими пятой части убитыхъ бобровъ. Кое-гдѣ на ловы выходили и державцы, конечно съ промысловою цѣлью, но крестьянамъ охота воспрещалась и даже ограничивалось въ извѣстной мѣрѣ ихъ право охоты на собственныхъ волокахъ [8]).

[1]) Книга Прен. Лит., VII, л. 8 об.
[2]) А. З. Р., III, р. 78.
[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 217.
[4]) А. З. Р., III, 78.
[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 217 и 293 об.
[6]) Ibidem, l. c.
[7]) А. З. Р., III, 79.
[8]) А. З. Р., III, 86.

Необходимо также отмѣтить отношеніе скарба къ незанятымъ землямъ, годнымъ для сельско-хозяйственной культуры. Скарбовыя инструкціи предписывали основаніе новыхъ осадъ въ лѣсахъ,—гдѣ только это возможно [1]). Относительно пустовскихъ земель тѣ же инструкціи настаиваютъ, чтобы державцы избѣгали раздачи пустовщинъ на платѣ или поклонѣ, но заставляли бы крестьянъ „вписываться въ реестръ" [2]), т. е. брать волоки, потому что, какъ объясняетъ наказъ, подданые охотнѣе берутъ земли на платѣ, чѣмъ на службѣ [3]). Впрочемъ поддапымъ разрѣшалось пасти скотъ на пустовскихъ волокахъ [4]).

Другая сторона реформы—устройство крестьянства. Ревизія добръ произвела двоякаго рода измѣненія—финансоваго характера и сельскохозяйственнаго. Прежде всего измѣнились внѣшній видъ селеній и расположеніе полей ихъ и угодій. Небольшое—въ два-пять дворищъ древне-русское село съ угодьями, расположенными въ нѣсколькихъ мѣстахъ маленькими полосками, измѣнило свой видъ. Селенія устраивались большія съ вытянутыми въ одну линію избами, гумна ставились насупротивъ избъ, черезъ улицу; огороды располагались возлѣ избъ. Устройство такихъ селеній преслѣдовало цѣли административныя и отчасти полицейскія. Поля разбивались на три части, такъ что каждая волока имѣла свой участокъ („рѣзу")—въ 10 морговъ, во всѣхъ трехъ поляхъ. Это имѣло сельскохозяйственныя цѣли, потому что уставы требовали введенія трехпольнаго хозяйства: паровое поле отводилось подъ выгонъ. Надо оговориться, что иногда въ зависимости отъ условій мѣстности дѣлались отступленія отъ нормальнаго типа селеній. Всѣмъ этимъ вводилась новая система хозяйства. Въ финансовомъ отношеніи, по прежнему, земля оставалась основною окладною единицею. Однако старыя окладныя единицы—службы, дворища исчезли и замѣнены весьма опредѣленною единицею—волокою. Промысловыя угодія потеряли свое прежнее значеніе. Волока—это участокъ пахатной земли. Размѣръ ея таковъ (около $19^1/_2$ десятинъ), что могъ удовлетворить одну многорабочую семью, или двѣ малосемейныя (три семьи встрѣчаются на одной волокѣ очень рѣдко). Угодія не тянутъ къ отдѣльнымъ волокамъ, но отмежевываются въ пользованіе всего

[1]) Ibidem, p. 86—87, Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 217 об.
[2]) А. З. Р., III, 77.
[3]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 29 об.
[4]) А. З. Р., III, 91.

села. Такимъ образомъ созданъ былъ типъ сельской общины, извѣстной подъ названіемъ порубежной [1]).

Въ смыслѣ единицы обложенія волока представляла собою громадныя преимущества сравнительно съ древнерусскими службами и дворищами. По размѣрамъ своимъ она отличалась достаточною эластичностью; будучи обмежевана, она легко поддавалась провѣркѣ. Установленіе точно опредѣленнаго надѣла представляло и еще одно хозяйственное удобство, потому что давало полную возможность распредѣлить эти надѣлы сообразно съ рабочими силами крестьянскихъ семей, такъ какъ малорабочія брали одну волоку на двѣ, три семьи, и наоборотъ, многорабочія семьи брали по нѣсколько волокъ. Кромѣ того, при разбивкѣ правильныхъ участковъ, въ обрубѣ каждаго села оказывалось не малое количество отрѣзковъ отъ полей, ввидѣ злишковъ, застѣнковъ. Эти отрѣзки будучи точно обмежеваны, сдавались на платѣ держателямъ-же волокъ, иногда и стороннимъ лицамъ и, такимъ образомъ, тоже шли въ окладъ. Мало того при производствѣ померы пошли въ окладъ и такія земли, которыя раньше не бывали облагаемы, напр., куничныя земли, пустовщины [2]), роспаши, ранѣе не бывшія въ окладѣ [3]). Несомнѣнно, все это значительно увеличивало площадь облагаемыхъ земель. Измѣненіе окладной единицы было поэтому къ выгодѣ держателей службъ малаго размѣра и къ невыгодѣ держателей большихъ по размѣру службъ. Эластичность окладной единицы, существованіе отрѣзковъ, изобиліе предлагаемыхъ крестьянамъ земель давали полную возможность каждой хозяйственной группѣ развивать свою дѣятельность.

Эластичность волоки, какъ окладной единицы, достигалась еще и другими путями. Волока была не столько однородной единицей въ смыслѣ размѣра земли, сколько въ смыслѣ хозяйственнаго значенія, такъ какъ при разбивкѣ волокъ размѣръ уступалъ хозяйственному качеству участка. Нормальная волока считалась въ 30 морговъ, но въ зависимости отъ качества почвы размѣръ ея подымался до 33 морговъ; наконецъ, практиковалось еще и сдабриваніе волочныхъ участковъ—„для никчемности“ грунта придачей къ принятому въ данной державѣ размѣру волокъ (въ 30—33 морга) еще „наддавковъ“ къ

[1]) Опредѣленіе ея см. у Рошера, Наука о нар. хоз., пер. Щепкина, р. 237.
[2]) Писцовая книга Пинскаго староства, Хвальчевскаго, р. 443, 445 и др.
[3]) Лебедевъ, Финансовое право, СПБ. 1889, в. I, р. 87.

волокамъ. Такимъ образомъ, равняли качество волокъ, увеличивая размѣръ ихъ. Но и на этомъ уравненіи скарбъ не останавливается. Нормальныя волоки дѣлились на разряды сообразно качеству почвы каждаго даннаго села. Такихъ разрядовъ было четыре: добрый грунтъ, средній, подлый и „наддеръ“ подлый—песковатый или болотистый. Размѣръ подати съ волоки устанавливался сообразно качеству грунта. Изъ сказаннаго нельзя не замѣтить всѣхъ громадныхъ преимуществъ новой окладной единицы сравнительно съ прежними древнерусскими. Съ другой стороны нельзя не отмѣтить того громаднаго труда, который былъ употребленъ на производство кадастра. И можно быть увѣреннымъ, что этотъ трудъ былъ употребленъ не напрасно, такъ какъ опытность и добросовѣстность ревизоровъ стоятъ внѣ сомнѣнія. Проводники реформъ стояли въ курсѣ современныхъ имъ требованій экономики, а эта послѣдняя ставила кадастръ краеугольнымъ камнемъ финансовой политики. Дѣльцы изъ школы королевы Боны не могли не знать, какое большое значеніе кадастру придавалось политиками на родинѣ королевы и особенно главой ихъ—Макіавелли.

Но, какъ бы ни была идеально хороша единица, опредѣляющая объектъ обложенія, она должна считаться съ карманомъ субъекта. И на это обращено было вниманіе: указывая на неравномѣрность старинпаго обложенія, при которомъ не была принимаема въ разсчетъ зажиточность плательщика, отчего люди бѣднѣли, разбѣгались, наказъ старостамъ разъясняетъ, что разумъ каждаго человѣка подсказываетъ, что обложеніе подданаго должно быть такимъ, при которомъ онъ могъ бы свободно выплачивать и податки господарскіе и серебщины; поэтому обложеніе должно приспособляться къ качеству почвы и къ зажиточности плательщика [1]). Положимъ, высказывая столь здравыя мысли, наказъ смотритъ на подданаго только какъ на источникъ дохода,—такъ, какъ хозяинъ смотритъ на любую доходную статью, истощеніе которой сократитъ его собственный доходъ. Съ этой точки зрѣнія скарбъ стремился къ опекѣ надъ подданымъ Это сказывалось и при сборѣ податей. Податки собирались послѣ озимыхъ посѣвовъ, и сборъ заканчивался къ Рождеству (періодъ молотьбы) для того, чтобы крестьяне какъ нибудь не растратили своихъ доходовъ. Въ періодъ сбора податковъ заимодавцамъ воспрещалось взыскивать съ крестьянъ—должниковъ свои долги и проценты, совѣтовалось также

---

[1]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., л. 30 об.—31.

не истощать совершенно бѣдняковъ сборами поплатковъ, но давать „фольгу“, льготу въ платежахъ, даже и совсѣмъ слагать платежи и недоимки съ бѣдняковъ, поддерживать въ голодные годы и такъ далѣе—все въ цѣляхъ удержать крестьянъ на землѣ и способствовать ихъ зажиточности, потому что тогда они будутъ хорошими плательщиками [1]).

Одной изъ весьма неудобныхъ сторонъ до-реформеннаго обложенія была та, что при столь грубомъ объектѣ обложенія, какъ служба и дворище, субъектъ обложенія ускользалъ отъ регистраціи; на службѣ могла помѣститься большая сябринная семья, такъ что нѣсколько дымовъ несли одну службу. Этотъ недостатокъ былъ хорошо сознаваемъ въ половинѣ XVI в.: „Каждый кметь,—заявлялъ Сигизмундъ Августъ,—потому какъ онъ свой хлѣбъ ѣстъ, долженъ и работать и повинности намъ отбывать, а не по своимъ предкамъ, со своихъ, какъ они называютъ „вотчинъ“ [2]). Этотъ взглядъ многое разъясняетъ въ тогдашней скарбовой политикѣ. Онъ показываетъ, что правительство не только искало новыхъ статей для пожитковъ и новыхъ объектовъ обложенія, но также старалось уловить и субъекта его, сдѣлать изъ субъекта наиболѣе гибкую единицу обложенія. Дѣйствительно, устава предписываетъ раздѣлять большія семьи, сидящія на волокахъ, оставляя на каждой отца съ сыномъ или двухъ братьевъ, а остальныхъ осаживать на пустыхъ волокахъ [3]). Такимъ образомъ разбивалась изстаринная форма сябринной семьи. Впрочемъ, и самъ размѣръ окладной единицы, какъ мы уже замѣтили, былъ таковъ, что не могъ пріютить слишкомъ большую семью.

По отношенію къ хозяйственнымъ цѣлямъ правительство стремилось наиболѣе для себя выгоднымъ образомъ направить дѣятельность подданыхъ. Основная идея, руководившая скарбомъ, согласно съ самой сутью заимствованной системы, заключалась въ переводѣ повинностей и натуральныхъ сборовъ на чиншъ и на хлѣбные сборы, такъ какъ хлѣбъ легко, при тогдашнихъ условіяхъ торговли, превращался въ деньги. Однимъ словомъ, переводъ на чиншъ составлялъ душу системы, и мы не разъ встрѣчаемъ категорическія заявленія о томъ, что чиншъ гораздо выгоднѣе дворцовыхъ службъ [4]). Исходя изъ этого

---

[1]) Ibidem, л. 31 об. и др.

[2]) Źródła dziejowe, VI, p. XCII.

[3]) Акты Зап. Россіи, III, 93—94.

[4]) Писцовая книга Пинскаго староства, II, p. 179.

взгляда, во время реформы пересажены всѣ излишніе дворцовые элементы на чиншъ. Весьма замѣчательно прежде всего то, что при ревизіяхъ осажены были на тяглыхъ волокахъ или на огородахъ рабы [1]); впрочемъ мѣра эта не была доведена до конца, такъ какъ всетаки небольшое число челяди оставалось при дворахъ, кажется, впрочемъ ввидѣ скотницъ и другой прислуги. Нѣкоторыя дворцовыя службы въ годы реформы были въ извѣстной мѣрѣ анахронизмомъ: таковы, напр., псарецкія, сокольницкія службы: онѣ осажены на чиншѣ [2]). Относительно дворцовыхъ службъ (при господарскомъ дворѣ, какъ то: кухарей и пр.) устава требуетъ взимать и съ нихъ платы и деньги за повинности, если эти служебники не находятся на дѣйствительной службѣ [3]). Конюхи, борти также платили чинши, если не были на службѣ [4]). Изъ хозяйственныхъ службъ только стрѣльцы и осочники пріобрѣтаютъ важное значеніе съ устройствомъ правильнаго лѣсного хозяйства: они получали по двѣ волоки на своей службѣ, а третью, если хотятъ, на чиншѣ [5]). Контингентъ стрѣльцовъ былъ даже увеличенъ посредствомъ набора и расположенъ въ селахъ соотвѣтственно потребностямъ хозяйства [6]). Въ такомъ же положеніи находились мельники, но съ нихъ, кромѣ млынарской работы, шла еще и тесельская [7]). Излишніе дворные королевскіе слуги (одверные, пекарцы и т. п.) тоже были осажены на волокахъ [8]). Вообще требовалось, чтобы на дворныя потребы оставлялось только самое необходимое количество службъ [9]); разумѣется, эти требованія касались и ремесленни-

---

[1]) Ibidem, p. 180, 185, 476, Писц. кн. Хвальчевскаго, 103, 120, 121.

[2]) Писцовая книга, Хвальчевскаго, 444.

[3]) А. З Р., III, 73.

[4]) Ibidem, 73.

[5]) Ibidem.

[6]) Въ одной изъ книгъ встрѣчаемъ замѣтку о распоряженіи короля: „Яко его королевская милость противъ Ифлянтъ року пятьдесятъ семого з войски рушитися былъ рачилъ посволь (?) з войны вернувшыся, подданымъ его тымъ, которыхъ з росказанья его королевское милости панъ Станиславъ Довойно, староста бобруйский, мерецкий, довговский и перелайский, видечи годныхъ стрельцами обралъ, листы его милости кождому на двѣ волоце на службу стрелецкую подавати росказати рачилъ“ (Кн. Зап. Лит., XLII, л. 2).

[7]) А. З. Р., III, 79 и 90.

[8]) Съ цѣлью установить платы съ этихъ служебниковъ былъ посланъ А. Брындза, Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 259 об.

[9]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 33.

ковъ, излишекъ которыхъ пересаживался на чиншъ [1]). Однако по отношенію къ послѣднимъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго обстоятельства. Ограничивая число ремесленныхъ службъ, наказъ старостамъ настойчиво совѣтуетъ брать крестьянскихъ дѣтей, особенно изъ семействъ, гдѣ много сыновей, и отдавать ихъ въ ремесла: это гораздо лучше, чѣмъ оставлять ихъ „простаками"; такіе ремесленники пригодятся для двора, а, еслибы оказался въ нихъ излишекъ, то они будутъ сидѣть на платѣ [2]).

При такихъ условіяхъ понятно, что и тяглыхъ службъ оставлялось при дворахъ только самое необходимое количество; ихъ разсчитывалось по 7 волокъ осѣлыхъ на одну фольварковую волоку. Зато устава очень охотно прибѣгаетъ къ толокамъ [3]).

Такимъ образомъ громадное большинство крестьянства сидѣло на чиншѣ, т. е. уплачивало деньгами какъ арендную плату, такъ и почти всѣ повинности и натуральные сборы. Платы распредѣлялись и таксировались слѣдующимъ образомъ: они составлялись изъ чинша (по 21 гр. съ волоки добраго грунта, по 12 гр. съ средняго, по 8 гр. съ подлаго и по 6 гр. съ весьма подлаго), овса дякольнаго (по 2 бочки съ волоки добраго и средняго, по одной съ подлаго, или по 5 гр. отъ бочки овса и по 5 гр. за отвозъ), по одному возу сѣна (или по 3 гр. за возъ сѣна и по 2 гр. за отвозъ); съ очень плохого грунта сѣна и овса совсѣмъ не давалось; сверхъ того съ каждой волоки взималось по одному гусю, или $1^1/_2$ гр., по двѣ курицы или 16 пенезей, 20 яицъ или 4 пенези, за неводы 2 гр., стацію $2^1/_2$ гр., или въ натурѣ взималась стація. Слѣдовательно, въ общемъ, переводя на деньги, съ каждой волоки взималось: съ добраго грунту 54 гр., средняго 45 гр., подлаго 31 гр. и съ очень подлаго 14 гр. Это—чиншевые платы. Но сверхъ того чиншевикъ или отбывалъ тяглую службу (по 2 дня въ недѣлю, 12 толокъ и гвалты), или былъ осаживаемъ на осадѣ и тогда платилъ деньгами за повинности по такому разсчету: за осаду 30 грошей, за толоки 12 гр. (или 12 толокъ въ натурѣ), за гвалтъ 10 гр., т. е. всѣ вотчинныя повинности расцѣнивались въ 52 гроша,—независимо отъ качества отдѣльной земли. Значитъ, наивысшій окладъ съ волоки

---

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 217.
[2]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 32 об.
[3]) А. З. Р., III, р. 90.

за всѣ вотчинныя подати и повинности достигалъ 106 грошей и падалъ ниже въ зависимости отъ размѣра чиншовъ. Сверхъ того осадники косили сѣно на господарскихъ сѣножатяхъ. Таковъ общій размѣръ крестьянскихъ платежей и повинностей; отъ него при ревизіяхъ дѣлались иногда отступленія, хотя и очень незначительныя; на нихъ мы останавливаться не будемъ, потому что они имѣютъ интересъ только при подробномъ ознакомленіи съ ревизіями.

Къ сказанному остается добавить, что устава опредѣлила особый платъ съ застѣнковыхъ морговъ, сѣнокосовъ и огородниковъ при дворахъ. Наконецъ, подданые должны были выходить на сторожу замковую или дворную. Новою уставою отмѣнялись всѣ прежніе вотчинные повинности и платы. Въ случаѣ наложенія на подданыхъ новыхъ работъ (напр. лѣсныхъ, возки камней и отвозъ овса на разстояніи болѣе 20 миль и проч.), всегда предполагалась скидка съ чиншовъ или-же наемная плата.

Высшіе разряды крестьянскаго населенія платили за волоки по тому-же разсчету, что и осадные, только эти разряды (осочники, стрѣльцы, ремесленники и др.) никогда не соединяли тягла съ службой. Сказанное относится и къ боярамъ; теперь боярство на господарскихъ земляхъ было двоякаго рода: бояре путные и бояре господарскіе (вотчинные, большею частью перешедшіе къ господарю вмѣстѣ со спадковыми добрами); они получали по 2 волоки, но чиншъ платили только въ томъ случаѣ, если не выходили на войну. Разумѣется, то же условіе касается и бортей, стрѣльцовъ, осочниковъ, бобровниковъ и ковалей, которые также выходили съ войскомъ. Путное боярство предназначалось теперь исключительно для войны, тогда какъ для „листовной" службы и отчасти полицейской избирались изъ путныхъ же бояръ особые служки, получавшіе по двѣ „вольныхъ" отъ платовъ волоки. Такіе-же вольные волоки давались войтамъ и церквамъ. Такъ была организована повинностная система по волочной уставѣ.

Для того, чтобы эта организація могла соотвѣтствовать выполненію намѣченныхъ цѣлей, была устроена довольно сложная административная машина, которой, впрочемъ, нельзя отказать въ эластичности. Выдающаяся особенность этой машины заключается въ централизаціи и скрупулезномъ контролѣ надъ мѣстными органами. Каждое должностное лицо получало строго опредѣленныя обязанности. Согласно одному изъ основныхъ взглядовъ правительства о необходимости „бо-

ронить" подданыхъ отъ вряда, устава, наказъ и инструкціи ревизорамъ исполнены указаніями и требованіями чинить „справедливость" подданымъ, чѣмъ предоставлялась имъ полная возможность защищаться отъ притѣсненія вряда.

Вся система, такимъ образомъ, была объединена одною общею идеею,—изысканіемъ „пожитковъ" для скарба. Разсылая ревизоровъ, правительство неизмѣнно требовало отъ нихъ не только строгаго контроля надъ существующимъ ходомъ вещей, но и новаго „причиненя пожитковъ": „И иншие вси речи—говоритъ инструкція—которые бы панове ревизорове съ пожиткомъ его королевское милости а безъ обтежливости подданыхъ могли постановить, что потребного обачивши, старостамъ, державцамъ и урядникамъ науку давать и пильне, чуйне и дбале, водле повинное веры своее отъ его кролевское милости на нихъ приложоное, мають се заховати и ку пожиткамъ его кролевское милости приводити" [1]). Поэтому ревизоры должны отмѣчать какъ увеличеніе, такъ и уменьшеніе пожитковъ, разузнавать, „где бы тежъ ставы, млыны, сажавки будованы и фольварки причинены быти могли"; они обязаны „того всего съ пильностью дозрети и враднику пожитокъ, съ чого быти можеть, оказати мають, также з готовыхъ ставовъ пожитки якие наленшие быти могуть, постановити" [2]). Разумѣется, и по отношенію къ податкамъ и повинностямъ подданыхъ ревизоръ долженъ изыскивать „лепшій пожитокъ", хотя и безъ „обтежливости" подданыхъ [3]) и т. д.

Хотя вся система господарскаго хозяйства была построена на раціональныхъ началахъ признанія извѣстнаго значенія за всѣми продуктами сельскаго хозяйства, но фактически, въ данное время, главнѣйшими изъ нихъ были хлѣбъ и лѣсъ; объ эксплоатаціи лѣса намъ еще придется говорить. Что касается хлѣба, то производство его предполагалось преимущественно на фольварковыхъ пашняхъ. Натуральныя подати хлѣбомъ были переложены на деньги, но однако правительство предоставляло себѣ право взимать ихъ и хлѣбомъ, когда это будетъ признано нужнымъ. Такое постановленіе легко объясняется какъ тѣмъ, что правительство предвидѣло нужды военнаго времени,

---

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 218.
[2]) Ibidem, л. 216 об.
[3]) Ibidem, л. 218 об.

такъ особенно и тѣмъ, что правительство могло имѣть ввиду условія хлѣбнаго рынка и, соотвѣтственно этому, или взимать за хлѣбъ деньгами, или натурою. Что касается въ частности дякольнаго овса и сѣна, то натуральный сборъ его вызывался потребностями господарскаго коневодства [1]). Въ данное время правительство неоднократно прибѣгало къ „выбиранью“ жита, овса и стаціи въ натурѣ для продовольствія наемнаго войска или для запасныхъ магазиновъ въ замкахъ. Можно указать также и на факты, когда правительство пользовалось своимъ правомъ въ чисто торговыхъ цѣляхъ. Такъ, въ 1561 г. въ Жомойти весь хлѣбъ подданыхъ былъ собранъ въ натурѣ для отправки въ Рижскій портъ [2]). Такой-же приказъ былъ отданъ и по другимъ державамъ [3]). Черезъ нѣсколько дней (2 сентября) послѣ перваго приказа (23 августа) сдѣлано было въ той-же Жомойти новое распоряженіе объ усиленіи подвоза хлѣба въ порты. Тивуны должны были скупить у подда́ныхъ хлѣбъ по такой разверсткѣ: съ волоки добраго или средняго грунта взять по 2 бочки овса, съ волоки подлаго грунта—одну бочку. За это подданымъ должно быть сбавлено съ чиншевыхъ платовъ по 10 гр. за бочку (5 за отвозъ и 5 за овесъ), а съ каждой волоки должно быть взято по одной бочкѣ жита, тоже по цѣнѣ 10 гр. Крестьяне должны немедленно отвезти весь хлѣбъ въ ближайшіе-же порты на Двинѣ или въ Ригу [4]). Интересно, что, производя принудительную продажу хлѣба, правительство въ томъ-же году запрещаетъ продажу крестьянами хлѣба заграницу, ввиду ожидаемаго наплыва военныхъ силъ въ Ливоніи [5]). Во всемъ этомъ нельзя не видѣть чисто торговой операціи. Конечно, разсказанная операція носитъ случайный характеръ. Вообще-же собираемый съ фольварковыхъ пашенъ хлѣбъ получалъ слѣдующее назначеніе. Прежде всего выдавалась костельная десятина, откладывалось потребное количество для посѣва, затѣмъ державца бралъ свой „третій“ снопъ [6]). Если гдѣ при дворахъ оставалась еще челядь, то выдавалась ей „мѣсячина“ [7]); челяди давалось только изъ озимыхъ хлѣбовъ, а ко-

---

[1]) А. З. Р., Ш, р.

[2]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 41 об.—42.

[3]) Ibidem, л. 47.

[4]) Ibidem, л 48.

[5]) Ibidem, л. 50.

[6]) А. З. Р., Ш, р. 77.

[7]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 28 об.

стельная десятина шла отъ яровыхъ и озимыхъ. Отъ яровыхъ державца получалъ „четвертый снопъ“ [1]). Часть оставлялась для корма скота. Остающійся послѣ этихъ разсчетовъ хлѣбъ составлялъ чистый доходъ и шелъ или въ продажу или въ „отсопъ“ крестьянамъ. Продажею хлѣба завѣдывалъ иногда самъ державца или староста [2]). Онъ продавалъ или на ближайшемъ рынкѣ, или транспортировалъ въ Данцигъ и Кенигсбергъ. Державы, близкія къ портамъ, имѣли въ послѣднихъ свои хлѣбные магазины. Разумѣется, державцы сами вели хлѣбную торговлю „водле своего разумѣнья и баченья“ только въ томъ случаѣ, если не было особаго предписанія, „науки“ отъ короля [3]), такъ какъ иногда король сдавалъ вывозъ изъ державъ хлѣба крупными партіями купцамъ [4]). Весьма любопытно предписаніе касательно „отсопа“. Волочная устава воспрещаетъ выдачу крестьянамъ хлѣба въ „отсопъ“ изъ господарскихъ гуменъ [5]). Это запрещеніе не совсѣмъ понятно (можетъ быть, оно касается уже смолоченнаго и уложеннаго зерна), потому что наказъ старостамъ настойчиво совѣтуетъ выдачу и ярового и озимаго хлѣба въ „отсопъ“; онъ совѣтуетъ подда́нымъ „k temu ie sposobiać, yżby każdego roku brali“; гдѣ не хотятъ брать, то—„tedy to roztropności y wierze urzędnikom naszym poruczamy,“—говоритъ наказъ [6]), вызывая тѣмъ самымъ къ понужденію державцами крестьянъ. Такова была организація дворцоваго хозяйства по реформамъ Сигизмунда-Августа.

Въ заключеніе необходимо поставить вопросъ, дѣйствительно-ли волочная организація умножала „пожитки“, о чемъ такъ хлопоталъ скарбъ. Конечно, цифры въ данномъ случаѣ могли-бы служить наилучшимъ отвѣтомъ, но такихъ данныхъ нѣтъ. Но уже все то, что говорилось о цѣляхъ помѣры, о введеніи волочной организаціи, располагаетъ къ положительному отвѣту на поставленный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, ревизоры открыли цѣлый рядъ доходныхъ статей, ко̀торыя раньше или совсѣмъ не эксплоатировались, или не доходили въ скарбъ.

---

[1]) Ibidem. l. c.

[2]) А. З. Р., III, р. 77.

[3]) Книга Публ. Дѣлъ Лит., VI, л. 28 об.

[4]) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 22 об.

[5]) Акты Зап. Рос., III, р. 77.

[6]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI, л. 28 об.

Новое разложеніе сборовъ на населеніе вело несомнѣнно къ тѣмъ-же результатамъ. По ревизіи Пинскаго староства, болѣе богатой, чѣмъ другія, на указанія о до-реформенномъ порядкѣ вещей, легко убѣдиться именно въ увеличеніи сборовъ. Ревизоры здѣсь поступали прежде всего такимъ образомъ: тамъ, гдѣ старые податки съ дворища оказывались меньше, чѣмъ должны-бы быть по уставѣ, они оставляли общій платъ въ прежнемъ-же размѣрѣ [1]). Это принципіально проведено по всему староству. Но сверхъ того, легко насчитать десятки селъ и дворищъ,—изъ тѣхъ, въ которыхъ показанъ размѣръ и старыхъ, и новыхъ платежей,—гдѣ вслѣдствіе ревизіи оказалось значительное увеличеніе платежей; и это увеличеніе оказывалось иногда въ два-пять разъ больше [2]). Это объясняется, конечно, тѣмъ, что большія дворища, разверстанныя на волоки давали нѣсколько новыхъ окладныхъ единицъ. Изъ такого пріема, примѣненнаго ревизоромъ въ Пинскѣ, съ очевидностью вытекаетъ тотъ выводъ, что волочная система привносила съ собою увеличеніе „пожитковъ" не только потому, что открыла новыя доходныя статьи, но также и потому, что при установленіи новой окладной единицы она увеличивала, въ большинствѣ случаевъ, доходы сравнительно съ платами до-реформеннаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, Берестейское староство до волочной помѣры сдавалось въ аренду за 1000 копъ грошей. Положимъ, его держалъ такой сильный человѣкъ, какъ канцлеръ Мик. Радивиллъ, скопившій въ своихъ рукахъ немало державъ. Сумма въ 1000 копъ грошей, уплачиваемая М. Радивилломъ, едва-ли была меньше дѣйствительной доходности староства при скарбовомъ управленіи во столько разъ, во сколько она оказалась меньше дохода, исчисленнаго ревизорами въ 1566 г. При Радивиллѣ была произведена помѣра въ Берестьи, и самъ онъ уже сталъ уплачивать въ 1566 г. въ скарбъ по 1500 копъ грошей ежегодной аренды; но это пожалованіе дано было ввиду заслугъ старосты и расходовъ по ревизіи и осадѣ староства, и притомъ до окончательнаго выполненія помѣры [3]) (съ 1 янв. 1560 г.). По подсчету ревизоровъ Берестейское староство давало 5527 копъ 51 гр. [4]), т. е. сумму, много

[1]) Писцовая книга Пинскаго староства, II, р. 265 и др. passim.

[2]) Ibidem, р. 499, 511, 513, 527 и др.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 40 об.—42.

[4]) Документы Москов. Арх. Мин. Юст., I, 408.

разъ превосходящую размѣромъ прежніе доходы. Важно и то, что королевскій листъ прямо указываетъ на пріумноженіе платовъ Радивилломъ вслѣдствіе произведенной помѣры. Это не была простая любезность по отношенію къ сильному канцлеру. Современники и участники сельско-хозяйственной реформы свидѣтельствуютъ въ томъ-же смыслѣ. Сошлемся хотя-бы на весьма компетентное показаніе такого дѣльца, какъ Станиславъ Довойно, утверждающаго объ увеличеніи числа волокъ и людей послѣ помѣры [1]). Марко Внучко, вынесшій на своихъ плечахъ не малую долю работы, тоже разсказываетъ о своемъ челобитьи королю, что по новой уставѣ въ скарбъ прибыло платовъ, хотя при этомъ и уменьшено на 3 гр. чинша [2]), (вѣроятно, сравнительно съ службами). Неудивительно, что и на сторонняго наблюдателя реформа производила весьма благопріятное впечатлѣніе: по проведеніи помѣры, говоритъ такой тонкій наблюдатель, какъ Михалонъ Литвинъ,—„каждый платилъ бы тѣмъ больше налоговъ, чѣмъ большимъ количествомъ поля онъ владѣетъ" [3]).

7. *Лѣсное хозяйство.*

Лѣтописи и хроники очень охотно разсказываютъ о „ловахъ" древнѣйшихъ литовскихъ князей въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ государство. Охота—наиболѣе древній и наиболѣе примитивный способъ эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ. До начала XVI в. кладовыя господарскаго скарба были преимущественно наполнены мѣхами, частью заграничными сукнами, вымѣненными на тѣ-же мѣха; количество металлической монеты было не значительно. Естественно, что и охота великихъ князей литовскихъ была не забавой, а однимъ изъ средствъ обогащенія. Выдѣлка лѣсныхъ матерьяловъ едва-ли даже имѣла какое-нибудь значеніе. Хотя мы и встрѣчаемъ изрѣдка извѣстія, да и то относящіяся къ самому концу XV в., о товарахъ, сработанныхъ въ господарскихъ пущахъ, однако доходъ отъ нихъ не шелъ дальше взиманія таможенныхъ пошлинъ.

---

[1]) Акты Вил. Арх. Ком., III, 196.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 64.

[3]) Мемуары, относящіеся къ ист. Ю. Р., в. I, пер. К. Мельникъ, p. 39.

Лѣса Литвы поражали иностранцевъ своею обширностью, первобытностью и богатствомъ звѣря. Однако относительно регальныхъ правъ великаго князя на охотничьи промыслы въ Литовско-русскомъ госуд.,—подобно тому, какъ это было и въ Польшѣ [1]),—не можетъ быть и рѣчи [2]). Скорѣе мы наблюдаемъ обратное явленіе—стремленіе земскихъ общинъ (и впослѣдствіи шляхетства) освоить себѣ право „входовъ" въ господарскія пущи. Такъ, Жмудская уставная грамота запрещаетъ входы жмудинамъ только въ тѣ лѣса, гдѣ имѣли ловы великіе князья Витовтъ и Казиміръ; ловъ же на остальныхъ земляхъ допущенъ всему поспольству. По Кіевской уставной грамотѣ въ ея древнѣйшей редакціи встрѣчается аналогичное постановленіе, а въ позднѣйшей прямо ограничено право великокняжеской охоты господарскими землями [3]). Право входовъ и въѣздовъ въ господарскія пущи, имѣвшее столь обширное примѣненіе уже въ XVI в., создалось, вѣроятно, именно путемъ обычая на почвѣ единичныхъ захватовъ частными владѣльцами промысловыхъ входовъ въ обширныхъ лѣсахъ, которые государство считало своею собственностью. Извѣстія о сервитутныхъ правахъ очень древни [4]); свидѣтельства актовъ даютъ указанія на то, что часто право это создавалось путемъ обычая, прецедента [5]).

Многочисленныя ссылки на старину входовъ и уступовъ, за которыми признано правовое значеніе при ревизіи пущъ, въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ сказанное [6]). Правда, и господари сами нерѣдко жаловали право на входы и вступы [7]). Съ теченіемъ времени сервитутное право пріобрѣло всѣ свойства вещнаго права и было предметомъ гражданскихъ сдѣлокъ [8]). Ухожаи могли быть разнаго рода [9]).

---

[1]) Helcel, Dawne prawo prywatne polskie. Krak., 1874, p. 148.

[2]) Это право приписывается древней Руси, Д. Толстой, Финанс. учрежд., p. 207—209, и Московской Руси, Милюковъ, Спорные вопросы, p. 11.

[3]) Ясинскій, земск уст. грам., p. 158.

[4]) Акты Вил., XI, p. 3—4.

[5]) См. примѣч. на стр. 25.

[6]) Ревизія пущъ, p. 75, 77 и др.

[7]) Акты Вил., VII, p. 64—65. Сравн. разслѣдованіе правъ Воловичей на входы въ Городенскую пущу и утвержденіе этого права. Кн. Зап. Лит., LII, л. 1—3 об.

[8]) Земля продается „и с тыми уезды стародавными, гдѣ и передъ тымъ здавна въѣздъ съ того именя мевали: найпервей в Красноселецкие гаи и в дубровы, такъ теж в Радомысльские гаи и в дубровы, дерева на будоване и сена кошеня и по дрова дубровъ и сѣножатей". Arch. ks. Lub. Sang., IV, p. 9.

[9]) Акты Вил., II, p. 171. Мѣст. Васильковъ получило только право рыбной ловли въ р. Супрасли, Кн. Зап. Лит., L, л. 44 об.

Разумѣется, при существованіи сервитутовъ встрѣчаются и такія владѣнія лѣсомъ, владѣльцы котораго не имѣли тѣхъ или иныхъ правъ въ собственномъ лѣсу [1]). Особеннымъ разнообразіемъ отличалось право городовъ, какъ на отведенныя въ ихъ пользованіе пущи, такъ и на пожалованные имъ входы въ господарскіе лѣса [2]). И для господарскихъ крестьянъ пользованіе входами въ господарскіе лѣса, путемъ обычая, слагалось въ право: „А лѣсъ нами изъ вѣку воленъ“, заявляли Кораевскіе мужи въ 1530 г. [3]). Впрочемъ, уже въ XV в. по отношенію къ панскимъ подданымъ господари придерживаются такого взгляда, что воспрещаютъ имъ пользованіе входами,—конечно въ томъ случаѣ, если помѣщичьи привилеи не содержатъ въ себѣ этого права [4]). Иногда цѣлыя области получали право на вступы и входы, какъ напр. Жомойть [5]). Это вытекало изъ уставной грамоты, и Жомойтяне всегда отстаивали свои права на входы и пожитки въ пущахъ господарскихъ [6]). На сеймахъ жмудскіе послы часто напоминали о своихъ правахъ на входы, но просьбы ихъ столь общаго содержанія, что позволяютъ предположить о стремленіи жомойтской шляхты не столько защитить и утвердить свои прежнія права, сколько добиться неограниченнаго права входовъ [7]). Не добившись расширенія сервитутовъ, Жомойтская шляхта является на сеймъ 1563 г. съ просьбою объ охраненіи своихъ правъ (ввиду ревизій), состоящихъ въ вольности „брать дерево на будованье и на иные домовые потребы“, а также о томъ, чтобы „въ озерехъ и по берегохъ речныхъ кождому зъ шляхты волно было рибы ловити“. Господарь подтвердилъ имъ ихъ права и вольности, но въ то же время разъяснилъ, что въ эти вольности не входитъ работа товаровъ лѣсныхъ и „проробки въ пущахъ“ [8]). Это

---

[1]) Мѣщане ковенскіе просили разрѣшенія ловить рыбу на Нѣманѣ. Король разрѣшилъ имъ ловить „в ихъ рубежахъ“, кромѣ езовъ. Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 11.

[2]) Факты подобнаго рода будутъ указаны при обозрѣніи городскихъ „вольностей“.

[3]) Кн. Зап. Лит., XVI, л. 284 об.—285.

[4]) По поводу одного спорнаго дѣла король и рада высказали такое мнѣніе: „видѣлосе намъ и паномъ радѣ нашой штожъ по всему великому княжтву нигдѣ панскіе мужики лововъ своихъ не мают, а наболѣй въ Литвѣ“ (Леонтовичъ, Акты Литовской Метрики, № 480). Это утвержденіе, полагаемъ, надо понимать именно въ указанномъ смыслѣ.

[5]) Skarbec Даниловича, № 2286, ср. А. З. Р., IV, р. 3.

[6]) Любавскій, прил. № 35.

[7]) А. З. Р., III, 40, 62, 101.

[8]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 153.

разъясненіе было вполнѣ своевременно, потому что на сеймѣ 1569 г. послы уже просили „о вживаньи рудъ" въ господарскихъ пущахъ, какъ одной изъ составныхъ частей сервитутнаго права, но получили уклончивый отвѣтъ короля [1]). Впрочемъ, на сеймѣ 1554 г. вопросъ о входахъ подвергся общей регламентаціи. Онъ былъ возбужденъ земскими послами ввидѣ просьбы о сохраненіи права на входы въ лѣса, озера, борти и сѣножати. Король подтвердилъ, что всѣ, кто имѣетъ „дѣдичное" право или выслугу на входы, сохраняютъ его, но съ условіемъ не чинить шкодъ самой пущѣ и ловамъ; никто не имѣетъ права расчищать подъ сѣнокосы средины „оступовъ". Король обѣщалъ разъяснить эти права шляхты особыми листами [2]).

Весьма трудно опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ къ скарбу находились входы и уступы шляхты. Съ нѣкоторыхъ, напр., съ лѣсныхъ сѣнокосовъ въ Тыкотинѣ [3]), скарбъ получалъ доходы, но громадное большинство входовъ было, очевидно, безоброчно. Это вытекаетъ уже изъ того, что они составляли шляхетское владѣніе. Относительно платежей отъ подданыхъ господарскихъ за пользованіе оброчными статьями мы уже говорили выше.

Съ увеличеніемъ значенія въ торговлѣ лѣснымъ матерьяломъ скарбъ начинаетъ внимательно относиться къ лѣсному хозяйству. Лѣсное хозяйство до Сигизмунда I и при немъ находилось въ завѣдываніи ловчихъ, лѣсничихъ и гаевничихъ. Но дѣятельность ихъ не шла дальше управленія ловцами, стрѣльцами, осочниками, наблюденія за тѣмъ, чтобы не дѣлались въ лѣсахъ прорубки со „шкодою" для лововъ, наконецъ, въ ловахъ „звѣрины" и распоряженіяхъ при господарской охотѣ. Лѣсничествъ было немного, и то преимущественно въ западныхъ пущахъ, остальные лѣса находились въ завѣдываніи старостъ и державцевъ. Сигизмундъ I, разсылая писарей по державамъ Жмудскимъ, въ своихъ инструкціяхъ предписываетъ имъ также и заботу о лѣсномъ хозяйствѣ; лѣсное хозяйство изъ рукъ державцевъ и тивуновъ переходитъ въ непосредственное вѣдѣніе этихъ скарбовыхъ агентовъ [4]). Иногда Сигизмундъ I, отдавая какую-нибудъ державу въ держанье, совсѣмъ выдѣлялъ изъ нея пущу [5]), и такимъ образомъ

---

[1]) Ibidem, p. 499.

[2]) А. З. Р., III, 55.

[3]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 215.

[4]) А. З. Р., II, p. 184. Ср. Бершадскій, Док. и Рег., I, 175.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 10.

она становилась самостоятельнымъ лѣсничествомъ. Очень возможно, что такимъ именно путемъ выдѣлилось много лѣсничествъ. При Сигизмундѣ-Августѣ мы дѣйствительно встрѣчаемъ уже рядъ самостоятельныхъ лѣсничествъ, которыя раньше несомнѣнно были объединены съ державами [1]). Вообще завѣдываніе лѣсами при послѣднемъ королѣ получило окончательную организацію.

Въ лицѣ лѣсничаго скарбъ имѣетъ агента, на обязанности котораго лежитъ изысканіе пожитковъ скарбовыхъ; онъ „перестерегаетъ пожитковъ нашихъ господарскихъ яко звѣру, такъ тежъ въ бортяхъ, въ озерахъ, въ сеножатехъ, въ бобровыхъ гонахъ, а звлаща въ лесныхъ роботахъ, если быхмо коли робити въ тыхъ пущахъ нашихъ казали, якобы ниякая шкода намъ господару и скарбу нашому не была“ [2]). При Сигизмундѣ-Августѣ въ лѣсничества разсылаются ревизоры для изслѣдованія лѣсныхъ пожитковъ и контроля мѣстныхъ агентовъ [3]). Наконецъ, мы уже знаемъ, что при Сигизмундѣ-Августѣ была сдѣлана общая ревизія пущъ, основано много новыхъ осадъ въ лѣсахъ. Лѣсная устава 1567 г. довершила организацію лѣсного хозяйства. Она, подобно волочной, опредѣлила обязанности уряда, его отношенія къ подданымъ, установила порядокъ контроля и указала уряду пути для развитія „пожитковъ“ скарбовыхъ [4]). Эти пожитки были довольно разнообразны. Интересно, что среди нихъ мы даже въ концѣ правленія Сигизмунда-Августа встрѣчаемъ и охоту; въ Бѣловѣжской пущѣ производилась, напримѣръ, въ большомъ объемѣ облава на звѣрей, при чемъ „звѣрина“ просаливалась въ бочкахъ и доставлялась къ господарскому двору [5]). Но, конечно, большое вниманіе обращалось на другія доходныя статьи. Такъ были размѣрены на волоки

---

[1]) Дѣйствительно Жомойтская шляхта уже въ 1542 г. жалуется на „новоуставленныя лѣсничества“. А. З. Р., II, 388.

[2]) Кн. Зап. Лит., LVI, л. 45.

[3]) Вотъ какъ напр. опредѣляютъ господарскіе листы задачи ревизоровъ: „писару нкшому... Лаврину Войне. Што росказали и поручили есмо тобе съ старостою мстибоговскимъ... Григорьемъ Воловичемъ и з дворяны нашими Якубомъ Лашковскимъ и Андреемъ Дыбовскимъ пущи наши великого князства литовского и воли при нихъ засажоные объездчати и шкодъ, если которые в пущахъ естъ, огледати и зостановенье водле воли и росказанья нашого делати, также жалобъ и кривдъ подданыхъ, которые от лесничихъ поделаные быти меновали, выслухавши, укривжонымъ справедливость чинити“. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 122 об.

[4]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VI. Эта устава печатается нами.

[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLIV, л. 5 об.—6.

всѣ мѣстности въ лѣсахъ, удобныя для поселенія, для сдачи подданымъ на чиншъ [1]). Затѣмъ слѣдили за бортными ухожаями, бобровыми гонами, наконецъ, устраивались среди пущъ фольварки. Угодія эксплоатировались лѣсничими или при посредствѣ отдачи за плату, или непосредственно, такъ какъ въ ихъ распоряженіи были полозники, бобровники, бортники и др.

Такъ какъ среди пущъ встрѣчались озера, выгодныя для рыбной ловли, то въ эпоху реформъ Сигизмунда-Августа является новый пожитокъ скарба—аренда „неводничествъ". Такъ въ 1560 г. сданы въ аренду озера Городенскія, Олитскія и Немонойтскія; къ нимъ въ Городенскомъ неводничествѣ для ловли рыбъ были причислено 30 человѣкъ съ 30 осадныхъ волокъ и 2 человѣка въ качествѣ „гармистровъ"; въ Олитѣ—неводническая повинность отбывалась подда́ными „чергою". Городенскія озера шли въ годъ по 100 копъ грошей, а Олитскія по 80 копъ грошей [2]). Въ 1569 году кн. Григ Масальскій держалъ въ арендѣ Городенское неводничество за 125 копъ грошей въ годъ и Переломское за такую-же сумму [3]). Кн. Матвѣй Богдановичъ Огинскій держалъ въ 1558 г. цѣлый рядъ неводничествъ, Брославское, въ тивунствахъ дворовъ Ушпольскаго, Пенянскаго, Опескаго, Вилькомирскаго, Оникштенскаго и Виленскаго, за что платилъ въ годъ по 260 копъ грошей [4]).

Но, конечно, главными доходами отъ лѣсу были „работы лѣсныя" и торговля выработаннымъ матерьяломъ. Въ литовскихъ лѣсахъ вырабатывались преимущественно слѣд. матерьялы: клепки, ванчосъ, пепелъ, мачты, доски, смола, деготь и нѣк. др. Раньше всего разработкѣ подверглись жмудскіе лѣса, какъ болѣе близкіе къ портамъ. Но къ концу правленія Сигизмунда-Августа лѣсными работами было занято и Подвинье и Поднѣпровье. Процессъ лѣсныхъ работъ заклю-

---

[1]) Листъ лѣсничимъ пущъ Городенскихъ: король „росказалъ" Л. Воинѣ и С. Дыбовскому, „справцамъ" помѣры волокъ городенскихъ „вси сеножати нашы, которые тамъ въ пущахъ нашихъ тамошнихъ естъ розмерыти и на платъ подданымъ нашимъ роздати". Поэтому, если ревизоры потребуютъ вѣдомости, гдѣ есть сѣножати, лѣсничіе должны ихъ показать. „И где которымъ подданымъ нашымъ они (ревизоры) на плате нашомъ роздадуть, ажъ бы есте имъ ихъ вжывати незабороняли", а они будутъ платить чиншъ въ скарбъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 316).

[2]) Ibidem, л. 406 и 407.

[3]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 47 об.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 175 об.—176 об.

чался въ слѣдующемъ. По срубкѣ лѣса приступали къ выжиганью пепла. Затѣмъ его „шмальцовали", забивали въ бочки. Лѣсной товаръ сплавляли по рѣкамъ на „витинахъ" [1]). Для шмальцованья устраивались въ лѣсу печи, „въ которыхъ бы мелъ шмальцаръ попелъ шмальцовати"; тутъ-же устраивались „буды", „станы" и избы для рабочихъ; для укладки пепелу дѣлались „шофы";—рабочій, забивавшій пепелъ въ бочки, назывался „пахаръ" [2]).

Эксплоатація лѣсныхъ матерьяловъ производилась различными способами, иногда за счетъ скарба, иногда сдавалась съ подряда. При Сигизмундѣ I чаще практиковался такой способъ отдачи лѣса на работы. Король давалъ предпринимателю разрѣшеніе на лѣсную работу въ той или иной господарской пущѣ на извѣстный срокъ. Предприниматель свозилъ сработанныя имъ издѣлія въ назначенный въ листѣ портъ или въ Гданскъ и здѣсь уплачивалъ за товары; само собою разумѣется, что онъ при этомъ особо уплачивалъ мытникамъ таможенныя пошлины. Такимъ образомъ, предприниматель вкладывалъ свой капиталъ на производство работъ и на перевозку ихъ. Такъ, въ 1544 г. Сигизмундъ I далъ Ольбрахту Шварцу, купцу гданскому, позволеніе на лѣсныя работы въ Адамковскомъ тивунствѣ Жомойтской земли въ Поюрскихъ урочищахъ на слѣд. условіяхъ: Шварцъ имѣетъ право дѣлать ванчосъ, клёпки и пепелъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Всѣ товары онъ свозитъ въ Ковно, гдѣ ихъ принимаютъ мытники, оцѣниваютъ и описываютъ; тутъ-же онъ уплачиваетъ мытникамъ за каждый лаштъ пепелу, за каждую сотню ванчосу или за сотню клёпокъ по двадцати грошей; сверхъ того, онъ уплачиваетъ мытные сборы [3]). На такихъ-же условіяхъ мѣщанинъ Янъ Градовскій получилъ разрѣшеніе на лѣсныя работы въ пущахъ Бирштанской и Дорсунишской [4]), Каспоръ Людперъ получилъ такое-же право тоже на одинъ годъ на работы въ Бирштанской пущѣ [5]). Въ 1528 г. ко-

[1]) Рѣчные суда описаны въ соч. Гвагнини; нѣкоторыя подробности о нихъ см. въ книгѣ Сапунова: „Рѣка Западная Двина". О лѣсныхъ работахъ см. свѣдѣнія въ ст. проф. Леонтовича „Сельскіе ремесленники въ Лит. гос.", Варш. Универ. Изв., 1898, II, р. 15 слѣд.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIV, л. 215 об.—216.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 25—6 (1521 г.).

[4]) Кн. Зап. Лит., XIV, л. 28 (1526 г.).

[5]) Каспору Людперу дано на одинъ годъ право въ Бирштанской пущѣ имѣть буду, дѣлать ванчосъ, клепки и пепелъ: „а онъ маетъ платити цло въ месте на-

ролемъ издано было общее постановленіе о работахъ въ Жмудскихъ лѣсахъ, съ указаніемъ тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ предпринимателямъ. Король требуетъ, чтобы всѣ иностранные купцы, не имѣющіе въ государствѣ „осѣлости", давали по себѣ поруку, а мѣстные купцы, имѣющіе „осѣлость", „мають записи свои на себѣ дать". Предприниматели должны, доставивъ товаръ въ Данцигъ, уплатить въ скарбъ за все количество выдѣланнаго лѣсного матерьяла по цѣнѣ, существующей на Данцигскомъ рынкѣ. Опредѣленіе количества матерьяла лежитъ на обязанности осочниковъ. Работы въ лѣсахъ раздаетъ не только король, но и старосты и тивуны на тѣхъ-же условіяхъ; изъ листа видно, что и сами тивуны производили работы и продажу лѣса. Разумѣется, при лѣсныхъ операціяхъ предполагался контроль писаря: хотя о немъ не говоритъ цитуемая грамота, но это очевидно уже изъ того, что количество сработанныхъ матерьяловъ провѣряется осочниками, а послѣдніе были въ распоряженіи писаря. Между прочимъ, цитуемый господарскій листъ содержитъ въ себѣ указанія на то, что землевладѣльцы, продавая свои пущи на разработку, иногда отводятъ купцамъ и сосѣдніе господарскіе лѣса, что имъ теперь запрещается дѣлать. Изъ приписки къ листу видно, что въ этомъ году, т. е. въ 1528, работали на Жмуди весьма интенсивно. Такъ въ Вилькейскомъ повѣтѣ работало 9 лицъ, въ Веленскомъ—4, въ Скерстомоинскомъ—тоже 4; это только въ трехъ державахъ, тогда какъ большія пущи были еще въ Борштанахъ, Дорсунишкахъ и Пуни [1]). Это постановленіе давало полный просторъ предпринимателямъ. Иногда лѣсныя работы производились за счетъ скарба или купцами, или-же скарбовыми агентами. Такъ, въ 1569 г. король далъ порученіе дворянину господарскому Григ. Дрельницкому вести лѣсныя работы въ пущахъ Переломской, Лидской, Немонойтской и Пунской; разработкѣ подлежатъ тѣ лѣса, которые размѣрены на волоки, и работы должны быть произведены въ теченіе 1570 и 1571 г.г. Размѣръ ежегодной выработки заключается въ одномъ захцикѣ клепокъ и въ трехъ захцикахъ ванчосу. Работы

шомъ Ковеньскомъ отъ ста ванчосу а отъ ста клепковъ а отъ лашту попелу по двадцати грошей, потому жъ какъ и иншые купцы и мещане нашы оттого у Ковне платять, которые в нашыхъ пущахъ робять" (Кн. Суди. Дѣлъ Лит., IV, л. 183).

[1]) Кн. Зап. Лит., XIV, л. 38 об.—40.

производятся на королевскія деньги, и весь доходъ отъ продажи поступаетъ въ скарбъ. Доставка по сплавнымъ рѣкамъ производится господарскими поддаными. При каждомъ захцикѣ Дрельницкій имѣетъ право выработать въ свою пользу 1500 клепокъ [1]).

Здѣсь мы отмѣтимъ любопытную особенность, заключающуюся въ томъ, что эксплоатаціи подлежали, между прочимъ, и пущи, отведенныя подъ осады, почему господарь строго воспрещалъ работы на лѣсныхъ волокахъ подданымъ [2]). Иногда скарбъ выдавалъ предпринимателю оборотный капиталъ для работъ; на такихъ, напр., условіяхъ работалъ Каспоръ Люднеръ въ Дорсунишской и Бирштанской пущахъ: онъ получалъ для оборота на 3 года 1000 копъ гр. изъ скарба [3]). Практиковались также и такія условія, по которымъ предприниматель обязывался на свой счетъ сработать товары, но ему возвращалъ скарбъ стоимость работы. Такъ, Израиль и Шапка Есковичи получили въ 1568 г. разрѣшеніе на работы въ Слонимской пущѣ на слѣд. условіяхъ. Они обязывались поставлять на пристань къ рѣкѣ Щарѣ, къ извѣстному сроку, ежегодно, по три захцика клепокъ и по одному захцику клепокъ. За работу они получаютъ по 10 злот. пол. отъ каждой сотни и сверхъ того право выработать при каждомъ захцикѣ въ свою пользу 1500 клепокъ съ предоставленіемъ имъ безплатно лѣсного матерьяла. Если въ Кенигсбергѣ сработанный ими товаръ будетъ забракованъ, Есковичи обязаны уплатить сами, по рыночной цѣнѣ, за весь забракованный товаръ, который поступаетъ въ ихъ пользу. За неисполненіе какого-нибудь пункта условія купцы отвѣчаютъ „горломъ" и „маетностью" [4]).

До сихъ поръ мы разсматривали условія на работы въ отдѣльныхъ пущахъ. При Сигизмундѣ-Августѣ встрѣчаемъ попытки сконцентрировать завѣдываніе лѣсныхъ работъ въ рукахъ одного предпринимателя. Такова, напр., передача въ „справу" всѣхъ лѣсныхъ ра-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 17—18 и LII, л. 79.

[2]) Публ. Дѣлъ Лит. кн. IX, л. 55, 74. Въ 1569 г. Сигизмундъ Августъ по докладу своего секретаря Иберфельда издаетъ грозный универсалъ: до его свѣдѣнія дошло, что въ пущахъ Гродненскихъ, гдѣ идетъ на волокахъ лѣсная работа за счетъ короля, многіе подданые тайно жгутъ пепелъ и продаютъ. Это воспрещается подъ угрозой—„везенья до науки господарской" и конфискаціи товара (Кн. Зап. Лит., LII, л. 76).

[3]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 165 об. (1542 г.).

[4]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 223 и Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 179.

ботъ въ Жомойтской землѣ Ганусу Скопу въ 1560 г. Онъ получаетъ лѣсныя работы въ пущахъ и на волокахъ и проробкахъ поддáныхъ. Мѣстныя власти должны воспрещать работу въ господарскихъ пущахъ всѣмъ посторроннимъ лицамъ. Всѣмъ мытникамъ вмѣняется въ обязанность не пропускать черезъ границу въ Пруссію и Ливонію лѣсныхъ товаровъ, сработанныхъ въ господарскихъ пущахъ частными лицами безъ вѣдома Г. Скопа; они должны задерживать такіе товары и давать знать о нихъ Скопу. Послѣдній обязанъ „пенезьми нашими заплату имъ чинити и тые товары лесные на насъ приймовати". Такимъ образомъ, Г. Скопъ не только завѣдуетъ лѣсными работами, но и слѣдитъ за сработаннымъ другими товаромъ и завѣдуетъ продажею всего матерьяла [1]). Въ самые послѣдніе годы правленія Сигизмунда-Августа лѣсное дѣло переходитъ цѣликомъ въ руки крупныхъ предпринимателей. Такъ, въ 1570 г. районъ пущъ, прилегающихъ къ Данцигскому и Кенигсбергскому портамъ [2]), отданъ былъ въ завѣдываніе извѣстнаго капиталиста Болемана. Онъ обязанъ ставить новыя буды, гдѣ это признаетъ „пожиточнымъ"; Болемана и его слугъ судитъ самъ король. Товары всѣ провозятся на таможняхъ безмытно [3]). Къ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько доходу приносили при Болеманѣ эти работы, такъ какъ онъ получалъ ихъ въ свою „справу", т. е. въ завѣдываніе. Неизвѣстны также результаты работъ и въ другомъ лѣсномъ районѣ—Рижскаго порта. Въ 1571 г. Сигизмундъ-Августъ, съ согласія пановъ рады, заключилъ условіе съ однимъ изъ крупнѣйшихъ тогдашнихъ капиталистовъ Вал. Иберфельтомъ и К° на лѣсныя работы въ районѣ Рижскаго порта [4]). Почти всѣ пущи этого района впервые подверглись эксплоатаціи лѣсопромышленника. Контрактъ именно и имѣетъ ввиду развитіе промысла въ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 54—55.

[2]) А именно слѣдующія пущи: Слонимская, Езерская, Берштская, Пунская, Олитская, Немонойтская, Бирштанская, Дорсунишская, Ковенская, Вилькейская, Велюнская, Скирстомонская, Юрборкская, Посирвентская, Переломская, Шембелевская, Берницкая, Мерецкая, Сейвенская, Семненская, Коневская, Дубицкая.

[3]) Кн. Зап. Лит., LV, л. 30 об.—32.

[4]) А именно слѣдующія пущи: Упитская, Виленская, Браславская, Дрысенская, Дзисенская, Утачская, Вороночская, Лепельская, Ульская, Витебская, Суражская, Оршанская, Мстиславская, Могилевская, Гомельская, Борисовская, Свислочская, Любошанская, Бобруйская, Кричевская, Чичерская, Пропойская.

этихъ мѣстностяхъ. Главнѣйшія статьи работъ названы слѣд.: ванчосъ, клепки, васильки, чамры, мачты, пепелъ, смола и др. Всѣ матерьялы спускаются по Двинѣ въ Ригу; на Динабургской таможнѣ производится учетъ сработаннымъ товарамъ. Качество послѣднихъ опредѣляется требованіями Данцигскаго рынка. Для наблюденія за работами со стороны короля назначается особый ревизоръ: онъ наблюдаетъ не только за количествомъ сработаннаго товара, но слѣдитъ и за доброкачественностью его. На таможняхъ товары пропускаются безпошлинно. Иберфельту воспрещается брать у покупателей задатки подъ товаръ впередъ. Контрактъ устанавливаетъ продажную цѣну матерьяла слѣд. образомъ: Иберфельтъ обязанъ продавать дешевле рыночной цѣны на 1 зл. на каждомъ лаштѣ пепела и смолы и на каждой сотнѣ ванчосу, клепокъ, васильковъ. По продажѣ въ Ригѣ товаровъ, Иберфельтъ съ ревизоромъ Островскимъ отсчитываютъ стоимость производства въ пользу перваго, а чистая прибыль дѣлится между королемъ и предпринимателемъ: къ сожалѣнію въ контрактѣ какъ разъ пропущено, какія части прибыли шли въ пользу каждаго изъ заключавшихъ условіе. Прибавимъ, что контрактъ вступаетъ въ силу съ 1 января 1572 г. [1]).

Такимъ образомъ, къ концу изучаемаго періода выработка лѣсныхъ матерьяловъ пріобрѣтаетъ болѣе систематическій характеръ и захватываетъ площадь, ранѣе не подвергавшуюся эксплоатаціи. Скарбъ все дѣло забираетъ въ свои руки и производитъ работы при посредствѣ отдачи „въ справу“, „въ завѣданье“, очевидно, разсчитывая тѣмъ самымъ извлечь больше прибыли. Къ сожалѣнію данныя, которыми мы располагаемъ, не даютъ возможности указать на размѣры скарбовыхъ доходовъ отъ эксплоатаціи лѣсовъ. Листы, заключающіе въ себѣ разрѣшенія разнымъ лицамъ на работы, содержатъ только условія послѣднихъ, но, каковъ былъ результатъ—мы не знаемъ. Цѣны на матерьялы тоже ничего не даютъ опредѣленнаго.

Однако, судя по интенсивной дѣятельности скарба по развитію лѣсного промысла, можно уже догадываться, что эти операціи приносили скарбу большую выгоду. Какого размѣра достигала иногда прибыль, можно судить хотя-бы по слѣд. разсчету. По условію съ К. Людбаромъ [2]), о чемъ уже мы упоминали, этотъ купецъ получалъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., LIV, л. 55.

[2]) Въ источникахъ эта фамилія пишется различно—Люднеръ, Людборъ и проч.

изъ скарба 1000 коп. гр. ввидѣ оборотнаго капитала для работы. Ежегодно Людбаръ обязанъ давать въ скарбъ по 1500 копъ гр., а по истеченіи контрактнаго срока возвратить и капиталъ [1]). Такимъ образомъ, скарбовый доходъ отъ этой операціи давалъ прибыль въ 150%; въ это число входитъ и лѣсной матерьялъ, истраченный въ работѣ, но едва-ли скарбъ, при обиліи лѣсовъ, придавалъ ему большое значеніе. Но такая прибыль получалась, повидимому, не часто. Королева Бона по условію 1550 г. ставитъ минимальную цѣну товара на мѣстѣ въ Данцигѣ—по 14 зл. пол. за сотню ванчосу и по 22 зл. за сотню клепокъ [2]); между тѣмъ по условію 1558 г. арендаторъ получалъ отъ каждой сотни сработаннаго товара за работу по 10 злот. съ доставкой [3]) (сюда входитъ и вознагражденіе подрядчика какъ предпринимателя и процентъ на затрачиваемый имъ капиталъ); значитъ, еслибы предположить цѣны на производство работъ 1558 г. равными условіямъ 1550 г., то прибыль по минимальной рыночной цѣнѣ составила бы 4 зл. пол. на сотнѣ ванчосу и 12 зл.—на сотнѣ клепокъ.

Выгоды скарба отъ лѣсной торговли будутъ для насъ еще болѣе ясными, если мы вспомнимъ, что въ этой области правительство съ 1547 г. является единственнымъ въ государствѣ поставщикомъ этого цѣннаго матерьяла для Западной Европы, потому что съ этого именно года оно объявило лѣсную торговлю монополіею.

8. *Городскія общины.*

Послѣ знакомства съ теоріей господарскихъ податей и повинностей сельскаго населенія, намъ слѣдуетъ обратиться къ такимъ-же платежамъ и повинностямъ городского класса. Однако, существуютъ нѣкотораго рода затрудненія при разсмотрѣніи въ настоящей главѣ повинностныхъ отношеній городского класса. Дѣло въ томъ, что мы прежде всего сталкиваемся съ неодинаковымъ отношеніемъ города къ центральному правительству. Если мелкіе города-мѣстечки составляютъ несомнѣнную часть господарскихъ добръ, точно также какъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 165 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXLVII, л. 10.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 223.

и любое село, то крупные старинные центры являются, съ точки зрѣнія литовско-русскаго государственнаго права, областью государственной территоріи; этимъ и объясняется та слабая связь, которая бросается въ глаза въ отношеніяхъ подобныхъ городовъ къ господарскому скарбу: эти города несутъ серьезныя земскія повинности, доставляя лишь самые ничтожные доходы господарскому скарбу. Здѣсь намъ, конечно, придется знакомиться только съ этими послѣдними. Съ другой стороны, прямые вотчинные налоги были сравнительно не значительны, такъ какъ скарбъ по отношенію къ торговымъ классамъ развивалъ преимущественно косвенные налоги; о нихъ намъ придется говорить въ своемъ мѣстѣ, а сейчасъ мы разсмотримъ только господарскіе прямые окладные налоги. Въ теченіе XV—XVI вѣковъ литовско-русскій городъ пережилъ сложный процессъ: русское право въ городахъ постепенно исчезаетъ, замѣняясь нѣмецкимъ или тѣми своеобразными его отпрысками, которые создались на литовско-русской почвѣ.

Но мы уже знаемъ, что русскія правовыя нормы, хотя и имѣютъ общую точку отправленія, однако далеки отъ единства, такъ какъ образовались подъ вліяніемъ не одинаковыхъ историческихъ условій. И магдебургское право, особенно въ первый періодъ его развитія, охватывающій время до реформъ Сигизмунда-Августа, хотя и вводило довольно однообразный механизмъ въ городскомъ строѣ, однако сильно различалось въ частностяхъ; права, даваемыя магдебургскими привилеями, были не одинаковы, и это особенно отражалось на фискальныхъ отношеніяхъ; здѣсь разнообразіе основывалось уже не на старинѣ, обычаѣ, но на той „ласкѣ“, „милости“, которую господарь проявлялъ къ тому или иному городу. Намъ, такимъ образомъ, надлежитъ сначала познакомиться съ повинностными отношеніями городовъ на русскомъ правѣ, а затѣмъ на нѣмецкомъ, помня при этомъ, что мы ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не встрѣтимъ полнаго однообразія.

Въ повинностномъ отношеніи городъ съ древне-русскимъ устройствомъ ничѣмъ не отличался отъ окружавшей его сельской территоріи; городскія и сельскія общины—вся земля, вся волость представляли собою единое цѣлое. Поэтому горожане давали тѣ же платежи, несли то же тягло, что и волощане; да и занятія городскихъ жителей, за исключеніемъ крупныхъ торговыхъ центровъ, мало чѣмъ отличались отъ сельскихъ. Въ справедливости сказаннаго легко можно

убѣдиться, ознакомившись съ содержаніемъ льготъ и вольностей, которыя получены городами при надѣленіи ихъ нѣмецкимъ правомъ. Здѣсь мы встрѣтимся уже съ знакомыми намъ чертами древнѣйшихъ господарскихъ податей. Такъ, князь Свидригайло, жалуя въ 1438 году городу Кременцу магдебургское право, освобождаетъ мѣщанъ отъ работъ на пашнѣ, толокъ, „ни при комъ ходити“ (т. е. въ ловы) [1]. Значитъ, ранѣе эти повинности выполнялись горожанами. Трокскіе евреи, при дарованіи имъ, какъ и другимъ мѣщанамъ, того-же права изъяты великимъ княземъ Александромъ a metendis et colligendis frugibus Nostris in agris, pertinentibus ad praedium nostrum ex nomine Antiqua Troki [2]. Города Ломазы и Пещатка освобождаются отъ тяглыхъ работъ, толокъ, гвалтовъ, сторожи, подводъ, даней, дякла, стаціи (кромѣ господарскаго пріѣзда) [3]; мѣщане Волковыска освобождаются отъ косьбы сѣна, отъ работъ по выдѣлкѣ известки, отъ сторожи дворной, отъ сторожи коней господарскихъ, отъ подводъ для врядниковъ, отъ дяколъ [4]; г. Васильковъ (въ Городенской пущѣ) освобождается отъ тяглыхъ работъ [5], равно какъ и Нарва [6]; г. Гродно имѣлъ нѣсколько господарскихъ листовъ на освобожденіе отъ толокъ и подводъ [7]. Гродненскіе мѣщане уплачивали также волочебное и колядки [8], и кромѣ того обязаны были переносить кирпичи на господарской плитницѣ [9]. Мѣщане Оршанскіе получили освобожденіе отъ пригона и цѣлаго ряда другихъ повинностей [10]. Правда, нѣкоторые изъ только что перечисленныхъ городовъ являются новыми осадами, но среди нихъ есть и старинные города, какъ Троки, Орша, Волковыскъ. И дѣйствительно, даже населеніе крупныхъ городскихъ центровъ не свободно было отъ вотчинныхъ повинностей; объ этомъ говоритъ, напр., одна изъ грамотъ Кіеву [11]. Велена освобождается отъ дяколъ, сѣна подякольнаго,

---

[1] Архивъ Ю.-Зап. Р., ч. V, т. I, р. 4.

[2] Бершадскій, I, р. 31.

[3] Акты В. Ком., IV, р. 94 и 249.

[4] Акты Зап. Р., II, р. 10—11.

[5] Кн. Зап. Лит., XLVIII, 43 об., 45 об.

[6] Акты Лит.-русск. гос., I, р. 159.

[7] Акты Вил. Ком., т. VII, р. 60 и 82.

[8] Ibidem, р. 70.

[9] Бершадскій, I, р. 332.

[10] Акты Зап. Р., т. III, р. 274; ср. Акты Ю.-Зап. Р., I, р. 230; ср. Акты З. Р., III, р. 156 и др.

[11] А. З. Р., I, 144.

отъ пенязей подякольныхъ врядникамъ, отъ подводъ посламъ и гонцамъ, отъ тяглыхъ работъ и проч. [1]). Въ Могилевѣ жили нѣкоторые бояре, которые „здавна за Витовта зъ мѣстомъ и зъ волостью подачокъ и тяглей никоторыхъ съ ними не служивали" [2]). Въ такихъ земскихъ центрахъ, какъ Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ рядомъ съ другими классами населенія жили люди, отбывавшіе тяглую службу [3]), ходившіе въ пригонъ [4]) и т. д.

Такимъ образомъ, жители городовъ на русскомъ правѣ отбывали тяглыя службы, давали дякла и дани, такъ что въ этомъ отношеніи они не отличались отъ волощанъ. Пригонъ и дани, какъ мы знаемъ, падали на пахотную землю; но, обращаясь къ небольшому числу сохранившихся люстрацій городовъ не на нѣмецкомъ правѣ, мы встрѣчаемъ кромѣ поземельной подати еще и нѣкоторые промысловые налоги. Прежде всего остановимся на городахъ Кіевской земли по люстраціи 1471 г. Въ г. Чудновѣ живутъ мѣщане, которые пашутъ землю; они даютъ платъ „съ человѣка" (вѣроятно подомовый налогъ); всѣ мѣщане ходятъ на толоку жать жито и косить сѣно. Но сверхъ того въ Чудновѣ есть и корчмы; съ каждой изъ нихъ взимается по полукопѣ грошей, за корчмы взимается также платъ въ Житомирѣ и Винницѣ [5]). Налогъ на корчмы—это уже промысловая подать; вмѣстѣ съ поземельной она является древнѣйшимъ и самымъ распространеннымъ городскимъ налогомъ. При Сигизмундѣ-Августѣ составлены люстраціи русскихъ городовъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ то же господство этихъ двухъ налоговъ. Но надо имѣть ввиду, что поземельный налогъ падалъ на пахотную землю, рѣдко на огородную, тогда какъ городская усадебная земля была свободна отъ него. Такъ, Оршанскіе мѣщане отбывали тяглую повинность съ городскихъ домовъ, пашенъ и фольварковъ; мѣщане, имѣвшіе только дома и огороды, платили однообразный подомовый налогъ и выходили на пашню; сверхъ того здѣсь же были и огородники въ собственномъ смыслѣ, совсѣмъ не имѣвшіе пашни; они исполняли мелкія вотчинныя повинности и съ каждаго дома давали въ годъ по сохѣ нароговъ. Небольшое число

[1]) Собраніе грамотъ Вильны, I, p. 157.

[2]) Акты Леонтовича, № 522.

[3]) Акты З. Р., I, p. 362.

[4]) Ясинскій, p. 152.

[5]) Архивъ Ю.-Зап Р., VII т., II, p. 4—5.

ремесленниковъ отбывало ремесленныя повинности на замокъ. Корчемнаго плата здѣсь не было, потому что корчмы сдавались на откупъ [1]. Въ мѣстечкѣ Радошковичахъ, перешедшихъ къ господарю отъ частнаго землевладѣльца, мѣщане дѣлились на тѣ же три группы— мѣщанъ, куничниковъ и огородниковъ. Послѣдніе платятъ только съ огорода денежную подать въ разныхъ размѣрахъ, вѣроятно, въ зависимости отъ величины огородной земли. Куничники держатъ пахотную землю, сѣнокосъ и другія угодія на куничномъ платѣ, который взимался деньгами, а съ нѣкоторыхъ—говяжьимъ саломъ. Мѣщане держатъ или пахотную землю съ огородами, или только огороды, но всѣ они обложены капщизной отъ пива и меду, т. е. корчемный платъ былъ разложенъ на всѣхъ мѣщанъ, разумѣется, съ предоставленіемъ имъ „вольнаго варенья" пива и меду; нѣкоторые держатъ и горелчаныя корчмы, но люстраторъ нигдѣ не говоритъ, давался-ли за нихъ особый платъ. Сверхъ того всѣ мѣщане и куничники ходятъ на толоки, съ листами, и даютъ стацію на пріѣздъ помѣщицы [2]. Съ такими повинностями этотъ городъ перешелъ отъ пани Гаштольтовой къ господарю. Здѣсь мѣщане не платили поземельнаго сбора съ городскихъ усадебъ, равно какъ и подомоваго. Менѣе опредѣленнымъ характеромъ отличались повинности мѣщанъ въ другихъ городахъ. Они исполняли рядъ замковыхъ повинностей, платили мелкіе поборы врядникамъ. Вообще, разъ въ городѣ выстраивался замокъ, то всѣ повинности мѣщанъ направлялись главнымъ образомъ на замковыя службы, и господарскій скарбъ не получалъ отъ такого города никакихъ доходовъ, или иногда самые незначительные; другая часть мѣщанскихъ поплатковъ и повинностей уходила на старосту, но и по обложенію въ пользу послѣднихъ можно судить, что поземельный налогъ взимался только съ пахотной земли. Такъ, мѣщане Мозырскіе, не имѣли пахотныхъ земель, но подъ городомъ снимали куничныя земли и только отъ нихъ платили оброкъ [3]. Напротивъ, въ Острѣ мѣщане платятъ грошовую дань и сѣно, конечно, потому что пользуются соотвѣтственными землями [4]. Мы не говоримъ уже о юж-

[1] Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р 126—129.

[2] Ibidem, 98—102.

[3] Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 623.

[4] Ibidem, р. 597; что эта дань съ пахотной земли, ясно изъ перечисленія пустовщинъ.

ныхъ украинскихъ замкахъ, гдѣ вслѣдствіе особыхъ условій пашня мѣщанъ совсѣмъ не облагалась [1]). Корчемный доходъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ замкахъ; обычно онъ находится среди доходовъ старосты, вслѣдствіе передачи его господаремъ. Сборъ капщизны производится старостами двоякимъ образомъ: или ввидѣ промысловаго налога на корчмы [2]) или посредствомъ отдачи на откупъ [3]). Такимъ образомъ, службы и платы мѣщанъ городовъ на русскомъ правѣ ни чемъ не отличались отъ волостныхъ; мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же тяглыя повинности; основнымъ объектомъ обложенія для господарскихъ платовъ служитъ пахотная земля и угодія, напримѣръ, сѣнокосъ; дань взимается деньгами, а не натурою; но это вѣроятно потому, что наши источники относятся къ довольно позднему времени. Въ рѣдкихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ признаки нѣкоторой связи обложенія пахотной земли съ поусадебнымъ, а также особые платы отъ огородовъ. Но, кажется, оба эти явленія надо отнести къ чертамъ позднѣйшаго времени. Кромѣ поземельнаго налога и тягла мы встрѣчаемъ въ городахъ только одинъ промысловый налогъ—капщизну. Разумѣется, городъ принималъ участіе въ тѣхъ платахъ, которые налагались на всю волость, напр., въ стаціи, тивунщинѣ. Въ общемъ, господарскій доходъ отъ прямыхъ налоговъ въ городахъ былъ весьма не значителенъ.

Главная особенность города на нѣмецкомъ правѣ заключалась прежде всего въ томъ, что съ полученіемъ привилея онъ порывалъ связь съ волостью и въ финансовомъ отношеніи сильно отличался отъ города на русскомъ правѣ. Городская община получала въ свое завѣдываніе цѣлый рядъ пожитковъ, доходы съ которыхъ шли или на мѣстное благоустройство, или служили фондомъ для выполненія государственныхъ повинностей, или для уплаты государственныхъ податей. По отношенію къ господарскому скарбу городъ отбывалъ немногія изъ податей и повинностей. Привилеи весьма неодинаково облагаютъ города въ пользу скарба, такъ какъ и въ распоряженіе ратуши переходитъ бóльшее или меньшее количество доходныхъ статей, право на которыя имѣлъ господарь. Интересно, что можно указать на такіе городскіе привилеи, по которымъ къ городу переходили всѣ объекты

---

[1]) Ibidem, p. 86 и 97.

[2]) Ibidem, p. 603.

[3]) Ibidem. p. 622.

обложенія [1]), такъ что скарбъ ничего не получалъ; такъ, напримѣръ, Луцкъ по привилею 1497 года получилъ очень широкія права, но въ этомъ привилеѣ нѣтъ ни одного плата въ скарбъ [2]); таковъ же привилей Лосичамъ 1500 года, такъ что Сигизмундъ I въ подтвержденіи своемъ 1510 года наложилъ на городъ обычные платы [3]). Но, конечно, такія широкія привилегіи были явленіемъ исключительнымъ. Вообще-же города на нѣмецкомъ правѣ, по ихъ отношенію къ скарбу, можно раздѣлить на двѣ группы: на города, съ которыхъ въ скарбъ шли чиншъ, капщизна, а иногда и нѣкоторыя другія подати промысловаго характера; это все города, получавшіе такъ называемые большіе привилеи на магдебургію. Сверхъ того, нѣкоторые изъ этихъ городовъ вносили извѣстную сумму деньгами, какъ платъ за магдебургское право. Вторая группа городовъ съ малыми привилеями: кромѣ чинша, нѣкоторыхъ промысловыхъ налоговъ, они даютъ еще стацію. Образцомъ этого второго типа городовъ служатъ мѣстечки на такъ называемомъ холмскомъ правѣ. Самый терминъ холмскаго права употребляется въ актахъ весьма рѣдко, но, не смотря на это, созданные имъ образцы имѣли самое широкое распространеніе, и можно съ увѣренностью сказать, что всѣ малые привилеи на магдебургское право построены по тому типу, который акты называютъ правомъ холмскимъ. При Сигизмундѣ-Августѣ выработана была общая схема правъ и обязанностей мѣстечекъ. Это была устава городамъ, занесенная въ волочную уставу. И на ней легко видѣть вліяніе образцовъ холмскаго права. Городъ на холмскомъ правѣ представлялъ собою земледѣльческое поселеніе, почему его подати и повинности составлялись изъ тѣхъ же платовъ, какими обязано было и сельское поселеніе; но такое мѣстечко обладало бо́льшими правами самоуправленія, а также и бо́льшими источниками общинныхъ доходовъ, чѣмъ сельское войтовство. Такимъ образомъ, это былъ средній переходной типъ населенія между селомъ и городомъ въ собственномъ смыслѣ. Но, указавъ на эти общіе типы городовъ на нѣмецкомъ правѣ, мы должны однако еще разъ повторить оговорку, что частности городскихъ привилеевъ представляютъ собою большое разнообразіе. При Сигизмундѣ-Августѣ была создана, какъ мы указали, общая схема

---

[1]) Т. е., конечно, такіе, которые въ данный моментъ были извѣстны скарбу.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 13.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., т. I, р. 112—115.

повинностныхъ отношеній мѣстечекъ; тогда же многія изъ нихъ получили привилеи однообразнаго содержанія, повторяющіе собою общія основы уставы городамъ (напр., Ломазы, Пещатка, Милейчицы и др.), но тогда-же встрѣчаемъ привилеи, сильно отступающіе отъ уставы (напр., Диснѣ).

Перейдемъ теперь къ фактическому обзору податковъ, шедшихъ съ городовъ въ скарбъ. Прежде всего выдѣлимъ платъ отъ городовъ, какъ имѣвшій весьма ограниченное примѣненіе. Есть единичное указаніе на то, что Смоленскъ давалъ общій платъ отъ всего города въ господарскій скарбъ—„што зъ города данвали" [1]). Это наводитъ на предположеніе, что и другіе русскіе города давали въ скарбъ такой-же общій платъ, что объяснило бы отсутствіе въ уставныхъ грамотахъ указаній на сборы и повинности городовъ въ пользу господарскаго скарба: этотъ общій платъ долженъ бы быть оплатой вотчинныхъ повинностей [2]). Съ этимъ сходится и то, что платъ за магдебургское право мы встрѣчаемъ въ двухъ очень старинныхъ городахъ—Полоцкѣ и Новгородкѣ. Первый изъ нихъ обязанъ былъ вносить ежегодно 400 копъ грошей въ скарбъ „безъ кождые вымовли" [3]). Изъ одного акта 1534 г. мы видимъ, что мѣщане Полоцкіе платятъ уже только 200 копъ грошей „за право майдеборское" въ годъ; такое уменьшеніе его было временною льготою, и въ этомъ году господарь совсѣмъ „отпустилъ" на одинъ годъ мѣщанамъ „для недостатку ихъ и работъ и службъ" [4]). Новгородокъ, при полученіи магдебургскаго привилея въ 1511 г., долженъ былъ ежегодно вносить въ скарбъ „для доброволенства", даруемаго правомъ, по 50 золотыхъ угорскихъ [5]); въ 1551 г. этотъ сборъ уменьшенъ на 30 золотыхъ, которые мѣщане обязались тратить на пословъ и гонцовъ господарскихъ [6]). Волковыскъ платилъ ежегодно по 30 золотыхъ за отпускъ нѣкоторыхъ вотчинныхъ повинностей и платежей [7]). Городъ Велена платилъ столько-же

---

[1]) Ясинскій, р. 152.

[2]) Такъ, Смоленскъ не несетъ вотчинныхъ повинностей, но даетъ платъ. Кіевъ же спеціальною грамотою освобождается отъ нихъ (А. З. Р., I, 144).

[3]) А. З. Р., I, р. 181.

[4]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 129.

[5]) А. З. Р, II, р. 91.

[6]) Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ городовъ Минской губерніи и проч. Минскъ, 1848, р. 13.

[7]) А. З. Р., II, р. 11.

за освобожденіе отъ „моцы“ врядниковъ [1]). Установленіе общаго плата отъ города, какъ видно изъ названныхъ актовъ, практиковалось только при Александрѣ и въ первые годы Сигизмунда I; вѣроятно, онъ не получилъ широкаго распространенія, а взимался только съ названныхъ городовъ, такъ какъ за это время извѣстны почти всѣ привилеи. По волочной уставѣ платъ взимался только съ Полоцка и Новгородка [2]) и, слѣдовательно, другіе города получили уже отъ него освобожденіе.

Другіе налоги имѣли болѣе общее примѣненіе. На первомъ мѣстѣ надо поставить поземельную подать—чиншъ, census, съ характеромъ котораго мы уже достаточно знакомы. Почти всѣ города обязаны были уплатой чинша, но чиншъ падалъ исключительно на пахотную землю, а въ городахъ холмскихъ иногда и на огородную. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ привилеевъ, именно въ привилеѣ Ягайлы Берестію 1390 года, городу отведено 60 франконскихъ лановъ для земледѣлія, съ которыхъ и долженъ быть уплачиваемъ чиншъ [3]) Это былъ общій обычай, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота Витовта тому же городу 1408 года, утверждающая, что чиншъ уплачивается de quolibet manso sive laneo censum iuxta et instar aliarum civitatum vicinarum iure theutonico utifruentium et signanteur Lublin [4]). Но размѣръ чинша былъ не одинаковъ [5]). Чиншъ вообще уплачивался деньгами, но въ городахъ на холмскомъ правѣ сверхъ денежнаго чинша въ нѣкоторыхъ случаяхъ шли еще и натуральные сборы. Послѣ изданія волочной уставы и производства ревизіи былъ установленъ однообразный поземельный чиншъ и на него обычно ссылаются новые привилеи [6]). Въ очень немногихъ городахъ на холмскомъ правѣ встрѣчаемъ особый платъ съ огородныхъ земель и дворищъ; съ дворищъ платъ взимался только въ томъ случаѣ, если владѣлецъ не имѣлъ поля [7]); вѣроятно, и платъ съ огородовъ взимался только съ огородниковъ [8]).

---

[1]) Грамоты г. Вильны, I, 152.

[2]) А. З. Р., III, р. 81.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 2.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 5.

[5]) Размѣръ чинша—1 золотой, 10—20 грошей съ лана (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 2, 5, 59, 99, 102, 115, 126, 151, 160, 182).

[6]) Напр., Диснѣ 1569 г. Кн. З. Лит., L, л. 293 и др.

[7]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 160.

[8]) Ibidem, р. 182.

Но можно указать на нѣсколько городовъ съ широкими привилеями, которые вовсе не платили чинша, таковы, напр., Вильно, Минскъ, Новгородокъ, Полоцкъ и др.

Изъ промысловыхъ налоговъ на первомъ мѣстѣ надо поставить капщизну [1]). Даже города, не платившіе чинша, давали капщизну. Одинъ изъ древнѣйшихъ привилеевъ Вильнѣ, грамота Сигизмунда Кейстутьевича 1432 года, обязываетъ мѣщанъ census tabernarum singulis annis nobis et nostris successoribus solvere debeant prout prius ex antiquo eundem consveti sunt solvere et soliti [2]). Грамоты настойчиво говорятъ объ обязанности городовъ давать корчемный платъ; разумѣется, онъ налагался на того, кто держалъ корчмы. Если привилеи и не упоминаютъ о корчмахъ, то доходъ съ нихъ все-таки оставался въ распоряженіи скарба, который пользовался имъ, или сдавая въ аренду, или самъ собирая капщизну. Въ рѣдкихъ случаяхъ господарь передавалъ капщизну въ распоряженіе города, да и то или ввидѣ права на содержаніе нѣсколькихъ корчемъ на ратушу [3]) или на нѣкоторыя изъ корчемъ, напр., пивныя [4]). Менѣе опредѣленное положеніе заняло правительство по отношенію къ другимъ промысловымъ налогамъ; оно оставляло въ своихъ рукахъ весьма немногіе изъ нихъ, предоставляя остальные въ распоряженіе городскихъ общинъ, воеводъ и старостъ [5]). Чаще всего скарбъ оставляетъ за собою доходъ отъ торговцевъ мясомъ, отъ такъ называемыхъ мясныхъ ятокъ или клѣтокъ; этотъ налогъ взимался отъ каждой мясной лавки натурою (говяжьимъ саломъ) или деньгами, причемъ до введенія волочной уставы этотъ платъ взимался въ разныхъ городахъ въ неодинаковомъ размѣрѣ [6]). Далѣе, въ нѣкоторыхъ городахъ на холмскомъ правѣ встрѣчаемъ и другіе налоги за право промысла; напр., въ Клещеляхъ взи-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности о капщизнѣ будутъ сообщены въ главѣ IV, при разсмотрѣніи вопроса объ акцизахъ.

[2]) Собраніе грамотъ г. Вильны, I, p. 4; ср. p. 5 и др.

[3]) Акты Ю.-Зап. Р., I, p. 136.

[4]) Ibidem, № 151.

[5]) Вообще, промысловые налоги, собиравшіеся въ пользу мѣстнаго уряда, или городской ратуши были довольно разнообразны. Напр., А. З. Р., I, 195, А. З. Р., III, 111, Арх. Ю.-З. Р., т. II, ч. VII, p. 71, ibidem, ч. VII, т. I, p. 113 (колядки отъ ремесленниковъ) и др.

[6]) Напр. въ Лосичахъ, по привилею 1511 года (Акты Лит.-рус. гос., I, p. 112—115), въ Высокомъ (Ibidem, p. 102. Ср. Акты Зап. Р., II, p. 72).

мался ежегодный сборъ со всѣхъ торговцевъ [1]), въ Высокомъ кромѣ торговцевъ даютъ ежегодный платъ и пекари [2]): въ Луцкѣ сборъ со всѣхъ ремесленныхъ цеховъ шелъ на ключъ [3]), между тѣмъ какъ въ другихъ городахъ ремесленники находились подъ городскимъ присудомъ и, слѣдовательно, ничего не давали въ скарбъ [4]). Къ этому обзору городскихъ платовъ слѣдуетъ добавить, что нѣкоторыя изъ мѣстечекъ на холмскомъ правѣ отбываютъ стацiйную повинность, а также и нѣкоторыя мѣстныя натуральныя повинности. Стацiя дается обычно только на господарскiй прiѣздъ; къ стацiи же надо причислить и рѣдкiе случаи кормовыхъ господарскихъ сборовъ, взимавшихся ежегодно въ натурѣ [5]). Изъ другихъ повинностей встрѣчаемъ, напримѣръ, сторожу „на господарскую потребу" [6]) и мѣстныя тяглыя повинности въ родѣ работъ на городскомъ ставѣ [7]). Кажется, въ привилеѣ Волковыску мы встрѣчаемъ единственный примѣръ города на магдебургскомъ правѣ, жители котораго не только обязаны были исправлять ставъ, ходить на заставу, но и выходили на толоки [8]). Изъ этого обзора городскихъ повинностей и платежей прежде всего ясно то значительное разнообразiе ихъ, которое утверждалось привилеями; нѣкоторые города несли не только извѣстные натуральные сборы, но даже и повинности тяглаго характера; послѣдними чертами отличаются города на холмскомъ правѣ. Размѣръ платежей также не вездѣ былъ одинаковъ. Сумма вольностей, предоставлявшихъ городскимъ общинамъ извѣстные объекты прямого и косвеннаго обложенiя, отличалась еще бóльшимъ разнообразiемъ. Разумѣется, скарбъ лишался доходовъ отъ источниковъ ихъ, отданныхъ на ратушу; но по отношенiю къ мелкимъ городамъ, съ слабо развитою промышленностью и торговлею, скарбъ былъ скупъ на вольности, что дало ему впослѣдствiи возможность изыскать, съ развитiемъ городской жизни, новые источники доходовъ.

---

[1]) Акты З. Р., II, р. 153.

[2]) Ibidem, р. 72.

[3]) Архивъ Ю.-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 172.

[4]) Напр. Полоцкъ (Акты З. Р., II, р. 72, 79), Милейчицы (Акты Лит.-русск. гос., I, р. 160), Волковыскъ (А. З. Р., II, р. 10).

[5]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 159, 182.

[6]) Кн. Зап. Лит., L, л. 301 об.

[7]) Акты З. Р., I, р. 355.

[8]) Акты З. Р., II, р. 10.

На эту точку зрѣнія сталъ скарбъ при производствѣ ревизіи и введеніи волочной системы. Общее положеніе волочной уставы заключается въ томъ, что города, надѣленные тѣми или иными вольностями; сохраняютъ ихъ [1]; если городской общинѣ не были предоставлены тѣ или иные источники дохода или если размѣръ налога не былъ опредѣленъ привилеями, то скарбъ облагалъ эти источники налогомъ по новой уставѣ. Въ городахъ, какъ и сельскихъ войтовствахъ, была произведена ревизія и помѣра городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Кадастръ охватилъ не только пахотныя земли, но также и огородныя, сѣнокосныя и усадебныя. Сообразно качеству первыхъ и мѣстоположенію, по отношенію къ торговому центру города, вторыхъ былъ введенъ общій поземельный налогъ. Сверхъ того, кадастру подверглись плательщики промысловыхъ налоговъ (по ревизіямъ 60-хъ годовъ только корчмиты и рѣзники); далѣе, къ уплатѣ налоговъ былъ привлеченъ особый классъ городского населенія—коморниковъ, не владѣвшихъ городскимъ недвижимымъ имуществомъ; они платили личный налогъ. Такимъ образомъ, устава 1557 года знаетъ въ городахъ трояког рода прямые налоги—поземельный (отчасти и подомовый), промысловый и личный. Поземельный налогъ организованъ былъ слѣдующимъ образомъ: владѣльцы волокъ платили отъ каждой волоки сообразно качеству почвы: съ волоки лучшей земли чиншъ установленъ по 50 грошей, съ средней 40 грошей и съ подлой 30 грошей; сверхъ того съ каждой волоки, независимо отъ качества грунта, платилось по 12 грошей за толоки. Съ огородныхъ земель налогъ взимался по $2^1/_2$ пенязя съ прута (полевые огороды оплачивались по одному пенязю [2]); отъ гуменныхъ прутовъ на предмѣстьи взималось по одному пенязю, а отъ морговъ здѣсь же— 3 гроша; сѣнокосы также были обложены особо [3]). Налогъ съ городскихъ усадебъ установленъ былъ такъ, что усадьбы въ центрѣ города—на рынкѣ оплачивались дороже (по $7^1/_2$ пенязей), чѣмъ на улицахъ. Размѣръ городскихъ усадебъ не былъ, конечно, одинаковъ; хотя единицею обложенія была признана извѣстная поземельная единица, однако въ дѣйствительности поземельный налогъ былъ скомбинированъ съ подомовымъ, такъ какъ подъ городской усадьбой разумѣлось пространство земли, занятое

---

[1]) Акты З. Р., III, р. 74.

[2]) Писц. кн. Пинскаго староства, passim.

[3]) Ibidem

только однимъ домомъ. На такое пониманіе этого налога наводитъ не только сама волочная устава (она говоритъ: „а зъ домовъ въ рынку, отъ прута ... а въ улицахъ отъ прута“), но также и нѣкоторыя другія соображенія. Въ люстраціяхъ городовъ нигдѣ не перечисляется количество домовъ на усадьбахъ, но зато мы встрѣчаемъ множество случаевъ, когда 2, 3 и болѣе усадьбы одного и того же владѣльца, стоящія подрядъ на улицѣ, перечисляются отдѣльно; это потому, конечно, что на каждой изъ нихъ находится отдѣльный домъ. Такая система кадастра нужна была и для обложенія государственной подати, такъ какъ послѣдняя въ это время уже всегда взималась съ дома; вотъ почему въ источникахъ этотъ налогъ называется иногда „прутовымъ съ домовъ, пляцовъ“ и проч. [1]). Какъ мы выше видѣли, размѣръ чинша съ городскихъ волокъ почти вездѣ опредѣлялся привилеями на магдебургію, но въ нихъ почти нигдѣ не говорится о налогѣ съ усадебныхъ земель, огородовъ; поэтому и города съ очень широкими привилегіями (напр. Берестій [2]), Новгородокъ) [3]) платили, послѣ ревизіи, прутовый чиншъ. Но кромѣ этого поземельнаго налога взимался въ городахъ еще мелкій поворотный налогъ (отъ воротъ). Поворотщина—это старая верховщина, взимавшаяся въ нѣкоторыхъ городахъ отъ тѣхъ домовладѣльцевъ, которые не занимались шинкомъ или не имѣли волоки; теперь этотъ налогъ былъ введенъ повсемѣстно въ городахъ. Но интересно, что этотъ своеобразный налогъ на нравственность (за отказъ на содержаніе корчмы) изъ уплачиваемаго не всѣми жителями, очевидно, превращался во всеобщій, когда корчмы сдавались на откупъ.

Второй разрядъ городскихъ налоговъ, какъ мы сказали, имѣлъ въ виду обложеніе промысловъ. Волочная устава вводитъ однообразный платъ съ корчемъ и рѣзниковъ („за камень лою по 15 грошей“). Остальные ремесленники не платили господарскаго податка, наконецъ, коморники уплачивали каждый по 2 гроша.

Такимъ образомъ, устава 1557 года выдвигаетъ нѣкоторые новые источники обложенія и даетъ однообразную схему господарскихъ сборовъ въ городахъ, по скольку привилеи послѣднихъ допускали полное ея

---

[1]) Документы Моск. Арх. Мин Юст., I, p. 230.
[2]) Ibidem.
[3]) Собраніе грамотъ г. Вильны, II, p. 120.

введеніе. Но эту уставу надо сопоставить съ уставами, данными городамъ русскихъ волостей. Мы уже знаемъ, что при Сигизмундѣ-Августѣ эти города въ 1560—61 гг. получили особыя уставы, были размѣрены на волоки и, такимъ образомъ, выдѣлены изъ волостей. Уставы русскимъ городамъ повторяютъ собою во всемъ, что касается господарскихъ податковъ, уставу 1557 г. съ разъясненіями относительно ея примѣненія, опредѣляютъ вольности горожанъ и пр. Такія уставы извѣстны городамъ Могилеву [1]), Рѣчицѣ [2]), Оршѣ [3]), Бобруйску [4]). Однако мы не знаемъ, всѣ ли города были раздѣлены на волоки и получили уставы.

9. Статистическія свѣдѣнія о господарскихъ дóбрахъ и о доходахъ ихъ.

Прослѣдить за составомъ и объемомъ господарскихъ добръ и за измѣненіемъ ихъ доходности, даже втеченіе небольшого періода, составило-бы весьма плодотворную задачу. Къ сожалѣнію, она не выполнима по отсутствію данныхъ. Господарь литовскій обладалъ весьма обширною территоріею; если къ ней присоединить воеводскіе лены, то эта территорія окажется еще болѣе значительной. Вся эта масса земель представляла собою сокровищницу, изъ которой Ягеллоны щедрой рукой раздавали и мелкія имѣнія и цѣлые повѣты частнымъ лицамъ. Уже о Витовтѣ разсказываютъ, что онъ щедро раздавалъ земли [5]). Общеизвѣстны также замѣчанія Стрыйковскаго о щедрости въ раздачахъ имѣній Александромъ. Количество раздачъ легко видѣть по массѣ жалованныхъ на земли грамотъ, занесенныхъ въ книги Метрики Литовской. Если въ этомъ отношеніи замѣтна нѣкоторая сдержанность со стороны скуповатаго хозяина Сигизмунда I (выдѣлы повѣтовъ королевѣ Бонѣ—иное дѣло), то его сынъ далеко не слѣдовалъ примѣру отца. Окружающія лица пользовались слабостью короля, расхватывая уже и безъ того разрѣженныя имѣнія.

---

[1]) Акты З. Р., III, р. 110.
[2]) Ibidem, IV, р. 128.
[3]) Акты Ю.-З. Р., р. 251.
[4]) Акты Вил. Ком., XXV, р. 153 и 329.
[5]) Szajnocha, Jadwiga i Jagełło, III, 135—6.

Радивиллъ, какъ разсказывали, получилъ привилей на Шавли, когда король лежалъ уже на смертномъ одрѣ: Радивиллъ водилъ по пергаменту слабѣющую руку короля для подписи [1]). Изучая акты, легко видѣть, что раздачъ имѣній на разныхъ условіяхъ было много. Но если бы даже по книгамъ Метрики Литовской подсчитать всѣ привилеи, то это мало бы уяснило дѣло и не столько потому, что мы не имѣемъ увѣренности въ полнотѣ занесенныхъ въ Метрику привилеевъ, сколько потому, что самъ текстъ грамотъ мало полезенъ въ данномъ случаѣ. Мы узнали бы изъ него тысячу названій селъ, службъ, жеребьевъ, волостей, иногда количество службъ, людей, дворищъ, жеребьевъ. Всѣ эти данныя въ вопросахъ количества и качества раздаваемыхъ имѣній не имѣютъ значенія. Сверхъ того на уменьшеніе господарскихъ добръ вліяли и прямые захваты со стороны шляхты. Ревизія вскрыла массу владѣній, основанныхъ исключительно на давности, но не легко опредѣлить, чтò изъ этихъ владѣній было основано на правѣ и что на захватѣ; правительство просто было не въ силахъ охранить свои собственныя владѣнія, и въ ревизіи имѣется не мало прямыхъ указаній на грабежъ государственныхъ земель [2]).

Нерѣдко сами державцы и старосты захватывали часть управляемой державы [3]). Такимъ образомъ было не мало путей, которыми уменьшалось съ теченіемъ времени количество государственныхъ имуществъ. Въ 1550 г. при Остерскомъ замкѣ было девять господарскихъ селъ; по люстраціи 1628 г. всѣ они уже въ разныхъ рукахъ, а къ замку тянетъ нѣсколько новыхъ осадъ [4]). По люстраціи 1471 г. Кіевская земля перешла къ государству съ большимъ количествомъ селъ; люстраторы же 1550 г. отмѣчаютъ только два замковыхъ села, заваленныхъ повинностями на воеводу [5]). Около половины столѣтія Кіевское воеводство, расходы котораго были велики, такъ какъ осложнялись пріемомъ татарскихъ пословъ, было настолько бѣдно доходами, что воевода получилъ „на выхованье“ капщизну, а потомъ и денежное жалованіе. Люстраторы волынскихъ и украинскихъ замковъ не-

---

[1]) Niemcewicz, Pamiętniki, I, 96—7.

[2]) Напр., Ревизія пущъ, р. 19, 31—2 и др.

[3]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 72.

[4]) Арх. Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, р. 34.

[5]) Ibidem.

редаютъ любопытныя подробности объ исчезновеніи господарскихъ селъ и волостей [1]).

Правительство иногда издавало постановленія противъ захвата добръ, иногда отдѣлывалось угрозами по адресу шляхты [2]). Ревизія, конечно, была наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ захватовъ.

Не имѣя возможности опредѣлить количества уплывавшихъ изъ рукъ скарба земель, мы не имѣемъ полныхъ данныхъ и объ объемѣ ихъ. Замѣтимъ, что въ источникахъ можно встрѣтить списки господарскихъ державъ и староствъ [3]). Но они сообщаютъ только перечень господарскихъ дворовъ; такой списокъ—одинъ изъ наиболѣе полныхъ—находится и въ волочной уставѣ. Люстраціи староствъ дошли до насъ далеко не всѣ, вообще изъ нихъ извѣстно пока весьма немного. Изъ люстрацій русскихъ волостей мы имѣемъ только отрывки, но при этомъ надо помнить еще, что они составлены по службамъ, т. е. иными словами ничего не даютъ для сужденія о пространствѣ имѣній. Люстраціи Южной Украины и Волыни дошли до насъ полностью, но тамъ не было господарскихъ столовыхъ добръ, да и земскія описаны по дворищамъ. Изъ центральныхъ областей до насъ дошли только люстраціи Подляшья (не всѣ), Пинщины и Жмуди (не полная). Неполнота извѣстныхъ до сихъ поръ люстрацій не даетъ возможности провѣрить единственный имѣющійся въ нашемъ распоряженіи документъ по поземельной статистикѣ [4]) господарскихъ добръ.

---

[1]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. ревизіи, р. 177 и слѣд., Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 125 (статья проф. Владимірскаго-Буданова).

[2]) Державцы и старосты, захватывая добра, въ случаѣ смерти завѣщали ихъ своимъ малолѣтнимъ наслѣдникамъ. По Статуту искъ о владѣніи могъ быть предъявленъ только по совершеннолѣтіи младшаго изъ наслѣдниковъ, и так. обр. семья могла незаконно пользоваться имѣніемъ болѣе или менѣе значительное время. Объ этомъ говоритъ сеймовый рецессъ 1551 г. (А. Зап. Р., III, р. 29, § 20).

[3]) Напр., Кн. Зап. Лит. XXX, л. 114 об.—115., Пуб. Дѣлъ Лит. VII, л. 197 об., Зап. Лит. XXVIII, л. 123 об.—125 и др.

[4]) Въ числѣ книгъ короннаго скарба есть одна, въ которой записаны разные разсчеты какъ коронные, такъ и литовскіе, между прочимъ, и списки добръ. Вѣроятно, эта книга составлена въ коронномъ скарбѣ для справокъ, такъ какъ въ ней есть и регламенты скарбовой канцеляріи, изданные Сигизмундомъ Августомъ, таксы таможенныхъ пошлинъ и т. д. Позднѣйшія записи носятъ помѣту 1595 года. Записи, касающіяся господарскихъ добръ въ Литвѣ, состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ списковъ: списки всѣхъ господарскихъ добръ въ Литовско-русскомъ

Этотъ источникъ относится къ 1566—1567 г.г. Онъ страдаетъ неполнотою, такъ какъ въ немъ нѣтъ имѣній королевы Боны; впрочемъ, этотъ недостатокъ можетъ быть пополненъ нѣкоторыми люстра-

---

государствѣ съ показателемъ числа волокъ въ каждой державѣ; таблицы эти озаглавлены: „имѣнія короля его милости въ Велик. Княж. Литовскомъ, заведенныя къ столу". Даты на немъ нѣтъ никакой. Затѣмъ встрѣчаемъ составленные по однообразной схемѣ списки заложенныхъ державъ, отданныхъ въ дожизотье, и тѣхъ, съ которыхъ идутъ въ скарбъ доходы. Въ этихъ спискахъ отмѣчены суммы доходовъ, идущихъ съ державъ, и размѣръ долговъ (въ спискѣ заложенныхъ имѣній). Позднѣйшія помѣты въ спискѣ заложенныхъ державъ относятся къ 80-мъ годамъ. Первыя таблицы даютъ статистическія свѣдѣнія о составѣ добръ, вторыя три—о доходахъ съ нихъ, и такимъ образомъ эти списки взаимно пополняютъ другъ друга.

Относительно данныхъ о доходахъ не можетъ быть сомнѣній; доходъ съ добръ, отданныхъ въ залогъ и въ дожизотье, записанъ тотъ, который получался въ моментъ отдачи. Конечно, скарбъ зналъ доходность каждой изъ державъ, потому что у него были скарбовые реестры, составленные на основаніи ревизій. Такъ, напр., доходъ съ Берестейскаго староства показанъ въ 3000 копъ грошей. Между тѣмъ это староство по люстраціи 1566 г. приносило доходу 5527 копъ грошей. Но показанный въ нашемъ источникѣ доходъ объясняется слѣдующимъ образомъ: какъ мы уже знаемъ, это староство перешло въ дожизотную аренду О. Воловичу въ 3000 копъ грошей, но при этомъ изъ староства были выдѣлены въ залогъ волости Воинская, Милейчицкая и Половецкая. При нѣкоторыхъ державахъ встрѣчаемъ помѣтку, свидѣтельствующую, что въ моментъ составленія разсматриваемаго списка, онѣ сдавались въ аренду: въ этомъ случаѣ окладной доходъ могъ быть больше или меньше арендной платы, что, какъ мы знаемъ, зависѣло отъ условія аренды. Доходъ съ державъ, отданныхъ въ аренду, дожизотье или залогъ при Сигизмундѣ Августѣ, конечно, показанъ тотъ, который державы приносили въ моментъ отдачи; доходъ съ державъ, управлявшихся на „личбѣ", не могъ потерпѣть никакихъ измѣненій ко времени составленія списка, такъ какъ доходъ и тогда опредѣлялся на основаніи люстрацій, а конституція 1569 г. несомнѣнно способствовала сохраненію державъ въ ихъ прежнемъ объемѣ. Конечно, если держава была сдана въ аренду послѣ Сигизмунда Августа и въ суммѣ бо́льшей или меньшей окладного дохода, то въ такомъ случаѣ свѣдѣнія нашего источника будутъ не точны для изучаемаго времени; но неточность будетъ не значительна, ввиду весьма небольшого числа державъ, съ которыхъ показана арендная плата.

Иное дѣло таблица добръ съ показаніемъ наличнаго количества волокъ въ нихъ. Замѣтимъ, что относительно русскихъ волостей въ этихъ таблицахъ мы встрѣчаемъ только списокъ доходовъ, такъ что пространство этихъ волостей намъ остается неизвѣстнымъ. Никакихъ датъ въ таблицѣ нѣтъ. Изъ надписи мы узнаемъ, что это роспись имѣній, заведенныхъ къ столу господарскому. Можно было-бы подумать, что списокъ пріуроченъ къ выдѣлу добръ въ 1588 г., но въ немъ мы не встрѣчаемъ дворовъ Городенскихъ. Списокъ не могъ быть составленъ и въ 1569 г., въ моментъ уніи, потому что въ немъ есть добра, отошедшія къ коронѣ—Дорогичинъ, Тыкотинъ, Мельникъ. Съ другой стороны, въ спискѣ встрѣчаемъ до́бра

ціями ея имѣній. Зато въ нашемъ источникѣ нѣтъ и еще нѣкоторыхъ державъ; территоріи русскихъ волостей въ немъ также нѣтъ. Однако, несмотря на нѣкоторую неполноту, документъ этотъ пред-

---

отошедшія съ 1566 г. отъ короля: здѣсь мы встрѣчаемъ Воложинъ, замѣненный королемъ въ 1567 г. на Индуру съ п. воеводой минскимъ. Въ спискѣ есть Медники и Ошмяна, но они были отданы п. воеводѣ виленскому за Лаваришки, Быстрицу и Раконтишки, а послѣднихъ нѣтъ въ таблицахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что настоящія данныя относятся ко времени 1566—1567 гг. Дѣйствительно, сравнивая списокъ державъ со спискомъ, помѣщеннымъ въ волочной уставѣ (1557 г.), мы встрѣчаемъ между обоими самое незначительное различіе. Нѣкоторыхъ дворовъ нѣтъ въ уставѣ (Чичикины, Девенишки, Лингмяны Липнишки, Неменчина, Опса, Ремезовъ, Свентяны, Трокели, Виркшта, Виснево, Зигмунтишки, Бѣлавичи, Молчадь, Плотеле, Немонойти, Оникшты, Стобинга, Сейвы, Здитово, Гентилишки, Горжды, Грушты, Кретинга, Полонга), но это понятно, потому что въ уставу „прилучены" не всѣ дворы; объ этомъ она сама говоритъ. Но зато почти всѣ дворы уставы мы встрѣчаемъ и въ нашемъ спискѣ (кромѣ Россіенъ, Высокаго, Волпы, Дубичъ, Лепунъ, Друи, Лебедева и Дуниловичъ). Это указываетъ на близость нашихъ данныхъ ко времени волочной реформы. Но все таки списокъ державъ не полонъ: въ немъ нѣтъ какъ-разъ тѣхъ дворовъ, которыхъ нѣтъ и въ волочной уставѣ. Принимая во вниманіе списки дворовъ господарскихъ около времени уніи, мы не находимъ среди нашихъ данныхъ такихъ староствъ: Гродно, Кобринъ, Пинскъ, Бѣльскъ, Суражъ, Брянскъ, Рогачевъ, Кременецъ и нѣкоторыхъ другихъ. Это какъ-разъ имѣнія королевы Боны. Нѣтъ ничего удивительнаго, что имѣнія Боны опущены въ спискѣ добръ господарскихъ: они до правленія Сигизмунда III въ скарбовыхъ реестрахъ писались отдѣльно отъ господарскихъ, хотя и находились въ распоряженіи скарба. Мы встрѣчаемъ ихъ въ спискѣ доходовъ и доживотій, но здѣсь они составляютъ особую графу. Можетъ явиться предположеніе, что въ нашъ документъ занесены столовыя дóбра въ отличіе отъ личныхъ господарскихъ. Но и этого не можетъ быть, потому что въ нашемъ спискѣ есть дóбра, о личныхъ правахъ на которыя Сигизмундъ Августъ не разъ заявлялъ (напр., Ботоки, Горжды, Жижморы, Кнышинъ, Ковно, Меречь, Тикотинъ, Трабы и др.). Однако, сравнивая нашъ списокъ державъ со спискомъ личныхъ державъ Сигизмунда Августа (1569 г.), мы встрѣчаемъ между ними разницу. Такъ, въ таблицахъ нѣтъ слѣдующихъ Сигизмундовыхъ державъ: *Анторкъ*, *Березники*, *Брянскъ*, *Бѣльскъ*, *Вонячинъ*, *Гродно*, *Довги*, *Дубно*, *Ишолны*, *Камёнчишки*, *Керновъ*, *Клещели*, *Кобринъ*, *Куренецъ*, *Кременецъ*, Любечь, *Новая Воля*, *Новый Дворъ*, Мстиславль, Мойшагола, *Рогачевъ*, Радошковичи, Остеръ, *Поссирвенты*, *Перстуни*, *Перелая*, *Пуни*, *Суражъ*, Шерешовъ, *Юрборкъ*. Большая часть названныхъ державъ принадлежала королевѣ Бонѣ; всѣ онѣ означены у насъ курсивомъ. Но среди вышеперечисленныхъ державъ есть нѣсколько имѣній, бывшихъ въ распоряженіи господаря въ 1566—1567 гг., и оставшихся въ распоряженіи скарба и въ послѣдующее время, напр., Остеръ, Мстиславль, Радошковичи.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ вытекаетъ слѣдующее. Списокъ добръ относится къ 1566—1567 г.г. Какъ статистическій матерьялъ для опредѣленія объема государственныхъ имуществъ, онъ страдаетъ слѣдующими недостатками: отсут-

ставляетъ выдающійся интересъ для исторіи Литовско-русскаго государства. Зная, какихъ державъ въ немъ нѣтъ, мы все таки можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о количественномъ составѣ господарскихъ добръ въ послѣдніе годы Сигизмунда Августа. Общіе итоги ихъ выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ [1]).

ствіемъ данныхъ о площади, занимаемой русскими волостями, отсутствіемъ данныхъ объ имѣніяхъ королевы Боны и нѣкоторою неполнотою въ спискѣ державъ, размѣра которой опредѣлить нельзя; во всякомъ случаѣ пропускъ державъ можетъ быть очень незначителенъ. Нахожденіе росписи господарскихъ добръ за 1566—1567 г. среди другихъ документовъ книги можно объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ. Около 90 г. составлялась, по какому-нибудь особому случаю (кажется, на случай войны съ турками) особая смѣта доходовъ. Въ скарбъ былъ доставленъ списокъ господарскихъ добръ за прежніе годы; такъ какъ надо было составить реестръ имѣній заложенныхъ, доживотій и находящихся въ распоряженіи скарба, то разбираемый общій списокъ и послужилъ базисомъ для смѣтныхъ раскладокъ.

Другой вопросъ касается того: о какихъ земляхъ сообщаетъ свѣдѣнія нашъ памятникъ и насколько достовѣрны помѣщенныя въ немъ цифры. Въ спискѣ данъ перечень державъ по повѣтамъ, и при каждой державѣ показано количество добрыхъ, среднихъ и подлыхъ волокъ, а также количество принятыхъ и непринятыхъ волокъ (обѣ группы—съ раздѣленіемъ по качеству почвы), и общій итогъ волокъ. Лѣсничества не показаны (они не были обмѣрены на волоки). При волокахъ есть цифра морговъ и прутовъ. Это несомнѣнно значитъ, что въ итогахъ выведено не только количество волочныхъ участковъ староства (оно было-бы безъ прутовъ и морговъ), но и застѣнковыя земли. Въ итогахъ посчитаны городскія земли. Косвенно это подтверждается тѣмъ, что въ спискѣ доходовъ отсутствуютъ особыя данныя о городахъ. Кромѣ того встрѣчаемъ такое совпаденіе: въ Милейчицахъ показано 209 вол. 12 мор. $8^1/_2$ пр.—какъ разъ городская только территоріи (см. мою статью „Берестейское староство въ XVI в." Кіев. Унив. Изв. 1898 г., № 2 р. 8). Но вообще провѣрить данныя нашихъ таблицъ трудно, такъ какъ не сохранилось соотвѣтственныхъ люстрацій. Да и это послѣднее сравненіе не дало бы прочныхъ результатовъ, ввиду интенсивной мобилизаціи господарскихъ земель въ 60-хъ годахъ. Впрочемъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ оффиціальнымъ скарбовымъ документомъ, то едва ли можно сомнѣваться въ его точности. (Цитуемый докум. хранится въ Арх. Варш. Каз. Пал., отд. 54, кн. № 14 В).

[1]) Въ этой таблицѣ надо имѣть въ виду слѣдующія поправки: въ *Жмудской* землѣ не подверглись измѣненію Крожи и Ботоки. Сверхъ показанныхъ волокъ въ ней посчитано $116^1/_2$ службъ, 28 пустовщинъ, 695 куницъ (въ Крожахъ, Поюрьѣ, Велюнѣ, Ретовѣ, Ботокахъ). Въ *Троцкомъ* повѣтѣ не было помѣры въ Сомилишкахъ и Василишкахъ. Сверхъ волокъ въ немъ посчитано: службъ $396^1/_2$, обрубовъ 49, пустовщинъ 225 (въ Зельвѣ, Василишкахъ, Тыкотинѣ, Мельникѣ). Въ *Виленскомъ* повѣтѣ не измѣрены Медники, а въ Айнѣ помѣра не окончена. Число прутовъ въ итогѣ опущено. Мы оставили итоги нашего источника, хотя о нихъ надо замѣтить слѣдующее. Итогъ державъ Жмудской земли подсчитанъ въ немъ совершенно правильно. Но итогъ державъ Троцкаго повѣта, по провѣркѣ ихъ, меньше, а итогъ державъ Виленскаго—больше того, что получается при провѣркѣ.

Названіе повѣтовъ	ЧИСЛО ПРИНЯТЫХЪ ВОЛОКЪ.											
	Качество грунта.									Итого принятыхъ волокъ.		
	Доброго.			Средняго.			Подлого.					
	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.
Виленскій	2704	8	11½	4913	26	14¼	2012	—	19½	9630	5	15½
Троцкій	7919	16	5	5787	12	15	4186	14	6	17893	12	26
Жмудская земля .	7178	18	9½	5653	12	11½	2268	24	11½	15100	—	—
Итого.	17802	12	—	16354	20	—	8467	8	—	42623	17	—

Такимъ образомъ господарскія имѣнія трехъ названныхъ повѣтовъ безъ русскихъ волостей и державъ королевы Боны достигали крупной цифры 57636 волокъ или около 1095370 десятинъ. По повѣтамъ количество десятинъ распредѣлится слѣдующимъ образомъ

Виленскій повѣтъ около 228750 десятинъ.
Троцкій повѣтъ около 405717 „
Жмудь 460905 „

Больше всего земель находилось на Жмуди, почти вдвое больше, чѣмъ, напр., въ Виленскомъ повѣтѣ. Однако, не надо забывать, что въ итогахъ Жмудской земли мы встрѣчаемъ и цѣлый Упитскій повѣтъ, (ранѣе числившійся въ Троцкомъ; въ концѣ правленія Сигизмунда Августа онъ составлялъ самостоятельную административную единицу), заключавшій въ себѣ 7446 волокъ. Объемъ державъ весьма разнообразенъ, поднимаясь отъ трехъ—пяти десятковъ волокъ до нѣсколькихъ тысячъ (напр. Упита).

Нашъ источникъ даетъ также и свѣдѣнія о хозяйственномъ распредѣленіи земли на хорошую, среднюю и плохую; они выражаются по областямъ въ слѣдующихъ общихъ цифрахъ и процентныхъ отношеніяхъ:

Такая неточность объясняется слѣдующимъ образомъ. Нѣкоторыя державы изъ Троцкаго повѣта перечислены въ Виленскій (напр. Кормялово, Конево и др., искони числившіяся въ Троцкомъ); это сдѣлано, очевидно, уже въ позднѣйшее время; между тѣмъ итоги по повѣтамъ оставлены тѣ, которые были до перечисленія державъ.

ЧИСЛО НЕ ПРИНЯТЫХЪ ВОЛОКЪ.												Общее количество земли.		
Качество грунта.									Итого не принятыхъ волокъ.					
Доброго.			Средняго.			Подлого.								
Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.
248	28	$25^1/_2$	1046	17	28	1111	2	$27^1/_2$	2406	19	21	12036	25	6 $/_4$
691	4	25	1207	21	$9^1/_2$	1555	16	$1^1/_2$	3454	12	6	21347	25	2
1675	25	$13^1/_2$	2277	2	—	5197	28	$^1/_2$	9150	24	14	24251	19	$16^1/_2$
2615	27	—	4531	10	—	7864	16	—	15011	25	—	57636	9	—

	добраго грунта		средняго		подлаго	
Повѣты	вол.	мор.	вол.	мор.	вол.	мор.
Виленскій	2953	6	5960	13	3123	2
Троцкій	8610	20	6995	3	5742	—
Жмудь	8854	13	7930	14	7466	22
Итого	20418	9	20886	—	16331	24

Въ общемъ, слѣдовательно, въ хозяйственномъ отношеніи тогда насчитывали меньше всего земли плохого качества; послѣдняя составляла 29% всей территоріи, средняя—35% и добрая почти 36%. Однако, по отдѣльнымъ повѣтамъ земля по качеству распредѣлялась различно. Добрая земля преобладала на Жмуди и въ Троцкомъ повѣтѣ; напротивъ, Виленскій—отличался малымъ количествомъ доброй земли и преобладаніемъ средней.

Наконецъ, интересны свѣдѣнія о занятыхъ и не занятыхъ земельныхъ участкахъ. Естественно ожидать, что плохая земля разбиралась крестьянами менѣе охотно, чѣмъ хорошая и средняя. Въ общемъ не заселенныя волоки составляли болѣе четверти всей территоріи добръ. По староствамъ незаселенная территорія распредѣлялась такимъ образомъ: въ Виленскомъ повѣтѣ не занято было около 20%, въ Троцкомъ—около 16% и на Жмуди 37,8% всей территоріи этихъ областей. Меньше всего оставалось не занято „добраго“ грунта и больше всего „подлаго“.

Оперируя настоящими данными, надо только помнить, что они даютъ территорію господарскихъ земель меньшую, чѣмъ она была въ дѣйствительности; причину этого надо видѣть не только въ пред-

полагаемой (даже и для этихъ трехъ повѣтовъ) неполнотѣ источника, но и въ томъ, что онъ не даетъ территоріи лѣсовъ и озеръ. Между тѣмъ староства, опущенныя нашими документами, составляли иногда значительную территорію, Такъ, напр., Гроденское староство занимало пространство въ 4249 волокъ [1]), Саражское—въ 655 волокъ [2]),

---

[1]) Относительно Гродненской державы мы можемъ сообщить и болѣе подробныя свѣдѣнія на основаніи краткаго инвентаря, хранящагося въ Варшавскомъ Архивѣ Казенной Палаты (отд. 56, кн. № 59, тоже на лл. 30 об.—31, въ кн. 14 В.). Онъ относится къ 1578 г.

Названіе дворовъ.	Количество въ нихъ волокъ.												
	Занятыхъ.			Вольныхъ отъ плату.			Не занятыхъ.			Недавно принятыхъ.			Оброчныхъ
	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	Вол.	Мор.	Пр.	
Гродно	323	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гродница . . .	263	34	$183\frac{1}{2}$	135		—	$33\frac{1}{6}$	28	—	$12\frac{1}{4}$	—	—	10
Вертилишки . .	$105\frac{1}{2}$	$683\frac{1}{2}$	—	5	—	—	$19\frac{1}{2}$	—	—	4	—	—	12
Озеры	$110\frac{1}{2}$	956	2359	10	—	—	26	—	—	$1\frac{1}{2}$	—	—	12
Салаты	$26\frac{7}{12}$	139	9	13	—	—	$38\frac{7}{12}$	111	5	—	—	—	3
Котра	235	$325\frac{1}{2}$	18	13	15	—	1	10	—	—	—	—	27
Скидель	$274\frac{1}{2}$	439	2	54	37	15	$23\frac{1}{2}$	14	—	—	—	—	24
Милковщина. .	$99\frac{2}{3}$	—	—	43	50	$52\frac{1}{2}$	$10\frac{3}{4}$	6	—	—	—	—	10
Мосты	156	—	—	32	130	15	$106\frac{9}{12}$	—	—	1	—	—	15
Лабно	$294\frac{11}{12}$	181	—	49	—	—	$55\frac{1}{4}$	34	—	1	—	—	24
Новый Дворъ .	371	418	6	19	—	—	$24\frac{5}{12}$	—	—	$1\frac{5}{6}$	—	—	30
Одельскъ . . .	298	138	2459	11	—	—	—	80	—	—	—	—	27
Кринки	$358\frac{1}{2}$	1000	3976	21	76	—	$97\frac{5}{12}$	82	—	$50\frac{11}{12}$	—	—	26
Кузница. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого. .	2915	4473	9012	405	308	82	436	365	5	72	—	—	220

Въ итогѣ мы принимаемъ волоку въ 30 морговъ.

[2]) По ревизіи Саража 1562 г. въ самомъ городѣ насчитано 171 волока (Писц. Кн. Гродненской экономіи, II, p. 452), и уличныхъ и рыночныхъ грунтовъ 4185 (p. 431), выгоновъ 31 вол. 1 моргъ (p. 437), огородныхъ морговъ 126/10 (p. 436); добавочныхъ къ волокамъ—137/21 мор. (p. 439) и сверхъ того еще въ одномъ

Брянское—въ 727 волокъ [1]), Пинское—въ 1352 волоки [2]), Клецкое—въ 706 волокъ [3]), Бобруйское—болѣе 1557 волокъ [4]).

Вышеприведенныя свѣдѣнія даютъ общее представленіе о размѣрахъ извѣстной части господарскихъ добръ. Этого, положимъ, вполнѣ достаточно для нашей ближайшей цѣли; подробное изслѣдованіе состава населенія господарскихъ и земскихъ добръ найдетъ мѣсто въ другой части нашего изслѣдованія. Теперь же, когда насъ интересуютъ господарскія добра преимущественно съ точки зрѣнія ихъ значенія, какъ источника государственныхъ средствъ, мы и обратимся къ этому послѣднему вопросу.

Въ этомъ отношеніи мы опять встрѣчаемся съ обычной неполнотой нашихъ данныхъ, желая выяснить размѣры различныхъ источниковъ дохода. Даже случайныхъ свѣдѣній о доходности державъ за разное время весьма немного, но и эти свѣдѣнія по своей отрывочности не могутъ представить интереса и, взятыя безъ отношенія къ раскладкѣ сборовъ среди населенія,—безполезны. Поэтому, мы ограничимся изложеніемъ свѣдѣній о доходности господарскихъ добръ на основаніи нашихъ списковъ, имѣя ввиду нѣкоторую неполноту данныхъ и возможную разновременность ихъ. Во всякомъ случаѣ, эти данныя представятъ намъ то, что получалъ скарбъ съ державъ.

обрубѣ 38 волокъ (р. 441). Сельскихъ волокъ насчитано 362 вол. 26 мор., застѣнковыхъ 681/27 мор. (р. 501), при млынахъ—101 моргъ (р. 504). Дроби и нѣкот. мелкія оброчныя земли опускаемъ.

[1]) Ревизія Брянскаго староства насчитываетъ 150 городскихъ волокъ (р. 356), городскихъ уличныхъ, рынковыхъ, огородныхъ и сѣножатныхъ прутовъ и морговъ ревизія показываетъ 336 мор. 6525 прут. (р. 389 слѣд.), въ сельскихъ волокахъ ревизія даетъ итоги по войтовствамъ (р. 358—411)—всего 647 вол. 1400 прутовъ. Мелкія цифры—пруты, дроби и нѣк. др. отбрасываемъ.

[2]) По писцовой книгѣ Ст. Хвальчевскаго (1552—1555 гг.) (Изд. Виленской Коммиссіи) въ обѣихъ половинахъ Пинскаго староства вымѣрено 1329 волокъ, 29 морговъ, 42 прута и 3746 городскихъ и чиншевыхъ прутовъ (174 и 269). Надо замѣтить, что эти данныя меньше тѣхъ, которыя получены при повторномъ измѣреніи староства Л. Войною, потому что въ книгѣ послѣдняго встрѣчается много замѣтокъ, показывающихъ увеличеніе количества грунта при повѣрочномъ измѣреніи.

[3]) Писц. Кн. Хвальчевскаго, р. 506—7: волокъ 698, прутовъ 2518.

[4]) По ревизіи 1639 г., но со включеніемъ розданныхъ (вѣроятно ок. 1569 г.) земянамъ земель. Выморгованныхъ сельскихъ волокъ насчитано 1198 волокъ, 17 морговъ, 10 прутовъ, 19 службъ, полевыхъ, сѣножатныхъ и застѣночныхъ морговъ 8975 морг. 25 прутовъ (Акты Вил., XXV, р. 322—3), городскихъ волокъ 100, морговъ 1421 и прутовъ 3733 (ib., р. 156—157).

Различіе между окладными доходами съ державъ и доходами, фактически съ нихъ поступавшими въ скарбъ, происходило вслѣдствіе разныхъ причинъ. Прежде всего на доходныхъ статьяхъ лежали иногда обязательныя статьи расхода, напр., на костелы, на „юргельтъ" должностнымъ лицамъ, проценты по залогамъ и пр. Иногда, наконецъ, держава могла быть заложена ad extenuationem, но только въ извѣстной части ежегоднаго дохода.

По условіямъ отдачи державъ въ аренду, какъ мы знаемъ, нѣкоторыя доходныя статьи могли быть присоединяемы къ державѣ, или выдѣляемы изъ нея. Въ скарбѣ, разумѣется, были и реестры окладныхъ доходовъ, но источникъ, на который мы ссылаемся,—несомнѣнно реестръ дѣйствительныхъ поступленій, а не окладныхъ.

На такое заключеніе даютъ право нѣкоторыя замѣчанія самого реестра. Иногда при державахъ прямо сказано, что цифра дохода составляетъ арендную плату, иногда показанъ крупный мѣстный расходъ съ державы. Съ Вешвянъ, напр., шло въ скарбъ всего 60 копъ 41 грошъ, но отсюда же получалъ жалованье писарь польный Стабровскій въ количествѣ 160 копъ грошей, съ Бержанъ получалъ жалованье маршалокъ земскій въ размѣрѣ 300 копъ грошей. На Могилевской волости лежала уплата 2200 копъ процентовъ по залогу, такъ что въ скарбъ фактически поступало всего 823 копы и пр. Эти указанія объясняютъ намъ разницу между окладами ревизій и данными нашего реестра. Напримѣръ, по ревизіи, изъ Гомельской волости (изъ города и волости) должно было бы поступать 446 копъ 7 гр. (въ томъ числѣ и доходы отъ корчмы, но кромѣ натуральнаго сбора житомъ и овсомъ), изъ которыхъ волость давала 304 копы грошей [1]); между тѣмъ, по одному списку нашего источника Гомель давалъ всего 125 копъ гр., а по другому—421 копу. Очевидно, первая цифра—остатокъ поступленій отъ старостинскаго „датка", жалованья [2]), и во второмъ можно предположить отдачу на откупъ отъ скарба какой либо доходной статьи (напр., мытъ), или же уменьшеніе дохода вслѣдствіе раздачи селъ. Намъ думается, что такимъ же образомъ надо объяснять себѣ и другіе факты различія оклада ревизій съ нашимъ спискомъ [3]). Ввиду всего сказаннаго, по-

---

[1]) Акты Вил. К., XIII, р. 377.

[2]) Размѣры этихъ „датковъ" см. на стр. 357.

[3]) Напр., по нашимъ даннымъ Саражъ даетъ 437 копъ гр., Брянскъ—675; по подсчету данныхъ ревизіи, первый даетъ отъ 574 копъ, второй—611 копъ. (Писцо-

лагаемъ, что нашъ источникъ показываетъ фактическое поступленіе въ скарбъ доходовъ съ державъ, а не окладныхъ (конечно, тотъ и другой могъ совпадать).

Теперь мы можемъ обратиться къ нашимъ даннымъ [1]). Въ примѣчаніяхъ мы приводимъ доходность каждой державы съ подраздѣ-

вая Книга Гродненской Экономіи, II, р. 396—431, л. 356—412). Ревизія Кременца показываетъ доходъ староства въ 444 копы (Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 110), а наши таблицы въ 733, вѣроятно, съ присоединеніемъ замковаго мыта, которое въ 60-хъ годахъ шло въ аренду особо.

Ревизія 1639 г. показываетъ доходъ Бобруйскаго староства въ 1776 копъ грошей (Акты Вил. Ком., XXV, р. 323),—нашъ источникъ всего около 400. Но это легко объясняется: доходъ 1639 г. вычисленъ на основаніи только что произведенной волочной помѣры. Кстати, эта разница показываетъ, какъ иногда увеличивался доходъ державъ по проведеніи помѣры сравнительно съ прежней доходностью. Бобруйское староство съ 50-хъ годовъ было въ рукахъ М. Радивилла, отъ державы котораго въ скарбъ, подъ разными предлогами, доходили ничтожныя крохи.

По одному разсчету скарба съ Кр. Радивилломъ видно, что Ковенское староство давало скарбу въ 1562 г. 887 копъ гр. (въ томъ числѣ доходъ отъ 300 бочекъ дякольнаго овса), Румшишки давали 350 копъ, Волпа—500 копъ, тогда какъ по нашимъ даннымъ съ тѣхъ же державъ шло—724 копы, 456 копъ и 610 копъ. (Волпа съ Дубномъ). (Кн. Зап. Лит., LI, л. 207 об.).

[1]) ТАБЛИЦЫ ДОХОДНОСТИ ДЕРЖАВЪ.

а) Виленскій повѣтъ.

Названія державъ.	Доходы. Коп.	Доходы. Гр.	Годъ.
Браславль съ неводничествомъ	514	45	
Больники	212	—	
Довгялишки	351	18	1555
Девенишки и Лотевская волость	563	40	
Айна	91	9	1560
Керновъ	78	16	1582
Мойшагола	106	3	1569
Крево и Вишнево	231	58	
Геранонны }			
Липнишки }	130	—	-
Ширвента }			
Кнышынъ	970	40	
Красное Село	120	—	
Лида	94	11	
Лингмяны	93	40	1547
Марково }	384	45	
Мядель }			
Медники и Дисны	254	33	
Нѣменчина	65	41¾	
Обеле	321	19	1567
Оникшты	729	28	1571
Опса	220	—	
Ошмяна	100	—	ар.
Пеняны }			
Купишки }	400		
Ушпола }			
Радошковичи	340	—	1576
Раконтишки	55	—	
Ремезовъ	69	—	
Рѣчки и дворъ Губы	124	—	1568
Свинтяны	70	6	
Трокели	117	40	
Трабы	299	40	
Утяна	878	40	1562
Вилькомиръ	227	39	1565
Индура	468	32	
Виршупы	10	5	
Гарановскій дворъ	5	—	
Куренецъ и войтовство Кортиковское	160	—	1567
Чермачичи	18		1569

леніемъ ихъ на повѣты; волости русскія и подляшскія и волынскія имѣнія королевы Боны мы выдѣлимъ въ особую группу, (остальныя ея имѣнія вошли въ таблицу повѣтовъ), равнымъ образомъ лѣсничества и неводничества. Гдѣ были свѣдѣнія о томъ, сдаетсяли держава въ аренду, это отмѣчено въ особой графѣ. Равнымъ образомъ отмѣчены въ той же графѣ и годы отдачи въ залоги державъ; послѣднее указаніе имѣетъ значеніе: такъ какъ нашъ источникъ составленъ въ позднѣйшее время, то годъ залога исключительно указываетъ на сумму дохода около этого именно времени. Доходъ изъ русскихъ волостей надо признать наиболѣе неустойчивымъ потому, что скарбъ рѣдко получалъ оттуда окладныя суммы, такъ какъ значительная

b) Троцкій повѣтъ.

Названія державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.	
Берестье	3000	—	
Василишки	81	$48\frac{1}{2}$	
Волковыскъ	377	6	1565-7
Васильковъ городъ и волость	240	42	1)
Волпа и Дубно	610	—	
Висцимеръ	251	20	1572
Бирштаны съ лѣсничествомъ	950	48	
Волкиники	208	4	
Дорсунишки	251	45	1560
Дорогичинъ	270	44	
Жижморы	232	39	1572
Здитовъ	250	—	1560
Жосли	265	30	1572
Забѣлье и Августовъ	801	17	2)
Ковно съ лѣсничествомъ	724	46	
Каменецъ	291	23	1568
Кормялово	350	—	1565
Лепуны	88	37	
Лосичи	677	—	
Конево и Дубичи	120	—	
Мстибоговъ	1661	47	1562
Метеле съ неводничествомъ	320	--	

Названія державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.	
Меречь	1112	—	
Мельникъ	1023	16	
Лоздеи	630	50	
Межирѣчье	248	28	
Немонойти	454	34	
Олита съ лѣсничествомъ и Вороново	1510	7	
Онишки	147	26	1579
Острина	335	40	1579
Ожа	381	57	
Переломъ	776	54	
Перстуны	160	—	
Перевалка и Довги	343	—	3)
Радунь	229	17	1567
Румшишки	456	20	
Слонимъ	652	58	
Сейвы	507	20	
Семно	233	39	1562
Стоклишки	208	28	
Тыкотинъ	941	12	4)
Троцкое городничество съ капщизною въ Сомилишкахъ	300	—	1565
Fisziski (?)	280	2	1581 5)

1) Отсюда выдается виленскимъ коморникамъ 31 копа.

2) Кромѣ пашни на 12 волокъ.

3) Однако, Перевалка съ Ротницею ходила въ 343 копы, 58 гр.

4) Кромѣ четырехъ фольварковъ величиною въ 27 волокъ.

5) Это названіе для насъ совершенно не понятно; вѣроятно испорчено въ передачѣ. Кажется, это Тейкины.

часть дохода отдавалась державцамъ же на содержанiе крѣпости и гарнизона или же воеводамъ въ качествѣ жалованья (напр., дань

c) Жмудская земля.

Названiя державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.	
Бержаны	187	51	1567 [1]
Бержняны	301	$7\frac{1}{2}$	[2]
Бойсагола и Велена	768	42	
Ботоки	262	—	1563
Вешвяны	220	41	[4]
Вилькея	535	14	1567 [3]
Ворейковское войтовство	174	11	1566
Гондинга	939	3	
Гинтилишки	925	14	
Горжды	195	28	
Дирвяны М. и Б.	240	—	ар.
Грушти	1617	24	
Кеймяны	192	36	1564
Коршево	105	$14\frac{1}{2}$	
Первольское и Помуское войтовства	272	55	1567
Плотели	862	2	1578
Полонга	463	50	
Поневѣжъ и Шадово	826	54	1567
Поссирвенты	803	59	1567
Покюрье	652	8	
Пуня съ лѣсничествомъ	292	30	
Ретово	339	—	ар.
Скерстомонинъ	98	28	
Ойрагола	392	27	
Твери	108	—	
Тельши	1136	6	
Ужвента	159	$7\frac{1}{2}$	
Упита	1831	48	1584
Шавли	8583	26	
Шовды	114	—	
Юрборкъ и Новая Воля	758	55	1560
Ясвойна	481	18	1571

d) Подляшскiя и волынскiя имѣнiя королевы Боны.

Названiя державъ.	Коп.	Гр.	Годъ.
Анторкъ	96	$36\frac{1}{2}$	
Брянскъ	675	53	
Пинскъ	1414	34	[6]
Кобринъ и Побучинъ	2896	—	
Берзинки	135	24	1572
Блуденъ	572	34	
Райгородъ и Ганязь	600	—	[7]
Новый Дворъ Свѣнтицкаго	122	55	1568
Бѣльскъ, Нарва и Клещели	2729	48	[8]
Шерешовъ	453	52	1576
Суражъ	437	4	[9]
Кременецъ	733	50	[10]
Ковель	1500	—	

[1]) Бержаны были въ залогѣ, но часть ихъ оставалась въ распоряженiи скарба и сдавалась въ аренду.

[2]) Въ скарбъ доходило всего 1 копа 7 гр., потому что 300 копъ шло на жалованье маршалку.

[3]) Вилькея, подобно Бержанамъ, частью находилась въ распоряженiи скарба, частью была въ залогѣ.

[4]) Изъ нихъ 160 уходило на жалованье писарю польному.

[5]) Кромѣ пашни на 40 волокъ.

[6]) Вядская волость этого староства приносила въ 1565 г. 153 коп. 33 гроша.

[7]) Помѣщаемъ здѣсь и эти два подляшскiя имѣнiя, находившiяся почти всегда въ семьѣ Ягеллоновъ.

[8]) Кромѣ 3 фольварковъ на 60 волокъ.

[9]) Кромѣ 24 волокъ пашни.

[10]) Кромѣ двухъ фольварковъ.

медовая Мозырская шла большею частью на воеводу Кіевскаго). Для большинства русскихъ волостей у насъ имѣются цифры до-

Названія державъ.	Доходы.		Годъ.	Названія державъ.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.			Коп.	Гр.	
Городенскіе дворы:				Красникъ	327	13	
				Квасовка	389	—	
				Кузница	254	—	
Городно гор. съ капщизной	294	27		Одельскъ	243	12	
Городница	272	28		Лабно	236	26	
Котра	233	7		Новый Дворъ . .	495	30	
Милковщизна . .	84	46		Вертилишки . . .	239	—	
Мосты	196	1		Озеры и Салаты .	390	41	
Кринки	344	9		Скидель	471	28	

e) Русскія волости.

Названіе волостей.	Доходъ около 1566 г.		Доходъ др. годовъ.		Годъ.
	Копъ.	Гр.	Копъ.	Гр.	
Бобруйскъ	402	41½	396	—	1562
Борисовъ	700	—	—	—	
Любечь	357	53½	—	—	
Любошаны	373	18	673	40	1560
Грезская вол.	37	20	—	—	
Глускъ	681	10	—	—	
Быховъ	112	29	—	—	
Кричевъ	122	32½	337	22	1580
Рѣчица	100	—	462	6	1571
Гомель.	125	33	421	21	
Мозырь	424	20½	89	19	
Мстиславль и Радомль	573	—	483	—	
Чичерскъ и Пропойскъ . . .	—	—	563	54	
Рогачевъ	—	—	360	—	
Могилевъ городъ	—	—	213	—	1582
„ волость	—	—	1055	48	1579

f) Лѣсничества и неводничества.

Названія.	Доходы.		Годъ.	Названія.	Доходы.		Годъ.
	Коп.	Гр.			Коп.	Гр.	
Бѣльское л. . . .	653	—		Перстунское л. . .	241	41	
Тыкотинское л.. .	57	23		Езерское л. . . .	64	3	
Кнышинское л. . .	30	—		Салатское л. . . .	64	3	
Переломское л. и н.	236	35	1579	Немонойтское л. .	68	9	
Завилейское н.. .	31	42		Бѣловѣжское л. .	112	—	
				Мстибоговское л. .	2	—	
Коневское и Дубицкое л.	35	35		Кринское л. . . .	468	12	
Лоздейское и Семенское л, . . .	80	11					

ходовъ, относящихся къ періоду около 1566 г. (они находятся въ одной таблицѣ съ реестромъ волокъ), а для нѣкоторыхъ волостей еще доходъ въ годъ отдачи ихъ въ залогъ, доживотье; между обоими рядами цифръ есть разница, объясняемая именно тѣмъ, что въ первомъ случаѣ записанъ доходъ, фактически шедшій въ скарбъ (кромѣ Мозыря, цифра котораго въ 89 копъ грош. не ясна [1]).

Въ заключеніе къ настоящимъ таблицамъ надо прибавить слѣд. замѣчаніе. Доходъ почти вездѣ показанъ съ державъ или староствъ, т. е. съ извѣстнаго рода административныхъ единицъ. Однако, въ 60-хъ годахъ, когда замѣны и залоги добръ усилились, иногда изъ державъ выдѣлялись отдѣльныя войтовства и дворы для залога или замѣны, доживотья. Разумѣется, вслѣдствіе этого уменьшался доходъ державы, и скарбъ, отдѣльно для каждаго выдѣляемаго двора, войтовства, подсчитывалъ въ своихъ реестрахъ доходъ. Отсюда въ скарбовыхъ реестрахъ велся счетъ дохода съ державы и счетъ дохода съ части ея, почему либо выдѣленной. Наши источники не даютъ никакихъ основаній для опредѣленія того, посчитаны ли въ такихъ случаяхъ доходы съ державъ со включеніемъ въ нихъ выдѣленныхъ частей ихъ и показаннаго съ нихъ тутъ же дохода, или нѣтъ. Мы собрали въ таблицахъ и тѣ и другія данныя и показываемъ ихъ въ общемъ итогѣ, имѣя основаніе полагать, что доходы съ державъ показаны отдѣльно отъ выдѣленныхъ изъ нихъ частей: каждый такой выдѣленный отрѣзокъ превращался въ самостоятельную административно-хозяйственную единицу; такихъ единицъ въ нашихъ спискахъ всего около 10 (сравнительно со списками державъ 50-хъ гг.) съ доходомъ, немного болѣе 1000 копъ гр. (напр., дворъ Губы, Куренецъ, Чермачичи и др.).

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ отдачи русскихъ державъ съ вычетомъ извѣстной части, или съ передачей державцѣ всѣхъ доходовъ за содержаніе гарнизона и крѣпости.

Рѣчица въ 1532 г. отдана кн. А. Вишневецкому съ даткомъ изъ доходовъ въ 200 копъ гр. (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VII, л. 4).

Свислочь въ 1541 г. отдана кн. Жеславскому съ 100 копами гр. (при его предшественникѣ А. Немировичѣ весь доходъ уходилъ на замокъ). (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 102—103 об.

Кричевъ въ 1560 г. отданъ А. Шолухѣ съ 300 копами гр. (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 436 об.).

Мстиславль въ 1560 г. – кн. И. В. Соломирецкому съ 200 копами гр. (ibidem, л. 233 об.).

Гомель—М. Варковскому отданъ въ 1568 г. со всѣми доходами. (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 152).

Рѣчица въ 1565 г. отдана ему же и на тѣхъ же условіяхъ. (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 79 об.).

Любечь отданъ въ 1562 г. на тѣхъ же условіяхъ П. Сопегѣ. (Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 52).

„Зъ ласки“ господарской иногда отдавались державцамъ со всѣми доходами, или съ частью ихъ и державы центра (напр., Кн. Зап. Лит., LI, л. 311 об.; XLVII, л. 1—2).

Доходы съ господарскихъ державъ, распредѣленные на принятыя нами географическія группы, дадутъ слѣдующіе общіе итоги:

	копъ	грошей
Виленскій повѣтъ	8876	$48^3/_4$
Троцкій „	22899	$34^1/_2$
Жмудская земля	24841	38
Подляхія и Волынь	16834	$58^1/_2$
Русскія волости	6203	11 (7279 к. 37 г.)
Лѣсничества	2080	29

Такимъ образомъ общій доходъ господарскаго скарба отъ державъ выражался въ суммѣ 81736 копъ 40 гр. и даже болѣе 81000 копъ грошей.

Но это не весь годичный доходъ за послѣднее десятилѣтіе правленія Сигизмунда Августа. Къ нему слѣдовало бы добавить еще доходы отъ ливонскихъ державъ. Однако, нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія этого дохода. Вѣроятно, фактически, государство въ военное время, особенно послѣ взятія Москвою Полоцка, ничего не получало въ скарбъ отъ ливонскихъ староствъ. Но присоединеніе обширной и густо населенной территоріи передавало въ распоряженіе скарба весьма обильный источникъ доходовъ. Въ самомъ дѣлѣ только 24 ливонскихъ старостве (изъ 36) въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія приносило скарбу 58045 злот. польскихъ [1].

[1]) Приводимъ реестръ доходовъ съ Ливонскихъ старостве, составленный въ 1590 г. (на основаніи только что произведенной ревизіи).

Староства.	Доходъ злотыхъ	Доходъ грошей
Рига (очевидно фольварокъ)	10	18
Рижскій портъ	1200	—
Рига—городъ	1000	—
Динемонтъ	483	13
Жегволтъ	1546	17
Кремона	1254	—
Трейденъ	1584	24
Руинъ	1209	4
Таурусъ	2758	—
Adzel	1577	$28^1/_2$
Смельтынъ	705	$25^1/_2$
Румборгъ	1239	$18^1/_2$

Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы придавать добытымъ нами статистическимъ даннымъ значенiе абсолютно достовѣрныхъ или неизмѣнныхъ для болѣе или менѣе продолжительнаго перiода. Но все-же они имѣютъ для насъ большую цѣну, какъ единственное свидѣтельство о доходности господарскихъ добръ, все же они освѣтятъ намъ значенiе государственныхъ имуществъ въ бюджетѣ страны. Будемъ только помнить, что мы имѣемъ minimum того, что давали добра.

Наши данныя освѣщаютъ намъ и относительное положенiе отдѣльныхъ областей, какъ источниковъ дохода. Самыми малодоходными являются русскiя волости, на которыхъ лежала тяжелая обязанность отстаивать восточную границу. Виленскiй повѣтъ играетъ тоже второстепенную роль, и это вполнѣ понятно: это—центральныя державы государства, почему раздача земель здѣсь искони производилась въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Небольшое число подляшскихъ имѣнiй, побывавшихъ въ рукахъ Боны, давали внушительныя цифры дохода. Но самою доходною оказывается Жмудская земля. Размѣры отдѣльныхъ державъ чрезвычайно разнообразны, начиная отъ десятка—двухъ копъ грошей и доходя до восьми съ лишнимъ тысячъ (какъ Шавли) Въ Виленскомъ повѣтѣ самыми крупными державами являются: Кнышинъ, Утяна, Ониканты, но изъ нихъ только первый приближается къ тысячѣ копамъ доходу.

Староства	Доходъ злотыхъ	Доходъ грошей
Кесь	1153	19
Лемзель	1562	4
Иберполь	4333	25
Лаиса	3828	7
Дерптъ	23762	5
Искуль	912	18
Новый Млынъ	651	21
Кирхгольмъ	35	29
Гельметъ	963	11
Hermesz	2318	10$^{1}/_{2}$
Питава	1204	25
Лемборгъ	533	15
Дербинъ	827	3
Skuin	593	3
Orele	730	15
Итого	58044	59

Не получено свѣдѣнiй о доходахъ Марiенбурга, Kiеrереcz, Swanemborg, Рѣжицы, Пернавы, Кокенгузена, Феллина, Новгородка, Аскерата, Динабурга, Seswicy, Santzel, и изъ портовъ Пернавскаго, Динабургскаго, Кокенгузенскаго и Дерптскаго.

Въ Троцкомъ повѣтѣ первенствующее положеніе занимали Берестье, Мстибоговъ, Мельникъ, Меречь, Олита, Тыкотинъ: на Жмуди—Шавли, Упита, Грушти, Гинтилишки и др. Изъ русскихъ волостей самою доходною была Могилевская волость, затѣмъ Борисовъ, Мстиславль съ Радомлемъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши данныя освѣщаютъ и раіонъ государственныхъ имуществъ, доходы съ которыхъ поступали въ господарскій скарбъ. Такъ, на южной окраинѣ, при громадномъ пространствѣ незанятыхъ земель, въ скарбъ ничего не поступало. Волынь, ранѣе столь богатая господарскими землями, при Сигизмундѣ Августѣ приносила доходъ только съ Кременца и Ковеля, но эти староства были въ рукахъ Боны, а Ковель переданъ этимъже королемъ кн. А. Курбскому на ленномъ правѣ. Въ Полоцкой и Витебской земляхъ тоже не было скарбовыхъ имѣній.

Въ заключеніе напомнимъ, что господарскія добра рѣдко бывали въ полномъ своемъ составѣ въ распоряженіи скарба, такъ какъ скарбъ въ рѣдкіе періоды не зналъ долговъ на державахъ, и кромѣ того часть добръ находилась въ доживотномъ владѣніи. Но объ этомъ намъ еще придется говорить въ своемъ мѣстѣ.

—

Познакомившись съ историческимъ происхожденіемъ и хозяйственнымъ значеніемъ государственныхъ имуществъ въ Литовско-русскомъ государствѣ, мы можемъ подвести общіе итоги сказанному, хотя въ отдѣльныхъ параграфахъ настоящей главы уже были изложены выводы по частнымъ отдѣламъ вопроса.

Первое, что вскрывается въ вопросѣ о назначеніи государственныхъ имуществъ—то, что всѣ виды ихъ служатъ государственнымъ цѣлямъ, хотя имѣютъ неодинаковое правовое обоснованіе и историческое происхожденіе; періодъ, когда существовали личныя великокняжескія имѣнія, и не дологъ, и не измѣняетъ существа дѣла, такъ какъ доходы отъ нихъ поступали въ господарскій скарбъ. Въ основѣ государственныхъ имуществъ лежитъ вотчина древнѣйшихъ литовскихъ князей; въ ней, наряду съ родовыми добрами, есть и завоеванныя и пришедшія путями, имѣющими свойство государственныхъ. Но уже въ древнѣйшій періодъ намѣчается идея, вслѣдствіе которой извѣстная категорія имуществъ выходитъ изъ понятія государственной вотчины; эта идея зарождается въ областномъ правѣ и въ процессѣ образованія государства. Первая попытка юридическаго разграниченія вотчины и государства относится къ концу XV в. Это—первая попытка объ-

единенія областныхъ правъ въ общегосударственномъ и важный шагъ въ выдѣленіи государства изъ вотчины. Дальнѣйшее развитіе государственности заключается въ крѣпнущемъ сознаніи „земскаго“ назначенія государственныхъ имуществъ. Это послѣднее отлилось въ форму „столовыхъ“ имѣній, т. е. должностного лена господаря великаго князя, урядовыхъ леновъ и земскихъ имѣній. Такимъ образомъ эти виды имуществъ фактически и юридически получили государственное назначеніе. Появленіе личныхъ королевскихъ имѣній не измѣнило фактическаго положенія вещей, хотя имѣло косвенное вліяніе на выработку правовой стороны вопроса.

Такъ на исторіи государственныхъ имуществъ можно прослѣдить фазисы объединенія государства и образованія государственныхъ началъ.

Одну сторону того же процесса легко прослѣдить и на развитіи повинностныхъ отношеній въ господарскихъ дóбрахъ. Господарская вотчина обростаетъ дóбрами въ разныхъ областяхъ. Результатъ такого сложенія—разнообразіе нормъ обычнаго права и повинностныхъ отношеній. Въ общемъ повинностныя отношенія носятъ характеръ вотчинныхъ, и государственный характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ проявляется слабо (въ послѣдующемъ изложеніи будутъ указаны признаки ихъ). Въ этомъ разнообразіи есть, однако, объединяющая идея тягла по землѣ. Эта идея, пронизывающая весь изстаринный строй, не можетъ вполнѣ служить эквивалентомъ господствующей рудиментарности способовъ обложенія и, какъ остатокъ областной жизни, уступаетъ мѣсто объединяющему государственному началу.

XVI в. въ исторіи Литовско-русскаго государства представляетъ собою поворотный пунктъ въ сферѣ соціально-экономическихъ отношеній. Этотъ процессъ многоразличными способами переплетается съ областью чисто финансовыхъ отношеній, отливаясь въ нихъ, вліяя на нихъ и, въ свою очередь, воспринимая въ себя черты этихъ послѣднихъ. Въ государственномъ организмѣ происходитъ процессъ интеграціи, и областная обособленность уступаетъ мѣсто принципу государственнаго единенія, на ряду съ чѣмъ отливается и общегосударственный соціальный строй; и въ господарскомъ хозяйствѣ изслѣдователь наблюдаетъ процессъ нивеллировки повинностныхъ отношеній. Съ земли тягло переходитъ на лицо, и лицо является прикрѣпленнымъ къ извѣстной суммѣ повинностныхъ обязанностей (въ изучаемое время процессъ этотъ уже вполнѣ обозначился). Въ сферѣ экономическихъ отношеній эта эпоха характеризуется измѣненіемъ въ направле-

ніи торгово-промышленной дѣятельности, — что вызываетъ перемѣну въ строѣ хозяйства,—и ростомъ денежнаго капитала. Скарбъ приспособляетъ свою хозяйственную дѣятельность въ этомъ направленіи. Въ двухъ хозяйственныхъ очагахъ—восточныхъ волостяхъ и западныхъ дворахъ—скарбъ держится различнаго съ внѣшней стороны курса, но ведущаго къ одной и той же цѣли. На востокѣ онъ стремится использовать пріемы стараго хозяйства, приноровить ихъ къ новымъ взглядамъ и понятіямъ финансоваго хозяйства; на западѣ онъ опирается на заносной нѣмецкой формѣ хозяйства. Она прочно прилаживается къ жизни, хотя и вростаетъ въ нее органически. Даже на востокѣ сказывается вліяніе нѣмецкаго права въ видѣ суррогата его—городскихъ привилеевъ 60-хъ годовъ. Развитіе нѣмецкаго права идетъ рядомъ съ выдѣленіемъ города изъ волости, что является однимъ изъ звеньевъ общей экономической эволюціи.

Волочная устава дала скарбу то, чего не могла ему дать старая хозяйственная система: эластичность податной единицы, простоту и точную опредѣленность распредѣленія тягла и широкія средства для контроля. Волочная устава является для своего времени замѣчательнымъ памятникомъ хозяйственной дѣятельности скарба. При своемъ возникновеніи она имѣла цѣлью не однѣ узко-фискальныя цѣли, но проводники ея руководствовались и чувствомъ гуманности къ податнымъ классамъ. Въ послѣднемъ проскальзываетъ, однако, одна фальшивая нота—стремленіе къ опекѣ надъ подданнымъ. Тѣмъ не менѣе устава является однимъ изъ звеньевъ цѣлой цѣпи реформъ, предпринятыхъ правительствомъ въ господарскомъ хозяйствѣ и коснувшихся государственнаго.

Устава имѣла большое значеніе и въ дѣлѣ управленія господарскими дóбрами. Скарбъ поставилъ управленіе подъ свой непосредственный контроль. Смѣшеніе вотчиннаго элемента съ государственнымъ было устранено, и державца превратился въ вотчиннаго приказчика, окончательно отдѣлившись отъ земства. Устава ставитъ скарбу ясную задачу непосредственнаго управленія дóбрами, широкой предпринимательской дѣятельности, заведенія фермъ и пр. [1]).

Такимъ образомъ, старинное натуральное хозяйство постепенно замѣняется болѣе высшими и приближается къ переходу на денежное.

---

[1]) Ср. въ этомъ отношеніи цѣнныя замѣчанія Рошера, Наука о нар. хоз., пер. Щепкина и Циммермана, М. 1869 г., р 187.

ГЛАВА IV.

Налоги на потребленіе.

Въ настоящей главѣ намъ надлежитъ разсмотрѣть рядъ явленій финансовой исторіи Литовско-русскаго государства, различныхъ въ теоретической основѣ своей, но тѣсно связанныхъ по своему историческому происхожденію и развитію. Общая основа подлежащихъ теперь нашему изученію явленій заключается въ томъ, что большинство косвенныхъ налоговъ можетъ быть возведено къ сущности домепіальнаго права. Въ этомъ правѣ находятъ себѣ объясненіе многіе сборы. Раздача мытъ, ярмарокъ, торговъ, пропинаціи постепенно становится достояніемъ великокняжеской власти, и если эти сборы переходятъ къ частному лицу, то въ качествѣ привилегій. Въ періодъ сложенія государства вотчинная власть находится въ рукахъ удѣльнаго князя; не всегда функціи ея можно отличить отъ государственныхъ. Съ разложеніемъ удѣловъ нѣкоторыя прерогативы власти этой категоріи вотчинниковъ дѣлаются достояніемъ государства потому, что по существу своему онѣ именно свойственны верховной власти (регаліи, мыта), какъ охранительницѣ интересовъ всего общества. Но власть землевладѣльца-вотчинника понималась очень широко и неопредѣленно, что всегда давало полную возможность развивать вотчинныя права. Вотъ почему развитіе послѣднихъ не прекратилось съ пониженіемъ удѣльно-княжеской власти; взамѣнъ немногихъ вотчинниковъ-князей рѣзко повышается землевладѣльческое право цѣлаго шляхетскаго сословія и понижается соціальное положеніе мѣщанства и крестьянства. Помѣщикъ становится обладателемъ вотчинной власти надъ поддаными своего имѣнія. Но эта власть уже, мелочнѣе и на-

зойливѣе власти князя-вотчинника. Они охватываетъ жизнь поддáнаго во всѣхъ тѣхъ ея проявленіяхъ, гдѣ она не соприкасается съ государствомъ. Въ компетенцію этой вотчинной власти новой формаціи входятъ судъ и вотчинныя подати и повинности. Помѣщикъ изощряетъ свой умъ для извлеченія бóльшихъ доходовъ изъ поддáнаго. Отсюда растутъ между прочимъ монополіи [1]). Государство идетъ на ряду съ помѣщикомъ въ своихъ распоряженіяхъ въ обширной области господарскихъ добръ. Оттого мы видимъ развитіе новыхъ источниковъ дохода, особенно въ формѣ монополій, къ концу изучаемаго періода. Монополіи и сборы вотчиннаго происхожденія переплетаются съ монополіями государственнаго характера. Обстоятельства заставляютъ государство развивать свою финансовую дѣятельность. Государственныя потребности увеличиваются къ началу 60-хъ гг. въ силу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, между тѣмъ какъ великокняжеская власть въ предшествующій періодъ разсыпала многіе изъ мелкихъ доходовъ и правъ; теперь она ихъ подбираетъ.

Но вотчинные доходы обращаются подъ вліяніемъ нужды въ средствахъ, вызванной Ливонской войной, на государственныя цѣли и вызываютъ общегосударственные налоги. Такъ, вотчинныя монополіи даютъ акцизъ, мыто—исконный источникъ господарскаго скарба, обростаетъ пошлинами, устанавливаемыми съ общегосударственными цѣлями. Такимъ образомъ ясна историческая основа и преемственная связь подлежащихъ нашему изученію финансовыхъ явленій, но не менѣе ясно и теоретическое ихъ различіе, такъ какъ вотчинные налоги приходится разсматривать на ряду съ государственными. Но въ изложеніи генетическая связь должна быть предпочтена теоретическому различію.

Надо при этомъ сдѣлать еще одно предварительное поясненіе. Намъ придется разсматривать косвенные налоги на ряду съ монополіями; но раздѣлять оба вида сборовъ при изложеніи исторіи ихъ не удобно не только въ виду ихъ генезиса въ финансовомъ строѣ государства, но и потому еще, что монополіи вполнѣ основательно признаются финансовой наукой только особымъ способомъ взиманія налоговъ на потребленіе [2]). Ввиду той же генетической связи въ этотъ

---

[1]) Ср. М. М. Ковалевскій, Происхожденіе современной демократіи, М. 1876, I, p. 94 сл., ср. Clamageran, Histoire de l'impôt, I, p. 210.

[2]) Эгебергъ, Очеркъ финансовой науки (пер. Свирщевскаго), p. 172.

отдѣлъ долженъ быть отнесенъ и прямой промысловый налогъ—капщизна.

1. Тенденціи конца изучаемаго періода

Исторія косвенныхъ налоговъ въ Литовско-русскомъ государствѣ легко можетъ убѣдить въ томъ, что налоги на потребленіе проявляютъ къ половинѣ XVI в. весьма опредѣленную тенденцію къ возрастанію въ количественномъ отношеніи и къ разнообразію способовъ обложенія. Эту тенденцію легко прослѣдить на исторіи старыхъ налоговъ и подтвердить самымъ фактомъ появленія новыхъ налоговъ въ 50-хъ годахъ XVI ст. Обращаясь къ уясненію причинъ такого явленія, надо прежде всего имѣть ввиду могущественный факторъ этого періода—Ливонскую войну; въ самомъ дѣлѣ, по признанію самихъ актовъ, именно ей обязаны нѣкоторые налоги своимъ возникновеніемъ. Но въ то же время не трудно вывести наблюденіе, что ростъ государственныхъ потребностей не былъ вызванъ исключительно этой экстраординарной причиной: обороной южныхъ границъ правительство занялось еще до войны, да и сверхъ того удовлетвореніе государственныхъ потребностей получило иное направленіе, вслѣдствіе развитія денежнаго хозяйства. Государство не могло довольствоваться поземельными налогами и доходами съ государственныхъ имуществъ. Измѣненія въ направленіи экономическаго строя страны открывали новые источники доходовъ. Новое направленіе въ экономической жизни страны заключалось въ ростѣ торговаго капитала и вообще въ оживленіи торгово-промышленной дѣятельности. Естественно поэтому, что налоги на ввозимые и вывозимые товары и, вообще, на предметы потребленія начинаютъ играть видную роль въ бюджетѣ скарба. Финансовая исторія представляетъ рядъ доказательствъ того, что съ развитіемъ торгово-промышленной дѣятельности страны косвенное обложеніе начинаетъ пріобрѣтать важное значеніе въ бюджетѣ и постепенно занимаетъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ прямое [1]). Родбертусъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о національной экономіи клас-

---

[1]) Сошлемся, напр., на приложенную Кламажераномъ таблицу послѣдовательнаго роста косвенныхъ податей во Франціи (Histoire de l'impôt, Paris, I, p. XXIV). Этимъ и объясняется значеніе податей съ городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, такъ какъ въ городахъ сосредоточивалась торгово-промышленная дѣятельность. Ср. Ad. Wagner, Finanzwissenschaft, III, 55.

сической древности вывелъ въ этомъ отношеніи заключенія, которыя могутъ быть признаны общимъ закономъ финансоваго развитія государствъ.

Изъ изложеннаго видно, что ростъ косвенныхъ налоговъ не долженъ быть всецѣло объясняемъ такимъ внѣшнимъ факторомъ, какъ Ливонская война. Высказанное положеніе оправдывается и самимъ ходомъ развитія податей. Нѣкоторые новые способы обложенія возникаютъ въ 1558—1559 гг., а первыя повышенія таможенныхъ ставокъ относятся еще ко времени Сигизмунда I. Первое обстоятельство совпадаетъ съ изданіемъ волочной уставы и, конечно, не представляетъ случайности: финансисты времени Сигизмунда-Августа, такъ усердно, какъ мы видѣли, разыскивавшіе, новые источники прямыхъ налоговъ, не могли упустить изъ виду и разныхъ формъ обложенія потребленія. Такъ это и было въ дѣйствительности. Легко видѣть, что государство, независимо отъ появленія новыхъ формъ обложенія, замѣтило возникновеніе новыхъ объектовъ обложенія и стремилось къ привлеченію ихъ къ платежу налоговъ. Мы сейчасъ постараемся показать развитіе этихъ тенденцій на обзорѣ тѣхъ попытокъ, которыя были сдѣланы скарбомъ для установленія извѣстнаго контроля надъ торговою дѣятельностью. Такой обзоръ для насъ имѣетъ двоякую цѣль: онъ подтвердитъ сказанное о тенденціяхъ скарба и притомъ на такихъ фактахъ, которые не имѣютъ тѣсной связи съ исторіею налоговъ, а затѣмъ познакомитъ насъ съ создаваемыми скарбомъ условіями внутренней торговли, что̀ небезполезно имѣть ввиду при изученіи торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ торговой политики, предупреждая однако, что этотъ вопросъ имѣетъ для насъ слишкомъ общее значеніе и потому можетъ быть разсмотрѣнъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Древнѣйшія данныя позволяютъ отмѣтить двѣ стороны торговой политики государства. Въ однихъ случаяхъ оно регулируетъ торговыя отношенія или въ цѣляхъ политическихъ, или въ цѣляхъ общественнаго благоустройства. Мы имѣемъ ввиду факты, когда политическія отношенія побуждали правительственную власть употребить свою силу для оказанія поддержки своимъ подданнымъ въ иностранной торговлѣ [1]). Съ другой стороны мы имѣемъ ввиду факты, когда

---

[1]) Напримѣръ Codex epistolaris Vitoldi, № 390 и 391.

правительство употребляетъ свою власть для регулированія торговыхъ сдѣлокъ, напримѣръ, наблюденія за правильностью мѣръ, вѣсовъ и т. п. Очевидно, тѣ же цѣли имѣются ввиду при контролѣ доброкачественности важнѣйшихъ продуктовъ торговли. Такому наблюденію съ очень ранняго времени подвергалась, напримѣръ, торговля воскомъ; соотвѣтственное постановленіе мы встрѣчаемъ уже въ уставныхъ грамотахъ [1]). Нормировка воска, выработанная торговыми обычаями древнѣйшаго времени, составляетъ предметъ правительственныхъ заботъ и въ послѣдующее время [2]).

Однако, указанныя стороны торговой политики, имѣвшія ввиду цѣли благоустройства, не получили широкаго развитія. Другія стороны той же политики сосредоточивались исключительно на фискальныхъ цѣляхъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего надо отмѣтить рядъ привилегій крупнымъ городамъ. Привилегіи эти заключались или въ запрещеніи розничной торговли вообще всѣмъ иногороднимъ купцамъ, или въ особенности иностранцамъ. Такія привилегіи имѣли почти всѣ крупные города, напримѣръ: Вильно, Ковно, Полоцкъ, Витебскъ, Луцкъ, Ногородокъ и нѣкоторые др., а иногда и мелкіе города, напримѣръ, Лосичи и др. [3]). Вообще, уже съ очень ранняго времени устанавливается взглядъ, что иностранные купцы могутъ

---

[1]) Ясинскій, p. 122.

[2]) Кн. Зап. Лит., л. 79–81 (1566 г.).

[3]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, p. 14, 24; Собраніе грамотъ гор. Вильны, т. I p. 22, 61; Акты Виленской Ком., т. X, p. 464; Акты З. Р, т. II, p, 77, 91, т. IV, p. 169; Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 85; Кн. Зап. Лит, XXXI, л. 163—164. Для характеристики этой стороны торговаго права приведемъ выдержку изъ листа господарскаго, даннаго Витебску: „Приездили тыхъ часовъ до насъ войтъ, бурмистры, радцы и все поспольство мещане места нашого Витебского, жалуючи о томъ што жъ дей гости и купцы тамъ подданыи наши господарские, яко тежъ москва и немцы, приеждчаючи тамъ до того места нашого Витебского с куплями своими, не чинячи напередъ з ними торгу, яко ся у в иншихъ местехъ нашихъ обычай того заховываеть, сами з собою торгъ чинять а з ними торговати не хочуть, в чомъ дей имъ великая шкода дееть ся. И били намъ чоломъ“... По просьбѣ поспольства король сдѣлалъ „зостановенье“ и даетъ такой приказъ мѣстному воеводѣ: „А про то штобы твоя милость в томъ месте то выволати и всимъ таковымъ гостемъ и купцомъ оповедити казалъ, ижбы они, приеждчаючи тамъ до Витебска ни с кимъ не торговали, только з местичи витебскими. А которие бы купцы над тое теперешнее росказанье своволне межи себе торговали о заказъ отъ твоей милости вчиненый недбаючи росказали войту витебскому заховатися противко таковымъ водле того, яко и в листе нашомъ виленьскомъ заховываються, товары ихъ забирати“ (Кн. Зап. Лит., XLI, л. 76, 1559 г.).

торговать только въ опредѣленныхъ городахъ, гдѣ установлены склады для иностранной торговли. Такіе склады для московскихъ купцовъ на югѣ были въ Кіевѣ и Луцкѣ [1]), для западныхъ купцовъ—въ Ковнѣ. Вообще съ теченіемъ времени выработалось правило, подтвержденное законодательными актами, что иностранные купцы имѣютъ право торговли только въ городахъ на магдебургскомъ правѣ, а не въ селахъ или въ непривилегированныхъ мѣстечкахъ [2]). Такимъ образомъ торговля въ городахъ подвергалась не маловажнымъ стѣсненіямъ. Только мѣщане города Вильны имѣли важную привилегію на розничный торгъ въ другихъ городахъ [3]) и на склады товаровъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сами захотятъ (послѣднее относилось по крайней мѣрѣ къ территоріи города Ковно) [4]). Разрѣшеніе розничной торговли иностраннымъ и иногороднимъ купцамъ было вообще рѣдкою льготою, выдаваемою королемъ въ особо исключительныхъ случаяхъ [5]).

Ограниченіе свободной торговли для иностранцевъ или иногородцевъ—явленіе старое, какъ это видно изъ приведенныхъ данныхъ. Оно создавало привилегированное положеніе для городовъ и въ то же время служило цѣлямъ фиска, такъ какъ давало ему возможность легко слѣдить за ввозомъ и вывозомъ товаровъ. Но въ XVI-мъ вѣкѣ замѣтна тенденція правительства къ расширенію своего вмѣшательства въ сферу торговыхъ отношеній.

Въ половинѣ XVI-го вѣка замѣчается новое положеніе скарбовой политики по отношенію къ сельской торговлѣ. Древнѣйшіе источники не даютъ никакихъ указаній на какія бы то ни было стѣсненія торговли въ селахъ. Напротивъ, можно указать на свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что предметы сельской торговли не подлежали обложенію въ древнѣйшее время, или же можно указать на такія свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что вводимыя ограниченія въ этой торговлѣ являются „новиной", нарушеніемъ древняго обычая. Уставная грамота Свислоцкой волости, подтверждающая старину временъ Витовта, говоритъ о правѣ безпошлиннаго торга волощанъ „звѣремъ мохнатымъ" и збожьемъ [6]). Люстрація Кременца передаетъ о „воль-

[1]) Акты З. Р., т. I, p 176.
[2]) Собраніе грамотъ гор. Вильны, т. II, p. 157, 160.
[3]) Ibidem, т. I, p. 9.
[4]) Ibidem, p. 33, 107.
[5]) Напримѣръ Трокамъ, ibidem, т. II, p. 167.
[6]) Акты З. Р., т. II, p. 368.

ности" мѣстныхъ мѣщанъ заниматься скупкой разныхъ продуктовъ въ селахъ [1]); мѣстные крестьяне пользуются также правомъ продажи продуктовъ въ своихъ домахъ или на торгахъ [2]). Когда воевода витебскій панъ Иванъ Сопѣга сталъ притѣснять мѣстныхъ мѣщанъ и запрещать имъ свободную скупку сельскихъ продуктовъ, то мѣщане жаловались королю въ 1528 г., считая такое запрещеніе новиною [3]). Но, чѣмъ ближе къ половинѣ вѣка, тѣмъ стѣсненія сельской торговли становятся болѣе и болѣе рельефными: правительственные агенты стремятся наложить на нее руку съ чисто фискальной цѣлью. Это выражается различными способами. Такъ, напримѣръ, старосты южныхъ украинскихъ замковъ вводятъ принудительную продажу мѣстными крестьянами своихъ продуктовъ самимъ старостамъ, т. е. стремятся къ монополизированію торговли. Житомирскіе старосты державли мѣстныхъ крестьянъ „праве въ запорѣ", не позволяя имъ вывозить изъ староства свои продукты—медъ, мѣха и воскъ и этимъ, очевидно, побуждая продавать на мѣстѣ [4]). Около половины вѣка въ Каневскомъ и Черкасскомъ староствахъ уже твердо установился обычай, по которому весь прѣсный медъ, добываемый здѣсь, скупался мѣстнымъ старостой по уставной цѣнѣ [5]). Впрочемъ, уже уставная грамота 1539 г. запрещаетъ черкассцамъ вывозъ меда въ Кіевъ и устанавливаетъ таксу, по которой они должны продавать медъ старостѣ, несмотря на высоту рыночныхъ цѣнъ [6]). Стремленіе къ монополіи встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ вырокъ королевы Боны по жалобѣ волости Рогачевской на державцу своего Попельжинскаго (1548 г.). Волощане жаловались, что державца беретъ у нихъ всякую живность по назначенной имъ самимъ цѣнѣ. Королева запрещаетъ подобную монопольную скупку, но зато предписываетъ новый порядокъ продажи крестьянами продуктовъ своего хозяйства: рогатый скотъ они должны продавать въ замкѣ, причемъ староста можетъ покупать у нихъ по торговой цѣнѣ; мелкій скотъ крестьяне могутъ продавать въ селахъ [7]). Такимъ

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, p. 72.

[2]) Ibidem, p. 112.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 209.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 139.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 10.

[6]) А. З. Р., II, p. 353.

[7]) Кн. Зап. Лит., XXXII, л. 14 об.—16 об.

образомъ крестьяне стѣснены въ торговлѣ въ селахъ и поставлены подъ контроль державцы: это уже преддверіе вотчинной монополіи.

Подобнаго рода попытки ограничить сельскую торговлю замѣтны въ весьма многихъ мѣстностяхъ. Онѣ исходятъ или отъ мѣстныхъ властей или отъ великокняжеской власти. Въ уставѣ 1529 г. Рѣчицкаго староства учрежденъ еженедѣльный торгъ въ центральномъ городѣ староства, но при этомъ всѣмъ волощанамъ запрещена торговля въ селахъ. Изъ дальнѣйшаго текста грамоты можно догадаться и о цѣли такого постановленія: оно имѣетъ ввиду доставить державцѣ доходъ отъ помѣрнаго, важчого и торговаго мыта [1]). Въ уставной грамотѣ Могилеву 1536 г. установлено торговое мыто отъ крупнаго скота при покупкѣ чужеволосцемъ у могилевца; но самимъ волощанамъ разрѣшается безмытная торговля между собою [2]).

Предшествующіе факты показываютъ, что ограниченіе сельской торговли не является исконнымъ обычаемъ и повсемѣстнымъ; наоборотъ, замѣтна явная тенденція со стороны уряда или верховной власти ограничить торговлю, подчинивъ ее фискальнымъ цѣлямъ. Сначала подобнаго рода тенденціи исходятъ только отъ мѣстнаго уряда, но затѣмъ введенныя имъ ограниченія получаютъ правительственную санкцію. Волочная устава еще молчитъ въ вопросѣ о сельской торговлѣ, но несомнѣнно въ это время уже вырабатывается взглядъ о широкомъ ограниченіи ея. При посылкѣ Волчковича въ южныя украинскія староства для установленія здѣсь новыхъ порядковъ, ему предписывается, между прочимъ, сдѣлать постановленіе о запрещеніи поддѣнымъ вывозить за границу медъ: поддѣные должны продавать его въ замкахъ на торгу, а старосты должны покупать медъ по торговымъ цѣнамъ [3]). Это постановленіе выходило за предѣлы вотчинной монополіи, потому что касалось и частновладѣльческихъ поддѣныхъ. Правда, постановленіе Волчковича запрещаетъ примѣненіе уставныхъ

---

[1]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., IV, л. 262 об.—263 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 173—175.

[3]) Приведемъ выдержку изъ названной „науки“ Волчковичу: „абы жаденъ с подданыхъ господарскихъ, и князьскихъ, паньскихъ, и земянскихъ не смели медовъ пресныхъ вывозити з волостей тыхъ з замковъ за границу, одно на торги,.. въ своихъ староствахъ, а староста и нихто иный, не маютъ имъ никотораго обтеженья и крывды чинити и таковыхъ медовъ в нихъ уставою платячы не брати, але куповати поценно. А хто бы за границу вывозилъ, на то староста сторожу маеть мети и все то, што кольвекъ при немъ будеть знайдено, зъ медомъ тратить, кромъ самого вольно пустити“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 416 об.).

цѣнъ, но это плохо мирится съ существовавшимъ здѣсь и уже извѣстнымъ намъ ограниченіемъ торговли медомъ со стороны старостъ. Поэтому постановленіе Волчковича надо разсматривать, какъ попытку къ болѣе общему введенію монопольной скупки меду. Такого рода монополіи скарбъ уже пытается установить вскорѣ послѣ введенія волочной уставы. Въ актахъ 60-хъ годовъ встрѣчаются указанія на то, что справца волочной помѣры Петръ Фальчевскій сдѣлалъ постановленіе, чтобы всѣ господарскіе подданые обязательно продавали половину добываемаго ими меду въ скарбъ; впрочемъ, скарбъ не справился съ этой монополіей, и она вскорѣ была отмѣнена [1]). По уставѣ, данной Могилеву въ 1561 году, господарскіе мѣщане получають разрѣшеніе на вольный торгъ по волости Могилевской, но частновладѣльческіе подданые имѣютъ вольный торгъ въ городѣ только въ торговые дни, а въ другіе должны продавать оптомъ [2]); такая же

---

[1]) Свѣдѣнія объ этой монополіи встрѣчаются въ нѣсколькихъ актахъ 60-хъ годовъ. Такъ, въ одномъ листѣ 1560 года къ нѣкоторымъ войтамъ Пинскаго староства король говоритъ между прочимъ: „што перво сего з воли и росказанья нашого постановлено естъ и черезъ листы нашы росказано, абы подданые нашы, люди волостные тамошніе войтовствъ Зарецкихъ.. яко сами войтове, такъ и вси люди оныхъ войтовствъ, къ тому и люди села Осовницы половицу меду з дерева бортного на насъ господара давали" (Кн. Зап. Лит., XLII, л. 61 об.—63). Однако это распоряженіе касалось не одного оброчнаго меду. Въ листѣ ко всѣмъ войтамъ Слонимскаго староства (1562 г.) король приказываетъ, чтобы всѣ подданые, имѣющіе борти въ королевскихъ пущахъ или живущіе въ пущахъ и подъ пущами, „ижъ бы на насъ половицу меду до лесничого тамошнего слонимского Романа Ивановича дали и заховалися яко у волости Пинской" (Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 53 об.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о скупкѣ меда (онъ носилъ названіе „полуйного", ср. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 220), а не объ оброкѣ. Вся операція была отмѣнена до 1566 г. Объ этомъ говорится въ господарскомъ листѣ къ подскарбьему земскому пану М. Нарушевичу. Листъ вызванъ жалобою старосты берестейскаго и кобринскаго пана Ст. Довойны на скарбныхъ писарей, предъявлявшихъ къ Довойнѣ требованіе объ уплатѣ за полуйный медъ. „Ку тому тежъ,—говоритъ король въ этомъ листѣ, што бывшій державца кнышинскій панъ Петръ Фальчевскій - справца дворовъ нашихъ по всемъ панствѣ нашомъ великомъ князьствѣ Литовскомъ постановилъ былъ, же вездѣ подданые нашы по половицы меду мели на насъ господаря давати, а мы до таковое половицы мелися з скарбу нашого пенезьми нашими росказати уконовати; нижли потомъ обачывшы мы, же то было з шкодою скарбу нашого, а большей з обтежливостью подданыхъ нашихъ, тое постановенье пана Фальчевского велели есмо на сторону отложити. А нжъ з ласки нашое господарское всимъ подданымъ нашимъ панства нашого великого князьства Литовского тое полуйное меду отпущоно естъ", почему король приказываетъ подскарбьему не „править" съ Довойны денегъ за медъ (Кн. Зап. Лит., LI, л. 33).

[2]) Акты З. Р., т. III, р. 112, 113.

вольность дана была тогда же и Рѣчицкимъ мѣщанамъ [1]). Это были пока полумѣры, которыя положили прочную основу для вмѣшательства вотчинной власти въ сельскую торговлю. Уставы волостямъ 1620-хъ годовъ уже принимаютъ рѣшительныя мѣры противъ сохранявшихся тогда еще остатковъ торговли въ селахъ [2]).

Уже изъ предыдущаго видны стремленія скарба къ ограниченію торговли и подчиненію ея фискальнымъ видамъ не только въ области господарскихъ добръ. Конечно, при слабости великокняжеской власти скарбовыя предпріятія не могли далеко выйти за предѣлы доменіальной территоріи. Однако можно указать и на нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи, какъ напримѣръ, предоставленіе Мартину Палецкому въ 1552 г. монополіи по производству стекла и скупкѣ привозного [3]), или привилей евреямъ Докторовичу и Езофовичу на устройство въ Вильнѣ ссудной кассы подъ залогъ движимости [4]). Шляхта неодобрительно относилась ко всякимъ попыткамъ установленія со стороны великокняжеской власти монополій, выходившихъ за предѣлы господарскихъ добръ; такъ, она протестовала противъ монополій на стекло [5]), а Третій Статутъ уже заключаетъ въ себѣ постановленіе, ограничивающее великокняжескую власть по отношенію къ монополіямъ (Раздѣлъ III, арт. 51).

Но если великокняжеская власть была останавливаема шляхтой въ своихъ попыткахъ къ введенію монополіи внѣ области господарскихъ добръ, то зато она широко пользовалась своимъ правомъ раздачи привилегій, создававшихъ цѣлую сѣть препятствій для торговли. Такое значеніе имѣли привилегіи, выдаваемыя частнымъ землевладѣльцамъ на ярмарки, торги, сборы проѣзжихъ мытъ, склады товаровъ [6]) и пр. Всѣмъ этимъ создавались серьезныя неудобства для

---

[1]) Акты З. Р., т. IV. р. 129.

[2]) Акты Виленс., т. XXV. р, 154 и 328.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 132, XXXV, л. 80; Грамоты гор. Вильны, т. I. р. 94; Описаніе рук. отд. Вил. пуб. библ., в. III, р. 60.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 52 об.

[5]) Акты Зап. Р., т. III, р. 127.

[6]) О ярмаркахъ и торгахъ намъ еще придется говорить. Здѣсь мы приведемъ выдержку изъ королевскаго листа Кременцу на устройство склада для того, чтобы показать, въ чемъ заключалась сущность этой привилегіи. Король такъ ее опредѣляетъ: „надали есмо и симъ листомъ нашимъ надаемъ и дозволяемъ имъ складъ соленый въ тамошнемъ месте нашомъ Кремяницкомъ мети и вживати такъ, ижъ подданые наши оного места Кремяницкого маютъ за тою ласкою нашою и наданьемъ нашимъ оную соль белую толпстую зъ жупъ русскихъ тамъ до Кремянца

торговли, и товары при ихъ передвиженіи и обмѣнѣ были облагаемы множествомъ мелкихъ и разнообразныхъ пошлинъ. Но въ этой погонѣ за обложеніемъ предметовъ потребленія за одно съ правительствомъ дѣйствуетъ вся шляхта. И великокняжеская казна, и землевладѣлецъ принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы получить участіе въ той прибыли, которую долженъ купецъ извлечь отъ торговли товаромъ. Производство также стѣснено, потому что съ развитіемъ нѣмецкаго права расширялось и цеховое устройство; въ западной Россіи оно, конечно, имѣло такія же послѣдствія, какъ и вездѣ въ западной Европѣ. Если ко всему этому добавить еще высокія государственныя пошлины, то весьма понятнымъ станетъ то обстоятельство, что уже въ эпоху Ливонской войны замѣтно нѣкоторое замѣшательство въ торговыхъ дѣлахъ и сильное увеличеніе цѣнъ. Съ этимъ зломъ Литовско-русская шляхта, подобно польской [1]), начинаетъ бороться путемъ установленія таксы на продаваемые продукты первой необходимости и произведенія ремеслъ [2]).

При изученіи отмѣченныхъ явленій, т. е. стѣсненія торговли, роста шляхетскихъ привилегій, направленныхъ къ той же цѣли, отношенія шляхты къ торговлѣ, надо, конечно, имѣть ввиду, что въ данномъ случаѣ мы присутствуемъ только въ періодъ роста шляхетскаго сословія и порабощенія его интересамъ интересовъ другихъ сословій. Въ XVII в. указываемыя явленія принесли уже свои плоды, пагубно отразившись на всемъ экономическомъ строѣ страны. Но для насъ отмѣченные зачатки того положенія вещей, которое въ послѣдующее столѣтіе сдѣлалось общей нормой, интересны потому, что объясняютъ духъ времени и тотъ путь, на который становилось государство въ отношеніяхъ финансовыхъ и соціальныхъ. Указанное нами общее направленіе конца изучаемаго періода проходитъ красною нитью въ исторіи

на складъ привозячи для пожитку своего мети и продавати; а люди князьские панские и земянские въ томъ краи прилеглые, которые похочуть торговати солью, такъ же проводячи зъ жупъ русскихъ нигде инде, одно тамъ на тотъ складъ Кремяницкий привозити мають, не минаючи ани провозячи иншими дорогами, кроме на Кремянецъ; и тое ласки и наданья нашого они уживати мають водле першого и теперешнего листу нашого"... (Кн. Зап. Лит., LI, л. 189—190, 1569 г.). Ср. привилегію Гроднѣ, А. Ю. З. Р., I, p. 206.

[1]) Collectanea ex Archivo Collegii Juridici, t. I, Krakow, 1895, p. 37 сл.

[2]) Акты З. Р., т. III, p. 57, 128; Документы Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, p. 165, 461; Собраніе грамотъ гор. Вильны, I, 86—9; А. Ю.-З. Р., I, 112; Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 49—51 об., XXXI, л. 103 об.

косвенныхъ налоговъ, равно какъ и въ другихъ отрасляхъ финансовой политики Литовско-русскаго государства.

2. *Внутреннія таможенныя и торговыя пошлины.*

Внутреннія таможенныя пошлины взимались при передвиженіи товаровъ въ странѣ, напр., на мостахъ, гребляхъ и пр., или при ввозѣ ихъ въ городъ, или при провозѣ черезъ него, или, вообще, черезъ заставу; торговыя пошлины взимались при переходѣ предмета потребленія отъ продавца къ покупателю, при чемъ чаще всего въ тотъ моментъ, когда правительственная или общинная власть призывалась къ удостовѣренію правильности вѣса и мѣры продаваемаго продукта. Торговыя пошлины взимались только съ товаровъ, а пошлины на заставахъ и переѣздахъ падали иногда на товары, а иногда и на лицъ, слѣдовавшихъ съ товаромъ или безъ него. Среди послѣдняго рода пошлинъ надо различать пошлины провозныя и ввозныя, проѣздныя и въѣздныя.

Самой распространенной въѣздной и ввозной пошлиной была *обѣстка* или *явка*. Терминъ этотъ употреблялся иногда то въ болѣе широкомъ смыслѣ, то въ болѣе узкомъ. Въ первомъ случаѣ обѣстка имѣла значеніе извѣщенія правительственныхъ органовъ города о прибытіи въ него тѣхъ или иныхъ лицъ (обѣстка отъ обвѣстити); разумѣется, это извѣщеніе оплачивалось. Такъ, въ южныхъ украинскихъ замкахъ казаки, прибывая въ городъ, являлись къ старостѣ и платили „обвистку“, въ Винницѣ она давалась, напр., въ размѣрѣ трехъ грошей [1]), въ тѣхъ же замкахъ взималась обѣстка съ лица, приходившаго въ городъ и желавшаго поселиться на замковой землѣ; въ Житомирѣ такая обѣстка взималась въ размѣрѣ 12 гр. [2]). Иногда явка отъ крестьянъ, вносившихъ свои платы намѣстникамъ, называлась поэтому „обѣстнымъ грошемъ“ [3]). Однако подъ обѣсткой обычно разумѣлся извѣстный видъ таможеннаго сбора. Въ тѣхъ же украинскихъ замкахъ повсемѣстно взималась обѣстка при провозѣ купцами товаровъ. Она уплачивалась всегда независимо отъ торговаго и провознаго мыта, такъ какъ главное ея значеніе заключалось въ извѣщеніи о прибытіи товаровъ. Въ Черкассахъ мѣстный староста полу-

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 604.

[2]) Ibidem, p. 147.

[3]) А. З. Р., т. II, p. 367.

чалъ по одному грошу объстки отъ каждаго, прибывавшаго въ городъ торговца; ее платили и тѣ изъ купцовъ, которые имѣли безмытные листы [1]). Въ Каневѣ обѣстка взималась въ пользу старосты по грошу „отъ головы“ торговца [2]); то же практиковалось и въ Кіевѣ [3]). Одна грамота 1499 года разсказываетъ о „давномъ обычаѣ“, по которому каждый кіевскій мѣщанинъ, если у него въ домѣ останавливался купецъ или казакъ, обязанъ былъ „обѣстити“ объ этомъ воеводу подъ угрозою большого штрафа [4]). Въ Чернобылѣ обѣстка взималась по одному грошу какъ отъ „старшое головы“, т. е. отъ хозяевъ, такъ и отъ слугъ ихъ [5]). Повидимому, предшествующіе факты имѣютъ ввиду взиманіе обѣстки какъ съ мѣстныхъ купцовъ, ввозящихъ товары, такъ и отъ иногородцевъ. Это поясняетъ люстрація Остерскаго староства 1552 года; здѣсь, между прочимъ, допускалось взиманіе обѣстки или „отъ головы“, или отъ воза,—конечно, въ разсчетѣ, что съ возомъ товара слѣдуетъ не болѣе одного человѣка, такъ какъ съ прибывавшихъ рѣкою на комягахъ взималось по грошу обѣстки отъ каждаго человѣка [6]). Впрочемъ, иногда мѣстные обычаи при взиманіи обѣстки дѣлаютъ различіе между иногородними, мѣстными и иностранными купцами. Смоленская уставная грамота вспоминаетъ о древнемъ обычаѣ, по которому взвѣстка (т. е. та же обѣстка) бралась здѣсь только на иностранцахъ—москвичахъ и тверичахъ, а отъ купцовъ сосѣднихъ городовъ ее не брали; этотъ обычай возникъ ввиду обоюдныхъ выгодъ, такъ какъ жители сосѣднихъ городовъ съ своей стороны не взимали обѣстки на смольнянахъ. Такое условіе было вполнѣ возможно при господствѣ удѣльныхъ порядковъ, пока мытные сборы находились въ рукахъ общинъ, охотно дѣлавшихъ обоюдныя уступки. Однако съ усиленіемъ привительственной власти рядничіе смоленскіе стали нарушать старину [7]). Въ нѣкоторыхъ городахь обѣстка называлась явкой [8]). Въ Полоцкѣ явка взималась отъ гостей „зъ головы“ по два гроша широкихъ [9]) (замѣтимъ, что обѣстка взималась не только въ господарскихъ

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII т. I p. 82.
[2]) Ibidem, p. 96.
[3]) Ibidem, p. 112.
[4]) А. З. Р., т. I, p. 194.
[5]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 589.
[6]) Ibidem, p. 595.
[7]) Ясинскій, p. 148.
[8]) Собраніе грамотъ гор. Вильны и пр., т. I, p. 107.
[9]) Scriptores rerum polonicarum, т. V, p. 190.

городахъ, но и въ частновладѣльческихъ)[1]. Изъ сказаннаго ясно значеніе обѣстки или явки, какъ извѣщенія уряда о прибытіи товара или лица въ городъ. За моментомъ уплаты обѣстки уже слѣдовало взиманіе таможенныхъ пошлинъ въ собственномъ смыслѣ. Поэтому обѣстка бралась не только съ лицъ, провозившихъ товары внутри страны, но также и при ввозѣ товаровъ изъ-за границы. Какъ налогъ она падала преимущественно на лицо, а не на предметы потребленія; поэтому обѣстка, въ извѣстной мѣрѣ, отличается отъ таможенныхъ пошлинъ въ собственномъ смыслѣ. Цѣль ея—фискально-полицейская и въ этомъ смыслѣ западно-русская обѣстка вполнѣ аналогична явкѣ, взимавшейся въ Московской Руси[2]. Указанная цѣль ея ясна уже изъ повсемѣстнаго распространенія обѣстки, а также изъ того, что купцы обязаны были объявлять уряду о своемъ прибытіи; то же должны были дѣлать горожане, у которыхъ останавливались купцы, или вообще пріѣзжія лица. Разумѣется, при тогдашнемъ устройствѣ администраціи услѣдить за названными лицами было не всегда легко. Вотъ почему однимъ изъ мотивовъ постройки гостинныхъ домовъ обыкновенно выставлялось то обстоятельство, что купцы, останавливаясь въ частныхъ домахъ, начинаютъ торгъ безъ явки и, слѣдовательно, безъ уплаты мыта; среди такихъ купцовъ могутъ быть „лозутчики“ и другіе „лихіе люди“, какъ объясняли Виленцы королю[3].

Съ обѣсткой, какъ съ личной пошлиной, имѣетъ сходство пошлина, называвшаяся *головщиной.* Она взималась весьма рѣдко. Такъ, панъ Петръ Кирдей взималъ въ своемъ Волынскомъ имѣніи Сѣнной по 12 гр. отъ „головы“ съ тѣхъ людей, которые шли на Волынь „на покормъ“[4]. Головщина взималась также въ нѣкоторыхъ восточныхъ волостяхъ. Рядомъ съ нею надо поставить и пошлину, взимавшуюся при описи товара[5]. Полное сходство съ головщиной, по способу взиманія, имѣютъ пошлины, которыя брались въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ людей, переходившихъ черезъ мосты и гребли безъ товаровъ; однако въ источникахъ эта послѣдняя пошлина не называется головщиной, но считается мостовымъ.

---

[1]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 131.

[2]) Осокинъ, Внутр. тамож. пошлины, р 50.

[3]) Собраніе грамотъ гор. Вильны, т. I, р. 17.

[4]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 132.

[5]) А. Ю.-З. Р., т. I, р. 179.

Перейдемъ теперь къ пошлинамъ, которыми облагались товары при ихъ передвиженіи по странѣ. Среди этого рода пошлинъ можно различить двѣ группы; къ первой изъ нихъ слѣдуетъ отнести пошлины, взимавшіяся государствомъ, общинами или частными землевладѣльцами ввидѣ платы за какую-нибудь реальную услугу съ ихъ стороны проѣзжающимъ лицамъ. Онѣ, въ извѣстной мѣрѣ, носятъ характеръ налоговъ, такъ какъ оплата услугъ несравненно выше ихъ стоимости. Къ другой группѣ пошлинъ надо причислить тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ налоги въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ при взиманіи ихъ преслѣдуются только фискальныя цѣли, не оправдываемыя предложеніемъ услугъ со стороны государства или частнаго лица. Къ числу перваго рода пошлинъ относятся сборы при переѣздѣ черезъ мосты, гребли и перевозы. Эти сборы носили названіе мыта *мостового*, *гребельнаго*, *мыта на перевозахъ*; сюда же надо отнести и мыто, собиравшееся при проходѣ рѣчныхъ судовъ черезъ езы и подъ мостами: источники объясняютъ необходимость сбора послѣдняго мыта тѣмъ, что проходящія суда и плоты портятъ езы и мосты и тѣмъ причиняютъ убытокъ и хлопоты владѣльцамъ. Нося однообразныя названія, эти мыта различались по способу и размѣрамъ взиманія. Мы отмѣтимъ здѣсь только фактъ расчлененія нѣкоторыхъ изъ этихъ мытъ [1]). Интересный въ этомъ отношеніи фактъ разсказываетъ люстрація Луцкаго замка 1545 года. Мѣстный ключникъ собиралъ подъ Луцкомъ „потаемное“ мыто, т. е. не разрѣшенное господаремъ, такимъ образомъ: онъ взималъ отдѣльно мыто отъ гребли при дворцѣ Гнѣдовѣ и отъ гати, прилегавшей къ городу, слѣдовательно на двухъ концахъ одной и той же гребли: сверхъ того онъ взималъ съ купцовъ мыто „отъ примостку“, т. е. отъ подъѣзда къ мосту [2]).

Мыта, носившія чисто фискальныя цѣли, взимались при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Самый сборъ носилъ обыкновенно общее названіе мыта, спеціальные же термины весьма не многочисленны. Люстрація волынскихъ замковъ заключаетъ въ себѣ многочисленныя указанія на такія проѣзжія мыта какъ узаконенныя велико-княжескою властью, такъ и „нововымышленныя“. Нѣкоторыя особыя названія мытъ встрѣчаются здѣсь только при расчлененіи ихъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ здѣсь взималось *присадное*: присаднымъ назы-

---

[1]) Въ широкомъ смыслѣ мыто означало вообще платы, отсюда „служить съ мыта“ (Акты Вил., XVII, p. 419).

[2]) Памятники, Кіев. Ком., т. IV, отд. II, p. 175.

валось мыто отъ челядника, котораго хозяинъ комяги нанималъ на мѣстѣ и вывозилъ съ собою. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при мытѣ взимался еще грошъ *пропойный, калачи, горшки*. Особую надбавку къ мыту составлялъ сборъ отъ „*помочнаго шоста*" на комягахъ. Здѣсь же на Волыни взималось еще мыто, извѣстное подъ названіемъ *тридцатаго*"; оно взималось отъ товаровъ, которые вывозили на комягахъ при обратномъ ихъ слѣдованіи [1]).

Вообще же эти мыта собирались или при слѣдованіи судовъ по рѣкамъ, или при провозѣ товаровъ черезъ города и села, или на пристаняхъ. Иногда мыто получало спеціальное названіе по способу его взиманія. Такъ, въ Кіевѣ бралось на костелъ св. Николая мыто на пристани, извѣстное подъ названіемъ „*поколоднаго*" потому, что оно взималось отъ жита, измѣрявшагося колодою [2]). Тамъ же въ Кіевѣ особый видъ мыта отъ комягъ, уходившихъ внизъ по Днѣпру, носилъ названіе *корговщины* [3]).

Особыми видами проѣзжаго мыта было мыто, взимаемое отъ провозимой соли и отъ проходившихъ каравановъ. Мыто отъ каравановъ встрѣчается только въ южныхъ украинскихъ замкахъ. Право на сборъ соляного мыта давалось весьма рѣдко великими князьями частнымъ лицамъ и мѣстному вряду. Сборъ соляного мыта тоже преимущественно встрѣчается въ тѣхъ же замкахъ и на Волыни. Рузумѣется, мыто соляное и отъ каравановъ, собиравшееся въ замкахъ и селахъ, надо отличать отъ таможенныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ тѣхъ же предметовъ на пограничныхъ таможняхъ. Такъ, старосты черкасскіе взимали съ каждаго „десятка соли" (подъ десяткомъ, вѣроятно, подразум. артель солепромышленниковъ), приходившей съ юга, „по ковшу" вѣсомъ въ одинъ безмѣнъ. Впрочемъ, староста князь Пронскій сталъ собирать отъ каждаго человѣка, сколько бы ихъ ни было въ десяткѣ (вѣроятно потому, что въ артели, называвшейся десяткомъ, могло быть больше или меньше десяти человѣкъ) по два безмена соли; сверхъ того тотъ же староста взималъ съ каждаго же десятка „по котлу десяточному" (очевидно, служившему для выварки соли) и по ковшу и еще объѣстки съ каждаго десятка тоже по котлу [4]). Въ Кіевѣ на воеводу взималось мыто отъ каждаго челна соли, привозимой снизу

[1]) Ibidem, p. 130–131.
[2]) Акты Лит.-рус. гос., т. I, p. 148.
[3]) Акты З. Р., т. I, p. 145.
[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 83.

по Днѣпру, по камню, а отъ бѣлой соли, привозимой изъ Польши через Подолію, давали по триста „головажекъ" отъ воза („зъ воза великаго и малаго") [1]. Во многихъ волынскихъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ тоже взималось соляное мыто. Такъ напримѣръ, великій кн. Витовтъ, пожаловавъ въ 1407 году Ильѣ Вячковичу рядъ селъ на Волыни, между прочимъ далъ ему и сборъ соляного мыта—въ размѣрѣ одного гроша отъ воза [2]. Люстраціи волынскихъ замковъ представляютъ не мало фактовъ сбора соляного мыта. Тутъ способы его взиманія были довольно разнообразны. Такъ, ключникъ луцкій взималъ отъ прасоловъ, привозившихъ соль въ Луцкъ (кромѣ мѣщанъ луцкихъ) по полъ-гроша отъ воза, отъ каждаго вола, впряженнаго въ телѣгу, по пенязю и сверхъ того еще 60 толпъ соли; кромѣ того за пастьбу воловъ, на которыхъ везли соль, по три пенязя отъ каждаго и по 15-и толпъ соли [3]. Также въ Луцкѣ кн. Заславскій взималъ „нововымышленное мыто" по 60 головаженъ (головажня равнялась толпѣ соли) отъ телѣги соли, привозимой прасолами, а отъ телѣги, привозимой мѣстными мѣщанами, по 30 головаженъ [4]. Въ Кременецкомъ повѣтѣ паны Андрузскіе брали въ имѣніи Шепетинѣ по 10 головаженъ соли отъ воза [5]. Соляное мыто взималось также и въ нѣкоторыхъ другихъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ Волынской земли, напримѣръ, въ имѣніяхъ князей Острожскихъ, въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Олизару Шиловичу [6], и другихъ. Впрочемъ, повторяемъ, сборъ соляного мыта былъ сравнительно рѣдкою привилегіею для частновладѣльческихъ имѣній и замковыхъ урядовъ.

Мыто отъ каравановъ, шедшихъ съ восточными товарами съ юга въ Московію и въ предѣлы Литовскаго княжества, собиралось на старостъ почти во всѣхъ южныхъ замкахъ. Довольно подробныя свѣдѣнія о караванной торговлѣ сообщаетъ писатель, извѣстный подъ име- Михалона Литвина. По его словамъ, караванами привозились съ юга дорогіе каменья и шелковыя ткани, ладанъ, благовонія, шафранъ, перецъ и другія пряности; родина этихъ товаровъ Персія, Индія Аравія и Сирія; кромѣ Москвы восточные товары черезъ предѣлы Литов-

---

[1] Iaidem, p. 112.

[2] Акты Лит.-рус. гос., т. I, p. 2.

[3] Памятники, Кіев. Ком., т. IV, отд. II, p. 175.

[4] Ibidem, p. 176.

[5] Ibidem, p. 226.

[6] Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 95.

скаго княжества направлялись еще въ Швецію и Данію. Мѣстомъ отправленія карановъ былъ черноморскій портъ Кафа. Караваны достигали иногда весьма обширныхъ размѣровъ: сопровождавшій отрядъ обозъ достигалъ иногда тысячи человѣкъ; это вполнѣ понятно ввиду небезопасности пути по Черноморскимъ степямъ. Проходъ каравана доставлялъ большую выгоду не только старостамъ, но также и мѣстнымъ жителямъ: „при проходѣ каравана значительные доходы извлекаютъ кіевскіе жители: воеводы, мытники, купцы, мѣнялы, лодочники, извощики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызывало понынѣ ничьихъ жалобъ, ни со стороны москвичей, ни турокъ, ни татаръ. Кіевляне пользуются выгодами отъ каравановъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, проходя зимою черезъ степи, сбиваются съ пути и гибнутъ подъ снѣжными заносами“ [1]). Правда, караваны проходили не часто. Въ различныхъ замкахъ сборы съ каравановъ носили неодинаковый характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти сборы имѣли видъ подарковъ старостѣ, въ другихъ—пошлины. Такъ, люстрація Черкасскаго староства перечисляетъ подарки, которые староста и подстароста получили отъ каравана, шедшаго изъ Орды (старостѣ давалось: камка александрійская на золотѣ, литръ шолку, коверъ, тебенки, сафьянъ, тижпы; подстаростѣ: чамлатъ, сафьянъ, полъ литра шолку, гривенка перцу), или возвращавшагося въ Орду (въ этомъ случаѣ старостѣ давалось: шуба лисья, сагайдакъ, сѣдло, шлыкъ лисій). При этомъ, если караванъ шелъ рѣкою, то купцы обязаны были нанимать лодки только у Черкашанъ, за что послѣдніе давали старостѣ по золотому отъ челна [2]). Такого же рода сборомъ съ каравана пользовался и каневскій староста; но сверхъ разныхъ вещей, получаемыхъ имъ, купцы давали ему еще „поклоны и подарки зъ доброе воли“; условія прохода рѣчного каравана заключались въ томъ, что купцы нанимали челны исключительно у тяглыхъ мѣщанъ, за что послѣдніе платили старостѣ по золотому отъ челна. Люстрація Канева передаетъ жалобу мѣстнаго старосты пана Хрщоновича на кіевскаго воеводу: послѣдній направилъ караванъ, пришедшій изъ Москвы въ Кіевъ, („караванъ не малый, близко ста возовъ“), мимо Черкасъ и Канева въ Орду, а не по обычной дорогѣ [3]); такія уловки, конечно,

---

[1]) Мемуары, отн. къ исторіи Южной Руси. В. I, Кіевъ, 1890 г., р. 51—52.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 82.

[3]) Ibidem, р. 96.

дѣлались съ цѣлью избѣжать старостинскихъ сборовъ. Въ Кіевѣ съ начала XVI вѣка сборъ головного мыта переходитъ къ старостѣ по пожалованію короля Сигизмунда I; это мыто взималось по расцѣнкѣ отъ копы грошей, по два гроша, но кромѣ того воевода получалъ „поклонъ по доброй воли даютъ, з Турковъ идучи речами едвабными, а з Москвы собольми и иньшыми, товары тамошними“ [1]). Въ Житомирѣ мыто отъ каравана взималось въ очень большомъ размѣрѣ, именно по шести грошей отъ копы, т. е. въ размѣрѣ одной десятой съ оцѣночной стоимости товаровъ. Впрочемъ, здѣсь караваны проходили очень рѣдко: по словамъ люстраціи 1552 года въ теченіе 20-и лѣтъ прошло всего два каравана [2]). Замки Остеръ и Мозырь были послѣдними этапными пунктами, на которыхъ взималось мыто отъ каравановъ. Такъ, въ Острѣ староста получалъ отъ каравана „поклонъ товаромъ“, за что онъ „чтилъ“ купцовъ и давалъ имъ стацію; подстароста получалъ по грошу отъ человѣка, слѣдовавшаго съ караваномъ [3]). Въ Мозырѣ сборъ съ каравановъ взимался въ такомъ же размѣрѣ, какъ и со всякаго другого товару или даже съ порожняго купеческаго воза,—именно по два съ половиной гроша отъ воза [4]). Весьма понятно, почему Остеръ, Мозырь и, вѣроятно, Житомиръ являлись послѣдними этапными пунктами по сбору караваннаго мыта: если караванъ черезъ Кіевъ поварачивалъ на Москву, то Остеръ являлся послѣднимъ замкомъ въ предѣлахъ Литовскаго государства; если караванъ направлялся въ предѣлы послѣдняго, то, начиная отъ Житомира и Мозыря, способъ караваннаго передвиженія былъ не нуженъ вслѣдствіе полной безопасности пути, и товаръ, пришедши, въ караванѣ слѣдовалъ къ мѣсту назначенія, какъ и всякій другой. Изъ сказаннаго о сборѣ проѣзжаго мыта съ каравана видно, что оно собиралось только въ господарскихъ замкахъ старостами. Способъ взиманія былъ не одинаковъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно взималось отъ каравана вообще (Черкассы, Каневъ), въ другихъ по расцѣнкѣ товара (Житомиръ), по внѣшнему признаку (въ Мозырѣ) или ввидѣ подарка (въ Кіевѣ и Острѣ).

Познакомившись съ различными видами проѣзжихъ мытъ, мы теперь перейдемъ къ вопросу о способахъ взиманія пошлинъ. По отно-

---

[1]) Ibidem, p. 112.
[2]) Ibidem, p. 146.
[3]) Ibidem, p. 595.
[4]) Ibidem, p. 617.

шенію къ караванному мыту и отчасти къ соляному этотъ вопросъ уже нами разсмотрѣнъ; караванное мыто носитъ особый характеръ, почему это мыто и разсмотрѣно нами отдѣльно отъ другихъ. Иное дѣло такія мыта, какъ мостовое, гребельное и пр. Они общи всему государству, а въ отношеніи способовъ взиманія пошлинъ представляютъ полное тождество пріемовъ. Поэтому нѣтъ нужды изслѣдовать отдѣльно, какъ взималось мостовое, гребельное и пр. Въ способахъ взиманія этого рода проѣздныхъ пошлинъ можно указать на нѣкоторые общіе принципы, примѣненіе которыхъ встрѣчалось въ разныхъ мѣстностяхъ государства. Это не мѣшало однако обычаю и государственной власти вводить различный размѣръ сборовъ, тождественный пріемъ сбора въ различныхъ мѣстностяхъ и очень несходные пріемы въ одной и той же мѣстности и пр. Въ этомъ случаѣ все зависѣло отъ массы самыхъ разнообразныхъ случайностей; размѣръ мыта повышался или понижался въ зависимости отъ труда и расходовъ, понесенныхъ на устройство мостовъ, гатей, или отъ причинъ, которыми вызывался сборъ, напр., когда мыто давалось для сбора денегъ на укрѣпленіе города и пр.; конечно, можно предвидѣть, что размѣръ мыта могъ зависѣть и отъ положенія лица, испрашивающаго право на этотъ сборъ. Въ способахъ собиранія мы встрѣчаемъ попытки взимать пошлины то сообразно цѣнѣ товаровъ, то по чисто внѣшнимъ признакамъ; иногда пошлины принимаютъ характеръ личнаго налога, иногда онѣ исключительно падаютъ на предметы. Разсмотримъ теперь, какъ именно собирались мостовое, гребельное и пр.

Въ однихъ случаяхъ мыто взималось со всѣхъ привозимыхъ товаровъ и даже съ проходящихъ людей, въ другихъ случаяхъ обложенію подлежали только такъ называемые „купеческіе“ товары, т. е. предметы, транспортируемые для продажи. Признаки, по которымъ опредѣлялся размѣръ пошлины, были въ общемъ весьма грубы. Чаще всего встрѣчаемъ опредѣленіе размѣра мыта отъ воза; при этомъ въ однихъ случаяхъ облагались только возы, на которыхъ везли какіе-нибудь товары (мыто отъ „накладного“ воза), въ другихъ мѣстахъ обложенію подлежали и порожніе возы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ размѣръ мыта былъ не одинаковъ. Такъ, на Волыни встрѣчаемъ размѣръ мыта отъ всякаго воза, (т. е. отъ накладного и порожняго) въ одинъ грошъ, въ полъ гроша и въ три пенязя; при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мыто взималось „на обѣ руки“, т. е. при про-

ѣздѣ торговца въ одну сторону и обратно [1]). Такой способъ обложенія практиковался и въ другихъ мѣстахъ [2]). Здѣсь же, на Волыни, въ другихъ мѣстностяхъ взималось землевладѣльцами мыто отъ накладного воза въ размѣрѣ отъ половины до двухъ съ половиной грошей [3]). Признакомъ для опредѣленія размѣра мыта въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ служило количество лошадей, запряженныхъ въ телѣгу [4]). Рѣчное мыто взималось отъ рѣчныхъ судовъ—комягъ, струговъ, челновъ и др., или отъ плотовъ. И въ этомъ отношеніи размѣръ мыта былъ не одинаковъ, напр., на Волыни отъ комяги давали отъ 3 до 12 грошей [5]), Рогачевѣ—на Днѣпрѣ отъ комяги платили по полъ-копы, а отъ меньшихъ судовъ отъ 3 до 15 грошей [6]). Иногда мыто взималось только отъ „купеческаго“ воза, тогда какъ отъ неторговцевъ не брали [7]). Во многихъ случаяхъ мытная такса отличалась большею сложностью, такъ какъ обложенію подлежали не только возы съ товаромъ, но и дѣлалось различіе между возами купеческими, мужицкими и шляхетскими; облагался также и скотъ, перегоняемый черезъ мосты и гребли. Однообразной таксы и въ этомъ случаѣ не существовало [8]). Только въ южныхъ украинскихъ замкахъ мы встрѣчаемся съ

---

[1]) Памятники Кіев. Арх. Ком., т. IV, ч. II, ревизія замковъ; напримѣръ, въ селахъ Горбаковѣ, Здѣнежѣ, Войсѣчи, Война цѣ, Хоболтовичахъ и др.

[2]) Напримѣръ, Грамоты г. Вильны, т. I, р. 62, 154; ср. Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 156 (привилей кн. Ивану Масальскому на мостовое мыто въ Олексичахъ на рѣкѣ Спслачи).

[3]) Напр. во Владимірѣ, Ровномъ, Полономъ, Чернеховѣ и др. Памятники. l. c.; Кн. Зап. Лит., XII, л. 413 об.—414 об., Кн. Зап. Лит., XIV, л. 249.

[4]) Памятники l. c.

[5]) Памятники, l. c. Въ Полоцкѣ платили по грошу отъ струга (Кн. Зап. Лит., XIV, л. 107). Размѣръ мыта, взимавшагося на врядъ войского луцкаго, составлялъ 12 грошей (Кн Зап Лит., XLVII, л. 34 об.).

[6]) Приведемъ таксу Рогачевскаго мыта: отъ комяги полъ-копы грошей, отъ полъ-комяжка по 15 грошей, отъ парома—12 грошей, отъ челна 6 грошей и отъ малаго челна 3 гроша (Кн. Зап. Лит., XXXVI, л. 39 об.). Ср. таксу на мыто въ Стрѣшинѣ, Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 158—159.

[7]) Бершадскій, т. I, р. 88.

[8]) Для поясненія сказаннаго приведемъ слѣд. факты. Кн. Лукашъ-Свирскій получилъ мостовое мыто на рѣкѣ Клевси (отъ людей торговыхъ, купецкихъ и отъ всякихъ съ товары переѣждчихъ), при чемъ ему была утверждена слѣд. такса: отъ воза, запряженнаго парою лошадей—5 пенязей, отъ воза съ лѣснымъ товаромъ—2 пенязя, отъ человѣка „езднаго, простого“—2 пенязя, отъ пѣшаго—1 пенязь, отъ рогатаго скота по 3 пенязя отъ головы, а отъ мелкаго по 1 пенязю, отъ проходящихъ подъ мостомъ судовъ по 1 пенязю (Кн. Зап. Лис., XLVIII, л. 52). П. М. М. Радивилъ получилъ привилей на мостовое мыто въ Богушовѣ съ такой таксой: отъ

менѣе грубыми пріемами обложенія: здѣсь проѣзжее и торговое мыто взималось по цѣнѣ товаровъ, напр. въ Черкассахъ брали по 3 гроша отъ копы, въ остальныхъ замкахъ по 2 гроша [1]). Уже выше было указано, что при взиманіи мытъ иногда дѣлалось различіе между мѣстными жителями и иногородними. Иногда съ мѣстныхъ жителей совсѣмъ не бралось мыто, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда сборъ находился въ распоряженіи городскихъ общинъ [2]), иногда же устанавливался обычай, по которому съ мѣстныхъ жителей мыто взималось въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ иногороднихъ [3]). Отличіе мѣстныхъ жителей отъ иногороднихъ вело иногда къ тому, что первые вносили постоянный сборъ отъ дома или по какому-нибудь иному окладу владѣльцу или арендатору мыта [4]). Для полноты обзора отмѣтимъ существованіе и такихъ фактовъ, когда установленной таксы совсѣмъ не было, а владѣльцу сбора предоставлялось входить съ проѣзжающими каждый разъ въ особое соглашеніе,—„почемъ ся вмовять" [5]).

бочки товару, отъ каждаго „дна" по одному грошу, отъ лошади въ телѣгѣ по одному грошу, отъ крупнаго скота по полъ гроша, отъ мелкаго скота по бѣлому пенязю, отъ пѣшаго человѣка по одному пенязю (Кн. Зап. Лит., VIII, л. 356). П. Стан. Тенчинскій получилъ въ 1554 г. листъ на сборъ мостового мыта въ своемъ имѣніи Семятичахъ на Бугѣ съ такой таксой: отъ каждаго коня въ телѣгѣ съ товаромъ по четыре пенязя, отъ рогатаго скота по одному пенязю съ головы, отъ мелкаго по одному пенязю отъ пары, отъ комягъ, проходящихъ подъ мостомъ, по 12 грошей отъ каждой, а съ лѣсныхъ издѣлій еще по 12 грошей отъ каждаго захцика клепокъ, пепелу или ванчосу (Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 157). Въ господарскомъ селѣ Дунаевѣ Кременецкаго повѣта взималось гребельное мыто въ слѣд. размѣрѣ: отъ воза по одному пенязю и по 10 толпъ соли, отъ вола по одному грошу, отъ яловицы по 6 бѣлыхъ пенязей и отъ барана по 2 пенязя (Кн. Зап. Лит., LII, л. 13 об.). Нѣкоторыя таксы отличались особенной сложностью. Ср. еще ibidem, л. 229 об., Кн. Зап. Лит., VIII, л. 365 об., А. Ю. З. Р, т. I, p. 181, Бершадскій, т. I, p. 85, Акты Лит.-рус. гос., в. I, p, 199, Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, p. 617—618 и др.

[1]) Архивъ Юго-Зап. Р., ч. VII, т. I, p. 82, 96, 589, 604.

[2]) ibidem, p. 624.

[3]) ibidem, p. 145.

[4]) А. Ю.-З. Р., т. I, p. 168, Бершадскій, т. I, p. 85.

[5]) Кн. Зап. Лит, VII, ст. 1096. Приведемъ еще очень любопытную „умову" мѣщанъ кіевскихъ съ Печерскимъ монастыремъ о взиманіи мыта въ с. Навозѣ: „Васьянъ и вся братья того монастыря вчинили съ нами умову и постановенье, же въ томъ именью въ церковномъ въ Навозе мають они мыто давати врочисто на монастырь Печерскій то естъ отъ комяги, которая будетъ съ товары зъ живностями, збожьемъ съ пшеницею, ячменемъ, зъ солодами, зъ муками, зъ мясомъ и зъ иншими живностями по полтретядцати грошей, а отъ полукомяжка, который будетъ полукомяжокъ полдевята сажня або девети сажонъ, съ того мели они мыта давати по полтретядцати грошей, яко и зъ великое комяги, а отъ байдака

Таковы были способы взыманія проѣзжихъ мытныхъ сборовъ. Какъ видимъ они отличались большимъ однообразіемъ и рудиментарными пріемами опредѣленія налогоспособности провозимыхъ товаровъ или проѣзжавшихъ людей.

Познакомившись съ характеромъ проѣздныхъ и въѣздныхъ пошлинъ, мы перейдемъ теперь къ торговымъ пошлинамъ. Надо, впрочемъ, имѣть ввиду, что нѣкоторые виды торговыхъ пошлинъ являются въ то же время и въѣздными; мы видимъ факты, когда купецъ платилъ одну и ту же пошлину при въѣздѣ въ городъ, причемъ ему позволялось или распродавать товаръ на мѣстѣ, или ѣхать дальше. Въ данномъ случаѣ проѣздныя и торговыя пошлины сливались. Среди торговыхъ пошлинъ, какъ и среди проѣздныхъ, надо различать два типа: однѣ изъ пошлинъ взыскиваются въ уплату за услуги, предоставляемыя торгующимъ людямъ общинною или государственною властью, другія являются налогами въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ не сопровождаются предложеніемъ услугъ. Впрочемъ, и первыя носятъ характеръ налоговъ, такъ какъ услуги, за которыя взимаются пошлины, меньше размѣра ихъ, а слѣдовательно и въ данномъ случаѣ вводится фискальный элементъ.

Начнемъ съ перваго рода пошлинъ, т. е. такихъ, взиманіе которыхъ имѣло ввиду оплату услугъ. Услуги, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, состояли въ провѣркѣ, со стороны общины или государства, вѣса, мѣры продаваемыхъ предметовъ, или въ предоставленіи торговцамъ помѣщенія для остановки и склада товаровъ (гостиные дворы и амбары), или въ предоставленіи имъ мѣста для торга (торги, ярмарки). По всей вѣроятности, въ болѣе древнее время вѣсовыя и мѣрныя пошлины носили болѣе разнообразный характеръ по своей

по тринадцати грошей, а естли бы два бойдаки были у водно место звязаны, съ того порому мыта по двадцати и шести грошей; а съ порому чолнового шестнадцать грошей а съ чолну одинокого по осми грошей, а съ подъездка, который будеть у два возы або у тры, съ того по тры грошы, а хто бы зъ насъ возами зиме товары свои провадилъ у верхъ до Могилева и далей або тежъ зъ верху на низъ съ куплями шолъ або жито и збожье провадилъ, тогды каждый зъ возу отъ товару мыто мелъ давати то три гроши, а хто жито повезеть, тотъ мелъ давати зъ дуги по грошу а наместьнику навозскому у светки грошъ; а которые бы мещапе киевские не мели въ себе листу безмытного подъ печатью местскою, на тыхъ мело брано быти мыто тридцатое"... (Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XL, л. 95). Приведенное мѣсто интересно между прочимъ по своему перечню судовъ и предметовъ торговли.

терминологіи и способамъ взиманія. Такъ можно думать по одному мѣсту Смоленской уставной грамоты, которая говоритъ о вѣсѣ медовомъ, соляномъ коромыслѣ, музолкахъ (послѣдній терминъ для насъ не ясенъ) [1]). Въ старинномъ торговомъ центрѣ—Полоцкѣ тоже встрѣчаемъ довольно разнообразныя названія пошлинъ. Но въ изучаемое время среди даннаго рода пошлинъ обыкновенно различали *вѣсовыя*, *отъ „забиванья воску“*, и *помѣрныя*.

Вѣсъ въ западно-русскихъ актахъ обыкновенно называется вагой, отчего и вѣсовыя пошлины назывались важчимъ или важнымъ; само мѣсто, гдѣ происходило взвѣшиваніе, называлось важницей (camera ponderum alias važnica). Въ важницѣ взвѣшивались всякаго рода товары, продаваемые на вѣсъ [2]); при этомъ находящимися здѣсь вѣсами должны были пользоваться обязательно и покупатели и продавцы какъ мѣстные, такъ и иногородцы [3]). О величинѣ важчаго источники рѣдко упоминаютъ; это объясняется тѣмъ, что вага, за исключеніемъ одного—двухъ случаевъ, находилась въ распоряженіи городскихъ общинъ. [4]).

---

[1]) Ясинскій, р. 156.

[2]) Такъ, въ грамотѣ Вильнѣ великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича 1432 года городу предоставляется вага—pensam in qua scilicet cera et aliae res mercimoniales cuiuscunque generis seu spetii existant solent ponderari (Собраніе грамотъ города Вильны и пр., т. I, р. 3, ср. р. 8). Въ грамотѣ Олыкѣ на магдебургію предоставляется городу publicam trituram, alias wage, in qua cera et alimenta pensitantur (Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 62).

[3]) Въ грамотѣ на магдебургское право Лосичамъ король такъ опредѣляетъ эту обязанность: господарь оставляетъ важницу на скарбовый пожитокъ—cameram ponderum alias vaznica pro commodo thesauri nostri converterdam, praeter quam nullus ex in(t)raneis et extraneis merces, aut res quascunque vendendas, aut emendas ponderare praesumat (Акты Лит.-рус. гос„ в. I, р. 85).

[4]) Одна замѣтка въ книгѣ Витебскаго воеводства даетъ намъ понятіе о размѣрѣ здѣсь важчаго отъ соли. Одна мѣщанка Словаковая жаловалась на мѣщанъ витебскихъ за то, что они берутъ отъ нея „важчое непомерное“—по грошу широкому отъ мѣха соли; между тѣмъ какъ отъ другихъ городскихъ жителей берутъ по такому же грошу отъ четырехъ мѣховъ соли. Мѣщанка была подданой плебановъ витебскихъ. Изъ этой замѣтки видно, что въ нѣкоторыхъ общинахъ важчее взималось въ различномъ размѣрѣ отъ разныхъ группъ населенія: лица, принадлежавшія къ городскому присуду, въ данномъ случаѣ платили меньше, чѣмъ лица частновладѣльческаго присуда. Хотя Словаковая признавала взимаемое отъ нея мыто „непомѣрнымъ“, однако вслѣдъ за ея жалобой въ воеводской книгѣ сдѣлана замѣтка: „и маеть того доведыватися, есть-ли передъ тымъ плебани вытебскые по тому имъ важчое плачывали“. Значитъ, различный размѣръ мыта былъ вполнѣ возможенъ (Кн. Зап. Лит., XVI, л. 71). Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, р. 201, 216.

Рядомъ съ вѣсовыми пошлинами весьма большое значеніе имѣли пошлины, взимавшіяся при продажѣ воска. Эти пошлины слагались изъ двухъ частей: изъ пошлины, взимавшейся за перетапливаніе воска, и изъ пошлины за взвѣшиваніе воска; но часто источники объ обѣихъ пошлинахъ говорятъ нераздѣльно, что вполнѣ понятно, такъ какъ перетопленный воскъ отливался въ особыя формы ввидѣ полукруга; такіе полукруги имѣли большею частію опредѣленную величину и вѣсъ. Отсюда и самое мѣсто, гдѣ происходила формировка воска, называлось „забоемъ восковымъ" [1]), или воскобойнею. Въ частности самое переплавливаніе воска происходило въ капницѣ. Воскъ, переплавленный въ капницѣ, обозначался городскою печатью; „а тамъ же,— говоритъ господарская грамота 1498 года Полоцку на магдебургское право,— тежъ будуть мети капницу, и весь воскъ стопленый тамъ же печатью ихъ мають назнаменовати, и зъ того ужитки къ посполитому доброму ховати" [2]). Такимъ точно образомъ источники весьма часто характеризуютъ назначеніе капницы [3]). Капница иногда носитъ названіе топницы [4]). Такъ какъ при забиваніи воска и перетапливаніи его собственно происходило два процесса и, можетъ быть, иногда въ двухъ разныхъ мѣстахъ, то источники, правда въ рѣдкихъ случаяхъ, различаютъ воскобойню и капницу [5]). Такъ, грамота Новгородку передаетъ городу „важницу и воскобойню и капницу мають справити, и воски топлены мають печатью своею мѣстскою знаменовати, а съ того пожитки къ посполитому доброму мѣстскому мають заховати" [6]). Прошедшій черезъ воскобойню воскъ въ формѣ полукруга назывался

---

[1]) Акты З. Р., т. II, р. 94.

[2]) Акты З. Р., т. I, р. 181; ср. Грамоты гор. Вильны, I, р. 15.

[3]) Такъ грамота Минску на магдебургское право 1499 года передаетъ капницу городу: „и тежъ капницу, и весь воскъ тамъ же стопленый печатью ихъ мають знаменовати, и съ того ужитки къ посполитому доброму мають ховати" (ibidem, р. 188). Въ подтвержденіи Полоцку на магдебургію передается капница городу,—„въ которой жо кождый воскъ топленый печатью мѣстскою мають знаменовати, и съ того вжитки къ посполитому доброму мѣстскому оборочати" (Акты З. Р., т. II, р. 77). Въ грамотѣ Волковыйскимъ мѣщанамъ 1507 года городу передается „воскобойня на забиванье воску" (ibidem, р. 11). Тоже и Кіеву (Акты Ю.-З. Р., т. II, р. 127). По грамотѣ Луцку 1497 года городъ получаетъważnice et ibidem cameram cerae liquefactoriam construere et ceram liquefactam signo eorum notare (Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 14). Ср. Акты Лит.-рус. гос., в. I, р.р. 85, 182.

[4]) Собраніе древн. грамотъ и актовъ гор. Минской губ., 1848, р. 49.

[5]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 104.

[6]) Акты З. Р., т. II, р. 92.

„штукою“ [1]). Вѣсъ штуки воска бывалъ въ полъ-берковеска [2]), или въ камень [3]).

Пошлины, которыя взимались съ предметовъ, измѣряемыхъ при продажѣ, назывались помѣрнымъ, мѣрнымъ [4]). Помѣрное различалось по роду предметовъ. Города имѣли въ ратушѣ мѣры, правильность которыхъ гарантировалась городскою печатью [5]). Такъ, различались мѣры для овощей и меда [6]). Помѣрное медовое обыкновенно называлось „ведромъ“ [7]). Надо замѣтить, что помѣрное медовое взималось съ меда, предназначаемаго для продажи въ корчмы [8]), такъ какъ при продажѣ прѣснаго меда взимался особый торговый сборъ. Вообще мѣры продуктовъ, шедшихъ на продажу въ корчмы („мѣры шинковныя“), отличались отъ другихъ мѣръ [9]). Замѣтимъ, что мѣра меду называлась иногда также „медницей“. Относительно размѣра помѣрнаго и способовъ его взиманія источники сообщаютъ весьма немногія свѣдѣнія опять таки потому, что эта пошлина почти повсемѣстно принадлежала городамъ. Кое-какія свѣдѣнія по этому поводу можно извлечь изъ данныхъ, сообщаемыхъ люстраціями южныхъ замковъ. Такъ въ Черкассахъ помѣрное взималось на рынкѣ по четыре пенязя отъ четвертки сбожья [10]). Въ Житомирѣ помѣрное взималось отъ зерноваго хлѣба и меда: отъ хлѣба по два пенязя отъ четвертки и по два пенязя отъ

---

[1]) Ibidem, p. 91.

[2]) Ibidem, p. 77.

[3]) Ibidem, p. 91.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 168, 160, 182.

[5]) Въ грамотѣ Новгородку такъ опредѣляется право города на храненіе мѣръ: „тамъ же на ратушу маютъ мѣти четверти мѣрные и мѣдницу подъ ихъ знаменемъ мѣстскимъ“ (Акты З. Р., т. II, p. 92). Въ грамотѣ Нарвѣ на магдебургское право (1529 г.) такъ опредѣляется помѣрное: item dimensurationes alias pomiernici siliginis et quorumlibet frumentorum ac omnium mercimoniarum quibuscunque generaliter nominibus censeantur et vocitentur foralium alias targowca medio coretho duos obulos et ab integro coretho quatuor obulos (Акты Лит.-рус. гос., в. I, p 224).

[6]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 85.

[7]) Такъ, въ грамотѣ 1522 года Воиню оно опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „тежъ померное медовое, што слыветь ведромъ, чимъ мерить медъ водле обычая тамошнего“ (Акты Лит.-рус. гос., в I, p. 182.

[8]) Это, напримѣръ, видно изъ опредѣленія, даннаго помѣрному въ грамотѣ Минску; король передаетъ городу „помѣрное медовое, то есть ведро корчемное, што медъ мѣрять“ (Акты Ю.-З. Р., т. II, p. 127).

[9]) Акты З. Р., т. II, p. 94.

[10]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 82.

ведра меду [1]). Въ Чернобылѣ староста получалъ по пенязю отъ мѣры хлѣба [2]). Въ Мозырѣ отъ мѣры взималось по два пенязя да еще за помѣру пенязь [3]). Интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ взималось помѣрное и отъ такихъ предметовъ, которые привозились на рынокъ и продавались безъ обмѣриванія; напримѣръ, мы встрѣчаемъ взиманіе помѣрнаго отъ мѣшковъ съ хмѣлемъ [4]). Приведенные выше факты касаются помѣрнаго, взимаемаго съ мѣръ емкости; но и мѣры длины также иногда подлежали оплатѣ, напримѣръ, въ Полоцкѣ взималось „полокотное". Здѣсь же вѣсовыя пошлины носили слѣдующія названія: помѣрное, забой, топница, „сила, топленя, медничная", полокотная, лаштовое, вага [5]).

Къ тому же роду пошлинъ, какъ мы выше указали, слѣдуетъ отнести и пошлины, взимаемыя за помѣщеніе для купеческихъ товаровъ. Такая пошлина въ Полоцкѣ отъ гостинаго двора называлась „имбарщиной". Кромѣ Полоцка и въ другихъ крупныхъ городахъ, а иногда и въ мелкихъ, устраивались гостинные дворы.

Гостинные дома были во многихъ городахъ, напр., въ Вильнѣ [6]), Витебскѣ [7]), Полоцкѣ, Оршѣ [8]), Кіевѣ [9]), Могилевѣ [10]), Минскѣ [11]); однако доходъ съ гостинныхъ домовъ рѣдко шелъ въ господарскій скарбъ (въ Могилевѣ онъ былъ при мытной коморѣ, изъ Полоцка шла въ скарбъ четвертая часть дохода), оставаясь въ рукахъ городовой ратуши.

Къ послѣднему виду торговыхъ мытъ, взиманіе которыхъ связано съ предоставленіемъ услугъ торговцамъ, является ярмарочное мыто и торговое, когда послѣднее взималось на установленныхъ торгахъ (foralia). Ярмарки и торги утверждались верховною властью какъ въ господарскихъ городахъ, такъ и въ частновладѣльческихъ. Жалованныя великокняжескія грамоты весьма точно опредѣляютъ количество

---

[1]) Ibidem. p. 146.
[2]) Ibidem, p. 589.
[3]) Ibidem, p. 619.
[4]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, ч. II, р. 226.
[5]) Scriptores rerum polonicarum, т. V, p. 190.
[6]) Грамоты гор. Вильны, I, 17, 56.
[7]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 50 об.
[8]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 354 об.
[9]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXIV, л. 83 об.
[10]) Кн. Переп. Лит., X, л. 30 об.
[11]) А. Ю.-З. Р., I, 136.

торговыхъ и ярмарочныхъ дней [1]). Поэтому самый фактъ установленія торга являлся важной привилегіей для общины или частнаго лица. Сущность даруемыхъ верховною властью льготъ была не одинакова. Жалованныя грамоты нѣкоторымъ городамъ на открытіе торга и ярмарокъ часто говорятъ только о „добровольномъ“ торгѣ, не упоминая вовсе о взиманіи мытъ [2]).

Но молчаніе грамотъ о сборахъ ярморочнаго мыта вовсе не означало фактическаго отъ нихъ освобожденія торговцевъ: привилегія на „добровольный торгъ“ передавала сборы въ распоряженіе городской общины. Это открывается изъ многихъ свидѣтельствъ источниковъ. Такъ, въ привилегіи городу Воиню король назначаетъ ярмарки съ разрѣшеніемъ: „и на тые ярмарки хто колве будеть приеждчати, мають торговати добровольне *для вспоможенья месту*“ [3]), т. е. городъ собираетъ пошлины въ городскую кассу; господарскіе же сборы не взимаются. Въ Витебскъ разрѣшается съѣзжаться для торга и ярмарокъ какъ иностраннымъ купцамъ, такъ и литовскимъ; но они обязаны платить „повинность мѣстскую“ [4]). Однако, городскія льготы иногда бывали и такого рода, что купцы освобождались не только отъ господарскаго мыта, но и отъ городскихъ сборовъ [5]). Подобнаго рода льготы составляли часть городскихъ правъ, были основною „вольностью“ города. Однако встрѣчаются привилеи, выдаваемые на извѣстный срокъ [6]). Разумѣется, всякая привилегія на „добровольный“

---

[1]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 328 об.

[2]) Напр. Акты Лит.-русск. гос., I, 161.

[3]) Акты Лит.-русск. гос., в. I, р. 183.

[4]) Акты З. Р., IV, р. 168.

[5]) А. Ю.-З. Р., I, р. 181.

[6]) Объ этомъ говоритъ привилей Кременцу 1568 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Король даетъ городу ярмарки и „вызволяемъ подданыхъ нашихъ мещанъ Кремяницкихъ и тежъ всякихъ купцовъ, гостей приежчихъ тутошнего панства нашого и которые зъ заграничья отъ чужихъ земль тамъ до Кременца на ярмарки приежчати будутъ, отъ мыта нашого головного замкового и иного до двухъ летъ по собе идучихъ, отъ даты сего листу нашого подъ тымъ обычаемъ: ижъ вси купцы панствъ нашихъ и тежъ купцы изъ заграничья и чужоземцы въ тыхъ двохъ летехъ, тамъ до Кремянца на ярмарки приежчаючи, продавати куповати и торговати вшелякими речми и товары своими солью быдломъ и коньми волно, не даючи отъ того всего на кождомъ ярмарку мыта нашого головного замкового до двухъ недель; а ведже поборы уставленые и на сейме уфаленые отъ всихъ товаровъ купецкихъ мають и повинни будуть платити купцы справцамъ нашымъ поборовымъ, не закрываючися симъ листомъ нашимъ“. Кн. Запис. Лит., LI, лл. 189 об.—190.

торгъ и ярмарки освобождаетъ только отъ господарскаго мыта [1]): когда стали различать послѣднія отъ декретированныхъ сеймомъ, то сеймовые поборы взимались, несмотря на привилегіи; иногда это оговаривалось въ самихъ грамотахъ [2]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если привилеи разрѣшали только „добровольный" пріѣздъ купцамъ (но не торгъ) [3]), то право взиманія мыта господарь оставлялъ за собою.

Итакъ, по отношенію къ городскимъ общинамъ льготы на торги и ярмарки, въ смыслѣ платежа мыта, были не одинаковы. Что касается частныхъ землевладѣльцевъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что разрѣшеніе на устройство торговъ и ярмарокъ во владѣльческихъ городахъ передавало право взиманія пошлинъ въ руки ихъ владѣльцевъ: великокняжеская власть никогда здѣсь не собирала торговыхъ и ярмарочныхъ мытъ въ свою пользу. Правда, болѣе ранніе привилеи иногда не говорятъ о правѣ владѣльцевъ на сборы, разрѣшая только торги и ярмарки [4]), но многочисленныя свидѣтельства о передачѣ владѣльцамъ права на мыто [5]), не оставляютъ сомнѣнія въ его исконной принадлежности послѣднимъ.

Панъ Ерошъ Карштскій получаетъ въ 1546 году привилегію на осаду мѣста и торгъ въ имѣніи своемъ Городищѣ, причемъ собираетъ платы „торговые и иньшіе доходы, которые бы кольвекъ съ того мѣста и торгу мели приходити" [6]). Князь Андрей Вишневецкій получилъ въ 1568 году такого же рода привилегію для своихъ городовъ Андреева и Поповцевъ, причемъ грамота ясно говоритъ о сборахъ торговаго мыта: „на которые ярмарки и на торги волно всимъ станомъ и людемъ купецкимъ, обывателемъ панствъ нашихъ, и чужоземцамъ тамъ до Андреева—Новаго Вишневца и Поповецъ зо всими товары приежчати и торговати, продавати и куповати, платечи на князя Андрея Вишневецкого и потомковъ его мыто и торговое по звыкломy обычаю, яко то увъ иншихъ местехъ заховывается" [7]). Точно такимъ же образомъ и многія другія привилегіи опредѣляютъ права по сбору пошлинъ. Приведемъ еще примѣръ изъ грамоты Михаилу

---

[1]) Ср. еще Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, I, p. 22; Акты Лит. русск. гос., I, 226.

[2]) См. примѣч. 4.

[3]) Акты Лит.-русск. гос., I, 100.

[4]) Акты Лит.-русск. гос., I, 107.

[5]) Акты Лит.-русск. гос., I, p. 143; Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 118 об.

[6]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 16 об.—17.

[7]) Кн. Зап. Лит., LI. л. 213 об.—214.

Хрѣницкому на ярмарки въ имѣніи его Хрѣничахъ: „на которыи ярмарки и торги волно будеть всимъ обывателемъ панствъ нашихъ и купцамъ чужоземскимъ тамъ до Хреничъ зъ всякими товары своими пріѣзждчати торговати, продавати и куповати, платечи ему отъ товаровъ своихъ подужное, торговое, по звыклому обычаю, яко то въ иншихъ местахъ нашихъ заховывается“ [1]). Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что разрѣшеніе на торги и ярмарки, даваемое землевладѣльцамъ господаремъ, всегда сопровождалось и разрѣшеніемъ на сборъ торговаго и ярмарочнаго мыта. Когда такое разрѣшеніе давалось городской общинѣ, то пошлины шли на мѣстныя нужды.

Способы взиманія ярмарочнаго и торговаго мыта, конечно, ничѣмъ не отличались отъ способа взиманія вообще всякаго торговаго мыта. Такъ, панъ Григорій Остиковичъ получилъ въ 1499 году привилегію на ярмарки и торги съ правомъ взимать ярмарочные и торговые „пожитки“: онъ получаетъ обѣстку отъ пріѣзжихъ и мыто по два гроша отъ воза [2]). Кн. К. И. Острожскій получилъ право на сборъ ярмарочнаго и торговаго мыта въ имѣніи своемъ Звяголѣ въ размѣрѣ одного полугрошка отъ копы грошей [3]); значитъ, здѣсь мыто взималось по расцѣнкѣ товара. Изъ этихъ примѣровъ видно, что ярмарочное мыто или взималось по внѣшнимъ признакамъ или по оцѣнкѣ продаваемаго предмета, т. е. точно такимъ же образомъ, какъ и другія торговыя мыта, къ обозрѣнію которыхъ мы сейчасъ перейдемъ.

Древнѣйшимъ видомъ торговыхъ мытъ были *тамга* и *осмничее*. Впрочемъ, о тамгѣ западно-русскіе памятники упоминаютъ очень рѣдко; о ней говоритъ Смоленская уставная грамота: король отказывается отъ взиманія тамги на горожанахъ, оставляя ее только на пріѣзжихъ купцахъ [4]). Въ восточной Россіи тамга имѣла болѣе широкое распространеніе; по мнѣнію Осокина она была самою доходною изъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ [5]). Тамга взималась со всякаго рода товаровъ, хотя дѣлалось исключеніе для жита, хлѣба, а иногда и для нѣкоторыхъ другихъ товаровъ [6]). Напомнимъ, что по мнѣнію изслѣдователей тамга была пошлиной татарскаго происхожденія [7]).

[1]) Кн. Зап. Лит., L, л. 17.

[2]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 145.

[3]) Акты Зап. Р., т. II, р. 32.

[4]) Ясинскій, р. 152.

[5]) Внутр. тамож. пошлины въ Россіи, р. 104.

[6]) Ibidem, 92—94.

[7]) Аристовъ, Промышл. древн. Руси, СПБ., 1866, р. 225.

Конечно, и тамга, упоминаемая въ Смоленской уставной грамотѣ, имѣла то же происхожденіе и значеніе, что и тамга, взимавшаяся въ Московскомъ Государствѣ; то обстоятельство, что тамга извѣстна только въ Смоленскѣ, весьма понятно, такъ какъ изъ западно-русскихъ земель только Смоленская и Кіевская могли подвергнуться въ болѣе сильной степени татарскому вліянію. Въ Кіевѣ мы встрѣчаемся еще съ пошлиною, имѣвшею мѣстный характеръ. Это было уже упомянутое нами осмничее. Оно также больше извѣстно въ восточной Руси, чѣмъ въ западной. Самый терминъ осмника весьма древняго происхожденія, такъ какъ встрѣчается уже въ Ярославовомъ уставѣ о мытахъ [1]). Осокинъ, изслѣдовавъ вопросъ о тамгѣ и осмничемъ, приходитъ къ заключенію, что „нѣтъ никакой возможности указать, на основаніи источниковъ, различіе между тамгою и восменичемъ"; это обстоятельство даетъ названному изслѣдователю поводъ сдѣлать предположеніе, что осмничее было такою же пошлиною, какъ и тамга; но такъ какъ послѣдняя была введена татарами, то рядомъ съ нею сохранилась и старая пошлина, такъ что обѣ падали на одно и то же дѣйствіе и на одни и тѣ же предметы [2]). Осмничее было исключительно торговою пошлиною, взимавшеюся по оцѣнкѣ товара; поэтому при продажѣ товара бралось какъ помѣрное, такъ и осмничее [3]). Осмничее, взимавшееся въ Кіевѣ, находилось въ завѣдываніи особаго чиновника, называвшагося осмникомъ, и поступало частью въ его пользу, частью на замокъ. Такъ, по грамотѣ 1495 года кіевляне должны были платить мыто за привозимую по Днѣпру изъ Черкассъ рыбу: осмникъ обмычивалъ привезенную рыбу на берегу и тутъ же бралъ отъ нея мыто—„свое десятое",—т. е. въ размѣрѣ десятой части привезеннаго товара.

Ввозное мыто бралось только съ рыбы, привезенной для продажи; это объясняется дальнѣйшимъ мѣстомъ той же грамоты: отъ рыбы, привозимой „зъ верху", осмникъ долженъ „мыта своего на торгу смотрѣти" [4]). По отношенію къ рыбному мыту почти въ такихъ же выраженіяхъ говоритъ о взиманіи осмничаго и грамота о воеводскихъ доходахъ 1499 года. Только она разъясняетъ, что осмникъ взимаетъ

---

[1]) Осокинъ, о. с., р. 108.
[2]) Ibidem, р. 111.
[3]) Аристовъ, о. с., р. 227.
[4]) Акты З. Р., т. I, р. 145.

отъ просольной рыбы по шести грошей отъ бочки, а отъ вялой и свѣжей рыбы „десятое“; здѣсь же содержится особое постановленіе о взиманіи десятой части съ привезенныхъ осетровъ. Сверхъ того, осмникъ завѣдывалъ вообще торговыми дѣлами въ городѣ, за что получалъ особый сборъ отъ торговцевъ хлѣбомъ; отъ него же зависѣло разрѣшеніе на торговлю новымъ торговцамъ. Далѣе, суду осмника подлежали такія дѣла, какъ воровство на пристани („татьба побережная“) и дѣла, касающіяся нарушенія нравственности (когда осмникъ уличитъ мѣщанина, купца, казака или купцовъ изъ турокъ, татаръ и армянъ, совершающихъ „непочестныи рѣчи з бѣлыми головами“); вообще осмникъ являлся важнѣйшимъ воеводскимъ чиновникомъ по дѣламъ торговымъ и судебно-полицейскимъ [1]). Осмничество, какъ судебно-полицейская власть по дѣламъ, касавшимся нравственности, было отмѣнено королевскою грамотою 1516 года [2]). Кромѣ того, сбору осмничаго подлежало право торговли хлѣбными продуктами. Названные источники говорятъ только о сборѣ осмничаго отъ торговцевъ хлѣбомъ и рыбой, изъ чего слѣдуетъ заключить, что другіе предметы не подлежали обложенію осмничимъ; и это вполнѣ понятно, такъ какъ остальные торговые сборы находились въ рукахъ городской общины, а головное мыто подлежало особымъ таможеннымъ пошлинамъ. Такимъ образомъ, подъ осмничимъ разумѣлась торговая пошлина, отчасти и ввозная, собиравшаяся неодинаковымъ способомъ; обложенію его подлежало въ извѣстныхъ случаяхъ и право торга и ремесла. Это показываетъ, что подъ именемъ осмничаго извѣстны были различныя пошлины и, вѣроятнѣе, такъ онѣ назывались по имени воеводскаго агента, наблюдавшаго за торговцами и ремесленниками; отсюда понятно, что съ уничтоженіемъ должности осмничаго, прежнія пошлины взимались, но не носили названія осмничаго [3]).

За исключеніемъ разсмотрѣнныхъ двухъ старинныхъ сборовъ остальныя торговыя пошлины различались или по предметамъ, съ которыхъ онѣ взимались, или по тѣмъ внѣшнимъ признакамъ, которые служили для опредѣленія размѣровъ сбора. Такъ, среди торговыхъ

---

[1]) Ibidem, p. 194—195. Ср. Отзывъ Михалона Литвина (Мемуары и пр.), в. I, p. 52.

[2]) Грамоты Антоновича и Козловскаго, p. 49. Объ обязанностяхъ осмничаго см. еще въ статьѣ В. Б. Антоновича (Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, p. 32). Грушевскій, Ист. Кіев. земли, p. 337.

[3]) Акты Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 112.

мытъ источники отличаютъ рыбное мыто, т. е. пошлину, взимавшуюся отъ продаваемой рыбы.

Мы уже знаемъ, что такое мыто взималось въ Кіевѣ осмникомъ. И впослѣдствіи, по уничтоженіи осмничества, рыбное мыто взималось въ пользу кіевскаго воеводы. При этомъ въ Кіевѣ брали особо мыто отъ привозимой въ городъ рыбы и особо при продажѣ рыбы на торгу [1]). Люстрація Мозырской державы даетъ подробное разъясненіе о способахъ сбора рыбнаго мыта. Торговецъ, привозившій рыбу въ городъ, при продажѣ обязанъ былъ давать „рыбу десятую" или грошъ десятый, или десятую бочку рыбы. Покупатель уплачиваетъ при куплѣ обѣстку по грошу отъ бочки рыбы. Независимо отъ этого, отъ рыбы здѣсь же взималось и въѣздное или проѣздное мыто: какъ купцы, такъ и рыбопромышленники, откуда бы они ни везли рыбу, пріѣзжая въ Мозырь или проѣзжая черезъ городъ, обязаны были давать тоже десятую часть своей рыбы [2]). Такимъ образомъ, торговая пошлина уплачивалась продавцемъ, но и покупатель привлекался къ сбору ввидѣ уплаты обѣстки. Въ Житомирѣ кромѣ рыбнаго мыта, собиравшагося на старосту, брали еще „солоное або тежъ вялое" рыбное мыто, шедшее на двѣ мѣстныя церкви; размѣръ этого мыта съ вяленой рыбы не показанъ. При сборѣ старостинскаго мыта различали лицъ, которыя продавали или покупали рыбу. Такъ, отъ мѣстныхъ жителей бралась въ пошлину тридцатая рыба; такая пошлина взималась, вѣроятно, тогда, когда мѣстный житель или покупалъ рыбу, или продавалъ. Иногородные платили отъ бочки соленой рыбы по два гроша отъ покупателя и по грошу отъ продавца [3]). Въ Чернобылѣ рыбное мыто платилось ввидѣ тридцатой рыбы,—вѣроятно, только продавцемъ [4]).

По предмету взиманія носило названіе также и дровяное мыто. Оно взималось съ деревянныхъ издѣлій, привозимыхъ на продажу, а также съ дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ [5]). Оно устанавливалось весьма рѣдко. Такъ, въ дворѣ въ Виршупахъ (подъ Вильной) дровяное мыто взималось въ размѣрѣ десятой вещи съ привозимыхъ деревянныхъ

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 112.
[2]) Ibidem, р. 619.
[3]) Ibidem, р. 146.
[4]) Ibidem, р. 589.
[5]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 171.

издѣлій [1]). Въ Вильнѣ взималось торговое мыто въ размѣрѣ двухъ пенязей съ воза съ деревянными издѣліями; строительные лѣсные матерьялы здѣсь однако не подлежали никакому сбору [2]).

Нѣкоторое сходство съ пошлинами, носившими названіе по роду облагаемыхъ предметовъ, имѣетъ скопное мыто. Такое названіе встрѣчается въ немногихъ мѣстностяхъ. Изъ господарскихъ державъ скопное мыто взималось въ Могилевѣ и здѣсь оно, повидимому, составляло важную статью дохода. Въ другихъ мѣстностяхъ, хотя и взималось мыто, сходное по предмету обложенія, но не носило названія скопнаго. Ревизія волынскихъ замковъ опредѣляетъ скопное мыто, какъ пошлину „отъ звѣру косматого" [3]), т. е. отъ мѣховъ.

Такимъ образомъ, подъ скопнымъ мытомъ ревизія разумѣетъ пошлину, взимавшуюся при продажѣ мѣховыхъ товаровъ: въ Корцѣ, говоритъ ревизія, „звечистого мыта по два гроши бирали, а теперъ отъ кождого коня по два гроши берутъ, а одъ звѣру косматого въ Корцижъ скопное мыто берутъ" [4]). Источники очень часто говорятъ о взиманіи скопнаго мыта въ Могилевѣ, такъ какъ оно сдавалось на аренду вмѣстѣ съ пограничнымъ мытомъ и корчмами, но они нигдѣ не разъясняютъ значенія этого мыта. Судя по приведенному выше свидѣтельству луцкой люстраціи, и могилевское скопное мыто взималось „отъ звѣру косматого" [5]).

Мыто, взимавшееся отъ привозимаго на продажу прѣснаго меду, называлось *повѣтщиной*. Такое названіе оно получило отъ того, что признакомъ, по которому взималось мыто, была та посуда, въ которой продавался медъ. Такъ, въ Кіевѣ повѣтщина взималась „отъ меду, отъ кади каждое, отъ века повестницы по грошу" [6]) (векомъ называется крышка отъ кади). Въ Мозырѣ повѣтщина взималась „отъ кождой судины великое и малое" по грошу [7]). Источники довольно

---

[1]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 145.

[2]) Акты Вил. К., т. VIII, р. 251.

[3]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 129.

[4]) Отмѣняя мыто въ Корцѣ, ревизоры какъ будто распространяютъ его и на другіе товары (стр. 139), но этому не слѣдуетъ придавать значенія: первое показаніе принадлежитъ самимъ мѣщанамъ, а второй текстъ —составленъ ревизорами и кромѣ того фраза построена неясно. Скопное мыто не имѣетъ ничего общаго со скопомъ, упоминаемымъ въ Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 59.

[5]) Прибавимъ, что этимологія слова „скопный" для насъ не ясна.

[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 112.

[7]) Ibidem, р. 618.

часто говорятъ о сборахъ повѣтщины особенно въ южныхъ и восточныхъ волостяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, пчеловодство имѣло огромное значеніе [1]).

Нѣкоторые предметы привозились для продажи на рынокъ въ бочкахъ, почему и пошлина, которою они облагались, называлась бочечнымъ. Такое бочечное собиралось, напримѣръ, въ Меречи [2]) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Способъ, по которому опредѣлялась пошлина при продажѣ рыбы, дровъ и отчасти меду, былъ довольно грубъ, такъ какъ размѣръ пошлины устанавливался по чисто внѣшнимъ признакамъ. Такой же пріемъ примѣнялся и при сборѣ другихъ пошлинъ. Среди послѣднихъ была *подужчина* или *подужное*. Подужчиной называлась торговая пошлина отъ муки, соли, жита и вообще отъ всякаго зерна. Такъ, въ Кіевѣ такое подужное взималось по полтора гроша отъ воза и сверхъ того платилась еще объѣстка по грошу отъ воза [3]). Объѣстку, которую платили на торгу при продажѣ хлѣба, надо понимать какъ плату за извѣщеніе уряда о состоявшейся торговой сдѣлкѣ. Въ Браславскомъ замкѣ, по словамъ ревизіи, торговое мыто взималось слѣдующимъ образомъ: „отъ торговцевъ подужнаго по 2 гроши, а мыто отъ копы по 2 гроши“ [4]). Изъ приведеннаго свидѣтельства памятниковъ видно, что подужчина отличается отъ другихъ родовъ торговаго мыта. Въ такомъ же смыслѣ выдѣляетъ подужчину отъ торговаго мыта и ревизія Чернобыльской державы [5]); въ Мозырѣ [6]), Пинскѣ [7]) и Меречи [8]), тоже взималась подужчина на ряду съ мытомъ [9]). Изъ

[1]) По одной грамотѣ XV вѣка взиманіе мыта отъ меду въ Кіевѣ имѣло различный размѣръ въ зависимости отъ величины мѣры, въ которой привозили медъ: „а отъ преснаго меду съ посудины съ вѣка по полугрошку, а отъ колоды меду грошъ, а за носатку меду два грошы“ (Акты Зап. Р., т. I, р. 145). Въ Могилевѣ повѣтщина собиралась „отъ меду пресного, отъ века по грошу“ (Акты Лит.-русск. гос., р. 201). Повѣтщиной называлась пошлина отъ меду и на Волыни (Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 129). Въ Винницѣ тоже извѣстенъ этотъ сборъ (Кн. Зап. Лит., LII, л. 24)

[2]) Бершадскій; т. I, р. 40.

[3]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 112.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 22.

[5]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 589.

[6]) Кн. Судн. Дѣлъ Литовскихъ, LIII, л. 125.

[7]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 94.

[8]) Бершадскій, т. I, р. 40.

[9]) Уставная грамота Рѣчицкому державцѣ 1528 года слѣдующимъ образомъ отдѣляетъ подужчину отъ другихъ мытъ: „а што ся дотычетъ мыта речицкого су-

этого видно, что подъ подужнымъ подразумѣвалось торговое мыто, взимавшееся съ хлѣбныхъ продуктовъ и съ соли. Намъ не удалось встрѣтить въ источникахъ разъясненія того, въ какомъ отношеніи подужчина находилась къ помѣрному. Но, повидимому, не можетъ быть сомнѣнія, что одно мыто не исключало другого, такъ какъ помѣрное взималось тогда, когда при совершеніи торга употреблялась мѣра, и, слѣдовательно, имѣло спеціальное назначеніе.

Рядомъ съ хлѣбомъ подлежалъ обложенію и другой важнѣйшій предметъ потребленія—продаваемый скотъ. Это мыто взималось отъ „головы". Точно такимъ же образомъ взималось торговое мыто и отъ лошадей. При этомъ торговое мыто отъ продажи рогатаго скота и отъ лошадей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бралось не только на рынкѣ, но и при продажѣ внѣ установленнаго торга; это видно, напримѣръ, изъ словъ Мозырской люстраціи: „отъ быдла, хто гдежъ колвекъ на продажу, або и у селехъ кому бы хто продавалъ, съ головы быдла по грошу, отъ коней по тому жъ" [1]). Смотря по мѣстности, торговое мыто отъ продаваемаго скота имѣло различные размѣры. Такъ, въ Рѣчицѣ при продажѣ лошади давалось по четыре гроша, вола—по два гроша, коровы—по грошу, мелкаго скота—по полъ-гроша [2]). Торговое отъ скота взималось въ моментъ совершенія купли-продажи; это видно уже изъ приведенныхъ данныхъ. По Могилевской уставной грамотѣ на старостинскіе доходы, подданые могилевскіе „маютъ... на торгу купячи на месте давати торговое отъ коня" и т. д. Послѣдняя грамота сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о торговомъ мытѣ и разъясняетъ, что въ этой мѣстности принимался въ разсчетъ цѣлый рядъ условій при сборѣ мыта. При продажѣ коня здѣсь брали по одному грошу узкому, а отъ вола и коровы по полъ-гроша узкаго; отъ мелкаго скота здѣсь, очевидно, мыто не бралось. Чужеволостцы на торгу даютъ торговое „потому, какъ и передъ тымъ даивали", т. е., вѣроятно, въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ мѣстные жители. При продажѣ скота въ селахъ мѣстные жители не даютъ мыта. Но, если мѣстный житель продаетъ скотъ чужеволостцу, то послѣдній

химъ путемъ и водою и подужчины, тое мыто и подужчину маеть онъ (староста) на замокъ нашъ брати потому, какъ въ первомъ привилеи нашомъ ему выписано" (Кн. Зап. Лит., XV, л. 262 об.—263 об.).

[1]) Архивъ Ю. З. Р., ч. VII, т. I, р. 618.

[2]) Кн. Зап. Лит., XV, л. 262 об.—263 об.

уплачиваетъ мыто въ такомъ же размѣрѣ, какъ и на торгу [1]. Изъ той же грамоты видно, что въ Могилевской волости торговое мыто бралось также и отъ убойнаго скота, привозимаго на продажу. Такое мыто мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Луцкѣ [2]), въ Кременцѣ [3]) и въ другихъ городахъ [4]). Оно бралось обыкновенно въ натурѣ, ввидѣ какой нибудь части мясной туши, и шло въ пользу мѣстныхъ войтовъ или другихъ мелкихъ врядовъ.

Разсмотрѣнные до сихъ поръ виды торговаго мыта падаютъ, какъ мы видимъ, на самые необходимые предметы потребленія. Но сверхъ нихъ обложенію подлежали и другіе предметы мѣстной торговли. Шляхта Мстиславская и Радомская, прося короля въ 1551 году объ освобожденіи ея подданыхъ отъ платежа торговаго мыта въ селахъ, слѣдующимъ образомъ перечисляетъ предметы, которые подлежали обложенію: „повѣдили передъ нами, ижъ коли люди ихъ въ имѣньяхъ ихъ по селомъ продають кони, або быдло, яловицы, волы, вепры, бараны, и тежь соль, и медъ пресный, и *иншіе дробные речи*, што въ кого будеть, ино дей мытники Мстиславскіе и Радомскіе отъ таковыхъ речей, што люди ихъ по селомъ продають, мыто въ нихъ беруть и тяжкость великую имъ въ томъ чинять“ [5]). Мстиславская шляхта называетъ это мыто подводнымъ,—конечно потому, что признакомъ, по которому оно взималось, былъ возъ (кромѣ скота). Король освободилъ шляхетскихъ подданыхъ отъ сбора мыта въ селахъ; только въ городахъ оно должно было уплачиваться по прежнему. Изъ этого видно, что торговому мыту подлежали также и „иншіе дробные речи“, т. е. вообще всякій предметъ купли-продажи. Сборъ торговаго мыта со всякаго рода товара обыкновенно дѣлался по оцѣнкѣ товара. Такъ, въ Житомирѣ купцы платили торговый сборъ въ размѣрѣ трехъ грошей отъ копы [6]). Въ Чернобылѣ торговцы даютъ „мыто съ товару каждого“ по два гроша отъ копы [7]). Въ Мозырѣ мыто

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 173—175.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 175.

[3]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 73.

[4]) Такой сборъ уже принимаетъ характеръ акциза. Ср. Рау, Основныя начала финансовой науки, II, 179.

[5]) А. Ю.-З. Р., I, р. 131.

[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 145.

[7]) Ibidem, р. 589.

платилось въ томъ же размѣрѣ [1]). Въ Могилевѣ мыто платилось „отъ всякихъ товаровъ [2]) и пр.

Размѣръ мыта устанавливался мѣстнымъ обычаемъ въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ условій, а потому былъ не одинаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Съ теченіемъ времени это обстоятельство создавало затрудненіе въ торговлѣ. Когда съ половины XVI-го столѣтія господарскій скарбъ сталъ съ большимъ интересомъ относиться къ торговымъ мытамъ и самъ сдавалъ ихъ въ аренду, то для нѣкоторыхъ мѣстностей были изданы господарскія уставы, опредѣляющія таксу мытнаго сбора [3]).

Мы перечислили извѣстные памятникамъ изучаемаго періода виды внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ [4]). Это изученіе даетъ намъ прежде всего возможность сдѣлать тотъ общій выводъ, что эти пошлины не отличались однообразіемъ въ способахъ и размѣрахъ обложенія. Въ проѣздныхъ пошлинахъ такое же разнообразіе замѣчается и въ опредѣленіи тѣхъ признаковъ, по которымъ облагался предметъ. Общая точка соприкосновенія какъ проѣздныхъ, такъ и торговыхъ пошлинъ

[1]) Ibidem, p. 604.

[2]) Акты Лит.-русск. гос., I, p. 201.

[3]) Такая устава была издана, напримѣръ, въ 1569 году для Кременца. Она издана по просьбѣ мѣстнаго арендатора мытъ малыхъ, жаловавшагося королю на то, что купцы требуютъ отъ него показать уставу, на основаніи которой онъ собираетъ мыто. Король, собравъ свѣдѣнія о томъ, какъ взималось *изстари* мыто, установилъ слѣдующую таксу „цла замкового“: отъ возу товару „простого“ два гроша, отъ воза соли 3 гроша 5 пенязей и десять толпъ соли, отъ коня турецкаго —6 грошей, отъ коня волоского 4 гроша, отъ „рога“ хмѣлю (рогъ—очевидно мѣстная мѣра)—2 гроша (Кн. Зап. Лит., LII, л. 13 об.).

[4]) Впрочемъ, въ источникахъ можно и еще указать на названія нѣкоторыхъ мытныхъ сборовъ. Напримѣръ, одинъ арендный контрактъ на отдачу торговаго мыта въ Мозырѣ слѣдующимъ образомъ перечисляетъ арендныя статьи: мыто рыбное, гонтура, озера съ езами, важчое, повѣтчину, подужчину, обѣстку, коруговое, поденщину, воскобойню, помѣрное (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 125). Изъ этого видно, что терминологія мѣстныхъ мытъ была довольно разнообразна. Примѣры такого разнообразія не разъ отмѣчались нами и въ текстѣ. Но это разнообразіе въ большинствѣ случаевъ относится не столько къ видамъ мытъ, сколько представляетъ собою мѣстную терминологію. Поэтому памятники, касающіеся одной и той же мѣстности, не всегда согласно перечисляютъ мытныя статьи. Такъ, люстрація Мозыря, несомнѣнно вполнѣ точно излагающая всѣ старостинскіе доходы, не упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сборовъ, о которыхъ говоритъ контрактъ 1567 года (о гонтурѣ, коруговомъ, поденщинѣ). Въ Витебскѣ собиралось струговое, возовое, челновое, квитовое (А. З. Р., IV, p. 167). Въ Луцкѣ собиралось побарышное (Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, p. 26) и пр.

заключается въ томъ, что оба эти вида мытъ раздѣляются на такія, въ основѣ которыхъ лежитъ оплата извѣстныхъ услугъ, и на такія, которыя этого условія въ себѣ не заключаютъ. Проѣздныя, вѣсовыя и помѣрныя пошлины представляютъ собою довольно опредѣленный видъ сборовъ. Напротивъ, торговыя пошлины являются довольно неустойчивымъ сборомъ. Въ общемъ онъ падаетъ на предметы первой необходимости (хлѣбъ, мясо, рыба, скотъ) или на наиболѣе распространенные предметы сбыта (медъ, мѣха). Привлеченіе къ оплатѣ пошлинами другихъ товаровъ довольно неопредѣленно. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы отмѣтили взиманіе пошлинъ съ цѣны товара; въ другихъ—объектомъ обложенія служитъ возъ, комяга и пр. Большое разнообразіе при взиманіи торговыхъ пошлинъ заключается и въ томъ, что мѣстный обычай при платежѣ пошлинъ различаетъ мѣстныхъ жителей и чужеволостцевъ, или иногородцевъ [1]). Еще большую неопредѣленность слѣдуетъ отмѣтить въ вопросѣ о взиманіи торговыхъ пошлинъ въ городахъ и селахъ. Вообще источники говорятъ объ уплатѣ торговаго мыта въ селахъ только при продажѣ скота, но и то съ извѣстными ограниченіями. Очевидно, другіе предметы сельской торговли облагались только въ немногихъ мѣстностяхъ. Намъ уже приходилось указывать на то, что вообще взиманіе торговыхъ пошлинъ въ селахъ нужно считать явленіемъ новымъ, получающимъ свое начало только около половины XVI-го столѣтія. Рудиментарность всей системы внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ будетъ для насъ еще яснѣе, когда мы познакомимся съ многочисленными изъятіями и привилегіями, которыми пользовались въ этомъ отношеніи отдѣльныя лица и цѣлые классы общества.

Излагая различные виды проѣздныхъ мытъ, мы неоднократно указывали на извѣстную группу такихъ, взиманіе которыхъ объясняется, какъ оплата за услуги, оказываемыя государствомъ или общинами и частными лицами. Такія мыта возникаютъ вслѣдствіе заботъ объ общественномъ благоустройствѣ. Такъ, наблюденія за правильностью мѣръ и вѣсовъ являются весьма важной стороной правильной торговли.

Естественно, поэтому, что установленіе всякаго рода мытъ съ очень ранняго времени русской исторіи находилось въ распоряженіи

---

[1]) Ср. еще Акты Лит.-рус. гос., I, р. 201.

представителя верховной власти [1]), хотя сборы мытъ и могли быть передаваемы княземъ частнымъ лицамъ [2]). Въ періодъ сложенія Литовско-русскаго государства право на установленіе мытъ зависитъ отъ удѣльныхъ князей [3]), но великокняжеская власть рано вторгается въ эту сферу власти удѣльно-княжеской, что доказывается раздачею со стороны великаго князя льготъ по платежу мытъ на удѣльно-княжеской территоріи [4]) и включеніемъ удѣльно-княжеской территоріи въ международные торговые договоры [5]). Принципіальное признаніе права за князьями на установленіе и разрѣшеніе новыхъ мытъ не устраняло, разумѣется, фактическаго появленія ихъ въ древнѣйшее время безъ согласія верховной власти; однако, государственная власть уже въ эпоху земскихъ уставныхъ грамотъ воспрещаетъ подобнаго рода попытки со стороны частныхъ лицъ [6]).

Съ объединеніемъ государства и паденіемъ удѣльной системы великокняжеское право на установленіе всякаго рода мытъ распространяется на всю территорію государства. Выразителемъ такого взгляда является первый Литовскій Статутъ: онъ запрещаетъ частнымъ лицамъ устанавливать мыта и признаетъ законными только тѣ изъ нихъ, на которыя выданы господарскіе привилеи (раздѣлъ I, арт. 21). Второй Статутъ подробно регулируетъ вопросъ о внутреннихъ мытахъ и торговыхъ сборахъ. Право разрѣшенія ихъ или установленія зависитъ отъ господаря. Получившіе разрѣшеніе на мыта обязаны держать въ исправности дороги, гребли, мосты и пр. Тотъ же Статутъ указываетъ на то, что установленіе мыта безъ затрудненій разрѣшается государственной властью, если только владѣлецъ земли представитъ достаточныя основанія, что сборъ необходимъ въ видахъ улучшенія сообщеній (раздѣлъ I, арт. 25) [7]).

---

[1]) Осокинъ, Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русск. финансоваго права. Казань, 1855, р. 16—18.

[2]) Собраніе Госуд. Гр. и Дог., ч. II, р. 7.

[3]) Грамоты В. Б. Антоновича, р. 5; Акты Лит.-рус. гос., I, р 148, А. Ю.-З. Р., т. I, р. 11, 12, 13, 14, 17 и др.; Arch. Ks. Lub. Sang., I, p. 7.

[4]) Грамоты гор. Вильно, т. I, р. 2, 9.

[5]) Ср. стр. 47 наст. изсл. и 45.

[6]) Ясинскій, р. 157.

[7]) Оба Статута говорятъ о сохраненіи права сбора за „стародавными" мытами, т. е. очевидно такими, которыя установились въ силу обычая, хотя это и противорѣчило ясно сознаваемымъ правамъ государства; впрочемъ, и на „стародавныя мыта" владѣльцы должны были получить великокняжескую санкцію (Кн. Зап. Лит., VII, стр. 1096). Второй Статутъ въ названномъ артикулѣ содержитъ въ

Изъ предыдущаго изложенія законодательныхъ памятниковъ видно, что въ изучаемый періодъ право на установленіе сбора всякаго рода мыта принадлежало исключительно верховной власти. Самое установленіе этого сбора понималось въ принципѣ, какъ извѣстный актъ общественнаго благоустройства. Дѣйствительно, обращаясь къ источникамъ, мы замѣчаемъ, что установленіе права на сборъ исходитъ всегда отъ господаря и мотивируется тою или иною потребностью. Почти въ каждомъ разрѣшеніи на устройство моста или гребли и на сборъ мыта встрѣчается и объясненіе причинъ этого сбора. Такъ, Немира Грималичъ проситъ короля о разрѣшеніи взимать гребельное и езовое мыто въ своемъ имѣніи, объясняя въ своей просьбѣ: „штожъ дей многіи люди и купцы быдло гонять на продажу чересъ имѣнья его Дряжнево и многіи купцы ездять на ярмарки чересъ тоежъ имѣнье его на гребли его, которыи жъ онъ гребли зъ великою трудностью и працею оправляеть, и они ты гребли его казять. И тежъ многіи люди тою рѣкою Бугомъ, которая подъ тымъ его имѣньемъ бѣжить, плоты, дрова проводять и езы его, которыи онъ на той рѣци маеть, разбивають и казять. А въ томъ дей ему шкода ся дѣеть“ [1]). Вотъ та причина, вслѣдствіе которой Грималичъ проситъ разрѣшить ему сборъ мыта и получаетъ это право на вѣчность. Воевода виленскій панъ М. Радивиллъ получаетъ разрѣшеніе на сборъ мостового мыта въ имѣніи своемъ Богушовѣ тоже потому, что ему приходится „своими людьми чотыри мосты мостить на рецѣ на Яскрѣ и на иншихъ рекахъ... а въ томъ дей ему много накладу естъ и людемъ дей его великая тяжкость ся дѣеть“ [2]). Вообще, дача мостового мыта или гребельнаго всегда мотивируется необходимостью устройства дороги. Иногда для этой цѣли господарь даже наводитъ справки о томъ, дѣйствительно ли есть въ данной мѣстности затрудненіе при переѣздѣ и оправдывается ли такимъ образомъ сборъ мыта [3]). Часто просители указы-

себѣ постановленія о запрещеніи устанавливать мыта, кромѣ „звычайнаго торгового“. Контекстъ этого мѣста могъ бы подать поводъ къ заключенію, что „звычайное“ мыто разрѣшалось устанавливать самимъ землевладѣльцамъ. Но это запрещеніе надо понимать въ томъ смыслѣ, что землевладѣльцы, получивъ королевскую привилегію на сборъ мыта, должны были собирать его согласно установленной королемъ таксѣ или не свыше нормъ, принятыхъ въ данной мѣстности.

[1]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 365.

[2]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 356.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 25.

ваютъ на то, что существующія условія переѣзда не удобны, почему необходимо ихъ улучшить. Въ имѣніи князя Ив. Ѳед. Масальскаго Олексицкомъ былъ перевозъ на рѣкѣ Свислочи: но при переѣздѣ черезъ рѣку купцы часто „трудность приймують", почему князь и проситъ о разрѣшеніи устроить мостъ и собирать мостовое [1]). Въ такомъ же положеніи были пути сообщенія въ имѣніи Семятичахъ на Волыни, принадлежавшемъ каштеляну львовскому пану Станиславу Тенчинскому: „Ино ижъ подъ тымъ местомъ его река Бугъ идеть оба береги на кгрунтѣ оного именья Семятицкого, на которой рецѣ перевозъ его милость свой маеть; нижли дей великую трудность приймують гости и купцы переезждчіе и онъ самъ съ поддаными своими... И хотячи тамъ мостъ своимъ накладомъ сбудовати просилъ насъ, (т. е. великаго князя) абыхмо на томъ мостѣ дозволили его милости мостовое брати, а то дей не будеть на жадной перекaзе мытамъ и мѣстамъ нашимъ, поведаючи, ижъ онаго мосту безъ великого накладу уробити не можеть" [2]). Если съ теченіемъ времени условія проѣзда по дорогамъ мѣнялись и требовали отъ землевладѣльца большихъ затратъ, чѣмъ та прибыль, которую онъ уже получалъ, то владѣльцы обращались съ просьбою о повышеніи мостового или гребельнаго, указывая на большіе расходы по содержанію пути въ исправности. Такъ, въ привилеѣ, данномъ князю Вас. Анд. Полубенскому на увеличеніе размѣра мостового въ имѣніи его Полубичахъ, приведенъ цѣлый рядъ причинъ такого увеличенія таксы [3]).

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 56 (1554 годъ).

[2]) Ibidem, л. 157.

[3]) Приведемъ это мѣсто грамоты: „Штожъ которая дорога великая идеть на именье его на Полюбичи, ино онъ въ той дорозе на многихъ злыхъ местцахъ на рекахъ и на болотахъ людми своими мосты и гати справуеть, а за то отъ купцовъ мыта бралъ отъ воза по одному полугрошку, въ чомъ собе пожытку никоторого не мелъ для того, ижъ тою дорогою, яко гостинцемъ великимъ, на каждый часъ многие ездять, а оные мосты великие и гати розбивають, што зъ немалою трудностью подданымъ его прыходить, частокроть тые мосты и гати поправуючи; а звлашче ижъ онъ тыхъ часовъ людми своими справилъ мостъ великий зъ села своего Полубичъ тяней черезъ болота а старою дорогою черезъ лесъ. И тыи вси злыи местца, где первей того великии трудности прыймовали, хто туды ездилъ, выкинулъ. А надъ то тежъ тыми разы, едучи намъ съ тамошнего панства нашого великого князства Литовского до Коруны Полское, князь Полубенский во всей той дорозе, почонши отъ Ломазъ ажъ до Ясенки, на водахъ и на болотахъ мосты и гати людьми своими про вчасность нашу господарскую добре заробити велелъ, где мы зъ дворомъ нашимъ безъ жадного замешканья тыи вси болота и реки проехали"...

Давая разрѣшеніе на мыто, господарь обыкновенно опредѣлялъ въ грамотѣ размѣры его; иногда встрѣчаемъ и напоминаніе объ обязанности держателя моста или гребли заботиться объ исправности переѣзда. Въ 1514 году кор. Сигизмундъ I разрѣшилъ брестскому еврею извѣстному Михелю Езофовичу устроить мостъ на рѣкѣ Бугѣ въ Дорогичинѣ взамѣнъ существовавшаго тамъ раньше перевоза. Мостъ долженъ быть построенъ на средства Езофовича. Онъ получаетъ право на сборъ мостового въ опредѣленномъ размѣрѣ. Этотъ сборъ идетъ на исправленіе моста. Однако, мыто собирается только отъ купцовъ. Впрочемъ, тѣ сборы съ мѣстныхъ жителей, которые раньше собирались на перевозъ, поступаютъ Езофовичу. Господарское мыто, собиравшееся раньше на перевозѣ, по прежнему взимается въ пользу господарскаго скарба. Пользованіе мостовымъ дорогичицкимъ Езофовичъ получаетъ до живота [1]). Почти на такихъ же условіяхъ получилъ королевское разрѣшеніе на пожизненный сборъ мостового мыта въ Брестѣ, взамѣнъ перевоза, мѣстный еврей Моисей Мордашевичъ [2]).

Хотя господарская власть слѣдила за тѣмъ, чтобы землевладѣльцы не выпрашивали себѣ сбора мостового или гребельнаго мыта на такихъ мѣстахъ, гдѣ устройство моста или гребли было излишне, на практикѣ не разъ въ этомъ отношеніи случались злоупотребленія. Въ 1511 году мѣщане володимирскіе имѣли тяжбу съ Петрашкомъ Калусовскимъ. Мѣщане жаловались, что Калусовскій беретъ на нихъ мыто „на добровольной дорозѣ", гдѣ раньше никогда не брали мыта. Помѣщикъ представилъ привилей вел. кн. Витовта жиду Шаню на имѣніе Калусово съ мытомъ мостовымъ, гребельнымъ и болотнымъ. Мѣщане въ свою очередь предъявили льготные листы вел. князей Свидригайла и Казимира, которыми они освобождены отъ мытныхъ сборовъ [3]).

Однако, не одни землевладѣльцы получали разрѣшенія на сборъ проѣзжихъ мытъ. Такое разрѣшеніе иногда давалось и городскимъ общинамъ, при чемъ заботы о благоустройствѣ соединялись съ дохо-

---

Почему „прыдали ему мыта надъ тотъ полугрошокъ, якъ первей его бралъ, по тры пенязи... зъ воза, въ которомъ два кони будуть, по грошу лядскому то есть по осми пенязей мыта брати" (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 14) (1542 г.).

[1]) Бершадскій, т. I, р. 85.

[2]) Ibidem, р. 88.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 146.

дами, которые города получали при сборѣ пошлинъ. Такъ, напримѣръ, въ 1538 году король Сигизмундъ I разрѣшилъ мѣщанамъ Виленскимъ исправить мостъ на рѣкѣ Виліи на городскія средства и собирать на немъ мостовое въ пользу города; городская община обязана и впредь исправлять мостъ [1]). Подобнаго же рода разрѣшеніе на сборъ мостового получили мѣщане минскіе; они получили право собирать мостовое при переѣздѣ черезъ мосты на рѣкѣ Свислочи отъ всѣхъ людей „купецкихъ и сельскихъ", за исключеніемъ шляхты и подводъ, везущихъ хлѣбъ, принадлежащій шляхтѣ [2]). Мѣщане мозырскіе имѣли перевозъ на Припяти, который сдавали въ аренду [3]). Доходы, которые собираютъ города ввидѣ пошлинъ, иногда назначались великимъ княземъ на опредѣленныя нужды города. Такъ, мѣщане Берестейскіе получили въ 1525 году листъ отъ короля на сборъ въ Берестьи проѣзжаго мыта, за что обѣщали устроить мосты на трехъ рѣчкахъ, протекающихъ по городу, замостить улицы, а также „гаковници и порохи и иныи потребы ку оборонѣ местской справовати и прибавляти всякими бронами" [4]). Это мыто дано мѣщанамъ берестейскимъ на 10 лѣтъ, но впослѣдствіи мѣщане выхлопотали себѣ подтвержденіе на мостовой сборъ [5]). Мѣщане Владимирскіе пользовались помѣрнымъ и мостовымъ, доходы съ котораго должны были обращать на военныя нужды замка,—наемъ пушкарей, покупку пороха и т. д. [6]).

Не только города получали право на сборъ мыта для оплаты какой-нибудь опредѣленной потребности, но иногда король назначалъ мытный сборъ на содержаніе уряда или служилаго лица. Въ этомъ случаѣ не всегда имѣлись ввиду интересы общественнаго благоустройства; поэтому давались мыта, какъ на мостахъ и перевозахъ, такъ и обыкновенное проѣзжее мыто, не оправдываемое необходимостью постройки моста или гребли. Такъ, на маршалковство волынское шло мыто мостовое, собиравшееся на мосту въ Луцкѣ [7]). Князь Лукашъ Свирскій получилъ отъ короля Сигизмунда Августа за службу право

---

[1]) Грамоты гор. Вильно, I, р. 62.
[2]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 180.
[3]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 624.
[4]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 199.
[5]) Кн. Зап. Лит., L, л. 236.
[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 31.
[7]) Кн. Зап. Лит., XXIII, л. 51 об.; Акты Ю.-З. Р., т. II, № 112.

на сборъ мостового мыта въ имѣніи своемъ на рѣкѣ Клевси и на корчму вольную [1]). Князь К. И. Острожскій получилъ разрѣшеніе на сборъ мыта съ проходящихъ и проѣзжающихъ людей въ имѣніи своемъ Чернеховѣ [2]). Это мыто уже не оправдывается никакими соображеніями о благоустройствѣ путей сообщенія: господарь устанавливаетъ въ награду за службу извѣстнаго рода доходныя статьи, которыя идутъ въ пользу заслужившаго господарскую „ласку". Въ данномъ случаѣ сборъ мыта преслѣдуетъ чисто фискальныя цѣли. Подобнаго же рода сборы и съ тѣми же цѣлями господарь учреждалъ иногда и для содержанія должностныхъ лицъ. Въ началѣ второй половины XVI вѣка Луцкая земля была „оздобена" врядомъ войского. Въ 1566 году Сигизмундъ Августъ „хотечи еще тотъ врадъ войское луцкое певнымъ платомъ надети и упривильевати", учреждаетъ сборъ мыта по 12 грошей отъ каждой комяги, идущей какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкамъ Стыру и Брыни [3]).

Особенно часто духовенство получало привилегіи на сборъ мыта; такія привилегіи давались для поддержанія церквей и монастырей. Такъ, виленскій костелъ св. Станислава имѣлъ старинное право на сборъ сухопутнаго и водяного мыта въ костельномъ имѣніи Стрѣшинѣ [4]). Костелъ луцкій имѣлъ право на сборъ пограничнаго мыта съ соли въ своемъ имѣніи Торчинѣ, но, повидимому, только съ костельныхъ подданыхъ; это мыто имѣло спеціальное назначеніе и шло на содержаніе капитульнаго казнодѣя [5]). Троицкій костелъ въ Кіевѣ собиралъ въ свою пользу помѣрное отъ хлѣба [6]).

Такимъ образомъ сборъ проѣзжихъ мытъ имѣлъ двоякій характеръ: они устанавливались или какъ оплата проѣзжающими услугъ, доставляемыхъ имъ государствомъ, общинами и частными лицами, или же устанавливались исключительно съ фискальными цѣлями. Въ ревизіяхъ Волынскихъ замковъ, на которыя мы не разъ ссылались, можно насчитать нѣсколько десятковъ частновладѣльческихъ имѣній, въ которыхъ собиралось проѣзжее мыто, не оправдываемое никакими услугами; многія изъ этихъ мытъ установились въ силу обычая, но

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 52.
[2]) Кн. Зап. Лит., XII, л. 143 об.
[3]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 54 об.
[4]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 75; Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 158.
[5]) Кн. Зап. Лит., XLVI, л. 20 об.
[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 111.

среди нихъ не мало было и такихъ, которыя основывались на королевскихъ привилегіяхъ. Давая разрѣшеніе на сборъ мыта частному лицу, королевская власть обыкновенно предусматривала, чтобы новое мыто не было „шкодно“ сосѣднимъ господарскимъ мытамъ. Этотъ принципъ государственная власть всегда проводила при раздачѣ разнаго рода доходныхъ статей. Держась этого принципа, королевская власть устанавливала извѣстнаго рода округъ, который обязательно долженъ былъ пользоваться сооружаемымъ мостомъ, греблей и т. п. Такъ, когда былъ построенъ мостъ въ селѣ Сакахъ, то изданный по этому поводу господарскій листъ обязываетъ всѣхъ купцовъ держаться этой дороги и платить мостовое [1]). При учрежденіи воднаго мыта на врядъ войского луцкого тоже былъ установленъ извѣстный районъ, избѣгать котораго запрещалось купцамъ [2]).

Разумѣется, господарскія привилегіи на сборъ ярмарочнаго и торговаго мыта носили исключительно характеръ пожалованія, „ласки и милости“ великаго князя. Сущность этого рода мыта намъ уже извѣстна и теперь остается только указать на тѣ условія и причины, которыя вызывали выдачу подобнаго рода привилегій. Что касается разрѣшенія городамъ на устройство ярмарокъ и торговъ, то таковыя привилегіи объясняются желаніемъ или оказать помощь „знищенью“ жителей [3]), или способствовать усиленію мѣстной торговли [4]). Вообще великокняжеская власть весьма охотно раздавала привилегіи на торги и ярмарки въ господарскихъ городахъ съ цѣлью вызвать оживленіе мѣстной торговли и приливъ населенія въ городскіе центры. Рѣдкій городъ, поэтому, не имѣлъ подобнаго рода льготы. Однако и частныя лица въ широкой мѣрѣ получали разрѣшеніе на осаду городовъ и мѣстечекъ и устройство въ нихъ торговъ и ярмарокъ. Надо замѣтить, что привилегіи частнымъ землевладѣльцамъ на устройство ярмарокъ, торговъ всегда сопровождались разрѣшеніемъ на осаду мѣстечка, т. е. на переводъ его на магдебургское право; почти во всѣхъ такихъ городахъ землевладѣльцы получали право держать и вольныя корчмы, т. е. свободныя отъ платежа капщизны. Пожалованія на ярмарки и торги исходятъ исключительно отъ верховной власти и являются актомъ „милости, ласки“

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 451. об.

[2]) Кн. Зап. Лит., L, л. 29.

[3]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 180.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 114.

господаря, великаго князя. Въ привилеяхъ иногда точно обозначаются дни, назначенные для торговъ и ярмарокъ; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ выборъ дней предоставляется владѣльцу,—„на который день воля его будеть" [1]). Въ очень рѣдкихъ случаяхъ грамоты не ставятъ условія, чтобы вновь открываемые частновладѣльческіе торги и ярмарки не были „ку шкодѣ" сосѣднимъ господарскимъ городамъ и мѣстечкамъ. Какъ привилегія, данины на ярмарки давались господаремъ за службу жалуемаго лица [2]), а иногда и безъ всякаго указа-

[1]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 104 об.; Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 107. Увеличеніе числа торговыхъ дней зависѣло отъ королевскаго разрѣшенія. Такъ, Юрій Петкевичъ имѣлъ въ воскресенье торгъ по грамотамъ королей Александра и Сигизмунда I въ имѣніи своемъ Высокомъ, но у Сигизмунда Августа выпросилъ еще одинъ торговый день въ четвергъ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 239 об.).

[2]) Приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ, характеризующихъ причину выдачи привилегій. Левша Боговитиновичъ получилъ въ 1504 году грамоту короля Александра на устройство замка въ имѣніи своемъ Левковѣ, осаду здѣсь мѣстечка на нѣмецкомъ правѣ, а также на ярмарки и торги; „мещаномъ Левковскимъ волно торговати везде по великому князству Литовскому со всякою куплею"; привилегія дается ему, ввиду его службы „ку отцу нашому королю Казимиру и къ намъ верную службу" (Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 107). М. М. Радивиллъ получаетъ въ 1510 году грамоту на осаду мѣста на правѣ холмскомъ въ им. Ваневѣ и постройку моста черезъ Наревъ; грамота дается „з ласки нашое, впамятавши его к намъ вѣрную службу, на его челомбитье то вчинили" (Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 138). Въ 1546 году конюшій дворный Ерошъ Карштскій съ женою своею выпросили привилей на осаду мѣста, торгъ и корчмы въ имѣніи ихъ Городищѣ; они объясняли въ своемъ челобитьи: „И поведил передъ нами, ижъ тое имене ихъ поодаль местъ нашихъ господарскихъ естъ. Ино мы бачачи то, ижъ онъ обецне у двору нашого при насъ мешкаеть и намъ то, пану своему, добре заслугуеть, з ласки нашое на чоломбитье его самого и жоны его то есмо вчинили, дозволили имъ и тымъ листомъ нашимъ дозволяемъ и даемъ имъ въ томъ именью ихъ Городищу торгъ в кождой недели в день понеделковый мети и место людьми вольными, прихожими осаживати, и корчомъ вольныхъ медовыхъ и пивныхъ и горелого вина тамъ держати только, колько они ихъ могутъ мети. И маеть онъ з жоною з детми и потомки своими того торгу своего вымеyю Городищскомъ мети и корчомъ тамъ уживати и платы капщизные и торговые и иншие доходы, которые бы колвекъ съ того места и торгу мѣли приходити, на себѣ брати на вечные часы" (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 16 об.—17). Панъ Иванъ Немиричъ задумалъ устроить замокъ въ кіевскомъ имѣніи своемъ—Городищѣ. Король далъ ему разрѣшеніе на устройство замка, осаду мѣста, торгъ и корчмы. Однако уже по выдачѣ привилегіи королю доложили, что постройка замка въ Городищѣ *будетъ „ку великой шкоде и перекaзе тамошнимъ замкомъ и местомъ нашимъ"* и будто бы Немиричъ не имѣетъ „вѣчистого" права на имѣніе. Король распорядился прекратить постройку замка и произвести слѣдствіе. Разсмотрѣвъ результаты его, король нашелъ: „ижъ тотъ замочокъ его не естъ на жадной перекaзе замкомъ и

нія на заслуги [1]).

На Украинѣ разрѣшенія на осаду мѣстъ, ярмарки и торги охотно давались тѣмъ лицамъ, которыя обѣщали здѣсь построить замокъ; эти лица обязывались содержать замокъ въ боевой готовности [2]). Выдача

местомъ нашымъ тамошнимъ украиннымъ и бачачы, ижъ таковыи замки на украине не есть ку шкоде, але лепшому пожытку нашому и на причыну королевое его милости великой кнегини Боны и памятаючы на его къ намъ верныи послуги, зъ ласки нашое господарское на его челомбитье то учынили, дозволили ему въ томъ именью его Городищу... замокъ збудовати место садити людми волными прыхожыми и торгъ на кождую неделю мети... у неделю, и корчмы тамъ держати со всими пожытки и доходы торговыми, яко и по иншымъ местомъ князьскимъ, панскимъ обычай того естъ, безъ шкоды нашое господарское. А маеть онъ въ томъ именьи своемъ дорогу завжды чынити и мосты на болотахъ мостити, а отъ того за працу свою маетъ тамъ мыто брати, яко отъ збожья, такъ и отъ соли и отъ иныхъ купецкихъ речей отъ возу по полугрошу" (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 146—147). Иванъ Юрьевичъ Глѣбовичъ получаетъ разрѣшеніе на осаду мѣста, ввиду своихъ заслугъ въ московской войнѣ: „Бачачи тежъ на то, ижъ онъ отъ непріятеля нашого Московского на именьи естъ скажонъ и завжды, будучы на Вкраине, послуги свои намъ, пану своему и Речи Посполитой, не лютуючи горла и маетности своее, противъ неприятеля нашого чинить мы, зъ особливое ласки нашое на его чоломбитье, то вчинили и при томъ листе пана воеводы полоцкого пана Яна Юрьевича Глебовича его зоставуемъ: маеть онъ въ именьи своемъ Залесьи на той земли части своеи, которая се ему въ томъ именьи отъ братьи его зостала, место садити и торгъ вчинити, на который день воля его будеть, и корчмы тамъ мети и горелкою шинковати"... (Кн. Запис. Лит., XXIV, л. 104 об.). (Ср. ibidem, л. 104 об.—105, Кн. Зап. Лит., XII, л. 256,—привилей на ярмарки князю Юрію Дубровицкому въ имѣніи его Глускѣ (1525 г.); л. 322—Яну Костевичу; л. 322 об.—Яну Николаевичу на торгъ и корчмы въ имѣніи его Годутишкахъ; л. 323—Г. Тышковичу на мѣсто торгъ и корчмы въ Бѣлавичахъ и др.

[1]) Мартинъ Вековичъ въ челобитьи королю въ 1508 году основывалъ просьбу свою о разрѣшеніи торга на томъ, что въ его имѣніи Ляляхъ „многіи люди нашы и иншыи люди приходятъ", т. е. для торговли (Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 132). Миколай Сиревичъ получилъ грамоту на торгъ въ Жагорахъ, такъ какъ заявилъ королю, „штожъ торгомъ по дворомъ нашымъ жомойтскимъ нешкодно есть" (ibidem, р. 62). Разумѣется, многіе получали подобныя разрѣшенія безъ всякаго опредѣленія причинъ дачи (напр., Книга Публ. Дѣлъ Лит., XXVIII, л. 146 и др.).

[2]) Одинъ такой фактъ, касающійся пана Немирича, мы уже привели въ предыдущемъ примѣчаніи. Приведемъ еще указаніе на привелей князю Дмитрію Романовичу Веденецкому 1541 г. Князь заявилъ королю, что „въ именьи ихъ на имя Ухабной при реце Уши естъ местцо годное, на которомъ мѣстцу они въ томъ именьи ихъ хочутъ замокъ собе тамъ збудовати, при которомъ жо деи замку абыхмо дозволили ему въ томъ именьи место садити, торгъ волный и корчмы мети". Король согласился на его просьбу и разрѣшилъ осаду мѣста, торгъ и корчмы въ его имѣніи съ правомъ „съ того собе пожитки привлащати безъ шкоды нашое господарское"; но за то владѣлецъ обязанъ „въ томъ замку своемъ броны

королемъ грамоты на торгъ и корчмы иногда сопровождалась публикацiей по сосѣднимъ торгамъ и мѣстечкамъ [1]).

Проводя неизмѣнно тотъ принципъ, чтобы учреждаемыя частновладѣльческiя мѣстечки не вредили торговлѣ господарскихъ, правительство тѣмъ самымъ обезпечивало извѣстный торговый районъ для послѣднихъ. Вообще это стремленiе къ установленiю извѣстнаго района, округа для тѣхъ или иныхъ фискальныхъ и торговыхъ цѣлей, составляетъ весьма характерную черту скарбовой политики. Мы часто съ нею будемъ встрѣчаться [2]). Здѣсь интересно отмѣтить еще особый рѣдкiй видъ привилегiи, когда великiй князь устанавливалъ такой же торговый районъ для землевладѣльческихъ торговъ. Въ этомъ смыслѣ получилъ жалованную грамоту въ 1527 г. князь К. И. Острожскiй: король подтвердилъ старинные торги въ волынскихъ имѣнiяхъ князя, запретивъ панамъ, князьямъ и земянамъ Волынской земли имѣть торги въ тѣ же дни, въ какiе они происходятъ въ имѣнiяхъ Острожскаго потому, что въ торговлѣ послѣднихъ отъ этого чинится „сказа“ и „шкода“ [3]). Послѣднiй фактъ не только интересенъ, какъ особаго рода привилегiя, но важенъ тоже и тѣмъ, что еще разъ подтверждаетъ широкiя прерогативы великокняжеской власти по отношенiю къ раздачѣ привилегiй.

всякие и зъниж замковые тамъ мети и въ доброй опатрности его ховати и яко бронями, такъ и иншими речми, што къ замку прислухають, маеть его наспижовати такъ, яко бы часу пригоды отъ неприятеля нашого тотъ замокъ его въ доброй безпечности былъ. И мають они сами, ихъ дети и напотомъ будучие ихъ щадки тотъ замокъ и место въ именьи Ухабной держати и вживати яко то властность именья своего на вѣчныи часы“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 104 об.—105).

[1]) По всей вѣроятности, она не всегда дѣлалась, потому что объ этомъ сравнительно рѣдко говорятъ жалованныя грамоты. Вотъ въ какихъ, напримѣръ, словахъ говоритъ объ этомъ привилей кн. Андрею Вишневецкому: ему разрѣшаются торгъ и ярмарки въ городахъ Андреевѣ и Поповцахъ, при чемъ король постановляетъ „то по всихъ местахъ и местечкохъ нашихъ господарскихъ и князскихъ, панскихъ, становъ духовныхъ и свецкихъ выкликати и ознаймити, а мещане оныхъ местъ его помененыхъ тыхъ ярмарковъ и торговъ, отъ насъ имъ наданыхъ, въ часы и дни верху описаные за симъ листомъ нашимъ уживати мають вечно“. Но опять таки съ непремѣннымъ условiемъ, чтобы господарскимъ городамъ не было отъ новыхъ городовъ „шкоды“ и „переказы“ (Кн. Зап. Лит., LI, л, 213 об.—214). Ср. такой же привилей Михаилу Хрѣницкому, Кн. Зап. Лит., L, л. 17.

[2]) Виленцы получили привилей на устройство гостинницы для московскихъ пословъ и тутъ былъ обозначенъ округъ. Грамоты гор. Вильны, I, р. 60. Право на бани тоже могло быть исключительнымъ, напр. Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 14 и 46.

[3]) Кн. Зап. Лит., XII, л. 347; Любавскiй, о. с., р. 791.

Въ XVI в. много возникаетъ частновладѣльческихъ и господарскихъ мѣстечекъ съ торговыми и ярмарочными днями. Сборъ пошлинъ проникаетъ и въ сельскую торговлю. Множество мѣстъ сбора пошлинъ, разнообразіе формъ ихъ, возможность злоупотребленій—тяжело стали отзываться на торговлѣ. Не менѣе вредно отзывались на торговлѣ проѣзжія и въѣзжія пошлины. Ихъ было очень много съ весьма разнообразными способами взиманія сборовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти пошлины въ большомъ количествѣ возникли въ болѣе древнее время. Этимъ, напримѣръ, отличалась уже въ XV-омъ вѣкѣ Волынская земля. Многія мыта возникли здѣсь по королевскимъ грамотамъ, но еще большее число ихъ установлено самими панами и являлось злоупотребленіемъ. Ревизія Волынскихъ замковъ 1545 года представляетъ въ этомъ отношеніи весьма много любопытныхъ подробностей. Мѣщане Володимирскіе и Луцкіе жаловались ревизорамъ на множество новыхъ „незвычайныхъ“ мытъ, установленныхъ князьями, панами и духовенствомъ въ своихъ имѣніяхъ; при сборѣ мыта шляхта задерживаетъ купцовъ и грабитъ ихъ. Отъ этого, говорили мѣщане, мы пропали, пришли въ большую нищету и многіе совсѣмъ оставили торговлю, почему убытокъ терпятъ не только сами мѣщане, но и король. Мѣщане представили ревизорамъ грамоту короля Казимира, изъ которой видно, что уже въ третьей четверти XV-го вѣка мѣщане судились съ панами по поводу взиманія незаконныхъ мытъ. Грамота Казимира перечисляетъ около сорока мѣстъ, гдѣ взималось мыто, но изъ нихъ не болѣе тринадцати признаны королемъ законными, т. е. восходящими къ эпохѣ Витовта; остальныя болѣе поздняго происхожденія и незаконно взимались съ мѣщанъ. Король запретилъ эти сборы, но запрещеніе осталось только на бумагѣ, какъ это видно изъ жалобы 1545 года. Въ послѣднемъ году ревизоры насчитали пятьдесятъ семь мѣстъ, въ которыхъ взималось шляхтою мыто, кромѣ мытъ въ господарскихъ имѣніяхъ, а также въ имѣніяхъ князей Острожскихъ и Слуцкихъ. Почти всѣ помѣщики, которымъ запрещаетъ взиманіе мыта Казимирова грамота, продолжали, однако, собирать пошлины. Среди нихъ мы встрѣчаемъ даже Петра Калусовскаго, у котораго луцкіе мѣщане оспаривали мытные сборы на несуществующей греблѣ не только при Казимирѣ, но и при королѣ Александрѣ. Ревизоры сдѣлали постановленіе о невзиманіи незаконныхъ мытъ. Сомнительно только, чтобы эти распоряженія имѣли какой-нибудь практическій результатъ. Въ общемъ выводъ, къ которому пришли ревизоры, былъ довольно печаленъ.

Замковыя орудія, снаряженіе которыхъ лежало на обязанности мѣщанъ, оказались въ плачевномъ состояніи. Ревизоры подвергли за это мѣщанъ штрафу, но тутъ же отмѣчаютъ, что торговля въ Луцкѣ подвергается такимъ стѣсненіямъ, которыя дѣлаютъ для мѣщанъ затруднительнымъ сборы на замковыя нужды. Городъ окруженъ помѣщичьими землями; помѣщики собираютъ множество мытныхъ сборовъ при въѣздѣ въ городъ. Въ самомъ городѣ, по словамъ ревизіи, съ одного воза берутъ по семи и по восьми мытъ, кромѣ мостовыхъ и другихъ дорожныхъ. Не всякій, поэтому, рѣшается ѣхать въ Луцкъ и предпочитаетъ вести торговлю въ мелкихъ окрестныхъ мѣстечкахъ. Въ Луцкъ нѣтъ даже достаточнаго подвоза провизіи, такъ что мѣщане сами должны за ней ѣздить въ другіе города [1]).

Приблизительно въ такомъ же положеніи были и другіе крупные торговые центры. На Волынь раньше проникло торговое оживленіе, почему здѣсь уже въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ множество частновладѣльческихъ мытъ. Съ теченіемъ времени, какъ только развивалась торговля въ томъ или другомъ пунктѣ, окрестные помѣщики усиленно хлопочутъ о полученіи привилегіи на сборъ мыта. По книгамъ Метрики Литовской можно было бы легко прослѣдить, какъ облѣплялись проѣзжими мытами крупные городскіе центры по мѣрѣ возрастанія ихъ торговаго значенія. Около половины XVI-го столѣтія множество грамотъ выдается на мыто подъ Вильной, Ковномъ, Полоцкомъ и Витебскомъ, а затѣмъ та же погоня за грамотами переходитъ на востокъ къ Могилеву. Конечно, подъ этими городами и раньше существовали частновладѣльческія таможенныя заставы, но въ названное время количество ихъ увеличивается именно вслѣдствіе торговаго развитія городовъ. Частновладѣльческія мыта тогда же появляются въ Полоцкой и Витебской земляхъ потому, что падаетъ значеніе мѣстныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ. Такъ, не легко было, напримѣръ, пробраться купцу съ товарами къ Вильнѣ или Ковнѣ. Подъ Вильной рѣки Вилія и Жеймена были унизаны мытными заставами большею частію незаконнаго происхожденія; такія же мыта взимались въ Веркахъ, Неменчинѣ, Быстрицѣ, Марковѣ, Данишевѣ, Жодишкахъ, Колтенянахъ и въ другихъ мѣстахъ [2]). Святая рѣка Не-

---

[1]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 123, 133. 135, 192 и др.

[2]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 146 и 193; Собраніе грамотъ города Вильны, т. I, р. 71, 75; Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 204 об.

вяжа подъ Ковной была свободна, согласно королевскимъ грамотамъ, отъ мытъ на езахъ. Однако, короли должны были не разъ защищать ковенцевъ отъ „вытеганья“ мытъ берегового, мостового, гребельнаго и „незвыклыхъ вымысловъ“, налагать заруки на непослушныхъ и пр. [1]).

Вообще жалобы на сборъ мыта въ неразрѣшенныхъ мѣстахъ или на взиманіе „непомѣрныхъ“ мытъ около половины XVI вѣка становятся весьма частыми [2]). Поводы для такихъ жалобъ были весьма разнообразны [3]). Король издавалъ заручные листы, по частнымъ поводамъ, о невзиманіи шляхтою излишнихъ мытъ [4]). Но самые листы, издаваемые въ большомъ числѣ, показываютъ, что правительство было безсильно въ борьбѣ съ шляхтою: она не всегда принимала въ разсчетъ господарскіе безмытные листы [5]).

Разсмотрѣвъ различные виды торговыхъ сборовъ и внутреннихъ таможенныхъ, намъ слѣдуетъ отмѣтить значеніе ихъ, какъ источниковъ скарбоваго дохода. Уже предыдущее изложеніе даетъ до извѣстной степени достаточное количество фактовъ, позволяющихъ судить о томъ мѣстѣ, какое занимали означенные сборы среди источниковъ дохода. Самый характеръ сборовъ можетъ быть уясненъ лишь съ помощью актовъ, утверждающихъ права частныхъ землевладѣльцевъ, городовъ и врядниковъ на торговыя и проѣзжія мыта. Это уже показываетъ, что скарбъ немногія изъ мытъ эксплоатировалъ въ свою пользу. Привилегіи на мыта, раздаваемыя землевладѣльцамъ, не могли существенно подрывать скарбоваго дохода потому, что эти мыта вытекали изъ вотчинныхъ правъ на землю; поэтому господарскій скарбъ

---

[1]) Собраніе грамотъ гор. Вильны, т. II, р. 162.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 204 об.; Кн. Зап. Лит., XLV, л. 127.

[3]) Для характеристики сказаннаго мы укажемъ еще на нѣкоторые факты въ дополненіе къ уже изложеннымъ. Такъ, въ 1558 г. мѣщане кіевскіе имѣли тяжбу съ канониками виленскаго костела св. Станислава по поводу взиманія съ мѣщанъ мытъ „незвычайныхъ“ въ костельномъ имѣніи Стрешинѣ, несмотря на привилегіи кіевлянъ, освобождающія ихъ отъ мытъ; король, однако, постановилъ взимать съ мѣщанъ мыто, но въ уменьшенномъ размѣрѣ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 158—159). Въ 1555 году между мѣщанами могилевскими и державцею Рогачевскаго староства (оно принадлежало королевѣ Бонѣ) велись споры о мытѣ въ Рогачевѣ. Король приказалъ могилевскимъ купцамъ не объѣзжать рогачевскаго мыта, но мѣщане все таки его объѣзжали по Сожу, потому что державца взималъ мыто „непомѣрное“ (Кн. Зап. Лит., XXXVI, л. 39).

[4]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 274 об.; Кн. Зап. Лит., LVI, л. 19.

[5]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 120.

нигдѣ не собиралъ торговыхъ и проѣзжихъ мытъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Выходъ же мытъ изъ распоряженія скарба на господарскихъ земляхъ составлялъ уже непосредственное уменьшеніе скарбоваго дохода. Великіе князья Литовскіе широкою рукою раздаютъ привилегіи городамъ на сборы мытъ; иногда эти привилегіи, какъ мы видѣли, даются городскимъ общинамъ для нуждъ мѣстнаго благоустройства или обороны, но еще чаще онѣ носятъ прекарный характеръ, хотя и имѣютъ цѣлью развитіе мѣстной торговли. Предоставленіе мѣстнымъ правительственнымъ административнымъ агентамъ мытныхъ сборовъ также носитъ характеръ усиленія врядничьихъ доходовъ и опять таки ввиду усиленія мѣстныхъ оборонительныхъ средствъ. По источникамъ легко установить, что громадное большинство городовъ и державъ, въ которыхъ можно было предвидѣть сколько-нибудь значительные торговые обороты, не давали въ скарбъ никакихъ мытныхъ доходовъ, такъ какъ мыта здѣсь находились въ рукахъ городскихъ общинъ и врядниковъ [1]). Устава 1529 г. для дво-

[1]) Приведемъ для подтвержденія сказаннаго списокъ главнѣйшихъ городовъ съ показаніемъ, какими сборами, согласно привилеямъ, каждый изъ нихъ владѣлъ:

Въ Новгородкѣ на ратушу шло: вага, мѣрное, воскобойня, капница (прив. 1511 г.) (А. З. Р., II, р. 91—92).

Въ Минскѣ: важница, капница (прив. 1499 г.) (А. З. Р., I, р. 187—189); также мосты (А. Ю.-З. Р.—ср. выше); по грамотѣ 1503 г. воскобойня и капница нереданы войту „на вѣчность“ (Акты Лит.-р. госуд., I, 104).

Въ Берестьи въ 1525 г. передано на ратушу мостовое (ibidem, р. 199), въ 1511 г.—воскобойня (А. З. Р., II, р. 94).

Въ Луцкѣ: важница, воскобойня (Арх. Юго-Зап. Р., ч. V, т. I, р. 14), помѣрное и мостовое (ibidem, р. 31), хотя до пожалованія магдебургскаго права доходъ отъ ваги шелъ въ скарбъ (Акты Лит.-рус. гос., I, 82); проѣзжія мыта—у маршалка, ключника и войскаго.

Во Владимірѣ: помѣрное и мостовое (Архивъ Юго-З. Р., ч. V, т. I, р. 31); воскобойня была у старосты (Памятн., l. c., р. 170)

Въ Вильнѣ: помѣрное, воскобойня (Собр. гр. гор. Вильны, I, р. 3, 8), мостовое (ibidem, 154), мостовое на госпиталь (ibidem, р. 80).

Въ Витебскѣ: вага и помѣрное (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., II, л. 20 об,).

Въ Полоцкѣ вага искони принадлежала городу, хотя временно была взята вел. кн. Александромъ въ скарбъ (Ясинскій, о. с., р. 133, ср. А. З. Р., II, р. 76—79), капница, помѣрное, дворъ гостинный (ibidem, напр., А. З. Р., I, р. 179); впрочемъ съ гостиннаго двора половина дохода шла въ скарбъ (ср. еще о вагѣ Кн. Зап. Лит., XV, л. 56 об—58).

Въ Кіевѣ: помѣрное медовое, а также воскобойня, но съ уплатой въ скарбъ по 2 копы гр. отъ каждой коморы, важное—на господаря (А. Ю.-З. Р., II, 127).

Въ Высокомъ: вага (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 190).

ровъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ цѣликомъ даже передаетъ въ руки державцевъ извѣстные роды мытъ, а именно: торговое, поборное, мясное (подъ послѣднимъ, впрочемъ, разумѣется промысловый сборъ съ мясниковъ); на господарскій скарбъ по этой уставѣ взимаются только „стародавные“ мыта на перевозахъ и рѣкахъ [1]). Правда, Жмудская устава 1529 г. оставляетъ у господаря помѣрное и торговое мыта [2]). Можно указать на значительный рядъ городовъ, въ которыхъ торговое и проѣзжее мыто собиралось на господаря въ XV-омъ и началѣ XVI-го вѣка, но съ теченіемъ времени перешло въ руки державцевъ и старостъ или на основаніи изложеннаго мѣста уставы, или вслѣдствіе особаго господарскаго пожалованія (въ восточныхъ и южныхъ волостяхъ). Можно указать лишь нѣсколько городовъ, изъ которыхъ съ конца XV-го и до 60 годовъ XVI вѣка торговое или проѣзжее мыто неизмѣнно собиралось въ скарбъ; таковы, напримѣръ, Гродно (впрочемъ, за исключеніемъ того времени, когда это староство находилось во владѣніи королевы Боны), Мозырь, Могилевъ; въ послѣднемъ важчее, торговое, помѣрное и проѣзжее мыта давало немаловажный доходъ. Иногда господарь оставлялъ на скарбъ лишь часть какихъ-нибудь сборовъ (напримѣръ, половина дохода съ гостиныхъ домовъ въ Полоцкѣ). Впрочемъ, что касается размѣра господарскихъ доходовъ отъ проѣзжихъ и торговыхъ мытъ, то надо замѣтить, что вообще онъ былъ очень не великъ: объ этомъ можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя показываютъ размѣръ доходовъ въ тѣ моменты, когда мытные сборы находились въ распоряженіи скарба [3]). Быть можетъ, это обстоятельство, т. е. незначительность

Въ Волковыскѣ: помѣрное, вага, воскобойня, помѣрное медовое (А. З. Р., II, p. 10).

Въ Пещаткѣ: помѣрное, важное, воскобойня, вага (Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 318 об.—321).

Ср. Васильковъ, ibidem, л. 43 об.—45 об., Вистинское, Кн. Зап. Лит., LIII, л. 28—20.

Въ южныхъ украинскихъ замкахъ, на которые мы такъ часто ссылаемся, всѣ торговые и мелкіе таможенные сборы уходили на старостъ (только въ Мозырѣ было господарское мыто рядомъ съ старостинскимъ, да въ Кременцѣ собиралось торговое на господаря).

При надѣленіи привилеями въ 60-хъ годахъ городовъ русскихъ волостей къ нимъ тоже отходили мелкіе сборы (напр. Могилевъ).

[1]) Акты З. Р., т. II, p. 197.

[2]) Ibidem, p. 200.

[3]) Доказательствомъ сказаннаго могутъ служить слѣд. данныя:

доходовъ, и побуждала скарбъ предоставлять ихъ мѣстнымъ элементамъ.

Однако, съ конца 50-ыхъ годовъ XVI-го вѣка замѣтенъ рѣдкій поворотъ скарбовой политики въ отношеніи мытныхъ сборовъ. Финансовыя мѣропріятія Сигизмунда Августа коснулись и этой отрасли доходовъ. Волочная устава уже нигдѣ не говоритъ о передачѣ какихъ бы то ни было казенныхъ сборовъ мѣстнымъ врядамъ. Съ изданіемъ этой уставы скарбъ обратилъ надлежащее вниманіе на цѣлый рядъ мелкихъ сборовъ и началъ ихъ эксплоатировать весьма тщательно; въ числѣ этихъ сборовъ встрѣчаемъ и мыта. Пока мы остановимся на этихъ замѣчаніяхъ о новомъ направленіи политики Сигизмунда Августа по отношенію къ разсмотрѣннымъ сборамъ. Къ этому вопросу мы еще возвратимся въ связи съ нѣкоторыми другими сторонами мѣропріятій того же короля.

Городенское мостовое въ 13 индиктѣ (хронологія по индиктамъ относится ко времени в. кн. Александра) шло за 50 золотыхъ въ годъ (Кн. Зап. Лит., VI, п. 164). Въ той же суммѣ оно пошло на аренду въ 1504 г. войту троцкому Никелю (ibidem, л. 263 об.). Перевозъ на Нѣманѣ въ Городнѣ даже въ 1559 г. шелъ всего за 50 копъ грошей въ годъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 228 об.), а въ 1561 г.—за 70 копъ гр. (ibidem, л. 480 об.). Перевозъ въ Дорогичинѣ въ 1559 г. шелъ по 40 копъ гр. въ годъ (ibidem, л. 229 об.).

Рѣчицкое мыто въ теченіе 1—3 индиктовъ сдавалось всего по 12 копъ грошей въ годъ (Кн. Зап. Лит., VI, лл. 272 об., 182, 177 об.).

Мозырское мыто въ 2—3 индиктахъ вмѣстѣ съ корчмою шло по 15 копъ грошей въ годъ (Кн. Зап. Лит., VI, л. 272 об. и 182 об.), а въ 4—5 инд. по 15 копъ гр., но уже отдѣльно отъ корчмы (ibidem, л. 179 об.).

Кричевское мыто шло въ 13 инд. за $13^1/_3$ копъ грошей въ годъ (ibidem, л. 167), а въ 2—5 инд. по 25 копъ гр. въ годъ (ibidem, л. 177).

Бочечное и помѣрное въ Меречи сдавалось въ 1486 г. за 40 золотыхъ (Бершадскій, I, 41), тоже и въ 1488 г. ibidem, p. 45).

Незначительный размѣръ мыта въ Звяголѣ виденъ изъ того, что оно шло въ 1488 г. вмѣстѣ съ корчмою на арендѣ въ 15 копъ грошей (ibidem, p. 45).

Въ Брянскѣ мыто, подужное, корчмы, перевозъ и важчее шли съ 1488 г. за 120 копъ грошей въ годъ (ibidem, p. 40).

Свѣдѣній за время правленія Сигизмунда I и до 1558 г. не встрѣчается, потому что мыта не находились въ скарбовомъ управленіи. О могилевскомъ мытѣ будутъ приведены данныя вмѣстѣ съ данными о внѣшнихъ таможенныхъ сборахъ. Могилевское мыто давало большой доходъ, но здѣсь взимались какъ торговыя пошлины, такъ и пошлины съ „гостинныхъ“ товаровъ. Иногда проѣздныя мыта и торговыя сдавались вмѣстѣ съ „головными“, о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи.

3. Мельничное право.

Мельничное право въ Литовско-русскомъ государствѣ составляло вотчинную монополію. Мельницы могли устраиваться только съ разрѣшенія вотчинника земли, поддàные должны молоть свой хлѣбъ только въ тѣхъ мельницахъ, которыя указаны владѣльцемъ [1]). Довольно трудно указать время происхожденія этой монополіи, но, повидимому, она одно изъ позднѣйшихъ правъ, присвоенныхъ вотчинниками. Въ грамотахъ XV-го вѣка и особенно начала его встрѣчаемъ, въ пожалованіяхъ великимъ княземъ земель на вѣчность, также и право на устройство мельницъ, ставовъ [2]); впослѣдствіи указаніе на мельницы не вставлялось въ текстъ жалованныхъ грамотъ и это, конечно, потому, что оно было всеобщимъ вотчиннымъ правомъ. Указанная нами особенность грамотъ древнѣйшаго періода какъ будто показываетъ, что крѣпнущая государственная власть колеблется въ признаніи за вотчинниками мельничной монополіи. Однако, съ теченіемъ времени мельницы становятся монополіей вотчинника. Великій князь въ своихъ господарскихъ земляхъ также пользуется этимъ правомъ. Отъ него зависитъ дать разрѣшеніе на постройку мельницы; такое право господарь даетъ или частнымъ лицамъ [3]), войтамъ [4]), или общинамъ [5]); иногда господарь, разрѣшивъ постройку мельницы, переводитъ ее на земское право [6]). Сущность пожалованія права на мельницу заключалась не только въ правѣ постройки ея и эксплоатаціи, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что господарь разрѣшалъ своимъ поддàнымъ молоть хлѣбъ на мельницѣ частнаго лица и такимъ образомъ, поступался въ извѣстной мѣрѣ своими монопольными правами. Иногда господарь только разрѣшалъ своимъ поддàнымъ возить

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 31. Мѣщане Семятицкіе въ силу „давныхъ листовъ“ обязаны были молоть хлѣбъ на мельницахъ своей помѣщицы кн. Слуцкой (Вил. Арх. Сборн., VII, p. 57).

[2]) Напримѣръ, Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 3; Акты Ю.-З. Р., I, p. 11—14, 17—20 и др., но иногда грамоты и не содержатъ въ себѣ права на млыны (ibidem, p. 19, 21).

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 496 об.

[4]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 156; Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 122, 58.

[5]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, I, p. 69.

[6]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, p. 166.

хлѣбъ на мельницу частнаго лица или городской общины [1]), а иногда устанавливалъ извѣстный районъ, который тянетъ къ пожалованной господаремъ мельницѣ [2]).

Это вытекало изъ правъ господаря, какъ вотчинника, на монопольное устройство мельницъ: „а нашимъ,—говоритъ арендный контрактъ королевы Боны на отдачу мытъ малыхъ кременецкихъ Скуйбедѣ,—такъ мѣшане яко и селяне Кременецкие водлугъ повинности стародавное въ млынехъ нашихъ, а не въ чужихъ збожье всякіе свои и солоды молоти маютъ под виной на замокъ нашъ Кремянецкій трема копами грошей и подъ втраченьемъ збожья своего до Скуйбеды" [3]). Такіе же порядки господствовали и въ господарскихъ волостяхъ и городахъ: „а подданые господарскіе ни въ чыихъ иншихъ млынехъ только въ господарскихъ всякие збожья и солоды, где кому будетъ прилегло, маютъ молоти также подъ утратою оного збожья и солоду" [4]). Такимъ образомъ мельничное право заключалось

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 127. Приведемъ еще примѣры. Подданые Мельницкой волости Поконевцы (цѣлое селеніе) имѣли отчизный млынъ и получили отъ мѣстнаго старосты слѣдующаго содержанія листъ, подтвержденный королемъ: имъ разрѣшено „въ томъ млыне збожье молоти и въ ступе сукна толочи, окромъ иншихъ людей нашихъ повету Мельницкого, которыи къ тому нашому замку тянуть,—тымъ всимъ наказалъ на тотъ ихъ млынъ ездити молоти и суконъ въ ступе толочи... И наказалъ имъ жадного человека зъ волости Мельницкое къ тому млыну припускати. Нижли хто бы зъ волости Берестейское и Каменецкое и зъ иншихъ посторонних до того млына ихъ пріехалъ, тыи маютъ добровольне въ томъ млынѣ молоти и на ступе толочи" (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 497, 1534 г.). Или вотъ еще содержаніе одного привилея: ... „Панъ Янъ Литаваръ Хребтовичъ просилъ въ насъ млынища нашого въ Берестьи на имя Никлевского... а поведилъ передъ нами што жъ деи тое млынишчо нашо вжо отъ колькасьнадцаты летъ пусто лежитъ... Нехай онъ тое ставишчо Никлевское засыплетъ и млынъ собе справитъ и тое местце млынарское зъ огородомъ держытъ со всимъ съ тымъ, какъ здавна въ собе ся маетъ, и воленъ то отдати, продати заменити и ку своему вжиточному и лепшому обернути, какъ ся ему и его справедливымъ наследкомъ налепей увидитъ; тежъ хто бы кольве хотелъ на тотъ млынъ его збожье которое возити, тымъ дозволяемъ всякое збожье на тотъ млынъ его возити молоти, а вымелки съ того млына маетъ онъ на себе брати, а старостамъ нашимъ берестейскимъ въ то ненадобе ся вступати" (Записей Кн., VIII, лл. 110 об.—111).

[2]) Иногда встрѣчаются довольно любопытныя опредѣленія того, что именно разрѣшается молоть въ мельницахъ и при какихъ условіяхъ: войтъ володимерскій имѣлъ млынъ, „на который мещаномъ володимерскимъ всякое збожье молоти (вольно) то, *што бы толко хто на себѣ принесъ*" (Кн. Зап. Лит., LI, л. 28—29).

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXII, л. 47 об.—50.

[4]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 48—50.

въ монопольномъ правѣ вотчинника устраивать мельницы и обязывать своихъ подданыхъ молоть на нихъ хлѣбъ, слѣдовательно, и устанавливать монопольныя цѣны за пользованіе мельницею. Въ принципѣ вотчинники пользовались мельничнымъ правомъ уже въ XV и въ первой половинѣ XVI-го столѣтія. Въ господарскихъ добрахъ мельница была принадлежностью старостинскаго двора, и доходъ отъ нея рѣдко имѣлъ самостоятельное значеніе [1]). Только съ введеніемъ волочной уставы мельничная монополія получаетъ самостоятельное значеніе, выдѣляясь изъ старостинскаго управленія. Сдѣлавшись самостоятельною отраслью дохода, мельничная монополія вскорѣ выдѣлила изъ себя еще пожерновое. Хотя вотчинникъ имѣлъ право на устройство мельницъ, но, повидимому, обычай не давалъ ему права запрещать подданымъ пользованіе ручными жерновами. По крайней мѣрѣ, еще въ 20-хъ годахъ XVI-го вѣка нѣкоторыя попытки со стороны державцевъ запретить пользованіе жерновами не имѣли успѣха: подданые признавали такую попытку новиной, и господарь-вотчинникъ утверждалъ ихъ старину [2]); въ другихъ случаяхъ мы уже встрѣчаемъ нѣкоторыя ограниченія для подданыхъ въ этомъ отношеніи [3]). Съ 1561 г. и жернова подверглись особому обложенію, но для земскихъ цѣлей.

4. Корчемное право и капщизна.

Ко времени перваго Статута великій князь литовскій уже вполнѣ пользовался правомъ исключительнаго разрѣшенія на держаніе корчемъ, т. е. мѣстъ продажи меда, пива и вина (вино—горѣлка, отсюда корчмы горѣлчаныя) [4]). Первый Статутъ содержитъ въ себѣ категорическое воспрещеніе держать „покутныя“ корчмы (этимъ имѣлись ввиду чисто полицейскія цѣли) и корчмы безъ господарской данины (разд. III арт. 17). Такимъ образомъ, для открытія

---

[1]) Впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ мельницы составляли особую доходную статью. Напр. Кн. Зап. Лит., IV, л. 128 об. Кн. XXX, л. 44. Зап. Лит., XXIV, л. 100; XXXVII, л. 346, 317.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 194.

[3]) Ibidem, р. 180.

[4]) Алкоголь, какъ извѣстно, вошелъ въ употребленіе въ Зап. Европѣ сравнительно поздно (Прыжовъ, Исторія кабаковъ въ Россіи, СПБ., 1868, р. 49). Въ Литовско-русскихъ актахъ вино горѣлое извѣстно съ первыхъ годовъ XVI стол.

корчмы не только на господарскихъ земляхъ, но и на частновладѣльческихъ требовался господарскій привилей. Корчемная регалія получила государственный характеръ, повидимому, уже въ моментъ сложенія Литовско-русскаго государства. На это намекаетъ одно мѣсто Смоленской уставной грамоты, по которой только королю предоставляется держать въ городѣ корчмы [1]). Косвенно это подтверждается тѣмъ, что ни одна изъ земель, вошедшихъ въ составъ государства, не пользовалась исконнымъ и общимъ правомъ на корчмы. Однако, великокняжеское право на корчмы долгое время конкурировало съ правомъ удѣльныхъ князей [2]) Съ паденіемъ удѣльнаго княженья великокняжеское право распространялось на все государство. За это право великокняжеская власть держалась крѣпко, и, когда на сеймѣ 1551 г. шляхта просила господаря о разрѣшеніи „вольнаго будованья“ корчемъ, то получила отказъ [3]). Но раннее сознаніе государствомъ своего права на корчмы еще не обозначаетъ, что власть фактически могла его осуществить; поэтому еще въ началѣ XVI в. встрѣчаемъ факты, изъ которыхъ видно, что великокняжеская власть стремится осуществить свое право въ той или иной мѣстности, вводитъ господарскія корчмы и запрещаетъ частныя, не подлежавшія налогу [4]). Впрочемъ, оно никогда не расширялось до такихъ предѣловъ, чтобы господарь могъ открывать корчмы въ частныхъ владѣніяхъ: на это нѣтъ ни одного намека въ источникахъ. Слѣдовательно, съ корчемнымъ правомъ произошло то же самое, что и съ правомъ на мыта торговыя и проѣзжія: разрѣшеніе на сборъ мыта или на корчму зависѣло отъ верховной власти, но сама власть не могла ни того, ни другого установить на частновладѣльческихъ земляхъ для ея собственнаго пользованія. Однако, если на частновладѣльческихъ земляхъ, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, были корчмы, не-

---

[1]) Такъ мы понимаемъ постановленіе грамоты: „а корчмы въ городѣ Смоленску не держати“, т. е. мѣщанамъ и земянамъ (Акты Зап. Рос., I, p. 360).

[2]) На это, между прочимъ, указываетъ судебный вырокъ по спору мѣщанъ Пинскихъ съ ихъ княземъ Федоромъ Ярославичемъ (Акты Зап. Рос., I, p. 227).

[3]) Акты Зап. Р., III, p. 37.

[4]) Въ русскихъ волостяхъ до 1511 г. не было господарскихъ корчемъ; здѣсь заводились корчмы писарями и державцами. Господарь беретъ „тые корчмы къ нашой руцѣ: гдѣ ся намъ на которой волости увидитъ корчмы мѣти безъ шкоды данниковъ нашыхъ, тамъ кажемъ корчмы сытити, а подать до скарбу нашого носити“ (А. З. Р., II, p. 100). Около того же времени и Могилевская волость начинаетъ давать корчемный платъ на господаря (ibidem, p. 113).

освобожденныя отъ уплаты капщизны, то послѣдняя поступала въ господарскій скарбъ [1]).

Право на держаніе корчемъ господарь могъ передать частному лицу. Отсюда и возникло такъ называемое пропинаціонное право. Какъ мы уже видѣли, всякое пожалованіе привилея на осаду мѣста и торгъ сопровождалось также и пожалованіемъ на корчмы вольныя. Такое пожалованіе всегда предполагало разрѣшеніе на троякаго рода корчмы—медовыя, пивныя и горѣлчаныя; количество корчемъ зависѣло отъ землевладѣльца. Съ теченіемъ времени пропинаціонное право сдѣлалось неотъемлемою принадлежностью частновладѣльческихъ городовъ. „Дозволяемъ ему, говоритъ одинъ изъ привилеевъ, мещаномъ его, которые въ томъ местечку мешкають, корчмы вольные мети и въ нихъ медъ, пиво, горелку и иное питье всякое держати и пожитки собе привлащати; а капщизны и никоторыхъ платовъ съ тыхъ корчемъ до скарбу давати не мають", пользуясь всѣми вольностями „на вечные часы потому, яко и иные мещане князьскіе, духовныхъ и светскихъ того панства нашого великого князьства Литовского таковыхъ вольностей зъ ласки нашое уживають" [2]). Разумѣется, мѣщане платятъ капщизну въ пользу своего владѣльца. Кромѣ городовъ корчмы разрѣшались также и въ селахъ [3]). Такого рода пожалованія относятся къ очень раннему времени—къ XIV-му вѣку [4]). Частновладѣльческія корчмы вообще были разрѣшаемы на „грунтѣ земянскомъ, панскомъ, князскомъ и духовномъ", хотя бы эти владѣнія находились въ городахъ [5]).

Причина, вызывавшая пожалованіе корчемъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, иногда мотивируется необходимостью „стана" на дорогѣ [6]). Во всякомъ случаѣ господарь раздаетъ привилеи на корчмы подъ условіемъ, что новыя корчмы не будутъ служить „переказой" господарскимъ корчмамъ [7]). Дача вольной корчмы всегда означала

---

[1]) Акты Виленскіе, т. VII, р. 74.

[2]) Кн. Зап. Лит., L, л. 17 об. Такая форма привилея становится обычной около половины XVI вѣка. (Ср. л. 34 об., л. 60 об. и др., Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 16 об.).

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 156.

[4]) Skarbес Даниловича, № 544.

[5]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р. 201.

[6]) Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 47.

[7]) Кн. Зап. Лит., L, л. 39 об., 45, 57 об., 275 и др.

право торговли напитками безъ уплаты капщизны въ господарскій скарбъ [1]). Пожалованіе корчемъ въ имѣніи частнаго лица пріобрѣтало свойство вещнаго права и могло быть отчуждаемо безъ земли [2]). Такой же характеръ имѣло и пожалованіе отдѣльныхъ корчемъ въ городахъ: оно могло быть „вѣчностью“ и отчуждаемымъ [3]). Сверхъ того корчемное право могло быть составною частью войтовскаго дохода, такъ какъ городскіе войты часто получали въ числѣ своихъ доходовъ право на одну или нѣсколько корчемъ вольныхъ или на нѣкоторыя корчмы, напримѣръ, горѣльчаныя [4]). Разумѣется, въ этомъ случаѣ оно подпадало подъ тѣ же условія, какъ и другія составныя части войтовскаго права, т. е. могло быть вѣчистымъ правомъ. Тотъ, кто получалъ право на вольную корчму, могъ ею пользоваться, какъ находилъ для себя наиболѣе удобнымъ: отдавать на капщизнѣ [5]), разрѣшать приготовленіе напитковъ жителямъ [6]) (войты) или подданымъ (помѣщики) жаловать право ихъ [7]).

Вообще, если принять въ разсчетъ широкую раздачу привилеевъ на города, на отдѣльныя корчмы въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ,

---

[1]) Ibidem, л. 329, л. 329 об., л. 332, л. 336 об., ср. ссылки пред. прим. и др.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 161.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, 90. Приведемъ еще выдержки изъ привилея п. Миколаю Юндиловичу, доказывающаго только что сказанное. Онъ билъ челомъ Сигизмунду I и „вказывалъ передъ нами привилей Александра, короля и великого князя его милости, и въ томъ привилеи выписано, што жъ его милость далъ ему корчму вольную въ месте нашомъ Василишскомъ вечно, съ которое жъ корчмы дозволилъ его милость ему и платъ брати на годъ по пяти копъ грошей по тому какъ и иншие мешчане Василишский платъ нашъ съ корчомъ отъ пива и отъ меду платятъ, которую жъ корчму съ тымь платомъ... хотелъ записати на каплицу... нижли бачичи, што жъ, што жъ въ той стороне тыми равы частократь пополохи отъ поганства татаръ бывають, тое каплицы въ томъ именьи своемъ не хочеть ѳундовать и корчмы тое у Василишкахъ... черезъ то держати не хочеть и билъ намъ челомъ, абыхмо противъ тое корчмы дали ему въ Дубичахъ 2 корчмы вольныхъ а поведилъ передъ нами, што жъ корчмиты дубицкии, которыи медъ и пиво варятъ на годъ даютъ плату на насъ кождый корчмитъ по две копе грошей... и онъ хочеть записати на церковь Божю святого Станислава у Вилни а ктому ешчо хочеть зъ именей своихъ отчизныхъ и выслуги своее на тотъ же костелъ светого Станислава давати въ кождый годъ по три копы грошей“ (Кн. Зап. Лит., VII. лл. 482 об.—483).

[4]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. I, р. 59, 98, 104; Архивъ Ю.-З. Р., ч. V. т. I, р. 53.

[5]) См. выше прим. 5.

[6]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 34 сб.

[7]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 31.

на дорогахъ и множество господарскихъ корчемъ, разсыпанныхъ въ разныхъ частяхъ государства, то станутъ вполнѣ понятными разсказы современниковъ о сильно развитомъ пьянствѣ среди литовцевъ и русскихъ [1]). Въ литовскихъ городахъ, разсказываетъ Михалонъ Литвинъ, самые многочисленные заводы—это бровары и винницы; литовцы берутъ съ собою пиво и водку не только въ походъ, но даже и тогда, когда отправляются къ богослуженію. Отъ пьянства происходитъ много различныхъ преступленій и жестокостей, а между тѣмъ этотъ ядъ пьютъ всѣ—мужчины, женщины и юноши, на улицахъ и площадяхъ и даже на дорогахъ [2]). Такова картина пьянства, рисуемая умнымъ, хотя нѣсколько одностороннимъ наблюдателемъ.

Разсмотрѣвъ сущность пропинаціоннаго права и условія, при которыхъ оно давалось, мы должны перейти къ изученію сферы дѣйствія винной регаліи, какъ составной части дохода господарскаго скарба. Уже нѣсколько разъ приходилось упоминать, что такимъ доходомъ была именно капщизна, капь. Надо остановиться на разъясненіи ея значенія. По прямому смыслу источниковъ подъ капью разумѣется платежъ, взимавшійся въ господарскій скарбъ за содержаніе корчмы и продажу въ ней спиртныхъ напитковъ—меду, пива и вина [3]). Этотъ налогъ вносился ежегодно въ скарбъ. Платежу капи подлежала каждая отдѣльная корчма: „а отъ капи, говоритъ уставная грамота кіевскому поспольству,—съ корчмы давати имъ (т. е. мѣщанамъ) по полтрети копы грошей"; капь здѣсь взимается ежегодно о Рождествѣ Христовѣ, и съ неуплатившихъ въ срокъ налогъ взимается съ дѣцкованьемъ; съ того дома, въ которомъ живетъ самъ войтъ, капь не взимается [4]). Источники поясняютъ также, что капщизна представляетъ собою именно платежъ за держаніе корчемъ: „мещаномъ корчмы держати, а капщизну давати на замокъ нашъ",

[1]) Свидѣтельства современниковъ собраны Szajnocha Jadwiga i Jagełło, III, p. 27, ks. Lubomirski, Póln. wsch. osady; Zródła, dz., т. VI, p. XCI.

[2]) Мемуары, относ. къ ист. Ю. Р., в. I, p. 25—26.

[3]) Вотъ опредѣленіе, даваемое источниками: грамота 1501 г. на войтовство мельницкое предоставляетъ войту: damus insuper ejusdem adwocatiae et suis successoribus tabernas in eodem oppido ab omnibus exactionibus et contributionibus liberam vulgariter kapia dictam (Акты Лит.-рус. гос., I, p. 98). Въ городахъ платятъ tabernatores medonem et cervisiam, aut alterum illorum propinantes de qualicet taberna per unam sexagenam alias kapnego iuxta consuetudinem Drohicensis et Mielnicensis terarum diutius habitam et servatam" (ibidem, p. 115).

[4]) Акты З. Р., I, p. 145.

говоритъ одна грамота короля Сигизмунда Августа, данная въ 1558 году кіевлянамъ [1]). Приведемъ и еще въ подтвержденіе сказаннаго свидѣтельство источника: Виленскіе мѣщане, „которые въ домехъ своихъ корчмы маючи повинни капщизны до скарбу нашого платити“ черезъ городничаго [2]). Иногда налогъ отъ корчемъ просто называется „платомъ корчомнымъ“ [3]) или чиншемъ корчомнымъ [4]); капщизна называется также „корчомнымъ доходомъ“ [5]). При взиманіи капщизны различались корчмы медовыя, пивныя и винныя. Такъ, въ Новгородкѣ винныя корчмы по магдебургскому привилею 1511 года, были переданы замковому уряду, а пивныя и медовыя разрѣшалось держать мѣщанамъ за плату [6]). Поэтому различалась, напримѣръ, капь пивная и пр. Дисненскіе мѣщане получили въ 1569 году привилей, по которому они должны были вносить въ скарбъ капь и платъ (платъ отъ броваровъ и солодовенъ) за корчмы: но они выпросили разрѣшеніе, „абы имъ вольно въ домехъ своихъ безъ даванья капей и иныхъ платовъ пиво держати“, и господарь освободилъ ихъ отъ „капи пивное“; замѣтимъ, что здѣсь говорится не о правѣ имѣть пиво въ домахъ, но именно о правѣ промысла имъ: мѣщанамъ разрѣшается „въ домехъ своихъ шынкъ пивный вольно держати“ [7]). Въ Клещеляхъ отдѣльно взималась капщизна отъ тѣхъ, кто держалъ для продажи вино, и отдѣльно отъ тѣхъ, кто продавалъ пиво или медъ [8]). Итакъ, капщизной назывался налогъ на торговлю виномъ въ корчмахъ. Отсюда освобожденіе отъ капщизны означало освобожденіе отъ уплаты налога съ корчемъ [9]), Этотъ налогъ надо отнести къ разряду промысловыхъ налоговъ потому, что обложенію его подлежалъ не только

---

[1]) Грамоты Антоновича, р. 79.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 85 (1567 г.).

[3]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 59, 102, 190.

[4]) Акты З. Р., т. I, р. 187—9; Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 137.

[5]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 589.

[6]) Акты З. Р., т. II, р. 91.

[7]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 166.

[8]) Акты З. Р., т. II, р. 153.

[9]) Такъ всегда и говорится въ грамотахъ на осаду мѣстъ и дачу корчемъ: „Также позволяемъ мещаномъ его томошнимъ Андреевскимъ, Нового Вишневца и Поповецкинъ (князя А. Вишневецкаго) корчмы мети, въ нихъ медъ, пиво, горелку и иное всякое питье завжды, коли похочуть держати и пожитки имъ собѣ съ того привлащати и капи и никоторыхъ платовъ съ тыхъ корчомъ до скарбу нашого давати неповинни, одно князю Андрею Вишневецкому и потомкомъ его водле ихъ постановенья“ (Кн. Зап. Лит., LI, лл. 213 об. 214.

трудъ плательщика, но также и капиталъ его, потребный на покупку или приготовленіе напитковъ, и, конечно, извѣстный рискъ, связанный съ веденіемъ всего предпріятія.

Теперь посмотримъ, какую именно сферу дѣятельности предоставлялъ скарбъ тѣмъ лицамъ, которымъ разрѣшалъ держать корчмы за плату капщизны. Прежде всего тотъ, кто торговалъ напитками, имѣлъ право и приготовлять ихъ. Въ Клещеляхъ взималась капщизна отъ того, „хто пиво варить", и отъ того, „хто медъ сытить" [1]). Войтъ милейчицкій получаетъ съ войтовскимъ правомъ и четыре корчмы вольныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и броваръ и солодовню, необходимые для приготовленія пива и меду [2]). Мѣщане кіевскіе имѣли привилей на исключительное завѣдываніе корчмами въ городѣ, уплачивая капщизну или арендную плату мѣстному воеводѣ; для приготовленія напитковъ они имѣли свой броваръ [3]). Въ 1498 году великій князь Александръ сдалъ въ аренду корчмы въ Смоленскѣ: въ своемъ листѣ по этому поводу онъ устанавливаетъ срокъ, когда арендаторы должны вступить въ завѣдываніе корчмами и срокъ, съ котораго арендаторы могутъ „тыи корчмы почати *варити*". Арендаторы могутъ держать корчмы только въ сорока домахъ, а водку могутъ приготовлять только опредѣленнымъ въ господарскомъ листѣ способомъ [4]). Такъ какъ мы хорошо знаемъ, что капщизна была налогомъ за содержаніе корчемъ, то изъ сказаннаго слѣдуетъ, что ею не облагалось самое приготовленіе напитка. Уплатившій капщизну (или взявшій въ аренду городскія корчмы) могъ торговать или напитками своего приготовленія,—какъ мы только что видѣли,—или покупными. Такъ, тотъ же господарскій листъ, на который мы только что ссылались, требуетъ, чтобы все привозное въ городъ вино оптомъ продавалось арендаторомъ [5]). Изъ этого также слѣдуетъ и обратное заключеніе: господарскіе грамоты запрещаютъ только продажу напитковъ безъ разрѣшенія, но не ихъ приготовленіе. Это вполнѣ подтверждается многими мѣстами источниковъ и особенно господарскими листами на отдачу корчемъ въ аренду: господари запрещаютъ част-

[1]) Акты З. Р., т. II, р. 153.
[2]) Акты Лит.-рус., в. I, р. 161.
[3]) Грамоты Антоновича, р. 79—81.
[4]) Акты Лит.-рус. гос., р. 80—81.
[5]) Ibidem. Ср. еще Кн. Зап. Лит., VI, л. 182 об.—183 об.

нымъ лицамъ „держать корчмы [1]), варить корчмы" (т. е. для продажи) [2]); если какія либо корчмы отдаются городу, то раздробительная продажа въ нихъ напитковъ зависитъ отъ разрѣшенія городскихъ властей [3]).

При отдачѣ корчемъ въ аренду или въ распоряженіе городовъ иногда даже устанавливался извѣстный опредѣленный районъ, въ которомъ запрещалась частнымъ лицамъ продажа напитковъ [4]). Сказанное подкрѣпляетъ взглядъ на капщизну, какъ на промысловый налогъ, (если всѣ корчмы сдавались въ аренду, то тѣмъ самымъ вводилась монополія продажи напитковъ), и указываетъ еще на новое и очень важное для насъ обстоятельство, именно на то, что капщизна не охватывала собою приготовленія напитка. Мы увидимъ впослѣдствіи, что приготовленіе напитковъ подверглось обложенію только къ концу изучаемаго періода, а теперь разсмотримъ условія собиранія корчемнаго дохода.

Уже съ древнѣйшихъ временъ сборъ капщизны дѣйствуетъ на всемъ пространствѣ господарскихъ державъ. Но, какъ всякія доходныя статьи въ Литовско-русскомъ государствѣ, капщизна сдѣлалась предметомъ извѣстнаго рода льготъ, „ласки и милости" господарей великихъ князей, или же шла въ оплату службы. Такъ въ разныхъ городахъ раздавались корчмы безъ оплаты капщизны разнымъ служилымъ людямъ въ оплату ихъ службы [5]), на поживенье духовенству [6]) и служилымъ людямъ [7]), „для службы и великого впаду" отъ татаръ [8]); или, какъ мотивировали свою просьбу одни просители, выпрашивая на одинъ годъ корчму въ Борисовѣ: „они будучи на службѣ брата нашого (говорили они Сигизмунду I)... впали въ руки людемъ великого князя Московского и тамъ въ нятствѣ были и надзу терпѣли, а тыми часы оттоль вышли и немаютъ ся чимъ поживити" [9]);

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 81; Кн. Зап. Лит., VI, л. 163 об., л. 178 об.—179, 232 об.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 181.

[3]) Ibidem, р. 190; Грамоты города Вильны, т. I, р. 15; Акты Виленскіе, т. VII, р. 72 и др.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 22.

[5]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 100 об., 102 об.; Кн. Зап. Лит., VIII, л. 115, 111, 164, 170, 175, 233; Акты Ю.-З. Р. т. II, №№ 111, 123; Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 86 и др.

[6]) Кн. Зап. Лит., VII, л. 162 об.

[7]) Ibidem, р. 164, 170.

[8]) Ibidem, л. 170.

[9]) Ibidem, л. 360.

или же отдавались за долги [1]) и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ корчмы отдавались на разныхъ условіяхъ: на одинъ или на нѣсколько годовъ въ доживотье; отдавалось по одной корчмѣ въ городѣ или по нѣсколько и т. п. Разумѣется, всѣ такія отдачи корчемъ надо строго отличать отъ пожалованія пропинаціоннаго права. Иногда господари давали льготы цѣлымъ городамъ „для сказы отъ поганства" [2]), вслѣдствіе пожаровъ и пр. [3]).

Все это временныя льготы, оттягивавшія скарбовые доходы. Несомнѣнно, болѣе важную роль въ этомъ отношеніи имѣла передача корчемнаго дохода старостамъ крупныхъ городскихъ центровъ. Такъ, на южной Украйнѣ и на Волыни почти во всѣхъ городахъ въ теченіе первой половины XVI-го вѣка корчемный платъ перешелъ въ руки старостъ; между тѣмъ здѣсь этотъ доходъ иногда достигалъ значительныхъ размѣровъ. Съ 1507 г. воевода кіевскій получилъ „на поживенье" кіевскія корчмы и половину корчмы черкасской [4]). Съ 40-хъ годовъ кіевскія корчмы всегда находятся въ рукахъ воеводъ, такъ какъ воеводскіе доходы становятся слишкомъ незначительными; капщизна въ Кіевѣ въ это время давала 800 копъ грошей [5]). Съ 1507 года корчма въ Овручѣ переходитъ къ намѣстникамъ „для поживенья" [6]); впрочемъ, корчмы въ Овручѣ дѣлились обыкновенно между намѣстникомъ и мѣстными земянами и мѣщанами, но участіе послѣднихъ въ корчемномъ доходѣ объясняется, какъ поддержка „польной сторожи" [7]). И въ другихъ городахъ Волыни и Украйны въ раз-

---

[1]) Ibidem, л. 115.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 65.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 141; кн. XXXVII, л. 380 об.

[4]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 151 об.

[5]) Въ 1541 году кн. А. Коширскій бьетъ челомъ господарю: „ижъ онъ теперешнего часу на томъ замку нашомъ мешкаючи, жадного выхованья самъ изъ слугами своими не маеть съ чого мети. И просилъ насъ, абыхмо пенязи капщизные и мыто, што есмо росказали были на насъ до скарбу нашого брати, ему дали; а онъ ся намъ поднялъ пословъ и гонцовъ татарскихъ съ того поднимати и самъ тежъ изъ слугами своими выхованье и поживенье съ того мети" (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 95). Въ 1556 году всѣ пожитки съ корчемъ получилъ воевода п. Гр. Ходкевичъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 112 об.), въ 1560 году князь К. К. Острожскій (ibidem, л. 388). О размѣрѣ дохода—Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 121 об.

[6]) Акты Ю.-З. Р., т. II, № 88.

[7]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 17 об. (1522 г.). Вотъ какъ объясняетъ раздѣленіе корчемнаго дохода между старостою и мѣстнымъ посполынствомъ привилей 1540 года п. Криштофу Кмитичу на державу Овручскую: „што ся дотычетъ коръ-

ное время и по разнымъ поводамъ корчмы перешли въ руки державцевъ.—во Владимирѣ [1]), въ Луцкѣ [2]), въ Черкассахъ [3]), Каневѣ [4]), Винницѣ [5]), Браславлѣ [6]), Житомирѣ [7]), Чернобылѣ [8]), Мозырѣ [9]), Острѣ [10]), Кременцѣ [11]). То же можно сказать относительно Мстиславля, корчемные доходы котораго съ 60-хъ годовъ переходятъ въ руки уряда [12]), Гомеля [13]) и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Городскія общины, какъ мы уже знаемъ, весьма рѣдко пользовались вольностью отъ уплаты капщизны; такъ, въ Луцкѣ капщизна отъ вина шла на ратушу и къ войтовству [14]). Но вообще города изрѣдка имѣли льготы—только на одну—двѣ корчмы или на какой-нибудь видъ корчемъ, напримѣръ, на пивныя; чаще городамъ удавалось получить въ свое распоряженіе капщизный доходъ за извѣстную годичную плату въ скарбъ.

Всѣ изложенныя льготы или переуступка корчемъ вліяли, въ извѣстной мѣрѣ, на уменьшеніе скарбоваго дохода отъ капщизны. Остается теперь прослѣдить, какъ скарбъ извлекалъ свои корчемные доходы.

При великихъ князьяхъ Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы правленія Сигизмунда I корчмы каждаго города обыкновенно

чмы тамошнее вруцкое, маеть онъ половицу тое корьчмы медовое и ктому винъную корьчму на себе держати, а другую половицу оное корьчмы мають земяне и мещане Вруцкие къ своим рукамъ деръжати и с тое половици корьчмы сторожу полную заступовати, и онъ деръжавца нашъ другую половицу сторожы маеть стеречы, а до тое корчмы винное не мають они ничого мети; и маеть онъ половицу корчмы медовое и винную свою корчму з мытомъ и инъшые вси доходы, которые на державцу здавна прыходять, к пожытку своему мети и вжывати". (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 57—58).

[1]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 170; Любавскій, приложеніе № 13.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I.

[3]) У мѣщанъ Черкасскихъ была корчма „звечистая" (Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 368). Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 82.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 96.

[5]) Źródła dz., т. VI, р. 113. Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 603.

[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 22.

[7]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 145.

[8]) Ibidem, р. 589.

[9]) Ibidem, р. 622.

[10]) Ibidem, р. 595.

[11]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 30.

[12]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 20, л. 60 об.

[13]) Кн. Пер. Лит., X, л. 24 (1569 г.).

[14]) Кн. Зап. Лит., XXIII, л. 10.

сдавались въ аренду. При Казимирѣ корчмы сдавались въ аренду, повидимому, во всѣхъ тогда существовавшихъ городахъ и дворахъ [1]. Съ первыхъ годовъ правленія Сигизмунда I замѣчается поворотъ въ отношеніяхъ скарба къ управленію корчемнымъ доходомъ. Правительство его времени предпочитало собирать капщизну при посредствѣ особыхъ скарбовыхъ агентовъ—разсылавшихся изъ скарба особыхъ дворянъ [2]. Такимъ образомъ, всякій кто хотѣлъ, могъ держать корчмы, уплачивая въ скарбъ извѣстный налогъ.

Размѣръ капщизны былъ довольно устойчивъ. Объ этомъ можно судить по городскимъ привилеямъ. Такъ, въ Каменцѣ по привилею 1523 года мѣщане платятъ за каждую корчму по одной копѣ грошей, если въ корчмѣ продается или одно пиво или одинъ медъ; если же продается то и другое, то отъ корчмы платится двѣ копы грошей [3]. Виленскіе мѣщане, какъ это видно изъ подтвердительнаго привилея 1521 года, платятъ капщизну въ такомъ же размѣрѣ; этотъ размѣръ является more antiquo [4]. Въ Медникахъ упоминается такой же размѣръ капщизны, а отъ горѣлки платили по полъ-копы грошей въ годъ [5]. Въ Нарвѣ, согласно привилею 1514 года, платятъ съ каждой корчмы по золотому червленому [6]. Вообще, размѣръ капщизны въ одну копу грошей въ годъ за торговлю или пивомъ или медомъ надо признать преобладающимъ и едва ли не всеобщимъ, по крайней мѣрѣ для XVI вѣка. Это доказывается не только тѣмъ, что указанія на такой окладъ капщизны преобладаютъ въ актахъ, но также и нѣкоторыми другими соображеніями. Весьма важнымъ показателемъ въ данномъ случаѣ является текстъ привилея 1510 года городу Лосичамъ: опредѣляя размѣръ капщизны въ одну копу отъ корчмы, господарскій листъ заявляетъ, что это дѣлается iuxta con-

---

[1]) По расходной книгѣ Казимира корчмы въ 80 годахъ XV вѣка были на арендѣ въ слѣдующихъ городахъ: Берестье, Браславль, Брянскъ, Бѣльскъ, Бѣличи, Василишки, Вильна, Вилькомиръ, Витебскъ, Володимиръ, Волковыскъ, Воряны, Высокій Дворъ, Гродно, Довги, Дорогичинъ, Дорсунишки, Дубичи, Ейшишки, Житоміръ, Жолудокъ, Каменецъ, Керновъ, Ковно, Красное Село, Лида, Лынгмяны, Марково, Медники, Мельникъ, Менскъ, Меречь, Мойшагола, Мосты, Могилевъ, Новгородокъ, Оникшты, Ошмены, Пуня, Перелая, Путивль, Радунь, Сомилишки, Смоленскъ, Утена, Ясвойна, Чудновъ, Швинтяны (Акты Лит.-рус. гос., в. I).

[2]) Кн. Зап. Лит., XVI, л. 115, л. 118 об., л. 204.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., вып. I, р. 190.

[4]) Грам. г. Вильны, I, р. 29.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 27 об.

[6]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 159.

suetudinem Drohicensis et Mielnicesis terrarum diutius habitam et servatam [1]). Это уже указываетъ на общій обычай, примѣняемый, по крайней мѣрѣ, къ цѣлой области. Очевидно, и волочная устава короля Сигизмунда Августа при опредѣленіи оклада капщизны заимствовала уже существующій размѣръ ея: она опредѣляетъ взимать отъ пива или отъ меду по одной копѣ грошей, а отъ водки по полъ-копы [2]). Въ городскихъ привилеяхъ, выданныхъ вскорѣ послѣ изданія волочной уставы, иногда встрѣчаемъ указанія на то, что капщизна въ названномъ размѣрѣ платится „по старому“ [3]). Однообразный окладъ капщизны, очевидно, предполагался во многихъ случаяхъ, потому что городскіе привилеи иногда прямо говорятъ о платѣ съ корчемъ безъ опредѣленія его размѣра [4]), или говорятъ объ уплатѣ капщизны „водлѣ давного обычая“ [5]). Такъ привилей говоритъ, напр., о Новгородкѣ [6]), но изъ другихъ источниковъ оказывается, что и здѣсь тотъ же размѣръ капщизны [7]). Такимъ образомъ, предполагалась однообразная норма корчемнаго плата [8]). Исключенія изъ нея—единичны [9]).

Правительство Сигизмунда I предпочитало сборъ капщизныхъ пенязей при посредствѣ особо разсылаемыхъ господарскихъ дворянъ; то же продолжалось и въ первое десятилѣтіе самостоятельнаго управленія Сигизмунда Августа, т. е. приблизительно до изданія волочной уставы, послѣ чего скарбъ сталъ склоняться въ пользу отдачи корчемъ на откупъ. Впрочемъ, нѣкоторые города успѣли исхлопотать себѣ привилегію исключительной аренды въ городѣ корчемнаго дохода; такую привилегію имѣло, напр., Гродно [10]); Кіевъ получилъ кап-

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 116.

[2]) Акты Зап. Р., III, р. 74.

[3]) Привилей Минску 1569 г. Кн. Зап. Лит., II, л. 301 об.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 102.

[5]) Акты Зап. Р., II, р. 11; I, р. 189.

[6]) Акты З. Р., II, р. 91.

[7]) Грамоты гор. Минска, р. 61.

[8]) Ср. еще Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 71 и 97.

[9]) Напр., корчемный платъ въ Клещеляхъ взимается по полъ-копы грошей или отъ пива, или отъ меду (Акты Зап. Р., II, р. 153). Вильно въ 1567 году даетъ такой же окладъ (Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 85), очевидно, вслѣдствіе какого нибудь особаго привилея. Въ Кіевѣ, какъ это видно изъ грамотъ 1494 г. и 1540 г., даютъ „съ каждой корчмы по $2^1/_2$ копы грошей“ (Акты Зап. Р., I, р. 145 и Кн. Зап. Лит., XXIV, лл. 69—70); но тутъ едва ли не считаются всѣ три вида крѣпкихъ напитковъ.

[10]) Акты Вилен., VII, р. 74.

щизну посредствомъ договора съ мѣстнымъ воеводою [1]); Каменецкіе мѣщане въ привилеѣ 1523 г. получили обѣщаніе, что король не будетъ отнимать у нихъ корчемъ, а они обязаны: „платъ нашъ корчомный маютъ шырыти и множыти“ [2]), потому что держатъ корчмы на капщизнѣ. Вообще, мѣщане усердно добивались аренды корчемъ въ городахъ [3]).

Нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить размѣры капщизнаго дохода въ періодъ разсылки писарей для его сбора, потому что не сохранилось данныхъ. Но то, что намъ извѣстно о капщизномъ доходѣ при великомъ князѣ Александрѣ и отчасти при Сигизмундѣ I и Казимирѣ, говоритъ за то, что этотъ доходъ былъ не великъ [4]).

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л.л. 156—158.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 190.

[3]) Ревизоры отдали корчмы браславскія (въ Литвѣ) въ аренду ротмистру Ермоличу. Но мѣщане жаловались въ 1571 г. королю, что во время аренды ротмистра „подданые наши мѣщане Браславскіе ку великому убоству и зниценью прійти мусели“, почему и бьютъ челомъ „ижъ быхмо для латвейшого поживенья ихъ оные корчмы *водле стародавного звычаю* на капщизнѣ при нихъ зоставили, або имъ за таковую жъ суму пенязей... арендовали“. Король отдалъ корчмы въ аренду всей городской общинѣ (Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 390—391).

[4]) Для оправданія сказаннаго приведемъ слѣд. данныя о доходности корчемъ въ разныхъ городахъ:

Бобруйская корчма	въ	1501 г.	— 40	копъ гр.	(Кн. Зап. Лит., VI, л. 181 об.).
„ „	„	1502 г.	— 30	„ „	(ibid., л. 287 об.).
Борисовская „	„	1501—3 г.	— 40	„ „	(ibid., л. 184).
Витебскія (всѣ) „	„	1522—4 г.	—220	„ „	(Кн. Суд. Дѣлъ Лит., IV, л. 50; Берш., I, 103).
Вруцкая „	„	1489—95 г.	— 36 2/3	„ „	(Кн. Зап. Лит., IV, л. 121, 25).
„ „	„	1498—1499 г.	— 40	„ „	(Кн. З. Л., VI, л. 175 и л. 178 об.).
„ „	„	1503 г.	— 50	„ „	(ibid., л. 178 об.).
„ „	„	1507 г.	—100	„ „	(А. Ю.-З. Р., II, р. 117).
Кричевская „	„	1500-2 г.	— 40	„ „	(ibid., л. 269, 181, 268 об.).
„ „	„	1503 г.	— 50	„ „	(ibid., л. 184 об.).
„ „	„	1504 г.	— 60	„ „	(ibid., л. 288 об.).
Лидская „	„	1525 г.	— 7	„ „	(Кн. Суд. Д. Лит., IV, л. 118).
Минская „	„	1494 г.	— 60	„ „	(Кн. З. Лит., VI, л. 163 об.).
„ „	до	1503 г.	—150	„ „	Акты Леонтовича, № 652).
„ „	послѣ	1503 г.	—204	„ „	
Мозырская „	въ	1505 г.	— 80	зол.	(Кн. З. Лит., VI, л, 289).
Молодеченская „	„	1499 г.	— 4	копъ гр.	(ibid., л. 177 об.).
Полоцкая „	„	1494—7 г.	—400	„ „	(ibid., л. 105 об.).
„ (пиво и медъ) „		1503—8 г.	—400	„ „	(Акты Лит.-рус. гос., I, 108).

Независимо отъ размѣровъ скарбоваго дохода для насъ изъ предыдущаго изложенія особенно важенъ тотъ выводъ, что капщизна не падала на производство напитковъ, будучи только сборомъ за право торговли ими. Даже при введеніи монопольныхъ заводовъ для производства напитковъ имѣлось ввиду обложить не столько корчмарей, сколько вообще лицъ, производящихъ напитки для собственнаго употребленія.

Разъ капщизна падала только на торговлю напитками, то ею не облагалось производство ихъ. Это уже было отмѣчено. Но въ предыдущемъ изложеніи было отмѣчено также и то, что въ разсмотрѣнный періодъ (т. е. до половины 50-хъ годовъ) производство напитковъ вообще не подлежало обложенію въ пользу господарскаго скарба. Для насъ это весьма важный фактъ. Кромѣ приведенныхъ данныхъ можно указать и на рядъ другихъ доказательствъ въ пользу свободнаго производства напитковъ. Корчмары луцкіе не должны давать мѣстному старостѣ солодовъ, потому что они платятъ капщизну, — объясняетъ королевская грамота [1]). Дѣйствительно, мѣщане Луцкіе имѣютъ свою солодовню [2]), а шинкары покупаютъ бочками медъ и пиво въ домахъ [3]). Изъ уставной грамоты русскимъ волостямъ 1511 г. видно что заѣзжавшіе въ волости господарскіе писари и мѣстныя власти „сытили на себя“ корчмы, т. е. не только продавали напитки, но и приготовляли ихъ безъ всякаго налога [4]). Можно встрѣтить также и жалобы населенія на то, что намѣстники и другія мѣстныя власти

Полоцкая	корчма	(вино) въ	1505 г.	—600	копъ	гр. (Кн. З. Лит., VI, л. 260).
Рошская	„	въ	1501 г.	— 60	„	„ (idib., л. 185).
„	„	„	1511—17 г.	— 80	„	„ (Кн. З. Лит., VIII, л. 113).
Рѣчицкая	„	„	1500 г.	— 30	„	„ (Кн. З. Лит., VI, л. 182).
Свислочская	„	„	1500—1 г.	—40—50	„	„ (Акты Лит.-рус. гос., I, 96).
Смоленская	„	„	1498—1503 г.	—400	„	„ (ibidem, p. 80; Кн. З. Лит., VI, л. 182 об., л. 202 об.).
„	„	„	1509 г.	—400	„	„ (Акты Лит.-рус. гос., I, 131).
Чичерская	„	„	1498—1500 г.	— 40	„	„ (Кн. З. Лит., VI, л. 271, 272).
Черкасская	„	„	1500 г	—150	„	„ (Кн. З. Лит., VIII, л. 127).

Немалый доходъ приносили могилевскія корчмы, но такъ какъ онѣ обыкновенно сдавались вмѣстѣ съ мытомъ, то мы прослѣдимъ за доходностью ихъ въ другомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ корчмы тоже сдавались вмѣстѣ съ мытами; эти доходы будутъ показаны въ отдѣлѣ таможенныхъ.

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 22.

[2]) Ibidem, p. 26.

[3]) Ibidem, ч. VII, т. I, p. 179.

[4]) Акты З. Р., т. II, p. 100.

вводятъ новину—запрещаютъ населенію имѣть сосуды для приготовленія напитковъ. Такъ, намѣстники дорогицкіе пытались было запретить мѣщанамъ пользоваться своими собственными пивными котлами и заставить ихъ варить пиво въ намѣстничьихъ котлахъ; мѣщане протестовали противъ такой „новины“ [1]). Когда въ концѣ 60-хъ годовъ скарбъ сталъ вводить монополію на производство солода, то съ разныхъ сторонъ раздались заявленія и просьбы о томъ, чтобы господарь не строилъ въ городахъ солодовенъ и броваровъ и разрѣшилъ бы частнымъ лицамъ „по давному“ пользоваться броварами и солодовнями [2]). Въ 1569 г. Троцкіе мѣщане жаловались королю, что у нихъ стали сдавать въ аренду солодовни и бровары, чего раньше не бывало [3]). Самый капщизный платъ взимается, какъ иногда выражаются акты, съ корчемъ, въ которыхъ сытятъ медъ и варятъ пиво [4]).

Литовско-русское правительство не только преслѣдуетъ содержаніе корчемъ безъ платы капщизны, но старается также ограничить извѣстными нормами и подвергнуть контролю и такіе народные обычаи, при которыхъ напитки распивались цѣлымъ обществомъ. Въ Западно-русскихъ областяхъ издавна существовалъ обычай, по которому городскія и сельскія общины или извѣстныя корпораціи въ опредѣленные дни въ году приготовляли сообща пиво, медъ и распивали ихъ или же продавали на церковныя нужды. Въ западныхъ областяхъ государства этотъ обычай назывался шротарствомъ, иногда „зложеньемъ“ пива и меда, „складомъ“ [5]), а въ восточныхъ областяхъ онъ назывался канонами или тоже складами. Склады существовали не только въ городахъ, но также и въ селахъ [6]). Каноны

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 102, ср. Акты З. Р., т. II, р. 72.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 331 об.

[3]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LII, л. 348 об.—349.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 190; Памятн. Кіев. Ком., IV, отд. II, р. 170; Акты Зап. Р., II, р. 153.

[5]) Воинь по привилею 1522 г. получаетъ между прочимъ „зложенье шинковане пива и меду, и вина, которое жъ нашимъ языкомъ зоветься шротаньство“ (Акты Лит.-рус. гос., в. I, р. 182). Волковыскъ мо магдебургскому привилею 1510 г. уплачиваетъ капщизну, но въ то же время онъ получаетъ „зложенье и шинкованье пива и меду, и вина, которое жъ нѣмецкимъ языкомъ зоветься шротарство“ (Акты З. Р., т. II, р. 10). Что шротарство есть тотъ же самый обычай, весьма часто подтверждаемый королевскими привилегіями, какъ и склады и каноны, доказывается общностью формъ, въ которыхъ оба обычая выражались.

[6]) Акты Лит.-рус. гос., вып. I, р. 108.

пріурочивались къ ярмарочнымъ [1]) или къ праздничнымъ днямъ [2]). На складахъ однообщинники могли распить приготовленные ими напитки или продать ихъ, при чемъ такое „шинкованье“ не подлежало оплатѣ капщизной и даже чопового [3]). Около половины XVI вѣка замѣчается тенденція строго ограничить размѣры складовъ [4]), или даже вовсе отмѣнить ихъ съ замѣною выдачъ воскомъ на церковныя нужды [5]). Вообще, проглядываетъ тенденція ограничить склады только „урочистыми“ днями, но и то „завѣдомостью“ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится капщизна [6]). Это—ограниченіе коллективнаго употребленія напитковъ и оно дѣлается потому, что подводится подъ понятіе „шинкованья“ меда и пива. Но вообще свобода домашняго производства напитковъ (т. е. не для продажи) удержалась во весь изучаемый періодъ, не смотря на введеніе монополіи и акцизовъ (конечно, подъ условіемъ пользованія солодомъ изъ скарбовыхъ заводовъ). Въ подтвержденіе сказаннаго мы приведемъ слова аренднаго контракта на корчмы въ Пинскѣ; онъ содержитъ въ себѣ только категорическое запрещеніе домашняго винокуренія, но разрѣшаетъ приготовленіе меда и пива: „вольно каждому съ мешчанъ съ жидовъ и съ подданыхъ нашихъ на селахъ медъ сытити и пиво варити на веселье и ку празьникомъ и на властные потребы свои домовые, а не на шинкъ,—кроме толко горелки, которую и на свои помененые по-

---

[1]) Акты Зап. Р., IV, p. 168.

[2]) Акты Зап. Р., III, p. 111; Акты Вил., XXV, p. 153; Акты Ю.-З. Р., I, p. 167.

[3]) Грам. г. Минска, p. 66 и пред. прим.

[4]) См. пред. и послѣд. примѣчанія.

[5]) Бершадскій, II, p. 7.

[6]) Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одинъ контрактъ конца 60-хъ годовъ на аренду мытъ и корчемъ въ Могилевѣ: „А ктому особливе бояре шляхта, которые въ томъ месте нашомъ Могилевскомъ домы свои маютъ, также ротмистры наши и которые бы посланцы наши и пановъ радъ нашихъ коли колвекъ тамъ уеждчали, и тежъ мещане тамошние, медовъ, пивовъ и горелокъ на шинкъ и ку потребамъ своимъ надъ обычай звыклый, а особливе складовъ ку празнику робити и шинковати ихъ тамъ не маютъ, одно толко склады урочыстые водле стародавного звычаю за ведомостью своею арендыры помененые маютъ имъ дозволяти сытити; а ижъ тежъ въ томъ месте нашомъ Могилевскомъ домъ гостиный або мытный есть, тогды въ томъ дому нихто зъ гостей, а ни тежъ зъ мещанъ тамошнихъ становитися и въ немъ шинковъ, або гандлевъ нияких мети не маютъ, ажъ съ позволеньемъ и ведомостью, тыхъ арендаровъ нашыхъ помененыхъ“ (Кн. Перен. Лит., X, л. 43 об.).

требы они мають въ нихъ (т. е. у арендаторовъ) брати, а не сами палити и отколь инуль привозити" [1]).

Несмотря на прочно установленный фактъ отсутствія въ указываемое время налоговъ на производство, можно указать на рѣдкія мѣстныя формы такого налога; таковы, напр., извѣстія о сборахъ съ варовъ пива [2]). Это уже фактъ примитивнаго акциза.

Такимъ единичнымъ указаніямъ не слѣдуеть, однако, придавать большого значенія: дань съ варовъ пива упоминается только на восточныхъ окраинахъ государства и ее слѣдуетъ сопоставить съ переѣздами намѣстниковъ новгородскихъ[3]), извѣстныхъ раннимъ источникамъ восточной Руси [4]). Въ Западной Россіи тенденція къ обложенію производства напитковъ начала складываться не ранѣе первой четверти XVI столѣтія Вслѣдствіе неопредѣленнаго и широкаго пониманія вотчинной власти, мѣстные правительственные агенты проявляютъ стремленіе обложить производство напитковъ въ свою пользу. Это видно уже изъ приведенной выше жалобы мѣщанъ г. Высокаго на намѣстниковъ дорогицкихъ. Въ данномъ случаѣ, верховная власть утвердила старину мѣщанъ. Но не всегда такъ бывало. Въ Кіевѣ воевода собираетъ капщизну въ свою пользу: онъ беретъ съ каждой корчмы капщизну и, кромѣ того, „особно отъ вару каждого по грошу" [5]). Эта прибавка—уже налогъ на производство, акцизъ. Кременецкій староста, по словамъ люстраціи 1552 г. беретъ „мѣрку" отъ солода и отъ каждаго вару пива и отъ каждой „ручки" меду,—очевидно съ тѣхъ, кто готовитъ для домашняго употребленія, а изъ корчмы онъ получаетъ доходъ отъ каждаго вару пива [6]). Иногда мы видимъ, что господарь уже раздаетъ такіе сборы, которые падаютъ на производство напитковъ: напр., войтъ села Корницы получилъ „котловое" въ своемъ войтовствѣ, т. е. сборъ съ котловъ пивныхъ или горѣлочныхъ [7]). И въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, напр., въ имѣніяхъ королевы Боны встрѣчаемъ налоги на производство напитковъ [8]). Въ привилегіяхъ г.

[1]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 91—95.

[2]) А. З. Р., I, 103.

[3]) Акты З. Р., т. I, 91.

[4]) Прыжовъ, Исторія кабаковъ въ Россіи, 23.

[5]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 113.

[6]) Ibidem, т. II, р. 29.

[7]) Кн. Зап. Лит., XIII, л. 94.

[8]) Въ листѣ своемъ четыремъ кременецкимъ радцамъ и писарю королева Бона разсказываетъ о данной этимъ лицамъ льготѣ по оплатѣ акциза: „Што перво

Вильны 1522 г. мы уже встрѣчаемъ господарскій платъ съ „броваровъ мѣстскихъ“ [1]), а въ привилегіи 1531 г. мѣщанамъ разрѣшается имѣть бровары „вольные“, но за то они обязаны давать особый платъ съ каждыхъ 4 солянокъ солоду [2]). Это уже рѣдкій, для даннаго времени, фактъ скарбоваго обложенія производства.

Кажется, въ связи съ этимъ стоитъ и упоминаемая въ Луцкѣ и Владимірѣ верховщина. О сборахъ ея въ скарбъ упоминаютъ акты конца XV вѣка [3]). Впослѣдствіи верховщина перешла въ число доходовъ старосты Володимірскаго; судьба Луцкой верховщины — не извѣстна. Верховщиной назывался сборъ съ каждаго дома, въ которомъ не было корчмы [4]). Очевидно въ этомъ надо видѣть попытку обложить суммарно всѣхъ тѣхъ, кто можетъ воспользоваться обычаемъ безпошлиннаго приготовленія напитковъ.

Верховщина встрѣчается только на Волыни, но волочная устава устанавливаетъ сборъ въ два пенязя „отъ воротъ“ съ тѣхъ домовъ, въ которыхъ нѣтъ корчемъ [5]).

Итакъ, капщизной оплачивалось только право производства торговли напитками. Само же производство пива, меду и вина не подлежало обложенію до изданія волочной уставы. Это былъ господ-

---

сего зъ ласки нашое вчинили есмо вольныхъ чотырехъ радецъ и писара места Кременецкого *отъ даванья мерокъ солодовыхъ, которые месчане Кременецкіе отъ солодовъ своихъ, коли который пиво варити хочетъ* на замокъ нашъ давати суть повинни“. Но между мытниками и радцами стали возникать споры изъ-за количества льготнаго пива, почему радцы и писарь просили королеву точно опредѣлить характеръ данной имъ льготы. Королева разрѣшаетъ каждому изъ нихъ варить по десяти солодовъ въ годъ: „на тотъ врядъ свой кождый зъ нихъ до рукъ маетъ мети десять солодовъ тамошнихъ вольныхъ собе на пиво зварити, отъ которыхъ десяти солодовъ... мерокъ солодовыхъ на замокъ нашъ, або мытникомъ нашимъ тамошнимъ платити не будуть повинни, а однакожъ тые пива съ таковыхъ солодовъ своихъ отъ мерокъ визволенихъ зъ ведомостью мытниковъ тамошнихъ маютъ варити“ (Кн. Зап. Лит., XXXIII, л. 4, 1549 г.). Упоминаемыя здѣсь солодовыя мѣрки не слѣдуетъ смѣшивать съ солодовыми мѣрками, уплачивавшимися на владѣльческихъ заводахъ (солодовняхъ и броварахъ): не смотря на тожество названія, въ данномъ случаѣ говорится не о платѣ за работу на монопольныхъ заводахъ, но о сборѣ, падающемъ на самое производство пива.

[1]) Акты Лит.-рус. гос., вып. I, р 182.

[2]) Акты Ю.-З. Р, т. I, р. 81.

[3]) Акты З. Р., т. I, № 124; Акты Лит.-рус. гос., вып. I, р. 65.

[4]) Памятники Кіев. Ком., т. IV, отд. II, р. 170; ср. Архивъ Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 32.

[5]) Акты З. Р., III, р. 75.

ствующій принципъ. Но затѣмъ уже въ первой же половинѣ XVI в. можно констатировать двоякаго рода явленія: мѣстныя попытки ограничить свободу производства напитковъ, подвергнуть его обложенію и въ то же время мѣстные факты, устанавливающіе такое обложеніе. Послѣднее—явленія единичныя, но они давали прецеденты, указывали пути для налоговъ на производство. Капщизна, какъ источникъ дохода, имѣла въ концѣ XV и началѣ XVI в. небольшие размѣры. Въ первой половинѣ XVI в. съ этимъ доходомъ происходитъ двоякій процессъ: размѣръ капщизнаго плата фиксируется обычаемъ и частными законами (онъ вносится въ городскіе привилеи) и сама капщизна попадаетъ въ нѣкоторыхъ городахъ въ руки старостъ и державцевъ. По первой причинѣ капщизна становится налогомъ, окладъ котораго нельзя поднять (потому что онъ закрѣпленъ привилеями), или невыгодно (потому что сократитъ доходъ), по второй—онъ совсѣмъ ускользаетъ изъ рукъ скарба. Очевидно, если бы скарбу пришлось поднять налогъ на напитки, то ему необходимо было бы обратиться къ иной его формѣ, не къ капщизнѣ, а къ обложенію производства.

Такъ оно и случилось.

5. Введеніе монополіи на мельницы и заводы для производства спиртныхъ напитковъ.

Изучая различные косвенные налоги въ періодъ до половины XVI вѣка мы встрѣчаемся по отношенію къ каждому источнику доходовъ съ однимъ такимъ общимъ явленіемъ: оно заключается въ томъ, что источники косвенныхъ налоговъ недостаточно развиты, способы взиманія ихъ отличаются рудиментарностью, а главное, самые источники доходовъ ускользаютъ изъ распоряженія скарба; мало того внутреннія таможенныя и торговыя пошлины, а также и капщизна,—гдѣ онѣ находятся въ вѣдѣніи скарба,—представляютъ собой сравнительно небольшой источникъ его доходовъ. Скарбъ поэтому мало имъ интересуется. Движеніе суммъ, собираемыхъ съ мытъ и корчемъ въ центральное казначейство, также отличается большимъ разнообразіемъ. Такъ, капщизна собирается особыми писарями; взиманіе нѣкоторыхъ торговыхъ сборовъ возложено на державцевъ и старостъ; мостовое и проѣздное мыто сдается иногда разнымъ арендаторамъ, а иногда присоединяется (вмѣстѣ съ торговыми пошлинами) къ арендѣ „головныхъ“

мытъ (объ этомъ намъ еще придется говорить); разнообразіе льготъ по платежу пошлинъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, было тоже очень велико и зиждилось на обычаѣ. Наконецъ, мельницы сдавались на оброкъ и составляли, вообще, ничтожный доходъ. Но въ то же время мы отмѣтили по отношенію къ изучаемымъ сборамъ и такія явленія, что или правительство, или мѣстные его агенты стремятся найти новые источники доходовъ или увеличить старые. Съ пятидесятыхъ годовъ господарскій скарбъ, проводя реформы во всѣхъ отрасляхъ финансоваго управленія, стремится ввести порядокъ по отношенію къ косвеннымъ сборамъ и къ эксплоатаціи новыхъ ихъ источниковъ. Новый порядокъ собиранія могъ установиться только съ введеніемъ волочной уставы и уставъ русскимъ волостямъ. Это объясняется тѣмъ, что необходимо было предварительно освободить многіе источники дохода отъ старостинской власти: мы знаемъ уже, что уставы 1529 года Жмуди и дворамъ Троцкаго и Виленскаго повѣта передавали нѣкоторые изъ этихъ доходовъ державцамъ и старостамъ; то же дѣлали частные привилеи старостамъ восточныхъ волостей. Реформа Сигизмунда Августа, точно опредѣливъ доходы старостинскаго уряда, тѣмъ самымъ передала въ распоряженіе скарба всѣ источники косвенныхъ доходовъ. По отношенію къ городскимъ общинамъ скарбъ поступалъ согласно идеѣ волочной уставы: онъ воспользовался всѣми тѣми источниками дохода, которые не были переданы городамъ велико-княжескими привилегіями.

Конечно, были изысканы и новые источники доходовъ. Это лежало на обязанности ревизоровъ, производившихъ волочную помѣру. Иногда ревизоры въ поискахъ за доходными статьями нарушали городскія права, но верховная власть всегда стояла на почвѣ послѣднихъ. Такъ, королевскіе ревизоры Городенскаго староства хотѣли взять въ Гроднѣ на скарбъ доходы съ мясныхъ ятокъ, ваги и помѣрнаго, но король отмѣнилъ это распоряженіе, такъ какъ оно не согласно было съ городскими привилегіями [1]). Въ Берестьѣ мѣстный староста панъ воевода виленскій М. Радивиллъ вступилъ съ мѣщанами въ соглашеніе по поводу устройства въ городѣ солодовенъ и броваровъ. Въ городѣ была введена соляная монополія, но мѣщане „докучали“ пану воеводѣ просьбами объ отмѣнѣ монополіи. Воевода указывалъ мѣщанамъ на то, что они въ своихъ привилеяхъ не только

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 397—398.

соляного склада не имѣютъ, но и никакого другого, однако онъ предложилъ мѣщанамъ „пустить на замокъ“ солодовни съ тѣмъ, чтобы солодъ продавался только въ нихъ. Мѣщане согласились, соляная монополія была отмѣнена, но за то въ городѣ появились замковыя солодовни: потомъ онѣ перешли къ скарбу. Королевскій ревизоръ, разсказывая объ этихъ переговорахъ старосты съ мѣщанами, вставилъ замѣчаніе, что мѣщанъ объ этомъ не слѣдовало и спрашивать, потому что они не имѣютъ въ своихъ привилегіяхъ „вольныхъ“ солодовенъ [1]). Однако, замѣчаніе ревизора не совсѣмъ вѣрно: Берестейскіе мѣщане имѣли на своихъ привилеяхъ капщизну отъ вина горѣлаго, а слѣдовательно согласно съ стариннымъ обычаямъ и производство водки; капщизну мѣщане уступали старостѣ, за что тотъ обязанъ былъ исполнять подводную повинность за мѣщанъ [2]). Такимъ образомъ, тутъ былъ компромиссъ между формальнымъ правомъ и обычаемъ. Интересно, что капщизна, выпущенная мѣщанами въ рукъ старосты, въ концѣ концовъ съ введеніемъ подводной уставы перешла въ распоряженіе скарба [3]). Изъ этого видно, какъ ревизоры изыскивали новые источники доходовъ и какъ относился скарбъ къ городскимъ привилеямъ [4]).

Новое направленіе скарбовой политики въ области косвенныхъ налоговъ, съ изданіемъ волочной уставы, замѣчается въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ, въ объединеніи взиманія ихъ и во вторыхъ, въ появленіи новыхъ источниковъ ихъ. Обращаясь къ первой изъ нихъ, нельзя не отмѣтить того, что хозяйство королевы Боны и въ

---

[1]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, p. 231.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 118—120.

[3]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, p. 231.

[4]) По смерти старость и державцевъ, имѣвшихъ на доживотье тѣ или иные источники доходовъ, скарбъ сейчасъ же забиралъ послѣдніе въ свою пользу. Такъ было съ солодовнями и броварами въ Берестьи: они отошли къ скарбу по смерти М. Радивилла. По смерти п. Ивана Горностая, державцы радошковскаго, держанное имъ къ Радошковичамъ торговое мыто и млыны взяты въ скарбъ. (Кн. Зап. Лит., LIII, л. 8 об.). Насколько скарбъ сталъ дорожить источниками косвенныхъ доходовъ, видно изъ слѣд. сдѣлки короля съ Виленскою капитулою. Послѣдняя имѣла привилей на держанье корчемъ въ Витебскѣ. Кромѣ того, замокъ Лепель (королевскій) построенъ на земляхъ капитулы; и здѣсь распространялось ея пропинаціонное право. Король въ 1569 г. самъ своимъ скарбомъ беретъ у капитулы въ аренду корчмы въ Витебскѣ и Лепелѣ за 600 копъ грошей въ годъ и съ условіемъ повысить арендную плату въ случаѣ окончанія войны (ibidem, л. 247).

этомъ случаѣ должно было имѣть вліяніе на скарбовую политику, такъ какъ въ ея державахъ всѣ мелкіе „пожитки“ объединены были и сдавались въ аренду въ однѣ руки гораздо раньше, чѣмъ скарбъ пришелъ къ способу такого управленія. Такъ напримѣръ, она сдавала въ аренду всѣ мелкіе пожитки Кременецкаго староства; сюда входило „мыто гребельное водлугъ старого звычаю и на местцахъ звыклыхъ, также мерки солодовые и бровары местскіе и млыны на реце Икве“; сюда входило мыто въ Дунаевѣ и Пановѣ, а также „мерки солодовые, которые отъ мещанъ нашихъ Кременецкихъ на замокъ нашъ приходять“, затѣмъ „броварщизна“, „которая съ тыхъ же мещанъ нашихъ Кременецкихъ отъ пива и меду на замокъ нашъ водлугъ звычаю приходить“. Мѣщанамъ воспрещается варить пиво и сытить медъ „неоповедавшися“ арендаторамъ подъ угрозою штрафа на замокъ и „истизны“ въ пользу арендаторовъ. Всѣ подданые, мѣщане и волощане, обязаны молоть хлѣбъ на владѣльческихъ мельницахъ,—„водлугъ повинности стародовное“. Наконецъ, въ числѣ тѣхъ же сборовъ шли и корчмы въ селахъ [1]). Въ Пинскомъ староствѣ королева Бона сдавала слѣдующіе сборы: „всякіе мыта и понизовые и корчмы наши пивные и медовые з воскомъ, што с корчемъ медовыхъ приходить и горелку и корчмы посельскіе (т. е. въ селахъ), торговое, важное, померное, воскобойню, перевозы въ Пинску и Городку и иньшіе пожитки, естли которые ку тымъ мытомъ нашимъ здавна прислухали и по тые лета ихъ ку скарбу нашому выбирано въ тыхъ замкахъ и волостяхъ нашихъ Пинскомъ, Клецкомъ и Городецкомъ держати и водлугъ звыклого обычаю и справы тамошнее, яко ся здавна до сихъ часовъ заховывала на местцяхъ звыклыхъ выбирати и справовати и тымъ пожиткомъ водлугъ воли своее шафовати“ [2]). Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемъ какъ разъ всѣ тѣ сборы, которые впослѣдствіи эксплоатируетъ скарбъ.

Дѣйствительно и въ господарскихъ державахъ съ конца пятидесятыхъ годовъ (не ранѣе 1558 г.) встрѣчаемъ отдачу въ однѣ руки торговыхъ и проѣзжихъ мытъ, корчемъ, солодовенъ, броваровъ и мельницъ. Въ смыслѣ управленія такой способъ представляетъ несомнѣнныя удобства. Мелкіе сборы, прежде разрозненные, доставлявшіе иногда ничтожный доходъ въ 5—10 копъ грошей, теперь

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXII, лл. 47 об.—50.
[2]) Кн. Зап. Лит., XXXII, л. 22—23.

начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе крупныхъ капиталистовъ, и скарбъ отъ арендатора сборовъ въ каждой державѣ получаетъ сотни копъ грошей. Мы увидимъ, какъ откупщики быстро набавляютъ арендную плату.

Среди новыхъ источниковъ доходовъ мы встрѣчаемъ такіе, которые раньше не были эксплоатируемы скарбомъ, какъ солодовни и бровары, или же къ эксплоатаціи которыхъ скарбъ рѣдко прибѣгалъ, какъ мельницы. Появленіе въ державѣ солодовенъ, броваровъ и мельницъ означало переходъ къ монополіи помола и производства напитковъ. Этотъ переходъ совершился постепенно, распространяясь на отдѣльныя державы въ теченіе 1558—1561 годовъ. Постепенность перехода къ монополіи объясняется чисто практическими соображеніями—необходимостью предварительнаго устройства заводовъ.

Дѣйствительно съ конца 50-хъ годовъ мы встрѣчаемъ немало извѣстій о подготовительной дѣятельности къ введенію монополіи. Устройство необходимыхъ для этого приспособленій поручалось или самимъ старостамъ, или арендаторамъ заводовъ. Такъ, староста мстиботовскій панъ Григорій Воловичъ докладывалъ королю въ 1558-мъ году: „ижъ многіе мещане подданые наши мстибоговскіе корчмы въ себе маючи, всякіе трунки шинкують, а до скарбу нашого господарского вельми малый пожитокъ съ того есть“. Поэтому онъ проситъ разрѣшенія устроить въ городѣ „своимъ накладомъ“ бровары, воскобойни и солодовни, „а съ того певный платъ установивши на пожитокъ его брати ему до слушного часу“. Король далъ свое согласіе, разрѣшивъ Воловичу пользоваться доходами отъ монополіи въ теченіе 5-ти лѣтъ [1]). Староста берестейскій п. Николай Радивиллъ во время аренды староства „коштомъ и накладомъ своимъ побудовати велелъ в месте нашомъ Берестейскомъ бровары и солодовни для порадку того места, ижбы опатрней отъ огню было, кадыжъ передъ тымъ для озницъ и броваровъ поколько кроть место тамошнее горело“ [2]).

Дѣйствительно, устройство броваровъ не разъ мотивировалось безопасностью отъ пожаровъ. Такой мотивъ былъ выставленъ при устройствѣ броваровъ и солодовенъ въ Василишкахъ, но при этомъ не забывались и скарбовые пожитки, которые, разумѣется, и имѣлись,

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 168.
[2]) Кн. Зап. Лит, XLV, лл. 118—120.

главнымъ образомъ, ввиду [1]). Въ Городнѣ устройство солодовенъ мотивировалось старостой тѣмъ, что въ городѣ варятъ „лихое пиво“, почему староста представилъ королю о необходимости привести пивовареніе „ку лепшому порадку“ [2]). Панъ Янъ Гайко получилъ разрѣшеніе устроить солодовни и бровары въ Ошменахъ: „мы хотечи прымножити пожитокъ скарбу нашого, дали есмо и дозволили писару нашему ... Гайку бровары и солодовни в месте нашемъ Ошьменскомъ его властнымъ накладомъ побудовати и все, што до нихъ належитъ, водле потребы способити и направити“. За это державца получаетъ въ свое пользованіе доходы въ теченіе 6-ти лѣтъ [3]). На такихъ же точно условіяхъ панъ Янъ Шимковичъ получилъ разрѣшеніе на устройство броваровъ и солодовенъ въ Тыкотинѣ [4]). Староста минскій панъ Василій Тишкевичъ получилъ такое же разрѣшеніе на устройство броваровъ и солодовенъ съ правомъ пользоваться въ теченіе 3-хъ лѣтъ доходами [5]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, правительство на свой счетъ строило всѣ приспособленія, необходимыя для введенія монополіи [6]).

Иногда устройство броваровъ и солодовенъ поручалось арендаторамъ, при чемъ имъ сбавлялась нѣкоторая часть арендной платы въ возмѣщеніе арендной платы по устройству. Такъ, арендаторы со-

---

[1]) Въ листѣ 1560 года къ мѣщанамъ Василишскимъ, король пишетъ: „маемъ того певную справу, ижъ вы въ томъ месте нашомъ Василишкахъ у домехъ своихъ маете бровары и озницы свои и тамъ же при домехъ у мести гумна и евни держите, съ которыхъ.. для неопатрности вашое частокроть место нашо горить“, отчего происходитъ „шкода“ не только мѣщанамъ, но и скарбу, потому что король принужденъ дѣлать льготы погорѣльцамъ въ платежѣ податей. „А такъ мы не хотечи большей... шкоды въ скарбе нашомъ прыймовати, а у лепший порадокъ то приводечи и пожитки скарбу нашему чинечи, росказали есмо конюшому и подконюшому Виленьскому державцы Василишскому пану Яну Юревичу Волчковича, абы онъ тамъ у Василишкахъ бровары и солодовню нашу дворную уробилъ и ихъ добре справивши въ нихъ яко котлы и всякіе суды мелъ“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 437 об.—438 об.).

[2]) Ibidem, лл. 218—219 об.

[3]) Ibidem, л. 484 об.

[4]) Ibidem, л 485 об.

[5]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 128.

[6]) Такъ, сдавая въ 1560 году въ аренду солодовни и бровары въ Мостахъ, король одновременно приказываетъ мѣстному уряду: солодовни и бровары „збудовати и водлугъ потребы варедити“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 382). Въ 1565 г. были построены такимъ же образомъ и солодовни, и бровары и въ Слонимѣ (Кн. Зап. Лит., XLI, лл. 48—50).

лодовенъ и мельницъ въ Бѣльскѣ, Наревѣ и Клещеляхъ жаловались королю въ 1561 году: „бачачи великую переказу и шкоду великую свою у оныхъ солодовняхъ, ижъ къ тому броваровъ отъ насъ арендованыхъ не мели“, почему и просятъ короля сдать имъ въ аренду и бровары. Король „перестерегаючи небезпечности отъ огня, которые отъ таковыхъ броваровъ покутныхъ у местехъ ся притрафляютъ и къ тому для пожитку скарбу нашого таковые бровары наши у Бѣльску, у Нарви, и у Клещеляхъ“,—сдаетъ имъ въ аренду. Но такъ какъ въ этихъ городахъ казенныхъ броваровъ еще не было, то арендаторы совсѣмъ не уплачиваютъ аренды въ первый годъ, взамѣнъ чего обязываются „въ томъ року першомъ бровары съ котлы и зъ иншыми всякими статки и потребами у тыхъ местехъ нашихъ ... сбудовати и постановити“. По окончаніи арендпаго контракта арендаторы обязаны сдать всѣ возведенныя ими постройки въ полной исправности [1]). Арендаторъ броваровъ и солодовенъ въ Слонимѣ тоже получилъ аренду на условіи постройки броваровъ [2]).

Интересно отмѣтить, что мѣщане иногда избѣгали (вѣроятно лишь временно) введенія монополіи предложеніемъ королю вносить въ скарбъ ежегодно опредѣленную сумму. Такой льготы добились, напр., Ошменскіе мѣщане. Здѣсь, какъ мы знаемъ уже, король поручилъ мѣстному старостѣ пану Яну Гайку устроить на свой счетъ бровары. Но мѣщане явились къ королю съ челобитьемъ о томъ, чтобы король приказалъ прекратить постройку солодовенъ и броваровъ и разрѣшилъ мѣщанамъ „подавному“ пользоваться своими броварами и солодовнями; за это мѣщане предложили давать въ скарбъ ежегодно по 8 копъ грошей [3]). Такими путями правительство постепенно подходило къ всеобщему введенію монополіи на напитки.

Такъ въ городахъ постепенно появились заводы и мельницы, необходимые для введенія монополіи.

Теперь посмотримъ, что именно новаго вносили въ жизнь города, староства или державы скарбовыя солодовни, бровары и мельницы. Прежде всего появленіе заводовъ обозначало запрещеніе жителямъ имѣть свои собственные бровары, солодовни и мельницы. Въ Бѣльскѣ, гдѣ уже были солодовни, господарь разрѣшилъ въ 1561 году устроить

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 475.

[2]) Бершадскій, Документы и Регестры, II, р. 64.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 331 об.

и бровары; какъ только они будутъ поставлены, то никому въ городѣ не разрѣшается держать своихъ броваровъ [1]). То же происходило всякій разъ, когда появлялись бровары и солодовни [2]). Въ скарбовыхъ солодовняхъ приготовлялся солодъ для продажи мѣстнымъ жителямъ; въ броварахъ варилось пиво, вино и разсычивали медъ. Изъ броваровъ напитки поступали въ корчмы. Мѣстные жители могли приготовлять напитки въ скарбовыхъ заводахъ изъ солода, купленнаго въ господарскихъ же солодовняхъ. За производство напитковъ они платили—за броваръ, за вино—покотельщину или котловое или варное, а за медъ—„отъ мѣдницы меду“ (особаго термина не было); медовареніе осложнялось еще уплатой воскобойнаго, такъ какъ воскъ тутъ же поступалъ въ воскобойни. Этотъ сложный процессъ взиманія налоговъ объясняется нѣкоторыми арендными контрактами. Приведемъ показанія источниковъ, подтверждающія и объясняющія только что сказанное.

Такъ, Григорію Воловичу, державцѣ мстибоговскому, король разрѣшилъ въ 1558 году устроить въ Мстибоговѣ солодовни, бровары и воскобойню. При этомъ процессъ взиманія налоговъ такъ объясняется: „въ которыхъ броварехъ мещане и вси обователи того места нашого меды сытити, пиво варыти будуть въ домехъ и нигде инде ку вареню таковыхъ трунковъ броваровъ не вжываючы, такъ же тежъ и воскобойни и солодовни нихто тамъ в месте, ани на передместью не можеть мети, кромъ замковыхъ солодовней и воскобойни; и в тыхъ же солодовнехъ замковые солоды роблены мають быти, а мещане не мають куповати солодовъ прывозныхъ, одно будуть куповати солоды замковые потому, почому збожье, с котораго солодъ вробленъ в торгу на тотъ день торговый продавано будеть. И кгды таковый солодъ (т. е. купленный) ку варенью пива до бровару замковаго прійдеть, тогды отъ кождое бочки, в которой чотыры корцы краковскихъ будеть, зварывши пиво маеть дати два гроша лядскихъ, ... а отъ медницы меду осмъ пенезей, а отъ забиванья воску, отъ каждаго камени чотыры пенези“ [3]). Съ появленіемъ солодовенъ и броваровъ въ Берестьѣ всѣ жители обязаны были покупать солодъ въ замковыхъ солодовняхъ, а сытить медъ и варить пиво въ замковыхъ же брова-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 475.

[2]) Ibidem, л. 484 об. (въ Ошмянахъ), л. 218—219 об. (въ Городнѣ) и пр.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 168.

рахъ [1]). Мѣстные жители могли дѣлать солодъ и изъ своего зерна, но опять таки только въ господарскихъ солодовняхъ. Такъ, когда въ 1560 году король разрѣшилъ устроить въ Василишкахъ мѣстному державцѣ солодовни и бровары, то онъ издалъ такое постановленіе: „и кгды онъ броваръ и солодовню нашу дворную справить изготуеть, велеме есмо ему жъ бровары и солодовни вашы (т. е. мѣщанскіе) затратити". Съ этого момента мѣщанамъ строго воспрещается имѣть въ своихъ домахъ бровары, солодовни и озницы, варить пиво и медъ: „лечъ чинили бы есте солоды свои въ озницахъ дворныхъ и меды сытили и пива варыли у броваре нашомъ" [2]). На практикѣ могло быть и такъ, что монопольная продажа солода могла быть недостаточной: тогда разрѣшалось покупать привозной солодъ изъ другихъ мѣстъ, но только послѣ распродажи замковаго. Объ этомъ мы узнаемъ изъ одной тяжбы Василишскихъ мѣщанъ со своимъ державцею [3]). Но это случалось, конечно, очень рѣдко, потому что тому же василишскому державцѣ было предписано королемъ обратить все дворное жито и ярину на солоды, (слѣдовательно, сверхъ того, что покупалось на торгу).

До сихъ поръ говорилось о послѣдствіяхъ установленія монополіи на солодъ, пивовареніе и медовареніе. Господарскія мельницы устраивались далеко не одновременно съ солодовнями и броварами. Но появленіе ихъ влекло за собой уничтоженіе частныхъ мельницъ, запрещеніе пользоваться для помола ручными мельницами (жерновами) [4]); иногда, въ послѣднемъ случаѣ, допускались нѣкоторыя ограниченія, напр., разрѣшалось пользоваться жерновами только для про-

---

[1]) Докум. Моск. арх. Мин. Юст., 70, т. I, р. 231.

[2]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, лл. 437 об., 438 об.

[3]) „А што жаловали, ижъ державца ихъ накидываеть на нихъ солоды зъ гумна господарьского меншою бочкою, и дорожей, нижли въ торгу ихъ велить платити, о томъ господарь его милость рачилъ такъ росказати, ижъ маеть врадъ досмотрети, абы (съ) збожья господарского были роблены солоды и коли будетъ потреба таковые солоды продавати, тогды первей маеть быти закликано, абы нихто солодовъ на торгу у Василишкахъ не продавалъ, поки роскупятъ солоды дворные, але маютъ быти продаваны по тому, по чому въ торгу солоды идутъ привозные, а не иною мерою одно тою бочкою, которая естъ отъ ревизоровъ въ чотыры корцы краковскихъ. И завжды вси приеждчие и мѣщане каждое збожье въ тую меру куповати и продавати маютъ"... (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, л. 257).

[4]) Въ Каменцѣ въ 1565 г. были сданы въ аренду солодовни, бровары и акцизы, при чемъ мѣщанамъ запрещено: „Подданые наши мещане и волошчане Ка-

изводства крупы [1]). Все сказанное выше о монополіи на устройство заводовъ для производства напитковъ не вызывало никакихъ измѣненій въ вопросѣ о продажѣ ихъ. Послѣдняя или оплачивалась капцизной или сдавалась на откупъ. Въ этомъ случаѣ скарбовая политика въ періодъ реформъ стала склоняться къ отдачѣ продажи напитковъ на откупъ, избѣгая взиманія капцизны: по возвышенію арендной платы за корчмы легко можно видѣть, что скарбъ предпочиталъ аренду потому, что она давала бóльшій доходъ.

Такимъ образомъ, къ началу шестидесятыхъ годовъ господарскіе подданые были опутаны цѣлою сѣтью монополій и мытныхъ сборовъ. Всѣ эти сборы большею частію находились въ рукахъ одного откупщика. Вотъ какъ, напримѣръ, перечисляетъ господарскія монополіи контрактъ, заключенный подскарбіемъ земскимъ съ мѣщанами Слонимскими на отдачу имъ сборовъ въ городѣ. Въ Слонимѣ существуютъ солодовни и бровары; корчмы находятся въ рукахъ арендаторовъ—мѣщанъ. Всѣ подданые господарскіе и частновладѣльческіе, живущіе на городской землѣ, обязаны покупать солодъ въ казенныхъ солодовняхъ, сытить медъ и варить пиво въ казенныхъ броварахъ, разрѣшеніе на продажу меда и водки зависитъ отъ арендатора, открытіе корчемъ зависитъ тоже отъ нихъ; частныя мельницы уничтожаются, и всѣ обязаны молоть муку и растирать солодъ на господарскихъ мельницахъ; употребленіе ручныхъ мельницъ воспрещается какъ въ городѣ, такъ и въ селахъ; только небольшое количество жернововъ разрѣшается держать въ городѣ и въ каждомъ селѣ [2]).

менецкие и иные, хто кольвекъ у Каменцы мешкаеть, жорновъ своихъ мети и нигде индей збожъя всякого молоти не маютъ, только въ млынахъ нашихъ тамошнихъ" (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 98).

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 437 об.—438 об.

[2]) Приведемъ полную выписку изъ арендного контракта 1664 г. слонимскимъ мѣщанамъ, характеризующую только что сказанное. Мѣщане ограничиваются слѣд. обр.: „А што се дотычеть броваровъ и солодовень, тые черезъ врадъ господарский замковый Слонимский маютъ збудованы и водле потребы постановлены тамъ у Слониме и имъ, арендаромъ, на тотъ же часъ нового лета близко прийдучого поданы быти, у которыхъ солодовняхъ и броварехъ около продаванья солодовъ на варенье пива, также и сыченья меду они маютъ се справовати и заховати водле аренды берестейское, яко се у Берестью справуютъ арендары таковыхъ же пожитковъ броварныхъ и солодовныхъ. И вжо отъ того часу отъ дня нового лета близко прийдучого въ року 65-мъ никому съ подданыхъ господарскихъ мещанъ и передмещанъ слонимскихъ, князскихъ, панскихъ, земянскихъ и духовныхъ, которые на кгрунте места Слонимского живутъ, не маютъ быти волно у месте и на

Изъ сказаннаго до сихъ поръ ясенъ характеръ монополіи на напитки и мельницы. Монополія на напитки распространялась на продажу ихъ (хотя продажа могла оплачиваться капщизной, какъ это и бывало во многихъ городахъ) и, главнымъ образомъ, на производство. Монополіи подчинялись какъ подданые господаря великаго князя, такъ и подданые частныхъ землевладѣльцевъ, если они жили на городской территоріи; слѣдовательно, подданые шляхты и духовенства, жившіе въ городахъ „на грунтѣ" земянскомъ и церковномъ, не подлежали дѣйствію монополіи. Такимъ образомъ, для того, чтобы сварить пиво, необходимо было пройти слѣдующую процедуру платежей: тотъ, кто самъ не пахалъ земли, долженъ былъ купить на рынкѣ ячмень, пшеницу или рожь, уплативъ при этомъ помѣрное; затѣмъ отвезти хлѣбъ въ солодовню, гдѣ за приготовленіе солода возьмутъ

передместью меду и горелки шинковати, только имъ, арендаромъ, подъ зарукою на господара его милость стома копома грошей подъ утратою того меду и горелки: также тежъ не маеть никому быти волно, яко съ подданыхъ господарскихъ слонимскихъ, такъ тежъ князьскихъ, паньскихъ, земянскихъ и духовныхъ, которые на кгрунте местскомъ слонимскомъ мешкають, где инде меду сытити и пива варити только у броварехъ господарскихъ слонимскихъ и солоду на варенья пива ку шинку ни отколя не мають брати и куповати только зъ солодовенъ господарскихъ слонимскихъ въ нихъ арендаровъ по уставе и аренде берестейской. А хто бы се съ подданыхъ господарскихъ, князскихъ, панскихъ, земянскихъ и духовныхъ, на кгрунте местскомъ слонимскомъ мешкаючихъ, того иначей делати важилъ се, а надъ ведомость и дозволенье ихъ арендаровъ медъ або горелку на кгрунте местскомъ слонимскомъ шинковалъ, медъ сытилъ, або пиво варилъ не въ господарскихъ, але въ чьихъ иншихъ броварехъ, также тежъ хто бы не зъ господарскихъ солодовенъ на варенье пива ку шинку солоды бралъ, але ихъ откуль инуль набывалъ и таковые солоды ку проданью до Слонима привозилъ и ихъ у Слониме надъ ведомость и волю ихъ арендоровъ продавалъ, таковый кождый чий бы кольвекъ подданый былъ мещчанинъ, абы волощанинъ оный медъ, горелку, пиво и солодъ, яко у промыте тратити маеть и заруки на господара его милость сто копъ грошей заплатити повиненъ будеть, которое промыты на врадъ тамошний замковый половица, а на нихъ арендаровъ другая половица приходить маеть. А подданые господарские ни въ чьихъ иншихъ млынехъ только въ господарскихъ всякие збожья и солоды, где кому будеть прилегло, мають молоти также подъ утратою оного збожья и солоду. А на потребу замку и фольварковъ господарскихъ тамошнихъ въ млынехъ господарскихъ маеть быти вольно всякое збожье и солоды молоти. А жорна мають ва волости и у месте заказаны быти, только для дертья крупъ у кождомъ селе водлугъ бачности враду тамошнего замкового, также и въ месте маеть певная личба жорновъ зоставена быти" (Кн. Зап. Лит., XLV, л, 48—50 (1565 г.). Положимъ, тѣ же контракты и отъ арендаторовъ требуютъ не дѣлать мѣщанамъ „никоторое обтежливости" (Кн. Зап. Лит., LIII, л. 126 об.), что однако едва ли было осуществимо.

солодовое; растереть солодъ можно только на скарбовой мельницѣ, за что надо уплатить мѣрку солодовую; сварить пиво можно только въ скарбовомъ броварѣ, но и здѣсь надо уплатить броварное; если пиво поступаетъ въ продажу, то за шинкъ надо еще уплатить капщизну [1]). Это только господарскіе сборы, но мы впослѣдствіи увидимъ, что они осложнялись еще государственными налогами.

Въ силу мѣстныхъ причинъ въ различныхъ державахъ допускались нѣкоторыя отличія сравнительно съ только что описаннымъ процессомъ взиманія. Для общаго же руководства въ 1561 году была издана въ Берестьѣ особая устава, которая служила руководствомъ для арендаторовъ; она такъ и извѣстна въ арендныхъ контрактахъ подъ именемъ „уставы берестейской". Она, впрочемъ, касается только продажи солода. Самый процессъ послѣдней былъ обставленъ большими формальностями. Онъ заключался въ слѣдующемъ. Цѣна солода поставлена была въ зависимость отъ рыночной цѣны на зерновой хлѣбъ. Арендаторъ долженъ покупать хлѣбъ на рынкѣ въ торговый день. При покупкѣ хлѣба присутствуетъ вижъ и присяжный представитель городского уряда. Всѣ трое обязаны записывать въ реестрѣ цѣну покупаемаго хлѣба и при этомъ даже отмѣчать, покупался ли хлѣбъ мѣрою „зверхомъ" или „подъ стрыхъ". Если въ теченіе торговаго дня цѣны на хлѣбъ мѣнялись, то за основную цѣну принималась та, по которой хлѣбъ продавался въ полдень. Арендаторъ обязанъ былъ до слѣдующаго торговаго дня продавать солодъ по цѣнѣ предшествующаго торга и на тѣхъ же условіяхъ, т. е. или „подъ стрыхъ" или „зверхомъ". Если мѣщане покупали у арендатора солодъ „на боркъ" (отъ нѣм. borgen), то должны были платить однимъ грошемъ за бочку дороже торговой цѣны. Устава требуетъ, чтобы арендаторъ пользовался одинаковою мѣрой для покупки хлѣба и для продажи солода. Рабочіе въ солодовняхъ нанимаются арендаторомъ, но они обязаны принести присягу передъ замковымъ урядомъ и въ присутствіи городского въ томъ, что они будутъ дѣлать солодъ извѣстнаго качества; именно солодъ долженъ приготовляться изъ однороднаго

---

[1]) Терминологія сборовъ ясна уже изъ предыдущихъ цитатъ. Приведемъ еще нѣкоторыя указанія. Въ Кременцѣ при продажѣ изъ господарскаго склада солоду брали солодового отъ бочки по 15 гр.; при пивовареніи брали по 7 грошей отъ вару пива, а за помолъ—четвертую часть привоза; отъ вару горелки брали 5 грошей (Кн. Зап. Лит., LII, л. 13 об.). Ср. Кн. Зап. Лит., LIII, л. 39). Ср. броварное въ Волпѣ (Кн. Зап. Лит., LIII, л. 126 об.).

зерна, т. е. ячный, ржаной или пшеничный, и не долженъ быть чрезмѣрно выращиваемъ; солодовники обязаны доносить замковому уряду о злоупотребленіяхъ арендатора [1]). Такъ обставлена была выдѣлка и продажа солодовъ. Замѣтимъ, что выгоды арендатора при продажѣ солода составляли около тридцати процентовъ, такъ какъ солодъ, сравнительно съ зерномъ, выращивается въ среднемъ приблизительно на тридцать процентовъ.

Изложенная устава касается только продажи солода и сверхъ того она, какъ мы уже указали, выполнялась (правда, въ рѣдкихъ случаяхъ) съ нѣкоторыми отличіями. Отличія эти наростали въ разныхъ мѣстностяхъ, очевидно, съ цѣлью увеличенія скарбоваго дохода. Такъ, напримѣръ, въ мѣстечкахъ Добучинѣ и Мостахъ солодъ продавался, какъ гласитъ господарское распоряженіе того же 1561 г., по два гроша на каждую бочку дороже сравнительно съ торговой цѣной хлѣба [2]). До изданія берестейской уставы различіе въ размѣрахъ платежей было весьма значительно. Въ 1559 году господарь установилъ таксу на продажу солода въ Городнѣ: на каждую бочку набавляли по три гроша сравнительно съ цѣною хлѣба предшество-

---

[1]) Несмотря на то, что источники очень часто ссылаются на берестейскую уставу и иногда приводятъ вкратцѣ ея содержаніе, намъ не удалось встрѣтить въ книгахъ Метрики подлиннаго текста уставы. Мы привели ея содержаніе, какъ оно занесено въ вырокъ подскарбія земскаго Остафія Воловича по поводу жалобы мѣщанъ троцкихъ на арендатора мѣстныхъ солодовенъ. Мѣщане жаловались на то, что арендаторъ продаетъ солодъ не „водлугъ уставы берестейское“. Воловичъ по приказанію господаря велѣлъ вписать уставу въ свой вырокъ. Однако въ дѣлѣ не хватаетъ конца, повидимому, впрочемъ, только заключительной формулы уставы и вырока (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLV, лл. 17—18 об.).

[2]) Мѣщане Добучанскіе жаловались на разные „утиски“ мѣстнаго арендатора солодовенъ: „то пакъ не маючи на то никоторое уставы, солоды имъ яко хочешъ, продаешъ и въ томъ великіе обтяженья имъ делаешъ (т. е. арендаторъ). И били намъ чоломъ, ижъ быхмо въ томъ певную уставу уделати и о томъ до твоей милости (мѣстнаго старосты пана Станислава Хвальчевскаго) листъ нашъ (т. е. господарскій) дати казали. А такъ приказуемъ, ижъ бы твоя милость то дни торговыхъ по колькукротъ у месте Добучинскомъ явне выволати казалъ и оному жиду арендару тыхъ солодовень и броваровъ нашихъ тамошнихъ росказалъ, ижъ бы подданымъ нашимъ тамошнимъ тою мерою солоды продавалъ, которою збожье дня торговаго въ торгу посполитомъ будетъ, тогды черезъ увесь тыдень ажъ до другого торгу таковоrо солоду бочку только двема грошми дорожей подданымъ нашымъ тамошнимъ черезъ того арендара нашого маетъ продавано быти“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 444). Точно такое же предписаніе дано было намѣстнику Мостовскому (ibidem, л. 444 об.).

вавшаго торговаго дня [1]). По арендному контракту 1558 г. на отдачу броваровъ и корчемъ въ Слонимѣ, устанавливалась плата по одному грошу литовскому съ выварки одной бочки солода на пиво [2]). Господарскій листъ 1558 года на устройство броваровъ и солодовенъ въ Мстибоговѣ установилъ слѣдующую таксу: мѣщане платятъ 16 пенязей литовскихъ за выварку бочки пива изъ купленнаго въ солодовнѣ солода, отъ мѣдницы меду—по 8 пенязей и отъ камня воску по 4 пенязя [3]). Иногда эти платежи сливались съ капщизною. Примѣръ такого слiянiя мы видимъ въ господарской уставѣ 1568 года, данной мѣстечку Августову. По этой уставѣ за растиранiе въ мельницѣ солоду взималось отъ вари пива (т. е. отъ трехъ бочекъ торговыхъ) поварного по три гроша польскихъ (т. е. по 2 гр. и 4 пен. литовскихъ); поварное здѣсь замѣняло и капщизну отъ пива. Тотъ, кто торговалъ медомъ и водкою, платилъ отъ меду „варового" по 2 гр. польскихъ отъ мѣдницы меду, а за продажу водки платилъ въ годъ полъ-копы грошей литовскихъ [4]). Такимъ образомъ, здѣсь капщизна была соединена съ сборомъ мельничныхъ мѣрокъ.

Итакъ, приведенные факты указываютъ на мѣстныя отличiя размѣровъ и способовъ разсматриваемыхъ монополiй. Такъ какъ источники послѣ изданiя уставы 1561 г. только въ исключительныхъ случаяхъ говорятъ о мѣстныхъ отличiяхъ и, наоборотъ, часто ссылаются на берестейскую уставу, то описанный въ ней способъ уплаты былъ господствующимъ; но надо помнить, что устава касается только продажи солода.

Въ годы дѣйствiя монопольныхъ заводовъ для производства напитковъ, вопросъ о продажѣ вина, пива и меду оставался при прежнихъ основанiяхъ, равно какъ и вопросъ о производствѣ ихъ для домашняго потребленiя. Господарскiе листы только настоятельно требуютъ, чтобы покупка главнѣйшаго матерiала для производства, т. е. солода, непремѣнно производилась въ монопольныхъ заводахъ; эти требованiя безразлично относятся какъ къ производству „на шинкъ", такъ и для домашняго обихода [5]). Но, какъ легко убѣдиться при про-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 218.

[2]) Ibidem, л. 187.

[3]) Ibidem, л. 168.

[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LШ, л. 159.

[5]) Объ этомъ обычно говорятъ арендные листы: „Арендовали есьмо... А хто бы тежъ хто кольвекъ съ подданыхъ нашихъ господарскихъ и духовныхъ князьскихъ,

смотрѣ арендныхъ контрактовъ, скарбъ предпочитаетъ аренду напитковъ сбору капщизны отъ нихъ. Разумѣется, разъ скарбъ переходилъ отъ капщизны къ арендѣ, то тѣмъ самымъ вводилъ монополію продажи напитковъ. Тутъ уже скарбу приходилось слѣдить за тѣмъ, чтобы безъ разрѣшенія арендатора никто не занимался продажею напитковъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ такого же рода ограниченіями и предписаніями, какія бывали и въ арендныхъ контрактахъ времени Казимира, Александра и первыхъ лѣтъ Сигизмунда I, когда правительство перешло къ сбору капщизныхъ пенязей. Предписанія эти заключались въ строгомъ воспрещеніи держать корчмы и торговать напитками безъ разрѣшенія арендаторовъ [1]). Держателямъ корчемъ предоставлялись всѣ средства для осуществленія монопольной продажи; населенію господарскіе листы воспрещаютъ „ку

паньскихъ и земяньскихъ солодъ на варенье пива и паленье горелки ку шинку не зъ нашихъ тамошнихъ солодовень, але отъ кого иншого бралъ и куповалъ, такъ же пиво и медъ у своихъ, албо чиихъ иншихъ броварехъ варилъ безъ ведомости и дозволенья ихъ, яко арендаровъ, не заплативши имъ отъ того плату постановеного, тогды кождый таковый, чий бы колвекъ подданый во оныхъ местахъ мешкаючий былъ, медъ и пиво и горелку яко въ промыте тратити маеть... А обывателн тыхъ местъ не мають ни отъ кого пивъ вареныхъ и медовъ сычоныхъ набывати и скуповати, одно сами зъ ведомостью ихъ пива варыти и меды сытити, абы тымъ шкода скарбу нашому и тымъ арендаромъ не деяла"... (Кн. Зап. Лит., XLVIII, лл. 115, 116).

[1]) Такъ мѣщане Василишскіе держали въ своемъ городѣ корчмы, но мѣстный державца чинилъ имъ „переказу". Мѣщане жаловались на него королю: „а што тежъ жаловали, ижъ врадъ людемъ королевскимъ на волость за поклоны даетъ корчмы мевати и тежъ боронить имъ корчомъ покутныхъ в чужоволосцамъ забирати, а хотя и возмуть въ кого што, ино за тую ихъ працу ничого имъ не даетъ. Ото господаръ его милость такъ росказати и встановити рачилъ: ижъ черезъ то врадъ за поклоны корчомъ по волости держати и пивъ и медовъ, ани горелки шинковати не маетъ дозволяти, а корчмы покутные въ чужоволосцовъ забирати мають мещане Василишскіе, при враде ездячи, а врадъ забравши таковые корчмы не повиненъ съ того мещаномъ давати, кгды жъ то не естъ обычай" (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, лл. 225—227). Мѣщане Мозырскіе арендовали корчмы въ своемъ городѣ (1568 г.) и господарскій листъ такъ опредѣляетъ ихъ права: „Пакли бы хто зъ бояръ и мещанъ и подданыхъ нашихъ тамошнихъ мозырскихъ въ месте Мозырскомъ, або у волости тамошней корчмы покутные держалъ, медомъ, пивомъ и горелкою ку шкоде ихъ шинковалъ, таковые корчмы и шинки покутные, питья и суды начинья корчмное мають и волни будуть з вижомъ враду мозырского моцне забирати и половицу того всего на замокъ Мозырскій давати, а другую половицу на себе брати мають, нижли кому они призволять, таковому кождому въ месте и на волости корму держати и шинковати волно будетъ".,. (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 126).

шкоде арендаторовъ шинковать напитками“ во всемъ монопольномъ районѣ [1]). Однако слѣдуетъ отмѣтить, что въ періодъ монополіи контроль за продажею напитковъ значительно усилился; такъ, встрѣчаемъ воспрещенія мѣстнымъ жителямъ покупать напитки внѣ монопольнаго района: „а естли бы,—говоритъ арендный контрактъ 1557 г. на отдачу корчмы въ Кременцѣ,—отколь горелку было привезено, а имъ (т. е. арендаторамъ) не оповедавши, безъ дозволенья ихъ, по селамъ волости замку нашого маеть то боронено быти“ [2]). Встрѣчаемъ тенденцію не только воспретить привозъ напитковъ изъ опредѣленнаго района на продажу, но также и для домашняго употребленія; и даже это послѣднее, какъ мы знаемъ, подвергаемо было контролю и ограниченію [3]). Нельзя не отмѣтить также того, что во всѣхъ контрактахъ мы встрѣчаемъ и ограниченія, касающіяся торговли и провоза напитковъ въ селахъ; эта черта тоже сравнительно новая, такъ какъ въ контрактахъ конца XV и начала XVI вѣка о селахъ упоминается рѣдко, очевидно, потому, что при тогдашихъ условіяхъ контроль за ними былъ мало осуществимъ и мало полезенъ, ввиду распространенія домашняго производства. Еще около 60-го года мы не только встрѣчаемъ предписанія о воспрещеніи торга напитками въ селахъ [4]), но также и разрѣшеніе на заведеніе корчемъ въ селахъ [5]); это показываетъ, что еще въ это время господарскія корчмы не вездѣ были заведены въ селахъ. Годы монополіи выдѣляются еще и тѣмъ, что король по частямъ стремится отмѣнить данныя имъ частнымъ лицамъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 186 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 128 об.

[3]) Вотъ какъ еще ограничиваетъ привозъ напитковъ и тайную продажу ихъ арендный контрактъ 1565 г. на мыто и корчмы въ Пинскѣ: „А мещчане, и жидове, такъ же и подданые по селахъ нашихъ если бы которни зъ нихъ медъ, пиво и горелку зъ стороны привозечи потаемне шинковали и въ дому звлашча горелку хотя бы на свою потребу держали, а было бы то на него переведено, тогды таковый кождый зъ руки на замокъ тамошний платити будетъ повиненъ пятьдесятъ копъ грошей, а ему арендару другая пятьдесятъ копъ грошей,—будетъ ли тая порука и за Рубиновича бывала и на аренде его описана. А тотъ медъ, пиво и горелька предся въ промыте забрана быти маетъ, которое промыты такъ же на замокъ половица, а другая половица ему арендару быти маетъ; толко они маютъ въ него арендара наши медъ, пиво и горелку купуючи въ домехъ своихъ шинковати“ (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 94—95).

[4]) Напр. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 315 об. и др. въ предшеств. и послѣд. примѣч.

[5]) Напр. въ Бобруйскѣ, ibidem, л. 468.

льготы и привилеи на держаніе корчемъ; это дѣлается ввиду тяжелаго положенія скарба по случаю Ливонской войны [1]).

Заботы скарба объ ограниченіи производства напитковъ и прекращеніи безпошлиннаго торга ихъ выразилось еще особымъ образомъ по отношенію къ русскимъ волостямъ, такъ какъ около 1560 года издано было общее постановленіе, направленное противъ начальниковъ мѣстныхъ гарнизоновъ съ цѣлью прекратить съ ихъ стороны незаконную продажу питей. Дѣло въ томъ, что жалобы на начальниковъ ротъ за чинимыя ими „переказы" корчмамъ господарскимъ представляютъ весьма обычное явленіе въ XVI вѣкѣ [2]). Правительство обоихъ Сигизмундовъ не могло справиться съ своеволіемъ начальниковъ гарнизоновъ. Этимъ, конечно, и вызвано общее постановленіе, изданное Сигизмундомъ Августомъ; оно разрѣшало ротмистрамъ держать напитки для продажи своимъ солдатамъ, но не для продажи постороннимъ лицамъ [3]).

Итакъ, введеніе монополіи на заводы для производства напитковъ и преобладаніе монопольной продажи имѣло своимъ послѣдствіемъ не только налоги на производство, но и ограниченіе мѣстныхъ обычаевъ, которыми поддерживалось исконное право свободы домашняго приготовленія напитковъ. Изъ тѣхъ условій, на которыхъ скарбъ передаетъ откупа или вводитъ монопольные заводы, ясно про-

[1]) Такъ, въ арендномъ контрактѣ 1565 года на корчмы въ Пинскѣ отмѣнены корчемныя льготы: „а што ся дотычеть корчомъ въ месте тамошнемъ и на селехъ, которые бы волности отъ насъ мели такъ зъ мешчанъ, яко и зъ жидовъ тамошнихъ, тые вжо корчмы за оными вольностями нашими вживаны быти не мають ку перекaзе аренды его, кгды жъ есьмо для теперешнихъ припалыхъ а кгвалтовныхъ потребъ нашихъ и земскихъ вси таковые вольности подлегли и на сторону отложили" (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 94—95 об.).

[2]) Кн. Зап. Лит., XLII, л. 46; Бершадскій, I, р. 114 и др.

[3]) Объ этомъ говоритъ король въ листѣ 1561 г. п. Ст. Довойнѣ, воеводѣ полоцкому. Приведемъ относящіяся сюда мѣста: „есмо таковое постановенье вчинили во всихъ замкохъ нашихъ украинныхъ, же ротмистрове корчомъ никоторыхъ якъ въ замкахъ, такъ и на местехъ мети не мають, одно пивницы свое питье ховать для себе, десятниковъ и драбовъ роты своее, и то не для жаднаго опильства (пьянства) збыточного, але для трунку ихъ мерного". Поэтому король приказываетъ Довойнѣ разрѣшить полоцкому ротмистру Немеровскому „пиво, меду и иншого питья въ пивницы его въ замку для его самого потребы и для десятниковъ и драбовъ роты его мети и продавати имъ съ пивницы на поживенье имъ ку напитью у обеда и у вечеры, и тежъ въ день коли ся кому пити захочеть" (Кн. Зап Лит., XLII, л. 46 об.—47). То же самое король говоритъ и въ листѣ старостѣ лепельскому п. Юрію Зеновьевичу (ibidem, л. 46).

глядываетъ тенденція правительства ограничить домашнее производство, уменьшить или совсѣмъ уничтожить льготы, дарованныя раньше королемъ на держаніе корчемъ, наконецъ, уничтожить корчемство, вошедшее въ жизнь въ силу разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. корчемство ротмистровъ; однимъ словомъ, скарбъ настойчиво стремится монополизировать въ фискальныхъ цѣляхъ и производство, и продажу напитковъ. Этой цѣли онъ достигалъ изданіемъ отдѣльныхъ господарскихъ выроковъ, установленіемъ ограничивающихъ условій въ арендныхъ контрактахъ, т. е. вообще путемъ частныхъ узаконеній; дѣятельность скарбовыхъ агентовъ и арендаторовъ проводила глубоко въ жизнь эти тенденціи скарба [1]). Неудивительно поэтому, что уставы первой половины XVII вѣка разрѣшаютъ подданымъ только имѣть въ домахъ пиво и медъ для собственнаго употребленія [2]), слѣдовательно, тогда уже и приготовленіе напитковъ не допускалось.

Намъ остается упомянуть только о районѣ, въ которомъ въ изучаемое время была введена монополія производства. Берестейская устава, единственный общій уставъ, ничего не говоритъ о районѣ, въ которомъ должны быть устроены солодовни и бровары. Но его легко опредѣлить по арендымъ контрактамъ. Монопольные заводы дѣйствовали только въ собственной Литвѣ, Подляхіи и въ Кременецкомъ староствѣ на Волыни; въ русскихъ волостяхъ заводовъ не было, но здѣсь введенъ былъ откупъ на продажу питей; оттого и понятны мѣры правительства, направленныя къ прекращенію корчемства въ этой мѣстности. На Жмуди только въ немногихъ городахъ упоминается отдача корчемъ въ аренду; монополій же здѣсь совсѣмъ не было.

Выяснивъ происхожденіе и развитіе монополій, намъ остается сказать нѣсколько словъ о способахъ ихъ эксплоатаціи скарбомъ. Всякаго рода сборы скарбъ стремился сдавать въ аренду. Въ арендныхъ контрактахъ прежде всего отмѣчалось, какія доходныя статьи сдавались въ аренду, затѣмъ величина арендной платы, сроки аренды. Довольно часто въ арендныхъ контрактахъ встрѣчаемъ ссылку на то,

---

[1]) На практикѣ арендаторы стремились подвергнуть обложенію такой „звѣчный" обычай, какъ каноны (Грамоты гор. Вильны, II, p. 4—6, Грамоты города Минска, p. 66).

[2]) Акты Вил., XXV, p. 156.

что арендаторы должны руководствоваться уставою берестейскою, а иногда приводится и содержаніе этой уставы или тѣ измѣненія ея, которыя вводятся въ данной мѣстности. Довольно обычно встрѣтить въ контрактахъ указанія на тѣ послѣдствія, которыя сопряжены для населенія съ введеніемъ монополіи, т. е. запрещенія частныхъ мельницъ, солодовенъ, броваровъ, корчемъ; иногда устанавливаются и заруки въ случаѣ нарушенія скарбовыхъ предписаній, штрафы за незаконную продажу или производство напитковъ, помолъ хлѣба или солода не въ скарбовыхъ мельницахъ. Это общая схема арендныхъ контрактовъ. Къ этому надо еще прибавить тоже довольно обычное условіе контрактовъ, по которому требовалось, чтобы арендаторы въ исправности сдали принятые ими заводы, мельницы, котлы и пр.; прикупленные арендаторами котлы иногда оставались при заводахъ [1]). Когда солодовни, бровары, мельницы только заводились, то однимъ изъ важныхъ условій арендныхъ контрактовъ былъ вопросъ о постройкѣ ихъ арендаторомъ или мѣстнымъ старостою. За это предпринимателямъ дѣлалась большая уступка изъ арендной платы. Старосты иногда получали на нѣсколько лѣтъ пользованіе броварами и солодовнями; напр., державца ошменскій Янъ Гайка получилъ на 6 лѣтъ солодовни и бровары [2]). На столько же лѣтъ получилъ тѣ же доходы Янъ Шимковичъ, державца тыкотинскій [3]); староста минскій Василій Тышковичъ получилъ на 3 года пожитки отъ броваровъ и солодовенъ [4]) и пр. Если заводы требовали капитальнаго ремента, то за производство таковаго арендаторы получали сбавку съ арендной платы [5]). Повидимому, только по отношенію къ большимъ городамъ, когда арендная плата достигала значительной суммы, въ условія аренды вставлялся пунктъ объ обязательствѣ скарба возвратить арендаторамъ убытки, которые они могутъ понести вслѣдствіе какихъ нибудь непредвидѣнныхъ случайностей, напр., голода, повальныхъ болѣзней, или обязательство построить заводы на скарбовый счетъ, если они сгорятъ. Въ арендныхъ же контрактахъ на откупъ корчемъ въ большихъ городахъ иногда встрѣчаемъ разрѣшеніе арендаторамъ держать въ корчмахъ, кромѣ мѣстныхъ напитковъ, ино-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 114 об.—115.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 484 об.

[3]) Ibidem, л. 485.

[4]) Кн. Зап. Лит', XLV, л. 128.

[5]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 48.

странныя вина [1]). Надо еще прибавить, что въ разныхъ городахъ сдавались въ аренду различныя доходныя статьи, смотря по тому, какія изъ нихъ были въ распоряженіи скарба [2]). Замѣтимъ еще, что къ концу 60-хъ годовъ конкуррентами частнымъ откупщикамъ являются городскія общины. Такъ, въ 1564 году Слонимскіе мѣщане взяли въ аренду въ городѣ мельницы, солодовни, бровары, корчмы и мыто мостовое [3]); въ 1567 году Куренецкіе мѣщане выхлопотали себѣ аренду корчемъ, мельницъ и мытъ потому, что арендаторъ дѣлалъ мѣщанамъ „кривды" и „втиски" [4]); въ 1571 году на томъ же основаніи выпросили себѣ аренду солодовенъ Гродненскіе мѣщане [5]), тогда же они

---

[1]) Излагая эти общія условія арендныхъ контрактовъ, мы не приводимъ ссылокъ на источники, потому что все изложеніе настоящаго отдѣла основывается именно на арендныхъ контрактахъ. Впрочемъ, для характеристики условій приведемъ выдержку изъ аренднаго контракта на отдачу броваровъ, солодовенъ и корчемъ въ Берестьѣ Шмерлевичу и Исаковичу 1565 года. Въ немъ король говоритъ: „къ тому дозволили есмо имъ для примноженья и подвышенья напередъ опое аренды солодовни и озницы, и бровары поправити, также и шпихлеры на зсыпованье збожья до солодовень яко розумети будуть, и начинья всякого до солодовень и до броваровъ за свои пенези мають собе запособити. А што кольвекъ на тое выдадуть и начинья способять, то все вечне ку замку нашому Берестейскому по выштью сее аренды ихъ при тыхъ броварохъ, солодовняхъ, озницахъ и шпихлерахъ котлы, кади и всякое начинье зостати мають. Притомъ которую корчму за дозволеньемъ небожчика воеводы виленского збудовали они своимъ накладомъ подле солодовень на гостинцу Краковскомъ, а такъ мы въ той корчме кромъ плаченья капъщизны за сею жъ арендою нашою мети и держати имъ позволяемъ на шинкъ, вино, малмазыю, мушкателу, медъ, пиво, горелку и иные трунки ку питью належачіе. А они мають чинити въ томъ дому всякій слушный порадокъ, яко ся въ таковыхъ гостиныхъ домехъ у вншшыхъ местехъ заховываеть, который домъ при тыхъ же солодовняхъ и броварехъ въ ихъ справе и моцы быти маеть до вштья сее аренды. А по вытью аренды при солодовняхъ и тотъ домъ въ целости тому, кому воля наша будеть, здати и поступити мають, не рахуючи за будованье ничого, ани кладучи на личбе въ суму аренды своее. А дерево на будованье и на оправованье солодовень, броваровъ, шпихлеровъ и того дому позволяемъ имъ съ потребу брати и выпушчати ихъ властнымъ накладомъ съ пущи нашое Берестейское, або съ Прилукъ, альбо где сами оберуть только не въ оступехъ, але тамъ где имъ отъ враду замкового берестейского заведено будеть, нижли они иншихъ жидовъ за собою до лесу впушчати, ани домовъ своихъ тымъ деревомъ будовати не мають" (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 118—120).

[2]) Разнообразіе сдаваемыхъ арендныхъ статей въ каждомъ городѣ будетъ видно изъ прилагаемаго ниже перечня доходовъ, приносимыхъ арендою.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 48—50.

[4]) Ibidem, л. 126.

[5]) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 55.

получили въ аренду особо и бровары [1]); мѣщане Браславскіе терпѣли отъ арендатора корчемъ „великое знищенье и убозство“, почему и выпросили себѣ корчмы на аренду [2]). Мы отмѣтимъ это стремленіе городскихъ общинъ къ привлеченію въ свое завѣдываніе разсматриваемыхъ пожитковъ, такъ какъ оно въ болѣе сильной степени сказалось на переходѣ мытъ малыхъ въ завѣдываніе городскихъ общинъ.

Итакъ, финансовыя реформы Сигизмунда Августа отразились и на косвенныхъ налогахъ. Здѣсь они выразились въ томъ, что скарбъ собралъ и упорядочилъ эксплоатацію такихъ сборовъ, какъ торговыя и внутреннія таможенныя пошлины, и затѣмъ, воспользовавшись широкимъ пониманіемъ вотчинныхъ правъ, ввелъ монополіи на мельницы, солодовни и бровары. Въ способахъ эксплоатаціи доходныхъ статей скарбъ рѣшительно склонился къ системѣ откупа. Значеніе разсмотрѣнныхъ монополій будетъ для насъ еще болѣе яснымъ, когда мы познакомимся съ акцизами на напитки и помолъ.

6. *Акцизы.*

Ливонская война вызвала рядъ налоговъ общегосударственнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ тѣсно примыкаютъ къ только что разсмотрѣннымъ сборамъ господарскаго скарба. Такъ, въ 1561 г. введенъ былъ государственный акцизъ на спиртные напитки и на помолъ. Нужно замѣтить, что государственный акцизъ не былъ совершенною новостью въ это время въ финансовой системѣ Литовско-русскаго государства, такъ какъ былъ моментъ еще въ началѣ XVI вѣка, когда временно взимался сборъ, носившій названіе акциза. Наиболѣе раннія свѣдѣнія объ акцизѣ встрѣчаются въ практикѣ польскихъ финансовъ, изъ чего можно было бы заключить, что оттуда перешли въ Литву и понятія объ этомъ видѣ налоговъ [1]). Въ одномъ привилеѣ г. Вильны, выданномъ въ 1522 году, король Сигизмундъ I упоминаетъ, между прочимъ, о налогѣ на корчмы, носившемъ общегосударственный характеръ; этотъ налогъ былъ установленъ королемъ вмѣстѣ съ господарской радой и распро-

---

[1]) Ibidem, л, 56.
[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 288.
[3]) Adolf Pawinski. Sejmiki Ziemskie. Warszawa, 1895 г., p. 142.

странялся на всѣхъ подданныхъ государства; онъ былъ установленъ только на три года. Налогъ платился только за держаніе медовыхъ корчемъ, по одному камню воска съ каждой [1]). По тому, что сообщаетъ названная грамота, очень трудно видѣть въ этомъ налогѣ акцизъ въ собственномъ смыслѣ; это былъ временный промысловый налогъ на медовыя корчмы. Но съ акцизомъ 1561 г. онъ сближается тѣмъ, что носилъ общегосударственный характеръ. Кромѣ этихъ, очень недостаточныхъ указаній [2]), никакихъ другихъ свѣдѣній объ общегосударственномъ налогѣ на корчмы не встрѣчается [3]).

Государственный акцизъ, уже въ полномъ значеніи этого термина, былъ введенъ, какъ мы указали, въ 1561 г.

Одновременно были подняты и таможенныя пошлины на товары, ввозимые въ страну и вывозимые за границу. Изданный по этому поводу (17 декабря 1561 г. въ Тыкотинѣ) господарскій универсалъ объясняетъ причины введенія новыхъ налоговъ. Онъ говоритъ, что многіе обыватели „панствъ нашихъ", а также и иностранцы имѣютъ немалые доходы, а между тѣмъ не принимаютъ участія въ тѣхъ расходахъ, которые несетъ все государство; если бы и эти лица приняли реальное участіе въ оборонѣ страны, то они должны были бы оставить свою торговлю и занятія; между тѣмъ „народъ шляхетскій" несетъ службу по оборонѣ страны. Вотъ почему король и рада рѣшили установить „на тую теперешнюю потребу Речи Посполитое и ку оборонѣ земли Ифлянское" особый налогъ—„певный платъ". Налогъ устанавливается только до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться война.

Въ частности, по отношенію къ акцизамъ, господарскій универсалъ постановляетъ слѣдующее. Акцизъ установленъ на помолъ хлѣба

[1]) Грам. гор. Вильны, I, p. 28.

[2]) Можетъ быть, и рѣдко встрѣчающееся „чижовое" и есть то же accisa, суженное—польское. Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, p. 60, 61.

[3]) Въ магдебургскомъ привилеѣ Новгородку говорится о томъ, что войтъ обязанъ собирать на мѣщанахъ (судя по контексту грамоты, безъ различія ихъ подданства) „восковщину" (Акты З. Р., II, p. 91, 1511 г.). Нигдѣ въ источникахъ не упоминается больше о сборѣ въ городахъ восковщины, и характеръ этого сбора совершенно не ясенъ; во всякомъ случаѣ это не плата за пользованіе воскобойнею, потому что о ней названная грамота говоритъ особо. Полагаемъ, что восковщина новгородскаго привилея есть тотъ же сборъ воска, о которомъ говоритъ виленская грамота. Попавъ въ магдебургскій привилей, восковщина уже сдѣлалась постояннымъ налогомъ, тогда какъ въ Вильнѣ былъ гарантированъ срокъ его сбора.

и на производство пива, меду и водки. Акцизъ на помолъ взимается въ мельницахъ, принадлежащихъ господарю и духовенству. Уплата акциза производится отъ каждой бочки смолотой муки (при этомъ различается мука ржаная и пшеничная), солоду и крупы. Если кто не везетъ хлѣба на мельницу и мелетъ дома на ручныхъ жерновахъ, тотъ платитъ каждую недѣлю за жернова. Напитки были обложены такъ: обложенію подлежалъ солодъ, употребляемый на пиво и водку: единицей обложенія была принята бочка солоду; сверхъ того водка облагалась еще особымъ способомъ—сообразно примѣненной къ ней дистилляціи; признакомъ для обложенія служила кварта. Признакомъ для обложенія меда служила мѣдница, пудъ и камень. Обложенію подлежали только тѣ напитки, которые поступали въ продажу изъ корчемъ.

Налогъ распространялся на города и державы, принадлежавшие господарю и духовенству. Бояры и шляхта, князья и паны обязаны были ввести эти налоги въ своихъ владѣніяхъ и взимать ихъ *въ свою пользу*; устава выставляетъ двѣ причины послѣдняго: во 1-хъ, шляхетству будетъ „можнѣй и способнѣй“ служить государству, а во 2-хъ, для того, чтобы подданые тѣхъ владѣній, въ которыхъ введенъ налогъ, не переходили бы во владѣнія шляхты. Если кто изъ шляхетства не введетъ въ своихъ владѣніяхъ этого налога, то устава угрожаетъ посылкою туда скарбовыхъ поборцевъ и взиманіемъ налога въ пользу государства. Такимъ образомъ, акцизомъ въ пользу государства были обложены владѣнія тѣхъ „становъ“ Речи Посполитой, которые лично не выступали на войну, т. е. великаго князя и церкви.

Относительно соціальнаго положенія самихъ плательщиковъ, устава выражается довольно неопредѣленно: обложенію подлежатъ всѣ подданые господарскіе, княжескіе, панскіе, живущіе въ городахъ и на предмѣстьяхъ, вообще „хто кольвекъ якого стану будучи и уживаючи шинковъ або гандлю, любо ремесла, альбо иныхъ местскихъ пожитковъ и обештья“. Изъ этого можно было бы заключить, что налогу подлежали только ремесленники и торговцы. Въ дѣйствительности, какъ увидимъ, налогъ охватилъ болѣе широкій кругъ плательщиковъ.

Сборъ налога долженъ быть порученъ особымъ бирчимъ. Всякаго рода льготы и изъятія, ранѣе дарованныя великимъ княземъ отдѣльнымъ лицамъ, теряютъ свое значеніе. Налогъ долженъ быть

выбираемъ со всею строгостью. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ либо городѣ будетъ недостаточно господарскихъ мельницъ, мѣщане могутъ возить свой хлѣбъ въ мельницы, принадлежащія шляхтѣ, но все-таки они обязаны ей же платить и поборъ [1]).

Нѣкоторымъ разъясненіемъ и дополненіемъ къ изложенной уставѣ служитъ господарскій листъ на имя подскарбія земского Остафія Воловича. Онъ касается преимущественно порядка сбора налоговъ. Подскарбій земскій является единственнымъ распорядителемъ въ собираніи акциза и таможенныхъ пошлинъ. Онъ назначаетъ въ города поборцевъ (бирчіе избирались изъ городского уряда), сдаетъ поборы въ аренду, устанавливаетъ условія ея, слѣдитъ за правильнымъ взиманіемъ налога и пр. Налогъ идетъ исключительно на военныя нужды. Этотъ листъ еще разъ подтверждаетъ, что всякаго рода податныя льготы теряютъ свой характеръ на время дѣйствія налога [2]).

Теперь разсмотримъ тѣ фактическія условія, при которыхъ взимался государственный акцизъ. Прежде всего, обѣ изложенныя грамоты не даютъ устойчиваго названія новому налогу: онѣ называютъ его поборомъ, платомъ, но оба термина носятъ слишкомъ общій характеръ и кромѣ того обѣ уставы вводятъ два налога (акцизъ и повышенную таможенную пошлину). На практикѣ за новой таможенной пошлиной установилось названіе „побора новоподвышоного" или побора „нового", а за акцизомъ установилось названіе „поборовъ малыхъ" или „поборовъ мѣстскихъ", „поборовъ дробныхъ", или иногда описательно—„поборовъ на потребу Речи Посполитое уфаленыхъ". Въ частности, по способамъ взиманія различались: млыновое отъ солода и всякаго хлѣба или млыновое и солодовое, шинковое отъ пива и горѣлки и отъ мѣдницъ меду; сборъ съ жерноповъ назывался „жорновымъ" или „пожорновымъ". Эта терминологія показываетъ, что для отличія монополій отъ акцизовъ не существовало строго выработанной терминологіи: въ рѣдкихъ случаяхъ сборы отъ монополій и мытъ назывались „пожитками малыми" или просто „пожитками" [3]); оба вида сборовъ въ источникахъ такъ сливаются, что наиболѣе прочнымъ отличіемъ поборовъ малыхъ отъ монополій надо считать основную цѣль первыхъ—потребу Речи Посполитой [4]).

---

[1]) Кн. Переп. Лит., VII, лл. 82-86.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 12—13.

[3]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 11—12 и LV, л. 23.

[4]) Для характеристики указанныхъ названій приведемъ нѣсколько показаній источниковъ. Въ 1567 г. Виленскіе мѣщане взяли въ аренду „поборы малые местц-

Что касается территоріи, на которую распространился акцизъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ охватилъ въ дѣйствительности не всѣ города, державы и имѣнія, принадлежавшие къ числу господарскихъ и церковныхъ. Сама устава 1561 г. говоритъ о введеніи налога въ „отчизномъ панствѣ нашомъ Великомъ княжествѣ Литовскомъ", ясно, такимъ образомъ, опредѣляя территорію его дѣйствія. Относительно взиманія акциза въ среднихъ и западныхъ частяхъ государства мы имѣемъ множество фактовъ, потому что здѣсь эти сборы сдавались въ аренду. Это подтверждаетъ опредѣленіе уставы. Но есть основанія полагать, что акцизъ, хотя и не въ полной мѣрѣ, дѣйствовалъ и въ восточныхъ областяхъ. Онъ не могъ быть проведенъ здѣсь вполнѣ, потому что тутъ не было господарскихъ монопольныхъ мельницъ и заводовъ. Однако, можно привести показанія источниковъ, свидѣтельствующія о распространеніи пожорноваго налога и на эти мѣстности: въ 1561 же году Витебляне и Полочане получили отъ господаря освобожденіе отъ уплаты пожорноваго [1]). Такимъ образомъ, акцизъ собирались ввести и здѣсь. Вѣроятно, впрочемъ, даже и пожорновое здѣсь не могло имѣть большого примѣненія вслѣдствіе того военнаго положенія, въ которомъ находились окраины, и, быть можетъ, фактически и не взималось; такъ, уже въ 1563 году встрѣчаемъ замѣчаніе о томъ, что въ русскихъ волостяхъ жорновое не взималось [2]). Что касается Жомойти, то здѣсь мы встрѣчаемъ несомнѣнныя указанія на сборъ жерноваго и даже броварнаго [3]).

кіе: млыновое отъ солоду и иншого всякого збожья, шинковое отъ пива и отъ горелки и тежъ отъ медницъ меду пресного" (Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 128). Или въ Остринѣ сдавалось: „поборы местскіе, то есть млыновое отъ солоду и отъ иншого всякаго збожья, шинковое отъ пива и отъ медницъ меду пресного, хто его на шинкъ сытить, отъ горелки и отъ жорновъ местскихъ" (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 95 об.—96 об.). Иногда короче—поборъ малый отъ шинковъ и отъ млыновъ (Кн. Зап. Лит., LV, л. 22 и л. 80). Солодовое упоминается въ Кн. Зап. Лит., LII, л. 11—12; указаніе на цѣль налога встрѣчается въ такихъ выраженіяхъ: „што которые поборы на потребы Речи Посполитое уфаленые то естъ млыновое отъ солоду и отъ иншого всякого збожья, шинковое отъ пива и меду пресного, кгды хто на шинкъ сытитъ, отъ горелки и отъ жорновъ местскихъ". Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 17, и т. д. „Поборъ дробный" —Кн. Зап. Лит., LV, л. 35 об.

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLV, лл. 20 и 21 об.

[2]) Кн. Переп. Лит., VII, л. 47.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 15 об. и л. 20, Кн. Зап. Лит., LV, л. 26, Кн. Переп. Лит., VII, л. 13 об.

Однако, никакихъ болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній въ источникахъ не сохранилось, изъ чего едва ли не слѣдуетъ сдѣлать предположенія, что акцизъ въ Жомойти не получилъ такого развитія, какъ въ собственной Литвѣ. Косвенно это предположеніе подтверждается тѣмъ, что на Жмуди почти отсутствовалъ тотъ главный контингентъ плательщиковъ, съ котораго наиболѣе удобно было взимать акцизъ—мѣщанство мелкихъ городковъ: съ другой стороны, во время Ливонской войны жмудскія тивунства несли особую службу по доставкѣ въ войско провіанта и ремесленниковъ, что, быть можетъ, заставило правительство или совсѣмъ не взимать здѣсь акциза, или, по крайней мѣрѣ, не взыскивать его съ тою строгостью, съ какою это дѣлалось въ собственной Литвѣ. Изъ этого видно, что акцизъ фактически не привился на Жмуди и въ восточныхъ волостяхъ. О южной Украйнѣ и Волыни говорить не приходится: здѣсь не было господарскихъ державъ (кромѣ Кременца). Такимъ образомъ, вся тяжесть акциза, какъ и монополій, пала на великое княжество Литовское въ собственномъ смыслѣ этого термина.

По уставѣ 1561 года поборы малые собираются со всѣхъ городскихъ жителей, безъ различія подда́нства, занимающихся торгомъ и ремесломъ; въ селахъ собирается жерновое; но относительно акциза съ напитковъ въ селахъ устава не совсѣмъ ясна. Практика дѣла прежде всего установила акцизъ на напитки въ селахъ [1]). Въ городахъ акцизъ платили всѣ, кто живетъ въ городѣ, занимается торгомъ, ремесломъ и вообще „уживаетъ вольностей местскихъ“ [2]), независимо отъ того, „хто кольвекъ якого стану былъ бы, а шынковъ, ремесла, альбо иныхъ местскихъ пожитковъ уживалъ“. Акцизъ

---

[1]) Объ этомъ говорятъ арендные контракты. Такъ по одной арендѣ на отдачу поборовъ малыхъ въ Слонимѣ слѣдующимъ образомъ опредѣляется, кто долженъ платить: сдаются въ аренду „поборы на потребы Речи Посполитое уфаленые, то есть млыновое отъ солоду и отъ иншого всякого збожья, шинковое отъ пива и меду пресного, хто на шинкъ сытитъ, отъ горелки, отъ жорновъ местскихъ въ местехъ нашихъ господарскихъ Слониме, Молчади и Луконницы и въ корчмахъ селскихъ ку тымъ местомъ прилеглыхъ, держатъ отъ насъ господара арендеи... Маетъ онъ яко съ подданыхъ нашихъ господарскихъ, такъ съ подданыхъ княжскихъ, панскихъ, земянскихъ и духовныхъ, которые въ оныхъ местечкахъ мешкаючи, торгу и шинковъ уживають, поборъ въ местехъ нашихъ и въ селахъ къ нимъ прислухаючихъ держати ку пожитку своему водлугъ уставы нашое на поборы вчиненое“ (Кн. Зап. Лит., XLVII, лл. 17—18).

[2]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 95 об.—96.

взимался на мельницахъ, принадлежащихъ господарю и духовенству, и отъ корчемъ, принадлежавшихъ господарю, духовенству и земянамъ. Къ обложенію акцизомъ, кромѣ мѣщанъ, о которыхъ ясно говоритъ и устава, были привлечены и слуги дворные, стрѣльцы, одверные, кухари, машталеры, псарцы, осочники на ряду съ другими ремесленниками,—„хто (изъ нихъ) шинкъ держить и на млынъ везеть“ [1]). Такимъ образомъ, на ряду съ общей массой тяглаго крестьянства къ платежу акциза были привлечены и высшіе его слои— спеціальныя службы, изъ которыхъ нѣкоторыя несли службу на войнѣ. Только высшій спеціально военнослужилый элементъ крестьянства, верхи котораго сливались съ шляхетствомъ,—слуги путные и бояре не платили пожерноваго [2]). Акцизъ же на напитки падалъ, конечно, и на нихъ, если они занимались шинкомъ.

Требуетъ также разъясненія вопросъ о томъ, какъ уживалась монополія съ акцизомъ. Арендаторы господарскихъ пожитковъ, т. е. монополій, платили поборъ земскій, т. е. акцизъ [3]). Иногда на этой почвѣ создавались недоразумѣнія. Такъ, арендаторъ пожитковъ малыхъ въ Кременцѣ жаловался на поборцевъ: они вздумали брать солодовое отъ продаваемыхъ арендаторомъ „солодовъ вымерчихъ“ (т. е. отъ тѣхъ мѣрокъ солоду, которыя арендаторъ получаетъ за смолотый имъ на мельницѣ солодъ, привозимый мѣщанами (эти мѣрки составляютъ плату за помолъ); такъ какъ акцизъ взимаютъ въ тотъ моментъ, когда хлѣбъ и солодъ привозятъ на мельницу, то, разъяснялъ арендаторъ, взиманіе акциза „отъ вымерчого солода“ несправедливо потому, что это выйдетъ двойной акцизъ съ одного и того же хлѣба [4]). Это мѣсто, между прочимъ, любопытно и потому, что разъясняетъ моментъ взиманія акцизовъ. Для того, чтобы облегчить сборщикамъ надзоръ за взиманіемъ акциза, господарскіе листы на аренду усиливаютъ строгость мельничной монополіи; разрѣшеніе на ручные жернова зависитъ отъ арендаторовъ акциза [5]). Впрочемъ, разрѣшался

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, лл. 23 - 25 об.

[2]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., X, л. 45.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLV, л. 29.

[4]) Кн. Зап. Лит., LII, лл. 11—12.

[5]) Контрактъ на аренду поборовъ мылыхъ въ Остринѣ говоритъ слѣд. обр.: „къ тому тежъ подданые наши мешчане Острынскіе солодовъ и никоторого збожья для молотья до чужихъ млыновъ возити не маютъ, только въ млынехъ нашихъ тамошнихъ господарскихъ, або въ жорнахъ своихъ, за ведомостью того арендара, по-

перевозъ изъ одного города въ другой уже оплоченной акцизомъ водки [1]).

Устава 1561 года говоритъ о томъ, что новые налоги вводятся только на время войны для привлеченія тѣхъ элементовъ населенія, которые не отбываютъ военной повинности. Она вводитъ акцизъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

отъ солянки ржаной муки	12	пенязей
„ „ пшеничной	15	„
„ „ солоду	12	„
„ „ крупы	12	„
„ городскихъ жорновов въ недѣлю	2	гроша
„ сельскихъ „ „ „	2	пенязя

Въ корчмахъ:

отъ солянки солоду	3	гроша
„ мѣдницы меду прѣсного	2	гроша
„ пуда пятернаго	12	пенязей
„ камня	12	„
„ кварты водки „одинъ разъ перепусканое“	2	пенязя
„ „ „ „литрованое“	5	„

Такимъ образомъ, на первый разъ были обложены не всѣ виды хлѣба. Практика выработала нѣкоторыя поправки къ продиктованной

боръ съ нихъ водле уставы до рукъ его платечи, молоти будуть“ (Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 95 об.—96). Или вотъ какъ еще говоритъ по тому же вопросу аренда мытъ малыхъ въ Слонимѣ: „а подданые наши мещане местъ и сель вироль речоныхъ солодовъ и никоторого збожья для молотья до чужихъ млыновъ возити не мають, только въ млынехъ нашихъ господарскихъ тамошнихъ, або въ жорнахъ своихъ домовыхъ, зъ ведомостью того арендара, поборъ съ нихъ водлугъ уставы нашое до рукъ его платечи, молоти мають, а где бы хто што побору менованого отъ которое речи утаити смелъ и с права въ томъ дознанъ былъ, тогды оная речь, отъ которое бы поборъ утаенъ былъ, яко промыта на врядъ нашъ маеть быти“. Староста долженъ наблюдать: „ижъ бы подданые наши мещане Слонимскіе и каждый, чимъ кольвекъ подданымъ будучи хто шинку въ месте уживаеть, поборъ водлугъ уставы нашое платилъ и ничимъ того пожитку скарбу нашого утаивати и задерживати не смѣлъ. А где бы хто такъ съ подданыхъ нашихъ яко и съ подданыхъ земянскихъ, которые въ месте мешкаючи шинку уживаючи за упоромъ своимъ того побору платити не хотѣлъ, таковыхъ бы еси зъ уряду своего моцно отправовати казалъ такъ, яко бы ся въ томъ никоторая шкода скарбу нашему не дѣяла“ (Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 17—18 об.).

[1]) Кн. Зап. Лит, XLV, л. 47.

уставою схемѣ обложенія. Такъ, пожорновое въ городахъ взималось по два гроша въ недѣлю только отъ тѣхъ, кто мололъ солодъ или хлѣбъ на продажу или на шинкъ; въ противномъ случаѣ отъ жорнова платилось столько же, сколько и въ селахъ, т. е. по 2 пенязя; дѣлалось различіе между солодомъ пшеничнымъ и посполитымъ (бочка перваго оплачивалась 3 грошами)[1]). Взиманіе пожорноваго въ селахъ нѣкоторыхъ мѣстностей превратилось въ поземельный налогъ, такъ какъ послѣдній разлагаемъ былъ на волоки (такъ, на Жмуди брали по 10 грошей 4 пенязя съ волоки[2]). Такое упрощеніе сбора акциза происходило вслѣдствіе частныхъ соглашеній между населеніемъ и арендаторами или поборцами; такое соглашеніе заключили, напр., подда́ные Бѣльской волости съ мѣстнымъ арендаторомъ, хотя оно и вызвало недоразумѣніе между обѣими сторонами[3]).

Такъ какъ война оказалась продолжительной, то поборы малые платились до конца изучаемаго нами періода. Городенскій сеймъ 1568 года продолжилъ взиманіе акциза на годъ (вмѣстѣ съ таможенными пошлинами); доходъ отъ акциза уже перешелъ въ распоряженіе господарскаго скарба, для восполненія „накладовъ", понесенныхъ послѣднимъ во время войны[4]). Однако, унія 1569 года имѣла вліяніе на измѣненіе государственнаго характера акциза 1561 г. Поборовый универсалъ 1569 года вводитъ на ряду съ государственными прямыми налогами и акцизъ подъ именемъ чоповаго. Акцизъ 1561 года разнился нѣсколько отъ чоповаго, собиравшагося въ Польшѣ, только способомъ обложенія и тѣмъ, что чоповое декретировалось сеймомъ и распространялось, какъ земскій налогъ, на всю территорію государства: кромѣ того, чоповое было только акцизомъ на напитки[5]). Универсалъ 1569 г. вводитъ чоповое и налогъ на мельницы, согласно практикѣ, выработанной уже въ Польшѣ[6]). Однако, съ введеніемъ чоповаго[7]) не были отмѣнены ни акцизъ, ни монополіи. На литов-

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 23—24 об.

[2]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., VII, л. 13 об.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLIX, л. 27.

[4]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 473.

[5]) Adolf Pawinski, Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego, p. 168.

[6]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, р. 504.

[7]) Чоповое взималось „отъ всякихъ трунковъ шынковныхъ—меду, пива, горелки, такъ тежъ котловое и съ солодовники" (Кн. Зап. Лит., LXV, л. 149 об., 1582 г.). Его брали отъ „котла горѣлчаного", отъ „барылъ" и др. посуды (Кн. Зап. Лит., LII, л. 80 об.).

скомъ сеймѣ въ Люблинѣ 1569 г. шляхта напомнила объ этомъ королю, но получила отвѣтъ, что поборы малые установлены только въ господарскихъ державахъ, почему этотъ вопросъ вѣдѣнію сейма не подлежитъ [1]). Это уже показываетъ, что господарь рѣшилъ удержать поборы малые на ряду съ чоповымъ. Дѣйствительно, въ 1570 году издана была устава, вводившая даже нѣкоторое увеличеніе размѣра акциза [2]). Рядомъ съ этимъ чоповое въ господарскихъ державахъ собирали сеймовые поборцы [3]). Среди населенія это скопленіе акцизовъ вызывало недоразумѣнія [4]). Король долженъ былъ объяснять, по частнымъ поводамъ, что сеймовое чоповое не должно „шкодить“ господарскимъ пожиткамъ отъ поборовъ малыхъ [5]); однако господарь уменьшилъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сборъ на одинъ грошъ отъ бочки солоду изъ поборовъ малыхъ.

Такимъ образомъ, послѣ 1569 г. поддáный господарскихъ державъ (конечно, и другихъ вотчинниковъ) долженъ былъ уплачивать три группы косвенныхъ налоговъ на спиртные напитки и хлѣбъ: мономонопольный мельничный сборъ, акцизъ по таксѣ 1561 г. и чоповое по таксѣ 1569 г., да сверхъ того и еще старую капщизну; каждая изъ этихъ группъ налоговъ разлагалась еще на нѣсколько составныхъ частей и каждая изъ первыхъ двухъ группъ налоговъ въ большинствѣ городовъ находилась на откупу у отдѣльныхъ арендаторовъ независимо отъ сеймовыхъ поборцевъ. За неисполненіе предписаній, касающихся тѣхъ или иныхъ сборовъ, населенію угрожали крупными штрафами. Итакъ, глотокъ водки, вина или меда или кусокъ хлѣба, прежде чѣмъ попасть въ глотку потребителя, долженъ былъ пройти длинную стадію самыхъ разнообразныхъ налоговъ.

---

[1]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 498—499.

[2]) Такъ въ этой уставѣ встрѣчается обложеніе млыновымъ ячменя (по 8 пенязей отъ бочки) овса и гречихи (по 7 пенязей отъ бочки); отъ городскихъ жерноновъ, если кто ими пользуется для помола хлѣба на продажу или солода на шинкъ, платятъ по 2 гроша въ недѣлю; отъ жерноновъ, служащихъ для домашней потребности—по 2 пенязя въ недѣлю; въ корчмахъ отъ солянки солода посполитого взимается еще по 2 гроша шинкового, а отъ пшеничнаго 3 гроша и сверхъ того отъ кварты водки, безъ отношенія къ дистилляціи по 5 пенязей (Кн. Зап. Лит., LII, л. 149).

[3]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., X, л. 68.

[4]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 71 об.

[5]) Ibidem, л. 80.

Но, когда монополіи и поборы малые перешли въ распоряженіе господарскаго скарба, то въ ихъ средѣ замѣтенъ двоякаго рода процессъ: или монополіи на солодовни, бровары и мельницы начинаютъ сливаться съ акцизомъ [1]), или онѣ переходятъ при подтвердительныхъ привилеяхъ на магдебургію въ распоряженіе городскихъ общинъ иногда за опредѣленную плату въ скарбъ [2]), а иногда и безъ таковой [3]): извѣстнаго рода ступенью въ этомъ направленіи можно считать аренду самими городскими общинами обоего вида поборовъ [4]). Начинается обычное явленіе въ скарбовой практикѣ—пожалованіе господаремъ обоихъ видовъ сборовъ за службу [5]). Вообще, многосложность налога на напитки къ концу вѣка сглаживается и даже встрѣчаются частные факты отмѣны вотчинныхъ монополій [6]), что свидѣтельствуетъ объ измѣненіи взглядовъ на эти формы обложенія. Этотъ процессъ началъ сказываться сейчасъ послѣ уніи и завершился уже внѣ предѣловъ даннаго періода.

7. *Нѣсколько замѣчаній о скарбовыхъ доходахъ отъ акцизовъ и монополій.*

Въ заключеніе небезполезно будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя можно сдѣлать на основаніи цифровыхъ

[1]) Такому сліянію пролагается путь отдачею монополій и акцизовъ въ однѣ руки (напр., Кн. Зап. Лит., XLV, л. 98 и др.).

[2]) Напр. по привилею 1566 г. гор. Василькову (Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 43 об.—45 об.), Пещаткѣ въ 1569 г. (Акты Вил., IV, р. 94), Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 318 об.—321).

[3]) Напр. Диснѣ въ 1569 г. (Кн. Зап. Лит., L, л. 293 об.). Ср. Акты Вилен., XIII, р. 43.—Сюда же относятся факты, когда городскія общины получали привилеи на освобожденіе отъ монопольныхъ заводовъ съ обязательствомъ ежегодныхъ взносовъ въ скарбъ; такой листъ, какъ мы видѣли, выхлопотали себѣ Ошменскіе мѣщане. Остринскіе мѣщане получили въ 1561 г. освобожденіе отъ броваровъ и солодовенъ за плату въ 4 копы гр. ежегодно въ скарбъ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 450 об.).

[4]) Напр., Кн. Зап. Лит., LV, л. 35 об., Бершадскій, II, р. 128.

[5]) Напр., старостѣ мстибоговскому п. Матею Жалинскому дано за службу въ 1567 г. въ Мстибоговѣ броварное, покотельщина, солодовня, млыновое, мѣрчее, важчее, горѣлчаное (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 121).

[6]) Воевода новгородскій извѣстный Ѳедоръ Скумилъ освободилъ, напр., мѣщанъ новгородскихъ отъ солодоваго и броварнаго, потому что мѣщане платятъ капщизну (Грамоты гор. Минска, р. 61.

данныхъ о доходахъ, приносимыхъ скарбу монополіями, мытами и акцизами. Причина, заставляющая объединять въ данномъ отношеніи вопросъ о доходахъ всѣхъ этихъ пожитковъ въ одну группу, заключается въ томъ, что монополіи и мыта, какъ не разъ было указано, сдавались въ аренду вмѣстѣ, и по контрактамъ нельзя выдѣлить доходности тѣхъ и другихъ сборовъ даже для немногихъ городовъ. Свѣдѣнія о доходности отъ акцизовъ весьма незначительны и потому имѣютъ только относительную цѣнность при сравненіи съ монопольными доходами. Нельзя не пожалѣть о неполнотѣ нашихъ данныхъ относительно монополій и акцизовъ. По отношенію къ послѣднимъ, неполнота свѣдѣній объясняется весьма просто: какъ поборъ земскій, акцизы собирались особыми поборцами, о дѣятельности которыхъ акты не сохранили данныхъ, только въ немногихъ городахъ акцизы шли на откупъ. Что касается монополій, то тутъ приходится сѣтовать на неполноту данныхъ, потому что не всѣ контракты занесены въ Метрику. Въ приложеніи второмъ мы приводимъ данныя о доходахъ, какіе можно было извлечь изъ занесенныхъ въ Метрику арендныхъ контрактовъ на отдачу мытъ, монополій и акцизовъ. Списокъ этотъ подтверждаетъ сказанное раньше о преобладаніи системы арендъ и о районѣ монопольныхъ сборовъ. Что контракты не всѣ находятся въ книгахъ Метрики, это ясно изъ упоминаній въ нѣкоторыхъ изъ нихъ объ арендѣ предшествующихъ годовъ. Особенно досадно отсутствіе свѣдѣній о доходахъ такихъ крупныхъ городовъ, какъ Вильно, Ковно, Дорогичинъ, Мельникъ, Минскъ и др. Мы имѣемъ свѣдѣнія о доходахъ всего девятнадцати городовъ и мѣстечекъ (изъ списка также видно, что въ нѣкоторыхъ городахъ собирались изучаемые доходы, но о размѣрахъ ихъ неизвѣстно), что, при сравненіи со списками городовъ того времени, даетъ, несомнѣнно, болѣе половины тогдашнихъ „мѣстъ" и „мѣстечекъ" (центры нѣкоторыхъ державъ— только дворы). Впрочемъ, не во всѣхъ изъ недостающихъ мѣстечекъ были введены монополіи, и не вездѣ скарбъ получалъ доходы отъ нихъ; на такое предположеніе наводятъ самые пути введенія монополій: заводы вводились постепенно: въ державахъ, отданныхъ въ доживотье до 1558 года, скарбъ не вводилъ монополій до прекращенія дѣйствія привилегій (ср. Берестье [1]) и др.): монополіи не вводились

[1]) Король утверждаетъ въ 1565 г. аренду заводовъ и капщизны въ Берестьи тѣмъ арендаторамъ, которые держали ее при к. Радивиллѣ, но объясняетъ: „Але ижъ впредь нижли еще тая аренда (отъ к. Радивилла) вышла, панъ воевода ви-

скарбомъ также и въ заложенныхъ и арендныхъ державахъ [1]). Изъ этого видно, что несомнѣнно существующая неполнота данныхъ о доходахъ отъ монополій не такъ велика, и что все-таки собранныя нами свѣдѣнія въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ скарбовый доходъ; цѣнность добытыхъ цыфръ подрываетъ, главнымъ образомъ, отсутствіе свѣдѣній о нѣкоторыхъ крупныхъ центральныхъ городахъ.

Обращаясь къ самымъ даннымъ, прежде всего отмѣтимъ, что, по доходу отъ монополій и мытъ, наиболѣе видное мѣсто занимали: Пинскъ (наибольшій доходъ въ 600 копъ грошей), Берестье (такой же доходъ), Кременецъ (наибольшій доходъ 650 грошей), затѣмъ Ковно, Слонимъ (по 400 копъ грошей), Тыкотинъ (до 300 копъ грошей), Каменецъ, Гродно (до 230 копъ грошей), Бѣльскъ, Нарва и Клещели вмѣстѣ приносили до 339 копъ грошей въ годъ, а Новый Дворъ, Кузница и Кринки давали до 300 копъ грошей; нѣкоторые города давали свыше 100 копъ грошей въ годъ (Шерешовъ, Куренецъ, Скидель и Мосты вмѣстѣ давали 150 копъ грошей), доходъ иныхъ былъ незначителенъ (напр., Острина давала отъ заводовъ и капщизны всего 34 копы грошей, Мосты въ отдѣльности давали 16 копъ грошей, Кобринъ—10 копъ грошей, Добучинъ—20 копъ). По размѣру акцизныхъ доходовъ выдѣляется городъ Гродно съ волостью (850 копъ), Слонимъ давалъ 300 копъ грошей, Пинскъ—до 220, Каменецъ до 130, Острино—75. Вообще, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, акцизы приносили меньшій доходъ, чѣмъ монополіи. Въ русскихъ волостяхъ, въ извѣстныхъ намъ городахъ, доходы отъ корчемъ и мытъ превышали 2300 копъ грошей.

Судя по нашимъ даннымъ, доходъ отъ монополіи, капщизны и мытъ въ половинѣ 60-хъ годовъ превышалъ 4000 копъ грошей; но, разумѣется, эта цифра не охватываетъ данныхъ, касающихся всѣхъ городовъ, гдѣ фактически дѣйствовала монополія. Гораздо интереснѣе наблюденія надъ ростомъ доходовъ въ отдѣльныхъ городахъ. Въ этомъ случаѣ количество данныхъ позволяетъ уже сдѣлать опредѣленныя заключенія.

ленскій зъ сего света зшолъ. Прото вжо они тыхъ пожитковъ до тыхъ годовъ, яко ув аренде пана воеводы виленского описано, *додерживати не могли*, кгдыжъ панъ воевода виленскій оное староство Берестейское и вси пожитки тамошние только до живота своего отъ насъ держалъ" (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 118—120).

[1]) Это видно изъ пунктовъ залоговыхъ контрактовъ и изъ того, что фактически въ заложенныхъ городахъ сборы не сдавались въ аренду (списокъ заложенныхъ въ то время державъ будетъ приведенъ въ своемъ мѣстѣ).

Когда монополіи вводились, онѣ давали небольшой доходъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ, бывшихъ во владѣніи королевы Боны, и Берестья, гдѣ монополіи введены паномъ М. Радивилломъ), но съ теченіемъ времени доходъ отъ нихъ сильно растетъ. Въ общемъ, ростъ еще продолжается до середины 60-хъ годовъ, послѣ чего онъ останавливается или даже нѣсколько падаетъ; это показываетъ, что налогъ дошелъ до предѣльныхъ нормъ. Если взять ростъ доходовъ тѣхъ немногихъ городовъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія за нѣсколько арендныхъ періодовъ, то получимъ слѣдующее увеличеніе доходовъ отъ монополій и мытъ:

въ Слонимѣ	въ 1558—1564	гг. доходы увеличились	на	1333%
„ Бѣльскѣ, „ Нарвѣ и „ Клещеляхъ	„ 1561—1573	„ „ „	„	465%
„ Каменцѣ	„ 1558—1567	„ „ „	„	64%
„ Гроднѣ	„ 1559—1572	„ „ „	„	33%
„ Кременцѣ	„ 1558—1563	„ „ „	„	30%
„ Шерешовѣ	„ 1558—1563	„ „ „	„	26%
„ Пинскѣ	„ 1558—1568	„ „ „	„	9%

Необычайный ростъ дохода въ Слонимѣ и Бѣльскѣ объясняется тѣмъ, что арендаторы сами строили заводы, почему въ первые годы вносили ничтожную плату.

Такимъ образомъ, эти цифры подтверждаютъ сказанное о характерѣ роста монопольныхъ доходовъ. Это вполнѣ сходится съ весьма компетентнымъ утвержденіемъ королевскаго листа еще 1556 г. о томъ, что аренды мытъ „поднялися“ и „что есть часу повышаются“ [1]).

Къ сожалѣнію, нельзя сдѣлать опредѣленнаго утвержденія въ томъ или иномъ смыслѣ относительно роста акцизныхъ доходовъ,— по недостатку данныхъ. Кажется, впрочемъ, что и здѣсь надо наблюдать то же явленіе, т. е. наибольшее развитіе приходится на половину 60-хъ годовъ: такъ, въ Остринѣ въ 1565—1567 гг. аренда поборовъ малыхъ увеличилась на 23%, въ Пинскѣ въ 1563—1564—1566 гг.—на 10% и въ Каменцѣ въ 1561—1564 гг.—на 18%.

---

[1]) Берщадскій, II, 56.

8. Восковничее, солянчее и монополія на соль и лѣсные товары

Налоги на воскъ и лѣсные товары, вывозимые за границу, и на соль, ввозимую изъ за границы, имѣли нѣкоторыя общія имъ особенности въ обложеніи и монополизаціи торговли ими, почему обложеніе ихъ удобно разсмотрѣть отдѣльно отъ другихъ товаровъ.

Исторія нѣкоторыхъ особенностей въ обложеніи воска и соли до шестидесятыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія, къ сожалѣнію, не можетъ быть выяснена съ достаточною полностью. Съ первыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка воскъ и соль подвергаются обложенію на особыхъ соляныхъ и восковыхъ коморахъ; въ управленіи соляныя и восковыя коморы иногда соединялись съ мытными, иногда же поступали въ отдѣльное завѣдываніе. Трудность вопроса заключается въ томъ, что не легко опредѣлить, чѣмъ отличалась обыкновенная таможня отъ соляныхъ и восковыхъ коморъ и въ чемъ заключалось „обмычиваніе", какъ выражаются акты, соли и воска. Существуетъ мнѣніе, по которому восковыя и соляныя коморы были ничто иное, какъ мѣста сбора мыта съ соли и воска [1], но въ такомъ случаѣ является непонятнымъ, почему понадобилось правительству великаго князя Александра устраивать особыя таможни для сбора пошлинъ съ воска и соли, почему установилось особое управленіе ими и т. д.

Въ грамотахъ короля Казиміра нигдѣ не говорится объ особомъ выдѣленіи пошлинъ съ соли и воска: рѣчь идетъ въ арендныхъ контрактахъ вообще о сдачѣ мытъ; правда, вывозъ воску до вел. кн. Александра не облагался [2], но отъ него взимались пошлины; въ расходныхъ книгахъ того-же короля встрѣчаемъ нерѣдко ассигновки на выдачу соли съ таможенъ, потому что пошлины взимались натурою [3]; на Ковенской таможнѣ собиралось мыто до установленія здѣсь особой коморы [4]. При великомъ князѣ Александрѣ мы встрѣчаемъ впервые извѣстіе объ устройствѣ особыхъ соляныхъ коморъ въ Луцкѣ, Берестьѣ и Дорогичинѣ. Отдавая эти коморы въ управленіе Лерину

---

[1]) Любавскій, Обл. дѣл., p. 515.

[2]) М. Гл. Арх. М. Ин. Д., Метр. Пол., Кн. XII, л. 255 и въ др. мѣстахъ.

[3]) Акты Лит.-рус. госуд., I, p. 46 и др. Какъ видно изъ цитованнаго въ предш. прим. документа, древнѣйшая пошлина съ соли состояла во взиманіи шестидесятой части ея.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 71.

Герешу и его компаніонамъ, великій князь говоритъ, что онъ приказалъ мытникамъ *„коморы наши справити соленыи за свои пенязи“* [1]). Здѣсь рѣчь идетъ именно объ устройствѣ особыхъ таможенъ; устройство это заключалось не въ одномъ установленіи таможенной заставы, потому что мытники должны были затратить на постройку капиталъ, который великій князь возвращаетъ имъ отдачею половины доходовъ въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ управленія. Это обстоятельство уже наводитъ на предположеніе, что тогда были устроены особые склады для соли, какъ это дѣлалось впослѣдствіи. Въ ближайшіе годы мы встрѣчаемъ уже извѣстія о функціонированіи восковыхъ и соляныхъ коморъ, кромѣ названныхъ городовъ, также въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Ковнѣ, Городнѣ и др.

Однако, свидѣтельства источниковъ неодинаково говорятъ о задачахъ и дѣятельности соляныхъ и восковыхъ коморъ: одни изъ нихъ говорятъ о сборѣ мыта съ этихъ товаровъ, другіе о скупкѣ соли и воска. Приведемъ показанія грамотъ. Такъ, упомянутая уже грамота в. кн. Александра слѣдующимъ образомъ говоритъ о задачахъ управленія соляною коморою. Мытники „с тых коморъ почати соль *продавати* на рокъ на Великъ день, што прийдеть, и держати маютъ тыи коморы и соль с нихъ продавати чотыри годы сполна“ [2]). Изъ этого показанія источника ясно, что на коморѣ не только взималось мыто, но также производилась и скупка и продажа соли. То же самое происходило и съ воскомъ. Въ 1507 году в. кн. Сигизмундъ, отдавая въ доживотіе королевѣ Еленѣ староство Бѣльское, передаетъ его со всѣми доходами, кромѣ „одноѣ коморы восковоѣ тамъ въ Бѣлску, до котороѣ жъ коморы купцы намъ воски *даютъ за наши пѣнязи*, къ потребѣ мынцы нашое великого князства Литовского“ [3]). Встрѣчаемъ и другія извѣстія, подтверждающія только что сказанное. Восковничие полоцкіе, сдавая въ 1507 году отчетъ по управленію коморою, показываютъ, между прочимъ, и количество купленнаго ими воска [4]). Причина, по которой воскъ покупался для монетнаго двора, весьма понятна: скарбъ вымѣнивалъ его на иностранную монету для ея перечеканки. Отсюда понятно, что завѣдываніе мынцею и продажею

---

[1]) Ibidem, p. 100.
[2]) Ibidem, p. 101.
[3]) Акты З. Р., II, p. 6.
[4]) Акты Лит.-рус. госуд., I, p. 121.

воска въ Вильнѣ сдавалось иногда въ однѣ руки, такъ какъ обѣ операціи были тѣсно связаны [1]). Въ отчетахъ справцевъ мы не разъ встрѣчаемъ свѣдѣнія о крупныхъ партіяхъ воску, вывозимыхъ изъ коморъ за счетъ господаря; такъ, по отчету 1508 года, извѣстный краковскій капиталистъ вывезъ за границу изъ Берестейской коморы около 2,650 камней воску, Михель Іезофовичъ тогда же вывезъ 811 камней. По отчету слѣдующаго года одинъ Бонарь вывезъ болѣе 4,600 камней [2]). На Луцкой коморѣ операціи по продажѣ воску происходили во время ярмарки, такъ что и въ отчетахъ періодъ ярмарки всегда выдѣляется [3]).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ источниковъ, кажется, совершенно ясно, что одной изъ задачъ восковыхъ и соляныхъ коморъ служила покупка и продажа соли и воска. Нужно замѣтить, что эти операціи не были чужды господарскому скарбу и до 1500 года; но только онѣ сосредоточивались въ рукахъ ключниковъ и городничихъ. Въ расходныхъ записяхъ короля Казимира встрѣчаемъ ассигновки на соль въ ключи [4]). Въ отчетѣ 1495 года берестейскаго ключника показанъ расходъ—„зъ восковыхъ грошей, што ему дано на воскъ“ [5]). Въ Ковнѣ дьякъ господарскій занимался также скупкою воска, но здѣсь же покупкою воска и соли занимался городничій ковенскій, очень извѣстный впослѣдствіи финансистъ Аврамъ Езофовичъ; въ то же время онъ былъ и мытникомъ ковенскимъ [6]).

Если принять во вниманіе только что указанные факты о скарбовыхъ операціяхъ съ воскомъ и солью до 1500 года и послѣ него, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что появленіе особыхъ соляныхъ и восковыхъ коморъ заключалось въ основаніи особыхъ складовъ для покупки и продажи воска и соли.

---

[1]) Акты З. Р., II, р. 3.

[2]) Акты Ю.-З. Р., II, р. 121—122.

[3]) Акты Лит.-рус. госуд, I, р. 171.

[4]) Ibidem, р. 47 и др.

[5]) Ibidem, р. 60.

[6]) Дьякъ Занько въ своемъ отчетѣ показываетъ: „а воску купилъ за 50 копъ безъ трехъ“. Аврамъ въ своемъ отчетѣ объ операціяхъ говоритъ: онъ расходовалъ „за 4 штуки (воску) 100 копъ и 70 копъ“. Въ расходѣ: „Зубу жиду далъ 18 каменей воску сырого (очевидно для продажи за счетъ короля), а соли *купилъ* 100 и 30 бочокъ“ и сверхъ, „а соли расходъ положилъ полсемадесятъ бочокъ“. Акты Лит.-рус. гос., I, р. 60, 61).

Однако, этимъ операціямъ скарба не слѣдуетъ придавать большого значенія. Послѣ короля Александра источники о нихъ вовсе не упоминаютъ. Небезопасно было бы видѣть въ нихъ хотя бы кратковременный моментъ правительственной монополіи торговли воскомъ и солью: для введенія ея едва ли у слабаго правительства Александра было достаточно средствъ; полное молчаніе источниковъ тоже говоритъ противъ такого предположенія. Наконецъ, жалобы прусскихъ купцовъ, принесенныя молодому королю Сигизмунду Августу въ 1550 году, говорятъ только о повышеніи при королѣ Александрѣ пошлинъ на воскъ и соль, но не о монополіи на эти товары. Поэтому скупка воска и соли мытниками, вѣдавшими восковыя и соляныя коморы, имѣла особое значеніе: это была торговля за счетъ короля, какъ и при королѣ Казимирѣ, безъ устраненія частной конкурренціи.

Однако, восковыя и соляныя коморы получили особое назначеніе съ самаго своего возникновенія, и этотъ характеръ сохранился за ними и впослѣдствіи.

Когда коморы стали сдаваться въ аренду вмѣстѣ съ таможнями въ руки однихъ и тѣхъ же откупщиковъ, то скарбъ вполнѣ опредѣленно отличалъ таможенныя пошлины отъ тѣхъ сборовъ, которые взимались на коморахъ. Послѣдніе получили и особыя названія—*восковничаго* и *соляничаго*. Извѣстный Михель Езофовичъ собиралъ въ 1525 году въ Дорогичинѣ „мыто и *доходъ коморный*“ [1]). Онъ же, въ томъ же году, заносилъ королю жалобу, какъ откупщикъ берестейскаго мыта,—„ижъ многіе люди зъ Литвы до Волыня ѣздять на Дивинъ и тежъ Кобринцы и Ратняне проѣзжають и соль провозять многими дорогами и соляничаго до коморы Борестейское не заплативши, а въ томъ ему кривда се дѣеть“ [2]). Въ 1547 г. братья Борзобогатые берутъ въ аренду мытные сборы во всей Подляхіи вмѣстѣ съ коморами восковыми и соляными. Никто изъ купцовъ не имѣетъ права объѣзжать таможни и коморы: „А естьли бы которые хотели мыта наши старые и новые и коморы восковые и соляные проеждчати безъ цеховъ и безъ квитъ ихъ (т. е. мытниковъ) съ товары або зъ воски и зъ солью мыта або восковничого и соляничого имъ не заплативши“, такихъ они имѣютъ право забирать въ промытѣ. „Тежъ которые бы купцы какъ наши, такъ и чужоземцы черезъ мыта князские и панскіе

---

1) Бершадскій, I, p. 131.

2) Ibidem, p. 121.

съ Подляшья зъ воски и зыншими товары своими мыта нашого не заплативши“, проѣзжали, то и такихъ мытники имѣли право ловить въ промытѣ. Такимъ образомъ, отъ воска и соли берется мыто, но на ряду съ нимъ существуетъ и коморный доходъ. Объ этомъ говоритъ и другое мѣсто того же листа: „тежъ есть ли бы которые купцы яко Коруны Полское, такъ и великого князьства Литовского на Подляшье съ солью ледоватою съ Коруны пріеждчали они (т. е. мытники) маютъ и съ тыхъ всихъ отъ тое соли мыто брати потому, какъ и отъ белое соли мыто сдавна беруть. А коморы новые восковые и соляные по иншимъ местомъ нашимъ не маютъ установлены быти, которые отъ 5 и 6 летъ не были“ [1]). Такого же рода выраженія, показывающія существованіе восковничаго и соляничаго независимо отъ мытъ, встрѣчаются и въ другихъ арендныхъ листахъ [2]). На мытныхъ коморахъ въ Жомойти собирается кромѣ мыта восковничее и соляничее [3]). Рядъ льготныхъ грамотъ разнымъ городамъ говоритъ объ освобожденіи ихъ отъ платежа мыта и восковничаго и соляничаго [4]). Мѣщане г. Луцка среди другихъ льготъ получили въ 1528 г., вслѣдствіе пожара, въ свое завѣдываніе восковую и соляную коморы въ Луцкѣ и Владимірѣ, между тѣмъ какъ мыто здѣсь взималось особо [5]).

Такимъ образомъ, источники отличаютъ восковничее и соляничее отъ обыкновеннаго мыта. Это можно видѣть и изъ господарскаго листа 1520 г. объ учрежденіи таможенъ въ Техоновцахъ и въ Тыкотинѣ. Король Сигизмундъ I поручаетъ пану воеводѣ виленскому устроить здѣсь коморы, потому что соль и другіе товары, шедшіе раньше на Ковно, пошли теперь по Бугу и Нареву; на новыхъ коморахъ должно быть собираемо мыто отъ „соли и зъ иншихъ товаровъ“: „А которые купцы, нѣмцы и наши подданые тое зимы соль провезли безмытно, мы казали тымъ нашимъ выбирчимъ па тыхъ купцовъ тое мыто брати потому, какъ и въ Ковнѣ бирано“. Относительно сбора съ воска мы находимъ здѣсь такое предписаніе: „А которіе доходы наши намъ были зъ восковъ у коморахъ нашихъ Виленское и Ковенское, а тыми разы вжо тые воски на Ковенъ не

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135—137 об.

[2]) Акты Лит.-рус. госуд., I, л. 219 - 220. Ср. Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 137 об.—140, XXXV, л. 129, Бершадскій, I, р. 140, Кн. Зап. Лит., XV, л. 168.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 16—18. Ср. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 161—162 об.

[4]) Напр., Бершадскій, I, р. 148, Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 190 об.—191 и др.

[5]) Акты Ю.-З. Р., II, р. 137.

пойдутъ, и твоя бы милость такежъ узвавшы къ собѣ подскарбего нашого пана Богуша и росказалъ Ганусу Судорману и къ нему приставилъ дворянъ нашихъ або дьяковъ, которіе бы къ тому годны были, тыхъ восковъ, которіе передъ тымъ на Ковенъ хоживали, куды ся инуды обернули, на тыхъ дорогахъ росказалъ бы твоя милость комори уставити и Ганусу Судорману и тымъ бирчимъ, кого твоя милость на то уставишь, рачилъ росказати пильне стеречы и тые доходы суполне на насъ брати" [1]). Этотъ актъ говоритъ о „доходахъ" съ воска и о мытѣ съ соли, и это потому, что подъ первымъ онъ разумѣетъ восковничее, а отъ соли здѣсь, на пограничьи, взималось не соляничее, а только мыто: на пограничьи мытники провѣряли оплату восковничаго, произведенную въ центральныхъ коморахъ (здѣсь налагались цехи на воскъ), а отъ соли они брали здѣсь только мыто, слѣдя за тѣмъ, чтобы транспорты направлялись въ центральныя соляныя коморы. Дѣйствительно, даже въ концѣ изучаемаго періода можно встрѣтить указанія на то, что соляничее и восковничее взималось независимо отъ стараго и новаго мыта, отъ соли и воску [2]). Вотъ еще убѣдительные тому примѣры. Когда было установлено королемъ Сигизмундомъ I для королевы Боны головное мыто въ ея имѣніи Городкѣ, то луцкіе мѣщане оказались въ весьма невыгодномъ положеніи, такъ какъ, уплативъ мыто въ Луцкѣ, они должны были вторично платить его въ Городкѣ. Королева Бона, освобождая мѣщанъ, по ихъ челобитью, отъ мыта въ Городкѣ, опредѣляетъ эту льготу слѣд. образомъ: здѣсь мѣщане не будутъ платить „головного мыта, такежъ и соленичого того, которое бы они мыто и соленичое въ Луцку заплатили и на то квитъ мытниковъ луцкихъ къ нашимъ мытникомъ принесли, не бралъ (т. е. староста, на имя котораго написана грамота) и мытникомъ нашимъ того брати не сказали"; мыто съ соли здѣсь отличается отъ соляничаго, потому что мѣщане въ Луцкѣ „отъ товаровъ своихъ и отъ соли мыто головное даютъ" [3]).

Въ 1527 г. мѣщанинъ бѣльскій Тимошъ Сегеневичъ судился съ мытникомъ Михелемъ Езофовичемъ о промытѣ; Тимошъ „ѣхалъ на ярмарокъ Познаня зъ осма штуками воску, въ которыхъ важило чотыреста и семьдесятъ каменей, и писалъ то въ реестръ мытный; а

---

[1]) Любавскій, Прил. № 32.

[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 28 об.

[3]) Кн. Зап. Лит., XVIII, л. 38 об.—39.

мыто мѣлъ (платити) назадъ ѣдучи", но объѣхалъ другими дорогами и избѣжалъ платежа пошлинъ [1]). Здѣсь рѣчь идетъ только о платежѣ мыта отъ воску, и это потому, что въ мытный реестръ могло попасть только это послѣднее, такъ какъ восковничее платилось на восковой коморѣ. Одинъ судебный актъ 1540 г.,—тоже о промытѣ, разсказываетъ, какъ одинъ крестьянинъ былъ обманутъ лавочникомъ и купилъ у него „нецехованную" бочку соли; онъ былъ пойманъ мытниками; отъ бочки соли приходилось $^{1}/_{2}$ гроша мыта [2]). И опять здѣсь говорится только о мытѣ съ соли, но не о соляничемъ. Прусскіе купцы жаловались въ 1550 г. на то, что въ Вильнѣ брали особую vectigal отъ воска въ размѣрѣ 6 грошей съ камня, а въ Ковнѣ еще брали одинъ грошъ съ камня [3]). Очевидно, подъ сборомъ въ Вильнѣ они разумѣютъ восковничее, взимавшееся на тамошней коморѣ, а подъ сборомъ въ Ковнѣ—таможенную пошлину въ собственномъ смыслѣ. Дѣйствительно, по отчетамъ сборщиковъ легко замѣтить, что восковничее взималось всегда въ размѣрѣ 6 грошей отъ камня, а соляничее по 45 грошей отъ лашта соли [4]) (въ лаштѣ 15 бочекъ). Между тѣмъ, по тарифу стараго мыта, составленному въ 1569 г., мыто отъ соли таксируется совсѣмъ особымъ способомъ, показывающимъ крайнюю примитивность пріемовъ обложенія: объектомъ обложенія служитъ возъ, телѣга (6—7 грошей) [5]): очевидно, это обломки старинныхъ пріемовъ обложенія, практиковавшихся до введенія восковничаго. Пошлина отъ воску показана въ 6 грошей отъ камня. Относительно соли такса дѣлаетъ замѣчаніе, что при покупкѣ ея „мѣщаниномъ у купца (т. е. импортера) возъ въ двѣ лошади оплачивается еще 40 грошами), а возъ

---

[1]) Бершадскій, I, p. 156.

[2]) Акты Вил., XVII, p. 180.

[3]) Приведемъ дословно заявленіе по этому поводу купцовъ, такъ какъ оно имѣетъ большое значеніе: „De grosso, qui Caune exigitur deque illis sex, qui Vilnae pro singulis cerae lapidibus (ut vocant) dantur atque adeo totum hoc certe vectigal iterum, atque iterum petimus et ragamus ut noua exactio, quae nullo perpetuo jure inducta plane tollatur. Nam ante tempora felicis recordationis divi Alexandri Regis Poloniae et magni Ducatus Lithvaniae Ducis nullum penitus vectigal pro caera dependi consuevit. Quicquid postea datum fuit eo ad biennium monetariae rei promotionis causa in Lithvania praecario obtentum erat. Hac lege, ut post exactum biennium cessaret quod autem praecario datur donantibus fraudi esse non debet ut certe fraudi fuerit si hinc nobis jus aliquod contra juris praescriptum opponat" (М. Гл. Арх. М. Ин. Д. Польск. Метр., кн. XII, л. 255 об.).

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 177.

[5]) Кн. Переп. Лит., X, л. 37—39 об.

въ одну лошадь —20-ю грошами“. При этомъ встрѣчаемъ слѣдующее любопытное для насъ замѣчаніе: „однако, восковничое и соляничое не должны считаться за мыто, но соляничое и восковничое нужно взимать на обѣ руки“. Надо сознаться, что цифры, даваемыя таксою, не ясны; не находитъ также и объясненія въ источникахъ пошлина при продажѣ соли, взимаемая описаннымъ въ таксѣ способомъ. Одно можно сказать, что сама такса составлена для стараго мыта въ такой моментъ, когда „старина“ уже подверглась сильнымъ измѣненіямъ. Оставляя въ сторонѣ неясныя мѣста приведенной таксы, обратимъ вниманіе на то важное для насъ свидѣтельство, которое рельефно подтверждаетъ отличіе мыта отъ восковничаго и соляничаго.

Выше приведенныя данныя проливаютъ, какъ намъ кажется, свѣтъ на очень темный въ исторіи косвенныхъ налоговъ вопросъ о значеніи восковничаго и соляничаго: эти сборы не были тождественны съ мытомъ и взимались на ряду съ нимъ.

Но это еще не опредѣляетъ способовъ и момента взиманія восковничаго и соляничаго. И эти вопросы съ трудомъ поддаются выясненію.

Въ 1507 г. король Сигизмундъ I отдалъ въ завѣдываніе нѣсколькимъ городенскимъ мѣщанамъ и евреямъ сборъ восковничаго въ Городнѣ. Сборщики должны „в каждого *купца* отъ каменя воску по шести грошей брати на насъ“. Мѣстныя власти, т. е. староста, войтъ и бурмистры обязаны оказывать сборщикамъ помощь: „И вы бы тымъ купцомъ всимъ, которие воски торгують, приказали, абы тотъ доходъ нашъ имъ платили подлугъ тое вставы. А естли бы хто хотелъ воски за границу провозити, того доходу нашого имъ не заплативши отъ каменя по шести грошей, таковыхъ казали есмо имъ встягати и тые воски ихъ на насъ забирати“ [1]). Въ данномъ случаѣ въ управленіе поступаетъ только доходъ отъ восковыхъ пошлинъ. Пошлина собирается съ купцовъ, торгующихъ воскомъ; повидимому листъ предвидитъ опредѣленный контингентъ купцовъ—покупателей воска. Все это наводитъ на предположеніе, что самый сборъ съ воска, предназначеннаго для вывоза, взимался при куплѣ его. Къ тому же заключенію приводятъ и извѣстія о соляныхъ складахъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Въ 1540 г. были основаны въ Горждахъ и Юрборкѣ таможни и коморы; въ послѣднемъ городѣ литовскіе купцы должны были по-

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 125.

купать соль у прусскихъ; здѣсь устанавливается „складанье соли" для всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ поселиться въ Юрборкѣ и торговать солью; но „купцы чужоземцы маютъ предься зложенье соли мети у Ковнѣ, водлѣ стародавнаго обычая" [1]). Повидимому, такой же складъ соли былъ и въ Берестьи [2]). Такимъ образомъ, были особые рынки, на которыхъ производилась купля-продажа соли и воску. Учрежденіе правительствомъ такихъ рынковъ—складовъ весьма понятно: они служили для скарба наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для взиманія торговыхъ пошлинъ съ наиболѣе необходимаго предмета потребленія и самаго распространеннаго предмета вывоза. Весьма понятно также, что скарбъ въ этой области имѣлъ наблюденіе надъ той группой купцовъ, которые торговали именно даннымъ предметомъ. На существованіе такой группы намекаетъ приведенный нами уже листъ къ Городенскому старостѣ. Въ Луцкѣ тоже существовала особая группа купцовъ, которые имѣли „вольность" скупать оптомъ привозимую въ Луцкъ соль и вести ею розничную торговлю; они давали только *соляничее*, не неся никакихъ другихъ повинностей [3]). Подобнаго рода группировка лицъ, имѣющихъ одинаковое занятіе,—явленіе вполнѣ присущее изучаемому времени. Вольность луцкихъ мѣщанъ, о которой говоритъ привилей 1576 г., не оправдывается предшествующими королевскими привилеями. Въ томъ же 1576 г. Гродненскіе мѣщане получили господарскій листъ на соляной складъ въ Городнѣ и тоже на основаніи обычая [4]). Обѣ грамоты выданы королемъ Стефаномъ, когда налоги съ соли приняли иной характеръ и старое соляничее потеряло свой смыслъ. Въ обоихъ случаяхъ мѣщане ссылаются на „вольности" и „обычай", но жалованныя грамоты этимъ городамъ, выданныя въ предшествующіе годы, нигдѣ не содержатъ въ себѣ „вольности" на складъ. Эти ссылки будутъ понятны только при предположеніи, что дѣло идетъ о скарбовой коморѣ—складѣ, куда доставлялась заграничная соль и откуда она раскупалась мѣстными торговцами для развоза по странѣ и розничной торговли. Торговлей занималась извѣстная группа—цехъ мѣстныхъ купцовъ. При совершеніи купли они платили соляничее, но соль, попадавшая на складъ,

---

[1]) Акты Зап. Рос., II, р. 366.

[2]) Бершадскій, I, р. 96.

[3]) Арх. Ю.-Зап. Рос., ч. V, I, р. 26.

[4]) Акты Ю.-Зап. Рос., I, р. 206.

уже предварительно „обмычивалась“ таможенною пошлиною. Настаивая на существованіи извѣстной группы купцовъ, мы склонны думать, что она организовывалась не безъ правительственнаго воздѣйствія: когда въ 1562 г. правительство наложило пошлину на хлѣбъ, покупаемый для вывоза за границу и для винокуренныхъ заводовъ, оно, въ видахъ контроля, распорядилось внесеніемъ всѣхъ торговцевъ хлѣбомъ въ особый реестръ и разрѣшило торгъ только лицамъ, записавшимся въ реестръ. Къ сказанному добавимъ еще, что въ источникахъ встрѣчаются указанія на то, что главнѣйшимъ занятіемъ луцкихъ купцовъ была торговля воскомъ и солью [1]).

Такимъ образомъ, какъ кажется, можно остановиться на предположеніи, что восковыя и соляныя коморы были складами воска и соли; здѣсь происходила оптовая торговля этими продуктами между иностранными и литовско-русскими купцами. Здѣсь же платилась и особая отъ соли и воска пошлина, которая имѣетъ характеръ торговой (оттого, между прочимъ, соляничее и восковничее взимались по вѣсу товаровъ).

Добавимъ, что соляничее и восковничее имѣли еще особое значеніе въ исторіи пошлинъ. Нѣкоторые города были свободны отъ всѣхъ (Полоцкъ, Витебскъ и др.) или отъ нѣкоторыхъ (Луцкъ, Смоленскъ и др.) господарскихъ мытъ. Введенныя королемъ Александромъ соляничее и восковничее поэтому пали и на такіе города, какъ Полоцкъ, Витебскъ, Луцкъ, мѣщане которыхъ были освобождены отъ мытъ. Этимъ путемъ скарбъ избѣгалъ повышенія таможенныхъ пошлинъ на эти важные продукты, но вводилъ новыя торговыя и такимъ образомъ ликвидировалъ льготныя грамоты.

Приблизительно съ двадцатыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія особое завѣдываніе восковыми и соляными коморами прекращается и онѣ сдаются въ аренду откупщикамъ мытныхъ коморъ. Такъ, ковенская комора сдается съ мытомъ съ 1520 года [2]). Подляшскія коморы и волынскія сдаются вмѣстѣ съ мытомъ въ 1523 году въ аренду [3]). Правда, въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ перерывы:

---

[1]) Ср. замѣчаніе о торговлѣ воскомъ въ Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, р. 14. О торговлѣ солью свидѣтельствуетъ грамота королевы Боны 1532 г. Кн. Зап. Лит., XVIII, л. 38 об.—39.

[2]) Акты Лит.-рус. госуд., I, р. 177.

[3]) Бершадскій, I, р. 106.

такъ, Городенскія соляничее и восковничее въ 1525—1527 годахъ находились въ особомъ управленіи [1]). Около 1528 года взиманіе воскового и соляного мыта въ Луцкѣ переходитъ въ руки мѣщанъ на такихъ условіяхъ: король отдалъ имъ эти доходы съ тѣмъ, что 200 копъ грошей мѣщане вносятъ ежегодно въ скарбъ и, сверхъ того, 300 копъ грошей употребляютъ на оправу замка; эта льгота дана на 10 лѣтъ [2]). Въ Полоцкѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, мыто отъ другихъ товаровъ не собиралось, комора продолжала отдѣльное существованіе до введенія здѣсь мытныхъ сборовъ, когда и она слилась съ послѣдними; вѣроятно, тоже надо сказать и о Витебской коморѣ. Одна только Виленская восковая комора продолжала отдѣльное существованіе до конца изучаемаго періода и давала весьма крупный доходъ [3]). Это сліяніе въ дѣлѣ управленія восковыхъ и соляныхъ коморъ съ мытными не измѣнило характера восковничаго и соляничаго, которыя собирались по прежнему, но было лишь упрощеніемъ въ управленіи сборами.

Ливонская война, способствовавшая росту различныхъ способовъ обложенія, вызвала къ жизни и новую операцію съ солью, но уже вполнѣ монопольнаго характера. Съ этою цѣлью въ 1561 году были устроены правительственные соляные склады въ Пинскѣ, Городнѣ и Берестьи. Чтобы ближе познакомиться съ характеромъ установленной монополіи, мы сначала изложимъ исторію названныхъ соляныхъ складовъ и тѣ мѣры, которыя скарбъ принималъ для водворенія монополіи.

При учрежденіи въ 1561 году склада въ Пинскѣ господарь въ своемъ листѣ такъ объясняетъ причины, побудившія его установить монополію; причинъ этихъ двѣ: первая заключается въ томъ, что господарскій скарбъ не имѣетъ никакого пожитка отъ перекупщиковъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XIV, л. 314 об.

[2]) Акты Ю. и З. Р., II, р. 137.

[3]) Перечислимъ города, въ которыхъ были коморы: въ Полоцкѣ соляная и восковая, въ Ковнѣ—только соляная, въ Смоленскѣ—соляная и восковая (ближайшихъ свѣдѣній о послѣдней нѣтъ), Владимирская, Луцкая—соляныя и восковыя (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 134, 140—141, 171), въ Городнѣ—соляная и восковая (Кв. Зап. Лит., XIV, л. 314 об.), въ Берестьи и Дорогичинѣ—соляная и восковая (Акты Ю. и З. Р., II), Бѣльская комора, вѣроятно, только восковая (Акты З. Р., II, р. 6), въ Вильнѣ—только восковая, въ Техановцахъ (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 177).

соли, привозимой изъ Коломыи черезъ Луцкъ въ Пинскій повѣтъ, вторая—въ томъ, что покупатели въ случаѣ плохой дороги должны платить весьма дорогую цѣну за соль; поэтому господарь желаетъ учинить такой порядокъ, по которому цѣна соли оставалась бы неизмѣнной: для этого и учреждается складъ въ Пинскѣ. Онъ сдается въ аренду компаніи брестскихъ евреевъ. Евреи должны покупать соль въ Луцкѣ и распродавать ее въ Пинскѣ, а также въ селахъ и мѣстечкахъ, какъ господарскихъ, такъ и частновладѣльческихъ. Цѣна соли устанавливается на весь срокъ аренды, т. е на три года—по пятнадцати грошей за 1000 толпъ бѣлой соли. Съ момента наступленія аренды склада никто, какъ изъ господарскихъ подданыхъ, такъ и частновладѣльческихъ не имѣетъ права покупать соль въ Луцкѣ или въ другихъ мѣстахъ, какъ для продажи, такъ и для собственнаго употребленія. Разрѣшеніе розничной продажи во всемъ повѣтѣ зависитъ, исключительно, отъ арендаторовъ. Господарь налагаетъ громадную заруку въ 10,000 копъ грошей на тѣхъ, кто будетъ чинить арендаторамъ „переказу". Арендаторы обязаны поставить во всѣхъ мѣстечкахъ, селахъ и по дорогамъ стражу для надзора за продажею соли. Всякаго рода врядники должны оказывать арендаторамъ самое ревностное содѣйствіе; сверхъ того, арендаторамъ придается еще для содѣйствія господарскій дворянинъ [1]).

Какъ только наступилъ срокъ аренды, арендаторы встрѣтили сильную оппозицію въ средѣ мѣстнаго общества; короткій срокъ аренды сопровождался рядомъ столкновеній арендаторовъ, какъ съ господарскими поддаными, такъ и съ частными землевладѣльцами. Когда мытники (такъ назывались и сборщики соляного налога) явились къ пинскому владыкѣ Макарію и, предъявивъ ему арендный контрактъ, просили дать имъ отъ епископа вижа для наблюденія вмѣстѣ съ арендаторами за платежемъ епископскими подда́ными соляныхъ пошлинъ, то епископъ отказался дать такого вижа; король, говорилъ онъ, по каждому дѣлу пишетъ ко мнѣ особый листъ, а въ этой „соляной речи" господарь не прислалъ ему особаго извѣщенія. Объ этомъ арендаторы занесли „сознаніе" въ пинскія замковыя книги [2]). Уже въ іюнѣ 1562 года подскарбій земскій Остафій Воловичъ разбиралъ длинный рядъ жалобъ Пинскихъ мѣщанъ на аренда-

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 485 об.—486 об.

[2]) Бершадскій, II, р. 98.

торовъ: истцы изложили цѣлый рядъ обвиненій въ томъ, что арендаторы продаютъ недоброкачественную соль, обманываютъ при продажѣ, совершаютъ „кривды" при обыскахъ промытной соли въ домахъ и т. д. [1]). Во многомъ мытники были не правы, но иныя обвиненія явно указываютъ на стремленіе жителей отдѣлаться отъ аренды. Размѣръ соляной пошлины, несомнѣнно, былъ великъ. Названный декретъ сообщаетъ, между прочимъ, о томъ, что мѣщане должны были получать отъ арендаторовъ по десяти грошей за 1,000 толпъ той соли, которою мѣщане запаслись до введенія монополіи; теперь мытники отнимали эту соль для склада; очевидно, десять грошей были въ то время продажною цѣною за 1,000 толпъ соли, между тѣмъ, какъ изъ склада соль продавалась по пятнадцати грошей, т. е. на 50% дороже. Недоразумѣнія между мытниками и поспольствомъ привели къ тому, что господарь призналъ наличность „обтяженія" жителей и сократилъ срокъ аренды на годъ, передавъ ее самимъ мѣщанамъ. Въ листѣ по этому поводу господарь, между прочимъ, указываетъ, что новые налоги тяжело ложатся на жителей, поэтому соль сдается въ аренду мѣщанамъ; мѣщане получаютъ въ аренду соляной складъ на 5 лѣтъ съ 1 января 1564 года по 500 копъ грошей въ годъ. Цѣна соли остается прежняя; всѣ права, которыя были предоставлены предшествующимъ контрактомъ евреямъ арендаторамъ, теперь переходятъ къ мѣщанамъ [2]); но, какъ мы уже указали, господарь сократилъ на годъ срокъ аренды евреямъ, такъ что мѣщане вступили въ управленіе складомъ съ 1 января 1563 года; имъ разрѣшалось до наступленія срока аренды заготовить необходимое количество для продажи соли [3]).

Но это не прекратило недоразумѣній между арендаторами и жителями. Въ половинѣ 1563 года господарь издалъ универсалъ ко всѣмъ обывателямъ Пинскаго повѣта съ запрещеніемъ привозить соль изъ другихъ городовъ. Универсалъ изданъ, именно, по докладу дворянина господарскаго о томъ, что подда́ные держатъ въ своихъ домахъ соль, купленную не на складѣ. Господарь запрещаетъ это подъ угрозою „заклада" въ 10.000 копъ грошей на помѣщиковъ и отнятія всего имущества провинившагося подда́наго; онъ запрещаетъ также чинить

---

[1]) Ibidem, p. 104—112.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 45 об.—47.

[3]) Ibidem, л. 72.

„пофалки“ на дворянина и приказываетъ забирать на замокъ соль, оказавшуюся въ промытѣ [1]). Изъ этого видно, что господарскому скарбу не легко было установить монополію, что доказывается уже королевскими универсалами и тѣмъ отпоромъ, который встрѣтила монополія въ населеніи.

Не менѣе интересна также краткая исторія другого соляного склада—въ Берестьи. Этотъ складъ былъ учрежденъ тоже въ 1561 году; онъ былъ сданъ въ аренду жупнику русскому Мальхеру Вальбаху и евреямъ Давиду Шмерлевичу и Исаку Бородавкѣ отъ Пасхи 1561 года на семь лѣтъ; арендная плата была установлена слѣдующая: въ первый годъ арендаторы даютъ 2,000 копъ грошей, во второй—4,200 копъ и, начиная съ третьяго, по 6,000 копъ грошей ежегодно [2]). При этомъ былъ установленъ районъ, жители котораго обязательно должны были покупать соль изъ Берестейскаго склада. Однако, на первое же время соляная монополія и здѣсь доставила немало хлопотъ скарбу. Берестейскій районъ на сѣверъ ограничивался рѣкою Нѣманомъ—„отъ Берестья до Немна по Городно“. Но, по заявленію завѣдующихъ коморою, подда́ные господарскіе продолжаютъ покупать соль внѣ этого района за Нѣманомъ, за соль они будто-бы платятъ очень дорого, между тѣмъ, какъ при покупкѣ ея на Берестейскомъ складѣ въ бочкахъ 1,000 толпъ соли обойдется всего въ 4½ гроша. Въ виду этого король приказываетъ всѣмъ державцамъ подляшскимъ, а именно, кнышинскому и забѣльскому, тыкотинскому, брянскому и суражскому, дорогицкому, мельницкому и ломазскому, шерешовскому, волковысскому, кобринскому, мстибоговскому, высокогородецкому, лысковскому и межерѣцкому, красницкому и квасовскому, и кузницкому — (это показываетъ ближе районъ склада),—чтобы подда́ные ихъ державъ, покупали соль исключительно на Берестейскомъ складѣ и при томъ, такимъ образомъ: всѣ волостные войты должны явиться въ Берестье и купить соль на всю волость съ разсчетомъ по одной бочкѣ на каждыя три волоки. Соль выдается войтамъ изъ склада „на вѣру“ и затѣмъ они должны внести деньги въ опредѣленный срокъ [3]). Такимъ образомъ, была установлена не только обязательная покупка соли, но и количество, которое

---

[1]) Ibidem, л. 70–72.

[2]) Кн. Судн. Д. Лит., XLIV, л. 117 об.

[3]) Бершадскій, II, р. 95.

подда́ные должны брать. Разумѣется, такое предписаніе относилось только къ господарскимъ подда́нымъ, но уже во второй половинѣ 1562 года господарю пришлось нѣсколько измѣнить—только для частныхъ землевладѣльцевъ — районъ Берестейскаго склада. По словамъ грамоты отъ 23 ноября 1562 года многіе изъ господарскихъ подда́ныхъ чинили къ господарю „набѣганіе“, во время его переѣзда изъ Литвы въ Польшу, прося разрѣшить пропускъ соли по рѣку Наревъ и предлагая при этомъ пошлину по 6 грошей съ каждой бочки соли за пропускъ черезъ Нѣманъ. Господарь на это согласился и разрѣшилъ пропускъ соли въ часть Подляхіи изъ Пруссіи; на означенной границѣ поставлена была застава, которая и слѣдила за пропускомъ соли; теперь соль, пропускавшаяся въ районъ староства Слонимскаго, оплачивалась троякою пошлиною: поборомъ, т. е. ново подвышеннымъ мытомъ на основаніи сеймоваго постановленія, старымъ мытомъ и особымъ соляничимъ, т. е. тою пошлиною въ 6 грошей отъ бочки, которую предложили сами жители [1]).

Указанная попытка скарба сдѣлать обязательною закупку соли подда́ными и путь, посредствомъ котораго шляхетство стремилось избавиться

---

[1]) Для характеристики описанной монополіи приведемъ слѣдующія мѣста изъ господарскаго Универсала 1562 г. (отъ 23 ноября). Онъ такъ опредѣляетъ монопольный районъ и сущность вводимой монополіи: „Хто бы хотелъ черезъ Немонъ соль крупястую провадить по Наревъ реку до Яселды во все староство и хорузьство Слонимское ажъ до Мостовъ и зъ Мостовъ ажъ до Городна по великую дорогу Лидскую до границы Пруское, а границею Прускою в реку Бобръ, а з Бобра в Наревъ и вверхъ Нарви по Яселду ажъ до того жъ назначоного местца староства Слонимскаго, таковымъ вольно будеть в старомъ мыте и въ поборе, давши 6 грошей от бочки соли крупястое, провадити ее через Немонъ с Прусъ по вышше назначонымъ местцамъ. Нижли черезъ реку Наревъ и Яселду жаденъ не маеть упорне провадити и вживати тое соли под тымъ же закладомъ нашимъ на листехъ нашихъ выданымъ. Ведже хто бы хотелъ черезъ Наревъ до Немна белую соль провадити, тымъ вольно водле першого росказанья нашого справоватися“. Поэтому король приказываетъ старостѣ строжайше запретить подданымъ, „же бы нихто з нихъ черезъ Немонъ провадечи соль альбо с Прусъ не смелъ прокрадывати побору мыта и соляничого вышше назначоного подъ утратою всее маетности, што кольвекъ при немъ знайдено будеть, ажъ заплативши мыто и поборъ, а соляничое тому, хто будеть уставленъ от мар. двор. за листомъ его; а хто бы ся кольве важилъ прокрадываючи провадити соль за Немонъ и с Прусъ черезъ Мазовше по реку Наревъ альбо черезъ Наревъ, таковыхъ подданыхъ нашихъ забирати, абы еси тому дворанину нашому Богуфалу допустилъ и на инщихъ посторонныхъ людей помочь давати ему велѣлъ и где бы ся трафило в небытности того дворанина нашого абы еси самъ гамовалъ и вр174днику своему того стеречи и забирати казалъ“ (Кн. Переп Лит., VII, л. 142 об.—143 об.).

отъ монополіи, опять таки показываетъ всю трудность ея установленія. Дѣйствительно, судьба Берестейскаго склада, на который скарбъ возлагалъ столь большія надежды (что видно изъ суммы арендной платы), не оправдала ожиданій правительства. Одно письмо Сигизмунда Августа отъ 25 марта 1565 года разсказываетъ о тѣхъ перипетіяхъ, которыя пережила Берестейская комора за этотъ небольшой промежутокъ времени. Указавъ на первоначальныя условія аренды, король заявляетъ далѣе, что мытники во все время аренды утруждаютъ его „докуками“: поддáные князей, пановъ и духовенства чинятъ мытникамъ „великую переказу“, перевозя соль черезъ Нѣманъ, поэтому мытники не получили никакой прибыли и вовсе не внесли арендной платы въ скарбъ. По настоянію поддáныхъ господарь сдѣлалъ имъ уступку и разрѣшилъ провозъ соли изъ Пруссіи въ извѣстную часть Подляхіи, о чемъ уже было упомянуто, но это принесло берестейскимъ арендаторамъ убытки: поэтому подскарбій земскій предложилъ тогда же измѣнить условія аренды. Справцы Берестейскаго склада должны были платить по 2 гроша отъ бочки проданной ими соли въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ управленія (т. е. съ ноября 1562 года), а въ остальные годы по 12 грошей отъ бочки, но оказалось, что при этомъ условіи скарбъ не получилъ никакой прибыли. Тогда подскарбій земскій въ 1563 году заключилъ съ арендаторами новое условіе, по которому они платятъ по 9 грошей отъ бочки проданной соли въ теченіе 1563 года, а съ 1564 года и до конца аренды—по 12 грошей. Однако, въ началѣ 1565 года на сеймѣ въ Петроковѣ подскарбій земскій доложилъ королю, что прибыль отъ склада оказывается совсѣмъ ничтожной, поэтому подскарбій снова измѣнилъ условіе и уже сдалъ складъ въ аренду Шмерлевичу и Бородавкѣ на 1565 и слѣдующіе годы всего по 800 копъ грошей въ годъ; Вальбахъ отказался отъ аренды, но подскарбій заарестовалъ его товары, такъ какъ онъ не уплатилъ причитающейся на него арендной платы за прошлые годы и за промыту. Впрочемъ, не одинъ Вальбахъ оказался должникомъ скарба, но также и другіе два арендатора; всѣ трое потерпѣли столь значительные убытки, столько труда понесли въ борьбѣ съ контрабандистами, что всѣ трое просили господаря отпустить имъ долги по арендѣ склада. Королю ничего не оставалось дѣлать, какъ признать наличность понесенныхъ убытковъ и полную неудачу операцій съ солянымъ складомъ и отказаться отъ

взысканія долга съ арендаторовъ [1]). Неудивительно поэтому, что по окончаніи аренднаго срока, соляная монополія въ Берестьи не была возобновлена.

Выдѣленный въ 1562 году районъ между Нѣманомъ и Наревомъ составилъ особое соляничее городенское. Въ первые годы своего существованія оно управлялось, какъ видно изъ цитированнаго уже нами документа, особыми господарскими дворянами, а съ 1566 года сдается въ аренду. Впрочемъ, доходъ отъ городенскаго соляничаго былъ весьма не значителенъ: по арендному контракту 1566—1567 гг. оно давало всего по 110 копъ грошей въ годъ [2]). Съ 1568 года оно сдано въ аренду Лаврину Войнѣ на три года по 130 копъ грошей въ годъ. Еще разъ напомнимъ, что это соляничее составляло надбавку къ старымъ и сеймовымъ налогамъ на соль, хотя и собиралось отдѣльно. Оно платилось не только господарскими подда́ными, но и шляхтою и ихъ подда́ными [3]).

Такова исторія соляной монополіи, вызванной финансовыми затрудненіями эпохи Ливонской войны. Изъ сказаннаго легко понять, что она не была удачна и прекратилась съ окончаніемъ послѣднихъ арендныхъ контрактовъ, заключенныхъ Сигизмундомъ Августомъ. Соль, продававшаяся въ районахъ, отведенныхъ для монополіи, подвергалась троякаго рода обложеніямъ: старому мыту, новому побору, установленному сеймомъ, и той пошлинѣ, которая приходилась на соль вслѣдствіе монополіи.

Изложивъ судьбу обложенія воска и соли, мы теперь перейдемъ къ вопросу о монопольной продажѣ лѣсныхъ товаровъ. До половины шестнадцатаго столѣтія лѣсные матеріалы подвергались обыкновенному сбору мытъ: только на одной таможнѣ взимался особый сборъ съ провозимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ,—именно въ Дорогичинѣ; здѣсь

---

[1]) Кн. Судн. Д. Лит., XLIV, л. 117 об. сл.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 91 об.—92 об.

[3]) „Обычай заведанья" состоялъ въ слѣдующемъ: „ижъ хто бы якого кольвекъ стану—князи, панове, земяне и люди купецкие соль мимо Городна ку Подляшью и ку Мостомъ, а отъ Мостовъ ажъ до верхъ реки Немна проводили, таковый кождый соленичое отъ кождое бочки по шести грошей до справецъ пана Войниныхъ платити повинни будуть. А где бы хто вымовляючи ся тычетъ, ижъ тая соль за Немонъ проважона не будетъ, соленичого давати не хотелъ, таковый каждый будетъ повиненъ въ Городне передъ справцами пана Войниными на томъ присягу вчинити, ижъ тая соль за Немонъ проважона не маетъ быти" (loc. c.).

взималось, такъ называемое ванцошное съ товаровъ, провозимыхъ рѣкою Бугомъ въ Данцигъ. Сбору пошлинъ подвергались ванцошъ, клепки, смола и пепелъ. Очевидно, это мыто взималось съ товаровъ, провозимыхъ изъ Польши. Доходъ отъ Дорогицкаго ванцошнаго былъ, впрочемъ, весьма незначителенъ. Въ 1525—27 гг. оно шло на арендѣ въ 30 копъ грошей, а въ 1528—30 гг. по 100 копъ грошей въ годъ [1]).

Къ 1547 году относится начало правительственной монополіи по торговлѣ лѣсными матеріалами. Объявленія, разосланныя вел. кн. Сигизмундомъ Августомъ по всему государству, подробно излагають причины, цѣль и устройство монополіи. По словамъ этого акта лѣсная монополія утверждена господаремъ на Виленскомъ сеймѣ 1547 года по совѣту съ панами радами и всѣмъ шляхетствомъ. Сеймовые послы и рада пришли къ заключенію, что землевладѣльцы, своимъ капиталомъ обрабатывавшіе лѣсные матеріалы или продававшіе лѣсъ купцамъ, терпѣли часто убытокъ, такъ какъ неумѣло приготовляли для продажи въ Пруссіи и Ливоніи товаръ; отъ этого богатѣли только одни купцы чужеземные и евреи. Отъ всего этого происходитъ „великая шкода земская и скарбу господарскаго“. Поэтому сеймовое шляхетство само предложило королю взять доходъ отъ лѣсной торговли въ свои руки, устроить на границахъ коморы и склады, скупать весь лѣсной матеріалъ, сработанный частными лицами, и продавать его въ Данцигѣ. Съ момента введенія монополіи всѣ, какъ купцы, такъ и частновладѣльцы, должны доставлять товаръ на склады, объявлять о прибытіи ихъ справцамъ господарскихъ коморъ и получать отъ нихъ плату по установленной таксѣ. Коморы установлены въ Ковнѣ, въ Берестьи, въ Дриссѣ (подъ Полоцкомъ на Двинѣ) и въ Салатахъ на Жмуди. Никто не имѣетъ права провозить лѣсные товары черезъ границу подъ угрозою утраты провозимаго матеріала. Въ частности, для Ковенской коморы установленъ слѣдующій порядокъ пріема товаровъ. Лицо, сработавшее лѣсъ, должно сплавить его въ Нѣманъ и сложить на берегу выше или ниже Ковна; по полученіи извѣщенія является на мѣсто склада справца коморы съ „бракарами“, которые осматриваютъ товаръ, отбираютъ годный на продажу и выплачиваютъ за него деньги. Качество товара приноравливается къ данцигскому рынку; такса установлена слѣдующая: сотня

[1]) Акты Лит. Рус. Гос., I, р. 204 и Бершадскій, I, р. 132.

ванчосу по $2^1/_2$ копы грошей, а сотня клепокъ и фашольцу по 2 копы грошей; впрочемъ, такъ называемый сырой ванчосъ, который привозятъ къ пристанямъ ниже Ковна сухимъ путемъ, оплачивается 2 копами грошей, а такія же клепки и фашолецъ 1 копой и 40 грошами. Такое уменьшеніе цѣны съ послѣднихъ товаровъ объясняется тѣмъ, что они не были въ водѣ, почему „трудно его познать на бракованію"; та-же пониженная такса установлена для товаровъ, подвозимыхъ ниже Ковна по мелкимъ рѣчкамъ. Лаштъ пепелу всегда оцѣнивается въ 2 копы грошей. Черезъ Берестейскую комору проходятъ товары, направляющіеся по Вислѣ; порядокъ бракованія товаровъ и здѣсь такой-же, онъ происходитъ на самой границѣ. Такса на Берестейской коморѣ установлена ниже, чѣмъ на Ковенской; и здѣсь товаръ принимается согласно требованіямъ Данцигскаго рынка; сотня ванчосу оплачивается 2 копами грошей, сотня фашольцу и клепки по $1^1/_2$ копы грошей, а лаштъ пепелу тоже по $1^1/_2$ копы грошей. Что касается коморъ въ Дриссѣ и Салатахъ, то установленіе здѣсь таксъ предоставлено самому господарю, такъ какъ на этотъ счетъ на сеймѣ не состоялось опредѣленнаго постановленія. Относительно другихъ лѣсныхъ товаровъ вопросъ оставленъ также „на волю и ласку королевскую". Сеймъ при этомъ предоставляетъ господарю право держать стражу на границахъ, какъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, такъ и въ господарскихъ. Если кто привезетъ къ пристани негодные для продажи товары, то отъ справцевъ зависитъ принять ихъ или нѣтъ (очевидно, справцы за такой товаръ должны были внести въ скарбъ деньги по таксѣ и могли за границей продать на свой страхъ). Справцамъ предоставляется право входить съ продавцами товаровъ въ особое соглашеніе о доставкѣ матеріаловъ въ Данцигъ. Надо замѣтить при этомъ, что, такъ какъ на Данцигскомъ рынкѣ дѣлался строгій выборъ товара, то бракары, чтобы не сдѣлать ошибки въ опредѣленіи качества товара, браковали товаръ слѣдующимъ образомъ: на сотню ванчосу брали по 120 штукъ, на сотню клепокъ и фашольцу по 240 штукъ, а лаштъ пепелу принимали за 20 бочекъ. Это для товара лучшаго качества, а худшій товаръ принимался 300 за 100 и даже 400 за 100 [1]).

---

[1]) Кн. Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго, изданная Оболенскимъ и Даниловичемъ, М., 1845, р. 36—39.

Монопольная торговля лѣснымъ товаромъ, какъ видно изъ изложеннаго, была поставлена очень широко, но, къ сожалѣнію, мы совершенно не знаемъ ея практическихъ результатовъ. Она находилась въ вѣдѣніи особыхъ справцевъ, почему свѣдѣнія о ней такъ скудны: во всякомъ случаѣ просуществовала она недолго, такъ что едва-ли и могла доставить скарбу болѣе или менѣе осязательные результаты. Уже на сеймѣ 1551 года шляхта проситъ объ отмѣнѣ монополіи для товаровъ, выработанныхъ въ ея имѣніяхъ. Король согласился и сдѣлалъ уступку въ томъ смыслѣ, что разрѣшилъ пропускъ за границу лѣсныхъ товаровъ, сработанныхъ шляхтою въ ея собственныхъ лѣсахъ ея же капиталомъ и провозимымъ на ея же собственныхъ судахъ [1]). Вѣроятно, это королевское обѣщаніе не было тотчасъ же исполнено, потому что на сеймѣ 1554 года на однородную просьбу шляхты король обѣщаетъ разослать листы о пропускѣ шляхетскихъ товаровъ на вышеизложенныхъ условіяхъ [2]).

Остается добавить, что монополіи на лѣсные товары нисколько не измѣняли вопроса о взиманіи съ нихъ таможенныхъ пошлинъ: послѣднія собирались по прежнему. Сеймъ 1547 года, на которомъ установлены лѣсныя монополіи, засѣдалъ въ январѣ [3]), а въ октябрѣ того же года королемъ сдано въ аренду Берестейское мыто во всемъ его изстаринномъ объемѣ—въ томъ числѣ и съ „звычайнымъ" мытомъ отъ лѣсныхъ товаровъ [4]). И это не случайно: то же мыто собиралось на Волыни же [5]) и въ Полоцкой землѣ въ 1553 г. [6]).

Такова исторія особаго способа обложенія соли и воска и попытокъ монополизировать торговлю солью и лѣсомъ въ самомъ началѣ второй половины XVI ст. И въ этомъ отношеніи скарбъ отдалъ дань Ливонской войнѣ. Описанныя попытки монополій не дали практическихъ результатовъ и исчезли вслѣдствіе безсилія правительства и тяжести налога, но онѣ интересны, какъ наглядное доказательство скарбовыхъ поисковъ найти новые источники доходовъ и выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ скарбъ войною. Что касается скарбовыхъ доходовъ отъ восковничаго и со-

[1]) Акты Зап. Рос., III, р. 29.
[2]) Ibidem, р. 54.
[3]) Акты Зап. Рос., III, р. 3.
[4]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135—137 об.
[5]) Кн. Зап. Лит., XXXIV, л. 130.
[6]) Ibidem, л. 235.

ляничаго, то они будутъ показаны при изложеніи доходовъ отъ таможенъ, такъ какъ періодъ самостоятельнаго существованія восковыхъ и соляныхъ коморъ былъ не значителенъ.

9. Внѣшнія таможенныя пошлины. Тарифъ.

До сихъ поръ шла рѣчь о мытахъ двоякаго рода—торговомъ и внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ. Между тѣмъ въ теченіе всего изучаемаго періода финансовое хозяйство Литовско-русскаго государства знало еще и внѣшнія таможенныя пошлины. Такія пошлины собирались отъ товаровъ, вывозимыхъ за границу и ввозимыхъ изъ-за границы. Но собирались онѣ въ древнѣйшее время различными способами и не исключительно при провозѣ товаровъ черезъ границу; поэтому внѣшнія таможенныя пошлины отличались отъ внутреннихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что самый товаръ былъ предметомъ экспорта или импорта. Оттого самый товаръ, облагаемый тарифомъ по внѣшнимъ таможеннымъ пошлинамъ, носилъ названіе „товара гостиннаго“ [1]), „крамныхъ речей“ [2]), „речей купецкихъ“ [3]), „большого товару“ [4]). Самое мыто, въ качествѣ внѣшней таможенной пошлины, носило названіе „головного“ мыта въ отличіе отъ торговаго и проѣзжаго [5]). Господарь могъ установить головное мыто не только на границахъ государства, но также и внутри страны; примѣромъ такого мыта можетъ служить установленное Сигизмундомъ I головное мыто въ имѣніи королевы Боны Городкѣ. Впрочемъ, устройство въ Городкѣ таможни продержалось недолго. Въ теченіе всего изучаемаго періода въ Литовско-русскомъ государствѣ существовалъ только одинъ внутренній районъ по сбору головного мыта: это—мыто въ Новгородкѣ; оно собиралось въ теченіе всего XV в., и въ 1511 г., давая Новгородку привилей на магдебургію, Сигизмундъ I выдѣлилъ новгородское мыто въ вѣдѣніе скарба [6]). Въ другихъ крупныхъ городахъ хотя, какъ мы видимъ, взималось головное мыто, но этотъ фактъ имѣлъ

---

[1]) Бершадскій. I, р. 42.

[2]) Ibidem, р. 41.

[3]) Ibidem, р. 11.

[4]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 26.

[5]) Напр., Бершадскій, II, р. 56, I, р. 145 и др.

[6]) Акты З. Р., II, р. 92.

совсѣмъ другое значеніе: эти города были центрами таможенныхъ округовъ. Хотя уже въ XV вѣкѣ существовало ясное различіе между внѣшними таможенными пошлинами и внутренними, однако взиманіе тѣхъ и другихъ обычно объединялось въ одн҃ѣхъ рукахъ, т. е. торговое и проѣзжее мыто сдавались въ аренду или въ завѣдываніе мытникамъ головнымъ. Такъ, еще въ 1519 г. берестейское мыто сдавалось въ аренду „со всими иными мыты по дорогамъ и по перевозамъ—тамъ, где *здавна къ мыту берестейскому бирывано*“ [1]). Въ Дорогичинѣ тоже „здавна“ принадлежало къ головному мыту мостовое мыто на Бугѣ [2]).

Самый процессъ взиманія мыта держался на старинѣ: откупщики должны были взимать мыто „по старому какъ здавно бывало за дяди нашого за великаго князя Витовта и за Жикгимонта“,—какъ часто поясняютъ арендные листы короля Казимира [3]). На этой старинѣ и держался таможенный тарифъ древнѣйшаго времени. Остатки обычаевъ въ таможенной практикѣ сказываются еще въ теченіе всей первой половины XVI вѣка. Такъ, еще одинъ листъ 1540 г. говоритъ объ „обычаѣ“, по которому турецкіе купцы платятъ съ привозимыхъ ими товаровъ по 6 грошей отъ копы оцѣночной стоимости товара. Изъ этого уже можно вывести предположеніе, что таможенный тарифъ не отличался однообразіемъ. Онъ также далеко не охватывалъ всѣхъ провозимыхъ черезъ границу товаровъ: еще въ 1526 году на Тыкотинской таможнѣ не взимали головного мыта съ суконъ [4]).

Нѣкоторыя свидѣтельства источниковъ отмѣчаютъ не только разнообразіе способовъ взиманія пошлинъ при господствѣ обычая, но также показываютъ и сложность установившагося обычая, или стремленія сборщиковъ пошлинъ нарушить исконную старину. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо „стараго“ мытника Данька Есковича къ мытнику берестейскому Михелю Езофовичу. Это частное письмо по приказанію господаря великаго князя было вписано въ книги Метрики для руководства откупщикамъ и на будущее время. Данько разсказываетъ Михелю о томъ, какъ при немъ было держано берестейское мыто, т. е. какіе обычаи извѣстны Даньку въ этомъ отношеніи; вѣроятно, опытность и знаніе Данька ставились очень высоко. Въ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XI, л. 39.
[2]) Бершадскій, т. I, р. 85.
[3]) Ibidem, р. 49, 48 и др.
[4]) Ibidem, р. 145

своемъ письмѣ онъ разсказываетъ, какія дороги существовали въ районѣ берестейскаго мыта; мѣщане того или другого города должны были пользоваться извѣстными дорогами и за нарушеніе этого обычая они подвергались промытѣ, т. е. штрафу, состоявшему въ отнятіи товаровъ. Во всѣхъ господарскихъ городахъ, гдѣ собиралось головное мыто, мытники взимали также торговое и важчее. Всѣ перевозы на рѣкѣ Бугѣ и въ мѣстечкѣ Мостахъ тоже находились въ завѣдываніи мытниковъ: купцамъ запрещалось переѣзжать на частновладѣльческихъ перевозахъ. Если Берестяне, Дорогичане и Виленцы перевозились въ Мостахъ за границу, то платили по 4 гроша отъ воза; если же они возвращались изъ Мазовіи или съ Волыни, то платили по 7 грошей отъ воза и еще 8-ой грошъ за перевозъ. Очевидно, только послѣдній сборъ былъ мытомъ за перевозъ, между тѣмъ какъ первый былъ уже таможенной пошлиной, взимавшейся при переѣздѣ черезъ границу. Изъ этого видно, что размѣръ пошлинъ былъ не великъ и способъ опредѣленія налоговъ очень грубъ. Но такую низкую пошлину платили только мѣстные купцы, потому что турки, кафинцы, кіевляне и москвичи платили съ цѣны товара—по 3 гроша отъ копы, т. е. 5% стоимости [1]). Это письмо сообщаетъ цѣлый рядъ условій, представлявшихъ собою старину въ собираніи мытныхъ сборовъ. Такую-же старину передаетъ и велико-княжескій наказъ 1500 г. пану Литавору Хребтовичу; онъ говоритъ о порядкахъ собиранія мытъ на Ковенской таможнѣ. Пріемы обложенія товаровъ пошлинами очень грубы. Мыто взимается отъ шкута по копѣ грошей. Это мыто бралось только при въѣздѣ въ Ковно; такъ какъ тутъ же существовалъ рынокъ для торгу между нѣмецкими и литовскими купцами, то, вѣроятно, болѣе детальное обложеніе привозныхъ товаровъ пошлинами происходило уже при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ. Это видно изъ замѣчанія цитуемаго источника о томъ, что, если нѣмецкій купецъ продаетъ соль въ Ковнѣ своему соотечественнику, то платитъ „другое“ мыто по одному грошу отъ копы грошей цѣны товара или по полугрошку отъ бочки соли; если же виленецъ покупаетъ соль, то онъ тоже платитъ отъ бочки по полгроша. Такимъ образомъ, соль, перепроданная нѣмцемъ нѣмцу, подлежала двойной торговой пошлинѣ сравнительно съ пошлиной при продажѣ ея литовскому купцу. При покупкѣ же литовскимъ купцомъ у нѣмца торговая пошлина взима-

[1]) Ibidem, p. 189—91.

лась только однажды. Это дѣлалось, очевидно, съ цѣлью доставить мѣстнымъ купцамъ нѣкоторое преимущество при покупкѣ соли (а можетъ быть и другихъ товаровъ) непосредственно у импортеровъ. Изъ этого также виденъ двоякій пріемъ въ обложеніи пошлинами: при проходѣ судовъ черезъ границу и при продажѣ товаровъ. Это очевидно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ такому важному предмету потребленія, какъ соль. Способъ обложенія другихъ привозныхъ товаровъ въ нашемъ источникѣ не показанъ; но, кажется, онъ состоялъ во взиманіи извѣстнаго процента съ цѣны товара, потому что ввозимый товаръ осматривался мытниками—конечно, для оцѣнки; товаръ дѣлился на „большій“ и „меньшій“, и мыто бралось только съ перваго. На той же Ковенской таможнѣ брали мыто и съ вывозимыхъ за границу товаровъ. Наказъ говоритъ о мытѣ съ лѣсныхъ товаровъ: тогда бралось по 3 гроша отъ сотни ванчосовъ, по 6 грошей отъ сотни клепокъ, по 30 грошей отъ мачты, всякаго размѣра товару, по 4 гроша отъ лашта пепелу или по копѣ грошей отъ шкуты. Кромѣ внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ въ Ковнѣ при мытѣ взималась еще обестка съ товаровъ, привозимыхъ виленцами въ Ковно, а также обестка отъ рыбы, привозимой ковенцами по Нѣману снизу [1]).

Такимъ образомъ, обложеніе товаровъ таможенными пошлинами въ древнѣйшеее время основывалось, главнымъ образомъ, на обычаѣ. Тарифъ отличалъ мѣстныхъ купцовъ отъ иноземцевъ и падалъ только на нѣкоторые товары, бывшіе главнѣйшими предметами ввоза и вывоза. Таможенная пошлина отъ нѣкоторыхъ товаровъ взималась въ два пріема: при провозѣ черезъ границу и при продажѣ. Въ первомъ случаѣ пріемы обложенія были грубы (тарифъ опредѣлялся по возамъ, рѣчнымъ судамъ), во 2-мъ преобладала оцѣнка товаровъ.

Съ теченіемъ времени литовско-русское правительство стремится подвергнуть обложенію всѣ предметы ввоза и вывоза и повысить таможенныя ставки. Это достигается въ теченіе первой половины XVI вѣка не путемъ ломки стараго обычая, но посредствомъ новыхъ наслоеній на старомъ тарифѣ и обложенія новыхъ предметовъ потребленія, ранѣе не подлежавшихъ сбору пошлинъ. При великомъ князѣ Александрѣ введена была особая пошлина на воскъ и соль, извѣстная подъ именемъ восковничаго и соляничаго; это мы уже

[1]) Акты Ю.-З. Р., т. I, р. 26.

знаемъ. Но этотъ пріемъ былъ бы неудобенъ для другихъ товаровъ. Сигизмундомъ I былъ указанъ тотъ путь въ таможенной политикѣ, по которому государство слѣдовало въ теченіе всего XVI вѣка. Сигизмундъ I сталъ вводить при „старомъ звыкломъ“ мытѣ „новое“ или „новоподвышоное“ мыто, т. е. рядомъ съ старымъ мытомъ сталъ собирать мыто по новымъ тарифамъ. Такой способъ наслоенія новыхъ мытъ былъ удобенъ, между прочимъ потому, что всякаго рода льготные безмытные листы теряли силу—разъ издавался повышенный тарифъ,—по отношенію къ этому послѣднему; съ другой стороны, правительство достигало повышенія пошлинъ. Затрудненія могли быть только при сборѣ мыта, такъ какъ мытникъ долженъ былъ руководствоваться двоякаго рода тарифомъ. Впервые упоминаніе о старомъ и новомъ мытѣ встрѣчается въ Подляхіи и на Волыни въ арендномъ контрактѣ 1523 г. [1]). Около 1532 г. встрѣчаемъ указанія на новую уставу мытъ [2]). Подробнаго содержанія этой уставы въ актахъ не встрѣчается, но о характерѣ ея можно судить по льготной грамотѣ ковенскимъ мѣщанамъ, выданной королемъ въ 1532 году. Ковенскіе мѣщане просили сдѣлать имъ облегченіе во взиманіи новыхъ мытъ; освобождая мѣщанъ отъ этихъ послѣднихъ, король такъ говоритъ въ своемъ листѣ о введенной имъ новой уставѣ на мыто: „ино што ся дотычеть того мыта нового, которое были есмо отъ кожъ, отъ юфтей и отъ иншихъ купецкихъ речей на нихъ установили, мы для таковогo впаду ихъ, который тое мѣсто нашо з божего допущенья *у повѣтріе* приняло, ласку нашу въ томъ имъ вчинили, —тое мыто новое отъ кожъ и отъ юфтей, отъ тимцовъ и отъ иншихъ купецкихъ речей имъ есмо отпустили“,—до личнаго только пріѣзда господаря въ Литву. Изъ этого перечня обложенія предметовъ видно, что новый тарифъ палъ на предметы вывоза. Размѣры новаго тарифа неизвѣстны; только относительно тарифа на лѣсные товары мы находимъ указаніе въ томъ же листѣ. Мѣщане просятъ объ уменьшеніи пошлинъ на этотъ предметъ вывоза. До введенія новаго тарифа мѣщане платили отъ лѣсныхъ товаровъ, сработанныхъ въ княжескихъ и панскихъ пущахъ, мыто въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ товаровъ, сработанныхъ въ господарскихъ пущахъ. По новому тарифу установлена однообразная пошлина въ размѣрѣ по 15 грошей отъ сотни

[1]) Бершадскій, I, p. 106.

[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., VII, л. 25 об.

бревенъ, ванчосу и лашту пепелу: король уменьшилъ мѣщанамъ эту пошлину на 7 грошей со всякаго рода товаровъ [1]). Такимъ образомъ, новая устава на мыто увеличила тарифъ на лѣсные товары на 11 грошей отъ лашта пепелу. Одна замѣтка, сохранившаяся въ книгахъ Метрики, даетъ возможность еще ближе проникнуть въ суть новой уставы на мыто. Замѣтка эта безъ обозначенія года, но ея заглавіе (ratio thelonei Cawnensis. Et primo de rebus seu mercibus, quae hinc in Lithuania inferuntur quales sunt) и положеніе среди другихъ современныхъ актовъ даютъ основанія полагать, что она относится къ 30-мъ годамъ. Здѣсь говорится, что съ суконъ „и со всѣхъ имъ подобныхъ товаровъ" взимается пошлина по старому обычаю по 1 грошу отъ копы. Литовскіе товары, а именно: простое сукно, ленъ, кожи, мѣха раньше вывозились безпошлинно; теперь же стали брать по 1 грошу съ копы. Относительно лѣсныхъ товаровъ и воска та же замѣтка говоритъ, что эти предметы вывоза имѣютъ свою старую пошлину: на воскъ набавленъ грошъ отъ камня, на что жалуются купцы [2]). Замѣтимъ, что пошлина отъ воску по 6 грошей отъ камня взималась уже отъ начала столѣтія [3]). Такимъ образомъ, эта замѣтка говоритъ только о поднятіи пошлинъ съ предметовъ вывоза, но надо помнить, что это не устава, а только справка, по какому-то случайному поводу занесенная въ книги.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ заключить, что при Сигизмундѣ I введены были новыя пошлины на всей западной и юго-западной границѣ государства (волынскій, подляшскій и ковенскій районы), что новый тарифъ явился ввидѣ наслоенія на „звыкломъ" мытѣ и что, наконецъ, онъ охватилъ такіе предметы вывоза (и, какъ увидимъ, и ввоза), которые раньше не подлежали обложенію. Въ первые годы второй половины XVI вѣка на ковенской таможнѣ уже брали мыто „отъ всякихъ товаровъ сухимъ путемъ и водою и отъ работъ лѣсныхъ брати и отъ всякихъ товаровъ, отъ которыхъ кольвекъ до того часу на той коморе и прикоморкахъ ковенскихъ мыто бирано, и *якіе бы кольвекъ товары новонайденые домыслы людскими на оную комору приходили*,—они (т. е. мытники) мають мыто брати водле уставы нашое и звыклого обычаю въ томъ краю" [4]). Такимъ образомъ, уже

[1]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 242 об.—243 об.
[2]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, кн. Пол. Метр., VII, л. 105.
[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 178.
[4]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 161 об. (1558 г.)

не могло быть помину о раздѣленіи товаровъ на свободные отъ пошлинъ и на оплачиваемые пошлинами.

Такое измѣненіе стараго обычая и введеніе новыхъ пошлинъ достигнуто было литовско-русскимъ правительствомъ, вѣроятно, въ нѣсколько послѣдовательныхъ пріемовъ. Уловить эту послѣдовательность, благодаря отсутствію источниковъ, нельзя. Но одинъ документъ весьма подробно исчисляетъ размѣры старыхъ пошлинъ и тѣ нововведенія, которыя сдѣланы были въ тарифѣ; это—Catalogus gravaminum, представленный прусскими купцами въ 1552 г. черезъ герцога королю Сигизмунду Августу. Эти жалобы представляютъ собою указанія на старину въ таможенномъ тарифѣ и на тѣ нововведенія въ немъ и увеличеніе его, которыя были сдѣланы при королѣ Сигизмундѣ I и отчасти при Александрѣ. Изъ предметовъ вывоза жалобы, главнымъ образомъ, останавливаются на тарифѣ на лѣсъ, кожи, ленъ, частью на воскъ и скотъ. Изъ предметовъ ввоза главнымъ пунктомъ спора послужило обложеніе соли и суконъ. Такъ, еще лѣтъ за 30 до 1552 г. (т. е. какъ разъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда впервые встрѣчается извѣстіе о новомъ и старомъ мытѣ) мыто отъ соли взималось такъ, что брали шестидесятую часть ввозимой соли (одну бочку на шестьдесятъ); теперь же берутъ отъ каждой бочки соли 3 гроша. Увеличена также пошлина на сукна. Литовскіе товары были свободны отъ вывозныхъ пошлинъ (кожи, воскъ, ленъ, мѣха) кромѣ лѣса. Пошлина на лѣсъ налагалась такая же, какая опредѣлена грамотой короля Александра 1500 года; теперь она увеличена вдвое (размѣръ ея намъ извѣстенъ изъ грамоты ковенцамъ). Сверхъ того, наложены пошлины на разные другіе предметы. Такъ, отъ воску берутъ 6 грошей съ камня въ Вильнѣ и еще седьмой грошъ на Ковенской таможнѣ; кожи, ленъ, конопля обложены особымъ тарифомъ, а разные другіе мелкіе товары оплачиваются по расцѣнкѣ. Купцовъ заставляютъ ѣздить на Юрборгъ, гдѣ устроена новая таможня (въ 1540 г.); сверхъ того, тутъ же берутъ по 4 гроша отъ каждаго человѣка, прибывающаго на судахъ. Купцы испытываютъ также притѣсненія при вывозѣ товаровъ изъ Жмуди. Лѣтъ двадцать тому назадъ вывозимые отсюда товары не подлежали никакой пошлинѣ; теперь же воскъ, скотъ, кожи, ленъ и другіе товары обложены особымъ тарифомъ; мелкіе товары облагаются по оцѣнкѣ; обложена также и соль. Изъ предметовъ ввоза въ Литву и Жмудь по старинѣ подлежали особому обложенію: соль, нѣкоторые сорта суконъ (лон-

донское, амстердамское), всѣ же другіе товары оплачивались по грошу отъ копы. Жалоба приводитъ также нѣкоторыя объясненія, вѣроятно, дававшіяся противной стороной при введеніи новыхъ пошлинъ, а также и свои мотивы для ихъ отмѣны. При обложеніи бочки соли тремя грошами, очевидно, имѣли въ виду перевести на деньги взиманіе въ натурѣ шестидесятой части соли. Но, по заявленію купцовъ, новая пошлина вовсе не соотвѣтствуетъ старой, такъ какъ больше ея, а потому, по ихъ мнѣнію, и не справедлива. При обложеніи суконъ, вѣроятно, указывали на выгоды отъ торговли ими; жалоба указываетъ на рискъ, связанный съ морскою торговлей. Прусское купечество просило объ отмѣнѣ надбавки пошлины на воскъ. При Витовтѣ этотъ предметъ совсѣмъ не подлежалъ обложенію; при Александрѣ пошлина на воскъ была введена на два года для пополненія господарской казны, но изъ временной сдѣлалась постоянной. Купцы просятъ также объ отмѣнѣ новыхъ дорогъ на Юрборгъ и Таурогенъ.

Эта жалоба разъясняетъ нѣкоторыя черты въ таможенной политикѣ Сигизмунда I. Она еще разъ подтверждаетъ произведенное въ его время значительное увеличеніе таможенныхъ пошлинъ, равно какъ и то, что въ XV вѣкѣ только немногіе предметы вывоза и ввоза подлежали обложенію [1]).

Итакъ, съ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка до начала Ливонской войны извѣстны были старыя и новыя мыта. Оба тарифа введены были велико-княжеской властью. Къ началу Ливонской войны различіе между старымъ и новымъ мытомъ стирается и оба тарифа къ этому времени сливаются въ одно мыто. Ливонская война, какъ уже не разъ говорилось, вызвала острую нужду въ деньгахъ. Съ 1561 года таможенныя ставки снова подымаются и снова появляется „новое“ мыто, „новоподвышоное“ мыто, „поборъ новый“; этими терминами обозначались новыя тарифныя ставки. По отношенію къ этому новому тарифу оба вида пошлинъ временъ Сигизмунда I были уже мытомъ старымъ, звыклымъ мытомъ господарскимъ, такъ какъ новый тарифъ дѣйствовалъ по сеймовымъ декретамъ.

Впервые въ годы Ливонской войны новое мыто введено было постановленіемъ короля и господарской рады, состоявшимся 7-го декабря 1561 года. Это то самое постановленіе рады, которымъ вво-

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Метр. Пол., кн. XII, л. 236 слѣд.

дился одновременно государственный акцизъ. Напомнимъ, что этотъ налогъ въ 1561 г. вводился временно до окончанія войны. Онъ имѣлъ ввиду привлечь къ платежу въ пользу государства тѣ элементы населенія, которые лично не несли военной службы. Что касается самого тарифа, то онъ вводится безъ всякаго соотношенія къ старому и къ цѣнѣ товара. Новый налогъ падалъ на предметы ввоза и вывоза. Имъ были охвачены важнѣйшіе предметы того и другого, какъ то: воскъ, кожи, скотъ, ленъ, хлѣбъ, лѣсъ, соль, сукна, пряности, вина; желѣзо, мѣдь и предметы военнаго снаряженія строго запрещено было вывозить за границу. Таможенная такса установлена была на каждый предметъ ввоза и вывоза отдѣльно безъ всякаго отношенія къ старому мыту и къ цѣнѣ товаровъ. Можно замѣтить только, что предметы роскоши изъ ввозныхъ товаровъ (вина, пряности, шелкъ и дорогія сукна), а изъ вывозныхъ тѣ, въ которыхъ наиболѣе нуждалась западно-европейская торговля (лѣсъ, кожи) обложены были очень высоко. Такъ, мѣха, шелкъ и дорогія сукна обложены были десятымъ грошемъ съ цѣны, т. е. пошлина равнялась 10% стоимости товара.

Весьма важной особенностью новаго побора было то, что господарская устава предписываетъ взыскать пошлины по новому тарифу съ тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые уже ввезены въ государство, оплачены старымъ тарифомъ и поступили въ склады и лавки купцовъ. Съ цѣлью провѣрки наличности непроданныхъ иностранныхъ товаровъ была установлена сложная организація сбора пошлинъ. Все дѣло находилось въ вѣдѣніи подскарбія земскаго [1]) На будущее время послѣ того, какъ залежалый товаръ будетъ оплаченъ пошлиной, предположено взимать ее только на пограничныхъ и головныхъ таможняхъ. Всѣ „вольности“ и безмытные листы объявлены были недѣйствительными, за исключеніемъ утвердившагося тогда уже за шляхтою права на безпошлинный вывозъ лѣса и хлѣба изъ ея собственныхъ имѣній [2]).

Налогъ 1561 г. былъ только началомъ таможенныхъ налоговъ, вызванныхъ Ливонской войною. Не прошло и полгода съ момента изданія уставы на новое мыто, какъ былъ введенъ новый налогъ. 29 апрѣля 1562 г. господарь вмѣстѣ съ радою установилъ налогъ

[1]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 12—13.
[2]) Кн. Переп. Лит., VII, лл. 82—86.

на продажу нѣкоторыхъ предметовъ. Господарская грамота при этомъ объясняетъ, что уже стали сказываться послѣдствія повышенія пошлинъ 1561 года: купцы бросаютъ торговлю и предпочитаютъ отдачу денегъ на проценты или занимаются скупкой и перепродажей хлѣба: въ числѣ хлѣбныхъ торговцевъ обложены и арендаторы солодовенъ,—очевидно потому, что отдача монополій въ аренду, вызывала приливъ капиталовъ къ этимъ операціямъ. Грамота указываетъ также на сокращеніе въ обращеніи золота, серебра и другихъ цѣнностей. Такимъ образомъ, капиталисты, обратившіе свои капиталы на скупку хлѣба, отдачу денегъ подъ проценты, солодовники, золотники, задерживающіе драгоцѣнные металлы „на перекупъ", избѣгаютъ платежа новаго налога и способствуютъ, по словамъ королевской грамоты, дороговизнѣ всѣхъ товаровъ. Поэтому господарь облагаетъ ихъ особымъ налогомъ въ размѣрѣ десятипроцентнаго сбора съ доходовъ, получаемыхъ этими лицами отъ своихъ операцій. Этотъ налогъ долженъ былъ поставить хлѣбную торговлю въ городахъ въ очень тяжелое положеніе. Разумѣется, контроль надъ прибылью отъ торговой операціи—дѣло очень трудное, въ особенности тогда, когда товары проходятъ черезъ руки такихъ посредниковъ, какъ скупщики. Очевидно, господарь и его рада это прекрасно предвидѣли. Десятипроцентный сборъ отъ перепродажи хлѣба взимался съ той разницы, которая получалась между рыночной цѣной привозимаго производителемъ на продажу хлѣба и той цѣной, по которой хлѣбъ продавался скупщикомъ или солодовникомъ. Съ цѣлью контроля надъ этими тонкими операціями господарь постановляетъ, чтобы въ каждомъ городѣ всѣ перекупщики хлѣба и солодовники были записаны мѣстнымъ врядомъ и поборцею въ особые реестры; промышлять скупкою хлѣба разрѣшается только лицамъ, записавшимся въ реестры, но купцы должны продавать скупленный хлѣбъ по цѣнѣ, установленной тѣмъ же врядомъ. Разумѣется, для опредѣленія размѣровъ десятипроцентнаго сбора врядъ и поборцы должны были слѣдить за всѣми совершаемыми скупщиками сдѣлками. Зато тотъ, кто занимался перепродажей хлѣба, не записываясь въ реестръ, наказывался отнятіемъ движимаго и недвижимаго имущества. Впрочемъ, какъ мѣстные жители, такъ и пріѣзжіе имѣли право безпошлинной покупки хлѣба „на живность и выхованье дому своего". Грамота не разъясняетъ, какимъ образомъ финансовые агенты должны были слѣдить за такими сдѣлками, какъ

отдача денегъ подъ проценты и продажа дорогихъ металловъ [1]). Такимъ образомъ, десятипроцентный сборъ падалъ на доходъ отъ извѣстнаго рода торговыхъ предпріятій; въ виду этого онъ, конечно, не подходилъ подъ понятіе таможенныхъ пошлинъ, хотя съ точки зрѣнія финансовыхъ понятій того времени его можно было бы сблизить съ торговымъ мытомъ. Однако по своему происхожденію онъ тѣсно примыкаетъ къ новому мыту 1561 года и является его прямымъ дополненіемъ.

Десятипроцентный сборъ 1562 года могъ бы очень тяжело пасть на торговлю одного изъ наиболѣе необходимыхъ предметовъ внутренняго потребленія и главнѣйшаго предмета вывоза (вывозъ хлѣба, сработаннаго не самой шляхтой въ ея же собственныхъ имѣніяхъ и вывозимаго за границу ея же средствами, едва-ли могъ бы конкурировать съ шляхетскимъ хлѣбомъ). Однако, есть основаніе полагать, что налогъ 1562 г. не привился и, вѣроятно, на практикѣ не былъ осуществленъ; на такое предположеніе наводитъ то обстоятельство, что источники никогда и нигдѣ не упоминаютъ о сборѣ этого налога, льготахъ, которыми обыкновенно сопровождались всякаго рода налоги и т. д.: это показываетъ, что скарбъ не имѣлъ средствъ для проведенія проектированнаго налога.

Хотя тарифъ 1561 года былъ введенъ только на время войны, но такъ какъ война затянулась, то онъ не только не былъ отмѣненъ, но еще повышенъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года. Уфала 27 августа объясняетъ необходимость новаго повышенія таможеннаго та-

[1]) Способъ обложенія грамота такъ объясняетъ: „Ижъ бы каждый оповедалъ подъ присягой, што кольвекъ монеты, серебра и золота и инъшихъ речей в лифу даетъ, также и солодовники и вси иные хто збожье на перекупъ купилъ и почому куплено, от того нехай бы поборъ давали, абы водлугъ цены купна, яко куплено и колько хто побору дасть постановити, по чому маютъ збожье вшелякое и солоды продавати и по колку грошей надъ свою цену на мере в месте звыклой приймовати, яко бы без шкоды ихъ и безъ обтяжливости людское продавано, тежъ золотники отъ золота и серебра робленого и неробленого от клейнотовъ вшелякихъ, што на продажу ховаютъ, абы также десятый грошъ платили ошацовавши все“. Ослушникамъ король угрожаетъ конфискаціей движимаго и недвижимаго имущества; урядъ замковый вмѣстѣ съ городскимъ обязанъ строго выполнять предписанія уставы, потому что „таковото безрадья в местехъ должей терпеть не хочомъ, а тежъ у нашихъ господарскихъ местехъ не можетъ нихто таковото безрадку ку шкоде двору нашого и людей приеждчихъ чинити а, дешево купуючи, в часы погодные з дорогостью подле воли своее а не водле уставы нашое продавати“ (Кн. Переп. Лит., VII, л. 107 об. 109).

рифа „потребами" земскими для расплаты съ наемнымъ войскомъ. Сеймъ вводитъ новый тарифъ въ дополненіе къ ставкамъ 1561 года. Дѣйствіе новаго тарифа ограничивается двухгодичнымъ срокомъ. Однако, новыя пошлины распространяются не на всѣ товары, охваченные тарифомъ 1561 г. Такъ, хлѣбъ, мелкій скотъ, медъ простое сукно, лѣсъ не подлежали обложенію по новому тарифу; изъ предметовъ ввоза новый тарифъ не коснулся простыхъ суконъ и большинства пряностей. По размѣрамъ пошлинъ новый тарифъ, въ большинствѣ случаевъ, вводитъ пошлину на половину меньшую, сравнительно съ 1561 годомъ; такая ставка введена была на такіе предметы вывоза, какъ—кожи, конопля, мясо; въ иныхъ случаяхъ новый тарифъ равняется третьей и даже четвертой части прежняго; столь же незначительно повышеніе пошлинъ на предметы ввоза [1]).

Новый тарифъ 1566 года, подобно первому, былъ собранъ не только съ тѣхъ товаровъ, которые провезены были черезъ границу, послѣ изданія сеймовой уфалы, но также и отъ товаровъ, ранѣе ввезенныхъ въ государство и уже оплаченныхъ прежнимъ тарифомъ [2]). Сеймовое постановленіе 1566 г. ничего не говоритъ о способахъ взиманія налога по новому тарифу, т. е. о моментахъ уплаты. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, налогъ на практикѣ взимался не при вывозѣ товаровъ черезъ границу, но при продажѣ его съ цѣлью экспорта; разумѣется, это переложеніе налога съ экспортера на продавца могло производиться только въ городахъ, гдѣ были головныя коморы или ихъ отдѣленія, и такой товаръ, очевидно, уже пропускался черезъ

---

[1]) Док. Моск. Арх. М. Ю., I, p. 197—199.

[2]) Это выясняется изъ документовъ, характеризующихъ способы взиманія пошлинъ. Такъ, въ арендѣ новыхъ мытъ Ходкевичу король говоритъ, что новыя мыта по уставѣ 1566 г. взимались „не толко отъ тыхъ товаровъ, которые бы зъ заграничья были привезены, але и отъ тыхъ товаровъ отколка годовъ залежалыхъ во всемъ панствѣ... отъ котораго вжо мыто и поборъ першій естъ заплаченъ мелъ быти, поборъ тотъ на соймѣ берестейскомъ ухваленый даванъ". Налогъ на этотъ товаръ опредѣленъ приблизительно въ 10000 копъ грошей (Кн. Переп. Лит., X, л. 1 об.). Въ Кіевѣ взиманіе новаго налога съ залежалыхъ товаровъ повело къ столкновенію между мѣщанами и мытниками. И. Бородавка и М. Изаковичъ прислали въ Кіевъ своего писаря съ господарскимъ листомъ; писарь „для пописованья товаровъ ихъ и обиранья отъ нихъ поборовъ, пріехалъ и оный листъ нашъ (господарскій) имъ оказывалъ и домавялся, абы они водлугъ листу нашого заховываючисе товары свои пописати дали и ото всего поборъ новый заплатили; они дей ничого недбаючи о тотъ листъ и росказанье нашо" своихъ товаровъ не показали и поборовъ не заплатили. Шкода скарба отъ этого подсчитана въ 5000 копъ грошей (Кн. Суд. Дѣлъ Лит, LII, л. 85 об.—86 об.).

границу безпошлинно. Это видно изъ челобитья королю мѣщанина Озерищскаго Юрки Плѣшивцева. Всѣ мѣщане Озерищскіе получили отъ короля безмытный листъ; Юрко продалъ въ Вильнѣ свой товаръ— воскъ, кожи и лой; между тѣмъ, жаловался онъ, „отъ того товару теперь поборцы и мытники наши (господарскіе) побору въ него правять“. Король освободилъ его отъ мыта [1]).

Срокъ взиманія побора 1566 года оканчивался, согласно сеймовому постановленію, въ день всѣхъ святыхъ 1568 г. Однако, на Городенскомъ сеймѣ въ этомъ послѣднемъ году новый тарифъ былъ продолженъ еще на одинъ годъ, въ виду тяжелаго финансоваго положенія государства [2]). Въ виду ожидавшейся уніи съ Польшей поборъ, декретированный въ 1568 г., получилъ совсѣмъ иной правовой характеръ, чѣмъ поборъ Берестейскаго сейма: шляхта въ Городнѣ декретировала налогъ для восполненія „тѣхъ накладовъ“, которые понесъ на земскія нужды господарскій скарбъ во время войны; слѣдовательно, въ 1568—1569 гг. налогъ собирался въ пользу господарскаго скарба, а не земскаго. Это обстоятельство подало поводъ королю продолжить взиманіе поборовъ новыхъ уже собственной властью. „Новоподвышоный“ тарифъ на основаніи королевскихъ декретовъ дѣйствовалъ до самой смерти Сигизмунда Августа въ 1572 г. Когда на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. литовская шляхта попробовала было напомнить королю о томъ, что срокъ взиманія новыхъ поборовъ 1568 года уже истекъ, король заявилъ, что хотя поборы декретированы на его властныя потребы, но въ дѣйствительности они ушли на земскія нужды и въ будущемъ также необходимы средства для обороны страны [3]). Такъ шляхта ничего не добилась отъ короля.

Въ 1569 г. новые поборы были установлены королемъ на три года. Тарифы 1561—1566 гг. къ этому времени уже слились въ одно новое мыто. Поэтому росписаніе ставокъ 1569 г. представляетъ собою сліяніе обоихъ тарифовъ, за весьма рѣдкими исключеніями [4]). Однако, новый тарифъ отличался отъ прежнихъ значительнымъ сокращеніемъ количества облагаемыхъ имъ предметовъ, такъ какъ онъ падалъ не на всѣ предметы вывоза, а изъ предметовъ ввоза только

[1]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 94 об.

[2]) Док. Моск. Арх. М. Ю., I, р. 473.

[3]) Ibidem, р. 498.

[4]) Кн. Переп. Лит., X, л 20.

на соль и сельди [1]). Интересно, что на практикѣ при взиманіи побора, установленнаго королемъ, купцамъ на первое время приходилось платить мыто 1568 года и мыто 1569 года. Въ 1571 г. король разбиралъ жалобу Виленскихъ мѣщанъ на мытниковъ по слѣдующему поводу. Мѣщане не хотѣли платить новоподвышонаго мыта съ московскихъ товаровъ (такимъ образомъ, транзитные товары были признаны вывозными), потому что ими уже уплачено „великое мыто". Но на судѣ господарь разсудилъ такъ: для господарскаго скарба была бы „шкода", если бы новый поборъ не былъ уплаченъ мѣщанами, „кгдыжъ поборы великіе (т. е. тарифъ 1568 г.), а мыто теперешнее новоподвышоное (т. е. 1569 г.) суть отъ себе розные и подъ розными часы постановлены и одно ку другому ничого не маеть, а поборы великіе вжо суть поднесены" (т. е. уничтожены): поэтому квиты прежнихъ поборцевъ не имѣютъ теперь силы [2]).

1569 годъ въ исторіи мытъ еще интересенъ тѣмъ, что унія ничего не измѣнила въ положеніи Подляшанъ, присоединенныхъ къ Коронѣ: согласно изданному королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1570 году универсалу, Подляшане должны были платить по-прежнему соляное мыто, какъ они платили до 1569 года, съ небольшими измѣненіями [3]). Кромѣ того, на Подляшскія коморы была послана устава—такса стараго мыта; это тотъ самый тарифъ „звыклого" мыта, который примѣнялся и въ литовскихъ областяхъ [4]). Значитъ, Подляхія и Волынь въ таможенномъ отношеніи не были выдѣлены изъ Литовско-русскаго государства.

Главнѣйшія причины, побудившія короля къ продленію сбора новаго мыта на 1569– 1572 гг., заключались въ желаніи обезпечить на этихъ мытахъ скарбовый долгъ въ 36000 злотыхъ польскихъ Остафію Воловичу [5]). Но долгъ не былъ уплоченъ до смерти короля. Универсалъ короля Стефана Баторія 1574 года разсказываетъ о многократныхъ совѣщаніяхъ, сейчасъ по смерти Сигизмунда Августа, литовскихъ и польскихъ радныхъ пановъ по вопросу о продленіи новыхъ мытъ въ періодъ междуцарствія. Рады обоихъ панствъ три раза съѣзжались по этому поводу и каждый разъ рѣшали продлить сборъ но-

[1]) Грам. гор. Вильны, I, р. 121. Ср. Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LII, л. 334
[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 282—283 об.
[3]) Кн. Зап. Лит., LV, л. 16 об.
[4]) Кн. Переп. Лит., X, л. 37.
[5]) Кн. Переп. Лит., X, лл. 34—36 об. и 39 об.

выхъ мытъ, поручивъ мытникамъ удовлетворить изъ сборовъ нѣкоторыя неотложныя нужды скарба. Но потомъ литовскіе радные паны, съѣхавшись въ Рудникѣ, рѣшили отмѣнить мыто, о чемъ затѣмъ совѣщались и на Виленскомъ съѣздѣ. Споры пановъ продолжились до вступленія на престолъ Стефана Баторія. Остафій Воловичъ указывалъ на то, что ему пришлось поручиться за скарбъ передъ капиталистами въ 30,000 злотыхъ польскихъ, обезпеченныхъ на мытѣ; отъ отмѣны мытъ потерпятъ не только мытники, но и скарбъ. Интересны пренія радныхъ пановъ о послѣдствіяхъ новаго тарифа. Одни изъ нихъ утверждали, что необходимо отмѣнить тарифъ для того, чтобы „въ продаваню речей купецкихъ станамъ шляхетскимъ улженье якое ся стало за такимъ зменшеньемъ мыта". Однако, практика доказала совсѣмъ противное: дороговизна товаровъ не уменьшилась, а скарбъ потерпѣлъ убытокъ. Стефанъ Баторій, посовѣтовавшись съ панами радами, рѣшилъ, что повышеніе тарифа зависитъ отъ компетенціи сейма; однако, такъ какъ мыта 1569 года были введены королевскою властью, то и Стефанъ Баторій временно вводитъ новыя мыта „до иншого зостановенья нашого зъ вашою милостью паны радами нашими и до намовы въ потребахъ скарбу земскому належачихъ" (т. е. до сеймоваго постановленія). Новыя мыта должны собираться на-ряду со старыми. Безмытные листы не имѣютъ силы. Все дѣло поручено вѣдѣнію подскарбія земскаго. Мыто собирается на товарахъ, лежащихъ въ складахъ и лавкахъ, и оплаченные уже здѣсь предметы вывоза не подвергаются обложенію на границѣ; такимъ образомъ, облагался товаръ, предназначенный къ вывозу независимо отъ того момента, когда онъ пойдетъ за границу: ставки новаго тарифа касаются предметовъ ввоза и вывоза; онъ падаетъ на всѣ предметы, обложенные въ 1561—1566 гг., и равняется соединенному тарифу обоихъ годовъ (отступленіе весьма незначительно), повторяя, слѣдовательно, общій тарифъ 1568 г. [1]).

Такова исторія таможеннаго тарифа въ теченіе изучаемаго нами періода.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о соотношеніи тарифа стараго и новыхъ мытъ. Впрочемъ, сама такса стараго мыта намъ мало извѣстна въ подробностяхъ. Съ большинства товаровъ старое мыто, какъ мы знаемъ, взималось по оцѣнкѣ, по одному грошу отъ

[1]) Кн. Зап. Лит., LVI. л. 23 об. 26 об.

копы; только такіе товары, какъ лѣсъ, воскъ, соль, нѣкоторые сорта суконъ, скотъ и продукты скотоводства имѣли спеціальный тарифъ. Кромѣ того старый тарифъ держался на обычаѣ, который не былъ однообразенъ во всемъ государствѣ. Быть можетъ, вслѣдствіе обычая и мѣстныхъ условій на разныхъ таможняхъ выработалась неодинаковая такса стараго мыта [1]). Для сравненія ставокъ стараго и новаго мыта возьмемъ таксу стараго мыта, выданную изъ скарба на подляшскія коморы вскорѣ послѣ уніи 1569 г., и сравнимъ ставки ея съ ставками новыхъ мытъ. Разумѣется, такое сравненіе можно провести не для всѣхъ товаровъ; да, впрочемъ, въ подробностяхъ и нѣтъ особенной нужды. Мы возьмемъ для сравненія главнѣйшіе предметы ввоза и вывоза.

Изъ Литвы главными предметами вывоза были—лѣсъ, хлѣбъ, воскъ, скотъ, продукты скотоводства, ленъ и простое сермяжное сукно.

---

[1]) До насъ дошли таксы стараго мыта, составленныя въ концѣ изучаемаго періода для таможенныхъ округовъ Волыни, Подляхіи и Ковно, т. е. какъ разъ всей той части пограничья Литовско-русскаго государства, гдѣ взималось старое мыто; всѣ три таксы не вполнѣ сходны между собою. Самой интересной изъ нихъ является такса, данная на подляшскія коморы сейчасъ послѣ уніи 1569 года. Въ коротенькомъ предисловіи къ ней поясняется, что она выдана согласно старому „звычаю" для того, чтобы при расцѣнкѣ товаровъ на таможняхъ купцы не терпѣли притѣсненій; такимъ образомъ скарбъ самъ произвелъ расцѣнку товаровъ и закрѣпилъ ее для таможеннаго тарифа. Такса дѣлаетъ различіе между чужеземцами и подданными государства: первые платятъ „цѣлое" мыто, т. е. по 2 гроша литовскихъ отъ копы, а вторые половину цѣлаго мыта. Такса вездѣ показываетъ размѣръ цѣлаго мыта. Она очень полна и подробна (Кн. Переп. Лит., X, л. 37—39 об.). Хотя данный списокъ таможеннаго тарифа выданъ на подляшскія коморы, но, повидимому, это едва-ли не такса, составленная для всего государства. Къ болѣе раннему времени относится устава на мыто Ковенской таможни (она безъ даты, но относится къ 50-мъ годамъ). Она заключаетъ въ себѣ таксу мыта на товары, провозимые черезъ Ковно. Она не вполнѣ совпадаетъ съ указанной выше таксой; въ однихъ случаяхъ расцѣнка совсѣмъ не сходится, въ другихъ она вдвое меньше сравнительно съ таксой, выданной на подляшскія коморы; напр., тарифъ на поставъ сукна лунскаго опредѣленъ въ 12 грошей вмѣсто 24 въ подляшской таксѣ, отъ постава сукна колтришового 6 грошей вмѣсто 12 и т. д. Это указываетъ на то, что ковенская такса имѣетъ ввиду только мыто съ литовскихъ купцовъ (Кн. Зап. Лит., XXXVI, л. 481). Наконецъ ко времени около 1569 г. относится еще такса на мыто, выданная арендатору волынскихъ мытъ Менделю Исаковичу около 1570 г. Эта устава представляетъ собою, вѣроятно, мѣстную расцѣнку ввозимыхъ товаровъ (Памятники Кіевской Комиссіи, II, р. 559 (2-ое изданіе). Вообще, цѣль и способъ составленія этой таксы не ясны. Такимъ образомъ, наиболѣе разработанной таксой является таблица, выданная на подляшскія коморы.

Отношеніе стараго и новаго мыта по этимъ предметамъ выражается слѣдующимъ образомъ [1]):

названіе товаровъ	старое мыто	новое мыто 1561 г.	тарифы 1566	1568	1569
отъ лашту пепелу	8 гр. 7 п.	96 гр.	—	3 зол. п.	3 зол. п.
„ 100 ванчосу	8 гр. 7 п.	48 гр.	—	2 зол. п.	2 зол. п.
„ 100 клепокъ	8 гр. 7 п.	96 гр.	—	3 зол. п.	3 зол. п.
„ шкута ржи [2])	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки ржи	—	2 гр.	—	3 гр.	3 гр.
„ шкута ячменя	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки ячменя	—	15 п.	—	2 гр.	2 гр.
„ шкута пшеницы	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки пшеницы	—	3 гр.	—	4 гр.	4 гр.
„ шкута овса	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки овса	—	2 п.	—	1 гр.	1 гр.
„ шкута гороху	360 гр.	—	—	—	—
„ бочки гороху	—	2 гр.	—	—	2 гр.
„ воловьей кожи	—	3 гр.	1 гр.	4 гр.	4 гр.
„ яловичьей кожи	0,24 гр.	2 гр.	1 гр.	4 гр.	—
„ козловой кожи	—	15 п.	1 гр.	1 гр. 6 п.	1 гр. 6 п.
„ юфти	—	3 гр.	1 гр. 6 п.	4 гр.	3 гр.
„ вола	4 гр.	12 гр.	3 гр.	12 гр.	12 гр.
„ яловицы	3 гр.	10 гр.	3 гр.	6 гр.	6 гр.
„ камня лою	2—4 гр. [3])	$2^1/_2$ гр.	1 гр.	2,5 гр.	3,5 гр.
„ камня воску	6 гр.	12 гр.	12 гр.	24 гр.	24 гр.
„ локтя полотна	0,016 гр.	2 п.	2 п.	—	—
„ локтя сукна	0,04 гр.	2 п.	—	2 гр.	—

Изъ Германіи въ Литву ввозились, главнымъ образомъ, сукна, шелкъ, соль, сельди, вина. Для примѣра возъмемъ нѣкоторые изъ этихъ товаровъ:

---

[1]) Надо помнить, что въ 1566—1568 гг. новое мыто взималось *одновременно* по тарифу 1561 и 1566 г.

[2]) Въ шкутѣ считали 350—450 бочекъ.

[3]) Разные сорта.

названіе товаровъ	старое мыто	новое мыто 1561 г.	тарифы 1566	1568 1569
отъ постава сукна лунскаго	24 гр.	—	—	18,4 гр.
„ локтя того же сукна	—	4 п.	—	—
„ постава колтришу	12 гр.	—	—	—
„ локтя колтришу	—	2 п.	—	—
„ п. с. амстердамскаго	12 гр.	—	—	—
„ локтя того же сукна	—	2 п.	—	4 п.
„ локтя пурпуръяну	$^5/_6$ гр.	5 п.	—	6 п.
„ п. с. цвикаускаго	8 гр.	—	—	8 гр.

Кромѣ того, по тарифу 1566 г. отъ всякихъ шелковыхъ тканей взималось по оцѣнкѣ по одному грошу съ копы; по тарифу 1561 г. отъ красокъ, мѣховъ, шелковыхъ тканей и дорогихъ суконъ взималось по оцѣнкѣ „десятый грошъ“, т. е. 10% оцѣночной стоимости товара; сверхъ того, тарифъ новыхъ мытъ устанавливаетъ пошлины на вина и пиво, которыя раньше провозились по общей оцѣнкѣ товаровъ. Соляничее отъ бочки соли взималось въ размѣрѣ 3 грошей, а по тарифу 1561 г.—9 грошей, по тарифу 1566 г.—13 грошей и по тарифу 1568—1569 гг.—12 грошей; насколько подымались таможенныя ставки при новомъ мытѣ, легко судить по пошлинѣ на сельди: по Ковенской уставѣ стараго мыта пошлина отъ бочки сельдей была въ 1 грошъ; тарифъ 1561 назначаетъ 24 гроша, тарифъ 1566 г.—5 грошей и тарифы 1568—1569 гг.—10 грошей. Въ понятіи стараго мыта временъ Сигизмунда Августа слились, какъ мы знаемъ, надбавки, сдѣланныя королемъ Сигизмундомъ I, съ старымъ мытомъ, взимавшимся до него; такъ, по таксѣ временъ великаго князя Витовта лаштъ пепелу оплачивался 4 грошами, а сотня клепокъ или ванчосу 4 и 6 грошами. Этотъ тарифъ держался въ теченіе всего XV вѣка, какъ это видно изъ жалобы прусскихъ купцовъ и изъ другихъ данныхъ [1]).

Въ Литву ввозились также такъ называемые турецкіе товары, т. е. пряности, восточныя ткани и предметы восточной утвари: впрочемъ, въ половинѣ XVI вѣка нѣкоторые виды пряностей уже дохо-

---

[1]) Акты Ю.-Зап. Рос., I, p. 26.

дили и черезъ Данцигъ. Для сравненія стараго и новаго тарифа на эти товары приведемъ для примѣра слѣдующія данныя:

названіе товаровъ	старое мыто	новое мыто		тарифы	
		1561 г.	1566	1568	1569
камень перцу	20 гр.	—	10 гр.	1 гр. (отъ фунта)	
фунтъ гвоздики	1 гр.	2 гр.	—	1,5 гр.	—
фунтъ мушкату	1 гр.	2 гр.	—	1,5 гр.	—
фунтъ шафрану	2 гр.	4 гр.	—	4 гр.	—
фунтъ цинамону	$1^1/_2$	2 гр.	—	—	—

Что касается московскихъ товаровъ, преимущественно мѣховъ, то новые тарифы ими не интересуются, конечно, потому, что война препятствовала торговлѣ. Добавимъ еще, что изъ предметовъ ввоза—золото, серебро, желѣзо, мѣдь, предметы вооруженія—никогда не подлежали никакому обложенію.

Приведенныя данныя о соотношеніи стараго и новаго тарифовъ говорятъ сами за себя и не требуютъ особенныхъ разъясненій. Они показываютъ, какое громадное напряженіе вызывала Ливонская война въ финансовомъ строѣ государства и какъ широко скарбъ прибѣгалъ къ этому источнику доходовъ: тарифъ новаго мыта иногда превышалъ старое въ 10, 20 и даже болѣе разъ.

Въ заключеніе настоящаго обзора исторіи таможеннаго тарифа слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что повышеніе или пониженіе ставокъ не вызывалось соображеніями экономическаго характера: скарбъ назначалъ размѣры пошлинъ, преслѣдуя чисто фискальныя цѣли. Сознаніе того, что таможенная политика можетъ служить цѣлямъ промышленнаго развитія страны, было почти чуждо представителямъ скарба; по другимъ поводамъ были приведены указанія на правительственное вмѣшательство въ область организаціи вывоза нѣкоторыхъ предметовъ потребленія [1], но эти факты имѣютъ слишкомъ малую связь съ таможенной политикой въ смыслѣ поддержанія производства.

---

[1]) Ср. стр 366.

10. Льготы и привилеи населенія по платежу мыть.

Дѣйствіе таможеннаго тарифа по отношенію къ разнымъ группамъ населенія подверглось существеннымъ изъятіямъ и ограниченіямъ. Изъятія эти носили или прекарный характеръ, потому что основывались на „милости и ласкѣ“ господаря великаго князя, или же представляли собою иммунитетъ, находившій оправданіе въ основныхъ законахъ страны. Изъятія имѣли или временный характеръ или же представляли собою вѣчистое право извѣстныхъ группъ населенія, составляли ихъ вольность. Изъятія могли падать на отдѣльныхъ лицъ или на цѣлыя корпораціи. Всякаго рода мыта, т. е. внѣшнія, внутреннія и торговыя, могли быть предметомъ иммунитета. Они часто объединяются и въ источникахъ, такъ что нѣтъ нужды разсматривать отдѣльно льготы по платежу мытъ торговыхъ, проѣзжихъ, головныхъ, старыхъ и новыхъ. Льготы на разные виды мытъ будутъ видны изъ изложенія, но интересъ заключается не въ томъ, отъ какихъ видовъ мытъ господарь давалъ освобожденіе, а въ выясненіи причинъ, формъ и роста иммунитетовъ.

Укажемъ сначала на простыя льготы, имѣвшія характеръ временныхъ. Такія льготы давались какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ корпораціямъ. Такъ, бургграбій гданскій, Маттей Цимерманъ получилъ въ 1507 году „вольность“ отъ платежа мытъ по всему великому княжеству литовскому до „живота“ [1]); эта привилегія освобождала его отъ торговаго мыта по всей господарской „отчинѣ“ [2]). Купецъ Болеманъ получилъ въ 1566 году отъ Сигизмунда Августа привилей на безмытный провозъ по 500 лаштовъ соли ежегодно тоже до „живота“ [3]) и т. д. Но громадная масса привилеевъ выдавалась на провозъ товара черезъ границу въ одинъ разъ [4]). Иногда безмытный провозъ товаровъ вызывался какимъ-нибудь особымъ условіемъ; такъ, татаринъ Карко получилъ освобожденіе у короля Александра отъ мыта и обѣстки, за что король велѣлъ ему „служити у зброи

---

[1]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 152.

[2]) ibidem, л. 181 об.

[3]) Кн. Зап. Лит., L, л. 36 об.

[4]) См., напр., списокъ лицъ, которымъ разрѣшенъ вывозъ воска, въ Актахъ Лит.-рус. госуд., I, р. 141 и др. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 16 об., 17 об., 18 об., 68 об., 41 об., 57 об. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 104 об., 329 об., 371, 588, 431.

на кони“; эта льгота была подтверждена татарину въ 1507 году королемъ Сигизмундомъ I [1]). Это—дача за службу; заслуги разныхъ лицъ очень часто награждались выдачею безмытныхъ листовъ [2]). Иногда также давались листы и по инымъ поводамъ. Турецкій купецъ Андрей грекъ получилъ въ 1540 году сбавку по платежу мытъ отъ своихъ товаровъ,—„для пріязьни собе брата нашого царя турецкого“, говоритъ по этому поводу въ своемъ листѣ король [3]). Нужно замѣтить здѣсь же, что льготы давались на безмытный проѣздъ не только по господарскимъ мытамъ, но также и по „князскимъ и по панскимъ и по боярскимъ“ [4]). Это все льготы, даваемыя отдѣльнымъ лицамъ по частнымъ поводамъ.

Но иногда города или цѣлые повѣты исхлопатывали себѣ льготы отъ мытъ на болѣе или менѣе продолжительное время. При этомъ различались безмытные листы на внутреннія и внѣшнія мыта. Обычная причина выдачи такихъ привилегій заключалась въ желаніи господаря облегчить жителей вслѣдствіе потерь, понесенныхъ ими, напр., въ военное время, отъ неурожая, пожаровъ и т. п. Такъ, Владимирскіе мѣщане получили въ 1560 г., вслѣдствіе пожара, на десять лѣтъ освобожденіе отъ мыта господарскаго и частновладѣльческаго со всякихъ товаровъ; по той же причинѣ льгота была въ

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 124.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 388 (кн. К. Острожскому), л. 431 (кн. Збаражскому) и др.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 33. Или вотъ еще приведемъ для примѣра универсалъ кор. Сигизмунда I о свободной торговлѣ въ Литвѣ купцу турецкому Серкизу Хачимовичу: „О чомъ же и посолъ нашъ великий ордынскій... Оникей Горностай и иные послы наши ордынскии насъ за нимъ жедали и поведили, ижъ, кгды они отъ насъ въ посельстве были посланы до Орды къ цару Перекопскому въ справахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ, тамъ деи тотъ купецъ цара Турецкого его милости Серкизъ многии приязни и повольности имъ чинить и въ многихъ речахъ къ нимъ ся у потребахъ ихъ скланяеть.. тотъ товаръ его, который онъ теперъ при собе маеть и што тыхъ часовъ съ панства нашого за границу до Каѳы повезеть, дозволили ему доброволне безмытне черезъ панство нашо провезти и впередъ коли колвекъ будеть воля его съ товары своими ехати торговати въ панство нашо Великое князьство Литовское, тогды завжды дозволили есмо ему тотъ товаръ свой, который будеть шацункомъ за триста копъ грошей стояти доброволне а безмытне до паньства нашого привозити и торговати“ (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 30).

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 124 Ср. Акты Ю. Зап. Рос., I, № 81. Листы писались на имя мытниковъ, господарскихъ дворянъ, князей, пановъ, земянъ, духовенства. Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 10, ср. л. 51 об.

1563 г. продолжена еще на четыре года [1]). Многіе изъ городовъ на восточной границѣ получали льготы отъ мытъ, потому что на тамошнемъ населеніи тяжело отзывалась подводная повинность. Мѣщане оршанскіе въ 1551 году указывали господарю,—„штошъ—дей они тыхъ часовъ ку великому знищенью и вбозству пришли съ тыхъ причинъ, ижъ частокроть черезъ тое мѣсто нашо гонцы и послы наши великіи и московскіе до насъ господаря и отъ насъ до Москвы зъ немалыми почты ходять, а они подводы завжды имъ дають кромь жадное помочи людей тыхъ, которые за предковъ нашихъ славное помети королей ихъ милостей суть даны нѣкоторымъ княземъ, паномъ и земяномъ нашимъ"; при этомъ, въ прошлые годы въ краѣ былъ большой неурожай. На этомъ основаніи мѣщане хлопочутъ о выдачѣ имъ привилея на нѣсколько лѣтъ безмытной торговли. Король, согласно ихъ челобитію, даетъ имъ на десять лѣтъ „доброволне а безмытне торговати у панствѣ нашомъ великомъ князьствѣ литовскомъ, где кольвекъ похочуть по ярмаркомъ нашимъ, и князьскимъ, и панскимъ, и духовнымъ, воденымъ и сухимъ путемъ" [2]), Ливонская война на востокѣ и татарскіе набѣги на южной Украинѣ дали поводъ къ выдачѣ безмытныхъ листовъ тамошнимъ городамъ. Такъ, мѣщане Мстиславскіе по этой причинѣ освобождены были въ 1567 г. на 3 года отъ мыта съ такимъ условіемъ, что каждый мѣщанинъ освобождался отъ платежа мыта по всему государству (отъ мыта головного, мостового, гребельнаго и подужнаго) на сумму товаровъ до 100 копъ грошей [3]). По той же причинѣ мѣщане Кричевскіе,—„для упадку, знищенья и шкодъ ихъ, которые-жъ они отъ людей непріятельскихъ приняли", тоже получили льготу по платежу мытъ; они получили льготу по платежу мыта „звыклого", побору новоуставленого, важчого, мостового и др. „до ласки господарской"; однако районъ безмытной ихъ торговли былъ ограниченъ бассейномъ Днѣпра, Припети и Сожи [4]). Городъ Любечъ получилъ льготу по платежу мыта всякаго рода отъ тѣхъ товаровъ, которые покупались мѣщанами „на потребу до места тамашнего" [5]). Суражане, вслѣдствіе

---

[1]) Бершадскій, II, 131—133 и др. примѣры въ томъ же сборникѣ и въ Актахъ Лит.-рус. гос.

[2]) Акты Ю Зап. Рос., I, р. 129. Ср. Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 103.

[3]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 161. Ср. Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LII, л. 183 об.

[4]) Акты Ю. Зап. Рос., I, р. 179.

[5]) Грамоты Антоновича, р. 92.

„знищенья и шкоды ихъ которую они отъ непріятеля нашого московскаго приняли“, получили въ 1563 г. льготу отъ мытъ звыклыхъ и побору новоуставленого на два года,—„ходечи сухимъ путемъ и воденымъ всякими товары окромъ восковничого и соляничого“ [1]). Гомельцы около того же времени получили на четыре года льготу отъ платежа мыта съ купеческихъ товаровъ [2]). Жители новооснованнаго Лепеля освобождены отъ мыта на десять лѣтъ [3]). Дисна, основывавшаяся около того же времени, получила въ 1566 г. на восемь лѣтъ безмытный листъ „сухимъ путемъ и воденымъ всякими товары, а особливо солью и воскомъ торговати, не даючи отъ того мыта звыклого и побору нововстановленого и тежъ мостового, подужного и важчого и пописованья товаровъ“ [4]). Въ 1569 г. мѣщанамъ разъяснено, что ихъ льгота дѣйствительна не только въ Литвѣ, но и въ предѣлахъ Ливоніи; при Дисненскомъ замкѣ была особая группа военно-служилыхъ людей—казаковъ; они тоже могутъ пользоваться вольностью, но при томъ условіи, если помогаютъ мѣщанамъ въ отбываніи городовой повинности [5]).

Въ концѣ 50 годовъ всѣ южные украинскіе замки получили право на безмытный провозъ „живности“, привозимой ими въ свои города, а также и отъ тѣхъ своихъ товаровъ, которые мѣщане везли, ѣдучи за покупкою живности. Такую привилегію получили мѣщане Канева [6]), Черкассъ [7]), Бѣлой-Церкви [8]); города Винница и Браславль получили тогда-же привилегіи болѣе общаго характера [9]). Такое облегченіе названнымъ городамъ сдѣлано, по словамъ привилеевъ, потому что здѣшніе мѣщане—люди украинные и имъ приходится ѣздить въ далекіе края за покупкою живности. Мѣстнымъ жителямъ приходилось терпѣть и еще особыя „шкоды“. Въ 1560 г. мѣщане Браславскіе жаловались господарю, „ижъ тыхъ часовъ татарове, уторгнувшы подъ замокъ нашъ Браславль, великие шкоды имъ въ маетностяхъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 74.
[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 325 об.
[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 263.
[4]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 97 об.
[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 222 об.
[6]) Акты Ю. Зап. Рос., II, p. 149.
[7]) Ibidem, p. 150.
[8]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 44 об.
[9]) Акты Ю. З. Р., II, p. 150 и 152.

ихъ почынили и немало братьи ихъ въ полонъ побравшы, до Орды повели, зачымъ они ку великому вбозству и знищенью прышли". Они просили объ освобожденiи отъ мытъ, и господарь освободилъ ихъ „отъ плаченья мытъ нашыхъ и тежъ князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и земянскихъ въ томъ панстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ и въ земли Волынской отъ всякихъ товаровъ"; и льгота эта дается „до певного часу" [1]).

Разсмотрѣнныя льготы (число подобныхъ примѣровъ можно было-бы весьма значительно увеличить, но въ этомъ едва-ли есть какая-нибудь надобность), хотя и предоставляются цѣлымъ группамъ населенiя, но являются лишь частными изъятiями временнаго характера.

Однако, среди городовъ были и такiе, которые не платили мыта на основанiи своихъ основныхъ привилегiй. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ пользовались абсолютной свободой отъ платежа мыта, другiе же пользовались частичными изъятiями. Къ числу послѣднихъ относятся города Смоленскъ, Луцкъ, Ковно. Такъ, по уставной грамотѣ Смоленску, мѣстные горожане не платили тамги; послѣдняя взималась только съ иногороднихъ гостей [2]). Это была, конечно, сравнительно незначительная льгота. Однако, въ 1500 году Смоленскiе мѣщане, согласно своему челобитiю, получили свободу отъ платежа мыта по всему государству въ теченiе 15-ти лѣтъ: каждый смольнянинъ долженъ быть пропускаемъ черезъ таможню при предъявленiи „листа мѣстского подъ ихъ печатью мѣстскою" [3]).

Весьма интересна длинная исторiя борьбы Луцкихъ горожанъ за пользованiе своими привилегiями по платежу мыта: эта борьба съ шляхтою отличалась весьма своеобразнымъ характеромъ. Старина мѣщанъ Луцкихъ заключалась въ томъ, что они не обязаны были платить вновь-устанавливаемыхъ мытъ. Эту привилегiю мѣщане получили отъ короля Казимира по слѣдующему поводу. Волынская шляхта установила въ своихъ имѣнiяхъ частныя мыта—такiя, которыхъ не было при великомъ князѣ Витовтѣ. Король Казимиръ, обсудивъ жалобу мѣщанъ, „отложилъ" новоуставленныя мыта на всѣхъ заставахъ, которыя установлены послѣ великаго князя Витовта. Но это,

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 405 об.—406.

[2]) Ясинскiй, р. 152.

[3]) Акты Зап. Рос., I, р. 209.

конечно, освобожденіе только отъ частныхъ мытъ, а не отъ головного [1]). Великій князь Александръ подтвердилъ мѣщанамъ грамоту своего отца: „не надобѣ имъ нигдѣ новыхъ мытъ платити"; они платятъ тамъ, гдѣ „зъ вѣку мыта плачивали" [2]). Однако, и въ послѣдующее время мѣщанамъ Луцкимъ приходилось жаловаться на установленіе волынскою шляхтою новыхъ мытъ и взиманіе ихъ съ мѣщанъ. По ихъ жалобѣ король Сигизмундъ I разсматривалъ вопросъ о правѣ шляхты на мыта [3]). Когда въ 1545 году ревизоры, по предписанію молодого великаго князя Сигизмунда Августа, составляли описаніе волынскихъ замковъ, то мѣщане Луцкіе представили имъ жалобу на установленныя шляхтою новыя „незвычайныя" мыта; ревизоры сдѣлали съ своей стороны постановленіе, утверждавшее грамоты Казимира, а по отношенію къ новымъ мытамъ потребовали предъявленія шляхтою королевскихъ привилеевъ, чего тѣ, однако, не пожелали сдѣлать [4]). Нѣсколько раньше мѣщане Луцкіе успѣли себѣ исхлопотать „вольность" отъ платежа мыта въ Городкѣ. Дѣло въ томъ, что съ утвержденіемъ этого послѣдняго мыта мѣщане Луцкіе, при своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ центральными областями государства, должны были платить головное мыто на двухъ таможняхъ—въ Луцкѣ и въ Городкѣ. По ихъ челобитію королева Бона освободила луцкихъ мѣщанъ отъ уплаты мыта въ Городкѣ, за исключеніемъ стараго городецкаго соляного мыта [5]). Основную привилегію луцкіе мѣщане получили въ 1552 году, когда король Сигизмундъ Августъ освободилъ ихъ отъ уплаты мыта стараго по всѣмъ путямъ государства, за исключеніемъ соляничаго и восковничаго; по словамъ привилея, они получили такую же вольность, какъ мѣщане Вильна и Кіева [6]), т. е. они освобождались отъ уплаты стараго головного мыта. Къ этому мы прибавимъ, что вольностью по платежу мытъ долгое время пользовались только мѣщане Луцкіе православнаго и католическаго вѣроисповѣданія, такъ какъ армяне и евреи обязаны были платить пошлины еще по привилею Луцкой землѣ, выданномъ королемъ Ягайлою въ 1432

[1]) Памятники Кіев. Арх. Ком., т. IV, отд. II, р. 125
[2]) Акты Зап. Рос., I, р. 175; ср Арх. Ю.-З. Рос, ч. V, т. I, р. 19.
[3]) Памятники, l. c., р. 136.
[4]) Ibidem, р. 123.
[5]) Кн. Зап. Лит., XVIII, л. 38 об.—39.
[6]) Архивъ Юго-Зап. Рос, т. V, ч. I, р. 222.

году [1]). Въ 1556 г. луцкіе евреи получили такую же льготную грамоту, какъ и остальные мѣщане [2]).

Привилегіи Кіева, Вильна, Трокъ, Полоцка и Витебска отличались болѣе общимъ характеромъ. Въ 1497 году кіевскіе мѣщане исхлопотали себѣ у великаго князя Александра „вольность“ отъ платежа мытъ по всему великому княжеству, какъ на сухихъ путяхъ, такъ и на водныхъ; эта льгота дана имъ потому, что мѣщане „не мають чимъ поживити ся и въспомочи“ вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ [3]). Сигизмундъ I подтвердилъ мѣщанамъ эту льготу въ 1506 году [4]); кіевскимъ мѣщанамъ были отпущены „мыта наши, и тежъ вси мыта князскіи, панскіи и боярскіи, духовныхъ и свѣтскихъ, сухимъ путемъ и водою, по всей отчизнѣ нашой великому князству Литовскому, вѣчно“ [5]). Подъ этимъ, несомнѣнно, разумѣлась льгота и отъ платежа головного мыта. Это разъясняется латинскимъ текстомъ привилея, выданнымъ въ 1516 г. (theloneum nostrum, quod solet exigi in finibus, ipsis praefatis civibus remittimus eosdem ex huiusmodi thelonei ex solutione eripimus) [6]). Впослѣдствіи эта льгота была распространена и на мыто въ Коронѣ Польской; однимъ словомъ, мѣщане кіевскіе „подле правъ и вольностей своихъ, отъ предковъ нашихъ славное памяти и отъ насъ господаря имъ наданыхъ, мыта отъ товаровъ своихъ не повинны нигде давати, и яко въ Коруне Польской, такъ и въ тутошнемъ паньстве нашомъ великомъ кнезьстве Литовскомъ за тою вольностью прывильями предковъ нашихъ они не дають“ [7]). Впрочемъ, несмотря на свои льготы, мѣщане кіевскіе не разъ должны были прибѣгать къ содѣйствію великокняжеской власти для того, чтобы избѣжать платежа мытъ при проѣздѣ черезъ шляхетскія имѣнія. Въ 1545 году великій князь Сигизмундъ-Августъ издалъ грозный универсалъ съ запрещеніемъ взимать отъ кіевлянъ мыто [8]). Капитула виленскаго костела св. Станислава взимала въ своемъ имѣніи Стрешинѣ мыто на кіевлянахъ, „не дбаючи о росказанье, и листы

---

1) Ibidem, p 2.
2) Кн. Зап. Лит., XXV, л. 69 об.
3) Акты Зап. Рос , I, p. 173.
4) Ibidem, II, p. 2.
5) Акты Ю.-Зап. Рос., I, p. 127.
6) Adam Chmiel, Zbiór и пр., p. 60—66.
7) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 158.
8) Акты Ю.-Зап. Рос., I, p. 120.

господарскіе". Когда кіевляне затѣяли въ 1558 году съ капитулою тяжбу объ этихъ „незвычайныхъ" мытахъ, то капитула все-таки отчасти добилась своего, такъ какъ господарь, не желая уменьшать костельныхъ доходовъ, позволилъ ей взимать мыто съ кіевлянъ по опредѣленной имъ самимъ таксѣ; за неисполненіе послѣдней господарь угрожаетъ каноникамъ виленскимъ штрафомъ въ 300 копъ грошей [1]). Впрочемъ надо замѣтить, что широкая привилегія кіевлянъ относится къ тѣмъ мытамъ,—по крайней мѣрѣ на частныхъ земляхъ,—которыхъ они не платили до полученія привилея 1497 года; это ясно изъ вырока 1511 года по дѣлу о взиманіи мытъ съ кіевлянъ на кляшторъ кіевскій: это мыто было дано кляштору еще Александромъ Владимировичемъ; кіевляне не протестуютъ противъ взиманія мыта, оспаривая только „новины", введенныя пріоромъ; король утвердилъ способы взиманія мыта „подлугъ давного обычая" [2]). Добавимъ, что несмотря на ясный смыслъ магдебургскаго привилея, за кіевлянами не всегда признавалась свобода отъ платежа мыта—именно на церковныхъ земляхъ; такое толкованіе исходило изъ высшихъ судебныхъ мѣстъ [3]).

Привилегія города Вильны очень древняго происхожденія. Грамота великаго князя Сигизмунда Кейстутьевича 1432 года ссылается на то, что виленцы „издавна" не платили мыта; поэтому и великій князь освобождаетъ мѣщанъ отъ мыта и торговыхъ пошлинъ въ слѣдующихъ городахъ: въ Луцкѣ, Кіевѣ, въ Подольской землѣ, Смоленскѣ, Берестьи, Минскѣ, Новгородкѣ и Ковнѣ „и по инымъ пакъ мѣстомъ, по рекамъ и по мостомъ, по ставомъ, гдѣ николи будуть мыта" [4]). Грамота великаго князя Казимира, подтверждая вышеизложенную, разъясняетъ, что виленцы не платятъ мытъ согласно пожалованію великаго князя Ольгерда и Ягайлы [5]). Дальнѣйшіе привилеи разъясняютъ и еще болѣе расширяютъ права виленцевъ. Грамота великаго князя Казимира 1443 года предписываетъ свободный пропускъ торговыхъ судовъ, принадлежащихъ мѣщанамъ, по рѣкѣ Виліи—отъ Вильны до Ковна, а также разрѣшаетъ имъ тянуть суда по обоимъ берегамъ этой рѣки, какъ на земляхъ частныхъ лицъ, такъ и

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 158.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 148.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, л. 94 об.

[4]) Собраніе древн. гр. и актовъ городовъ Вильны, Ковна и пр. Вильно, I, р. 2.

[5]) Ibidem, р. 6.

на господарскихъ [1]). Подтвердительная грамота на магдебургію 1441 года даетъ вольность мѣщанамъ въ Литвѣ, на Волыни, въ Подляхіи и русскихъ городахъ (послѣднее — исключительная льгота для XV вѣка)—liberam facultatem emendi et vendendi въ розницу [2]). Вскорѣ по вступленіи на польскій престолъ, Казимиръ въ 1452 году даетъ виленцамъ право безмытной торговли въ предѣлахъ Короны [3]). Послѣдующіе господари литовскіе неоднократно подтверждали права Вильны [4]). Виленцы были освобождены отъ всякаго рода таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ, но привилегія ихъ относилась только къ мѣщанамъ католическаго и православнаго вѣроисповѣданія. Сосѣдніе съ Вильной Троки тоже пользовались привилегіями, повидимому, такими же, какъ и Вильно [5]) и тоже съ очень древняго времени; великій князь Александръ сравнялъ права трокскихъ евреевъ по безмытной торговлѣ съ правами мѣщанъ виленскихъ и троцкихъ [6]). Вольность отъ мытъ городовъ Вильны и Трокъ понималась только какъ свобода отъ торговыхъ и проѣзжихъ пошлинъ и какъ свобода розничной торговли: оба города платили пограничное мыто [7]).

Названные города получили свои льготы въ силу великокняжеской привилегіи.

Иное происхожденіе имѣли „вольности" городовъ Витебска и Полоцка: онѣ основывались на областной „старинѣ" этихъ земель и такимъ образомъ, отражаютъ въ себѣ порядки до-литовскаго періода, Полочане и Витебляне продолжали вести сношенія по торговымъ дѣламъ съ нѣмцами вполнѣ самостоятельно; мытными доходами пользовалась сама городская община. Это видно не только изъ ея права сношеній, но также и изъ того мѣста Смоленской уставной грамоты, которое указываетъ, что Полочане могли налагать мыто на Смольнянъ [8]). Уставныя грамоты категорически освобождаютъ Витеблянъ и Полочанъ отъ платежа мытъ „вѣчно" „по всей нашей державѣ" [9]). Это

---

[1]) Ibidem, p. 10.
[2]) Ibidem, p. 9.
[3]) Ibidem, p. 16.
[4]) Напр., ibidem, p. 14, 23.
[5]) Ibidem, II, p. 166.
[6]) Бершадскій, I, p. 131.
[7]) Акты Ю.-З. Р., I, p. 26.
[8]) Ясинскій, p. 156.
[9]) Ibidem, p. 152; ср. прим. 247.

означало именно освобожденіе отъ провозныхъ пошлинъ. Въ привилеѣ 1510 года городу Полоцку на магдебургское право разъясняется, что мѣщане полоцкіе вольны „отъ мыта сухимъ путемъ и водою, черезъ все князьство великое Литовское, какъ же Вильневцы и Трочане“ [1]). Здѣсь также необходимо обратить вниманіе, что обѣимъ общинамъ отпускалось мыто въ вотчинѣ, державѣ господарской; этимъ давалась льгота по платежу мытъ въ предѣлахъ литовскихъ областей. Въ предѣлахъ же своихъ областей Полочане и Витебляне платили мыта; такъ, въ Полоцкой землѣ на нѣкоторыхъ мѣстахъ взималось мыто къ воеводству, и Полочане обязаны были „здавна“ его платить [2]).

Практика показываетъ однако, что съ развитіемъ объектовъ обложенія устанавливались въ Витебскѣ и Полоцкѣ такіе таможенные сборы, которые не входили въ понятіе „старины“ областей. Признавая законность льготъ Полочанъ и Витеблянъ по платежу мыта, скарбъ всегда взималъ здѣсь восковничее и соляничее мыто. Такимъ образомъ „вольность“ Полочанъ заключалась въ свободѣ отъ платежа мыта стараго на всѣхъ коморахъ и прикоморкахъ вел. кн. Литовскаго [3]), а привилегіи Витеблянъ освобождали ихъ отъ платежа того же мыта въ Литвѣ, Польшѣ и Ливоніи [4]).

Эти привилегіи не освобождали мѣщанъ Витебска и Полоцка отъ платежа пошлинъ, не входившихъ въ понятіе „стараго“ мыта. Такъ, при королѣ Александрѣ въ обоихъ городахъ появляются соляныя и восковыя коморы, и съ тѣхъ поръ Витебляне и Полочане платили восковничее и соляничее [5]).

Новыя мыта, установленныя королемъ Сигизмундомъ I, повидимому, не коснулись Полочанъ и Витеблянъ. Но въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ была сдѣлана попытка нарушить старину этихъ городовъ и привлечь ихъ къ болѣе широкому участію въ платежѣ мытъ. Въ одной изъ книгъ Метрики есть замѣтка о трехъ листахъ, выданныхъ въ 1559 году изъ скарбовой канцеляріи мытнику полоцкому и витебскому: содержаніемъ перваго листа было предписаніе Полочанамъ и Витеблянамъ платить мыта по господарской уставѣ такъ же, какъ его платятъ во всемъ госу-

---

[1]) Акты Зап. Рос., т. I, р. 78.

[2]) Кн. Зап. Лит., XIV, л. 107. Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, л. 214—215.

[3]) Акты Виленскіе, VIII, р. 235.

[4]) Акты З. Р., IV, р. 167.

[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, л. 214—215.

дарствѣ; если же у мѣщанъ имѣются „вызволеные“ листы, то они должны быть представлены на разсмотрѣніе государя; второй листъ заключалъ въ себѣ предписаніе „всѣмъ подданымъ господарскимъ, княжескимъ, панскимъ и купцамъ“ платить мыто „водле уставы“, а третій листъ заключалъ въ себѣ такое же предписаніе иностранцамъ [1]). Послѣдніе два листа носятъ общій характеръ: всѣ обыватели этихъ земель, не принадлежащіе къ мѣстному праву, привлекались къ платежу мыта; первый листъ дѣлаетъ попытку обложить и мѣщанство названныхъ городовъ. Это распоряженіе вызвало протесты со стороны населенія и тяжбы его съ мытниками. Во время одного процесса мѣщане заявляли, что „водле давного обычаю мещане витебские неповинни тамъ у Полоцку мыто отъ товаровъ платити, только восковничое а соляничое; по томужъ и з Ифлянтъ купцы мыто не платять тамъ“ [2]). Пани Кишцина жаловалась на мытниковъ за взиманіе мыта отъ ея подданыхъ: „а они дей,—жаловалась пани,—только отъ воску а отъ соли мыто давати повинни потому, яко то *во всей земли Полоцкой* заховываетъ“; король приказалъ мытникамъ руководиться стариной [3]).

Наибольшимъ интересомъ отличается господарскій вырокъ 1559 года между мѣщанами витебскими и мытникомъ Феликсомъ. Такъ какъ мѣщане не желали платить мыто, то мытникъ обратился съ жалобою къ королю. Послѣдній велѣлъ навести справки. Витебляне представили листы Александра и Сигизмунда I, коими имъ отпущено мыто по всей отчинѣ великому княжеству Литовскому; они представили также и судебный вырокъ пана Ивана Горностая, разсматривавшаго болѣе раннее дѣло по такому же поводу и вынесшаго рѣшеніе, что Витебляне не обязаны платить мыто отъ своихъ товаровъ, за исключеніемъ воска и соли. Въ разсматриваемомъ вырокѣ король, между прочимъ, заявляетъ, что въ привилеяхъ нѣтъ указаній на вольность отъ мыта „за границу до Риги“. Однако король рѣшилъ держать Витеблянъ при старинѣ; онъ освободилъ ихъ отъ мыта со всякихъ товаровъ и отъ пепелу, выработаннаго въ собственныхъ мѣщанскихъ лѣсахъ или вообще въ частновладѣльческихъ; только соляни-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 222. Полныхъ текстовъ этихъ листовъ нѣтъ въ книгахъ Метрики: разъ въ книгахъ отмѣчается запись о выдачѣ листа изъ канцеляріи, то копія листа въ книгу не заносится.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XL, л. 39.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 338 об.

чее и восковничее мыто мѣщане обязаны „по давному“ платить [1]. Такимъ образомъ, эти старинные русскіе города не платили стараго мыта до конца изучаемаго періода.

Весьма понятно, что „вольность“ отъ стараго мыта не избавляла мѣщанъ и всѣхъ жителей Полоцкой и Витебской земель отъ платежа новаго мыта, установленнаго въ 1561 году и послѣдующіе годы. Но тутъ правительство попало въ затруднительное положеніе: какъ-разъ театръ военныхъ дѣйствій локализировался въ районѣ обѣихъ областей. Жителямъ не легко приходилось особенно потому еще, что Витебскіе и Полоцкіе мѣщане несли военную службу. Господарю пришлось предоставить имъ большія льготы по платежу новаго побора.

4 іюня 1561 г. Витебскіе мѣщане получили грамоту на льготу по платежу новаго побору. Мѣщане присылали бурмистровъ и радецъ къ господарю съ просьбою не взимать съ нихъ новоуставленнаго побора. „Ино ижъ тотъ поборъ на потребу Речи Посполитое постановенъ, прото ачъ негодилося его королевской милости того побору отпускати“, но „для службы ихъ“ на замкѣ и вслѣдствіе шкодъ, принесенныхъ имъ московскими войсками, господарь уменьшаетъ имъ поборъ. Именно онъ постановляетъ взимать съ Витеблянъ: отъ лашту пепелу, идущаго къ Ригѣ, по 1 талеру, отъ воску, лою, конопель, сельдей, прѣснаго меду, кожъ и отъ всякихъ другихъ товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы или ввозимыхъ въ государство, даютъ по оцѣнкѣ—по 3 гроша отъ копы грошей. При продажѣ товаровъ внутри государства Витебляне не платятъ мыта. Отъ желѣзныхъ товаровъ, пороха и др. предметовъ, необходимыхъ въ военномъ дѣлѣ,—пошлинъ не взимается; но отъ стали и желѣза на „домовые потребы“ и отъ олова—должны платить пошлины по той же разцѣнкѣ. Отъ произведеній ремесленниковъ, продаваемыхъ внутри государства, пошлинъ не платятъ. Однако Витебляне не свободны отъ уплаты тѣхъ же пошлинъ при торговлѣ иностранными товарами на внутреннихъ рынкахъ, но платятъ налогъ всего одинъ разъ [2]. 9 іюня того же года такой же листъ получили и Полочане и по той же причинѣ [3]; затѣмъ 9 сентября князья Мстиславскіе для мѣщанъ ихъ города Друи [4]) и 23 ноября Кіевскіе мѣщане [5]).

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 74—75.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XLV, л. 18 об.—20 об.

[3]) Ibidem, л. 20 об.—22. Ср. л. 44 об.

[4]) Ibidem, л. 39—41.

[5]) Ibidem, л. 42—43 об.

Вообще при введеніи новыхъ мыть, по существу гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ старыя, купцы попадали въ затруднительное положеніе. Дисна, какъ мы знаемъ, имѣла широкія льготы по платежу мыть. Поборъ 1566 г. уничтожалъ всякія изъятія. Господарь потребовалъ къ себѣ представителей города для обсужденія того, какую бы льготу предоставить Диснѣ, потому что мѣщанамъ приходится платить новыя пошлины [1]); но, не дожидаясь пріѣзда уполномоченныхъ, господарь издалъ слѣд. постановленіе: поборцы будутъ ежегодно передавать извѣстную сумму денегъ мѣстному старостѣ для распредѣленія ея среди мѣщанъ, взамѣнъ потерь мѣщанъ по платежу новаго побору [2]) (выдаваемая сумма, очевидно, шла на счетъ господарскаго скарба). Впрочемъ, мѣщане въ слѣдующемъ 1567 г. добились освобожденія отъ мыть [3]).

Разсмотрѣнные виды льготъ по платежу мыта даютъ примѣры изъятій или для отдѣльныхъ лицъ, или для отдѣльныхъ городскихъ общинъ, за исключеніемъ „старины“ Витебской и Полоцкой областей. Но съ теченіемъ времени цѣлое шляхетское сословіе добилось освобожденія отъ платежа пошлинъ.

Земянство добилось въ свою пользу извѣстныхъ изъятій по платежу пошлинъ только къ концу изучаемаго періода, такъ что до этого времени товары, принадлежавшіе шляхтѣ, оплачивались мытами. Достаточно сослаться на тотъ общеизвѣстный фактъ, что шляхта провозила свои товары черезъ границу безъ мыта только по спеціальнымъ господарскимъ листамъ. Первый Статутъ совсѣмъ молчитъ о какихъ бы то не было привилегіяхъ шляхтѣ по платежу мыта, и это потому, конечно, что таковыхъ не было. Только въ періодъ между первымъ и вторымъ Статутами шляхта начинаетъ усиленно добиваться безмытнаго пропуска товаровъ. До этого времени мы встрѣчаемъ только отдѣльныя изъятія для шляхты нѣкоторыхъ областей; такъ, напримѣръ, паны и князья Волынской земли по уставной грамотѣ имѣли привилегію такого рода, что люди ихъ не обязаны платить торговыхъ мыть на „новыхъ торгахъ“, но платятъ старыя мыта [4]); здѣсь ничего еще не говорится о свободѣ самой шляхты. Подобную льготу выхлопотали себѣ бояре, князья и все земянство

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 92 об.

[2]) Ibidem, л. 93.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит, LIII, л. 82.

[4]) Ясинскій, р. 157.

Мстиславскаго и Радомскаго повѣтовъ: люди ихъ освобождены были Сигизмундомъ I въ 1541 году отъ торговыхъ сборовъ [1]). Изъятіе въ пользу собственно земянства мы встрѣчаемъ только по отношенію къ полоцкому боярству, и это вполнѣ понятно, такъ какъ вольность отъ мытъ, по уставной грамотѣ, получена всею землею. Однако, по отношенію къ горожанамъ вольность отъ мыта понималась болѣе широко, чѣмъ по отношенію къ боярству. Въ этомъ легко убѣдиться изъ грамоты великаго князя Александра 1499 года: она разрѣшаетъ боярству вывозъ въ Ригу хлѣба, пепелу и смолы подъ тѣмъ условіемъ, если эти продукты выработаны на ихъ собственныхъ земляхъ [2]). Это постановленіе интересно еще и въ томъ смыслѣ, что оно является прототипомъ послѣдующихъ обще-шляхетскихъ вольностей.

Шляхта добилась нѣкоторыхъ льготъ путемъ частыхъ обращеній на сеймахъ къ королевской власти объ облегченіи отъ мытъ или о полномъ отъ нихъ освобожденіи. Уже въ 1542 году жмудская шляхта жаловалась на появленіе „ново установленныхъ мытъ“, которыхъ не было „за предковъ господарскихъ“ [3]); не трудно догадаться, на какія мыта въ данномъ случаѣ жаловалась чуткая къ своимъ правамъ жмудская шляхта: она, конечно, имѣла ввиду мытныя коморы, устроенныя на земляхъ королевы Боны. На сеймѣ 1551 года шляхта подняла вопросъ о безмытномъ пропускѣ збожья изъ шляхетскихъ гуменъ, и также о вольномъ пропускѣ лѣсныхъ товаровъ изъ шляхетскихъ имѣній. По первому пункту король отвѣтилъ весьма уклончиво, обѣщая навести справки, „яко ся передъ тымъ тыи рѣчи заховывали“ и отложилъ свой отвѣтъ; по второму пункту король постановилъ, что шляхта можетъ вывозить лѣсные товары, сработанные собственнымъ „накладомъ“ шляхтою и въ ея же имѣніяхъ, отмѣнивъ такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ монополію лѣсной торговли, установленную въ 1548 году [4]). На томъ же сеймѣ волынская шляхта подняла даже вопросъ о полной отмѣнѣ мытъ „зъ речей власныхъ князьскихъ и панскихъ и земянскихъ“. Король однако отвѣтилъ, что онъ согласенъ отмѣнить мыто съ тѣхъ предметовъ, съ которыхъ и раньше оно не взималось, и обѣщалъ отдать приказаніе мытни-

---

[1]) Акты Ю.-Зап. Рос., I, р. 131.
[2]) Акты Зап. Рос., I, р. 200.
[3]) Ibidem, II, р. 387.
[4]) Ibidem, р. 29.

камъ, чтобы они брали мыто согласно уставѣ [1]). Жомойтская шляхта на томъ же сеймѣ ограничилась болѣе скромной просьбой—объ уничтоженіи частно-владѣльческихъ мытъ; но господарь оставилъ дѣло „по старому“ [2]). На сеймѣ 1554 года вопросъ о мытахъ подымался нѣсколько разъ. Волынская шляхта просила о безмытномъ пропускѣ въ Данцигъ хлѣбовъ и лѣсныхъ товаровъ, въ чемъ однако ей было отказано. За то ея подданые, согласно другой просьбѣ, освобождены отъ торговаго мыта съ зерноваго хлѣба въ Луцкѣ, Владимірѣ и Торчинѣ [3]). Жомойтская шляхта просила объ освобожденіи отъ мыта на границѣ съ вывозимыхъ продуктовъ изъ ея собственныхъ имѣній и отъ ввозимыхъ ею изъ-за границы товаровъ на свой „пожитокъ“; господарь однако довольно ядовито на это отвѣтилъ, что шляхетское званіе не совмѣстимо съ занятіемъ торговлею. Такимъ же характеромъ отличается и отвѣтъ господаря по поводу просьбы о безмытномъ переѣздѣ на перевозѣ на Виліи подъ Ковною [4]). И въ общемъ сеймовомъ рецессѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же вопросами, причемъ однако господарь остался при старинѣ [5]). Не добившись желательныхъ результатовъ на предшествующихъ сеймахъ, шляхта продолжаетъ свои просьбы и на сеймѣ въ 1559 году. Но теперь только что начавшаяся Ливонская война сдѣлала короля уступчивѣе. Въ рецессѣ этого сейма мы встрѣчаемъ весьма важное постановленіе по интересующему насъ вопросу. Король согласился совершенно освободить шляхту отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ за вывозимые ею продукты собственнаго производства—лѣсъ, збожье и скотъ, подъ условіемъ шляхетской присяги, свидѣтельствующей о происхожденіи товаровъ [6]). По поводу отдѣльной просьбы Жомойтской земли король пояснилъ, что шляхта обязана однако уплачивать мыто съ ввозимыхъ ею товаровъ изъ-за границы, кромѣ „речей шляхецкихъ“—оружія и лошадей [7]). Постановленіе сейма 1559 года вошло цѣликомъ въ составъ основныхъ законовъ страны и закрѣплено вторымъ Статутомъ (Раз. I, арт. 26). Никакія отклоненія отъ этого постановленія не

---

[1]) Ibidem, p. 42.
[2]) Ibidem, p. 39.
[3]) Ibidem, p. 66.
[4]) Ibidem, p. 62.
[5]) Ibidem, p. 54.
[6]) Ibidem, p. 98.
[7]) Ibidem, p. 162.

допускались [1]). На коморахъ установилась сложная процедура разслѣдованія о томъ, принадлежитъ ли товаръ дѣйствительно шляхтичу. Такимъ образомъ развитіе шляхетскихъ вольностей отразилось и въ данномъ случаѣ: шляхта освободилась отъ платежа *стараго* господарскаго мыта.

Разумѣется, всѣ классы общества, не обладавшіе общими или частными привилегіями, обязаны были платить пошлины. Это само собою разумѣлось, хотя иногда для нѣкоторыхъ классовъ общества встрѣчаемъ отдѣльныя указанія на эту обязанность. Такъ, напримѣръ, великій князь Витовтъ въ извѣстномъ своемъ привилеѣ литовскимъ евреямъ подтверждаетъ обязанность послѣднихъ платить мыто [2]). Король Ягайло въ своемъ привилеѣ Луцкой землѣ 1432 года обязываетъ мѣстныхъ евреевъ и армянъ платить мыто [3]).

Свобода отъ платежа мыта, кому-бы она не давалась и каковы бы не были ея условія, всегда была личнымъ правомъ; это право не переходило на подданыхъ и вообще на людей зависимыхъ отъ лицъ, которыя имъ пользовались; поэтому подданые шляхты платили мыто [4]). Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ очень рѣдкія исклю-

---

[1]) Вотъ, напр., какія условія ставятъ въ этомъ отношеніи арендные контракты: отъ шляхетскихъ товаровъ не берутъ мыта—„такъ изъ заграничя до Великого князства пропущати тежъ от всякого збожья и товаровъ лесныхъ и иныхъ всякихъ товаровъ, которые бы водою пропущаны были и которые бы закуплены або куплены были зъ пущъ и з гуменъ чужыхъ а з Великого князства Литовского за границу были проважоны або водою спущаны, отъ таковыхъ всихъ товаровъ лесныхъ и гуменныхъ маетъ быти давано перший поборъ и новоустановленный у Берести; пакли бы хто купецькое або чужое роботы товаровъ лесныхъ або якихъ колвекъ иныхъ товаровъ пропустилъ безъ мыта и побору за свое властное, тотъ при томъ и свои товары тратитъ, хотя бы ихъ и продалъ былъ. Гдебы тежъ свои пущи або збожя в гумне купцу або кому колвекъ запродалъ, а тотъ потомъ за свое властное пропустилъ, таковый кождый также все то тратитъ; а естли бы который шляхтичъ в кого збожье або пущу ку роботе товаровъ лесныхъ купилъ або закупилъ, тогды и тотъ таковый шляхтичъ, яко и кождый купецъ, повиненъ будетъ мыто и поборъ дати. Ведже хто жъ колвекъ з становъ болшихъ и меньшыхъ зъ своихъ властныхъ именей купленыхъ и зоставныхъ въ пущахъ своихъ товары робечы властнымъ своимъ накладомъ а не складаючыся съ купцомъ и съ кимъ инымъ, або збожье зъ властныхъ гуменъ своихъ и сами за границу пускали, таковые отъ товаровъ своихъ вшелякихъ того побору уставленого давати не маютъ“ (Кн. Пер. Лит., X, л. 4 об.—6).

[2]) Бершадскій, I, р. 11.

[3]) Архивъ Ю.-Зап. Рос., ч. V, т. I, р. 2.

[4]) Напр., въ тамож. Берестейской книгѣ встрѣчаемъ Случанина. Вил. Арх. Сборникъ, IV, р. 254 и т. д.

ченія. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій имѣлъ особыя привилегіи, по которымъ онъ самъ собиралъ головное мыто съ своихъ подданыхъ [1]). Впрочемъ, эта льгота была частью уступлена княземъ господарю, такъ какъ по заключенному между ними условію подданые князя должны были платить мыто отъ воска и скота [2]): дѣйствительно уже съ 40 годовъ мытники волынскіе собираютъ мыто тамъ, гдѣ князь Константинъ „по имѣніямъ своимъ на себе бiралъ старое, восковое и соленое“ [3]). Въ предѣлахъ Полоцкой и Витебской земель, какъ мы уже видѣли, привилегія всей земли распространялась и на земянскихъ подданыхъ. Впрочемъ, и здѣсь землевладѣльцы иногда исхлопатывали себѣ особые привилеи: такъ князья Масальскіе имѣли освобожденіе отъ короля Александра по платежу ихъ поддаными воеводскихъ мытъ на Сожѣ и Диснѣ [4]).

Если принять въ разсчетъ групповыя и классовыя вольности отъ мытъ, а въ особенности всѣ частныя изъятія, которыя выдавались иногда очень щедро, то не трудно предвидѣть, что всѣ эти льготы не легко отзывались на таможенныхъ доходахъ. Учетъ потерь, которыя несъ скарбъ, производился такимъ образомъ, что мытники получали изъ арендной платы ту сумму, которую они потеряли на пропускѣ товаровъ по безмытнымъ листамъ. Такой разсчетъ дѣ-

[1]) Привилегіи князей Острожскихъ такъ опредѣляетъ одна грамота: князьямъ „въ замку Острозскомъ мыто скопное трыдцатое подано, яко и въ месте нашомъ Луцкомъ, и то привильемъ короля его милости пана отца нашого имъ потвержено и три ярмарки тамъ жо увъ Острозе: одинъ на день светого Онофрея, а другий на святый Миколай передъ Божьымъ Нароженьемъ, а третий ярмарокъ на Три Кроли, на которомъ потверженьи его кролевской милости тежъ описано, ижъ до того замку ихъ Острога на тыи ярмарки и безъ ярмарковъ мають купцы съ куплями своими зо Львова, съ Каменца, съ Киева, съ Волоское земли и зъ иншихъ замковъ и земль нашихъ и тежъ съ чужихъ сторонъ ездити дорогами вечными стародавными безъ жадного нагабанья мытников луцкихъ водлугъ стародавного обычаю такъ часу ярмарковъ, яко и безъ ярмарковъ зиме и лете волность мети приехати и отъехати безъ плаченья мыта луцкого; а которыи бы колвекъ купцы, отправившы ярмарки свои ув Острозе, до панства нашого князьства Великого Литовского стародавною дорогою черезъ землю и черезъ села повету Луцкого шли, не займуючи замку и места Луцкого, тые мають волное проеханье отъ мытниковъ луцкихъ, ижъ мытники не мають ихъ гамовати и мыта на нихъ вытегати, а которые бы купцы ехали мимо Острогъ, а заняли именей и земль острозскихъ, тыи мають острозское мыто заплатити“ (Кн. Запис. Лит., XXX, л. 82 об.—83; ср. л. 118 об.).

[2]) Бершадскій, I, р. 210.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 137 об.

[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXIV, л. 109.

лался обыкновенно по листамъ частнаго характера: „а коли кому зъ ласки нашое отпустимъ мыта Луцкого въ тыхъ чотырехъ годехъ, маетъ онъ (т. е. мытникъ) то записати и што мело того мыта прійти, то маемъ ему оттрутити въ тые наши пенязи въ тую суму",—говоритъ одинъ изъ арендныхъ контрактовъ [1]). Иногда опредѣляется форма безмытныхъ листовъ, по которымъ оплачиваетъ скарбъ [2]). Такого рода условія мы встрѣчаемъ и въ массѣ другихъ контрактовъ, иногда съ тѣми или иными ограниченіями; напримѣръ, по контракту 1563 года на аренду волынскихъ мытъ скарбъ обязанъ оплатить всѣ безмытные листы, кромѣ листовъ, выданныхъ турецкимъ купцамъ [3]). По контракту 1569 г. оплачивались листы купцовъ турец-

[1]) Кн. Зап. Лит., V, л. 327.

[2]) Такъ, напр., въ контрактѣ на аренду мытъ Воловичу и Ходкевичу король обѣщаетъ не выдавать впредь безмытныхъ листовъ, но „ведже кому быхмо з особливое ласки нашое таковую вольность на листехъ нашихъ *с подписью руки нашое* дали и штобы справцы ихъ милости и тотъ мытникъ нашъ за таковыми листы нашыми пропустили, тогды мы то все за оными листы нашыми, або за квитами тыхъ, кому за тою волностью што пропустимъ и штобы отъ тыхъ речей побору пришло, на личбе в скарбе нашомъ то приймовати казати маемъ; однако жъ на которомъ листе нашомъ на таковую волность и того доложоно не будеть, же то, на што волность дана, на личьбе въ скарбе нашомъ будеть принято, на таковые листы не повинни пропущати, такъ же и на иные листы, которые бы без подпису руки нашое господарское до нихъ были выданы, не маютъ никому ничого пропусчати безъ заплаты поборовъ земскихъ" (Кн. Переп. Лит., X, л. 4 об.—6 об.).

[3]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 289 об. Болѣе сложное по тому же вопросу встрѣчаемъ постановленіе въ одномъ контрактѣ 1569 г.: „а где бы въ томъ часе аренды ихъ купецъ цесара Турецкого або воеводы Волоского за листы писаньемъ ихъ до насъ черезъ панство нашо до Москвы або зъ Москвы едучи притрафился, съ таковыхъ товаровъ властныхъ цесара Турецкого и воеводы Волоского ниякого побору брати и въ скарбе нашомъ стручати за то ничого не маютъ; ведже иные купци турецкие и волоскии, которые при послехъ зъ своими товары ити будутъ, тотъ поборъ увесь сполна, яко иные купцы, давати будутъ повинни, не щитечися ничимъ. Ктому кгды купцы московскии, которые при послехъ и гонъцохъ до панства нашого приходятъ и не даютъ поборовъ отъ товаровъ своихъ, въ чомъ бы великая шкода мусила быти, где бы ся тому обычай нашолъ, якожъ не чинечи новины купцомъ московскимъ въ панстве нашомъ для нашихъ купцовъ въ земли Московской,—прото хто бы колвекъ зъ нашыхъ подданыхъ купцовъ московскихъ на перекупъ товары покупилъ, которые при послехъ привезуть, таковые повинни будуть тотъ товаръ купленый передъ справцами поборовыми оповедати и поборъ отъ нихъ дати водле уставы нашое. А хтобы колвекъ своволне побору не плативши на коморахъ и прикоморкахъ мытныхъ и поборовыхъ давныхъ и новыхъ уставленыхъ не оповедавшы справцамъ поборовымъ ку шкоде скарбу нашого съ товаромъ за границу поехалъ, таковый увесь товаръ, яко промыта, маетъ забиранъ быти, которое промыти половицу до скарбу нашого тратитъ, а половица ихъ милости, яко арендаромъ, маетъ приходити" (Кн. Переп. Лит., X, л. 4 об.—6 об.).

кихъ, мытниковъ и пушкарей, а за шляхетскіе—общій счетъ [1]). По контракту 1568 года на аренду Полоцкой коморы, оплачиваются только такіе листы, въ которыхъ дается льгота по вывозу и ввозу товаровъ и т. д. [2]). Но въ контрактахъ обыкновенно не оговариваются тѣ безмытные пропуски товаровъ, которые принадлежать цѣлымъ корпораціямъ и составляютъ ихъ право, напримѣръ Полочанамъ и др.: за нихъ скарбъ не дѣлалъ вычета, такъ какъ существованіе всѣхъ такихъ льготъ было извѣстно заранѣе и, слѣдовательно, принималось въ разсчетъ при заключеніи аренды. Шляхетскіе безмытные листы подлежали оплатѣ изъ скарба до 1569 г. [3]), т. е. даже въ теченіи тѣхъ годовъ, когда свобода отъ платежа мытъ была уже правомъ шляхты. Но такой порядокъ признанъ былъ неудобнымъ, и скарбъ сталъ уменьшать арендную плату съ мытъ [4]).

Зато въ арендныхъ контрактахъ мы находимъ условія, по которымъ правительство въ той или иной мѣрѣ уничтожаетъ силу безмытныхъ листовъ,—иногда на извѣстное только время, а иногда совсѣмъ; послѣднее относится обычно только къ частнымъ привилегіямъ, но отмѣна льготъ иногда распространялась и на основныя привилегіи городовъ. Такъ, при арендѣ въ 1505 г. луцкаго мыта была отмѣнена (на срокъ аренды) льгота городамъ: „Тежъ которымъ

---

[1]) Кн. Пер. Лит., X, л. 28 об.

[2]) Кн. Пер. Лит., X, л. 14 об.

[3]) Ibidem, л. 19

[4]) Контрактъ 1569 г. на аренду Подляшскихъ мытъ объясняетъ эту перемѣну слѣд. образомъ: ... „Але ижъ водле звичаю стародавного отъ збожья и товаровъ лесныхъ шляхетскихъ мыто старое было даивано, а потомъ уфалами соймовыми тыи мыта отъ збожья и иншыхъ товаровъ властныхъ шляхетскихъ домовыхъ а не купленыхъ, зъ ласки нашое господарское зложоно и вжо вольно товари шляхетские бываютъ проважоны, тогды першые мытники съ тыхъ же сумъ, которие водле арендъ своихъ до скарбу нашого поступовали за таковые товары шляхетские водле квитовъ шляхетскихъ немалую суму пенязей стручали и оные квиты шляхетские вместо готовыхъ пенязей въ скарбе нашомъ клали, въ чомъ ся великая шкода до скарбу нашому деяла, а праве мало не вси сумы аренды мытное таковыми квитами гинули, тогды мы, господарь, то ижъ первей и товари шляхетские въ шацунокъ мытъ укладаны бывали, а теперь вжо за поднесеньемъ ихъ въ скарбе нашомъ водле квитовъ шляхетскихъ съ плаченья аренды пенежное вытручаны бываютъ, бачечы а болшей затрудненья и шкоды таковымъ вытрученьемъ скарбу нашому не зычачы съ тое сумы за мыта верху помененые обрахованое и въ семъ листе нашомъ сумою вышей описаное взглядомъ тыхъ волностей шляхетскихъ на кождый годъ по шести сотъ копъ грошей вытрутивши зостануть винни“ (ididem, л. 30).

есмо местомъ нашимъ первей того были мыта наши отпустили, ино и тыхъ местъ мещане“ должны будутъ платить, за исключеніемъ, однако, Смоленска [1]). Иногда отмѣна „вольностей“ объяснялась „земскою потребою“. Заключая контрактъ въ 1507 г. на аренду берестейскаго мыта, Сигизмундъ I оговариваетъ, что арендная сумма должна быть повышена,—„естли повстягнемъ волностей, кажемъ ли для нынешнее потребы земское тымъ мѣстомъ нашимъ чася мыто давати, которымъ братъ нашъ Александръ король его милость мыто отпустилъ“. Вычетъ изъ арендной суммы король обѣщаетъ только на тѣ купеческіе безмытные листы, которые онъ выдаетъ „отъ сего часу“ [2]), т. е. всѣ болѣе ранніе льготные листы въ счетъ не идутъ. Иногда уничтоженіе льготъ дѣлается только по отношенію къ листамъ, выданнымъ не позже того или иного года, или по отношенію къ извѣстной категоріи лицъ. Такъ, въ арендныхъ контрактахъ, начиная съ 20-хъ годовъ, очень обычно условіе, которымъ уничтожаются безмытные листы, выданные Смольнянамъ и Полочанамъ, не живущимъ въ Полоцкѣ; эти листы „ни во што оборочаются“ [3]). Или встрѣчаемъ условіе, по которому признаются недѣйствительными листы выданные ранѣе извѣстнаго срока—„отъ десяти и отъ шести лѣтъ“ [4]). Иногда контракты предоставляютъ право мытникамъ не только взимать мыто не смотря на безмытные листы, но и отнимать самые листы, кромѣ листовъ, выдаваемыхъ въ теченіи арендпаго срока [5]). Такими путями правительство выпускало въ тиражъ безмытные листы.

Указанные пути ликвидаціи безмытныхъ листовъ относятся къ старому мыту. По отношенію же къ новымъ мытамъ и побору правительство поступало гораздо рѣзче; тутъ авторитетъ сейма уничтожалъ всякаго рода классовыя и частныя привилегіи. Это уже намъ извѣстно изъ содержанія универсала 1561 г. и сеймоваго рецесса 1566 г., которыми уничтожались всѣ льготы по платежу мытъ, такъ что и шляхта платила новое мыто. Насколько строго соблюдалось это постановленіе, можетъ служить доказательствомъ и незначитель-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 259 об.—260.

[2]) Акты Ю.-З. Рос., II, р. 118.

[3]) Бершадскій, I, 107; Кн. Зап. Лит., XVII, л. 139 об.; Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135.

[4]) Бершадскій, I, 107; Кн. Зап. Лит., XVII. л, 139 об.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135; Бершадскій, I, р. 136; Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 232 об.

ное число выданныхъ королемъ льготныхъ грамотъ и обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онѣ были выданы городамъ.

Таковы тѣ льготы и привилеи по платежу мытъ, которыми пользовались различные классы населенія или отдѣльныя лица. Среди этихъ льготъ мы наблюдали двѣ различныя группы, изъ которыхъ одна имѣетъ характеръ временныхъ изъятій, другая же представляетъ собою право цѣлыхъ группъ населенія, городовъ, областей и шляхетскаго сословія. Въ послѣдней можно различить, по своему происхожденію, троякаго рода привилеи: одни изъ нихъ имѣютъ корень въ процессѣ сложенія государства, другіе появились вслѣдствіе особаго акта верховной власти и, наконецъ, третья—привилегія шляхетства выросла органически, вмѣстѣ съ ростомъ шляхетскихъ правъ. Однако-жъ всѣ эти изъятія имѣютъ силу только по отношенію къ старому господарскому мыту и не касаются новыхъ мытъ, устанавливаемыхъ сеймомъ. Въ общемъ, къ концу изучаемаго періода всѣ эти льготы, не смотря на массу пользующихся ими лицъ, не могли слишкомъ значительно ослаблять скарбовый доходъ, потому что само старое мыто, въ сравненіи съ ставками новаго, представляетъ собою не очень значительный источникъ дохода.

11. Таможня, ея округъ и управленіе.

Въ собираніи таможнихъ пошлинъ обычай, выработанный вѣками, имѣлъ большое примѣненіе. Когда великій князь отдавалъ сборъ пошлинъ на откупъ или посылалъ для управленія ими довѣренное лицо, то ему не было надобности опредѣлять порядокъ сбора, размѣръ пошлинъ и проч.: и порядокъ сбора, и размѣръ пошлинъ на каждой таможнѣ установились въ силу обычая; поэтому, въ арендныхъ контрактахъ, великій князь только напоминалъ о томъ, чтобы завѣдываніе мытомъ, было „по давному, какъ издавно было за великаго князя Витовта и за Жигимонта“ [1]).

Въ силу того-же исконнаго обычая выработалась извѣстная традиція, по которой купцы съ своими товарами ѣздили по разъ установленнымъ дорогамъ. Литовско-русское правительство настойчиво требовало, чтобы товары передвигались „по старымъ“ дорогамъ, по-

---

[1]) Бершадскій, I. 39. 42, 44, 47 и др.

тому что въ противномъ случаѣ купцы могли объѣхать таможенныя заставы. Объ этомъ обычно говорятъ арендные контракты. Такъ, король Казимиръ, извѣщая въ 1487 году намѣстника берестейскаго объ отдачѣ мѣстныхъ таможенъ на откупъ компаніи евреевъ, между прочимъ требуетъ отъ намѣстника: „а которыи бы гости хотѣли мыто нашо объѣждчати новыми дорогами, минаючи мыто нашо и тыбы ихъ оттого стегалъ, нехай бы ѣздили старыми дорогами и мыто нашо платили по старому. И во всемъ бы еси мыту нашему былъ помоченъ, какъ бы ся мыто нашо не понижало“ [1]). Вообще мытники и старосты обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы купцы не пролагали новыхъ дорогъ: „ажъ бы мыту нашему ни въ чемъ шкоды не было“ [2]), или чтобы „мыто нашо не понижало“ [3]).

Господари иногда издавали спеціальныя постановленія, касающіяся „гостинцовъ старыхъ“, опредѣляя направленіе путей или указывая, какіе купцы и по какимъ дорогамъ должны ѣздить. Такіе господарскіе листы писались иногда при отдачѣ таможенъ въ аренду; такъ, въ 1558 году король Сигизмундъ Августъ, извѣщая населеніе Жомойтской земли объ отдачѣ мытъ въ аренду компаніи евреевъ, приказывалъ всему шляхетству „ажъ бы есте всякихъ купцовъ съ товары ихъ дорогами незвычайными черезъ имѣньи свои не пропускали“ [4]). Иногда такіе господарскіе листы вызывались тѣмъ, что господарю становилось извѣстнымъ о нарушеніи купцами старыхъ извѣчныхъ дорогъ. Такъ, король Сигизмундъ I подтвердилъ дорогу изъ Вильны въ Новгородъ [5]) и дорогу въ Ригу на Солокъ [6]), а также дороги изъ Польши въ имѣнія князей Острожскихъ [7]); Сигизмундъ Августъ подтвердилъ въ 1569 г. старую великую дорогу изъ Ковно въ Вильно черезъ Троки [8]). Если учреждались новыя таможенныя заставы, то слѣдовало и опредѣленіе дорогъ въ районѣ новой таможни. Такъ, напримѣръ, при установленіи въ 1525 году мыта „головного“ въ Городкѣ на Припяти, принадлежавшемъ королевѣ Бонѣ

[1]) Ibidem, p 43.
[2]) Ibidem, p. 37.
[3]) Ibidem, p 49. Ср. еще Акты Лит.-рус. гос. I, p. 82, 83 и др.
[4]) Вил. Археол. Сбор., III, p. 28.
[5]) Кн. Зап. Лит, XIV, л. 298 об.
[6]) Ibidem, л. 298.
[7]) Ibidem, л. 169 об.
[8]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 148 об.

(само мыто было установлено королемъ Сигизмундомъ I въ Городкѣ по просьбѣ Боны), опредѣлены были торговыя дороги въ Городецкомъ повѣтѣ; рѣчной путь указанъ по рѣкѣ Припяти, Вѣтлицѣ и Горыни; иностранные купцы могли проѣзжать таможенную заставу въ Луцкѣ безъ платежа мыта, но за то обязаны были его платить въ Городкѣ или Пинскѣ [1]). Иногда и самое появленіе новыхъ коморъ объясняется необходимостью слѣдить за купцами, чтобы они не объѣзжали старыхъ дорогъ. Такъ, въ 1540 году были учреждены таможни въ Юрборгѣ и въ Горждахъ на прусской границѣ. Въ листѣ по этому поводу Сигизмундъ I объясняетъ, что Ковенское мыто терпитъ большую „шкоду" и „переказу" „для многихъ дорогъ, которыя суть незвычайные по земли Жомойтской положены, и тыми дорогами многіе купцы наши и чужоземцы съ товары своими, минуючи мыто комору нашу Ковенскую проѣзджають, и шкоды и злодѣйства всякіе ся становятъ"; поэтому король, вмѣстѣ съ панами радами, на Виленскомъ сеймѣ постановилъ уничтожить всѣ „незвычайныя" дороги въ Пруссію. Король устанавливаетъ двѣ дороги изъ Литвы къ прусской границѣ: одна идетъ по рѣкѣ Нѣману въ имѣніе Горжды, а другая сухимъ путемъ—на Юрборгъ. Нѣсколько ранѣе прокладка купцами новыхъ дорогъ мимо Ковна принудила Сигизмунда I установить таможни въ Тыкотинѣ и Техановцахъ на Бугѣ. Это было въ 1520 году. Въ листѣ по этому поводу король объясняетъ, что дорога съ юга въ Ковно „загамована"—и соль и другіе товары, которые шли сюда, „вси ся обернули въ Бугъ и въ Наревъ у отчизну нашу великое князство Литовское". Поэтому король издаетъ приказъ объ учрежденіи коморъ въ Техановцахъ и въ Высокомъ на Бугѣ и въ Тыкотинѣ на Наревѣ.

Вообще принципъ установленія опредѣленныхъ дорогъ твердо укоренился въ сознаніи литовско-русскаго правительства. На сеймѣ въ 1551 году состоялось даже, вслѣдствіе просьбы волынскихъ пословъ, общее постановленіе о запрещеніи купцамъ ѣздить по новымъ дорогамъ. Нужно при этомъ замѣтить, что купцы должны были не только ѣздить по старымъ или вообще по разъ установленнымъ дорогамъ, но, сверхъ того, соблюдалось правило, по которому купцы того

---

[1]) А. Ю.-З. Р., I, р. 75.
[2]) А. З. Р., II, р. 366.
[3]) Любавскій, прил. № 32.
[4]) А. З. Р., III, р. 42.

или иного города пользовались опредѣленнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно письмо бывшаго откупщика мытъ Данка Еськовича къ откупщику-же Михелю Езофовичу. Въ немъ онъ, напр., сообщаетъ, что кіевляне, черниговцы, мозыряне и пиняне искони ѣздили въ Польшу на Люблинъ, Познань, Варшаву и Гнѣзно только черезъ Берестье; они никогда не имѣли дороги на Ратно или на Холмъ. Изъ Кобринской волости и города пріѣзжаютъ за покупкою соли въ Брестъ; если кто хотѣлъ направиться въ Польшу, или во Владиміръ на Волыни, тотъ обязательно проѣзжалъ черезъ Брестъ, если-же купецъ направлялся на Ратно, „таковыхъ мы зъ вѣку въ промытѣ господарскомъ забпривали". Литовскіе купцы, а также виленцы и гродненцы имѣли дорогу въ Польшу на Познань, Варшаву, Гнѣзно, Рославль только черезъ Дорогичинъ. На рѣкѣ Бугѣ всѣ купцы обязаны были переѣзжать черезъ рѣку на господарскихъ перевозахъ [1]). Такимъ образомъ обычай и правительственная регламентація поддерживали извѣстную систему торговыхъ путей [2]).

Другою особенностью практики таможенныхъ сборовъ явились таможенные округа. Правда, при вел. кн. Александрѣ и Казимирѣ районъ таможенныхъ округовъ не всегда строго выдерживался: такъ, напр., на Волыни отдѣльно шли на откупъ мыта во Владимірѣ и въ Луцкѣ; въ Подляхіи тоже иногда отдѣльно сдавались коморы. Но со времени Сигизмунда I таможенные районы дѣлаются болѣе устойчивыми; этотъ король держался принципа, чтобы „мыта наши не разрывали водлѣ давного обычаю" [3]). Дѣйствительно, при немъ мы видимъ сдачу на откупъ не только по районамъ, но даже соединеніе въ рукахъ одного откупщика нѣсколькихъ округовъ; таковы, напр., отдачи на откупъ волынскихъ и подляшскихъ таможенныхъ округовъ компаніи евреевъ съ Михелемъ Езофовичемъ во главѣ съ 1523 года, а королева Бона сосредоточила въ своихъ рукахъ таможни по южной, западной и сѣверной границѣ.

Въ центрѣ каждаго таможеннаго района находилась комора, т. е. главная таможня; эти коморы были въ наиболѣе крупныхъ городахъ.

---

[1]) Бершадскій, I, p. 89—90, 91.

[2]) О дорогахъ съ этой точки зрѣнія сообщаются свѣдѣнія у Михалона Литвина, Мемуары по исторіи юго-западной Россіи, p. 51, у Ярошевича, Obraz Litwy, II, p. 96, у г. А. Яблоновскаго въ ст. Handel Ukrajny w XVI wieku, „Ateneum", 1895.

[3]) Бершадскій, I, p. 107.

Въ различныхъ частяхъ округа, на самой границѣ или на „гостинцахъ“, стояли прикоморки, т. е. отдѣленія главной таможни. Затѣмъ, въ различныхъ мѣстечкахъ, селахъ были посты, гдѣ „лежала“ таможенная стража; на польскомъ пограничьи стража находилась и въ сосѣднихъ польскихъ мѣстечкахъ,—вѣроятно, для наблюденія за направленіемъ товарныхъ транспортовъ. Впрочемъ, надо оговориться, что иногда, особенно въ древнѣйшихъ актахъ, отдѣленія главныхъ таможенъ назывались тоже коморами, а главная таможня иногда называется „головною коморою“. Король отдавалъ на откупъ или въ управленіе цѣлый округъ какому нибудь лицу, а это послѣднее уже отъ себя назначало своихъ слугъ—„справцевъ“ на прикоморки. Таможенныя пошлины взыскивались или на главныхъ коморахъ, или на прикоморкахъ.

Главные таможенные центры уже намѣтились въ XV вѣкѣ: такъ, въ расходной книгѣ вел. кн. Казимира встрѣчаются ассигновки на полученіе жалованья па слѣдующія мыта: берестейское, ковенское, луцкое, владимірское, новгородское, минское, смоленское, кіевское, путивльское и брянское [1]). Это только главныя таможни, къ которымъ „прислухали“ прикоморки. Большинство послѣднихъ тоже древняго происхожденія.

Теперь мы опредѣлимъ въ частности составъ таможенныхъ округовъ.

Начнемъ съ Волыни. Вся группа коморъ и прикоморковъ, находившихся здѣсь, составляла районъ мытъ волынскихъ. Здѣсь собственно было двѣ главныя коморы—Луцкая и Владимірская. Къ этому району тянули двѣ пограничныя линіи—со стороны Польши и на южной Украинѣ, на торговыхъ дорогахъ изъ Крыма и Турціи. Надо замѣтить, что извѣстія о волынскихъ прикоморкахъ на Украинѣ относятся приблизительно къ половинѣ XVI вѣка; вѣроятно, въ XV и въ началѣ XVI вѣка южная торговля направлялась исключительно на Кіевъ и только съ ослабленіемъ торговаго значенія Кіева, а также съ передачей кіевскаго мыта на воеводство, таможенная застава передвинулась въ украинные города и взошла въ составъ волынскихъ мытъ. Такъ, въ составѣ волынскаго округа мы встрѣчаемъ слѣдующіе прикоморки: въ Кременцѣ, Дубнѣ, Ковелѣ, Горуховѣ, Дубровицѣ, Корцѣ, Жеславлѣ, Жабче, Перемилѣ; Литовижѣ, Берестечкѣ—

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, расходная книга.

это—на польскомъ пограничьи. На Украинѣ прикоморки были въ Браславлѣ и въ Винницѣ [1]).

Къ сѣверо-западу отъ волынскихъ мытъ находился большой районъ мытъ подляшскихъ съ цѣлымъ рядомъ прикоморковъ. Здѣсь можно тоже считать двѣ главныя коморы—въ Берестьи и въ Бѣльскѣ. Уже упомянутый нами раньше Данько Еськовичъ свидѣтельствуетъ, что къ берестейскому мыту „прислухало“ мыто въ Дорогичинѣ, Лосичахъ и Техановцахъ, т. е. это были берестейскіе прикоморки [2]). Въ началѣ XVI вѣка изъ подляшскихъ мытъ выдѣлялось еще мыто городенское, какъ самостоятельная таможня, но впослѣдствіе и оно слилось вмѣстѣ съ бѣльскимъ въ одинъ подляшскій округъ. Въ подляшскомъ округѣ коморы и прикоморки находились въ слѣдующихъ городахъ и мѣстечкахъ: въ Берестьи, Бѣльскѣ, Гроднѣ, Мстибоговѣ, Дорогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ, Лосичахъ, Воинѣ, Дивинѣ, Милейчицахъ, Яновѣ, Межирѣчьи, Суражѣ, Венгровѣ, Техановцѣ, Тыкотинѣ, Высокомъ, Влодавѣ; кромѣ того къ подляшскимъ мытамъ почти всегда причислялось и мыто мостовое въ мѣстечкѣ Мостахъ. За границею, въ предѣлахъ Польши, находилась стража въ городахъ: Парчовѣ, Ломжѣ и Ливѣ [4]).

Далѣе на Западной границѣ встрѣчаемъ Ковенскую таможню. Такъ какъ главная цѣль этой таможни состояла въ сборѣ пошлинъ съ товаровъ, шедшихъ по рѣкѣ Нѣману, то она имѣла мало особыхъ прикоморковъ — акты упоминаютъ о Жеймелѣ, Жагорахъ [5]). Въ 1540 году, какъ мы уже знаемъ, были выдвинуты впереди Ковна таможни въ Горждахъ и Юрборкѣ; они находились въ ковенскомъ районѣ. Съ начала второй половины XVI столѣтія рядомъ съ Ковенскимъ округомъ выдѣляется Жомойтскій; центромъ его, вѣроятно, были Горжды [6]).

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ упомянуть о коморахъ въ Вильнѣ, Минскѣ и Новгородкѣ. Къ концу изучаемаго періода эти коморы

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 137 об.—140, XXXV, л. 127—131; Бершадскій I, p. 48, Кн. Пер. Лит., X, л. 17.

[2]) Бершадскій, I, p. 89.

[3]) Акты Ю.-З. Р., II, p. 118. Кн. Пер. Лит., X, л. 28 об.—31 об. и 32—34; Бершадскій, I, p. 106, II, p. 146.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXI, л. 12 об. Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135—137 об. и л. 158. Варш. Арх. Каз. Пал., кн. 14 В.

[5]) Цит. книга 14 В.

[6]) Ibidem, l. c.

сдавались вмѣстѣ и составляли одинъ округъ [1]). При нихъ были прикоморками Бобруйскъ, Красное Село, Радошковичи, Ошмяны [2]). Изъ этого видно, что эти коморы и прикоморки прикрывали собою Виленскій районъ на востокѣ и на западѣ. Дѣйствительно, Вильна была центромъ торговли съ Московскимъ государствомъ; при королѣ Казимирѣ Минское мыто иногда сдавалось отдѣльно, но затѣмъ не имѣло самостоятельнаго значенія. Новгородское же мыто почти до половины XVI в. представляло собою самостоятельный округъ и сдавалось отдѣльно.

Перейдемъ теперь къ таможеннымъ районамъ, расположеннымъ на сѣверной и восточной границахъ государства. Въ началѣ XV вѣка, здѣсь упоминаются уже таможни въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ и Вязьмѣ [3]). Но, такъ какъ главные города этого района Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ, пользовались большими торговыми льготами, то сборъ таможенныхъ пошлинъ пріобрѣлъ здѣсь нѣсколько особыя черты. Въ Витебскѣ и Полоцкѣ въ началѣ XVI вѣка собирались пошлины только отъ воска и соли. Только въ годы Ливонской войны собиралось здѣсь новоустановленное мыто „также и мыто звыклое въ земли Полоцкой со всими мыты посторонними по замкахъ нашихъ пограничныхъ и по именіяхъ князскихъ, паньскихъ, духовныхъ и земянскихъ, ку мыту, коморы Полоцкое прислухаючими, где и передъ тымъ мыта стерегивали“ [4]). Впрочемъ, Орша въ нѣкоторыхъ актахъ считается прикоморкомъ могилевскимъ и сдается вмѣстѣ съ этой послѣдней въ аренду. Въ семидесятыхъ годахъ въ этомъ районѣ еще возникаетъ Дисненская комора съ прикоморками въ Дынемборкѣ, Кирхгольмѣ и въ др. портахъ р. Двины [5]).

Въ Могилевѣ собиралось мыто головное, но при сдачахъ въ управленіе или на откупъ оно всегда объединялось съ корчмами и торговымъ мытомъ. Такое-же соединеніе мытъ и корчемъ мы обычно встрѣчаемъ и въ другихъ восточныхъ городахъ, напр., въ Смоленскѣ, Путивлѣ и Брянскѣ.

До 1507 года на господарскій скарбъ взималось еще мыто въ кіевскомъ районѣ; къ этому мыту были прикоморки въ Вышгородѣ

---

[1]) Кн. Пер. Лит., X, л. 28 об.
[2]) Арх. Варш. Каз. Пал., кн. 14 В.
[3]) Акты З. Р., I, р. 47.
[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 7 об., Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 235 об.
[5]) Варш. Каз. Пал, кн. 14 В.

и Житомирѣ [1]). Главнѣйшею составною частью кіевскихъ таможенныхъ сборовъ было мыто съ каравановъ или оргиша, приходившаго съ юга; сверхъ того здѣсь же собиралось и торговое мыто. Въ 1507 году Сигизмундъ I передалъ кіевскому воеводѣ пану Юрію Михайловичу Монтовтовичу „на поживеніе“ къ воеводству кіевское мыто, кромѣ оргишоваго; въ составѣ переданнаго мыта, вѣроятно, было не одно торговое, но и пограничное, кромѣ каравана [2]). Впрочемъ, и это послѣднее мыто также перешло къ воеводству и въ послѣдующее время кіевское мыто большею частью передавалось кіевскому воеводѣ; такъ, оно было отдано въ 1541 году справцѣ кіевскаго воеводы князю Андрею Коширскому [3]). Оргишовое мыто въ 1542 году еще находилось въ распоряженіи скарба [4]), но впослѣдствіе и оргишъ перешелъ къ воеводѣ князю К. К. Острожскому: около 1560 года князь Острожскій уступилъ это мыто королю, взамѣнъ 200 копъ грошей, назначенныхъ воеводѣ королемъ изъ луцкаго мыта [5]). Замѣтимъ, что крайнимъ южнымъ пунктомъ кіевскаго мыта въ XV в. была Тавань на Днѣпрѣ, гдѣ были господарскіе перевозы и взималось мыто [6]). Итакъ таможенные округа опоясывали со всѣхъ сторонъ границы государства.

Коморы находились въ господарскихъ городахъ, а прикоморки въ господарскихъ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Въ предшествующемъ изложеніи не разъ приходилось указывать на широкую компетенцію велико-княжеской власти въ вопросѣ объ установленіи мытъ; было указано, что компетенція велико-княжеской власти распространялась даже на удѣльно-княжескую территорію. Однако ростъ шляхетскихъ привилегій сказался въ данномъ вопросѣ тѣмъ, что шляхта дѣлала попытки иммунизировать свои земли отъ установленія на нихъ государственной таможенной стражи. Мы уже знаемъ, что земли шляхты были свободны отъ установленія торговыхъ и проѣзжихъ господарскихъ мытъ. Очевидно шляхта стремилась поставить свои имѣнія въ такое же положеніе и по отношенію къ внѣшнимъ

---

[1]) Бершадскій, I, p. 38

[2]) Любавскій, прил. № 15.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 95.

[4]) Акты Ю.-З. Р., I, p. 117.

[5]) Кн Зап. Лит., XXXVII, л. 418 об.

[6]) Акты З. Р., II, p. 362, Михалонъ Литвинъ Мемуары и пр., p. 51. Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I.

таможеннымъ пошлинамъ. Шляхта нѣсколько разъ просила на сеймахъ господаря объ освобожденіи ея имѣній отъ мытной стражи; съ такою, напр., просьбой обратилась къ господарю шляхта на сеймѣ 1544 г., но получила отказъ [1]). Съ такою же просьбой обратилась шляхта къ королю и на сеймѣ 1551 г., но получила разъясненіе въ томъ смыслѣ, что господарское мыто можетъ обратиться „въ ничечь", если мытники не будутъ слѣдить на панскихъ земляхъ за промытой: сеймовой рецессъ настойчиво утверждаетъ: „хочетъ то его королевская милость конечнѣ мѣти, абы коморы мытные по имѣньяхъ вашихъ, на мѣстцѣхъ потребныхъ были и сторожи бы тамъ для промыты мѣшкали" [2]).

Въ этомъ случаѣ король высказывалъ свой принципіальный взглядъ на данный вопросъ; на практикѣ же правительству приходилось вести борьбу съ шляхтой, а сеймъ, какъ высшая власть въ государствѣ, издавалъ постановленія объ установленіи новыхъ коморъ на частно-владѣльческихъ земляхъ. Такой декретъ былъ, напр., изданъ сеймомъ 1566 г. [3]). Фактически не всегда помогали и сеймовые декреты. Новый поборъ 1566 г. сданъ былъ сначала въ аренду евреямъ Исаку Бородавкѣ и Давиду Шмерлевичу; но они отказались отъ аренды, потому что шляхтичи, владѣвшіе имѣніями въ пограничныхъ мѣстностяхъ, не допустили мытниковъ къ сбору мытъ въ предѣлахъ своихъ имѣній. Аренда побора была сдана поэтому такимъ сильнымъ людямъ, какъ паны Іеронимъ Ходкевичъ и Остафій Воловичъ, въ распоряженіи которыхъ было войско и вліяніе [4]). Однако къ наибо-

---

[1]) Dzialyński, Zbiór praw lit., p. 406.

[2]) Акты Зап. Рос., III, p. 29 и p. 41.

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 199.

[4]) Объ этомъ король разсказываетъ въ арендномъ контрактѣ съ Ходкевичемъ и Воловичемъ: „Што которые поборы... отъ всякихъ товаровъ первей сего постановили есмо на потребу Речы Посполитое... а потомъ панове рады наши ихъ милость духовные и светскіе со всими станы сойму належачими, будучи на прошломъ сойме Берестейскомъ на оборону земли Лифляндское, не уменшаючи, але еще причинили того побору большей надъ першей отъ кождого товару меновите певную личбу постановивши, выбирати, для чого въ местехъ, селахъ и именьяхъ своихъ на выбиранье того побору коморъ и прикоморковъ *поступили*". Однако евреи арендаторы должны были отказаться отъ аренды, потому что многіе изъ „князей, пановъ и землнъ выйменьяхъ своихъ, ку границамъ прилеглыхъ, не допущати того побору на потребу Речы Посполитое выбирати отъ своихъ и переезжчихъ купцовъ, пожитки неякіе собе привлащаючи". Новымъ арендаторамъ, т. е. Ходкевичу и Воловичу предоставляется „моцъ коморы и прикоморки за

лѣе сильнымъ панамъ король долженъ былъ писать особые листы съ требованіемъ устроить на ихъ земляхъ коморы, даже и тогда, когда мыта находились въ арендѣ у Ходкевича и Воловича [1]). Впрочемъ и по поводу взиманія побора 1561 г. королю пришлось писать особые листы съ требованіемъ, чтобы земяне не воспрещали мытникамъ взимать мыто и поборъ со своихъ подданыхъ [2]). Упорство, оказываемое шляхтою, доходило до того, что король иногда давалъ льготы шляхтѣ за ея согласіе на устройство коморъ на ея земляхъ [3]), или-же испрашивалъ у нея разрѣшенія на сборъ новыхъ мытъ съ подданыхъ шляхты [4]).

Познакомившись съ таможенными округами, перейдемъ къ вопросу объ управленіи ими. Втеченіе всего изучаемаго періода практиковался двоякаго рода способъ управленія мытами и коморами. Для завѣдыванія ими скарбъ или назначалъ особыхъ справцевъ, которые собирали мыто и поборы, завѣдывали восковничимъ и соляничимъ „къ вѣрной руцѣ“, или же сдавалъ въ аренду одному или нѣсколькимъ капиталистамъ. При вел. кн. Александрѣ и Сигизмундѣ I мыта сдавались въ управленіе или въ аренду спорадически и скарбъ переходилъ отъ одной къ другой системѣ управленія. При Казимирѣ же и Сигизмундѣ Августѣ скарбъ почти исключительно пользовался арендой.

Въ правленіе великаго князя Александра скарбъ переходилъ отъ одного къ другому способу управленія подъ вліяніемъ случайныхъ соображеній, въ его дѣйствіяхъ нѣтъ опредѣленной системы. Напротивъ, въ правленіе Сигизмунда I переходы къ тому или иному способу управленія носятъ болѣе общій характеръ: въ дѣятельности скарба замѣчается стремленіе найти наиболѣе выгодный способъ управленія таможенными сборами. Первые годы правленіе этого короля обозначается тѣмъ, что скарбъ переходитъ отъ откуповъ къ

листы и дворяны нашыми установляти, пристрегаючи шкоды земское, ижъ бы постановленью соймовому на всемъ досыть ся стало“ (Кн. Пер. Лит., X, л. 1—3об.).

[1]) Такіе листы, напр., король послалъ пану Ольбрахту Ласкому и князю Роману Сангушку (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 120 об.—123 и л. 123—124).

[2]) Напр., купцы—подданые пани Кишчиной подъ ея покровительствомъ провезли товары, не уплативъ побора въ размѣрѣ 5000 копъ грошей. Король требуетъ отъ самой пани уплаты пошлинъ за ея купцовъ (ibidem, л. 86).

[3]) Вилен. Арх. Сборн., III, p. 14.

[4]) Акты Ю.-З. Рос., I. p. 211.

системѣ управленія черезъ довѣренныхъ лицъ: такой поворотъ скарбовой политики принадлежитъ времени подскарбства извѣстнаго Аврама Езофовича [1]). Въ эти годы въ управленіи восковыми и соляными коморами замѣчается и еще одна особенность: сборъ денегъ отъ завѣдующихъ Волынскими и Подляшскими восковыми и соляными коморами поручается Михелю Ребинковичу и такимъ образомъ упорядочивается движеніе суммъ [2]). Однако съ началомъ 20-хъ годовъ вѣрная система управленія замѣняется откупомъ. Въ 1523 г. компанія капиталистовъ во главѣ съ Михелемъ Езофовичемъ беретъ на откупъ всѣ мыта и коморы въ Подляхіи и на Волыни [3]). Такимъ образомъ скарбъ снова перешелъ къ откупу, но въ этомъ переходѣ надо видѣть не случайность, а попытку установить новую систему управленія. Въ XV вѣкѣ, а также и до 1509 г., т. е. до подскарбства Аврама Езофовича таможни одного и того же округа сдавались въ аренду разнымъ лицамъ: такъ, часто въ отдѣльности шли въ аренду таможни въ Луцкѣ, Владимірѣ, Дорогичинѣ, Бѣльскѣ, Берестьи, не говоря уже объ особомъ управленіи таможенъ въ Ковнѣ, Смоленскѣ, Могилевѣ; иногда сосѣднія таможни сдавались въ однѣ руки, но это происходило совершенно случайно. При Александрѣ восковыя и соляныя коморы всегда сдавались въ управленіе или на откупъ отдѣльно отъ мытныхъ. Аренда 1523 г. отличается отъ предшествующихъ весьма существенными чертами: въ ней сгруппированы всѣ коморы и мыта двухъ обширнѣйшихъ таможенныхъ округовъ. Такимъ образомъ, кромѣ Ковенской и Могилевской таможни, въ рукахъ Михеля и К° сосредоточивается сборъ таможенныхъ пошлинъ на южной и западной границахъ. Минская таможня, тогда очень незначительная, находилась до 1522 г. въ вѣрномъ управленіи [4]), но въ 1525 г. и она переходитъ къ Михелю [5]). Въ томъ же году и Могилевское мыто переходитъ къ нему [6]). У него же въ арендѣ было и Новгородское мыто [7]). Такимъ образомъ Михель сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ таможенныя пошлины за исключеніемъ Ковенскаго округа (Кіев-

---

[1]) Бершадскій, „Аврамъ Езофовичъ", „Кіевская Старина" 1888 г., дек., p. 432.

[2]) Бершадскій, I, p. 75; Акты Ю.-Зап. Рос., II, p. 124.

[3]) Бершадскій, I, p. 106.

[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 24.

[5]) Бершадскій, I, p. 135.

[6]) Ibidem, p. 133.

[7]) Ibidem, p. 165.

ское мыто тогда было у мѣстнаго воеводы, Смоленскъ уже не принадлежалъ Литвѣ, а въ Витебскѣ и Полоцкѣ собиралось только восковничее и соляничее). Но этотъ порядокъ продолжался только до конца 20-хъ годовъ, когда мыта опять сдаются въ аренду (впрочемъ уже цѣлыми округами) разнымъ компаніямъ откупщиковъ.

Очевидно, у скарбовыхъ дѣятелей является мысль о сосредоточеніи всего таможеннаго управленія въ однѣхъ рукахъ. Въ 30-хъ годахъ она возродилась при новой обстановкѣ: королева Бона сосредоточила управленіе таможенными сборами въ своихъ рукахъ. Припомнимъ, что къ этому именно времени относится установленіе новыхъ мытъ и устройство таможенъ въ Горждахъ и Юрборкѣ.

Въ половинѣ 30-хъ годовъ королева Бона получаетъ „въ аренду" почти всѣ мыта; собственно говоря, это не была аренда таможенныхъ сборовъ въ томъ смыслѣ, какъ она тогда понималась: арендная сумма не была обозначена, также какъ и срокъ аренды и другія условія. Поэтому періодъ управленія таможнями королевою надо считать не арендой, а именно завѣдываніемъ. Это доказывается еще и тѣмъ, что вел. кн. Сигизмундъ I въ тотъ-же періодъ принималъ самое дѣятельное участіе въ управленіи: назначеніе справцевъ мытныхъ исходило отъ него и отъ королевы. Всѣ важнѣйшія распоряженія по управленію мытами тоже писались отъ его имени. Изъ списка справцевъ на коморахъ и мытахъ, назначенныхъ королемъ и королевой въ 1536 году, видно, что въ ея распоряженіи находились всѣ таможни, за исключеніемъ волынскихъ, впослѣдствіи тоже перешедшихъ къ ней. Королева Бона завѣдывала мытами почти до конца сороковыхъ годовъ, когда мы снова встрѣчаемъ арендные листы на отдачу мытъ разнымъ лицамъ. Для управленія мытными коморами назначалось обыкновенно три лица, среди которыхъ мы встрѣчаемъ по крайней мѣрѣ одного изъ дворянъ господарскихъ, скарбныхъ писарей или мѣстнаго плебана, двое другихъ почти всегда—изъ мѣстныхъ бурмистровъ. Въ листахъ, разосланныхъ въ 1536 году справцамъ при ихъ назначеніи, король требуетъ, чтобы справцы были въ полномъ подчиненіи у подскарбія земскаго; король поручаетъ имъ управленіе мытами, полагаясь въ исправности службы на ихъ „цноты и на души и на горла ваши, абы есте никоторое речи намъ ку шкоде не впустили, але верне, правдиве намъ служили" [1]). Но кромѣ того среди лицъ, завѣдывав-

[1]) Кн. Зап. Лит., XXI, л. 12 об,—14.

шихъ коморами при королевѣ Бонѣ, мы встрѣчаемъ и болѣе значительныхъ, чѣмъ дворяне и плебаны, напр. бискупа Луцкаго Юрія Хвальчевскаго, завѣдывавшаго Волынскими мытами [1]). Завѣдующіе мытами находились въ полномъ распоряженіи подскарбія земскаго; они слѣдили за тѣмъ, чтобы купцы не переходили таможню безмытно и всѣ проходящіе товары записывали въ реестръ, равно какъ и сумму взятаго отъ нихъ мыта [2]).

Всѣ деньги, собранныя сборщиками, передавались ими подскарбію земскому, или же раздавались на мѣстѣ по ассигновкамъ изъ скарба. Окончательный счетъ съ мытниками сводили лица, спеціально на то назначенныя королемъ: среди нихъ былъ и подскарбій земскій (при Казимирѣ и Александрѣ не всегда) [3]). Какъ нѣкоторую особенность управленія, „къ вѣрной руцѣ“ слѣдуетъ отмѣтить такіе случаи, когда коморы сдавались въ управленіе для погашенія скарбоваго долга лицу, къ которому переходило управленіе [4]).

Нѣсколько въ иное отношеніе становился скарбъ, когда онъ сдавалъ мыто въ аренду. Подскарбій земскій не касался тогда внутренней жизни таможни: съ арендаторами отъ имени короля заключалось условіе, на основаніи котораго они завѣдывали мытомъ. Познакомимся съ характеромъ и условіями этихъ арендныхъ контрактовъ. При короляхъ Казимирѣ и Александрѣ, а отчасти и въ первые годы правленія Сигизмунда Перваго, практиковалась нѣсколько иная форма объявленія о сдачѣ мытъ, чѣмъ та, которая установилась впослѣдствіи: тогда король просто писалъ извѣщеніе къ врядпику и всему поспольству мытнаго округа о сдачѣ въ аренду мытъ, съ краткимъ изложеніемъ условій аренды. Съ этимъ листомъ мытникъ являлся на мѣсто, предъявлялъ его вряду и вступалъ въ управленіе таможней. Въ позднѣйшее время мытникъ получалъ на руки листъ, носившій уже и по формѣ характеръ контракта; на мѣсто король уже посылалъ краткія извѣщенія объ отдачѣ мыта [5]). Общій характеръ арендныхъ контрактовъ на мыта довольно однообразенъ за весь изучаемый періодъ: измѣненіямъ подвергаются только тѣ статьи контрактовъ,

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXIII, л. 50 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 43 об.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 78, 79, 80 и др.

[4]) Ibidem, р. 134.

[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LLI, л. 102; Грамоты Антоновича, р. 137, 146 и др.

которыя устанавливають объемъ арендуемыхъ статей, способы расплаты, наконецъ такія, которыя могутъ вліять на уменьшеніе или на увеличеніе доходныхъ статей; въ древнѣйшихъ же актахъ король просто ссылался на „старину“; мытникъ во всемъ обязанъ ею руководствоваться.

Мы укажемъ вкратцѣ на общія черты условій, заключавшихся скарбомъ съ арендаторами.

Каждый такой контрактъ неизмѣнно содержитъ въ себѣ опредѣленіе объема арендуемыхъ статей, сумму аренды, срокъ ея и сроки, въ которые должна быть вносима арендная плата. Въ позднѣйшее время арендная плата вносилась почти исключительно наличными деньгами и притомъ непосредственно въ скарбъ, но въ древнѣйшее время арендная плата вносилась частью деньгами, частью суконами. Иногда въ арендныхъ контрактахъ мы встрѣчаемъ опредѣленіе, какую именно часть мытники должны уплатить сукнами [1]; но, съ другой стороны, если скарбъ предполагалъ взять арендную плату наличными деньгами, то онъ всегда оговариваетъ это въ контрактахъ: мытникъ долженъ платить „готовизною“ [2], или мытникъ даетъ въ скарбъ „готовыми пѣнязьми, а не сукны, ани иными которыми фанты“ [3]. Кромѣ того, арендная плата вносилась частью литовскою монетою, частью золотыми угорскими. Послѣднее условіе тоже всегда оговаривается въ контрактахъ [4]. Въ актахъ времени Казимира и Александра встрѣчается еще составная часть арендной платы—челобитье великому князю, т. е. подарокъ, который мытники обязательно вносили господарю; челобитье состояло или изъ матерій—суконъ, камки, одомашки, иногда изъ лошадей, а иногда и изъ наличныхъ денегъ; господарскіе листы предупредительно опредѣляютъ стоимость подарковъ: „а такожъ намъ маютъ дати челомбитья на годъ по пяти куфтерей короткихъ, а по пяти коней, а по камцѣ, што-бы стояла за двадцать копъ грошей“ [5]. Арендная плата вносилась обыкновенно два раза въ годъ по полугодіямъ [6], а иногда (впрочемъ очень рѣдко) разъ въ годъ [7]; иногда контракты опре-

---

[1] Акты Лит.-рус. гос., I, p. 218.
[2] Акты Лит.-рус. гос., I, p. 82.
[3] Кн. Зап. Лит., XV, л. 160.
[4] Напр., Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135.
[5] Бершадскій, I, pp. 44, 47, 51 и др.
[6] Кн. Зап. Лит., XLI, л. 289 об.
[7] Акты Лит.-рус. гос., I, p. 82.

дѣляли, что плата должна даваться въ скарбъ только черезъ подскарбія земскаго [1]), а иногда указываютъ на то, что плата должна быть внесена въ скарбъ, „або тамъ обернути, гдѣ отъ насъ разсказано будетъ и яко то имъ панъ подскарбій земскій листомъ ознаймить“ [2]). Послѣднее условіе имѣетъ то значеніе, что скарбъ не всегда самъ получалъ арендную плату отъ мытниковъ; при Казимирѣ и Александрѣ вообще въ скарбъ рѣдко доходили остатки арендныхъ денегъ, такъ какъ мытники тутъ же на мѣстѣ раздавали ихъ по скарбовымъ ассигновкамъ—„квитаціямъ“. Иногда контракты опредѣляютъ точно ту сумму, которую арендаторъ долженъ вносить въ скарбъ наличными деньгами и что онъ долженъ давать на квитаціи,—„а иншые пѣнязи маетъ давати на квитацыи, кому што жалованья нашого въ него дадимъ на квитацыяхъ; а досталь тыхъ пѣнязей чого не выдастъ за сесь годъ на квитацыи, то маетъ намъ готовизною платити“ [3]).

Расплата мытниковъ по квитаціямъ происходила примѣнительно къ указаннымъ въ контрактѣ срокамъ уплаты; но получившіе квитаціи часто требовали деньги внѣ сроковъ, поэтому господарскіе листы съ своей стороны требуютъ, чтобы намѣстники охраняли мытниковъ отъ тѣхъ, кто будетъ требовать уплаты по квитаціямъ внѣ срока: „про тожъ,—говоритъ одинъ изъ такихъ листовъ—кому коли въ него подаемъ пенязи на квитацеяхъ зъ мыта, тыи бы нехай року ждали, а до року бы его не габали, и силою квитацеи на него не наметывали, и моцно въ него пенязи не брали; пакъ ли бы которыи року не дожидаючи хотели его въ томъ габати, и силою на него квитацеи наметывати и моцно въ него пенези брати, и ты бы его отъ тыхъ боронилъ и не далъ бы еси ему никому ни въ чомъ кривды чинити“ [4]). Съ скарбовыми квитаціями, которыя выдавались служилымъ людямъ черезъ руки скарбовыхъ чиновниковъ цѣлыми сотнями [5]), нерѣдко происходили злоупотребленія, отчего мы въ контрактахъ иногда встрѣчаемъ условія, которыми совсѣмъ запрещается выдача мытныхъ денегъ на квитаціи, за исключеніемъ листовъ за подписью самого господаря или подскарбія земскаго [6]). Съ квитаціями не разъ бывало и такъ, что ихъ на то, или

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135.
[2]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 289 об.
[3]) Акты Зап. Рос., I, р. 1.
[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 82.
[5]) Ibidem, р. 120.
[6]) Бершадскій, I, р. 181.

иное мыто выдавали гораздо больше, чѣмъ арендная плата съ мыта [1]). Всѣ эти неудобства побудили скарбъ прекратить выдачу квитацій на мыто: уже со второй половины княженія Сигизмунда I встрѣчаемъ только ассигновки за королевскою подписью или за подписью подскарбія земскаго, но и то въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ.

Но кромѣ раздачъ по квитаціямъ мытники производили еще расходы двоякаго рода: или по выдачѣ жалованья учрежденіямъ и лицамъ (напр., монахамъ, церквамъ, стрѣльцамъ, пушкарямъ и пр.), жалованье которыхъ было обезпечено на мытѣ [2]), или по закупкамъ за счетъ скарба [3]).

Нужно замѣтить, что нерѣдко мытныя коморы сдавались при такихъ условіяхъ, что арендаторы вносили болѣе или менѣе значительныя суммы въ счетъ арендной платы впередъ, иногда вначалѣ арендпаго срока, а иногда и задолго до его наступленія; разумѣется, это обстоятельство тоже заносилось въ контракты [4]). Въ годы войны скарбъ старался какъ можно болѣе получать такихъ задатковъ, иногда явно теряя на суммѣ арендной платы. Вслѣдствіе превышенія ассигновокъ на мытныя коморы или вслѣдствіе того, что скарбъ занималъ у арендаторовъ деньги, мыта часто сдавались въ аренду на условіи погашенія части или всего долга изъ арендной платы; разумѣется, и эти условія [5]) тщательно вносились въ контрактъ. Съ этимъ послѣд-

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 68.

[2]) Такіе постоянные расходы лежали почти на всѣхъ мытныхъ коморахъ; напр., на Берестейской: „Нижли которые расходы и передъ тымъ зъ мыта нашого берестейскаго мнихомъ капланомъ и пушкаромъ были, тогды они и теперъ маютъ имъ тые пенези съ того мыта нашого давати потому, яко и передъ тымъ бывало. А панъ подскарбій земскій маетъ ихъ на личбе отъ нихъ приняти“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135). Съ 1529 года въ Луцкѣ съ соляничого выдавалось мѣщанамъ по 300, а потомъ по 200 копъ грошей на „оправу“ города (Акты Ю.-З. Рос., II, p. 136). „А штося дотычетъ, говоритъ одинъ контрактъ, законьниковъ обоего закону римского и греческого и тежъ стрелцовъ, пушкаровъ и иныхъ ремесниковъ замковъ нашыхъ, которымъ водле фундатовъ костелныхъ а ремесниковъ водле звычаю а умовы давное перше мытники нашы платити въ кождый рокъ албо кварталъ, тогды и тые мытники нашы маютъ пенязей мытныхъ аренды своее таковымъ всимъ зуполна заплату чинити, а то имъ водле реестровъ давныхъ маетъ въ скарбе нашомъ на личбе приймовано быти“ (Кн. Переп. Лит., X, л. 19).

[3]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 281, XLV, л. 131 об.; Акты Лит.-рус. гос., I, p 104.

[4]) Бершадскій, I, p. 43 и др.

[5]) Бершадскій, I, p. 48, 43; Акты Ю.-З. Рос., II, № 86. Или вотъ какъ говоритъ объ этомъ одно условіе на отдачу волынскаго мыта: „Нижли штося тычетъ

нимъ весьма сходны рѣдкіе случаи залога мытныхъ коморъ. Такой залогъ, напримѣръ, былъ совершенъ подскарбію земскому Авраму Іезофовичу въ 1518 году за скарбовый долгъ ему въ 8.000 копъ грошей. Залогъ совершенъ на 8 лѣтъ съ разсчетомъ уплаты долга по 1.000 копъ грошей въ годъ. При этомъ господарь обѣщаетъ не давать никакихъ ассигновокъ на Берестейское мыто, а за безмытные листы платить изъ скарба [1]). Въ годы Ливонской войны Ковенское мыто находилось въ залогѣ у купцовъ данцигскихъ, а восковничее Виленское—у мѣщанъ виленскихъ.

Въ числѣ другихъ условій арендные контракты оговариваютъ также все, что касается безмытныхъ листовъ, т. е. условія ихъ погашенія, отмѣны, уплаты за пропущенные безмытно товары по господарскимъ листамъ и т. д.; объ этомъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ; слѣдуетъ только прибавить, что въ арендныхъ контрактахъ нерѣдко оговаривается безмытный пропускъ тѣхъ или иныхъ господарскихъ товаровъ [2]). Та или иная постановка вопроса о безмытныхъ

тое сумы первое трохъ тисеч копъ грошей, яко есмо продали были Ермоле тые мыта за три тисечи копъ грошей суполно, тыхъ часовъ оттрутили есмо с тое сумы на кождый годъ Ивану Ермоличу по сту копъ грошей за мыто мостовое, которое королевая ее милость пани матка наша ку Мостомъ маетъ. И маетъ он платити намъ за тые мыта по две тисечи и по деветисотъ копъ грошей и по сту золотыхъ черленыхъ на годъ"—разсчетъ по полугодіямъ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 158—161).

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 164—165.

[2]) Такъ, при арендѣ Айзаку Езофовичу мытъ волынскихъ и подляшскихъ король выговариваетъ слѣдующее условіе: „а которыи бы купцы черезъ тыи мыта наши возили воски, або иныи которыи речы зъ листы нашими безмытными, тыи купцы маютъ тымъ мытникомъ нашымъ прысягу вчинити—хрестьяне подлугъ своего права, а жыдъ на десятеро Божье прыказанье, ижъ то товаръ князя моего, або пана, але не нашъ" (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 220). Или вотъ еще пунктъ изъ аренды 1569 г. на подляшскія мыта: „Збожья тежъ зъ фолваръковъ нашыхъ и лесные товары, которые с пущъ нашых господарских на нас выробленые будутъ и иные речы власные за речи нашими властностю рукою нашою подписаными маютъ без бранья поборовъ яко за границу Великого князства" (Кн. Пер. Лит., X, л. 5). Иногда въ условіяхъ встрѣчаемъ особую оговорку относительно лѣсныхъ товаровъ. Такъ, въ арендномъ листѣ Ивану Ермоличу на подляшскія мыта въ 1547 году ставится такое условіе: воскъ на господаря провозится безмытно по господарскимъ листамъ: „лечъ што ся дотычетъ пущъ нашихъ господарскихъ, въ которыхъ бы на властный пожитокъ нашъ буды бы роблены и тые роботы лесные до Кгданьска были спущены, тогда они маютъ то доброволне черезъ тые мыта и комори наши пропущати и жадного мыта отъ тыхъ речей яко отъ властное потребы нашое господарское не брати" (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135).

листахъ, разумѣется, вліяла на размѣръ арендной платы. То же значеніе имѣло и обезпеченіе арендаторовъ на случай какихъ нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, которыя могли повліять на уменьшеніе таможеннаго дохода. Оттого контракты иногда оговариваютъ, что въ случаѣ войны, повальной болѣзни арендаторъ получитъ сбавку изъ арендной платы соотвѣтственно размѣру понесенныхъ имъ убытковъ. Такое условіе мы неизмѣнно встрѣчаемъ во всѣхъ контрактахъ временъ Сигизмунда Августа [1]). Въ подобныхъ случаяхъ разсчетъ производился такимъ образомъ: или средняя сумма за нѣсколько лѣтъ дѣйствительныхъ поступленій пошлинъ дѣлилась на 12 мѣсяцевъ и изъ арендной платы отсчитывалось то количество поступленій, которое могло бы получиться за время застоя въ торговлѣ, или такой же разсчетъ производился по одному предшествующему году (при чемъ брались въ разсчетъ соотвѣтственные мѣсяцы), или наконецъ арендная годичная плата дѣлилась на число недѣль въ году и дѣлался учетъ за соотвѣтственное число недѣль застоя [2]). Иногда учетъ, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ случайностей и застоя въ торговлѣ, достигалъ солидной суммы: напримѣръ, Бородавка и Исаковичъ въ 1567 году получили сбавку съ арендной платы на сумму въ 16.000 копъ грошей [3]). Инода мытники терпѣли ущербъ еще и потому, что правительство запрещало вывозъ товаровъ изъ государства ввиду разныхъ соображеній; напримѣръ, въ арендномъ контрактѣ на аренду мытъ Менделю Исаковичу господарь оговариваетъ, что арендатору будетъ отсчитано изъ арендной платы въ томъ случаѣ, „естли бы тежъ для якихъ припалыхъ потребъ земскихъ и для перехованья людей служебныхъ заказано было отъ насъ вывозити жывность за границу, ино то водлугъ слушного уваженья, колко бы за то учинило ошацовавшы ихъ милости вытручоно быти маетъ“ [4]). Арендаторъ подляшскихъ мытъ Иванъ Ермоличъ просилъ въ 1548 году господаря продолжить ему аренду мытъ еще на три года, такъ какъ ему грозитъ раззореніе вслѣдствіе

[1]) „А если бы которого часу у трехъ тыхъ годехъ, чого Боже недай, мяла быти валка або поветрее въ томъ краю у тыхъ местехъ нашихъ, где они тые мыта будутъ заведати, тогда водле оного часу колько оная валка або поветрее стояти будетъ, съ тое сумы штося будетъ годити, маетъ имъ быти оттручоно, або толкожъ маетъ имъ дати додержати, колько бы оное поветрее, або валька была“ (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135) (ср. Кн. Зап. Лит., LII, л. 130, XLI, л. 289 и др.)

[2]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 71.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 92 об.

[4]) Кн. Переп. Лит., X, л. 4 об.—6 об.

потерь въ предшествующую аренду отъ повальной болѣзни и того, что серебро было „загамовано“ у купцовъ для господарской мынцы [1]). Но, если правительство дѣлало уступки арендаторамъ на случай потерь съ ихъ стороны, то оно выговаривало иногда условіе, по которому арендаторъ долженъ повысить арендную плату въ случаѣ, если мыто „полепшится“ [2]).

При полученіи аренды мытникъ долженъ былъ представить за себя поручительство—„рукоемство“ какихъ-нибудь лицъ, заслуживавшихъ довѣріе скарба [3]), или „приреченіе“ [4]). Такими „рукоемыми“ часто бывалъ кто-нибудь изъ пановъ рады или самъ подскарбій. Иногда мытники должны были вносить арендную плату черезъ своихъ поручителей [5]). Если мытники оказывались неисправными плательщиками, то король обращался къ „рукоемцѣ“ [6]). Въ случаѣ неуплаты, подскарбій долженъ былъ „скинуть“ арендатора съ таможни. Такіе случаи бывали; напримѣръ, Борзобогатые „омѣшкивали“ вносить арендную плату, почему господарь отнялъ у нихъ волынскія мыта и передалъ Загоровскому и Малинскому [7]). Иногда контракты содержатъ въ себѣ условіе, по которому, въ случаѣ неуплаты арендныхъ денегъ, подскарбій земскій не только можетъ „скинути вонъ“ арендаторовъ, но и „моцно тую суму отправити“ на имѣніяхъ ихъ и на „статкахъ“ [8]). Вѣроятно, такое обезпеченіе имущества принималось въ томъ случаѣ, если скарбъ видѣлъ достаточную гарантію исправности плательщика въ его имущественномъ положеніи. Зато скарбъ рѣдко гарантировалъ арендаторомъ соблюденіе арендного контракта съ своей стороны; только въ немногихъ условіяхъ встрѣчаемъ обѣщаніе, что господарь не запродастъ мыта до истеченія арендного срока [9]), И дѣйствительно можно указать случаи, когда господарь нарушалъ арендные контракты, когда новые соискатели арендъ „повышали плату“ [10]).

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 158.
[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 82.
[3]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 232 об.
[4]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 128 об.
[5]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VII, л. 15 об.
[6]) Ibidem, л. 15.
[7]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 289 об.
[8]) Кн. Зап, Лит., XV, л. 167, книга, XVII, л. 139.
[9]) Бершадскій, I, p. 179; Кн. Зап. Лит, XXXI, л. 135.
[10]) См. напр. въ изложеніи арендн. контрактовъ, которое приводится въ прил.

Добавимъ, что среди арендныхъ условій встрѣчаемъ иногда также требованіе отъ мытника не дѣлать жителямъ „утисковъ“ при сборѣ пошлинъ [1]). Въ свою очередь господарь бралъ мытника во всѣхъ дѣлахъ, касающихся мыта, подъ свой присудъ, а, въ случаѣ отсутствія мытника и его слугъ судитъ подскарбій земскій; только нѣкоторыя уголовныя преступленія, совершенныя мытниками, подлежали суду замковыхъ врядниковъ [2]). Условіе объ изъятіи мытниковъ отъ общихъ государственныхъ судовъ неизмѣнно встрѣчается во всѣхъ контрактахъ и, конечно, имѣло важное практическое значеніе ввиду извѣстнаго непріязненнаго отношенія со стороны населенія къ сборщикамъ пошлинъ. Столь же неизмѣнно мы встрѣчаемъ въ арендныхъ контрактахъ еще одно условіе, именно о промытѣ т. е. о контрабандѣ. Промыта дѣлилась пополамъ между мытниками и господаремъ; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ промыта дѣлилась пополамъ между мытниками и мѣстнымъ замковымъ врядомъ. Всѣ дѣла, касающіяся споровъ о промытѣ или раздѣленія ея рѣшались подскарбіемъ земскимъ [3]).

Ознакомившись съ формами управленія мытными сборами, перейдемъ теперь къ изложенію порядковъ, практиковавшихся на таможняхъ.

Когда господарь сдавалъ въ аренду или въ управленіе мыто, то онъ писалъ грамоты на имя намѣстниковъ, мѣщанъ и шляхты съ извѣщеніемъ о продажѣ мыта; въ этихъ господарскихъ листахъ заключалось требованіе, чтобы врядники и частныя лица оказывали содѣйствіе мытникамъ и не нарушали-бы ихъ правъ; такія грамоты выдавались на руки мытникамъ, а они уже заносили листы въ мѣст-

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 7 об.

[2]) Это условіе довольно однообразно повторяется во всѣхъ контрактахъ. Приведемъ его для примѣра: „Ктому тежъ они, мытники наши, слугъ своихъ, которыхъ будутъ на местцу своемъ на коморахъ головныхъ и на прикоморкахъ зоставовати и кому бы колвекъ якая потреба до нихъ была, маютъ ихъ сами судити, а воеводы, старосты, державцы, ихъ наместники войты, бурмистры до ихъ слугъ ничого мети не маютъ, звлаща въ речахъ мытныхъ и пры мытахъ звыклыхъ, окромъ крывавыхъ чотырохъ прычынъ,—естли бы ся отъ слугъ ихъ кгвалтъ або забойство або пожога або пакъ розбой кому сталъ, таковыхъ врадники замковъ и дворовъ нашихъ маютъ и волни будуть судити,—а радити подле ихъ правъ и привилеевъ жыдовскихъ; ведже самыхъ тыхъ мытниковъ нашихъ особъ во всякихъ речахъ будь купецкихъ и мытныхъ, або и крывавыхъ якося вышей помепило, не маеть нихто зъ воеводъ, старостъ, державецъ и ихъ наместниковъ судити одно мы, господаръ, або подскарбий нашъ земский“ (Кн. Переп. Лит., X, л. 19).

[3]) Кн. Переп. Лит., X, л. 28, 31 об.

ныя гродскія книги [1]). Кромѣ того, господарь давалъ на каждую таможню таксу пошлинъ [2]); впрочемъ, уставы на пошлины давались только въ случаяхъ повышенія налоговъ, такъ какъ „звычайныя" пошлины взимались по старинѣ и только въ 60 годахъ XVI столѣтія и эти пошлины вносились въ уставу и тоже заносились мытниками въ мѣстныя гродскія книги. На каждой таможнѣ сидѣли особые справцы [3]) и писари мытные, назначаемые самими мытниками [4]): всѣ эти слуги взимали „водлѣ уфалы и постановенія соймового мыто и поборы звыклые берутъ и за невыданіемъ отъ васъ мыта, и поборовъ, товары ваши въ промытѣ забираютъ" [5]). Кромѣ личныхъ слугъ, мытники получали еще въ помощь себѣ господарскихъ дворянъ. Съ установленіемъ поборовъ новыхъ и монопольной продажи соли, дворяне господарскіе всегда посылались на коморы въ качествѣ полицейскихъ агентовъ—для помощи мытникамъ; такъ, напримѣръ, арендаторамъ соляного склада въ Пинскѣ былъ въ 1561 году приданъ господарскій дворянинъ [6]). При мытахъ господарскіе дворяне въ это время исполняли самыя разнообразныя порученія: въ особенности имъ часто приходилось дѣйствовать при поимкѣ и взысканіи контрабанды; такъ, когда въ промытѣ были уличены въ 1562 году подданные владыки Пинскаго, то слѣдствіе по этому дѣлу мытники начали при дворянинѣ господарскомъ [7]). Мытники по арендымъ контрактамъ иногда получали право „розложити" господарскихъ дворянъ въ сосѣднихъ коронныхъ городахъ для наблюденія за движеніемъ товаровъ и поимки промытчиковъ [8]).

Такимъ образомъ, помощь со стороны дворянъ откупщикамъ выражалась въ содѣйствіи при сборѣ мытъ. Само же собираніе пошлинъ лежало на мытникахъ и ихъ слугахъ. Изъ послѣднихъ дьякъ или мытный писарь „пописывалъ" мыто, т. е. велъ записи приходящихъ товаровъ и количества взимаемыхъ съ нихъ пошлинъ.

---

[1]) Напр., Антоновичъ и Козловскій. Грамоты, р. 110.
[2]) Кн. Пер. Лит. X, л. 3 обор.
[3]) Грамоты Антоновича, р. 106.
[4]) Ibidem, р. 89.
[5]) Ibidem, р. 105.
[6]) Бершадскій, II, р. 92.
[7]) Ibidem, р 98. Ср. Грамоты Антоповича, р. 107, 108 и т. д.
[8]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 135.

Сверхъ того на каждой коморѣ у мытниковъ были свои печати [1]).

Если мыта сдавались въ управленіе, то сборомъ мытъ завѣдывали особые справцы. Ихъ обыкновенно бывало нѣсколько человѣкъ: одинъ или двое справцевъ изъ мѣстныхъ жителей, дворянинъ господарскій и дьякъ или писарь мытный. Такъ, въ 1530 году Ковенскою таможнею завѣдывали мѣстный плебанъ ксендзъ Остафьюсъ, еврей Агронъ и дворянинъ господарскій Андрей Прокоповичъ; Сигизмундъ I написалъ къ нимъ листъ, характеризующій внутренніе порядки на таможняхъ: „видело ся намъ, ажъ бы вы вси одинъ цехъ въ себе мели, и нехай бы ты, Остафьюсу, своимъ сигнетомъ цехи давалъ, а ты, Андрею съ Огрономъ, ажъ бы есте къ своимъ рукамъ пенези выбирали", другихъ печатей они не должны имѣть и всѣ собранныя пошлины обязаны записывать въ реестръ [2]). Въ 1532 г. Виленской восковой коморой завѣдывали скарбные Андрей Станковичъ и дьякъ Мановскій, но послѣдній былъ смѣненъ Ескомъ Песаховичемъ [3]). Когда въ 1536 г. розданы были въ управленіе таможни, то на каждой изъ нихъ былъ одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ жителей и дворянинъ господарскій: всѣ они обязаны были „зъ великою пильностью" стеречь мыто, никому не дѣлать никакихъ поблажекъ,— „какъ быхмо ни въ чемъ шкоды не мели", справцы обязаны объѣзжать мыто и имѣть „коло нихъ великую сторожу, опатрность и чуйность" [4]). Изъ этого видно распредѣленіе обязанностей среди мытныхъ справцевъ. Дворяне господарскіе несли полицейскія обязанности и имѣли контроль надъ сборщиками, а послѣдніе собирали пошлины и ссыпали деньги въ особую „скрыню" [5]). Всѣ вмѣстѣ были отвѣтственны за общій ходъ дѣла.

Когда купецъ съ своими товарами пріѣзжалъ въ городъ, то прежде всего онъ обязанъ былъ предъявить свой товаръ мытникамъ; послѣдніе осматривали товаръ,—„шацовали" его и накладывали таможенную печать; это называлось класть на товары „цехи" [6]); по уплатѣ таможеннаго сбора купецъ получалъ отъ мытника „квитъ" [7]). Если

---

[1]) Грамоты Антоновича, р 134.
[2]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 43 об.
[3]) Ibidem, л. 121.
[4]) Кн. Зап. Лит., XXI, л. 12 об.—14.
[5]) Любавскій, Приложеніе № 32.
[6]) Кн. З. Лит., XXX, л. 25 обор.
[7]) Кн. З. Лит., XXXV, л. 127.

въ городѣ былъ гостинный домъ, то купецъ обязанъ былъ привезти свои товары сюда; если въ городѣ не было гостиннаго дома, то купцамъ запрещалось останавливаться по квартирамъ у частныхъ лицъ, пока товаръ ихъ не будетъ осмотренъ мытниками, а частнымъ лицамъ воспрещалось принимать къ себѣ купцовъ. Такъ, король Сигизмундъ Августъ издалъ въ 1567 году универсалъ къ мѣщанамъ всѣхъ городовъ; въ немъ король излагаетъ жалобу Менделя Изаковича: „ажъ дей вы (т. е. мѣщане) гостей, купцовъ, чужеземцовъ и тубыльцовъ, которые съ товары своими до местъ прiежчають, не оповедавши справцамъ поборовымъ и мытнымъ на поборѣ, кромъ ведомости, ихъ въ домѣхъ своихъ на господахъ ставите, и за тымъ дей они товары свои развязываючи, зъ возовъ выкладаютъ и втайваютъ, а въ томъ ся намъ не малая шкода скарбу нашему деетъ". Поэтому король строжайшимъ образомъ запрещаетъ принимать въ дома такихъ купцовъ подъ зарукою въ 500 копъ грошей [1]). Вообще таможенные порядки отличались большою сложностью и рядомъ формальностей [2]). Существовалъ рядъ условій относительно того, гдѣ купецъ долженъ былъ „обѣстити" свой товаръ, получить „квитъ" отъ мытниковъ и т. д. [3]). Купцы уплачивали мыто наличными деньгами, но, по условію съ мытниками, расплачивались и иностранными продуктами, привозимыми на тѣхъ же судахъ или телѣгахъ, на которыхъ были вывезены мѣстныя произведенія [4]).

Когда старое и новое мыто сдавалось въ аренду разнымъ лицамъ, то товаръ осматривали писари обоихъ мытъ. Такъ одинъ документъ слѣдующимъ образомъ описываетъ процедуру осмотра привезенныхъ въ городъ товаровъ. Купецъ Вингольдъ привезъ свои товары въ Вильно: онъ послалъ къ писарю приглашеніе явиться къ нему въ „каменицу" и списать на реестрѣ двѣ кипы товаровъ, пришедшихъ изъ Германіи: товары уже были опечатаны въ Ковнѣ печатями сборщиковъ стараго мыта, такъ какъ въ Вильнѣ взималось только новое мыто. Деньги по обоимъ мытамъ купецъ долженъ былъ уплатить въ Вильнѣ. Въ „каменицѣ" Вингольда должны были сой-

---

[1]) Грамоты Антоновича, р. 109.

[2]) Объ этомъ см. въ Акт. Ю. З. Р., I, р. 26, а также Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XL, л. 214—215 и др.

[3]) Ср. еще Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XL, л. 38.

[4]) Ibidem, л. 35 об.

тись писари обоихъ мытъ, снять печати съ товара и составить ему реестръ [1]).

Взиманіе поборовъ новыхъ, декретированныхъ сеймами 1561 и 1566 гг., отличалось очень большою сложностью, которая увеличивалась еще отъ того, что оба побора падали и на товары ранѣе ввезенные въ государство, но еще не распроданные купцами. Въ виду этого господарскій универсалъ разрабатываетъ порядокъ сбора мыта отъ „залежалыхъ“ товаровъ и отъ товаровъ, провозимыхъ черезъ границу [2]). Относительно товаровъ, предназначенныхъ къ вывозу, господарскіе универсалы стремятся къ тому, чтобы взыскать съ нихъ пошлины не на самой границѣ, но еще тогда, когда товаръ находится въ складахъ [3]) или же въ моментъ продажи ихъ для экспорта [4]).

Лица, имѣвшіе безмытные листы, тоже должны были выполнить извѣстныя таможенныя формальности. Они являлись на таможню съ копіями безмытныхъ листовъ и предъявляли ее мытникамъ [5]). Сверхъ того на таможню изъ господарской канцеляріи посылались извѣщенія о выданныхъ безмытныхъ листахъ [6]). Если мытники не получали такого извѣщенія, то они отказывали въ пропускѣ товаровъ [7]). Купцы тѣхъ городовъ, которые имѣли безмытныя привилегіи, должны были предъявлять на таможняхъ копіи этихъ привилегій [8]).

Пропускъ шляхетскихъ товаровъ, когда шляхта добилась извѣстныхъ привилегій, отличался большими формальностями. Помѣщикъ, сдавая купцу сработанные его людьми и въ его имѣніи товары, посылалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего слугу-шляхтича „зъ листомъ своимъ для одмыченія отъ поборовъ и отъ всякихъ мытъ старыхъ и новыхъ на коморахъ господарскихъ... головныхъ... и везде по дорозе путемъ воденымъ“ [9]). На таможняхъ были особые дворяне или слуги, передъ

---

[1]) Акты Вил., VIII, p. 484.

[2]) Изложеніе разныхъ таможенныхъ формальностей въ текстѣ было бы затруднительно. См. приложенія.

[3]) Кн. Зап. Лит., LVI, л. 26.

[4]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 94 об.

[5]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 83 и л. 224.

[6]) Ibidem, л. 16 об.

[7]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 39 об.

[8]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 70 об.

[9]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит, LIV, л. 216.

которыми должны были приносить присягу служебники шляхты, сопровождавшіе ея товары [1]).

Мытники принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы не оплаченные пошлинами товары не переходили границу. Съ этою цѣлью они не только держали пограничную стражу, но и имѣли своихъ „шпеговъ" на рынкахъ [2]). Черезъ рѣки протягивались цѣпи для того, чтобы задерживать суда съ неоплаченнымъ товаромъ [3]). Если мытникъ предполагалъ провозъ контрабанды, то таможенная стража вмѣстѣ съ урядовымъ вижомъ и „людьми посторонними", т. е. понятыми, производила обыскъ у заподозрѣннаго въ контрабандѣ лица [4]). Заподозрѣнный въ контрабандѣ товаръ запечатывали и „брали на господаря" до выясненія дѣла судебнымъ порядкомъ [5]). Иногда мытники, для того чтобы услѣдить за контрабандистами, прибѣгали къ разнаго рода уловкамъ [6]).

Но, не смотря на зоркость самихъ мытниковъ, на содѣйствіе дворянъ и другія мѣры, „прокрадываніе" черезъ мыто было дѣломъ обычнымъ въ то время, равно какъ и всякаго рода обманы. Особенною смѣлостью отличалась шляхта, какъ высшая, такъ и низшая.

---

[1]) Приводимъ описаніе этихъ формальностей по арендному контракту 1567 г.: „А што есмо съ уфалы соймовое дозволили княжатомъ панятомъ и всей шляхте тутошнего паньства нашого провадити безмытне до Кгданьска всякое збожье зъ гуменъ изъ властного господарства ихъ и товары лесные въ пущахъ ихъ и накладомъ ихъ выробленые,—тогды, гды подскарбий земский маеть дворанъ нашыхъ або *слугъ своихъ веригодныхъ* и статечныхъ на коморахъ мытныхъ водяныхъ при тыхъ мытникахъ нашыхъ положыти, передъ которыми въ замкахъ и дворехъ нашыхъ слуги князей и пановъ духовныхъ и светскихъ обователей панства нашого Великого князьства Литовского стану шляхетского, а не людей купецкихъ слуги тежъ и шляхта маютъ присегу чынити, ижъ зъ властныхъ гуменъ и лесовъ таковые товары провадити будуть, а не купленые; зачымъ кгды будетъ прысега вчынена, маеть тотъ посланецъ пана подскарбего до реестру вписавшы тые збожья и товары доброволне пропускати, маючы ровные реестра зъ ними, мытниками нашими; а ктому еще и квиты отъ тыхъ, кому што за присегами безмытне пропущати, отъ нихъ брать маютъ, за которыми квитами, ижъ они такъ немалую суму на тые мыта повышили, хочемъ и обецуемъ такъ много, колко безмытне шляхетскихъ товаровъ за присегами пропустять, имъ на личбе въ скарбе нашомъ казати приймовати то все што бы за збожье и товары черезъ нихъ пропущоные мыта имъ прийти мело и въ скарбе имъ вытручовати" (Кн. Переп. Лит., X, л. 19).

[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XL, л. 38.

[3]) Бершадскій, II, р. 215.

[4]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LII, л. 12 и л. 337; Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XL, л. 36.

[5]) Бершадскій, I, р. 206 и Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XL, л. 39.

[6]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., XXXIV, л. 8.

Въ 1554 г. король поручилъ цѣлой коммиссіи, состоявшей изъ державцы ясвоинскаго п. Ивана Кунцевича, Ульриха Гозія и дворянина Николая Шембеля, завѣдывавшихъ Ковенскимъ мытомъ, объѣхать Жомойтскую границу и опредѣлить тѣ „шкоды", которыя несетъ скарбъ вслѣдствіе контрабанды, узнать тѣ „незвычайныя дороги", которыми купцы провозили контрабанду. Коммиссія исполнила порученіе, но при этомъ сама натолкнулась на нѣсколько случаевъ контрабанды, провозимой подъ покровительствомъ мѣстной шляхты, въ томъ числѣ и тивуновъ; докладъ оченъ ярко описываетъ борьбу стражи съ промытчиками, но онъ также показываетъ, какъ трудно было суду уловить виновныхъ [1]).

Укажемъ и еще на нѣкоторые факты того же рода.

Въ 1569 г. берестейскій мытникъ Липманъ Шмерлевичъ явился на замокъ Берестейскій съ заявленіемъ, что служебникъ Ольбрахта Лаского, воеводы сирадского, нѣкто Туровскій силою провелъ свои комяги съ пепеломъ черезъ таможенную заставу; при этомъ онъ провелъ и двѣ комяги какихъ то другихъ земянъ „и отправы жадное ани квиту на вольное пропущенье на поборѣ господарскомъ, тутъ, на коморѣ поборовой Берестейской, въ него, яко у поборцы, не взявши, к наполнившися воли свое, моцно кгвалтомъ со всими тыми чотырнадцатма комягами, съ попелемъ пріѣхавши на спускъ замковый", Туровскій отбилъ замокъ, прорвалъ цѣпь и провелъ свои суда [2]). При проходѣ через мыто торговцы употребляли не только силу, но и хитрость. Одна грамота великаго князя Александра разсказываетъ, что купцы при проѣздѣ черезъ мыто въ Кіевѣ, накладывали очень тяжелые возы для того, чтобы число ихъ было меньше; но за это они платились большимъ штрафомъ: „и въ котораго купца возъ поломится съ товаромъ, на одну сторону по Золотыя ворота, а на другую сторону по Почайну рѣку, ино тотъ возъ съ товаромъ биривали на воеводу кіевскаго" [3]). Иногда проведенные черезъ мыто товары достигали весьма большихъ размѣровъ; напримѣръ, одинъ купецъ изъ Острога, подда́ный князя Острожскаго, провелъ нѣсколько тысячъ головъ скота по территоріи великаго княжества, не уплативъ слѣдуемыхъ съ него таможенныхъ пошлинъ; впрочемъ, эти пошлины были потребованы

---

[2]) Бершадскій, II, р. 215.

[3]) Акты Зап. Рос., I, р. 195.

королемъ съ князя Ильи, какъ поручителя за своего подданого [1]). Шляхта въ особенности злоупотребляла своими привилегіями съ цѣлью избѣжанія платежа пошлинъ. Иногда, напримѣръ, шляхтичъ продавалъ свой товаръ—лѣсъ или хлѣбъ другому шляхтичу и проводилъ черезъ таможню подъ видомъ издѣлій своего имѣнія [2]). Иногда шляхтичи входили въ сдѣлки съ купцами и проводили ихъ товары, подъ видомъ своихъ собственныхъ [3]). Въ 1565 году мытники жаловались королю на то, что многіе изъ шляхты избѣгаютъ платежа мыта отъ товаровъ лѣсныхъ и жита „укрываючи побору и мыта, а менуючи своимъ власнымъ, зъ именій шляхетскихъ и работы своее, простыхъ хлоповъ за слуги устанавляютъ ку присязѣ. А многіе, арендовавши фольварки людемъ купецкимъ, и за се съ фольварковъ на мытехъ и на поборехъ заступаютъ оныхъ арендаровъ своихъ, купцовъ и иного стану людей, и добровольные, за свои власные товары менуючи, таковымъ же обычаемъ присегать велятъ". Это наносило большой вредъ казнѣ. Поэтому король предписываетъ, чтобы присяжное показаніе о происхожденіи вывозимаго продукта давалось исключительно шляхтичами, угрожая строгою отвѣтственностью тѣмъ, кто приноситъ шляхецкую присягу, не имѣя на то права. Изъ этого же листа мы узнаемъ, что и шляхта брала у подскарбія земскаго листы на провозъ хлѣба и лѣса, сработанныхъ въ ея собственныхъ имѣніяхъ. При не исполненіи какого нибудь изъ названныхъ условій мытники задерживаютъ товаръ [4]).

Актовыя книги сохранили массу тяжебныхъ дѣлъ между сборщиками налоговъ и населеніемъ; и чѣмъ тяжелѣе становились налоги, тѣмъ отношенія между обѣими сторонами принимали болѣе острый характеръ не смотря на то, что мытники находились подъ юрисдикціею самого господаря. Королевская канцелярія выдала въ 60 годахъ XVI вѣка не мало листовъ къ врядникамъ и земянству съ требованіемъ не чинить обидъ мытникамъ, справцамъ ихъ давать помощь,— говоритъ одинъ изъ такихъ универсаловъ—„и завжды, яко въ речи нашой и земской, отъ всихъ крывдъ боронити, а сами въ справы ихъ поборовые уступоватися, и имъ въ нихъ шкоды и перешкоды ни-

[1]) Бершадскій, I, р. 206—211.
[2]) Бершадскій, II, р. 214.
[3]) Кн. Пуб. Дѣлъ Лит., IX, л. 66.
[4]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 81.

которые чинити, и ихъ кривдити и утыскати ничымъ ни смели але—ся кутымъ поборцамъ нашымъ, и справцамъ ихъ во всемъ спокойне а пристойне заховали конечно“ [1]). Въ другихъ универсалахъ великокняжеское правительство требуетъ отъ своихъ агентовъ и отъ шляхты „не притягивать“ мытниковъ въ мѣстные суды и не дѣлать имъ „великихъ трудностей“, потому что всѣмъ этимъ „о шкоды въ мыте тымъ ихъ (т. е. мытниковъ) приправуете“, что на будущее время строго воспрещается [2]). Иногда господарь налагалъ громадныя заруки для защиты мытниковъ въ виду „похвалокъ“ на ихъ здоровье [3]): даже обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови для своихъ обрядовъ относилось преимущественно къ сборщикамъ мыта [4]).

12. Таможенные доходы.

Свѣдѣнія о доходахъ можно извлечь изъ господарскихъ листовъ на аренду мыть и коморъ. Благодаря этому матеріалу можно составить себѣ довольно полную картину роста и развитія таможенныхъ доходовъ. Недостатокъ матеріала чувствуется только за тотъ періодъ, когда мыта сдавались въ управленіе: отчеты сборщиковъ не дошли до насъ, какъ не дошли и скарбовыя книги. Извлеченный нами статистическій матеріалъ имѣетъ впрочемъ нѣкоторые недостатки. Свѣдѣнія о соляныхъ и восковыхъ коморахъ вообще весьма скудны, потому что онѣ сдавались почти исключительно въ управленіе въ первый періодъ ихъ существованія, а затѣмъ слились съ таможенными пошлинами; правда нѣкоторыя изъ коморъ управлялись отдѣльно— Виленская до конца изучаемаго періода, а о Витебской, Полоцкой и др. свѣдѣнія доходятъ только до 30-хъ годовъ; но о первой мы имѣемъ свѣдѣнія только за самые послѣдніе годы, а о вторыхъ данныя скудны. Есть въ нашихъ свѣдѣніяхъ и нѣкоторые пропуски. Однако, не смотря на эти недостатки, исторія таможенныхъ доходовъ сама по себѣ представляетъ не мало интереса. Цыфры даютъ понятіе не только о ростѣ доходовъ, но представляютъ собою матеріалъ,

---

[1]) Грамоты Антоновича, p. 148.
[2]) Ibidem, p. 89.
[3]) Ibidem, p. 112.
[4]) Ibidem, p. 94 сл.

интересный для исторіи торговли и вообще для экономическаго развитія страны. Послѣднее особенно удобно можно прослѣдить на исторіи стараго мыта, потому что тарифъ его, измѣнившись нѣсколько къ 30-мъ годамъ, потомъ не подымался.

Здѣсь мы сообщимъ только краткія свѣдѣнія о таможенныхъ доходахъ, въ особомъ же приложеніи можно найти подробныя свѣдѣнія о доходахъ по каждой таможнѣ. Тамъ указанъ объемъ сдаваемыхъ въ аренду мытъ, условія, вліявшія на повышеніе или пониженіе арендной платы, и другія свѣдѣнія, необходимыя для полной оцѣнки приводимыхъ ниже цыфровыхъ данныхъ.

За время долголѣтняго правленія короля Казимира свѣдѣнія о таможенныхъ доходахъ очень не полны. До насъ дошли арендные листы только за 3—4 послѣдніе года его правленія (1489—1492 гг., а первое указаніе на доходъ отъ Ковенскаго мыта относится уже къ 1496 году); мы приведемъ эти данныя, отбросивъ челобитья, дававшіяся мытниками королю, и переведя различную монету того времени на обычный литовскій грошъ въ 10 пенязей.

Такимъ образомъ въ этотъ періодъ таможенные доходы ежегодно давали скарбу слѣдующія суммы:

Луцкое . .	мыто	давало	ежегодно	2100	копъ	грошей.
Владимирское .	„	„	„	140	„	„
Берестейское .	„	„	„	1100	„	„
Новгородское .	„	„	„	322	„	„
Минское .	„	„	„	250	„	„
Ковенское .	„	„	„	250	„	„
Смоленское .	„	„	„	200	„	„
Путивльское .	„	„	„	366	„	„
Кіевское . .	„	„	„	950	„	„

Такимъ образомъ доходъ отъ мытъ при королѣ Казимирѣ ежегодно доставлялъ скарбу до 5678 копъ грошей.

Въ первые же годы правленія Александра Ягеллона замѣтно сильное паденіе таможенныхъ доходовъ. Вообще доходъ въ его время весьма колебался и только къ концу періода сталъ нѣсколько подыматься. Мы возьмемъ три періода этого правленія,—такіе періоды, за которые сохранились данныя обо всѣхъ таможняхъ, а именно за 1495—1498 гг., за 1500—1501 гг. и 1504—1505 гг.; какъ разъ эти періоды приближаются къ началу, срединѣ и концу правленія этого великаго князя. Такимъ образомъ получаемъ:

Мыта	1-ый періодъ.	2-ой періодъ.	3-й періодъ.
Луцкое . .	500 копъ грошей	—	800 копъ грошей.
Владимирское .	50 „ „	— „ „	60 „ „
Берестейское .	700 „ „	400 „ „	500 „ „
Новгородское .	50 „ „	50 „ „	100 „ „
Минское . .	120 „ „	200-300 „ „	200 „ „
Ковенское .	250 „ „	— „ „	600 „ „
Смоленское .	200 „ „	200 „ „	360 „ „
Путивльское .	366 „ „	300 „ „	— „ „
Кіевское около.	450 „ „	— „ „	— „ „

Такимъ образомъ въ началѣ правленія великаго князя Александра таможенные доходы давали ежегодно 2676 копъ гр., а въ концѣ 2620 копъ грошей (безъ Кіевскаго). Погодно подсчетъ за весь періодъ не можетъ быть сдѣланъ по отсутствію данныхъ. Впрочемъ приведенныя данныя показываютъ сказанное нами раньше о повышеніи и пониженіи дохода отъ пошлинъ за это время. Эти колебанія объясняются какъ внѣшними причинами, такъ и вообще большою безпорядочностью финансоваго управленія при Александрѣ. Учрежденіе восковыхъ и соляныхъ коморъ едва ли заполнило дефицитъ по мытамъ; намъ неизвѣстенъ размѣръ доходовъ съ коморъ за это время, но о немъ можно до нѣкоторой степени судить по доходамъ первыхъ годовъ правленія Сигизмунда I.

Переходимъ теперь къ таможеннымъ доходамъ времени Сигизмунда I. Наши данныя за это время наиболѣе слабы, потому что періодъ откупной системы въ это правленіе былъ продолжителенъ. Съ трудомъ можно выбрать три періода въ правленіе Сигизмунда I, за которые можно указать размѣръ таможенныхъ доходовъ. Такъ при немъ таможни приносили:

	1507—1509 гг.	1519—1524 гг.	1529—1532 гг.
Кіевское. . .	700 копъ грошей	—	—
Луцкое . . .	800 „ „	3000 копъ гр. (Луцкое и Берестейское)	2822 копъ гр.
Берестейское .	400 „ „		—2048 к. гр.
Ковенское . .	666 „ „	424 „ „	— „ „
Минское . . .	200 „ „	150 „ „	550 „ „
Полоцкое. . .	— „ „	— „ „	933 „ „
Новгородское .	— „ „	— „ „	110 „ „
Могилевское .	— „ „	333 „ „	300 „ „

Не забудемъ, что со второго періода соляныя и восковыя коморы сдаются уже вмѣстѣ съ мытами. Общій доходъ отъ мытъ въ первое трехлѣтіе составлялъ въ годъ до 2766 копъ гр., около 1520 г.— до 3900 копъ гр., и около 1530 г.—до 3700 копъ гр. (безъ Смоленскаго).

Къ этимъ доходамъ надо еще прибавить доходы отъ соляничаго и восковничаго; коморы давали въ это время (1507—1509 г.) въ годъ слѣд. суммы: Владимирская—ок. 75 копъ гр., Луцкая—ок. 388 копъ гр., Берестейская—750 копъ, Городенская—90 копъ, Дорогицкая— 35 копъ, Ковенская давала 4800 копъ за одну соль, Смоленская— 831 копу; доходы Виленской неизвѣстны, а Полоцкая давала очень различный ежегодный доходъ въ 1133 копы (1506—7 г.), 2732 копы (1508) и 1204 копы (1509 г.). Въ среднемъ, слѣдовательно, коморы въ первые три года Сигизмундова правленія ежегодно доставляли скарбу отъ 8000 до 8600 копъ гр. (кромѣ Виленской).

Въ подскарбство Аврама Езофовича (1510—1511 гг. его отчета) всѣ мыта и коморы виленскія и подляшскія давали въ годъ въ среднемъ 10170 копъ гр. Но вообще въ его управленіе мыта давали экстраординарные доходы; такъ напр. мыта и коморы въ Смоленскѣ и Ковнѣ принесли въ 1508 г. 3495 копъ гр. въ теченіи 4 мѣсяцевъ, между тѣмъ срокъ завѣдыванія даже не охватилъ всего навигаціоннаго періода (для Ковна). Въ 7 мѣсяцевъ 1510 г. Ковенская таможня дала почти 4000 копъ гр. Это необыкновенное повышеніе доходовъ, и притомъ спорадическое, надо объяснить не только добросовѣстностью администраціи, но, вѣроятно, и какими нибудь удачными торговыми операціями. Однако для исторіи сборовъ эти цыфры мало пригодны какъ случайныя.

При королевѣ Бонѣ, державшей въ своемъ завѣдываніи мыто около 10 лѣтъ, таможни получили большое развитіе, хотя о доходахъ за это время свѣдѣній не сохранилось, но такое утвержденіе необходимо вытекаетъ изъ знакомства съ арендными контрактами первыхъ годовъ Сигизмунда Августа.

Мы приведемъ сначала цыфровыя данныя по каждому отдѣльному округу съ обозначеніемъ періодовъ, въ которые мыто давало тотъ или иной ежегодный доходъ. Такимъ образомъ годичный доходъ таможенныхъ откуповъ выражался въ слѣдующихъ цыфрахъ:

Мыта.	Годы.	Ежегодный доходъ.
Волынское:	1544—1550	1800 копъ грошей.
„	1553—1555	2000 „ „
„	1556—1559	1800 „ „
„	1560—1565	1300 „ „
„	1566—1569	2400 „ „
„	1570—1573	2700 „ „
Подляшское:	1546—1548	3066 „ „
„	1549—1550	2966 „ „
„	1553—1562	3308 „ „
„	1563—1567	4000 „ „
„	1568—1570	2200 „ „
Новгородское:	1548—1549	250 „ „
„	1553—1562	400 „ „
„	1563—1570	530 „ „
Ковенское:	1559—1561	4000 „ „
„	1562—1570	5520 „ „
Жмудское:	1559—1561	700 „ „
„	1562—1564	800 „ „
Минское:	1553—1555	1500 „ „
„	1556—1558	1200 „ „
Виленское и Минское:	1560—1562	1500 „ „
„	1563—1570	2200 „ „
Полоцкое:	1556—1558	2164 „ „
„	1567—1571 [1]	2200 „ „
Могилевское:	1570—1575	1150 „ „

На основанiи вышеуказанныхъ данныхъ можно составить слѣд. таблицу роста таможенныхъ доходовъ съ конца XV в. по 1570 г., т. е. почти за цѣлое столѣтiе. Мы возьмемъ группы годовъ, въ которыя намъ извѣстенъ ежегодный доходъ отъ мытъ и коморъ. Такимъ образомъ получаемъ:

[1]) Сюда входили и старыя и новыя мыта (Кн. Пер. Лит., X, л. 14 об. и сл.).

Годы	доходъ отъ мытъ.
около 1490	5700 копъ грошей.
„ 1495	2700 „ „
„ 1500 [1])	3000 „ „
„ 1505 [2])	3300 „ „
„ 1508 [3])	3200 „ „
„ 1520 [4])	4000 „ „
„ 1546 [5])	13000 „ „
„ 1553	14300 „ „
„ 1560	14300 „ „
„ 1563	17500 „ „
„ 1570	15600 „ „

Къ даннымъ за 1546—1570 г. надо бы присоединить около 2000 копъ гр. за восковничее виленское, такъ какъ оно въ среднемъ давало именно этотъ доходъ. Конечно, эти цифры не обладаютъ абсолютною точностью, но все же даютъ извѣстное представленіе о постепенномъ развитіи таможеннаго дохода старыхъ мытъ. Надо, напр. помнить, что съ 1501 по 1520-ые годы собиралось особо восковничее и соляничее; въ первые годы Сигизмундова правленія эти доходы составляли болѣе 8000 копъ грошей. Судя по отдѣльнымъ фактамъ, доходъ отъ коморъ въ послѣдующее время нѣсколько понизился, такъ что къ моменту объединенія мытъ и коморъ въ одномъ управленіи доходъ отъ послѣднихъ едва ли доходилъ до 8000 копъ.

Если разсматривать настоящую таблицу съ точки зрѣнія общаго государственнаго бюджета, то выводъ, на который она уполномочиваетъ, сводится къ тому, что ростъ таможеннаго дохода приблизительно

---

[1]) Недостающія данныя о нѣкоторыхъ таможняхъ взяты изъ послѣдующихъ годовъ.

[2]) Для кіевскаго мыта принято 700 копъ гр.

[3]) Смоленское давало несомнѣнно 450—500 копъ гр.

[4]) Присчитано и новогородское мыто.

[5]) Относительно данныхъ за 1546—1570 г. надо имѣть ввиду слѣд. замѣчанія: во всѣхъ итогахъ (кромѣ 1570 г.) прибавлено 1000 копъ гр. на могилевское мыто. Итогъ 1546 г. извѣстенъ намъ безъ полоцкаго, ковенско-жмудскаго и минско-виленскаго округовъ, но они давали minimum 7000 копъ. Итогъ 1553 г.—безъ ковенско-жмудскаго мыта, которое даетъ около 4000 копъ. Итогъ 1560 г.—безъ полоцкаго, но оно доставляло minimum 2000 копъ. Итогъ 1563 г.—тоже безъ полоцкаго. Итогъ 1570—безъ жмудскаго, дававшаго 800 копъ. Эти цыфры присоединены къ итогамъ.

за послѣдніе 60—65 лѣтъ шелъ весьма умѣренно (къ мытному доходу 1508 и др. годовъ надо прибавить доходъ коморный). Но наше заключеніе будетъ инымъ, если мы примемъ во вниманіе слѣд. факты: Кіевская таможная съ 1507 г. перешла отъ скарба на „пожитокъ“ воеводъ (до 700 копъ гр.), потеря Смоленской таможни обошлась бюджету по крайней мѣрѣ въ 1300 копъ (въ 1508 г. одна комора давала 831 копу); эта потеря не была возмѣщена могилевскимъ мытомъ, но и оно стало поступать въ скарбъ только съ 20-хъ годовъ; впрочемъ, могилевское мыто было соединено съ корчмами и торговымъ мытомъ. Такимъ образомъ, скарбъ съ потерей Смоленска и отдачей кіевскаго мыта, терялъ около пятой части дохода, считая мыта съ восковыми и соляными коморами. Изъ этого слѣдуетъ, что къ пятидесятымъ годамъ таможенные и коморные доходы возвысились приблизительно болѣе чѣмъ на 50%, а въ шестидесятыхъ годахъ они поднялись (сравнительно съ 1508 г.) даже болѣе, чѣмъ на 100% (принимая въ разсчетъ и виленское восковничее). Это повышеніе объясняется какъ надбавками „новаго“ мыта тридцатыхъ годовъ, такъ и ростомъ торговыхъ сношеній. Что послѣднія тутъ играютъ крупную роль, можно судить по повышенію доходовъ послѣ 1546 г. Только послѣ введенія тарифа новаго мыта 1566 г. замѣтно нѣкоторое паденіе доходовъ стараго мыта.

Ростъ стараго мыта еще рельефнѣе выступаетъ при разсмотрѣніи доходности отдѣльныхъ таможенъ. Это легко прослѣдить по списку таможенныхъ доходовъ: въ теченіе полустолѣтія доходность отдѣльныхъ таможенъ увеличилась въ два-три раза.

Таковъ ростъ стараго мыта. Новое мыто 1561 и послѣдующихъ годовъ вызывалось особыми обстоятельствами. Ставки его были очень высоки. Отъ него ожидали большаго дохода, но ожиданія эти оправдались далеко не вполнѣ.

О результатахъ побора 1561 г. намъ ничего неизвѣстно. Судя по отрывочнымъ даннымъ, онъ собирался въ большинствѣ округовъ спеціальными поборцами, т. е. сборъ его былъ устроенъ въ дѣйствительности на началахъ, указанныхъ универсаломъ. Поборъ 1566 г. сданъ былъ въ аренду двумъ самымъ вліятельнымъ въ государствѣ лицамъ—Яну Іеронимовичу Ходкевичу, гетману и администратору Ливоніи, и Остафію Воловичу, подканцлеру, только что сложившему съ себя подскарбство земское; намъ уже извѣстна причина, побудившая короля обратиться именно къ этимъ лицамъ. Новый поборъ,

утвержденный Берестейскимъ сеймомъ, сданъ былъ въ аренду съ перваго ноября того же года на одинъ годъ за сумму въ 52000 копъ грошей. Сюда входило и предполагаемое мыто съ товаровъ „залежалыхъ“. За этотъ товаръ, по словамъ контракта 1567 г., было вручено около 10000 копъ грошей. Однако, эта сумма не дошла до скарба: въ листѣ отъ 18 февраля король объясняетъ, что арендаторы доложили ему о понесенныхъ ими убыткахъ по случаю появившихся повальныхъ болѣзней, почему король рѣшилъ отчислить имъ извѣстную сумму за убытки. 7 іюня 1567 г. король заключаетъ съ названными лицами уже новый контрактъ на аренду мыта (по 1 ноября 1568 г.). Такъ какъ мыто отъ „залежалаго“ товара уже взыскано, и, сверхъ того, такъ какъ скарбу нужны были деньги впередъ, а доставать ихъ, по словамъ Ходкевича, было очень затруднительно, то новая аренда сдана была всего за 42000 копъ грошей. Сюда не входило однако мыто по Двинѣ въ районѣ Полоцкаго таможеннаго округа. Разумѣется, Ходкевичъ и Воловичъ управляли мытами черезъ своихъ компаніоновъ Менделя Исаковича и И. Бородавку. Первый изъ нихъ уже 9 января 1568 г. заключилъ съ королемъ условіе на аренду новыхъ мытъ съ 1 ноября того же года за прежнюю сумму въ 42000 копъ гр. Замѣтимъ, что и въ этомъ послѣднемъ контрактѣ не принимается въ разсчетъ Полоцкое мыто. Столь раннѣе, задолго до истеченія срока аренды, заключеніе контрактовъ объясняется острою нуждою скарба въ деньгахъ: значительныя суммы арендаторы обязывались внести впередъ, до наступленія срока аренды. Какъ извѣстно, вслѣдствіе представленія становъ на Гродненскомъ сеймѣ 1568 г., новоподвышоное мыто 1561—1566 гг. было формально отмѣнено, но господарь повысилъ таможенныя ставки собственною властью. Это новое мыто было сдано служебнику господарскому Валентину Иберфельту и его компаніону Изаку Бородавкѣ по контракту, заключенному 15 августа 1568 г. въ Кнышинѣ. Срокъ аренды начинается 1 ноября 1569 г. и аренда сдается на три года. Арендная плата установлена въ 26000 копъ гр. лит. въ годъ. Въ случаѣ окончанія Московской войны, аренда повышается на 2000 копъ гр.

Хотя Иберфельту и Бородавкѣ было обѣщано, что господарь ихъ не „рушитъ“ съ мыта, однако оба компаніона держали новое мыто менѣе года. Дѣло въ томъ, что Мендель Изаковичъ и самъ Бородавка держали въ предшествующій арендный періодъ мыто съ согласія О. Воловича. Этотъ послѣдній вмѣстѣ съ подскарбіемъ зем-

скимъ п. П. Нарушевичемъ заняли для скарба 36000 злот. пол. при помощи и за поручительствомъ Менделя Изаковича и Липмана Шмерлевича (его компаніона) и имѣли обезпеченіе на старыхъ и новыхъ мытахъ подъ условіемъ частичнаго погашенія долга изъ мытъ. Поэтому О. Воловичъ сдѣлалъ Сигизмунду Августу представленіе въ томъ смыслѣ, что „нихто иный только его милость съ паномъ подскарбіемъ мели тые новые мыта выбирати, платечи певную суму пенезей до скарбу". Между тѣмъ, Иберфельтъ не принимаетъ на себя уплату долга Изаковичу и Липману. Поэтому господарь нарушилъ прежній контрактъ, находя объясненіе этому и въ неисправности платежа со стороны Иберфельта. По новому контракту, написанному 1 іюня 1570 г., аренда новыхъ мытъ предоставляется на три года п. О. Воловичу и П. Бородавкѣ пополамъ. Ежегодная арендная плата устанавливается однако въ 20000 копъ гр., потому что 6000 копъ гр., отчислены изъ прежней аренды вслѣдствіе присоединенія Волыни и Подляхіи къ Коронѣ. Впрочемъ, п. О. Воловичъ скоро передалъ свою „половицу" мыта двумъ капиталистамъ бурмистру виленскому Фронцку Станиславовичу и радцѣ виленскому Собестіану Мисевичу, которые приняли на себя обязательство Воловича по отношенію къ М. Изаковичу и Липману. Станиславовичъ и Мисевичъ соединили въ своихъ рукахъ и старыя мыта. Однако, выданный имъ 20 сентября 1570 г. господарскій листъ заявляетъ, что мыта поступаютъ къ нимъ не въ аренду, но „къ вѣрной руцѣ", т. е. въ управленіе, съ обезпеченіемъ скарбоваго долга, занятаго при поручительствѣ О. Воловича. Однако, новые справцы, т. е. Станиславовичъ, Мисевичъ и Бородавка,—не внесли полной суммы за мыта въ 1571 г.: вслѣдствіе морового повѣтрія господарь „отпустилъ" имъ 8000 копъ гр. изъ аренды за этотъ годъ.

Такимъ образомъ къ доходамъ, которые давало мыто старое, надо еще прибавить въ шестидесятыхъ годахъ и доходъ отъ мыта новаго. Въ общемъ скарбъ могъ получить въ 1567—1568 гг. около 59000 копъ грошей лит., а въ 1569 г. около 41000 копъ грошей вмѣстѣ съ подляшскими таможнями.

Познакомившись съ налогами на потребленіе въ Литовско-русскомъ государствѣ, остановимся на тѣхъ общихъ заключеніяхъ, на которыя уполномочиваетъ настоящая глава.

Обширная область косвенныхъ налоговъ дѣлилась въ Литовско-русскомъ государствѣ на три группы: къ первой относятся внутренія таможенныя пошлины съ торговыми сборами: ко второй—монополіи, носящія вообще вотчинный характеръ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ (напр., соляной и лѣсной торговли). Съ первыми неразрывно связанъ и акцизъ, возникшій съ 1561 г. Третью группу составляютъ внѣшнія таможенныя пошлины.

Несмотря на свое разнообразіе, косвенные налоги въ своемъ историческомъ развитіи проникнуты общими началами.

Въ общемъ, происхожденіе таможенныхъ и торговыхъ сборовъ относится, въ русскихъ областяхъ, еще къ до-литовскому періоду. Въ основѣ ихъ лежитъ идея оплаты частными лицами услугъ, предоставляемыхъ имъ при торговомъ обмѣнѣ и передвиженіи товаровъ государствомъ, общинами или частными лицами. Выросши изъ этой основной идеи и превратившись въ изучаемый нами періодъ въ орудіе фиска, мытные сборы и тогда еще не вполнѣ утрачиваютъ свою изначальную окраску. Такъ какъ услуги могутъ быть оказываемы и государствомъ, и общинами, и частными лицами, то естественно, что само установленіе сборовъ и таможенныхъ заставъ первоначально разсѣивается въ средѣ названныхъ элементовъ: торговое и въ особенности проѣзжее мыто является достояніемъ вотчинника, на ряду съ государственной властью. Разумѣется, государство имѣетъ въ этомъ отношеніи превалирующее значеніе. Съ теченіемъ времени вотчинный характеръ проѣзжихъ и торговыхъ мытъ нарушается, но этотъ періодъ совпадаетъ не съ уменшеніемъ власти вотчинниковъ, но съ расширеніемъ ея въ другую сторону: шляхтичъ является regulus въ своемъ земскомъ имѣніи.

Въ смыслѣ взиманія и распредѣленія среди различныхъ элементовъ общества, мытные сборы, не смотря на свое раздѣленіе на внѣшніе, торговые, проѣзжіе и проч., проникнуты общими началами. Вообще весь таможенный обрядъ держится на старинѣ—обычаѣ, сложившемся вѣками. Эта старина регулируетъ обложеніе, дороги, управленіе и проч. Въ разныхъ мѣстностяхъ государства она имѣетъ тѣ или иныя отличія. Но вообще обычно-правовой порядокъ создаетъ разнообразіе поводовъ ко взиманію мытъ, названія пошлинъ и въ особенности разнообразитъ тарифъ. Торговецъ, передвигаясь по странѣ съ товарами, встрѣчаетъ на своемъ пути цѣлую сѣть сборовъ различныхъ наименованій, хотя часто и аналогичныхъ по своему содер-

жанію. Самые способы взиманія отличаются вообще весьма рудиментарными пріемами. Чаще преобладаетъ такса сборовъ, опредѣляемая тѣми транспортами, въ которыхъ передвигается товаръ, такъ что цѣнность товара не всегда принимается въ разсчетъ; такъ, кое-гдѣ отличаютъ мыто дровяное, рыбное, скопное и т. п. Соотношенія между размѣрами обложенія и цѣнностью облагаемаго продукта принимается въ разсчетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, вообще древнѣйшая система косвеннаго обложенія держалась на обычаѣ, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ всегда сопряженною съ обычно-правовымъ порядкомъ косностью и рудиментарностью техническихъ пріемовъ.

Такой порядокъ вещей подвергается постепенному измѣненію въ зависимости отъ роста государственной власти, соціальной дифференціаціи и измѣненій въ экономическомъ строѣ страны.

Ростъ государственной власти сталъ сказываться прежде всего въ томъ, что государство ограничиваетъ права вотчинниковъ на установленіе таможенныхъ заставъ и права населенія вообще на продажу, а затѣмъ и на производство спиртныхъ напитковъ. Разрѣшеніе на устройство таможенныхъ заставъ, держаніе корчемъ является возможнымъ только подъ условіемъ разрѣшенія со стороны государственной власти.

Государство оставляетъ внѣ своего контроля владѣльческую вотчину, сельскую или городскую общину во всемъ томъ, что относится до элементовъ, связанныхъ съ самой вотчиной или общиной. Но разъ эти отношенія переходятъ на обще-государственную почву, великокняжеская власть считаетъ нужнымъ свое вмѣшательство. Правда, она не настолько сильна, чтобы проявить себя реально, но для насъ важенъ самый фактъ признанія компетенціи верховной власти въ установленіи и контролѣ за таможенными заставами на частновладѣльческихъ земляхъ. Это былъ первый шагъ въ развитіи государственныхъ отношеній въ области таможенныхъ сборовъ. Такъ какъ верховная власть въ государствѣ, въ данный періодъ, постепенно переходитъ отъ господаря—великаго князя, правящаго подъ контролемъ рады, къ сеймовымъ станамъ, т. е. къ господарю, радѣ и посольской избѣ, то въ исторіи косвенныхъ налоговъ сказался и этотъ процессъ развитія государства: тарифы новаго мыта 1561, 1566 гг. уже декретируется властью сейма.

Съ другой стороны, процессъ сословной дифференціаціи сказался на распредѣленіи обложенія косвенными налогами различныхъ классовъ общества. До половины XVI столѣтія всѣ элементы общества должны были уплачивать таможенныя и торговыя пошлины, собиравшіяся господарскимъ скарбамъ. Господарь могъ освобождать то или иное лицо или цѣлую общину отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ пошлинъ: это было въ его „милости и ласцѣ", такъ какъ самое взиманіе таможенныхъ пошлинъ носило еще, въ извѣстной мѣрѣ, частный характеръ. Ростъ шляхетскихъ привилегій сказался на томъ, что шляхта была освобождена отъ уплаты государственныхъ таможенныхъ сборовъ при провозѣ нѣкоторыхъ товаровъ. Такъ на исторіи косвенныхъ налоговъ сказался процессъ развитія государственнно-правовыхъ идей.

Переходя къ чисто фискальной сторонѣ вопроса, нельзя не замѣтить, что и въ данномъ случаѣ замѣчается тоже стремленіе къ развитію финансовыхъ средствъ въ странѣ, какое мы встрѣтили въ исторіи господарскихъ доменовъ. Одна общая тенденція проникаетъ въ дѣятельность скарба со второй половины правленія Сигизмунда I. Старина, обычай, въ податныхъ отношеніяхъ, рушится и на ея мѣсто воздвигается скарбомъ довольно своеобразная комбинація старыхъ и новыхъ податныхъ отношеній. При посредствѣ спеціальныхъ ревизоровъ и мѣстныхъ административныхъ агентовъ скарбъ собираетъ старые „пожитки" и устанавливаетъ новые. Новые пожитки находятъ свое основаніе въ вотчинной власти великаго князя, въ господарскихъ добрахъ. Такими новыми пожитками являются монополіи мельницъ и производства спиртныхъ напитковъ; затѣмъ скарбъ охватываетъ торговыми и монопольными сборами и сельскую территорію, ранѣе имъ не подлежавшую. На этой почвѣ выростаетъ цѣлая сѣть поборовъ вотчиннаго характера. Господарскіе подданые оказываются опутанными весьма разнообразными сборами. Это уже вноситъ нездоровое зерно въ фискальную политику скарба. Скарбъ коснулся и способа взиманія налоговъ. Въ старые сборы, напр., въ торговое проѣзжее мыто, онъ внесъ больше ясности, опредѣленности; въ смыслѣ системы взиманія онъ окончательно склонился къ отдачѣ доходныхъ статей въ аренду. Что кас етсяпограничныхъ таможенныхъ сборовъ, то скарбъ оставляетъ старое мыто на прежнихъ основаніяхъ, но для новаго мыта имъ уже издается особый, общій для всего государства тарифъ. Правда, и этотъ послѣдній мало сообразуется съ цѣною товара; только нѣкоторые предметы облагаются ad valorem. Всѣмъ

этимъ вносится извѣстное улучшеніе въ способахъ обложенія косвенными налогами.

Ливонская война явилась могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія косвеннаго обложенія. Подъ ея вліяніемъ скарбъ напрягалъ платежныя силы населенія до такихъ предѣловъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ или достигалъ обратнаго явленія, т. е. пониженія сборовъ, какъ это сказалось въ годы Люблинской уніи, или, наконецъ, господарскіе универсалы оказывались недѣйствительными.

Но продолжительная война не давала возможности скарбу дѣйствовать съ той осмотрительностью и постепенностью, которыми отличается его работа въ другихъ областяхъ финансовой политики, напр., въ проведеніи волочной системы. Однако, было-бы весьма ошибочно приписывать Ливонской войнѣ самый импульсъ въ дѣлѣ изысканія скарбовыхъ пожитковъ въ области косвенныхъ налоговъ. Ливонская война придала этимъ поискамъ лишь ускоренный и неравномѣрный темпъ. Скарбъ сталъ на почву реформы въ этой области, какъ и въ другихъ, подъ вліяніемъ измѣненій, испытываемыхъ государствомъ въ сферѣ экономической жизни. Найдя источникъ дохода въ монополіяхъ и другихъ косвенныхъ сборахъ, скарбъ, подъ вліяніемъ критическаго состоянія казны, сталъ слишкомъ неумѣренно его эксплоатировать. Въ этомъ отношеніи онъ становился на ту же почву въ развитіи вотчинныхъ монополій (въ сферѣ общегосударственной оно оказалось не осуществимымъ), на какой въ XVI в. стояли многія нѣмецкія государства [1]).

Это усиленное вниманіе къ косвеннымъ сборамъ уже начало вести къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ они приводили и въ другихъ государствахъ, въ смыслѣ ненависти населенія къ этому виду податного тягла.

Вообще, исторія косвенныхъ налоговъ имѣетъ большое сходство, даже въ отдѣльныхъ фазисахъ своего развитія полное тождество, съ исторіей тѣхъ же формъ обложенія въ западно-европейскихъ государствахъ. Прежде всего ихъ объединяетъ происхожденіе, такъ какъ таможенные сборы и въ древне-германскихъ государствахъ понимались какъ оплата за услуги, предоставляемыя устройствомъ мостовъ, перевозовъ и пр. [2]). Уже капитулярій Карла Великаго, выданный

---

[1]) И. И. Янжулъ, Основныя начала финансовой науки, изд. 1890 г., р. 115.

[2]) Clamageran, Istoire de l'impot en Franc, I, p. 161.

въ 803 г., воспрещалъ взиманіе пошлинъ не на рѣкахъ и не на мостахъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ торговецъ не получалъ никакихъ услугъ со стороны владѣльца земли [1]).

Въ древнѣйшей стадіи своего развитія таможенныя пошлины здѣсь отличались разнообразіемъ названій поводовъ для взиманія, и падали на самые разнообразные предметы при ихъ передвиженіи по странѣ [2]). Наконецъ, феодальная эпоха отличается весьма грубыми формами тарифа [3]). Государственная власть, хотя и весьма слабая въ феодальный періодъ, борется съ незаконнымъ устройствомъ и взиманіемъ таможенныхъ пошлинъ [4]). И здѣсь „нововымышленныя" и „незвычайныя" мыта (употребляя литовско-русскій терминъ) составляли большое зло [5]), противъ которыхъ государственная власть выступаетъ съ большимъ успѣхомъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ [6]), и уже къ половинѣ XVI в. выказываетъ большую заботливость о порядкѣ сборовъ пошлинъ, устанавливаетъ опредѣленныя таксы и проч. [7]) Этихъ бѣглыхъ указаній достаточно для подтвержденія самаго факта существованія указаннаго сходства въ исторіи таможенной пошлины въ Литовско-русскомъ государствѣ и въ феодальной Европѣ.

Намъ еще остается напомнить, что сравнительная доходность разныхъ видовъ косвеннаго обложенія была весьма неодинакова: торговое мыто и внутреннія проѣзжія пошлины давали вообще ничтожный доходъ скарбу, такъ какъ эти сборы расплывались по общинамъ. Въ извѣстной мѣрѣ, столь же не велика была и доходность отъ капщины. Зато пограничное мыто уже въ древнѣйшее время занимаетъ почетное мѣсто въ государственномъ бюджетѣ, на ряду съ доходами отъ соляничого и восковничого. Весьма замѣчателенъ ростъ доходовъ отъ монополій и акцизовъ. Новыя мыта почти въ три раза дали большій доходъ, чѣмъ старыя, но это уже вызвало непомѣрное напряженіе со стороны плательщиковъ, такъ что сейчасъ же стало замѣтнымъ и паденіе торговой дѣятельности, отразившееся и на арендной платѣ за новыя и старыя мыта.

---

[1]) Falke I., Die Geschichte des deutschen Zollwesens, Leipzig, 1869. p. 16.

[2]) Clamageran, o. c., p. 167.

[3]) Ibidem, p. 205.

[4]) Falke, o. c., p. 21 и др.

[5]) Ibidem, p. 51.

[6]) Clamageran, o. c., II, p. 7; Falke, o. c., p. 56.

[7]) Clamageran, o. c., II, p. 117.

О томъ, что таможенныя пошлины, монополіи и акцизъ шестидесятыхъ годовъ были подняты для нѣкоторыхъ предметовъ на высоту, грозившую сокращеніемъ торгово-промышленной дѣятельности, можно судить по отношенію тарифныхъ ставокъ къ цѣнамъ товаровъ. Для примѣра мы возьмемъ только цѣны на нѣкоторые товары, при томъ цѣны, относящіяся къ тому же времени, когда дѣйствовалъ тарифъ новаго мыта. Наши указанія будутъ носить, къ сожалѣнію, спорадическій характеръ, потому что источники представляютъ довольно скудныя данныя по исторіи цѣнъ.

Особое вниманіе новый тарифъ оказывалъ предметамъ вывоза. Такъ, старое и новое мыто съ лѣсныхъ товаровъ достигало весьма крупныхъ размѣровъ. Лаштъ пепелу, при продажѣ въ рѣчныхъ портахъ, шелъ въ 1547—1568 гг. въ 2—$2^1/_5$ копы гр. лит.; сотня клепокъ шла по 2 копы гр. лит. въ 1547 г., сотня ванчосу—въ $2^1/_2$ копы гр. лит. (судя по цѣнамъ пепела, слѣдуетъ думать, что къ концу шестидесятыхъ годовъ цѣна на лѣсные товары не могла рѣзко увеличиться; это вѣроятно и потому, что предложеніе ихъ сильно возростало). Это цѣны за товары лучшихъ сортовъ, худшіе сорта падали до $1^1/_2$ копы. Между тѣмъ старое мыто взималось со всѣхъ трехъ названныхъ товаровъ по 8 гр. 7 пен. съ каждаго. Присоединяя къ этой таксѣ новое мыто оказывается, что въ 1561—1567 гг. съ лашту пепелу взималось 104 гр. 7 пен., съ сотни ванчосу 50 гр. 7 пен. и съ сотни клепокъ тоже 104 гр. 7 пен., т. е. таможенная пошлина съ худшихъ сортовъ товара даже нѣсколько превышала ихъ продажную цѣну, а сравнительно съ цѣной лучшихъ сортовъ пошлина была немногимъ ниже цѣны товара. Въ 1568—1569 гг. новое мыто съ каждаго изъ этихъ товаровъ было понижено на 24 гр. лит. Цѣны на воскъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны за шестидесятые годы. Въ 1527 г. штука воску продавалась по 20 копъ гр., а въ штукѣ бывало до 58 камней, т. е. камень воску продавался около $20^1/_2$ гр. Между тѣмъ, старое мыто съ камня взималось въ размѣрѣ 6 гр., въ 1561 г. прибавлено еще 12 гр., въ 1566 г. прибавлено къ этому еще 12 гр., т. е. таможенная пошлина въ $1^1/_2$ раза превышала цѣну товара. Локоть простого литовскаго сукна продавался въ шестидесятыхъ годахъ по 2 гр., а между тѣмъ съ него была назначено въ 1568 г. по 2 гр. польскихъ, кромѣ стараго мыта.

Высокимъ тарифомъ были обложены и жизненные припасы, вывозимые изъ Литвы. Цѣны на скотъ въ шестидесятыхъ годахъ были

довольно устойчивы. Въ нашемъ распоряженіи имѣются казенныя цѣны, по которымъ покупался скотъ и хлѣбъ у крестьянъ для довольствія войскъ. Это цѣна принудительная и минимальная.

Казенная цѣна скота весьма мало понижена сравнительно съ вольными торговыми цѣнами. Цѣны на хлѣбъ, судя по вольнымъ цѣнамъ, были очень неравномѣрны, и казенныя цѣны оказываются иногда вдвое ниже частныхъ. Такимъ образомъ, казенныя цѣны ниже дѣйствительныхъ, но, вѣроятно, онѣ болѣе и менѣе приближались къ тѣмъ цѣнамъ, по которымъ шелъ хлѣбъ на мѣстѣ производства, въ селахъ, и по которымъ здѣсь же продавался скотъ. Принимая въ разсчетъ эти оговорки, мы сопоставимъ *максимальныя* казенныя цѣны шестидесятыхъ годовъ на скотъ и хлѣбъ съ тарифами стараго и новаго мыта. Такимъ образомъ получаемъ:

		Взималось стараго и новаго мыта		
	Цѣна.	въ 1561—1566 гг.	въ 1566—1567 гг.	въ 1568—1569 гг.
волъ „оремый“ . .	80 гр.	16 гр.	19 гр.	16 гр.
яловица	36 гр.	13 гр.	16 гр.	9 гр.
бочка жита	12 гр.	3 гр.	3 гр.	4 гр.
бочка пшеницы . .	12,8 гр.	4 гр.	4 гр.	5 гр.
бочка овса	8 гр.	1,2 гр.	1,2 гр.	3 гр.
бочка ячменя . . .	10 гр.	2,5 гр.	2,5 гр.	3 гр.
бочка гороху . . .	28 гр.	3 гр.	3 гр.	3 гр.

Такимъ образомъ таможенная пошлина съ жизненныхъ припасовъ, въ большинствѣ случаевъ, достигала четвертой части стоимости самаго товара. Правда, мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи минимальныя цѣны продукта.

Обратимся теперь къ ввозу. На мѣха и на нѣкоторые другіе товары, какъ мы уже знаемъ, падалъ десятипроцентный сборъ ad valorem. Эта ставка уже ниже тарифа на предметы вывоза. И вообще, ввозныя пошлины были гораздо ниже вывозныхъ. Такъ, поставъ лунскаго сукна продавался въ Литвѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, по 12 копъ гр., между тѣмъ на границѣ съ постава этого сукна взималось 24 гр. стараго мыта и 12 гр. новаго (въ 1568 г.—18, 4 гр.): значитъ, пошлина составляла одну двадцатую цѣны товара, по которой онъ шелъ къ потребителю. Болѣе дорогіе ввозные товары облагались еще меньше, такъ какъ съ нихъ взимался десятый грошъ.

Зато такой необходимый предметъ потребленія какъ соль облагался высокимъ тарифомъ. Такъ бочка соли, стоившая въ Бельзѣ, при оптовой продажѣ, 2 талера, т. е. 66 гр. лит., облагалась соленичимъ въ 3 гр., по тарифу 1561 г.—въ 9 гр. и по тарифу 1566 г.—въ 13 гр.

Такимъ образомъ, новый тарифъ всею своею тяжестью ложился преимущественно на мѣстное производство.

Остается указать на соотношеніе товарныхъ цѣнъ съ размѣрами акциза 1561 г. Такъ, бочка ржаной муки стоила 12 гр. 8 пен., а съ нее взималось акцизу 12 пен., т. е. болѣе одной десятой. Вообще, повидимому, акцизъ на помолъ имѣлъ въ виду взимать десятую часть стоимости продукта послѣ помола. Зато акцизъ, падавшій на напитки, былъ высокъ: отъ бочки солоду взималось 3 гр., между тѣмъ какъ продажная цѣна продукта была отъ 6 („посполитаго“) до 12 гр. (пшеничнаго и ячнаго).

ГЛАВА V.

Монетная регалія.

Въ Литовско-русскомъ государствѣ чеканка монеты представляла собой государственную регалію. Нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей, правда, пользовались правомъ чеканки монеты [1]). Но, повидимому, такимъ правомъ пользовались не всѣ удѣльные князья и притомъ они скоро лишились этого права, почему безошибочно можно утверждать, что чеканка монеты рано пріобрѣла характеръ государственной регаліи. Дѣйствительно, великіе князья литовскіе пользуются этимъ правомъ уже въ очень ранній періодъ существованія государства. По мнѣнію Чацкаго [2]), литовскіе великіе князья не чеканили монеты до Ягайлы; впрочемъ, Нарбутъ увѣряль, что ему извѣстна монета временъ Миндовга, но такому утвержденію небезопасно вѣрить [3]). При Ягайлѣ въ Литвѣ чеканились полугрошки и, кажется, гроши; извѣстны также полугрошки великихъ князей Свидригайлы и Сигизмунда Кейстутьевича [4]).

Такимъ образомъ, чеканка монеты рано усвоена была великими князьями литовскими.

Обращаясь къ исторіи монетной регаліи въ ея отношеніи къ государственнымъ финансамъ, замѣтимъ, что для насъ этотъ вопросъ имѣетъ значеніе только какъ источникъ государственнаго дохода.

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, Монографіи, I, р. 255.

[2]) Dziela, III, p. 444.

[3]) Jaroszewicz, Obr. Litwy, I. 113.

[4]) Czacki, III, p. 444.

Интересъ монетной регаліи, какъ источника доходовъ, заключается въ цыфрахъ, показывающихъ, сколько чеканено монеты, какой доходъ она давала, какого качества чеканилась монета. Къ сожалѣнію, дошедшія до насъ данныя очень отрывочны. Мы рѣшаемся изложить здѣсь то, что намъ удалось найти въ источникахъ по этому вопросу, потому что и эти данныя могутъ представить нѣкоторый интересъ въ финансовой исторіи государства и, быть можетъ, дадутъ вообще небезполезныя указанія для монетнаго дѣла въ Литвѣ.

Древнѣйшею чеканною монетою были, какъ уже указано, полугрошки и, быть можетъ, гроши; это—монета сравнительно мелкая, такъ какъ крупную монету въ XV вѣкѣ и отчасти въ XVI в. замѣняла иностранная (золотые угорскіе, талеры и пр.). О чеканкѣ монеты при королѣ Казимирѣ у насъ нѣтъ свѣдѣній. Въ правленіе Александра чеканились полугрошки [1]) и очень мелкая монета—пенязи [2]). До насъ дошли два отчета, касающіеся чеканки монеты въ это время. 9 іюня 1499 г. панъ Литаворъ Хребтовичъ представилъ отчетъ по управленію монетнымъ дворомъ за 4 предшествующіе года. Расходъ монетнаго двора состоялъ изъ 56041 копы 26 гр. лит.—на серебро, работу и другія надобности для чеканки монеты. Прибыль отъ этой работы выразилась въ 22704 копы гр. [3]). Второй отчетъ по управленію монетнымъ дворомъ сдавалъ въ 1506 г. уже Сигизмунду I извѣстный князь Михаилъ Глинскій. Однако по этому отчету нельзя составить себѣ полнаго представленія о ходѣ монетнаго дѣла. Глинскій завѣдывалъ монетнымъ дворомъ въ теченіе почти пяти съ половиной лѣтъ; но кромѣ чеканки монеты, онъ еще завѣдывалъ торговлей господарскимъ воскомъ; поэтому-то отчетъ сливаетъ завѣдываніе воскомъ съ монетнымъ дѣломъ [4]).

Время правленія Сигизмунда I было довольно богато мѣропріятіями въ области монетныхъ операцій. Но и объ этомъ періодѣ наши свѣдѣнія также очень скудны. При Сигизмундѣ I чеканились гроши и полугрошки [5]). Чеканка монеты началась съ 1509 г., но

---

[1]) Bandtkie, Numizmatika krajowa, War., 1839, I, p. 33.

[2]) Comte Emeric Hutten-Czapski, Catalogue de la collection des medailles et monnais polonaiser, t. I, p. 19.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 92.

[4]) Акты Зап. Рос., II, p. 3.

[5]) Zagórski Ignacy, Monety dawnej Polski, jako też prowincyi i miast niegdy do niej należących, War. 1845, p. 6.

уже до этого времени чувствовалась, видимо, потребность въ монетѣ, что показываетъ универсалъ 1508 г. о пріемѣ польской монеты [1]). Съ 1509 г. монета непрерывно чеканилась по 1529 г. включительно, затѣмъ въ 1535 и 1536 гг. Объ этомъ можно судить какъ по каталогамъ монетъ, такъ и по письменнымъ даннымъ.

Въ 1509 г. чеканка монеты была поручена извѣстному Ульриху Гозію. Онъ завѣдывалъ монетнымъ дворомъ съ 9-го февраля 1509 г. по 24 августа 1510 г. На монетный дворъ за это время пошло 13619 гривенъ 12 лотовъ серебра, а чистой прибыли получено 6000 копъ грошей, т. е. скарбъ получилъ дохода 18% [2]). Этотъ однако отчетъ весьма слабо характеризуетъ монетныя операціи того времени. Дѣятельность Аврама Езофовича по управленію монетнымъ дворомъ несомнѣнно способствовала развитію его операцій; самъ Аврамъ вноситъ крупную сумму въ 1000 гривенъ серебра для чеканки монеты [3]). Доставшееся королю Сигизмунду по наслѣдству отъ королевы Елены серебро тоже пошло на монетный дворъ [4]). Однако, намъ не извѣстна прибыль отъ этихъ операцій. Вѣроятно, съ окончаніемъ Московской войны дѣятельность скарба по выпуску новой монеты сдѣлалась менѣе интенсивною. Можно также сдѣлать и такое наблюденіе, что со временъ Сигизмунда I качество монеты постепенно ухудшается: оно падаетъ къ 1528 году [5]). Вѣроятно, чеканъ плоскихъ грошей 1535 г. отличался весьма низкой пробой, потому что королю пришлось писать грозные универсалы противъ тѣхъ, которые не хотятъ принимать новой монеты [6]).

Наши свѣдѣнія о монетныхъ операціяхъ короля Сигизмунда Августа болѣе подробны; при немъ чеканилась весьма разнообразная монета, а именно: пенязи, полугрошки, гроши, двугрошки (по 30 грошей на копу), трояки (по 20 грошей на копу), четвертаки (почворные гроши—по 15 на копу), шостаки (по 10 на копу), полталеры, талеры, полукопы, червонные злотые [7]), шеляги. Первыя литовскія

---

[1]) Акты Зап. Рос., II, р. 36.

[2]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 114.

[3]) Бершадскій, I, р. 76.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 153.

[5]) Czacki, I, таблица.

[6]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 11—12.

[7]) Zagórski, o. c., p. 10—13.

монеты со штемпелемъ Сигизмунда Августа были выпущены въ 1545 г.

Въ этомъ году въ скарбѣ явилась мысль поставить монетное дѣло на прочную почву. Предшествующее положеніе монетнаго двора было таково, что въ немъ не было даже инструментовъ для работы; ихъ пришлось пріобрѣсти въ Краковѣ и доставить въ Вильну. Не было не только серебра, но и денегъ на его покупку. Завѣдываніе мынцой взяла на себя господарская рада, и отъ ея имени управлялъ дѣломъ подскарбій земскій Иванъ Горностай. Фактическое управленіе монетнымъ дворомъ было поручено Северину Бонарю (онъ давалъ отчетъ въ скарбъ), агентами котораго были Яковъ и Юстъ Деціи. Съ самаго уже начала былъ затраченъ крупный капиталъ: подскарбій земскій командировалъ въ Краковъ для закупки серебра скарбнаго писаря Өедора Мановскаго, которому былъ данъ капиталъ въ 11,973 копы грошей. Онъ закупилъ 3780 гривенъ 1 лотъ серебра на 27311 злот. польскихъ; сверхъ того, пріобрѣлъ разные матерьялы для лигатуры, инструменты для чеканки, израсходовавъ всего 28348 золотыхъ пол. (значитъ, осталось неизрасходованныхъ 1584 зол.). Небольшое число серебра было прикуплено въ Вильнѣ. На монетный дворъ поступило 3376 гривенъ серебра, изъ котораго пошло въ чеканъ 3314 гривенъ.

Изъ этого серебра монета чеканилась съ 14 октября 1545 г. по 29 мая 1546 года. Въ общемъ, вычеканено новой монеты на сумму въ 10,917 копъ 19 грошей 1 пенязь; чеканились пятигрошки, большіе и малые денаріи и тройные полугрошки. Расходы по управленію поглотили $910^1/_2$ копъ грошей. Въ общемъ отчетъ, представленный 8 апрѣля 1546 г., сведенъ съ весьма незначительною прибылью въ 61 зол. 2 гр. 1 пен., да сверхъ того изъ разныхъ остатковъ на монетномъ дворѣ (серебро, испорченная при чеканкѣ смѣсь и пр.), небольшое количество серебра, взятое великимъ княземъ, остатки отъ расходовъ—числилось въ 3392 золот. [1]). Такимъ образомъ, отчетъ 1546 г. показалъ очень малую прибыль. Вѣроятно, это обстоятельство вызвало недовольство молодого великаго князя и лицъ, окружавшихъ его и не сочувствовавшихъ управленію мынцою при посредствѣ пановъ рады. Въ замѣткѣ, которою сопровождаетъ панъ Янъ Лютомирскій свой отчетъ 1549 г., разсказано, что паны рады не пожелали вѣдать

---

[1]) Кн. Переписей Лит., Отчеты монетнаго двора.

чеканку монеты вслѣдствіе незначительности прибыли отъ операцій и недостатка въ серебрѣ, такъ какъ его трудно было пріобрѣтать. Поэтому великій князь взялъ монетную операцію въ свои руки не ради ея прибыльности (объясняетъ Лютомирскій), но для того чтобы была чеканена хорошая литовская монета. Завѣдываніе мынцою поручено было названному пану Яну Лютомирскому, подскарбію дворному, при которомъ оставленъ былъ также Яковъ Децій.

Для чеканки монетъ новая администрація получила слѣдующую суммы:

сумму, выданную на операцію при завѣдываніи дѣломъ радою (счетъ 1546 г.) .	33267	зол. 20 гр.	$2^1/_4$ пен.	
вновь получено отъ Горностая изъ скарба .	41300	„	—	—
серебро, занятое в. кн. у кн. Слуцкихъ . . .	17500	„	—	—
всего	92067	„	20 „	$2^1/_4$ „
Изъ этой суммы отсчитано серебро, взятое вел. кн. и испорченное при чеканкѣ, такъ что въ наличности принято . . .	90198	„	12 „	$1^1/_2$ „

Получивъ означенную сумму, Лютомирскій пустилъ ее въ оборотъ и чеканилъ монету съ 12 іюня 1546 г. по 30 декабря 1549 г. За это время онъ купилъ серебра 35509 гривенъ на сумму 258289 зол., 12 гр. 17 пен. (капитальная сумма такимъ образомъ нѣсколько разъ была въ оборотѣ). Вмѣстѣ съ закупкою лигатуры и расходами по управленію, имъ израсходовано за все время 277033 зол. п. Онъ чеканилъ монету (гроши литовскіе и польскіе, пенязи) преимущественно мелкую, изъ крупной шли тригрошки и шостаки. Всего отчеканено на сумму въ 281722 зол. п., такъ что весь операціонный періодъ заключенъ опять таки съ незначительною прибылью въ 4689 зол. п. Литовскому скарбу возвращено при этомъ только 7500 зол., а остальная сумма записана на личный счетъ короля.

Въ періодъ этой монетной операціи подверглась выкупу такъ наз. свидницкая монета, что значительно уменьшило количество обращавшейся въ странѣ низкопробной иностранной монеты. Въ обращеніе же было пущено значительное количество болѣе доброкачественной монеты.

Болѣе крупная монета чеканилась высокой пробы. Такъ трояки и шостаки чеканились по 14 лотовъ чистаго серебра на гривну (въ

гривнѣ 16 лотовъ), т. е. 84°; но мелкая монета была низкой пробы: на гривну сплава для денаріевъ брали $3^1/_2$ лота, а для оболовъ всего $1^3/_4$ лота чистаго серебра, т. е. мелкая монета уже не была серебряной.

Таковы результаты монетной операціи 1546—1549 гг.[1]).

Въ пятилѣтіе 1550—1555 г. монетнымъ дворомъ завѣдывалъ Іюстъ Децій и Мартинъ Кондратовичъ. Для чеканки они употребили 11358 гривенъ серебра стоимостью въ 82912 зол. п. Они получили всего монеты на 38769 копъ 40 гр. 2 пен. или на 96924 зол. 5 гр. $4^1/_2$ пен. Общій расходъ, т. е. стоимость серебра и расходы по управленію составили 94783 зол. 8 гр. $14^1/_4$ пен., такъ что чистая прибыль выразилась въ скромной цыфрѣ 2140 зол. 26 гр. $8^1/_2$ пен. [2]).

Мелкая монета по прежнему выпускалась весьма низкой пробы. Вѣроятно, управленіе мынцою при непосредственномъ распоряженіи короля вызывало разные неблагопріятныя толки [3]), хотя въ общемъ чеканка ея въ періодъ управленія пановъ рады и королевскаго не отражалась существеннымъ образомъ на качествѣ монеты.

Такимъ образомъ, изложенные отчеты свидѣтельствуютъ, что монетная регалія приносила за указанный періодъ незначительный доходъ; крупная монета выпускалась хорошаго качества.

Дальнѣйшія наши свѣдѣнія о монетныхъ операціяхъ очень скудны. Ливонская война усилила, повидимому, общій ходъ чеканки монеты. Въ 1562 г. чеканились трояки и шостаки вѣсомъ въ 10 большихъ пенязей въ грошѣ [4]). Присутствіе въ странѣ и на театрѣ войны большого количества наемныхъ иностранныхъ солдатъ, преимущественно нѣмцевъ, побудило, вѣроятно, скарбъ къ чеканкѣ талеровъ; первые экземпляры ихъ, впрочемъ очень рѣдко встрѣчающіеся въ нумизматическихъ собраніяхъ, относятся къ 1563—4 гг.[5]). Присутствіе иноземныхъ войскъ и походы въ Ливонію вызвали наплывъ въ страну иностранной монеты, такъ что король особымъ универсаломъ фиксировалъ въ 1567 г. курсъ старыхъ и новыхъ иностранныхъ та-

---

[1]) Арх. Варш. Каз. Пал., отд. 45, кн. № 3.

[2]) Ibidem, кн. 4/В.

[3]) Lachowicz, Pamiętniki do dz. Polski, Wilno 1842, p. 89.

[4]) Кн. Переп. Лит., VII, л. 122.

[5]) В. А. Уляницкій, о талярахъ Сигизмунда-Августа, въ Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общ., томъ I.

леровъ [1]). Еще въ 1565 г. скарбъ, по сеймовому постановленію, стали выкупать такъ наз. „филипки“ [2]). Рядомъ съ наплывомъ иностранной монеты началъ чувствоваться недостатокъ въ мѣстной литовской. Скарбъ поэтому старался выбирать въ странѣ старую монету лучшаго достоинства сравнительно съ новымъ чеканомъ: это видно изъ того, что при залогахъ господарскихъ державъ скарбъ обязательно бралъ у залогодержателей ссуду старыми большими грошами [3]). Подать съ евреевъ собиралась серебромъ въ дѣлѣ [4]). Сеймъ 1569 г (литовскій) уже предупредительно проситъ короля не уменьшать цѣнности литовской монеты, на что правительство согласилось [5]).

Вѣроятно, на Люблинскомъ сеймѣ вопросъ о монетѣ сильно занималъ пословъ и правительство, но такъ же можно утверждать и то, что на немъ не было сдѣлано болѣе подробныхъ по этому поводу постановленій: на это именно указываетъ король въ одномъ изъ своихъ листовъ и это обстоятельство подало ему поводъ устроить дѣло собственною властью. Онъ заключилъ условіе съ Вал. Иберфельтомъ и Ис. Бородавкой на устройство „таляровой мынцы“ въ Вильнѣ. Оба обязывались вложить въ дѣло 15000 гривенъ чистаго серебра по 16 лотовъ въ гривнѣ. Талеры чеканились 12,5° (т. е. 75 пробы на нашъ фунтъ). Гривна смѣси давала 7 талеровъ, т. е. 231 грошъ пол. Сверхъ талеровъ чеканились еще „подвойные пенези“ литовскіе [6]). Выпускъ талеровой монеты долженъ былъ доставить 59136 копъ гр. лит. Такимъ образомъ, въ этотъ разъ качество монеты значительно было понижено въ сравнененіи съ 50-ми годами. Скарбовую прибыль отъ этой операціи опредѣлить трудно: употребленное въ дѣло серебро могло стоить не менѣе 52000 копъ гр. (скарбъ считалъ въ 1563 гривну серебра въ дѣлѣ по $3^1/_4$ копы гр.: гривна въ дѣлѣ обыкновенно приравнивалась 15 лотамъ чистаго серебра, хотя бывала и меньшей пробы) и смѣсь для лигатуры болѣе 800 коп. гр. Къ этому слѣдуетъ прибавить расходы по управленію (всегда довольно значительные), порчу и пр.

---

[1]) Кн. Зап. Лит.. XLVII, л. 109.

[2]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 165.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 260 и др. контракты на залоги.

[4]) Бершадскій, II, 118.

[5]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 500.

[6]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 236 об.

Разсказанная операція съ монетой имѣла цѣлью увеличить выпускъ монеты въ обращеніе. Но уже здѣсь замѣтно пониженіе цѣнности монеты. Однако потребность скарба въ деньгахъ привела его къ необходимости выпуска малоцѣнной монеты.

Скарбъ долженъ былъ уплатить крупную сумму наемникамъ, составлявшимъ гарнизонъ Пернова, за ихъ службу. Ввиду полнаго отсутствія въ скарбѣ денегъ, король заключилъ 27 сентября 1570 г. съ Иберфельтомъ и Якубомъ Гинцой контрактъ, предоставлявшій последнему устроить въ Кирхгольмѣ [1]) монетный дворъ для чеканки такъ наз. клипинговъ [2]). Иберфельтъ съ компаньономъ должны были на свой счетъ устроить мынцу и чеканить монету. На клипинги имъ предоставлялось перечеканить 20000 гривенъ чистаго серебра. На гривну металла, приготовленнаго для чекана, полагалось по 10 лотовъ серебра и 6 лотовъ лигатуры. Такая гривна должна была давать по 10 клипинговъ, каждый стоимостью въ 30 гр. пол. или 4 гривны рижскихъ, т. е. гривна серебра десятой пробы (на нашъ фунтъ 60) давала 300 гр. польскихъ, или 4 копы литов. грошей. Арендаторы должны покрыть свои расходы новою монетою и сверхъ того дать скарбу для расплаты съ наемниками и на покрытія др. долговъ, 936000 зол. 20 гр. пол. [3]).

Легко видѣть, что мынцари не могли получить для себя прибыли отъ этой операціи (они должны были получить всей монеты 320,000 зол. пол. при затратѣ на одно серебро,—предполагая самую дешевую для него цѣну,—въ 163555 зол. пол.). Вотъ почему король предоставилъ въ 1571 г. обоимъ мынцарямъ право перечеканить при клипинговой мынцѣ еще 6000 гривенъ серебра въ очень мелкую и малоцѣнную монету—преимущественно на шеляговую монету. Эта монета была нѣсколькихъ родовъ. На первомъ планѣ стоятъ шеляги. Изъ гривны смѣси, въ который полагалось полтора лота серебра, чеканили 200 шеляговъ, нарицательною стоимостью по 6 шеляговъ въ одинъ грошъ литов. Далѣе идетъ тоже шеляговая монета по 36 шеляговъ каждая; такой монеты чеканилось изъ гривны смѣси, въ которой было по 5 лотовъ серебра, 18 монетъ. Третій видъ

---

[1]) Устройство монетнаго двора для клипинговой мынцы въ предѣлахъ Ливоніи объясняется постановленіемъ Люблинскаго сейма.

[2]) О значеніи клипинговъ см. у Чацкаго, Dzieła, t. I.

[3]) Кн. Зап. Лит., LV, л. 11—13 об. Очевидно, заводъ серебра предполагалось пустить 3 раза.

монеты стоимостью въ 15 шеляговъ каждая, т. е. троякъ литовскій, и четвертый—по 9 шеляговъ, т. е. по $1^1/_2$ гр. лит. Оба послѣдніе вида монеты заключали въ себя столько же серебра, сколько и второй типъ ея, т. е. по 5 лотовъ на гривну смѣси. На каждый видъ монеты мынцари должны были израсходовать по 1500 гривенъ серебра. Такимъ образомъ, монеты трехъ послѣднихъ родовъ давали каждый по 8640 копъ гр. лит., а перваго рода--нѣсколько больше ($8888^8/_9$ копы лит.), т. е. мынцарямъ позволено было выпустить почти 34800 копъ гр., которыя и послужили имъ въ возмѣщеніе за убытки по первой операціи [1]). Низкое качество послѣдней монеты, сравнительно даже съ клиппинговой, видно изъ приведенныхъ выше данныхъ.

Таковы скудныя свѣдѣнія по исторіи монетной регаліи. Литовскій скарбъ, какъ видимъ, не избѣжалъ и обычнаго въ то время средства для увеличенія количества денежныхъ знаковъ—порчи монетъ. Изъ предыдущаго также видно, что къ чеканкѣ монеты прибѣгали преимущественно въ экстренныхъ случаяхъ, попытки же правильнаго выпуска монетъ для упорядоченія денежнаго обращенія, незначительны; за таковую мѣру можно признать, не безъ оговорокъ впрочемъ, чеканку монеты съ 1545 по 1555 гг. Скарбъ вообще мало обращалъ вниманія на этотъ источникъ дохода, по его малоприбыльности, до конца 60-хъ годовъ, когда критическое положеніе государственныхъ финансовъ заставило скарбъ обратиться къ усиленному выпуску малоцѣнной монеты.

---

[1]) Документъ напечатанъ у Bandtkie, o. c., I, p. 74.

ГЛАВА VI.

Земскія подати и повинности.

Въ понятіе земскаго права въ Литовско-Русскомъ государствѣ входила вся та совокупность правовыхъ опредѣленій, которою регулировалось отношеніе государственныхъ установленій къ высшему, т. е. шляхетскому, сословію въ государствѣ. Терминъ земства употреблялся въ данномъ случаѣ потому, что шляхетство уже къ половинѣ XVI столѣтія считаетъ себя единымъ правовымъ сословіемъ въ государствѣ. Отсюда земское право противополагалось господарскому и городскому или мѣстскому. По отношенію къ обложенію, подъ терминомъ земской подати, земской службы, земской повинности, разумѣли такіе виды обложенія, въ которыхъ участіе принимала шляхта лично или черезъ ея подданныхъ; къ этимъ повинностямъ, съ теченіемъ времени, были привлечены господарскія добра и церковныя имущества. Поэтому подъ земскою податью и повинностью разумѣлось обложеніе населенія, шедшее исключительно на обще-государственныя нужды,—въ томъ смыслѣ, какъ тогда онѣ понимались шляхтою. Въ понятіе земской подати входила прямая подать (поголовщина или серебрщина—въ зависимости отъ способовъ обложенія), носившая поэтому названіе „податка земскаго". Этотъ „податокъ" декретировался сеймомъ и ко времени Люблинской уніи уже и расходованіе его подлежало контролю сейма. Эта подать, по понятіямъ того времени, могла быть расходуема только на обще-государственныя нужды, т. е. почти исключительно на оборону страны. Сверхъ того на общегосударственныя нужды собиралась ордынщина, спеціальная

прямая подать съ евреевъ и, наконецъ, совершались принудительные займы.

Въ понятіе земскаго обложенія входили и повинности.

Главною изъ нихъ была земская военная служба, которую шляхетство отбывало лично и черезъ своихъ слугъ, т. е. тоже шляхтичей, бояръ, которые сидѣли на земляхъ своихъ патроновъ или находились у нихъ на службѣ. Земская военная служба покоилась на землевладѣніи: она была обязательна для князя, пана, земянина, боярина и проч., если онъ владѣлъ имѣніемъ на земскомъ правѣ; размѣръ выводимаго на войну „почота“ находился въ зависимости отъ населенности земскаго имѣнія.

Наконецъ, къ земскимъ же повинностямъ относились такія какъ подводная, дорожная, мостовая, городовое дѣло, замковая сторожа. Онѣ отбывались населеніемъ съ земскихъ имѣній.

Такимъ образомъ, земскія повинности и земская подать были объединены рядомъ признаковъ, дѣлающихъ необходимымъ совмѣстное ихъ изученіе. Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ формами прямого обложенія, главнымъ основаніемъ котораго является поземельная собственность. Затѣмъ, всѣ эти формы обложенія имѣютъ общегосударственныя цѣли, т. е. являются податью и повинностями государственно-правового характера, съ полнымъ исключеніемъ частно-правныхъ элементовъ. Наконецъ, земское обложеніе объединялось въ законѣ и въ мнѣніи общества того времени. Все это побуждаетъ насъ объединить въ одну главу изложеніе историческаго процесса и земской подати и военно-земской службы и другихъ земскихъ повинностей.

Однако область прямого обложенія является весьма обширной и весьма важной частью настоящаго изслѣдованія. Въ этомъ вопросѣ есть двѣ стороны: во-первыхъ, исторія обложенія и во-вторыхъ, его организація. Послѣдній вопросъ цѣликомъ отнесенъ нами во второй томъ настоящей книги.

Въ данное время намъ нужно прослѣдить происхожденіе и развитіе земскаго обложенія. Такъ какъ оно покоится на землевладѣніи и находится въ неразрывной связи съ ростомъ шляхетскаго сословія, то намъ предстоитъ выяснить вопросъ о формахъ землевладѣнія и установить повинностное отличіе шляхетскаго сословія отъ другихъ, тяглыхъ классовъ общества [1]). Измѣненія въ соціальномъ строѣ этихъ

---

[1]) Терминъ *тяглый* въ широкомъ значеніи податнаго субъекта, безъ отношенія къ виду тягла, какъ онъ употребляется въ Московской Руси, неизвѣстенъ

послѣднихъ нами будутъ сгруппированы въ главѣ, посвященной организаціи прямого обложенія.

1. *Формы служилаго землевладѣнія.*

Формы поземельныхъ отношеній въ Литовско-русскомъ государствѣ давно составляли предметъ изслѣдованія многихъ ученыхъ; не смотря на это до сихъ поръ высказываются весьма различныя мнѣнія по данному вопросу. Въ особенности это разногласіе касается кардинальнаго вопроса о правѣ поземельной собственности, между тѣмъ какъ многія частности уже не возбуждаютъ сомнѣнія. Писатели, исходящіе изъ воззрѣнія на Литовско-русское государство, какъ происшедшее изъ завоеванія, даютъ весьма опредѣленный отвѣтъ: государство было построено на феодальныхъ началахъ, хотя и имѣющихъ самопроизвольное развитіе. При такихъ условіяхъ аллодіальной собственности не могло быть, или по крайней мѣрѣ она должна была исчезнуть. Такую формулировку даннаго вопроса мы встрѣчаемъ у проф. В. Б. Антоновича, Ярошевича [1]) и др. [2]). Наиболѣе полную формулировку этотъ вопросъ получилъ въ сочиненіи Незабитовскаго о формахъ чиншевого землевладѣнія. Это пока единственная работа, въ которой вопросъ разсматривается во всей его полнотѣ; со свойственной автору проницательностью, здѣсь подмѣчены наиболѣе важныя стороны вопроса и освѣщены убѣдительными фактами памятниковъ.

Незабитовскій исходитъ изъ того общаго положенія, что въ строѣ Литовско-русскаго государства „не было мѣста ни для частной поземельной собственности, ни для отдѣльнаго отъ собственоости вещнаго права на землю: право поземельной собственности принадлежало только великому князю и пользованіе землею частными лицами носило прекарный характеръ, хотя бы формула пожалованій носила бе-

---

литовско-русскимъ источникамъ. Поэтому оговариваемся, что этотъ терминъ иногда употребляется нами именно въ томъ его значеніи, какое онъ имѣлъ въ восточной Руси.

[1]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, I, p. 122—128.

[2]) Ср. утвержденіе Незабитовскаго, Собраніе сочиненій, Кіевъ 1884, p. 308 примѣчанія.

Рембовскій, Исторія и значеніе чиншевого владѣнія, p. 30.

зусловный характеръ“ [1]). Правда, на практикѣ въ волѣ господаря не было произвола [2]). Сближеніе съ Польшей способствовало измѣненію коренныхъ воззрѣній на право поземельной собственности. На смѣну господарскаго права явилось шляхетское, а вмѣстѣ съ нимъ и частное право на землю. Поворотнымъ правовымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи является Люблинская унія [3]). Незабитовскій даетъ слѣдующую замѣчательную по своей полнотѣ характеристику земскаго права: „Землянинъ, владѣлецъ земской маетности, былъ въ своемъ родѣ римскій квиритъ, владѣвшій какъ бы ex jure quiritium: на земскомъ, шляхетскомъ правѣ. Онъ держалъ землю въ своей власти не въ качествѣ служебной силы, не за службу и не для службы, а какъ вольный обыватель, властелинъ себя самого, vigore juris sui. Его право на землю было вещнымъ правомъ противъ всѣхъ и всякаго, и такой характеръ сохраняло оно, не только оставаясь въ цѣлостномъ видѣ какъ dominium plenum, но и въ раздробленіи на dominium directum (titulus haereditatis) и права въ чужой маетности, jura in re aliena“ [4]).

Не смотря на рядъ убѣдительныхъ доказательствъ, приведенныхъ Незабитовскимъ, покойнымъ профессоромъ Бершадскимъ было высказано мнѣніе какъ разъ противоположное: онъ признаетъ существованіе въ Литовско-русскомъ государствѣ неограниченнаго права частной поземельной собственности [5]). Столь противоположный выводъ Бершадскаго получился вслѣдствіе того, что названный изслѣдователь построилъ свои заключенія на фактахъ, опредѣляющихъ права распоряженія поземельной собственностью, недостаточно оцѣнивъ факты, опредѣляющіе право владѣнія.

Но мнѣнія названныхъ авторовъ представляютъ собою схему вопроса, нуждающуюся въ значительныхъ дополненіяхъ. Эти дополненія по частямъ составили предметъ другихъ изслѣдованій. Такъ уже Новицкимъ было обращено вниманіе на аналогію между формами поземельной собственности въ Литовской Руси съ помѣстнымъ землевладѣніемъ Московской. Онъ указалъ на служебныя и повинностныя отношенія земле-

---

[1]) Собраніе сочиненій, p. 292—6.

[2]) Ibidem, p. 309.

[3]) Ibidem, p. 309—313.

[4]) Собраніе сочиненій, p. 319.

[5]) Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи, Спб., 1893, p. 25.

владѣнія, а также на то что въ достатутовый періодъ землевладѣніе, „будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи“ [1]). Въ изслѣдованіи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о помѣстьяхъ Литовскаго государства впервые подверглись опредѣленію различныя формы землевладѣнія (выслуги, отчины, помѣстья и др.) и прослѣженъ рядъ условій, при которыхъ условная поземельная собственность переходила въ полную. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, какъ извѣстно, отрицаетъ завоевательную теорію, но это обстоятельство не мѣшаетъ признанію съ его стороны ограниченности въ правѣ поземельной собственности частныхъ лицъ. „Привилегіатъ,—говоритъ онъ, есть только пользователь, или срочный, или пожизненный, или съ правомъ передачи имущества дѣтямъ, и, наконецъ, съ правомъ передачи его въ наслѣдство безъ ограниченій. Ни въ какомъ изъ этихъ случаевъ онъ не распоряжается имуществомъ и не гарантированъ отъ произвольныхъ распоряженій имъ со стороны государя“ [2]).

Изслѣдованіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова не было по достоинству оцѣнено М. К. Любавскимъ [3]). Послѣдній помѣстилъ въ своей книгѣ, весьма пространной этюдъ именно съ цѣлью подорвать цѣнность выводовъ и впечатлѣніе, произведенное статьей проф. Владимірскаго-Буданова. Дѣйствительно, М. К. Любавскій собралъ громадный матеріалъ по данному вопросу, выяснилъ бытовыя его частности, но въ послѣднемъ случаѣ шелъ по стопамъ своего предшественника. Къ сожалѣнію, весьма не легко суммировать взглядъ самого М. К. Любавскаго; болѣе того, онъ какъ будто уклоняется отъ выясненія общихъ понятій о правѣ поземельной собственности и не даетъ отчетливаго отвѣта, чѣмъ отличалось отчинное владѣніе отъ другихъ формъ. Исходя изъ признанія haereditas paterna у древнихъ литовцевъ [4]), авторъ естественно долженъ былъ бы придти вслѣдъ за г. Владимірскимъ-Будановымъ къ тому, что типъ полнаго вотчиннаго владѣнія поникъ въ литовскую эпоху [5]); но и это онъ отрицаетъ [6]). Та-

[1]) Статья о крестьянахъ въ Архивѣ Юго-Зап. Рос., ч. VI, т. I, р. 6—7, 9—15.

[2]) Очерки изъ Исторіи Литовско-русскаго права. Помѣстья Литовскаго государства. Кіевъ, 1889.

[3]) Областное дѣленіе, р. 600.

[4]) Ibidem, р. 550.

[5]) Христоматія по Исторіи рус. права, в. II, р. 28, примѣчаніе.

[6]) Областное дѣленіе, р. 561.

кой выводъ вполнѣ былъ бы понятенъ потому, что М. К. Любавскій признаетъ, что „великіе князья до извѣстной степени считали себя собственниками земель, съ которыхъ шла военная боярская служба“ [1]). Весь вопросъ М. К. Любавскій сводитъ къ причинамъ,—почему и какъ отходили у военно-служилыхъ людей отчины, но въ числѣ причинъ оказывается и то, что великіе князья не церемонились съ боярскими отчинами, и то, что они смѣшивали отчины съ формами временнаго владѣнія и, наконецъ, плохое состояніе государственной регистратуры, вслѣдствіе чего возможны были частые обманы [2]). Эти бытовые факты не поясняютъ сути дѣла. Зато весьма важны наблюденія, сдѣланныя авторомъ относительно вліянія родовыхъ интересовъ на ограниченіе права распоряженія отчиной.

Таково состояніе вопроса о формахъ служилаго землевладѣнія въ Литовско-русскомъ государствѣ. Каждая изъ отмѣченныхъ работъ въ отдѣльности не обладаетъ столь широкой постановкой вопроса, съ которой можно было бы согласиться; однако, принявъ во вниманіе сдѣланное отдѣльными авторами, можно уже представить попытку болѣе всесторонняго рѣшенія даннаго вопроса. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ неоднократно придется обращаться къ выводамъ и указаніямъ названныхъ авторовъ, почему мы и сочли небезполезнымъ сдѣлать этотъ предварительный обзоръ литературы предмета. Разумѣется, формы землевладѣнія насъ будутъ интересовать преимущественно въ ихъ соотношеніи къ главнѣйшей изъ повинностей—военной службѣ.

Небезынтересно прежде всего отмѣтить, что уже въ эпоху сложенія Литовско-русскаго государства можно указать на формы условнаго владѣнія, извѣстныя послѣдующему времени. Первыя грамоты на владѣніе землею принадлежатъ Миндовгу. Въ 1254 г. онъ даетъ епископу Христіану половину Россіенъ, Бетиголы и Лукова in corporalem possessionem etiam pro dote [3]). Изъ этого ясно, что епископъ получаетъ города въ личное владѣніе. Другія грамоты того же князя, выданныя Ордену, представляютъ собою пожалованія въ вѣчное владѣніе, но при условіи военной помощи [4]).

---

[1]) Ibidem, p. 551.

[1]) P. 551, 554, 554, 557.

[3]) Narbutt, Pomniejsze pisma historyzne, p. 40.

[4]) Raczyński, Kodex diplomatyczny Litwy, 1845, p. 11.

Одна изъ грамотъ слѣдующимъ образомъ обусловливаетъ военную службу: „ut ipsi Fratres per se ac suos in expensis propriis materiali gladio auxilio et consilio nobis ac regni nostri legitimis successoribus assistant perpetuo contra nostros ac Fidei inimicos“ [1]). Наконецъ, небезынтересно и еще отмѣтить, что грамота того же князя 1259 года предоставляетъ Ордену владѣніе Жмудью, при чемъ подданнымъ Миндовга не воспрещается дарить и завѣщать Ордену движимое и недвижимое имущество [2]). Напомнимъ, что и Гедиминъ, вызывая военно-служилыхъ людей изъ Германіи, обѣщалъ въ своихъ грамотахъ обезпечить ихъ службу землею [3]).

Эти столь раннія извѣстія хорошо разъясняютъ, что уже тогда господари литовскіе усваиваютъ принципъ пожалованія землею въ вѣчное потомственное владѣніе на условіи военной службы, что тогда же они отличали потомственное владѣніе на службѣ отъ личнаго владѣнія. Но интересна оговорка одной изъ грамотъ относительно права даренія Жмудинами Орденскимъ братьямъ недвижимости; значитъ, жмудины владѣли такою недвижимою собственностью, которая, хотя бы при извѣстныхъ усиліяхъ, могла быть ими отчуждаема. Дѣйствительно, свидѣтельство хроникъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ древнѣйшей Литвѣ не былъ безызвѣстенъ типъ полной поземельной собственности: достаточно напомнить о значеніи Литовской знати, объ ихъ bona paternalia, haereditates paternae и въ особенности объ allodia, каковой терминъ часто употребляется Дюсбургомъ. Несомнѣнно, западно-европейскіе наблюдатели въ этихъ терминахъ отмѣтили особенности литовскаго землевладѣнія и отличили его отъ владѣнія in feudo. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе условія сложенія Литовскаго княжества изъ группы родовыхъ союзовъ: родовое владѣніе до возникновенія государственнаго союза естественно должно было носить въ себѣ всѣ права полной собственности. Однако образованіе государства нарушило эту полноту владѣнія: подчиненіе господарю Литвы было немыслимо безъ службы ему. Отсюда происходитъ вмѣшательство государства въ поземельныя отношенія, такъ какъ оно объединяетъ въ себѣ не только отдѣльныхъ лицъ, но и ихъ имущества, служащія обезпеченіемъ службы. Ясный примѣръ тому

---

[1]) Ibidem, p. 12.
[2]) Ibidem, p. 16.
[3]) Ibidem, p. 28.

можно наблюдать въ способахъ подчиненія русскихъ князей съ ихъ вотчинами великому князю Литовскому: подобно послѣднимъ и Литовскіе родовые князья и бояре оказались въ служебномъ подчиненіи великому князю. И русскіе князья вотчинники не только лично должны были служить, но съ извѣстнымъ контингентомъ военныхъ людей. Это обстоятельство заставляло и ихъ обязывать военною службою подчиненныхъ имъ людей или же искать такихъ слугъ на условіи земельнаго жалованія (единственно въ то время возможнаго). Военныя потребности нароставшаго и расширявшагося государства не могли быть удовлетворены объединеніемъ и присоединеніемъ служилыхъ вотчинниковъ: великіе князья усердно привлекали новыхъ слугъ, обезпечивая ихъ земельнымъ жалованьемъ. Это можно заключить изъ приведенныхъ уже выше указаній и подтвердить фактами массовыхъ раздачъ земель, сдѣланныхъ при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Дѣйствительно, великимъ князьямъ Литовскимъ нуженъ былъ въ XIV и въ началѣ XV вѣка военно-служилый элементъ въ большомъ размѣрѣ: Витовтъ уже прибѣгалъ къ найму конницы [1], въ Грюнвальденской битвѣ со стороны Литвы было выставлено 40 хоругвей (18 Литовскихъ и 22 отъ удѣльныхъ русскихъ князей), при чемъ въ каждой конной хоругви было отъ 100 до 200 всадниковъ и небольшое количество пѣшихъ воиновъ, а въ пѣшей хоругви до 1000 воиновъ [2]. И въ болѣе раннѣе время великіе князья Литовскіе выступали въ походы съ большими контингентами [3]. Вообще военное напряженіе въ эпоху образованія государства было велико и для исторіи землевладѣнія нѣтъ нужды придавать особое значеніе самому факту завоеванія русскихъ земель [4].

Но отсюда становится понятнымъ преобладаніе служебной зависимости землевладѣнія и то, что типъ полнаго вотчиннаго права, несомнѣнно существовавшій какъ въ Литвѣ, такъ и въ древней Руси [5], уступилъ мѣсто условному и ограниченному. Высшее господарское право поглотило право частныхъ лицъ, и послѣднее своеобразно возродилось въ земскомъ правѣ, выросшемъ къ концу изу-

---

[1]) Daniłowicz, Skarbec, № 661.

[2]) Szajnocha, o. c., III, 359, 362, 363.

[3]) См. выше, p 9.

[4]) См. выше, p. 12.

[5]) Неволинъ, Исторія рос. гражд. законовъ. Собраніе соч. т. IV, p. 129.

чаемаго періода. Пониженіе частнаго пр... касается права распоряженія и пользованія, такъ какъ широта послѣдняго обусловливалась привилеемъ. Прекарный характеръ землевладѣнія обусловливаетъ разнообразіе формъ его.

Вообще формы служилаго землевладѣнія въ Литовско-русскомъ государствѣ можно раздѣлить на двѣ большія группы: къ 1-й можно отнести всѣ срочныя и несрочныя держанья, ко 2-й вѣчистыя держанья, отчины и „купли". Характернымъ признакомъ перваго рода держаній является отсутствіе у держателя правъ распоряженія землею; держатель распоряжается своимъ имуществомъ только въ той мѣрѣ, въ какой это допускаетъ „воля и ласка" господаря великаго князя; въ нѣкоторыхъ изъ такого рода держаній допускается и извѣстная форма наслѣдованія. Ко 2-й группѣ относятся владѣнія на наслѣдственномъ правѣ.

Всякаго рода господарская данина есть прежде всего „жалованье" за прошлую, текущую или будущую службу [1]). Всякій свободный человѣкъ, если хотѣлъ служить, могъ подыскать себѣ село, пустошь, вообще земельный участокъ, —„съ чого бы могъ послужити",— и просилъ господаря объ утвержденіи за нимъ этого участка на службѣ Требовалось только удостовѣреніе, что проситель—человѣкъ „годный" къ службѣ. Многихъ господарь самъ зналъ, за другихъ хлопотали намѣстники и паны рада; иногда господарь выдавалъ грамоту условно—„ажъ будетъ сгожо. а не будетъ никакого жалованья",—очевидно, предоставляя окончательное рѣшеніе вопроса самому намѣстнику. Множество раздачъ производилось намѣстниками, старостами, ревизорами и господарская канцелярія только впослѣдствіи выдавала листы на такого рода раздачу земель.

Въ господарское жалованье шли разнообразные виды и формы поземельной собственности. Помѣстья, имѣнія (общее названіе)—села, дворы, пашни, поля, различныя угодья, рыбныя ловли, бобровые гоны, лѣсъ. сѣнокосъ, огороды и даже дома въ городахъ, церкви и монастыри; земли давались иногда ненаселенныя, но чаще владѣлецъ получалъ службы, дани и поплатки жившаго на землѣ населенія. Большею частію господарскіе листы не опредѣляютъ, за какую именно службу данное лицо получаетъ землю, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣлась обыкновенная земская служба, т. е. обязанность служить

[1]) Документы Моск. Архива Мин. Юст., I, р. 22.

въ войскѣ. Иногда впрочемъ встрѣчаемъ опредѣленіе причинъ пожалованія земли такого рода, какъ раны и увѣчья, полученныя на войнѣ, сидѣнье въ плѣну, за дипломатическую, канцелярскую службу и пр. [1]). Господарское поземельное жалованье могло быть съ обозначеніемъ извѣстныхъ сроковъ или безъ такого обозначенія. Простѣйшимъ видомъ его была данина „на хлѣбокормленье“ или „на поживенье“, что собственно имѣло одно и тоже значеніе [2]). Это была временная раздача дворовъ, селъ и вообще другихъ доходовъ, пока жалуемый подыскивалъ себѣ болѣе опредѣленный источникъ службы. Поэтому хлѣбокормленія отличались отъ данины—держанья въ собственномъ смыслѣ [3]). Такъ напр., хлѣбокормленія давались обычно москвитянамъ, перебѣжавшимъ въ Литву, пока имъ подыскивались постоянныя служебныя земли, или жителямъ литовскихъ окраинъ, когда во время войны ихъ имѣнія переходили въ руки непріятеля. Послѣднимъ давалось временно хлѣбокормленіе, а когда выяснялось, что непріятель окончательно завладѣлъ землями бѣглецовъ, то за ними утверждались или земли, данныя имъ въ хлѣбокормленіе, или другія „до очищенья“ захваченныхъ непріятелемъ земель. Разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ, съ теченіемъ времени, данины, пожалованныя „до очищенья“, превращались въ вѣчистыя держанья и отчины. Употреблялся и еще терминъ пожалованія—„до осмотрѣнья“. Это тоже временное пожалованіе землею, пока подыскивался болѣе опредѣленный источникъ службы.

Однако, громадное большинство держаній отдавалось на условіи „до воли и ласки господарской“; если такого опредѣленія не было, то оно во всякомъ случаѣ подразумѣвалось. Великокняжеская власть, передавая имѣнія „до воли“, ничѣмъ не ограничивала срока владѣнія и оставляла его всецѣло на свое усмотрѣніе. Но съ теченіемъ времени вырабатываются формы владѣнія съ извѣстнымъ срокомъ; это такъ называемыя данины „на доживотья“ и на ленномъ правѣ. Впервые терминъ „доживотье“ появляется, кажется, не ранѣе конца XV и первыхъ годовъ XVI вѣка [4]). Но только въ эпоху обоихъ Си-

---

[1]) Напримѣръ, Акты Зап. Рос., II, р. 67, Кн. Зап. Лит., XLI, л. 86, 99 об., 332—324, 364 об. и др.

[2]) В. Б. Антоновичъ, Грамоты и пр., р. 162.

[3]) Пташицкій, Князья Пузыны—историко-генеалогическіе матеріалы. Спб., 1899, р. 48.

[4]) Акты Леонтовича, № 594.

гизмундовъ Ягеллоновъ эта форма отдачи земель пріобрѣтаетъ довольно широкое примѣненіе. Отдача на условіи „доживотья“ обозначала право жалуемаго владѣть землею до своей смерти. Иногда доживотье жаловалось „до живота“ (т. е. до конца жизни) мужа и жены, или до двухъ, трехъ животовъ, т. е. до смерти сына и внука; иногда земля доставалась въ личное владѣніе, но съ условіемъ, что если у жалуемаго будетъ сынъ, то владѣніе перейдетъ къ нему [1]). Эти условія доживотій естественно приводили къ условіямъ владѣнія на ленномъ правѣ. Владѣнія на ленномъ правѣ получаютъ примѣненія въ эпоху между первымъ и вторымъ Статутами. Господари весьма охотно раздаютъ на этомъ правѣ земли на окраинахъ государства для обезпеченія ихъ военными силами. Ленныя владѣнія иногда фактически выходили изъ доживотій [2]). Леннымъ правомъ называлось владѣніе, обставленное слѣдующимъ условіемъ: жалуемый получалъ землю въ вѣчное владѣніе, но при условіи наслѣдованія „въ мужскомъ рожаѣ“, при чемъ рѣзко подчеркивалось обязательство земской военной службы; интересно, что въ нѣкоторыхъ актахъ наслѣдственность въ мужскомъ родѣ ограничивалась еще „лаской“ господарской [3]). Грамоты однако нигдѣ не говорятъ, предполагается ли при ленномъ правѣ единонаслѣдіе или нѣтъ; вѣроятно, надо предположить послѣднее, такъ какъ акты говорятъ о переходѣ жалуемаго имущества къ дѣтямъ мужского рода.

Таковы формы служилаго землевладѣнія, отнесенныя нами къ первой группѣ. Только въ условіяхъ леннаго права или доживотья великокняжеская власть предоставляла нѣкоторыя права владѣльцамъ въ смыслѣ обезпеченія срока владѣнія, гарантируя тѣмъ самымъ извѣстную прочность его; но и въ этомъ случаѣ владѣлецъ не могъ свободно распоряжаться своею землею, напр. не имѣлъ права отчуждать владѣнія безъ господарскаго разрѣшенія.

Вообще, великокняжеская власть твердо держалась принципа, что всякое владѣніе, отданное до воли господарской, находилось „въ нашои (т. е. господарской) воли“ [4]). Это общій принципъ, которымъ

[1]) Ibidem, № 469.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 35.

[3]) Кн. Зап. Лит, XLI л. 113, л. 114, л. 149—152, л. 156 об.—157, л. 244 об. Акты Зап. Рос., III, р. 216, Акты Юго-Зап. Рос., I, р. 227.

[4]) Arch. ks. Lubart. Sang., I, p. 118.

руководствовались господари. Изъ него прежде всего вытекало право господаря распоряжаться владѣніемъ по собственному усмотрѣнію. Правда, обычай въ извѣстной мѣрѣ стѣснялъ это усмотрѣніе да и самому господарю было бы невыгодно дѣлать слишкомъ неустойчивою столь удобную для службы форму владѣнія. Однако, акты представляютъ достаточно случаевъ перехода данинъ по личному усмотрѣнію великаго князя. Поэтому встрѣчаются владѣнія, которыя въ короткое время по нѣскольку разъ переходятъ изъ рукъ въ руки [1]). Великій князь можетъ во всякое время отнять у владѣльца его держанье и передать другому. Такъ Витовтъ отдавая на вѣчность Деречинъ нѣкоему Копачу на такихъ условіяхъ, какъ держалъ „нѣкій Дремутъ", прибавляетъ: „а Дремутю тамъ (въ Деречинѣ) десять мужей казалъ ему дати" [2]), т. е. только часть прежняго держанья. Или, напр. витебскій намѣстникъ Юрій Глѣбовичъ проситъ въ 1508 году у короля имѣніе, раньше принадлежавшее измѣннику Василію Глинскому и въ моментъ просьбы уже находящееся въ рукахъ А. Калантаева, и король даетъ это имѣніе просителю „на поживенье до нашои воли" [3]). Это отнятіе данинъ ничѣмъ не мотивировано, да и не могло быть мотивировано, потому что сама данина есть актъ ласки господарской.

Но на ряду съ этимъ существовали и вполнѣ законные поводы, вслѣдствіе которыхъ верховная власть считала необходимымъ отнятіе данинъ. Такъ какъ земельное жалованье давалось за службу, то неисполненіе ея влекло за собою отнятіе владѣнія. Такъ, уходъ боярина со службы, переходъ къ удѣльному князю или пану, бѣгство со службы, уходъ въ монастырь, болѣзнь, уголовныя преступленія,—всѣ подобнаго рода факты служили поводомъ къ отнятію данинъ [4]). Держатель не имѣлъ правъ свободнаго распоряженія землею. Господарь могъ разрѣшить куплю или продажу своего „данья" [5]). Если держатель не испроситъ на продажу господарскаго разрѣшенія, то имѣніе подвергалось конфискаціи [6]). Держатель не имѣлъ права заложить дожи-

---

[1]) Акты Леонтовича, № 450.

[2]) Arch. ks. Lub. Sang., I, p 24.

[3]) А. З. Р., II, p. 47.

[4]) Факты см. въ книгѣ данинъ господаря Казимира: p. 45 (§ 2), p 62 (§ 9), p. 46, p. 5, p. 54 (§ 5), p. 34 (§ 2), p. 47 (§ 13), p. 57 (§ 15), p. 31 (§ 26) (Документы Моск. Арх. Мин. Юст.); Леонтовичъ, Акты, № 651.

[5]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., p. 46, § 2.

[6]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 278—279.

вотье, данье, хлѣбокормленіе [1]). Всякія такого рода попытки незаконнаго распоряженія господарскими данинами вызывали со стороны господаря великаго князя не только карательныя мѣры, но и разъясненія принципіальнаго характера. Такъ на москвитяна З. Пятаго взведено было обвиненіе (1564 г.) въ томъ, что онъ хочетъ „завести" въ залогъ полученное имъ на хлѣбокормленіе имѣніе въ Кременецкомъ повѣтѣ. Сигизмундъ Августъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ въ грамотѣ взглядъ на сущность такой дачи: „воля и зостановенье" великаго князя заключается въ томъ, чтобы придерживаться стариннаго обычая, существовавшаго еще „за продковъ нашихъ"; этотъ обычай запрещаетъ москвитянамъ въ особенности тѣмъ, которымъ земли даны не на вѣчность, продавать и закладывать пожалованныя имъ имѣнія; даже лицо, давшее подъ залогъ имѣнія деньги, утрачиваетъ ихъ. Держатель наказывается отнятіемъ имѣнія: „якожъ хочемъ мети: которыи именья на хлебокормленіе онде въ повете Кременецкомъ Москве зъ ласки нашое даны суть, жебы ихъ никому не заставляли, ани продавали, але сами ихъ держали и того уживаючи службу земскую съ того служили. А естли бы которыи зъ нихъ хотели тые именья свои заставляти, або продавати и кому иншому то въ руки, безъ воли и ведомости нашое, заводити, альбо зъ нихъ службы земское военное не служили", то староста обязанъ немедленно отнять на господаря такое имѣніе [2]). Здѣсь ясно сказался взглядъ правительства относительно правъ распоряженія тѣми имѣніями, которыя давались въ хлѣбокормленіе. Сошлемся еще на одинъ фактъ (ихъ много можно указать въ книгахъ Метрики), еще болѣе сложный. Вдова Васьки Сдарбожцы продала безъ господарскаго разрѣшенія купленное ея мужемъ съ господарскаго дозволенія имѣніе Сандыковщину; имѣніе продано на вѣчность дворянину господарскому Даніилу Семеновичу. Господарскій листъ разъясняетъ, что и покупатель и продавецъ поступили неправильно, совершивъ сдѣлку:— „ижъ никому невольно данинъ нашихъ продавати, ани записывати"; имѣніе должно бы подвергнуться конфискаціи, но покупатель далъ господарю такую же сумму денегъ, какую самъ заплатилъ за имѣніе, почему господарь, принимая во вниманіе особыя заслуги Семеновича, отдаетъ ему и его женѣ въ доживотье названное имѣніе [3]). Такимъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 192; XLI, л. 342 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 342 об.—343.

[3]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 278.

образомъ, господарская данина, уже перешедшая изъ рукъ въ руки посредствомъ купли, всетаки сохраняетъ свое первоначальное свойство и владѣлецъ ея не имѣетъ полныхъ правъ распоряженія. Правда, практика была нѣсколько мягче. Подобно приведенному случаю господарь иногда утверждалъ незаконную продажу данинъ, переводя однако имѣнія на ленное право, т. е. ставилъ покупателя въ гораздо менѣе удобныя условія—владѣльца на ленномъ правѣ, чѣмъ владѣльца на правѣ купли [1]), или возвращая проданную данину обратно продавцу [2]). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и данины на ленномъ правѣ также ограничивали владѣльца. Разумѣется, данина „до воли и ласки господарской" не могла перейти къ наслѣдникамъ, даже къ сыновьямъ владѣльца (кромѣ леннаго права), и по смерти владѣльца могла быть передана господаремъ кому угодно [3]). Держатель данины не имѣлъ также права записывать вѣна своей женѣ [4]). Въ подтвержденіе послѣдняго остановимъ вниманіе на одномъ фактѣ, разъясняющемъ, между прочимъ, одну особенность въ служебномъ положеніи господарскихъ данинъ. Нѣкто Третьякъ, „чужоземецъ", былъ убитъ своими подданымп. Наслѣдники убитаго просили оставить имѣнье за ними, при чемъ оказалось, что Третьякъ успѣлъ записать на данинѣ вѣно своей женѣ. Сигизмундъ Августъ согласился на просьбу наслѣдниковъ, но оговариваетъ въ своемъ листѣ: „а то мы бачачи то, ижъ ачколвекъ его кролевская милость (т. е. Сигизмундъ I) тому Третьяку яко чужоземцу оное именье яко дати рачилъ до воли и ласки господарское, для чого жъ онъ жадное моцы мети не могъ на томъ именью дочасномъ вена жоне своей описывати, мы не у вобычай того, але з особливое ласки нашое господарское"—даетъ имѣніе дѣтямъ Третьяка [5]).

Такимъ образомъ, всякое имѣніе, пожалованное до воли и ласки господарской было *дочаснымъ* владѣніемъ; право распоряженія имъ всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія верховной власти. Ленное право было въ этомъ отношеніи извѣстнаго рода коррективомъ, такъ какъ не выводя поземельное имущество ихъ ближайшаго вѣдѣнія вер-

---

[1]) Напримѣръ, Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 447, Кн. Зап. Лит., XLI, л. 254.
[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 98 об.
[3]) Акты Леонтовича, № 587.
[4]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 125
[5]) Кн. Зап. Лит., XXI, л. 106.

ховной власти, оно въ тоже время гарантировало владѣльцу извѣстную устойчивость владѣнія и наслѣдованія. Основное назначеніе данинъ—обезпеченіе земской конной службы. Дочасныя данины могли быть жалуемы даже и иностранцамъ, тогда какъ основные законы страны воспрещали иноземцамъ пріобрѣтать землю на правахъ собственности.

Но съ другой стороны столь неустойчивое владѣніе землею имѣло неудобства и для государства и для частныхъ лицъ: частное лицо хотѣло покрѣпче усѣсться на землѣ, а государству нуженъ былъ большой контингентъ военно-служилыхъ людей. Такимъ образомъ, интересы и государства и частныхъ собственниковъ одинаково склонялись къ формамъ болѣе устойчиваго землевладѣнія. Такой формой явилось вѣчистое держанье, „вѣчность", т. е. наслѣдственное владѣніе при условіи службы. Разумѣется, временное владѣніе могло перейти въ вѣчное тоже только на основаніи милости и воли господаря великаго князя. Жизнь выработала цѣлый рядъ условій, при которыхъ временное владѣніе могло перейти къ наслѣдникамъ держателя, или въ потомственное владѣніе. Такъ, въ актахъ можно встрѣтить многочисленные случаи выдачи господарскихъ листовъ на переходъ держаній отъ отца къ сыну, когда отецъ дѣлается „лѣтнимъ" (т. е. старымъ), на переходъ держаній къ зятьямъ, если у держателя нѣтъ сыновей, а есть дочери, къ племянникамъ и другимъ родственникамъ. Вообще, уже въ началѣ XVI в., кажется, считалось общепринятымъ, что дочасныя держанья переходятъ съ господарскаго разрѣшенія къ кому либо изъ дѣтей держателя. Вотъ любопытное свидѣтельство документа. Нѣкто Ивасковичъ проситъ у Сигизмунда I землю въ Лидскомъ повѣтѣ и при этомъ разсказываетъ слѣдующее: просимая земля отдана господаремъ Мартиновичу „не на вечность, какъ же дей онъ и потверженья нашого на то въ себе не маеть. И вжо тотъ Янъ (Мартиновичъ) и жона его при старости, а дѣтей дей въ нихъ нѣтъ,—только одна дочка и тая вжо замужъ выдана". Разъ имѣніе дано не на вѣчность, то проситель долженъ былъ только хлопотать о „ласкѣ" господарской; но онъ всетаки находитъ нужнымъ пояснить, что даже и не существуетъ такихъ претендентовъ, которые въ силу установившагося обычая имѣли преимущество въ соисканіи господарской ласки; и господарь, въ свою очередь, разрѣшая Васковичу получить землю по смерти Мартиновича, оговариваетъ: „ино кгдыжъ есть онъ при старости, а сыновъ у него

нѣтъ, а потверженья на то въ себе не маеть“ [1]). Вообще интересы службы давали широкій просторъ для перехода даннъ по наслѣдству,—„абы не гинула служба князя великого“, какъ объясняютъ акты [2]).

Но такой переходъ не превращалъ еще господарскую данину въ наслѣдственное владѣніе: иногда нѣсколько поколѣній преемственно владѣютъ даниною не на наслѣдственномъ правѣ [3]). Только спеціальное господарское потверженье могло превратить дочасное держанье въ „вѣчистое“, сообщить ей свойства „вѣчности“. Такъ образуется вѣчистая данина, выслуга. Литовскіе господари массами выдавали такія потверженья временныхъ держаній на вѣчность, иногда такимъ путемъ снискивая себѣ сторонниковъ [4]). Передавая землю въ вѣчное потомственное владѣніе, великокняжеская власть тѣмъ самымъ не отказывалась отъ верховныхъ правъ собственности на пожалованное имущество и, слѣдовательно, не предоставляла владѣльцу неограниченнаго права собственности. Прежде всего обязательство земской службы или прямо указывалось [5]) въ господарскомъ привилеѣ или подразумѣвалось. Такимъ образомъ, земля не выходила изъ службы. Широта правъ распоряженія обусловливается господарскимъ привилеемъ. Различіе въ правахъ заключается въ томъ, что привилегіатъ получаетъ пожалованіе въ вѣчное потомственное владѣніе (дѣтямъ, внукамъ, ближнимъ и счадкамъ); чаще всего право наслѣдованія переходитъ и на жену; но привилигіатъ не всегда получаетъ право продажи, замѣны и даренія полученнаго имущества [6]). Сравнительно въ весьма рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ и разрѣшеніе отдать имущество на церковь [7]). Такимъ образомъ, широта правъ распоряженія зависѣла отъ условій пожалованія. Замѣтимъ однако, что вообще всякаго рода

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XII, л. 308.

[2]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., р. 537.

[3]) Акты Леонтовича, № 727.

[4]) Ср. разсказъ Орденскаго посла о потвержденіи Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ ленныхъ даннъ великаго князя Витовта, Daniłowicz, Skarbec, № 1623.

[5]) Напримѣръ, Arch. ks. Lub. Sang., I, p. 28, 40; Акты Леонтовича, № 617; Грамоты В. Б. Антоновича, p. 16; Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., р. 26; Акты Зап. Рос., I, p. 49, 59; Кн. Зап. Лит., XLI, л. 140, л. 172 об., л. 200 об., л. 202, л. 217 об.; Кн. Зап. Лит., II, л. 7 и др.

[6]) Напримѣръ, Грамоты В. Б. Антоновича, p. 42, 60, 62; Акты Леонтовича, №№ 626, 715, 735.

[7]) Грамоты В. Б. Антоновича, p. 34 и 35.

продажа, замѣна или дареніе, хотя бы и обезпеченныя частнымъ привелеемъ, разрѣшались не иначе, какъ съ согласія господаря или вряда, какъ это извѣстно изъ обще-земскихъ привилеевъ.

Но важно, что торжественныя завѣренія частныхъ грамотъ на право потомственнаго владѣнія фактически не гарантировали его прочности: великій князь могъ отнять по своему личному усмотрѣнію и вѣчное владѣніе съ замѣной его другимъ или безъ таковой. И это было не злоупотребленіе властью, но правомъ великаго князя или вообще лица, которое жаловало землю. Великій князь Свидригайло даетъ своему слугѣ Михайлу Олехновичу нѣсколько селъ въ Кременецкомъ повѣтѣ „вѣчно и непорушно", ему самому, дѣтямъ и потомству—„безъ всякого подвиженя" [1]), т. е. обѣщаетъ не отнимать у него пожалованія. Такое обѣщаніе было понятно только при признаніи, что князь могъ отнять свое пожалованіе. Поэтому-то верховная власть иногда и ограничивала себя,—не смотря на обычныя увѣренія грамотъ въ вѣчности потомственнаго владѣнія, еще особыми обязательствами вродѣ указаннаго. Великій князь Александръ, жалуя въ 1505 году Василію Глинскому дворъ Лососиную, налагаетъ самъ на себя такого рода обязательство: если намъ понадобится названный дворъ, то мы обязываемся предварительно дать князю Василію лучшее имѣніе, чѣмъ Лососиное, и, давъ ему таковое лучшее имѣніе, можемъ у него взять этотъ дворъ [2]). Или напр. извѣстны факты, когда пожалованіе на вѣчность обезпечивается еще извѣстною суммою: въ случаѣ нарушенія владѣнія, великій князь или его преемники обязаны уплатить ее привилегіату или его преемникамъ [3]). И дѣйствительно, можно указать на факты отнятія или замѣны вѣчныхъ владѣній. Уже упомянутый нами великій князь Свидригайло отнялъ у пановъ Чоботовъ ихъ „вѣчную отчизну", присоединилъ къ своему двору, давъ имъ въ замѣнъ другія земли [4]).

Таковы особенности вѣчнаго потомственнаго владѣнія, „вѣчности", „вѣчистой данины", „вѣчистой выслуги". Но онѣ обозначатся еще лучше при сравненіи этой формы съ вотчиною.

Переходя къ вотчинному землевладѣнію, приходится прежде всего поставить вопросъ о томъ, чѣмъ отличалась отчина отъ вѣчнаго вла-

---

[1]) Arch. ks. Lub.-Sang., I, p. 40.
[2]) Акты Зап. Рос., I, p. 366
[3]) Arch. ks. Lub.-Sang., I, p. 35.
[4]) Акты Зап. Рос., I, p. 59.

дѣнія. Какъ ни ограничено количество фактовъ, касающихся отчиннаго владѣнія въ древнѣйшее время, всетаки чувствуется разница между отчиной и вѣчнымъ владѣніемъ. По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова отчиною называется „имущество, передаваемое по наслѣдству, каковы ни были права владѣльца на это имущество, т. е. хотя бы они вовсе не равнялись правамъ собственности". Такимъ образомъ, пожалованіе въ вотчину вовсе не означало полныхъ правъ собственности [1]). Дальнѣйшее слѣдствіе изъ такого вывода заключается въ томъ, что отчина могла быть менѣе крѣпкимъ владѣніемъ, чѣмъ потомственная вѣчность. Изъ изложенія вопроса, представленнаго М. К. Любавскимъ, слѣдуетъ вывести заключеніе, что отчинное владѣніе отличалось отъ другихъ видовъ тѣмъ, что владѣлецъ могъ продать безъ согласія родныхъ только третью часть отчины и что родъ отчинника имѣлъ право выкупить отчину; владѣлецъ не могъ передать своей женѣ отчины, по завѣщанію, имѣя право записать ей только третью часть и то не на вѣчность; за отсутствіемъ сыновей дочери считались наслѣдницами отчины. Такимъ образомъ, отчина являлась родовымъ владѣніемъ. Останавливаясь на различіи вѣчистой выслуги отъ отчины, М. К. Любавскій дѣлаетъ предположеніе, что для перваго владѣльца отчина была только выслугой, на которой (т. е. на выслугѣ) не было ограниченій въ наслѣдованіи и продажѣ, каковыя свойственны вотчинному владѣнію. Выслуга пріобрѣтала всѣ свойства отчины только послѣ того, какъ она переходила къ законнымъ наслѣдникамъ обычнымъ путемъ,—не по завѣщанію [2]). Иными словами, всякая выслуга превращалась въ вотчину только послѣ ея перехода по наслѣдству.

Дѣйствительно, вышеприведенное объясненіе подмѣчаетъ несомнѣнный бытовой фактъ: разъ выслуга переходила къ наслѣдникамъ безъ завѣщанія, она поступала въ оборотъ рода на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отчина. Такое отношеніе „близкихъ" къ наслѣдованному ими имуществу можно объяснить еще и тѣмъ общимъ соображеніемъ, что по укоренившимся воззрѣніямъ право распоряженія имуществомъ опредѣлялось тѣмъ лицомъ, которое его передавало; такъ завѣщатель устанавливалъ „вольность" продажи, замѣны, даренія передаваемаго имущества наслѣдниками [3]), продавецъ дѣлалъ съ своей

---

[1]) Помѣстья Лит. госуд., р. 31.

[2]) Областное дѣленіе, р. 598—599.

[3]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 37.

стороны подобнаго же рода опредѣленія правъ будущаго владѣльца [1]) и т. п. Если поэтому владѣлецъ выслуги или купли не оставлялъ завѣщанія, то его наслѣдники вступали во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ на основаніи общеустановленныхъ нормъ наслѣдованія, хотя кругъ родичей по выслугѣ былъ инымъ, чѣмъ по вотчинѣ. Въ актахъ можно найти и подтвержденіе того, что выслуги переходятъ по наслѣдству къ близкимъ и дѣлятся между ними на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вотчинныя владѣнія и что „близкіе“ получаютъ право „поискивать“ выслугу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вотчину. Достаточно сослаться на слѣдующій примѣръ. Нѣкто Дремуть еще при Витовтѣ держалъ часть Деречина [2]). Впослѣдствіи великій князь Казимиръ позволилъ писарю своему Василію Павловичу жениться на вдовѣ внука Дремутева и пожаловалъ ему на вѣчность имѣніе Деречинъ; великій князь Александръ, подтверждая въ 1505 году эту данину, объясняетъ дѣло слѣдующимъ образомъ: „Тежъ отдаляемъ всихъ тыхъ, хтобы кольвекъ давность близкостю хотѣлъ того имѣня подъ нимъ поискивати, розумѣючи, ижъ отецъ нашъ, славное памети король Казимеръ тое имѣніе вышей писаное Деречинъ зъ немалымъ розмышленіемъ и зъ доброю порадою, взємши къ своей руцѣ, отцу его за его службу далъ и дозволилъ поняти жону Богдана Дромутевича съ тымъ имѣніемъ Деречиномъ, которое жъ мы писару нашому Никольскому Василевичу тымъ то нашимъ листомъ потвержаемъ вѣчно и на вѣки“ [3]). Изъ этого ясно, что извѣстный кругъ близкихъ имѣлъ право въ наслѣдованіи выслугою, очевидно, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вотчиною; для того, чтобы ануллировать это право рода, господарь долженъ былъ взять выслугу „къ своимъ рукамъ“ и „отдалить всѣхъ близкихъ“; это было нарушеніемъ установившагося обычая (только обычая, такъ какъ верховное право на землю господарь имѣлъ), которое господарь сдѣлалъ не безъ колебанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вышеприведенный актъ указываетъ на порядокъ, который устанавливался при наслѣдованіи вотчинъ [4]).

---

[1]) Акты Леонтовича, № 635.

[2]) Arch. Lub.-Sang., I, p. 24.

[3]) Акты Леонтовича, № 728.

[4]) Вотъ еще фактъ, опредѣленно поясняющій вышеизложенное: великій князь Казимиръ далъ двумъ городскимъ дворянамъ полоцкимъ Пантелѣю и Анцыпору двѣ земли. Анцыпоръ умеръ, не оставивъ дѣтей, и тогда наслѣдники Пантелѣя завладѣли его дѣльницею. Но у названныхъ дворянъ былъ еще братъ

Неудивительно поэтому, что сыновья считаютъ выслугу своихъ отцовъ „отчизною своею", а себя „отчичами" [1]), или что въ общежитіи выслуженныя земли называются и выслугой и отчиной [2]). Съ точки зрѣнія правъ наслѣдованія понятно также и различіе между отчиной, дѣдиной и материзной, т. е. какъ владѣній, идущихъ отъ дѣда, отца [3]) и матери. Отсюда естественно предположить, что и кругъ „близкихъ", опредѣлялся происхожденіемъ отъ отца, дѣда, матери, дяди (дядизна); наслѣдованіе допускалось по прямой нисходящей линіи и, кажется, въ боковой [4]).

Но переходъ недвижимаго имущества въ порядкѣ наслѣдованія не объясняетъ намъ еще того различія, которое дѣлалось между вотчиной и вѣчистой даниной. Если бы всякая выслуга путемъ перехода по наслѣдству могла превратиться въ вотчину, то нелегко было бы объяснить, чѣмъ отличалось пожалованіе въ вотчину отъ пожалованія на вѣчность; между тѣмъ акты XV вѣка отчетливо раздѣляютъ пожалованіе въ вотчину и не въ вотчину [5]), продажу въ вотчину [6]), мѣну среди частныхъ лицъ „въ вотчину" и „на вотчину" [7]) и т. д. Очевидно, трудно было бы объяснить простою случайностью или невниманіемъ къ юридической терминологіи со стороны верховной власти, когда она, при одинаковыхъ условіяхъ, одному лицу жалуетъ имѣніе въ вотчину, а другому на вѣчность [8]). Надо, впрочемъ, сдѣлать одну существенную оговорку, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ заключеніямъ: хотя вотчины, какъ извѣстная форма землевладѣнія, из-

---

Иванъ. Сыновья послѣдняго предъявили искъ къ сыновьямъ Пантелѣя и великій князь Александръ приговорилъ раздѣлить наслѣдство между Пантелѣевичами и Ивановичами, такъ какъ Ивановичи „къ тому такъ близкіи суть, какъ и они сами (т. е. Пантелѣевичи) къ тои дѣльницы дядка ихъ Анцыпоровое" (ibidem, № 176). Мы не говоримъ уже объ обычныхъ подтвержденіяхъ сыновьямъ и другимъ наслѣдникамъ выслугъ ихъ отцовъ и дѣдовъ.

[1]) Акты Юго-Зап. Рос., I, р. 121. Дѣло идетъ о выслугѣ, ср. р. 118.

[2]) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 48, 49, 51.

[3]) Ср. опредѣленіе дѣдины и отчины въ Актахъ Леонтовича, № 624; „питомая дѣдина и отчизна". Арх. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 74.

[4]) См. прим. 4 на пред. стр.

[5]) Напр, въ книгѣ данинъ Казимира: „Кнзю Юрю Семеновичу Небле а Дружиловичи *не у отчину*" (Док. М. Арх. М. Ю, I, р. 49). Князю Ѳедору Воротынскому пожалованы земли „у вотчину и его детемъ" (ibidem, р. 27 и мн. др.).

[6]) Arch. Lub.-Sang., I, 50.

[7]) Акты Леонтовича, № 190.

[8]) Акты Зап. Рос., I, р. 68.

вѣстны въ теченіе всего изучаемаго періода, но господарскія пожалованія въ вотчину, хорошо извѣстныя въ XIV и XV вѣкахъ, почти исчезаютъ при великомъ князѣ Александрѣ и при обоихъ его преемникахъ; такимъ образомъ, пожалованіе въ вотчину вышло изъ правительственной практики, что, разумѣется, не отмѣнило самой формы вотчиннаго владѣнія.

Прежде всего необходимо отмѣтить тотъ важный фактъ, что юридическая терминологія того времени вовсе не смѣшивала выслугъ, находящихся во владѣніи сыновей и внуковъ лицъ, получившихъ вѣчистыя данины; разумѣется, это не не касается правъ наслѣдованія, какъ раньше было указано, и того случайнаго смѣшенія терминовъ, которое происходило вслѣдствіе общности правъ наслѣдованія вотчиной и выслугой; послѣднее—бытовой фактъ, уступающій мѣсто строго юридическимъ опредѣленіямъ. Акты очень ясно отличаютъ выслугу дѣда, отца и т. д.; и господарскія подтвердительныя грамоты не называютъ такихъ выслугъ вотчинами, а санкціонируютъ лишь вѣчность владѣнія и права́ распоряженія [1]). Оставляя въ сторонѣ отдѣльные акты, слѣдуетъ обратить вниманіе на замѣчанія ревизій земель, производившихся въ 1552 году. Здѣсь мы неизмѣнно встрѣчаемся съ тѣмъ, что ревизоры вездѣ отличаютъ выслуги отцовъ и дѣдовъ, выслуги при великихъ князьяхъ Александрѣ и Сигизмундѣ I отъ вотчинъ и купленныхъ земель; таковы напр. замѣчанія ревизоровъ въ ревизіяхъ Полоцкой земли [2]), Житомирскаго староства [3]), Мозыря [4]). И мы увидимъ впослѣдствіи, что отмѣтки ревизоровъ о выслуженныхъ и вотчинныхъ имѣніяхъ имѣли практическое значеніе. Итакъ, въ памятникахъ, имѣющихъ юридическое и финансово-административное значеніе, выслуга отцовъ (не говоря о личныхъ выслугахъ) отличается отъ вотчинъ.

Для опредѣленія сущности замѣченнаго отличія между вотчиной и выслугой, естественно, прежде всего обратиться къ основнымъ памятникамъ литовско-русскаго законодательства, т. е. къ уставнымъ грамотамъ и Статуту. Здѣсь мы дѣйствительно встрѣчаемъ рядъ указаній относительно правъ владѣнія и распоряженія вотчинами, вы-

---

[1]) Наиболѣе рельефныя указанія см. напр. въ Актахъ Леонтовича, № 507, 727, 597.

[2]) Script. Rerum Pol., V, p. 215, 217, 239 и др.

[3]) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, p. 126 и др.

[4]) Ibidem, p. 644.

слугами и купленными имѣніями. Такъ, Полоцкая и Витебская уставныя грамоты гарантируютъ мѣстному поспольству право собственности на вотчины и купленины; Жмудская грамота гарантируетъ право собственности на земли, которыя находятся „въ стародавнемъ владѣніи“, очевидно приравнивая ихъ къ тѣмъ землямъ, которыя въ другихъ грамотахъ обозначаются подъ именемъ вотчинъ. Но тѣ же грамоты говорятъ и о выслугахъ; у Витеблянъ господарь обѣщаетъ не отнимать выслугъ, выслуженныхъ „на предкохъ нашихъ“, у Полочанъ—пожалованій Витовта и послѣдующихъ господарей до Сигизмунда I включительно, у Жмудиновъ—выслугъ Витовта, Свидригайла, Сигизмунда и Казимира. Весьма интересно постановленіе Кіевской уставной грамоты 1507 года: она подтверждаетъ кіевлянамъ отчины и выслуги великихъ князей Витовта, Казимира, Сигизмунда и Александра, обѣщаетъ „не рушить“ выслугъ, полученныхъ отъ удѣльныхъ князей Александра и Семена, но при условіи, если эти выслуги „не отчины чюжыи, и съ того ихъ не рушаемъ, а оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то потвердимъ зъ ласки нашое, и то вже будетъ нашо данье“. Такимъ образомъ, выслуги кіевлянъ на удѣльныхъ князьяхъ теряютъ свое первоначальное значеніе; служебныя отношенія этихъ лицъ къ потомкамъ удѣльныхъ князей прекращаются и источникомъ пожалованія становится великій князь; впослѣдствіи мы увидимъ, что такая постановка дѣла объясняется особыми условіями выслугъ. Въ грамотахъ Волынской и Смоленской землямъ мы не встрѣчаемъ особыхъ постановленій касательно правъ собственности. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что великій князь Казимиръ, по присоединеніи Волыни послѣ смерти Свидригайлы и по подавленіи извѣстнаго возстанія въ Смоленскѣ, произвелъ разборку мѣстныхъ поземельныхъ отношеній и выдалъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ свои жалованныя грамоты; каждый, слѣдовательно, владѣлъ на основаніи грамотъ и потому въ общемъ подтвержденіи правъ на земли не было нужды. Въ отношеніи правъ распоряженія уставныя грамоты очень неполны. Витебская и Полоцкая грамоты разрѣшаютъ продажу или дареніе „имѣній“, при условіи объявленія объ этомъ актѣ самому господарю или его намѣстнику. „Имѣніе“, судя по употребленію его въ первомъ Статутѣ, означаетъ, вѣроятно, вотчину. Бѣльская грамота разрѣшаетъ, при тѣхъ же условіяхъ, распоряженіе купленными имѣніями и дѣдичными. Кіевская грамота говоритъ только о выслугахъ (какъ видно изъ предыдущаго здѣсь и могли быть только выслуги):

съ господарскаго „призволенія“, выслугу можно было продать, подарить, обмѣнять и отдать на церковь въ томъ случаѣ, если эти права распоряженія оговорены въ подтвердительномъ привилеѣ (такъ надо понимать соотвѣтственное мѣсто грамоты). Въ отношеніи правъ наслѣдованія грамоты обезпечиваютъ право наслѣдованія за дѣтьми, а при ихъ отсутствіи за „близкими“, условіе записи посага и вѣна, положеніе вдовъ по смерти мужей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ постановленіе грамотъ отличается общимъ характеромъ, очевидно потому, что онѣ опираются на нормы обычнаго права [1]).

Итакъ, уставныя грамоты, подтверждая права собственности на земли, ясно отличаютъ выслуги и вотчины. Выслуги съ переходомъ по наслѣдству не дѣлаются вотчинами. Выслуги—земли, пожалованныя великими князьями; что такое вотчины—грамоты не объясняютъ, но, очевидно, онѣ разумѣютъ подъ вотчинами земли, которыми искони владѣютъ ихъ собственники, земли, которыя не являются актомъ „милости и ласки“ господаря великаго князя.

Областные привилеи имѣли обязательную силу только для областей—аннексовъ. Привилеи, выданные господарями для собственной Литвы, постепенно расширяли кругъ лицъ, по отношенію къ которымъ государственная власть налагала на себя извѣстнаго рода ограниченія и предоставляла землевладѣльцамъ извѣстныя права распоряженія поземельной собственностью. Привилей 1386 года предоставляетъ всѣмъ боярамъ или рыцерству широкое право распоряженія всякаго рода поземельнымъ имуществомъ, полученнымъ по наслѣдству (omnia qnae ex successione paterna). Вѣроятно, предоставляемыя боярству права распоряженія обусловливаются согласіемъ господаря великаго князя на совершеніе сдѣлокъ; хотя объ этомъ не говорится въ привилеѣ, но это естественно вытекаетъ изъ тогдашней уже практики и послѣдующихъ узаконеній [2]). Городельскій привилей гораздо обстоятельнѣе излагаетъ вопросъ о правѣ собственности и формахъ ея. Онъ подтверждаетъ право собственности высшаго сословія на вотчины и вѣчистыя данины, разрѣшая отчужденіе ихъ; въ послѣднемъ случаѣ однако обязательно заявленіе объ отчужденіи, сдѣланное предъ самимъ господаремъ или передъ врядомъ. Вслѣдствіе нѣкоторой неясности контекста шестой статьи Городельскаго привилея, можетъ воз-

[1]) Въ изложеніи уставныхъ грамотъ пользуемся сводомъ г. Ясинскаго, p. 160 и слѣд.

[2]) Działyński, Zbiór praw, p. 1.

никнуть сомнѣніе относительно способовъ выдачи разрѣшенія на отчужденіе выслугъ и вотчинъ; это мѣсто, какъ намъ кажется, надо понимать въ томъ смыслѣ, что на отчужденіе выслугъ требовалось разрѣшеніе самого господаря (nostro tamen consesu), а для отчужденія вотчинъ достаточно было простого заявленія предъ господаремъ или врядомъ. Привилей 1413 года разрѣшаетъ записывать вѣно женамъ на вотчинахъ и вѣчистыхъ выслугахъ и подтверждаетъ права дѣтей на наслѣдованіе имущества отцовъ ихъ [1]). Привилеи Ягайлы и Сигизмунда Кейстутьевича 1432 и 1434 годовъ не вносятъ существенно новыхъ разъясненій въ данномъ вопросѣ, сравнительно съ предшествующими. Соотвѣтственное мѣсто редактировано въ нихъ въ весьма общихъ выраженіяхъ: господарь подтверждаетъ право на владѣніе вотчинами на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ ими владѣетъ польская шляхта (такая оговорка приводится и въ предшествующихъ привилеяхъ); подтвержденіе владѣній данинами носитъ черезчуръ общій характеръ, вызванный, очевидно, тревожными событіями того времени, когда выданы были грамоты: законное владѣніе господарскими данинами, т. е. конечно только на основаніи господарскаго или намѣстническаго листа, даетъ широкое право распоряженія ими наравнѣ съ вотчинами [2]). Иными словами, этимъ привилеемъ подтверждены всѣ данины не только на вѣчность, но и „до воли и ласки господарской". Дѣйствительно, въ источникахъ того времени мы находимъ подтвержденіе тому, что Сигизмундъ Кейстутьевичъ широко раздавалъ грамоты, укрѣпляющія права собственности (отдѣльныя лица, конечно, стремились выхлопотать себѣ особыя грамоты), и это производило извѣстное впечатлѣніе на его приверженцевъ [3]). Такое пониманіе привилегіи Сигизмунда Кейстутьевича подтверждается и Казимировскимъ статутомъ 1447 года. Онъ даетъ болѣе полное опредѣленіе по интересующему насъ вопросу. Во первыхъ онъ подтверждаетъ право поземельной собственности не только ограниченнаго круга литовской знати, но и всего княжья, шляхетства и мѣщанства. Подъ данинами статутъ 1447 года разумѣетъ пожалованія великихъ князей Витовта и Сигизмунда Кейстутьевича, права на владѣніе кото-

[1]) Ibidem, p. 12—13.

[2]) Codex epistolaris sec. XV, т. III, p. 523 и 529—530, Филевичъ, Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1892 г. Варш., 1893 г., р. 23.

[3]) Даниловичъ, № 1623.

рыми можетъ быть подтверждено привилегіями или свидѣтельскими показаніями. Весьма замѣчательно, что латинскій текстъ привилея называетъ пожалованія Витовта—bona concessa, что, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ только вѣчистымъ выслугамъ, а пожалованія Сигизмунда—donaciones, т. е. данины. Относительно правъ отчужденія и наслѣдованія статутъ 1447 г. повторяетъ въ общемъ Городельскій привилей [1]). Статья Казимировскаго статута съ подтвержденіемъ правъ на вотчины и выслуги цѣликомъ перешла въ конституцію 1492 г. Но сверхъ того здѣсь встрѣчается статья касательно пожалованій великаго князя Казимира и самаго Александра. Въ ней нельзя не подмѣтить существеннаго различія, происшедшаго во взглядахъ правительства: вмѣсто огульнаго подтвержденія всякаго рода пожалованій великихъ князей Витовта и Сигизмунда, даже подтверждаемыхъ только свидѣтельскими показаніями, конституція 1492 года подтверждаетъ только тѣ пожалованія Казимира, которыя подтверждены имъ привилеями. т. е. вѣчистыя данины. Всѣ же пожалованія Казимира „до воли и ласки господарской“ оставляются и Александромъ на тѣхъ же основаніяхъ. Великій князь Александръ обѣщаетъ давать и самъ „до воли господарской“, но подтвержденія на вѣчность какъ тѣхъ, такъ и другихъ остаются въ господарской волѣ [2]). Въ общемъ подтвердительномъ привилеѣ 1506 года находимъ подтвержденіе статьи о данинахъ при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ, но въ немъ нѣтъ статьи, которая соотвѣтствовала бы 29-й статьѣ статута 1492 года (привилей 1506 года дошелъ до насъ, впрочемъ, въ неисправномъ спискѣ). Здѣсь мы встрѣчаемъ одну новую статью относительно правъ владѣнія: право собственности признается на основаніи давности владѣнія, если давность простирается на время княженія Витовта, Сигизмунда или Казимира [3]).

Какъ извѣстно, статутъ 1447 года съ теченіемъ времени сталъ дѣйствующимъ правомъ для всѣхъ областей государства, а привилеи 1492 года и 1506 г. уже и были изданы для всѣхъ областей; такимъ образомъ, эти законодательные памятники покрыли собою и земскія уставныя грамоты, не отмѣнивъ впрочемъ послѣднихъ.

Соображая все вышесказанное, можно придти къ слѣдующимъ

---

[1]) Działyński, Zbiór praw, p. 31—32; Акты З. Р., I, p. 75.

[2]) Działyński, Zbiór praw, p. 60 и 64.

[3]) Ibidem, p. 98.

общимъ выводамъ. Основные законодательные памятники Литовско-русскаго государства въ достатутовый періодъ не опредѣляютъ съ полной точностью всѣхъ особенностей въ правахъ владѣнія поземельной собственностью, напр. подробностей относительно наслѣдованія, записей вѣна и проч.; очевидно, въ этомъ отношеніи они имѣютъ въ виду нормы обычнаго права, прослѣдить которыя не трудно по актамъ. Памятники отличаютъ вотчины, выслуги и купленины. Происхожденіе выслугъ и купленинъ ясно. Памятники не объясняютъ происхожденія вотчинъ; но, очевидно, подъ ними разумѣются земли, находящіяся въ исконномъ владѣніи, нежалованныя и некупленныя (это не исключаетъ пожалованія господарями въ вотчину); къ такому пониманію приводитъ и указанная статья привилея 1506 года. Сохраняя на себѣ отпечатокъ происхожденія, вѣчистыя выслуги, пожалованныя великими князьями Витовтомъ и Сигизмундомъ, сливаются въ правахъ распоряженія съ вотчинами при Казимирѣ, т. е. въ половинѣ XV вѣка. Права распоряженія состоятъ въ правѣ отчужденія при условіи совершить таковое предъ господаремъ и урядомъ. Конституція великаго князя Александра удостовѣряетъ въ поворотѣ, который произошелъ въ великокняжеской политикѣ по отношенію къ выслуженнымъ землямъ: очевидно, уже со времени Казимира перестали сливать вотчины съ выслугами, и съ конца XV вѣка до изданія второго Статута существовало не малое различіе между обѣими формами землевладѣнія; мало того, статутъ 1492 г. въ извѣстной мѣрѣ налагаетъ даже ограниченіе на господаря въ дѣлѣ раздачи вѣчистыхъ выслугъ. Указанный поворотъ въ поземельной политикѣ какъ разъ сходится съ отмѣченнымъ уже выше явленіемъ, а именно, что выслуги въ XVI вѣкѣ считаются только со временъ великаго князя Александра и что съ того же періода прекращается раздача земель въ вотчину; перемѣна въ поземельной политикѣ, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ вліяніемъ, которое стала оказывать къ концу XV в. идея о неотчуждаемости государственныхъ имуществъ [1]: теоретическое обоснованіе этихъ идей вполнѣ подкрѣплялось интересами службы и государственныхъ повинностей.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на законодательствѣ перваго Статута. Онъ повторяетъ основы предшествующихъ законоположеній, детализируя ихъ обычно-правовыми нормами (въ нѣкоторыхъ слу-

---

[1]) Ср. выше, р. 149

чаяхъ, быть можетъ, восходящими къ эпохѣ Русской Правды). Постановленія Статута сводятся къ слѣдующему. Различая отчизны и выслуги, онъ къ числу первыхъ относитъ и такія имѣнія, которыя находятся во владѣніи на основаніи давности, простираемой на великокняженіе Казимира и его предшественниковъ (разд. I, арт. 19). Изъ отчизны можно отчудить только третью часть, при чемъ достаточно заявленія о совершаемой сдѣлкѣ передъ господаремъ или мѣстнымъ врядомъ. Остальныя двѣ части разрѣшается только отдавать въ залогъ: „ближніе“ получаютъ право выкупа заложеннаго имѣнія (разд. I, арт. 15, 16 и 17). Продажа или дареніе данины господарской однако должна быть совершаема предъ самимъ господаремъ „з волею нашою господарскою“ (разд. I, арт. 15). Не смотря на нѣкоторую неясность контекста, слѣдуетъ предполагать, что только для отчужденія отчинъ устанавливается опредѣленная часть: „шафованье“ выслугой, очевидно, лежитъ исключительно въ господарской волѣ, т. е. требуетъ его фактическаго разрѣшенія. Вѣно женамъ разрѣшается записывать только на третьей части всѣхъ имѣній (разд. I, арт. 1). Вопросы, касающіеся права наслѣдованія, Статутами разсматриваются довольно подробно. Нормы, появляющіяся впервые въ Статутѣ, напр. о записи вѣна женамъ, о частяхъ, въ которыхъ наслѣдуютъ братья и сестры, о правѣ продажи только третьей части вотчины,—установились до Статута. Въ особенности важно ограниченіе касательно отчужденія вотчинъ. „Право земское“, какъ это можно прослѣдить по актамъ отъ начала XIV в. [1]), требовало согласія всѣхъ „близкихъ“, на отчужденіе отчины, даже третьей ея части [2]). „Близкіе“ имѣютъ право выкупа вотчины, отчужденной безъ ихъ согласія. Очень вѣрно подмѣчено, что это право преслѣдуетъ именно интересы рода [3]), т. е. всего круга лицъ, которые могутъ наслѣдовать въ случаѣ бездѣтной смерти владѣльца вотчины: вотчина такимъ образомъ принадлежитъ цѣлому роду и переходъ ея изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого совершается по строго опредѣленнымъ правиламъ.

Отсюда понятно, что всякое распоряженіе вотчиной теряло свою силу, если оно не было согласно съ закономъ и обычаемъ. Поэтому

---

[1]) Акты Юго.-Зап., т. II, р. 103.
[2]) Акты Леонтовича, № 157, 311.
[3]) Любавскій, Обл. дѣл., р. 598.

мы встрѣчаемъ случаи нарушенія духовныхъ завѣщаній, если они противорѣчатъ правамъ рода [1]).

Вотчина не могла быть передана по завѣщанію, если владѣлецъ ея не имѣлъ потомства и „близкихъ“ къ вотчинѣ, такая отчина переходила къ господарю великому князю [2]). Завѣщатель можетъ отдать свою выслугу кому угодно, но вотчина поступаетъ въ родъ завѣщателя, и составленное въ противномъ духѣ духовное завѣщаніе не подлежитъ признанію со стороны суда [3]). Права „близкихъ“ могутъ быть нарушены только изданіемъ спеціальнаго законодательнаго акта, въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, Олизаръ Шиловичъ получилъ отъ великаго князя Казимира въ 1450 г. въ вотчину имѣнія въ Луцкомъ пов. Любче, Горюховъ, Серники и др. [4]). Это была, слѣдовательно, уже выслуженная вотчина, но всетаки вотчина. По духовному завѣщанію О. Шиловичъ отказалъ своей женѣ Федкѣ им. Здолбицу, Горюховъ и Любче съ правомъ „кому хочетъ обернути“, т. е. помимо близкихъ. Но, чтобы имѣть возможность привести въ исполненіе волю завѣщателя, п. Олизаровая подарила два изъ этихъ имѣній вел. кн. Казимиру, а на „вольное шафованье“ третимъ (Любче) должна была получить спеціальное разрѣшеніе [5]). Родичи отдаляются отъ наслѣдованія вотчиною только по какимъ нибудь исключительно уважительнымъ поводамъ и только актомъ верховной власти [6]). Такъ какъ зависимость вотчины отъ рода была стѣснительной и побуждала иногда къ нарушеніямъ этого права, то великокняжеская политика со второй половины XV в. начинаетъ болѣе настойчиво поддерживать интересы рода [7]). Свободно распоряжаясь выслугой, владѣ-

---

[1]) Акты Леонтовича, № 256.

[2]) Ibidem, № 80.

[3]) Ibidem, № 88.

[4]) Акты З. Р., I, p. 67.

[5]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 37. Ср. Arch. ks. Lub.-Sang., III, p. 30.

[6]) Акты Леонтовича, № 454.

[7]) На это отчасти намекаетъ слѣдующій господарскій вырокъ. Въ 1486 г. великому князю Казимиру пришлось разбирать дѣло Агафіи Пугачевой, представившей духовное завѣщаніе Ивана Зеновьевича и оспариваемое сыномъ Ивана Юріемъ. Иванъ Зеновьевичъ отказалъ своему племяннику Пугачу свою отчизну, а сыну выдѣлилъ въ ней нѣсколько человѣкъ. Юрій утверждалъ, что духовное завѣщаніе, представленное вдовой его двоюроднаго брата, — подложное. Но вызванные на судъ свидѣтели, знавшіе лицъ, присутствовавшихъ при завѣщаніи и помѣченныхъ въ актѣ, удостовѣрили подлинность послѣдняго. Въ числѣ свидѣтелей упоминается и панъ Андрей Саковичъ, умершій около 1455 г. По аналогіи съ другими судеб-

лецъ можетъ отдалить отъ нея весь родъ свой [1]). Правда, и при продажѣ выслугъ встрѣчается упоминаніе, что такое отчужденіе совершается съ согласія ближайшихъ наслѣдниковъ [2]), но въ этомъ случаѣ едва-ли не слѣдуетъ видѣть простую аналогію съ вотчиной. Разумѣется, „шафованье" выслугой находится въ зависимости отъ широты правъ распоряженія, обусловленныхъ жалованною грамотою [3]). Разумѣется, также и то, что какъ отчужденіе выслуги, такъ и переходъ ея по наслѣдству совершается съ согласія великаго князя [4]).

Но согласіе великокняжеской власти на отчужденіе выслуги разумѣлось въ предѣлахъ привилея. Такъ, извѣстный Остафій Дашковичъ записалъ свою выслугу Николаевскому Пустынскому монастырю въ Кіевѣ [5]). При подтвержденіи ея монастырю въ 1536 г. король Сигизмундъ I разъясняетъ, что покойный панъ Остафій имѣніе Колтегаевъ „на насъ выслужилъ, а змеръ, *детей и потомковъ* по собѣ не оставивши". Поэтому, имѣніе должно бы „спасти" на господаря, но великій князь, принимая во вниманіе заслуги покойнаго и просьбы пановъ радъ и еще то, что другія выслуги Дашковича перешли въ составъ господарскихъ имѣній, утвердилъ Колтегаевъ за монасты-

ными рѣшеніями, выданными въ то время, слѣдовало бы ожидать нарушенія духовнаго завѣщанія: оно было несогласно съ „правомъ земскимъ", потому что отчина перешла по завѣщанію къ племяннику помимо сына. Однако Казимиръ съ панами радою оказался въ затруднительномъ положеніи и присудилъ землю Пугачевой, мотивируя свое рѣшеніе слѣдующимъ соображеніемъ: „И досмотревшы есмо о томъ з паны радою нашою, и виделo се намъ и паномъ раде нашой, ижъ то речъ есть давная, а передъ тымъ люди, одинъ другому такии записы *незвычайные* даивали, а то было межы людми держано, а собѣ въ томъ вѣрили" (Акты Леонтовича, № 46). Такимъ образомъ великокняжескій судъ стоялъ на сторонѣ земскаго права; среди же общества замѣчается стремленіе уклониться отъ этого права. Изъ признанія, что въ болѣе давнее время (т. е. до половины XV стол.), практиковались *незвычайные* акты распоряженія поземельною собственностью, надо заключить, что правительственная власть при Казимирѣ стала болѣе твердо на почву земскаго права, что взгляды на этотъ предметъ получили больше ясности и опредѣленности. Быть можетъ и издано было соотвѣтствующее постановленіе, формулирующее земское право, потому что акты иногда ссылаются на статутъ права земскаго; подъ такой статутъ нельзя подвести привилеи 1447 г. и 1468 г.

[1]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 45.

[2]) Ibidem, р. 60.

[3]) Ibidem, р. 118.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. 1, р. 23.

[5]) Архивъ Ю-З. Р., ч. I, т. VI, р. 14.

ремъ [1]). Дѣйствительно, всѣ *выслуги* Дашковича перешли къ господарю, а отчины—къ единственной представительницѣ этого рода—къ сестрѣ старосты [2]). Изъ этого выясняется еще одно и весьма существенное различіе между выслугой и отчиной: выслуга жаловалась лицу, ее выслужившему, его женѣ дѣтямъ и щадкамъ, потомкамъ. Слѣдовательно, наслѣдованія по восходящей степени такое условіе пожалованія недопускало.

Такимъ образомъ, между вотчиной и выслугой существовало немаловажное различіе въ правахъ распоряженія. Оно сохранилось до второго Статута, которымъ и было отмѣнено. Благодаря счастливой случайности, второй Статутъ содержитъ въ себѣ отраженіе и стараго и новаго порядка въ распоряженіи вотчинами и выслугами. Первый артыкулъ седьмого раздѣла разсказываетъ, что на Берестейскомъ сеймѣ въ 1566 году всѣ станы просили господаря о полной отмѣнѣ первыхъ четырехъ артикуловъ этого же раздѣла въ проектѣ Статута, и вмѣсто этихъ четырехъ артыкуловъ рѣшено ввести одинъ, излагающій порядокъ записей для отчужденія всякаго рода имѣній. Но вслѣдъ за этимъ первымъ артыкуломъ въ Статутъ внесены и отмѣненные имъ четыре артыкула, излагающіе такимъ образомъ порядокъ вещей, дѣйствовавшій до 1566 года и внесенный составителями проекта Статута въ законодательный кодексъ, какъ дѣйствующее право. Такимъ образомъ, второй, третій, четвертый и пятый артыкулы этого раздѣла находятся въ противорѣчіи съ первымъ артыкуломъ и имъ отмѣнены. Второй артыкулъ говоритъ о срокахъ совершенія записей. Третій и четвертый говорятъ о „записи“ отчизныхъ имѣній: отчизное имѣніе можно продать или заложить, сдѣлавъ заявленіе объ этой сдѣлкѣ передъ господаремъ или врядомъ земскимъ: отчизное имѣніе разрѣшается продать только въ третьей части, а заложить можно и остальныя двѣ; однако сумма залога не должна превышать статутовой оцѣнки: въ противномъ случаѣ, наслѣдники имѣютъ право выкупить имѣніе только по статутовой оцѣнкѣ, если залоговая сумма выше ея. Пятый артыкулъ говоритъ о продажѣ купленныхъ имѣній и выслуженныхъ, причемъ разрѣшается такія имѣнія дарить и продавать кому угодно, не стѣсняясь постановленіями Статута объ отчужденіи третьей части отчинныхъ имѣній, и съ правомъ отдаленія дѣтей и „близкихъ“. Такъ

---

[1]) Ibidem, ч. VII, т. I, p. 72.

[2]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 81 об.

опредѣляютъ эти статьи порядокъ, дѣйствовавшій до второго Статута; онъ представлялъ собою право, выработавшееся еще до перваго Статута, что можно прослѣдить на отдѣльныхъ актахъ и отчасти въ самомъ первомъ Статутѣ. Этотъ порядокъ отмѣняется первымъ артыкуломъ того-же раздѣла, по которому всякаго рода имѣнія (отчизны и земскія, материстыя, выслуженныя и купленныя и „якимъ кольвекъ обычаемъ набытые и названые") могутъ быть отчуждаемы, независимо отъ постановленій о третьей части („якъ передъ тымъ бывало въ статутѣ обычаемъ стародавнымъ"), съ правомъ отдаленія дѣтей и „близкихъ". Такимъ образомъ этимъ постановленіемъ окончательно сравнивалось различіе между отчиной, куплей и вѣчистой выслугой. Здѣсь рѣчь идетъ только именно о вѣчистыхъ выслугахъ, пожалованныхъ съ правомъ отчужденія, что подтверждается тридцать четвертымъ артыкуломъ третьяго раздѣла. Этотъ артыкулъ приравниваетъ выслугу, пожалованную съ правомъ отчужденія, къ отчинѣ и куплѣ. Выслуга безъ этого права можетъ быть отчуждаема только передъ самимъ господаремъ, хотя онъ и обѣщаетъ „не боронити" подобнаго рода сдѣлокъ. Данины на ленномъ правѣ, доживотья и данины „до воли и ласки господарской" остаются въ распоряженіи господаря.

Такимъ образомъ второй Статутъ отмѣнилъ ограниченіе, лежавшее на вотчинѣ и исходившее со стороны рода, и на выслугѣ, исходившее отъ воли господаря; въ виду этого положеніе купленныхъ земель также должно было сдѣлаться болѣе независимымъ, такъ какъ полное отождествленіе „купленинъ" съ вотчинами и выслугами должно было повліять на ограниченія, лежавшія на нѣкоторыхъ купленныхъ земляхъ.

Но отмѣченными признаками не ограничивалось различіе указанныхъ формъ землевладѣнія [1]). Различіе еще сказывалось въ повинностномъ отношеніи, но объ этомъ намъ придется говорить ниже; теперь же обратимся къ послѣдней изъ формъ землевладѣнія—къ „куплѣ", т. е. къ поземельной собственности, источникомъ которой была купля.

Обыкновенно утверждаютъ, что „куплены", „купли", т. е. земли, переходящія къ новымъ владѣльцамъ на основаніи купли-про-

---

[1]) Здѣсь возникаетъ еще одинъ очень важный вопросъ о томъ, сравнены ли были вотчины съ выслугами въ порядкѣ наслѣдованія. Мы оставляемъ въ сторонѣ этотъ спорный вопросъ, какъ выходящій за предѣлы нашего изслѣдованія.

дажи, признавались полною собственностью владѣльца [1]), которую онъ могъ продать, отдать, подарить, записать на церковь. Первый Статутъ даже приравниваетъ куплю къ „рухомымъ речамъ" (разд. V, арт. 18). Дѣйствительно, уставныя грамоты оговариваютъ права собственности на „купленепы" частныхъ лицъ; отчужденіе ихъ совершается такимъ-же порядкомъ, какъ и отчужденіе вотчинъ [2]). Однако купленныя земли различались по своему происхожденію и продолжали носить на себѣ тѣ же повинности, которыя лежали на землѣ, пока она считалась выслуженной. Отсюда различіе между купленными землями по ихъ происхожденію.

Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ купли „у вотчину и дѣдину" [3]), или продавецъ предоставляетъ покупателю право распоряжаться пріобрѣтаемымъ владѣніемъ „яко свое вже отчизное" [4]), или „вѣчисто держати и вживати какъ вжо то свою властную отчизну" [5]). Въ данномъ случаѣ въ продажу идутъ отчизны, почему и покупатель пріобрѣтаетъ на нихъ вотчинныя права. Но если на пріобрѣтаемой землѣ лежатъ въ извѣстномъ размѣрѣ службы, то покупатель обязывался ихъ нести въ томъ же объемѣ, въ какомъ служба шла при первомъ владѣльцѣ земли. Опредѣленный размѣръ службы, какъ увидимъ, въ древнѣйшее время могъ лежать только на выслугахъ, почему подобнаго рода ограниченіе и могло быть предъявляемо только къ выслугѣ. Поэтому и послѣ продажи съ купленой земли идетъ служба „по тому какъ и первей будетъ служба наша съ того шла" [6]). Отсюда понятны встрѣчаемые въ господарскихъ подтвердительныхъ грамотахъ на куплю указанія на обязанность новыхъ владѣльцевъ нести службы съ купленныхъ ими земель [7]), или же освобожденіе новыхъ владѣльцевъ отъ повинностей, шедшихъ раньше съ покупаемой ими земли [8]). Встрѣчаемъ и обратное явленіе, когда покупатель, получая отъ господаря разрѣшеніе купить землю, обязуется нести службу въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ раньше она шла съ той же земли [9]).

---

[1]) Любавскій, Областное отдѣленіе, р. 585.
[2]) Ясинскій, Уставныя грамоты, р. 161, 164.
[3]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 293.
[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 54.
[5]) Ibidem, р. 53.
[6]) Акты Леонтовича, № 154; Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 26, 31.
[7]) Акты Леонтовича, №№ 224, 261, 477; Arch. Sang., t. III, р. 89.
[8]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 63.
[9]) Акты Леонтовича, № 48.

Такимъ образомъ съ купли продолжали идти повинности въ томъ объемѣ, въ какомъ ихъ несъ владѣлецъ имѣнія до продажи. Земля поэтому не выходила изъ своихъ повинностей и службы и при переходѣ посредствомъ купли отъ одного лица къ другому [6]). Разумѣется, по отношенію къ „набытымъ“ землямъ родъ владѣльца не имѣлъ никакихъ правъ [7]). Легко себѣ представить, что такого рода порядокъ могъ вводить, и въ дѣйствительности вводилъ, извѣстнаго рода путаницу въ отбываніе повинностей, почему сеймамъ приходилось дѣлать напоминанія о томъ, чтобы господарь требовалъ службы съ купленныхъ земель въ томъ объемѣ, въ какомъ она и раньше шла [8]).

Мы разсмотрѣли различія, лежавшія между вотчиной и выслугой въ правахъ владѣнія, отмѣчая лишь самыя общія черты этихъ правъ. Формы землевладѣнія имѣютъ для насъ значеніе потому, что онѣ вліяютъ на формы и размѣры повинностей, отбываемыхъ землевладѣльцами въ пользу государства.

Элементомъ, объединяющимъ всѣ формы землевладѣнія, является земская военная служба. Она обязательно идетъ, какъ со всякаго рода пожалованной земли, такъ и съ вотчины. Условія ея одинаковы въ томъ и другомъ случаѣ. Вѣчность владѣнія предполагается въ данномъ случаѣ лишь въ томъ смыслѣ, что владѣлецъ земли обязуется самъ лично и въ лицѣ своихъ потомковъ служить господарю великому князю. Прекрасной аналогіей, разъясняющей сущность служебныхъ отношеній, можетъ служить запись на службу, данная князю Ивану Васильевичу Острожскому Янкомъ Чапличемъ. Хотя здѣсь дѣло касается частныхъ лицъ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что подобнаго рода отношенія проникали весь государственный строй и связывали не только частныхъ лицъ между собою, но и подданныхъ съ ихъ государемъ. Янко Чапличъ промѣнялъ князю Острожскому свою „правую отчину“ Гольче на дворъ князя Межирѣчье. Съ этимъ вы-

---

[1]) Это и оговаривается въ господарскихъ листахъ съ разрѣшеніемъ купли земель. Татары Олей и Абрамъ Бахтіаровичи получаютъ разрѣшеніе на покупку земель у разныхъ новгородскихъ татаръ, но при условіи: „маютъ они намъ господарю службу нашу земскую военную служити и всякие повинности полнити и заступовати потому, яко будетъ передъ тымъ съ тыхъ именей и тежъ з людей и земель служба наша и земская военная служона и всякие повинности полнены и заступованы“. Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 142 (1560 г.).

[2]) Акты Ю.-З. Р., II, р. 105.

[3]) Акты З. Р., III, р. 54.

мѣненнымъ дворомъ Чапличъ переходитъ на службу къ князю Острожскому: онъ обязуется служить князю „вѣчно" до смерти и дѣти его обязаны „вѣчно" служить дѣтямъ князя. Чапличъ отказывается отъ права продать, промѣнять или отдать на церковь свое имѣніе, такъ какъ оно вѣчно должно тянуть къ отчинѣ князя—Острогу. Если Чапличъ или его дѣти захотятъ отъѣхать отъ князя, то они могутъ это сдѣлать, но имѣніе остается во власти князя Острожскаго [1]). Такимъ образомъ вѣчность владѣнія обусловливается вѣчностью службы, и съ прекращеніемъ послѣдней владѣлецъ лишается земли. Землевладѣлецъ и его потомство являются слугами лица, отъ котораго они получили землю; такой слуга долженъ служить князю „вѣрно безо льсти и хитрости" [2]). Слуга можетъ прервать эти вѣчно-обязательственныя отношенія, но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ продать свое держаніе такому лицу, которое могло-бы нести службу верховному собственнику земли на прежнихъ условіяхъ [3]); для этого-то и требуется согласіе верховнаго собственника на отчужденіе земли. Если слуга прекращаетъ свои служебныя отношенія къ государю, то онъ лишается и своей поземельной собственности. Не говоря о дочасномъ пожалованіи, подобнаго рода служебно-договорныя отношенія лежатъ какъ на отчинѣ, такъ и на выслугѣ. Служебное отношеніе выслуги вполнѣ понятно, точно также какъ и положеніе жалованной вотчины. Но въ условіяхъ образованія государства нетрудно найти объясненіе тому, какимъ образомъ и родовыя вотчинныя владѣнія пріобрѣли служебное положеніе. Собственная Литва объединилась путемъ соединенія подъ властью великаго князя представителей родового землевладѣнія; русскія земли были частью присоединены путемъ завоеваній, частью мирнымъ образомъ. Но ясно, что такого рода объединеніе государства требовало служебныхъ отношеній вотчинниковъ къ великому князю. Это можно прослѣдить и на договорно-служебныхъ отношеніяхъ между удѣльными князьями и великимъ княземъ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе развитія военныхъ силъ государства, выслуга является преобладающей формой землевладѣнія. Но такъ какъ выслуга является всетаки для великаго князя болѣе зависимою формою служебнаго землевладѣнія, чѣмъ отчина, то въ исторіи литовско-русской

---

[1]) Arch. Sang., t. I, p. 60.

[2]) Ibidem, p. 40.

[3]) Ibidem, p. 22.

поземельной политики можно указать на такія правительственныя мѣры, которыя содѣйствовали преобразованію вотчинъ въ выслуги. Въ качествѣ такой мѣры нельзя, напримѣръ, не признать постановленія Кіевской уставной грамоты: согласно послѣдней, всѣ вотчины, которыми мѣстные элементы владѣли при князьяхъ, подтверждаются за ихъ прежними владѣльцами, но превращаются при этомъ, по словамъ грамоты, въ „нашо данье", т. е. великій князь обѣщаетъ подтвердить эти вотчины въ качествѣ выслугъ на великомъ князѣ литовскомъ. Эта мѣра касается цѣлой крупной области государства. Тотъ-же характеръ, очевидно, носили и массовыя подтвержденія земельныхъ владѣній, сдѣланныя великимъ княземъ Казимиромъ по присоединеніи къ Литвѣ Волыни и Смоленской области: и здѣсь литовско-русское правительство стремилось превратить пожалованія прежнихъ князей и родовыя владѣнія въ „данье" господаря великаго князя Литовскаго для установленія болѣе крѣпкой служебной связи мѣстныхъ землевладѣльцевъ съ центромъ. Такимъ образомъ, болѣе прочнымъ способомъ достигалось установленіе верховнаго права господаря на поземельную собственность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ происходило и сліяніе потомственной выслуги съ отчиною. Первая форма для частныхъ лицъ представляла собою больше удобствъ, такъ какъ мобилизація выслугъ была менѣе затруднительна; поэтому мы не рѣдко встрѣчаемъ подтвержденіе отчинъ на вѣчность, т. е. превращеніе ихъ въ вѣчистое держаніе. Съ другой стороны, акты въ половинѣ XVI столѣтія изобилуютъ продажными сдѣлками фиктивнаго характера, напримѣръ: продажами равноцѣнныхъ имѣній мужемъ женѣ и обратно. Это указываетъ на стремленіе общества превратить родовыя отчины въ купленныя земли для избѣжанія затрудненій, встрѣчаемыхъ при отчужденіи и завѣщаніи родовыхъ имуществъ. Все это указываетъ намъ ту почву, на которой готовилось сліяніе отчинъ, купленинъ и выслугъ, закрѣпленное вторымъ Статутомъ. И это сліяніе было тѣмъ легче еще и потому, что постепенно утрачивалось и запутывалось повинностное различіе между этими формами землевладѣнія, равно какъ расширялся и объемъ тѣхъ правъ, которыми владѣлецъ пользовался въ своемъ имѣніи.

Дѣйствительно, между вотчинами и другими формами землевладѣнія существовало не маловажное различіе въ объемѣ повинностей, шедшихъ съ земли въ пользу государства. Это объясняется тѣми правами, которыя вотчинникъ имѣлъ по распоряженію вотчиннымъ иму-

ществомъ. Вотчинникъ являлся полнымъ хозяиномъ въ своей вотчинѣ. Права вотчинника хорошо разъясняетъ цитированная нами въ другомъ мѣстѣ господарская грамота, разрѣшающая споръ между пинскими мѣщанами и княземъ ихъ Өеодоромъ Ярославичемъ.

На различіе между вотчиною и другими формами землевладѣнія по платежу прямой подати даетъ указанія извѣстная грамота о смоленской посощинѣ. Она отражаетъ въ себѣ порядки, существовавшіе при великомъ князѣ Витовтѣ. Здѣсь говорится, что съ родовыхъ боярскихъ отчинъ, а также и съ купленныхъ боярскихъ отчинъ не дается посощина. Между тѣмъ съ „приданія" великаго князя, т. е. съ пожалованной земли, взимается посощина. Относительноданинъ при Витовтѣ существовало одно только ограниченіе: если бояринъ садился на пустомъ посощномъ селищѣ, съ котораго шла только одна служба, то и въ такомъ случаѣ посощина не взималась, если бояринъ самъ сидѣлъ на этомъ селищѣ, осаживалъ его людьми и несъ съ него службу; если же бояринъ, сверхъ своего одного служебнаго селища, бралъ еще другое посощное, то съ такого давалъ посощину; были и посощныя селища, получившія спеціальное освобожденіе отъ посощины [1]). Такимъ образомъ, родовыя отчины, составлявшія участокъ, съ котораго шла личная служба владѣльца, не подлежали платежу государственной подати, каковою въ Смоленской землѣ была посощина. Изъ этого факта не слѣдуетъ дѣлать широкаго обобщенія: мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ явленіемъ (можетъ быть, бытовавшимъ и не въ одной Смоленской землѣ) и по отношенію къ ограниченному кругу вотчинъ. Происхожденіе военной службы съ вотчинъ, какъ и платежа дани великому князю, лежало въ условіяхъ образованія государства. Иное положеніе занимали вотчины и выслуги по отношенію къ другимъ земскимъ повинностямъ.

Еще въ половинѣ XVI вѣка существовало различіе между отчиной и другими формами землевладѣнія въ отношеніи отбыванія повинностей: замковой, дорожной, сторожевой и мостовой. Такое, напр., различіе проводится въ ревизіи Полоцкой земли 1552 года. Какъ общее правило здѣсь всѣ отчины не несутъ названныхъ повинностей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ повинностей мѣстнаго характера (напримѣръ, плата за перевозъ, мостовая). Напротивъ, съ выслугъ идетъ сторожевщина, станы, стаціи и мостовая повинность. Нѣкоторыя вы-

---

[1]) Акты З. Р., I, р. 69.

слуги не несутъ повинностей, но въ ревизіи приводятся ссылки на то, что освобожденіе выслугъ отъ тѣхъ или иныхъ повинностей основывается на специальныхъ господарскихъ листахъ. Что касается купленныхъ земель, то съ однихъ изъ нихъ идутъ повинности, съ другихъ нѣтъ; всегда съ купленныхъ земель идутъ повинности, если эти земли раньше принадлежали мѣщанамъ и слугамъ путнымъ [1]). Такимъ образомъ, на купленныхъ земляхъ продолжали лежать повинности, сообразно происхожденію этихъ земель.

Въ ревизіи Житомирскаго староства 1545 г. мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Отбываніе земскихъ повинностей здѣсь носитъ весьма архаичный характеръ. Владѣльцы вотчинъ оправляютъ только свои „отчизныя" городни, въ которыхъ они имѣютъ, вмѣстѣ со своими подданными, „схованье" на случай нападенія непріятелей. Напротивъ, съ выслугъ идетъ замковая работа не только для сооруженій, принадлежавшихъ въ замкѣ владѣльцамъ имѣній, но также и для непринадлежащихъ имъ. Если землевладѣльцы не несутъ повинностей по оправѣ замка, то ревизоры разсматриваютъ вопросъ: имѣютъ ли землевладѣльцы освобожденіе отъ повинностей въ своихъ привилеяхъ. Только кликовщину, повидимому, должны отбывать со всѣхъ владѣльческихъ имѣній. Съ выслугъ обязательно также отбываются подводы и стаціи. Напротивъ, владѣльцы вотчинъ заявляютъ: „мы дей з вѣковъ, з прадѣдовъ и дѣдовъ нашихъ, стацій и подводъ не давали и теперь не повинны есмо давати, а гды дей господарь тую неволю на насъ кажетъ уложити, мы вси и з людми нашими прочъ поволочемся". Едва ли нужно болѣе категорическое свидѣтельство о свободѣ вотчинныхъ имѣній отъ государственныхъ повинностей. Интересно, что мѣстные земяне заявляли ревизорамъ, что если бы господарь пожелалъ пораздавать свободныя господарскія селища, хотя бы по два селища на одну городню, то они охотно взяли бы эти выслуги и выполняли бы повинности [2]).

Не менѣе опредѣленное свидѣтельство представляетъ намъ грамота Сигизмунда Августа 1560 г. о правахъ нѣкоторыхъ бояръ Кричевскаго повѣта. Между боярами и волостью Кричевской возникъ споръ по поводу отбыванія боярскими людьми повинностей—кликов-

---

[1]) Scriptores rerum polonicarum, t. V, рев. Пол. земли.

[2]) Арх. Ю.-З., ч. VII, I, p. 125, 127, 128, 129, 133, 135, 136, 139.

щины, сторожи и подводъ. Волощане тянули боярскихъ людей въ тягло по отбыванію этихъ повинностей. Господарь по этому поводу даетъ мѣстному державцѣ такое предписаніе. Нѣкоторые изъ бояръ имѣли выслуги со временъ великихъ князей Казимира и Александра: господарь запрещаетъ подданымъ этихъ боярскихъ людей „давно выслужоныхъ ку повинности тыхъ примушать", такъ какъ будутъ отправлены особые посланцы для разслѣдованія, дѣйствительно ли эти бояре обязаны нести повинности. Что же касается „иныхъ всихъ бояръ, которые на выслузѣ сѣдятъ, за отца нашого и за насъ господаря, и хотяжъ бы и пустовщизны волостные выслужили и людми осадили, таковые вси люди ихъ той повинности замковой досыть чинить маютъ" [1]).

Очевидно, центральное правительство не сомнѣвалось въ томъ, что выслуги, шедшія со времени великихъ князей Казимира и Александра, не обязаны отбывать повинностей, такъ какъ онѣ, какъ это мы уже знаемъ, слились съ вотчинами; впрочемъ, правительство обѣщало послать особыхъ посланцовъ для изслѣдованія заявленій обѣихъ сторонъ. Относительно выслугъ въ собственномъ смыслѣ, правительство держится того взгляда, что съ нихъ должны идти повинности. Подтвержденіе указаннаго взгляда правительство давало и въ другихъ случаяхъ [2]). Наконецъ, когда на сеймахъ съ 1547 г. сталъ подыматься вопросъ о реорганизаціи повинностей, то и заявленіе шляхты и самаго господаря стоятъ на одной и той же точкѣ зрѣнія [3]). Вообще только отчинное право или спеціальные привилеи могли освободить владѣльца отъ отбыванія повинностей [4]).

Указанныхъ фактовъ для насъ достаточно, для того чтобы имѣть возможность высказать убѣжденіе, что между отчиной, выслугой и

---

[1]) Акты Вил. Ком., XIII, р. 30—31.

[2]) Акты Вил. Ком., XXIV, р. 216.

[3]) Акты З. Р., III, р. 14. Объ этомъ намъ еще придется говорить ниже.

[4]) Сошлемся, напримѣръ, на слѣдующій господарскій вырокъ. Свислоцкая волость жаловалась въ 1529 г. на подданыхъ Григорія Громыки Лещинскихъ о томъ, что они не несутъ съ волостью сторожевой и подводной повинностей. На судѣ Громыка заявилъ, что его уже судилъ съ волощанами панъ Ольбрахтъ Гаштольдъ и нашелъ „водлугъ данины и привилья нашого", что люди ему пожалованы „со всимъ какъ на насъ (т. е. на господаря) державы", т. е. со всѣми господарскими и земскими повинностями. Поэтому Гаштольдъ освободилъ Лещинцевъ отъ подводъ и сторожи, но „велелъ въ замку Свислоцкомъ городню свою часть поправляти и мосты мостити, где передъ тымъ мощивали". Господарь утвердилъ судебное рѣшеніе Гаштольда. Кн. Суд. Дѣлъ Лит., IV, л. 250.

даниной лежало еще различіе повинностнаго и податного характера. Съ извѣстныхъ участковъ отчинъ не взималась прямая государственная подать въ тотъ періодъ, когда она была общеобязательной. Съ отчинъ не шли государственныя повинности, какъ то сторожевая, замковая, дорожная—постольку, поскольку эти повинности носили государственный характеръ. Поэтому отчины принимаютъ участіе только въ чисто мѣстной повинности, напр., мостовой, перевозѣ. Владѣльцы вотчинъ строятъ въ замкѣ городни только для своей нужды, но они не обязаны принимать участія въ тѣхъ замковыхъ сооруженіяхъ, которыя ихъ лично не касаются и носятъ уже характеръ обще-государственной повинности; они не отбываютъ и сторожевщины.

Но, сверхъ того, между отчиной и разными формами выслуги существовало еще различіе и въ отбываніи главнѣйшей изъ повинностей—военной земской службы. Какъ частныя грамоты великихъ князей, такъ и обще-законодательные памятники не говорятъ о размѣрахъ службы, шедшей съ отчины. Личная служба, конечно, была обязательна, но въ какомъ числѣ ратниковъ долженъ былъ отбывать владѣлецъ господарскую службу,—объ этомъ грамоты не говорятъ. Напротивъ, относительно выслугъ и данинъ можно указать на рядъ такихъ фактовъ, изъ которыхъ видно, что получающій выслугу обязывался выставлять на службу извѣстное количество конныхъ ратниковъ [1]) или вообще служить „гдѣ потребно“ [2]). Съ теченіемъ времени, когда съ конца XVI вѣка на сеймѣ устанавливается размѣръ земской военной службы, въ подобнаго рода ея опредѣленіяхъ въ частныхъ грамотахъ не было нужды. Господарь иногда выговариваетъ опредѣленный размѣръ службы только съ данинъ, жалуемыхъ „до воли и ласки“ господарской. Напр., бояринъ проситъ землю и предлагаетъ ставить 5 коней „коли ся пригодить“ [3]). Или, напр. боярину могилевскому Ермилѣ Стародубцеву ревизоры дали въ 1562 г. 10 волокъ земли, сѣнокосы и плацъ въ Могилевѣ, но при этомъ обставили его слѣд. условіями: „немаетъ онъ никоторыхъ подачокъ давати и повинностей ку замку тамошнему Могилевскому полнити, одно съ того всего службу земскую военную самофторъ конно, збройно служити по-

---

[1]) Arch. Sang., I, p. 28; Акты З. Р., I, p. 49, 59; Грамоты В. Б. Антоновича, p. 16; Акты Ю.-З. Р., I, p. 66.

[2]) Arch. ks. Lub.-Sang., I, p. 35.

[3]) Акты Леонтовича, № 528.

винень будеть; а часу безпечного оть неприятеля, кгды служба земская военная не будеть, маеть онъ чотырохъ молодцовъ зъ ручницами уставичне при замку нашомъ тамошнемъ Могилевскомъ мети" [1]). И такого рода раздачи, особенно на окраинахъ, учащаются въ половинѣ XVI ст., т. е. какъ разъ тогда, когда посполитое рушенье является деморализованнымъ и правительство начинаетъ сознавать, что рискованно полагаться на готовность къ войнѣ шляхты,—на то, что она будетъ выполнять сеймовыя ухвалы.

Что касается остальныхъ повинностей и другихъ правъ по эксплоатаціи доходовъ съ выслугъ и данинъ, то объемъ ихъ всецѣло заключался въ условіяхъ пожалованія. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ весьма большое разнообразіе. Господарь могъ съ жалованной земли сохранить въ пользу скарба какъ повинности, шедшія въ господарскій скарбъ, такъ и повинности государственнаго характера. Но вообще жалуемое лицо обычно получало доходы, собиравшіеся въ господарскій скарбъ; относительно же государственныхъ повинностей льготы давались сравнительно рѣже. Такія частныя изъятія встрѣчаемъ напр. относительно стацій, подводной повинности и проч. На ряду съ изъятіемъ отъ тѣхъ или другихъ повинностей и даней, встрѣчаемъ и вѣчистыя данины, жалуемыя „со всѣмъ правомъ и панствомъ". Объемъ правъ пользованія такими данинами, разумѣется, ничѣмъ не отличался отъ отчизнаго права; владѣлецъ такого имѣнія былъ въ немъ отчичемъ, такъ какъ обладалъ вотчиннымъ правомъ во всемъ его объемѣ. Онъ обязанъ былъ только нести въ пользу государства военную земскую службу.

Вообще мы не признаемъ необходимымъ останавливаться на характерѣ тѣхъ частныхъ изъятій, которыя давались господарями литовскими, считая этотъ фактъ слишкомъ общеизвѣстнымъ. Подтвержденіе ему можно найти въ любомъ сборникѣ жалованныхъ грамотъ. Широта правъ зависитъ именно отъ того объема ихъ, который указанъ въ грамотѣ. Оттого послѣднія съ большою точностью высчитываютъ всѣ существующіе доходы съ жалуемыхъ земель, а также и такіе, которые владѣлецъ можетъ развить въ своемъ имѣніи [2]). Недовольствуясь перечнемъ, грамоты иногда заявляютъ, что имѣніе дается „вѣчно, со всимъ правомъ и панствомъ, и пожиткомъ, ничего не оставляючи на себѣ и на

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 27 об.—28.

[2]) Напримѣръ, Грамоты В. Б. Антоновича, р. 45; Arch. ks. Lub. Sang., III, р. 65.

наши наслѣдки“ [1]); или проще—„и со всякими иными податки и поплатки, которымъ кольвекъ именемъ могуть названы або мѣнены быти“ [2]), „какъ намъ служивали“ [3]). Формула „какъ намъ служили“, „какъ на насъ держано“ понималась въ смыслѣ полнаго освобожденія не только отъ скарбовыхъ платовъ, но и отъ государственныхъ повинностей [4]). Иногда грамотами предполагалось только освобожденіе отъ прежнихъ лежавшихъ на землѣ пошлинъ и уже выполнявшихся владѣльцами [5]). Но вообще, если въ привилеѣ не обозначено право панства и владности, или широта правъ пользованія не опредѣлена равнозначующими имъ выраженіями, то разумѣлся переходъ къ привилегіату всѣхъ тѣхъ повинностей и платежей, которые шли въ господарскій скарбъ съ жалуемыхъ людей; иногда это опредѣленно отмѣчается грамотами [6]), или же перечисляются только эти статьи пожалованія. Въ такомъ случаѣ привилегіатъ обязанъ былъ выполнять земскія повинности. Но встрѣчаемъ и многочисленные факты освобожденія отъ подводъ, стацій [7]), замковой работы, мостовой, сторожи [8]) и даже отъ земской военной службы—льгота чрезвычайно рѣдкая и никогда не дававшаяся „на вѣчность“ [9]). Господарь могъ оставить съ жалуемой земли и нѣкоторые доходы или повинности, шедшіе въ скарбъ господарскій, напр. медовую дань, стаціи, право на охоту и проч. [10]). Объемъ правъ распоряженія и пользованія, сообщаемый грамотою, имѣлъ поэтому большое значеніе: въ случаѣ возникновенія какихъ либо споровъ, судъ тщательно разслѣдовалъ вопросъ: „съ чимъ дана“ земля [11]).

Перенесеніе вотчинныхъ правъ на выслуженныя имѣнія дѣлало незначительнымъ то различіе, которое существовало между вотчиной о выслугой. Повинностное отношеніе выслугъ съ теченіемъ вре-

---

[1]) Напр., Акты Леонтовича, № 462.
[2]) Акты З. Р., II, р. 12.
[3]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 56.
[4]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., IV, л. 250.
[5]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 150.
[6]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 113 и л. 27 об.
[7]) Акты Леонтовича, №№ 618, 679, 753.
[8]) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 138 об.; Кн. Зап. Лит., XLI, л. 244 об.
[9]) Кн. Зап. Лит., XXLVIII, л. 279 об.
[10]) Акты Леонтовича, №№ 430, 528, 617; Кн. Зап. Лит., IX, л. 6; Акты Лит.-рус. гос., р. 56, 69.
[11]) Акты Леонтовича, № 480.

мени сильно запутывалось, переплетаясь настолько, что различіе переходило лишь въ юридическую формулу. Для скарба это переплетеніе было крайне невыгодно, потому что владѣльцы выслуженныхъ имѣній старались разсматривать ихъ повинностныя отношенія какъ вотчинъ и не несли съ нихъ повинностей. Все это, какъ увидимъ, вело къ необходимости реформъ въ отбываніи повинностей, и въ то же время вело за собой сліяніе и въ этомъ отношеніи вотчинъ и выслугъ. Такимъ образомъ, постепенно сливаясь, вотчинная и жалованная потомственная формы землевладѣнія оказывались въ извѣстномъ взаимодѣйствіи: въ правахъ распоряженія вотчины стремились слиться съ вѣчистыми выслугами, а послѣднія стремились къ такому же сліянію съ вотчинами въ правахъ пользованія.

Такимъ образомъ, государственному строю Литовской Руси было извѣстно нѣсколько формъ служилаго землевладѣнія. Къ первой группѣ относится „дочасное" держаніе, т. е. данины „до воли и ласки господарской", хлѣбокормленія, доживотья и, какъ извѣстный коррективъ этихъ формъ, пожалованія на ленномъ правѣ. Слѣдующую форму служилаго землевладѣнія составляетъ вѣчистая выслуга и, наконецъ, третью—вотчина: „купленина" является средней между двумя послѣдними формами землевладѣнія: выходя изъ области семейственнаго права, такъ какъ родовой выкупъ не имѣлъ мѣста по отношенію къ землѣ, пріобрѣтенной посредствомъ купли, купля между тѣмъ удерживала повинностныя отношенія, лежавшія на выслугахъ. Раздѣленіе и различіе этихъ формъ служилаго землевладѣнія основывается на ихъ происхожденіи: дочасныя держанья—это пожалованія господаря, великаго князя, актъ его милости и ласки, почему и сумма правъ владѣнія зависитъ отъ той широты ея, которую предоставляетъ грамота. Отсюда возникаетъ различіе въ правахъ пользованія, такъ какъ грамотою могутъ быть предоставлены землевладѣльцу тѣ или иные доходы съ земли и сидящаго на ней населенія, и въ правахъ распоряженія, такъ какъ грамотою можетъ быть предоставлено или не предоставлено право продажи выслуги, записи ея на церковь и т. п. Земля дается за службу и въ интересахъ службы. Если, поэтому, держатель нарушаетъ послѣдніе, то земля у него можетъ быть отнята великимъ княземъ. Отсюда, всякаго рода акты „шафованья" выслугою и держаніемъ подлежатъ контролю правительственной власти. По отношенію къ вѣчистымъ выслугамъ вмѣшательство правительственной власти есть только контроль, имѣющій цѣлью наблюдать, чтобы земля

не избѣгала службы; по отношенію же къ держаніямъ—всѣ акты распоряженія ими подлежатъ фактическому разрѣшенію со стороны великаго князя. Какъ общее правило, держанья не переходятъ по наслѣдству, выслуги же, какъ потомственная форма владѣнія, переходятъ по наслѣдству, но въ предѣлахъ, указанныхъ грамотою, и съ ограниченіемъ правъ рода. Такимъ образомъ, владѣлецъ не только держанья, но и вѣчистой выслуги не имѣлъ полнаго права собственностей на землю, которою онъ владѣлъ: верховнымъ собственникомъ всей земли являлся господарь, великій князь.

Вотчина, въ основѣ своей, есть земля нежалованная, земля изстари находящаяся во владѣніи того или иного лица и, слѣдовательно, не налагающая на владѣльца никакихъ отношеній къ государственной власти. Но условія, въ которыхъ создавалось Литовско-русское государство, подчинили и вотчину земской военной службѣ. Однако, вотчинникъ не обязанъ былъ никакими другими повинностями къ государству по своей вотчинѣ; служба была его личной повинностью, какъ актъ подчиненія частнаго лица государственному началу. Итакъ, въ выслугѣ замѣтенъ договорный элементъ между государемъ и его слугами, т. е. элементъ частноправный; въ вотчинѣ же кроется уже зародышъ государственнаго начала.

Но и права вотчинника, въ распоряженіи своимъ имѣніемъ, являются въ извѣстной мѣрѣ ограниченными, только не государемъ, а „родомъ“ самого вотчинника, конечно, потому, что изначальное происхожденіе вотчины есть родовая собственность. Владѣлецъ вотчины является поэтому обладателемъ права собственности на землю.

Изъ основного различія между вотчиною, выслугою и держаніемъ вытекаютъ и ихъ повинностныя отношенія къ государству. Объединяющимъ элементомъ всѣхъ формъ землевладѣнія является личная служба владѣльцевъ, источникъ которой не однороденъ по своему происхожденію. Однако, въ отношеніи остальныхъ служебныхъ обязанностей вотчина вполнѣ свободна, выслуга же и держанье несутъ въ пользу государства еще и повинности.

Какъ выслуга, такъ и отчина являются на лицо уже въ эпоху сложенія государства и представляютъ собою формы землевладѣнія, корень которыхъ кроется въ строѣ до-литовскаго періода и дальнѣйшее развитіе которыхъ опредѣляется условіями образованія государства и никогда не прекращавшеюся въ немъ потребностью въ военно-слу-

жиломъ элементѣ. Всѣ эти формы дожили до второго Статута, когда произошла дифференціація вѣчистой выслуги отъ болѣе условныхъ формъ служилаго землевладѣнія. Это сліяніе есть результатъ почти полутора-вѣковаго процесса въ формахъ западно-русскаго землевладѣнія. Оно является результатомъ двухъ факторовъ: ассимиляціи, происходившей между выслугой и вотчиной, и правительственной политики. Разъ вотчина попала въ оборотъ службы, то право собственности владѣльца тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ понижается. Верховная власть господаря великаго князя распространяется и на вотчину: становятся возможными факты замѣны или даже конфискаціи великими князьями вотчины—по законнымъ и даже незаконнымъ (съ точки зрѣнія службы) поводамъ. Съ другой стороны становится возможнымъ и фактъ жалованной вотчины, что уже тѣсно связываетъ ее съ выслугою. Наконецъ, право родовой собственности дѣлаетъ успѣхи въ томъ смыслѣ, что многочисленный и неопредѣленный кругъ „близкихъ“ людей стремится фактически претворить выслугу въ вотчину, хотя въ правовомъ отношеніи выслуга едва-ли подходила подъ условія наслѣдованія вотчиною. Въ отношеніи широты правъ пользованія многочисленные иммунитеты, предоставляемые господарями владѣльцамъ выслугъ, дѣлаютъ въ этомъ смыслѣ нечувствительною разницу между вотчиною и выслугою: владѣльцы какъ тѣхъ такъ и другихъ, имѣютъ въ своихъ владѣніяхъ полное право „панства“ и „владности“.

Процессъ сліянія идетъ еще дальше и быстрѣе потому, что на ряду съ иммунитетами, даруемыми отдѣльнымъ лицамъ, вся вообще шляхта добивается освобожденія отъ государственныхъ податей. Свобода отъ податей и иммунизація выслугъ отъ повинностей (сюда надо присоединить и фактическое неисполненіе шляхтою повинностей, если онѣ оставались на землѣ) дѣлаетъ разницу между обѣими формами землевладѣнія не замѣтной. За выслугою даже остается извѣстное преимущество въ смыслѣ широты правъ распоряженія. Съ другой стороны, господари литовскіе, имѣя ввиду основную идею въ различіи вотчины и вѣчистой выслуги, стараются провести, въ особенности въ окраинныхъ областяхъ, замѣну вотчинъ выслугою. Въ смыслѣ службы и подчиненія владѣльца государственной власти выслуга, даже одаренная всѣмъ правомъ „панства“ и „владности“, была болѣе удобной для верховной власти формою землевладѣнія. Древнѣйшіе господари идутъ на этомъ пути еще дальше, признавая массами сліяніе вотчинъ съ выслугами (въ обще-государственныхъ привилеяхъ Сигиз-

мунда Кейстутьевича, Казимира и Александра). Рядомъ съ вотчинами, такимъ образомъ, становились вполнѣ иммунизованныя выслуги.

Если, въ смыслѣ широты правъ пользованія, на выслугѣ замѣчается вліяніе вотчинъ, то въ смыслѣ права распоряженія наблюдается обратное явленіе. И это явленіе, т. е. стремленіе освободить вотчину отъ вліянія родового начала, предоставить поземельной собственности полную свободу мобилизаціи, должно быть отнесено на долю того фактора, на почвѣ котораго происходятъ всякія измѣненія въ поземельномъ строѣ: измѣненія экономическихъ отношеній вызывали потребность въ быстрой мобилизаціи поземельной собственности.

Второй Статутъ сравнялъ вѣчистыя выслуги и вотчины, предоставивъ владѣльцамъ ихъ право продавать, мѣнять, закладывать и проч. Тѣмъ самымъ вотчины были экспропріированы отъ рода владѣльца, а выслуги—отъ вмѣшательства государственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформами въ области отбыванія земскихъ повинностей сдѣланы были дальнѣйшіе шаги въ сближеніи вотчинъ и выслугъ, хотя еще и не было проведено въ этомъ отношеніи полнаго единства.

Такимъ образомъ господарь литовскій, подобно своему сосѣду царю и великому князю Московскому, владѣтелю остальной Руси, въ идеѣ считался верховнымъ собственникомъ не только общинныхъ земель, но и земель, находящихся во владѣніи служилаго элемента. Вообще, между формами землевладѣнія восточной и западной Руси есть извѣстные пункты сходства, хотя сходство это не такъ велико, какъ иногда желаютъ провести его. Въ обоихъ государствахъ развитіе землевладѣнія исходило изъ одного и того же основного источника—интересовъ службы. Но въ обѣихъ частяхъ Руси дальнѣйшее развитіе получили ни однѣ и тѣ же формы землевладѣнія. Основная причина въ зарожденіи и развитіи помѣстья Московской Руси и служилаго землевладѣнія западной заключается въ состояніи народнаго хозяйства: при господствѣ натуральнаго хозяйства, государство могло оплачивать службу только раздачей земель или доходовъ, шедшихъ съ тяглаго населенія [1]). Помѣстья имѣютъ поэтому одинаковое происхожденіе и назначеніе съ даниной и выслугой. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, раздача помѣстій въ Московскомъ государствѣ отлилась въ стройную систему, съ ея окладами, верстаніями. Съ

---

[1]) Ср. Н. А. Рожковъ, Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI в., М. 1899, р. 468.

Московскимъ помѣстьемъ можно сопоставить только дочасное держанье въ Литовской Руси, но оно не получило здѣсь той стройности, которою обладала помѣстная система; это замѣчаніе относится къ изучаемому періоду потому, что реформы Сигизмунда III ввели извѣстный порядокъ въ дѣло раздачи и владѣнія государственными имѣніями на условіяхъ службы. Въ Московской Руси съ теченіемъ времени землевладѣніе отлилось въ двѣ опредѣленныя формы—вотчину и помѣстье. Въ Литовской Руси, напротивъ, мы наблюдаемъ большее разнообразіе формъ служилаго землевладѣнія, и развитіе здѣсь получаетъ средняя между вотчиной и помѣстьемъ форма—вѣчистая выслуга. Послѣдняя форма не безызвѣстна Московской Руси XVI вѣка: ее нельзя не признать въ такъ называемыхъ земляхъ служнихъ, впервые описанныхъ Н. Н. Лаппо [1]). Это тоже вѣчное владѣніе на условіяхъ службы. Дѣлая такое сопоставленіе, надо однако имѣть ввиду поправку, введенную г. Рождественскимъ по отношенію къ служнимъ землямъ, и заключающуюся въ томъ, что эти земли не стоятъ въ непремѣнной связи съ землевладѣніемъ слугъ-холоповъ, какъ это полагаетъ г. Лаппо: земли служни раздавались и вольнымъ людямъ въ наслѣдственное владѣніе на условіяхъ службы [2]). Въ Литовской Руси выслуги постепенно сливались съ отчинами, и при томъ такъ, что отчины получаютъ окраску служебныхъ земель; есть и жалованныя вотчины. Въ Московскомъ государствѣ, на ряду съ родовой вотчиной, изслѣдователи наблюдаютъ и такой типъ ея, который можно бы сопоставить съ западно-русской жалованной вотчиной или даже съ выслугой: это—вотчины съ правомъ наслѣдственнаго владѣнія на условіяхъ службы [3]). Такая вотчина дается князьями своимъ слугамъ при условіи, что она будетъ находится въ частномъ владѣніи „доколѣ служатъ мнѣ и моимъ дѣтемъ", какъ говоритъ князь Борисъ Васильевичъ Волоцкой въ своей грамотѣ 1477 г. [4]). Такая вотчина могла быть ограничена и въ правѣ наслѣдованія [5]).

---

[1]) Тверской уѣздъ, М. 1895, p. 78 слѣд.

[2]) Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в. Спб., 1897, p. 36.

[3]) Ibidem, p. 51

[4]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, p 252.

[5]) Соборный приговоръ 1573 г. постановляетъ: „а у которого (вотчинника) въ грамотѣ будетъ *ему одному* вотчина написана, и послѣ его та вотчина на го-

Поэтому, подобно тому какъ изъ помѣстныхъ земель—дочаснаго владѣнія, выдѣлялся типъ наслѣдственнаго служебнаго землевладѣнія—служнихъ земель и выслугъ, такъ и вотчина выдѣляла изъ себя аналогичную форму служебно-зависимаго наслѣдственнаго землевладѣнія. Это былъ мостъ, на которомъ форма полной поземельной собственности сходилась съ условнымъ землевладѣніемъ. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ различіе между вотчиной и помѣстьемъ надо бы искать не только въ правахъ распоряженія, но и въ правѣ пользованія. При столь сходномъ генезисѣ, мы наблюдаемъ извѣстное различіе въ развитіи формъ землевладѣнія въ Московской и Литовской Руси въ томъ, что въ первой преобладающее значеніе получила вотчина съ ея родовымъ правомъ наслѣдованія, а во второй вѣчистая выслуга. И объясненіе этого различія надо искать въ болѣе интенсивномъ ростѣ экономическаго развитія въ Литовской Руси [1]).

2. *Отношеніе различныхъ элементовъ общества къ земскому землевладѣнію и земской службѣ.*

Познакомившись съ формами землевладѣнія на земскомъ правѣ, можно уже перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ элементовъ общества, которые владѣли землею на земскомъ правѣ и, слѣдовательно, несли съ нея земскія повинности. Но кромѣ различныхъ элементовъ общества, въ Литовско-Русскомъ государствѣ были еще два института, по отношенію къ которымъ необходимо предварительно выяснить: какое положеніе занимали они въ вопросѣ о земской службѣ. Эти два института—дóбра господарскія и дóбра церковныя.

Господарскія дóбра, занимавшія огромныя пространства земель, не подлежали земской военной службѣ на ряду съ шляхетскими имѣніями. Разумѣется, боярство, слуги путные и панцырные и даже пѣ-

сударя" (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, p. 32). И въ Западной Руси князь Θедоръ Воротынскій бьетъ челомъ великому князю Казимиру о томъ, что въ пожалованной ему вотчинѣ „детей не писано". Господарь „узревши его верную службу к намъ, то учинили: его детемъ также с того верно намъ служити" (Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 27).

[1]) По своему историческому развитію, формы западно-русскаго землевладѣнія находятъ въ себѣ полную аналогію въ Польшѣ (И. А. Линниченко, Черты и проч., p. 33) и въ Чехіи (А. Н. Ясинскій, Паденіе земскаго строя въ Чехіи, p. 144—151).

которые низшіе разряды дворовыхъ слугъ (напр. стрѣльцы, бобровники) высылались на войну и даже занесены въ перепись 1528 года. Но всѣмъ этимъ служба съ господарскихъ имѣній далеко не приравнивалась къ службѣ съ имѣній шляхетскихъ. Врядники господарскихъ державъ и дворовъ также не выходили на земскую службу. Если господарское имѣніе поступало въ залогъ, то въ такомъ случаѣ залогодержатель не несъ съ находящагося у него имѣнія земской службы (первый Статутъ, разд. II, артыкулъ 1, второй Статутъ разд. II, арт. 1). Мало того, даже имѣнія, принадлежавшія членамъ королевской семьи, т. е. уже незащищенныя господарскимъ правомъ, фактически избѣгали высылки на войну почтовъ; такъ напр., въ свое время уклонялась отъ земской службы со своихъ имѣній королева Бона, что вызывало ропотъ въ Литвѣ [1]). Но это было прямое уклоненіе. Даже имѣнія, переходившія къ господарю въ качествѣ вымороченныхъ, не несли земской повинности наравнѣ съ шляхетскими.

Такое привилигированное положеніе господарскихъ добръ по отношенію къ земской военной службѣ вызывало неудовольствіе въ шляхтѣ, что выражалось въ запросахъ ея къ королю на сеймахъ. Впервые такой запросъ со стороны шляхты былъ сдѣланъ на сеймѣ 1544 года. Она, въ довольно скромной формѣ, намекнула господарю о необходимости съ его стороны ставить почты съ имѣній спадковыхъ, какъ съ такихъ, съ которыхъ и раньше шла земская служба. Сигизмундъ I былъ очень недоволенъ такимъ запросомъ; онъ удивлялся тому, какъ шляхта „смѣетъ“ приравнивать его имѣнія къ своимъ, потому что такое приравниваніе господаря къ шляхтѣ—„речь незвычайная ани пристойная“; всетаки король сдѣлалъ, подъ давленіемъ этого запроса, двѣ уступки: во первыхъ, онъ обѣщалъ выставить на предстоящую войну съ турками „выправу“ изъ своихъ имѣній, какую онъ признаетъ нужною. Во вторыхъ, на особую просьбу шляхты о томъ, чтобы военную земскую службу лично служили воеводы, старосты и другіе врядники, въ распоряженіи которыхъ находятся господарскія имѣнія, господарь обѣщалъ установить службу со всѣхъ врядовъ; съ даннаго-же времени на службу должны были обязательно выступать воеводы, старосты, намѣстники, державцы, войскіе, гаевники, тивуны жмудскіе и вообще всѣ врядники, за исключеніемъ тивуновъ виленскаго и троцкаго [2]). Такимъ образомъ, послѣднимъ постановленіемъ

[1]) Niemcewicz, Pamiętniki, t. IV, p. 39.

[2]) Dzialyński, Zbiór praw, p. 402, 403, 404.

призывались къ службѣ изъ своихъ урядовыхъ имѣній всѣ врядники. Это уже была сравнительно большая уступка со стороны господаря великаго князя. Но шляхта не добилась самаго важнаго—того, чтобы земская служба шла по крайней мѣрѣ съ спадковыхъ господарскихъ имѣній. О томъ-же и также безъ результатно, хлопотала шляхта на сеймѣ 1554 г. [1]).

Однако, съ введеніемъ волочной поморы въ господарскихъ добрахъ, осажены господарскіе бояре, на обязанности которыхъ лежало несеніе военной службы. Такимъ образомъ изъ господарскихъ имѣній выступалъ на войну извѣстный почотъ, но распоряженіе имъ находилось всецѣло во власти господаря, и въ количественномъ отношеніи этотъ почотъ не ставился въ соотвѣтствіе съ количествомъ волокъ или службъ даннаго господарскаго имѣнія. Законодательные акты также нигдѣ не говорятъ объ обязанностяхъ господаря выставлять почотъ со своихъ державъ, какого бы происхожденія онѣ не были. Такимъ образомъ, попытки шляхты уравнять господарскія имѣнія съ земскими въ области военной службы оказались безуспѣшны.

Гораздо интенсивнѣе были стремленія шляхты добиться выполненія земской повинности съ церковныхъ имѣній.

Вообще среди поземельныхъ имуществъ, находившихся во владѣніи членовъ духовнаго сословія, какъ католическаго, такъ и православнаго, надо различать поземельныя имущества трояваго происхожденія. Во первыхъ, въ распоряженіи церкви, какъ учрежденія находились поземельныя имущества, пожалованныя великимъ и удѣльными князьями при условіи полнаго освобожденія ихъ отъ всякаго рода повинностей и податей, въ томъ числѣ и отъ военной земской службы: такого рода пожалованія относятся большею частью къ древнѣйшему времени. Сюда-же надо отнести также и даренія на церковь, сдѣланныя частными лицами съ разрѣшенія великихъ князей, но съ полнымъ освобоженіемъ поступающихъ къ церкви имуществъ отъ всякаго рода государственныхъ податей и повинностей. Кромѣ того, во владѣніи церкви находились еще имущества, пожалованныя ей великими князьями или записанныя частными лицами, но съ условіемъ отбыванія государственныхъ повинностей и платежа податей. Это—церковныя земли въ собственномъ смыслѣ. Но кромѣ того члены духовнаго сословія владѣли еще землями, принадлежащими имъ лично.

---

[2]) Акты З. Р., III, р. 60.

Хотя это были частныя владѣнія членовъ духовнаго сословія, однако на практикѣ и они, въ повинностномъ отношеніи, стремились воспользоваться широкими льготами, принадлежавшими собственно церковнымъ землямъ. Это обстоятельство вызывало справедливое неудовольствіе со стороны шляхетскаго стана.

Привилей короля Ягайлы, выданной духовенству въ 1387 году, освобождаетъ земли духовенства отъ всякаго рода повинностей и податей [1]). Великокняжескія грамоты, дающія или утверждающія отдѣльныя права церковныхъ имуществъ, содержатъ въ себѣ столь широкія изъятія отъ податей и повинностей, что едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что церковныя земли этими частными актами не освобождались отъ всѣхъ повинностей [2]). Грамоты удѣльныхъ русскихъ князей, содержащія въ себѣ пожалованія православному духовенству, точно также составлены въ столь абсолютной формѣ, что едва-ли можно сомнѣваться въ полномъ освобожденіи этихъ земель отъ повинностей въ пользу государства [3]).

Такое положеніе церковныхъ земель по отношенію къ государственнымъ податямъ и повинностямъ дѣлало великокняжескую поземельную политику весьма осторожною, когда дѣло касалось перехода земли во владѣніе церкви. Такъ, въ частныхъ жалованныхъ грамотахъ очень рѣдко встрѣчается въ числѣ правъ распоряженія и право записать земли на церковь. Землевладѣлецъ могъ продать и подарить свою землю, но не могъ ее отдать церкви, если не имѣлъ на то спеціальнаго господарскаго разрѣшенія [4]). При разрѣшеніи даренія, продажи и завѣщаній земель на церковь, господари обычно оговариваютъ, чтобы данная земля не попала въ разрядъ такихъ церковныхъ земель, которыя не несутъ повинностей. Такъ великій князь Александръ, жалуя въ 1498 году смоленскому епископу Іосифу имѣніе Ярковичи, обусловливаетъ однако свое пожалованіе тѣмъ, чтобы это имѣніе не было „привлащено“ и „записано“ епископомъ къ церкви, но чтобы съ него отправлялась земская служба также, какъ и раньше [5]). Изъ этого факта не только видно, что собственно церковныя земли не несли военной службы, но также и ясна тенденція ве-

---

[1]) Skarbiec Daniłowicza, № 540.

[2]) Напримѣръ, ibidem, № 538, 544, 856, 915; Акты Лит.-рус. гос., р. 5, 7.

[3]) Акты З. Р., I, р. 27, 77 и др.

[4]) Акты Леонтовича, № 449.

[5]) Акты З. Р., I, № 161.

ликокняжеской власти удержать службы съ земель, переходящихъ въ руки духовнаго сословія [1]). Вполнѣ понятны поэтому оговорки великокняжеской власти о службѣ съ имѣній, переходящихъ во владѣніе церкви. Такъ, когда епископъ луцкій Кириллъ просилъ въ 1508 году у Сигизмунда I о подтвержденіи на имѣніе, записанное старостою володимирскимъ Өедоромъ Янушевичемъ къ Луцкой церкви Св. Іоанна Богослова, то король подтвердилъ это наданіе съ условіемъ: „А владыко Кириллъ и по немъ будучіи епископы мають съ тыхъ имѣній людей своихъ на службу земскую посылати, посполу съ князьми и паны и земяны противъ всякого непріятеля нашого, подлугъ уставы и ухвалы земли Волынское" [2]). И частныя лица, записывая свое имѣніе на церковь, оговариваютъ, что съ него должна идти земская военная служба [3]). Весьма понятно также, что если монастырь или другое церковное учрежденіе получало боярскую или панцырную службу безъ освобожденія отъ лежавшей на ней повинностей, то таковая повинность продолжала идти съ пожалованной земли [4]).

Изъ этого ясно, что въ распоряженіи церкви находились земли, съ которыхъ отбывалась служба, и земли, съ которыхъ она не шла. Такъ напр. въ Кіевскомъ воеводствѣ съ земель митрополита выходило на службу 146 панцырей, хотя эти села и опустѣли къ ревизіи 1552 года [5]). Печерскій монастырь посылалъ на службу земскую десять конныхъ ратниковъ [6]). На земляхъ владыкъ и монастырей сидѣли бояры, которые обязаны были нести земскую службу за своихъ владѣльцевъ [7]).

Положеніе церковной земли зависѣло отъ того, съ какимъ правомъ она перешла къ церкви. Привилегированное положеніе извѣстной части церковныхъ поземельныхъ имуществъ объясняется не только общимъ привилеемъ 1387 г., даннымъ католическому духовенству, и соблюденіемъ частныхъ грамотъ, выданныхъ удѣльными и великими князьями православному духовенству, но также и общимъ взглядомъ,

[1]) Акты Леонтовича, № 449, 448.

[2]) Акты З. Р., II, № 32.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 429 об.

[4]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 157 об.

[5]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 121.

[6]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 167; Акты З. Р., II, р. 141. Ср. Описаніе Архива греко-уніатскихъ митрополитовъ, р. 28.

[7]) Акты З. Р., III, р. 160.

который установился по отношенію къ церкви. Церковь обезпечивалась господаремъ, потому что она находилась въ „подданьи" великаго князя [1]), почему и церковная земля представляла „власность" господарскую [2]) и, слѣдовательно какъ таковая, пользовалась тѣми же привилегіями, какъ и господарскія земли. Отсюда понятенъ и развившійся впослѣдствіи взглядъ на церковныя имущества, какъ на собственность государства [3]).

Привилегированное положеніе церковныхъ владѣній и въ особенности то обстоятельство, что личныя владѣнія членовъ духовнаго сословія сливались съ церковными, вызывало неудовольствіе со стороны шляхты, и побуждало ее на сеймахъ просить великаго князя о требованіи съ церковныхъ имѣній отбыванія земской службы наравнѣ со шляхтой. Иногда шляхта стремилась обложить въ цѣляхъ военной службы и церковную десятину. Впервые былъ поднятъ объ этомъ вопросъ на сеймѣ 1544 года. Шляхта просила, чтобы духовенство какъ православное, такъ и католическое принимало участіе въ оборонѣ страны съ своихъ имѣній какъ церковныхъ, такъ и отчизныхъ, а равно и съ десятинъ. На это господарь отвѣтилъ, что съ личныхъ владѣній духовенство обязано нести службу, но что касается церковныхъ имѣній, то господарь велъ переговоры съ князьями бискупами; послѣдніе обѣщали дать свой отвѣтъ послѣ церковнаго собора, который долженъ былъ собраться въ Петроковѣ: они послѣдуютъ въ данномъ случаѣ тому рѣшенію, которое будетъ принято духовенствомъ въ Коронѣ [4]). Такимъ образомъ, этотъ первый запросъ шляхты не далъ удовлетворительныхъ результатовъ точно также, какъ и послѣдующія ея просьбы. На сеймѣ 1551 года господарь отложилъ до „слушнаго часу" просьбу шляхты, поданную отъ имени всего сейма, о службѣ съ церковныхъ имѣній [5]). Однако на частную просьбу, поданную шляхтой Жмудской земли, объ отправленіи военной службы съ купленныхъ духовенствомъ у шляхты земель, господарь поручилъ старостѣ изслѣдовать этотъ вопросъ для того, чтобы отъ земской службы не „отходили" земскія имѣнія [6]). Сеймъ 1554 года не обошелся безъ напоми-

---

[1]) Arch. ks. Lub.-Sang., III, p. 79.

[2]) Грамоты В. Б. Антоновича, № 51.

[3]) Незабитовскій, Собраніе сочиненій, p. 315—317, примѣч.

[4]) Działyński, Zbiór praw, p. 402.

[5]) Акты З. Р., III, p. 29.

[6]) Ibidem, p. 39.

нанія шляхты объ отбываніи военной службы съ имѣній церковныхъ. Сигизмундъ Августъ снова по этому поводу велъ переговоры съ представителями католическаго духовенства и получалъ отъ нихъ обѣщаніе, что они обсудятъ вопросъ и дадутъ на него отвѣтъ по „пригожу"; относительно же имѣній, съ которыхъ раньше шла земская служба, то господарь въ своемъ отвѣтѣ заявилъ, что съ такихъ имѣній обязательно должна идти и впредь служба земская и другія государственныя повинности [1]). Этимъ возстановлялся общій принципъ, по которому имѣнія, бывшія подъ правомъ земскимъ, не должны быть отъ него отдаляемы. Такое же принципіальное заявленіе дано было господаремъ и на сеймѣ 1559 года [2]). Ливонская война заставила шляхту настоятельнѣе требовать участія духовенства въ оборонѣ земской. На сеймѣ 1563 года Сигизмунду Августу вслѣдствіе соотвѣтственной просьбы шляхты, снова удалось получить отъ католическаго духовенства обѣщаніе обсудить этотъ вопросъ на синодѣ и дать особую подать вмѣсто высылки почота, „прикладомъ" духовенства въ Коронѣ Польской; съ личныхъ же имѣній духовенство должно было выставить ратниковъ [3]). На послѣднихъ сеймахъ, какъ видимъ, вопросъ возбуждался преимущественно о земляхъ католическаго духовенства, очевидно, потому, что въ этой средѣ онъ встрѣчалъ наибольшую оппозицію и эта среда имѣла больше преимуществъ, сравнительно съ православнымъ, для уклоненія отъ службы. Обѣщанія духовенства созвать синодъ ни къ чему не приводили, кончаясь только обѣщаніемъ. На сеймѣ 1567 года и сеймовая шляхта и самъ Сигизмундъ Августъ болѣе внимательно отнеслись къ данному вопросу. Король обѣщалъ обратиться къ представителямъ католическаго и православнаго духовенства съ тѣмъ, чтобы тѣ и другіе устроили немедленно совѣщаніе для выясненія той помощи, которую духовенство можетъ оказать въ оборонѣ земли; во всякомъ случаѣ пользующіеся „наданіемъ" изъ церковныхъ имѣній обязаны съ нихъ отбывать военную службу наравнѣ съ шляхтою [4]).

Такимъ образомъ, настоянія сейма привлечь церковныя поземельныя имущества къ отбыванію земской военной службы не увѣнчались

---

[1]) Ibidem, p. 60.
[2]) Ibidem, p. 99.
[3]) Ibidem, p. 125.
[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 458.

успѣхомъ, но за-то настоянія шляхты привели къ тому, что членамъ духовнаго сословія трудно было уклоняться отъ военной выправы съ лично принадлежащихъ имъ имѣній, а также и съ тѣхъ земель, которыя перешли къ церкви отъ шляхты, т. е. съ земскаго права. Въ этомъ надо видѣть только осуществленіе общаго принципа, по которому имѣніе, находящееся подъ земскимъ общимъ правомъ и обязанное земской службой, не могло быть изъ него изъято. Единственный положительный результатъ, котораго добилась шляхта, это было постановленіе сейма 1567 года о привлеченіи къ земской службѣ земель, розданныхъ церковью въ видѣ „наданій" частнымъ лицамъ.

Замѣтимъ, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ шляхты по отношенію къ имѣніямъ, находящимся во владѣніи лицъ духовнаго сословія, она стоитъ только на общей точкѣ зрѣнія, развиваемой и статутовымъ законодательствомъ. Такъ, по первого Статута лица духовнаго сана должны выправлять почотъ со своихъ дедизныхъ имѣній, а съ купленныхъ имѣній даже должны выступать своею „парсуною" (разд. II, арт. 3). Согласно второго Статута, лица духовнаго сана обязаны нести службу съ лично имъ принадлежащихъ имѣній, а также и со всѣхъ церковныхъ имѣній, съ которыхъ шла служба до ихъ перехода во владѣніе церкви (разд. II, арт. 9, разд. VIII, арт. 2).

Ознакомившись съ положеніемъ, которое занимали по отношенію къ земской службѣ и землевладѣнію на земскомъ права земли, входившія въ составъ господарскихъ и церковныхъ, намъ теперь удобно перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ элементовъ общества, которые могли владѣть землями на земскомъ правѣ. Дѣло въ томъ, что служилое землевладѣніе не составляло въ изучаемый періодъ права или обязанности какого нибудь одного класса общества. Правда, шляхетское сословіе было основою служилаго класса, но и само оно представляло весьма пестрый составъ; и только къ концу изучаемаго періода оно успѣло дифференцироваться отъ другихъ сословій, и доступъ въ него сдѣлался довольно затрудненнымъ. Но въ общемъ до Люблинской уніи господствовалъ принципъ, по которому земскую службу и повинности отбывалъ тотъ, кто державъ имѣніе на правѣ земскомъ. Оттого мы видимъ въ этой средѣ мѣщанъ, татаръ, иноземцевъ, евреевъ и значительную группу простонародія. Процессъ дифференціаціи шляхетскаго сословія одни изъ этихъ элементовъ отбросилъ отъ земскаго землевладѣнія, другіе впиталъ въ шляхетскую сословную среду. Обратимся прежде всего къ мѣщанству.

Отношеніе мѣщанства къ военной повинности было троякаго рода. Во первыхъ, мѣщане владѣли землями или другимъ недвижимымъ имуществомъ на условіяхъ земской службы; въ этомъ случаѣ они разсматривались какъ владѣльцы земскихъ имѣній, хотя и не теряли связи съ городомъ, состояли членами городской общины и находились подъ городскимъ присудомъ [1]). Во вторыхъ, мѣщане несли военную службу отъ городовъ, какъ члены городскихъ общинъ. Въ третьихъ, мѣщане обязаны были принимать участіе въ мѣстной сторожевой службѣ и оборонѣ. Здѣсь насъ будетъ интересовать только первый родъ военной службы, какъ связанный съ земскимъ правомъ.

Мѣщанство могло пріобрѣтать земскую поземельную собственность такими же способами, какъ и земянство. Такимъ образомъ мѣщане получаютъ землю отъ господаря на условіи земской службы [2]) или посредствомъ купли у земянъ [3]). Напомнимъ, что Витебская и Полоцкая уставныя грамоты подтверждаютъ права мѣщанъ на выслуги, а привилеи 1447 и 1492 года помѣщаютъ въ число классовъ общества, которымъ гарантируются права владѣнія землею, и мѣщанъ [4]); то же мы встрѣчаемъ и въ Статутѣ. Насколько было распространено мѣщанское землевладѣніе на земскомъ правѣ еще въ первой половинѣ XVI вѣка, можно заключить изъ того, что мѣщанство крупныхъ городовъ выходило на земскую службу подъ особою хоруговью. Объ этомъ говоритъ челобитіе къ господарю Тиши и Ивана Сименовичей; эти мѣщане виленскіе выслужили на господарѣ имѣнье въ Троцкомъ повѣтѣ: „ино дей они съ того именія не маютъ съ кимъ ку службе нашой земской где подъ хоруговъ ставити. И били намъ чоломъ, абыхмо съ того именья казали имъ посполъ зъ мещаны Виленскими службу нашу заступовати... дозволивши имъ зъ мѣщаны Виленскими службу нашу заступовати. И коли мещане Виленские съ своихъ име-

---

[1]) Scriptores rerum polonicarum, V, p. 197.

[2]) Такъ мѣщанинъ витебскій проситъ сельцо замковое „обецуючи и подвезуючисе при замку... конемъ служити и два человеки пешыхъ зъ ручницами при коне ставити„. Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 4?6 об.; ср. л. 458; Кн. Зап. Лит., L, л. 165 об., л. 215 об.; Кн. Зап. Лит., LI, л. 215 об.—216 об.; Кн. Зап. Лит., XLII; л. 260 и л. 353; Кн. Зап. Лит., XLI, л. 76 об.; Акты Леонтовича, № 620 и др. Док. Моск. Арх. Мин. Юст., p. 34.

[3]) „Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ“, p. 307—308; Акты З. Р., I, p. 346; Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 85; Кн. Зап. Лит., XVII, л. 336.

[4]) Ясинскій, Уставныя грамоты, p. 161.

ній *шляхетскихъ* посполъ зъ шляхтою, поддаными нашими, на службу нашу и земскую пошлють, тогды они тежъ мають съ того именья своего зъ мещаны Виленскими на службу нашу посылати и посполу зъ ними подъ одною хоруговью становити“ [1]). Мѣщане Полоцкаго воеводства по ревизіи 1552 года выставляли на земскую службу со своихъ имѣній 47 конныхъ ратниковъ [2]). Въ Витебскѣ были мѣщане, которые несли конную и пѣшую службу [3]),—„конно ездять, а иные пеше зъ ручницею, рогатиною и сагайдакомъ при конныхъ“ [4]). Мѣщане витебскіе имѣли тоже свою мѣстскую хоругвь, которая на войнѣ становилась рядомъ съ земскою [5]). Впрочемъ, въ Витебскѣ, какъ и въ Полоцкѣ, обязаны были, вѣроятно, отбывать земскую службу не только мѣщане, землевладѣльцы на земскомъ правѣ, но также и нѣкоторые изъ мѣщанъ, жившіе въ городѣ, повинность которыхъ заключалась въ земской службѣ, хотя они и не владѣли земскимъ имѣніемъ.

Изъ этого ясно, что среди мѣщанства можно отмѣтить группу землевладѣльцевъ, владѣвшихъ землею на земскомъ правѣ и несшихъ земскую военную службу. Вообще, разъясняетъ грамота 1510 г. Полоцку на магдебургію, если мѣщане пріобрѣтаютъ земли у бояръ, сельскихъ путниковъ, данниковъ и пригонныхъ людей, то они обязаны нести съ этихъ земель военную службу [6]). Мѣщане, владѣя шляхетскими имѣніями, оставались однако лично подъ городскимъ правомъ. Это право само по себѣ не требовало личной службы. Очень возможно поэтому, что мѣщанство не прочь было прикрыться городскими привилеями въ отбываніи самой тяжелой изъ повинностей, притомъ далеко несвойственной занятіямъ городскихъ жителей. Весьма вѣроятно поэтому, что жалобы шляхетства на уклоненіе мѣщанъ отъ службы съ ихъ имѣній имѣли извѣстное основаніе. Несомнѣнно однако и то, что шляхетство, постепенно дифференцируясь какъ сословіе, стремилось къ тому, чтобы не шляхетскіе элементы не владѣли землями на земскомъ правѣ. Принципы, которые шляхта приводила на сеймахъ по отношенію къ мѣщанскому землевладѣнію, аналогичны тѣмъ, которыя она приводила по отношенію къ землямъ духовенства.

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 68.

[2]) Scriptores rerum polonicarum, V, p. 197.

[3]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., II, л. 32.

[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 67 об.; Акты Ю.-З. Р., I, p. 221.

[5]) Акты З. Р., IV, p. 166.

[6]) Акты З. Р., II, p. 76.

Сеймовыя просьбы указываютъ на то, что въ отношеніи къ городскому сословію шляхта поставила себѣ задачу двоякаго рода: съ одной стороны добиться уничтоженія мѣщанскаго землевладѣнія, съ другой стороны привлечь городскія общины въ возможно большихъ размѣрахъ къ тягостямъ военной службы.

На сеймѣ 1544 года шляхта просила короля, чтобы онъ заставилъ мѣщанъ или продать ихъ земскія имѣнія, или нести службу наравнѣ съ шляхтою, а также принудить мѣщанъ „помогать“ шляхтѣ въ военной службѣ „съ куплей и маетностей своихъ водле шацунку и росказанья его милости господарского“. Сигизмундъ I удовлетворилъ обѣ просьбы шляхты, подтвердивъ, что мѣщане должны являться на пописъ къ тѣмъ воеводамъ, въ повѣтахъ которыхъ они владѣютъ имѣніями, а съ имуществъ своихъ они будутъ выправлять на службу [1]). Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь, очевидно, разумѣются порядки, уже издавна установившіеся въ государствѣ, т. е. служба мѣщанъ съ земскихъ имѣній и служба отъ городскихъ общинъ. Тотъ же вопросъ былъ повторенъ шляхтою и на сеймѣ 1547 года; въ своемъ отвѣтѣ Сигизмундъ Августъ, опираясь на постановленіе прошлаго сейма, далъ такое же самое разъясненіе. Однако онъ добавилъ, что городскія фольварковыя земли, охраняемыя городскими привилеями, не подлежатъ земской службѣ. Что касается обложенія мѣщанъ съ ихъ маетностей, то король охотно обѣщалъ это сдѣлать и даже выразилъ по этому поводу намѣреніе издать особую уставу [2]).

Подъ уставой, которую обѣщалъ издать Сигизмундъ Августъ, вѣроятно, надо разумѣть росписаніе, сдѣланное королемъ на сеймѣ 1551 года, количества ратниковъ, которое должны были поставлять города, и размѣръ денежныхъ взносовъ, которые должны были дѣлать города взамѣнъ этой натуральной повинности. По крайней мѣрѣ когда шляхта на сеймѣ въ 1551 году обратилась къ королю съ просьбой, чтобы мѣщане выправляли съ городовъ на войну съ пяти домовъ одного пѣхотинца, а съ имѣній, владѣемыхъ ими на земскомъ правѣ, отбывали службу, король заявилъ, что первая просьба не можетъ быть удовлетворена, потому что мѣщане и купцы уже обложены для обороны земской „иншыми платы“; а относительно земскихъ имѣній король повторилъ, что съ нихъ служба должна идти „по давному“ [3]).

---

[1]) Działyński, Zbiór praw, p. 403.

[2]) Акты З. Р., III, p. 12.

[3]) Ibidem, p. 30.

На послѣдующихъ сеймахъ шляхта также добивалась увеличить обложеніе городскихъ общинъ, но Сигизмундъ Августъ отстранялъ эти просьбы, какъ дѣло, касающееся лично господаря [1]).

Такимъ образомъ, тенденція шляхты отстранить мѣщанство отъ земской службы ясна [2]), точно также какъ и ясно стремленіе шляхетства усилить обложеніе съ городскихъ общинъ. Очевидно, въ Литовско-русскомъ государствѣ происходилъ тотъ же процессъ, что и въ Польшѣ, гдѣ уже на рубежѣ XVI столѣтія мѣщанамъ было запрещено пріобрѣтать земскія имѣнія [3]) и гдѣ города съ начала XVI столѣтія постепенно увольняются отъ поставки рекрутъ, взамѣнъ чего облагаются особыми налогами [4]). Дѣйствительно, и въ Литвѣ мы замѣчаемъ нѣкоторое стремленіе съ начала XVI столѣтія затруднить распространеніе мѣщанскаго землевладѣнія [5]). А въ годы проведенія волочной реформы мѣщанскія земли въ большинствѣ случаевъ захватывались волочнымъ измѣреніемъ и, слѣдовательно, переходили на чиншъ [6]). Такимъ образомъ, сокращалась площадь мѣщанскаго землевладѣнія, и само мѣщанство вытѣснялось изъ земской службы.

Кромѣ мѣщанства, къ земскому землевладѣнію допускались еще два элемента литовско-русскаго общества—татары и евреи. Подобно мѣщанамъ, оба эти элемента, владѣя землями, не теряли связи съ своими общинами, такъ какъ для нихъ эта связь закрѣплялась не только правами и привилегіями, но и національностью и религіею.

Литовско-русскіе татары представляли собою особый элементъ общества, не сливавшійся съ остальными. Во многихъ литовскихъ городахъ (въ Вильнѣ, Трокахъ, Минскѣ, Августовѣ и др.) были особыя улицы, заселенныя исключительно татарами [7]). Татары имѣли свое особое устройство военное и судебное. Они имѣли своихъ маршалковъ, на обязанности которыхъ было въ „стягу ся рядити и справовати" [8]), особыхъ хоружихъ [9]). Ихъ хоружіе составляли пописъ

---

[1]) Ibidem, p. 126.
[2]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 491.
[3]) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, p. 532.
[4]) Rembowski, Konfederacija i rokosz, War., p. 181.
[5]) Акты З. Р., I, p. 346.
[6]) Акты З. Р., III, p. 56; Вил. Арх. Сборникъ, III, p. 182.
[7]) Teka Wileńska, Ст. Мухлинскаго, p. 23 и 69.
[8]) Ibidem, p. 69.
[9]) Ibidtm, p. 105.

служилыхъ татаръ [1]). При приготовленіяхъ на войну татарскимъ стягамъ разсылались особые господарскіе листы [2]). Интересно, что плѣнные татары раздавались литовскимъ же татарамъ и такимъ образомъ освѣжали ихъ кадры [3]). Наконецъ, татары были выдѣлены въ судебномъ отношеніи, такъ какъ судились у своихъ царевичей [4]). Въ своемъ кругу литовскіе татары строго держались родового мѣстничества [5]). Татары владѣли землями и съ нихъ несли конную земскую службу; наравнѣ съ шляхтой, они были свободны отъ всякихъ другихъ податей [6]) (за исключеніемъ, конечно, серебщины). Высшій кругъ татарской аристократіи состоялъ изъ царевичей, улановъ, мурзъ, князей, маршалковъ, хоружихъ [7]). Среди татаръ была также группа казаковъ татарскихъ, которые несли при дворахъ королей и воеводъ службу по разсылкѣ листовъ, кромѣ земской службы [8]). Среди татаръ были и беззсмельные, занимавшіеся торговлей и ремеслами [9]). Къ концу изучаемаго періода положеніе татаръ въ Литвѣ становилось все болѣе и болѣе стѣснительнымъ. Имъ не разъ приходилось жаловаться на притѣсненія со стороны мѣстнаго уряда [10]). Сеймовые станы также враждебно относились къ татарамъ, что отразилось и на нѣкоторыхъ артыкулахъ второго Статута и въ нѣкоторыхъ сеймовыхъ постановленіяхъ, на что горько жаловались представители татаръ на сеймѣ 1568 года [11]). Вслѣдствіе настоянія сейма 1565 г. Сигизмундъ Августъ запретилъ шляхтѣ держать на своей службѣ татаръ, имѣющихъ „оселости“ отъ короля: такіе татары должны лично нести земскую военную службу [12]). Кромѣ того, татарское землевладѣніе къ концу XVI столѣтія стало быстро таять и переходить въ руки шляхетства, что видно изъ сравненія двухъ ревизій татарскихъ поземель-

---

[1]) Ibidem, p. 102.

[2]) Ibidem, p. 97.

[3]) Ibidem, p. 24.

[4]) Ibidem, p. 99.

[5]) Кн. Зап. Лит., XII, л. 232.

[6]) Мухлинскій, o. c., p. 22—23.

[7]) Ibidem, p. 101.

[8]) Ibidem, p. 65; Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 36.

[9]) Мухлинскій, o. c, p. 23.

[10]) Ibidem, p. 15, 97; Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VII, л. 118; Кн. Зап. Лит., XX, л. 32 об.; Зап. Лит., XXIV, л. 35 об.

[11]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 481, 494.

[12]) Ibidem, p. 172.

ныхъ владѣній—Огинскаго (1559 г.) и Кирдея (1631 г.). Такимъ образомъ, татары подвергались той же участи, какъ и другіе не шляхетскіе элементы.

Что касается землевладѣнія евреевъ, то въ книгѣ покойнаго Бершадскаго приведено достаточно данныхъ для того, чтобы можно было рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Тамъ собраны факты, показывающіе, что въ періодъ до Люблинской уніи, евреи могли владѣть населенными землями и держать ихъ въ залогѣ [1]). Такъ какъ евреи пріобрѣтаютъ и берутъ землю въ залогъ у шляхты, то вполнѣ естественно, что они должны были выставлять земскую службу съ этихъ имѣній [2]). Разумѣется, еврейское землевладѣніе было очень незначительно, и отношеніе другихъ элементовъ общества къ евреямъ было таково, что не могло способствовать развитію еврейскаго землевладѣнія.

Таково было отношеніе къ земскому землевладѣнію и военной службѣ не земскихъ становъ и классовъ общества. Шляхетство, на пути дифференціаціи отъ другихъ сословій, отнеслось къ этимъ элементамъ не одинаковымъ образомъ. Земли господарскія и церковныя оно стремится привлечь къ отбыванію воинской повинности, сравнять ихъ съ шляхетскими. По отношенію къ господарскимъ добрамъ, шляхетство добилось того, что врядники обязаны были отбывать службу съ своихъ урядовыхъ имѣній, а въ добрахъ господарскихъ появляется низшій боярскій элементъ, обязаный отбывать службу. По отношенію къ церковнымъ землямъ шляхетство также достигло одной уступки, хотя и маловажной. На основаніи многочисленныхъ сеймовыхъ разъясненій, духовенство не могло уклоняться отъ отбыванія службы съ тѣхъ имѣній, которыя перешли къ церкви путемъ залоговъ, купли и даренія отъ шляхты; однимъ словомъ съ тѣхъ, на которыхъ и раньше лежала земская служба. Тѣ же сеймовыя разъясненія должны были способствовать тому, что земли, лично принадлежащія членамъ духовнаго сословія, не могли уклоняться отъ несенія военной повинности. Представительство духовенства отстояло, однако, обѣщаніями

---

[1]) Литовскіе евреи, Спб., 1893, р. 444—407.

[2]) Леонтовичъ, Историческое изслѣдованіе о правахъ Литовско-русскихъ евреевъ, К., 1864, р. 25, и ср. возраженіе Незабитовскаго, Собраніе сочиненій, р. 321. Ср. Вил. Арх. Сб., III, р. 30. Считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку: источники не даютъ такихъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы заключить о полнотѣ земскаго права принадлежавшихъ евреямъ имѣній.

рѣшить дѣло на синодѣ, собственно церковныя земли, издавна принадлежавшія церкви и не несшія повинностей. Такимъ образомъ, въ данномъ вопросѣ шляхта добилась лишь того, чтобы земскія владѣнія не выходили изъ земскихъ повинностей, т. е. утвердила старинный, исконный взглядъ на вещи, по которому повинности лежатъ на землѣ, а не на лицѣ, ею владѣющемъ. По отношенію къ служилому мѣщанству и татарамъ шляхта дѣйствовала болѣе агрессивнымъ образомъ и болѣе успѣшно. Настаивая на широкомъ участіи городскихъ общинъ въ несеніи военной тяготы, она въ то же время вытѣсняетъ мѣщанство изъ сферы служилаго землевладѣнія. И татарскій элементъ начинаетъ чахнуть въ періодъ расцвѣта шляхетскаго стана.

Но сама шляхта, оттиравшая отъ земскаго права не шляхетскіе элементы, отлилась въ плотную сословную группу, болѣе или менѣе юридически однородную, только къ концу изучаемаго періода. Шляхетское сословіе, въ его историческомъ развитіи, представляетъ собой конгломератъ весьма разнородныхъ элементовъ—отъ простого мужика или какого нибудь иноземца весьма сомнительнаго происхожденія до потомка удѣльныхъ и владѣтельныхъ князей включительно.

Всякій, кто пробирался къ владѣнію землей на земскомъ правѣ или вообще къ земской военной службѣ, переходилъ въ концѣ концовъ въ ряды бояръ—шляхты. Съ ростомъ шляхетскихъ правъ и привилегій выростаетъ и понятіе о шляхетствѣ, какъ высшемъ благородномъ сословіи, доступъ въ ряды котораго оказывается затрудненнымъ: быть шляхтичемъ—значило пользоваться широкими политическими и гражданскими правами. Но въ древнѣйшее время, когда великокняжеская политика въ привлеченіи служилаго люда руководствовалась исключительно интересами службы, потребностями обороны—всякій имѣлъ широкій доступъ въ ряды служилаго класса, такъ какъ служба даннаго лица опредѣлялась не его принадлежностью къ тому или иному классу общества, но повинностями, лежавшими на землѣ.

Вслѣдствіе указанныхъ условій кадры военно-служилыхъ людей постоянно пополнялись самыми разнородными элементами общества иногда очень сомнительнаго происхожденія. Одинъ судебный актъ половины XV вѣка разсказываетъ, что великій князь Витовтъ посадилъ на военную службу нѣкоего Крупоса. Крупосъ „ходилъ съ великимъ княземъ Витовтомъ и заслужилъ великому князю“, почему и получилъ освобожденіе отъ даней, всякаго рода повинностей, съ обязательствомъ служить великому князю „доспѣхомъ, конемъ, какъ же то

добрые слуги"; тогда же Крупосъ получилъ отъ великаго князя нѣсколько человѣкъ—своихъ „сусѣдей". Сохранился еще и другой актъ, касающійся потомковъ того же Крупоса. Оказывается, что данные Крупосу великимъ княземъ Витовтомъ „сусѣды" были искупнями, т. е. людьми несвободными [1]). Дѣло Круповичей приводитъ къ очень любопытному заключенію: очевидно, и самъ Крупосъ тоже принадлежалъ къ числу искупней; онъ былъ не только освобожденъ Витовтомъ, но и посаженъ на военную службу. Такимъ образомъ, въ число военнослужилыхъ людей могли входить и невольные слуги. Но этотъ элементъ былъ, по всей видимости, очень незначителенъ. Зато свободные элементы легко переходили на военную службу. Такихъ фактовъ можно указать много въ теченіе изучаемаго періода. Вербовка служилыхъ людей изъ простонародья уже замѣтна, какъ мы только что видѣли, при Витовтѣ. Дѣйствительно, акты сохранили нѣкоторыя на этотъ счетъ указанія. Такъ, тотъ же великій князь за службу „вызволилъ" нѣкоего Яновича „со всихъ служебъ и потяглей и дачокъ" и далъ на то свой листъ; этимъ листомъ Витовтъ приказалъ Яновичу „служити доспѣхомъ и конемъ" [2]).

Такіе же переводы на военную службу съ освобожденіемъ отъ тягла, повинностей и дачекъ дѣлали и ближайшіе преемники Витовта, а также и удѣльные князья [3]). Великій князь Александръ, напр. освобождаетъ конюховъ и велитъ имъ служить конной службой [4]). Великій князь Сигизмундъ Августъ, освобождая машталера отъ его машталерской службы, даетъ ему шляхетство съ обязательствомъ земской службы [5]). Иногда переводъ подданыхъ на конную службу происходилъ цѣлыми массами. Сама шляхетская братія иногда просила господаря о переводѣ слугъ путныхъ на земскую службу [6]) и наблюдала за тѣмъ, чтобы обѣднѣвшая шляхта сохраняла свою „почтивость" и служебное положеніе [7]). Такимъ путемъ, напр. усиленно колонизовались восточныя окраины государства въ годы Ливонской войны [8]).

---

[1]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 15.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 65.

[3]) М. К. Любавскій, Областное дѣленіе, р. 541; Кн. Зап. Лит., XLI, л. 69.

[4]) Кн. Зап. Лит, XIV, л. 234.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 190 об.

[6]) Акты З. Р., III, р. 99.

[7]) Док. Моск. Арх. М. Ю., I, р. 153.

[8]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 428 об.; Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 451, л. 452, л. 458 об.

Въ то время шла усиленная вербовка военно-служилыхъ людей, потому что, по словамъ одного ревизорскаго листа, „таковыхъ слугъ (т. е. бояръ) замку нашому тамошнему немалая потреба вказуеть“ [1]). Эта потреба очень часто и объясняется въ господарскихъ листахъ. Такъ, воевода полоцкій Станиславъ Довойна просилъ господаря о подтвержденіи земли казаку полоцкому Варигѣ, данной ему за службу взамѣнъ отчины, отошедшей къ Москвѣ, заявляя, „же онъ естъ (казакъ) слугою нашымъ добрымъ и землямъ Себежскимъ естъ зведомъ“ [2]). На тѣхъ же основаніяхъ вербовались подданые не только на боярскую службу, но и на низшіе разряды ея—панцырную и путную. Такъ, по объясненію одного листа, подданый мозырскій Шипиничъ получаетъ на панцырной службѣ домъ въ Мозырѣ и одну волоку земли,—„кгдыжъ онъ ку той службе тамъ на Украине зъ оного дому и земли вышеймененое военной конной естъ потребнейший и пожиточнейший, анижбы мелъ циншъ съ того платити, служити намъ можетъ“ [3]). На такихъ же основаніяхъ и другіе мѣщане мозырскіе переводились на панцырную службу. Въ томъ же Мозырѣ нѣсколько ранѣе мѣстные ясачники были осажены воеводой на конной службѣ [4]); тамъ же нѣсколько тяглыхъ мѣщанъ переведены на путную службу [5]). Въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія цѣлая группа Озерищскихъ путныхъ бояръ была переведена на панцырную службу [6]).

Иностранцы, преимущественно поляки, также получали земли на условіяхъ земской службы. Объ этомъ говоритъ Статутъ. Иностранцы, получая данины на земской службѣ, не могли однако получать земли на вѣчность. Среди иноземцевъ, получавшихъ данины на службѣ, были и лица, не принадлежавшіе къ шляхетству; вмѣстѣ съ даниной на службѣ онѣ получали иногда и шляхетство [7]).

Этихъ бѣглыхъ указаній достаточно, какъ намъ кажется, для заключенія въ томъ смыслѣ, что владѣніе земскимъ имѣніемъ на условіяхъ земской службы, въ основѣ своей, не было принадлежностью

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 110, л. 95 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 4 об. Такіе же листы казакамъ полоцкимъ см. въ Кн. Зап. Лит., XLI, л. 180 об, 181 об.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 339 (1562 г.).

[4]) Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. I, р. 590.

[5]) Ibidem, р. 625.

[6]) Акты З. Р., III, р. 247.

[7]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 27 об.

одного опредѣленнаго класса общества,—служба лежала на землѣ, а не на ея владѣльцѣ. Поэтому лица духовнаго званія, мѣщане, различные разряды земледѣльческаго класса и хозяйственныхъ службъ могли владѣть земскими имѣніями, или перевести свои земли въ разрядъ земель на земской службѣ. Владѣніе земскимъ имѣніемъ могло быть слѣдствіемъ или пріобрѣтенія его посредствомъ купли или пожалованія господаря великаго князя.

Но указанный принципъ является наслѣдіемъ древнѣйшаго порядка вещей и съ теченіемъ времени замѣняется инымъ, при которомъ земская служба и владѣніе земскими имѣніями сдѣлались повинностью и правомъ шляхетскаго сословія.

Таковъ былъ пестрый составъ низовъ шляхетскаго сословія. Но такимъ худороднымъ составомъ отличались только низы. Верхи шляхетства вели свой родъ отъ русскихъ или литовскихъ князей. Не титулованные уже въ раннее время обратились къ миѳической генеалогіи и охотно возводили свой родъ къ римскимъ выходцамъ. Высшее шляхетство было сравнительно не многочисленно, за исключеніемъ княжья, которое, впрочемъ, сильно понизилось съ теченіемъ времени въ матеріальномъ отношеніи, такъ что стало незамѣтно сливаться съ средними и даже низшими рядами боярства. Между верхомъ и низомъ шляхетства было громадное различіе въ экономическомъ положеніи. Тогда какъ верхніе его слои владѣли огромными латифундіями, такъ что выставляли отряды въ нѣсколько сотъ человѣкъ, нижніе слои были настолько бѣдны, что цѣлымъ родомъ ставили одного коннаго ратника, а иногда совсѣмъ должны были бросать службу, переходить къ панамъ, или же садиться на крестьянское тягло.

Кромѣ различія по происхожденію, слои шляхетскаго общества раздѣлялись въ отношеніи правъ политическихъ, гражданскихъ (подсудность) и въ способѣ отбыванія военной службы. Въ общемъ, вся масса шляхетская раздѣлялась на двѣ отличныя другъ отъ друга группы: пановъ хоруговныхъ и простыхъ повѣтниковъ. Паны хоруговные выводили на войну почты подъ своею хоруговью. Въ судебномъ отношеніи они не тянули къ повѣтамъ и судились самимъ господаремъ или лицами, кому этотъ судъ былъ порученъ. Выдѣляясь знатностью и богатствомъ, они занимали высшія мѣста въ свѣтской и духовной (въ католической церкви) іерархіи и фактически были господарями великаго княжества. Этотъ слой состоялъ изъ немногочисленнаго количества родовъ. Это тѣ самые роды, которые строили

государство, когда великіе князья съ ихъ помощью добывали сосѣднія княжества и вели борьбу за его цѣлость и самостоятельность. Когда со времень Витовта началась ломка удѣльно-княжескаго порядка—эти паны по своему экономическому положенію и гражданскимъ правамъ поднялись до удѣльныхъ князей; и въ политическомъ отношеніи, по привилею 1413 года, они получаютъ преобладающее значеніе въ государствѣ. Но, выдѣлившись столь высоко надъ остальными элементами служилаго класса, паны постепенно теряютъ свое исключительное положеніе въ государствѣ, такъ какъ и низшее шляхетство добивается тѣхъ же правъ, какими обладаетъ высшее. Земская реформа 1565 года подвела итоги этому росту низшихъ элементовъ шляхетства, потому что она подвела въ повѣты и подъ земскую хоругвь знать и сверхъ того къ этому же времени вся шляхта, при посредствѣ повѣтовыхъ сеймиковъ и правильно избранныхъ сеймовыхъ пословъ, получила законченную политическую организацію. Такимъ образомъ, юридически шляхта доросла до пановъ. Но это было только юридически, потому что знатность и матеріальное превосходство и въ послѣдующее время продолжали играть роль фактора, доставлявшаго знати власть и вліяніе въ странѣ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, процессъ сліянія различныхъ элементовъ служилаго класса въ одно цѣльное шляхетское сословіе.

Важная сторона вопроса заключается въ томъ, чѣмъ отличались низшіе слои военно-служилаго люда отъ тяглыхъ классовъ населенія. Различіе между обоими элементами общества состояло именно не въ ихъ экономическомъ положеніи, не въ занятіяхъ, такъ какъ боярскіе надѣлы были часто столь незначительны, что земледѣльческій трудъ составлялъ основное занятіе боярина, а крестьяне часто сами имѣли своихъ людей, и въ матеріальномъ отношеніи среди нихъ встрѣчаются весьма зажиточныя группы. Различіе между служилымъ элементомъ и тяглымъ сводилось къ податнымъ отношеніямъ, ведшимъ за собою, какъ необходимое слѣдствіе, и сословное отличіе. Боярское званіе носилъ тотъ, кто несъ земскую военную службу и владѣлъ землею на правѣ земскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и его земля была свободна отъ тяглыхъ службъ и дачекъ. Такимъ образомъ, переходъ съ тяглой службы на земскую сопровождался освобожденіемъ отъ тягла.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные акты, устанавливающіе доказательство боярскаго происхожденія тѣхъ или другихъ лицъ, или жалованныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей на переходъ съ

тяглой службы на земскую или на землю на условіяхъ службы. Когда намѣстникъ городицскій С. Оленскій сталъ притѣснять земянъ дорогицкихъ, Сабленыхъ и Головенокъ, и „вернуть“ ихъ въ тяглую службу, то земяне обратились въ 1530 году съ жалобою къ королю. На судѣ они представили грамоты великихъ князей Казимира и Александра; въ первомъ изъ этихъ листовъ излагалась грамота великаго князя Витовта, по которой названные бояре „не маютъ никоторое службы городовое съ тяглыми людми служити, ани порубовъ, ани дякла давати, только маютъ однымъ конемъ на войну ходити, какъ и иншыи бояре ходять“. Великій князь Александръ, разбирая жалобу тѣхъ же бояръ на привлеченіе ихъ въ тягло, точно также утвердилъ за ними боярство „и велелъ имъ земянскою службою служыти—на войну ходити какъ и иншыи земяне“. Такое же подтвержденіе было дано и Сигизмундомъ I [1]). Когда шелъ споръ о боярствѣ, то на судѣ старались строго установить, дѣйствительно ли ищущіе боярство „посполу зъ бояры службу земскую служивали, а иншыхъ жадныхъ служобъ и подачекъ не знавали“ [2]). Разъ доказано, что бояре служили земскую службу и не давали никакихъ другихъ подачекъ и даней, то тѣмъ самымъ возстановлялась старина за боярами, подтверждалась за ними боярская служба и освобожденіе отъ тягла [3]). Это самый обычный способъ доказательства боярства [4]). Съ другой

---

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 330 об.—332.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXI, л. 28—29 об.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., р. 208

[4]) Изъ множества подобнаго рода процессовъ достаточно привести для уясненія сказаннаго, еще одинъ—другой фактъ. Бояре радомскіе Олехно Андреевичъ и Андрей Нецевичъ съ братьею жаловались на намѣстника радомскаго о томъ, что онъ заставляетъ ихъ сѣно косить, дякло давать, и за это держалъ ихъ въ заключеніи, а они, бояре „изъ роду“. На судѣ выясняется многолѣтнее мытарство, которое вынесли эти бояре, отстаивая свое боярское происхожденіе. Сначала старался притянуть ихъ къ тяглу приставъ радомскій и вызывалъ ихъ на судъ передъ паномъ воеводою троцкимъ Иваномъ Саковичемъ, но Саковичъ „оправилъ“ ихъ. Во второй разъ волость Радомская позвала названныхъ бояръ на судъ къ королю Казимиру, привлекая ихъ въ волостное тягло. Затѣмъ судилъ ихъ воевода троцкій панъ Петръ Яновичъ по иску тоже пристава радомскаго и призналъ за ними боярство. Разсматриваемое дѣло, разбиравшееся въ 1496 году,—уже четвертый искъ о привлеченіи тѣхъ же бояръ въ тягло, снова признало ихъ боярское право. Такимъ образомъ, на протяженіи менѣе полустолѣтія, бояре Андреевичъ и Нецевичъ съ братіею должны были четыре раза доказывать разнымъ судебнымъ учрежденіямъ свое боярское происхожденіе (Кн. Зап. Лит., л. VI, л. 73 об.).—Трое бояръ жижморскихъ жаловались на городничаго троцкаго за то, что

стороны, такимъ доказательствомъ служило занесеніе бояръ въ военно-служилые списки. Эти списки составлялись по разнымъ поводамъ и довольно часто. Когда войско собиралось на назначенное для его сбора мѣсто, то гетманъ производилъ „попись“ его; наконецъ, такіе „пописы“ производились и въ мирное время для провѣрки наличности служилаго класса. Занесеніе бояръ въ такіе реестры было также доказательствомъ принадлежности ихъ къ служилому классу. Наконецъ, въ скарбѣ составлялись ревизіи и инвентари тяглаго населенія; слѣдовательно, отсутствіе въ этихъ послѣднихъ спискахъ боярскихъ именъ, служило косвеннымъ доказательствомъ ихъ принадлежности къ сословію. При составленіи ревизій и инвентарей, составители ихъ, писари, разбирались въ томъ, кто принадлежалъ къ тому или другому классу населенія. Сомнительныхъ бояръ, „вкупавшихся“ на боярство изъ посѣдниковъ, они заносили въ число тяглыхъ. Но всякому предоставлялась полная возможность доказывать свою принадлежность къ

онъ привлекаетъ ихъ къ тяглу, и на пристава жижморскаго за то, что онъ заставляетъ ихъ выходить на сторожу господарскаго скарба въ Трокахъ. Между тѣмъ они „дей передъ тымъ издавна дякла не давали и сѣна не котывали и въ заставу до скарбу нашого не хожывали“. Свидѣтели подтвердили ихъ показанія, и великій князь Александръ призналъ въ 1496 г. боярство жалобщиковъ (Кн. Зап. Лит., V, л. 26). Съ другой стороны истцы, т. е. волость, мѣстная администрація или частныя лица, оспаривая боярство противной стороны, стремятся привести факты, которые свидѣтельствовали бы о несеніи тягла отвѣтчиками: „яко бы они были посѣдники“, заявляютъ въ одномъ случаѣ мѣстныя власти: „зъ давныхъ часовъ яко отцеве ихъ, такъ и они сами съ повинности паномъ старостамъ жомойскимъ, тивуномъ и намѣстникомъ ихъ милости поседи делывали и всякии пожитки врочыстые давали“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 226). Намѣстникъ дорогицкій Петрашко Пашковичъ разсматривалъ въ 1533 году жалобу Сеньки Васковича на волость Дорогицкую: „Смотрели есмо Сенка изъ жеребью Васковича а сына его Пашко, а жаловали на Сенка а на сына его Пашка русь Дорогицкая волость, а хотели, абы Сенько Васковичъ а сынъ его Пашко съ жеребью з ними потяжь тягнули, недели стерегли, а на городъ кликали“. Но Васковичи жаловались королю и по его приказанію намѣстникъ разбираетъ дѣло. Онъ опрашиваетъ старцевъ: „А тые старцы русь и ляхове такъ сознали передо мною и на то хотели присягнути, што еще отецъ ихъ Васко хоруговъ ношивалъ за великого князя Витолта а за Жикгимонта, Сенко Васковичъ изъ жеребъ а сынъ его Пашко потяжи нс ними не тягнули, недели не стерегли, на городъ не кликивали и на потяжъ не тягивали, и з секирою не хоживали, а дяколъ не давали, подводы не служивали за великого князя Витолта и за великого князя Жикгимонта“. Кн. Зап. Лит., XXV, л. 238—239. Ср. ibidem, л. 233, 128, л. 135, л. 127, л. 225; Акты Лит.-рус. гос., р. 18, 65; Собраніе грамотъ г. Вильны, т. I, р. 192; Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 372; Акты Леонтовича, № 593 и др.

боярству [1]). Такимъ образомъ, ревизіи тяглаго населенія способствовали дифференціаціи шляхетскаго сословія [2]).

Доказательство шляхетства реестрами пописа является лишь варіантомъ юридическихъ доказательствъ перваго рода, т. е. несенія земской службы въ связи съ освобожденіемъ отъ тягла, податей и повинностей; здѣсь берется только одна сторона дѣла, доказывается фактъ земской службы наравнѣ съ другими боярами—шляхтою, такъ какъ отсюда уже вытекаетъ и свобода отъ господарскаго или частновладѣльческаго тягла. Такимъ образомъ, въ основѣ своей различіе между тяглыми и не тяглыми элементами сводится къ различію въ повинностномъ отношеніи землевладѣнія. Дѣло идетъ не о лицѣ, такъ какъ оно свободно, а о тѣхъ повинностяхъ, которыми облагается данная земля. Извѣстную службу несетъ не лицо, а земля, которою владѣетъ оно. Шляхтичъ, не имѣющій людей или земли, не обязанъ никакими повинностями въ пользу государства. И по Статуту, и по военнымъ и

---

[1]) Когда намѣстникъ высокодворскій панъ Лядскій сталъ привлекать нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ бояръ къ тяглу, то на судѣ рѣшающее значеніе имѣло показаніе хоружаго и ссылка на реестры: оказалось, что бояры „за его хоружства поспολу зъ нимъ на службу земскую еждчивали и въ реестрахъ гетманскихъ попису шляхты они стоять описаны... и покладалъ передъ нами выписы съ книгъ скарбныхъ, зъ реестровъ земскихъ подъ печатью нашою и съ подписомъ руки подскарбего земского“ (Кн. Зап. Лит., XXI, л. 90, 1537 г.). Бояре Сенковичи въ томъ же году доказывали свое шляхетство тѣмъ, что въ реестрахъ пописа всей шляхты (1528 г.) „ихъ слугами путными, ани тяглыми людьми не менованo, лечъ писано бояры въ тотъ же реестръ, въ которомъ суть бояре Остренскіе писаны, и по тыи годы бывали они на службахъ земскихъ... у реестры гетманскии писываны и подъ одною хоруговью зъ ними стоивали“. Чтобъ провѣрить эти показанія, господарь поручилъ подскарбію земскому: „абы еси тыи реестры яко все панство наше великое князство пописывано, которые у тебе суть, яко у подскарбея нашого, передъ собою отворылъ, а къ тому въ реестръ гетманскии углянулъ и попису бояръ Остренскихъ оглядалъ“ (ibidem, л. 28 об.—29 об.). Такъ и бояре жомойтскіе Пашко Довсинъ и Юрій Мейчойтисъ выводили свое боярство тѣмъ, что „здавна есть бояре—шляхта и на розныхъ местцахъ мають свои именья и службу земскую с отчизнъ своихъ заступують и яко з ыншихъ именей бояри в реестрахъ написано, отъ давныхъ часовъ в той боярской службе они есть захованы“ (Кн Зап. Лит., XVII, л. 218—219, 1532 г.). Реестры и въ другихъ случаяхъ принимались въ разсчетъ: „а они суть,—говорится въ одномъ вырокѣ о бояpaxъ, въ реестрахъ первшыхъ гетмановъ нашыхъ и въ теперешнего пана виленского суть описаны, же здавна службу земскую намъ служать, яко и иншая шляхта“ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 128 об., ср. л. 225 об., л. 227, л. 233, 1540 г).. О разборахъ боярства при ревизіяхъ см. Акты З. Р., I, p. 183, III, p. 61; Акты Вил. Ком., XIII, p. 30, XXV, p. 20, 21; Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 76 об.

[2]) М К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, p. 452.

поборовымъ универсаламъ служба идетъ не съ лицъ, но съ земель, отчизныхъ, выслугъ, данинъ господарскихъ и пр. Этой тѣсной связью повинности съ землею и объясняется тотъ широко проводимый принципъ, по которому самые разнородные элементы могли владѣть землею на условіи земской службы. Широкое проведеніе въ жизнь указаннаго принципа было уже отмѣчено нами на предыдущихъ страницахъ. Точно также нѣсколько ранѣе была выяснена тѣсная связь характера повинностей съ землевладѣніемъ [1]) и здѣсь достаточно добавить одно—другое указаніе.

Королева Бона переводитъ въ 1526 году нѣкоего Полюха съ тяглой службы на военную, причемъ освобождаетъ его отъ всѣхъ потяглей; Полюха обязанъ съ своей отчизны служить „посполу зъ иншыми бояры нашыми пинскими, межы, которыхъ ихъ (т. е. Полюху съ братіею) на боярство поличаемъ, якъ на то служыть“. Такимъ образомъ, Полюха возводится королевой Боной въ боярство, но это возведеніе не относится только къ лицу, оно связано съ землею, такъ какъ тяглая земля становится боярскою; возведенный только съ этой своей боярской земли не обязанъ нести тягла, и шляхетство ему лично, внѣ связи съ этою отчиною, не даетъ никакихъ привилегій въ повинностномъ отношеніи. Дѣйствительно, изъ другой грамоты той же королевы видно, что Полюха владѣлъ еще полдворищемъ тяглой земли, давалъ съ нее урочистый платъ и только по спеціальному листу, выданному черезъ десять лѣтъ послѣ перваго, оброчное дворище присоединено къ его отчизнѣ и слито съ нею въ служебномъ отношеніи [2]). Съ другой стороны, въ томъ же Пинскомъ княжествѣ, еще при послѣднихъ удѣльныхъ князьяхъ, встрѣчаемъ и обратное явленіе: сынъ боярскій сидитъ на служебномъ дворищѣ, несетъ тягло и былъ освобожденъ отъ него только спеціальнымъ листомъ княгини Маріи [3]). Даже уже въ годы второго Статута ставилось неизмѣннымъ условіемъ, по которому шляхтичъ могъ держать имѣніе на земскомъ правѣ только въ томъ случаѣ, если сама земля находилась въ „правѣ шляхетскомъ“ [4]). Такимъ образомъ, шляхтичъ не обѣлялъ тяглой земли, садясь на нее [5]). Боя-

---

[1]) Ср. выше, р. 205.

[2]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, р. 285—287. Ср. Акты Леонтовича, № 528.

[3]) Ревизіи и проч., р. 82.

[4]) Кн. Зап. Лит., LI, л. 9 об.

[5]) Ср. выше, р. 205. Приведемъ еще слѣдующій фактъ. Бояринъ Новгородскаго повѣта Петръ Григорьевичъ получилъ разрѣшеніе отъ господаря выкупить

ринъ—шляхтичъ могъ оставить служебную землю, продать ее и тогда онъ порывалъ повинностныя связи съ государствомъ, дѣлался вольнымъ человѣкомъ подобно вольному похожему крестьянину, и могъ искать службы у любого пана или даже нести ее съ своей же прежней земли, но не какъ владѣлецъ, а какъ служебникъ [1]). Отсюда основнымъ принципомъ должно быть признано не возведеніе того или иного лица въ шляхетское право, но освобожденіе жалуемой ему земли или владѣемой имъ отъ тягла и переводъ на земскую повинность. И дѣйствительно, этотъ древній принципъ признавался достаточнымъ мотивомъ для принадлежности къ шляхетскому сословію даже въ шестидесятыхъ годахъ [2]). И даже въ половинѣ XVI вѣка, когда нобилитація начинаетъ смѣнять собою простое пожалованіе земель съ освобожденіемъ отъ тягла и съ приказаніемъ служить конемъ, она все-таки связывается съ пожалованіемъ земли: и нобилитованный шляхтичъ съ гербомъ еще не мыслимъ безъ земли, съ которой онъ несетъ свою шляхетскую службу; весьма сомнительно, чтобы въ актахъ всего изучаемаго періода можно было встрѣтить нобилитацію безъ пожалованія или иммунизаціи поземельной собственности [3]).

у сокольниковъ села Осташина земли потому, что подданые попродавали и позакладывали свои земли. Выкупивъ эти земли, Григорьевичъ держалъ ихъ „на службѣ соколенской“, и только въ 1562 г. получилъ разрѣшеніе перейти съ этими землями съ сокольничьей службы на земскую. Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 81. Ср. Док. Арх. Мин. Юст., р. 10.

[1]) Такъ бояринъ, продавая свою землю, налагаетъ на себя такое обязательство: „и службу земскую съ тое землицы я жъ (продавецъ) маю заступовати, а Иванъ, жона и дети его (покупатель) маютъ отъ тое службы господарское супокоенъ быти“ (Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 93 об., 1525 г.).

[2]) Акты Виленской Ком., т. VII, р. 81. Въ 1560 г. бояре слонимскіе Ельчане жаловались королю на волочныхъ ревизоровъ, которые при помѣрѣ записали ихъ въ тягло. Они представили листъ короля Александра. Въ послѣднемъ говорилось, что Ельчане представили королю листъ Казимира съ слѣдующимъ его распоряженіемъ: „штож какъ они ново прышли въ место Слонимское, а земли пашное ничого подъ собою не держать, а отецъ нашъ для того не казалъ имъ посполъ з Слонимцы подводъ давати и серебщины платити, нижли только казалъ имъ конемъ служити, на войну ходити, а иншихъ никоторыхъ пошлинъ и служобъ не велелъ имъ знати“. Король Александръ подтвердилъ Ельчанамъ листъ своего предшественника, что сдѣлалъ въ 1560 году и Сигизмундъ Августъ съ панами радою: освободивъ бояръ отъ тягла, онъ посадилъ ихъ на земской службѣ, тѣмъ самымъ утвердивъ за ними шляхетство (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 353 об.). Эти бояре владѣли городскими домами; находившіеся въ ихъ владѣніи городскіе дома были изъ права мѣстскаго переведены на шляхетское.

[3]) Поэтому, при нобилитаціи поземельная собственность нобилитованнаго переводится подъ право шляхетское. Такъ панцырный бояринъ Наршоновичъ ку-

Но въ это служебно-поземельное начало постепенно проникаетъ сознаніе сословности, лично связующей общими правами и привилегіями всѣхъ членовъ шляхетства. Шляхтичъ, оставляя землевладѣніе на земской службѣ, всетаки не выходилъ изъ шляхетскаго права. Но шляхетское право представляло много личныхъ, а затѣмъ и политическихъ привилегій. Въ сознаніе общества проникаетъ понятіе о связи этихъ привилегій съ благородствомъ происхожденія и рыцарскихъ занятій. Высшіе элементы общества рано прониклись, подъ польскимъ вліяніемъ, аристократическими тенденціями. За ними шли и низшіе ряды того же сословія. Постепенно распространяется сознаніе необходимости имѣть для шляхтича и внѣшнее отличіе—гербъ. Съ момента Городельской уніи гербы дѣлаются лишь достояніемъ небольшаго круга аристократическихъ родовъ, но съ теченіемъ времени

пилъ у псарцовъ витебскихъ ихъ псарецкія земли и проситъ въ 1563 г. короля объ утвержденіи за нимъ этихъ земель на шляхетскомъ правѣ съ дарованіемъ и ему самому шляхетства—на службу земскую военную и „его самого припустити ку титулу права, вольности и свободе шляхетской". За боярина просилъ господаря и воевода витебскій князь Ст. Збаражскій: „ачкольвекъ есть слуга панцерный путный, ведьже в службахъ нашыхъ господарскихъ оного замку... на всемъ ся съ пристойностью шляхетскою заховалъ" (Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 431; ср. Кн. Зап. Лит., XXX, л. 4 об.). Вотъ еще интересная формулировка нобилитаціонныхъ грамотъ, которыя выданы были въ шестидесятыхъ годахъ нѣсколькимъ казакамъ: „Што козакъ тамошний Климъ Осташковичъ зъ земли своей, которую в земли Полоцкой маеть, не будучи подъ правомъ шляхетскимъ передъ тымъ завжды, яко иные путники тамошние суживался. Ино ижъ твоя милость (воевода), будучи при насъ господари далъ намъ справу, же онъ черезъ весь часъ тамъ при замку и въ службахъ нашихъ добре и верне заховался, мы (господарь), чинечи ему ласку нашу господарскую, привлащаемъ и поддаемъ его подъ право шляхетское" (Кн. Зап. Лит., XLI, л. 180 об., л. 181, л. 181 об.). Даже пожалованіе домовъ въ городахъ и льготъ по платежу капщины сопровождалось переводомъ жалуемаго имущества и правъ подъ шляхетское право. Достаточно привести слѣдующій фактъ, интересный во многихъ отношеніяхъ. Въ 1547 г. подданый господарскій Станиславъ Бѣлковичъ излагалъ слѣдующимъ образомъ свое челобитіе предъ господаремъ: „Ижъ онъ приехавши с панства нашого Коруны Полское тутъ до великого князства Литовского и служивши на замкохъ нашихъ украинныхъ намъ господару и Речи Посполитой земской, принялъ оселость и понялъ за себе жону... у месте нашомъ Медникохъ". Жена его имѣетъ въ городѣ домъ, огородъ и корчму, съ чего даетъ подати и несетъ повинности. Поэтому Бѣлковскій проситъ господаря: „абыхмо ласку нашу вчинили и съ тое капщизны медовое, и пивное, и горелковое, и зъ даванья подводъ подъ послы и гонцы наши и чужоземские его и тую жону его Ганну вызволили, а казали быхмо имъ съ того дому и земли ихъ служити намъ службу земскую военную потому, какъ и иншие бояре шляхта.. службу земскую служать" (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 27 об.).

вкусъ къ гербамъ развивается и нобилитація сопровождается дарованіемъ или принятіемъ какого нибудь герба. Въ шестидесятыхъ годахъ даже города и повѣтовыя хоругви были снабжены гербами. Каждый повѣтъ представляетъ собою общину, объединенную въ военно-административномъ, судебномъ и политическомъ отношеніяхъ. Въ свою очередь повѣтъ разбивается на шляхетскіе роды, состоящіе изъ гербовной братіи. Уже староста жмудскій панъ Станиславъ Яновичъ полагалъ, что великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ не раздавалъ земель „простымъ людямъ", но только боярамъ [1]) (мы знаемъ, на сколько это мнѣніе сходилось съ дѣйствительностью), и вообще въ его глазахъ шляхетскій родъ имѣлъ большое значеніе [2]). Отсюда возникаетъ и новый родъ доказательствъ принадлежности къ шляхетскому сословію—родовитость и свидѣтельство шляхетской братіи. Въ эпоху перваго Статута оно еще примѣняется на ряду съ доказательствомъ участія въ военной службѣ и свободы отъ тягла [3]), но съ теченіемъ времени оно пріобрѣтаетъ господствующее значеніе. Уже съ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка законодательная власть, удовлетворяя сословнымъ потребностямъ шляхты, издаетъ законы относительно „вывода" шляхетства [4]), обставленнаго впослѣдствіи весьма сложною процедурою, въ которой родовитость играетъ столь важную роль [5]).

Таковъ, по нашему мнѣнію, процессъ образованія шляхетскаго сословія въ его соотношеніи съ землевладѣніемъ и земскою военною службою. Ко второму Статуту низшіе ряды шляхетства окончательно слились съ высшими, отбросивъ отъ себя всѣ элементы, по тѣмъ или другимъ причинамъ не вошедшіе въ ряды шляхты.

Однако между шляхтою и тяглыми мѣщанскимъ и крестьянскимъ сословіями осталось еще промежуточное звено, состоявшее изъ боярства, не попавшаго въ повѣты. Это-то самое шляхетство, которое

---

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VI, л. 311.

[2]) Ibidem, л. 313 об.

[3]) Ср. напр. Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 606 об.; Кн. Зап. Лит., XVI, л. 473; Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 92; Кн. Зап. Лит., XVII, л. 218; Акты Лит.-рус. гос., 221.

[4]) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, р. 439. Вообще М. К. Любавскій придаетъ слишкомъ большое значеніе принципу родовитости въ средѣ шляхетскаго сословія для ранняго періода въ его развитіи. Съ этимъ, какъ намъ кажется, нельзя вполнѣ согласиться, такъ какъ этотъ принципъ является позднѣйшимъ наслоеніемъ, проникающимъ постепенно въ ряды низшаго шляхетства.

[5]) Процедура вывода шляхетства въ шестидесятыхъ годахъ, видна, напр., изъ слѣдующихъ актовъ: Кн. Зап. Лит., XLI, л. 251; Акты Виленскіе, XIII, р. 36.

пріобрѣло въ послѣдующее время нѣсколько ироническое названіе „застѣнковой“ шляхты. Къ ней, во второй половинѣ XVI вѣка, акты избѣгаютъ прилагать терминъ шляхты, называя преимущественно боярствомъ. Дѣло въ томъ, что господарь въ своихъ господарскихъ добрахъ осаживалъ боярство на военной службѣ (но не на земской); это—путные бояре. Сверхъ того, съ сороковыхъ годовъ XVI вѣка къ господарю переходятъ обширныя спадковыя имѣнія (Гаштольтовскіе и др.). Боярство этихъ частно-владѣльческихъ вотчинъ Сигизмундъ Августъ старался не переводить въ повѣты, оставляя на замковыхъ земляхъ и подъ замковымъ присудомъ. Шляхта спадковыхъ имѣній продолжала служить съ своихъ земель также, какъ она служила своимъ панамъ, оставаясь подъ замковымъ присудомъ [1]); вслѣдствіе этого, въ значительной мѣрѣ эта шляхта не пользовалась тѣми правами, какими пользовалась повѣтовая, и стремилась добиться привилегій послѣдней [2]). Въ этомъ ее поддерживала, хотя и безуспѣшно, сеймовая шляхта [3]). Однако второй Статутъ оставляетъ эту шляхту вполнѣ въ зависимости отъ господаря: она выходила изъ замка въ повѣты только въ томъ случаѣ, если великій князь подтверждалъ своимъ привилеемъ отдѣльнымъ лицамъ данины прежнихъ господарей

---

[1]) Шляхта Геранонинская жаловалась на введеніе на ея земляхъ волочной помѣры. По этому поводу Сигизмундъ Августъ въ 1560 году издалъ такое постановленіе: „всихъ бояръ шляхту тамошнюю Кгеренонскую зоставуемъ, же которые зъ нихъ за небожчика пана Кгаштовта службу шляхетскую земскую военную зъ ымени своихъ служивали, тые и теперъ таковую службу нехай служать и именей своихъ ужывають, потому какъ за пана Кгаштолта было. А ижъ есмо имения ихъ на волоки померыти казали, то чинимъ не въ тотъ обычай, абыхъ именья шляхетские мели быти такъ, яко путныхъ бояръ земли подле уставы нашое въ порадокъ и въ повинность справы волочное приведены, одно хотячи ведомость мети о шырокости именей ихъ“. Такой же листъ получили Трабскіе бояры. Но и тѣ и другіе должны были: „нехай бы они во всемъ захованы были такъ, яко и въ иншыхъ замкохъ и дворехъ нашыхъ спадковыхъ бояре шляхта наша мешкають и именей своихъ ужывають“ (Кн. Зап. Лит., XLII, л. 45 и 49—50).

[2]) Такъ, бояре Ляховицкіе не хотѣли оставаться съ своими имѣніями подъ замкомъ и присудомъ замковымъ. Въ 1567 г. господарь писалъ имъ по этому поводу: „и на войну при немъ ездити не хочете (т. е. при державцѣ), у право и присудъ повету Новгородского вдаетеся и передъ судъ тамошней ся позываете и на службу земскую пры хоружомъ новгородскомъ ездити и подъ хоруговью земскою новгородскою становитися хочете. Ино кгдыжъ съ тымъ замкомъ Ляховицкимъ спадкомъ намъ господару пришли, а правомъ и судомъ поветовымъ неподлегли и отъ насъ, господара, не подданы“, т. е. въ повѣтъ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 33, ср. Док. Моск. Мин. Юст., I, р. 494).

[3]) Акты З. Р., III, р. 31.

(разд. III, арт. 4). Этотъ разрядъ шляхты въ господарскихъ имѣніяхъ оказался, слѣдовательно, въ томъ положеніи, въ какомъ находилось вообще не нобилитованное боярство въ имѣніяхъ частныхъ лицъ.

Для полноты настоящаго обзора намъ остается упомянуть о тѣхъ немногихъ фактахъ, которые говорятъ о земской шляхетской службѣ съ городскихъ домовъ.

Вообще количество лицъ, владѣвшихъ городскими домами на условіи военной службы, было весьма немногочисленно. Основой земской службы въ такомъ случаѣ считались городскіе дома, огороды, иногда вольныя корчмы. Эти владѣнія освобождались господаремъ отъ городскихъ и скарбовыхъ платежей и повинностей съ переводомъ подъ присудъ и право шляхетское [1]). Конечно, этихъ городскихъ бояръ надо строго отличать отъ тѣхъ, которые, владѣя земскими имѣніями, въ то же время имѣли дома и огороды въ городахъ, равнымъ образомъ и отъ мѣщанъ, несшихъ военную земскую службу.

3. Повинностный характеръ земской военной службы.

Предшедствующія страницы посвящены выясненію тѣхъ соотношеній, которыя вытекаютъ изъ землевладѣнія на земскомъ правѣ. Выше указаны тѣ соціальные элементы, которые владѣли землею на этомъ правѣ. Но тѣмъ самымъ еще далеко не все разъяснено въ вопросѣ, касающемся военной службы, какъ повинности. Необходимо еще разъяснить и подтвердить выводы, вытекающіе изъ предыдущаго изложенія, обзоромъ относящихся сюда основныхъ законовъ страны. Обзоръ этого рода данныхъ можетъ показать соотвѣтствіе частныхъ проявленій государственной дѣятельности съ общимъ духомъ Статута и предшествующихъ ему конституцій. Въ этомъ есть еще одна сторона, требующая выясненія. Уже изъ предыдущаго замѣтна нѣкоторая связь между земскимъ землевладѣніемъ и другими земскими повинностями, кромѣ военной службы. Военную службу землевладѣлецъ обязанъ былъ отбывать лично во главѣ извѣстнаго почота всадниковъ. Но сверхъ того населеніе владѣльческихъ имѣній обязано было отбывать нѣкоторыя государственныя повинности, которыя тоже называются земскими; къ нимъ относились: замковая работа, подводная повинность съ поставкою корма гонцамъ и посламъ, мостовая и сторожевая. Эти повинности, шедшія съ населенныхъ имѣній, стоятъ въ

[1]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 27 об.; Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 353 об.; Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 617.

тѣсной и неразрывной связи съ военной. Намъ остается только привести данныя, подтверждающія обязанность шляхты нести эти повинности.

Но это только одна сторона вопроса. Обязательность службы, какъ повинности, регулируется, по отношенію къ землевладѣльцамъ, юридическими актами двоякаго рода: частными жалованными грамотами и общими законодательными актами—уставными земскими грамотами, шляхетскими привилеями и Статутами. Но эти памятники не охватываютъ повинностныхъ отношеній еще одного служилаго элемента, который, въ древнѣйшее время, игралъ крупную роль. Элементъ этотъ—удѣльное княжье.

Мы уже видѣли какъ сложилась служебная зависимость частнаго землевладѣнія. Служба удѣльнаго княжья первоначально основывалась на тѣхъ договорныхъ или присяжныхъ грамотахъ, которыя писались между великимъ и удѣльнымъ княземъ[1]). Господство этихъ сепаратныхъ грамотъ прекращается приблизительно около половины XV в.: послѣ этого времени мы только встрѣчаемъ договорныя грамоты Сѣверскихъ князей, переходящихъ изъ Москвы; это вполнѣ понятно, такъ какъ тѣмъ самымъ литовское правительство хотѣло привлечь на свою сторону это пограничное княжье. Удѣлы внутри государства исчезаютъ во второй половинѣ XV в., а доживающіе удѣлы (какъ Турово-Пинскій, Мстиславскій и Слуцкій) устанавливаютъ свои отношенія къ великому князю не на основаніи договорныхъ грамотъ, но получаютъ жалованныя грамоты. Такъ удѣлы постепенно превращаются въ обыкновенныя вотчины, которыя и въ повинностномъ отношеніи регулируются общеземскимъ законодательствомъ. Въ дѣлѣ подведенія удѣльнаго княжья подъ общую норму земства, несомнѣнно крупную роль сыграли привилеи 1432 и 1447 гг. Въ обоихъ права, даруемыя всей шляхтѣ, распространяются и на князей. Можно сомнѣваться въ томъ эффектѣ, который произведенъ былъ, въ этомъ отношеніи, привилеемъ 1432 г.; но въ значеніи конституціи 1447 г. колебаній не можетъ быть. Распространивъ его дѣйствіе и на князей, правительство идетъ дальше и стремится сознательно къ уничтоженію удѣловъ. Такъ исчезаютъ особенности въ положеніи князей. Поэтому намъ придется, въ самыхъ общихъ чертахъ, познакомиться съ служебнымъ положеніемъ удѣльныхъ князей

---

[1]) Ср. выше, p. 40.

до ихъ слiянiя съ остальнымъ шляхетствомъ. Замѣтимъ, что интересъ этихъ отношенiй заключается еще и въ томъ, что переходъ удѣльно-княжескихъ вотчинъ въ служебныя имѣетъ извѣстную аналогiю съ такимъ же процессомъ въ сферѣ частнаго землевладѣнiя.

Удѣльныя княженiя бывали, какъ извѣстно, двоякаго происхожденiя: одни изъ нихъ являлись пожалованiями господаря великаго князя, каковы, напримѣръ, удѣлы Гедиминовичей, другiе—старыя вотчины Рюриковичей; съ теченiемъ времени Гедиминовичи осѣдаютъ въ своихъ удѣлахъ и являются такими же вотчинниками. Великiй князь, передавая удѣлъ, ставилъ удѣльнаго князя въ непосредственную отъ себя зависимость: онъ могъ отнять удѣлъ по своему усмотрѣнiю, потому что такое пожалованiе было ad placitum suae voluntatis [1]).

Но службу великому князю удѣльные князья обязаны были выполнять, независимо отъ условiй пожалованiя. Въ этомъ случаѣ князья оказывались въ аналогичномъ положенiи съ областями, присоединяемыми къ Литвѣ.

Сущность отношенiй земель и удѣльныхъ княженiй къ центральному правительству заключалось въ томъ, что тѣ и другiя должны были доставлять великому князю auxilium; князья помогали великому еще и совѣтомъ. Когда присяжныя грамоты говорятъ о помощи, которую должны доставлять удѣльные князья великому, то онѣ не всегда объясняютъ, въ чемъ должна заключаться эта помощь. Но ясно, конечно, что она состоитъ, прежде всего, въ вѣрности и службѣ великому князю. Эта служба выражается въ обязательствѣ „стоять за одинъ“— contra quemlibet hominem mundi [2]). И дѣйствительно, стоитъ присмотрѣться къ разсказу древнѣйшей лѣтописи, чтобы убѣдиться въ томъ, что эта auxilium состояла прежде всего въ поставкѣ, по требованiю великаго князя, извѣстнаго контингента войскъ.

Когда великiй князь Витовтъ сѣлъ на великокняжескiй столъ, то Корибутъ Ольгердовичъ Новгородъ-Сѣверскiй не захотѣлъ быть „в послушенствѣ“ у Витовта, за что и былъ изгнанъ имъ со своего стола. Когда тотъ же князь шелъ на Витебскъ противъ Свидригайлы, то князья Друцiе встрѣтили Витовта и „оударили емоу чоломъ в

---

[1]) A. Prochaska, Przyczynki krytyczne do dziejów Unii, Rozprawy Akademji Umiejętności, wyd. Hist.-fil., XXXIII, p. 70. Ср. выше, p. 41.

[2]) Monumenta Poloniae, Cod. epist., II, p. 11.

службу", т. е. признали его своимъ государемъ и обѣщали ему служить. Лѣтопись сейчасъ же и разъясняетъ, въ чемъ заключалась эта служба: тогда же пришелъ къ Витовту „на помочь" Смоленскій князь Глѣбъ Святославичъ, ударилъ великому князю челомъ въ службу, и всѣ вмѣстѣ стали добывать Витебскъ [1]). Изъ этого ясно, въ чемъ должно заключаться „послушенство", „покора" и „служба" удѣльнаго князя великому: та же служба, которую уже въ концѣ XV в. по отношенію къ остаткамъ удѣльнаго княжья, акты называютъ „земской службой" [2]).

Но такая же служба требовалась великимъ княземъ не только отъ удѣльныхъ князей, но и отъ покоряемыхъ областей и городовъ. Литовская лѣтопись сохранила въ этомъ отношеніи любопытный разсказъ о томъ, какъ захватилъ Витовтъ Кременецъ: Витовтъ послалъ сказать горожанамъ: „Передайтеся мнѣ служити", и горожане впустили Витовта [3]). И дѣйствительно, контингенты русскихъ областей выступаютъ въ войнахъ на ряду съ княжескими хоругвями.

По отношенію къ присоединяемымъ областямъ великокняжеское правительство поступало двоякимъ образомъ: оно или регулировало мѣстныя повинностныя отношенія областной уставной грамотой, или выдавало отдѣльныя жалованныя грамоты частнымъ лицамъ, иногда объединяя въ вопросахъ, касавшихся землевладѣнія, оба принципа.

Обратимся прежде всего къ областнымъ привилеямъ.

Областные привилеи и до-статутовыя конституціи двумя способами развиваютъ идею о государственныхъ повинностяхъ съ шляхетскихъ имѣній. Съ одной стороны, они утверждаютъ, что шляхта лично свободна отъ всѣхъ повинностей, за исключеніемъ военной службы; съ другой стороны, они объясняютъ, какія повинности идутъ съ шляхетскихъ земель. Начнемъ съ областныхъ уставныхъ грамотъ.

Такъ Жмудская уставная грамота освобождаетъ боярство отъ замковыхъ работъ и отъ гарнизонной службы. Кіевская уставная грамота освобождаетъ боярство отъ поѣздокъ въ Орду за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда господарь своимъ листомъ обязываетъ идти кого-нибудь въ Орду въ посольствѣ. Въ другихъ грамотахъ даже нѣтъ упоминанія о личной свободѣ шляхты отъ натураль-

---

[1]) Литовская лѣтопись по списку Красинскихъ, р. 26.

[2]) Акты З. Р., I, р. 186.

[3]) Литовская лѣтопись, р. 33.

ныхъ повинностей, очевидно потому, что это само собой вытекало изъ общихъ условій государственнаго строя. За то грамоты тщательно оговариваютъ всякаго рода льготы населенія владѣльческихъ имѣній. Полоцкая уставная грамота говоритъ объ освобожденіи частновладѣльческихъ подданыхъ отъ всякаго тягла къ великокняжескимъ дворамъ. Волынская грамота освобождаетъ частновладѣльческихъ подданыхъ отъ барщины на господарскихъ дворахъ. Кіевская—освобождаетъ отъ езовъ, облавъ, сторожи сокольихъ гнѣздъ, сѣнокоса и другихъ частноправовыхъ работъ. Освобожденіе отъ господарскихъ повинностей частноправового характера указываетъ на то, что эти повинности дѣйствительно раньше шли съ владѣльческихъ земель. Это вполнѣ понятно, и вытекаетъ изъ хорошо уже извѣстнаго намъ положенія, по которому господарь могъ пожаловать выслугу съ тѣмъ или инымъ объемомъ шедшихъ съ нея доходовъ. Поэтому, напр., Жмудская уставная грамота, абсолютно освобождая отъ однихъ господарскихъ повинностей, оставляетъ нѣкоторыя за господаремъ—тѣ, которыя и раньше на него отбывались [1]). По отношенію къ государственнымъ повинностямъ, уставныя грамоты дѣлаютъ слѣдующее постановленіе. Въ Полоцкѣ и въ Витебскѣ были освобождены отъ подводъ мѣщане и сельскіе путники. Съ Смоленскихъ горожанъ господарь сохранилъ подводную повинность только на случай своего пріѣзда, а частновладѣльческіе люди Кіевской земли—совсѣмъ освобождены отъ этой повинности. Замковая работа является обязательной повинностью въ Кіевской землѣ, а сторожевая повинность—въ Кіевской и Бѣльской. Относительно военной службы—только Полоцкая и Витебская грамоты подтверждаютъ обязательность ея для мѣстнаго населенія [2]).

Такимъ образомъ, уставныя грамоты далеко не охватываютъ всего повинностнаго строя земель. Но это объясняется тѣмъ, что грамоты говорятъ собственно о льготахъ населенія или о повинностяхъ его по случаю какихъ либо правонарушеній. Поэтому, если онѣ умалчиваютъ о нѣкоторыхъ повинностяхъ, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что выполненіе ихъ разумѣлось какъ обязательное. Общее отношеніе къ государственнымъ повинностямъ въ Литовско-русскомъ государствѣ было таково, что всякаго рода повинности, уста-

---

[1]) Ясинскій, Уставныя грамоты, р. 132, 133, 152, 153, 154, 155.

[2]) Ibidem, р. 154—156.

новившіяся изстари и неотмѣненныя господарскими листами, подлежали обязательному исполненію. Поэтому положительное значеніе имѣютъ лишь иммунитеты, даруемые грамотами. Въ этомъ отношеніи нельзя не подмѣтить разнообразія, вводимаго грамотами въ повинностныя отношенія подданыхъ къ государству.

Но уставныя грамоты постепенно покрывались общеземскими привилеями и Статутами.

Уже привилей Литовской землѣ 1387 года дѣлаетъ очень опредѣленное постановленіе относительно двухъ главнѣйшихъ повинностей—замковой и военной службы. Всякій военнослужилый человѣкъ обязанъ, согласно изстаринному обычаю, выходить на войну, когда-бы она не случилась, снаряжаясь на свои средства. Землевладѣльцы,—конечно через своихъ подданыхъ,—обязаны строить заново и поправлять уже существующіе замки. Для постройки же новыхъ замковъ созывается вся Литовская земля. Слѣдовательно первое постановленіе относится къ укрѣпленію мѣстныхъ замковъ; второе-же разлагаетъ повинность по постройкѣ новыхъ замковъ на все государство, какъ дѣло общегосударственное [1]). Этими постановленіями намѣчается дальнѣйшій ходъ законодательства. Оно развиваетъ и разъясняетъ указанное положеніе. Привилей 1413 года не разъ говоритъ объ обязанности шляхты служить мечемъ и совѣтомъ своему государю. Онъ утверждаетъ также обязательства по подводной и замковой повинностямъ, согласно древнему обычаю [2]). Грамоты 1432—1434 годовъ говорятъ о тѣхъ-же обязанностяхъ шляхетскаго сословія [3]). Какъ извѣстно, первые два привилея были даны очень ограниченному кругу Литовской знати, тогда какъ привилей Сигизмунда Кейстутьевича расширяетъ даруемыя имъ льготы на русское православное княжье и боярство. Казимировская конституція 1447 года имѣетъ ввиду не отдѣльныя области государства, не собственную Литву, но все великое княжество; она опредѣляетъ права и обязанности всѣхъ классовъ служилаго сословія—князей, пановъ, шляхты, бояръ и мѣщанъ, а также и духовенства. И въ опредѣленіи повинностей эта конституція стоитъ на болѣе широкой общегосударственной точкѣ зрѣнія. Обязанность военной службы шляхетства косвенно вытекаетъ изъ статьи

---

[1]) Działyński, Zbiór praw, p. 2.

[2]) Ibidem, p. 13.

[3]) Филевичъ, Отчетъ и проч., p. 23.

этого привилея, опредѣляющей службу съ имѣній тѣхъ лицъ, которые выѣзжаютъ за границу. Что касается повинностей, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что статья о замковыхъ работахъ имѣетъ ввиду вотчинныя имѣнія и выслуги на прежнихъ князьяхъ, сравненныя уже съ вотчинами. Дѣло въ томъ, что окончаніе этой статьи выдѣляетъ въ повинностномъ отношеніи данины самого великаго князя Казимира: послѣднія обязаны выполнять старыя повинности—поправлять дороги, мосты, давать стаціи и поборы,—очевидно, сверхъ замковой работы, обязательной для всѣхъ [1]).

Конституція 1492 г. [2]), равно какъ и привилей 1506 года [3]) подтверждаютъ указанную статью привилея 1447 г. Первый Статутъ повторяетъ постановленія, созданныя предшествующимъ законодательствомъ. Земскую службу обязаны нести всѣ владѣльцы земскихъ имѣній съ отчизныхъ, выслуженныхъ и купленныхъ; служба отправляется согласно ухвалѣ земской (разд. II, арт. I). Относительно повинностей, первый Статутъ тоже повторяетъ привилей 1447 г. (разд. I, арт. 22). Что касается второго Статута, то обязанность нести службу со всякаго рода земскихъ имѣній вытекаетъ изъ многихъ мѣстъ его. Въ числѣ владѣльцевъ земскихъ имѣній онъ перечисляетъ князей, пановъ, духовенство, дворянъ господарскихъ, бояръ, вдовъ, татаръ и мѣщанъ (разд. II, арт. I). По первому Статуту отъ военной службы освобождаются залогодержатели господарскихъ имѣній; то же повторяетъ и второй Статутъ, но за то онъ требуетъ службы съ шляхетскихъ заставныхъ имѣній (разд. II, арт. 4). Освобожденіе отъ военной службы оказывается совершенно затрудненнымъ: господарь обязуется никого не освобождать отъ нея, за исключеніемъ немногихъ лицъ, остающихся въ государствѣ для исполненія нѣкоторыхъ родовъ службы; украинные старосты не выходятъ на сборные военные пункты; однако, освобожденные отъ службы врядники обязаны выправлять свои почоты (разд. II, арт. 3). Въ отношеніи отбыванія повинностей возстановляется во всемъ старина: гдѣ давались подводы, стаціи, мостились мосты, укрѣплялись замки, тамъ эти повинности должны и впредь отправляться по старому (разд. III, арт. 24).

Такимъ образомъ, въ вопросѣ объ отбываніи службы, разсмотрѣнные памятники стоятъ на той же точкѣ зрѣнія, которая отмѣчена и

---

[1]) Działyński, o. c., p. 33.

[2]) Ibidem, p. 60.

[3]) Ibidem, p. 97.

раньше: служба идетъ съ земскаго имѣнія. По отношенію къ земскимъ повинностямъ законодательство не отличается полнотою: второй Статутъ ссылается на старину; эта ссылка, однако, какъ увидимъ, не вполнѣ соотвѣтствовала порядку, установленному къ этому времени сеймовыми ухвалами. За то здѣсь мы встрѣчаемъ указанія, что объемъ повинностей имѣетъ извѣстное соотношеніе съ формами землевладѣнія и, такимъ образомъ, въ этомъ мы находимъ подтвержденіе ранѣе высказанному взгляду [1]).

4. Окладъ земской военной службы.

Зная, кто служилъ земскую службу, мы можемъ теперь перейти къ опредѣленію оклада ея.

До конца XV вѣка, т. е. до великокняженія Александра, не было установлено какого-либо оклада для опредѣленія размѣровъ отбыванія военной службы. Во всякомъ случаѣ размѣръ службы, т. е. число выставляемыхъ ратниковъ, не имѣлъ никакого отношенія къ наличному составу семьи владѣльца поземельнаго участка. Такимъ образомъ, служба падала не на лицо, а на землю съ ея тяглымъ населеніемъ. Это справедливо не только по отношенію къ послѣдующему времени, когда можно прослѣдить на цѣломъ рядѣ сеймовыхъ постановленій, не только совпадаетъ со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ обложенія, но можетъ быть и обосновано еще слѣд. указаніями. Достаточно сослаться на обширный пописъ Смоленской земли, составленной въ концѣ правленія великаго князя Казимира. Это перечень служилаго класса всей области (князей, бояръ панцырныхъ и слугъ путныхъ). Въ этомъ описаніи не показано, къ сожалѣнію, размѣровъ поземельныхъ участковъ, принадлежащихъ владѣльцамъ. Въ немъ показано, сколько службъ должна отбывать каждая семья. Количество службъ не имѣетъ никакого соотношенія съ количествомъ мужского населенія семьи или даже цѣлаго рода, сидящаго на одномъ участкѣ. Слѣдовательно окладъ службы измѣрялся землею или тяглымъ населеніемъ ея. Но и въ этомъ отношеніи, зная, какъ образовывались боярскіе и всякіе другіе служебные участки [2]), нельзя ожидать, чтобы размѣры поземельныхъ участковъ или число тяглаго населенія этихъ

---

[1]) Ср. Док. Моск. Мин. Юст., I, р. 460.

[2]) Ср. выше, р. 220.

участковъ находилось-бы въ правильномъ соотвѣтствіи съ окладомъ земской службы. Принимавшій на земской службѣ участокъ земли разсчитывалъ: „съ чего могъ послужити". Если размѣръ этотъ оказывался слишкомъ ничтоженъ, то владѣлецъ просилъ прибавки земельнаго надѣла[1]), какого-нибудь доходца или бросалъ землю. Въ книгѣ данинъ великаго князя Казимира встрѣчаемъ массу роздачъ боярамъ по одной тяглой семьѣ или по одному двору. Одна замѣтка объясняетъ намъ, что „одинъ дворъ—одна служба"[2]). Очевидно, около половины XV вѣка одинъ тяглый дворъ считался достаточнымъ окладомъ для несенія одной службы. Въ той же книгѣ мы встрѣчаемъ раздачу слѣдовъ, селецъ, различныхъ по размѣру земельныхъ участковъ и угодій, но вообще размѣръ службы не опредѣляется, очевидно потому, что онъ держался на старинѣ, или устанавливался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ большого участка шло двѣ и болѣе службы[3]); иногда участокъ въ одну службу дѣлился на двѣ части и, очевидно, признавался достаточнымъ для несенія полной службы съ каждой его половины[4]). Вслѣдствіе раздѣла, участки мельчали, такъ что съ нѣкоторыхъ шла только часть службы и иногда весьма дробная[5]). Если бояринъ уже имѣлъ служебную землю, но получалъ еще участокъ, то съ послѣдняго онъ несъ „особную", „опришную" службу[6]). Въ общемъ въ различныхъ областяхъ, весьма вѣроятно, существовалъ болѣе или менѣе опредѣленный размѣръ участковъ, сообразно экономическимъ условіямъ мѣстности, считавшійся достаточнымъ для несенія одной службы. Но вообще въ этомъ отношеніи разнообразіе было весьма значительно. Великіе князя, какъ мы уже знаемъ, иногда въ своихъ грамотахъ на выслуги опредѣляютъ количество подлежащихъ выставленію службъ съ жалуемаго имѣнія. И въ этомъ отношеніи нельзя замѣтить какого-бы то ни было однообразія. Свидригайло даетъ боярамъ Чоботамъ село Рычеговъ и обязываетъ ихъ выставлять двухъ ратниковъ[1]), а вел. кн. Казимиръ жалуетъ Горностая Романовича однимъ „человѣкомъ" и требуетъ въ службу одного коня[2]) и т. д.

---

[1]) Акты Леонтовича, №№ 170, 185 и др.
[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 43.
[3]) Ibidem, p. 27.
[4]) Ibidem, p. 5.
[5]) Акты З. Р., II, p. 26.
[6]) Акты Лит.-рус. гос., p. 16, 57 и др.
[7]) Акты З. Р., I, p. 58.
[8]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 55.

Когда проводилась волочная помѣра, то ревизоры раздавали на земской службѣ далеко неодинаковые участки земли. Такъ, подъ Могилевомъ бояре Митковичи получили на службѣ однимъ всадникомъ десять волокъ земли[1]). Въ Мозырѣ подданый Шилипичъ получилъ домъ и одну волоку земли на службѣ панцырной[2]). Одинъ подданый посаженъ на земскую конную службу въ Немонойтской волости на трехъ волокахъ служебныхъ съ придачею трехъ волокъ на чиншѣ[3]). Въ Василишской волости мѣстный хоружій Яновичъ получилъ двѣ волоки пустыхъ[4]). Въ Новгородскомъ повѣтѣ одинъ бояринъ купилъ двѣ волоки земли и получилъ еще три волоки на одной конной службѣ[5]). Иногда акты говорятъ о раздачѣ земель на одного, на полтора „коня", связывая съ этимъ только размѣръ службы, но не объемъ поземельной собственности[6]) Встрѣчаются и такіе факты, когда получающій служебную землю обязуется нести съ нея бо̀льшую службу, чѣмъ та, которая раньше шла; напримѣръ, одинъ бояринъ купилъ одну панцырную службу и, прося великаго князя Казимира подтвердить эту куплю, обязуется впредь выставлять три панцыря[7]). Вообще при выборѣ или пожалованіи служебнаго участка руководствовались общимъ соображеніемъ: можно ли послужить съ данной дѣльницы[8]).

Отсутствіе опредѣленнаго служебнаго оклада можетъ быть показано на множествѣ фактовъ. Мы обратимъ вниманіе еще на одинъ. Послѣ взятія Смоленска Москвитянами, правительство роздало множеству Смолянъ земли въ центральныхъ мѣстностяхъ государства. Въ одномъ спискѣ, заключающемъ въ себѣ около сотни именъ, показаны оклады 90 лицъ. Всѣ получаютъ господарское жалованіе службами людей и пустовщинами, т. е. незаселенными службами. Въ этомъ перечнѣ оказывается такое распредѣленіе поземельныхъ дачъ[9]):

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 110.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 339 об.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 95 об.

[4]) Ibidem, л. 345.

[5]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 81.

[6]) Кн. Зап. Лит., LVI, л. 50.

[7]) Акты Леонтовича, № 48.

[8]) Ibidem, № 154.

[9]) Кн. Зап. Лит., VII, л. 589 об.—691. Ср. Запись раздачи имѣній Полочанамъ въ 1563 г. (Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 140—143) и размѣры боярскихъ селищъ въ Гомельскомъ староствѣ (Акты Вил. Ком., XIII, р. 348, 360, 361, 375, 376)

1	лицо	получило	по	1	службѣ	людей	и	1	пустовщинѣ.
1	„	„	„	1	„	„	„	2	„
4	„	„	„	2	„	„	„	1	„
15	„	„	„	2	„	„	„	2	„
15	„	„	„	3	„	„	„	2	„
13	„	„	„	4	„	„	„	2	„
1	„	„	„	4	„	„	„	3	„
1	„	„	„	4	„	„	„	4	„
1	„	„	„	5	„	„	„	1	„
9	„	„	„	5	„	„	„	2	„
5	„	„	„	6	„	„	„	3	„
1	„	„	„	7	„	„	„	3	„
1	„	„	„	8	„	„	„	2	„
1	„	„	„	8	„	„	„	3	„
5	„	„	„	10	„	„	„	3	„
1	„	„	„	10	„	„	„	4	„
3	„	„	„	15	„	„	„	3	„
7	„	„	„	15	„	„	„	4	„
1	„	„	„	20	„	„	„	4	„
1	„	„	„	30	„	„	„	5	„
1	„	„	„	30	„	„	„	6	„
1	„	„	„	30	„	„	„	7	„

Такъ какъ въ это время размѣръ военной службы уже регулировался особыми ухвалами, то громадное большинство лицъ получило окладъ меньшій, чѣмъ тотъ, который полагался на выправу одного коня.

Такимъ образомъ, въ Литовской Руси практика не выработала опредѣленныхъ служебныхъ окладовъ. Вслѣдствіе этого возможны были и такіе факты, когда разросшаяся боярская семья сидѣла въ количествѣ 5—6 шляхтичей на одной волокѣ, какъ это сплошь и рядомъ бывало въ Подляхіи [1]). Если шляхетская семья разросталась настолько, что служебный участокъ оказывался совершенно недостаточнымъ или, если участокъ оказывался столь незначительнымъ, что бояринъ не могъ вытянуть съ него службы, то онъ продавалъ свою слу-

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 533.

жебную землю [1]), или просто бросалъ землю и уходилъ въ поискахъ лучшей службы [2]). Конечно, такой обѣднѣвшій бояринъ могъ исхлопотать прибавку къ своему участку, но вообще правительственная власть не вмѣшивалась въ условія экономической жизни служилаго люда.

Кромѣ отсутствія опредѣленнаго служебнаго оклада, въ отбываваніи воинской службы было еще одно существенное неудобство. Между участкомъ мелкаго боярина, который едва могъ вытянуть одну конную службу со своей земли, и вотчиною крупнаго пана или удѣльнаго князя была громадная разница. Князья, паны и вообще крупные землевладѣльцы не только лично должны были отбывать военную службу, но еще обязаны были выставлять извѣстный почотъ военнослужилыхъ людей. Источники не даютъ рѣшительно никакихъ указаній относительно того, какъ разсчитывался въ періодъ до конца XV в. этотъ почотъ людей, выставлявшихся съ крупныхъ маетностей. Мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія объ участкахъ земель, съ которыхъ владѣлецъ долженъ былъ лично нести службу: все это очень незначительные участки земли, иногда ненаселенные, иногда съ населеніемъ въ одну, двѣ, три службы. Знаемъ также, что сверхъ участковъ за личную службу иногда раздавались земли на „особной" службѣ. Но все это не разъясняетъ намъ, были-ли предъявляемы какія-нибудь опредѣленныя требованія къ удѣльнымъ князьямъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, во владѣніи которыхъ находились земли, способныя вынести десятки и сотни конныхъ службъ. Весьма вѣроятно, что опредѣленныхъ постановленій на этотъ счетъ и вовсе не было, и каждый выходилъ на службу съ такимъ почотомъ, какой онъ считалъ достаточнымъ для того, чтобы не вызвать гнѣва господаря.

Во всякомъ случаѣ землевладѣлецъ обязанъ былъ лично отбывать военную службу со всего своего имущества. Поэтому съ нераздѣленныхъ имѣній, находящихся во владѣніи одной семьи, службу несъ только одинъ изъ ея представителей. Этотъ принципъ, извѣстный въ XV в., закрѣпленъ и первымъ Статутомъ [3]). Духовенство, какъ мы знаемъ, выставляло со своихъ и церковныхъ имѣній почоты. Съ

---

[1]) Акты Ю.-З. Р., II, p. 108.

[2]) Любавскій, Областное дѣленіе, p. 777.

[3]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 53; Акты Вил. Ком., XIII, p 14; Перв. Стат., разд. II, арт. I.

именій, принадлежавшихъ женщинамъ, также выставлялись почоты. Женщины могли двоякимъ образомъ пріобрѣтать земскія имѣнія: или путемъ господарскаго пожалованія на условіяхъ земской военной службы [1]), или путемъ наслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, съ этихъ имѣній идетъ служба (первый Статутъ, разд. II, арт. I).

Указанный порядокъ вещей, при которомъ отсутствовало распредѣленіе размѣровъ военной службы, легко могъ оказываться на практикѣ весьма неудобнымъ вслѣдствіе своей неопредѣленности. Поэтому уже въ великокняженіе Александра Казимировича на Новгородскомъ сеймѣ состоялось весьма важное постановленіе, касающееся порядковъ отбыванія службы. По этой ухвалѣ каждый князь, панъ, дворянинъ и земянинъ обязанъ былъ ставить со своего имѣнія съ каждыхъ пяти службъ одного „пахолка у зброи на кони зъ древцемъ“ [2]). На Новгородскомъ сеймѣ, опредѣленъ былъ окладъ съ населенныхъ имѣній, потому что съ ненаселеннаго, или съ имѣнія, населеніе котораго не достигало оклада, владѣлецъ выступалъ лично. Само собою разумѣется, что во главѣ почота съ своего имѣнія владѣлецъ обязанъ былъ выступать лично.

Въ началѣ первой Московской войны при Сигизмундѣ I этотъ окладъ казался новому вел. князю весьма недостаточнымъ. Онъ распорядился произвести перепись шляхты, съ намѣреніемъ установить новый окладъ службы [3]) и, дѣйствительно, предлагалъ панамъ радѣ удвоить, по случаю войны, окладъ, т. е. издать ухвалу, по которой бы съ десяти службъ выставлялось два пахолка [4]). Успѣлъ ли провести на сеймѣ Сигизмундъ I свой проектъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, даже и для послѣдующаго времени, предложенный Сигизмундомъ I размѣръ оклада былъ весьма тяжелъ.

Наиболѣе обстоятельное постановленіе объ отбываніи службы сдѣлано было при Сигизмундѣ I ухвалой Виленскаго сейма 1528 г., въ связи съ произведенной въ это же время переписью всего шляхетскаго сословія. На этомъ сеймѣ ухвалою, состоявшеюся перваго мая, было установлено, что на войну съ каждыхъ восьми службъ людей долженъ быть выставляемъ пахолокъ—„на добромъ кони,

---

[1]) Бершадскій, I, p. 60.
[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 507.
[3]) Акты З. Р., II, p. 9.
[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., p. 507.

въ сбрoи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцерь, прыльбица, мечъ або кордъ, сукня цвѣтная, павеза и остроги двѣ“ [1]). Эта устава была нѣсколько видоизмѣнена постановленіемъ Виленскаго сейма 1529 г., состоявшимся 21 января. Эта устава впервые сообщаетъ намъ любопытныя подробности касательно способовъ оклада военно-земской службы. Она дѣлитъ все шляхетское населеніе по способамъ обложенія на пять разрядовъ. Къ первому она относитъ тѣхъ князей и пановъ, которые владѣютъ имѣніями не менѣе, чѣмъ въ семьсотъ службъ: они выставляютъ на войну почотъ въ 100 пахолковъ. Владѣльцы имѣній, съ населеніемъ не менѣе 400 службъ, выставляютъ на войну 50 пахолковъ; это второй разрядъ. Къ третьему, очевидно, относятся всѣ тѣ, населеніе имѣній которыхъ не достигаетъ 400 службъ; они ставятъ съ каждыхъ восьми службъ по одному пахолку. Имѣющій восемь службъ выходитъ лично на войну; съ ними сравнены и владѣльцы, имѣющіе менѣе восьми службъ. И тѣ и другіе выступаютъ на войну лично въ томъ снаряженіи, какое предписывается уставою. Послѣдній разрядъ составляетъ убогая шляхта, не имѣющая людей: она выступаетъ на войну лично „водле можности своее“ [2]).

Замѣтимъ, что владѣлецъ, отбывающій службу лично, считался въ составѣ своего почота [3]).

Устава 1529 г. даетъ достаточное объясненіе и тому, что она разумѣетъ подъ службою людей, т. е. какіе элементы крестьянскаго общества входятъ въ это понятіе. Такимъ образомъ въ „личбу“ службъ шли: службы тяглыхъ людей, данниковъ, службы тяглыя въ Подляхіи (они были по размѣрамъ мельче, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ) и мѣстечки на волочныхъ осадахъ въ той же области. Въ окладъ не входятъ: мѣщане частновладѣльческихъ городовъ, живущіе на частновладѣльческихъ земляхъ бояре и шляхта, дворные господскіе слуги, имѣющіе дома, и огородники [4]). Изъ этого видно, что обложеніе далеко не отличалось равномѣрностью, такъ какъ понятіе службы, въ особенности въ различныхъ мѣстностяхъ государства, при томъ службы различныхъ категорій крестьянства, было весьма неоднороднымъ.

---

[1]) Акты З. Р., II, р. 188.
[2]) Акты Лит.-рус. гос., р. 204.
[3]) Акты Лит.-рус. гос., р. 232.
[4]) Авты З. Р., II, р. 204; Акты Лит.-рус. гос., р. 232.

Какъ видно изъ постановленій 1528 г. и изъ показаній перваго Статута (разд. II, арт. I-ый), дѣйствіе изложенной уставы предполагалось въ теченіе десяти лѣтъ. Въ дѣйствительности эта устава продержалась въ теченіе бо́льшаго періода, хотя шляхта и подымала въ 1531 г. вопросъ объ уменшеніи размѣровъ почота, по случаю посѣтившаго Литву мороваго повѣтрія въ 1530 г.[1]). На сеймѣ 1544 г. вопросъ о размѣрахъ оклада былъ возбужденъ Сигизмундомъ I совмѣстно съ господарскою радою. Его проектъ, не безъ труда принятый шляхтою, заключался въ томъ, чтобы на службу выходилъ „съ девяти—десятый". По предположенію короля такой окладъ уменьшитъ войско на цѣлую треть, сравнительно съ уставами 1528—1529 гг.[2]). Новая устава дана была на восемь лѣтъ.

Принципы обложенія и въ данномъ случаѣ, очевидно, разумѣлись такіе-же, какіе были установлены предыдущей уставой.

Когда истекалъ срокъ дѣйствія уставы 1544 г., то на сеймѣ 1551 г. снова былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ размѣровъ обложенія. Этотъ сеймъ, впрочемъ, подтвердилъ постановленія сейма 1544 г. [3]); а на сеймѣ 1554 года было постановлено произвести новый написъ войска [4]). Сеймъ 1563 года подтвердилъ, срокомъ до слѣдующаго сейма, постановленія прежнихъ сеймовъ о размѣрѣ службы, при чемъ сдѣлалъ рядъ другихъ касательно ея отправленія. Такъ онъ потребовалъ, чтобы шляхта, имѣющая землю въ повѣтахъ и служащая у пановъ, являлась на службу въ повѣты: однако подъ повѣтовою хоругвью долженъ служить только одинъ изъ нераздѣлившихся братьевъ. Тогда же было постановлено, чтобы лошадь, на которой выѣзжалъ шляхтичъ, стоила не менѣе шести копъ грошей; подъ страхомъ смертной казни запрещалось шляхтѣ высылать въ войско на свое мѣсто слугъ; „пріймаки", т. е. мужья, принятые въ имѣнія и домъ своихъ женъ, въ особенности поляки, подвергаются такому же наказанію, если не выѣдутъ лично на войну; подтверждено, чтобы служба отправлялась съ имѣній, купленныхъ панами, духовенствомъ. Совсѣмъ бѣдная шляхта, обрабатывающая землю личнымъ трудомъ и пашущая менѣе, чѣмъ четырьмя сохами, совсѣмъ освобождена отъ службы, а пашущая болѣе, чѣмъ четырьмя сохами освобож-

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 238.

[2]) Działyński, Zbiór praw, p. 400.

[3]) Акты З. Р., III, p. 43.

[4]) Ibidem, p. 58.

дена отъ личной службы взамѣнъ особаго взноса [1]). На сеймѣ 1563 г., очевидно, имѣлось ввиду подробно заняться вопросомъ объ обложеніи земской службой. Но сеймъ не успѣлъ сдѣлать надлежащихъ постановленій, почему онъ подтвердилъ ухвалу прошлаго сейма съ разъясненіемъ, что окладъ въ десять службъ равенъ пятнадцати волокамъ. Сеймъ былъ занятъ вопросомъ о новомъ пописѣ службъ шляхты, но господарь обѣщалъ назначить этотъ пописъ уже послѣ Московской войны.

Какъ видно изъ предыдущихъ сеймовъ, станы весьма интересовались вопросомъ о бѣдной шляхтѣ. На сеймѣ 1565 г. они высказали мысль, чтобы бѣдная шляхта, имѣющая менѣе одной окладной единицы, складывалась въ окладъ и ставила по одному коню съ пятнадцати волокъ: для этого земли убогой шляхты должны быть размѣрены на волоки. Но господарь оставилъ этотъ вопросъ до окончанія войны „по давному и звыклому обычаю" [2]). Сеймъ 1566 г. вызвалъ шляхту на войну по той же раскладкѣ [3]). Однако сеймъ 1567 г. декретировалъ на два послѣдующіе года нѣсколько увеличенную раскладку службы. Такъ, онъ постановилъ выставлять одного коня съ десяти литовскихъ службъ или съ десяти осѣлыхъ волокъ, приравнявъ такимъ образомъ службу къ волокѣ. По отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ были распространены не службы и волоки, а дворища и слѣды (какъ то въ Полѣсьи, въ Поднѣпровьи, на Волыни и въ Кіевской землѣ) сеймъ постановилъ считать не тамошнія дворища, которыя гораздо населеннѣе службъ, но дымы съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ двадцати дымовъ выставлялся одинъ конь [4]). На этотъ разъ вся мелкая Подляшская шляхта и вообще вся „убогая" шляхта потребована на войну „зъ дыму водлугъ преможенья своего на войну ехати маеть, не смотречи чергъ своихъ звыклыхъ". Ей обѣщано, согласно постановленіямъ предыдущихъ сеймовъ, измѣреніе волокъ послѣ войны и упорядоченіе ея службъ [5]). Такія постановленія сдѣланы ввиду особо тяжелаго положенія государства въ Московскую войну, а также потому, что господарь обѣщалъ лично двинуться съ войскомъ.

---

[1]) Ibidem, № 33.
[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., р. 164.
[3]) Ibidem, р. 99.
[4]) Ibidem, р. 452.
[5]) Ibidem, р. 452—453, 459.

Вообще на войну обязана выѣзжать вся шляхта, которая имѣла „особливой домъ и хлебъ свой зъ именья своего“ [1]).

Изложенныя постановленія послѣднихъ сеймовъ представляютъ нормальный окладъ военной службы, нѣсколько увеличенный въ послѣдніе годы вслѣдствіе пораженій отъ Московскихъ войскъ. Размѣръ службы, декретированный сеймами, составлялъ повинность шляхты которую она обязана была выполнять „подъ горломъ, почтивостью и утратою именій“. Какъ эти постановленія выполнялись на практикѣ— это иной вопросъ, который будетъ разсмотрѣнъ нами впослѣдствіи.

Разсматривая способы раскладки, устанавливаемой каждый разъ сеймомъ, нельзя не замѣтить, что этотъ вопросъ въ смыслѣ улучшенія способовъ обложенія, уравненія его, мало подвинулся въ теченіе всего изучаемаго періода. Опредѣленіе числа выставляемыхъ ратниковъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ службъ, сдѣланное въ концѣ XV в., было, конечно, большимъ шагомъ впередъ. Но дальше этого вопросъ не подвинулся. Тяглая служба такъ и осталась основнымъ объектомъ обложенія. Неравномѣрность такого объекта вполнѣ понятна, такъ какъ службы не сообразовались ни съ количествомъ населенія, ни съ размѣрами земельной площади. Но и само дѣленіе тяглаго населенія на службы преобладало только въ самой Литвѣ. Такъ, въ Полоцкой землѣ, гдѣ среди мѣстнаго населенія было много вольныхъ похожихъ людей, двѣ службы похожихъ считались въ одну отчизную, такъ что съ двадцати похожихъ службъ ставили одного коня. Въ Витебской землѣ это обстоятельство не было принимаемо во вниманіе, чѣмъ была недовольна мѣстная шляхта [2]). На Волыни еще въ 1554 г. мѣстные дымы, съ которыхъ владѣльцамъ шло двѣнадцать грошей и колода овса, приравнены были къ литовской службѣ; такихъ дымовъ бывало въ службѣ обычно два, а иногда одинъ [3]). Сеймъ 1567 г. опредѣлилъ, какъ мы видѣли, соотвѣтствіе различныхъ крестьянскихъ поселковъ литовской службѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что такое глазомѣрное опредѣленіе мало соотвѣтствовало хотя бы приблизительному равенству службъ, дворищъ и дымовъ. Волынская шляхта считала, напр., свои дворища меньше литовскихъ службъ, а южная шляхта справедливо жаловалась на неустойчивость живущаго на земляхъ тяглаго населенія. Недостатокъ обложенія заключался и въ

---

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 106 об.

[2]) Акты З. Р., III, р. 106.

[3]) Ibidem, р. 65.

томъ, что цѣлыя группы владѣльческихъ подданыхъ не подлежали ему, какъ-то: мѣщане, огородники и въ особенности бояре и шляхта на владѣльческихъ земляхъ; не всѣ-же они выходили на войну въ почотахъ своихъ пановъ, когда, напр., у пановъ Корсаковъ въ Полоцкой землѣ числилось 400 бояръ, или когда, напр., паны въ шестидесятыхъ годахъ выставляли почоты въ размѣрѣ, значительно превышавшемъ ихъ окладъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить и того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находилась малоземельная шляхта. Для нея служба была тяжела, что слѣдуетъ заключить изъ многихъ мѣстъ сеймовыхъ рецессовъ. Сеймовые станы сознавали это, имѣли ввиду реформу, выполнить которую однако помѣшала война. Шляхтичъ выступалъ на войну одинъ безъ почота, если на своей землѣ онъ не имѣлъ „осѣлыхъ" людей, или населеніе ея было меньше оклада; фактическій объемъ поземельной собственности въ данномъ случаѣ не игралъ никакой роли. Это было тоже весьма несправедливо, потому что въ южныхъ староствахъ, гдѣ на ухожаяхъ преобладало пришлое населеніе, и ненаселенная собственность имѣла большую цѣнность [1]).

Нечего говорить о томъ, что кадастръ шляхетскихъ имѣній былъ весьма неудовлетворителенъ: шляхта представляла сама хоружимъ реестры своихъ имѣній. Правда, въ сеймовыхъ рецессахъ есть указанія на то, что станы имѣли ввиду произвести попись; въ чемъ онъ долженъ былъ заключаться для бѣдной шляхты—это мы знаемъ, но каковы были намѣренія сейма по общему урегулированію оклада военной службы и его характера, опредѣлить невозможно. Такимъ образомъ, обложеніе земскою службою отличалось большими недостатками, которые не были устранены сеймомъ и даже не могли быть устранены по случаю Ливонской войны, хотя и сознавались станами, начиная уже съ сейма 1544 г.

Сверхъ службы на войнѣ, владѣніе земскою маетностью влекло за собою еще видъ военной службы, когда требовались войска для

---

[1]) Вслѣдствіе указанной неопредѣленности, ревизорамъ приходилось, напримѣръ, сталкиваться съ слѣдующими фактами. Въ Каневскомъ староствѣ земянинъ Драбъ захватилъ четыре мѣщанскихъ ухожая; „а служить,—замѣчаетъ ревизоръ, зъ тыхъ отчинъ самъ только одною особою, поведаеть, ижъ тамъ пожитку мало" (Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 101). Такимъ образомъ, разъ не былъ опредѣленъ размѣръ ненаселеннаго участка земли и угодій, то ревизорамъ приходилось довольствоваться „поведаньемъ" самого владѣльца о томъ, каковы пожитки съ земли и сколько службъ онъ можетъ нести.

установленія порядка внутри государства. Это называлось „рушеньемъ повѣта“, и такое рушенье употреблялось противъ лицъ, оказывающихъ неповиновеніе волѣ короля или судебнымъ рѣшеніямъ. Для того, чтобы пояснить сказанное, приведемъ слѣдующій примѣръ. Въ 1530 г. бискупъ жомойтскій Миколай Радивилъ отказалъ по завѣщанію Сигизмунду I и его сыну Сигизмунду Августу свое имѣніе Ганязь и др. Король, по смерти бискупа, послалъ въ Кнышинъ господарскихъ дворянъ для ввода во владѣніе имѣніемъ, но Станиславъ Миколаевичъ Радивилъ не допустилъ короля вступить во владѣніе Ганяземъ. Поэтому король издаетъ универсалъ шляхтѣ Бѣльскаго повѣта рушить противъ непослушнаго. Державца, говорится въ этомъ универсалѣ и „вы земяне со всимъ почтомъ тымъ, какъ маете намъ служыть водле попису земского, конно а збройно тамъ съ тымъ дворяниномъ нашимъ ехали тые именья Кнышинъ со всими селы и дворы моцно въземши и пану старосте берестейскому подали“ [1]).

Служба на войнѣ, точно также какъ и повѣтовое рушенье на непослушныхъ, составляютъ повинность шляхты, которую она несетъ въ размѣрѣ, указанномъ ухвалою земскою. Но кромѣ того, въ самомъ порядкѣ отбыванія службы различныя земли пользовались тѣми или иными изъятіями, напримѣръ, по отношенію къ гарнизонной службѣ и проч. Въ порядкѣ отбыванія службы можно указать еще и ту особенность, что рада иногда выступала съ своими почтами, въ особенности ввиду слуховъ о непріятелѣ, ранѣе остальной шляхты; иногда же рада одна посылала свои почоты, тогда какъ шляхта не была призываема къ рушенью. Такимъ образомъ, служба пановъ радныхъ была тяжелѣе обычной земянской службы.

Но насъ эти особенности теперь не могутъ интересовать, такъ какъ онѣ относятся уже къ организаціи изучаемой повинности. Намъ необходимо отмѣтить только двѣ особенности, тѣсно связанныя съ исторіею военной повинности. Первая особенность заключается въ томъ, что согласно сеймовымъ декретамъ, шляхта иногда обязывалась выводить на войну почоты въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это требовалось сеймовой ухвалой. Вторая особенность заключалась въ замѣнѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, выправы почота денежною платою—поконевщиной.

Ливонская война вызвала еще рядъ экстраординарныхъ мѣръ, которыя сеймъ принималъ „не у вобычай“ и которыя шляхта несла

---

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 305.

„по доброй волѣ своей“. Такъ, сеймъ 1563 г. постановилъ, чтобы всякій, кто имѣетъ болѣе десяти службъ, сверхъ двухъ всадниковъ, которыя приходятся на каждыя двадцать службъ, ставилъ-бы одного пѣхотинца съ ружьемъ и сѣкирою или съ рогатиною и сѣкирою. Это вводилось только на одинъ предстоящій походъ. Сверхъ того, семьи, въ которыхъ есть нѣсколько нераздѣлившихся имѣніями братьевъ или нѣсколько сыновей при отцѣ, должны были выправить съ имѣнія въ войско „одного старшого, або годнейшого“ съ почотомъ коннымъ и пѣшимъ; всѣ-же остальные, способные къ военной службѣ, должны отправиться на войну на коняхъ, или въ пѣхотѣ или въ почотѣ пановъ, за денежную плату, опредѣленную сеймомъ. Впрочемъ, разрѣшалось одного изъ братьевъ или одного изъ сыновей при престарѣломъ отцѣ оставлять дома. Сеймовая ухвала постановляла: кто останется дома, не смотря на эту уставу, наказывается годичнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ—наказаніе, которое налагалось за убійство. Господарь торжественно обѣщалъ, что эта экстраординарная служба не войдетъ въ пошлину и обычай, не будетъ „шкодить“ правамъ шляхты и Статуту [1]).

Въ концѣ 1565 г. всѣ станы, съѣхавшись на сеймъ въ Трабахъ, сдѣлали здѣсь важное постановленіе относительно увеличенія войска на 4000 человѣкъ. Нѣкоторые изъ пановъ радъ предложили выставить почоты за плату, и сеймъ постановилъ, что если предложенныхъ ими почотовъ окажется меньше предположенной цыфры войска, то король долженъ обратиться еще къ другимъ панамъ съ просьбою. Станы обѣщали на слѣдующемъ сеймѣ декретировать подать на уплату этимъ наемникамъ, а господарь поручился собственными имѣніями. Хотя паны выставляли почоты за плату, но въ сущности это постановленіе имѣло принудительный характеръ, и паны выставляли почоты „за прозьбою всихъ становъ“ [2]).

Ливонская война вызвала еще дважды экстраординарную выправу почотовъ.

Сеймъ 1566 г. уже гораздо мягче приглашалъ шляхту выставлять на службы почоты сверхъ того, что полагалось сеймовою ухвалою, предлагая оплатить службу изъ поборовыхъ пенязей, а король обѣ-

---

[1]) Акты З. Р., III, р. 131, Кн. Зап. Лит., XLI, л. 76 об.—78; Кн. Пер. Лит., VII, л. 8 об.—9.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 120 об.

щалъ такимъ лицамъ отъ себя „нагородити“ [1]). Сеймъ 1567 г. снова постановилъ, чтобы шляхта выставила также не „у вобычай“ одного пѣхотинца среди двухъ всадниковъ [2]).

Поконевщина въ сущности была также мѣрою экстраординарною. Поконевскими пенязями или поконевщиной назывались „пенязи за неслуженье войны“. Этотъ сборъ взимался при обстоятельствахъ троякаго рода.

Во-первыхъ, поконевщина взималась ввидѣ штрафа со шляхты, неявившейся на войну. Такъ, напримѣръ, въ 1520 г. рада предлагала господарю наложить поконевщину на тѣхъ, кто не вышелъ въ войско въ 1519 г., въ размѣрѣ полукопы грошей „съ каждого человѣка“, не вышедшаго на войну [3]). Такъ какъ не вышедшіе на войну подвергались конфискаціи своихъ имѣній, то поконевщиной замѣнялось, такимъ образомъ, это наказаніе. Такъ, на сеймѣ 1567 г. былъ установленъ штрафъ съ тѣхъ, которые не участвовали въ предшествовавшемъ военномъ сборѣ, по восьми копъ грошей отъ „коня“, а съ шляхты, не имѣющей людей—по пяти копъ грошей [4]).

Во-вторыхъ, поконевщина иногда взималась съ бѣдной шляхты, которая освобождалась отъ службы взамѣнъ этого плата [5]).

Наконецъ, въ третьихъ, поконевщина иногда взималась со всѣхъ тѣхъ, кто не желалъ лично или съ своимъ почотомъ выступить на войну. Въ такихъ случаяхъ господарь въ военныхъ или поборовыхъ универсалахъ предлагалъ шляхтѣ или явиться на сборный пунктъ, или уплатить поконевщину въ предлагаемомъ господаремъ размѣрѣ. Такую поконевщину шляхта платила въ 1561 году, когда Литовское войско двинулось подъ начальствомъ пана Г. А. Ходкевича въ Ливонскую землю. По словамъ универсала, разосланнаго 8-го декабря, въ Ливоніи трудно будетъ довольствоваться, вслѣдствіи опустошенія, столь большому войску. Поэтому король предлагаетъ шляхтѣ на ея усмотрѣніе: или выступить лично съ почотами, согласно сеймовой ухвалѣ, или уплатить по двѣ копы отъ „коня“, выставляемаго въ войскѣ [6]).

---

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., p. 199.
[2]) Ibidem, p. 433.
[3]) Кн. Зап. Лит., VII, л. 379 об.-383 об.
[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 475.
[5]) Ibidem, p. 475.
[6]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 47 об.—78.

5. Земскія повинности: подводная, дорожная, замковая, сторожевая и постойная.

Земскія повинности состояли въ подводной повинности, соединенной съ поставкою стацiи, т. е. корма для проѣзжающихъ на казенныхъ лошадяхъ, въ мостовой, состоявшей въ постройкѣ и исправленіи мостовъ и связанной съ дорожной повинностью, т. е. исправленіемъ дорогъ: далѣе идетъ группа повинностей, относящихся къ работамъ по постройкѣ укрѣпленій и сторожѣ крѣпостей (городъ, замокъ); эта повинность состояла изъ замковой или городовой работы, сторожи, т. е. сторожевой службы и кликовщины или „заставы“, т. е. ночной стражи у замковыхъ воротъ. Сторожа раздѣлялась на „польную“, существовавшую на южной Украинѣ, гдѣ наблюдать за непріятелемъ стража выѣзжала въ поле, и „остроговую“—на замкѣ въ острогѣ. Сверхъ того населеніе еще обязано было выходить на замковый „гвалтъ“, напр. во время наводненій, снѣжныхъ заносовъ и т. п. Подводная повинность въ древнѣйшее время называлась ямомъ или ямщиной [1]),—по крайней мѣрѣ, на южныхъ и восточныхъ окраинахъ. Подводная повинность дѣлилась еще на подводы подъ пословъ господарскихъ, подъ гонцевъ господарскихъ или княжескихъ и панскихъ, подъ пословъ татарскихъ и московскихъ и, наконецъ, для самихъ воеводъ и старостъ или ихъ посланцевъ.

Это—повинности, объединявшіяся подъ именемъ земскихъ. Къ нимъ мы присоединимъ и еще двѣ, не называвшіяся земскими, но тѣмъ не менѣе носившія публичный характеръ,—постойную повинность и повинность, состоявшую въ поставкѣ хлѣба на замки.

Подводная и городовая повинности съ сторожей представляютъ собою древнее наслѣдіе, которое литовско-русскій государственный строй получилъ отъ удѣльно-земскаго. Уже самое названіе ямовъ указываетъ, что подводная повинность существовала по крайней мѣрѣ въ татарскую эпоху [2]). Постройка крѣпостей и сторожевая въ нихъ

---

[1]) Акты З. Р., I, p. 103; Акты Лит.-рус. гос., p. 3.

[2]) Уже во времена Витовта и Ягайлы подводная повинность является прочно установившеюся. Ягайло проситъ въ одномъ письмѣ Витовта дать подводы нѣкоему Андрейку: quod sibi darentur in terris vestris equi podwodorum sine mora. Codex epist. Vitoldi, p. 834. Ср. Акты Лит.-рус. гос., I, p. 8; Длугошъ въ изд. 1711 г., I, p. 551—552; Акты З. Р., I, p. 226 и др.

служба практиковались и въ эпоху до сложенія государства [1]): способъ распредѣленія городовой работы въ литовско-русскихъ городахъ весьма сходенъ съ раскладкой ея въ старинныхъ русскихъ городахъ напр. въ Псковѣ [2]).

Положеніе подводной и городовой повинностей было неодинаково. Послѣдняя въ изучаемый періодъ носила болѣе мѣстный характеръ, чѣмъ общегосударственный [3]). Въ общемъ, она распредѣлялась такимъ образомъ, что повинность по укрѣпленію замковъ и сторожѣ лежала на мѣстныхъ владѣльческихъ имѣніяхъ, равно какъ и на господарскихъ волостяхъ и городахъ. Участіе въ этой повинности землевладѣльцевъ находилось въ зависимости отъ объема тѣхъ правъ, на основаніи которыхъ они владѣли имѣніями. Такимъ образомъ, съ отчизныхъ имѣній шла только работа по укрѣпленію тѣхъ частей замка, которыя отводились владѣльцамъ и ихъ людямъ для того, чтобы укрыться на случай нападенія непріятеля. Господарскіе же подданые и подданые владѣльцевъ выслугъ обязаны были обстраивать не только тѣ части замковыхъ укрѣпленій, которыя нужны были для ихъ собственной безопасности, но также и такія, которыя необходимо было воздвигать изъ соображеній техническихъ. Нѣкоторыя части замковыхъ сооруженій сверхъ того лежали прямо на господарскомъ скарбѣ. Изъ такого распредѣленія работъ выходило иногда и то, что въ замкахъ бывали городни, о которыхъ совсѣмъ неизвѣстно было, кто ихъ долженъ дѣлать. Кромѣ того для постройки южныхъ украинныхъ замковъ и восточныхъ въ Поднѣпровьи вызывались рабочіе изъ господарскихъ Поднѣпровскихъ волостей; эта работа составляла ихъ исконную пошлину. Въ XV в. на постройку южныхъ замковъ (волынскихъ) вызывались люди изъ центральныхъ Литовскихъ волостей [4]), но въ XVI в. этотъ порядокъ уже не практиковался. Изъ указаннаго распредѣленія замковыхъ работъ вытекаетъ, что постройка но-

---

[1]) Jaroszewicz, Obraz Litwy, I, p. 127.

[2]) Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873 г., p. 159.

[3]) Этотъ взглядъ иногда проскальзываетъ въ жалобахъ подданыхъ на притѣсненія при замковой работѣ. Въ 1536 г. нѣкоторые изъ подданыхъ Чернобыльскаго замка жаловались на державцевъ: „поведили передъ нами, штожъ они посполъ зъ иншыми поддаными нашыми тамошними острогъ робять и перекопъ копають, а замку робити не повинни, бо дей тамъ въ замку городенъ, ани местецъ своихъ они не мають; лечъ де которыи городни свои тамъ въ замку мають, тыи тежъ и замокъ робять“. Кн. Зап. Лит., XIX, л. 86 об.—87.

[4]) Памятники, изд. Кіев. Ком., IV, p. 14 (ревизія замковъ).

выхъ укрѣпленій была дѣломъ трудно осуществимымъ. На практикѣ населеніе частновладѣльческихъ имѣній не только не принимало участія въ постройкѣ новыхъ крѣпостей, но даже и крупныя перестройки и исправленія старинныхъ замковъ требовали тяжелыхъ жертвъ со стороны господарскаго скарба и большихъ усилій со стороны господарскихъ подданыхъ восточныхъ волостей, такъ какъ отсюда выгоняли рабочихъ для укрѣпленія Кіева, Браславля Винницы и др.

Надо къ этому добавить, что если вотчинникъ исхлопатывалъ себѣ привилегію на постройку замка въ своемъ имѣніи, то люди его не были обязаны выходить на постройку и сторожу господарскаго замка.

Подводная повинность ранѣе стала усваивать себѣ черты общегосударственной. Освобожденіе отъ отбыванія ея составляло весьма рѣдкую льготу, дававшуюся великими князьями. Даже въ удѣльныхъ вотчинахъ подводы давались на государственныя нужды, мостились мосты и исправлялись дороги тамъ, гдѣ эта повинность отбывалась издавна [1]).

Но вообще господство обычая въ отбываніи повинностей, иммунитетовъ, въ особенности съ раздѣленіемъ поземельныхъ имѣній на выслуги и вотчины, создавало большія затрудненія и для государственной власти и для того постоянно съуживающагося круга тяглецовъ, которые не были избавлены отъ ихъ отбыванія. Нароставшія нужды въ оборонѣ страны съ самаго начала XVI в. стали требовать усиленія городовой повинности и подводной, потому что пограничье требовало усиленной обороны, а сообщеніе съ окраинами дѣлалось все болѣе и болѣе оживленнымъ. Между тѣмъ усиливавшееся развитіе вольностей шляхты, все замѣтнѣе и замѣтнѣе стиравшее различіе между вотчиной и выслугой, дѣлали землевладѣльцевъ весьма мало склонными къ отбыванію повинностей; въ то же время господарскія волости таяли отъ раздачъ.

Ввиду всего этого повинностныя отношенія сильно запутывались. Еще при великомъ князѣ Александрѣ подымался вопросъ объ упорядоченіи подводной повинности [2]), но даже и въ послѣдующее великокняженіе въ этой области не произведено было серьезныхъ ре-

---

[1]) Акты З. Р., I, р. 186, 227; Кн. Зап. Лит., XII, л. 194 об.

[2]) Акты Леонтовича, № 576.

формъ. Сигизмундъ I въ этомъ отношеніи держался своей обычной тактики, полагая возможнымъ возстановить повинностную старину и водворить порядокъ путемъ изданія отдѣльныхъ судебныхъ вироковъ и уставъ. Эти частичныя попытки закрѣплены многими актами, возникновеніе которыхъ исходило или отъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ или отъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ городскихъ и волостныхъ общинъ. Выдавая акты по частнымъ поводамъ, регламентируя мѣстныя отношенія, правительственная власть имѣла не мало поводовъ высказать и свое принципіальное воззрѣніе на данные вопросы. Такъ, Сигизмундъ I разсматривалъ жалобу мѣщанъ и волощанъ Свислоцкой волости на ихъ потужниковъ, подданыхъ князей Вишневскихъ и пановъ Котовичовъ—Оранъ, Бродчанъ и Максимовичей. Господарскіе подданые жаловались на частновладѣльческихъ потому, что послѣдніе не хотятъ отбывать съ ними городовой работы въ Свислочи и Кіевѣ „и иныхъ городовъ, где мы ихъ робити посылаемъ, и мостовъ мостити подле давного обычая“. Въ свое оправданіе Вишневскіе и Котовичи положили свои привилеи на людей. Однако, въ этихъ привилеяхъ обозначено было, что владѣльческіе подданые освобождены отъ „старыхъ“ пошлинъ—дубасчины, воловщины, отъ косьбы сѣна къ Рудоминскому двору и отъ намѣстничихъ доходовъ; но отъ городовой работы и мостовой въ привилеяхъ освобожденія не было. „А такъ мы, говоритъ въ заключеніе Сигизмундъ I, огледавши того прывилья ихъ и бачачы, ижъ въ земскомъ прывильи жадныхъ подданыхъ нашыхъ отъ роботъ городовыхъ не вызволено“, почему и подданые Вишневскихъ и Котовичей должны отбывать повинность вмѣстѣ съ Свислоцкой волостью, а Свислочане получаютъ право взыскать съ этихъ подданыхъ ту часть работы, которую они не сдѣлали въ предшествуюшіе годы [1]). Интересно, что этотъ господарскій вырокъ издается по отношенію къ подданымъ не впервые: вел. кн. Александръ еще въ 1499 г. издалъ вырокъ въ томъ же смыслѣ и наложилъ вину въ сто рублей [2]).

Въ 1529 г. представители Бобруйской волости жаловались тому же великому князю на подданыхъ пана Яна Миколаевича Радивила и пана Вацлава Костевича Зубаревичей и Колчичанъ о томъ, что послѣдніе, еще со временъ короля Казимира, отбывали вмѣстѣ съ

---

¹) Кн. Зап. Лит., XV, л. 13.
²) Акты Лит.-рус. гос , р. 87.

Бобруйской волостью подводы, городовую и мостовую работу и вообще участвовали во всякихъ городовыхъ разметахъ, но теперь отказываются. Господарь съ панами радою нашелъ Бобруянъ правыми и потребовалъ отбыванія повинностей Зубаревичами и Колчичанами [1]).

Въ господарскихъ уставахъ отдѣльнымъ волостямъ, которыя, какъ мы знаемъ, въ большемъ числѣ были изданы Сигизмундомъ I, во многихъ случаяхъ разсматривается вопросъ о совмѣстномъ отбываніи повинностей частновладѣльческими и господарскими поддаными. Въ особенности господарскіе подданые часто жалуются на „тяжкость", которую они терпятъ вслѣдствіе раздачи ихъ потужниковъ, почему господарю приходилось или уменьшать размѣры повинностей [2]), или при этомъ издавать приказанія, чтобы частновладѣльческіе подданые принимали участіе въ волостныхъ повинностяхъ [3]), производить разслѣдованія и т. п. [4]). Разумѣется, послѣднее было возможно только въ тѣхъ случаяхъ, если землевладѣльцы уклонялись отъ выполненія повинностей, не имѣя на то основанія въ своихъ привилеяхъ. Иногда въ этомъ отношеніи происходили большія затрудненія. Такъ, для Мозырской волости господаремъ была издана устава, по которой впредь господарь обѣщалъ не раздавать имѣній въ предѣлахъ волости съ освобожденіемъ отъ повинностей. Но и послѣ этой уставы землевладѣльцы продолжали получать привилегіи съ изъятіями отъ повинностей. Такъ какъ господарь выдаетъ всякаго рода привилеи такъ, „какъ хто въ насъ просить", то онъ уставой 1528 г. отмѣнилъ всѣ льготы, дарованныя послѣ изданія первой уставы [5]). Разумѣется, такого рода постановленія не способны были фактически принудить землевладѣльцевъ къ выполненію повинностей, что можно хорошо прослѣдить на практикѣ [6]).

Въ особенности тяжело приходилось господарскимъ волостямъ въ отбываніи подводной повинности. Подводами и стаціями слишкомъ широко пользовались всѣ тѣ, кто имѣлъ на это право, а часто и тѣ, кто не имѣлъ его, о чемъ свидѣтельствуетъ такой компетентный наблюдатель, какъ Михалонъ Литвинъ [7]). Его слова подтверждаются жалобами

---

[1]) Ibidem, p. 228.

[2]) Ibidem, p. 185.

[3]) Ibidem, p. 197.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXI, листъ мѣщанамъ Медницкимъ.

[5]) Ibidem, p. 207.

[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, I, напр., см. ревизію Мозырскаго замка.

[7]) Мемуары и пр., в. I, p. 46.

на тяготу подводной повинности, такъ какъ жители часто указывають на свое „вбозство“ и „знищеніе“ вслѣдствіе отбыванія подводъ [1]). Сигизмундъ I ограничился только регламентаціей волостной старины въ отбываніи повинностей и установленіемъ срока, на какой изъ господарскихъ канцелярій выдавались подводные листы [2]); послѣднее, очевидно, имѣло цѣлью предотвратить различныя злоупотребленія со стороны посланцевъ.

Однако сама жизнь выдвигала нѣсколько иныя основанія въ способѣ обложенія повинностями. Этотъ путь былъ указанъ самыми тяглецами. Отбываніе повинностей въ натурѣ наиболѣе тяжело на нихъ ложилось, такъ какъ давало поводъ ко всевозможнымъ злоупо-

---

[1]) Такъ Волковыскіе мѣщане черезъ войта, бурмистровъ и радцевъ жаловались въ 1526 г. вел. кн. Сигизмунду I: „ижъ они здавна подъ пословъ и гонцовъ нашихъ подводы даивали посполъ з волостью нашою Волковыскою: волость дей поднимывали три недѣли, а мещане Волковыскіе четвертую неделю поднимывали. А теперъ дей тамъ людей нашихъ волостныхъ много волости нашое Волковыское роздано княземъ и паномъ и двораномъ нашимъ. И которые дей послы и гонцы тыхъ часовъ черезъ Волковыскъ ездять, тыи дей вси у мещанъ нашихъ на волостныхъ неделяхъ кони ихъ моцно берутъ и грабять. И для дей таковыхъ частыхъ подводъ шкоды и втиски великии мещане наши Волковыские мають, а иные з места прочъ ся росходять. И били намъ чоломъ, абыхъмо тыи два гроши, которыи они с права своего на насъ, господара, даивали, имъ отпустили. Ино мы... тыи два гроши, што они с права своего даивали, имъ отпустили до воли нашое. И ты бы (намѣстникъ) вжо при ихъ праве слуги своего не мелъ и децкихъ своихъ не посылалъ и далъ имъ въ томъ покой. А што ся дотычеть тамъ подниманья подводами пословъ и гонцовъ, ино штобы еси помочъ имъ казалъ учинити з волости нашое: мещане бы нехай поднимали три недели, а люди наши вси волостные нехай бы поднимали неделю“ (Кн. Зап. Лит., XII, л. 291). О томъ же били 1551 г. мѣщане и волощане Рошскіе: они „ку великому знищенью и вбозству пришли съ тыхъ причинъ, ижъ частокроть черезъ тое место нашо гонцы и послы наши великие и московские до насъ, господара и отъ насъ до Москвы з немалыми почты ходять, а они подводы имъ завжды дають, кромъ жадное помочи людей тыхъ, которые за предковъ нашихъ... суть даны некоторымъ княземъ паномъ и земяномъ нашимъ“. Поэтому волость проситъ объ освобожденіи ихъ отъ мыта. Король освобождаетъ ихъ отъ мыта „для успоможенья ихъ на тотъ часъ, покуль постановенье слушное въ тыхъ подводахъ учинимъ съ князи, паны и земяны, которые потужниковъ ихъ въ повете Рошскомъ на предкохъ нашихъ королехъ ихъ милости выслужили и яко около тое повиноватости на даннахъ своихъ описано мають“. Кн. Зап. Лит., XVIII, л. 100—103 об.

[2]) Въ Кн. Зап. Лит., XIX, л. 127 об. встрѣчаемъ такое постановленіе: „лета Бож. 1536 месяца мая 15 день индиктъ 9. Господаръ король его милость, намовившы с паны радами своими, рачылъ росказати, абы вжо вси листы подводныи съ канцеляріи были даваны на одинъ месецъ на чотыри недели подъ тымъ обычаемъ, яко нижей описано“. Далѣе приводится формула открытаго листа.

требленіямъ. Это обстоятельство и было причиной того, что многія волости входили въ соглашеніе съ державцами и старостами: староста получалъ извѣстную сумму съ волостей—„платъ“, за что и обязывался „поднимать“ подводами и кормами пословъ и гонцовъ. Эти соглашенія закрѣплены уставами Сигизмунда I и ревизіею [1]). Иногда сами общины выдѣляли изъ себя извѣстную группу лицъ, обязанную нести подводную повинность и освобожденную отъ другихъ; такъ въ Витебскѣ были „подводные“ люди, несшіе подводную повинность. И другія натуральныя повинности, какъ сторожевщина, кликовщина и проч. въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ переведены были на денежныя.

Эти частныя сдѣлки между населеніемъ и областной администраціей подготовляли тотъ путь, по которому отчасти пошло правительство Сигизмунда Августа. Во всякомъ случаѣ необходимость улучшеній въ области отбыванія повинностей, явилась къ его времени мѣрой настоятельно необходимой; это хорошо тогда сознавалось [2]). Вопросъ могъ быть только въ выборѣ того или иного средства. Правительство Сигизмунда Августа скомбинировало старину съ частными улучшеніями въ данной области.

Еще въ послѣдніе годы жизни Сигизмунда I правительство молодого великаго князя предприняло описаніе Волынскихъ и южныхъ замковъ. Главная цѣль этого описанія состояла не только въ ознакомленіи центральнаго правительства съ положеніемъ дѣлъ на югѣ, но и въ регистраціи платежей и повинностей мѣстнаго населенія. Результаты этого ознакомленія дали показанія о весьма плачевномъ состояніи украинскихъ замковъ, а шляхта почти поголовно выказала полное нежеланіе нести повинности съ своихъ имѣній. Вслѣдствіе ея упорства, ревизія замковъ 1545 г. не дала положительныхъ результатовъ въ смыслѣ упорядоченія повинностныхъ отношеній. Шляхта отказалась дать показанія о своихъ повинностяхъ, а записи ревизоровъ не могли имѣть оффиціальнаго значенія, такъ какъ шляхта не признала полномочій самихъ ревизоровъ. Сама цѣль ревизіи—регламентированіе повинностной старины и связь ея съ дѣятельностью Берестейскаго сейма 1544 г., указываетъ на то, что она

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., р. 145; Кн. Зап. Лит., XLII, л. 58—59; Кн. Зап. Лит., XIX, л. 68—69 и 173—175; Акты З. Р., I, р. 362; Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, 8, р. 595, 589.

[2]) Niemcewicz, Pamiętniki, IV. p. 40.

является послѣднимъ аккордомъ финансовой политики Сигизмунда I.

Уже первый сеймъ при Сигизмундѣ Августѣ поднялъ вопросъ о повинностяхъ. Предложеніе сеймовымъ станамъ было сдѣлано королемъ. Подлиннаго текста этого предложенія мы не имѣемъ, но изъ отвѣта шляхты можно предположить, что оно касалось какъ вотчинъ, такъ и выслугъ, иммунизированныхъ господарскими привилегіями по отношенію къ тѣмъ или инымъ повинностямъ. Шляхта заявила, что она не отказывается отъ выполненія повинностей съ тѣхъ имѣній, съ которыхъ онѣ издавна идутъ, но проситъ о сохраненіи иммунитетовъ. Поэтому сеймъ просилъ короля и господарскую раду разсмотрѣть результаты ревизіи староствъ и потребовать отъ шляхты предъявленія листовъ на тѣ или иныя льготы для того, чтобы разобраться въ томъ, кто обязанъ и кто не обязанъ отбывать повинность[1]).

На сеймѣ 1551 года вопросъ о повинностяхъ подвергся обстоятельному обсужденію. Сеймовые послы, вѣроятно, па основаніи наказовъ, полученныхъ ими отъ своей повѣтовой братіи, подняли было вопросъ о полномъ освобожденіи шляхты отъ сторожевой на замкахъ, сторожи плѣнныхъ Москвичей и подводной повинности, а также и отъ косьбы сѣна. Господарь отвѣтилъ на это, что онъ какъ ни желаетъ ничего новаго вводить въ государствѣ, такъ не желаетъ и нарушать старины; поэтому, оставляя все по старому, господарь однако предложилъ сеймовымъ станамъ заняться вопросомъ объ упорядоченіи въ отбываніи повинностей, если отбываніе ихъ по старому считается тягостнымъ[2]). Это предложеніе короля подверглось обсужденію на сеймѣ, и когда онъ приступилъ, по полученіи отвѣта отъ господаря на всѣ просьбы шляхты, къ обсужденію мѣръ по оборонѣ страны и другимъ важнѣйшимъ нуждамъ, то состоялось постановленіе и о повинностяхъ. Король обратилъ вниманіе всѣхъ становъ на печальное состояніе окраинныхъ замковъ: одни изъ нихъ нужно ремонтировать, а другіе нужно выстроить на новыхъ мѣстахъ. Свѣдѣнія о состояніи замковъ господарь почерпнулъ изъ ревизіи ихъ, составленной послѣ Берестейскаго сейма 1544 г. Господарю также сдѣлалось извѣстнымъ „изъ многихъ книгъ и реестровъ“ о томъ, гдѣ и какія повинности должны отправляться шляхтою. Нужно только все это привести въ порядокъ. Переданный въ такомъ видѣ на обсужденіе сейма коро-

---

[1]) Акты З. Р., III, p. 14.
[2]) Акты З. Р., III, p. 28.

левскій вопросъ обсуждался всѣми станами и вынесенное ими рѣшеніе вошло въ сеймовую конституцію. Станы „добровольно“, согласились выполнять повинности съ тѣхъ людей своихъ, „которые къ тымъ работамъ и пошлинамъ городовымъ и мостовымъ здавна были повинны, и подъ то ся поддали“. Съ этого времени и на „вѣчные часы“ всѣ подданые князей, пановъ, шляхты, католическаго и православнаго духовенства обязаны, если они и раньше отбывали, нести слѣдующія повинности: дѣлать новые замки, оправлять старые, мостить мосты, устраивать гати тамъ, гдѣ это необходимо, выполнять городовую сторожу, и давать станы и стаціи проѣзжающимъ посламъ и гонцамъ. Господарю предоставляется право „моцно“ принуждать къ повинностямъ тѣхъ, которые выкажутъ неповиновеніе. Для выполненія настоящей сеймовой ухвалы господаремъ должны быть избраны особые ревизоры, которые обязаны будутъ ежегодно объѣзжать замки какъ пограничные, такъ и лежащіе внутри страны, и давать господарю и панамъ радамъ отчетъ о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ. Съ своей стороны воеводы и старосты обязаны наблюдать за исполненіемъ повинностей. Если же выполненіе старыхъ повинностей окажется недостаточнымъ, то господарю съ панами радою предоставляется обсудить этотъ вопросъ.

На томъ же сеймѣ было сдѣлано очень важное постановленіе относительно подводной повинности. Повторено обязательство давать подводы и стаціи со всѣхъ тѣхъ имѣній, съ которыхъ и раньше онѣ шли. Но при этомъ обсуждался и вопросъ о замѣнѣ натуральной повинности денежною. Не всѣ члены сейма были довольны проектомъ постановленія о введеніи особаго подводнаго плата, и сеймовое меньшинство даже отъѣхало съ сейма, не желая „зволити“ на подводный платъ. Но господарь остановился на томъ рѣшеніи, къ которому пришло на сеймѣ большинство, и постановилъ ввести особый подводный платъ со всѣхъ земянскихъ „подводныхъ“ людей, въ размѣрѣ шести грошей отъ каждой службы людей. Платъ долженъ поступать въ распоряженіе вряда, который уже будетъ отбывать подводами и стаціею пословъ и гонцовъ [1]).

Такимъ образомъ на Виленскомъ сеймѣ 1551 года съ внѣшней стороны подтвержденъ изстаринный порядокъ вещей по отношенію къ отбыванію замковой, сторожевой и мостовой сторожи, и взамѣнъ

[1]) Ibidem, p. 45.

подводной введенъ специальный налогъ. Эта сеймовая ухвала, опирающаяся на старину, имѣла однако весьма важное значеніе. Къ этому времени шляхтичъ уже успѣлъ свыкнуться съ той идеей, что онъ обязанъ выполнять только тѣ повинности и платить только тѣ подати, на которыя самъ выразилъ свое согласіе въ лицѣ сеймовыхъ представителей. Господарскіе листы и старина потеряли свою обязательную силу. Поэтому, торжественное завѣреніе шляхты о ея „добровольномъ согласіи“ на несеніе повинностей было важнымъ орудіемъ въ рукахъ административной власти. И дѣйствительно, въ своей дѣятельности она оперлась на ухвалу 1551 г. и даже постаралась расширить область ея примѣненія: господарь не только потребовалъ отъ шляхты выполненія повинностной и взносовъ подводнаго плата, но и объявилъ потерявшими силу всѣ господарскіе „вызволеные“ листы, т. е. призналъ уничтоженіе всѣхъ льготъ [1]). Хотя сеймъ настаивалъ на выполненіи повинностной старины, однако король могъ отмѣнить дарованныя имъ и его предшественниками льготы по ея отбыванію, такъ какъ великокняжеская власть сама была источникомъ этихъ льготъ. Другой вопросъ, насколько удалось господарю провести на практикѣ уничтоженіе повинностныхъ льготъ.

На практикѣ шляхта не охотно соглашалась нести ею же признанныя государственныя обязанности. На сеймѣ 1554 г. она уже подымаетъ вопросъ о полномъ освобожденіи отъ подводъ и стацій, ссылаясь на стародавный обычай и привилеи, по которымъ обычно господарь ничего не оставляетъ въ свою пользу при пожалованіи имѣнія. На такую мотивировку господарь возражалъ и ссылкою на постановленіе прошлаго сейма и указаніемъ на то, что подводная

---

[1]) Разсылая въ 1551 г. универсалы о сборѣ серебщины, декретированной на сеймѣ, господарь требовалъ отъ шляхты и выполненія повинностей. Изложивъ содержаніе сеймовой ухвалы по послѣднему пункту, универсалы продолжаютъ: „а нехай бы вси князи, панове и державцы той повинности земской (подводной) не выламлячыся, досыть чынили, яко въ уставе соймовой на то описано есть, и подданымъ своимъ будовати замки и мосты и стацеи давати казали, а за подводные пенези на тые роки вышеймененые до враду, отъ которого кому кольвекъ таковые люди отданы, а первей того оною повинностью объвязаны были, ничымъ съ того не выламуючыся платити велели, бо хотя бы хто листы вызволеные мелъ, то ему ку оборонѣ ити не можеть, кгдыжъ мы, господаръ, зъ ласки нашое даемъ тые пожитки, што на насъ и на врады нашы прыходять, а земскихъ повинностей никому не отдаемъ“. Поэтому, всѣ должны отбывать повинности, а съ неповинующихся врядъ долженъ взыскивать съ децковаціемъ (Кн. Зап. Лит, XXXVII, л. 50 об.—51 об.).

повинность „не есть пожитокъ скарбу его королевской милости, але особливый пожитокъ и потреба Речи Посполитое". Поэтому, господарь еще разъ разъяснилъ шляхтѣ, что ея люди или обязаны давать подводный платъ или отбывать подводы натурою. Эта повинность должна лежать только на тѣхъ людяхъ, которые и раньше обязаны были къ тому же; ее не обязаны отбывать также и люди, пожалованные съ королевскими столовыми имѣніями, если и раньше они не отбывали той же повинности [1]). Такимъ образомъ, королю пришлось пойти назадъ въ своихъ планахъ потребовать выполненія повинностей съ тѣхъ шляхетскихъ имѣній, которыя были отъ нихъ освобождены.

Но подводный платъ скарбу не удавалось собирать и въ томъ ограниченномъ размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ вотированъ на сеймѣ. Изъ сеймового рецесса 1559 г. оказывается, во-первыхъ, что королемъ было сдѣлано уменшеніе размѣра подводнаго плата съ шести грошей на три, и во-вторыхъ, что большинство шляхты совсѣмъ не вносило этой подати; а гдѣ она и была уплачена, то далеко не такъ, какъ бы это слѣдовало; шляхта, напримѣръ, со своихъ мѣстечекъ вносила подводный платъ не по той раскладкѣ, по какой онъ былъ установленъ въ господарскихъ мѣстахъ, но съ службъ, заявляя, что показываемое количество службъ выслужено шляхтою въ тѣхъ ея имѣніяхъ, въ которыхъ потомъ осѣли мѣстечки. Королю пришлось снова напоминать о томъ, что подводная повинность касается всего государства и настаивать на ея выполненіи [2]). И въ послѣдующіе сеймы государю пришлось разъяснять и напоминать о значеніи для государства земскихъ повинностей и настаивать на ихъ выполненіи [3]), и въ результатѣ онъ выслушалъ на сеймѣ 1569 г. новую просьбу шляхты о полномъ освобожденіи ея подданыхъ отъ мостовой и замковой повинностей, на что король отвѣтилъ отказомъ [4])

Такимъ образомъ, къ концу изучаемаго періода правительство добилось введенія особаго налога взамѣнъ натуральной подводной повинности и согласія шляхты на несеніе ея людьми замковой, сторожевой и мостовой повинностей. Ревизіи замковъ, составленныя въ 1552 г. представляютъ собою регистрацію повинностей, отбываемыхъ

---

[1]) Акты З. Р., III, р. 54.
[2]) Ibidem, р. 100.
[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 146, 460.
[4]) Ibidem, р. 500.

господарскими и шляхетскими поддаными. Въ нѣкоторыхъ областяхъ дѣло регистраціи обошлось безъ недоразумѣній, напр. въ Полоцкой землѣ, въ другихъ шляхта не выказала готовности предъявить свои привилеи. Во всякомъ случаѣ, составленное ревизорами описаніе старостствъ послужило для правительства такими реестрами, на основаніи которыхъ оно начало требовать отъ шляхты выполненія повинностей. Но вообще мы очень мало знаемъ, какъ организованы были повинности съ шляхетскихъ подданыхъ. Можно только высказать предположеніе, что великокняжеское правительство, несмотря на многочисленныя обѣщанія на сеймахъ, всетаки стремилось объяснять сеймовое постановленіе 1551 г. въ смыслѣ уничтоженія частныхъ льготъ [1]).

Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ касательно южной Украины. Здѣсь замковая сторожа и подводная повинность играли весьма важную роль. Между тѣмъ, правительству было весьма не легло, ввиду оппозиціи со стороны шляхты, слѣдить за выполненіемъ повинностей на крайнемъ югѣ. Осенью 1560 г. правительство отправило на Южную Украину спеціальнаго агента—подконюшія виленскаго державцу василишскаго пана Яна Юрьевича Волчковича. Его миссія состояла въ введеніи новыхъ порядковъ отбыванія повинностей въ Браславскомъ и Веницкомъ повѣтахъ. Онъ долженъ былъ дѣйствовать совмѣстно съ тамошнимъ старостою княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ Корецкимъ. При отправленіи Волчковича ему дана была особая инструкція, излагающая тѣ порядки, которые ему надо было завести на югѣ. Уже ревизоры намѣтили рядъ улучшеній, которыя, по ихъ мнѣнію, нужны на югѣ для упорядоченія отно-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ господарскій листъ извѣстному пану Филону Кмитѣ и нѣкоторымъ другимъ земянамъ винницкимъ по поводу выполненія ихъ людьми повинностей. Эти земяне уклонялись отъ повинностей, такъ какъ получили господарскіе „вызволеные“ листы. Сигизмундъ Августъ однако разъясняетъ: „Ино ачколвекъ листы наши одержали есте за справою и прозбами своими въ неведомости, што въ томъ належить потребе земской и оному замку нашому, также безпечносты простереженью и порадку тамъ тое украины ку шкоде потребамъ земскимъ, с чого мы николи вызволяти, ани того речи посполитой уближати не можемъ, и хотя бы не только листы, але и прывильями отъ насъ и отъ предковъ нашыхъ был хто отъ таковыхъ повинностей, то есть яко отъ подводъ, работъ замковыхъ, мостовъ, гатей вызволенъ, тогды на соймахъ великихъ валныхъ зъ уфалы нашое и всихъ становъ, таковые привиля на сторожу отложоны а кождый тому, на што былъ въ томъ повиненъ, досить чынити маетъ“. Кн. Зап. Лит., XLII, л. 54 об.- 56.

шеній помѣщиковъ къ крестьянамъ и отбыванія повинностей [1]). Можетъ быть, эти донесенія и послужили матеріаломъ для проектированной въ 1560 г. повинностпой уставы. Образцомъ для устройства Украины послужила Польша. Интересно, что Волчковичъ не только долженъ былъ завести новые порядки, касающіеся государственныхъ повинностей, но и вторгнуться въ отношенія земянъ къ ихъ подданымъ. Первый пунктъ данной ему инструкціи предлагаетъ, чтобы онъ возложилъ на частновладѣльческихъ подданыхъ такіе же платы, какіе они даютъ своимъ панамъ въ Польшѣ,—только въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ; при этомъ тѣ платы, которые въ Польшѣ подданые даютъ натурою, и здѣсь должны быть оплачиваемы натурою, а что въ Польшѣ оплачивается деньгами, то и на Украинѣ оплачивается деньгами же. Если бы правительство могло провести этотъ первый пунктъ инструкціи, то оно произвело бы цѣлую реформу въ экономическомъ и соціальномъ строѣ Украины. Правда, инструкція не называетъ той части Польши, которая должна была послужить образцомъ для литовской Украины. Но если даже предположить, что такимъ образцомъ была польская Подолія или Галиція, то и въ такомъ случаѣ установленіе платежей по нормамъ, существовавшимъ въ послѣднихъ областяхъ, должно было повести къ преобладанію на Украинѣ земледѣлія и скотоводства, взамѣнъ господствовавшихъ здѣсь пчеловодства и рыболовства. Въ соціальномъ отношеніи введеніе польскихъ порядковъ могло бы привести къ прикрѣпленію крестьянства и уничтоженію вольнаго казачества. Всѣ эти экономическія и соціальныя мѣры дѣйствительно были проводимы, но уже въ послѣдующее время и притомъ самими помѣщиками. Правительство же Сигизмунда Августа было слишкомъ безсильно для столь радикальныхъ мѣропріятій. Хотя попытка Сигизмунда Августа и не удалась, однако интересно, что уже и тогда задумывались надъ тѣмъ, какъ измѣнить соціальное устройство южной Украины, и уже тогда приходили къ мысли, выполненной до извѣстной степени той широкой колонизаціонной волной, которая полилась послѣ уніи 1569 г.

Другіе пункты данной Волчковичу инструкціи касались установленія новаго порядка въ отбываніи полевой сторожи и подводной повинности. Ему предложено выбрать по одной службѣ изъ каждаго

---

[1]) Zródła dzejowe, VI, p. 116, 124, 125, 126.

десятка, спеціально для полевой сторожи. Эти люди должны быть отданы въ распоряженіе завѣдующаго сторожей въ обоихъ повѣтахъ Мискѣ Петничанскому. Онъ обязанъ установить очередь, опредѣлить мѣста, гдѣ должна стоять стража, и вообще устроить все такъ, чтобы непріятель не могъ безвѣстно пробраться въ предѣлы государства. Если шляхта не захочетъ назначить сторожу въ такомъ видѣ, то господарь предлагаетъ установить съ ея людей особый платъ, которымъ можно было бы оплатить наемную стражу, такъ какъ господарь не намѣренъ давать изъ своего скарба болѣе тѣхъ 30 копъ грошей, которыя и раньше были выдаваемы, и такъ какъ здѣшніе шляхетскіе подданые не платятъ серебщины.

Что касается подводъ, то инструкція предлагаетъ установить съ шляхетскихъ подданыхъ уже извѣстный намъ подводной платъ; платъ здѣсь предположено взимать не съ службъ, но съ ульевъ, по одному грошу съ каждаго десятка пасечныхъ ульевъ. Изъ этой подати, взимаемой съ мѣщанъ, господарскихъ и земянскихъ подданыхъ, должны быть уплачиваемы гонцами и посланцами прогоны тѣмъ изъ подданыхъ, на обязанность которыхъ будетъ возложено держать для подводъ лошадей. Староста вмѣстѣ съ Волчковичемъ должны установить почтовые перегоны. Однако замковые слуги по прежнему должны отбывать подводную повинность, потому что они разсылаются для вѣстей въ Черкасы.

Были приняты мѣры также и относительно снабженія замковъ провіантомъ: съ этою цѣлью Волчковичу предложено составить реестръ всѣхъ оброчныхъ господарскихъ полей и съ нихъ назначить сборъ десятины хлѣбомъ, который и обращается для „наспижованья“ замковыхъ магазиновъ.

Наконецъ, послѣдній пунктъ инструкціи запрещаетъ вывозъ и продажу за границу господарскими и частовладѣльческими поддаными прѣснаго меду: медъ скупается по вольной цѣнѣ старостами въ замкахъ.

Эта инструкція представляетъ большой интересъ, такъ какъ отражаетъ въ себѣ взгляды правительства. Но не менѣе интересны и тѣ практическіе результаты, къ которымъ привела миссія Волчковича. Они были довольно плачевны.

Въ началѣ января 1561 г. Волчковичъ составилъ въ присутствіи мѣстныхъ земянъ актъ, въ которомъ изложилъ свое „постановенье“. Оказывается, что какъ на установленіе платовъ съ подданыхъ по поль-

скому образцу, такъ и на новый порядокъ сторожи, мѣстные земяне совсѣмъ не согласились, за исключеніемъ одного князя Матвѣя Четвертинскаго. Поэтому Волчковичъ постановилъ, что съ этого времени должна быть взимаема съ здѣшнихъ земянскихъ людей серебщина, согласно сеймовымъ уфаламъ. На эти то средства и будетъ организована полевая сторожа, во главѣ которой остается уже упомянутый нами Петничанскій. Что касается подводъ, то земяне не пожелали замѣнить ихъ подводнымъ платомъ, предпочитая выставлять подводы по старому. Но такъ какъ это зависитъ отъ воли господарской, то Волчковичъ составилъ постановленіе о подводномъ платѣ, согласно съ господарской инструкціей. Затѣмъ, согласно съ той же инструкціей, Волчковичъ составилъ списокъ оброчныхъ земель и уставу касательно продажи меда [1]).

Изъ этого видно, что едва ли правительство Сигизмунда Августа успѣло фактически ввести въ дѣйствіе на южной Украинѣ реорму подводной повинности, установленную на сеймѣ 1551 г. Неудачной оказалась также его попытка реорганизовать сторожевую повинность, столь важную для южной границы: по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи оно не добилось того, что считало наиболѣе удобнымъ. Что касается замковой повинности, то на этотъ счетъ скарбъ былъ пока спокоенъ, такъ какъ южные замки были заново построены на его же средства въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Такъ стоялъ, въ концѣ изучаемаго періода, вопросъ объ отбываніи повинностей съ частновладѣльческихъ земель; но одновременно и по тому же типу правительство реформировало повинностную систему въ господарскихъ волостяхъ и державахъ. Здѣсь дѣло касалось собственно подводной повинности и отчасти сторожевой, такъ какъ ревизіи и волостныя уставы зарегистровали и распредѣлили замковыя работы. Дѣло касалось только мѣстныхъ особенностей въ организаціи повинностей послѣдняго рода.

Въ общемъ, правительство руководствовалось одинаковыми принципами какъ по отношенію къ тѣмъ державамъ, которыя были переведены на волоки, такъ и по отношенію къ русскимъ волостямъ.

Такъ какъ волочная устава была проведена въ западныхъ и центральныхъ державахъ, то сторожа и замковая повинность имѣли здѣсь характеръ барщины [2]), наравнѣ съ работою во дворахъ и под-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 35 об.—41 об

[2]) Акты З. Р., III, р. 87.

водами для нуждъ экономіи. Въ восточныхъ волостяхъ господарскіе подданые отбывали объ повинности на ряду съ частовладѣльческими людьми. Но замковая повинность здѣсь сдѣлалась исключительно мѣстной. До изданія уставъ русскимъ волостямъ, мѣстные подданые „выгонялись" на работу южныхъ замковъ. Теперь же они должны были нести работы по постройкѣ только своихъ мѣстныхъ замковъ. Объясненіе этому надо искать въ томъ, что въ Поднѣпровьи къ шестидесятымъ годамъ возникаетъ рядъ замковъ въ центрахъ здѣшнихъ волостей. Съ другой стороны, опасность отъ непріятеля стала угрожать государству не только со стороны юга, но и съ востока. Поэтому, рабочія руки были направлены на мѣстную оборону. Что касается сторожевой повинности, то здѣсь она обыкновенно отбывалась не натурою, но оплачивалась особымъ податкомъ, который имѣлъ чисто мѣстный характеръ. Въ городахъ, съ этой цѣлью, были обложены торговыя заведенія [1]).

Подводная повинность въ господарскихъ волостяхъ была ус рое согласно сеймовому постановленію. Каждая волока была обложена шестью подводными грошами. Только въ русскихъ волостяхъ, гдѣ волочное измѣреніе не прошло, эта подать была разложена иначе: она взималась здѣсь съ дыму, съ бортныхъ деревьевъ и съ огородовъ. Всякій отдѣленный домохозяинъ платилъ по два гроша съ дыму; съ лезива бортныхъ деревьевъ платилось по три гроша (разумѣется независимо отъ платы съ дыма). Съ владѣющихъ только однимъ огородомъ взимался одинъ грошъ, а съ неимѣющихъ даже огорода брали по полъ-гроша [2]).

Въ городахъ также была введена особая раскладка подводной подати. Она состояла въ слѣдующемъ: въ большихъ городахъ былъ введенъ промысловый налогъ, который падалъ на производство торговли и промысла. Къ этому налогу привлечены не только лица, постоянно

---

[1]) Акты З. Р., III, р. 111; Акты З. Р., IV, р. 129.

[2]) Приведемъ таксу, по которой были обложены торгово-промышленныя заведенія въ городахъ. Торговцы шелковыми товарами платили по четыре гроша. Съ торговли сукнами и вообще красными товарами (крамные товары) взималось по два гроша. Отъ торговцевъ золотыми издѣліями и въ то же время золотыхъ дѣлъ мастеровъ (золотари) также полагалось по 2 гроша. Рѣзники платили по 2 гр. Въ корчмахъ налогъ взимался отдѣльно, отъ торговли медомъ и пивомъ по одному грошу отъ каждаго, отъ вина—по два гроша. Всякаго рода ремесленники должны были платить по одному грошу „зъ ремесла". Акты З Р., III, р. 91, 92, 93.

торгующіе или занимающіеся ремеслами въ городахъ, но также и всѣ тѣ, кто „на одинъ разъ въ мѣстѣ торговалъ, альбо ремесла ужывалъ". Этимъ путемъ должны быть привлечены къ уплатѣ налоговъ всѣ лица, временно появляющіеся на городскихъ рынкахъ съ означенными въ уставѣ предметами торговли, ремесленными издѣліями и проч.; слѣдовательно, уплачивать налогъ должны бы иногородніе купцы и иностранцы. Впрочемъ, по отношенію къ послѣднимъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія волочной уставы, было сдѣлано разъясненіе въ томъ смыслѣ, что они освобождаются отъ подводнаго налога, если не владѣютъ нигдѣ въ государствѣ городскою недвижимостью. Для регистраціи плательщиковъ составлялся „реистръ урядовый"; если кто будетъ уличенъ въ торговлѣ предметами, незаписавшись въ реистръ, то обязанъ внести налогъ и за торгъ этими товарами. Сборъ налога порученъ замковому вряду и взимается въ два срока въ году. Частовладѣльческіе люди уплачиваютъ налогъ по шести грошей отъ службы, при чемъ объемъ этой городской службы нигдѣ не опредѣленъ. На обязанности вряда лежитъ передача налога въ скарбъ. Разложенный такимъ образомъ налогъ падалъ именно только на промыселъ, такъ что если одно и то же лицо имѣло нѣсколько промысловыхъ заведеній, то оно платило налогъ отъ каждаго изъ нихъ. Въ общемъ, этотъ налогъ охватывалъ всякаго рода ремесла, продажу напитковъ, а изъ предметовъ торговли—только наиболѣе крупныя формы ея (торговлю шелковыми, суконными и золотыми издѣліями), такъ что мелочная городская торговля не подлежала этому налогу, въ томъ числѣ и жизненные продукты.

Такъ былъ разложенъ подводный налогъ въ привилегированныхъ городахъ. Въ остальныхъ городахъ гдѣ была введена волочная система, объектомъ обложенія признана городская недвижимость и городскіе земельныя угодія. Здѣсь платили по два гроша отъ дому, по три гроша отъ волоки. А въ городахъ, въ которыхъ еще не прошло волочное измѣреніе, платили съ дома по два гроша, съ фольварковъ по шести грошей, отъ службы люцей тоже по шести грошей и отъ огородника по 2 гр. [1]).

Такъ была установлена въ 1557 г. раскладка спеціальнаго налога, который замѣнилъ собою, въ извѣстной мѣрѣ, натуральную по-

---

[1]) Акты З. Р., III, р. 95.

винность. Дѣло въ томъ, что сама подводная повинность не была вполнѣ отмѣнена. Какъ было на практикѣ устроено почтовое дѣло, разъясняется уставой о подводахъ, изданной въ томъ же 1557 г.

Эта устава вводитъ совсѣмъ новые порядки въ дѣло отбыванія повинности. Такъ какъ часть городовъ была совсѣмъ освобождена спеціальными привилеями отъ подводъ, то устава предписываетъ держать на предмѣстьяхъ этихъ городовъ подводы. Въ городахъ, сидящихъ на волокахъ, также должны быть содержимы почтовыя лошади, и подводная повинность распредѣляется между жителями. Раздачею подводъ завѣдуютъ городскіе и сельскіе войты. Отъ Вильны во всѣ концы государства должны быть опредѣлены почтовыя дороги и на нихъ установлены почтовыя станціи, разстояніемъ отъ трехъ до семи миль другъ отъ друга. Мѣщане и крестьяне тѣхъ селъ и городовъ, гдѣ устроены почтовыя станціи, обязаны везти отъ станціи до станціи лицъ, слѣдующихъ по казенной надобности и имѣющихъ особые листы, разрѣшающіе имъ пользоваться почтою. Но почтари за свой трудъ получаютъ плату по опредѣленной таксѣ— „помильное". Помильная плата назначена въ слѣдующемъ размѣрѣ: отъ верховой лошади платилось по одному грошу на милю; также оплачивалась и лошадь проводника. За одну лошадь, впряженную въ экипажъ, полагалось по $1^1/_2$ гроша на милю, а отъ парнаго экипажа—по два съ половиной гроша; если слѣдующій на казенной почтѣ имѣетъ свой экипажъ, то—три гроша отъ мили. Если гонецъ возвращается на той же подводѣ обратно, то снова платитъ по той же таксѣ. Гонецъ обязанъ дать плату за подводы впередъ на каждой станціи. Очевидно, во избѣжаніе излишнихъ требованій со стороны проѣзжающихъ, установлена довольно сложная процедура для полученія почтовыхъ лошадей: гонецъ предъявляетъ „подводный листъ" сначала господарскому уряду, а послѣдній уже отъ себя даетъ распоряженіе отпустить подводы. Отмѣтка о выдачѣ подводъ дѣлается на самомъ листѣ, во избѣжаніе многократнаго пользованія почтовыми лошадьми по одному и тому же открытому листу. Господарскимъ дворянамъ строго воспрещено, подъ угрозою тюремнаго заключенія, гнать лошадей болѣе одного перегона. Дворяне и гонцы получаютъ деньги на почтовые расходы изъ господарскаго скарба. Для этого при господарскомъ дворѣ и при скарбѣ устанавливаются особые чиновники, на обязанности которыхъ дожна лежать отправка гонцовъ и посланцовъ Послѣдніе получаютъ почтовые расходы по одному грошу

на милю на одну лошадь и по одному же грошу отъ мили на харчи; если съ гонцомъ ѣдетъ нѣсколько слугъ, то каждому изъ нихъ полагается также по одному грошу на милю суточныхъ. Ѣдущимъ въ экипажахъ полагается по полтора гроша на милю суточныхъ. Впрочемъ, вообще, суточные могутъ быть выдаваемы „водле особы и потребы“, по усмотрѣнію завѣдующаго почтою чиновника и съ согласія господаря. Изъ украинныхъ городовъ гонцовъ съ листами отправляли воеводы и старосты и снабжали ихъ деньгами на почтовые расходы. Гонецъ являлся въ господарскую канцелярію и, если оказывалось, что онъ дѣйствительно пріѣзжалъ по государственнымъ дѣламъ, а не по личнымъ дѣламъ воеводъ и старостъ, то скарбъ оплачивалъ почтовые расходы [1]).

Такимъ образомъ была организована почтовая гоньба. Важнымъ фактомъ въ финансовой исторіи государства является отмѣна безплатнаго отбыванія подводной повинности и введеніе спеціальнаго государственнаго налога [2]). Были установлены особые тракты и по нимъ, болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлены почтовыя станціи. Были, наконецъ, приняты мѣры къ тому, чтобы прекратить злоупотребленія въ пользованіи почтовыми лошадьми, что такъ тяжело отзывалось на подданыхъ до введенія подводной реформы. Правда, для городовъ и селъ, расположенныхъ на станахъ, подводная повинность оставалась еще въ извѣстной мѣрѣ натуральной повинностью, потому что здѣсь обязательно содержались лошади и давались люди для почтовой гоньбы.

Таковы результаты историческаго развитія земскихъ повинностей въ Литовско-русскомъ государствѣ. Важная сторона этого процесса заключается въ переводѣ важнѣйшихъ изъ натуральныхъ повинностей на деньги. Такой переходъ произошелъ съ подводной повинностью и отчасти съ сторожевой,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ этого удалось достигнуть. Городовая работа также въ извѣстной мѣрѣ измѣнила свой первоначальный характеръ: сдѣлавшись мѣстною, она въ тоже время на практикѣ отчасти переводится на деньги, потому

---

[1]) Ibidem, p. 92—93.

[2]) Правительственныя сферы и само общество того времени считали подводный налогъ государственнымъ. Это понятно и изъ того, что онъ смѣнилъ собою земскую подводную повинность, и подтверждается частными заявленіями актовъ. Освобождая 1560 г. геранонскихъ зегармистра и бальвера отъ чинша и капщизны, господарь заявляетъ: „одножъ пенези подводные предсе будуть они повинни водлугъ уставы нашое до скарбу нашого давати: съ того мы ихъ, яко съ потребы и податку речи посполитое, не вызволяемъ“. Кн. Зап. Лит., XLII, л. 57.

что скарбъ начинаетъ отпускать значительныя суммы изъ общихъ государственныхъ средствъ на устройство новыхъ и исправленіе старыхъ укрѣпленій. Сами повинности пріобрѣтаютъ строго-государственный характеръ, не допускающій никакихъ изъятій.

Познакомившись съ тѣмъ кругомъ повинностей, который по терминологіи того времени назывался земскимъ и за которымъ былъ признаваемъ современниками общегосударственный характеръ, мы можемъ закончить нашъ обзоръ указаніемъ еще на двѣ повинности, имѣвшія сравнительно меньшее значеніе и распространеніе, но тоже носившія государственный характеръ. Мы имѣемъ ввиду постойную повинность и сборъ хлѣба для пополненія провіантскихъ магазиновъ въ украинныхъ замкахъ.

Постойная повинность обыкновенно называлась „стоянье гостей“. Право на такое „стоянье“ въ домахъ частныхъ обывателей имѣли различные представители администраціи и ихъ слуги; вѣроятно, эта повинность находилась въ тѣсной связи со стаціею. Въ древнѣйшее время эта повинность имѣла болѣе широкое распространеніе, но съ теченіемъ времени утрачиваетъ свой обязательный характеръ вслѣдствіе льготъ, даруемыхъ общими и частными великокняжескими грамотами, освобождающими населеніе отъ постоя въ его домахъ воеводъ, старостъ и ихъ слугъ [1]). Съ теченіемъ времени эта повинность осталась, повидимому, только въ Вильнѣ; для сохраненія ея въ столицѣ, конечно, было не мало поводовъ. На практикѣ, при отводѣ помѣщеній въ домахъ частныхъ лицъ, здѣсь происходили весьма частыя злоупотребленія, отъ которыхъ страдало мѣстное поспольство, такъ какъ становничіе, т. е. врядники, занимавшіеся раздачей квартиръ, допускали разнаго рода вымогательства. Вслѣдствіе этого, по жалобѣ виленскаго поспольства, Сигизмундъ Августъ издалъ въ 1568 г. особую уставу, опредѣляющую порядокъ постойной повинности. Право на постой получаютъ только господарскіе дворяне и слуги какъ господаря, такъ и пановъ радъ и врядниковъ. Никто другой не можетъ пользоваться даровымъ постоемъ. Квартиры для постоевъ могутъ быть отводимы только тогда, когда господарь лично находится въ Вильнѣ. При отводѣ квартиръ господарскими или маршалковскими становничими, непремѣнно должны съ этого времени присутствовать двое городскихъ радцевъ. Постой

---

[1]) М. Н. Ясинскій, Уставныя грамоты, р. 144; Акты Лит.-рус. гос., I, р. 91.

не можетъ быть отведенъ въ той квартирѣ, гдѣ живетъ самъ домохозяинъ, и каждая отведенная квартира должна имѣть отдѣльный ходъ и особый запоръ [1]). Сверхъ того, господарь довольно часто освобождалъ отдѣльные домы отъ этой повинности [2]). Въ Вильнѣ эта повинность теряла свой прежній тяжелый характеръ. Съ 1568 г. послы земскіе получили право пользоваться „господами" въ домахъ частныхъ лицъ [3]), но этимъ правомъ они могли воспользоваться только въ годы паденія Речи Посполитой.

Что касается повинности по поставкѣ хлѣба въ провіантскіе магазины, то она сравнительно весьма поздняго происхожденія. Она возникла въ шестидесятыхъ годахъ XVI в. и находится въ связи вообще съ реорганизаціей замковыхъ повинностей. Впрочемъ, быть можетъ „житщина", собиравшаяся и ранѣе въ этихъ волостяхъ, является предшественницей этого сбора [4]). Свѣдѣнія, попадающіяся въ источникахъ по поводу сбора хлѣбныхъ „долей" (такъ наз. эта повинность), весьма отрывочны и случайны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ сборъ „долей" не подходитъ и подъ понятіе повинностей: напр. на южной Украинѣ замковые шпихлеры наполнялись десятиннымъ сборомъ съ господарскихъ оброчныхъ полей [5]). Трудно сказать, какой характеръ носило собираніе „долей" въ восточныхъ волостяхъ, т. е. былъ-ли и здѣсь этотъ сборъ оброкомъ, или же принялъ характеръ натуральной повинности [6]).

6. Татарщина, ордынщина, посощина, подымщина, поголовщина, воловщина, серебщина и происхожденіе податка земскаго.

Прямыя подати въ Литовско-русскомъ государствѣ имѣютъ двоякое происхожденіе. Одна изъ податей—ордынщина имѣетъ своимъ началомъ тѣ отношенія, въ которыя государство стало къ Крымской

[1]) Собраніе грамотъ г. Вильны, I, p. 114—116.

[2]) Напримѣръ, Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 493; Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 129 об.; Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 168 и др. Иногда лица, которымъ отводились въ домахъ мѣщанъ квартиры, выпрашивали себѣ разрѣшеніе на сооруженіе особой пристройки при домѣ, въ которомъ имъ отведена „господа" (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 331). Вотъ одна изъ причинъ появленія въ Вильнѣ такъ наз. экскводизиторскихъ домовъ.

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 481.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 207; Кн. Зап. Лит., XIV, л. 205—206.

[5]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 49 об., XLIV, л. 49 об.

ордѣ. Происхожденіе другой подати, носившей названіе серебщины или поголовщины, кроется въ условіяхъ образованія Литовско-русскаго государства; обѣ послѣднія подати взимались не одновременно; такъ сеймъ декретировалъ или поголовщину или серебщину, предпочитая послѣднюю первой. Въ понятіяхъ того времени серебщина или поголовщина была государственная прямая подать въ собственномъ смыслѣ; поэтому онѣ носили общее названіе „податка земскаго", или „плата посполитаго земскаго", или „плата" „на потребу Речи Посполитой уфаленого".

Вопросъ о происхожденіи прямой подати намъ удобнѣе всего начать съ податей имѣвшихъ своимъ происхожденіемъ татарскія отношенія. Такая постановка дастъ намъ возможность устранить предположеніе о связи земскаго податка съ татарскими податями. Въ исторіи подати, имѣвшей своимъ источникомъ отношенія къ татарамъ, намѣчается два періода: первый періодъ—это время татарскаго владычества надъ нѣкоторыми изъ русскихъ областей, вошедшихъ потомъ въ составъ Литовско-русскаго государства, и второй періодъ, охватывающій время съ конца XV в. и продолжающійся приблизительно до половины XVI в. Какъ намъ кажется, въ оба указанные періода собиралась дань, не одинаковая по своему происхожденію и различная въ своихъ цѣляхъ.

Подъ властью татаръ находились въ XIII и частью въ началѣ XIV в. южныя и восточныя области Литовской Руси. Здѣсь, какъ и въ восточныхъ частяхъ Руси, татарскіе ханы собирали съ подчиненныхъ имъ земель дань. Такъ Смоленская земля подчинилась татарамъ въ 1274 г.: въ ней жили ханскіе чиновники, хотя фактически владычество Золотой Орды едва-ли продолжалось здѣсь долѣе половины XIV столѣтія [1]). Надъ Кіевской землей, столь сильно опустошенной татарами, зависимость отъ татаръ хотя въ значительной мѣрѣ и чисто номинальная, тяготѣла еще въ концѣ XIV в. и, по крайней мѣрѣ до Ольгерда, выражалась въ платежѣ даней [2]). Волынская земля во второй половинѣ XIII в. платила завоевателямъ дань подъ названіемъ „татарщины" [3]). Болоховская земля также, какъ извѣстно, состояла въ данническихъ отношеніяхъ къ татарамъ [4]). Подольская

---

[1]) П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли, p. 304—305, 314—315.

[2]) М. С. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли, p. 496.

[3]) Ипат. лѣт., p. 495.

[4]) Н. П. Дашкевичъ—въ извѣстной монографіи о Болоховской землѣ.

земля была освобождена отъ уплаты дани татарамъ явившимися сюда Коріатовичами; послѣдніе, овладѣвъ Подоліею „почали ихъ боронити отъ татаръ, и дани татаромъ не почали давати“ [1]). Однако, судя по грамотамъ, выданнымъ Александромъ и Өедоромъ Коріатовичами, освобожденіе Подольской земли отъ этой дани было или неполное, или же Коріатовичи въ немъ не были увѣрены. Г. Молчановскій склоненъ думать, что съ приходомъ Коріатовичей данническія отношенія къ Ордѣ не прекратились [2]). Проф. Леонтовичъ высказалъ мнѣніе, что эти грамоты говорятъ не о старомъ ордынскомъ выходѣ, но о временныхъ сборахъ съ населенія, установившихся „на случай татарскихъ набѣговъ, на исправленія замковъ и наемъ солдатъ, иногда также на выкупъ плѣнниковъ, зачастую въ то время попадавшихъ въ татарскую неволю“; онъ даже готовъ сравнить эту татарщину съ полоняничными деньгами [3]). Такимъ образомъ, довѣряя свидѣтельству лѣтописи о прекращеніи Коріатовичами платежа татарской дани, проф. Леонтовичъ слишкомъ расширяетъ назначеніе собиравшейся князьями татарщины. На такое широкое пониманіе грамоты, однако, не уполномачиваютъ. Въ грамотахъ обоихъ Коріатовичей говорится о томъ, что Смотрицкіе Доминикане и слуга Бердышка должны давать серебряную дань въ томъ случаѣ, если всѣ земяне будутъ давать „дань у татары“. Очевидно, князья сами не были увѣрены въ томъ, что имъ не придется платить татарской дани и потому не желали уменшать числа ея плательщиковъ на случай, если татары потребуютъ. Уже сама условность, допускаемая грамотами, указываетъ на то, что татарская дань не платилась, но въ полномъ освобожденіи отъ нея ни князья, ни населеніе не были увѣрены. Но разъ князья освободили Подолію отъ дани татарамъ, то это вовсе не значитъ, что населеніе перестало платить татарщину: она теперь шла въ княжескую казну. Такое предположеніе можно сдѣлать на томъ основаніи, что вообще всякаго рода древніе сборы отличались большою косностью. И въ Московской Руси данныя деньги, взимавшіяся съ населенія на уплату татарскаго выхода, по прекращеніи послѣдняго перешли въ княжескую казну [4]). И по отношенію къ татарщинѣ, такое предположеніе оправдывается довольно опредѣленными свидѣтель-

---

[1]) Литовская лѣтопись по сп. Красинскихъ, р. 29.

[2]) Очеркъ исторіи Подольской земли, р. 179, 182, 226.

[3]) Очерки по исторіи литовско-русскаго права, р. 358—359.

[4]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, р. 14.

ствами источниковъ Такъ, въ грамотѣ Свидригайлы тому же Смотрицкому доминиканскому монастырю 1405 г. упоминается tributum tharthatorum въ числѣ другихъ consuetudines Подольской земли. И, что еще важнѣе, извѣстія о татарщинѣ, татарской дани, встрѣчаются даже въ концѣ XV в. въ грамотахъ удѣльныхъ Пинскихъ князей [1]). Разумѣется, эта татарщина, которую въ XIII вѣкѣ Турово-Пинская земля платила вмѣстѣ съ Волынью, теперь въ XV в. поступала въ княжескую казну.

Такимъ образомъ большинство русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ Литовской Руси, платило дань татарамъ. Какъ былъ организованъ сборъ этой дани, мы не знаемъ. Эти данническія отношенія продолжались приблизительно до половины XIV в. и затѣмъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ условій, прекращаются. Русскія земли попадаютъ подъ власть литовскихъ князей: Волынь и Кіевщина находятся подъ протекторатомъ великаго князя Литовскаго, Подолія—въ рукахъ Коріатовичей, Смоленскъ усиливается въ это время и выгодно лавируетъ между Москвой и Вильной. Вторая половина XIV в. доставила такимъ образомъ южно-русскимъ землямъ спокойствіе отъ татарскихъ набѣговъ [2]) и освобожденіе отъ татарской дани. Правда населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжало еще платить татарщину, но она поступала въ княжескую казну.

Такъ татарская дань была общегосударственною податью, которую впервые начали уплачивать иноземному завоевателю.

Собранные выше факты касательно прекращенія татарскаго владычества въ русскихъ земляхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращенія данническихъ отношеній имѣютъ для насъ еще тотъ интересъ, что наводятъ на мысль объ отсутствіи преемственной связи между старою татарскою данью и ордынщиною, которая шла на подарки и поминки крымскому хану.

Дѣйствительно, первое извѣстіе, въ которомъ встрѣчается терминъ „ордынщина“ относится къ 1499 г. [3]). Впервые великій князь литовскій посылаетъ подарки ханамъ Крымской и Волжской Ордъ въ 1496 г. [4]), а въ 1501 году акты сообщаютъ впервые же о раскладкѣ

---

[1]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, р. 330, 340—348.

[2]) М. Ф. Владимирскій-Будановъ, Населеніе Юго-Зап. Россіи, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 50, 73, 76.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., р. 87.

[4]) Акты З. Р., I, р. 165.

на города ордынщины [1]). Конечно, отсутствіе извѣстій еще не служитъ доказательствомъ, но моментъ, когда появляется въ числѣ податей ордынщина какъ разъ совпадаетъ съ періодомъ самыхъ жестокихъ нападеній недавно образовавшейся Крымской Орды на Литовскую Украину: это восьмидесятые годы XV в. [2]), а въ результатѣ одного изъ самыхъ жестокихъ нападеній Орды (1499 г.) является предложеніе Менгли-Гирею со стороны великаго князя Александра платить хану за миръ и союзъ поголовную подать съ населеній Кіевщины, Волыни и Подоліи [3]). Поэтому вполнѣ возможно, что агрессивныя дѣйствія со стороны Крымской Орды побудили великокняжеское правительство установить особый налогъ на покрытіе издержекъ, сопряженныхъ съ дипломатическими отношеніями къ Ордѣ. Впослѣдствіи при Сигизмундѣ I эти отношенія повели къ установленію правильной дани, которую король польскій и великій князь литовскій уплачивалъ татарскому хану подъ видомъ упоминковъ, т. е. подарковъ [4]). На выправу упоминковъ и собиралась ордынщина.

Сверхъ того что между татарской данью и ордынщиной лежитъ хронологическій перерывъ, нельзя не замѣтить между обѣими и различія въ пріемахъ сбора. Если бы ордынщина была преемницей татарской дани, то несомнѣнно можно было бы между обѣими подмѣтить хотя бы слабую традиціонную связь. Между тѣмъ этой традиціи, столь неизбѣжной въ исторіи налоговъ, мы въ данномъ случаѣ не наблюдаемъ. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о способахъ собиранія татарской дани, мы всетаки знаемъ, что она налагалась и на земянскихъ и монастырскихъ людей. Между тѣмъ ордынщина падала только на города и на Поднѣпровскія волости. Далѣе, въ спискахъ городовъ, на которые налагалась ордынщина, встрѣчаемъ рядъ такихъ городовъ, которые никоимъ образомъ не могли принимать участія въ платежѣ дани татарамъ, напримѣръ, Вильна, Новгородокъ, Полоцкъ и др.

Вообще наши свѣдѣнія объ ордынщинѣ очень скудны. До насъ дошли двѣ росписи ордынщины (1501 и 1530 гг.) и общія упоминанія о сборахъ ея въ городахъ. Послѣднія отрывочныя извѣстія о сборахъ ордынщины относятся къ шестидесятымъ годамъ XVI ст. [5]); но

---

[1]) Акты З. Р., I, р. 343.

[2]) М. Ф. Владимирскій-Будановъ, Населеніе, Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 7.

[3]) Акты З. Р., I, р. 211.

[4]) Довнаръ-Запольскій, Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ, р. 1—18.

[5]) Бершадскій, Док., II, 131—133; Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 438, л. 451.

трудно сказать, какой характеръ носилъ сборъ этой подати въ это время, когда опасность отъ Орды сдѣлалась не столь настоятельной и когда вновь возведенные украинскіе замки сдѣлались болѣе надежной защитой отъ татарскихъ нападеній, чѣмъ дипломатическія завѣренія хановъ.

Какъ выше было уже сказано, ордынщина налагалась только на города и на Поднѣпровскія волости. Это доказывается какъ списками ордынщины, такъ и отдѣльными о ней упоминаніями въ актахъ. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ платежѣ ордынщины участвовали частновладѣльческіе подданые [1]. Ордынщина налагалась на города ввидѣ опредѣленнаго оклада, причемъ городамъ предоставлялось или уплачивать этотъ налогъ изъ „скрынки мѣстской“ [2] или, если въ городской казнѣ не хватало наличныхъ суммъ, то горожанамъ предоставлялось производить разверстку среди жителей [3]. Такимъ образомъ, этотъ налогъ носилъ репартиціонный характеръ. Надо еще замѣтить, что мнѣніе о взиманіи великокняжескимъ правительствомъ ордынщины только въ тѣ годы, когда не собиралась серебщина, какъ намъ кажется, не можетъ быть принято [4].

По сравненію съ серебщиной, ордынщина вообще носила весьма скромные размѣры, такъ какъ многіе города, платившіе серебщину въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ копъ грошей, въ платежѣ ордынщины участвовали нѣсколькими копами. Повидимому, окладъ ордынщины, падавшій на города, отличался также большою неподвижностью [5], а для Вильны онъ былъ фиксированъ господарскимъ привилеемъ [6].

---

[1]) Впрочемъ, одно судебное дѣло между волостью Свислоцкой и людьми бояръ Котовичей говоритъ объ обязанности этихъ частновладѣльческихъ подданыхъ нести вмѣстѣ съ волостью, на ряду съ другими потяглями, и ордынщину. Но здѣсь дѣло касается такихъ подданыхъ, которые были пожалованы королемъ боярамъ безъ освобожденія ихъ отъ какого бы то ни было вида волостного тягла, въ томъ числѣ и отъ ордынщины. Разумѣется, такія исключенія могли имѣть мѣсто. Акты З. Р., I, p. 87.

[2]) Ibidem, p. 182.

[3]) Акты З. Р., II, p. 11.

[4]) Такое предположеніе высказано М. К. Любавскимъ (Областное дѣленіе и пр., p. 487) на основаніи уставы, выданной Бобруйской волости въ 1553 г. Объ этомъ см. ниже въ прим. при обзорѣ серебщины съ господарскихъ державъ.

[5]) То и другое можно провѣрить при просмотрѣ данныхъ, помѣщаемыхъ въ приложеніи.

[6]) Собраніе грамотъ г. Вильны и пр., I, p. 62.

Такимъ образомъ, древнѣйшія отношенія къ татарамъ породили подать, извѣстную подъ именемъ татарской дани, татарщины, серебра, которую населеніе русскихъ областей, покоренныхъ татарами, уплачивало до полов. XIV в.; смѣнившее татаръ литовское владычество освободило населеніе отъ татарской дани. Но набѣги со стороны Крымской Орды, начавшіеся съ половины XV в., вызвали къ жизни подать, извѣстную подъ именемъ ордынщины, которая, ввидѣ репартиціоннаго налога, падала на города и господарскія Поднѣпровскія волости.

Какъ мы уже высказали предположеніе, источникомъ податка земскаго служатъ тѣ отношенія, которыя вырабатывались въ періодъ сложенія государства. Доказательство этого надо видѣть въ отсутствіи непосредственной связи между древнерусской данью и серебщиной, взимавшейся въ Литовско-русскомъ государствѣ. Прежде всего, весьма сомнителенъ общественноправовой характеръ первой [1]). Въ древней Руси сборъ даней носилъ двоякій характеръ. Среди древнѣйшихъ извѣстій мы встрѣчаемъ такія, какъ, напримѣръ, разсказъ лѣтописи о платежѣ Вятичами дани Хазарамъ, объ обложеніи Новгородцевъ на наемъ варяжскаго ополченія въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, объ установленіи дани и оброковъ великою княгинею Ольгою и т. п. Въ этихъ фактахъ мы имѣемъ полное основаніе видѣть такого рода подать, которая носитъ признаки общественноправовой. Но съ теченіемъ времени, съ развѣтвленіемъ Руси на отдѣльныя земли, съ постепеннымъ осѣданіемъ на землѣ дружинныхъ элементовъ и съ развитіемъ частнаго княжескаго хозяйства, потребность въ такихъ сборахъ прекращается. Очевидно, осѣвшій дружинный элементъ удовлетворяетъ, съ помощью земскаго ополченія, потребностямъ защиты, а развивающееся княжеское хозяйство удовлетворяетъ нужды двора. Князья поэтому уже не прибѣгаютъ къ сбору съ населенія экстраординарныхъ налоговъ. Дани, которыя князья собираютъ съ земледѣльческаго населенія, являются не столько общественноправовою податью, сколько такою данью, которую и впослѣдствіи получалъ вотчинникъ съ земледѣльцевъ, садившихся на его землѣ. Отсюда, кто не сидѣлъ на княжеской землѣ или не пользовался княжескими угодіями, тотъ и не платилъ дани, оброковъ. Князь могъ передать въ

---

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московск. госуд., р. 13—14.

частное пользованіе собираемыя имъ дани. Отсюда ясно, что въ древней Руси весьма трудно указать такой налогъ, который можно было бы признать прямымъ публичнымъ налогомъ, и въ особенности такой, въ которомъ можно видѣть прототипъ прямого налога Литовской Руси. Этимъ однако мы вовсе не хотимъ сказать, что древне-русская дань не имѣла никакого отношенія къ податной системѣ литовскаго періода; напротивъ, по нашему мнѣнію, эта дань могла послужить образцомъ, которымъ воспользовались въ литовскій періодъ.

Мы уже знаемъ, что элементы, на которые расчленялось государство въ періодъ его образованія, т. е. боярство собственной Литвы, области, присоединенныя къ великому княжеству и удѣльныя княженія обязаны были великому князю нести военную службу: князья и земли обязаны были давать великому князю „помочь", auxilium, о чемъ говорятъ и лѣтопись и присяжныя грамоты. Военно-служебный характеръ этой помощи ясенъ изъ множества данныхъ, но въ отношеніяхъ великихъ князей къ подвластнымъ имъ удѣльнымъ князьямъ и областямъ проскальзываетъ еще одна черта, которую трудно уловить и въ особенности обобщить на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ; эта черта заключается въ томъ, что подчиненіе великому князю выражается, кромѣ военной службы, еще нѣкоторыми особыми штрихами,—такими, которые показываютъ подчиненное отношеніе удѣльнаго князя великому: таковъ, напримѣръ, обычай давать великому князю подарки, кормы [1]). Значитъ, служба, покора, послушенство удѣльнаго князя не ограничивалось одной поставкой военнаго контингента: обычай ставилъ еще нѣкоторыя условія, не оговариваемыя въ присяжныхъ грамотахъ, хотя и упоминаемыя въ уставныхъ земскихъ привилеяхъ. Такое же замалчиваніе въ присяжныхъ грамотахъ мы встрѣчаемъ и относительно денежной помощи, доставлявшейся удѣльными князьями великому, о дани. Такъ, присяжныя грамоты удѣльныхъ князей, выданныя въ 1385 и послѣдующихъ годахъ, ничего не говорятъ о томъ, обязаны ли удѣльные князья платить дань великому князю. Это обстоятельство даже подало поводъ высказать мнѣніе, что литовскіе удѣльные князья перестали съ этого времени платить подати великому князю [2]). Однако, едва ли такое утвержденіе вѣрно. Умолчаніе грамотъ не свидѣтель-

---

[1]) Ср. выше, р. во 2 гл.

[2]) М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, р. 20.

ствуетъ объ исчезновеніи обычая, извѣстнаго раньше и дѣйствовавшаго, какъ при Витовтѣ такъ и въ послѣдующее время.

Мы сейчасъ соберемъ тѣ свѣдѣнія, которыя встрѣчаются въ источникахъ касательно данническихъ отношеній удѣльныхъ князей къ великому. Но здѣсь же должно замѣтить, что и обобщать эти отношенія было бы рискованнымъ: надо помнить ту сложную сѣть междукняжескихъ отношеній, которая установилась во второй половинѣ XIV в. Рядомъ съ правомъ и обычаемъ, дѣйствуютъ и личныя отношенія и отношенія, устанавливаемыя путемъ дипломатическимъ. Такъ Бестужевъ-Рюминъ высказалъ мнѣніе, что всѣ удѣльные князья платили дань великому. На это весьма основательно возражаетъ М. К. Любавскій указаніемъ, что такіе князья, какъ Кейстутъ, Скиргайло и Витовтъ не платили дани [1]). Такое предположеніе вполнѣ вѣроятно и его можно подтвердить документальнымъ свидѣтельствомъ, касающимся Сигизмунда Кейстутьевича. Онъ находился въ положеніи сходномъ съ тѣмъ, которое занимали названные три его предшественника, хотя и въ менѣе выгодномъ, чѣмъ Кейстутъ и Витовтъ. Однако, въ заключенномъ имъ съ Ягайломъ договорѣ встрѣчается категорическое заявленіе о томъ, что Сигизмундъ и его преемникъ не обязаны будутъ давать Ягайлѣ и его преемникамъ ratione hujusmodi subsidii pro quibuscunque damnis admonere (non debemus): впрочемъ, Сигизмундъ обязывается доставлять стаціи лично королю [2]). Фактъ этотъ весьма важенъ. Значеніе его заключается не въ томъ, что великій князь литовскій не платитъ subsidium своему сюзерену, королю польскому. Для насъ важно, что эта грамота тѣмъ самымъ указываетъ, что платежъ дани является обычнымъ фактомъ въ отношеніяхъ служебнаго князя къ главѣ государства: необходима спеціальная оговорка о неплатежѣ дани даже въ договорной грамотѣ великаго князя литовскаго съ его сюзереномъ, королемъ польскимъ. Отсюда ясно вытекаетъ предположеніе, что въ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому взносъ дани, subsidium, является фактомъ обычнымъ, хотя могли допускаться и исключенія.

Такимъ образомъ, въ междукняжескихъ отношеніяхъ существовали условія, въ силу которыхъ зависимые князья платили дань. Но

---

[1]) Въ статьѣ о распредѣленіи столовъ и пр., цит. изд. Моск. истор. общества, р. 94.

[2]) Длугошъ, Historia, въ изданіи 1711 г., I, р. 614.

есть свидѣтельства, говорящія объ этихъ отношеніяхъ болѣе опредѣленнымъ образомъ. Орденскій лѣтописецъ, разсказывая о походѣ Кейстута на князя Корибута Новгородсѣверскаго, указываетъ на отношенія, существовавшія между Ягайлою и Корибутомъ — die seyne *czins* hatten uf gehalten [1]). Такимъ образомъ, Новгородсѣверскій князь платилъ великому извѣстную подать. Сохранившаяся въ нѣсколькихъ спискахъ присяжная грамота князя Ѳеодора Львовича Новосильскаго и Одоевскаго великому князю Казимиру (1447 г.) содержитъ, между прочимъ, и слѣдующее обязательство удѣльнаго князя: „полѣтнее мнѣ давати *по старинѣ*“ [2]), или, какъ гласитъ ея латинскій текстъ— solitum annuum censuum [3]). Ссылка на старину въ данномъ случаѣ пріобрѣтаетъ особый интересъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что платежъ дани—явленіе не случайное и, очевидно, не единичное. Такого рода показаніе приводитъ къ убѣжденію, что дань входитъ въ составъ тѣхъ servicia, которыя удѣльные князья должны были выполнять по отношенію къ великому князю (ab antiquo dinoscitur servivisse, какъ говоритъ жалованная грамота короля Ягайлы князю Ѳедору Острожскому) [4]). Подъ servicia разумѣлась, по всей видимости, не только военная служба, но и уплата субсидіи, дани. Дѣйствительно, кромѣ фактовъ, касающихся отдѣльныхъ князей, въ договорѣ великихъ князей Казимира и Василія Васильевича Московскаго 1449 г. встрѣчаемъ указаніе, свидѣтельствующее о томъ, что удѣльные князья, удѣлы которыхъ были расположены на Московскомъ рубежѣ, платили дань великому князю: „А Верховъскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынѣчи давати, а большы того не примышляти“ [5]). Среди этихъ Верховскихъ князей были и князья Вяземскіе, Новосильскіе, Одоевскіе, Можайскіе, Мстиславскіе и др. Слѣдовательно, всѣ они платили дань великому князю, но только въ присяжныхъ грамотахъ князя Новосильскаго и Одоевскаго встрѣчаемъ извѣстіе о платежѣ дани. Въ книгѣ данинъ великаго князя Казимира сохранилась еще въ высшей степени интересная для насъ замѣтка о платежѣ посощины княземъ Вяземскимъ: „князю Костян-

---

[1]) Любавскій, Статья о распредѣленіи столовъ, p. 94.
[2]) Сборникъ Муханова. № 4; Акты З. Р., I, p. 55 и 77.
[3]) Monumenta Poloniae medii aevi, II, p. 13, прил.
[4]) Arch. ks. Lub.-Sang., I, p. 5.
[5]) Акты З. Р., I, p. 65.

тину Вяземъскому самому посощину на своих людех имати, а давати ему зъ года на годъ по тридцати рублев къ Смоленьску у нашу казну" [1]). Въ этой замѣткѣ проскальзываетъ одна черта, которой совершенно нельзя подмѣтить въ приведенныхъ выше фактахъ: князю Вяземскому разрѣшается самому собирать посощину съ своихъ людей. Можно только пожалѣть о томъ, что до насъ не дошла подлинная грамота, выданная князю и что настоящее свидѣтельство стоитъ въ ряду другихъ слишкомъ уединенко. Но не смотря на это, нѣтъ нужды не довѣрять ясному смыслу приведеннаго текста. Льгота, данная князю Вяземскому, заключается въ томъ, что дань съ его удѣла назначена въ опредѣленномъ размѣрѣ и что сборъ ея предоставленъ самому князю. Разъ это—льгота, то значитъ среди удѣльныхъ княженій бывали и такія, изъ которыхъ дань поступала непосредственно отъ населенія въ центральную или областную казну.

Таковы данныя, которыя можно привести касательно податныхъ отношеній удѣльнаго княжья къ центральному правительству. Нельзя не сознаться, что имѣющіеся факты довольно скудны. Но все же они даютъ основаніе для нѣкоторыхъ положительныхъ выводовъ. Надо еще обратить вниманіе, что факты эти охватываютъ почти весь періодъ сложенія государства: начинаясь эпохой Кейстута—Ягайлы, они доходятъ до половины XV в., т. е. до того момента, когда всѣ землевладѣльцы, въ томъ числѣ и князья, получили освобожденіе (впрочемъ, не вездѣ) отъ платежа государственной прямой подати. Наши факты не даютъ права на выводъ въ томъ смыслѣ, чтобы всегда и всѣ подчиненные великому князю удѣльные князья платили дань. Прежде всего, мы навѣрно можемъ утверждать, что великіе князья литовскіе не платили дани своему сюзерену, королю польскому. Далѣе, можно считать вполнѣ вѣроятнымъ предположеніе, что и нѣкоторые изъ сильнѣйшихъ литовскихъ князей не платили дани великому, напримѣръ, Кейстутъ—Ольгерду. Но это уже составляло исключеніе. Въ общемъ же, въ междукняжескихъ отношеніяхъ господствовалъ обычай, по которому удѣльный князь не только давалъ въ помощь великому военный контингентъ, но и вносилъ въ его казну извѣстную подать. Очень вѣроятно, что эта подать стоитъ въ связи съ дарами, челобитіемъ великому князю, и такимъ образомъ являлась однимъ изъ актовъ подчиненія удѣльнаго князя великому.

---

[1]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., р. 36.

Удѣльнокняжеская дань не носила во всемъ государствѣ опредѣленнаго термина. Въ нѣкоторыхъ областяхъ эта дань собиралась ежегодно. Но весьма замѣчателенъ терминъ, которымъ названа эта дань въ грамотѣ Сигизмунда Кейстутьевича: здѣсь она названа феодальнымъ терминомъ subsidium: это какъ бы указываетъ на право великаго князя требовать себѣ денежной помощи отъ покоренныхъ удѣльныхъ князей.

Таковы были податныя отношенія удѣльныхъ князей къ великокняжескому правительству.

Если удѣльные князья несли извѣстныя податныя обязанности, то вполнѣ естественно предположить, что и области, входившія въ составъ государства, также несли на себѣ податное бремя. И это можно утверждать не только на основаніи аналогіи. Въ Смоленскѣ была особая казна, въ которую стекались прямыя подати—посощина и корабельники; корабельники, вѣроятно, денежная дань, собиравшаяся съ горожанъ и, очевидно, соотвѣтствовавшая посощинѣ. До самаго перехода къ Москвѣ существовала даже особая должность казначея Смоленскаго, вѣдавшаго этой мѣстной казной. Есть извѣстія также объ особомъ скарбѣ, который находился въ Кіевѣ. Въ обоихъ случаяхъ финансовое управленіе было даже оставлено въ областномъ городѣ. Но по расходнымъ записямъ видно, что мѣстными средствами распоряжалось центральное правительство и что эти средства шли и на мѣстныя и на общегосударственныя нужды. Въ данномъ случаѣ, мы видимъ рѣдкій фактъ финансовой децентрализаціи. Относительно же другихъ областей, центральное правительство поступало такимъ образомъ, что собирало подати въ центральную казну. Подать, которую собирало правительство въ областяхъ, не носила одного общаго названія; она сохраняла мѣстные термины, напримѣръ, посощины, подымщины, поголовщины, воловщины и серебщины. Эти подати надо однако отличать отъ тѣхъ даней и поплатковъ, которые собирались скарбомъ съ господарскихъ волостей и городовъ. Основное различіе ихъ заключается въ томъ, что названныя подати платились не только господарскими подданными, но шли и съ частновладѣльческихъ людей. Такимъ образомъ, онѣ могутъ быть названы податями, имѣвшими въ данной области публичный характеръ. Посощина, подымщина и т. д. могутъ, конечно, переходить, по господарскому пожалованію, къ частнымъ лицамъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ не входятъ въ составъ господарскихъ доходовъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. доходовъ частноправныхъ.

Характеръ мѣстныхъ податей будетъ ясенъ, когда мы разсмотримъ ихъ по областямъ.

Прежде всего, обратимся къ *посощинѣ*. Эта подать была извѣстна преимущественно въ предѣлахъ Смоленскаго княженія. Такъ, князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, жалуя нѣкоторыя села Никольскому Нагорному монастырю въ 1507 г., передаетъ ему и право сбора съ жалуемыхъ людей посощины [1]). Тотъ же князь, надѣляя нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ землями на панцырной службѣ, обѣщаетъ не взимать съ нихъ посощины [2]). Контекстъ этихъ жалованныхъ грамотъ уже даетъ нѣкоторое указаніе на то, что посощина, рядомъ съ подымщиной и тамщиной (вѣроятно ямщиной), считались такими сборами въ этомъ княженіи, которыя состояли въ числѣ податей, шедшихъ на князя и выходящихъ такимъ образомъ изъ ряда тѣхъ платовъ, которые давались помѣщикамъ. Такъ, въ грамотѣ Нагорному монастырю перечислены дани, которыя идутъ съ монастырскихъ людей; это—дань медовая и грошовая. Люди обязаны давать монастырю эти дани, но свободны отъ службъ и податей на князя: „И тымъ людемъ вышейписанымъ никоторое̇ службы нашое и намѣстникомъ нашимъ не служити, ни посощины и подымщины и тамщины тымъ людемъ не давати“. Почти въ такихъ же выраженіяхъ выдѣляется посощина и въ другихъ жалованныхъ грамотахъ.

Характеръ посощины раскрывается изъ извѣстной записи о Смоленской посощинѣ. Эта запись свидѣтельствуетъ о порядкахъ, существовавшихъ еще при великомъ князѣ Витовтѣ. По словамъ этой записи, посощина не взималась съ родовыхъ боярскихъ отчинъ, съ купленинъ и съ пустовскихъ селицъ, пожалованныхъ великимъ княземъ боярину на службѣ. Зато со всякаго великокняжескаго „приданья“ къ основному служилому окладу или съ принятаго сверхъ оклада селища посощина собиралась въ великокняжескую казну; только новыя распаши въ лѣсу не подлежали обложенію. Запись предвидитъ также и такой элементъ среди боярства, который освобожденъ великокняжескими грамотами отъ уплаты посощины [3]).

Запись воспроизводитъ порядки временъ великаго князя Витовта, и сама она записана со словъ „старыхъ старцевъ“ и старыхъ

---

[1]) Акты З. Р., II, р. 29.
[2]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 60, 236.
[3]) Акты З. Р., I, р. 69.

путниковъ. Изъ этого ясно, что самый принципъ платежа дани въ великокняжескую казну былъ установленъ самимъ Витовтомъ послѣ покоренія имъ Смоленской области. Такъ какъ подать вносилась въ великокняжескую казну, то запись указываетъ на льготы по платежу ея. Вообще весь податной порядокъ былъ установленъ самимъ великимъ княземъ. Для насъ это свидѣтельство—фактъ первостепенной важности, такъ какъ имъ подтверждаются два предположенія, высказанныя нами раньше: во-первыхъ, что посощина носитъ характеръ публичной подати и, во-вторыхъ, что великіе князья литовскіе, при подчиненіи областей, налагали на населеніе ихъ податное тягло. Посощина собиралась въ Смоленскую казну до начала XVI в.: позднѣйшія извѣстія о ней относятся къ 1503 г. [1], такъ что, быть можетъ, она уплачивалась Смоленскими землевладѣльцами до самаго перехода Смоленска къ Москвѣ. Какъ уже видно изъ записи о посощинѣ, съ служебно-окладныхъ вотчинъ она не платилась, съ другихъ—одни изъ землевладѣльцевъ обязаны были давать посощину [2], другіе не платили ея [3], такъ какъ имѣли спеціальное господарское освобожденіе [4].

Въ ту же Смоленскую казну собиралась еще подать, которая лежала только на горожанахъ и, вѣроятно, была такою же податью съ горожанъ, какъ посощина съ земледѣльцевъ. Книга данинъ великаго князя Казимира говоритъ о людяхъ, которые тянули данью съ горожанами: „у Смоленску, говоритъ одна запись, Михайлу Бороде два человеки Юрко съ суседомъ у Котошевич селе, а дан къ городу“ [5]; „Митьку Володкевичу видблянину селцо Лучино, аж будетъ неданъное, а къ городу не тяглое“ [6]. Отдѣльныя лица освобождались отъ потяглей и даней вмѣстѣ съ городомъ, но за это платили особую дань въ казну—корабельники [7].

Мы закончимъ нашъ обзоръ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя сохранились въ источникахъ касательно посощины, указаніемъ на то, что подъ такимъ же названіемъ была извѣстна подать, собиравшаяся

---

[1]) Акты Леонтовича, № 659 и 695.

[2]) Ibidem, № 481.

[3]) Ibidem, № 453.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., р. 89.

[5]) Док. Арх. Мин. Юст., I, р. 21.

[6]) Ibidem, р. 16.

[7]) Ibidem, р. 21.

въ противоположномъ концѣ западно-русскихъ земель, именно въ Пинскомъ княжествѣ; здѣсь она собиралась въ казну удѣльныхъ князей [1]).

Рядомъ съ Смоленскимъ княжествомъ въ нѣкоторыхъ Сѣверскихъ княженіяхъ и волостяхъ встрѣчаемъ *поголовщину.* О ней мы знаемъ очень мало, потому что эти области рано стали отходить къ Москвѣ. Такъ, эта дань при великомъ князѣ Казимирѣ собиралась въ Брянскомъ княженіи. Въ расходныхъ записяхъ этого господаря находится замѣтка, что князю Дмитрію Путятичу назначена ежегодная выдача по двадцати копъ грошей съ брянской поголовщины [2]). Поголовщина не смѣшивалась со сборами частнаго характера, что можно заключить изъ жалованной грамоты 1496 г. князю Тимофею Капустѣ на дворъ Лопашъ въ Брянскомъ повѣтѣ: ему дается данникъ съ данью „со всимъ потому, што здавна к тому двору Лопашу и к Сытичу прислухало; а и поголовщину с тыхъ людей отпустили есмо ему“ [3]). Изъ этого ясно, что поголовщина выдѣляется изъ того круга податковъ, который тянетъ къ двору, и выходитъ изъ предѣловъ двора. Еще въ началѣ XVI в. поголовщина собиралась во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые отошли къ Москвѣ послѣ первой войны при Сигизмундѣ I. Поголовщина получила свое названіе, очевидно, отъ способа обложенія, но необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ реестрѣ пограничныхъ сѣверскихъ городовъ, отошедшихъ къ Москвѣ, писцы вездѣ записываютъ количество дымовъ, но не плательщиковъ, какъ бы слѣдовало ожидать при поголовной раскладкѣ. Такъ, въ Мглинѣ насчитано 500 дымовъ, съ которыхъ „хожывало“ 50 кадей меду и 50 копъ грошей поголовщины широкою личбою [4]). Регистрація по дымамъ и кратное соотношеніе ихъ съ данями даетъ поводъ предположить, что поголовщина налагалась собственно на дымъ, причемъ субъектомъ обложенія былъ представитель дыма, домохозяинъ [5]). Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что поголовное обложеніе въ собственномъ смыслѣ вовсе не свойственно старому обложенію.

---

[1]) Писцовая книга Лаврина Войны, II, passim.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 40.

[3]) Акты Лит-рус. гос., I. p. 78.

[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 65.

[5]) Ibidem, p. 67.

Въ виду сказаннаго, поголовщина, быть можетъ, очень близка къ *подымщинѣ.* Эта подать была извѣстна преимущественно въ предѣлахъ Кіевской области. Подымщина нерѣдко фигурируетъ въ расходныхъ записяхъ великаго князя Казимира [1]). Наиболѣе интересныя свѣдѣнія о подымщинѣ встрѣчаются въ люстраціи Кіевской земли 1471 г. Опять мы встрѣчаемся съ очень важной для насъ чертой: люстраторъ вездѣ замѣчаетъ, что „подымщину даивали за великого князя Витовта". Такимъ образомъ, и здѣсь установленіе подати восходитъ къ періоду начала литовскаго владычества. Въ Кіевщинѣ подымщина уплачивалась не всѣми классами населенія; такъ, оброчники и данники не платили ее, зато слуги почти всѣ платятъ подымщину. Эта подать взималась здѣсь разъ въ три года и притомъ съ слугъ, которые обязаны были военною службою, подымщина бралась только тогда, когда они не выходили на войну [2]). Не забудемъ, что люстрація 1471 г. описываетъ порядки, существовавшіе въ періодъ управленія землей удѣльными князьями.

Несмотря на то, что въ Кіевской землѣ былъ уничтоженъ удѣлъ и введены общегосударственные порядки, и послѣ изданія привилея 1447 г. сборъ подымщины здѣсь продолжался. Освобожденіе отъ нея получалось путемъ спеціальнаго упоминанія въ жалованной грамотѣ [3]). Еще въ 1528 г. господарь издалъ постановленіе о совмѣстной разверсткѣ подымщины между городомъ, волощанами и частновладѣльческими людьми Мозырскаго староства. Волость и мѣщане жаловались на то, что частновладѣльческіе люди отказываются имъ „помочни быти в подымшчине, и въ роботе замковой, и въ жите и в грошахъ, которыи они даютъ на замокъ нашъ Мозырский подле листу и вставы нашое". Поэтому господарь издаетъ уставу, по которой всѣ частновладѣльческіе люди обязаны участвовать, вмѣстѣ съ волостью и городомъ, въ разверсткѣ подымщины, если владѣльцы ихъ не имѣютъ спеціальныхъ льготныхъ грамотъ [4]).

Землевладѣльцы, какъ мы видимъ, стараются избавиться отъ уплаты подымщины или путемъ полученія особыхъ привилеевъ, или просто уклоненіемъ отъ волостной разверстки. Въ 1507 г. земяне одного изъ южныхъ повѣтовъ Кіевской земли, именно Браславскаго,

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 40, 45.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, I, р. 1 и слѣд.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., р. 71.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., р. 207.

били челомъ господарю и просили о полномъ освобожденіи людей ихъ отъ уплаты подымщины; при этомъ они указывали на то, что села ихъ опустошены татарами, а прихожіе люди не хотятъ у нихъ селиться, не желая платить подымщины. По словамъ земянъ, съ Браславскаго повѣта, еще до татарскаго опустошенія, собиралось не болѣе тридцати копъ гр. этого налога. Господарь освободилъ Браславскихъ земянъ отъ подымщины, но съ условіемъ, что земяне не будутъ держать по своимъ селамъ корчемъ [1]. Не только отдѣльные повѣты, но и вся земля Кіевская впослѣдствіи получила освобожденіе отъ подымщины. Еще уставная грамота 1507 г. подтверждаетъ обязанность Кіевскихъ земянъ давать подымщину: „а о подымщинѣ какъ будетъ было за великого князя Витовта", говоритъ она, т. е. подымщина продолжала взиматься каждые три года [2]. Только въ 1529 г. Кіевскіе земяне получили полное освобожденіе отъ подымщины: „а подымщины людемъ ихъ намъ господарю не давати: нижьли маютъ они паномъ своимъ давати, хто кому служитъ" [3]. Форма, въ которой сдѣлано это освобожденіе, интересна еще тѣмъ, что прямо указываетъ на переходъ этой дани въ руки землевладѣльцевъ. Здѣсь выразительно закрѣпленъ общій порядокъ вещей, по которому, разъ тяглое населеніе освобождалось отъ дани, собираемой въ скарбъ, то она поступала въ руки помѣщиковъ. Это общее правило, которое можно наблюдать и по отношенію къ другимъ старымъ данямъ—посощинѣ и поголовщинѣ.

Извѣстія о подымщинѣ выходятъ за предѣлы Кіевской земли. Такъ, мы встрѣчаемъ отрывочныя указанія о взиманіи ея въ началѣ XVI в. въ Дорогицкой области [4]. Въ Мстиславскомъ княжествѣ тоже собиралась подымщина, и здѣсь, въ перечнѣ даней, она фигурируетъ рядомъ съ посощиной или серебщиной [5]. Не легко опредѣлить, каково было отношеніе подымщины къ послѣднимъ двумъ податямъ, но для исторіи старыхъ податей, какъ намъ кажется, не безполезно отмѣтить слѣдующій фактъ.

До насъ дошли двѣ грамоты Лингвиніевичей Онуфріевскому монастырю. Въ первой изъ нихъ, выданной Юріемъ Семеновичемъ въ

---

[1]) Акты З. Р., II, р. 28; Акты Лит.-рус. гос., р. 128.

[2]) Ясинскій, Уставныя грамоты, р. 150.

[3]) Акты З. Р., II, р. 210.

[4]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 387; Кн. Зап. Лит., X, л. 92.

[5]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 60, 236; Акты З. Р., II, р. 29.

1443 г., монастырю дается дань медовая, серебряная, бобровые гоны и бортная земля со всѣми „приходы“; но затѣмъ князь, освобождая монастырскія земли отъ всякаго вмѣшательства своихъ „заказниковъ“, даетъ имъ вольность и отъ платежа „дачъ“ въ свою пользу—отъ серебщины, ямщины и всякаго рода „наметовъ“; о подымщинѣ здѣсь не упомянуто [1]). Князь Иванъ Юрьевичъ, подтверждая въ 1483 г. „наданье“ своихъ дѣда и отца, прибавляетъ еще отъ себя монастырю нѣсколько службъ людей; перечень службъ сопровождается указаніемъ платимыхъ людьми даней—позема, грошовой дани, накадныхъ и варныхъ пенязей и разныхъ натуральныхъ сборовъ. Въ заключеніе и этотъ князь повторяетъ освобожденіе отъ всякихъ дачъ въ свою пользу, въ томъ числѣ и отъ серебщины, подымщины и всякихъ „наметовъ“ [2]). Изъ этого слѣдуетъ, прежде всего, что подымщина находилась въ числѣ княжескихъ „наметовъ“; затѣмъ не трудно отсюда же вывести, что серебщина является лишь синонимомъ подымщины и обѣ упоминаются одна рядомъ съ другой по весьма понятнымъ причинамъ: подымщина указываетъ на способъ раскладки, серебщина—на матеріалъ, которымъ взимается подать. Предположеніе о томъ, что во второй грамотѣ монастырскіе люди освобождаются еще и отъ серебщины, должно быть устранено, потому что обѣ грамоты вполнѣ опредѣленно освобождаютъ монастырь отъ всякаго рода платежей и повинностей въ пользу князя.

Намъ еще остается прослѣдить за одной изъ старыхъ податей, областью взиманія которой была Волынская земля,—за *воловщиной*. Уже великій князь Витовтъ, выдавая грамоту Ильѣ Вячковичу на разныя села въ Волынской землѣ, отпускаетъ ему и воловщину. Но въ грамотѣ она стоитъ особо отъ пожитковъ и податей, тянувшихъ къ селамъ, и самое освобожденіе отъ воловщины выдѣлено, какъ особая милость со стороны князя и поставлено рядомъ съ освобожденіемъ отъ яма, въ публичномъ характерѣ котораго, какъ мы уже знаемъ, сомнѣваться нельзя: „А ещо з нашой ласки для его верной службы отпустили есмо воловщину и ямъ вечно пану Ильи и его близкимъ“ [3]). И такое отношеніе со стороны великаго князя къ воловщинѣ—не случайное. Въ другой грамотѣ того же Витовта находится еще болѣе

---

[1]) Акты З. Р., I, р. 57.

[2]) Ibidem, р. 102.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., р. 3.

категорическое разъясненіе характера воловщины. Надѣляя въ 1428 г. епископскую католическую каѳедру въ Луцкѣ цѣлымъ рядомъ селеній и освобождая костельныхъ подданыхъ отъ повинностей и подачекъ, великій князь дѣлаетъ слѣдующее постановленіе: sed tantum incollae et censuales heareditatum praedictarum ad exactionem terrestrem generalem wolowsczyna dictam nobis et nostris successoribus annis singulis dandum perpetuo sunt astricti [1]). Такимъ образомъ, воловщина составляла подать, которую обязаны были платить землевладѣльцы Волынской земли. Она вносилась въ скарбъ ежегодно. Самый терминъ, которымъ названа здѣсь подать—exactio generalis—тотъ самый, который прилагался и къ серебщинѣ для обозначенія ея государственнаго характера. Судя по расходнымъ записямъ великаго князя Казимира, воловщина расходовалась на оплату службы [2]). Иногда при пожалованіи или подтвержденіи имѣній, господарь освобождалъ владѣльцевъ ихъ отъ уплаты воловщины [3]). Такъ, въ 1509 г. Сигизмундъ I освободилъ князя Константина Ивановича Острожскаго отъ уплаты съ его имѣній воловщины; этому освобожденію подлежали не только люди самаго князя Острожскаго, но и подданые княжьихъ бояръ [4]). Впрочемъ, въ томъ же году Сигизмундъ I освободилъ и всѣхъ земянъ отъ уплаты воловщины. Еще въ 1503 г. Волынская земля исхлопотала себѣ привилей на свободу отъ платежа воловщины въ теченіе 14 лѣтъ, по случаю раззоренія отъ татаръ [5]); при подтвержденіи же уставной грамоты въ 1509 г., Сигизмундъ I освободилъ волынскихъ землевладѣльцевъ „на вѣчность" отъ воловщины, съ условіемъ однако: „коли панове рада наша великого князства Литовского, для которoѣ великоѣ потребы земскоѣ, зволятъ который платъ съ своихъ людей дати; тогды князи и панове и вся шляхта Волыньскоѣ земли маютъ намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати" [6]). Такимъ образомъ, Волынская земля была освобождена отъ уплаты мѣстной подати и слилась, въ податномъ отношеніи, съ остальными частями государства. И послѣ этого во-

---

[1]) Ibidem, p. 8.

[2]) Ibidem, p. 41, 51.

[3]) Ibidem, p. 118; Arch. ks Sang., I, p. 241.

[4]) Arch. ks. Lub.-Sang., III, p. 70.

[5]) Акты З. Р., I, p. 350.

[6]) М. Н. Ясинскій, Уставныя грамоты, p. 151.

ловщина переходитъ въ составъ частновладѣльческихъ доходовъ [1]), какъ это случилось и съ другими податями.

Что касается названія воловщины и способовъ ея раскладки, то хотя источники не объясняютъ характера этой подати, однако и въ ней слѣдуетъ предполагать подать, падавшую на землю. Самое название могло бы подать поводъ искать объектъ обложенія въ скотѣ. Но такое предположеніе не имѣло бы никакихъ основаній въ способахъ тогдашняго обложенія. Вѣрнѣе, подъ воловщиной надо разумѣть обложеніе „воловой сохи“, т. е. того пространства земли, которое можетъ быть вспахано при помощи одной сохи. Такой объектъ обложенія былъ общеупотребителенъ, такъ какъ соха была основной единицей и при взиманіи серебщины. Одинъ актъ очень хорошо разъясняетъ смыслъ этой терминологіи: онъ говоритъ о сборѣ оброка въ помѣщичьемъ хозяйствѣ „отъ сохи воловое серебшчизны“ [2]).

Мы познакомились съ податями, которыя до начала XVI в. платились въ трехъ областяхъ Литовско-русскаго государства—въ Смоленской, Кіевской и Волынской земляхъ.

Въ другихъ областяхъ государства, т. е. въ княжествѣ Литовскомъ (въ тѣсномъ значеніи этого термина), въ Полоцкой и Витебской земляхъ, ранѣе другихъ соединившихся съ Литвою, такою же мѣстною податью, носившею однако публичный характеръ, была *серебщина*. Надо, впрочемъ, замѣтить, что этотъ терминъ имѣлъ широкое географическое распространеніе, и не трудно догадаться о причинахъ этого явленія: подъ серебщиной разумѣли вообще дань, собиравшуюся серебромъ, и даже вообще всякаго рода денежные сборы; напримѣръ, въ Полоцкѣ подъ серебщиной разумѣлись сборы, налагаемые городскою общиною [3]). Серебщина извѣстна и въ грамотахъ, относящихся къ Мстиславскому княженію [4]).

Въ источникахъ серебщина встрѣчается съ очень ранняго времени. Такъ, въ договорѣ 1387 г. между королемъ Ягайлою и великимъ княземъ Скиргайлою, въ которомъ перечисляются доходы съ волостей, отходящихъ къ Скиргайлѣ, упоминается среди платежей серебряная дань [5]). Въ рукахъ Стрыйковскаго былъ документъ, по

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., р. 200.

[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., л. 10 об.—11 об.

[3]) Ясинскій, Уставныя грамоты, р. 140.

[4]) Акты З. Р., I, р. 102, 365.

[5]) Daniłowicz, Skarbiec, № 542.

которому вновь основанные костелы освобождены были, между прочимъ, и отъ серебщины [1]). Несомнѣнно, та же подать имѣется ввиду и подъ exactiones и contributiones, отъ которыхъ освободилъ въ 1430 г. епископскія имѣнія король Ягайло [2]).

Довольно трудно опредѣлить, когда получила освобожденіе отъ серебщины Полоцкая земля. Въ уставной грамотѣ, подтвержденной въ 1511 г., есть намекъ на то, что земля получила отъ нея спеціальное освобожденіе. Какъ извѣстно, уставныя грамоты составлялись постепенно, такъ что на старыя льготы ложились новыя. Въ Полоцкой грамотѣ мы встрѣчаемъ двоякаго рода указанія, касательно серебщины; въ одномъ мѣстѣ ея подтверждается, что господарь освободилъ Полочанъ на вѣчность отъ серебщины; въ другомъ мѣстѣ говорится о церковныхъ слугахъ и закладняхъ, что они должны платить серебщину вмѣстѣ съ городомъ [3]). Послѣдній пунктъ можетъ относиться и ко времени послѣ изданія привилея 1447 г., такъ какъ онъ говоритъ не объ обязанности платить, а о способахъ раскладки. Первый же пунктъ могъ войти въ текстъ грамоты только до привилея 1447 г., но важно его утвержденіе о существованіи областной подати въ Полоцкой землѣ.

Въ Витебской грамотѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ постановленій, касающихся публичной подати. Въ Жмудскомъ привилеѣ есть замѣтка, которая, по нашему мнѣнію, говоритъ объ общей подати: здѣсь эта подать, установленная со временъ Витовта, уплачивалась не серебромъ, а куницами [4]).

Что касается собственной Литвы, то о податныхъ обязанностяхъ ея населенія говорятъ уже первые привилеи, выданные мѣстному боярству. По словамъ привилея 1413 гг. уплата податей (tributum) составляетъ старый обычай [5]). Изъ того факта, что привилей 1447 г. называетъ этотъ tributum серебщиной, можно сдѣлать предположеніе, что таково же было названіе его и въ болѣе древнее время.

Уже изъ предыдущаго изложенія можно замѣтить, что шляхетство повсемѣстно стремится къ освобожденію отъ уплаты податей. То же имѣло мѣсто и въ собственной Литвѣ. Статутъ 1447 г. имѣлъ

---

[1]) Хроника, въ изданіи 1766 г., р. 446.

[2]) Длугошъ, Historia, въ изданіи 1711 г., кн. XI, р. 551.

[3]) Ясинскій, о. с., р. 138, 151.

[4]) Ibidem, р. 151.

[5]) Działyński, Zbiór praw, p. 13.

громадное значеніе и въ податной исторіи государства. Одной изъ статей его подданые шляхты освобождаются отъ „всякихъ подачокъ и платежу, побору, або серебщизны“, а также отъ дякла; изъ этого исключаются только земли, пожалованныя самимъ великимъ княземъ Казимиромъ: онѣ платятъ поборъ и выполняютъ разныя другія повинности [1]). Однако, подъ поборомъ въ послѣднемъ случаѣ разумѣется не серебщина въ собственномъ смыслѣ, но, очевидно, тѣ платежи частновладѣльческихъ людей, отъ которыхъ они не были освобождаемы при пожалованіи помѣщикамъ; мы уже знаемъ, насколько разнообразны были условія пожалованія данинъ. Для такого предположенія основаніемъ можетъ служить то обстоятельство, что мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакого различія между формами поземельнаго владѣнія по отношенію къ уплатѣ серебщины; если бы была какая нибудь разница въ этомъ смыслѣ, то она, несомнѣнно, сказалась бы въ поборовыхъ универсалахъ и въ массѣ другихъ документовъ, касающихся сбора земскихъ податей. По отношенію къ земской подати нѣтъ никакого различія между формами землевладѣнія, классами общества и держателями поземельной собственности. Все это указываетъ на то, что въ 1447 г. шляхта получила освобожденіе отъ принудительнаго взноса земской подати и конституція 1447 г. имѣла ввиду всѣ элементы общества, владѣвшіе землею на условіяхъ службы. Разсматриваемая статья вошла въ конституціи послѣдующаго времени и въ Статуты и сдѣлалась такимъ образомъ основнымъ закономъ страны.

Привилей 1447 г. освобождалъ населеніе отъ уплаты податей, которыя объединялись подъ именемъ серебщины. Хотя дѣйствіе его распространялось на все государство, но такъ какъ онъ освобождалъ только отъ серебщины, то въ тѣхъ областяхъ государства, гдѣ собиралась не серебщина, а посощина, подымщина или воловщина, послѣднія продолжали собираться, пока и здѣшніе землевладѣльцы не получили отъ нихъ освобожденія, т. е. до начала XVI в. Однако въ послѣднихъ областяхъ собиралась и серебщина, когда она назначалась на сеймѣ [2]).

По освобожденіи землевладѣльцевъ центра и Подвинья, серебщина перешла въ руки самихъ землевладѣльцевъ. Какъ частновладѣльческій доходъ, она встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ государ-

---

[1]) Ibidem, p. 33.
[2]) Акты З. Р., I, p. 167.

ства. Такъ, въ нѣкоторыхъ селахъ Пинскаго повѣта серебщина ежегодно взималась съ дыма [1]). На Волыни серебщина бралась помѣщиками ежегодно отъ сохи [2]). И въ другихъ мѣстностяхъ серебщина взималась помѣщиками посошно [3]). Но терминъ серебщины вообще рѣдко встрѣчается среди помѣщичьихъ сборовъ, сравнительно съ огромнымъ пространствомъ, на которомъ въ древнѣйшее время употреблялась эта подать. Это вполнѣ понятно, такъ какъ одноименный частновладѣльческій сборъ вытѣснялся государственною податью, собиравшеюся по сеймовому постановленію и сливался, вѣроятно, съ грошовою данью.

Мы разсмотрѣли составъ старыхъ податей. Этотъ обзоръ, прежде всего, уполномачиваетъ на весьма важное заключеніе: свидѣтельства, касающіяся посощины въ Смоленской землѣ, подымщины въ Кіевской, воловщины въ Волынской, дани въ Жмудской, говорятъ о томъ, что эти подати введены были здѣсь великимъ княземъ Витовтомъ, т. е. какъ разъ въ моментъ возсоединенія этихъ областей съ центромъ. Собственная Литва тоже платила дань своему государю, какъ и Полоцкая и (вѣроятно) Витебская. Такимъ образомъ, этотъ слой податей принадлежитъ къ эпохѣ объединенія государства. Съ теченіемъ времени, землевладѣльцы освобождаются отъ взноса податей со своихъ людей въ великокняжескую казну, и она поступаетъ въ число вотчинныхъ сборовъ. Подать въ великокняжескую казну собиралась не только съ областей, непосредственно зависящихъ отъ центра, но также и съ удѣльныхъ княженій. Удѣльный князь вносилъ въ центральную казну ту же самую подать, которую великокняжеское правительство собирало въ данной мѣстности, гдѣ не было удѣла, или по уничтоженіи удѣла: такъ, князь Вяземскій вносилъ посощину, тогда какъ подать подъ этимъ названіемъ взималась во всей Смоленской землѣ; Витовтъ установилъ подымщину въ Кіевской землѣ, и эта подать собиралась и послѣ Витовта, т. е. когда въ Кіевѣ сидѣлъ удѣльный князь; воловщина, какъ великокняжеская подать, извѣстна на Волыни до появленія здѣсь Свидригайлы, и вполнѣ вѣроятно, что она и при немъ собиралась отсюда въ великокняжескую казну (весьма замѣчательно,

---

[1]) Акты Виленскіе. XIII, p. 339.

[2]) Акты Ю.-З. Р., I, p. 127.

[3]) Кн. Зап. Лит., XL, л. 45; Кн. Зап. Лит., XXXIV, л. 361; ср. Script. rer. polonicarum, V, p. 212.

что въ самыхъ широкихъ пожалованіяхъ этого князя нѣтъ изъятій отъ воловщины: онъ не могъ освобождать отъ нея, потому что это была дань великому князю), какъ она шла въ господарскій скарбъ и послѣ 1455 г. Изъ сказаннаго нельзя также сомнѣваться въ публичномъ характерѣ этого слоя податей.

Разсматривая названныя подати въ смыслѣ способовъ обложенія, нельзя не замѣтить между ними большого сходства. Раньше уже высказано предположеніе о тождествѣ поголовщины и подымщины. Различіе между посощиной, воловщиной и серебщиной едва ли шло дальше самаго названія. Воловщина, какъ уже было сдѣлано предположеніе и какъ можно думать потому, что въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ она разлагается по сохамъ,—является податью, единицей обложенія которой была соха. То же слѣдуетъ сказать и о посощинѣ, что видно и по ея названію и по пріемамъ раскладки въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ [1]). Серебщина—та же серебряная дань, разлагавшаяся тоже посошно: это очевидно, изъ всей послѣдующей исторіи серебщины, какъ государственной подати. Слѣдовательно, единицею обложенія для всѣхъ трехъ податей была соха. Въ чемъ заключался, ближайшимъ образомъ, объектъ обложенія—источники не говорятъ. Но въ данномъ случаѣ можно руководствоваться аналогіей двоякаго рода: во-первыхъ, посохой Московской Руси и во-вторыхъ, податной практикой по отношенію къ серебщинѣ, какъ подати общегосударственной. Такимъ образомъ, всѣ три подати, несмотря на различіе въ названіяхъ и областей, гдѣ онѣ собирались, имѣли одинъ и тотъ же объектъ обложенія: подъ сохой разумѣлась пашня, обрабатываемая сохою.

Подымщина и поголовщина имѣли своимъ объектомъ обложенія дымъ. Источники не даютъ намъ болѣе детальныхъ разъясненій касательно этого объекта; но о немъ можно судить по тому значенію, которое имѣлъ дымъ, какъ крестьянскій поселокъ. Въ послѣднемъ смыслѣ подъ дымомъ источники разумѣютъ извѣстную форму земледѣльческаго поселка съ полями, сѣнокосомъ и другими угодьями. Преобладаніе этой формы поселеній на югѣ объясняется условіями мѣстнаго хозяйства и мѣстныхъ особенностей жизни. Еще въ XVI в.

---

[1]) Напр., въ Полоцкой землѣ: „съ тыхъ людей ему (кн. Т. Ю. Соколинскому) приходить черезъ годъ отъ каждое сохи, кольки ихъ мети будеть, посощины по 15 грошей“. Scriptores rerum polonicarum, V, p. 227.

преобладающимъ типомъ хозяйства здѣсь было не земледѣліе, но эксплоатація ухожаевъ; къ дыму, поэтому, могли тянуть ухожаи, разбросанные на большомъ разстояніи, и дымъ не представлялъ собою сколько нибудь округленной поземельной единицы, какъ это можно наблюдать по отношенію къ дворищамъ и службамъ, въ особенности—къ первымъ. Съ другой стороны, южное населеніе безпрестанно пополнялось колонизаціонными волнами, почему оно здѣсь не сидѣло компактными родами, какъ на восточныхъ службахъ. Но если принять во вниманіе такое значеніе дыма, то легко видѣть, что и подымщина въ сущности была поземельнымъ налогомъ, какъ и посощина, серебщина и воловщина.

Между послѣдними податями и подымщиной и поголовщиной было и еще одно связующее звено: всѣ онѣ были податями, уплачиваемыми деньгами, серебряною данью. Этотъ внѣшній признакъ въ исторіи древнѣйшей податной организаціи имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ традиція охватываетъ изстаринныя повинностныя отношенія. Съ другой стороны, въ этой особенности надо искать объясненіе тому, что названіе серебщины утвердилось именно за податью, налагаемою на все государство: во-первыхъ, это названіе обозначало характеръ платежнаго матеріала, а во-вторыхъ, оно шло изъ центра.

Мы разсмотрѣли исторію прямой подати до того момента, когда она изъ постоянной дани великому князю превращается въ подать, налагаемую правительствомъ съ согласія самихъ плательщиковъ. Древнѣйшій слой этой подати составляетъ дань, которую населеніе платило древнерусскому князю. Однѣ изъ русскихъ земель подвергаются сначала владычеству татаръ, а потомъ—Литвы, другія непосредственно подпадаютъ подъ власть великаго князя литовскаго. И то и другое иноземное владычество влечетъ за собою установленіе новой дани: съ появленіемъ татаръ вводится татарщина, съ появленіемъ литовцевъ вводятся подати, носившія различныя областныя названія. Хотя иногда стремятся свести начало всѣхъ названныхъ податей къ татарскому игу [1]), но намъ кажется, что для такого мнѣнія нѣтъ достаточныхъ основаній: нѣтъ ни одного штриха, который бы связывалъ посощину и другія подати съ татарскою данью и, напротивъ, есть соображенія, говорящія въ обратномъ смыслѣ. Допустимъ, что свидѣтельства объ установленіи дани великимъ княземъ Витовтомъ говорятъ лишь о

---

[1]) М. К. Любавскій, Областное дѣленіе, р. 482.

томъ, что этотъ князь обратилъ въ свою казну подати, шедшія раньше татарамъ. Но такое объясненіе не имѣетъ мѣста по отношенію къ землямъ Полоцкой и Жмудской, гдѣ тоже давали дань великому князю, не говоря о собственной Литвѣ; слѣдовательно, великимъ князьямъ литовскимъ не приходилось заимствовать отъ татаръ податного принципа. Съ другой стороны, поземельный характеръ посощины, подымщины и воловщины сближаетъ ихъ съ серебщиной, о существованіи которой въ Литвѣ мы знаемъ въ такое время, когда литовскіе князья и не владѣли еще нѣкоторыми изъ окраинныхъ русскихъ земель (напримѣръ, Смоленской), да и вообще понятіе о серебщинѣ не могло быть занесено въ Литву вслѣдствіе знакомства ея съ землями, платившими ранѣе дань татарамъ. Наконецъ, отсутствіе связи между татарской данью и податями, шедшими въ казну литовскаго князя, доказывается еще и тѣмъ, что татарщина не исчезала въ земляхъ съ появленіемъ литовскихъ податей. Такъ, въ Пинскомъ княжествѣ татарщина существовала вмѣстѣ съ посощиной еще въ XV в.; не менѣе важно также показаніе грамоты Свидригайлы 1405 г., въ которой татарщина стоитъ рядомъ съ подданщиной: изъ этого видно, что литовскіе князья налагали новыя дани въ свою пользу, а не брали тѣ, которыми облагали населеніе татары.

Такимъ образомъ, нельзя связывать податей литовскаго періода съ татарскимъ. Такой связи нельзя предполагать еще и потому, что поземельный характеръ литовской подати идетъ въ разрѣзъ съ пріемами обложенія, „числомъ“, устанавливавшимся татарами.

Итакъ, литовскія подати являются третьимъ податнымъ слоемъ, легшимъ на древнерусскія земли. Для литовскихъ князей и не нужно было брать въ образецъ подати татарскаго происхожденія (да это было бы и неполитично): въ этомъ отношеніи для нихъ отправною точкою могла послужить та дань, которую древнерусскіе князья собирали въ свою пользу. Однако, литовскіе князья не взяли въ свою казну именно той дани, которая уже собиралась удѣльными князьями въ свою пользу, но установили новую дань. Въ грамотахъ удѣльныхъ князей продолжаетъ фигурировать дань грошовая,—очевидно, та самая, которую они и ихъ предшественники собирали съ населенія; такъ какъ собираніе великокняжеской дани обыкновенно находилось въ рукахъ тѣхъ же удѣльныхъ князей (это ясно изъ извѣстныхъ намъ уже актовъ о томъ, что князья платили дань великому), то въ тѣхъ же грамотахъ мы встрѣчаемъ и упоминаніе о посощинѣ, подымщинѣ

и проч. Если дѣло касалось области, въ которой не было удѣльнаго князя, то съ частновладѣльческихъ земель въ великокняжескую казну шла только посощина, подымщина, или воловщина, а старую дань собиралъ самъ помѣщикъ въ свою пользу; съ господарскихъ же волостей въ великокняжескую казну шли и эти дани и дань грошовая. Мелькаетъ кое гдѣ и татарщина въ качествѣ частновладѣльческаго поплатка [1]).

Таковы, по нашему мнѣнію, наслоенія старой податной системы, постепенно смѣнившейся послѣ 1447 г. въ податокъ земскій. Статутъ 1447 г. освободилъ шляхетство отъ уплаты подати, налагаемой самимъ великимъ княземъ. Эта „вольность“ шляхты понималась не въ смыслѣ полной свободы отъ государственныхъ податей, но въ томъ, что великій князь можетъ взимать съ шляхетскихъ имѣній прямую подать, только испросивъ согласіе самого шляхетства. Это ясно изъ всей послѣдующей исторіи земскаго податка. Сверхъ того, подтвержденіе сказанному можно найти въ компетентныхъ заявленіяхъ самого государя. Такъ, Сигизмундъ I въ своей грамотѣ шляхетству по поводу выкупа изъ залога господарскихъ державъ, объясняетъ, что доходы господарскаго скарба не достаточны для уплаты жалованія наемнымъ жолнерамъ; между тѣмъ онъ, государь, на основаніи привилегій, данныхъ шляхтѣ имъ самимъ и его предшественниками, *не можетъ принудить* подданныхъ, противъ ихъ воли, къ уплатѣ какихъ бы то ни было податей [2]). По разъясненію короля Сигизмунда Августа, шляхта даетъ подати не только по собственному согласію, но и не обязана давать подати на нужды самого государя [3]).

Таковъ характеръ прямой государственной подати, смѣнившей собою подать мѣстнаго происхожденія. Это уже четвертый податной слой. Теперь является вопросъ, въ какомъ соотношеніи находится податокъ земскій съ старыми областными податями?

Этотъ податокъ носилъ во все изучаемое время названіе серебщины; и этотъ терминъ прилагался къ нему тогда, когда сама подать

---

[1]) Въ этомъ отношеніи судьба татарской дани въ Литовской Руси имѣетъ нѣкоторую аналогію съ Московской: въ послѣдней татарскія данныя деньги остались въ рукахъ князя съ прекращеніемъ платежа выхода въ Орду. Осокинъ, О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи, Казань, 1856, p. 37, ср. p. 43.

[2]) Hr. de Broel-Plater, Zbiór Pamiętników do dziejów polskich, I, p. 146. Warszawa, 1858.

[3]) Акты З. Р., III, p. 51.

падала на основной объектъ обложенія—крестьянскія сохи. Въ этомъ отношеніи весьма понятна связь серебщины, ухваливаемой на сеймахъ, съ областными податями. Не менѣе понятна также и причина, по которой за общегосударственной податью утвердилось названіе серебщины: такъ называлась подать, платившаяся въ центральныхъ областяхъ государства. Ввиду сказаннаго казалось бы вполнѣ естественнымъ предположеніе, что серебщина, какъ податокъ земскій, является простымъ распространеніемъ подати, уплачиваемой въ центрѣ до 1447 г., на всѣ области государства. Это вѣрно, но только отчасти—постольку, поскольку дѣло касается самого названія серебщины и способовъ ея взиманія. Но то и другое—лишь внѣшніе признаки, объединяющіе новую подать съ старыми. Въ основу податка земскаго положена идея, придающая всему обложенію новый характеръ. Этой идеи литовскіе князья не могли заимствовать изъ духа старой подати. Идея старой подати состояла въ томъ, что подчиненная область платитъ дань своему господину, великому князю литовскому. Податокъ земскій сноситъ эту идею подчиненія: свободный человѣкъ даетъ подать своему государю добровольно и только на государственныя нужды, какъ онѣ тогда понимались; поэтому и сама подать является не постоянной, но вотируется сеймомъ всякій разъ особо, когда государству нужны средства. Эта идея, проникающая западно-европейскій феодальный строй, очевидно, и могла имѣть своимъ основаніемъ знакомство литовско-русскаго правительства и общества съ феодальными порядками. Въ этомъ отношеніи Литва опередила и Польшу, гдѣ сборъ по два гроша съ лана земли остался пережиткомъ болѣе ранняго государственнаго строя.

Весьма замѣчательно, что податокъ земскій не возникъ непосредственно изъ привилея 1447 г.: во второй половинѣ XV в. онъ не являлся абсолютною новостью, такъ какъ и до этого времени былъ въ употребленіи на ряду съ старыми податями. Объ этомъ мы встрѣчаемъ нѣсколько характерныхъ указаній. Такъ орденскій лазутчикъ разсказываетъ, что Витовтъ, утвердившись на Трокахъ, наложилъ въ 1396 г. большія подати на весь край, ему подвластный: эту подать должны были платить, сообразно своему имуществу, всѣ классы общеста, какъ бояре, такъ и мѣщане и крестьянство [1]. Что это не была обыкновенная серебщина, но особая подать, налагаемая на го-

---

[1]) Daniłowicz, Skarbiec, № 661.

сударство въ исключительныхъ случаяхъ и, быть можетъ, налагаемая съ согласія великокняжеской рады (въ томъ же сообщеніи орденскаго лазутчика говорится, что Витовтъ часто совѣтовался съ паномъ Монивидомъ и другими панами: можетъ быть, и по поводу подати), доказывается однимъ мѣстомъ грамоты великаго князя Казимира, данной въ 1441 г. Трокскимъ евреямъ. Великій князь Казимиръ, освобождая этихъ евреевъ отъ всякаго рода податей, за исключеніемъ ежегоднаго чинша, обязываетъ ихъ однако платить, вмѣстѣ съ другими городами, подать, если она будетъ наложена на государство [1]). Это упоминаніе о государственной подати, налагаемой въ случаѣ крайней необходимости, ясно указываетъ, что сверхъ серебщины, какъ постояннаго налога, была извѣстна и еще подать, налагаемая въ экстраординарныхъ случаяхъ. Эта подать, упоминаемая въ актѣ 1441 г., безъ сомнѣнія, является предшественницей серебщины, какъ податка земскаго [2]).

Какъ намъ кажется, есть еще одно свидѣтельство, говорящее о тѣхъ экстраординарныхъ податяхъ, которыя налагались великими князьями литовскими. Мы имѣемъ ввиду грамоту короля Казимира, данную жителямъ Полоцка въ 1456 г. [3]). Господарь разсматривалъ споръ бояръ Полоцкихъ со всѣми городскими людьми. Мѣщане жаловались на бояръ, что они мало помогаютъ мѣщанамъ, когда господарь налагаетъ „помочь з мѣста Полоцкого для потребизны земскоѣ“. Мѣщане доказывали, что согласно листа господарскаго „помочь“ раскладывалась по присягѣ. Бояре утверждали, что „здавна“ этой присяги не было, и господаремъ данъ листъ, гдѣ говорится о присягѣ, только „до часу“; поэтому бояре просятъ господаря держать ихъ „подлѣ правъ великого князя Витовтовыхъ и подлѣ нашого права, которое мы имъ дали“.

---

[1]) Приведемъ текстъ Казимировскаго привилея: „eo excepto, quod dum, necessitate ingruente, generalis exactio super totam terram poneretur, tunc quod aliae civitates in eodem jure theutonico existentes, darent hoc Nobis, et ipsi judaei, elepsa et expiata libertate, quam ipsis concessimus, solvere sint adstricti“ (Бершадскій, I, p. 31).

[2]) На это намекаетъ и подтвержденіе Казимировской грамоты Сигизмундомъ I, данное въ 1507 г. (ibidem, p. 32). Ср. грамоты тѣмъ же евреямъ 1485 г. (ibidem, p. 37); она говоритъ о раскладкѣ серебщины въ Трокахъ, но такъ какъ, согласно привилею Трокскимъ евреямъ, они платятъ только чиншъ и exactio generalis, то въ этой грамотѣ названа серебщиной та самая exactio, которую при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ евреи платили necessitate ingruente.

[3]) Акты З. Р., I, p. 72.

Господарь съ панами радою разсмотрѣлъ оба листа, и Витовтовъ и свой собственный. Подъ первымъ, конечно, разумѣется уставная грамота, а подъ вторымъ—Статутъ 1447 г. Господарь рѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что бояре должны давать „помочь подъ сумнѣніемъ, безъ нашого шкодного, каждый по силѣ", а мѣщане даютъ подъ присягою. Эта грамота воспроизводитъ порядки, практиковавшіеся, какъ это видно изъ самаго текста, издавна, и бояре ссылаются на грамоту Витовта. Ясно поэтому, что помощь, о которой здѣсь говорится, не разъ была собираема въ Полоцкой землѣ, и здѣсь даже твердо установился порядокъ ея раскладки. Въ грамотѣ не можетъ быть рѣчи о серебщинѣ, собиравшейся послѣ 1447 г., такъ какъ едва ли она и была собираема до 1456—71 гг., то къ ней не могли быть приложены тѣ заявленія о старинѣ, ссылки на которыя встрѣчаются въ грамотѣ.

Для насъ важно въ данной грамотѣ не только подтвержденіе самаго факта экстраординарной подати, но и нѣкоторыя подробности ея. Очень важнымъ представляется намъ самое названіе подати—„помочь". Это прекрасно характеризуетъ суть дѣла, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ subsidium charitativum. Эта „помочь" и по существу своему соотвѣтствуетъ subsidium: она дается каждымъ „по силѣ" и „подъ сумнѣніемъ". Такимъ образомъ, она носитъ еще слѣды добровольнаго дара, который вассалъ даетъ своему сюзерену. Это, безъ сомнѣнія, связываетъ „помочь" съ тѣми дарами, которые удѣльные князья и паны давали великому князю. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ. Такъ, напримѣръ, Стрыйковскій разсказываетъ, что король Казимиръ объѣзжалъ литовскихъ пановъ и самъ собиралъ съ нихъ контрибуцію [1]). Очень вѣроятно, что здѣсь дѣло идетъ именно о сборѣ такой же „помочи", о которой говоритъ Полоцкая грамота [2]).

Такимъ образомъ, происхожденіе прямой подати въ Литовско-русскомъ государствѣ можетъ быть резюмировано въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Какъ въ собственно литовскихъ, такъ и въ русскихъ областяхъ еще въ до-литовскій періодъ населеніе платило дань своимъ князьямъ. Когда литовскіе князья стали присоединять русскія области, то они налагали на мѣстное населеніе подати. Какъ удѣльные князья,

---

[1]) Narbutt, Dzieje narodu litewskiego, VIII, p. 152; Стрыйковскій, въ изданіи 1766 г., p. 610.

[2]) Ср. выше, p. 49, 102, 105, 123.

такъ и области должны были платить дани великому князю литовскому. Эти дани въ различныхъ областяхъ имѣли разныя названія, но въ сущности носили поземельный характеръ. Эти дани Литовскаго періода не заимствованы отъ татаръ и не представляютъ собою тѣхъ даней, которыя собирались древнерусскими князьями до ихъ соединенія съ Литвою. Поэтому, дани Литовскаго періода являются порожденіемъ тѣхъ условій, въ которыхъ слагалось государство: это подать, которую покоренная область платитъ своему государю. Съ теченіемъ времени, поспольства отдѣльныхъ областей успѣваютъ получить господарскія грамоты, которыми освобождаются отъ уплаты податей. Тѣмъ самымъ, государство подчиняется принципу, выраженному въ Статутѣ 1447 г. По идеѣ податокъ земскій противоположенъ тому принципу, который лежитъ въ основаніи податей литовскаго происхожденія. Но и сама идея податка земскаго не является новостью въ половинѣ XV в., такъ какъ понятіе о subsidium charitativum проявляется въ болѣе раннее время и оно вполнѣ гармонируетъ съ ростомъ шляхетскаго сословія.

7. *Развитіе земскаго обложенія.*

Доходы отъ таможенныхъ пошлинъ, съ господарскихъ державъ и другіе, собиравшіеся въ господарскій скарбъ, не могли удовлетворить всѣхъ государственныхъ потребностей, въ особенности тѣхъ, которыя вызывались войнами и устройствомъ оборонительныхъ средствъ страны. Поэтому, съ момента освобожденія шляхты отъ постоянной подати, великокняжеское правительство принуждено было обращаться къ ней съ предложеніемъ вотировать подать всякій разъ, когда того требовали нужды государства. Для того, чтобы получить согласіе шляхетскаго поспольства, правительство оказывалось въ необходимости разъяснить шляхтѣ, для чего требуется новый налогъ и выяснить причины, побуждающія правительство прибѣгнуть къ сбору подати. Если не было спеціальныхъ потребностей, то въ такомъ случаѣ и не собирался податокъ земскій. Изъ такого порядка вещей вытекаютъ двѣ особенности, характеризующія прямую подать въ Литовско-русскомъ государствѣ: во-первыхъ, податокъ земскій является податью экстраординарною, а во-вторыхъ—цѣлевою.

Сказанное весьма легко подтвердить обзоромъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ сеймы вотировали подать, и ссылками на то

назначеніе, которое сами сеймы давали декретируемымъ имъ налогамъ.

Военныя нужды и содержаніе гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ, въ особенности въ южныхъ замкахъ, представляли собою тѣ нужды, ради которыхъ были вотированы всѣ серебщины и поголовщины. Впервые (насколько позволяютъ судить источники) вел. князь Казимиръ просилъ шляхту о вотированіи субсидіи въ 1473 г. для помощи въ войнѣ съ Пруссіею [1]). Затѣмъ идетъ рядъ серебщинъ для военно-оборонительныхъ нуждъ. Списокъ этихъ серебщинъ начинается съ 1507 г., т. е. съ первой Московской войны при Сигизмундѣ I [2]). Та же война дала поводъ къ сбору поголовщины въ 1514 г. [3]). Этотъ налогъ ушелъ на уплату жалованья 7000 наемныхъ жолнеровъ, съ помощью которыхъ Литва намѣревалась избѣгнуть позорнаго мира послѣ взятія Смоленска. Эта же война вызвала и еще налоги, декретированные въ 1519 и въ 1522 гг.: въ 1519 г. была вотирована поголовщина, ближайшею цѣлью которой была оплата гарнизоновъ, стоявшихъ на Московскомъ пограничьи [4]). Хотя въ 1521 г. возобновились переговоры между Москвой и Литвой о заключеніи перемирія [5]), однако въ Литвѣ готовились къ войнѣ [6]), и на Городенскомъ сеймѣ въ началѣ 1522 г. была назначена серебщина [7]), которая и ушла на оплату ротмистровъ, дѣйствовавшихъ въ Московской войнѣ [8]). Поэтому, въ концѣ 1522 г. понадобился вторичный сборъ серебщины на оплату гарнизоновъ, которые стояли на южной Украинѣ: туда было послано 2000 господарскихъ дворянъ [9]). Вообще, около этого времени на южной Украинѣ содержатся постоянные гарнизоны, почему сеймъ

---

[1]) Стрыйковскій, Хроника въ изд. 1766 г., р. 626.

[2]) Акты З. Р., II, р. 9.

[3]) М. К. Любавскій, Литовско-рус. сеймъ, р. 198. Авторъ полагаетъ, что въ 1515 г. была еще собрана серебщина съ господарскихъ державъ (ibidem, р. 205). Но намъ кажется, что цитуемыя имъ замѣтки о сборѣ серебщины въ этомъ году вовсе не указываютъ на то, что дѣло идетъ о сборѣ новой серебщины: очевидно, это распоряженія, касающіяся сбора серебщины прошлаго года; изъ того, что Acta Tomiciana называютъ налогъ 1514 г. поголовщиной, еще не слѣдуетъ, что въ такой же формѣ онъ собирался и въ господарскихъ державахъ, такъ какъ здѣсь онъ назывался и въ 1514 г. серебщиной (ibidem, р. 198, прим. 85).

[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 510.

[5]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I (изд. т—ва „Общ. П."), р. 1633.

[6]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 509.

[7]) Акты З. Р., II, р. 18; Любавскій, Литовско-рус. сеймъ, р. 225.

[8]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 512.

[9]) Ibidem, р. 521.

принужденъ довольно часто собирать подать на ихъ содержаніе. Такъ, серебщина 1524 г. тоже пошла на расплату съ этими гарнизонами [1]). Съ той же цѣлью былъ декретированъ платъ въ 1529 г. на Виленскомъ сеймѣ [2]). Вторая война съ Москвою вызвала сборъ серебщины, назначенной въ 1534 г. на три года, когда литовцы стали мобилизовать военныя силы противъ Москвы [3]). По окончаніи безплодной второй Московской войны, у правительства явилась замѣчательная, по своему времени, мысль установить постоянный налогъ для постепеннаго накопленія средствъ на случай войны съ Москвою. Предшествующая практика хорошо выяснила недостатки установившагося въ сборѣ подати порядка: налогъ назначался тогда, когда объявлялась война или во время самой войны. Такимъ образомъ, государство начинало военныя дѣйствія безъ средствъ и безъ наемныхъ солдатъ, не имѣя при томъ крѣпостей, способныхъ задержать движеніе непріятеля. Это очень хорошо сознавалъ Сигизмундъ I, и свои мысли онъ изложилъ панамъ радѣ въ посланіи 1538 г. Въ этомъ посланіи онъ предлагалъ панамъ радѣ обсудить этотъ вопросъ. По мнѣнію самого короля необходимо назначить въ теченіе трехъ годовъ, на которые заключено перемиріе съ Москвою, подать, цѣль которой должна заключаться въ наймѣ жолнеровъ въ случаѣ будущей войны съ Москвою: ни на какія другія „потребы“ эти деньги не могутъ быть употреблены [4]). Однако, въ 1538 г. шляхта не успѣла обсудить предложеніе короля, такъ какъ разъѣхалась съ Новгородскаго сейма [5]).

---

[1]) Ibidem, p. 522, 524, Любавскій, o. c., p. 234.

[2]) Объ этомъ платѣ говорится въ посольствѣ Сигизмунда I къ господарской радѣ черезъ подскарбія земскаго п. Ивана Горностая (Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 529). М. К. Любавскій полагаетъ, что этотъ платъ былъ назначенъ осенью 1529 г., т. е. послѣ того какъ сеймъ, собранный въ Вильнѣ въ 1528 г. и продолжавшійся въ 1529 г., т. е. тотъ самый сеймъ, на которомъ былъ вотированъ налогъ для выкупа изъ залога господарскихъ державъ, былъ прерванъ (o. c., p. 355). Однако, нѣтъ основанія полагать, что декретированіе этого налога состоялось на второмъ Виленскомъ сеймѣ (коронаціонномъ) 1529 г.: уфала земская 1529 г. говоритъ, что въ 1529 г. было назначено: „по которой суме пенязей съ службы платъ маетъ данъ быти на окупенье замковъ и дворовъ и волостей господарскихъ, тежъ на заплату служебнымъ за ихъ службу“. Далѣе слѣдуютъ листы о службѣ и о налогѣ для выкупа державъ (Акты Лит.-рус. гос., p. 231). Изъ этой замѣтки ясно, что оба налога были декретированы въ одно время, слѣдовательно на сеймѣ 1528—1529 гг., но собирались отдѣльно.

[3]) Любавскій, o. c., p. 264.

[4]) Акты З. Р., II, p. 345.

[5]) М. К. Любавскій, o. c., p. 273.

Тѣмъ не менѣе оно не было оставлено, такъ какъ серебщина, назначенная въ 1540 г., преслѣдовала цѣли, указанныя въ посланіи Сигизмунда I.

Несмотря на непрочность отношеній къ Москвѣ, Сигизмунду I не пришлось уже съ нею воевать; миръ между обоими государствами нарушился только съ началомъ Ливонской войны. Но въ теченіе этого мирнаго промежутка со стороны Москвы, Литовско-русское государство потерпѣло большія потери на крайнемъ югѣ: въ 1550 г. татары разорили Браславль и нанесли тяжелое пораженіе всей Украинѣ. Отсюда начались новыя заботы объ укрѣпленіи и снаряженіи замковъ, а также о снабженіи ихъ гарнизонами, которые, повидимому, за послѣднее время были оттуда выведены. Эти обстоятельства и вызвали новые сборы серебщины. Въ 1551 г. была декретирована на три года серебщина „для обороны земской, и для покою посполитого, и для певнѣйшоѣ безпечьности своее и маетностей своихъ“ [1]). Поборовые универсалы указываютъ также на „небезпеченство“ отъ татаръ [2]). Несмотря на это, рада, къ которой король обратился въ началѣ 1552 г. за совѣтомъ относительно того, гдѣ найти средства для оплаты жолнеровъ, затруднилась въ отвѣтѣ, и король приказалъ выдать деньги изъ господарскаго скарба [3]). Это затрудненіе повело къ сбору особаго экстраординарнаго налога съ служебнаго коня, хотя въ томъ же 1552 г. взималась и серебщина. Ту же цѣль имѣла серебщина, назначенная въ 1554 г.[4]). Ливонская война вызвала нѣсколько налоговъ, которые собирались для оплаты наемниковъ. Сеймовые рецессы не только объясняютъ, что подать вызывается именно войною и имѣетъ цѣлью покрытіе военныхъ издержекъ, но большею частью точно опредѣляютъ, на какое именно количество наемныхъ людей назначается подать. Сеймъ 1563 г. декретировалъ серебщину подъ вліяніемъ свѣжей потери Полоцка и при условіи, если Москва будетъ воевать съ Литвою не изъ-за интересовъ, связанныхъ съ Ливоніею; если въ теченіе трехлѣтняго періода, на который назначена подать, не будетъ войны, то налогъ за этотъ годъ не взимается; изъ серебщинныхъ пенязей имѣютъ быть покрыты расходы по найму солдатъ, начиная съ 1563 г., а

---

[1]) Акты З. Р., III, р. 43.
[2]) Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 125—127.
[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 7 об.—10.
[4]) Акты З. Р., III, р. 59.

старые долги ими не должны быть оплачиваемы [1]). Нѣсколько темная оговорка относительно причинъ, которыя признаются законными въ смыслѣ пользованія денежною субсидіею, указываетъ на то, что шляхта дѣлала попытку отказаться отъ войны изъ-за Ливоніи и оберегать только литовскіе интересы. Сигизмундъ Августъ въ письмѣ къ маршалку земскому и канцлеру Миколаю Радивилу жестоко иронизировалъ надъ этимъ постановленіемъ [2]), но долженъ былъ согласиться. Городенскій сеймъ 1567 г. назначилъ подать на наемъ 6000 конныхъ ратниковъ и 4000 пѣхотинцевъ, и тоже обставилъ эту подать слѣдующими условіями: война должна перейти въ наступательную и вестись въ Московскихъ предѣлахъ, при условіи, что самъ господарь выступитъ съ войскомъ; если же онъ не двинется въ непріятельскую землю, или заключитъ перемиріе въ теченіе двухъ лѣтъ, на которые назначена подать, то налогъ не можетъ быть взимаемъ [3]). Однако, въ слѣдующемъ 1568 г. снова былъ декретированъ податокъ, вмѣсто посполитаго рушенья: шляхта не отказывалась выступить на войну только въ томъ случаѣ, если непріятель войдетъ въ предѣлы государства. Но за то она потребовала отъ господаря „варунка", т. е. обѣщанія, въ томъ, что вотированная ею подать не пойдетъ въ пошлину, что отчетъ по приходу и расходу серебщины 1567 и 1568 гг. будетъ данъ сейму, и что, наконецъ, господарь позаботится объ исправленіи новаго Статута [4]).

Таковы причины, побуждавшія сеймъ вотировать подати на военныя нужды [5]). Тѣсную связь съ ними имѣетъ налогъ, декретированный на Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 гг. По окончаніи первой Московской войны, государственные финансы находились въ крайне плачевномъ состояніи: война не только поглотила двѣ серебщины и одну поголовщину, но сверхъ того большая часть господарскихъ державъ оказалась заложенной, и, такимъ образомъ, главнѣйшій источникъ государственныхъ средствъ не давалъ дохода. Въ виду этого, король

---

[1]) Акты З. Р., III, p. 129.

[2]) Lachowicz, Pamiętniki, Wilno, 1842, p. 100. Это письмо здѣсь ошибочно отнесено къ 1561 г.

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 454.

[4]) Ibidem, p. 467.

[5]) Подробности относительно причинъ, побуждавшихъ великокняжеское правительство созывать сеймы и на нихъ обращаться къ шляхтѣ за субсидіями приведены въ книгѣ М. К. Любавскаго, Литовско-русскій сеймъ, М. 1901.

обратился къ шляхтѣ съ предложеніемъ вотировать налогъ для выкупа державъ; шляхта согласилась, но обставила свое согласіе весьма существенными условіями касательно господарскихъ добръ [1]).

Военныя нужды исключительно поглощали налоги, вотируемые сеймомъ. Изъ нуждъ, касавшихся другихъ сторонъ государственной жизни, только одна удовлетворялась назначаемымъ сеймомъ налогомъ: земскимъ податкомъ оплачивались труды комиссіи, работавшей надъ проектомъ новаго Статута. Такой налогъ былъ назначенъ, по одному пенязю отъ сохи, на сеймѣ 1551 г. [2]). Въ извѣстной мѣрѣ, къ налогамъ, шедшимъ на управленіе, можно отнести и сборы въ качествѣ „писчого и бирчого“, которые собирались головными и повѣтовыми бирчими, т. е. сборщиками подати. Сюда же, и тоже не безъ оговорокъ, слѣдуетъ отнести спеціальный налогъ, собираемый повѣтовою шляхтою „на страву“ посламъ, отправляемымъ ею на сеймы. Этотъ вопросъ не разъ подымался на сеймахъ, такъ какъ шляхта дѣлала попытки перенести діеты своимъ посламъ на господарскій скарбъ, но король отклонялъ эти попытки [3]). Однако, въ 1569 г. многіе послы получили діеты изъ господарскаго скарба; впрочемъ, Сигизмундъ Августъ издалъ универсалы къ повѣтовой шляхтѣ, приказывая ей возвратить скарбу то, что имъ выдано на пословъ, разверставъ потребную сумму между повѣтовой шляхтой [4]). Разумѣется, этотъ налогъ носилъ чисто мѣстный характеръ.

Такимъ образомъ, краткій обзоръ той обстановки, при которой сеймы вотировали прямые налоги, показываетъ, что прямая подать не была постоянной и что она носила цѣлевой характеръ.

Съ точки зрѣнія способовъ взиманія прямой налогъ раздѣлялся на поголовщину и серебщину. Такъ какъ послѣдняя падала преимущественно на земледѣльческій классъ, то ее, по способамъ взиманія, можно раздѣлить на серебщину, основной единицей обложенія которой была крестьянская соха, и на серебщину, основою которой были служба, дымъ.

Поголовщина взималась весьма рѣдко, всего три раза въ теченіе изучаемаго періода, въ 1514, въ 1519 и въ 1565 гг. Поголов-

---

[1]) Broel-Plater, Zbiór pamiętników, I, p. 144—149.

[2]) Акты З. Р., III, p. 43.

[3]) Акты З. Р., III, p. 100.

[4]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит, IX, л. 156 (напечатанъ у Любавскаго, о. с., прил. № 74).

щина 1514 г. была собрана въ размѣрѣ одного гроша съ крестьянъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, двухъ грошей съ бояръ и одного золотого съ врядниковъ и пановъ [1]). Въ такомъ же размѣрѣ была назначена поголовщина и въ 1519 г.: каждый панъ „съ своей головы", а также за жену и дѣтей обязанъ былъ внести по одному золотому (т. е. 30 грошей литовскихъ); каждый шляхтичъ за себя и членовъ своего семейства даетъ по два гроша съ головы; „простые люди", „вольные" и „невольные", безъ различія пола и возраста—„съ каждое души",—по одному грошу; съ дворовыхъ слугъ—съ шляхтичей по два гроша и съ простыхъ людей—по одному грошу [2]). Наконецъ, въ 1565 г. была въ послѣдній разъ поголовщина. Прежде всего надо замѣтить, что она пала только на тяглые элементы общества, охвативъ все населеніе ихъ, безъ различія пола и возраста, за исключеніемъ грудныхъ младенцевъ. Такъ мѣщане какъ господарскихъ, такъ и частновладѣльческихъ городовъ, какъ старыхъ, такъ и тѣхъ, въ которыхъ еще не высидѣли воли, раздѣлены на четыре группы. Къ первой отнесены мѣщане, занимающіеся торговлей и ремеслами; они платятъ по шести грошей. Ко второй группѣ отнесены корчмиты и перекупники, которые даютъ по четыре гроша. Въ третью группу причислены всѣ остальные, т. е. не занимающіеся торгомъ, ремеслами, шинками и перекупничествомъ: они платятъ по три гроша. Къ четвертой группѣ отнесены люди „люзные", т. е. не имѣющіе опредѣленныхъ занятій, а также всѣ „музыки" (медвѣдники, дудники, скрипки, трубачи) и вообще всѣ, не имѣющіе постоянной службы; они даютъ по восьми грошей. Такимъ образомъ, на послѣднюю категорію падалъ самый высокій налогъ, но вообще врядъ долженъ былъ наблюдать, чтобы „люзные" люди совсѣмъ не жили въ городахъ безъ дѣла. Надо еще замѣтить, что подать падала не только на самостоятельныхъ хозяевъ и ихъ семьи („домовыхъ господарей"), но также „на сусѣдовъ", не имѣющихъ самостоятельнаго хозяйства, и на паемниковъ; за послѣднихъ должны платить ихъ господа по 3 гроша „съ каждое головы", вычитая изъ ихъ наемной платы. Подать должна быть внесена вначалѣ февраля 1566 г., а для несостоятельныхъ плательщиковъ подскарбію земскому предоставляется назначить особые сроки [3]). Въ особыя категоріи городскихъ жителей выдѣлены

---

[1]) Acta Tomiciana, III, № 47, М. К. Любавскій, о. с., p. 198.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., II, л. 262 об.—264; Skarbiec Daniłowicza, № 2279.

[3]) Кн. Пер. Лит., VII. л. 86 об.—88.

евреи и татары. Всѣ евреи должны платить по пятнадцати грошей отъ „головы", а за челядь и служащихъ у нихъ наймитовъ христіанъ—по два гроша. Татары не даютъ подати, если несутъ земскую службу, или служатъ у пановъ, но и въ такомъ случаѣ платятъ отъ челяди и наймитовъ по три гроша. Тѣ же татары, которые занимаются извозомъ, торгомъ и ремесломъ, платятъ за себя по десяти грошей, а за женъ и дѣтей—по пяти грошей. Что касается земледѣльческаго населенія, то оно раздѣлено на четыре группы. Къ первой группѣ отнесены подданые господарскихъ и частновладѣльческихъ селъ—„домовые господари", которые за себя, свою семью, живущихъ у нихъ коморниковъ, наймитовъ, платятъ по два гроша. Люди, сидящіе на воляхъ, даютъ по пяти грошей. Ко второй группѣ отнесены огородники, дающіе по одному грошу. Третью группу составляетъ челядь невольная: съ нея взимается по пяти грошей, если она имѣетъ домы и надѣлы земли („присѣвки"); съ челяди, живущей только на дворовомъ хлѣбѣ, ничего не взималось. Наконецъ, въ четвертую группу отнесены бояре путные, которые ничего не платятъ за себя и за членовъ своего семейства, но обязаны платить отъ своихъ людей и наймитовъ по два гроша, а отъ челяди невольной—по полгроша. Точно также и шляхта, не имѣющая людей, даетъ за челядь и наймитовъ [1]). Какъ видно изъ этого обзора, наименьшая податная тягота пала на крестьянъ-земледѣльцевъ и на огородниковъ, и наибольшая на татаръ, евреевъ и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій. Такое отношеніе къ первымъ двумъ категоріямъ объясняется тѣмъ, что на этихъ плательщикахъ еще въ томъ же 1565 году лежала серебщина, декретированная въ 1563 г. Поэтому главной своей тяжестью налогъ 1565 г. палъ на городскіе элементы.

Взносъ поголовной подати былъ назначенъ 5 февраля, но уже 1 февраля разосланы городамъ новые поборовые универсалы, въ которыхъ разсказывается, что на предшествующемъ сеймѣ рѣшено увеличить подать въ половинномъ размѣрѣ въ случаѣ, если поголовщины не хватитъ на оплату наемниковъ: этотъ вопросъ долженъ обсуждаться на повѣтовыхъ сеймикахъ [2]); слѣдовательно, города приглашены ко второй уплатѣ поголовщины прежде, чѣмъ выяснились результаты первой. Въ мартовскихъ универсалахъ, обращенныхъ къ шляхтѣ съ приглашеніемъ на повѣто-

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 166.

[2]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 90.

вые сеймики, которые должны были собраться передъ вальнымъ сеймомъ, назначенномъ въ Берестіи черезъ двѣ недѣли послѣ Пасхи, король объясняетъ, что собранной поголовщины не хватаетъ на уплату наемникамъ, почему и предлагаетъ сеймикамъ обсудить вопросъ о сборѣ новой поголовщины въ половинномъ размѣрѣ сравнительно съ прежней, какъ это предвидѣлось въ прошломъ Виленскомъ сеймѣ [1]). Такимъ образомъ въ томъ же году была собрана еще вторая поголовщина. Замѣтимъ, что въ господарскихъ державахъ вторично въ 1566 г. налогъ былъ собранъ не въ видѣ поголовщины, но въ качествѣ серебщины по 15 гр. отъ волоки, или по столько же отъ воловой сохи и съ неимѣющихъ скота „отъ воротъ“ по 4 гр. [2]); это не касалось привилегированныхъ городовъ, гдѣ платили вторую поголовщину. Замѣна поголовщины серебщиной въ господарскихъ державахъ сдѣлана была, вѣроятно, потому, что по подсчетамъ скарба серебщина всегда давала бо́льшій доходъ, чѣмъ поголовщина [3]).

Размѣры, въ которыхъ опредѣлялась поголовщина, показываютъ, что при назначеніи ея считались, въ извѣстной мѣрѣ, съ имущественнымъ состояніемъ плательщика. Этотъ принципъ, нарушенный въ подати 1565 г. введеніемъ особой квоты по національнымъ (на евреевъ и татаръ) и полицейскимъ (на „волочащихъ“ людей) побужденіямъ и тѣмъ, что на крестьянствѣ скопилось два сбора, рѣзко подчеркнутъ въ поголовщинѣ 1519 г.; дѣленіе плательщиковъ на категоріи преслѣдуетъ здѣсь цѣли поимущественнаго обложенія. Это кромѣ того хорошо подтверждается тѣмъ еще, что паны рада давала не поголовщину съ собственномъ смыслѣ, но „серебщину съ своихъ пенезей“; паны рада уплатили отъ 30 до 100 золотыхъ—каждый сообразно своему богатству. По цитуемой замѣткѣ нельзя судить, былъ ли примѣненъ налогъ подоходный или поимущественный, по отношенію къ самымъ богатымъ людямъ въ государствѣ, засѣдавшимъ въ государственномъ совѣтѣ, но ясно, что при обложеніи принято во вниманіе имущественное ихъ положеніе [4]).

---

[1]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 92—94 и л. 116 об., ср. Док. Моск Арх. Мин. Юст., I, р. 168.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 93 об.—94.

[3]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 116 об.

[4]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., II, лл. 320—321. Этотъ списокъ пановъ радъ помѣщенъ въ книгѣ безъ даты. М. К. Любавскій относитъ этотъ фактъ къ 1522 г., когда была собрана серебщина (Литовско-русскій сеймъ, р. 230). Но такое опредѣленіе ошибочно, потому что г. Любомірскій цитуетъ тотъ же списокъ по Ra-

Теперь перейдемъ къ сборамъ серебщинъ. Какъ уже было указано, по пріемамъ сбора серебщина взималась двоякимъ образомъ. Мы прежде всего остановимся на томъ видѣ обложенія, единицей котораго была служба людей. Въ такой формѣ серебщина была вотируема шесть разъ; сюда же отчасти относится и податокъ земскій, назначенный на сеймѣ 1569 г., но его мы разсмотримъ особо, такъ какъ вообще съ момента Люблинской уніи пріемы обложенія сильно измѣнились.

Впервые разложеніе податка земскаго по службамъ было сдѣлано въ 1517 г., когда наложено было по 43 гр. отъ службы [1]), и во-вторыхъ на Виленскомъ сеймѣ 1528—1529 гг. Это та самая подать, которая была назначена на выкупъ изъ залога господарскихъ добръ [2]). Этотъ платъ въ основѣ своей былъ разложенъ на тѣ единицы, съ которыхъ шла военная земская служба. Такимъ образомъ разсчетъ велся по „конямъ", выставляемымъ на войну: съ такого „коня" взималось по полторы копы грошей, т. е. по одиннадцати грошей и два съ половиною пенязя отъ службы, такъ какъ одинъ ратникъ выставлялся съ восьми службъ. Обложенію подлежали всѣ тѣ крестьянскія службы, съ которыхъ исчислялось военное обложеніе, т. е. службы тяглыхъ людей, данниковъ и путныхъ. Съ ними сравнены волоки въ Подляхіи. Налогъ взимался только съ частновладѣльческихъ подданыхъ, такъ что шляхта, не имѣющая людей, была свободна отъ платежа этой подати. На господарскіе города подать была наложена особо: каждый городъ обязанъ былъ внести положенный на него платежъ. Подать 1528 г. была наложена на всѣхъ подданыхъ, какъ господарскихъ, такъ и частновладѣльческихъ, принадлежащихъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ. Однако частновладѣльческіе города не подлежали обложечію, за исключеніемъ волочныхъ мѣстечекъ въ Подляхіи, въ которыхъ городскія волоки приравнены къ службамъ; впрочемъ въ этихъ городахъ обложенію не подлежали мѣщане, сидѣвшіе только на огородахъ или на „малыхъ землицахъ". Точно также особо были

---

chunkam skarbowym (къ сожалѣнію, эти книги въ настоящее время неизвѣстны) подъ 1519 г. и, естественно, въ росписяхъ скарба онъ встрѣтилъ точную дату (Trzy rozdziały z hist. skarbowośći, p. 57).

[1]) Trzy rozdziały, p. 57.

[2]) Аналогичная операція была выполнена въ Польшѣ въ 1507—1508 гг. A. Blumenstok, Plany reform skarb.-wojskowych. Przewodnik naukowy i literacki, 1888, в. III, p. 209.

обложены евреи господарскихъ городовъ: на нихъ была положена общая сумма въ 1000 копъ грошей [1]).

Затѣмъ подать на службы пала въ 1529 году: тогда было назначено по два гроша отъ службы, т. е. по шестнадцать грошей съ „коня“; обложенію подлежали подданые господарскіе и частновладѣльческіе [2]). Кромѣ того на сеймѣ 1538 г. была вотирована серебщина по 20 гр. отъ служилаго „коня“, т. е. съ 8 службъ, для наема гарнизоновъ въ южныхъ замкахъ [3]).

Наконецъ, такимъ же образомъ былъ разложенъ податокъ, назначенный на сеймахъ 1567 и 1568 гг. Въ 1567 г. все государство было обложено усиленными податями по случаю выступленія самого короля съ войскомъ противъ Москвы. Тогда каждая служба или волока была обложена 30-тью грошами, каждый дымъ (въ областяхъ Кіевской, Волынской, въ Полѣсьи, въ Поднѣпровьи и Подвиньи) 15-тью грошами, огородники—3-мя грошами. Обложенію подлежали всѣ тяглыя службы. Серебщина 1567 г. была вотирована на два года; первый сборъ ея назначенъ на апрѣль 1567 г., а вторичный сборъ—на тотъ же мѣсяцъ 1568 г. [4]). Въ первый разъ серебщина была выбрана своевременно, но въ октябрѣ 1567 г., когда король былъ въ войскѣ, собрался военно-полевой сеймъ въ Лебедевѣ и перенесъ серебщину 1568 г. на тотъ же 1567 г. и срокъ взноса ея назначенъ за недѣлю до 25-го декабря. Это сдѣлано потому, что наемныя роты не хотѣли больше оставаться на службѣ безъ уплаты имъ жалованія, а въ скарбѣ денегъ уже не было [5]). Такимъ образомъ налогъ въ одинъ годъ былъ собранъ дважды и при томъ въ первый разъ въ очень неудобное для земледѣльцевъ время, раннею весною.

Нужно еще отмѣтить, что въ господарскихъ державахъ, сидѣвшихъ на волокахъ, первый налогъ 1567 г. былъ собранъ по нѣсколько иной раскладкѣ, чѣмъ это объявлялось въ сеймовомъ рецессѣ. Господарь приказалъ взимать съ волоки по 20 грошей, а гдѣ волоки не были отмѣрены—по 10 грошей съ дыму. Въ мѣстечкахъ, имѣющіе дома и огороды платили по 5 грошей, а имѣющіе только дома—по 2 гроша отъ „воротъ“; огородники при дворахъ господарскихъ платили по 3 гроша; перекупники и люди „люзные“ давали съ головы согласно

[1]) Акты З. Р., II, р. 205; Акты Лит.-рус. гос., I, р. 231—233.

[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 529.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 32.

[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 454; Кн. Пер. Лит., VII, л. 139 об.—139.

[5]) Кн. Переп. Лит., VII, л. 170; Кн. Пуб. Лит., IX, л. 7—8.

ухвалѣ 1566 г. [1]). Пониженіе плата съ господарскихъ державъ объясняется тѣмъ, что господарскіе подданные уплатили въ томъ же 1567 г. еще разъ, сверхъ саймовой, серебщину по приказанію господаря [2]). Но вторая серебщина собрана съ господарскихъ подданныхъ въ размѣрѣ и въ сроки, установленные въ Лебедевѣ и Молодечнѣ [3]).

Хотя налогъ, назначенный къ сбору въ 1568 г. былъ собранъ уже въ 1567 году, однако Городенскій сеймъ, созванный лѣтомъ 1568 г., вынужденъ былъ назначить вновь подать. Она декретирована была въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ предыдущая, а именно съ службы или волоки брали по 48 грошей и съ дыма по 24 гроша; на огородниковъ наложено по 4 гроша. При этомъ сеймъ сдѣлалъ любопытное разъясненіе о соотношеніи дымовъ въ Литвѣ къ службамъ. Сеймовой рецессъ заявляетъ, что, судя по отчетамъ поборцевъ, литовскія службы содержатъ не одинаковое количество дымовъ; поэтому декретируемый теперь налогъ разсчитанъ такимъ образомъ, что служба людей приравнивается тремъ дымамъ, такъ что съ каждаго дыма взималось по 16 грошей; но если служба содержитъ въ себѣ менѣе трехъ дымовъ, то съ нее взимается какъ съ полной службы; если же въ службѣ будетъ болѣе трехъ дымовъ, то съ каждаго лишняго взимается по 16 грошей [4]). Такимъ образомъ сеймъ пытался уравнять размѣры службъ. Но это постановленіе только относится къ литовскимъ областямъ; русскія же волости: Кіевщина, Волынь и Полѣсье платятъ подымовый налогъ. Это сдѣлано, очевидно, въ томъ разсчетѣ, что здѣшнія большія службы и дворища признаны были уже въ 1567 году слишкомъ неудобной единицей обложенія вслѣдствіе различія службъ и дворищъ, о чемъ намъ уже приходилось говорить. Серебщина этого года собиралась въ одинаковомъ размѣрѣ какъ съ частновладѣльческихъ подданыхъ, такъ и съ господарскихъ [5]).

Въ 1568 г. къ обложенію были привлечены всѣ землевладѣльцы. Такъ духовенство должно было вносить податокъ съ своихъ церковныхъ и частныхъ имѣній. Даже шляхта, не имѣющая людей, была

---

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 52.

[2]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, лл. 59—60.

[3]) Ibidem, l. c.

[4]) Впрочемъ, вѣроятно, разсчетъ излишнихъ дымовъ дѣлался не отъ каждой службы, но по отношенію къ цѣлому селу или имѣнію, потому что сеймовой рецессъ такъ говоритъ объ этомъ: „а если *надъ вси службы*, або въ одной дымъ, або два сбывати будутъ“.

[5]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 180—182 об.

привлечена къ платежу налога. Такая шляхта обязана была платить съ „коня" по копѣ грошей, при чемъ для уплаты этой суммы должны были складываться всѣ тѣ шляхтичи, которые сообща складывались на выправу одного коня; даже шляхта, выходившая за бѣдностью въ пѣхотномъ войскѣ, платила подать по такому разсчету, по какому она должна бы была поставить коня. Огородники этой бѣдной шляхты, сидѣвшіе за дворами, платили по 4 гроша. Было сдѣлано еще спеціальное постановленіе относительно бѣдной шляхты, сидѣвшей на землѣ, размѣренной на волоки; такой шляхты было много на Подляшьи. Эта шляхта платила съ заселенной людьми волоки по 48 грошей, а шляхта, сама сидѣвшая на пахатныхъ волокахъ и вовсе не имѣвшая людей, должна была давать по 30 гр. съ волоки, независимо отъ количества дымовъ, бывшихъ на такой волокѣ. Огородники, сидящіе на волокахъ такой шляхты, ничего не платятъ. Освобождена отъ налога также и челядь, живущая въ господскихъ дворахъ. Сеймовой рецессъ разъясняетъ, что и татары платятъ подать точно также, какъ и остальная шляхта, т. е. или съ людей, или съ „коня". Что касается городовъ, то частновладѣльческія мѣстечки, сидѣвшія на волокахъ, обложены были съ волоки по 48 грошей, огородники по 4 гроша, а не имѣющіе земли платили по 2 гроша отъ воротъ. Если въ городахъ земли не размѣрены на волоки, то имѣвшіе менѣе десяти бочекъ земли приравнивались къ огородникамъ, а надѣлы остальныхъ переводились приблизительно къ волочному размѣру. Населеніе какъ сельское такъ и городское, сидѣвшее на воляхъ, должно было также уплачивать подать. Евреи были обложены особой поголовной податью по 12 грошей съ каждаго [1]).

Таковы способы обложенія тѣмъ платомъ, который основною единицею имѣлъ службу земли. Въ данномъ случаѣ мы можемъ говорить о службѣ или волокѣ только какъ объ основной единицѣ. Поборовые универсалы податковъ 1529 г. держатся только службы, но сеймы 1567 и 1568 гг. уже признаютъ такую единицу недостаточно эластичной; поэтому они, сообразно хозяйственнымъ условіямъ различныхъ мѣстностей, комбинируютъ поземельный налогъ съ подымовымъ; сеймъ 1568 г. даже сдѣлалъ попытку уравнять податную тяготу на службахъ земли опредѣленіемъ количества дымовъ нормальной службы. Такимъ образомъ налогъ этого года уже носитъ болѣе

---

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., р. 464—467; Кн. Пер. Лит., VII, л. 176—179; Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, л. 85.

подымовый характеръ, чѣмъ чисто поземельный. Что касается обложенія огородниковъ, то оно отличается большою неопредѣленностью; въ общемъ, это поземельный налогъ, потому что въ основу его кладется извѣстный размѣръ земли, но самый размѣръ не подлежитъ точному опредѣленію также, какъ и размѣры службъ и дворищъ. Замѣтимъ еще, что въ платежѣ разсмотрѣннаго налога принимаютъ участіе всѣ станы, т. е. господарь, духовенство и землянство. Изъ податныхъ классовъ—онъ ложится на тяглое крестьянство, данниковъ и мѣщанство мелкихъ мѣстечекъ, главнымъ занятіемъ которыхъ было земледѣліе; впрочемъ, въ 1529 г. это мѣщанство не подлежало обложенію, а путные слуги, привлеченные къ платежу налога въ этомъ году, не были имъ обложены въ 1567 г. [1]) и, вѣроятно, и въ слѣдующемъ [2]).

Теперь намъ остается познакомиться съ тою податью, къ которой неизмѣнно примѣняется терминъ серебщины. Она собиралась чаще тѣхъ двухъ видовъ подати, которые мы только что разсмотрѣли. Такъ въ промежуткѣ девяноста лѣтъ (1473 — 1563 гг.) она была назначаема пятнадцать разъ, и собиралась въ теченіе 26-ти годовъ, а именно: въ 1473 [3]), 1507 [4]), 1520 [5]), въ мартѣ 1522 [6]), въ ноябрѣ того же 1522 [7]), 1524 — 1525 [8]), 1534 (на три года) [9]), 1540 (на три года) [10]), 1551 (на три года) [11]), 1554 (на три года) [12]),

---

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 455.

[2]) Надо сдѣлать оговорку, что поборовые универсалы и сеймовые рецессы избѣгають прилагать къ налогамъ 1528—1529, 1567, 1568 гг., названіе серебщины, опредѣляя ихъ словами „платъ", „податокъ" и тѣмъ, такъ сказать, выдѣляя ихъ отъ серебщины въ собственномъ смыслѣ. Однако, называя эту подать иногда серебщиною, мы имѣемъ ввиду не только аналогію ея съ серебщиною вслѣдствіе единства объектовъ обложенія, но также и то, что и источники называютъ ее иногда серебщиною (напримѣръ, Книга Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 170).

[3]) Стрыйковскій, Хроника, въ изд. 1766 г., р. 634.

[4]) Акты З. Р., II, р. 9.

[5]) М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, р. 218. Впрочемъ, сборъ серебщины въ этомъ году подлежитъ большому сомнѣнію, такъ какъ въ источникахъ встрѣчается очень неясное упоминаніе о серебщинѣ этого года.

[6]) Акты З. Р., II, р. 18. Дата исправлена М. К. Любавскимъ, ор. с.

[7]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 186.

[8]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р 522, 524, Trzy rozdziały, р. 65.

[9]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VIII, л. 125—162 и лл. 165—467.

[10]) Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 24—26 (напеч. у Любавскаго, о. с., прил.).

[11]) Акты З. Р., III, р. 43; Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 125—127.

[12]) Акты З. Р., III, р. 59; Акты Вил. Ком., VIII, р. 255.

1559 (на два года)[1]), 1561 (только съ господарскихъ державъ)[2]), 1563 (на три года)[3]), въ 1566 г. (только съ господарскихъ державъ[4]).

Такимъ образомъ серебщина собиралась гораздо чаще, чѣмъ другіе виды земской подати. Это объясняется какъ тѣмъ, что эта форма подати представляетъ собою исконный способъ, такъ и чисто финансовыми соображеніями. Дѣло въ томъ, что серебщина давала больше, чѣмъ поголовщина, о чемъ свидѣтельствуетъ универсалъ Сигизмунда Августа на повѣтовые сеймики передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 г.; здѣсь онъ заявляетъ, что поголовщины, собранной въ въ началѣ 1566 года никоимъ образомъ не хватитъ на расплату съ жолнерами, потому что господарь убѣдился: „съ податковъ именей своихъ господарскихъ знати рачить, кгдыжъ нигде такъ много (поголовщина) не вчинить, яко серебщина выносила“[5]).

Основной единицей обложенія при сборѣ серебщины была соха, въ которую впрягалось для пахоты два вола; къ этой сохѣ приравнивались меньшія единицы обложенія. Соха является такимъ образомъ признакомъ, которымъ опредѣляется количество запахиваемой въ крестьянскомъ хозяйствѣ земли. Для характеристики этой единицы обложенія мы приведемъ нѣкоторыя показанія источниковъ. Такъ, серебщина 1534 г. бралась „съ кождого человека и со всякое сохи воловое“; воловой сохой универсалъ называетъ такую, „хто двема волы ореть“; кто пашетъ однимъ воломъ, тотъ платитъ за полсохи; „конская“ соха, т. е. такая, въ которую впрягали пару лошадей, полагалась также въ полную соху. Что конская соха полагалась въ двѣ лошади, разъясняется универсаломъ 1540 г., въ которомъ говорится: „а хто двема клячами сохою одною ореть“, даетъ полную посошную подать, а кто пашетъ однимъ воломъ или одною лошадью, тотъ платитъ половину оклада. Въ рецессѣ 1551 г. находимъ такое же разъясненіе: по окладу этого года воловая соха въ два вола считалась, какъ всегда, полной единицей, конская облагалась половиной; однако „хто бы мелъ одного вола або одну клячу, тотъ маеть дати, яко отъ полсохи“. Такимъ образомъ конская соха полная считается и въ данномъ случаѣ въ двѣ лошади. Такое же разъясненіе встрѣ-

---

[1]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 119—120, 123.

[2]) Акты З. Р., III, р. 99.

[3]) Акты З. Р., III, р. 129; Кн. Пер. Лит., VII, л. 13; Кн. Зап. Лит., XLV, л. 30—30 об.; Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 70.

[4]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 93 об.—94.

[5]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 116 об. (напечатана у Любавскаго въ прил.).

чаемъ и въ универсалахъ 1563 г. Поборовые универсалы и сеймовые рецессы, когда говорятъ о полусохѣ, то обыкновенно выражаются: „хто маеть одного вола або одну клячу“; только универсалъ 1534 г. опредѣляетъ полсоху „хто воломъ пашеть“. Крестьяне, имѣвшіе одного вола или одну лошадь, не всегда впрягали въ соху одно рабочее животное, припрягая къ своему еще нанятаго вола или коня; но и такая соха полагалась въ полусоху [1]). Однако въ соху впрягали и по одному рабочему животному, какъ это видно изъ приведенной ссылки на универсалъ 1534 г., а также и изъ слѣдующаго мѣста универсала 1555 г.: „зъ сохи воловое и конское по десяти грошей, то-есть отъ двухъ воловъ десять грошей, а отъ коня одного, хто-бы имъ оралъ, также десять грошей, а отъ полсохи отъ одного вола пять грошей“ [2]). Въ Полоцкой землѣ, гдѣ преобладали работы лошадьми, считалось двѣ лошади въ одну соху, и одна въ полусоху [3]). То обстоятельство, что въ поборовыхъ универсалахъ конская соха обыкновенно приравнивается полусохѣ и только въ нѣкоторыхъ выдѣляется особо конская соха въ двѣ лошади, сравниваемая съ воловой, вовсе не означаетъ, по нашему мнѣнію, что въ нѣкоторые годы отъ конской сохи въ двѣ лошади бралась половинная подать (какъ это можно бы было думать, ссылаясь на умолчаніе источниковъ). Дѣло въ томъ, что и въ настоящее время во всей Бѣлоруссіи, гдѣ еще сохранились сохи, въ соху впрягаютъ обыкновенно по одной лошади, и упряжка въ двѣ лошади— малоизвѣстна; только соха, употребляемая для запашки лошадью, пускается мельче въ почву, чѣмъ при пахотѣ волами, или же сошники дѣлаются уже и короче, чѣмъ для сохъ, въ которыхъ идутъ волы.

Изъ этого ясно видно, что подать падала на соху, какъ орудіе производства, которымъ опредѣлялось извѣстное пространство пашни, фактически обрабатываемой плательщикомъ. Въ конечномъ итогѣ, слѣдовательно, подать падала на земли, подвергающіяся обработкѣ. Количество рабочаго скота опредѣляетъ собою, въ извѣстной мѣрѣ, имущественное состояніе плательщика, рабочія силы его семьи и, въ особенности, главную часть его дохода. Слѣдовательно, въ серебщину, какъ поземельную подать, вводимъ былъ, въ видѣ нѣкотораго коэффиціента, элементъ поимущественный и частью подоходный. Эту по-

---

[1]) Кн. Переп. Лит., VII, л. 119.

[2]) Акты Вил. Ком., VIII, р. 255.

[3]) Акты З. Р., III, р. 105.

правку необходимо принять во вниманіе для уясненія истиннаго значенія серебщины.

Изъ сказаннаго о характерѣ сохи слѣдуетъ еще и другой выводъ въ томъ смыслѣ, что подъ нею не разумѣлась какая нибудь опредѣленная поземельная площадь: дѣло идетъ только объ орудіяхъ производства, съ помощью которыхъ можетъ быть вспахано извѣстное пространство земли, но фактическая величина его никогда не принималась въ разсчетъ. И это вѣрно не только по отношенію къ правительственной раскладкѣ, но также и къ тѣмъ фактамъ, когда соха является признакомъ для опредѣленія даней и оброковъ въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ [1]). Но само собою разумѣется, что пространство земли, которое можно обработать одной сохой въ два вола или въ двѣ лошади, не могло быть слишкомъ растяжимо, по крайней мѣрѣ въ мѣстности однородной по почвеннымъ условіямъ. Отсюда ясно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ понятіемъ сохи соединялось и извѣстное реальное представленіе о поземельной площади. Это вполнѣ подходитъ къ тому невысокому состоянію сельскохозяйственной метрологіи, когда обычной въ хозяйствѣ поземельной мѣрой являются бочки хлѣбнаго посѣва, стога и копны сѣна или, наконецъ, еще болѣе неопредѣленная мѣра ухожаями, „землею", службами. А эти мѣры господствовали на всемъ пространствѣ государства до введенія волочной помѣры. Вотъ почему мы, напримѣръ на Волыни, встрѣчаемъ опредѣленіе поземельной площади частями сохи [2]). Съ другой стороны, слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующій важный

---

[1]) Такого рода указанія встрѣчаемъ, напримѣръ, въ предѣлахъ Пинскаго княжества. Такъ, въ жалованныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей встрѣчаемъ такое опредѣленіе доходовъ: „А чимъ коли будутъ пахати, и они маютъ зъ сохи давати по колодѣ овса" (Ревизіи пущъ и проч., р. 130, ср. р. 296). Ср., напримѣръ, опредѣленіе оброковъ жмудскихъ куничниковъ. Акты З. Р., II, р. 183—185, р. 200. Къ этому можно присоединить и постановленія ревизорскихъ уставъ о томъ, что съ проведеніемъ волочной помѣры, серебщина впредь никогда не должна быть взимаема съ воловъ или лошадей, но съ земли (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 111). Слѣдовательно, до проведенія волочной помѣры признакомъ для обложенія считали не опредѣленную площадь, но орудія обработки.

[2]) Въ вкладной записи Льва Соколенскаго Кіево-Печерскому монастырю на данниковъ въ селѣ Старинщинѣ встрѣчаемъ такую замѣтку: „А земли подъ тыми людьми всее пашноѣ на полпяты сохи, и на кождый годъ они съ тыхъ полпеты сохи серебщину платятъ, по чому которого году на нихъ всхочетъ господинъ архимандритъ Печерскій серебщину положити, то они повинни каждого году отъ сохъ серебщину платити" (Акты Ю.-З. Р., I, р. 127).

фактъ, который разъясняетъ намъ, какую поземельную площадь считалось въ то время возможнымъ обработать при помощи сохи съ упряжкою въ два вола и двѣ лошади; это относится по крайней мѣрѣ къ центральнымъ Литовскимъ областямъ. Такъ въ Браславлѣ Литовскомъ въ 1562 г. серебщина собиралась съ волоки по 20 грошей; а гдѣ волоки не были размѣрены, тамъ бралось отъ воловой или конской сохи тоже по 20 гр.; значитъ, волока приравнена къ сохѣ, т. е. участку въ 19 съ лишнимъ десятинъ, обрабатываемому при трехпольной системѣ [1]). Иными словами: при работѣ одной сохой вырабатывалось около 20 бочекъ земли ежегодно, считая на до-волочныя единицы, такъ какъ въ волоку полагалось около 30 бочекъ земли. Таксированіе волоки сохой встрѣчаемъ и въ поборовомъ листѣ 1566 г. [2]).

Легко замѣтить, что такой признакъ обложенія какъ соха не могъ охватить всѣхъ сторонъ крестьянскаго хозяйства, такъ какъ оно не было исключительно земледѣльческимъ; при земледѣліи крестьянское хозяйство могло обходиться наемными сохами и, слѣдовательно, нѣкоторая часть плательщиковъ могла ускользать отъ обложенія. Правда, къ платежу податей привлекалась такая хозяйственная разновидность, какъ группа огородниковъ. Такимъ образомъ, всегда подать платилась съ тяглыхъ, имѣвшихъ рабочій скотъ, и огородническихъ хозяйствъ. Но кромѣ того, серебщина во многіе годы падала и на другіе типы крестьянскаго хозяйства. Въ такомъ случаѣ податной единицей была земля; эта единица въ разные годы неодинаково опредѣлялась. Такъ въ 1522 г. серебщина бралась „отъ земли“ съ хозяйствъ, не имѣвшихъ рабочаго скота. Универсалы 1534 и 1540 г.г. различаютъ хозяйства, не имѣющія скота, но имѣющія землю, и дворовыя хозяйства, имѣющія скотъ, но не имѣющія земли. Иногда подать налагалась „отъ земли“ вообще на тѣ хозяйства, которыя имѣютъ съ земли „поживу“, не опредѣляя однако, въ чемъ она должна заключаться (напримѣръ, въ 1507 г.). Однако облагаемый „пожитокъ“ имѣлъ ввиду исключительно сельскохозяйственную промышленность. Это видно уже изъ того, что главнымъ признакомъ для обложенія служитъ рабочій скотъ. Если универсалы и говорятъ о землѣ въ такихъ хозяйствахъ, въ которыхъ нѣтъ рабочаго скота, то всетаки они разумѣютъ не ухожая

---

[1]) Кн. Переп. Лит., VII, л. 119 об. (напечат. у Любавскаго, о. с., р. 116 прил.)
[2]) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 93 об.

и вообще какія нибудь промысловыя занятія, но пахатную землю: универсалъ 1540 г., облагающій хозяйства безъ земли, изложивъ поборовую уставу, въ концѣ концовъ требуетъ отъ сборщиковъ подати тщательно опредѣлить, сколько у крестьянъ сохъ и „чимъ хто пашеть". Универсалъ 1563 г. понимаетъ облагаемую „землю" какъ пахатную: кто не имѣетъ скота, тотъ платитъ „съ земли супольное службу, которую *пашуть*" [1]). Въ 1554 г. облагалась пустовская земля, „которая бы зъ найму пахана". Изъ этого ясно, что хотя наши источники очень скудны, однако они даютъ возможность вывести заключеніе въ томъ смыслѣ, что обложенію подлежали только пахатныя хозяйства, вообще хозяйства, въ которыхъ производство хлѣба было главнымъ или подспорнымъ занятіемъ; притомъ обложеніе было направлено такимъ образомъ, что оно, охватывая хлѣбопашество, совершенно игнорировало другіе промыслы. Поэтому ухожаи, бортные, звѣриные, рыбные, не говоря о ремеслахъ, не облагались; не удивительно поэтому, что южная украина—цѣлая область, хозяйство которой заключалось въ промысловыхъ ухожаяхъ, не платила серебщины.

Такимъ образомъ обложеніемъ „земель" вводилась поправка къ посошной раскладкѣ, но только по отношенію къ хозяйствамъ, занимающимся хлѣбопашествомъ, не имѣя скота, отчасти и то отношенію къ оброчнымъ землямъ.

Такой же поправкой слѣдуетъ считать привлеченіе къ налогу безземельныхъ дворовъ, обладающихъ однако орудіями производства (напримѣръ, въ 1534 и 1540 г.г.). Что касается огородниковъ, то подъ ними разумѣлся классъ населенія, не ведшій самостоятельной запашки и поэтому неимѣвшій рабочаго скота. Еще прибавимъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ къ налогу привлекались и хозяйства, не высидѣвшія „воли".

Послѣ знакомства съ единицами обложенія, намъ удобно теперь перейти къ размѣрамъ его. Мы представимъ постепенный ростъ серебщиннаго оклада въ одной сводной таблицѣ. Хотя окладныя единицы, какъ мы видимъ, довольно однообразны, мы всетаки приведемъ опредѣленіе ихъ словами источниковъ, разъ формулировка ихъ представляетъ какое нибудь отличіе.

Такимъ образомъ наши данныя о размѣрахъ оклада могутъ быть распредѣлены такъ:

---

[1]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 13.

Годы	1473	1507	1522 мартъ	1522 ноябрь	1524	1525	1534—1536	1540—1542	1551—1553	1554—1556	1559—1560	1562	1563—1565	1566
		гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.	гр.
соха воловая, т. е. въ два вола	9 гр. пол.	6	15	15	15	8	12	12	5	10	10	20	30	15
соха конская, т. е. въ двѣ лошади	—	—	—	—	—	—	—	12	—	10	—	20	30	—
полусоха воловая или конская, т. е. одно рабочее животное	—	3	$7^1/_2$	$7^1/_2$	—	—	6	6	$2^1/_2$	5	—	10	15	—
„хто землю держить подъ собою, а воловъ и клячъ не маеть, а зъ земли поживу маеть“	—	3	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—
„который человекъ маеть землю, а не маеть вола, ани клячи“	—	—	—	—	—	—	6	6	—	—	—	10	16	—
„отъ чоловека, который сохъ не маеть, отъ земли“ . .	—	—	6	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„который земли не маеть, только дворомъ седить, клячу, або вола маеть“	—	—	—	—	—	—	6	6	—	—	—	—	—	—
„который не маючи воловъ землю держить“	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—
„съ земли пустовской, которая бы зъ найму пахана“ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—
волока	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	—	—
огородникъ (сидитъ на огородѣ, ни земли, ни воловъ не имѣетъ)	—	—	3	3	—	—	3	3	—	$2^1/_2$	—	5	5	2
мѣщане, не имѣющіе земли и скота (отъ воротъ) . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$2^1/_2$	—	—	3	—

Представленная таблица указываетъ прежде всего на колебанія въ размѣрахъ обложенія: опредѣленнаго размѣра не было, и подать подымалась и понижалась сообразно тому, насколько государство нуждалось въ деньгахъ. Въ годы, когда подать вызывалась военнымъ временемъ, размѣръ ея подымался; когда же подать собиралась на нужды обороны, она назначалась въ меньшемъ размѣрѣ. Въ общемъ, размѣръ подати увеличился въ теченіе девяностолѣтняго періода въ 5 разъ.

Однако общія нормы подати, установленныя сеймами, требуютъ еще нѣкоторыхъ разъясненій, такъ какъ на практикѣ при взиманіи налоговъ дѣлались отступленія, которыя необходимо имѣть ввиду при разсмотрѣніи вопроса о размѣрахъ серебщины. Намъ извѣстны особенности въ порядкѣ сбора только относительно позднѣйшихъ серебщинъ.

Такъ серебщина, назначенная въ началѣ 1534 г. въ размѣрѣ 12 грошей отъ сохи, была собрана весною того же года [1]). Но въ ноябрѣ того же года господарь разослалъ универсалы о сборѣ второго взноса серебщины къ дню св. Крещенія 1535 г., причемъ на этотъ разъ должно быть собрано по 15 грошей отъ сохи, по $7^1/_2$ грошей отъ полусохи, отъ „земли“ по $7^1/_2$ грошей, столько же отъ тѣхъ, кто не имѣетъ земли, но имѣетъ скотъ, и по 3 гроша отъ огородника. Такъ какъ такой размѣръ серебщины превышалъ назначенный сеймомъ, то въ своихъ универсалахъ Сигизмундъ I объясняетъ, что увеличеніе плата сдѣлано „для великое потребы“, ввиду предположенной „моцнейшей вальки“ противъ непріятеля; поэтому третій сборъ серебщины будетъ собранъ уже въ размѣрѣ 10 грошей отъ сохи [2]), слѣдовательно, всетаки въ общемъ господарь увеличилъ платъ въ 1 грошъ отъ сохи на одномъ сборѣ подати. Серебщина 1551 г. тоже была собрана съ нѣкоторыми отступленіями. Первый сборъ ея, ввиду неурожая и голода, постигшаго государство, былъ назначенъ только на день Рождества Богородицы 1552 г. [3]). Но и это серебщина была неаккуратно внесена. Вторая и третья серебщины были назначены на тѣ же числа 1553 и 1554 г.г. [4]). Однако въ октябрѣ 1552 г. уже

[1]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VIII, л. 125.

[2]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VIII, л. 165—167 об.

[3]) Акты З. Р., III, р. 43.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 125.

разосланы универсалы, приказывающіе собрать вторую серебщину на Громницы 1553 г. [1]). Но къ концу того же 1552 г. скарбъ уже не могъ оплатить наемныхъ ротъ, стоявшихъ на Украинѣ, хотя первая серебщина была совсѣмъ выбрана и ожидался сборъ второй. Поэтому на сеймѣ 1552 г. была декретирована прибавка къ тремъ серебщинамъ, назначеннымъ на сеймѣ 1551 г. Прибавка эта заключалась въ уплатѣ съ каждаго коня, выставляемаго на службу, по одной копѣ грошей, а съ имѣній церковныхъ—по 6 грошей отъ службы людей. Сборъ этихъ поконевскихъ копъ былъ назначенъ на середопостье 1553 г., а взносъ послѣдней серебщины, декретированной въ 1551 г., на день Рождества Богородицы того же 1553 г. [2]). Такимъ образомъ въ этомъ году былъ назначенъ взносъ трехъ податей и при такихъ условіяхъ, что поборовые универсалы разсылались только 26 декабря. Нужно замѣтить, что хотя универсалы о сборѣ поконевскихъ копъ указываютъ на согласіе пановъ радныхъ „и всихъ ку сейму прислухаючихъ" [3]), но тѣмъ не менѣе шляхетство было весьма недовольно постановленіемъ о копахъ. Дѣло въ томъ, что на этомъ сеймѣ были только паны рада, врядники и хоружіе. Поэтому сеймъ, собравшійся въ Вильнѣ въ 1554 г., упрекалъ короля въ томъ, что вопросъ о копахъ былъ рѣшенъ „не на вальномъ сеймѣ", т. е. не на законно собранномъ, и королю пришлось имѣть весьма непріятное объясненіе съ шляхетскимъ посполъствомъ [4]), а жмудины не только просили о томъ, чтобы впредь такой подати не было назначаемо, но даже о возвращеніи имъ собранныхъ денегъ [5]). Вообще, среди шляхты этотъ сборъ вызвалъ сильный ропотъ [6]), тѣмъ болѣе, что самый налогъ сдавался въ скарбъ, а не выборнымъ поборцамъ [7]).

При сборѣ серебщины, назначенной въ 1554 г. на три года, первый взносъ былъ потребованъ въ 1555 г. [8]), но остальные два взноса серебщины совсѣмъ не собирались до 1559 г.; въ ноябрѣ 1558 г. разосланы универсалы съ разъясненіемъ, что господарь сдѣ-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 41 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 51 об.

[3]) Объ этомъ сеймѣ см. у Любавскаго, о. с., р. 575.

[4]) Акты З. Р., III, р. 51.

[5]) Ibidem, р. 60.

[6]) Albert Wijuk-Koialowicz, Historiae Lietwaniae pars altera. Антверпенъ, 1669, р. 421.

[7]) Хроника Стрыйковскаго въ изданіи 1766 г., р. 751.

[8]) Акты Виленской Коммиссіи, VIII, р. 255.

лалъ „фольгу“ населенію, и до этого времени не бралъ серебщины, теперь же ввиду скарбовыхъ нуждъ, господарь назначаетъ сборъ подати на Громницы 1559 и 1560 г.г., но въ половинномъ размѣрѣ сравнительно съ сеймовой ухвалою, т. е. по пяти грошей отъ сохи [1]). Съ господарскихъ державъ серебщина однако собиралась безъ всякой сбавки [2]). Поэтому сеймъ 1559 г., декретируя подать на 1560 и 1561 гг., прибавилъ къ той серебщинѣ, которая должна быть собранной о Громницахъ 1560 г. (на основаніи ухвалы 1554 г.) еще по 5 грошей отъ сохи, а въ 1561 г. назначилъ полный сборъ въ 10 гр.[3]). Такъ сложился налогъ 1560 г. Однако съ господарскихъ подданыхъ въ 1561 г. серебщина собиралась по 15 гр. отъ сохи [4]). Серебщина 1563 г. тоже не была собрана въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это предположено декретомъ. Послѣдніе два сбора ея назначены были на половину января 1566 г. Но сеймъ, засѣдавшій въ Берестіи въ декабрѣ 1565 г., просилъ господаря о льготахъ по сбору этихъ двухъ серебщинъ. На сеймѣ было рѣшено, ввиду назначенія поголовщины на 1566 г., совсѣмъ отмѣнить взносъ третьей серебщины по ухвалѣ 1563 г., а кто успѣлъ внести ее, тому этотъ взносъ вычитается изъ поголовщины [5]). Относительно второго взноса той же серебщины было рѣшено такъ: кто не успѣлъ его сдѣлать, тотъ обязанъ былъ внести „водлугъ преможенья“ своего, принеся присягу передъ бирчимъ въ томъ, что онъ не могъ собрать съ своихъ подданныхъ, вслѣдствіе ихъ разоренія, больше того, что вноситъ теперь [6]). Изъ этого видно, что согласно уфалѣ сейма 1563 года былъ собранъ только одинъ взносъ подати; второй былъ собираемъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ землевладѣльцы желали, или могли его внести, а третій совсѣмъ былъ отмѣненъ. Но эта льгота коснулась только частновладѣльческихъ людей потому, что и сами сеймовые рецессы говорятъ о нихъ, и, наконецъ, господарскіе листы, разосланные лѣтомъ 1565 г., требовали отъ господарскихъ подданыхъ немедленнаго взноса уже третьей серебщины, такъ какъ вторая была отъ нихъ собрана въ предыдущемъ году; изъ этихъ листовъ также видно, что взносъ третьей серебщины для господарскихъ под-

---

[1]) Любавскій, о. с., р. 91 прил.
[2]) М. К. Любавскій, о. с., прил., р. 94.
[3]) Акты З Р., III, р. 99.
[4]) Кн. Переп. Лит., VII, л. 41 об.
[5]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 166.
[6]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I. р. 161; Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 96.

данныхъ былъ назначенъ на день св. Михаила 1565 г., но затребованъ нѣсколькими мѣсяцами раньше [1]).

Такимъ образомъ, назначаемыя сеймами подати не всегда поступали въ казну въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ вотировались; правда, бывали случаи дополнительныхъ сборовъ, но гораздо чаще шляхта успѣвала уменьшить размѣръ подати.

Разсмотрѣніе тѣхъ нормъ, въ которыхъ опредѣлялась подать, далеко не все еще уясняетъ въ ея исторіи. Уже при обзорѣ поголовщинъ и плата, падавшаго на службы, можно было замѣтить, что не всегда всѣ элементы общества подлежали обложенію. По отношенію къ серебщинѣ эта сторона гораздо сложнѣе. При томъ порядкѣ вещей, когда посредникомъ между государствомъ и плательщикомъ налоговъ является помѣщикъ, въ сущности оказывается какъ бы два податныхъ субъекта, къ которымъ государство обращается за податью: во-первыхъ, помѣщикъ, во-вторыхъ, его подданые. Поэтому приходится разсмотрѣть и тѣ классы подданыхъ, на которые подать падала, и тѣ станы землевладѣльческаго общества, съ людей которыхъ подать собиралась; наконецъ совсѣмъ особыя группы составляютъ привилегированные города и еврейскія общины.

По отношенію къ тяглымъ классамъ, уже изъ предыдущаго ясно, что подать въ размѣрѣ, налагаемомъ сеймами, падаетъ на земледѣльцевъ. Частновладѣльческіе города совсѣмъ не подлежали платежу серебщины, на господарскіе же города она налагалась особо. Въ самомъ земледѣльческомъ населеніи есть группы, не одинаковыя по своему повинностному положенію и основному типу хозяйства. Группы слугъ путныхъ и бояръ панцырныхъ представляютъ собою верхи крестьянскаго общества, обязанные военною службою. Затѣмъ идетъ рядъ хозяйственныхъ службъ при господскихъ дворахъ, люди тяглые, главнымъ занятіемъ которыхъ былъ земледѣльческій промыселъ, данники, занятіемъ которыхъ были и земледѣліе и лѣсные промыслы, наконецъ, разные виды челяди,—дворовой и задворной, сидѣвшей на земельныхъ участкахъ. Вообще, на частновладѣльческихъ земляхъ сидѣли тѣ же группы населенія, какія можно наблюдать въ господарскихъ державахъ [2]). Такимъ образомъ, податной крестьянскій

---

[1]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 70; Кн. Зап. Лит., XLV, л. 88—90 (напечат. у Любавскаго, о. с., р. 147, прил.).

[2]) См. выше, въ 3 гл.

міръ былъ весьма не однороденъ. Не смотря на это, податная система игнорируетъ указанное явленіе. Это видно уже изъ опредѣленій, даваемыхъ универсалами и другими источниками податнымъ субъектамъ: обложенію подлежитъ только тотъ, „хто што пашеть“. Слѣдовательно, промысловыя занятія деревенскаго люда въ это опредѣленіе не входятъ и центръ обложенія падалъ на крестьянъ-пахатниковъ. Если универсалы называютъ разряды облагаемаго крестьянскаго населенія, то они всегда говорятъ о тягломъ крестьянствѣ. Такъ, постановленіе 1551 г. говоритъ, что серебщина наложена на людей тяглыхъ, серебщина 1554 года тоже налагается на людей тяглыхъ. Слѣдовательно, этотъ разрядъ крестьянъ и былъ главнымъ плательщикомъ прямой подати, а другіе привлекались къ платежу ея постольку, поскольку они занимались земледѣліемъ. Что касается слугъ путныхъ и бояръ панцырныхъ, то въ этомъ отношеніи установленнаго порядка не было. Такъ въ 1540 году серебщина взималась съ слугъ путныхъ и конюховъ, жившихъ на земляхъ господарскихъ и королевы Боны, но съ частновладѣльческихъ путныхъ слугъ, бояръ и слугъ боярскихъ серебщина не была взята, такъ какъ эти элементы выходятъ на войну; но люди ихъ платили; въ 1554 г. путные слуги господарскихъ державъ тоже были обложены податью; путные слуги воеводскихъ державъ, равно какъ и живущіе на земляхъ самихъ воеводъ, платили подать, тогда какъ остальные земяне вносили платъ только съ тяглыхъ людей своихъ [1]). Въ 1554 году панцырные слуги господарскихъ державъ не платили серебщины [2]), а также и путные слуги на частновладѣльческихъ земляхъ [3]). Такимъ образомъ запашка, производившаяся самими слугами путными, не подлежала обложенію, если слуги жили на частновладѣльческихъ земляхъ; если же они жи-

---

[1]) Такъ слѣдуетъ думать потому, что универсалъ говоритъ о сборѣ подати „водле уставы зъ людей земянскихъ съ кождого поветника“, совершенно умалчивая о земянскихъ боярахъ и слугахъ путныхъ; о сборѣ съ господарскихъ подданыхъ универсалъ говоритъ особо, въ томъ числѣ и съ слугъ путныхъ; и затѣмъ встрѣчаемъ приписку, спеціально касающуюся воеводствъ: въ дворахъ воеводскихъ приказывается „бояръ шляхты и ихъ людей пописывати и тотъ платъ водле уставы зъ людей ихъ отъ сохъ воловыхъ и конскихъ выбирати, а зъ людей путныхъ и тяглыхъ у воеводствахъ ихъ и по ихъ именьямъ маютъ врядники ихъ тотъ платъ выбирати“.

[2]) Акты Вилен. Ком., VIII, р. 255.

[3]) Акты З. Р., III, р. 59.

ли на господарскихъ земляхъ, то большею частью подлежали обложенію.

Въ такомъ же полу-привилегированномъ положеніи находились „служебники“ господарскіе, т. е. лица, исполнявшія при дворѣ разныя службы: они, какъ и шляхта, не платили серебщины съ своихъ дворовыхъ сохъ, а съ людей своихъ давали только тогда, когда серебщина налагалась на шляхетскихъ подданыхъ [1]).

Такъ разлагалась прямая подать въ средѣ земледѣльческаго класса.

Но серебщина падала на соху; слѣдовательно, является еще вопросъ, подлежала ли ей господская пашня, какъ обрабатываемая крѣпостнымъ трудомъ, такъ и лично самой шляхтой, если она не имѣла людей. Эти вопросы несомнѣнно рѣшаются въ отрицательномъ смыслѣ, и прежде всего на основаніи прямаго смысла постановленій сеймовыхъ рецессовъ, которые опредѣленно назначаютъ подать *съ людей* господарскихъ, земянскихъ, церковныхъ; слѣдовательно, дворовая запашка въ этотъ счетъ входить не могла. Но такъ какъ на практикѣ иногда на этотъ счетъ происходили недоразумѣнія, въ особенности по отношенію къ бѣдной шляхтѣ, не имѣвшей своихъ людей, то встрѣчаются по тому же поводу и частныя разъясненія. Такъ въ 1530 г. земяне всей Дорогицкой земли жаловались на своего хоружаго о томъ, что онъ беретъ подать „зъ земянъ, которые людей въ себе не мають“, и господарь разъяснилъ, что платъ долженъ взиматься только съ земянскихъ людей [2]). Въ уставѣ о наложеніи плата 1529 г. спеціально разъяснено, что та шляхта, которая не имѣетъ людей, свободна отъ подати [3]). Въ 1534 году цѣлая группа Клецкихъ бояръ пріѣзжала къ королевѣ Бонѣ жаловаться на мѣстнаго старосту, который правитъ на нихъ серебщину. Королева Бона обратилась по этому поводу за разъясненіемъ къ королю и тотъ заявилъ ей, что тѣ бояре, которые несутъ военную земскую службу „конемъ“, не обязаны платить серебщины; но если такіе бояре имѣютъ своихъ людей, или огородниковъ, то они должны давать серебщину съ своихъ людей [4]). Положеніе такой бѣднѣйшей шляхты иног-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 96 об.

[2]) Кн. Судп. Дѣлъ Лит., IV, л. 330.

[3]) Акты З. Р., II, р. 204.

[4]) Ревизія пущъ и проч., р. 363.

да, впрочемъ, опредѣлялось и сеймовыми рецессами. Такъ рецессъ 1554 г. объясняетъ, что земледѣльческая шляхта не должна платить съ своихъ дворныхъ сохъ [1]). По постановленію сейма 1563 г. такая шляхта была освобождена отъ серебщины въ томъ случаѣ, если она владѣетъ менѣе четырехъ сохъ; съ четырехъ и большаго количества сохъ взималась копа грошей „отъ коня",—слѣдовательно всетаки не съ сохъ [2]); мы уже знаемъ, что и въ 1568 г. земледѣльческая шляхта была такимъ же образомъ привлечена къ платежу подати.

Выяснивъ отношеніе прямой подати къ барской запашкѣ, намъ теперь остается указать на участіе различныхъ элементовъ землевладѣльческаго класса въ платежѣ прямой подати [3]). Поборовые универ-

---

[1]) Акты З. Р., III, p. 59.

[2]) Ibidem, p. 130.

[3]) Главнымъ доказательствомъ участія въ платежѣ прямой подати различныхъ слоевъ земянства, духовенства и господарскихъ добръ служатъ сеймовые рецессы и поборовые универсалы. Такъ какъ для насъ эти показанія имѣютъ весьма важное значеніе, то мы приведемъ здѣсь соотвѣтственныя мѣста источниковъ.

Такъ, на сеймѣ 1507 г. серебщина была дана: „И тежъ ихъ милость князь бискупъ и панове рада, воеводы, княжата, земяне, вдовы, и вся посполите шляхта, которые на тотъ часъ на томъ соймѣ были, зволили". Земля Жомойтская также не отказывалась на этомъ сеймѣ дать серебщину, но представители ея не могли здѣсь же согласиться на подать потому, что па сеймѣ не было „старшихъ пановъ"; рѣшено было, что король напишетъ о серебщинѣ старостѣ жомойтскому (Акты З. Р., II, p. 9—10).

Поборовые универсалы, разсылавшіеся въ январѣ 1519 г. о сборѣ поголовщины, говорятъ не только о сборѣ ея со всѣхъ повѣтовыхъ классовъ общества, тяглыхъ и нетяглыхъ, но также и о сборѣ *„въ посродку"* государства и по украиннымъ землямъ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., II, л. 262 об.—264). Рада уплатила особо.

Поборовые универсалы, разсылавшіеся въ мартѣ 1522 г., обращены были къ намѣстникамъ и тивунамъ господарскихъ державъ, князьямъ, панамъ, боярамъ, дворянамъ, татарамъ и слугамъ путнымъ, налагая серебщину на земли свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ по всему великому княжеству и по украиннымъ землямъ (Акты З. Р., II, p. 18).

Съ тѣхъ же становъ, т. е. съ пановъ, шляхетства, духовенства и господарскихъ державъ взята была вторая серебщина 1522 г. (Акты Лит.-рус. гос., I, p. 186).

Платъ, наложенный въ 1529 г. назначенъ съ земель господарскихъ, свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ (Акты З. Р., II, p. 203—205).

Серебщина, ухваленная въ 1534 г. взималась съ господарскихъ державъ, имѣній королевы Боны, съ земель шляхетства и духовенства (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VIII, л 165).

Въ 1540 г. серебщина назначена на подданыхъ господарскихъ державъ, королевы Боны, бискупьихъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ, греческаго и римскаго духовенства (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 24 об.).

салы совершенно ясно въ этомъ отношенiи указываютъ, что участiе въ платежѣ подати принимали оба стана, призывавшiеся на сеймъ, т. е. всѣ элементы шляхетства и католическое духовенство, а также и подданые господарскихъ державъ. Относительно земель духовенства надо замѣтить, что рецессы и универсалы иногда опускаютъ упоминанiе о земляхъ греческаго духовенства и о томъ, налагается ли серебщина на земли церковныя и принадлежащiя духовенству лично. Но это только случайное умолчанiе, вовсе не свидѣтельствующее о о томъ, что тѣ или другiя группы земель, находящихся во владѣнiи духовенства, не всегда привлекались къ платежу подати. Такъ, сеймовой рецессъ 1559 г. вовсе не говоритъ о группахъ землевладѣнiя, обязанныхъ по сеймовой ухвалѣ платить подать; однако она собрана была въ митрополичьихъ имѣнiяхъ [1]). И вообще подданые греческаго духовенства должны были платить серебщину, когда она налагалась на все государство [2]). Точно также имѣнiя, принадлежавшiя церкви, подлежали платѣ серебщины наравнѣ съ находившимися во владѣнiи лицъ духовнаго сословiя на правѣ частной собственности [3]). Однако, къ концу изучаемаго перiода шляхетство уже стало по отношенiю къ духовенству предъявлять требованiя, чтобы оно вносило подати не только съ имѣнiй, но и съ доходовъ своихъ и въ этомъ отношенiи, повидимому, достигло успѣха на сеймѣ 1565 г. [4]).

Различныя группы шляхетскаго стана одинаковымъ образомъ подлежали платежу съ своихъ имѣнiй серебщины; различiе заключа-

---

Сеймъ 1551 г. декретировалъ серебщину „со всѣхъ подданыхъ нашихъ и королевое ее милости навысшшее княгини Боны, пани матки нашое, и тежъ съ подданыхъ пановъ рад нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ, князьскихъ, панскихъ и земянскихъ“ (Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 125).

Въ 1554 г. серебщина также пала на всѣ три стана, т. е. на господарскiя добра, шляхетскiя и духовенства греческаго и римскаго (Акты З. Р., III, p. 59).

На тѣ же станы пала и подать 1559 г., потому что она является продолженiемъ первой (сеймовой рецессъ не говоритъ о станахъ, а универсаловъ не сохранилось).

Подать 1562 г., какъ мы уже знаемъ, была собрана только съ господарскихъ державъ. Въ платежѣ серебщины 1563 г. принимали участiе всѣ станы (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 30—30 об.), а объ участiи ихъ въ податяхъ, декретированныхъ въ 1565, 1567 и 1568 гг., мы уже знаемъ.

[1]) Описанiе Арх. греко-унiатскихъ митрополитовъ, p. 33.

[2]) Ср. еще ibidem, p. 27; Акты З. Р., I, p. 167 и 189—192.

[3]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, л. 85; Акты З. Р., III, p. 60; Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 165.

[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 168.

лось только въ пріемахъ ея взиманія, такъ какъ паны „преложеные“, хоруговные, передавали подать непосредственно въ центральное казначейство, а не въ повѣты.

Если въ средѣ шляхетства нельзя указать такихъ элементовъ, которые были бы свободны отъ серебщины, то зато надо отмѣтить нѣсколько особое положеніе украинныхъ областей. Въ нѣкоторыхъ поборовыхъ универсалахъ съ особымъ удареніемъ подчеркивается тотъ фактъ, что серебщина должна быть собрана не только въ центральныхъ областяхъ государства, но также и на окраинахъ. Дѣйствительно, окраинныя земли весьма неохотно платили серебщину, а на южной Украинѣ—она вовсе не взималась. Объ этомъ мы уже знаемъ изъ постановленія, сдѣланнаго Яномъ Волчковичемъ: онъ прямо говоритъ, что въ южныхъ повѣтахъ серебщина не собиралась и такъ какъ здѣшніе земяне не пожелали установить сторожевой повинности, согласно сдѣланнаго имъ со стороны правительства предложенія, то съ 1561 г. на нихъ должна налагаться серебщина въ тѣ годы, когда назначалась сеймомъ, но она обращалась на оплату сторожевой повинности [1]). Однако, въ 1569 г. мѣщане Черкасскіе успѣли исхлопотать себѣ господарскій листъ, освобождающій ихъ навсегда отъ уплаты земскаго податка, налагаемаго сеймами, такъ какъ мѣщане держатъ сторожу на замкѣ и подвержены частымъ „шкодамъ и небезпеченству“ вслѣдствіе нападеній отъ татаръ [2]). Свобода отъ подати, распространявшаяся на Украину, побуждала иногда сеймы обращаться съ просьбами къ господарю о привлеченіи украинскихъ воеводъ, старостъ и земянства къ платежу податей [3]). Однако на другихъ окраинахъ серебщина взималась, хотя представители Полоцкой и Витебской земель сдѣлали въ 1559 году попытку освободиться навсегда отъ уплаты серебщины, въ чемъ получили отказъ [4]).

Такимъ образомъ, земянство представляется однороднымъ по отношенію къ платежу земской подати, что вполнѣ естественно. Весьма рѣдки даже льготы, даруемыя господаремъ частнымъ лицамъ или городскимъ и волостнымъ общинамъ; онѣ давались только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, вслѣдствіе повальныхъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 35 об.

[2]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., X, л. 22 об.—23.

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 161.

[4]) Акты З. Р., III. р. 104, 105.

болѣзней [1]), пожара [2]), разоренія отъ непріятеля [3]), „накладовъ" при постройкѣ замковъ [4]), въ борьбѣ съ непріятелемъ [5]) и т. п. Вообще освобожденіе отъ серебщины было крайне затруднено, что видно изъ объясненій въ господарскихъ листахъ тѣхъ причинъ, которыя послужили для выдачи грамоты [6]). Льготы давались чаще всего на одинъ, два взноса. Нерѣдко господарь отклонялъ просьбы объ освобожденіи отъ серебщины [7]), а сеймовые рецессы постановляли, чтобы „жадная особа" не уклонялась отъ подати [8]).

Остается не разсмотрѣнной еще послѣдняя категорія плательщиковъ налога—подданые господарскихъ державъ и привилегированные города; евреи, жившіе какъ въ господарскихъ городахъ, такъ и въ частновладѣльческихъ, составляли особую группу плательщиковъ, которая и будетъ разсмотрѣна отдѣльно.

Есть нѣкоторыя указанія на то, что серебщина приблизительно до первой четверти XVI столѣтія оставалась постояннымъ налогомъ, уплачиваемымъ поддаными господарскихъ державъ [9]). И это вполнѣ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XIV, л. 214 об.—Лист мѣщанамъ и волощанамъ Кричевскимъ. Въ 1554 г. Виленскіе мѣщане получили такое же освобожденіе. Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 310.

[2]) Такой листъ получили Виленскіе мѣщане въ 1559 г. (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 222 об.). Въ 1560 г. дана льгота на десять лѣтъ Володимирскимъ мѣщанамъ, продолженная въ 1563 г. вслѣдствіе новаго пожара еще на четыре года (Бершадскій, II, p. 131).

[3]) Акты З. Р., I, p. 347, грамота Смоленску.

[4]) Въ 1560 г. Усвятской и Озерищской волостямъ отпущена серебщина, потому что онѣ понесли большіе „наклады" при постройкѣ замка въ Озерищахъ (Кн. Зап. Лит., XXVII, л. 333).

[5]) Ibidem, л. 457.

[6]) Вотъ, напримѣръ, объясненіе, данное при освобожденіи отъ серебщины за 1560 г. имѣній князя Крошинскаго: „Ино онъ (Крошинскій) тыхъ часовъ присылалъ до насъ, поведаючы, ижъ именья его отъ войска нашого великий упадъ и знищченье приняли, и не могучы зъ нихъ тое серебщизны выбрати, билъ намъ чоломъ, абыхмо... отпустили, о чомъ и отъ пановъ радъ и врядниковъ нашыхъ, которые у войску нашомъ были, ведомость есмо взяли, же тые именья его отъ войска нашого скажоны" (Кн. Зап. Лит., XLV, л. 58 об.).

[7]) Акты З. Р., III, p. 100.

[8]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 167—169. Однако „вымова" предоставлена только Мстиславцамъ и Витеблянамъ, пострадавшимъ отъ нашествія непріятелей.

[9]) Такъ въ Кричевской волости „серебщину и иныи поплатки намъ давали по давному" (Акты Лит. рус. гос., I, p. 137). Въ Могилевской вол. „серебщину маютъ намъ завжды на третий годъ давати, колько мы, господаръ, на нихъ поло-

понятно, такъ какъ привилеемъ 1447 г. освобождены отъ серебщины только имѣнія, состоявшія на правѣ земскомъ. Но это обстоятельство нисколько не исключало того, что господарь налагалъ и на свои державы серебщину тогда, когда она собиралась во всемъ государствѣ; такіе сборы налога начинаются съ 1522 г. (о болѣе раннихъ серебщинахъ у насъ нѣтъ свѣдѣній). Источники не даютъ однако никакихъ свѣдѣній о томъ, исключала ли серебщина, собранная въ господарскихъ державахъ въ размѣрѣ, указанномъ сеймовымъ декретомъ, ординарную серебщину. Однако приблизительно послѣ тридцатыхъ годовъ XVI ст. нигдѣ уже не встрѣчается никакихъ намековъ касательно сборовъ въ господарскихъ державахъ ординарной серебщины, изъ чего слѣдуетъ заключить, что такіе сборы прекратились и замѣнились тѣми, которые налагались сеймами. Впрочемъ и впослѣдствіи господарь, какъ это мы уже знаемъ, налагалъ серебщину на свои державы и тогда, когда сеймы не вотировали ея на всю землю. Наложеніе серебщины господаремъ на своихъ подданыхъ имѣло тотъ смыслъ, что господарь присоединялъ этотъ налогъ на тѣ же нужды, на которыя онъ вотированъ былъ сеймомъ. Но это зависѣло отъ воли и ласки господарской. Такъ податокъ 1529 года, какъ съ господарскихъ такъ и съ частновладѣльческихъ державъ, пошелъ на выкупъ

житъ" (устава 1521 г., ibidem, p. 173; Акты З. Р., II, p. 113 – устава 1514 г.). Ср. уставу Торопецкой вол., М. К. Любавскій, Обл. дѣл., прил., p. 10. Когда намѣстникъ Кораевской вол. кн. Андрей Мелешковскій сталъ собирать (около 1530 г.) въ волости серебщину, то волощане жаловались: „а серебщину у насъ бралъ, то намъ новину чинилъ" (Кн. Зап. Лит., XVI, л. 284 об.—285). Присоединимъ еще очень важное свидѣтельство о взносахъ серебщины въ Бобруйской волости. Въ 1533 г. волощане жаловались на господарскихъ писарей за разныя вымогательства и между прочимъ говорили: „а серебщына тежъ на третий годъ зъ нихъ была бирана" и просили сдѣлать имъ какое нибудь облегченіе въ даняхъ, такъ какъ писари въ этомъ году выбрали въ волости ордынщину и другія дани. Поэтому Сигизмундъ I написалъ подскарбію земскому о томъ, чтобы онъ не велѣлъ сбирать съ волощанъ серебщины, если въ этомъ году уже собрана ордынщина (Кн. Зап. Лит., XV, л. 102—103). Изъ этого ясно, что серебщина собиралась регулярно разъ въ три года. Замѣтимъ, что на основаніи приведеннаго мѣста, никакъ нельзя сдѣлать заключенія въ томъ смыслѣ, что Поднѣпрскія волости платили серебщину только тогда, когда не платили ордынщины, какъ это думаетъ М. К. Любавскій (Областное дѣленіе, p. 487): приведя господарское распоряженіе подскарбію земскому, онъ опустилъ изъ виду, что въ своей просьбѣ волощане просятъ объ облегченіи въ платежѣ податей; такое облегченіе и сдѣлано на одинъ годъ господаремъ.

заложенныхъ имѣній. Въ 1551 г. серебщина съ господарскихъ державъ пошла, вмѣстѣ съ земянскою, на наемъ жолнеровъ. Очевидно, на этотъ предметъ господарская серебщина пошла впервые, о чемъ заявлялъ на сеймѣ 1554 г. самъ великій князь. Когда шляхта упрекала великаго князя въ томъ, что онъ незаконно собралъ въ 1552 г. „копы" отъ служебныхъ коней, то ей дано было такое объясненіе, что самый сборъ „копъ" надо понимать какъ освобожденіе отъ личной службы, т. е. ихъ обязаны были внести только тѣ, кто не хотѣлъ выступить лично въ войскѣ [1]); что собранныя деньги пошли на государственныя нужды и что наконецъ самъ господарь „уставилъ" подать на своихъ подданыхъ и „обернулъ" ее на тѣ же нужды: этого никогда раньше не бывало, но сдѣлано теперь, такъ какъ господарь пожелалъ „зъ самоѣ ласки своее" дать облегченіе земянскимъ подданымъ [2]). Итакъ, еще въ 1551 г. господарь великій князь считалъ большою жертвою съ своей стороны обращеніе земской подати съ своихъ державъ на тѣ же нужды, на которыя она вотировалась сеймомъ. Но съ этого времени сами сеймы просятъ господаря о наложеніи на его державы серебщины. Такъ въ 1554 г. господарь „рачилъ" дать подать въ размѣрѣ, назначенномъ сеймомъ съ своихъ державъ и мѣстечекъ и съ имѣній королевы Боны, а съ привилегированныхъ городовъ платъ долженъ быть внесенъ „подлѣ постановленья давного" [3]). Въ 1565 г. сеймовые депутаты били господарю челомъ объ установленіи поголовщины съ господарскихъ подданыхъ, на что и получили согласіе отъ господаря [4]). Вообще до 1569 г. обращеніе земской подати съ господарскихъ державъ въ скарбъ земскій было „волею и ласкою" господаря великаго князя, но не его обязанностью.

Очевидно въ такомъ же положеніи находились и привилегированные города. Изъ приведеннаго выше компетентнаго разъясненія, даннаго господаремъ на сеймѣ 1554 г., ясно, что къ платежу сереб-

---

[1]) Въ 1552 г. сборъ войска былъ назначенъ, впрочемъ только Волынской землѣ, къ Браславлю для охраны строющагося новаго замка (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 22 об.—28). Въ дѣйствительности, въ поборовыхъ универсалахъ 1522 г. вовсе не упоминалось о томъ, что „копы" должны замѣнить службу.

[2]) Акты З. Р., III, p. 51.

[3]) Ibidem, p. 69.

[4]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, p. 87.

щины, наравнѣ съ крестьянами, подлежали и жители непривилегированныхъ мѣстечекъ, сидѣвшихъ на волокахъ, и что привилегированные города вносили земскій платъ по особой раскладкѣ. Замѣтимъ, что платъ, налагаемый на города, носилъ то названіе серебщины, то просто платa земскаго, на сеймѣ „уфаленого“ [1]).

Взносъ земской подати составлялъ исконную пошлину привилегированныхъ городовъ. Уже въ древнѣйшихъ привилеяхъ встрѣчаемъ указанія на то, что города платятъ въ великокняжескую казну exactiones, contributiones, tributa [2]). Русскіе акты такъ и называютъ эту подать серебщиной [3]). Согласно съ тѣмъ, что раньше уже было выяснено, только господарь могъ наложить серебщину на города, какъ и на волости. Но, съ теченіемъ времени, устанавливается такой порядокъ вещей, при которомъ серебщина налагается на города только въ тѣ годы, когда она собиралась по сеймовымъ декретамъ во всемъ государствѣ. Объ этомъ можно судить не только потому, что почти за всѣ годы, когда декретировалась подать, можно найти указанія о сборахъ ея съ городовъ, но также встрѣчаются и заявленія, носящія общій принципіальный характеръ. Такъ, въ одномъ вырокѣ королевы Боны по поводу спора между еврейской и христіанской общинами города Городна, бурмистры, радцы и все поспольство города жаловались на евреевъ о томъ, что они не хотятъ платить четвертой части серебщины, когда она налагается господаремъ на вальныхъ сеймахъ на Городно, какъ и на другіе города [4]). Наложеніе серебщины только на вальномъ сеймѣ не было правомъ городовъ, но обычаемъ, подобно тому какъ такой же обычай практиковался и по отношенію къ господарскимъ подданымъ. Впрочемъ, столица государства Вильно получила въ 1522 г. привилей, по которому серебщина взимается съ мѣщанъ только тогда, когда она налагается на все государство и притомъ въ опредѣленномъ разъ навсегда размѣрѣ—въ количествѣ 500

---

[1]) Общіе универсалы и сеймовые рецессы не всегда упоминаютъ о сборахъ серебщины съ городовъ, но объ этомъ можно судить частью по окладнымъ листамъ, разсылавшимся по городамъ, частью изъ другихъ источниковъ. Такъ города уплатили серебщину въ 1517, 1534 гг., въ 1540, 1551, 1554, 1565, 1567 гг., „копы“ въ 1552 г. (см. прил. и прим. на пред. стр.).

[2]) Акты Лит.-рус. гос., p. 5, 11; Бершадскій, I, p. 31.

[3]) Акты З. Р., I, p. 167, 189; II, p. 11, 94; Акты З. Р., III, p. 206.

[4]) Бершадскій, I, p. 330.

копъ грошей [1]). На этомъ основанiи Вильно въ 1556 и 1557 г г. не уплатила второй и третьей серебщинъ, потому что въ эти годы шляхта не платила податей; господарь приказалъ не взимать серебщины до тѣхъ поръ, пока шляхта не будетъ ее платить [2]). Напомнимъ, что подать, декретированная въ 1554 г. и назначенная къ сбору въ 1555—1557 г.г., была собрана въ 1555 г. и затѣмъ отсрочена до 1558 г. Вотъ почему Виленскiе мѣщане и не пожелали платить серебщины въ тѣ годы, когда не платила шляхта. На томъ же основанiи Виленцы не уплатили до 1557 г. „копъ“, назначенныхъ въ 1552 г., и господарь освободилъ ихъ отъ этой подати [3]). Между тѣмъ всѣ города уплатили „копы“ въ 1552 г. и серебщину 1554 г. платили въ 1556 и 1557 г.г. [4]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что по отношенiю къ привилегированнымъ городамъ съ теченiемъ времени утвердился принципъ, по которому господарь налагалъ на нихъ подать въ тѣ годы, когда она декретировалась сеймомъ; этотъ порядокъ выработался съ теченiемъ времени, такъ какъ до развитiя сеймовой дѣятельности наложенiе серебщины отъ городовъ зависѣло отъ самого господаря.

Серебщина налагалась на города въ размѣрѣ, назначаемомъ господаремъ съ панами радою. Размѣръ ея каждый разъ особо опредѣлялся для отдѣльныхъ городовъ, и только Вильна имѣла привилей, которымъ размѣръ податка былъ разъ навсегда фиксированъ. Такимъ образомъ въ городахъ налогъ носилъ репартицiонный характеръ.

Съ началомъ Ливонской войны податное положенiе какъ привилегированныхъ такъ и непривилегированныхъ городовъ нѣсколько измѣняется. Съ городовъ собирались тѣ подати, которыя налагались сеймами, но сверхъ того города были привлечены еще къ новымъ экстраординарнымъ налогамъ. Эти экстраординарные налоги въ источникахъ называются „позычками“, т. е. займами. Но въ сущности это были принудительные займы, какъ о томъ можно заключить по актамъ: они едва ли были возвращаемы городамъ изъ скарба (за исключенiемъ особаго долга г. Вильно). Роспись такихъ „позычекъ“ сдѣлана въ маѣ 1561 г. [5]), въ

---

[1]) Собранiе грамотъ г. Вильны, I, p. 28.

[2]) Ibidem, p. 105.

[3]) Ibidem, p. 104.

[4]) Любавскiй, o. c., 89 прил.; многiе города до 1559 года не уплатили этой серебщины.

[5]) Кн. Переп. Лит. л., VII, 12 об.–13.

іюлѣ 1563 г. [1]), въ маѣ 1565 г. [2]) и въ сентябрѣ 1567 г. Разсылая въ 1561 г. листы о займахъ, господарь требовалъ отъ городовъ взноса „позычки“; если же городъ не пожелаетъ этого сдѣлать, то король предписывалъ, чтобы каждый мѣщанинъ объявилъ передъ урядомъ размѣръ своей „маетности“, т. е. всего имущества и внесъ бы съ него „певный податокъ“ по 6 гр. отъ копы, т. е. десятипроцентный поимущественный налогъ [3]). Господарь обѣщалъ возвратить изъ скарба „позычку“, но, очевидно, если городъ ея не внесетъ, то угрожаетъ ему сборъ подати, уже не подлежащей возврату. Въ 1563 г. „позычка“ бралась только до сбора земской подати, изъ которой обѣщано возвращеніе займовъ [4]). Въ 1567 г. господарь разсылалъ по городамъ листы о немедленномъ взносѣ опредѣленныхъ на каждый городъ суммъ— „*податокъ*—певную суму пенязей“, обѣщая возвратить этотъ „податокъ“ изъ скарба, или же отчислить изъ городскихъ сборовъ, шедшихъ въ скарбъ [5]). Съ такими требованіями разосланы были листы къ привилегированнымъ городамъ, но тогда же былъ назначенъ особый сборъ и съ непривилегированныхъ городовъ. Причины его объясняются слѣдующимъ образомъ: господарь приказалъ выправить въ войско съ провіантомъ извѣстное количество людей изъ городовъ и державъ: но затѣмъ отмѣнилъ это распоряженіе по отношенію къ непривилегированнымъ городамъ и замѣнилъ его особымъ податкомъ [6]).

Что касается раскладки податей на отдѣльные города, то по этому поводу надо замѣтить, что списокъ поселеній, на которыя назначалась подать по городскому окладу, въ разные годы былъ далеко не одинаковъ. Дѣло въ томъ, что понятіе городского поселенія, какъ извѣстно, было весьма растяжимо: на оффиціальномъ языкѣ того времени „мѣстомъ“ называли и крупный городской центръ, привилегированный или непривилегированный, и мелкое мѣстечко, сидящее на волокахъ, иногда впрочемъ имѣвшее широкія привилегіи (напримѣръ Нарва, Лосичи, Порозовъ и нѣкоторые др.). Въ мелкихъ мѣстечкахъ подать удобно раскладывалась по сохамъ или по волокамъ, почему въ

---

[1]) Ibidem, л. 10 об.—11.

[2]) Ibidem, л. 71 об.—73.

[3]) Кн. Переп. Лит. VII, л. 12 об.

[4]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 10—11.

[5]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, л. 1.

[6]) Ibidem, л. 1 об.

привлеченіи ихъ къ налогу въ репартиціонной формѣ не было особой нужды. Поэтому опредѣленный податной окладъ назначался обыкновенно только на „преднѣйшія мѣста“; въ это опредѣленіе входили всѣ города привилегированные, независимо отъ ихъ величины и размѣровъ платимой ими подати; сюда же причислялись и нѣкоторые изъ непривилегированныхъ городовъ, напр. Пинскъ, Кобринъ, Слонимъ, Могилевъ и др. На эти „преднѣйшія мѣста“ падали всѣ серебщины и позычки; изъ остальныхъ мѣстечекъ налогъ по окладу платился далеко не всегда. Такъ въ 1529 г. были привлечены къ налогу многіе изъ мѣстечекъ. Самые подробные списки мѣстечекъ составлены при сборѣ серебщины въ 1551 г. и въ особенности для экстраординарнаго налога 1567 г. Позычки 1561, 1563 и 1565 г.г. уплачены только „преднѣйшими мѣстами“. Просматривая размѣры окладовъ, налагаемыхъ въ видѣ серебщины или позычекъ, нельзя замѣтить какой нибудь правильности въ ихъ распредѣленіи. Такъ, позычка 1561 г. для многихъ городовъ въ десять разъ превышаетъ окладъ серебщины, уплоченной въ 1534 или 1551 г.г., для другихъ— только въ четыре, пять разъ больше. Вообще чувствуется большая случайность какъ въ распредѣленіи серебщинныхъ окладовъ на города, такъ и позычекъ.

Таковъ характеръ земской подати, налагавшейся на города.

Такимъ образомъ земская прямая подать Литовско-русскаго государства носила экстраординарный характеръ. Она налагалась каждый разъ тогда, когда къ тому побуждали какія нибудь особыя государственныя потребности; этими потребностями исключительно были военныя нужды. Въ смыслѣ пріемовъ обложенія подать взималась въ видѣ поголовщины или въ видѣ поземельнаго налога, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ подоходнаго. Платежу подати подлежали только тяглые элементы общества, т. е. крестьянство и мѣщанство. По отношенію къ послѣднему подать носила характеръ репартаціоннаго налога, назначаемаго на цѣлую городскую общину, а по отношенію къ крестьянству—квотативнаго. Ливонская война вызвала сильный ростъ податного оклада, но и онъ мало удовлетворялъ военнымъ потребностямъ, почему великокняжеское правительство стало прибѣгать къ принудительному займу у городовъ.

Такъ какъ подать взималась исключительно на военныя нужды, то интересно отмѣтить, что въ представленіяхъ шляхетскаго общества

земская подать иногда является замѣной отбыванія военной службы [1]). Этотъ, правда, рѣдко пробивающійся взглядъ указываетъ, что извѣстная часть шляхетскаго поспольства имѣла еще весьма смутное представленіе о публичномъ характерѣ подати.

Люблинская унія произвела весьма большія измѣненія въ способахъ оклада и въ самомъ понятіи о подати; то и другое подчиняется порядкамъ, выработаннымъ въ Польшѣ. Сеймъ является единственнымъ органомъ, который налагаетъ подать не только на частновладѣльческихъ людей, но и на города и подданыхъ господарскихъ державъ. Мелкія классовыя различія теряютъ свое изстаринное значеніе, такъ что всѣ не шляхетскіе элементы должны участвовать въ ея платежѣ. Подать охватываетъ не только недвижимую собственность плательщика, но и его занятіе, отчасти и доходъ; эти принципы прилагаются къ различнымъ категоріямъ плательщиковъ, т. е. подать стремится уловить тѣ стороны, изъ которыхъ видно имущественное положеніе или доходъ податнаго субъекта. Все это можно прослѣдить уже на первомъ поборовомъ универсалѣ, выданномъ на Люблинскомъ сеймѣ [2]). Онъ отмѣчаетъ значительную высоту, на которую подымается подать, хотя опредѣленіе единицъ обложенія обличаетъ еще большую рудиментарность понятій. По универсалу 1569 г. крестьяне (кметы) платятъ поземельный налогъ съ волоки, слѣда, жеребья, лана, службы, дыма, т. е. рядомъ съ опредѣленными поземельными единицами фигурируютъ еще и не опредѣленныя; сверхъ того, они платятъ налогъ и съ десятинъ, хлѣбныхъ или скотомъ, даваемыхъ помѣщикамъ. Къ платежу налога привлекаются не только крестьяне земледѣльцы, но и другія категоріи, напр., отбывающіе своимъ панамъ „послуги“, т. е. дворовые службы, ловчіе, солтысы, войты, путные бояры. Огородники раздѣлены на три категоріи по имущественнымъ признакамъ. Даже коморники, т. е. люди не имѣющіе домовъ, привлечены къ уплатѣ налога, если они имѣютъ скотъ. Не оставлены безъ обложенія и „люзные“ люди. Наконецъ, самымъ подробнымъ образомъ опредѣлена подать съ сельскихъ торговцевъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ, шин-

---

[1]) Док. Мос. Арх. М. Ю., I, р. 510; Акты З. Р., II, р. 387.

[2]) Объ обложеніи въ городахъ. См. Pawiński Ad., Skarbowość w Polsce, War., 1881, р. 154 и сл.

карей, мельниковъ и пр. Въ городахъ введенъ подомовый налогъ и сверхъ того обложены различные виды промысла [1]).

Такіе пріемы указываютъ, что обложеніе сдѣлало крупный шагъ впередъ, но это случилось вслѣдствіе перенесенія въ Литовско-русское государство податной практики, выработанной въ Польшѣ.

8. Специальныя подати съ евреевъ.

По отношенію къ платежу земскаго податка необходимо выдѣлить одну группу населенія—евреевъ. Условія участія ихъ въ несеніи общегосударственной подати съ теченіемъ времени измѣнялись. Они то платили вмѣстѣ съ городскими общинами серебщину и ордынщину, то выдѣлялись изъ общинъ, подъ условіемъ платежа особаго сбора. Эти разнообразные пріемы зависѣли и отъ обстоятельствъ и отъ отношенія къ еврейскому элементу со стороны правительства.

Едва ли не самое древнее свидѣтельство объ участіи евреевъ въ общегосударственной подати встрѣчается въ грамотѣ вел. кн. Казиміра Трокскимъ евреямъ 1441 г. Здѣсь говорится, что евреи этого города обязаны разъ въ годъ уплачивать census, sive exactiones, подобно другимъ городамъ на магдебургскомъ правѣ; однако, если необходимость заставитъ наложить generalis exactio, то, сверхъ census'а, евреи обязаны и ее уплачивать [2]). Изъ послѣдующей грамоты того-же господаря, оказывается, что Трокскіе евреи платили половину всей серебщины, налагаемой на городъ, и—что всего интереснѣе,—этотъ порядокъ существовалъ уже при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ [3]), т. е. съ самаго появленія евреевъ въ Литвѣ; хотя эти данныя относятся только къ Трокской еврейской общинѣ, но весьма вѣроятно, что таково-же было въ принципѣ положеніе и другихъ общинъ, т. е. каждая изъ нихъ обязана была уплачивать серебщину въ извѣстной пропорціи, вмѣстѣ съ городомъ, и чиншъ.

---

[1]) Док. Мос. Арх. М. Ю. I, p. 502, 505, Акты З. Р., III, p. 193.

[2]) Бершадскій, Документы и Регесты, I, p. 31.

[3]) Ibidem, p. 37.

Такъ было до конца XV в., т. е. до извѣстнаго момента изгнанія евреевъ изъ Литвы. Но въ скоромъ времени тотъ-же Александръ позволилъ евреямъ возвратиться въ Литву подъ условіемъ поставки 1000 человѣкъ конницы въ военное время [1]). Однако евреи успѣли себѣ выпросить освобожденіе отъ этой повинности, взамѣнъ участія ихъ въ общегородскомъ взносѣ серебщины, отбываніи подводъ и др. городскихъ потяглей. Это освобожденіе дано Александромъ и подтверждено Сигизмундомъ I въ 1514 г. Такимъ образомъ, евреи въ податномъ отношеніи сравнялись съ остальными мѣщанами и до начала правленія Сигизмунда Августа ничѣмъ отъ нихъ не отличались [2]); фиксирована была только та часть общеземской подати, которую давали евреи. Такъ въ Луцкѣ евреи съ другими мѣщанами платятъ серебщину и ордынщину [3]), въ Гроднѣ—тоже [4]) и пр. [5]).

Однако въ положеніи евреевъ была та особенность, что при Сигизмундѣ I опредѣлена доля участія еврейской общины въ платежѣ подати городомъ. Это понадобилось, вѣроятно, потому, что между ними и остальными горожанами нерѣдко происходили споры о размѣрахъ участія въ городскихъ вольностяхъ [6]). Такіе споры бывали и впослѣдствіи и даже вели къ заключенію между христіанами и евреями одной и той же общины формальныхъ договоровъ; немало терпѣли евреи и отъ сборщиковъ податей: такъ, при Сигизмундѣ Августѣ евреи, сравнивая свое положеніе при немъ съ временемъ отца его, заявляли королю о томъ, что они: „передъ тымъ дей они болшъ не плачивали, одно какъ якій податокъ земскій на места у Великомъ Князьствѣ Литовскомъ положонъ былъ, тогды они четвертую часть того, што на места покладано бывало, давати были повинни, на што и привилей короля его милости славное памети Жикгимонта, отца нашого... передъ нами покладали“ [7]). Подлинная грамота Сигизмунда I до насъ не дошла, но можно думать что привилей былъ имъ выданъ до 1529 г., когда собиралась упомянутая нами поголовщина. Выдѣленіе еврей-

---

[1]) Бершадскій, Литовскіе евреи, p. 264.

[2]) Бершадскій, Док. и Рег. I, p. 86—87.

[3]) Бершадскій, Док. и Рег., I, p. 148.

[4]) Ibidem, p, 199.

[5]) Подробности объ отношеніи еврейской общины къ христіанской см. въ главѣ о городской общинѣ.

[6]) Бершадскій, Док. и Рег., I, p. 147, 188.

[7]) Ibidem, p. 399.

скихъ общинъ въ этомъ году можетъ быть ею же и объяснено; кромѣ того, 1000 копъ гр., наложенныхъ на евреевъ, какъ разъ составляютъ четвертую часть (всего наложено 4081 копъ гр.). Впрочемъ, въ послѣдующее время это отношеніе не соблюдалось, что видно какъ изъ только что приведенной грамоты, такъ и изъ другихъ фактовъ. Замѣтимъ, что приведенныя выдержки еще разъ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи при Сигизмундѣ I какого-либо спеціальнаго сбора съ евреевъ.

При Сигизмундѣ Августѣ податное положеніе евреевъ постепенно измѣняется; правительство начинаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на удобно эксплоатируемый элементъ и не стѣсняется въ наложеніи болѣе тяжелыхъ податей. Въ 1549 г. въ Польшѣ былъ установленъ особый поголовный сборъ съ евреевъ по одному золотому [1]),—сверхъ другихъ налоговъ. Литва не заставила себя долго ждать: на сеймѣ 1551 г. шляхта просила короля, „абы жыдове всихъ мѣстъ по черленому золотому на оборону земскую давали“. Король оказался весьма предупредительнымъ на этотъ счетъ, потому что имѣлъ возможность не только отвѣтить шляхтѣ согласіемъ, но и сообщить о сдѣланномъ имъ распоряженіи переписать всѣхъ евреевъ для установленія на нихъ особаго налога. Впрочемъ, въ имѣніяхъ королевы Боны еще до этого времени уже собирался золотой черленый съ евреевъ [2]).

Сеймовый рецессъ весьма лаконически говоритъ о вновь вводимомъ налогѣ. Но другіе акты разъясняютъ, что на этомъ Виленскомъ сеймѣ былъ установленъ особый платъ. Уже въ 1552 г. Берестейскіе евреи получаютъ, вслѣдствіе пожара, освобожденіе „отъ того плату нашого, который на нихъ зъ сойму Виленского недавно минулого уставленъ, зъ господара домового и жоны его по золотому черленому платити“ [3]). Этотъ платъ вносился евреями ежегодно [4]). Постановленіе 1551 г. выводило евреевъ, по отношенію къ земской подати, изъ тяглой городской общины, такъ что росписаніе по городамъ серебщины за тотъ же годъ сдѣлано „кромъ жидовъ“ [5]).

---

[1]) Czacki, Dziela, III, p. 184 (изданіе 1845 г.); ср. Бершадскій, Литовскіе евреи, p. 384.

[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. V, т. I, p. 49.—50; Бершадскій, Док. и Рег, II, p. 6.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 40.

[4]) Бершадскій, Док. и Рег., II, p. 26.

[5]) Акты Ю. З. Р., I, p. 133.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ установленіе особаго плата съ евреевъ вызвало недоразумѣніе. Такъ, Гродненскіе мѣщане требовали, чтобы мѣстная еврейская община принимала, по старому, участіе въ платежѣ серебщины вмѣстѣ съ городомъ; но евреи отказывались платить серебщину вмѣстѣ съ мѣщанами, ввиду наложеннаго на нихъ „иншого и особливого" плата, съ чѣмъ согласилась королева Бона, на судѣ которой это дѣло разбиралось [1]).

Сверхъ установленнаго черленаго золотого, шедшаго въ господарскій скарбъ, въ годы Ливонской войны на евреевъ налагались еще подати по сеймовымъ постановленіямъ. Такъ, въ 1563 г. шляхетство просило выправить за счетъ евреевъ 2000 всадниковъ, но король обѣщалъ наложить на еврейскія общины особый платъ [2]). Оказывается, что въ этомъ году король наложилъ на евреевъ 12000 копъ гр., но долженъ былъ уменьшить эту сумму до 4000 копъ гр., такъ какъ еврейскіе „старшіе" донесли ему, что такая сумма будетъ для евреевъ „съ обтяженьемъ". При уплатѣ этого налога король разрѣшалъ не имѣющимъ наличныхъ денегъ давать серебро. Если же евреямъ покажется и эта сумма слишкомъ большой, то король предлагаетъ внести со всѣхъ евреевъ поголовный сборъ по золотому и, кромѣ того, десятипроцентный сборъ съ имущества [3]). Евреи привлекались къ уплатѣ налоговъ и на основаніи сеймового постановленія 1565 г. [4]). Однако, собираніе его оказалось неуспѣшнымъ, почему на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г. на евреевъ была наложена подать въ общей суммѣ въ количествѣ 6000 копъ грошей [5]).

На Городенскомъ сеймѣ 1567 г. снова наложена на евреевъ подать въ 6000 копъ грошей со всѣхъ евреевъ [6]). Еврейскія общины къ половинѣ 1567 г. очутились въ весьма затрудненномъ положеніи: онѣ только что уплатили поголовщину 1565 г. по 15 гр., вторую въ 8 гр., сборъ въ 6000 копъ гр., назначенный въ 1566 г. и еще имъ предстояло платить въ такомъ же размѣрѣ сборъ по назначенію въ 1567 г., а между тѣмъ евреи своимъ чередомъ платятъ черленые золотые.

---

[1]) Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 42—43.
[2]) Акты З. Р., III, р. 127.
[3]) Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 118.
[4]) Док. Моск. Арх. М. Ю., I, р. 166.
[5]) Бершадскій, Док. и Рег., II, р. 183.
[6]) Ibidem, р. 193.

Евреи жаловались королю на эту массу поборовъ, „прекладаючи вбозство и недостатокъ свой“ и просили объ „ульженью и фолькгѣ“. Король убавилъ имъ съ послѣдняго сбора 2000 копъ и еще 1000 копъ оставилъ на своей „ласцѣ“ и къ уплатѣ ея „примушать ихъ не велѣно“ [1]), т. е. иными словами оставилъ за собою право взыскать эту 1000 копъ гр. въ случаѣ надобности, или не взыскивать. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что съ евреевъ въ 1567 г. взыскивалась еще „позычка“, т. е. принудительный заемъ особо отъ христіанъ [2]).

Такимъ образомъ, сборы съ евреевъ разрослись, и неудивительно если они жалуются на тяготу и многочисленность податей. Въ 1567 г. евреи указывали королю Сигизмунду Августу „на великіе и незносные податки для потребъ земскихъ и Речи Посполитое... дей ку великому знищенью и упаду пришли, и болшъ таковыхъ податковъ знести и досыть имъ чинити не могуть“. При сборѣ податей они терпять отъ пріѣзжающихъ къ нимъ дворянъ. Указавъ на порядки, существовавшіе при Сигизмундѣ I, евреи просятъ или возвращенія къ нимъ, или назначенія на ихъ „зборы“ опредѣленной суммы, которую они готовы платить всякій разъ, когда подать будетъ налагаться на города. Господарь согласился, назначивъ 3000 копъ гр. со всѣхъ евреевъ, въ качествѣ земской подати, когда она будетъ назначаться, независимо отъ черленаго золотого; эту общую подать предполагалось взимать только до окончанія войны, послѣ чего евреи снова будутъ пользоваться своими старыми „вольностями“ [3]). Однако эта грамота не была обязательствомъ со стороны господаря взимать подать съ евреевъ только въ этой формѣ: предполагалось возможнымъ и назначеніе поголовщины [4]). Такъ, на сеймѣ 1568 г. съ евреевъ было положено по 12 гр. съ головы [5]); сборщики пытались собрать оба налога, но, повидимому, евреи протестовали противъ этого, и господарь рѣшилъ взять налогъ въ той формѣ, въ какой онъ дастъ бо́льшую сумму [6]).

---

[1]) Бершадскій, Док. и Рег., II, p. 193
[2]) Ibidem, p. 197.
[3]) Бершадскій, Док. и Рег., II, p. 199.
[4]) Док. Моск. Арх. М. Ю., I, p. 467.
[5]) Бершадскій, Док. и Рег., II, p. 206.
[6]) Ibidem, p. 212.

Это былъ послѣдній фазисъ въ развитіи спеціальныхъ податей съ евреевъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что участіе въ платежѣ земской подати въ 3000 копъ гр. должны были принимать и евреи, жившіе въ частновладѣльческихъ городахъ [1]).

Такова судьба податнаго обложенія евреевъ въ изучаемый періодъ.

9. Свѣдѣнія о сборахъ земской подати.

Свѣдѣнія, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи относительно размѣровъ, въ какихъ прямыя подати поступали въ скарбъ, отличаются столь отрывочнымъ характеромъ, что не даютъ никакой возможности прослѣдить за этой стороной государственнаго бюджета. Наши данныя могутъ имѣть нѣкоторое значеніе только при сравненіи съ росписью остальныхъ статей бюджета. Поэтому здѣсь намъ придется ограничиться лишь самыми бѣглыми указаніями на то, что можно найти въ источникахъ относительно размѣровъ серебщинъ и позычекъ.

Прежде всего надо имѣть ввиду, что земская подать поступала въ скарбъ весьма неакуратно. Въ источникахъ встрѣчаются жалобы на нежеланіе шляхты платить серебщину на строгія мѣры, принимаемыя великокняжескимъ правительствомъ, чтобы заставить шляхту платить подать: почти о каждой серебщинѣ можно утверждать, что она не вполнѣ попала въ казну [2]). А между тѣмъ до насъ дошло нѣсколько отчетовъ о собранныхъ серебщинахъ, слѣдовательно, мы имѣемъ нѣсколько данныхъ о томъ, что фактически дошло до скарба, и поэтому при каждомъ отчетѣ надо имѣть ввиду нѣкоторое количество подати, недобранное у плательщиковъ, или расплывшееся по карманамъ сборщиковъ.

Первый отчетъ о сборахъ серебщины, который до насъ дошелъ, относится къ 1535 г. Этотъ отчетъ сдавалъ подскарбій земскій п. Иванъ Горностай. Отчетъ относится къ сбору первой серебщины, назна-

---

[1]) Ibidem, p. 212.

[2]) Напр., М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, въ прил., p. 13, 61, 201, 202. Сдавая отчетъ въ 1546 г. о сборѣ серебщины, подскарбій земскій п. Иванъ Горностай представилъ королю „реистръ немалый“, изъ котораго видно, что многіе изъ пановъ радъ, князей, земянъ и другихъ не уплатили серебщины, назначенной на 1542 г. (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 155—156). Серебщина 1551 и 1552 гг.

ченной въ 1534 г.[1]). Въ общемъ отчетѣ, сданномъ тѣмъ же подскарбіемъ въ 1542 г., находится и личба по „четыремъ“ серебщинамъ[2]). Отчетъ относится къ серебщинамъ, назначеннымъ въ 1535, 1536, 1540 и 1541 гг.[3]). Далѣе до насъ дошелъ отчетъ о серебщинѣ

собиралась весьма туго, вслѣдствіе чего господарю пришлось писать особые листы и разсылать дворянъ для ввода во владѣніе на господаря въ имѣнія тѣхъ, которые не уплатили серебщины (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 63). Тогда же оказалось, что ни одна изъ еврейскихъ общинъ не уплатила подати за 1551 г. Въ книгѣ сохранилась любопытная замѣтка, составленняя, вѣроятно, подскарбіемъ или кѣмъ нибудь изъ его помощниковъ: „Што тымъ чынить? Посылалъ дворанъ Кохана, Явора, Яцка—ничого. Тыхъ часовъ послалъ былъ Зузина,—и бити хотели, и подводъ не дали, и пешого назадъ отправили, а въ Берестьи сами грошы побрали, ни кукнуть не дали“. Составленный тогда же подсчетъ недоимокъ на еврейскихъ общинахъ показалъ, что многія изъ нихъ не уплатили подати еще и за прежніе годы (ibidem, л. 35 об.). Въ 1558 г. многимъ панамъ раднымъ были разосланы „напоминанія“ и тогда же отправлены листы во многія державы (Кн. Переп. Лит., VII, л. 3). Въ листѣ къ радѣ по инфлянтскимъ дѣламъ отъ 22 апрѣля 1559 г. король между прочимъ жалуется: „А особливе о томъ, абы ваша милость обмыслившы къ намъ отписали, яко бы и чымъ Полоцко и Витебско и другие замки въ томъ краи посилити, кгдыжъ пенязей съ податковъ первшыхъ земскихъ не сподевамыся въ скарбе и ведомость того маемъ, ижъ многие, зъвлаща особы значные, еще не выдали первшыхъ податковъ, а за прошлый рокъ пятьдесятъ осмый мало штось дано, чому абы есте обычай нашли, жебы таковые податки недоданые выданы; такъ же где бы который зъ ихъ милости пановъ радъ нашыхъ не выдалъ еще того податку, абы отдалъ, помнячи на то, што есте обецали намъ передъ выеханьемъ нашымъ: а тымъ и другимъ прыкладъ будеть“ (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 237—238). Въ апрѣлѣ 1561 г. разосланы листы въ 74 державы о взносѣ серебщины, назначенной къ платежу въ 1560 г. (ibidem, л. 19), а въ октябрѣ того же года встрѣчаемъ реестръ 138 недоимщиковъ (ibidem, л. 70). Въ сентябрѣ 1563 г. сборщики подати заявили королю, что къ нимъ весьма немногіе явились съ взносами подати, а другіе „выламливаются“, указывая на невозможность собрать такъ скоро съ своихъ людей подать (Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л. 45; ср. л. 159 об., 160 об., 171 об.; Вил. Арх. Сб., I, р. 142). Правда, скарбъ давалъ весьма малые сроки для сбора, и универсалы о выколачиваніи недоимокъ писались иногда черезъ два, три мѣсяца по разсылкѣ побоpовыхъ универсаловъ (Кн. Публ. Дѣлъ Лит., VII, л 103 об.), но эта торопливость скарбоваго механизма нисколько не содѣйствовала уменшенію безнадежныхъ недоимокъ.

[1]) Кн. Зап. Лит., XV, л. 200—201.

[2]) Акты З. Р., II, р. 3:6.

[3]) Отчетъ данъ за 6 лѣтъ и 4 мѣс. 1 мая 1542 г. Предшедствующій отчетъ сданъ 20 мая 1535 г., слѣдовательно между обоими отчетами былъ еще сданъ отчетъ за $7^1/_2$ мѣсяцевъ (быть можетъ, это періодъ отставки Горностая). Поэтому хотя отчетъ 1542 г. нигдѣ не упоминаетъ, о какихъ серебщинахъ въ немъ идетъ рѣчь, но слѣдуетъ предположить, что онъ говоритъ о серебщинахъ, назначенныхъ на 1535, 1536, 1540 и 1541 г.г., по слѣдующимъ основаніямъ: отчеты за 1534 и

1542 г. [1]) и затѣмъ отчеты за 1565—1569 гг. Прежде чѣмъ познакомиться съ цифрами отчетовъ, надо имѣть ввиду, что онѣ представляютъ суммы, дѣйствительно перешедшія въ скарбъ; сколько осталось невыплаченныхъ недоимокъ—неизвѣстно. Изъ заявленія подскарбія земскаго о сборѣ 1542 г. мы уже знаемъ, что такихъ лицъ былъ „реестръ не малый". Весьма возможно, что то же относится и къ предыдущимъ годамъ.

Относительно отчетовъ 1565—1569 гг. надо войти въ нѣкоторыя подробности, чтобы оцѣнить сообщаемыя ими цифры. Это—„реестръ слуханья личбы податковъ земскихъ", составленный особой комиссіей на основаніи сеймового постановленія 1570 г. Въ комиссію вошли: канцлеръ п. Остафій Воловичъ, п. Янъ Ходкевичъ и подскарбій земскій п. Миколай Нарушевичъ; они представили свой отчетъ къ 1574 г. Отчетъ расположенъ погодно. Подъ каждымъ годомъ поименованы повѣты съ показаніемъ полученной съ нихъ подати. По окончаніи счета повѣтовъ приведенъ подъ каждымъ годомъ списокъ лицъ, не уплатившихъ подати, а въ 1569 г. и списокъ городовъ, не уплатившихъ чопового; къ сожалѣнію, нигдѣ не показано, сколько числится платежей за недоимщиками, а списокъ именъ въ данномъ случаѣ имѣетъ мало значенія. Вообще отчетъ коммисаровъ представляетъ печальную картину взиманія податей: полная безпомощность высшей администраціи, деморализація шляхты и солидарность повѣтовыхъ поборцевъ съ земянствомъ—проходятъ рѣзкой чертой по отчетамъ. Такъ, въ 1565 г. нѣкоторые повѣты не додали серебщины, другіе (такихъ девять) совсѣмъ не представили ни отчетовъ, ни денегъ. Гарабурда не желалъ представить ни денегъ, ни поборовыхъ квитовъ по Сломинскому повѣту, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ истрачены всѣ поборовые деньги, когда онъ ѣхалъ изъ московскаго посольства къ королю; Гарабурда обѣщалъ возвратить со-

---

1542 г.г. намъ извѣстны, слѣдовательно данный отчетъ говоритъ о четырехъ промежуточныхъ серебщинахъ; въ $7^1/_2$ мѣсяц., неохваченныхъ отчетомъ, серебщина едва ли могла быть собрана, приведена въ извѣстность и сдана въ отчетѣ; предположеніе о томъ, что отчетъ 1542 г. говоритъ о двухъ „ратахъ" по сбору серебщины въ 1540 и въ 1541 г.г., не можетъ имѣть мѣста, потому что серебщина 1540 г. разлагалась на три срока (положимъ о срокахъ 1541 г. намъ не извѣстно) и главнымъ образомъ потому, что сумма ежегоднаго взноса столь велика, что она, судя по другимъ отчетамъ, должна относиться къ цѣлому году.

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 155—156. (См. приложенія).

бранный имъ поборъ въ томъ случаѣ, если ему возвратятъ расходы по поѣздкѣ. Плебанъ Габріель Кожуховскій, позванный королевскимъ мандатомъ къ головнымъ поборцамъ за всѣхъ 35 плебановъ, не уплатившихъ побору, явился въ Вильно, но отъѣхалъ, не учинивъ личбы. Земскіе коммисары выражаютъ недоумѣніе по поводу того, что неизвѣстно, кто собиралъ поборъ въ Браславскомъ и Веницкомъ повѣтахъ. Головные поборцы представили реестръ „въ червоной шкурѣ“ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не уплатили поголовщины 1565 г.; въ этомъ реестрѣ среди мелкаго шляхетства встрѣчаются и имена такихъ лицъ, какъ князь Острожскій, княгиня Чарторыйская, князь Александръ Полубенскій и мног. друг. При представленіи отчета за 1567 годъ, одни изъ повѣтовыхъ поборцевъ совсѣмъ не пожелали представить головнымъ реестровъ недоимщиковъ, другіе—принести узаконенной присяги подъ тѣмъ предлогомъ, что они не обревизовали всего повѣта. Ошменскіе поборцы удержали въ свою пользу лишнихъ $46^1/_2$ копъ грошей, желая получить по 2 копы бирчаго отъ каждой сотни копъ побору вмѣсто одной копы, назначенной въ пользу поборцевъ сеймовою конституціею. Поборцы Жмудской земли заявили, что самъ панъ староста не позволилъ имъ ревизовать шляхетскихъ имѣній; слѣдовательно они брали подать безъ провѣрки. Пинскіе поборцы заявили, что никто изъ мѣстной шляхты не пожелалъ уплатить поконевщины,—штрафа, наложеннаго на неявившихся въ войско. Шляхта не допустила „увязанья“ въ имѣнія недоимщиковъ и „недбала“ на королевскіе листы. По поводу поконевщины 1567 г. берестейскіе поборцы заявили, что мѣстная шляхта ее не уплатила подъ тѣмъ предлогомъ, будто у однихъ есть „вызволеные“ королевскіе листы, у другихъ—гетманскіе, но самихъ листовъ предъявлено не было. Дорогицкая шляхта совсѣмъ не уплатила штрафовъ, изъ которыхъ могла-бы составиться сумма до 2000 копъ грошей. Нѣкоторые повѣты совсѣмъ не представили личбы. Въ повѣтахъ Волковыскомъ, Мельницкомъ и Рѣчицкомъ сами поборцы не дали побору со своихъ имѣній. Реестръ въ „червоной шкурѣ“ за 1567 г. насчитываетъ 638 шляхетскихъ именъ и 172 костела, не уплатившихъ податей (кромѣ тѣхъ повѣтовъ, о которыхъ свѣдѣнія неполны или вовсе не представлены). Отчетъ за 1568 г. составленъ такъ, что изъ него нельзя извлечь какихъ нибудь опредѣленныхъ данныхъ, такъ какъ въ этомъ году, согласно сеймовой конституціи, повѣтовые поборцы собирали налогъ и сами отдавали его ротмистрамъ, которымъ назна-

чено было жалованіе, а также выдавали деньги на основаніи гетманскихъ листовъ. Поборцы сдавали отчетъ мѣстной повѣтой шляхтѣ, почему они не пожелали явиться съ отчетомъ къ сеймовымъ коммисарамъ: явилось всего четверо поборцевъ. Впрочемъ, до насъ дошли изъ другого источника свѣдѣнія о размѣрахъ побора 1568 г. Сохранилось расписаніе ротъ, которымъ назначены повѣты или крупные паны для полученія отъ нихъ своего „заслуженого“ изъ серебщины. Такимъ образомъ это, очевидно, смѣта, но она не полна [1]). Наконецъ, слѣдуетъ добавить, что и отчетъ за 1569 г. страдаетъ тѣми же недостатками: большинство поборцевъ не пожелало принести присяги, нѣкоторые сдали деньги головнымъ бирчимъ, но безъ реестровъ плательщиковъ, другіе совсѣмъ не сдали денегъ. Впрочемъ, наличный списокъ недоимщиковъ 1569 г. сравнительно не великъ, что, вѣроятно, объясняется неполнотой его.

При такихъ условіяхъ собирались прямые налоги въ Литовско-русскомъ государствѣ. Выясняющійся изъ сказаннаго порядокъ вещей показываетъ, какъ мало можно довѣрять, въ смыслѣ полноты сбора, слѣдуемаго къ поступленію, даже и тѣмъ нѣсколькимъ цыфрамъ, которыя дошли до насъ.

Такимъ образомъ результаты земской подати выразились въ слѣдующихъ суммахъ:

въ 1534 г. собрано . . .	26345	копъ	40 гр.
За четыре серебщины 1535, 1536, 1540, 1541 г.г. . . .	89000	„	40,8 „
(т. е. въ среднемъ въ годъ по 22000 копъ гр.)			
въ 1542 г. собрано . . .	21928	„	42 „
въ 1565 г. „ . . .	62167	„	31,3 „
въ 1557 г. „ . . .	105448	„	16,9 „
въ 1569 г. „ . . .	123568	злот.	24 „ 5 пен.

Надо еще замѣтить, что въ итогъ подати за 1567 г. входятъ штрафы за „неслуженье“ войны, а въ итогъ за 1569 г.—чоповое съ городовъ.

---

[1]) Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, л. 13—16. Всего расписано по ротамъ около 35000 копъ гр.

Небезынтересными могутъ быть нѣкоторыя показанія касательно участія отдѣльныхъ областей въ податной тяготѣ, а также соотношеніе между размѣрами податей, собранныхъ въ городахъ и селахъ. Такъ, городскіе жители въ 1529 г. уплатили 3081 копу гр., въ 1534 г. 2085 копъ гр., въ 1551 г. 2461 копъ гр. (за исключеніемъ центральныхъ городовъ въ Поднѣпровьи). Такимъ образомъ въ 1534 г. городами внесено немного менѣе четырнадцатой части налога, павшаго на все государство. Когда съ 1561 г. города стали давать позычки, то размѣръ ихъ выразился въ слѣдующихъ суммахъ: въ 1561 г. взято 15120 копъ гр., въ 1563 г.—7040 копъ гр., въ 1565 г.—3840 копъ гр., въ 1567 г.—12870 копъ гр. Впрочемъ эти свѣдѣнія не совсѣмъ полны, потому что сборы съ нѣкоторыхъ городовъ не обозначены. Что касается отношенія налоговъ къ различнымъ областямъ государства, то наши свѣдѣнія объ этомъ относятся только къ 1565—1669 г.г. Оказывается, что по количеству уплоченнаго налога на первомъ мѣстѣ стоятъ подляшскіе и нѣкоторые изъ центральныхъ повѣтовъ (напр. Городенскій, Берестейскій, Новгородскій, Минскій, Жмудская земля, Ошменскій, Упитскій, Виленскій, Троцкій); окраинные же повѣты (напр. Кремянецкій, Володимирскій, Кіевскій, Мстиславскій, Веницкій, Браславскій) давали меньшія, или даже совсѣмъ незначительныя цыфры доходовъ.

Какъ не скудны и не полны наши свѣдѣнія о количествѣ поступавшаго налога, все же они даютъ нѣкоторое понятіе о ростѣ податного бремени, въ особенности подъ вліяніемъ Ливонской войны. Такъ подать, собранная въ 1569 г. вдвое превысила подать 1564 г.; съ другой стороны за тридцатилѣтній промежутокъ времени (съ 1534 по 1565 г.) подать увеличилась почти въ три раза, а въ слѣдующіе годы—въ пять и шесть разъ, не говоря о сильномъ увеличеніи косвенныхъ налоговъ и о сборѣ позычекъ отъ городовъ.

Таковы скудныя свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ источниковъ о сборахъ земской подати.

10. Участіе въ военной повинности мѣщанства и крестьянства.

Предыдущіе параграфы посвящены уясненію тѣхъ государственныхъ податей и повинностей, которыя носили, по терминологіи того времени, названіе земскихъ. Какъ мы видѣли онѣ распредѣляются между соціальными элементами такимъ образомъ, что военная по-

винность составляла личную службу держателей земскихъ имѣній; подать же и остальныя повинности падали на тяглые классы. Но повинностныя отношенія послѣднихъ къ государству не ограничивались тѣмъ кругомъ обязанностей, который опредѣлялся понятіемъ земскаго дѣла. Тяглые классы принимали еще участіе въ оборонѣ страны двоякимъ образомъ: во-первыхъ, среди нихъ были особыя группы, которыя несли лично военную службу, или какія нибудь другія обязанности, связанныя съ обороной страны; во-вторыхъ, все мѣщанское населеніе и отчасти крестьянство принимало участіе въ мѣстной оборонѣ, т. е. въ случаѣ нападенія непріятелей, а также вызывалось на театръ военныхъ дѣйствій для различныхъ работъ. Разумѣется, эти обязанности лежали только на подданыхъ господарскихъ державъ и на мѣщанахъ привилегированныхъ городовъ. Соотвѣтственные указаннымъ группамъ подданые частныхъ землевладѣльцевъ несли такія же повинности по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Участіе мѣщанъ или крестьянъ въ мѣстной оборонѣ, бояръ панцырныхъ и путныхъ, стрѣльцовъ, слугъ и проч. въ походахъ не считалось однако земскою службою, хотя, съ точки зрѣнія современной, такого рода обязанности относятся къ разряду государственныхъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ заняться обзоромъ указаннаго вида повинностныхъ отношеній. Прежде всего начнемъ съ городскихъ классовъ.

Въ военной повинности городскихъ общинъ надо различать два вида: во-первыхъ, обязанность общинъ выставлять извѣстное количество ратниковъ въ земское ополченіе, и во-вторыхъ, службу по мѣстной оборонѣ. О посылкѣ ратниковъ въ земское ополченіе имѣются довольно многочисленныя свидѣтельства. Такъ въ 1507 г., выдавая городу Волковыску привилей на магдебургское право, Сигизмундъ I опредѣляетъ и военную повинность горожанъ: „а мѣщанамъ Волковыскимъ велѣлъ его милость на службу свою, на войну ходити, *водлѣ уставы, какъ и изъ иныхъ мѣстъ*“ [1]). По свидѣтельству одного акта, мѣщане Здитовскіе еще со временъ Витовта несли военную службу [2]). Мѣщане Виленскіе выходили на войну съ князьями панами и всею землею [3]). Въ подтвержденіи Полоцку на магдебургское право, данномъ въ 1510 г., также встрѣчается постановленіе, касающееся во-

---

[1]) Акты З. Р., II, р. 11.

[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 170.

[3]) Собраніе грамотъ г. Вильны, I, р. 19.

енной службы мѣщанъ [1]). Впрочемъ отбываніе службы съ городовъ иногда замѣнялось уплатой извѣстной суммы за каждаго причитающагося отъ города „коня“. Такъ въ 1512 г. Сигизмундъ I предоставилъ на усмотрѣніе рады рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли съ городовъ потребовать на войну ратниковъ, или же уплаты извѣстной суммы денегъ [2]). На этотъ разъ рѣшено было взять съ городовъ поконевщину [3]). Списокъ поконевщины 1513 г., а также и списокъ „копъ“, взятыхъ съ городовъ въ 1552 г., показываютъ, что въ военную службу должны были выправлять ратниковъ только привилегированные города; при этомъ освобождались отъ военной выправы только города, лежавшіе внутри страны, окраинные же несли службу. Окладъ военной службы, назначенной съ городовъ, отличался большой неподвижностью, судя по крайней мѣрѣ по двумъ дошедшимъ до насъ спискамъ. Довольно трудно прослѣдить, какъ часто городскія общины призывались въ службу. Въ 1567 г. сдѣлано было сеймовое постановленіе о наборѣ пѣшихъ ратниковъ съ городовъ, а также о высылкѣ городами провіанта [4]). Но это распоряженіе было замѣнено (по крайней мѣрѣ для господарскихъ непривилегированныхъ мѣстечекъ), какъ мы уже знаемъ, особымъ податкомъ. На этотъ разъ были призваны мѣщане частновладѣльческихъ городовъ, но этотъ фактъ надо разсматривать какъ исключительный, вызванный тревожными обстоятельствами. Вообще же частновладѣльческіе города не отбывали никакой службы [5]). Есть много основаній также полагать, что въ XVI в. городскія общины рѣдко призывались къ службѣ: по крайней мѣрѣ шляхетство на сеймахъ не разъ выказываетъ недовольство тѣмъ, что города не несутъ службы по оборонѣ страны [6]), а податные универсалы объясняютъ увеличеніе податей тѣмъ, что торговые люди не несутъ той же повинности [7]). Поэтому очень вѣроятно, что литовско-русскіе города уже къ концу изучаемаго періода постепенно отстаютъ отъ фактической службы, какъ это наблюдается и въ Польшѣ. Однако такое замѣчаніе должно быть отнесено, повидимому, только

---

[1]) Акты З. Р., II, p. 78.
[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 507.
[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 152.
[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 453.
[5]) Акты З. Р., II, p. 204.
[6]) Ср. выше, p. 640.
[7]) Напр. въ 1561 г.

къ центральнымъ городамъ, такъ какъ окраинные, въ силу своего географическаго положенія, не могли избывать военной службы.

Такъ какъ военная служба отъ городовъ выставлялась по извѣстному окладу, то отбываніе ея происходило двоякимъ образомъ. Иногда городская община вступала въ соглашеніе съ отдѣльными лицами объ отбываніи ими военной повинности [1]). Въ окраинныхъ же городахъ, о которыхъ наши свѣдѣнія болѣе обширны, былъ особый классъ бояръ или доспѣшныхъ мѣщанъ, которые несли отъ города военную службу. Такіе, напримѣръ, доспѣшные мѣщане были въ Смоленскѣ [2]). Въ Могилевѣ были бояре, которые „здавна за Витовта зъ мѣстомъ и зъ волостью подачокъ и тяглей никоторыхъ съ ними не служивали, только служивали службою панцерною на дорогу, гдѣ потреба“ [3]). Такихъ же мѣщанъ источники знаютъ и въ Полоцкѣ [4])

---

[1]) Объ этомъ можно судить по одному дѣлу, разбиравшемуся на судѣ старосты Дорогицкаго Яна Николаевича Радивила. Мѣщанинъ Янъ Блажко жаловался на мѣщанку Гренчиную за то, что она „увязалась“ въ его домъ и волоки подъ тѣмъ предлогомъ, будто отецъ Блажко сговорилъ ея покойнаго мужа нести службу за все мѣсто Дорогицкое. Очевидно, отецъ Блажко, уже покойный, не выполнилъ условій найма, будучи должностнымъ лицомъ въ городѣ. Сынъ его Янъ доказывалъ на судѣ, что отецъ его договаривалъ мужа Гренчиной „отъ всего места, какъ же и мещане вси съ нимъ о тую службу змовляли и листъ свой подъ печатью местцкою ему дали: онъ мелъ на всихъ тое службы свое смотрети“. Онъ обязанъ былъ ставить шестнадцать коней за 40 копъ грошей. Такъ какъ обязательство это касалось всей городской общины, то староста предложилъ Гренчиной искать удовлетворенія на всей общинѣ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., III, л. 35—35 об.).

[2]) Акты, З. Р., I, р. 362.

[3]) Акты Леонтовича, № 522.

[4]) Такъ великіе князья Александръ и Сигизмундъ I подтвердили мѣщанамъ Полоцкимъ Здетенымъ освобожденіе отъ становъ и подводъ, потому что они обязаны служить конную службу „посполу зъ мещаны Полоцкими, бо дей они суть здавна мешчане Полоцкии (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 231). Иногда такихъ мѣщанъ осаживали въ городахъ и древнѣйшіе великіе князья. Объ этомъ разсказывается въ челобитіи мѣщанъ Полоцкихъ Селивестровичей. Они въ 1530 г. представили „листъ дяди нашого Витовта предку его даный, ижъ мелъ прадедъ ихъ Селивестръ жити во впокои в месте нашомъ Полоцкомъ, ани нихто не мелъ выводити, какъ жо деды ихъ и отцы и они сами отъ того часу служили намъ посполъ зъ мещаны Полоцкими военною службою“. Они просили короля о подтвержденіи ихъ правъ, что и было сдѣлано Сигизмундомъ I: „маютъ они въ месте нашомъ Полоцкомъ мешъкати и намъ служыти военною службою конно а збройно, посполъ зъ мещаны Полоцкими“ (Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 321). Такимъ образомъ въ Полоцкѣ, несмотря на введеніе магдебургскаго права, оставались еще конные мѣщане, защищенные спеціальными привилегіями.

и въ Витебскѣ, въ Кіевѣ [1]). Такое раздѣленіе мѣщанъ на „конныхъ“ и посполиство было повидимому старымъ русскимъ обычаемъ, который съ введеніемъ магдебургскаго права выводился, и все мѣщанство подводилось подъ одну „кондыцыю“ [2]).

Такимъ образомъ, мѣщане литовско-русскихъ городовъ привлекались къ участію въ военной службѣ. Эта повинность ихъ закрѣплена и Статутомъ. Такъ второй Статутъ требуетъ, чтобы мѣщане выходили на войну „вси“ „ку валной потребе“ или, съ господарскаго разрѣшенія, выставляли на войну извѣстное число ратниковъ, согласно господарскому же постановленію (разд. II арт. 1). Разсмотрѣнная повинность представляетъ участіе городского класса въ общей военной службѣ. Рядомъ съ этимъ надо отмѣтить и службу городскихъ и сельскихъ войтовъ. Мы имѣемъ очень мало данныхъ для сужденія о томъ, въ какомъ отношеніи находилась войтовская служба къ службѣ городскихъ общинъ, т. е. замѣняла ли она службу отъ города, или являлась самостоятельной. Вѣроятнѣе надо предположить послѣднее: такъ войтъ дорогицкій обязанъ былъ нести военную службу, а между тѣмъ Дорогичинъ стоитъ въ спискахъ городовъ, съ которыхъ выставлялись ратники (съ него шло 50 всадниковъ), и только что нами приведенъ фактъ, изъ котораго видно, что „все мѣсто“ нанимало людей для воинской службы. Тоже надо сказать и о войтовствѣ Володимирскомъ [3]). Съ другой стороны, такъ какъ сельскіе войты тоже несли военную службу, то этотъ фактъ можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что войтовская осада сама по себѣ принималась за основаніе для военной службы.

Въ XV в. служба войтовъ была явленіемъ обычнымъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ источники. Напримѣръ, въ грамотѣ Станиславу Дзядку на войтовство въ Дорогичинѣ великій князь Витовтъ ставитъ обязательнымъ условіемъ военную службу войта, какъ ее выправляютъ и другіе войты селъ и городовъ [4]). Отдавая въ 1430 г. войтов-

---

[1]) Въ уставной грамотѣ 1494 г. мѣщанамъ разрѣшается выѣзжать изъ города для торговли: „нижьли которые люди на службѣ сѣдятъ неясачныи, а коли вѣсть зайдетъ о поганьствѣ“, то они должны оставлять на свое мѣсто лицъ, которыя обязаны нести за нихъ службу (Акты З. Р., I, р. 146). Очевидно, одни изъ мѣщанъ сидѣли на службѣ, а другіе не сидѣли.

[2]) Акты З. Р., IV, р. 169.

[3]) Акты З. Р., I, р. 146.

[4]) Акты Лит.-рус. гос., р. 10.

ство въ Перемилѣ нѣкоему Верукону, тотъ же князь обязываетъ его выступать въ походы съ двумя стрѣлками [1]).

Подобно городскимъ войтамъ, военную земскую службу отбывали и сельскіе войты. Объ этомъ, напр., говоритъ привилей Сигизмунда I 1507 г. Еску Ивановичу на войтовство въ Бѣльскомъ повѣтѣ: „а мелъ онъ съ того службу земскую заступовати потому, какъ иные войтове местъ нашихъ тамошнего краю службу земскую заступаютъ“ [2]). Это указываетъ на то, что всѣ вообще сельскіе войты обязаны были нести земскую службу „посполу зъ иншими земяны белскими водле вставы и вхвалы земское“ [3]). Сословныя различія въ этомъ случаѣ не имѣли мѣста, такъ какъ такую службу несли и войты, вышедшіе изъ крестьянства [4]). Крестьянство сельскихъ войтовствъ, вѣроятно, и мѣщанство въ городахъ давало войту, при выправленіи его на войну, особый сборъ, называвшійся военщиной [5]).

Но вообще извѣстія о службѣ городскихъ и сельскихъ войтовъ къ половинѣ XVI в. почти прекращаются. Очень возможно поэтому, что самое отбываніе военной службы съ войтовствъ прекращается. И это вполнѣ понятно ввиду того, что процессъ дифференціаціи шляхетскаго сословія постепенно отбрасывалъ отъ участія въ посполитомъ рушеніи всѣ не шляхетскіе элементы. Кромѣ того надо имѣть ввиду, что правительство Сигизмунда Августа, какъ это мы знаемъ [6]),

---

[1]) Ibidem, p. 11. Ср. Акты З. Р., I, p. 111, 146; Чарнецкій, Исторія Литовскаго Статута и пр., p. 58 (изъ Кіев. Универс. Изв., 1866 и 1867 гг.).

[2]) Акты Лит.-рус. гос., p. 126.

[3]) Ibidem, p. 127.

[4]) Подданый господарскій Ст. Кушель обратился въ 1561 г. къ господарю съ слѣдующимъ челобитіемъ. Его предки и онъ самъ получили отъ предковъ Ольбрахта Гаштольда десять волокъ въ селѣ Тростянскомъ Тыкотинской державы на войтовство: „войтами были и на тое войтовство Трстянское десеть волокъ тамъ же въ Тростяной держали, съ которыхъ службу земскую военную служили“ (Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 171 об.).

[5]) Такъ въ привилеѣ Сигизмунда I Альберту Ясенскому на войтовство въ селѣ Бобровкѣ слѣдующимъ образомъ говорится о военной службѣ войта и о военщинѣ: „Tenebitur idem Albertus Jasienski advocatus et eius successores advocati tenebuntur et sint obligati ex ipsa advocatia sua in uno equo bono et robusto bellicum servitorium quocies indictum fuerit obire et ad illud more aliorum advocatorum nostrorum proficisci. Contributionem etiam woienszczyzna quoties ad bellicum servetium ibit advocatus praedictus a suis kmetonibus advocatibus libere et sine ullo impedimento factorum nostrorum pro se exibet (Кн. Зап. Лит., XXXI, л. 123 об.— 124 об.).

[6]) Ср. выше, p. 301.

стремилось выкупить сельскія войтовства; слѣдовательно, исчезновеніе сельскихъ войтовъ въ посполитомъ рушеніи находитъ себѣ объясненіе въ этомъ фактѣ.

Хотя войты выступали въ составѣ посполитого рушенія, но тѣмъ не менѣе осада, находившаяся во владѣніи войта, не пользовалась правомъ шляхетскимъ потому, что какъ войтовское право, такъ и участокъ, отводившійся войту, находились подъ правомъ нѣмецкимъ.

Но сверхъ общей военной службы городскія общины съ ихъ представителями войтами обязаны были нести службу по мѣстной оборонѣ, въ случаѣ нападенія со стороны непріятелей. Поэтому сама городская община обязана была заботиться о томъ, чтобы мѣщанство было готово къ оборонѣ города. Такъ въ артыкулахъ, которые опредѣляютъ порядки г. Вильны, находится статья, требующая, чтобы городская рада держала въ готовности пушки, ружья и все необходимое къ оборонѣ, а каждый мѣщанинъ обязанъ имѣть военное вооруженіе (ручницы, рогатины, ведра и сѣкиры, т. е. оружіе для отраженія непріятеля и снаряды для тушенія пожара, какъ въ мирное такъ и военное время) и за этимъ тоже обязана наблюдать городская рада [1]). Впрочемъ о боевой готовности центральныхъ городовъ источники говорятъ очень рѣдко, конечно потому, что въ центрѣ на это дѣло не обращали никакого вниманія.

Гораздо сложнѣе была служба въ пограничныхъ городахъ, въ особенности на югѣ. Такъ въ Кіевѣ, хотя была извѣстная группа мѣщанъ, которые сидѣли на службѣ, однако и всѣ остальные мѣщане должны были принимать участіе въ оборонѣ: отправляться съ старостою въ погоню за непріятелемъ, выходить на защиту замка [2]). Вообще такого же рода повинности лежали на мѣщанахъ всѣхъ

---

[1]) Кн. Зац. Лит., XIX, л. 217—224.

[2]) Уставная грамота 1494 г. сначала говоритъ о разрѣшеніи служебнымъ мѣщанамъ уѣзжать для торговли изъ города, но въ концѣ говоритъ о всѣхъ вообще мѣщанахъ (Акты З. Р., I, р. 146). Что служба требовалась отъ всѣхъ мѣщанъ ясно между прочимъ изъ вырока 1525 г., гдѣ не дѣлается различія между служебными и неслужебными мѣщанами (Акты Ю.-З. Р., II, р. 132). Очевидно, сидящіе на службѣ отличались отъ несидящихъ только служебными особенностями, но повинность равно падала на всѣхъ. Ср. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 111. Вопросъ о военной службѣ городовъ разсматривается въ изслѣдованіи о городахъ В. Б. Антоновича, Монографіи, I, р. 147 и въ ст. г. Пуласкаго, Powinności wojskowe mieszczan w dawnych miastach na Rusi, Biblioteka Warszawska, 1872, t. IV, р. 254.

южныхъ замковъ. Такъ въ Каневѣ мѣщане, городскіе бояре, ихъ подданые, церковные люди и даже пришлые („гости") отправляются въ погоню за непріятелемъ „конно, збройно", подъ предводительствомъ старосты или безъ него; однако тяглые мѣщане, дающіе подводы и стаціи, выступаютъ въ погоню только при старостѣ [1]); такое же постановленіе было въ Браславлѣ [2]) и въ Винницѣ [3]). Въ Черкасахъ мѣщане выступали въ погоню за непріятелемъ только при старостѣ, но потому, что они платили разныя подачки на замокъ [4]). Въ Житомирѣ мѣщане и путные люди выходили въ погоню со старостою, или его намѣстникомъ, но не обязаны были „лежать" съ нимъ въ іполѣ [5]). Въ Кременцѣ мѣщане были расписаны на случай обороны по десяткамъ [6]). Впрочемъ въ сосѣднемъ Владимирѣ существовала служба только по оборонѣ замка [7]). Разумѣется, для погони за непріятелемъ и обороны замка мѣщане держали оружіе [8]). Когда въ шестидесятыхъ годахъ проводилась реформа въ восточныхъ городахъ, то и здѣсь устава предписываетъ мѣщанамъ имѣть для обороны оружіе [9]). Но интересно, что тѣ же уставы уже нигдѣ не содержатъ предписаній касательно выправы съ городовъ на войну; этимъ еще разъ подтверждается высказанное нами предположеніе, что военная служба отъ городскихъ общинъ постепенно выходитъ изъ примѣненія.

Такова служба городскихъ общинъ по мѣстной оборонѣ. Въ различныхъ городахъ она отличалась нѣкоторыми особенностями, но въ общемъ состояла въ обязанности отбиваться отъ непріятеля во время осады, выступать за нимъ въ погоню и содержать необходимое на тотъ и другой случай оружіе. Указанная служба приноровлена къ экстраординарнымъ случаямъ. Но пограничное положеніе замковъ вызывало еще потребность въ особомъ контингентѣ военнослужилыхъ людей, на обязанности которыхъ лежала не только военная служба при нападеніи непріятелей, но также развѣдочная и разсылочная служба въ военное и мирное время. Военное дѣло не было спеціаль-

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 95.
[2]) Ibidem, ч. VII, т. II, р. 22.
[3]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 4—6.
[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. II, т. I, р. 82.
[5]) Ibidem, р. 145.
[6]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, р. 30.
[7]) Ibidem, ч. V, т. I, р. 30.
[8]) Памятники Кіев. Ком., IV, р. 38 (ревизія замковъ).
[9]) Акты З. Р., III, р. 112.

нымъ занятіемъ мѣщанина, и онъ брался за оружіе только тогда, когда наступала опасность. Напротивъ, замковые слуги или путные несли спеціальныя военнослужебныя обязанности.

Слуги или городовые, замковые слуги представляли собою частью сельское, частью городское населеніе, т. е. они выполняли свою повинность или вслѣдствіе того, что владѣли домами, огородами и землями въ городской чертѣ, или же сидѣли на замковой пашнѣ. Подъ указаннымъ названіемъ военнослужилый элементъ извѣстенъ на всей южной Украинѣ. Въ XV в. они занимали рядъ селъ въ Кіевской землѣ. Повинность ихъ состояла въ томъ, что они ходили на войну, въ ловы, а также платили подымщину, болкуновщину и другія подачки; въ каждомъ селѣ былъ атаманъ и подъ нимъ находились слуги, жившіе въ этомъ селѣ. Однако и тогда уже слуги жили не только въ селахъ, но и въ городахъ [1]). Но съ кіевскими слугами произошло тоже самое, что случилось съ такимъ же классомъ населенія слугъ путныхъ въ Полоцкой землѣ, т. е. они были розданы землевладѣльцамъ. Къ половинѣ XVI в. Кіевское воеводство, какъ мы знаемъ [2]), было очень бѣдно замковыми селами, а господарскихъ державъ въ Кіевской землѣ совсѣмъ не было. Слѣдовательно и села, населенныя слугами, пошли въ раздачу частнымъ лицамъ, почему къ половинѣ XVI в. контингентъ этихъ слугъ весьма сократился: при каждомъ замкѣ ихъ было всего по нѣскольку человѣкъ. Главная обязанность этихъ слугъ теперь заключалась уже не только въ борьбѣ съ непріятелемъ въ случаѣ его появленія, но также въ „довѣданьи вѣстей"; вообще они употреблялись во всякихъ замковыхъ „потребахъ",—„где кольвекъ имъ роскажутъ староста, або врадникъ его ехати". Если староста съ ними выступалъ въ дальній походъ, то обязанъ былъ довольствовать слугъ провіантомъ [3]). За свою службу слуги освобождались отъ подачекъ на замокъ; впрочемъ, слуги, державшіе господарскіе земли, не были свободны отъ дани [4]). Сверхъ разсыльной и военной службъ, слуги еще употреблялись для замковой сторожи, выходя съ щитомъ и рогатиною [5]). Въ нѣкоторыхъ замкахъ кромѣ слугъ

[1]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, № 1.
[2]) Ср. выше, p. 166.
[3]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 148.
[4]) Ibidem, p. 135.
[5]) Кн. Зап. Лит., XLIII, л. 1—3.

были еще и стрѣльцы [1]). Иногда въ актахъ встрѣчаются еще ордынскіе слуги, которые несли „ордынскую" службу; но, вѣроятно, это тѣ же самые замковые слуги, а названіе ихъ службы ордынской объясняется тѣмъ, что весь характеръ ихъ повинности сводился къ береженію отъ Орды [2]). Какъ уже было указано, замковые слуги или несли свою службу съ городскихъ держаній, или же съ сельскихъ. Такъ Каневскіе слуги имѣли за свою службу езъ на рѣкѣ Роси [3]). Въ Кременцѣ, по распоряженію королевы Боны, тяглые мужики учинены слугами „для посыланья и доведанья вестей и для ношенья листовъ где жъ кольвекъ": они имѣли земельные надѣлы такіе же, какъ у прочихъ волостныхъ людей: только нѣкоторымъ прибавлено земли [4]). Напротивъ, въ Мозырѣ слуги назначены изъ тяглыхъ мѣщанъ [5]).

При нѣкоторыхъ замкахъ встрѣчается еще разрядъ ясачныхъ слугъ, которые, на ряду съ конною или сторожевою службою, исполняли еще и тяглыя замковыя работы и давали платы [6]).

Слуги и ясачники составляли военно-служилый контингентъ въ южныхъ замкахъ. Такія же обязанности въ Подвинскихъ замкахъ выполняли слуги путные и казаки. Путные слуги центральныхъ и восточныхъ областей являются вполнѣ тожественнымъ элементомъ съ замковыми слугами на югѣ [7]).

Въ изучаемый періодъ южное казачество еще не было оффиціально привлечено къ военной службѣ; это случилось нѣсколько позднѣе. Слуги, о которыхъ мы только что говорили, никоимъ образомъ не могутъ быть смѣшиваемы съ казаками: слуги вербуются изъ городскихъ и сельскихъ тяглыхъ элементовъ, или же несутъ свою службу „по давному", т. е. являются потомками тѣхъ слугъ, которыхъ перечисляетъ люстраторъ XV в. и которые въ небольшомъ чи-

---

[1]) Въ Житомирѣ, Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 127; Zródła dz., VI, p. 131, 139; въ Мстиславлѣ, Кн. Судн. Дѣлъ Лит., л. 11.

[2]) Такъ въ Овручѣ были ордынскіе слуги (Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 223), но въ другихъ случаяхъ акты говорятъ прямо о замковой службѣ въ томъ же городѣ (Кн. Зап. Лит., XLIII, л. 1—3). Объ ордынцахъ ср. замѣчанія Ф. И. Леонтовича, Крестьянскій дворъ, Ж. М. Н. Пр., № 5, p. 8.

[3]) Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 537 об.—538 об.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, p. 29.

[5]) Ibidem, т. I, p. 625.

[6]) Ibidem, p. 590.

[7]) Люстраціи южныхъ замковъ иногда называютъ здѣшнихъ слугъ путными, Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, p. 138, p. 617 и 625.

слѣ уцѣлѣли отъ раздачъ землевладѣльцамъ, или не успѣли „заложиться“ за нихъ. Люстраціи южныхъ замковъ и господарскія уставы старательно подбирающія всякого рода повинностныя отношенія мѣстныхъ общественныхъ группъ, нигдѣ и ничего не говорятъ о повинностяхъ казаковъ какъ соціальнаго элемента: казакъ—вольный человѣкъ, онъ никому не служитъ и поэтому не несетъ никакихъ повинностей [1]). Интересно, что въ Подвиньи раньше пришли къ заключенію о пользѣ привлеченія къ землевладѣнію, а слѣдовательно и къ повинностямъ этого вольнаго военнаго элемента. На сколько можно судить, немногочисленное казачество въ здѣшнихъ замкахъ является новымъ элементомъ и едва ли незанесеннымъ изъ московскихъ областей, такъ какъ наиболѣе раннее упоминаніе о казакахъ относится къ выходцамъ изъ Великихъ Лукъ. Такъ при Полоцкомъ замкѣ люстрація 1552 г. насчитываетъ шесть казацкихъ службъ; всѣ эти казаки получили свои земли на казацкую службу отъ воеводы п. Станислава Довойны (1542—1563) и одинъ отъ п. Яна Юрьевича Глѣбовича (1532—1542); впрочемъ, встрѣчаемъ и болѣе раннее пожалованіе земель Полоцкимъ казакамъ [2]). Со своихъ земель казаки ставили въ службу по коню [3]). Но судя по другимъ даннымъ, въ томъ элементѣ, который назывался казаками, цѣнилась не только военная конная служба, но въ особенности знаніе порубежной мѣстности [4]). По своему правовому положенію казаки были наравнѣ съ путными людьми и судились подъ однимъ присудомъ съ ними [5]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ казаки могли быть привлекаемы и къ замковымъ повинностямъ: такъ, при пожалованіи въ 1569 г. льготной грамоты по платежу мыта Дисненскимъ мѣщанамъ, Сигизмундъ Августъ распространяетъ ее и на мѣстныхъ „осѣлыхъ“ казаковъ въ томъ случаѣ, если они будутъ принимать участіе, вмѣстѣ съ Дисненскими мѣщанами, въ укрѣпленіи замка, который тогда отстраивался [6]). Какъ уже указывалось, нѣкоторые изъ Полоцкихъ казаковъ за свои заслуги переводились въ шляхетство. Интересно что въ такомъ случаѣ не всегда утрачивалось ихъ

---

[1]) Впрочемъ ср. Архивъ Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, р. 87, 97. Но это видъ тяглой службы.

[2]) Кн. Зап. Лит., XII, л. 21 об. (1522 г.).

[3]) Scriptores rerum polonicarum, V, p. 197.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXX, л. 4 об.

[5]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 180 об.

[6]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LIII, л. 222 об.

происхожденіе: казаки встрѣчаются въ числѣ дворянъ господарскихъ [1]).

Казаки сѣверо-восточныхъ замковъ—новый и немногочисленный служебный элементъ. Онъ несетъ конную службу и свободенъ отъ тяглыхъ платовъ и повинностей. Низшее положеніе занималъ многочисленный и старинный разрядъ путныхъ бояръ или слугъ путныхъ. Это былъ разрядъ сельскаго населенія, извѣстный во всѣхъ областяхъ государства. Путные слуги состояли членами волостной общины [2]), но главная ихъ служба заключалась не въ волостномъ тяглѣ (хотя они и исполняли тяглыя повинности [3]), а въ военной и разсылочной службахъ: путники выставляютъ на службу коней и обязаны ѣздить съ листами, куда ихъ пошлютъ [4]). Путная служба была выше тяглой и разныхъ дворовыхъ службъ, такъ что, напримѣръ, съ конюшской [5]), тяглой и другихъ службъ переводились на путную, и наоборотъ „привбожавшіе" путники привлекались къ полному крестьянскому тяглу [6]). Путники были людьми вольными, т. е. лично свободными, но за ними, какъ и за другими крестьянскими разрядами, не признавалось право собственности на земли, которыми они владѣютъ; поэтому при пожалованіи путниковъ съ ихъ землями, имъ предоставлялось или остаться на службѣ у пана, или оставить свои отчизны, забрать свои „статки" и искать гдѣ-нибудь себѣ „помѣстья ку мѣшканью" [7]). Полоцкіе путники, хотя и пользовались на основаніи уставной грамоты, куда и они были занесены, тѣмъ правомъ, что они, какъ люди вольные, не могутъ быть жалуемы съ своими землями, однако фактически массами переходили въ разрядъ частновладѣльческихъ подданыхъ, потому что по отношенію къ нимъ грамота постоянно нарушалась.

Высшимъ разрядомъ въ средѣ крестьянскаго населенія является панцырное боярство, или панцырные слуги. Они стояли выше слугъ путныхъ, потому что господари, „вызволяя" путниковъ отъ ихъ служ-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XV, л. 208 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 135.

[3]) Ср. выше, р. 235.

[4]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, р. 113.

[5]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 47 об.

[6]) Акты Леонтовича, № 122.

[7]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 99 об.; Кн. Судн. Дѣлъ Лит., XXXV, л. 14; Акты Леонтовича, №№ 231, 757; Акты З. Р., II, р. 86; Кн. Зап. Лит., XXIX, л. 72 об.—74 и др.

бы, переводили на панцырную [1]). Впрочемъ и изъ другихъ низшихъ разрядовъ переходили на панцырную, напримѣръ, съ тяглой [2]), ловецкой [3]); иногда мѣщане и земяне получали панцырную или доспѣшную службу [4]). Подымаясь высоко въ крестьянской средѣ, панцырная служба однако не была земской и для перехода на послѣднюю требовалось специальное господарское пожалованіе [5]). Служба панцырныхъ состояла въ конной службѣ „панцеромъ съ бояры нашими посполите, гдѣ ся кольвекъ прыгодить“: они не обязаны выѣзжать въ качествѣ слугъ „съ бояры“ (такъ выражается грамота М. И. Мстиславскаго, т. е. при воеводахъ и намѣстникахъ). Но на войну они отправляются „посполу“ съ боярами, т. е. наравнѣ съ ними; они не обязаны также ходить въ ловы; вообще положеніе панцырнаго боярина въ древнѣйшее время мало отличалось отъ земскаго боярства [6]), хотя все-таки отличіе было [7]). Панцырные слуги не несли съ городомъ и волостью тягла [8]), хотя иногда и притягивались къ нѣкоторымъ дворовымъ службамъ [9]). Въ Витебской землѣ панцырные бояры пользовались вольностями наравнѣ съ шляхтою и за ними здѣсь признавалось право „вольнаго шафованья“ своими имѣніями [10]). Эта особенность, будучи чисто мѣстной, сохранилась за витебскими панцырными боярами до конца Речи Посполитой и была впослѣдствіи признана русскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, панцырные бояры стояли ниже земянства, но выдвигались надъ своими путными собратьями. Послѣднее отличіе заключалось въ томъ, что панцырные бояры не ходили въ ловы съ воеводами и намѣстниками и не несли разсылочной службы. Кажется, можно высказать довольно вѣроятное предположеніе о томъ,

---

[1]) Scriptores rerum polonicarum, V, p. 198.

[2]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 31.

[3]) Акты Леонтовича, № 584.

[4]) Акты Леонтовича, № 588; Акты Лит.-рус. гос., р. 75.

[5]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 282 об., л. 431.

[6]) Акты Ю.-З. Р., I, р. 236.

[7]) Такъ въ 1511 г. Сигизмундъ I, переводя одного солянника съ солявицкой службы на панцырную, такъ объясняетъ послѣднюю: „нехай они служат нам панцерною службою, на воину ходят потому, как и иныи слуги наши панцырныи поспол з бояры нам служат“ (Акты Лит.-рус. гос., I, р. 149).

[8]) Акты З. Р., I, р. 366; Кн. Зап. Лит., XVI, л. 69. Историко-юридическіе матеріалы извлеч. изъ акт. кн. Вит. и Мог. г., т. II, р. 230, 232.

[9]) Кн. Судн. Дѣлъ Лит., IV, л. 12 об.—13.

[10]) Историко-юридическіе матеріалы, II, р. 222.

на чемъ зиждилось это отличіе панцырныхъ и путныхъ слугъ: вѣроятно, оно обусловливалось особенностями вооруженія, въ которомъ выходили на войну панцырные слуги, такъ какъ при всякомъ опредѣленіи панцырной службы объясняется, что это служба—на конѣ въ доспѣхѣ, панцырѣ, т. е. въ тяжеломъ вооруженіи; между тѣмъ путные слуги выходили на войну въ легкомъ вооруженіи [1]).

Слуги замковые, путные, панцырные и казаки являются спеціальнымъ военно-служилымъ элементомъ [2]); это верхи крестьянскаго общества. Но кромѣ нихъ къ военной службѣ призывались и нѣкоторые разряды дворовыхъ и хозяйственныхъ службъ при господарскихъ дворахъ: это слуги, спеціальность которыхъ пріучала ихъ къ обращенію съ оружіемъ, или же оказывалась пригодной для какихъ нибудь надобностей въ войскѣ. Таковы бобровники, стрѣльцы, осочники, ковали, сокольники, клепачи, солевики, ловцы и нѣк. др. [3]).

Что касается рядового крестьянства, то участіе его въ службахъ въ войскѣ и вообще въ военной повинности было незначительно. Вообще крестьянство никогда не вызывалось къ службѣ. Только въ южныхъ повѣтахъ господарскія уставы требуютъ выхода частновладѣльческихъ людей противъ непріятеля [4]). Но такая повинность создалась только на югѣ ввиду его исключительнаго положенія, и она неизвѣстна нигдѣ въ другихъ областяхъ. Однако въ годы Ливонской войны въ войско вызывались тяглые крестьяне господарскихъ державъ для подвоза провіанта и разныхъ работъ, необходимыхъ въ войскѣ [5]). Но это опять таки не составляло ординарной повинности крестьянскаго сословія. Гораздо интереснѣе было бы опредѣлить, принимали ли участіе подданые въ снаряженіи въ походъ своихъ господъ. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, существовала особая повинность, состоявшая въ томъ, что подданые при отправленіи ихъ господина на войну давали „военное“ (bellicalium) [6]). Нѣкоторые слѣды этого обы-

[1]) Иногда въ актахъ панцырный слуга является синонимомъ путнаго. Такъ, возводя Паршоновича въ шляхетство, Сигизмундъ Августъ называетъ его „слугой панцырнымъ путнымъ“ (Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 431).

[2]) Разряды этихъ службъ довольно разнообразны. О нихъ см. М. К. Любавскаго, Обл. дѣленіе, р. 343 слѣд.

[3]) Ibidem, р. 526, ср. 323 и сл.

[4]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 2—3.

[5]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 13—14; Кн. Судн. Дѣлъ Лит., LII, л. 52.

[6]) Trzy rozdziały z historyi skarbowości w Polsce 1507—1532 przez Lubomirskiego, Kraków, 1868 r., p. 8. Plany reform skarbowo-wojskowych, przez A. Blumensztoka, Przewodnik naukowy i literacki, 1888, zeszyt I, p. 23.

чая можно найти и въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства: такъ мѣщане давали войтамъ „военщину“ или „вырядъ“ [1]). Кое-гдѣ, повидимому только въ Подляшскихъ мѣстностяхъ, въ числѣ сборовъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ встрѣчаемъ также „военщину“ [2]); въ Пинскомъ княжествѣ въ удѣльный періодъ взимался „повозъ“ или „возъ“ [3])—древне-русская повинность [4]), повидимому, соотвѣтствующая военщинѣ. Быть можетъ, сюда же слѣдовало бы привлечь и платъ на хоружого, собиравшійся въ Полоцкой землѣ, какъ оплата военной выправы должностного лица (въ воеводскихъ волостяхъ) [5]). Но все это столь отрывочныя указанія, которыя не позволяютъ предполагать, что на повинности подданыхъ лежала обязанность содѣйствовать снаряженію ихъ господина на войну; изъ этихъ отрывочныхъ указаній явствуетъ только, что этотъ обычай дѣйствительно существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но широкаго распространенія онъ не имѣлъ; сборъ военщины на войтовъ понятенъ, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ правомъ, перешелъ изъ Польши.

Такимъ образомъ мѣщанскій и крестьянскій элементъ привлекался къ военной службѣ. Мѣщанство обязано было защищать замокъ, выходить въ погоню за непріятелемъ. Это—мѣстная служба и она относится только къ украиннымъ городамъ, безъ различія на привилегированные и непривилегированные. Но на привилегированныхъ городахъ, какъ и на нѣкоторыхъ изъ „преднѣйшихъ“, лежала еще повинность выправы въ войско извѣстнаго военнаго контингента. Ни того ни другого рода службы не лежало на всемъ крестьянскомъ классѣ, но зато верхніе ряды его обязаны были военною повинностью; только въ исключительныхъ случаяхъ крестьянство вызывалось въ войско для военно-хозяйственныхъ надобностей.

Знакомство съ исторіей прямого обложенія въ Литовско-русскомъ государствѣ приводитъ къ нижеслѣдующимъ общимъ выводамъ. Прежде всего, тотъ кругъ повинностныхъ обязанностей, который носилъ каз-

[1]) См. выше, р. 780. прим.

[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст, I, р. 158.

[3]) См. прил., № I.

[4]) Лешковъ, Русскіе древніе законы о сохраненіи народнаго богатства. Временникъ И. М. О. И. и Др. Р., XVIII, р. 11.

[5]) Кн. Зап. Лит., XVI, л. 114 об.—115.

ваніе земскихъ повинностей и податей, былъ направленъ почти исключительно на удовлетвореніе военныхъ потребностей государства и только отчасти на административныя нужды; послѣднимъ цѣлямъ служили подводная и дорожная повинности, а изъ податей—та, которая наложена была для оплаты членовъ комиссіи, работавшей надъ составленіемъ Статута. Всѣ остальныя повинности, т. е. военная земская служба, замковая и сторожевая повинности, а также земская подать служили для военныхъ цѣлей. Изъ этого ясно, что гражданская, дипломатическая и придворная службы не имѣли повинностнаго характера, какъ это извѣстно относительно Московской Руси. Правда, шляхта и на этихъ поприщахъ несла службы господарю великому князю и даже получала за нее земельныя пожалованія, но это не входило въ кругъ ея обязанностей.

Въ общемъ податной и повинностный строй носитъ цѣлевой характеръ: земская подать декретируется только тогда, когда государственныя нужды не могутъ быть удовлетворены постоянными источниками дохода, т. е. косвенными налогами и доходами господарскаго хозяйства. Военная земская служба отправлялась только тогда, когда посполитое рушенье призывалось противъ непріятеля: даже на южной Украинѣ служба не была постоянной, и населеніе призывалось къ оружію только во время нападенія непріятеля, или въ ожиданіи такового: гарнизонную службу несли здѣсь наемныя роты; наконецъ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ призывалось повѣтовое рушенье для административныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, и военная земская служба не была постоянной и посполитое рушенье созывалось только для извѣстныхъ цѣлей.

Литовско-русскій государственный строй не зналъ, однако, никакихъ ограниченій сроковъ военной службы, или раздѣленія ея на службы для защиты страны отъ нападающаго непріятеля и для походовъ въ непріятельскую землю; впрочемъ, Литовско-русскому государству и не приходилось вести наступательныхъ войнъ (занятіе Ливоніи трудно считать такой войной). Остальныя земскія повинности имѣли то отличіе отъ военной службы, что являлись постоянными, но въ то же время онѣ гармонировали со всѣмъ повинностнымъ строемъ, въ томъ смыслѣ, что отличались цѣлевымъ характеромъ: послѣдній можно усмотрѣть въ томъ, что предметы, составлявшіе повинность населенія, были строго распредѣлены на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, равно какъ и въ строгомъ распредѣленіи работъ между общинами.

Различныя стороны прямого обложенія не одинаковымъ образомъ распредѣлялись между классами населенія. Въ общемъ, населеніе дѣлится на двѣ, неодинаковыя въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, группы—на землевладѣльцевъ и ихъ подданыхъ, т. е. зависимыхъ отъ землевладѣльцевъ сельскихъ и городскихъ жителей (свободныхъ и несвободныхъ). Землевладѣльческій классъ распредѣляется на три стана: во главѣ этихъ становъ стоитъ господарь великій князь съ своими обширными державами и зависящими отъ него городскими общинами, затѣмъ идутъ станы „духовный“ и „свѣтскій“. Всѣ три стана даютъ подать съ своихъ людей, несутъ повинности съ своихъ имѣній и отбываютъ военную службу. Однако, есть большая разница въ формахъ, въ которыхъ выражалось участіе ихъ въ несеніи повинностной тяготы; впрочемъ, это различіе почти сглаживается фактически къ концу изучаемаго періода. Такъ, наложеніе подати на господарскихъ подданыхъ въ томъ размѣрѣ и тогда, когда она декретирована сеймомъ, зависитъ отъ господаря; но онъ налагаетъ подать по „просьбѣ“ становъ, пока въ этомъ отношеніи господарскія добра не уравнялись съ шляхетскими съ момента уніи 1569 г. Только въ отношеніи военной службы господарскія добра не подчинялись тѣмъ условіямъ, въ какія были поставлены земскія имѣнія, такъ какъ старосты и воеводы выводили почоты безъ отношенія къ размѣрамъ, установленнымъ ухвалами. Что касается имѣній, находившихся въ распоряженіи духовенства, то онѣ были поставлены въ повинностномъ отношеніи такимъ образомъ: подать, декретированная на сеймѣ, падала на всякаго рода имѣнія, бывшія во владѣніи церкви или вообще членовъ духовнаго сословія; касательно же повинностей и въ особенности военной службы, шляхетство достигло того, что переходившія во владѣніе церкви поземельныя имущества, состоявшія на правѣ земскомъ, въ повинностномъ отношеніи оставались на этомъ правѣ; а имущества, находившіяся въ личномъ владѣніи членовъ духовнаго сословія, не могли уклоняться отъ лежащихъ на нихъ повинностей. Такимъ образомъ, въ Литовско-русскомъ государствѣ въ этомъ отношеніи установился тотъ же порядокъ, какой выработался въ Польшѣ еще при Казимирѣ Великомъ [1]).

---

[1]) Blumensztok, Plany reform, „Przewodnik naukowy i literacki“, 1888. I. p. 26, 31.

Отношеніе къ государственнымъ повинностямъ и податямъ того класса, который владѣлъ имѣніями на правѣ земскомъ, находилось въ зависимости отъ формъ землевладѣнія. Хотя еще въ до-литовскій періодъ можно отмѣтить группу боярства, какъ въ литовскихъ такъ и русскихъ областяхъ [1]), хотя вся исторія Литовско-русскаго государства представляетъ рядъ фактовъ, весьма способствовавшихъ развитію шляхетскихъ вольностей, однако окончательная дифференціація дворянскаго сословія и утвержденіе за нимъ господствующаго положенія въ государствѣ могутъ быть отнесены только къ періоду второго Статута, т. е. къ тому времени, когда повѣтовое шляхетство является вполнѣ оформившимся сословно-политическимъ тѣломъ. И это легко объяснить тѣмъ, что, съ одной стороны, положеніе привилегированнаго класса было неразрывно связано съ землевладѣніемъ и военной службой, а съ другой стороны, тѣмъ, что въ тѣсный кругъ знати постепенно вливаются новыя волны меньшаго боярства. Первыя привилегіи были получены весьма ограниченнымъ кругомъ родовой аристократіи, но уже къ половинѣ XV в. всѣ вообще военнослужилые элементы пользуются широкими привилегіями. Знать не съумѣла удержать за собою свое исключительное положеніе потому, что она сама опиралась на многочисленные ряды низшаго боярства; послѣднее оказалось сильнымъ, потому что оно составляло военный оплотъ государства. Оно оказало оппозицію знати, потому что замкнутое привилегированное положеніе небольшого кружка родовъ оказалось въ противорѣчіи съ исконными принципами, выработавшимися на литовско-русской почвѣ до сближенія съ Польшею. Эти принципы заключались въ отсутствіи классовой замкнутости и въ томъ, что соціальное положеніе даннаго лица опредѣлялось не привилегіями личнаго характера, но его служебно-поземельнымъ положеніемъ. Принципъ личной привилегированности, основанной на знатности происхожденія, былъ заимствованъ литовскою аристократіею изъ Польши. Пересаженный на новую почву онъ не могъ здѣсь сразу привиться и встрѣтилъ сильную оппозицію.

Вся дальнѣйшая исторія шляхетскаго сословія представляетъ собою борьбу послѣдняго принципа съ указанными исконными взглядами, постепенное ихъ исчезновеніе и проникновеніе шляхетскаго общества понятіями строгой сословности, основанной на знатности про-

---

[1]) См. выше, р. 57.

исхожденія. Въ общемъ, произошла своеобразная демократизація шляхетскаго сословія. И этотъ процессъ не слѣдуетъ считать простымъ перенесеніемъ польскихъ порядковъ, такъ какъ во внутренней жизни было достаточно условій, которыя способствовали дифференціаціи шляхетскаго сословія; разумѣется тѣмъ самымъ вовсе не отрицается извѣстное влiяніе польскаго общественнаго строя на развитіе соціальной жизни въ Литовско-русскомъ государствѣ.

Выдѣлившись окончательно, шляхетское сословіе предъявляетъ притязанія на исключительное владѣніе имѣніями на земскомъ правѣ. Въ повинностномъ отношеніи владѣніе на этомъ правѣ влекло за собою личное (или черезъ представителя, въ извѣстныхъ случаяхъ) несеніе военной земской службы и во главѣ извѣстнаго почота въ томъ случаѣ, если землевладѣлецъ выступалъ съ имѣнія, населеннаго количествомъ службъ, превышавшимъ окладъ въ одного „коня“: сверхъ того, землевладѣлецъ давалъ съ своихъ людей земскую подать, принятую на сеймѣ, съ согласія представителей шляхетства. Подать и служба являются безусловными обязанностями землевладѣльческаго класса.

Отношеніе частновладѣльческихъ людей къ другимъ повинностямъ является далеко не безусловнымъ: оно находится въ зависимости отъ формъ землевладѣнія. Несмотря на сліяніе, ко времени второго Статута, вотчинъ съ выслугами, несмотря на реформу въ подводной повинности, шляхетское поспольство всетаки стремится удержать принципъ, по которому частновладѣльческіе люди съ вотчинныхъ земель, или съ иммунизованныхъ выслугъ не обязаны отбывать повинностей. Такимъ образомъ, на частновладѣльческихъ подданыхъ, къ концу изучаемаго періода, падаютъ повинности сторожевая и замковая и подводный налогъ. Была однако еще нѣкоторая неясность по отношенію къ формамъ землевладѣнія; она устранена третьимъ Статутомъ. Онъ признаетъ подводную повинность (конечно, выразившуюся въ подводномъ налогѣ) обязательной для шляхетскихъ подданыхъ (но не для церковныхъ), но освобождаетъ ихъ отъ стацій и мостовой работы, равно какъ и отъ замковыхъ работъ. Замковыя работы должны отбываться съ новоподвышенныхъ мытныхъ пошлинъ, а постройка и починка мостовъ ложатся на обязанности подданыхъ тѣхъ землевладѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ находятся мосты; такая же повинность лежитъ и на подданыхъ господарскихъ державъ. Освобожденіе отъ стацій, мостовой и замковой работъ не касается жителей госпо-

дарскихъ державъ и городовъ: все это они отбываютъ на ряду съ подводами (раздѣлъ III, артыкулъ 29). Статутъ не говоритъ о сторожевой повинности, но онъ вполнѣ опредѣленно освобождаетъ землевладѣльцевъ отъ всякихъ податей, „потеглей“ и повинностей, такъ какъ, разъясняетъ Статутъ, по основнымъ законамъ шляхта несетъ только тѣ подати и повинности, на которыя она сама „добровольно“ согласилась и утвердила сеймовою ухвалою. Слѣдовательно, на ней остается только подводная повинность, утвержденная сеймовою конституціею, такъ что съ третьяго Статута шляхетскіе подданые дѣлаются свободными отъ замковой и сторожевой повинностей, а мостовую отбываютъ только въ предѣлахъ панской маетности.

Таково повинностное отношеніе къ государству шляхетскаго сословія, какъ личное такъ и съ тѣхъ имѣній, которыя находились въ его владѣніи. Къ этому слѣдуетъ прибавить то, что говорилось нами въ предыдущихъ главахъ объ освобожденіи шляхты отъ таможенныхъ пошлинъ при вывозѣ продуктовъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, а также объ освобожденіи ея отъ уплаты судебныхъ пошлинъ господарю великому князю и панамъ раднымъ. Изъ этого ясно, что шляхетское сословіе пользовалось весьма широкими повинностными льготами, падающими какъ лично на него, такъ и на его подданыхъ. Это привилегированное положеніе шляхты образовалось постепенно и тѣсно связано съ политическимъ ростомъ цѣлаго шляхетскаго сословія. Но и это, сравнительно несложное податное бремя, притомъ устанавливаемое такимъ образомъ, что оно вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія самой шляхты и, слѣдовательно, назначаемое въ мѣру фактической и настоятельной потребности положенія, занимаемаго государствомъ, было носимо шляхетскимъ сословіемъ съ большой неохотою и съ большими нареканіями. Недовольство шляхты особенно усилилось въ годы Ливонской войны. Безспорно, эта война требовала большого финансоваго и военнаго напряженія, къ чему государственное хозяйство не было въ достаточной мѣрѣ подготовлено, но безспорно также и то, что успѣшность окончанія этой войны сулила неисчислимыя выгоды государству вообще и въ особенности привилегированному въ немъ сословію. Несмотря на это шляхта, ропща на черезмѣрность обложенія какъ службою, такъ и налогами, уклоняясь фактически отъ выполненія обязательствъ, принимаемыхъ ею же на сеймахъ, стремилась воспользоваться войною, какъ орудіемъ политическимъ: она успѣла именно въ этотъ періодъ вымѣнять наибольшія политическія

прерогативы на свои военныя услуги и въ то же время стала проявлять наклонность къ тому, чтобы свалить военно-податное бремя на другіе классы общества—на купцовъ, духовенство, евреевъ, безъ желанія однако дѣлиться съ ними привилегіями и выгодами. Мы знакомы уже съ этими аппетитами шляхты по исторіи косвенныхъ налоговъ. Тѣ же тенденціи проявляются и тогда, когда на сеймахъ подымалась рѣчь объ изысканіи источниковъ для оплаты военной службы.

Переходимъ теперь къ податному и повинностному положенію другихъ сословій въ государствѣ. Въ значительной мѣрѣ положеніе ихъ обусловливается указанными особенностями шляхетскаго стана. Шляхетскіе подданые несли тѣ подати и повинности, которыя обязаны были давать ихъ господа съ своихъ имѣній, или господарь съ своихъ державъ и съ привилегированныхъ городовъ. Остается поэтому только отмѣтить тѣ особенности, въ которыхъ находились обѣ послѣднія группы населенія. Мѣщанство оказалось оттертымъ отъ земскаго землевладѣнія. Хотя третій Статутъ еще знаетъ земскія имѣнія, находящіяся во владѣніи мѣщанъ (разд. III, артыкулъ I), однако вольность „шафованья“ имѣніями признана только за шляхетскимъ станомъ (разд. III, артыкулъ II). Слѣдовательно, тѣмъ самымъ мѣщанскія имѣнія подпадаютъ тому праву, на которомъ держали земли зависимые элементы и по которому поземельное имущество подданаго находилось въ распоряженіи его господина. Городскія общины, кромѣ податей, налагаемыхъ на нихъ господаремъ съ панами радою, общихъ тѣмъ, которыя назначались сеймами на все государство и сверхъ общеземскихъ повинностей, обязаны были еще выставлять военную „выправу“ людьми, или давать вмѣсто нея поконевщину, отбывать мѣстную оборону, выправлять на войну провіантъ и ремесленниковъ и давать принудительные государственные займы; однѣ изъ этихъ повинностей приходились на долю привилегированныхъ городовъ, другія падали и на непривилегированные. Участіе крестьянства, въ его цѣломъ, въ военной оборонѣ незначительно, но зато военную службу несли верхніе ряды его, а также нѣкоторыя спеціальныя службы [1]).

Таково было соотношеніе сословій Литовско-русскаго государства въ области прямого обложенія. Какъ распредѣлялось податное бремя

---

[1]) Наростаніемъ военно-служилаго сословія былъ вытѣсненъ древній обычай призыва земскаго ополченія (ср. р. 9): въ изучаемый періодъ о немъ нѣтъ никакихъ уже упоминаній.

въ средѣ городскихъ и сельскихъ общинъ,—этотъ вопросъ не входитъ сейчасъ въ нашу задачу. Намъ важно еще указать на общія черты, характеризующія строй прямого обложенія.

Въ общемъ, принципы, легшіе въ основу для опредѣленія податного субъекта и единицъ обложенія, отличались большою рудиментарностью, свойственною старымъ системамъ обложенія. Поэтому весь податной механизмъ далеко не соотвѣтствовалъ принципамъ справедливости, полагаемымъ въ основу равномѣрнаго обложенія. Такая единица какъ служба людей, употреблявшаяся для опредѣленія военной повинности, а частью и для податей, представляла собою грубую единицу и неохватывавшую всѣхъ разрядовъ тяглаго населенія, потому что сеймовыя конституціи знаютъ только службы тяглыхъ людей, данниковъ и путныхъ, опуская, такимъ образомъ, спеціальныя дворовыя службы. Правда, распредѣленіе военной повинности по службамъ, сдѣланное впервые въ концѣ XV вѣка, было уже шагомъ впередъ сравнительно съ болѣе древнимъ временемъ, когда эта служба отбывалась, какъ и въ Польшѣ [1]), secundum facultatem bonorum. Но въ дальнѣйшій періодъ не было сдѣлано ничего для того, чтобы достигнуть болѣе правильной раскладки этой повинности. Въ обложеніи податью замѣтно колебаніе между поголовнымъ и поземельнымъ обложеніемъ; но податная практика чаще обращается къ послѣднему и по вполнѣ понятнымъ причинамъ—потому, что податная техника не выработала никакихъ пріемовъ для установленія личнаго кадастра. Поэтому земля была тѣмъ объектомъ, на который почти исключительно падала подать, но она не улавливала всѣхъ податныхъ субъектовъ, потому что падала на землю, подлежащую фактической разработкѣ: такъ отъ серебщины ускользали промыслы населенія. Однако въ посошной раскладкѣ нельзя не отмѣтить одной хорошей стороны: принимая въ разсчетъ соху [2]) какъ признакъ, по которому исчислялось обложеніе, раскладка тѣмъ самымъ стремилась достигнуть извѣстной справедливости—уловить доходъ. Но, съ другой стороны, примѣненіе одного этого принципа имѣло и отрицательныя стороны, потому что обложеніе не знало раздѣленія земель по ихъ качеству, не считалось съ условіями различныхъ мѣстностей и грубо отдѣляло арендныя земли

[1]) Blumensztok, Plany reform, „Przewodnik naukowy i literacki“, 1888, I, p. 33.

[2]) Кстати замѣтимъ, что литовско-русская соха, какъ орудіе, описана съ указаніемъ на древнюю ея форму, въ брошюрѣ Tymoteusza Łuniewskiego, Socha litewska v. podliaska, War. 1899 (изъ „Gazety Rolniczej“).

отъ держаній, находившихся въ собственности плательщиковъ. Обложеніе арендныхъ земель и подворное только изрѣдка привходили, какъ извѣстный коррективъ, въ посошную раскладку.

Такимъ образомъ, обложеніе, какъ повинностями такъ и податью, носило въ общемъ поземельный характеръ (за исключеніемъ привилегированныхъ городовъ и податей съ евреевъ); отступленія отъ него незначительны. Но къ концу изучаемаго періода замѣчаются признаки, указывающіе на стремленіе охватить обложеніемъ капиталъ и занятіе плательщика, т. е. наблюдаемъ зачатки государственнаго промысловаго обложенія. Эти зачатки, прежде всего, слѣдуетъ видѣть въ налогѣ 1562 г., формахъ установленія подводнаго налога, въ опредѣленіи налога 1565 г. (съ извѣстными исключеніями) и въ особенности съ введеніемъ шоса и чоповаго съ 1569 г. Тѣмъ самымъ оставлялся принципъ репартиціонной раскладки въ городахъ, и казна становилась ближе къ городскому плательщику, налагая на него извѣстную квоту.

Таковъ былъ status прямого обложенія.

Происхожденіе податей и повинностей было уже достаточно суммированно и въ общей характеристикѣ этого вопроса нѣтъ нужды. Обязательность военной службы и уплаты податей лежитъ въ условіяхъ образованія государства; остальныя же повинности связаны съ формами поземельной собственности. Поэтому подать не является заимствованной; она только измѣнила свой принципіальный характеръ, такъ какъ изъ дани, уплачиваемой различными областями великому князю, превратилась въ налогъ добровольно декретируемый шляхтою; но и въ этомъ отношеніи она имѣла извѣстную опору въ русской древности.

Исторія прямого обложенія, въ особенности земской подати, въ Литовско-русскомъ государствѣ имѣетъ большое сходство съ податной исторіей многихъ западно-европейскихъ государствъ. И здѣсь происхожденіе общегосударственныхъ податей вызывалось большею частью внѣшними обстоятельствами. Такъ, старѣйшій въ Европѣ изъ прямыхъ государственныхъ налоговъ англійскій, извѣстный подъ именемъ danegeld, образовался въ концѣ X в., какъ дань завоевателямъ датчанамъ [1]). Возникновеніе новыхъ формъ военнаго строя въ Германіи повело къ установленію здѣсь прямого налога [2]). Нѣмецкій налогъ,

---

[1]) Озеровъ, Подоходный налогъ въ Англіи, М. 1898, р. 4.

[2]) Ibidem, р. 33; Эгебергъ, Финансовое право (перев. Свирщевскаго), р. 42. Wagner, Fw., III, р. 48.

извѣстный подъ именемъ Türkensteur имѣетъ большую аналогію съ литовско-русской ордынщиной [1]). Такое же сходство наблюдается иногда и въ нѣкоторыхъ частностяхъ податной исторіи. Сходство наблюдается и въ томъ, что древнѣйшіе налоги имѣютъ въ основѣ обложенія землю [2]), и только постепенно переходятъ къ обложенію капитала и труда, положенныхъ въ промыселъ [3]). Съ переходомъ къ новому времени литовско-русскій финансовый строй закрѣпилъ средневѣковый принципъ, по которому налогъ является librement voté [4]). Но разница заключалась въ томъ, что подать въ Литовско-русскомъ государствѣ не превратилась въ замѣну военной службы дворянскаго сословія [5]). Посполитое рушенье, состоявшее изъ коннаго войска, не получившаго спеціальной военной подготовки, оставалось основнымъ оборонительнымъ средствомъ страны въ то время, когда въ Западной Европѣ совершался переходъ къ постоянному пѣхотному войску и къ артиллеріи. Немногочисленные гарнизоны и жалкая артиллерія пограничныхъ крѣпостей не могли замѣнить собою правильно обученнаго войска, были незначительны въ количественномъ отношеніи и, наконецъ, въ эпоху третьяго Статута подпали ревнивому контролю сейма, такъ что не могли выростить постояннаго войска. Само посполитое рушенье въ концѣ концовъ обратилось не столько въ оборону страны отъ непріятелей, сколько въ охранителя шляхетскихъ вольностей. Подобное положеніе вещей составило серьезную опасность для цѣлости государства при внѣшнихъ столкновеніяхъ и для внутренняго спокойствія.

---

[1]) По ничего общаго съ татарскимъ выходомъ, какъ полагаетъ г. Лаппо-Данилевскій (Организація прямого обложенія, р. 17, прим.).

[2]) Рау, Основныя начала финансовой науки, II, р. 27.

[3]) Ibidem, р. 82; Краткой исторіи промысловаго налога посвящена книга г. Львова (Промысловый налогъ и методы его установленія въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Россіи", М. 1880 г.), впрочемъ слабая въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются исторіи налога въ Россіи.

[4]) Clamegeran, Histoire de l'impot, I, р. 497, л. IX.

[5]) Сигизмундъ I въ Польшѣ стремился осуществить подобныя идеи, но это ему не удалось (Blumensztok, Plany reform, Przewodnik naukowy, 1888, IV, р. 315, V, р. 398). Собиравшійся нѣсколько разъ въ Литвѣ при томъ же королѣ поборъ, въ основу котораго полагался служебный „конь", является, конечно, отголоскомъ той же политики, хотя литовско-русскіе источники не даютъ никакихъ указаній на великокняжескую политику въ этомъ смыслѣ.

ГЛАВА VII.

Заключеніе.

Изученіе государственнаго хозяйства распадается на нѣсколько составныхъ частей, т. е. на исторію прямыхъ налоговъ и повинностей, косвенныхъ податей, доменовъ. Каждая изъ этихъ частей представляетъ собою извѣстное цѣлое и заслуживаетъ сама по себѣ полнаго вниманія со стороны историка. Въ настоящемъ изслѣдованіи, при изученіи каждой изъ составныхъ частей предмета, подведены итоги, сдѣланы заключенія, вытекающія изъ историческаго обзора даннаго отдѣла. Поэтому, нѣтъ нужды повторять здѣсь, въ заключеніи къ книгѣ, выводовъ, вытекающихъ изъ отдѣльныхъ ея главъ. Но общій обзоръ вопросовъ, составляющихъ предметъ государственнаго хозяйства, приводитъ къ извѣстному ряду общихъ заключеній: исторія государственнаго хозяйства тѣсно связывается съ исторіей всего государственнаго строя, вліяя на него и сама подвергаясь общимъ историческимъ условіямъ, въ которыхъ развивается государственная жизнь; различныя отрасли хозяйства развиваются вслѣдствіе единообразныхъ причинъ, и это поступательное движеніе выражается въ аналогичныхъ формахъ. Мы считаемъ умѣстнымъ указать здѣсь на эту связь и взаимодѣйствіе прослѣженнаго нами историческаго фактора съ другими явленіями; и въ данномъ отношеніи наши замѣчанія

будутъ очень кратки, потому что, какъ намъ кажется, и эти вопросы въ достаточной мѣрѣ выяснены на предыдущихъ страницахъ.

Литовско-русское государство, въ моментъ объединенія, представляло собою весьма пестрый составъ земскихъ общинъ, удѣльныхъ княженій и вотчины господаря великаго князя литовскаго, сложившейся въ свою очередь путемъ соединенія родовыхъ и частью племенныхъ группъ литовскаго племени. Весь этотъ конгломератъ территорій объединяется подъ властью великаго князя литовскаго. Но это объединеніе въ первое время не было органическимъ: земли находятся подъ властью господаря, и каждая изъ нихъ считаетъ его *своимъ* княземъ, а князь является вотчинникомъ каждой отдѣльной земли: земская община вступаетъ въ особое соглашеніе съ своимъ княземъ. По отношенію къ удѣльнымъ княженіямъ между великимъ княземъ и удѣльными устанавливаются личныя договорныя начала. Та же черта проникаетъ въ отношенія отчича всей Литовской земли къ отдѣльнымъ родовымъ группамъ ея населенія (роды, которые выступаютъ въ первыхъ шляхетскихъ привилеяхъ). Податныя обязанности населенія этого слагающагося государства носятъ двойственный характеръ: однѣ изъ податей и повинностей вытекаютъ изъ сущности прекарнаго землевладѣнія, другія являются компенсаціею судебно-административныхъ функцій правительственной власти [1]). Такого рода фискальныя отношенія носятъ характеръ личныхъ; это отношенія, которыя связываютъ каждое данное лицо въ отдѣльности съ представителемъ власти, вообще съ болѣе сильнымъ лицомъ (такого рода отношенія устанавливаются между частными лицами и зависимыми отъ нихъ людьми—служилыми, закладниками, и другими „поддаными", какъ это хорошо выражалось этимъ терминомъ).

---

[1]) Выводя нѣкоторые изъ налоговъ изъ идеи обмѣна услугами (нѣкоторые виды мытныхъ сборовъ, судебныя пошлины), мы однако считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что такое происхожденіе мы не распространяемъ на происхожденіе всей податной системы; это видно изъ тѣхъ разъясненій, которыя даны нами по поводу происхожденія прямой подати, военной и др. земскихъ повинностей, капщизны, таможенныхъ пошлинъ и пр. Вполнѣ соглашаясь съ принципомъ финансовой науки, что всякій налогъ является пожертвованіемъ со стороны подданныхъ, мы однако, слѣдя за историческимъ происхожденіемъ налоговъ, не можемъ не замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ являются фактически оплатой услугъ и что какъ таковая оплата они понимались въ то время. Слѣдовательно, несправедливо было бы признавать однообразное происхожденіе налоговъ и приписывать современный теоретическій взглядъ тому времени, когда фактически вырабатывалась податная система.

Такого рода отношенія не отражаютъ въ себѣ общихъ началъ государственнаго единенія и носятъ вотчинный характеръ. Но въ то же время не трудно уловить зачатки повинностныхъ отношеній государственнаго порядка: они заключаются въ обычаѣ давать дары великому князю, доставлять ему стаціи и подводы при переѣздахъ, наконецъ, съ особенной яркостью выясняются въ первоначальной исторіи прямой подати и въ обязанностяхъ военной службы съ вотчины и др. повинностей

Этотъ федеративный строй характеризуется широкой автономіей территоріальныхъ единицъ, составляющихъ государство; основныя права каждой земли заносятся въ уставную грамоту. Въ каждой землѣ течетъ своя особая соціальная жизнь при широкомъ участіи мѣстныхъ элементовъ въ управленіи землею. Общество еще не разбито на опредѣленныя сословныя группы, имѣющія правовое раздѣленіе; но въ немъ уже замѣтна въ достаточной мѣрѣ соціальная группировка, основанная на экономической почвѣ, т. е. на распредѣленіи собственности и занятій населенія. Эта первичная соціальная группировка даетъ уже замѣтное первенство въ земскихъ отношеніяхъ классу крупнаго боярства. Такимъ образомъ отношеніе каждаго индивидуума къ окружающему его строю опредѣляется тѣмъ, чѣмъ обладаетъ данное лицо. Отсюда и повинностныя отношенія даннаго лица опредѣляются не его соціальнымъ положеніемъ, но повинностнымъ положеніемъ объекта владѣнія; это совершенно ясно вытекаетъ изъ того принципа, что повинности идутъ въ зависимости отъ служебнаго положенія земли. Но то же относится и къ членамъ городской и волостной общинъ, потому что и здѣсь повинностное положеніе субъекта опредѣляется объектомъ владѣнія; въ городской общинѣ принимается еще во вниманіе и торговый капиталъ или доходъ, на ряду съ владѣніемъ городскою недвижимостью или общинными угодіями, но это обстоятельство проводится только при раскладкѣ въ средѣ общины. Въ основѣ указанныхъ общественно-правовыхъ отношеній лежитъ строй, выработанный древне-русскою жизнью и закрѣпленный областными конституціями. Установленный порядокъ вещей гарантируется принципомъ, которымъ проникнуто и общество, и власть,—принципомъ „старины“. Но эпоха образованія государства наложила свою печать, давъ толчокъ къ развитію нѣкоторыхъ особенностей въ этомъ строѣ: условія военнаго времени на первый планъ поставили военно-служилый элементъ, который вскорѣ добился сословныхъ привилегій.

Составленное при такихъ условіяхъ государство не могло быть единымъ и сплоченнымъ цѣлымъ: ему предстоялъ или путь распаденія или же путь организаціонной работы на почвѣ объединенія. Исторія политическихъ движеній въ Литовско-русскомъ государствѣ представляетъ собою достаточно данныхъ, показывающихъ, что центробѣжныя силы проявляли свою дѣятельность, и бывали моменты, когда только что сложенное государство колебалось. Однако перевѣсъ оказался на сторонѣ объединенія. Дѣйствительно, вновь сложившееся государство, несмотря на различіе территоріальнаго и этнографическаго состава, имѣло достаточно скрѣпляющихъ элементовъ въ общемъ духѣ древне-русской культуры, общности экономическихъ началъ и, наконецъ, въ вытекавшей изъ отношеній къ сосѣдямъ необходимости вести сообща борьбу.

Дальнѣйшая исторія сложившагося государства посвящена развитію территоріальнаго и соціально-политическаго единенія на почвѣ выработки общихъ правовыхъ нормъ. Этотъ новый государственный и общественный строй создается на обломкахъ древне-русскаго. Общій внѣшній ходъ этой организаціонной работы заключается прежде всего въ уничтоженіи факторовъ, способствовавшихъ разобщенію. Такъ отпадаютъ удѣльныя княженія, военно-служилый элементъ сплочивается, объединяясь въ политической борьбѣ, въ одно сословіе, соціально-политическія права котораго закрѣпляются конституціями. Дифференцируясь въ особую соціальную группу, военно-служилый классъ тѣмъ самымъ порываетъ связи съ древне-русской земской общиной и въ силу своихъ преимуществъ самъ становится „земствомъ". Параллельно съ этимъ процессомъ старинный строй земли распадается, соціально-правовое положеніе остальныхъ ея элементовъ понижается и старое земство, какъ элементъ центробѣжный, распадается: городъ выдѣляется изъ земской и волостной общинъ. Этотъ распадъ стараго порядка и наростаніе новаго является слѣдствіемъ не только причинъ политическихъ, но и совершается на почвѣ коренныхъ измѣненій въ экономическомъ строѣ страны. Осуществленіе политической идеи не требовало порабощенія низшихъ классовъ высшему, распада и антагонизма между городской и сельской общинами. Сложная цѣпь экономическихъ отношеній оказалась нарушенной въ тотъ самый періодъ, когда происходила организаціонная политическая работа. Экономическія измѣненія произошли въ сферѣ производственныхъ формъ и перераспредѣленіи поземельной собственности. Дѣло въ томъ, что

промысловое по преимуществу хозяйство переходитъ къ земледѣлію, лѣсному хозяйству и отчасти къ скотоводству; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется характеръ торговли и намѣчаются признаки перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Этотъ переворотъ находится въ тѣсной связи съ тѣми измѣненіями въ экономической области, которыя одновременно поколебали западно-европейскій экономическій строй. Перераспредѣленіе въ сферѣ поземельной собственности получило толчокъ въ раздачѣ земель на условіяхъ службы. Государство покрылось массою земельныхъ собственниковъ, число которыхъ и владѣнія которыхъ стали быстро разростаться. Пока основой хозяйства были промыслы, помѣщикъ являлся только сборщикомъ даней, но когда экспортъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ сталъ получать все большее и большее развитіе, помѣщикъ превращается въ сельскаго хозяина, и тогда поземельное владѣніе пріобрѣтаетъ совершенно иной смыслъ и характеръ. Указывая на преобладающее значеніе экономическаго фактора, должно сдѣлать оговорку, что въ первомъ томѣ настоящаго изслѣдованія этотъ вопросъ еще не развитъ въ полной мѣрѣ, хотя и затронуты многія и существенныя его стороны; предваряя такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ, выводы, къ которымъ приводитъ изученіе организаціи государственнаго хозяйства, мы считаемъ нужнымъ суммировать значеніе экономическаго фактора для поясненія той роли, которая выпадаетъ на долю соціально-политической эволюціи.

Настаивая на коренномъ значеніи древне-русскихъ началъ въ дѣлѣ образованія Литовско-русскаго государства, указывая на воздѣйствіе въ дѣлѣ его организаціи политическихъ и экономическихъ факторовъ, мы не думаемъ отрицать извѣстнаго вліянія на созданіе литовско-русскаго строя со стороны польской и нѣмецкой культуръ. Но мы не представляемъ себѣ это вліяніе какъ образецъ, къ которому неуклонно шло Литовско-русское государство въ своемъ развитіи. Вслѣдствіе все болѣе и болѣе расширявшагося общенія съ польской и нѣмецкой культурами, Литовско-русское государство успѣло многое заимствовать отъ нихъ въ смыслѣ формы, въ которую отливались уже назрѣвшія измѣненія мѣстнаго быта; вотъ почему политическое устройство великаго княжества Литовскаго въ конечномъ результатѣ своего развитія приняло формы Речи Посполитой Польской. Однако, всѣ существенныя измѣненія въ соціально-экономическомъ и политическомъ строѣ привходили только тогда, когда почва на мѣстѣ

была достаточно подготовлена. Такимъ образомъ происходило претвореніе, переработка старыхъ началъ, когда они дѣлались уже негодными, въ новыя. Съ внѣшней стороны эти послѣднія могутъ дѣйствительно казаться элементарнымъ заимствованіемъ, подражаніемъ, но въ дѣйствительности они являются плодомъ самостоятельной культурной работы. Такая переработка шла интенсивно и по вполнѣ понятнымъ причинамъ: государство, только что сложившееся, находилось въ періодѣ организаціонной работы, слѣдовательно въ такомъ періодѣ, когда политическая мысль усиленно работала. Какъ разъ на тотъ же періодъ приходятся два крупныхъ явленія въ области западно-европейской жизни: одно явленіе, происходившее въ сферѣ экономической, и другое, съ нимъ связанное — реформація, происходившее въ религіозной сферѣ, т. е. въ такой области, которая въ то время охватывала все идейное содержаніе общества. Несомнѣнно, оба явленія вызвали болѣе быстрое общеніе литовско-русскаго общества съ западно-европейской культурой. Это легко замѣтить не только на произведеніяхъ литературы (религіозной и экономико-политической), но также и на усиленномъ ростѣ политической жизни. Ливонская война и въ этомъ отношеніи имѣла крупное значеніе, такъ какъ усилила непосредственное общеніе Литовско-русскаго общества и съ поляками и съ нѣмцами. И однако, взвѣшивая идейное содержаніе западно-русской культуры предъ реформаціоннымъ движеніемъ и экономическое состояніе государства передъ тѣмъ, какъ оно вошло въ кругъ экономической эволюціи, охватившей Западную Европу, все таки нельзя не признать, что мѣстная жизнь Литовско-русскаго государства представляла готовую почву и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Вотъ почему, наблюдая быструю переработку государственнаго строя въ половинѣ XVI вѣка, мы и въ данномъ случаѣ склонны видѣть въ этой дѣятельности не простое заимствованіе, но претвореніе старыхъ началъ, согласно наростающимъ новымъ условіямъ жизни.

Эту особенность исторической работы не трудно прослѣдить на многихъ явленіяхъ. Напомнимъ хотя бы фактъ распространенія нѣмецкаго права; большей частью думаютъ, что оно переносилось въ Западную Русь искусственнымъ образомъ. Первоначально нѣмецкое право появляется въ городахъ оазисами; оно вводится въ отдѣльныхъ центрахъ въ силу соображеній финансово-экономическихъ и административно-правовыхъ; но съ теченіемъ времени разрывъ города съ землею, волостью становится неизбѣжнымъ фактомъ вслѣдствіе усло-

вій, выдвигаемыхъ новымъ соціально-экономическимъ строемъ, и тогда широкою волною вливается нѣмецкое право: но теперь оно уже оказывается въ переработанномъ видѣ, почему прочно вростаетъ въ жизнь. Въ области сельскаго хозяйства и управленія также легко замѣтить постепенность, переработку, прилаживаніе къ жизни формъ нѣмецкаго хозяйства и сельскаго управленія: и опять эти формы являются на смѣну старымъ только тогда, когда послѣднія изжились, когда измѣнилось правовое и хозяйственное положеніе села. Такимъ образомъ происходитъ освоеніе и переработка иноземнаго вліянія на мѣстной почвѣ. Мы склонны такъ же понимать и переносъ соціально-политическихъ учрежденій, о чемъ намъ приходилось уже не разъ высказываться.

Спеціальная область государственной жизни—повинностный и податной строй—наилучшимъ образомъ отражаетъ въ себѣ историческій ходъ государственной жизни во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ. Финансовый строй имѣетъ такія особенности въ своемъ развитіи, которыя воздерживаютъ изслѣдователя отъ уклоненія въ сторону легкаго механическаго объясненія новыхъ жизненныхъ явленій путемъ заимствованія. Въ области идей перо писателя и рѣчь оратора легко поддаются разнымъ вліяніямъ; если бы судить только по литературному общенію и по рѣчамъ политиковъ объ отношеніяхъ Польши къ Литвѣ, то объясненіе исторіи послѣдней во многомъ упростилось бы. Но карманъ плательщика налоговъ не такъ легко и безпричинно раскрывается передъ новыми вѣяніями, а податной механизмъ, отличающійся необыкновенною рутинностью и сложностью, не легко поддается новому порядку вещей. Вотъ почему въ финансовой сферѣ наилучшимъ образомъ отражается жизнь государства: повинностно-податной строй, медленно измѣняясь, на ряду съ новыми формами долго удерживаетъ, въ качествѣ переживаній, изстаринные пріемы обложенія. Отражая въ себѣ старое и новое, онъ даетъ возможность опредѣлить какъ первоисточникъ стараго, такъ и причинность появленія новыхъ наростовъ. Наше изслѣдованіе, какъ намъ кажется, даетъ полное основаніе связывать всѣ существеннѣйшія особенности повинностно-податного строя съ древне-русскою жизнью. Такъ, вновь сложившееся государство восприняло отъ древней Руси идею оплаты административныхъ и судебныхъ функцій князя и его намѣстниковъ, зачатки мытныхъ сборовъ, княжеское хозяйство. Нѣкоторые изъ сборовъ теряютъ свое реальное значеніе, оставаясь въ

видѣ переживаній еще въ теченіе долгаго времени. Въ общемъ старая система отличалась смѣшеніемъ вотчиннаго и государственнаго принциповъ, безконечнымъ разнообразіемъ пріемовъ обложенія; это разнообразіе объясняется какъ способностью самихъ старыхъ налоговъ дифференцироваться, такъ и особенностями территоріальнаго дѣленія. Въ общемъ она охватывалась принципомъ, по которому служба и подать идутъ по объекту владѣнія и пользованія (въ косвенныхъ налогахъ и пошлинахъ). Съ теченіемъ времени принципъ единенія на почвѣ государственной беретъ перевѣсъ. Многіе сборы, носившіе вотчинный характеръ, государственная власть стремится превратить въ регаліи, какъ напримѣръ установленіе мытныхъ заставъ, продажу и производство спиртныхъ напитковъ, торговыя пошлины и пр. Прямая подать изъ территоріальныхъ даней великому князю превращается въ единую земскую подать на потребу Речи Посполитой. Военная служба, изъ службы за земельное жалованіе отъ великаго князя, превращается въ повинность, отбываемую согласно законодательнымъ постановленіямъ, на потребу Речи Посполитой. Происходитъ объединеніе въ отбываніи остальныхъ земскихъ повинностей. Таможенныя пошлины, акцизъ и частью монополіи переходятъ изъ области вотчиннаго хозяйства великаго князя въ распоряженіе государственной власти. Наконецъ, во взглядѣ на домены происходитъ также переломъ въ томъ смыслѣ, что утверждается взглядъ на государственныя имущества, какъ на такія, которыя принадлежатъ государству, но не лично великому князю. Такимъ образомъ, по мѣрѣ превращенія государя—вотчинника въ государя—врядъ Речи Посполитой происходитъ и огосударствленіе повинностно-податного строя. Тотъ же процессъ наблюдается и въ соотношеніяхъ этого строя съ развитіемъ соціальныхъ отношеній, какъ это видно на постепенномъ распредѣленіи повинностей и податей въ средѣ наroставшихъ сословій. Остается при этомъ еще напомнить, что такое же соотношеніе финансоваго строя наблюдается и въ связи съ измѣненіями въ экономической жизни страны. Подати, оплачиваемыя натурою (напр., таможенная, ордынщина, не говоря уже о многихъ явленіяхъ доменіальнаго хозяйства), превращаются въ денежныя. По мѣрѣ появленія новыхъ особенностей экономическаго быта растутъ и новые налоги, улавливая появляющіеся объекты обложенія. По мѣрѣ этихъ измѣненій происходятъ важныя перемѣны въ сферѣ самой повинностно-податной системы. На мѣсто разнообразія названій налоговъ, признаковъ обложенія, различнаго отношенія къ

субъектамъ обложенія, устанавливается значительное однообразіе. Признаки обложенія дѣлаются болѣе точными и эластичными, расширяется кругъ предметовъ, на которые падаетъ налогъ; весь скарбовый механизмъ пріобрѣтаетъ новый видъ.

Такъ постепенно вырабатывался новый повинностно-податной строй въ связи съ общей организаціонной роботой, происходившей во всей области государственной жизни. Но этотъ строй, окончательно отлившійся въ послѣдніе годы правленія послѣдняго Ягеллона и нѣсколько дополненный при его ближайшихъ преемникахъ, имѣлъ крупные недостатки, облнчая въ себѣ уже признаки разложенія. Это замѣчаніе относится не столько къ собственно финансовому строю, сколько къ общей организаціи соціально-политическихъ отношеній, которыя сдѣлали безплодными нѣкоторыя здоровыя начала, заложенныя въ скарбовый механизмъ финансисгами половины XVI вѣка. Дѣло въ томъ, что выработанный въ теченіе полутора столѣтій государственный строй, слившись съ Речью Посполитой Польской, застылъ въ новыхъ формахъ какъ разъ тогда, когда въ Западной Европѣ шла переработка средне-вѣковыхъ формъ жизни. Признаки этого застоя сказываются уже къ концу даннаго періода въ изученной нами области: слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что успѣхи, сдѣланные финансовой политикой въ области доменіальнаго хозяйства и косвеннаго обложенія, далеко не соотвѣтствуютъ формамъ земскаго обложенія какъ въ области военной службы, такъ и въ сферѣ прямой подати: шляхетская вольность явилась въ данномъ случаѣ тормазомъ для болѣе интенсивнаго и правильнаго развитія финансовыхъ средствъ государства. Мы ограничимся этимъ общимъ указаніемъ на недостатки выработаннаго строя, такъ какъ эти факты уже выходятъ за предѣлы изученныхъ нами вопросовъ: недостатки повинностной организаціи могутъ быть вполнѣ выяснены только при изученіи организаціи же.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

кей по „старому“ и „новому“ окладамъ.

СЕЛЕНІЯ									
…ри-ру.	За барана.	За лисицу.	Повозъ или возъ.	Побору	ВСЕГО СТАРАГО ПЛАТУ.			ВСЕГО НОВАГО ПЛАТУ.	
…р.	Гр.	Гр.	Гр.	Гр.	Копъ.	Гр.	Пен.	Копъ.	Гр.
—	—	—	—	—	5	38	1	6	26

Таблица пинскихъ дворищъ съ обозначеніемъ количества числящейся при нихъ земли и взимаемыхъ съ нихъ платежей по „старому" и „новому" окладамъ.

Названіе дворищъ.	Число дворищъ	Число дымовъ	Наличное количество земли по измѣрению волочному: Волокъ	Морговъ	Прутовъ	Качество земли	Посчитано въ податномъ отношеніи въ количествѣ: Волокъ	Морговъ	Прутовъ	ПЛАТЕЖИ НАСЕЛЕНІЯ: Полюдья Гр	Полюдья Пен	Пособщины Гр.	Лотвицы Гр	За стогъ сѣна Гр	За овесъ за каждую бочку: Бочекъ	Гр	За привгонъ Гр	Писчаго съ дыму	На вридъ	А року Гр	При пасу Гр	При бору Гр	За барана Гр	За ласацу Гр	Повозъ или возъ Гр	Поборъ Гр	Всего стараго плату: Копъ	Гр	Пен	Всего новаго плату: Копъ	Гр
Плещинкое	1	23	6	22	18	Негодная	6	—	—	7	4			33	12	6	60	2	1	-	—	--					5	38	4	6	36
Севастьяновичи	1	4	1	21		Негодная	1	21	-	7	4		—	33	4	6	20	2		—							1	32	4	2	5
Контевичи	1	5	2	7		Негодная	2	7		7	4	40	20	33	2	6	-	2		—			-	—	90		4	8	1	3	
Полчиничи	1	2	1	5	20	Негодная	1	—	—	7	4	10		33	2	6	--	2		—			—	—			1	6	1	1	23
Койдановичи	1	3	1	6	22	Id	1	6	12	7	4			33	2	6	10	2		—	-		-	-		24	1	32	4	1	35
Томковичи	1	5	1	15	7	Id	1	15	7	7	4	—		66	4	6	20	2	—	—		—	.	-		48	3	16	1	2	22
Кожемячичи	1	5	1(*)	1	19	Id	2	-	—	7	4		21	33	2	6	10	2		-	-		12	—		24	2	9	1	2	46
Демидовичи	1	2		23		Средняя		23	—	7	4	—	21	33			10	2	—			--	—	--			1	15	4	1	9
Мамоновичи	1	2		20		Id		20	—	7	4	—		33	2	6	20	2				-	-	—			1	28	4	1	
Шепелевичи	1	5		28	12½	Id		28	12½	7	4		—	33	4	6	20	2	-			—	—	—			1	34	4	1	24
Іевовичи	1	3	2	1	29	Негодная	2	—		7	4		31½	33	4	6	—	2					6	3	20	20	2	3	9	2	46
Лазуревщина	1	9	1	9		Id.	1	9		7	4	20		33	4	6		2		—						20	2	2	1	1	41
Балуковщина	1	2	1	1		Id	1	1	-	7	4	20	21	33	4	6		2		-			--			20	2	7		1	45
Колбащичи	1	4		26	15	Id		26	15	7	4	20	—	33	4	6	—	2		—	—.		—			40	2	30			53
Зеновичи	1	1		23		Id		23		7	4			33	2	6	10	2					—	--			1	4	1		64
Ясеневичи	1	2	1	25	12	Id	1	20		7	4	10	-	33	2	6		2		-		—	--	—			1	6	1	1	53
Кущевичи	1	6	1	13		Id	1	13		7	4	20		33	4	6	—	2				—	-	-			1	36	4	1	49
Игнатовщина	1	3	1	13		Id	1	10	—	7	4	20	—	33	4	6	-	2					—	-			1	30	1	1	43
Осиповичи	1	5	2	1	11	Id	2			7	4	20	-	33	4	6	-	2	-			-		—		20	1	54	1	2	46
Нестеровичи	1	10	1	17		Id	1	17		7	4	20	—	33	4	6	—	2	--	—	—	—		—		20	2	4	4	1	57
Бычковичи	1	3	2	20		Id	2	15		7	4	20		33	4	6	17	2	--	—				—			1	47	1	3	16
Деньковское	1	10	18			Id	16		—	7	4	20	10½	33	4	6	..	2	-	.		12	6	6	20	20	2	55	9	10	40
Патрикѣевичи	1	3	7	9		Id	7	9	-	2	5	10	14	11	2	5		2		40		30	—	--	30		2	35	5	5	3
Мелеховичи	1	3	3	13		Id	3	13	—	7	4	20	—	33	4	6		2	—	—		—			90		3			3	31
Бѣлиновичи	1	11	10			Id	10			7	4	20		66	4	6		2	-	-			12	6		24	3	1	1	7	
Дорошевичи	1	7	3	11		Id				—		20		—	4	6		2	—	64							2	2		2	26
Половиничичи	1	3	3			Id	3	.	—	7	4	10	—	33	2	—	—	2	--	30	—	—	12	6	4		2	26	4	3	18
Соболевское	1	5	5	18		Id.	5	18		7	4	20		33	4	6		2	--	—	—	20	—	—			1	54	4	3	48
Мелеховинкое	1	4	3	5		Id	3	5	-	7	4	20	21	33	1	6		2		—	--			-			1	53	4	2	14
Московщина	1	2	2	21		Id.		.		7	4	20		66	4	6	--	2	—	—	—	24	6	6			2	50	4	1	58
Иванковское	1	2	2	20		Id.	2	20		7	4	20		33	4	6	---	2	—	--	—	--	—	—			1	28	4	2	42
Помятковичи	1		4	5		Id	4	5	—	7	4	20		33	4	6	-	-	—		—	—	—	—			2	4	4	2	45
Бѣляновичи	1	4	1	13		Id	1	13		7	4	20	-	33	4	6	..	2	—		—	--	—	-			1	32	4	1	49
Иванкевичи	1		3		4½	Средняя и негодная	3	--	4½			40			4	6		—		60	—	.	—	—			2	28		3	9
Кончицкое	1	23	21	22		Негодная	20		—	7	4	80	—	33	16	6	—	2	—	—	—	60	12	—	71		7	15	4	63	20
Путяловское	1	8	12	20		Id	12		-	7	4	20		33	4	6	-	2		—	28		—		—		3	38	4	8	29
Иголковичи	1	9	53	15		Id.	5	10	-	7	4	20	—	33	4	6		2		—		57¼	—	-	—		2	39	9	5	40
Житновское	1	17	7	9		Id	7	.		7	4	60	—	33	11	6		2		—	—	—	—	—			3	26	4	7	42
Бахаровичи	1	4	1	20		Id	1	20	—	7	4	20	--	33	4	6		2	—		...	-	—	—	45		2	17	4	2	3
Батыевское	1	6	2	25		Id	2	25	-	7	4	20	21	33	1	6		2	-	—		—	—				1	57	4	2	49½
Корасевское	1	5	2	22		Id	2	22	—	7	4	—	21	66	4	6	—	2	—	—	—	—	—	.			1	8	4	2	52
Процевичи	1	2	2	10		Id	2	10	—	7	4	20	-	35	4	6	-	2		—	—	—	.	—			1	28	4	1	35
Свидовичи	1	2	2	3		Id	2	3	—	7	4	20		33	4	6	--	2		—	.	—	-	—			1	28	4	1	43
Шостаковичи	1	2	1	23		—	1	23	—	7	4	10	—	33	2	6	—	2	—			—	—		—	—	1	6	4	1	29
Поцеровичи	1	1	2	20		Негодная	2	20	—	7	4	10	—	33	2	6	-	2	—		—		—	—			1	4	4	1	44
Любковичи	1	3	3	24		Id	3	24	—	7	4	20	—	33	4	6		2	—		—	—	—	—	—	—	3	4		3	54
Гиртищевичи	1	3	1	3		Id.	1	3	-	7	4	—	21	33	4	6	—	2	—		—	.	—		90		1	43	4	1	43
Мисевичи	1	6	2	22		Id.	2	22	--	7	4		21	33	4	6	20	2		--			12	—			1	55	4	2	34
Тимошевичи	1	1	1	13		Id.	1	13	—	7	4	—	21	33	2	6	10	2			—	—	—	-	20		1	47	4	1	49
Шаховичи	½	2	1	12		Id.	1	12	—	3	7	—	10½	16½	—	—	10	2	—	—	-	—	—		45	—	1	29	7	1	24
Витковичи	1	1	1	18		Id	1	18	—	7	4	10	21	33	2	6		2			—		-				2	55	4	1	59
Бѣленевичи	1	1	2			Id.	2	-		7	4	10	21	33	2	6		2	—		-	—	—				2	55	4	1	23
Кухаревичи	1	2	3	18	14	Id	3	18	14	7	4		42	33	4	6	20	2		—	—		—		63		1	48	1	2	24
Нагорное	1	3	3	12		Id.	3	12		7	4	20	42	33	4	6		2			--		—				3	42	4	3	36
Останковичи	1	5	6	10	2	Id.	6	10	2	7	4		10½	33	4	6	20	2	-	—		—	—		90		3	24	9	4	22
Охримовичи	1	8	9	9		Id	9	9		7	4	20	42	33	4	6		2	—		—	120	—				4	22	4	6	27
Чратковичи	1	5	3	15		Id	3			7	4		-	33	4	6	20	2	—		—	—	12			20	2	33	4	3	18
Метелочичи	1	10	4	15		Id	4	15		7	4	—	-	33	4	6	20	2	-		—	70	12			20	3	26	4	4	46
Денисовичи	1		1	5		Id.	1	5		7	4	10		33	4	6	—	—		—	.		—			20	1	42	4	1	33
Мищичи	1	5	3	23		Id.	3	23		7	4	20		33	4	6	—	2	--		—	—	—			70	2	41	4	3	52½
Голубовичи	1	5	3	6	16	Id	3	6	16	7	4	20	—	33	4	6		2		—	—	—	—			50	2	24	4	3	18
Якутичи	1	5	4	17	18	Id.	4		—	7	4	20	21	33	1	6	-	2	—		—	—	-			50	2	45	4	4	21
Ильковичи	1	2	2	26	16	Id	2	26	16	7	4		42	33	4	6	20	2	—	—			—	-	90		3	40	4	3	37
Шаховичи	1	6	1	27	-	Id.	1	27		7	4	20	—	33	4	6		2	—	—	—	—	—	—	90		3	6	4	2	17
Курдевичи	1	2		20	20	Id.		20	20	7	4	-	—	33	2	6	10	2	—	—	—		—	—	—	—	1	6	4	—	41
Попковичи	1	4		21	17	Id.		24	17	7	4	20	—	33	4	6		2	—	-	-	—	—	—	—		1	32	4		49
Петенчичи	1	2	1	3	20	Id.	1	3	20	7	4	10	—	33	2	6		2	—	—		--	—	--	—		1	6	4	1	23
Щеберчичи	1	3	1	9	18	Id.	1	9	18	7	4		21	33	4	6	10	2	—		—	-	—	—	—	20	2	1	4	1	41
Ластовчичи	1	3	1	2	—	Id.	1	2	—	7	4	10	—	33	2	6		2	—	—		—	—	—	-	-	1	8	4	1	23
Иванишевщина	1	1	1	2	—	Id.	1		—	7	4	10	—	33	2	6	—	2	—	—		—	--	—	—	—	1	4	4	1	23
Лошношичи	1	6	2	2	4	Id.	—	2	4	7	4	20	63	33	4	6		2	—	—	—	—	—	—	—	20	2	53	4	2	50

Доходы отъ мыта малого, акцизовъ и пр.

Полагаемъ, что эти данныя могутъ быть интересны во многихъ отношеніяхъ. Приводя ихъ, мы тщательно отмѣчаемъ, какія именно доходныя статьи сдавались въ аренду, потому что, какъ извѣстно, составъ ихъ не вездѣ былъ одинаковъ.

Начнемъ съ подляшскихъ городовъ.

Староста берестейскій воевода виленскій панъ М. Радивилъ, получивъ разрѣшеніе ввести монополіи на солодовни и бровары въ *Берестьѣ*, отдалъ ихъ мѣстнымъ евреямъ Давиду Шмерлевичу и Енасу Исаковичу въ аренду по 400 копъ грошей въ годъ. Сверхъ того, онъ отдалъ имъ же „горѣлку“ (т. е. капщизну), которую мѣщане уступили старостѣ за освобожденіе отъ подводъ. Горѣлка шла по 200 копъ грошей въ годъ. Въ 1565 г. 30-го декабря по смерти воеводы (съ нею должна была прекратиться и аренда названныхъ евреевъ) господарь продолжилъ тѣмъ же арендаторамъ аренду еще на 3 года на тѣхъ же условіяхъ [1]). Съ этого времени арендныя деньги поступали уже въ скарбъ.

Въ городахъ *Бѣльскѣ, Нарвѣ* и *Клещеляхъ* въ 1561 г. отданы въ аренду на $4^1/_2$ года бровары по 60 копъ грошей въ годъ. Бровары отданы тѣмъ самымъ арендаторамъ, которые уже держатъ на арендѣ солодовни и капщизну. Такъ какъ арендаторы обязаны сами построить бровары, то въ первый годъ они ничего не даютъ въ скарбъ изъ арендной платы [2]). Въ 1571 г. отданы въ аренду въ тѣхъ же городахъ солодовни, бровары, мельницы, фолюши, шинковое

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 118–120.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 475.

и мельницы въ волостяхъ староства на 3 года по 339 копъ 11 грошей въ годъ [1]).

Въ *Гродн҃ѣ* солодовни были отданы въ аренду съ 1559 г. по 1563 г. по 150 копъ грошей въ годъ [2]). На трехлѣтіе 1563—1566 гг. тѣ же солодовни сданы по 200 копъ грошей въ годъ [3]). За ту же арендную плату солодовни сдавались въ 1571—1573 гг. [4]). Въ послѣднее трехлѣтіе бровары отдѣльно шли по 30 копъ грошей въ годъ [5]).

Въ 1567 г. сданы на 3 года (1568—1571 гг.) бровары и солодовни въ дворахъ: *Новомъ Дворѣ, Кузницѣ, Крынкахъ* за 300 копъ грошей въ годъ [6]).

Въ 1559 г. въ *Скиделѣ* и *Мостахъ* сдавались въ аренду слѣдующіе пожитки: мостовое, обѣстка и мыто торговое по 150 копъ грошей въ годъ [7]).

Поборы малые въ городѣ и *волости Городенской* сдавались въ 1566—1568 гг. по 850 копъ грошей въ годъ. Млыновое, шинковое и жорновое (кромѣ жерноновъ на волости) сдано въ слѣдующихъ дворахъ: Городнѣ, Новомъ Дворѣ, Вертилишкахъ, Озерахъ, Кузницѣ, Одельскѣ, Мостахъ, Бержникахъ, Лунной и Новомъ Дворѣ Свѣтицкаго; акцизъ съ корчемъ сельскихъ въ ту же сумму шелъ въ слѣдующихъ дворахъ: Крынкахъ, Озерахъ, Салатахъ, Котрѣ, Скиделѣ, Лабнѣ, Перстунахъ, Квасовкѣ, Красникѣ; въ эту аренду не входили корчмы въ самомъ Гроднѣ и Крынкахъ [8]).

Отдѣльно въ *Кринкахъ* въ 1570—1573 гг. поборы „отъ пива, горѣлки, меду, млыновъ и жерноновъ городскихъ“ шли за 120 копъ грошей въ годъ [9]).

Въ 1567—1570 гг. сданы были въ *Куренцѣ* слѣдующіе сборы: корчма медовая, пивная, горѣлчаная и мыто торговое; арендная плата была назначена въ первый годъ 100 копъ грошей, во 2-ой—110 копъ и въ 3-ій—120 копъ [10]). Тѣ же пожитки сдавались на тѣхъ же условіяхъ и раньше.

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 33 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 218—219 об.

[3]) Ibidem, л. 440 об.

[4]) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 55.

[5]) Ibidem, л. 56.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 114 об.

[7]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 245.

[8]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, лл. 23—25 об.

[9]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 142.

[10]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 126 127.

Въ 1558—1561 гг. въ *Шерешовѣ* сданы въ аренду шинкъ горѣлчаный и медовый, млыны, торговое и помѣрное по 100 копъ грошей въ годъ [1]).

Въ 1561—1563 гг. солодовни, бровары, мостовое, торговое и помѣрное арендованы въ томъ же Шерешовѣ по 126 копъ грошей въ годъ [2]).

Въ 1559—1561 гг. млыны и корчмы горѣлчаные въ *Каменцѣ* сданы по 140 копъ грошей въ годъ; въ той же суммѣ эти пожитки шли и раньше [3]).

Въ 1561—1565 гг. тамъ же сданы были въ аренду поборы малые по 110 копъ грошей въ годъ и особо солодовни, млыны и горѣлка по 220 копъ грошей въ годъ. Въ трехлѣтіе 1565—1568 гг. первые пожитки сданы по 130 копъ грошей въ годъ, а вторые по 230 копъ грошей въ годъ [4]).

Въ 1569—1572 гг. въ *Тыкотинѣ* сдавались млыны, солодовни, мостовое, корчмы, въ городѣ и селахъ по 300 копъ грошей въ годъ Въ той же суммѣ они сдавались и въ предшествующее трехлѣтіе [5]).

Въ 1569 г. въ *Августовѣ* поборъ малый, кромѣ броварнаго и жорнового въ селахъ, сдавался по 120 копъ грошей въ годъ [6]). Въ слѣдующемъ году всѣ поборы малые въ томъ же городѣ сданы за 320 копъ грошей [7]).

Въ 1559—1566 гг. солодовни въ *Кобринѣ* шли по 10 копъ грошей въ годъ, а въ *Добучинѣ* по 20 копъ грошей въ годъ [8]).

Въ 1558—1561 гг. въ *Пинскѣ* мыто пинское съ мытами сельскими, корчма медовая, горѣлчаная, пивная и перевозъ сдавались за 550 копъ грошей въ годъ [9]). Въ 1563—1565 гг. корчмы городскія, мыто скопное и подужное, помѣрное, важное, перевозъ, воскобойня, корчмы въ Нобелѣ, Погостѣ, Мотолѣ, броварное въ городѣ шли тоже

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 186 об.
[2]) Ibidem, л. 424 об.
[3]) Ibidem, л. 266 об.
[4]) Кн. Зап Лит, LIII, л. 98.
[5]) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 8.
[6]) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 21 об., LII, л. 74.
[7]) Кр. Зап. Лит., LII, л. 72 об.
[8]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 381 об.
[9]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 205—206 об.

по 550 копъ грошей въ годъ; но въ 1565—1568 гг. отданы по 600 копъ грошей въ годъ [1]).

Въ 1570—1574 гг. тѣ же пожитки съ жерновымъ въ Пинскѣ отдавались по 500 копъ грошей въ годъ [2]).

Тамъ же въ Пинскѣ въ 1564—1565 гг. сданы въ аренду поборы малые (въ томъ числѣ и въ Бездежѣ, Мотолѣ и Ноблѣ) по 200 копъ грошей въ годъ, а съ 1565 г. по 220 копъ грошей въ годъ [3]).

Въ 1561—1564 гг. солодовни и бровары въ *Мостахъ* сданы по 16 копъ грошей въ годъ [4]).

Въ 1558—1561 гг. въ *Слонимѣ* отданы бровары и шинкъ горѣлчаный на слѣдующихъ условіяхъ: арендаторъ обязанъ построить броваръ и брать по 1 грошу отъ бочки свареннаго солода; дрова для варки онъ покупаетъ самъ, аренды платитъ въ годъ 30 копъ грошей [5]). Передъ 1565 г. корчма медовая и горѣлчаная, мыто на рѣкѣ Щарѣ, 7 мельницъ, солодовни и бровары шли по 400 копъ грошей въ годъ. Въ 1565 г. мѣщанамъ слонимскимъ арендованы корчма медовая, горѣлчаная, мостовое на Щарѣ, 6 мельницъ, солодовни и бровары за 360 копъ грошей въ годъ. Мѣщане должны поправить котлы горѣлчаные и кромѣ того отъ нихъ отошелъ одинъ млынъ [6]).

Въ томъ же Слонимѣ и сосѣднихъ мѣстечкахъ Локницѣ и Молчади сдавались въ 1567 г. поборы малые (въ томъ числѣ и въ селахъ) за 300 копъ грошей [7]).

Въ 1558 г. были построены солодовни и бровары въ *Мстибоговѣ* и отданы въ распоряженіе Григорію Воловичу на 5 лѣтъ безъ всякой платы въ скарбъ [8]).

Въ 1567 г. сданы въ *Волпѣ* на 3 года поборы малые и сверхъ того корчма горѣлчаная, солодовня, броваръ и 2 млына за 300 копъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл 94—95 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 139 об.

[3]) Ibidem, л. 47.

[4]) Кн Зап. Лит., XXXVII, л. 382.

[5]) Ibidem, л. 187.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 48—50.

[7]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, лл. 17 об.—19.

[8]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 168.

грошей въ годъ [1]). Въ 1569 г. тѣ же пожитки сданы уже за 320 копъ грошей въ годъ [2]).

Въ 1561—1563 гг. въ *Остринѣ* корчмы медовыя и горѣлчаныя сданы по 30 копъ грошей въ годъ [3]). Тамъ же мѣщане получили въ 1561 г. на 3 года право варить пиво и солоды за 4 копы грошей въ годъ [4]).

Въ 1565 г. поборы малые въ Остринѣ шли за 65 копъ грошей въ годъ, а съ 1566 г. они сданы на 2 года по 75 копъ грошей въ годъ [5]).

Въ *Ошменахъ* въ 1561 г. мѣщане выпросили себѣ право держать бровары и солодовни за 8 копъ грошей въ годъ [6]).

Въ *Василишкахъ* солодовни и млыны были въ рукахъ державцевъ [7]).

Въ *Минскѣ* такую же льготу на 3 года получилъ староста Василій Тишкевичъ [8]).

На 1557 г. въ *Кременцѣ* запроданы мыто (торговое), млыны и корчмы (кромѣ горѣлчаныхъ) за 300 копъ грошей въ годъ [9]). Въ 1559—1561 гг. тѣ же пожитки были заарендованы за 350 копъ грошей въ годъ [10]). Въ 1557—1561 гг. горѣлчаная корчма шла въ первый годъ по 200 копъ грошей, а въ остальные два по 120 копъ грошей въ годъ [11]). Съ 1-го января 1561 г. по 31-е декабря 1563 г. въ Кременцѣ отданы „мыто кременецкое зъ млыны, вымелками всякими, бровары зъ мерками солодовыми, корчмы медовые, пивные и горелчаные и гребельное при млынахъ“ по 600 копъ грошей въ годъ [12]). Въ 1564—1567 гг. мыто замковое, млыны съ вымелками и мѣрками, солодовни, бровары, корчмы медовыя, пивныя и горѣлчаныя, въ городѣ и селахъ, а также гребельное сдавалось по 500 копъ гро-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 126 об.
[2]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 72 об.
[3]) Бершадскій, II, р. 81.
[4]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 450 об.
[5]) Кн. Зап. Лит., XLV, лл. 95 об.—96.
[6]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 331 об.
[7]) Ibidem, лл. 437 об.—438 об.
[8]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 128.
[9]) Кн. Зап. Лит, XXXVIII, л. 57 об.
[10]) Ibidem, лл. 226—227.
[11]) Кн Зап. Лит., XXXVII, л. 128 об.
[12]) Ibidem л. 399 об.—400 об.

шей въ годъ [1]). Тѣ же поборы въ 1572—1575 гг. были арендованы самими мѣщанами по 500 копъ грошей въ годъ [2]),

Въ двухъ селахъ Кременецкаго повѣта *Лепесовкѣ* и *Вороновцѣ* въ 1561—1563 гг. сдавалось „мыто гребельное, торговое и ятки кромъ ярмарковъ и мыто всякое ярмарочное отъ кони, быдла, только ане головное, и къ тому корчмы медовые, пивные, горелчаные“ и млынъ въ Лепесовкѣ по 50 копъ грошей въ годъ [3]).

Поборы малые въ Ковнѣ въ 1570 г. шли въ аренду за 400 копъ грошей въ годъ [4]).

Въ 1567 г. виленскіе мѣщане получили аренду поборовъ малыхъ въ *Вильнѣ* „до выбранья 8000 копъ грошей, которые даны были ими въ скарбъ [5]). Къ сожалѣнію, въ арендѣ не показано, по скольку разсчитывалось доходу въ годъ. Впрочемъ, въ концѣ изучаемаго періода доходъ отъ капщизны въ Вильнѣ исчислялся въ 491 копу 56 грошей, а отъ мельницъ—въ 168 копъ 45 грошей [6]).

Въ *Браславлѣ* (Литовскомъ) и *Перебродѣ* въ 1571 г. корчмы шли за 60 копъ грошей въ годъ [7]).

Извѣстія о размѣрахъ сборовъ въ восточныхъ областяхъ весьма немногочисленны. Такъ торговое мыто и млыны въ *Радошковичахъ* шли въ 1569 г. по 300 копъ грошей въ годъ [8]). Въ *Бобруйскѣ* корчмы медовыя, пивныя и горѣлчаныя съ правомъ заведенія корчемъ въ селахъ въ 1562—1565 гг. шли по 130 копъ грошей въ годъ [9]). Въ *Гомелѣ* корчмы медовыя, пивныя, горѣлчаныя (въ городѣ и селахъ) мыто, воскобойня и важное сдавались въ 1560—1563 гг. по 400 копъ грошей [10]). Въ *Мозырѣ* въ 1567—1570 гг. сдавался по 50 копъ грошей въ годъ цѣлый рядъ сборовъ (мыто, корчмы, мыто рыбное, озера съ езами, воскобойня, помѣрное, вожчее, повѣтщина,

---

1) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 92 об.—93 об.
2) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 38.
3) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 401 об.—402 об.
4) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 19.
5) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 128.
6) Арх. Варш. Каз. Пал., кн. 14В.
7) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 390, кн. Судн. Дѣлъ Лит., л. 288.
8) Кн. Зап. Лит., LIII, л. 8 об.
9) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 468.
10) Ibidem, л. 315 об.

подужчина, гоптура)[1]. Сборы въ *Мстиславлѣ, Радомлѣ, Россіенахъ* и *Красномъ Селѣ* (важница, мыто, воскобойня, подужное, головщина) сдавались въ 1560—1563 гг. по 500 копъ грошей въ годъ[2].

---

[1]) Кн. Суд. Дѣл. Лит., LIII, л. 125.
[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 342 об.

Таможенные доходы.

Ниже нами приводится въ систематическомъ порядкѣ перечень данныхъ изъ арендныхъ контрактовъ, отчетовъ и пр. для характеристики постепеннаго роста таможенныхъ доходовъ.

Данныя до начала правленія Сигизмунда I приведены по округамъ, а съ 1507 г. уже соблюденъ хронологическій порядокъ. Въ виду особаго характера Могилевскаго округа, онъ выдѣленъ изъ другихъ мытъ. Особо изложены и данныя касательно доходовъ отъ соляничаго и восковничаго.

Первое извѣстіе о *луцкомъ* мытѣ относится къ 1487-му году. Король Казимиръ сдаетъ его въ аренду Шахну Пейсаховичу и Сеньку Момотливому на три года отъ „сихъ святокъ што прійдутъ" (послѣ 30-го мая) по 1521 копъ грошей широкихъ въ годъ. Арендаторы даютъ по 1000 зол. угорскихъ ежегодно въ счетъ арендной платы. Сверхъ того ежегодно они даютъ королю „челобитье" въ размѣрѣ „по пяти кухтерей короткихъ, а по пяти коней, а по камцѣ, што бы стояла за двадцать копъ грошей". Выдачи по квитаціямъ производятся по наступленіи срока уплаты аренды, за исключеніемъ тѣхъ, кто получаетъ квитацію „на истраву": тѣмъ деньги выдаются „не ждучи року". Король обязуется при окончательномъ разсчетѣ уплатить арендаторамъ долгъ отъ прежней аренды въ 225 копъ грошей [1]). Объемъ арендныхъ статей не извѣстенъ болѣе точнымъ образомъ. За слѣдующее десятилѣтіе свѣдѣній не имѣется. Изъ одной грамоты 1498-го года мы узнаемъ, что луцкое мыто и вага сданы въ

---

[1]) Бершадскій, Документы и Регесты, I, р. 43—44.

аренду королемъ краковянину Лерину Герешу на три года (отъ седьмой субботы индикта перваго) по 500 копъ грошей въ годъ. Такимъ образомъ арендная плата за мыто сильно пала, что объясняется двумя обстоятельствами: нападеніями татаръ въ концѣ XV в. и временнымъ изгнаніемъ евреевъ. Контрактъ содержитъ въ себѣ условіе, что если бы по истеченіи арендпаго срока мыто „ся полепшило, тогды маетъ (арендаторъ) намъ тое цены повышити", въ противномъ случаѣ арендаторъ можетъ отказаться отъ продолженія контракта. За отпущенное королемъ мыто съ товаровъ арендатору отчисляется изъ арендной платы [1]). Однако Герешъ не отказался отъ продолженія аренды и съ 1501-го года получилъ луцкое мыто и вагу на слѣдующее четырехлѣтіе, тоже по 500 копъ гр. въ годъ, на прежнихъ условіяхъ [2]). 29-го марта 1503-го года Герешъ уже вторично сводилъ счеты, по приказанію короля, съ княземъ Михаиломъ Глинскимъ, по луцкому и берестейскому мытамъ и, по заключеніи счетовъ, король остался ему должнымъ [3]). На слѣдующее трехлѣтіе аренда луцкаго мыта перешла въ руки Никеля Прокоповича и Шамака Даниловича (1505—1508-й годы) по 800 копъ гр. въ годъ. Повышеніе арендной платы надо отнести къ тому, что господарь предоставилъ откупщикамъ право взимать мыто съ мѣщанъ и тѣхъ городовъ, „которымъ есмо листомъ нашимъ первей того были мыта наши отпустили"; исключеніе сдѣлано только для Смольнянъ [4]). По этой арендѣ уплата должна была производиться по 500 коп. гр. въ годъ на квитаціи и по 300 коп. грош. наличными. 17-го іюня 1505 года Прокоповичъ получилъ уже удостовѣреніе господаря въ томъ, что онъ внесъ всю арендную плату за первый годъ и еще сверхъ того далъ 41½ копъ гр. [5]). Въ ноябрѣ 1506 года мытникъ Шамакъ Даниловичъ представилъ Сигизмунду I квитацій уже на 2570 копъ гр. [6]). Надо замѣтить, что Даниловичъ и Прокоповичъ держали, вѣроятно, только одно мыто безъ ваги, такъ какъ о послѣдней нигдѣ не упоминается.

До Сигизмунда I сосѣднее съ луцкимъ *володимерское* мыто сдавалось отдѣльно, хотя свѣдѣнія о немъ очень неполны. Первое извѣ-

---

[1]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 81.

[2]) Кн. Зап. Лит., V, 327; тоже въ кн. VI, лл. 180–181 об.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 103.

[4]) Кн. Зап. Лит., VI, лл. 259 об.—260.

[5]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 116.

[6]) Кн. Зап. Лит. VIII, л. 84.

стіе объ отдачѣ этого мыта относится къ 1489-му году. Король Казимиръ 12-го мая отдалъ въ аренду евреямъ Есю и Аврааму и др. „мыто володимерское и перемыльское и литовижское и тые мыта вси, которые прислухають къ володимерскому мыту". Арендная плата установлена въ 100 копъ гр. широкихъ; срокъ установленъ въ четыре года. Изъ арендной платы двадцать копъ гр. ежегодно поступаетъ Есю въ уплату долга [1]). Въ 90-хъ годахъ мыто находилось въ завѣдованіи владимирскаго войта Луда и др. Однако въ ихъ завѣдованіе мыто давало гораздо меньше: 10 ноября 1496-го года завѣдующіе сдали личбу въ скарбъ и представили всего 75 копъ и 12 грошей за полтора года [2]); впрочемъ убытки на мытѣ объясняются отчасти „повѣтріемъ" [3]). Въ іюнѣ 1505-го года мыто володимерское взято въ аренду уже извѣстнымъ намъ Никелемъ Прокоповичемъ на одинъ годъ всего за 60 коп. гр. [4]).

Объ арендѣ *берестейскаго* мыта впервые упоминаетъ книга данинъ короля Казимира. Среди раздачъ, сдѣланныхъ этимъ королемъ на Волыни вѣроятно вскорѣ по ея присоединеніи къ Литвѣ (по смерти кн. Свидригайла), мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „Берестейское мыто Бенку Шаневичу вечно на каждый годъ по триста копъ грошей, а коли мыто полепъшиться, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати [5]). Не знаемъ, сколько времени продолжалась эта аренда, относящаяся къ началу второй половины XV в., но только въ 1487 году берестейское мыто съ сосѣдними подляшскими сдается въ аренду уже на обычныхъ въ то время условіяхъ. Въ этомъ году луцкіе евреи Осташко и Онатанъ Иличичи и Олькона взяли это мыто на три года по 1100 копъ гр. въ годъ. Разсчетъ производится золотыми угорскими. Сверхъ того король получаетъ ежегодно челобитье въ 40 локтей адамашки. Въ этотъ разъ отдается мыто берестейское, дорогицкое, бѣльское и городенское [6]). Тѣ же мыта отданы въ 1494 году вел. кн. Александромъ брестскимъ евреямъ Говашу Огроновичу, Игудѣ, Рабею и Нисану Имшичу на три года по 700 копъ грошей въ годъ. Мыто продается съ перевозами, вагою

---

[1]) Бершадскій, I, 48.
[2]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 78.
[3]) Ibidem, 79.
[4]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 1.
[5]) Документы Моск. Арх. М. Ю., I, p. 54.
[6]) Бершадскій, I, 42.

„и со всими доходы, што сдавна къ мыту имъ слухаетъ". Вел. кн. обязуется никому не „отпускать" пошлинъ. Вѣроятно, эти же мытники держали таможни и при королѣ Казимирѣ, такъ какъ по новому условію они получають изъ арендной суммы по 200 копъ ежегодно за долгъ короля Казимира [1]). Однако арендаторы не додержали своей аренды, вѣроятно по случаю временнаго изгнанія евреевъ изъ государства. Въ 1496 году эти мыта переходятъ къ войту берестейскому Павлу частью въ уплату долга [2]), но и онъ, вѣроятно, не держалъ мыто, потому что есть замѣтка о томъ, что тогда же оно находилось въ завѣдываніи ключника берестейскаго Левки Боговитиновича и Нимиры; отчетъ ихъ составленъ такъ, что изъ него нельзя извлечь данныхъ о доходности таможенъ [3]). Въ 1498 году мыто берестейское, дорогицкое, бѣльское и городенское сданы вел. кн. Александромъ краковянину Генриху Карловичу съ перваго сентября этого года по 1501 годъ; арендная плата опредѣлена такъ: въ первый годъ въ 400 копъ грош., а въ остальные два по 500 копъ грошей. Въ случаѣ если бы въ теченіе перваго года мыта „ся надказили", то арендаторы имѣють право оставить аренду [4]). Оба слѣдующія трехлѣтія подляшскія мыта находятся въ арендѣ у Лерина Гереша, но размѣръ аренды неизвѣстенъ.

Теперь перейдемъ къ таможнямъ на западной границѣ, т. е. къ Новгородской, Минской и Ковенской.

Новгородское мыто было продано королемъ Казимиромъ въ 1484 году евреямъ троцкимъ Ильѣ Мойсевичу и др. на три года за 230 копъ грошей широкихъ и два сорока соболей [5]). Слѣдующая аренда относится къ 1495 году. Въ этомъ году мыто продано на три года по 50 копъ грошей въ годъ [6]). Въ 1501 году новгородское мыто отдано фряжину Равею съ 23 апрѣля на пять лѣтъ тоже по 50 копъ гр. въ годъ; впрочемъ арендаторы вносятъ въ скарбъ только по 35 копъ грошей, а остальные идутъ на уплату долга [7]). Среди актовъ 1504 года встрѣчается аренда на то же мыто, данная Мартину

---

[1]) Бершадскій, I, 52.
[2]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 170.
[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, 79.
[4]) Акты Лит.-рус. гос., I, 82—83.
[5]) Бершадскій, I, 36.
[6]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 160 об.
[7]) Ibidem, л. 183 об.

Янчелевичу (по истеченіи срока предыдущаго) на три года по 100 коп. грош. въ годъ [1]).

Въ 1489 году встрѣчаемъ первое извѣстіе объ отдачѣ въ аренду *минскаго* мыта. Король Казимиръ отдалъ его на три года еврею троцкому Михаилу Даниловичу по 250 копъ грошей въ годъ. Уплата производится зол. угорскими [2]). Въ 1495 году вел. кн. Александръ продалъ это же мыто мѣщанамъ минскимъ Ф. Процкевичу и Евлашку Степановичу на три года по 120 копъ гр. широкихъ. Вел. кн. обѣщаетъ никому не давать квитацій на мыто [3]). Съ 20 іюля 1498 года это мыто переходитъ къ М. Янчелевичу на три года по 200 копъ грошей въ годъ [4]). Въ 1501 году на слѣдующее трехлѣтіе мыто переходитъ къ Ф. Есковичу, но уже по 300 копъ грошей въ годъ [5]). Въ слѣдующее трехлѣтіе съ 1504 года его снова беретъ М. Янчелевичъ по 200 копъ грошей въ годъ [6]).

Аренда *ковенскаго* мыта извѣстна съ 1496 года, когда оно отдано было вел. кн. Александромъ на три года по 250 копъ грошей [7]). Слѣдующее извѣстіе объ арендѣ мыта ковенскаго относится къ 1504 году: въ этомъ году на трехлѣтіе 1504—1507 гг. Г. Шлягеръ арендовалъ мыто по 600 копъ грошей въ годъ [8]). За смертью Г. Шлягера мытами завѣдывали его наслѣдники, послѣ которыхъ мыто перешло, на трехлѣтіе отъ 1507—1510 къ Аврааму Езофовичу по 602 копы 50 грош. и 20 поставовъ сукна лунскаго и новогонскаго [9]).

Теперь разсмотримъ мыта на восточной и юговосточной границѣ.

Смоленское мыто до 1495 года было въ рукахъ Шамака Даниловича, который держалъ его въ теченіе трехлѣтія и платилъ по 200 копъ грошей въ годъ [10]). На трехлѣтіе 1495—1498 года мыто отдано М. Янчелевичу (съ 20 іюля) по 200 копъ грошей въ годъ, причемъ 100 копъ арендаторъ платилъ наличными, а 100 шло на

---

[1]) Ibidem, л. 289 об.
[2]) Бершадскій, I, 47.
[3]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 166.
[4]) Ibidem, л. 175 об. (ср. Кн V, л. 325 об.).
[5]) Ibidem, л. 265.
[6]) Ibidem, л. 290.
[7]) Ibidem, л. 169.
[8]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 290 об.
[9]) Кн. Зап. Лит., V, л. 326 об.
[10]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 164 об.

уплату ему же долга [1]). Въ 1498 году Янчелевичъ снова получилъ аренду на слѣдующее трехлѣтіе на тѣхъ же условіяхъ [2]), но онъ не додержалъ своего срока аренды. 12 марта 1499 года мытники путивлискіе Ф. Новокрещенный съ братьями выпросили у вел. кн. и смоленское мыто на томъ основаніи, что „кривда и шкода имъ деется у мыте путивльскомъ: которыи бы мели ехати на Путивль и мыто давати, тыи дей обежчають на Смоленскъ, а имъ мыта путивльского не платять"; при этомъ Новокрещенные набавили 300 золотыхъ. Вел. князь отдаетъ имъ мыто съ 20 іюля 1499 года срокомъ на три года, по 200 копъ грошей и 100 золот. въ годъ [3]). Въ трехлѣтіе 1504—1507 гг. смоленское мыто взялъ въ аренду Авраамъ Езофовичъ по 360 копъ грош. въ годъ [4]). Авраамъ перекупилъ такимъ образомъ мыто, которое двумя мѣсяцами раньше уже сдано было королемъ Андрею Тихому вмѣстѣ съ корчмами [5]). Черезъ нѣкоторое время (актъ сохранился безъ даты) Авраамъ соединилъ и мыта и корчмы въ Смоленскѣ и платитъ въ годъ уже 800 копъ грошей [6]). Слѣдующее трехлѣтіе (1507—1510 гг.) Авраамъ уже въ компаніи съ Тихимъ снова арендуетъ мыта и корчмы въ Смоленскѣ тоже по 800 копъ гр. въ годъ [7]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1507 года у нихъ уже взято впередъ 860 копъ грошей [8]).

Главное значеніе въ концѣ XV в. на восточной границѣ имѣло не смоленское мыто, но *путивльское*. Въ послѣдніе годы короля Казимира это мыто приносило крупный доходъ.

Въ 1486 году король Казимиръ сдалъ въ аренду мыто и корчму въ Путивлѣ кіевскимъ евреямъ Симсѣ, Рабею, Шамаку Даниловичу и др. на три года (съ 20 іюля) по $366^2/_3$ копъ гр. и по 50 локтей адамашки въ годъ. При этомъ арендаторы держатъ мыта по окончаніи аренднаго срока еще четыре лишнихъ мѣсяца (конечно безъ платы); эта льгота имъ дана „для сказы поганьское, што мыто нашо уменьшилося". Придача адамашки здѣсь, очевидно, „челобитье". Въ

---

[1]) Ibidem, л. 167 об.

[2]) Ibidem, лл. 175 об.—176.

[3]) Акты Лит.-рус. гос., I, р. 88.

[4]) Кн. Зап. Лит., VI, лл. 262 об.—263.

[5]) Ibidnm, лл. 262—262 об.

[6]) Ibidem, лл. 265—265 об.

[7]) Кн Зап. Лит., VIII, л. 87.

[8]) Ibidem, лл. 95 об.—96.

теченіе арендкаго срока король обѣщаетъ не перепродавать мыта [1]). Въ слѣдующее трехлѣтіе мыто и корчма въ Путивлѣ взяты уже другими откупщиками по $333^1/_3$ копы грошей въ годъ съ надбавкою 50 локтей адамашки; наличными они даютъ по 100 золотыхъ угорскихъ [2]). Въ іюлѣ 1495 года мыта и корчма сданы Ф. Новокрещенному по $266^2/_3$ копы грошей въ годъ [3]). Черезъ двѣ недѣли королемъ былъ „припущенъ" къ мыту еще и Иванъ Новокрещенный, но условія остались прежнія [4]). На слѣдующее трехлѣтіе (1498—1501 годъ) мыта и корчма сданы въ аренду тому же Федору по 300 копъ гр. въ годъ [5]).

Первая аренда *кіевскаго* мыта относится къ 1486 году. Король Казимиръ продалъ его въ этомъ году тѣмъ же арендаторамъ, которые держали путивльское мыто; контрактъ заключенъ на три года. Сверхъ того по окончаніи аренднаго срока мытники пользуются доходами въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ „для изсказы поганьское"; они платятъ по 950 копъ гр. въ годъ. Король обязуется не перепродавать мыта. Районъ Кіевскаго мыта опредѣлялся Кіевомъ, Вышгородомъ и Житоміромъ [6]). Въ половинѣ 90 годовъ мы уже видимъ кіевское мыто въ управленіи мѣстнаго ключника Сеньки Полозовича [7]). Неизвѣстно, сколько оно тогда приносило доходу. За полтора года въ 1497—1498 г.г. мыто дало 659 копъ и 1 грошъ [8]). У того же ключника мы находимъ мыто въ управленіи около 1500 г.г., но доходъ неизвѣстенъ [9]).

Переходимъ теперь къ обзору мытныхъ доходовъ при Сигизмундѣ I.

4 марта 1507 года Шамакъ Даниловичъ получилъ въ аренду *кіевское* мыто по 700 копъ грошей въ годъ. Арендный срокъ по контракту начинался съ 25 декабря 1506 года и оканчивался 25 декабря 1508 года. По условію, арендаторъ долженъ выдавать ежегодно

---

[1]) Бершадскій, I, p. 41.
[2]) Ibidem, 51.
[3]) Кн. Зап. Лит., VI, л. 168.
[4]) Ibidem, лл. 168 об.—169.
[5]) Ibidem, 173.
[6]) Бершадскій, I, p. 38.
[7]) Акты Лит.-рус. гос., I, p. 59.
[8]) Ibidem, 80.
[9]) Ibidem, 90.

впередъ по 200 золотыхъ угорскихъ [1]). Впрочемъ, мыто отъ „оргиша“, уже пришедшаго въ Кіевъ, король оставляетъ себѣ [2]).

Луцкое мыто находилось въ арендѣ у того же Шамака. 6 марта 1507 г. Сигизмундъ I издаетъ листъ на имя старосты, маршалка и всѣхъ земянъ луцкихъ, въ которомъ разсказываетъ слѣдующее. Шамакъ Даниловичъ съ Никлемъ Прокоповичемъ держали на арендѣ отъ короля Александра Луцкое мыто; арендный срокъ былъ назначенъ съ 4 марта 1505 года по 1508 годъ, съ ежегодной уплатой по 800 копъ грошей. Однако Шамакъ уступилъ свое право на аренду въ теченіе послѣдняго ея года бурмисту краковскому извѣстному Бонарю и просилъ короля объ утвержденіи этой передачи. Король объявляетъ всѣмъ врядамъ Волынской земли о своемъ согласіи на переходъ мыта къ Бонарю и между прочимъ обязуется не давать никому квитацій во время аренды Бонаря, потому что деньги уже получены сполна [3]). Однако черезъ нѣсколько дней послѣ выдачи этой грамоты, король извѣщаетъ старосту и шляхту Волынской земли о новомъ контрактѣ на луцкое мыто, заключенномъ съ Шамакомъ Даниловичемъ и Нисономъ Козкой; срокъ новой аренды долженъ начаться съ середопостья 1508 года. Мыто сдается на два года по 800 копъ грошей въ годъ. Арендаторы вносятъ о Пасхѣ 1507 года впередъ часть арендной платы—300 золотыхъ угорскихъ въ золотѣ; а остальное они выдаютъ въ теченіе аренды на квитаціи. При началѣ второго года мытники дѣлаютъ такой же взносъ впередъ. При этомъ король обѣщаетъ уплатить Шамаку скарбовый долгъ въ 530 копъ грошей изъ арендной суммы [4]). Однако этого долга король не уплатилъ еще 13 апрѣля 1508 года: на кіевскомъ мытѣ король остался долженъ Шамаку еще 130 копъ, такъ что весь долгъ возросъ до 660 копъ; Шамакъ опять получилъ обѣщаніе уплаты и этого долга съ оргишоваго мыта [5]).

21 мая 1507 года Леринъ Герешъ получилъ *берестейское* мыто по 400 копъ грошей въ годъ. Срокъ аренды начинался съ Пасхи 1507 года. Король былъ долженъ Герешу 2000 копъ грошей и потому отдалъ мытную комору на такомъ условіи, что вся сумма аренды,

---

[1]) А. Ю.-З. Р., II, р. 115.
[2]) А. З. Р., II, р. 1.
[3]) А. Ю.-З. Р., II, р. 116.
[4]) Ibidem, 116.
[5]) Ibidem, 120.

за покрытіемъ необходимыхъ мѣстныхъ выдачъ, идетъ на уплату долга. Король обязуется не давать берестейскому старостѣ, а также панамъ и дворянамъ квитацій на мыто, освобождая мытника также и отъ пріема квитацій, выданныхъ королемъ Александромъ. Изъ обязательныхъ расходовъ Герешъ ежегодно уплачиваетъ по 20 копъ ксендзамъ берестейскимъ. Такимъ образомъ въ уплату долга идетъ 380 копъ грошей ежегодно и слѣдовательно срокъ аренды предполагался на пять съ лишнимъ лѣтъ. Въ случаѣ смерти арендатора, въ завѣдованіе мытомъ вступаютъ его законные наслѣдники. Впрочемъ мытникъ получаетъ право отказаться отъ аренды по истеченіи каждаго года. Король также можетъ продать мыто тому, кто предложитъ болѣе выгодную плату, но однако при томъ условіи, что новымъ арендаторамъ будетъ уплоченъ долгъ Лерину сполна. За безмытные листы, выданные королемъ послѣ заключенія контракта, Леринъ получаетъ пошлины изъ скарба. Арендная плата можетъ быть повышена въ томъ случаѣ, если король для „земской потребы" остановитъ дѣйствіе тѣхъ „вольностей" по безмытному провозу товаровъ, которыя далъ король Александръ. Таможенный округъ, кромѣ Берестія, включаетъ еще Дорогиченъ и Лосичи; Городно сюда не входило [1]).

Въ томъ же году отъ середопостья было отдано на три года *ковенское* мыто Грегелю за 2000 копъ грошей, т. е. по $666^2/_3$ копъ грошей въ годъ [2]).

19 февраля 1507 года войтъ минскій Авраамъ Езофовичъ и Янъ Дитрыховичъ взяли въ аренду *минское* мыто срокомъ на три года отъ середопостья 1507 года, по 200 копъ грошей въ годъ съ условіемъ давать въ этой суммѣ ежегодно по 100 золотыхъ угорскихъ [3]).

5 октября 1508 года король отдалъ въ завѣдываніе Аврааму Езофовичу комору солянную въ *Ковнѣ*, восковую комору въ *Смоленскѣ* и мыто въ обоихъ городахъ на одинъ годъ, отъ 12 іюля 1508 года. Эти коморы сданы Аврааму съ предоставленіемъ ему права выбрать скарбовый долгъ въ 2960 копъ грошей. „А што назвышъ тыхъ своихъ пенязей въ тотъ годъ возьметь съ мыта и съ коморъ тыхъ, то маеть намъ вернути",—говоритъ король въ своемъ листѣ, очевидно предполагая, что сдаваемыя доходныя статьи могутъ дать и

[1]) Ibidem, 118.
[2]) Кн. Зап. Лит., VIII, л. 85 об.
[3]) А. Ю.-З. Р., II, р. 115.

болѣе 2960 копъ грошей. Дѣйствительно, 30 ноября того же года Авраамъ получаетъ уже отъ короля листъ, въ которомъ сказано, что имъ не только возмѣщенъ долгъ изъ доходовъ, но и сверхъ того внесено въ скарбъ 535 копъ грошей. Коморы находились у Авраама въ завѣдованіи всего около 4 мѣсяцевъ (отъ дня св. Маргариты и до дня Юрія Зимняго). Авраамъ продолжаетъ завѣдывать мытомъ на господаря „къ вѣрной руцѣ“ [1]).

Въ 1508 году *луцкое* мыто было отдано Яну Бонарю на два года отъ середопостья 1508 года по 800 копъ грошей въ годъ. Король уже впередъ получилъ изъ арендной суммы 632 копы грошей. Мытники обязаны уплатить въ теченіе срока аренды старостѣ луцкому кн. К. И. Острожскому 400 копъ грошей, и сверхъ того уплачивать старостѣ луцкому, ксендзамъ и пушкарямъ то жалованье, какое на нихъ шло при Александрѣ [2]).

Въ 1509 году Аврамъ Езофовичъ получилъ въ аренду на три года (отъ трехъ Крулей 1509 года) *минское* мыто по 300 копъ грошей въ годъ. Мытникъ выдаетъ деньги только на квитаціи. Безмытные листы, выданные послѣ заключенія арендного контракта, оплачиваются изъ скарба [3]).

То же минское мыто въ 1510 году отдано со второй недѣли поста этого года Шамаку Даниловичу, тоже по 300 копъ грошей [4]).

Дальнѣйшія свѣдѣнія о доходахъ съ коморъ мытныхъ весьма отрывочны, потому что коморы сдаются въ управленіе, а счетовъ съ справцами не сохранилось.

Изъ времени управленія скарбомъ Аврамомъ Езофовичемъ можно извлечь за 1510—1511 г. слѣд. данныя о доходности коморъ и мытъ. Въ своемъ отчетѣ Аврамъ показываетъ доходъ за неодинаковое время для каждой коморы и мыта. Приводимъ эти цыфры съ показаніемъ количества мѣсяцевъ, за которые полученъ доходъ [5]):

Ковенская . . .	комора и мыто за	7 мѣс.	дала	3960	копъ гр.
Виленская . . .	„ „ „	20 „	„	1000	„ „
Полоцкая . . .	„ „ „	18 „	„	1350	„ „

---

[1]) Бершадскій, Документы и регесты, I, 76—77.

[2]) А. Ю.-З. Р., II, р. 143.

[3]) Ibidem, 121.

[4]) Кн. Зап. Лит., VIII, лл. 111 об.

[5]) Акты Лит.-р. гос., I, р. 151.

Смоленская . . .	комора и мыто за	22	мѣс.	дала	$798^1/_2$	коп. гр.
Берестейская и Луцкая .	„ „ „	13	„	„	1000	„ „
Еще отъ Луцкой же . .	„ „ „	13	„	„	195	„ „
Владимирская . .	„ „ „	13	„	„	67	„ „
Бѣльская . . .	„ „ „	13	„	„	200	„ „
Дорогицкая . . .	„ „ „	13	„	„	24	„ „

За послѣдующее время до самого вступленія на престолъ Сигизмунда Августа, встрѣчаются свѣдѣнія только о слѣдующихъ сдачахъ въ аренду мытныхъ сборовъ.

Въ 1513 г. справцы мыта и коморъ въ Берестьи и на Волыни давали въ скарбѣ личбу за предшествующіе два года и сдали всего 4895 копъ 40 гр., слѣдовательно за одинъ годъ доходъ равнялся 2445 копъ 50 гр. [1])

Въ 1522 г. справцы *ковенскаго* мыта дѣлали личбу за предшествующіе четыре года. Мыто отъ лѣсныхъ матеріаловъ дало за это время 1461 копу, мыто отъ суконъ—245 копъ гр., слѣдовательно всего по 424 копы гр. въ годъ, хотя по годамъ доходъ былъ весьма различенъ [2]).

Въ 1519 году было отдано на три года мыто *берестейское* съ коморой соляной и восковой Михелю Шпису въ компаніи съ мѣщанами берестейскими по 1300 копъ грошей въ годъ [3]). Это мыто нѣсколько раньше было отдано Авраму Езофовичу въ держанье для уплаты скарбоваго долга въ 8000 копъ грошей, но Авраамъ переуступилъ Михелю, причемъ послѣдній обязанъ уплатить ему скарбовый долгъ [4]).

Въ 1519 году Нисанъ Есковичъ получилъ въ аренду *минское* мыто на два года, отъ запустъ русскихъ предъ св. Петромъ, за 150 копъ гр. въ годъ. Въ господарскомъ листѣ разсказана и судьба минскаго мыта за послѣднее десятилѣтіе. По смерти короля Александра оно было отдано Ш. Даниловичу на 3 года по 400 копъ гр. въ годъ, половина которыхъ шла въ уплату долга Александра; но тогда не было войны и торговали московскіе купцы. Съ началомъ войны Шамакъ уступилъ мыто Нисану, но по 60 коп. гр. въ годъ, на 4 года;

---

[1]) Бершадскій, I, 81

[2]) Акты Лит.-р. гос., I, р. 178.

[3]) Кн. Зап. Лит., XI. лл 37—38

[4]) Акты Лит.-р. гос., I, 164.

по истеченіи этого срока мыто пошло ему же уже въ 240 копъ гр. въ годъ, а въ 1519 г.—въ 150 копъ гр. [1]).

Въ 1523 году 9 декабря король сдалъ на откупъ всѣ *волынскія* и *подляшскія* мыта и коморы Михелю Езофовичу и компаніи; при этомъ былъ сгруппированъ цѣлый рядъ мытныхъ сборовъ, а именно въ аренду король отдаетъ: „мыто старое берестейское и коморы наши восковую и соляную, и мыто старое дорогицкое и комору нашу восковую и соляную, и мыто наше старое городенское и съ коморами городенскими восковою и соляною, и каменецкимъ, и лосицкимъ, и мельницкимъ, и бѣльскимъ, и съ комороюю Бѣльскою восковою и соляною, и съ коморами Луцкою и Володимирскою, соляными и восковыми, и со всими мыты по дорогамъ и перевозамъ сухимъ путемъ и водою потому, какъ бывало здавна". Михель обязуется вносить ежегодно, въ два срока по полугодіямъ, 3000 копъ грошей наличными деньгами. Начало аренды—Громницы 12 индикта. Откупъ сдается на три года. Всѣ безмытные листы, выданные Смолянамъ и Полочанамъ, не живущимъ въ Полоцкѣ, уничтожаются. Равнымъ образомъ и всѣ другіе льготные листы, выданные лѣтъ 6—10 назадъ; впредь король обязуется не выдавать льготныхъ листовъ, или отчислять за выданные пошлины изъ скарба. Новыя коморы соляныя и восковыя не будутъ устраиваемы въ теченіе арендн аго срока. Къ арендаторамъ переходитъ и бѣльское мыто старое, если оно придетъ въ распоряженіе короля; если и не придетъ, то всетаки имъ завѣдуютъ арендаторы, но уплачиваютъ 50 копъ грошей тому, кто будетъ имѣть право на это мыто (очевидно оно было въ доживотьи). Сверхъ того король обязуется никому не перепродавать мыта до истеченія аренднаго срока [2]). Впрочемъ въ слѣдующемъ же году Михель Езофовичъ пригласилъ къ себѣ въ компаньоны Михеля Шписа, при чемъ оба они взяли аренду пополамъ [3]).

Только ванчосное мыто въ Дорогичинѣ шло въ 1525—1528 г.г. отдѣльно по 30 копъ гр. въ годъ [4]).

Въ 1525 году сдано въ аренду *минское* мыто тому же Михелю Езофовичу съ Огрономъ Нахимовичемъ за 450 копъ грошей въ годъ,

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XI, л. 51 об.

[2]) Бершадскій, Документы и регесты. I. 106.

[3]) Ibidem, 115.

[4]) Бершадскій, I, 132.

на два года. Если начнется война съ Москвой, то изъ арендной суммы будутъ отсчитаны убытки. Условія относительно безмытныхъ листовъ тѣ же, что и въ предъидущемъ контрактѣ [1]).

12 января 1529 года всѣ *подляшскія* и *волынскія* мыта съ коморами въ такомъ же объемѣ, въ какомъ сдавались въ 1523 году, уже сосредоточиваются въ рукахъ Айзика Езофовича. Онъ беретъ всѣ доходныя статьи на три года (отъ Громницъ 1529 года) съ уплатою по 2600 копъ грошей въ годъ и по 333 золотыхъ угорскихъ [2]).

Тотъ же мытникъ возобновилъ аренду и на слѣдующее трехлѣтіе (отъ Громницъ 1532 года), но съ ежегодною платою по 1900 копъ грошей и 222 золотыхъ и $10^1/_2$ гр. угорскихъ. Условія остаются прежнія [3]).

Въ 1530-хъ гг., вѣроятно, было предположеніе отдать *волынскія мыта* компаніи евреевъ по 1200 копъ гр. и по 130 золотыхъ угорскихъ въ годъ, потому что въ книгахъ Метрики встрѣчается начало черновой аренды этихъ мытъ [4]). Однако эта сдѣлка не осуществилась, и мыта были арендованы королевой Боной. Эта аренда состоялась въ 1531 г. (точной даты въ документѣ нѣтъ). Королева Бона получаетъ въ аренду слѣд. статьи: „комору нашу Луцкую, Володимирскую и Кременецкую восковую и соленую и мыто старое луцкое и володимирское и кременецкое со всими мыты нашими волынскими, што передъ тымъ здавна къ тымъ коморамъ Луцкой и Володимирской и Кременецкой прислухало и з деревянымъ мытомъ володимерскимъ и со всимъ потому яко ся здавна тыи коморы наши за отца нашого... бывало, и съ тымъ мытомъ нашимъ, которое небожчыкъ князь Констянтинъ Ивановичъ Острозский, воевода троцкий, по именьямъ своимъ на себе—биралъ старое восковое и соленое и мыто старое, ничого на насъ не выймуючы". Срокъ аренды необозначенъ; Бона завѣдуетъ мытомъ и платитъ ежегодно въ скарбъ по 1300 копъ грошей. По отношенію къ безмытнымъ листамъ, встрѣчаемъ условіе, весьма благопріятное для арендатора: всѣ листы, выданные купцамъ и мѣщанамъ, обращаются „ни во што"—„маеть предся королевая ее милость казать мыто зъ нихъ брати, а тыи листы безмытные у нихъ отби-

---

[1]) Ibidem, 135.

[2]) Акты Лит.-р. гос., I, р. 218.

[3]) Кн. Зап. Лит., л. 165.

[4]) Ibidem, л. 167 об.

рати; а хотя бы хто отъ шести летъ листы наши безмытные у себе мелъ, и на таковые маетъ сполна мыто звычайное брано быти"; впредь король обѣщаетъ не выдавать безмытныхъ листовъ, а за выданные—отсчитывать въ скарбѣ. Безмытные листы, выданные панамъ, сохраняютъ свою силу. Въ случаѣ войны и повѣтрія—скарбъ высчитываетъ потери арендатора. Замѣтимъ, что начало аренднаго срока устанавливается съ 29 іюня 12 индикта, но индиктъ поставленъ ошибочно, потому что въ 1524 г. Бона еще не держала мытъ въ арендѣ и этотъ документъ находится среди актовъ 1531—1532 гг. Съ этого времени въ руки Боны стали стекаться и другія мыта.

Въ 1532 году *минское* мыто продано Ильѣ Мошеевичу, Пейсаху Айзаковичу и Шахну Голашкевичу на три года по 550 копъ грошей въ годъ, срокомъ съ 6 декабря 1531 года [1]).

Тѣ же три мытника получили въ аренду на три года (отъ Громницъ пятаго индикта) *полоцкія* коморы, соляную и воскобойню съ мытомъ пограничнымъ *витебскимъ* и оршанскимъ по 933$^1/_3$ копъ грошей и по 100 зол. черв. въ годъ. Безмытные листы, выданные Полочанамъ и Смольнянамъ, не живущимъ въ Полоцкѣ, признаются недѣйствительными, равно какъ и листы, выданные болѣе шести лѣтъ тому назадъ; по новымъ листамъ оплата пошлинъ производится въ скарбѣ [2]).

Компанія, взявшая въ аренду названное мыто, находилась, вѣроятно, въ связи съ компаніей, арендовавшей корчмы въ Могилевѣ, такъ какъ въ другомъ листѣ, выданномъ въ Краковѣ же, король разъясняетъ, что компанія не хотѣла „посполу" держать всѣхъ мытъ и раздѣлилась. Илья Мошеевичъ и Пейсахъ Айзаковичъ берутъ мыто полоцкое въ 900 копахъ гр. въ годъ, минское—въ 550 копъ гр. и комору Могилевскую въ 300 копъ гр. [3]).

Агронъ Нахимовичъ, Е. Пейсаховичъ и Мошеевичъ получили въ аренду въ 1532 году *новгородское* мыто на три года (за двѣ недѣли отъ Громницъ пятого индикта) по 90 копъ гр. и по 30 зол. черв. Условія относительно безмытныхъ листовъ тѣ же, что и въ предъидущихъ контрактахъ; въ случаѣ неуплаты въ срокъ арендной суммы, они лишаются аренды и неуплата взыскивается съ ихъ имуще-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XVII, л. 137.

[2]) Ibidem, л. 139 об.

[3]) Кн. Зап. Лит., XV, л. 167.

ства. Мытникамъ строго воспрещается выдавать деньги на квитаціи. Въ случаѣ „повѣтрія“ имъ отсчитывается соотвѣтственный убытокъ. Господарь обязуется въ теченіе аренды не перепродавать мыта [1]).

Съ перваго января 1544 года Красноставскіе купцы Иванъ и Олехно Борзобогатые получаютъ въ аренду *волынскія* мыта срокомъ на три года съ платой по 1800 копъ гр. въ годъ. По окончаніи срока этой аренды контрактъ возобновленъ на три года на тѣхъ же условіяхъ; при этомъ король такъ опредѣляетъ объемъ аренды. „А такъ мы за ся по томъ выдержанью ихъ тую комору нашу Луцкую и Володимерскую восковую и соляную и мыто старое володимерское зо всими мыты нашими волынскими, што передъ тымъ здавна къ тымъ коморамъ Луцкой и Володимерской прислухало и со всимъ тымъ по тому, какъ ся передъ (тымъ) здавна тыи коморы наши за деда нашего Казимира и дяди нашого Александра, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, бывали, и съ тымъ мытомъ нашимъ, которое небозщикъ князь Костянтинъ Острозскій по именьямъ своимъ на себе бралъ, старое восковое и соляное и мыто старое“. Арендаторамъ предоставляется право держать стражу во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она и раньше была. Безмытные листы теряютъ свое значеніе [2]).

Съ перваго апрѣля 1546 года по первое апрѣля 1548 года *берестейское* мыто со всѣми *подляшскими* находилось въ арендѣ у дворянина господарскаго Ивана Ермолича съ платой по 3000 копъ гр. и 100 зол. черв. въ годъ. По окончаніи этой аренды мыто было продано тѣмъ же Борзобогатымъ на три года (по первое апрѣля 1550 года) за 8700 копъ гр. и 300 зол. черв. угорскихъ, т. е. по 2900 копъ гр. и по 100 зол. въ годъ. Предметъ аренды Борзобогатымъ опредѣленъ такъ же какъ и Ермоличу, т. е.: „мыто старое берестейское и коморы наши восковыи и соляныи и мыто старое дорогицкое и комору нашу восковую и соляную из ванцошнымъ дорогицкимъ и съ коморою Воинскою восковою и соляною и со всими мыты подляшскими, што стародавна к коморе Берестейской прислухають и мыто нашо старое городенское и съ коморами Городенскими восковыми и соляными и со всими мыты, кромъ мыта мостовского, по дорогамъ и по перевозамъ сухимъ путемъ и водою потому, какъ бы-

[1]) Бершадскій, Документы и регесты, I, р. 179—182.

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXI, лл. 137 об.—140 об.

вало здавна за деда нашого Казимира и дяди нашого Александра королей и великихъ князей ихъ милости и тежъ за щастного напованья короля его милости отца нашого и за насъ". Такъ какъ мыто на перевозѣ въ Мостахъ, издавна принадлежавшее къ району подляшскихъ, находилось въ завѣдываніи королевы Боны, то за это мыто арендаторы не доплачиваютъ въ скарбъ по 100 копъ гр. ежегодно. Контрактъ составленъ весьма подробно въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ составленъ и контрактъ имъ же на аренду мытъ волынскихъ. Арендная плата вносится по полугодіямъ впередъ наличными деньгами и исключительно въ руки подскарбія земскаго. Встрѣчаемъ и обычное условіе относительно безмытныхъ листовъ; половина промыты идетъ на арендаторовъ, другая на короля, а не на старостъ. Арендаторы ставятъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ стражу. Цѣлый рядъ особыхъ условій встрѣчаемъ о провозѣ воска, соли и лѣсныхъ товаровъ. Мытники несутъ обычные расходы по уплатѣ пушкарямъ и ксендзамъ въ Берестьи. Въ случаѣ повальныхъ болѣзней скарбъ обязанъ сдѣлать вычетъ соотвѣтственно потери мытниковъ. Въ случаѣ несвоевременной уплаты арендныхъ денегъ, подскарбій лишаетъ арендаторовъ права продолжать аренду и взыскиваетъ недоплату съ ихъ имущества. Великій князь обязуется неперепродавать никому мыта въ теченіе арендпаго срока [1].

Съ перваго января 1548 года по первое января 1550 года Иванъ Ермоличъ получилъ въ аренду *новгородское* мыто „зо всими посторонними" по 250 копъ гр. въ годъ. Условія отдачи тѣ же. что и Борзобогатымъ [2]).

Въ 1553 году сданы въ аренду Олехну и Ивану Борзобогатымъ коморы и мыта въ *Подляхіи*, на *Волыни*, въ *Минскѣ* и *Новгородкѣ* срокомъ на три года. Въ частности заарендованныя мыта и коморы сданы на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Волынскія мыта, а именно: коморы Луцкая, Володимерская. восковая и соляная, мыто старое володимерское со всѣми къ нему „прислухаючими", (въ томъ числѣ и съ прикоморками, гдѣ собиралъ мыто кн. К. Острожскій) сданы по двѣ тысячи копъ гр. въ годъ.

2) Подляшскія мыта—мыто старое берестейское, комора соляная и восковая съ ванцошнымъ Дорогицкимъ, съ коморою восковою

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXI. лл. 135—137 об.

[2]) Ibidem, лл. 156—157 об.

и соляною въ Воинѣ, мыто каменецкое, лосицкое, комору восковую и солянную Бѣльскую, мыто старое Городенское съ коморами восковыми и соляными и со всѣми мытами Городенскими, кромѣ мостового въ Городнѣ,—сданы по три тысячи копъ грошей и по триста золотыхъ угорскихъ.

3) Минское мыто сдано по тысяча пятьсотъ копъ грошей въ годъ.

4) Новгородское мыто—за 400 копъ грошей.

Арендная плата вносится только „готовыми пенязьми" по полугодіямъ. Встрѣчаемъ обычное условіе относительно безмытныхъ листовъ, промыты. производства обычныхъ расходовъ изъ мыта и проч. Господарскіе лѣсные товары проходятъ безмытно. Въ случаѣ войны и повѣтрія, производится вычетъ [1]).

Въ 1556 году были сданы Борзобогатымъ на три года мыта *волынскія, подляшскія, минское и новгородское.* Условія аренды тѣ же самыя, какъ и въ 1553 году. Только арендная плата съ мытъ волынскихъ уменшена на двѣсти копъ грошей, т. е. эти мыта отданы за тысячу восемьсотъ копъ грошей.

Уменшеніе арендной платы мотивировано тѣмъ, что въ прежніе годы король возвращалъ мытникамъ то количество пошлинъ, на какое провезено было товару въ теченіе каждого года луцкими мѣщанами, такъ какъ эти мѣщане имѣли льготу по платежу пошлинъ; по новому же условію король не будетъ дѣлать отчисленій изъ арендной суммы за провезенные луцкими мѣщанами товары. Изъ послѣдняго условія между прочимъ ясно, что средній ежегодный ввозъ товаровъ въ Луцкъ мѣстными мѣщанами оцѣнивался въ двѣсти копъ грошей. Подляшскія мыта пошли въ 3100 копъ гр. и 300 золотыхъ черленыхъ въ годъ, минское—за 1200 копъ, и новгородское—за 400 копъ гр. [2]).

Съ перваго января 1556 года по первое января 1559 года сданы въ аренду еврею Счастному слѣдующія коморы: *Полоцкая, Витебская, Друйская*—восковыя и соляныя, съ мытомъ пограничнымъ. Арендная плата установлена по 2164 копы грошей и по 5 куньихъ шубъ въ годъ. Одно изъ условій аренды предоставляетъ мытникамъ отнимать у купцовъ льготные листы по платежу мытъ; однако,

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXV, лл. 127—131.

[2]) Ibidem, лл. 240—245.

если листы будутъ даны послѣ заключенія аренднаго контракта, то за провезенные по такимъ листамъ товары арендаторамъ будутъ уплочены пошлины изъ скарба. Господарскіе лѣсные товары пропускаются безмытно. Въ случаѣ неуплаты въ срокъ аренды, отвѣчаютъ „рукоемцы“ [1]).

Съ 29 іюня 1558 года по 29 іюня 1561 года сдано въ аренду Д. Шмерлевичу и Е. Шломичу мыто *ковенское* съ соляничимъ и восковничимъ,—„все што кольвекъ ку коморе и прикоморкамъ ковеньскимъ“ съ восковничимъ и соляничимъ принадлежитъ. Арендная плата опредѣлена въ 4000 копъ грошей въ годъ. Господарскіе товары пропускаются арендаторами безмытно, но арендаторы предъявляютъ скарбу „квиты“ за товары, за что и отсчитывается имъ соотвѣтствующая сумма [2]).

Отъ св. Никиты 1558 г. по 1561 г. сданы въ аренду тѣмъ же евреямъ и Авраму Длугачу мыта на коморахъ и прикоморкахъ въ *Жмудской* землѣ, съ уплатой по 700 копъ гр. въ годъ [3]).

Съ перваго января 1562 года по первое января 1565 года Давидъ Шмерлевичъ. Еско Шломичъ и Аврамъ Длугачъ получили въ аренду *жомойтскія* мыта съ солянымъ и восковымъ. Арендная плата установлена по 800 копъ гр. въ годъ. Арендаторы впрочемъ передали аренду, съ разрѣшенія короля, дворянину Андрею Ильговскому и хорунжему Яну Выдрѣ. Въ числѣ условій можно отмѣтить, что королевскіе товары пропускаются безмытно, но съ условіемъ уплаты изъ скарба соотвѣтственныхъ пошлинъ [4]).

Волынскія мыта до 1563 года были въ арендѣ у владыки владимирскаго Ивана Борзобогатаго и его племянника Ивана Олехновича. Намъ не пришлось встрѣтить аренднаго контракта, заключеннаго ими съ королемъ на 1559—1563 гг. Арендная плата была на этотъ разъ уже значительно ниже предшествующихъ годовъ,—всего въ 1300 копъ грошей. Однако Борзобогатые весьма неисправно вносили и эту плату въ скарбъ. Поэтому король отнялъ у нихъ аренду и передалъ ее дворянамъ господарскимъ Михайлу Еловичу Малинскому и Василію Петровичу Загоровскому. По новому арендному контракту

---

[1]) Ibidem, лл. 232 об.—236.
[2]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, лл. 161—162 об.
[3]) Ibidem, л. 176 об.
[4]) Кн. Зап. Лит., XLIV, лл. 16—18.

срокъ аренды начинается съ перваго января 1563 года и продолжается по первое января 1566 года [1]). Однако Малинскій и Загоровскій продержали мыта всего въ теченіе года и передали ихъ, съ согласія короля, евреямъ Д. Шмерлевичу и А. Бородавкѣ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ и сами получили, т. е. до 1566 года и по 1300 копъ грошей въ годъ [2]).

Компанія брестскихъ евреевъ въ лицѣ Давида Шмерлевича, Исаака Бородавки и Авраама Длугача съ перваго января 1560 года держала въ арендѣ мыта *подляшскія, минское, виленское* и *новгородское*. Арендный контрактъ былъ заключенъ срокомъ на 7 лѣтъ, т. е. до перваго января 1567 года. Арендная плата была установлена слѣдующая: съ Подляшской коморы—3308 копъ грошей, съ Минской и Виленской—по 1500 копъ грошей, съ Новгородской—по 400 копъ гр.; сверхъ того арендаторы вносили ежегодно въ видѣ надбавки по 100 копъ грошей; слѣдовательно общая сумма арендной платы равнялась 5308 копъ грошей. Черезъ три года арендаторы предложили увеличить арендную плату: на Подляшской коморѣ на 692 копы гр. въ годъ, т. е. до 4000 копъ грошей; съ Минской и Виленской--на 700 копъ грошей, т. е. до 2200, съ Новгородской—на 130 копъ, т. е. до 530 копъ грошей въ годъ, уплачивая по прежнему по 100 копъ грошей со всѣхъ коморъ; къ этой арендѣ было присоединено мостовое въ Мостахъ за 170 копъ гр. Слѣдовательно, общая сумма арендной платы состояла въ 6830 копахъ гр.

При заключеніи контракта мытники вносятъ 2200 копъ гр. въ счетъ аренды перваго года. Въ случаѣ голода и повѣтрія въ странѣ, а также вторженія непріятелей,—изъ арендной платы будетъ сдѣланъ вычетъ. Шляхта при провозѣ собственныхъ лѣса и сбожья должна имѣть безмытные листы, за которые также производится учетъ [3]).

Уже въ сентябрѣ 1565 года арендаторы волынскихъ таможенъ Д. Шмерлевичъ и И. Бородавка получаютъ въ аренду *волынскія* мыта, срокомъ съ перваго января 1566 года до перваго января 1570 года. При этомъ они повысили арендную плату до 2400 копъ грошей въ годъ однако съ условіемъ, если въ годы ихъ откупа не будетъ войны;

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLI, лл. 289 об.—291 об.; тоже Кн. Зап. Лит., XLIV, лл 78—80 об.

[2]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 108 об.

[3]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 99 об.—102 об.

въ противномъ случаѣ изъ арендной суммы должны быть отсчитаны убытки, которые можетъ принести военное время. Господарскій лѣсъ пропускается безмытно и всѣ безмытные листы должны быть за королевскою подписью. При заключеніи контракта арендаторы вносятъ впередъ 800 копъ грошей [1]).

Съ Пасхи 1566 года сдано въ аренду срокомъ на три года Давиду Шмерлевичу и Исааку Бородавкѣ мыто *полоцкое*. Арендная плата установлена въ 2000 копъ грошей въ томъ случаѣ, если война будетъ продолжаться; если война прекратится, то арендная плата повышается до 3000 копъ гр. Въ аренду идетъ мыто „звыклое" и „новоуставленное" со всѣми „мыты посторонними по замкахъ нашихъ пограничныхъ и по именьяхъ князскихъ, паньскихъ, духовныхъ и земянскихъ ку мыту коморы Полоцкое прислухаючими, гдѣ и передъ тымъ мыта стерегивали" [2]).

Съ 1566 года идетъ въ аренду какъ мыто старое, такъ и новое, установленное на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года. Арендные контракты заключаются сначала отдѣльно на новыя мыта, такъ какъ почти всѣ старыя были уже сданы на откупъ.

Первый арендный контрактъ на отдачу мыта новаго былъ заключенъ сейчасъ послѣ сейма съ перваго ноября 1566 года.

Въ качествѣ откупщиковъ явились такіе сильные люди, какъ староста жмудскій и администраторъ Ливоніи Янъ Іеронимовичъ Ходкевичъ и подканцлеръ панъ Остафій Воловичъ. Появленіе этихъ лицъ въ качествѣ откупщиковъ объясняется тѣмъ, что шляхта, представители которой дали на сеймѣ согласіе на сборъ новаго мыта, часто препятствовала однако его собиранію отъ купцовъ, проѣзжающихъ по частновладѣльческимъ имѣніямъ. Вотъ почему для взысканія пошлинъ понадобилось участіе самыхъ видныхъ людей того времени при томъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ военныя силы и капиталы. Впрочемъ Ходкевичъ и Воловичъ имѣли своими компаньонами уже извѣстныхъ намъ капиталистовъ Давида Шмерлевича и Исаака Бородавку.

Въ 1566 году новыя мыта были взяты Ходкевичемъ и Воловичемъ на откупъ на одинъ годъ (съ перваго ноября 1566 года) за сумму 52000 копъ грошей. Въ аренду Ходкевича и Воловича по-

---

[1]) Ibidem, л, 103—105 об.

[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII. лл. 7 об.

ступилъ сборъ новаго мыта съ товаровъ, которые будутъ провезены черезъ пограничную таможню, а также и мыта съ товара „залежалаго“. Сборъ пошлинъ съ этихъ товаровъ, повидимому, вызвалъ не мало затрудненій, на что указываютъ арендные контракты послѣдующаго времени. Однако и откупная сумма въ 52000 копъ грошей не дошла цѣликомъ въ казначейство. 18 февраля 1567 года король издалъ листъ на имя Воловича и Ходкевича, въ которомъ разъясняетъ слѣдующее. Въ теченіе второй половины 1566 года въ государствѣ „повѣтріе ся розмножило было“, особенно въ крупныхъ городахъ гдѣ находятся „головныя коморы“—Вильнѣ, Новгородкѣ, Луцкѣ: въ Ковнѣ же „для тое небезпечности жадные товары купецкие за границу, ани зъ заграничья провожоны быти не могли“; поэтому арендаторы просили о соотвѣтственномъ уменьшеніи арендной платы. Король сдѣлалъ распоряженіе о вычетѣ изъ откупной суммы такого количества, какое могло бы соотвѣтствовать средней доходности за прежніе доходы коморъ, за періодъ „повѣтрія“ [1]). Къ сожалѣнію, до насъ не дошли разсчеты, по которымъ можно было бы судить о размѣрахъ понесеннаго скарбомъ убытка.

7 іюня 1567 года король заключаетъ съ Ходкевичомъ и Воловичемъ, оффиціальнымъ компаньонамъ которыхъ уже является Мендель Исаковичъ (Д. Шмерлевичъ уже умеръ), новый контрактъ на аренду мыта стараго и новаго на одинъ годъ съ перваго ноября 1567 года по первое ноября 1568 года. Общая арендная сумма за всѣ мыта теперь исчислена всего въ 42000 копъ грошей. Такое уменьшеніе арендной платы было сдѣлано, вслѣдствіи представленія Ходкевича, на томъ основаніи, что пошлины „за залежалый“ товаръ уже взысканы, а съ остальнаго взыскать не легко, если онѣ еще не взысканы; сверхъ того скарбъ требовалъ довольно крупную сумму впередъ до начала аренды, между тѣмъ, по словамъ Ходкевича, трудно доставать деньги. Этими обстоятельствами контрактъ объясняетъ уменшеніе арендной платы. Дѣйствительно, скарбъ въ это время испытывалъ острую нужду въ деньгахъ, вслѣдствіе угрозъ со стороны наемныхъ ротъ, стоявшихъ въ Перновѣ; скарбъ давно не платилъ жалованья солдатамъ и они угрожали отказомъ отъ службы и захватомъ города. По условію новаго контракта, арендаторы вносятъ 2000 копъ грошей польской монетой въ день его заключенія, 29-го

---

[1]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, лл. 79—80.

іюня уплачиваютъ 3000 копъ гр. Перновскому гарнизону, перваго ноября вносятъ въ скарбъ 4000 копъ грошей и остальная сумма вносится въ два срока—29-го іюня и перваго ноября 1568 года. Изъ остальныхъ условій контракта надо прежде всего отмѣтить, что безмытные листы не имѣютъ силы въ теченіе всего контрактнаго срока. Отъ пошлинъ освобождаются московскіе купцы, если они пріѣдутъ вмѣстѣ съ послами; однако съ привезенныхъ ими товаровъ уплачивается таможенная пошлина тѣмъ, кто купитъ этотъ товаръ. Необходимо такъ же помнить, что полоцкая комора [1]) со всѣмъ ея округомъ еще въ 1566 году, сдана была въ аренду Бородавкѣ съ новыми и съ старыми мытами, почему этотъ районъ не былъ въ вѣдѣніи Ходкевича и Воловича. Далѣе контрактъ предоставляетъ мытникамъ сборъ мыта стараго и „нового", но не опредѣляетъ точно таможеннаго района: контрактъ говоритъ о сдачѣ „всѣхъ" мытъ, исключая Полоцкой коморы. Однако арендную сумму въ 42000 копъ грошей надо понимать исключительно какъ плату за новыя мыта, потому что таможенные округа старого мыта находятся особо въ арендѣ, и по истеченіи срока къ первому января 1568 года контракты эти возобновлены. Упоминаніе же въ контрактѣ 1568 года, какъ и въ контрактѣ слѣдующаго года, о старыхъ мытахъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что въ рукахъ компаньоновъ Ходкевича и Воловича находились почти всѣ откупа и стараго мыта. Слѣдовательно, фактически они собирали и то и другое.

9 января 1568 года, т. е. почти за десять мѣсяцевъ до окончанія срока аренды новаго мыта Мендель Исаковичъ уже одинъ, безъ другихъ компаніоновъ, заключаетъ новый контрактъ на аренду того же „новоподвышеннаго мыта", срокомъ съ перваго ноября 1568 года по первое ноября 1569 года. Арендная плата остается прежняя, т. е. 42000 копъ грошей. Комора Полоцкая по прежнему выдѣлена. Новый контрактъ объясняется крайне стѣсненнымъ положеніемъ скарба: „потребуючы въ скарбъ нашъ пильно пенези и суконъ и иныхъ товаровъ за тымъ вытягненіемъ особы нашое господарское сезде у войско, на выправу делъ подъ замки непріятельскіе, а звлаща на отправу посла и гонцовъ татарскихъ... и для иншихъ потребъ земскихъ". Исаковичъ поэтому даетъ до наступленія аренднаго срока 15000 копъ

[1]) Кн. Перен. Лит., X, лл. 1—8.

грошей частью товарами, частью деньгами, перваго ноября 1568 года вноситъ 6000 копъ гр., а остальные перваго ноября 1569 года [1]).

Съ перваго января 1568 года по первое января 1571 года тотъ же Мендель Исаковичъ въ компаніи съ Липманомъ Шмерлевичемъ получають въ аренду старое мыто на слѣдующихъ коморахъ: *Подляшскія,* со всѣмъ округомъ за 2200 копъ грошей въ годъ, *Новгородскую* за 530 копъ грошей въ годъ, *волынскія* коморы (въ Луцкѣ, Владимирѣ и Кіевѣ) за 1270 копъ грошей; мостовое мыто въ Мостахъ за 170 копъ грошей; сверхъ того на всѣхъ мытахъ арендаторы прибавляютъ въ годъ по 100 копъ грошей. Такимъ образомъ, всѣ эти коморы давали въ годъ 4270 копъ грошей [2]).

Однако Шмерлевичъ и Исаковичъ не додержали своей аренды. 7 декабря 1569 года волынскія мыта проданы уже коронною канцеляріею Иберфельду и Бородавкѣ на четыре года съ перваго января 1570 по 1574 годъ. Арендная плата опредѣлена въ 3200 копъ гр. въ годъ. Однако фактически коронный скарбъ долженъ былъ получить всего 2700 копъ грошей въ годъ, потому что остальныя 500 копъ должны быть отчислены за провозъ лѣса и хлѣба, принадлежащаго шляхтѣ [3]).

Въ 1568 году возобновлена аренда *Полоцкой* коморы на прежнихъ условіяхъ. Арендаторами явились Исаакъ Бородавка и Мендель Исаковичъ. Мыта сданы съ Пасхи 1568 года срокомъ на три года, до 1571 года. Арендная плата опредѣлена въ 2200 копъ грошей; если же война прекратится въ теченіи аренднаго срока, то плата повышается до 3300 копъ грошей [4]).

Тѣ же В. Иберфельдъ, М. Исаковичъ и Бородавка получаютъ съ перваго января 1571 по 1 января 1573 года въ аренду коморы *подляшскія, Минскую, Новгородскую, Виленскую* и *Динабургскую* за 2630 копъ грошей въ годъ; сверхъ того, имъ же отдано мостовое въ Мостахъ за 170 копъ грошей въ годъ. Въ Подляхіи имъ дается комора Берестейская съ восковничимъ и соляничимъ и коморы Каменецкая и Городенская; нѣкоторыя изъ второстепенныхъ подляшскихъ коморъ теперь уже отошли къ Коронѣ, а именно: Бѣльская, Саражская, Доро-

---

1) Ibidem, лл. 8—14.

2) Ibidem, л. 17.

3) Ibidem, лл. 32—34.

4) Ibidem, лл. 14 об.—16 об.

гицкая, Лосицкая, Венгровская и Техоновская: онѣ не входятъ въ районъ сдаваемыхъ подляшскихъ мытъ. Надо замѣтить, что, къ сожалѣнію, контрактъ весьма неясенъ (вѣроятно это черновой). Онъ указываетъ только сумму аренды съ подляшскихъ мытъ, но затѣмъ общій размѣръ арендной платы считаетъ въ 5000 копъ грошей. Вѣроятно, въ остальной суммѣ, т. е. въ 2200 копахъ грошей посчитаны остальныя коморы. Впрочемъ, фактически въ скарбъ должно было приходить всего 4400 копъ грошей, такъ какъ 600 копъ, по условію, должно быть отсчитано за шляхетскіе товары [1]).

Изъ арендпаго контракта, заключеннаго въ 1568 году королемъ съ тѣми же откупщиками, мы узнаемъ интересную судьбу ковенскаго мыта. Старое ковенское мыто было заложено г. Данцигу въ 44000 копахъ грошей. По всей вѣроятности, залогъ этотъ состоялся въ 1562 г., т. е. по окончаніи арендпаго контракта 1558 года. Мѣщане г. Данцига отдали эти мыта въ завѣдываніе Д. Шмерлевича, И. Бородавки и А. Длугача на такихъ условіяхъ: компаньоны собираютъ мыто, изъ котораго 4300 копъ гр. ежегодно уплачиваютъ въ счетъ долга Данцигу, а 1220 копъ грош. сдаютъ въ господарскій скарбъ. Теперь король, въ интересахъ скарба, поручаетъ отъ себя завѣдываніе ковенскимъ мытомъ своему секретарю В. Иберфельду и тѣмъ же И. Бородавкѣ и М. Исаковичу, срокомъ съ перваго января 1570-го года по 1573-й годъ. Условія остаются прежнія. За пропускъ товаровъ по безмытнымъ листамъ скарбъ дѣлаетъ вычеты изъ арендной суммы. Сборщики по прежнему обязаны платить установленное жалованіе монахамъ католическимъ и православнымъ, а также мѣстнымъ пушкарямъ [2]). Это собственно не аренда, а отдача въ завѣдываніе мыта, при чемъ Иберфельдъ является здѣсь, очевидно, въ качествѣ представителя скарба тогда, какъ остальные сборщики являются повѣренными Данцига.

Мыто, поднятое королемъ въ 1569 г., сдано въ іюнѣ 1570 г. Остафію Воловичу, подканцлеру, въ уплату ему скарбоваго долга, за 26000 копъ грошей [3]), а въ сентябрѣ того же года перезаложено имъ же бурмистру виленскому Францу Станиславовичу и райцѣ виленскому Собестіану Мисевичу [4]).

---

[1]) Ibidem, лл. 28 об.—31 об.

[2]) Ibidem, л. 26 об.

[3]) Ibidem, л. 34—36 об.

[4]) Ibidem, л. 39 об.

Теперь обратимся къ исторіи *Могилевскаго* мыта; управленіе его отличается нѣкоторыми особенностями, и прежде всего тѣмъ, что здѣсь искони сдавались въ аренду вмѣстѣ разные сборы какъ то: корчмы, воскобойня, вага и др. сборы; здѣсь же несомнѣнно собиралось и пограничное мыто: довольно трудно опредѣлить, какую сумму приносилъ каждый изъ сдававшихся здѣсь въ аренду сборовъ. Грамоты на отдачу разнаго вида мытъ въ Могилевѣ показываютъ, что мѣстная практика плохо различала внѣшнія таможенныя пошлины отъ торговыхъ.

Первое извѣстіе объ арендѣ сборовъ въ Могилевѣ относится къ 1518 г. Въ этомъ году Михель Езофовичъ получилъ въ аренду Могилевскія корчмы на два года по 260 копъ грошей въ годъ [1]). Вѣроятно, Михель перекупилъ въ данномъ случаѣ корчмы отъ получившаго нѣсколько ранѣе тѣ же сборы Богдана Орменчика [2]). Въ томъ же году Михель заключаетъ съ королемъ новый контрактъ на 3 года на аренду корчемъ ваги и воскобойни по $333^1/_3$ копъ гр. въ годъ [3]). Въ 1522 г. тотъ же мытникъ снова возобновляетъ аренду на 3 года: онъ получаетъ корчмы медовыя, пивныя, воскобойное, вѣсовое „и со всимъ тымъ, што ку тому вѣсовому прислухало“. Арендная плата та же, т. е. $333^1/_3$ копы грошей въ годъ [4]). Въ 1525 г. Михель возобновляетъ аренду на тотъ же срокъ и съ тою же арендною платой [5]). Въ 1528 году сборы въ Могилевѣ беретъ на откупъ уже компанія евреевъ съ Айзикомъ Езофовичемъ во главѣ; срокъ аренды 3 года, но плата всего по 250 копъ грошей въ годъ [6]). Въ 1531 г. могилевское мыто и корчмы шли въ 300 копахъ грошей [7]); въ той же суммѣ они были отданы на откупъ еще на 3 года [8]). Какъ извѣстно съ начала 30-хъ годовъ система откупа замѣнена была управленіемъ. Поэтому дальнѣйшія свѣдѣнія о могилевскомъ мытѣ относятся къ 1548 г. Въ этомъ году мыто и корчмы въ Могилевѣ получаетъ въ аренду воевода троцкій князь Янушъ Гольшанскій [9]).

---

[1]) Кн. Зап. Лит„ XI, л. 42.

[2]) Ibidem, л. 26.

[3]) Ibidem, л. 183 об.—184 об.

[4]) Бершадскій, I, р. 101.

[5]) Ibidem, р. 134.

[6]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., IV, л. 180.

[7]) Кн. Зап. Лит., XV, л. 167.

[8]) Бершадскій, I, р. 178.

[9]) Кн. Зап. Лит., XXXI, л.

Съ этого времени Могилевская комора становится уже центромъ пограничнаго таможеннаго округа. Въ 1555 г. берестейскіе евреи Еско Шломичъ и Аврамъ Длугачъ получили въ аренду мыто Могилевское „со всими мыты посторонними по замкамъ нашимъ пограничнымъ ку мыту коморы Могилевское прислухаючими“ а также важчее, воскобойню, восковничое, корчмы медовыя, пивныя и горѣлчаныя. Срокъ аренды 1556—1559 г.г. Арендная плата достигла очень большихъ размѣровъ: арендаторы платили въ годъ 1000 копъ грошей и сверхъ того давали на 40 копъ мѣхами [1]). Увеличеніе арендной платы объясняется тѣмъ, что въ составѣ могилевскаго мыта появляются новыя доходныя статьи. Судьба Могилевской коморы и корчемъ въ теченіе всего послѣдующаго десятилѣтія неизвѣстна. Судя по одной замѣткѣ оно въ 1568 г. шло на арендѣ [2]). Вѣроятно, первые годы Ливонской войны были неблагопріятны для таможенныхъ и корчемныхъ сборовъ на восточной окраинѣ. Намъ извѣстенъ только контрактъ 1571 г. изъ котораго видно что передъ этимъ годомъ могилевское мыто шло въ 1150 копъ грошей—во время войны; если же былъ бы заключенъ съ московскимъ царемъ миръ, то размѣръ арендной платы повышался до 1500 копъ грошей. Въ это время объемъ арендныхъ сборовъ въ Могилевѣ еще болѣе расширился. Въ составъ его входили: мыто скопное въ Могилевѣ, мыто пограничное на коморѣ Могилевской, въ Оршѣ и другихъ сосѣднихъ прикоморкахъ, корчмы, важчее, воскобойни, восковничое и поборъ малый. Въ этомъ объемѣ и за ту же арендную плату сборы въ Могилевѣ сданы и на 1572—1575 г.г. [3]).

Доходы отъ соляничого и восковничого.

Теперь обратимся къ доходамъ съ соляныхъ и восковыхъ коморъ за тотъ краткій періодъ ихъ существованія, когда онѣ управлялись отдѣльно отъ мытъ. Свѣдѣнія наши въ данномъ случаѣ далеко не полны.

Начнемъ съ *Полоцкой* коморы.

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXV, л. 236—238.
[2]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 187.
[3]) Кн. Переп. Лит., X, л. 41 об.

Первый отчетъ сборщиковъ намъ извѣстенъ отъ 10 индикта; срокъ, обнимаемый отчетомъ—съ 6 декабря по 22 іюля, т. е. за $8^1/_2$ мѣсяцевъ; за какой годъ данъ отчетъ—не ясно,—вѣроятно за 9—10 индикты, 1506—1507 гг. Второй отчетъ сданъ 12 индикта за 2 полные года, слѣдовательно за 10—12 индикты (1507—1509 г.г.). Въ общемъ за всѣ три отчетные годы доходъ коморы выразился въ слѣд. цыфрахъ [1].

Время.	Привезено:	
	воску	соли
Первые $8^1/_2$ мѣсяц.	—	—
Годъ 10—11 инд.	14411 камней	19374 мѣха.
Годъ 11—12 инд.	4812 „	10850 „
Итого . . .	19223 „	30224 „

Время.	Взято пошлинъ:		
	отъ воска	отъ соли	всего.
Первые $8^1/_2$ мѣсяц.	— копъ — гр.	— копъ — гр.	1089 копъ 15 гр.
Годъ 10—11 инд.	1441 „ 6 „	1291 „ 40 „	2732 „ 46 „
Годъ 11—12 инд.	481 „ 12 „	723 „ 20 „	1204 „ 32 „
Итого . . .	1922 „ 18 „	2015 „ — „	3937 „ 18 „

Ковенская комора.

По этой коморѣ имѣются отчеты за слѣдующіе 3 періода: съ 12 іюля 1507 г. по 25 декабря 1508 г., т. е. почти за $17^1/_2$ мѣсяцевъ [2]), за полные годы индикта 6, 7, 8, 9 и за 3 мѣсяца индикта 10 (1518—1522 г.г.) (вмѣстѣ съ другими мытами, но доходъ отъ соли показанъ отдѣльно) [3]), за два года съ 1 февраля индикта 14 по 1-е февраля индикта 1 (1526—1528 г.г.) [4]). За эти три періода получено.

	Пропущено:		Взято мыта:		
Время	воску	соли	отъ воска	отъ соли	всего.
12 іюля 1507 г. —25 декабря 1508 г. . .	—	—			отъ соли 7000 копъ гр.

¹) Акты Лит.-р. гос., I, p. 121 и 140.
²) Ibidem, p. 140.
³) Ibidem, p. 177—179
⁴) Бершадскій, I, 160.

6 индикта за 13 мѣсяцевъ .	2623 камня	—		654 копы гр.
7 индикта . .	1424 "	6120 лаштовъ и	7 боч.	
8 индикта . .	500 "	1721 "	7 "	
10 индикта .	2062 "	3658 "	15 "[1]	
Въ Тehановцахъ и Тыкотинѣ сверхъ того взято: въ 9 индикт. . .	— "	954 "	22 "	—

(всего: 9301 копа 12 грошей)

За періодъ 6—10 инд. пропущено безмытно 2401 камень и 10 восковъ на сумму 240 копъ $7^1/_2$ грошей.

(всего: 10195 копъ 19 $^1/_2$ грошей)

За 14—15 инд. . . . . . . 6808 к. $49^1/_2$ гр.

Подляшскія коморы.

Свѣдѣнія объ этихъ коморахъ весьма не полны: о Берестейской только за два года 1507—1508 г. [2]), приблизительно за тотъ же періодъ по Городенской и за одинъ годъ по Дорогицкой [3]).

	Взято мыта:		
	отъ воска:	отъ соли:	всего.
Берестейская:			
За 2 года отъ Громн. 10 инд. до 12 инд. . .	1012 копъ 15 гр.	500 копъ 19 гр.	1512 копъ 34 гр.
Городенская:			
отъ 28 ноября 10 инд. по 12 января 12 инд.	177 " — "	— " — "	177 " — "
Дорогицкая:			
За 1 г. инд. 10.	35 " — "	— " — "	35 " — "

Волынскія коморы.

Свѣдѣнія о нихъ болѣе полны: по обѣимъ коморамъ имѣются свѣдѣнія за 10—12 инд. (1507—1509) [4]), за 7—10 индикты (1517—1521 г.г.) [5]), и аренда за 1521—1524 г.г. [6]).

---

[1]) За три мѣсяца.

[2]) А. Ю.-З. Р., II, р. 121 и Бершадскій, I, р. 80.

[3]) А. Ю.-З. Р., II, р. 122.

[4]) А. Ю.-З. Р., II, р. 122.

[5]) Акты Лит.-р. гос., I, р. 171—174.

[6]) Бершадскій, I, р. 99.

	Взято мыта:					
Луцкая:	отъ воску		отъ соли		всего.	
1) Отъ 2 ноября 10 инд. по 12 января 12 инд. . . .	528 копъ	21 гр.	309 копъ	46 гр.	838 копъ	7 гр.
2) За годъ отъ 7 субб. инд. 7	— „	— „	— „	— „	206 „	43 „
3) За второй годъ . . .	— „	— „	— „	— „	210 „	17 „
4) За третій годъ 9 инд. — неполный . .	46 „	33 „	— „	— „	— „	— „
Владимірская:						
1)	25 „	36 „	141 „	45 „	167 „	21 „
2)	10 „	58 „	62 „	29 „	73 „	27 „
3)	7 „	— „	38 „	42 „	45 „	42 „
4)	— „	— „	— „	— „	— „	— „
Сверхъ того на обѣихъ коморахъ пропущено безмытнаго воску за 7—10 индикты на .	150 „	— „	— „	— „	— „	— „
Обѣ коморы въ арендѣ 1521—1524 гг. по .	— „	— „	— „	— „	300 к. гр. въ годъ.	

По *Смоленской* коморѣ имѣется одно показаніе за періодъ въ 20 мѣсяцевъ съ 15 янв. 1507 г. по 8 сент. 1508 г. Доходъ отъ воска выразился за это время въ суммѣ 1386 копъ и 10 грошей [1]).

Виленская комора приносила большой доходъ, но свѣдѣнія о ней весьма отрывочны; имѣется отчетъ за 6 —9индикты при управленіи Гануса Судормана (1518—1522 гг.). Въ первый изъ этихъ годовъ прошло черезъ комору воску 20,004½ камня, во второй—14281½ камня, въ третій — 15180 камней, въ четвертый—15481 камень, т. е. всего

[1]) Акты Лит.-р. гос., I, p. 138. Что это Смоленская комора, видно изъ списка расходовъ.

65387 камней; доходъ въ эти четыре года послѣдовательно составлялъ: 2000 копъ 27 гр., 1464 копы 49 гр., 1518 копъ, 1546 копъ 6 гр.,— всего 6538 копъ 42 гр. [1]). Доходъ отъ восковничого виленскаго за послѣдующее время неизвѣстенъ до 1566 г. Съ 1 янв. этого года оно было отдано въ завѣдываніе скарбному Ивану Зарѣцкому на 5 лѣтъ. Онъ долженъ былъ выплачивать себѣ изъ доходовъ восковничого по 2000 копъ грошей ежегодно [2]). Но эта арендная сумма несомнѣнно была исключительно высокой: собрать 2000 копъ въ годъ съ восковничого виленскаго могъ разсчитывать только такой опытный дѣлецъ и самъ крупный купецъ, какъ Ив. Зарѣцкій. Дѣйствительно, за десятилѣтіе 1573—1582 гг. доходъ отъ восковничого только разъ подымался до 1700 копъ гр. въ годъ, а въ остальные годы былъ значительно ниже. Мы приведемъ данныя за названное десятилѣтіе. Тогда восковничее виленское приносило въ годъ [3]):

въ	1573	году	1480	копъ	$14^3/_4$	гр.
„	1574	„	1714	„	59,4	„
„	1575	„	1675	„	1,7	„
„	1576	„	1559	„	19,5	„
„	1577	„	1309	„	38,5	„
„	1578	„	1448	„	56,5	„
„	1579	„	1213	„	10,9	„
„	1580	„	1087	„	—	„
„	1581	„	1189	„	45	„
„	1582	„	1062	„	56,5	„

Неодинаковыя суммы копъ и грошей показываютъ, что восковничее находилось въ завѣдываніи, а не въ арендѣ. Интересно, что въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія доходъ отъ восковничого, въ среднемъ, оставался довольно устойчивымъ—около полуторы тысячи (вспомнимъ данныя двадцатыхъ годовъ). Къ 80 годамъ замѣчается паденіе доходности, и это уже не случайное явленіе: въ началѣ XVII в. (1605—1606 гг.) оно давало всего 800 копъ гр. въ годъ [4]), что свидѣтельствуетъ о паденіи торговли воскомъ.

---

[1]) Ibidem, p. 178.

[2]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LIII, л. 1—2.

[3]) Архивъ Варш. Каз. Пал., отд. 54, кн. 14/В.

[4]) Имп. Пуб. Библ., Пол. F., IV, 110, л. 7 об., 8.

Для полноты данныхъ намъ остается напомнить о доходахъ съ Пинскаго и Берестейскаго соляного склада и соляничого городенскаго. Пинскій складъ давалъ въ 1561—1563 гг. 600 копъ гр. аренды въ годъ, а съ 1563 г.—500 копъ гр.; отъ Берестейскаго склада казна ничего не собрала; соляничее городенское въ 1565—7 гг. давало по 100 копъ гр., а въ 1568—71 гг.—по 130 копъ гр.

Нѣкоторыя данныя къ исторіи тарифа.

1 [1]).

Ustawa po czemu od czego myta na komorze a komozze (sic) Kowień-skiey biorą.

Od lasztu soli	gr.	45
Od kamienia vosku	gr.	6
Od wolnego wosku kamienia iednego	gr.	1
Od łasztu popiołu	gr.	8
Od kamienia pieprzu	gr.	6
Od postawu sukna lunskiego y purpuryanu	gr.	12
Od postawu sukna koltryszowego zerynku (?) y meszynskiego	gr.	6
Od postawu sukna Ostrodomskiego	gr.	9
Od postawu sukna Jarosławskiego	gr.	3
Od postawu sukna Samborskiego	gr.	2
Od szescidziesiąth łokci sukna prostego litewskiego	gr.	1
Od polsztuczki sztamietu	gr.	6
Od łokcia aksamitu	gr.	1
Od beczki piwa gdanskiego	gr.	1
Od beczki sledzi	gr.	1
Od beczki gorzałki	gr.	1
Od kamienia chmielu	gr.	13
Od zachciku przendze	den.	2

[1]) См. стр. 507 примѣч.

Od skury wołowey y iałowiczey	den.	1
Od skury kozłowey barani y cimcowey	den.	½
Od kamienia łoiu	den.	3
Od beczki dziehciu	den.	1
Od beczki ryb słonych	gr.	1
Od sta wanczosu abo klepek	gr.	8
Od beczki żyta	gr.	1
Od kamienia loiu	den.	3
Od fasy wina	gr.	10
Od funta szafranu	gr.	2
Od beczki octu	gr.	1
Od wołu, ktorego za granice pędzą	gr.	12
Od ialowice ktorą za granice pędzą	gr.	8
Od beczki mięsa słonego	gr.	3

Insze wszystkie rzeczy kramne. iedwabne kosmate. korzenie y cokolwie na myto bywa przywieziono, thedy szacuią mytnicy slusznie a pobożnie. a na wiele kop ktory thowar oszacuią, thedy then ktorego iest thowar, placić powinien od kożdej kopy mytha po gr. 1.

(Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 48).

2 [1]).

Тарифъ стараго мыта, утвержденный въ 1569 г.

Этотъ тарифъ находится въ Кн. Переп. Лит. X, лл. 37—39 об. Устава написана по-польски. Передъ уставой находится слѣд. „росказанье“ короля: Желая, чтобы во взиманiи мытъ господарскихъ на коморахъ и прикоморкахъ не было притѣсненiй купеческому люду, чтобы съ купцовъ не брали больше, чѣмъ полагается по уставѣ, король приказалъ выдать настоящую уставу стараго господарскаго мыта,—„мыта стараго звыклого“, съ опредѣленiемъ, какъ и поскольку должно взимать отъ всякихъ товаровъ. Устава дается на Подляшскую комору и подъ коронною печатью. При взиманiи мыта соблюдается слѣд. общее правило: отъ тѣхъ товаровъ, которые разцѣниваются на копы, взимается отъ поляка, москвитина, турка и др. чужеземцевъ

[1]) Ср. стр. 507, примѣч.

отъ копы литовской по 2 гроша лит., а отъ подданныхъ господарскихъ вел. кн. Литовскаго, равно какъ и отъ Волынянъ и Подляшанъ взимается по половинѣ „цѣлаго“ мыта, т. е. по одному грошу отъ копы

Далѣе, приводится списокъ товаровъ съ показаніемъ *цѣлаго* мыта.

Взимается мыто.

Московскіе товары:

	Грошей	Пенязей
Отъ тысячи московской попелицы	50	—
т. е. отъ каждого сорока	2	—
Отъ попелицы обыкновенной могилевской и отъ др. отъ тысячи	24	—
Отъ юхти	1	—
„ сотни тимцовъ	12	—
„ сорока кунъ	20	—
„ „ горностаевъ	3	—
„ „ норекъ	6	—
„ выдры	—	8
„ медвѣжьяго мѣха	1	—
„ боброваго . . . . . , . .	2	—
„ волчьяго	1	—
„ сорока бѣлыхъ песцовъ	20	—
„ черной собаки	1	—
„ фунта рыбьяго зуба	1	—
„ сорока соболей цѣною ниже 30 копъ взимается мыто „по стародавнему обычаю“ по 1 зол. черленому.	—	—
Болѣе дорогой соболь идетъ по оцѣнкѣ съ копы по 2 гроша	—	—
Отъ собольей шубы	30	—
„ шубы „пупковой“ собольей	6	—
„ „ „ковнеровъ“ (очевидно собольихъ) . .	15	—
„ „ куньей	24	—
„ „ лисьей	12	—
„ „ песцовой	20	—
„ „ кроличьей	1	—
„ „ бѣлинной	2	—
„ „ лисьей „носковой“	4	—

Товаръ турецкій:

	Грошей	Пе-нязей
Отъ кисяка китайки „бробихи“	10	—
„ камки шамской	10	—
„ камня миндалю	2	—
„ „ рису	2	—
„ „ ладану	4	—
„ фунта лазури	1	—
„ „ лаку	1	—
„ сафіану	1	—
„ камня хлопка	3	—
„ рыся	2	—
„ росомахи	1 грошъ польскій	
„ лисы мурмарки	2	—
„ камня перцу	20	—
„ „ тмину	3	—
„ фунта шафрану турецкаго	2	—
„ „ „ муравскаго	5	—
„ „ цинамону	$1^1/_2$	—
„ „ гвоздики	1	—
„ „ мускату	1	—
„ „ kilcibobu (?)	1	—
„ „ краски, клею	1	—
„ камня ящеричныхъ головокъ	80	—
„ ковра	6	—
„ чамлета	4	—
„ мухояра	3	—
„ 100 локтей фарраруу	40	—
„ кисяка китайки турецкой величиной въ 100 локтей.	40	—
„ литра шелку бурскаго	3	—
„ „ царьградскаго	2	—
„ канюхи (кобчика?)	6	—
„ байберка (bajorka—золотистая нитка?) . . .	2	—
„ киндяка	1	—
„ куфтери	10	—

Товаръ нѣмецкій:

	Грошей	Пенязей
Отъ локтя парчи	4	—
„ „ альтабасу	4	—
„ „ аксамиту ритованнаго	2	—
„ „ атласа разнаго цвѣта взимается по цѣнѣ аксамита гладкаго	—	—
„ „ адамашку хорошаго	1	—
„ „ „ худшаго	—	8
„ постава сукна лунскаго	24	—
„ „ „ колтришу	12	—
„ „ „ риского	10	—
„ локтя атласа кармысону	$1^1/_2$	—
„ постава сукна чешского	6	—
„ „ „ цвикауского	8	—
„ „ „ быковского	4	—
„ „ „ шамбарскаго	4	—
„ „ „ натрадамскаго	12	—
„ „ „ махальскаго	18	—
„ „ „ штамету	24	—
„ 60 локтей пурпурьяну	50	—
„ поставца полотна коленского	4	—
„ „ трубами (?)	12	—
„ постава гарасу	10	—
„ 100 локтей polodlasia	20	—
„ постава cwilihu	2	—
„ 1000 ножей	24	—
„ воза желѣза	—	15
„ „ гарцевъ	5	—
„ „ стекла	6	—

Литовскіе товары:

Отъ 100 кожъ яловичныхъ	24	—
„ 1000 локтей полотна	16	—
„ 1000 „ сукна мѣстнаго	40	—
„ 5 сермягъ	2	—
„ 4 кожуховъ бараньихъ	2	—
„ 3 опорковъ	2	—

	Грошей	Пенязей
Отъ кобеняка червонаго	2	—
„ „ бѣлаго	1	—
„ вола	4	—
„ яловицы	3	—
„ телеги соли, привозимой изъ-за границы купцами, .	7	—
а при покупкѣ мѣщаниномъ у купца возъ въ двѣ лошади оплачивается еще	40	—
а возъ въ одну лошадь въ	20	—
При этомъ „одвѣски“ на писаря (отъ вѣса или отъ обѣстки?)	$1^1/_2$	—
Отъ воза соли ледоватой въ одну лошадь	6	—
„ камня воску	6	—
„Однако восковничее и соляничее за мыто не должно считаться, но на obiedwie rynczy соленичее и восковничее должно быть взимаемо“	—	—
Отъ камня лою шмальцованого	—	4
„ „ „ суроваго	—	2
„ лашту пепелу какъ отъ панскаго такъ и отъ купеческаго	8	7
„ 100 ванчосу какъ отъ панскаго, такъ и отъ купеческаго	8	7
„ 100 клепокъ—какъ панскихъ, такъ и купеческихъ	8	7
„ лашту смолы	7	7
„ 100 клепокъ какъ панскихъ такъ и купеческихъ .	8	7
„ комяги жита	180	—
„ шкута жита	360	—
„ „ пшеницы	360	—
„ „ ячменя	360	—
„ „ гороху	360	—
„ „ овса	360	—

3.

Листъ королевы Боны старостѣ пинскому и клецкому п. Ивану Михайловичу.

Бона, божью милостью королевая польская великая княгини литовская, руская, пруская, жомойтская, мазовецкая и иныхъ.

Старосте нашему пиньскому и кобринскому, клецкому, городецкому и рогачовскому пану Ивану Михайловичу. Били намъ чоломъ

мещане Луцкие все посполитство о томъ, ижъ которое мыто головное король его милость панъ а малжонокъ нашъ ласкавый далъ и допустилъ намъ къ нашому пожитку уставити и выбирати въ замку нашомъ Городку подлугъ обычая иншихъ его милости мытъ головныхъ со всихъ купцовъ такъ его милосты панства, якъ тежъ и чужоземцовъ, которыи бы черезъ тотъ замокъ нашъ Городокъ, або черезъ поветъ Городецкий сухимъ и воденымъ путемъ с товары своими шли, ошацовавшы товаръ отъ каждые копы по 2 грошы, а отъ соли, которая бы соль, альбо комяги, альбо тежъ возы проважена была, отъ кождое телиги, колько ихъ въ которой комязе, албо возе, альбо в иншомъ которомъ сене будеть зложено, по 20 грошей, якожъ привилей его милости на то намъ отъ его милости даный ширей того описуеть. Ино они в своемъ мѣсте Луцку мыто головное дають, надъ которое если бы дей они тамъ у Городку такежъ головное мыто подавати мели, тогды дей то з обтяжливости ихъ было. Где жъ ачъколвекъ у томъ привильи, на то намъ даномъ, нихто с нихъ вызволенъ не естъ, хто бы и намъ того мыта головного в томъ замку нашомъ давати повиненъ не былъ, а ведже мы, маючи в томъ к нимъ ласковый узглядъ нашъ, дали и положили есьмо тую речъ ихъ на воли короля его милости. Ино его милость в томъ такъ ся видело: ижъ кгды они в месте своемъ Луцку отъ товаровъ своихъ и отъ соли мыто головное дають, тогды бы с трудностию было имъ тамъ у Городку другое таковое жъ головное мыто давати; в чомъ же, кгды ся его милости пану а малжонку нашому такъ видело, приказуемъ тобе, ажъ бы еси черезъ то отъ нихъ всихъ мещанъ Луцкихъ в томъ замку нашомъ Городку и в повете Городецкомъ, на сухомъ и на воденомъ пути, головного мыта такежъ и солейничого того, которое бы они мыто и солейничое въ Луцку заплатили и на то квитъ мытниковъ луцкихъ к нашимъ мытникомъ принесли, не бралъ и мытникомъ нашимъ того брати не сказали, нижли бралъ бы твоя милость съ нихъ отъ товаровъ ихъ и отъ соли мыто старое, которое тамъ у Городку зстародавна передъ тымъ было и теперъ есть, отъ которого жъ есмо мыта старого и на тотъ часъ ихъ ничимъ не вызволили. Писанъ у Кракове, подъ лето бож. нарож. 1532, мѣсяца ок. 3 день, индиктъ 6.—Валериянъ писаръ.

(Кн. Зап. Лит. XVIII лл. 38 об.—39).

4.

Листъ кор. Сигизмунда I подскарбію земскому п. Ив. Горностаю о мытѣ въ Ковнѣ.

Жикгимонтъ божю милостью король.

Подскарбему земскому маршалку и писарю нашому державцы слонимскому и дорсунишскому пану Ивану Горностаю. Присылали до насъ войтъ и бурмистри и рядцы и вси мещане места нашого Ковеньского чоломъ бьючи о томъ, што есмо установили были мыто въ тамошнемъ панстве нашомъ великомъ князьствѣ Литовскомъ новое, почему бы мели купцы отъ кожъ, и отъ юфтей, отъ тымцовъ, отъ быдла, отъ пражи, отъ лою и отъ иншихъ речей купецкихъ, хто бы таковыми куплями торговати мелъ, мыта намъ платити. Ино дей з божего допущенья того году прошлого поветрие тамъ стояло, тогды дей многии въ томъ месте нашомъ Ковеньскомъ вымерли и немалый дей впадъ тое место нашо приняло, для чого жъ дей не мають они того мыта намъ платити, о чомъ же и панове рада наша ихъ милость великого князьства Литовского за ними къ намъ писали, абыхмо въ томъ мыте новомъ ласку нашу имъ вчинили. А къ тому тежъ тыи жъ мещане Ковенськии били намъ чоломъ, што жъ которыи роботы по пущамъ нашимъ, и князьскимъ и панькимъ они мають, которыи жъ пущи князскии и паньскии з нашими пущами господарскими зровняли и казали имъ ровно мыто со всихъ пущъ платити отъ ста дерева по петнадцати грошей, а отъ ваньчосу по пятнадцати грошей, а отъ застыка по пятнадцати копъ грошей, а отъ лашту по пятнадцати грошей. Ино дей въ томъ мыте такежъ тяжкостъ ся имъ деетъ, бо дей передъ тымъ зъ пущъ князкихъ и паньскихъ меньшое мыто отъ нихъ было бирано, абыхъмо и въ томъ имъ полегъку вчинили. Ино што ся дотычеть того мыта нового, которое были есмо отъ кожъ, отъ юфтей, и отъ иншихъ купецкихъ речей на нихъ установили, мы для таковоґо впаду ихъ, который тое место нашо з божего допущенья у поветре приняло, ласку нашу въ томъ имъ вчинили,—тое мыто новое отъ кожъ, и отъ юфтей, отъ тимцовъ и отъ иншихъ купецкихъ речей имъ есмо отпустили до нашого, ажъ дасть Богъ щастного приеханья къ паньству нашому великому князству Литовскому, и ты бы вжо того мыта нового з нихъ брати не велелъ. А што се тежъ дотычеть того мыта, которое есмо

яко з нашихъ пущъ господарскихъ такъ и з князкихъ и паньскихъ отъ роботъ ихъ ровно были положили отъ ста дерева по пятнадцати грошей, а отъ ваньчосу по пятнадцати грошей, а отъ застыку по пятнадцати копъ грошей, а отъ лашту попелу по пятнадцати грошей, ино мы для чоломъбитья ихъ въ томъ имъ полегъку вчинили: тое мыто, якъ з нашихъ пущъ господарскихъ такъ, и князкихъ и паньскихъ зровнали, и покладаемъ на нихъ отъ тыхъ роботъ мыта отъ ста дерева по осми грошей, отъ ваньчосу по осми грошей, отъ застыка по осми копъ грошей, отъ лашту пепелу по осми грошей; а по семи грошей отъ того мыта, яко з нашихъ пущъ такъ и князкихъ и паньскихъ имъ есмо отпустили. И ты бы вжо оное мыто съ пущъ нашихъ, и князскихъ и паньскихъ ровно на нихъ казалъ брати подле теперешнее уставы нашое конечно. Писанъ у Кракове, под лет. бож. нарож. 1532, мѣсяца сен. 24, индиктъ шостый. Михайло писаръ.

(Кн. Зап. Лит. XVII, лл. 242 об.—243 об.).

5.

Листъ кор. Сигизмунда I о платежѣ мыта мѣщанами Витебскими.

Жикгимонтъ Августъ, Божю милостью король полский великий князь литовский, прусский, жомойтский, мазовецкий и иныхъ.

Мытнику нашому полоцкому и витебскому Феликсу и инымъ мытникомъ полоцкимъ, хто и на потомъ мыто коморы Полоцкое у Витебску отъ насъ заведати будетъ. Приездили до насъ войтъ, бурмистры, радцы и вси подданные наши мещане места Витебского, обтежливе жалуючи о томъ, ижъ што перво сего маючи справу отъ тебе, же они за границу с паньства нашого великого князьства Литовского дороги с товари своими ездять, тобе, яко мытнику нашому, не оповедавшися и мыта не платячи, писати есьмо казали до нихъ листъ нашъ, абы мыто платили, а где бы платити не хотели, велели есьмо всякие товари ихъ, которими бы дороги або где инде ездили, дьяку нашому Лукашу Гарабурде списати, а имъ права и вольности передъ нами положити, естли бы отъ даванья мыта вызволены были. То пакъ деи ты не только ихъ переписываешъ, але и мыто в нихъ берешь и слуги твои мыто берутъ, меначи меть на то отъ тебе порученье, где они покладали передъ нами копию листу дяди нашого

славное памяти великого князя Казимира королевича, который деи листъ в нихъ с церкви вкраденъ, и тежъ листы дяди нашого Александра и отца нашого Жикгимонта, королей и великихъ князей ихъ милости, на которихъ то меновите описано и доложено естъ, ижъ ихъ милость мыта имъ отпустили по всей отчизне великомъ князьстве Литовскомъ, што и мы привильемъ нашимъ имъ подтвердили. Якожъ перво сего за жалобою ихъ воевода новгородский, маршалокъ дворный подскарбий земский, староста слонимский небожчикъ Иванъ Горностай очевисто тебе с ними смотрелъ, ижъ з волею а ведомостью нашою господарскою зоставуючи ихъ водле привильевъ и листовъ предковъ нашихъ ихъ милости, такъ межи вами всказалъ, ижъ вжо ты а ни справцы твои никоторого мыта з жадныхъ ихъ товаровъ а ни с попеловъ, которие бы зъ заграничья купованы въ князьскихъ паньскихъ пущахъ, а ни вашихъ брати з нихъ не мелъ, только отъ воску и соли, яко жъ и листъ судовый пана воеводы новгородского при тыхъ правахъ и вольностяхъ своихъ перед нами они покладали, бьючи намъ чоломъ, абыхмо ихъ по давному обычаю в томъ заховали и кривды в бранью мыта делати и товаровъ ихъ списывати не велели. Ино ачъкольвекъ в тыхъ листахъ продковъ нашихъ ихъ милости того не описано, абы они за границу до Риги с товари своими добровольно ходити мели, одно в нашомъ паньстве великомъ князьстве Литовскомъ, а ижъ тежъ мытъ нигде не берутъ, только у вотчизне нашой, про то мы з ласки нашое господарское за ихъ верною к намъ службою, которую намъ, господарю, чинять и яко замокъ тамошний нижний робять, такъ и гору сыплють, перекопъ копають и сторожу замковую держать и на войну часу потребы посполъ з бояры, шляхтою ездеть и иные повинности выполняють, зоставили ихъ при тыхъ листехъ: даемъ вольность имъ отъ плаченья мыта отъ всихъ товаровъ ихъ, которие бы за границу спущали, и яко перво сего вырокъ нашъ черезъ пана новгородского вчинили есмо и на листе его естъ описанъ, такъ и на сесь часъ тобе, Филиксе, и напотомъ будучимъ мытникомъ тамошнимъ приказуемъ, ажъ бы есте от жадныхъ иныхъ товаровъ ихъ, ани отъ попеловъ, которие не в нашихъ лесехъ будуть выробены, черезъ то никоторого мыта сухимъ путемъ и водою, а ни обестки в нихъ не брали и слугамъ своимъ брати и таковыхъ товаровъ ихъ списывати заказали и трудности имъ о мыто никоторое не чинили, але во всемъ заховали бы ся есте къ нимъ водле листовъ привильныхъ продковъ нашихъ и водле сего теперешнего росказанья

и листу нашого господарского, нижли што ся дотычеть мыта воскового и соляного, то они водле обычаю стародавного давати повинни, лечъ естли бы они в своихъ властныхъ лесехъ попелы собе робили, або зъ заграничья в чужоземцовъ куповали, вы бы доброволно то имъ пропущали, жадного мыта не беручи; а в князьскихъ и паньскихъ пущахъ естли бы наймуючи собе попелы палили, тогды присягу вделати маютъ, же то робили и куповали в князьскихъ и паньскихъ лесехъ, а не в нашихъ господарскихъ. А хто бы в нашихъ пущахъ попелы робилъ, от таковыхъ вжо повиненъ будеть мыто на насъ платити потому, яко в иншихъ местехъ нашихъ платять, кгды жъ безъ воли и ведомости нашое господарское нихто товаровъ лесныхъ в пущахъ нашихъ даремне робити не маеть. И веджо тыи только мещане Витебские вольности отъ плаченья мыта вживати мають, которие и вси повинности помененые з мещаны посполъ выполняють, а которие тыхъ повинностей на собе не носять, тые тежъ и вольности на листахъ продковъ нашихъ и на семъ теперешнемъ листе нашомъ описаное не мають вживати. А отъ которихъ товаровъ ихъ будешъ ли ты, Филиксе, самъ або слуги твои на мыто вставленые мыто в нихъ брали, абы еси то все перед тымъ дьякомъ нашимъ Лукашомъ Гарабурдою, которому есьмо товари ихъ списывати были велели, в целости поворочалъ и заплатилъ и за все то имъ досыть вчинилъ конечно, же бы они черезъ то з жалобами о то к намъ не приходили. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1559 мѣсяца сент. 20 дня.—Подпись руки господарское.—Остафей, маршалокъ, писаръ.

(Кн. Зап. Лит. XLI лл. 74—75).

6.

Универсалъ о новомъ мытѣ и акцизѣ 1561 г.

Воеводе подляшскому старосте менскому, державцы... Ознаймуемъ твоей милости, ижъ тыхъ часовъ, чинячи намовы с паны радами нашими ихъ милостью духовными и светскими коло обороны земское и уваживши же многие обыватели паньствъ нашихъ и прибылые люди не малые пожитки с паньства выносять а выхованье и выживенье мають, в томъ отчизномъ паньстве нашомъ великомъ князьстве Литовскомъ перемешкиваючи, а ничимъ до службы земское не прикладуются, которые кгды бы водлугъ повинности своее и статуту правъ

земскихъ служити речи посполитой обернены, мусели бы купецкие люди гандлевъ, а иншие зъ становъ меншихъ домы и маетности свои позоставити на тотъ часъ и выживенья а обештья своего нехати, а кгды жъ за обороною нашою господарскою речи посполитое войски нашими народу шляхетского убезпечоны, каждый в томъ вольность уживаеть водлугъ своего поволанья, про то видело ся намъ и паномъ радамъ нашимъ на туую теперешнюю потребу речи посполитое и ку обороне земли Ифлянское, поколя война стоитъ, на всихъ таковыхъ, которие не повинни войны служити, певный платъ уставити в местехъ и при коморахъ мытныхъ нашихъ господарскихъ, то естъ от речей, што за границу провадятъ: от каменя воску 12 грошей, от каменя лою $2^1/_2$ грошей, от скури воловое 3 гроши, от скури яловичое 2 гроши, отъ скури козловое 15 пенязей, а отъ иншихъ дробныхъ по 8 пенязей, отъ юхти 3 гроши, от тимца 1 грошъ, от скуръ звериныхъ водле того, яко будеть ошацовано, маеть быти плачено от кождое копы десятый грошъ, то естъ от скури лосьи и медвежое, зубриное, оленьи, серниное и иныхъ всякихъ и звериныхъ скуръ. А от каменя конопель 2 гроши, от каменя льна 3 гроши, от захцыка прадива 5 пенязей, от каменя хмелю 2 гроши, от солянки жита 2 гроши, от солянки пшеницы 3 гроши, отъ солянки ечменю 15 пенязей, от солянки овса 2 пенязи, от солянки гороху 2 гроши, от солянки крупъ 2 гроши, от солянки пшона 3 гроши, от солянки гречихи 1 грошъ, от вола 12 грошей, от яловицы 10 грошей, от вепра 6 грошей от быдляти малого 3 гроши, от каплуна 2 пенязи, от курицы 1 пенязь, от гуси 2 пенязи, от бочки мяса 12 грошей, от полтя вепрового мяса 3 гроши, отъ бочки меду пресного 24 гроши, от бочки меду кислого 12 грошей, от локтя простого сукна 2 пенязи, от локтя полотна всякого 2 пенязи. А попелъ, ваньчосъ, клепки, васильки и вси товары лесъныи абы купцы волно провадили, не складаючи на коморахъ, ведже повинни платити монетою польское личбы въ золотый по 24 гроши литовскихъ: которое до Кгданьска до Кролевца провадятъ, от лашту попелу 4 золотые, от 100 клепокъ 4 золотые, от 100 ванчосу 2 золотые, от васильковъ 6 золотыхъ, от копы цамру 3 золотые, от копы дылевъ 1 золотый, от бальки дубовое 2 гроши, от лашту смолы вареное 3 золотые, от лашту не вареное смолы 2 золотые; а хто Двиною пускаеть, тотъ от того всего половицею менше платити маеть, кроме от лашту попелу по 3 золотые тое жъ личбы по 24 гроши в золотый. А ведже от всихъ тыхъ товаровъ лесь-

ныхъ шляхта з своихъ пущъ и лесовъ выробивши и спущаючи своимъ накладомъ, также збожья с своихъ властныхъ гуменъ провадечи, не мають платити того податку, одножъ черезъ справцу альбо слугу своего, который то провадити будеть, присягу вчинити маеть, ижъ своего именья выробилъ и провадить своимъ накладомъ, а не купецкимъ. А от речей привозныхъ з заграничья—питья, соли, рибъ, селедцовъ по тому мають давати: от берковеску соли 12 грошей, от бочки соли крупястое 9 грошей, от 1000 соли толпястое 1 грошъ, от бочки селедцовъ 24 гроши, от воза рибъ мерзлихъ 4 гроши, от гарнца вина вгорского 5 пенязей, от гарнца малмазыи 8 пенязей, от гарнца вина ринского 4 пенязи, от гарнца мушкатели 7 пенязей, от бочки пива кгданьского 8 грошей, от фасы пива того жъ 16 грошей, от кгарнца горелки 2 гроши, от фунта перцу $1^1/_2$ гроша, от фунта инберу $1^1/_2$ гроша, от фунта гвоздиковъ 2 гроши, от фунта цынамону 2 гроши, от фунта мушкату 2 гроши, от фунта галкгану 4 гроши, от фунта шафрану 4 гроши, от каменя конару цукру 8 грошей, от каменя кгомысу цукру 4 гроши, от оливы, фарбу овощу и иныхъ дробныхъ речей крамныхъ и купецкихъ и от космытыхъ товаровъ—соболей, кунъ, рисей, лисовъ, волковъ, белки сибирки, росомахи, также от всихъ едвабныхъ речей и злотоглавовъ крамныхъ вселякихъ товаровъ и от сукон, которие дорожши, нижли люньскии альбо пурпурианъ водле шацунку десятый грошъ, ижъ тыхъ суконъ нижей мененыхъ потребне въ земли, про то меньшая устава на нихъ: отъ локтя пурпуряну 5 пенезей, от локтя сукна люнскаго 4 пенези, от кольтришу мишеньского и цвыковского 2 пенези, от подлейшихъ по 1 пенезю; отъ железа, меди и всего того, што ку стрелбе и войне належыть, не повинни ничого платити, але абы коней, зброй железа нигде не выпускано за границу хочемъ мети и грозно приказуемъ. А ктому з млыновъ и с корчомъ в местехъ нашихъ, на предместьяхъ такъ наши, яко князскии, паньскпе и духовныхъ люди, хто кольвекъ якого стану будучи и уживаючи шинковъ або гандлю, любо ремесла, альбо иныхъ местскихъ пожитковъ и обештья, повинни платити в млынехъ нашихъ, духовныхъ, и воеводскихъ: от солянки муки ржаное 12 пенезей, от солянки муки пшеничное 15 пенезей, от солянки солоду 12 пенезей, от солянки крупъ 12 пенезей; а хто дома мелеть жорнами, на млынъ не везучи, тотъ повиненъ дати отъ жорновъ на тыйдень по 2 гроши, а на селахъ по 2 пенези от жорновъ на тыйдень. А въ корчмахъ хто бы на шинкъ медъ сытилъ.

пиво варилъ и горелку палилъ, от солоду посполитого каждое солянки 3 гроши, отъ кождое медницы меду пресного 2 гроши, а от пуда пятерного 12 пенезей, отъ каменя 12 пенезей, отъ кварты горелки одинъ разъ перепусканое 2 пенези, от литрованое 5 пенезей. И в тыхъ млынехъ, с корчомъ и отъ жорновъ в местехъ, по волостяхъ и на селахъ в тыхъ державахъ вашихъ, где не есть право маитборское, ижъ бы выбирали тотъ поборъ черезъ войтовъ и лавниковъ и мужовъ на то уставленыхъ. А в местахъ прелатовъ духовныхъ тотъ платъ отъ товаровъ и отъ млыновъ и жорновъ и с корчомъ маетъ быти бранъ на тую жъ потребу речи посполитое черезъ нашихъ посланцовъ; а князи панове, бояре, шляхта въ всихъ местахъ и именьяхъ мають то брати на себе, абы тымъ можней и пособней на службу речи посполитое выправовалися и абы каждый на войну ехалъ в однакой барве, слуги маючи и кони рослые, а на каждомъ пахолку зброя, тарчъ, древо съ прапорцомъ водле статуту; а хто бы не хотелъ брати въ своихъ именьяхъ такового побору, фолькгуючи тому, абы з иншихъ местъ нашихъ, князьскихъ, паньскихъ, где тотъ поборъ будеть бранъ, до него люди сходили и тамъ перемешкивали, въ такового именьи и на тую жъ потребу речи посполитое маеть быти бранъ поборъ черезъ нашихъ поборцовъ. Якожъ послали есьмо до тыхъ местъ нашихъ дворанина нашого и хочемъ мети, абы вы, войтове, посполу з радою местскою того жъ часу, скоро сесь нашъ листъ оказанъ вамъ будеть, установили в местехъ сотники, пятдесятники и десятники, ижъ бы каждый сотникъ, пятдесятникъ и десятникъ, где в которой улицы подъ ихъ справу и ведомость домы местские поручоны будуть, всихъ господарей домовыхъ и ихъ гостей, што въ домехъ ихъ торгують, у ведомости своей маючи, моцю враду нашого на ратуши ставили, а таковыи вси абы каждый подъ присягою товаръ свой оповедалъ и, въ реистръ вписавши, далъ яко много товаровъ своихъ до оныхъ местъ нашихъ з заграничья привозныхъ в себе маеть, и подали передъ врадъ вашъ. На што абы вы, войтове и мещане, ку тому посланьцу нашому съ посродку рады местьское обрали и уставили особъ людей добрыхъ и побожныхъ по три, а они абы с тымъ дворанином̃ъ нашимъ всимъ товаромъ, што шацовати описано, шацунокъ чинили а посполу с тыми, чого не потреба шацовати, яко вышей описано, водле уфалы тотъ податокъ подъ ихъ присягами справедливе выбирали со всихъ мещанъ нашихъ и тежъ князскихъ, паньскихъ и духовныхъ и зъ гостей приеждчыхъ, хто кольвекъ в

тыхъ местехъ и на предместьяхъ тыхъ замковъ и дворовъ нашыхъ вышей описаныхъ перемешкиваеть, и до скарбу земского отдавали с тыхъ товаровъ, што описано в личбе привозныхъ, на певный рокъ, на день Трехъ Кролей, половицу, а другую половицу вступивши въ постъ въ великий тысьдень. А естли бы которые купцы, подданые наши и тежъ чужоземскии, оселостей в местехъ нашыхъ не мели, таковый каждый нехай бы певное рукоемство по собе далъ по заплате на тыи часы менованые, альбо заразъ ижъ бы по ошацованью тотъ поборъ отдалъ; а с тыхъ товаровъ, што з земли вывозятъ на тотъ часъ, кгды за границу попровадятъ, повинни платити. А з млыновъ, от жорновъ и съ корчомъ ижъ бы почали брати тотъ податокъ третего дня по оказанью вамъ того листу нашого; а такъ каждого году будуть выбирати и отдавати тотъ податокъ на часы назначеныи, поколя война ся успокоить. И штося дотычеть местъ нашихъ и волостей въ тыхъ державахъ вашихъ вышей мененыхъ, где не естъ упривильеваны, тамъ нехай бы врадники ваши с тымъ посланьцомъ нашимъ становили тымъ порадкомъ поборъ и черезъ войтовъ и иный врадъ местский, а в селахъ ку войтомъ и лавникомъ придаючи по двухъ мужовъ вери годныхъ, и нехай бы везде посполите выбирали и до того посланьца нашого отдавали завжды в чотыри недели. Нижли по выданью податку, который на тотъ часъ придеть водлугъ реестру списанья, а з новопривозныхъ товаровъ, от чого при границахъ тотъ поборъ плачонъ будеть, повторей вжо давати ненадобе хотя бы и до иншои земли за границу проважонъ товаръ; а где бы тежъ и про вадячи в паньство, не могъ заплатити на границы побору, альбо шацунокъ не могъ вчиненъ быти про трудность людей купецкихъ, ино вси товары достаточне списати в реистръ поборцовъ, граничныхъ, ничого не утаиваючи и квитъ на то взяти за печатью з скарбу на то даною, за которымъ квитомъ тыхъ поборцовъ, при границахъ коморахъ мытныхъ уставленыхъ, маеть быти шацунокъ, и отдаванье побору на местцу у Вильни, альбо до которого места и комори головное купець провадить товаръ; а ижъ бы в томъ никоторая помылка и помешанье не деялося, про то мытники наши не мають товаровъ купецкихъ шацовати безъ поборцовъ, а поборцы без нихъ, але спольне шацовати и в реистра мытные и поборные писати; а ижъ бы тежъ нихто не смелъ утаити ничого с товаровъ, што кольвекъ ихъ в себе мети будеть и все справедливе в реистра писалъ и выдалъ поборъ, то бы вы, яко врадъ нашъ в местехъ тамошнихъ, обволати и опове-

дати казали, бо где бы што кольвекъ найдено в кого надъ тое, што оповедаеть и в реестръ упишеть, таковый, яко шкодникъ добра речи посполитое, маеть быти каранъ забраньемъ всее маетности лежачое и рухомое на потребу речи посполитое, што черезъ тыхъ же бирчихъ маеть быти забирано и до скарбу земского отдавано. А бирчие в томъ и во всей той справе никому фолькгованья чинити не маютъ подъ караньемъ таковое жъ вины и забраньемъ всее маетности ихъ на потребу речи посполитое; а ижъ в техъ местахъ нашихъ некоторая часть отъ князьскихъ, паньскихъ, земяньскихъ и духовныхъ людей, про то нехай бы духовныхъ люди передъ врадомъ духовнымъ, а князьские и паньские передъ вашимъ врадомъ подъ присегами кождый товари свои при тыхъ же бирчихъ оповедали, и въ ихъ реистра вписавши, до тыхъ же бирчихъ платили, во всемъ тымъ же порадкомъ справуючися на тые раты разложоные. Также от млыновъ броварное, от жорновъ, хто всхочетъ в дому своемъ держати, же бы от дня назначоного платити вжо почали и справедливе отдавали за дозреньемъ тыхъ бирчихъ и враду, чого они повинни будутъ такъ догледати, абы яко отъ товаровъ, такъ въ млынехъ и от жорновъ в домехъ и от броваровъ все достаточне до скарбу земского на потребу речи посполитое справедливе выдавано, ничого не утаиваючи, под виною вышей описаною. А где бы при тыхъ местехъ нашихъ князьские, паньские и земянские млыны были, а мещане бы для недостатку млива у нашыхъ млынехъ на млыны таковые збожъя свои провадили, таковымъ, отдавши тотъ поборъ вышей описаный, вольно то имъ маеть быти допущено. А ижъ бы ся от того податку каждая парсуна, в местехъ и на передместью мешкаючи, и купцы приеждчие правы и вольностями жадными боронити и закрывати и напередъ таковыхъ вольностей державати не смели, про то вшелякии листы, якимъ кольвекъ обычаемъ на вольности даные, подносимъ с тое теперешнее потребы речи посполитое и на сторону откладаемъ до часу успокоенья войны. И такъ мети хочемъ, абы нихто противу той уфале ничимъ стояти не смелъ, бо хто бы чимъ кольвекъ переказу чинилъ и противитися сей уставе нашой смелъ, абы вольностями якими закрываючися, упорне того податку не выдалъ, таковый маетъ быти каранъ, яко сказца добра речи посполитое, страченьемъ всее маетности своее лежачое, рухомое. А для того, абы есте з урадовъ своихъ в тыхъ державахъ вашихъ пильности о томъ вчинили, ижъ бы того жъ часу, яко сесь листъ нашъ до которого з васъ принесено будетъ, тыхъ бирчихъ с посродку рады в

местехъ установеной ку той справе и службе речи посполитое на выбиранье того побору и онымъ поборцомъ, где бы потреба вижовъ и слугъ врадовыхъ и записыванья до книгъ, без заплаты додавали и помочь на непослушныхъ давали и до того ся с пильностью причиняли, яко бы ся той потребе речи посполитое ничого не омешкивало и слушне а порадне водле тое науки нашое выбиранъ тотъ податокъ: особливе абы черезъ поборцовъ утискъ никому не былъ чиненъ, того бы есте з ураду своего пригледали, бо где бы в томъ якая недбалость черезъ врадъ стала, тогды шкоду речи посполитое, которая бы, чого Боже вхоѓай, пришла з незаплаченья службы служебнымъ, каждый врадъ недбале поступаючи в томъ повиненъ будетъ намъ, господару, справоватися. А ижъ бы поборцы тыи не дармо працовали, таковымъ с того жъ побору, водлугъ важности працы ихъ, з скарбу земского будуть плачоно и нагрожано, яко того шкодни не будуть, а для того, абыся жаденъ не смелъ вымовляти, хто на то обранъ будетъ. Притомъ тежъ естъ того потреба, абы есте в державахъ своихъ хоружимъ своимъ и всимъ земяномъ шляхте оповедали, абы они у своихъ именьяхъ по той уставе нашой заховалися, а з нашихъ местъ и волостей подданыхъ на свои именья не приймовали конечно. Писанъ у Тыкотине лета 1561, мѣсяца декабря 7 день.

(Кн. Переп. Лит., VII, л.л. 82—86).

7.

Листъ подскарбему земскому пану Остафью Воловичу на выбиранье поборовъ местскихъ.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Што тыхъ часовъ с паны радами нашими духовными и светскими уфалили и постановили есьмо поборъ на потребу речи посполитое ку обороне земли Лифлянтское в местахъ нашихъ господарскихъ и духовныхъ, который вжо вышей менованый поборъ маеть быти бранъ до скарбу господарского земского черезъ справецъ, уставеныхъ на то отъ маршалка дворного подскарбего земского писаря нашого державцы могилевского пана Остафья Воловича. Естли бы хто якого стану будучи на таковый податокъ повинный, каковые вольности передъ тымъ одержалъ отъ насъ, або отъ продковъ нашихъ поборъ на потребу речи посполитое уфаленыхъ неплатити, тыхъ листовъ подскарбий земский приймовати и ихъ держати

немаеть, кгдыжъ есьмо таковые листы и права постановеньемъ и уфалою с паны радами нашими съ потребы кгвалтовное и выправы противко неприятелеви до часу певного на сторону отложили и откладаемъ и хочемъ мети, абы нихто таковыми ся листы не щитилъ и хотя жъ бы съ канцляреи нашое листы хто одержалъ напротивко той уставе нашой, тыхъ держати подскарбий земский неповиненъ, але подле уставы и листовъ нашихъ, на то выданыхъ, справуючися маеть на всихъ посполите выбирати. И естли бы на которого поборцу о таковую вину поборовую жалоба к намъ господару пришла, або до пановъ радъ нашихъ, таковыхъ всихъ маеть судити и радити подъскарбий земский и въ кожъдый речи, штося будеть стегати около поборовъ, поборцы мають науку брати и послушенство чинити ку нему, подскарбему, а наши листы в таковыхъ справахъ немають быти даваны ни до кого иного, только до подъскарбего земского, абы з ведомомъ вси тые справы его поборовъ справованы; особливе естли быхмо хотели арендовати кому таковые поборы, тогды з ведомомъ пана подскарбего маеть то чинити и никому иному того в руки и справу пущати немаемъ, одно хто бы од него, подскарбего земского нашого, намъ залецонъ на то. А на тотъ часъ онъ, подскарбий, в заведанье маеть то мети и того догледати, яко бы слушне и радне во всимъ поборцы справовалися, которихъ, дознавши верности и службы ихъ, с тыхъ поборовыхъ пенязей маеть на выхованье имъ и за працу ихъ опатровати, водле баченья своего, а несправныхъ и недбалыхъ отменяти и иныхъ на ихъ местце уставляти, во всемъ подле баченья своего справуючися, не отступуючи уставы нашое. А естли где хто выбирати не допустить, альбо про убозство и скаженье отъ служебныхъ, або отъ войска не можетъ быти тотъ поборъ бранъ, то онъ маеть намъ ознаймовати и з наукою нашою таковымъ фолькгу чинити. А тые пенези поборовые и вси платы скарбу нашому з дворовъ, волостей, з мытъ и иныхъ пожитковъ, до скарбу нашого приходячие, маеть панъ подскарбий выдавати на служебные до земли Лифлянтское и на замки украинные и на иные вси потребы наши господарские и земские з нашого приказанья, а в небытности, насъ господаря, в тутошнемъ паньстве иное (sic) з сполное намовы с паны радами ихъ милости водле баченья своего. А што выдасть и на реестре покажеть, хотя и безъ листовъ нашихъ и пановъ радъ нашихъ, то маемъ на личбе приймовати, водле его реистровъ. Тежъ даемъ ему моць фольварки дворовъ нашихъ врадникомъ нашимъ в суме пенезей арендовати на

пожитокъ скарбу нашого; и кому опъ фольварки наши арендовати будеть, таковый тую аренду держати маеть и рушонъ съ того не будеть. И на то есьмо пану подъскарбему дали сесь нашъ листъ з нашою печатью и с подписомъ руки нашое господарское. Писанъ у Городне. Лето Бож. Нарож. 1561, месяца декабря 7 дня.

(Кн. Зап. Лит., XLV, л. 12—13).

8.

Универсалъ о поборѣ 1562 г.

Войту, бурмистромъ, радцамъ и всему поспольству мещаномъ местъ нашыхъ Волковыйского, Здетовского, Молчадиньского, Порозовского и Новодворского. Што который поборъ с паны радами нашими духовными и свецкими на оборону земли Ифлянское постановили есьмо во всемъ паньстве нашомъ Великомъ князьстве Литовскомъ з гандлевъ и шинковъ, ино маемъ того справу, же многие, опустивши гандли, пенези на лифу дають и збожья на перекупъ купують, также и солодовники на солоды оборочають и подле воли своее цену на продаванье уставляють, щого за меншею працою, не ездечи з места нигде, больший пожитокъ мають; ктому золотники золото и сребро робленое и неробленое, каменья и перлы на перекупъ ховають и такимъ же обычаемъ пожитковъ великихъ уживаючи, а ничимъ ся до потребы речи посполитое не прикладають, але еще таковою дорогостью шкоду немалую двору нашому и всимъ людемъ рицерскимъ чинять. Про то виделося намъ, абы вси тые однако на потребу речи посполитое складалися и десятый грошъ давали зо всего, хто што на лифу даеть, также и солодовники и вси тые, якого кольвекъ будь стану и хто збожье и на перекупъ купуеть, тежъ и золотники, хто золото и сребро и якие кольвекъ клейноты на продажу держать, абы от того всего поборъ платили десятый грошъ, штобы есте у местахъ казали выволати и всимъ то ознаймили, ижъ бы каждый оповедилъ под присягою, што кольвекъ монеты, серебра и золота и иншихъ речей в лифу даеть, также и солодовники и вси иные, хто збожье на перекупъ купилъ и по чому куплено, от того нехай бы поборъ давали, абы водлугъ цены купна, яко куплено и колько хто побору дасть, постановити, по чому мають збожье вшелякое и солоды продавати и по колку грошей надъ свою цену на мере

в месте звыклой приймовати, яко бы без шкоды ихъ и безъ обтяжливости людское продавано; тежъ золотники от золота и серебра робленого и нерobленого, отъ клейнотовъ вшелякихъ, што на продажу ховають, абы также десятый грошъ платили, ошацовавши все; а хто бы што кольвекъ утаилъ с таковое маетности, которую на продажу ховалъ, а не оповедалъ и побору отъ того не далъ, таковый при томъ всю маетность свою рухомую и лежачую, яко в першихъ листехъ описано, тратитъ. Водле которихъ листовъ и росказанья нашого абы ся есте заховали, и тотъ поборъ выдавати всимъ казали и платити велели от показанья вамъ сего листу нашого за тыйдень до дворанина нашого и до иншихъ поборцовъ, на то уставленыхъ в тыхъ местахъ нашихъ Волковыйскомъ, Здетовскомъ, Молчади, Порозовскомъ, Новодворскомъ. И впередъ солодовники и вси тые, хто на перекупъ збожья купують, ижбы певные особы были, которые бы в реистрахъ враду вашого и поборовыхъ описаны, ижъ бы от того поборъ платячи, не подвышали цены по воли своей, одно яко коли будеть постановена цена от васъ з ураду продаванья водле уваженья, по чому которое збожье куплено будеть въ торгу; а хто бы инший якого колвекъ стану будь на перекупъ збожье куповалъ, а не тотъ, который поборъ платить и въ реестре вашомъ поборовомъ не описанъ будеть, таковый всю маетность свою лежачую и рухомую тратить; ведже на живность и выхованье дому своего всимъ обывателемъ тамошнихъ местъ и приездчимъ гостемъ волно куповати в рынку; такъ тежъ шляхта, которие з именей своихъ и тежъ подданые збожья свои до места на продай возять, от того побору не повинни давати, але поборъ мають давати солодовники и перекупни, яко вышей описано. А в томъ бы есте таковую опатрность чинили з урадомъ замковымъ: таковых всихъ перекупневъ, хто бы у реистрахъ поборовыхъ не былъ описанъ, якого колвекъ стану будь и чий колвекъ подданый, всю маетность рухомую и лежачую забирали и половицу до скарбу нашого земского давали, а другую половицу на урадъ, або и за працу свою брати будете и тымъ, хто доводить и высветчить того, бо такового безрадья в местехъ должей терпеть не хочемъ, а тежъ у нашихъ господарскихъ местехъ не можеть нихто таковою безрадку ку шкоде двору нашого и людей приеждчихъ чинити, а дешево купучи въ часы погодные, з дорогостью подле воли своее, а не водле уставы нашое продавати. Писанъ у Вильни. Лет. Бож. Нарож. 1562 месяца апреля 29 дня.

(Кн. Переп. Лит., VII, лл. 107 об.—109).

9.

Листъ кор. Сигизмунда Августа объ арендѣ мыта новаго въ 1566 г.

Жикгимонтъ Августъ, Божю милостью король полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий, лифлянский и иныхъ.

Подскарбему земскому Великого князьства Литовского, писару нашому, державцы марковскому и мяделскому пану Миколаю Нарушевичу. Ознаймуемъ твоей милости, ижъ што есьмо арендовали поборы по всемъ панстве нашомъ Великомъ князьстве Литовскомъ, давные и новые на сойме прошломъ Берестейскомъ уфаленые, старосте жомоитскому маршалку земскому Великого князства Литовского справцы арцибискупства Ризского, гетману земли Лифлянтское, державцы плотельскому и тельшовскому пану Яну Яронимовичу Ходкевичу а подканцлеру нашому Великого князства Литовского маршалку дворному, старосте берестейскому и кобринскому пану Остафю Воловичу на одинъ годъ зуполный от дня Всихъ Светыхъ, то есть месяца ноября первого в року 66-мъ ажъ до того жъ свята Всихъ Святыхъ в року 67-мъ. Нижли ижъ в томъ году з воли Божое в тутошнемъ панстве нашомъ Великомъ князьстве Литовскомъ поветрие ся замножило, звлашча в местехъ нашихъ, где ся поборы на коморахъ головныхъ выбирають въ Вильни, в Новагородку, в Луцку, в Ковне, же для тое небезпечности жадные товары купецкие за границу а ни з заграничья проважоны быти не могли, на чомъ ихъ милость мусили бы шкодовать, кгды бы аренду сполна до скарбу нашого платити мели, и для того жадали насъ, абыхмо за таковыми значными причинами неякое сульженье въ той аренде ихъ вчинити велели. Ино ижъ за таковыми припадками слушного уваженья нашого господарского была потреба, тогды чинечи фолкгу ихъ милости в томъ, абы своимъ не платили, кгды жъ то мають на оранде нашой обваровано, такъ есьмо постановили, ижъ колько недель, або месецей поветрие в местахъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и светскихъ панства нашого Великого князьства Литовского было за держанья аренды ихъ, почонши отъ Всихъ Светыхъ, за только недель, або месецей, обраховавши мыто и увесь поборъ новый и старый, за якую сумму до году держати, и розложивши на кождый тыйдень ровную суму ажъ до году много увесь поборъ учинить, за только не-

дель маеть быти имъ в скарбе нашомъ вытручоно такъ много, яко на тыйдень рахуба побору водле оранды в скарбе нашомъ обрахована будеть. При томъ яко есьмо перво сего на сойме корунномъ постановили, же воски, которые отколь кольвекъ до Польски проважоны, тогды абы были вожоны чистые литрованые сукрого воску, для того в дозренье до одныхъ рукъ гандель восковый в Коруне Польской естъ пушчонъ, а ижъ воски з Великого князьства Литовского не вси литрованные до Польски идутъ, ино вжо тамъ таковыхъ бы не принято, за чимъ бы купцы жаднымъ обычаемъ остоятися и таковыхъ восковъ выпушчати ку знишченью своему не могли, бо мыта, поборы и восковничое платечи, мусили бы того гандлю своего воскомъ занехати, с чого бы великая шкода скарбу нашого уросла, где бы тотъ поборъ и восковничое мело отыйти. Про то уважаючи шкоду скарбу нашого и яко бы купцы не упали, такъ есмо постановили, ижъ твоя милость, пане подскарбей, теперъ вжо заразомъ маешъ послати по всихъ коморахъ мытныхъ до справецъ пана старосты жомойтского и пана подканцлерого и до мытниковъ нашихъ Изака Бродавки а Менделя Изаковича, которые в оранде нашой суть при ихъ милости описаны; а такъ на коморахъ и прикоморкахъ передъ твоей милости, пане подскарбий, справцы поборовые мають подъ присегами своими показати: только черезъ тотъ часъ от початья аренды ихъ милости отъ Всихъ Светыхъ воску за границу вышло и то на реистръ списати тые посланцы мають, ку личбе ведомости доносячи. А потомъ твоя милость, постерегаючи шкоды скарбу нашого, тымъ жо своимъ посланцомъ, або справцамъ поборовымъ, або кому ся то будеть звидело, маешъ того зверити и в дозренье поручити, которые на коморахъ и прикоморкахъ мають стеречи с пильностию и пописовати на особливые противные реистра, колько восковъ за границу выйдеть з Великого князьства Литовского до выйтья аренды до Всихъ Светыхъ в року 67-мъ и колько ся покажеть з реистровъ тыхъ, кому твоя милость догледати поручишъ, ино взявши рокъ середний назадъ межи техъ годовъ, в которые поветрие небыло, в скарбе нашомъ тотъ средний годъ маеть быти справедливе без шкоды нашое обрахованъ: колько воску в томъ среднемъ року за границу з Великого князьства Литовского вывезено и сколько бы воску в томъ году 67-мъ теперешнее аранды до оное личбы в року середнемъ не доставало, тогды маеть ся пану старосте жомойтскому и пану подканцлерому и жидомъ мытникомъ нашимъ вытрутити и на личбе приняти от кождого каменя

по полукопью грошей такъ много побору и восковничого от воску, яко платять до скарбу нашого. Твоя бы милость о томъ ведалъ, а в тыхъ двухъ справахъ около пофолькгованья от поветрия и о воскъ уменьшенья такъ ся противко ихъ заховалъ, яко вышей в томъ нашомъ листе описано. Писанъ у Кнышине лет. Бож. Нарож. 1563 месецея февр. 18 день.—Подпись руки господарское.

(Кн. Зап. Лит., LIII, лл. 79—81).

10.

Постановленіе короля Стефана Баторія о новомъ тарифѣ, излагающее тарифъ 1569 г.

Стефанъ, Божью милостью король полский, великий князь литовский.

Воеводе новгородскому пану Павлу Ивановичу Сопезе. Што которое постановенье продка нашого короля его милости Жикгимонта Августа славное памети сталося естъ около поднесенья мытъ новыхъ, учынившы ульженье людемъ купецкимъ за зложеньемъ поборовъ, для чого вжо вси станы, не закриваючы вольностями, мели таковое мыто постановленое давати, якожъ по смерти его кр. милости панове рады Коруны Полское и Великого князьства Литовского, зъехавшыся до Кнышина, своимъ листомъ тое постановенье мыта упевнившы, тымъ же мытникомъ Великого князьства Литовскаго поручыли никоторое речы скарбу належные съ тыхъ пенязей мытныхъ способити, зачимъ повторе и по третий разъ зъеждчалися панове рады польские и литовъские, особливыми листы своими то онымъ мытникомъ упевняли, але потомъ зъехавшися только сами одно панове рады и рицерство Великого князьства Литовскаго до Руднику поднесенье тыхъ мытъ намовили а на Виленскомъ зъезде зложыли. Але панъ троцкий подканцлерый Великого князства Литовского староста берестейский и кобрынский панъ Остафей Воловичъ, маючы немалую суму пенезей въ скарбе, за которую по мытникахъ осветчался, и указывалъ въ томъ на тридцать тисячей золотыхъ шкоды своее, за чымъ не одно мытниковъ упадъ, знищенье, але и шкода скарбная передъ нами при бытности вашой милости, пановъ радъ нашыхъ, преложона и ачъ некоторие зъ вашое милости давали есте причыну, для чого тое новое мыто поднесено было зъвлаща, абы въ продаванью речей купецъкихъ

станамъ шляхецъкимъ ужжене якое ся стало за такимъ зменшеньемъ мыта, але и того есте ваша милость докладали, же ничимъ ся не змнейшала дорогость продаванья товаровъ и овшемъ еще въ большую цену товары купецъкихъ людей поднесены, якожъ ижъ ся той потребе стану рыцерского не улжыло, а въ скарбе шкода немалая передъ нами оказана. И намовляючыся о томъ зъ вашою милостью паны радами нашими показалося то, ижъ поднесенье таковыхъ речей не можеть быти, толко на вальномъ сойме. А ижъ ся то безъ сойму валного стало, мы за жеданьемъ вашей милости, хотечы досыть чынити тому, што ся черезъ продка нашого постановило, на пожитокъ речи посполитое, росказали есмо тое мыто постановленое увезде на коморахъ мытныхъ и прикоморкахъ до иншого застановенья нашого зъ вашою милостью паны радами нашими и до намовы въ потребехъ, скарбу земскому належачихъ подскарбему земскому и писару нашому Великого князства Литовского, старосте пинскому, державцы олитскому и квасовскому пану Лаврыну Войне черезъ справецъ его, которихъ где онъ на коморахъ мытныхъ постановить, никоторыхъ оборонъ и жадныхъ вымовъ вольностей съ плаченья того мыта не приймуючы, таковымъ способомъ брати, яко нижей описано, то естъ мыта старому, которое здавна отъ всихъ товаровъ звычаемъ своимъ идеть, мыта подъвышаемъ тымъ обычаемъ, ижъ люди купецкие вшелякого стану тутошние и чужоземцы отъ всихъ товаровъ, которые зъ границъ паньства нашого Великого князьства Литовского до иныхъ паньствъ будеть провадить што товаровъ якихъ, ни одного назвиска зъ нихъ не выймуючи, кромъ золота серебра, клейнотовъ, отъ чого и передъ тымъ мыта и поборъ отъ того не даванъ, отъ таковыхъ товаровъ купецкихъ и таковые люди всякого стану, хто бы се купецствомъ бавилъ, повиненъ будеть отъ шацованого товару на коморахъ граничныхъ, альбо головныхъ теперъ подвышоного мыта дати отъ кождое копы по чоторы грошы литовскихъ, то естъ отъ оливъ, фарбъ и воцу и отъ плотна коленского и иныхъ дробныхъ вещей купецкий, отъ косматыхъ товаровъ соболей, кунъ, лисовъ, волковъ, белки сиберки, росомаки, такъ же и отъ всихъ едвабныхъ речей и злотоглавъ и крамныхъ всякихъ товаровъ и отъ суконъ, которые дорожей купять, нижли сукна люнские, альбо пурпурьяны,—тые вси мають на шацунокъ ити, отъ которыхъ мають брати по чотыри гроши съ копы. Отъ суконъ отъ поставу кгерлицы по тры грошы и по два пенези отъ киты целое,

въ которой бы было поставовъ двадцать пять, масть быти плачоно по грошей осмдесятъ, отъ твиковского сукна также и отъ постава сукна швебедынского и еринку муровского по грошей осми, отъ поставу люнского сукна грошей осмнадцать пенези чотыри, отъ локтя пурпурьяну по шести пенезей, отъ сукна флямского отъ локтя по пети пенезей, отъ настрадамского отъ локтя по чотыры пенязи, отъ сукна сермяжного отъ локтя по тры пенези, отъ локтя полотна простого по два пенези, отъ воску каменя грошей двадцать чотыры, отъ каменя лою грошей тры пенезей пять, отъ бочки селедцовъ грошей десять; а ведже шляхтичъ, которий бы на свою потребу домовую што селедцовъ провадити хотелъ, тогды до трехъ и чотырохъ бочокъ будеть волно провадити. Отъ соли бочки грошей по дванадцати, отъ бирковиска соли грошей шеснадцать, отъ тисячи соли товъпястое по грошу одному, отъ каменя хмелю по три гроши, отъ каменя льну по чотыры грошы, отъ каменя конопель по три грошы, отъ бочки рибъ грошей шесть; отъ быдла, хто за границу на продажу женеть, кождый купецкий чоловекъ повиненъ дати мыта нового подвышоного: отъ вола по грошей дванадцать, отъ яловицы по гроши шести, отъ барана грошъ одинъ, отъ козла грошъ одинъ пенязей пять, отъ бочки мяса солоного, которое бы люди купецкие за границу возили, грошей по дванадцати, отъ полтя мяса свиного грошей тры, отъ воза мерзлое рыбы грошей пять, отъ скуры воловое и отъ яловичое грошей по чотыры, отъ тимца кождого, што за границу возять, грошъ одинъ, отъ скуры козловое грошъ одинъ пенязей шесть, отъ юхты, што за границу возять, грошей чотыры, отъ бочки меду пресного грошей дванадцать, отъ бочки меду кислого грошей шесть; а отъ збожъя, што бы зъ людей купецкихъ купившы за границу провадилъ, теперъ новоподвышоного мыта: отъ жыта каждое бочки тры гроша, отъ бочки пшеницы гроши чотыры, отъ бочки ечменю по два грошы, отъ бочки пшена по тры грошы, отъ бочки овса по грошу одному, отъ бочки гречыхи по грошу одному; отъ товаровъ лесныхъ, хто бы также зъ людей купецкихъ въ пущахъ нашыхъ господарскихъ, князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и свецкихъ выробилъ и за границу провадилъ, маеть быти брано мыта теперъ подвышоного: отъ лашту попелу по тры грошей золотыхъ польскихъ, отъ ста клепокъ по тры золотыхъ, отъ ста ванчосу по два золотыхъ, отъ ста васильковъ по чотыры золотыхъ, отъ копы чамру по тры золотые, отъ копы дылевъ по одному золотому, отъ лашта смолы вароное по тры золотые, отъ не вароное

смолы по два золотыхъ; а хто Двиною таковые товары лесные провадити будеть, тотъ только по половине того мыта платити маеть. Отъ вина угорского отъ кгарца по шести пенезей, отъ вина баштарту, романей по шести пенезей, отъ кгарца малмазыи мушкатели по одному грошу, отъ кгарца вина ринского по пети пенезей, отъ кварты горелки по пети пенезей; коренье: отъ фунта пепру грошъ одинъ, отъ фунта имберу грошъ одинъ пенезей пять, отъ фунта мушкату грошъ одинъ пенязей пять, отъ фунта кгалькгану грошъ одинъ пенязей пять, отъ фунта гвоздиковъ грошъ одинъ пенезей пять, отъ фунта цынамону грошъ одинъ пенезей пять, отъ фунта мушкатового квету грошъ одинъ пенезей пять, отъ фунта шафрану грошей чотыры, отъ каменя цукру канару грошей шесть, отъ каменя цукру томасу грошей чотыры. Старое мыто повинни платити подданые его кр. милости обыватели Великого князьства Литовского люди купецкие якого колвекъ стану отъ товаровъ вшелякихъ и шацованыхъ отъ копы по грошу одному, которые вольности отъ его кр. милости продка нашого на старое мыто не мають, а которые вольности мають, тые старого мыта платити неповинни, одно отъ камени воску восковичного по грошей шести, отъ бочки соли по тры грошы, отъ берковиска соли по чотыры грошы; а люди купецкие вшелякие, которые зъ чужое земли приежьдчаютъ, повинни платити отъ товару ошацованого по два грошы зъ большое руки. Пакли бы хто зъ людей купецкихъ, маючы сее постановенье нашо, того мыта новоподвышоного платити не хотечы, альбо мыто утаиваючы того мыта нового до справецъ, отъ подскарбего земского на то установленыхъ, отъ всего товару, альбо отъ части его не отдавшы и не заплатившы, комору мытную проминулъ, тогды кождого таковото вси товары забираючы быти мають, которыхъ половица до скарбу нашого, а другая половица на врадъ, которому то здавна належытъ; а въ томъ своовольномъ жадная шкода чынена быти не маеть, для чого ку лепшой осторожности тыхъ всихъ пожытковъ нашыхъ панъ подскарбий земский везде, где бы того потребу ку перестереганью тыхъ мытъ быти розумелъ справецъ своихъ постановити маеть. А ижъ немало тыхъ товаровъ, отъ которыхъ тое мыто новое водле сего постановенья нашого прыходить, теперъ межи людьми купецкими естъ, тогды абыся и въ томъ значная шкода скарбу нашому не стала, роcказали есьмо подскарбему нашому земскому зъ урадомъ твое мл. и зъ врадомъ местскимъ вси таковые товары въ домехъ, крамехъ и увезде, где бы были, достаточне списавши водле

шацунку по тому жъ тое мыто брати, яко и отъ тыхъ, которые зъ заграницы товары провадити будуть. А хто зъ людей купецкихъ того мыта, пописавшы въ дому товары свои, заплатить и квитъ отъ справецъ мытныхъ пана подскарбего одержить, тотъ вжо на коморахъ мытныхъ того мыта платити неповиненъ будеть, о которыхъ всихъ товарахъ, въ домехъ лежачыхъ, конечне абы кождый съ подданыхъ нашыхъ справцамъ пана подскарбего земского, на коморахъ мытныхъ постановленыхъ, подъ присегою достаточную и певную ведомость давалъ и въ реистра мытъ новыхъ вписовалъ до дня певного свята светого Балтромея, а надалей до Нароженья Панны Марыи въ року нинешнемъ 76-мъ прышлыхъ святъ; а хто бы до святого Балтромея, а надалей до Нароженья Панны Марыи, якося вышей поменило, о товарахъ въ дому залежачихъ справцамъ мытнымъ, отъ пана подскарбего земскаго на то установленымъ, не оповедилъ и въ реистра скарбные не вписалъ, а того мыта черезъ продка нашого постановленого не заплатилъ, таковый кождый вси товары свои, кроме жадное фолькги до скарбу нашого, яко въ промыте, тратити маеть. А которые купцы вжо въ дорозе суть, тые теперъ заразомъ на коморахъ отдавати мають, яко вышей въ постановенью естъ описано, до справецъ подскарбего земского то, што имъ належить, а то, што давали мытникомъ першимъ, потомужъ до нихъ отдавати мають; а то повиненъ чынити будеть, выстерегаючыся, жебы за промытою всихъ товаровъ своихъ не тратили, кгды жъ въ таковыхъ речахъ никому жадная фолькга делана не будеть. Твоя бы милость, пане воеводо новгородский, обославшы сюю волю и росказанье наше, имъ оповедалъ и на непослушныхъ а упорныхъ, которые бы того мыта платити не хотели, где бы того справцы пана подскарбего потребовали, помочъ зъ ураду твое милости давалъ и врадъ твое милости ку пописованью задерживаныхъ товаровъ давати казалъ, а то зъ местца владности твоеи милости постерегалъ, якобы жаденъ ку шкоде скарбу земского своволенства жадного въ той справе чынить не смелъ. Прото штобы твоя милость увезде у воеводстве своемъ сее постановенье нашо обволати казалъ, абы купецкие люди, ведаючи о томъ, ку шкоде за промытами не прыходили, але водле сего листу и уставы нашое, до скарбу земского Великого князства Литовскаго на письме и съ подписомъ руки нашое на коморы мытные выданое, одъ вшелякихъ товаровъ тое мыто новое, жадными вольностями отъ того ся неборонячи, такъ места вольные упрывильеваные, яко и иншые вси, хто

гандлю и купецства уживаеть, отдавали и во всемъ ся водлугъ сего листу нашого заховали. А ижъ бы сее постановенье нашо во всемъ безъ мешканья скутокъ свой прыймовало, тогды, въ небытности пана воеводы новгородского въ Новегородку, вамъ, наместникомъ, подстаростимъ и врадникомъ его милости у воеводстве Новгородскомъ, прыказуемъ, ижбы есте въ той справе мытной зъ урядовъ вашыхъ пильное старанье чынили и вшелякую помочъ давали, постерегаючы того, якобы ся во всемъ тому постановенью нашому безъ мешканья досыть стало. Писанъ у Кнышине лета Божаго Нарож. тисеча пятсотъ семдесятъ шостого месеца июля 27 дня. Stephanus Rex.—Матей Савицкий, кашталянъ подляшский, писар Великого князства Литовского.

(Кн. Запис. Лит. LVI, лл. 23 об.—27).

10.

Thelonea Magni Ducatus Litwaniae antiqua et nowa in A. 1576 instituta.

Camera Vilnen. Minscen. Nowogroden. una cum adcameris Bobruisk, Kraszne Siolo, Radoskowisze, Osmiana.

In anno 1577 percepti ex eisdem cameris fl. 31870/15.

Exceptis quibusdam debitis a mercatoribus non exactis.

Exceptis libertatibus ab antiquo theloneo civitatibus concessis, videlicet Vilnensibus, Minscensibus, Radoskowiensibus.

Exceptis libertatibus a mercimoniis nobilium quod totum ad fl. 4000 aestimari possit.

Camera Caunensis cum adcameris Jurborg, Rudleiell (?), Tregi, Zagory, Zeymielle.

In anno 1577 percepti fl. 32000.

Exceptis debitis et a mercibus nobilum videlicet frumento, sale, mercibus sylvestribus.

Exceptis mercibus civium libertate gaudentium videlicet Cownensis, Grodnensis quod facit fl. 9747/15.

Camera Brestensis cum suis adcameris Wlodawa, Woyn, Lomazy, Dewyn, Kamieniecz, Mieleyczycze, Janow, Miedzyrzecz.

In anno 1577 percepti fl. 12000.

Exceptis debitis et libertatibus civium Brestensium.

Exceptis mercibus Iudaeorum Brestensium, Pinscensium ad literas Sac. Mth. R. a mercium libere demissorum, in mercibus sylvestribus Polonis et Wolynensib. libere missorum taxat ad fl. 3367/19/8.

Adcamera Pinszk.

In anno 1577 percepti fl. 2550.

Exceptis Iudaeis libertate gaudentibus.

Camera Dzisnen. cum adcameris Dynemborck, Kiercholm, cum aliis ad portum Dunensem locatis. Primae tantum navigationis antequam Moschus occupaverat portum Dunensem percepti R. 5700.

Et in anno ter navigationes cum frumento et sale fiebant.

Exceptis mercibus sylvestribus nobilium dimissorum, a quibus plus minus fl. 1500.

Camera Witepscen. cum adcameris.

Ex prima tantum defluitione in A. 1587 percepti fl. 4500.

Aliae defluitiones impeditae erant per Moschum qui portum Dunen. ademerat et occupaverat.

Exceptis mercibus nobilium, a quibus solutio thelonei nulla citra fl. 1130.

Camera Mohylow cum adcameris.

In anno 1577 percepti fl. 5300.

Exceptis debitis in eadem camera non exactis.

Camera Grodnen. et Msczibowien. cum adcameris.

In anno 1577 percepti fl. 8250.

Exceptis mercibus nobilium et mercatorum quorumdam immunitate a quibus detract. fl. 1500.

Camera Terrae Samogitiae.

Si a libertatibus nobilium non impediretur novi thelonej proveniret plus minus fl. 2000.

Exceptis bobus ducis Prusziae № 500 libere abactis.

Summa thelonej antiqui et novi percepti pro anno Dni 1577 facit fl. 105970/15.

Exceptis immunitatibus nobilium quae si non impedirent provenirent super fl. 20615/4/8.

Exceptis propter occupation Portus Dunen. in cam. Disnen. et Witebscen. diminutione fl. 20000.

P-to Debitorum.

In salaria et pensiones notariis camerarum et adcamerarum iuxta ordinationem Regiam una cum pensionibus Iudaeorum quotannis citra ultra fl. 4617.

Residunt ad Thesaurum Magn. Duc. Lyt. fl. 101353/15.

Notandum: Thelonei antiqui in Lythwa, antequam theloneum nondum institueretur, proveniebat summa ex rationibus notariorum pro 1577 fl. 25000, ex quibus modo arendae Iudaei ad Thesareum inferebant tantum fl. 17000.

Usthawa nowego mytha w W. X. Lith. na seymie w Toruniu przesz Cro. Je. Mczij Stephana uczyniona.

Od thowarow ktore z zagranicza y z roznych stron do W. X. Lyth. bywaią prowadzone y od zalezałych, iedwabnych rzeczy, złothogłowow ukraynych wszelakych thowarow, od szukien, ktore drozey nisz łuńskie przedaią, od szoboly, kun, lyszow, bielek sibierek, roszomakow y od kosmatych wszelakich thowarow, od oływy, farb, plotna kolenskie., flamszkie, oszaczowawszy od kazdey kopy po lyth. gr. 2/5.

Od postawu Gerlicze po lyth. gr. 1/6.

Od szukien Loiebodzińszkie., Czyhowszkie., Morawskiego, Mytficzkie. od postawu po gr. 4/2.

Od postawu Lunszkiego takze purpurianu po gr. 9/2.

Od sukna Flamszkie. od lokczia . . po gr. p. 0/3.

Od Nastradamskie. od lokczia . . .	po gr. p.	$0/2^1/_2$.
Od sukna Siermiazne. od lokczia . .	po gr. p.	$0/1^1/_2$.
Od lokczia plotna prostego . . .	po gr. p.	0/1.
Od beczky sledzy	po gr. p.	5/8.
Od beszky soly	po gr. p.	7/5.
Od bierkowiska soly	po gr.	10.
Od 1000 soly tołpiastey	po gr.	0/7.
Od malego 1000 soly	po gr.	$0/3^1/_2$.
Od kamienia chmielu	po gr.	1/5.

Od korzenia:

Od kamienia pieprzu	gr.	12.
Od funtha pieprzu	gr.	0/5.
Od funtha imbieru	gr.	0/5.
Od funtha gosdzykow	gr.	$0/7^1/_2$.
Od funtha czynamonu	gr.	$0/7^1/_2$.
Od funtha muskathu	gr.	$0/7^1/_2$.
Od funtha galganu	gr.	$0/7^1/_2$.
Od funtha szafranu	gr.	3/5.
Od kamienia czukru canaru	gr.	3.
Od kamienia czukru thomasu	gr.	2.

Od piczia y trunkow roznych:

Od kufy wina Węgierszkie.	gr. 0/35 lyth.
Od beczky wina rynszkie. y francz. . . .	gr. 0/20 lyth.
Od kufy malwaziey y muskatelly . . .	gr. 0/80 lyth.
Od faszy piwa Gdanszkie.	gr. 10.
Od kwarty gorzalky.	gr. 0/2.

Od thowarow lesznych od ludzy kupieczkich krom towarow slacheczkych:

Od lasthu popiolu	gr. 30.
Od stha klepek.	gr. 30.
Od stha wanczosu	gr. 24.
Od stha waszilkow	gr. 48.
Od kopy czamru	gr. 40.
Od kopy dylow.	gr. 20.

Od lasthu smoły warzoney . . . . gr. 30.
Od lasthu smoły niewarzoney . . . . . . gr. 26.
Od balky dębowey . . . . gr. 0/5.

Od towarow ktore za granicze W. X^a L^o prowadzone bywaią:

Od kamienia woszku . . . . gr. 17/5.
Od kamienia loyu . . . . gr. 2/5.
Od kamienia konopy . . . . gr. 2/5.
Od kamienia lnu . . . . gr. 3.
Od beczki ryb. . . . . gr. 3.

Od bydla:

Od wolu . . . . gr. 10.
Od jałowicze . . . . gr. 5.
Od barana . . . . gr. 1.
Od kozla . . . . gr. 1/2.
Od beczky mięsza slonego . . . . . . gr. 5.
Od polczia mięsza . . . . gr. 1/5.
Od woza ryb zmarzlych . . . . . . gr. 2/5.

Od skor rozmaytich:

Od skory wolowey . . . . gr. 3/5.
Od skory iałowiczey . . . . gr. 2.
Od czymcza . . . . gr. 0/5.
Od skory łosiey. . . . . gr. 5.
Od skory sarniey . . . . gr. 0/5.
Od skory iuchtowey . . . . gr. 4.
Od skory dublenney . . . . gr. 3.
Od kozlyny więksey . . . . gr. 1.
Od kozlyny maley . . . . gr. 0/5.
Od skory baraniey . . . . gr. 0/2.

Od miodu:

Od beczky miodu przasnego . . . . . gr. 12.
Od beczky miodu kyslego . . . . . . gr. 3.

Od zboza:

Od beczky zytha	gr. 1/5.
Od beczky pszenicze	gr. 2.
Od beczky jeczmienia	gr. 1/2.
Od beczky pszona	gr. 1/2.
Od beczky hreczyki	gr. 0/5.
Od gorzalky chocz kapszizna od niey bywa dawana, yednak ysz zytha niemalo na nie wywarzaią, od ktorego czlo yusz niemoze bydz brane, thedy od kwarty gorzalky po .	gr. 0/2.

Poprawa they to ustawy miastu Wilenszkiemu dana:

Od kamienia woszku	gr. 16.
Od kamienia łoiu	gr. 2/5.
Od funtha pieprzu	gr. 0/5
Od kamienia pieprzu	gr. 15.
Od kamienia konopy	gr. 2/2.
Od kamienia lnu	gr. 2/5.
Od skor wolowych iałowiczych	gr. 2/5.
Od juchtu pary	gr. 6.
Od skory łosziey	gr. 4/5.
Od kozlyny węczsey	gr. 0/8.
Od malych kozlyn	gr. 0/5.

(Арх. Варш. Каз. Пал., отд. 54, кн. $\frac{14}{B}$).

Роспись справцевъ коморъ мытныхъ по всему вел. кн. Литовскому съ листомъ, который разосланъ къ мытникамъ.

То есть справа мытная, которыхъ дворянъ виделося господару, королевой и королю его милости по всимъ мытомъ у Великомъ князствѣ Литовскомъ розложити и поручити имъ тыхъ мытъ справцами быти о теперешнемъ святе пришломъ о новомъ лете, то есть по Божьемъ Нароженьи в тыйдень, лета Бож. Нарож. 1536, мца декабря 27 дня, индикта 10.

А то тые росписаны суть, хто бы намъ тыхъ справцами былъ.

На Виленскую комору Микита скарбный, а мещанинъ виленскій Степанъ Вилкевичъ а съ ними Янъ Урлиховичъ маеть на той же коморе быти и квиты господарскии роздавати, яко король его милость самъ уставилъ и квиты на то ему далъ.

На Ковенской коморѣ маеть быти князь Еустахиусъ, каноникъ виленский, а Иванъ Кунцовичъ, врадникъ королевое ее милости юрборский, а служебникъ подскарбего земского пана Ивана Горностаевъ, не оселый, водле воли и науки королевое ее милости.

На Городенской и Мостовской коморе дворенинъ королевое ее милости Войтехъ Требский а бурмистры два городенскии Романъ Кудаевичъ а Грышко Ходыкевичъ.

На Бельскую комору и по всимъ мытамъ бельскимъ положонъ дворянинъ королевое ее милости Матей Левицкий а бурмистры два Екимъ Ожаровичъ а Еско.

А к тому Дорогицкая камора со всими мыты к ней прислухаючыми привернена к Бельской коморе и маетъ ее заведати Левицкий жо а Войташко бурмистръ дорогицкий.

На Берестейской коморе маеть мешкати дворанинъ Григорей Воловичъ а два бурмистры берестейскии Протасъ а Михно Калиховичъ.

На Менскомъ мыте положонъ дворанинъ Гринашко Шолушичъ а два бурмистры Өедько Цыцуло а Семенъ Калениковичъ, тыи жъ маютъ заведати Бобруйское мыто и половицу Воложинского.

На Новгородскомъ мыте маеть быти дворанинъ королевое ее милости Александръ Шпырка а бурмистръ новгородский Васко Миткевичъ.

На Полоцкую и Витебскую комору панъ Глебъ Ивановичъ Зеновьевича а бурмистры Давыдъ Панковичъ а Иванъ Становича, тыи жъ маютъ заведати и у Витебску и на Друи.

У Могилеве к тому жъ мыту Полоцкому пограничныи мыта, але особныи маютъ положоны быти Тарасъ Германовичъ, бояринъ могилевский, а два мещанины Павелъ Оршаникъ а Гаврило Смолнянинъ, маютъ быти у Могилеве.

А (пропускъ) к тому жъ мыту Могилевскому маеть стеречы бояринъ королевский дьякъ Бурый, который тамъ мешкаеть, и тыи пенязи маеть и мытникомъ могилевскимъ относити и с ними порозуменье мети.

А тымъ обычаемъ листы господарские до тыхъ всихъ справецъ мытныхъ до каждого поособну писаны.

Жыкгимонтъ, Божью милостью король и великий князь.

Боярину полоцкому пану Глебу Ивановичу Зеновьевича, а бурмистру места Полоцкого Давыду Панковичу, а Ивану Становцѣ. Што есмо полетили заведати и в справе своей мети вси коморы и мыта по Великому князству Литовскому королевой нашой и великой кнегини Боне, ино виделосе ее милости на той коморе Полоцкой и Витебской и на всихъ мытехъ, которыи к коморе Полоцкой прислухають, васъ установити; прото приказуемъ вамъ, абы есте на росказанье и на листы ее милости королевое нашое на тыхъ мытехъ сами справцами были, а у Витебску кому полетили тамошнимъ мещаномъ и верне справедливе бы есте намъ служили и пожытку нашого з великою пильностью на тыхъ мытехъ стерегли, никому не фолкгуючы такъ, какъ быхмо ни в чомъ шкоды не мели, а на местцы одномъ не лежали, але мыта объеждчали и коло нихъ великую сторожу, опатреность и чуйность мели, а предъ ся въ послушенстве были бы есте подскарбего нашого земского пана Ивана Горностая и в кождую пол-

года до него приеждчали и реистра и пенязи относили и личбу чынили, а за працу вамъ ты бы, Глебе, бралъ на тыйдень по двадцати грошей, а вы, мещане, по десяти грошей на тотъ часъ до воли нашое, а больши того абы есте ни одного пенязя собе не брали; а звераемъ вамъ тую комору Полоцкую и Витебскую держати на насъ к верной руцѣ на ваши цноты и на души и на горла ваши, абы есте никоторое речи намъ ку шкоде не впустили, але верне, правдиве намъ служили, а иначей бы то не было. А што ся дотычеть жыдовъ, на томъ есмо с королевою ее милости зостались, черезъ то на тыхъ справахъ мытныхъ ни одного с нихъ мети не хочемъ, и вы бы ихъ съ тое коморы, якъ рокъ прыйдетъ новое лето, сослали и черезъ то ихъ въ той справе тамъ пры собе не мели конечно. Писанъ у Кракове под лет. Бож. Нарож. 1536 месяца ноября 8 день, индиктъ 10.

(Кн. Зап. Лит. XXI, лл. 12 об.—14).

Къ мыту малому и къ монополіи.

1.

Листъ кор. Боны объ арендѣ мытъ малыхъ въ Пинскѣ.

Бона, Божью милостью etc.

Ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ. Штожъ били намъ чоломъ подданые наши жидова пинские Израило а Нахимъ Песаховичи, Таюшко Мошеевичъ, ижъ быхмо имъ мыта наши и корчмы всякие и иньшие некоторые пожитки, што к мытомъ здавна прислухаютъ у замкохъ нашихъ Пиньску, Клецку и Городку арендовали, якожъ тежъ первей сего староста нашъ пиньский, клецкий и городецкий панъ Петръ Кирдеевичъ Мыльский посполъ с каноникомъ виленскимъ писаромъ нашимъ Войтехомъ Ленартовичемъ Нарбутомъ тые мыты и корчмы и пожитки вси иньшие, которые здавна к мытомъ прислухаютъ, тымъ же жидомъ нашимъ запродали от светого Михайла Архангела, недавно прошлого римского свята, тые мыта имъ в моцъ и в справу ихъ поручили, нижли з ними никоторое певное змовы не вчинили, што бы с тыхъ мытъ до скарбу нашого на рокъ платити были повиньни и до насъ то были отложили. Где мы тыхъ часовъ с тыми жиды певное постановене и вмову вчинити о тыхъ мытехъ казали и з ними есмо вжо певную речъ поставили тымъ обычаемъ, ижъ тые жидова верхуписаные отъ светого Михайла Архангела, недавно прошлого римского свята, которое было в року отъ Божьего Нароженя тисяча пятьсотъ сорокъ осмого, ажъ до такогожъ другого свята светого Михайла Архангела, которое будет в року отъ Бож. Нарож. тисяча пятьсотъ сорокъ девятомъ, черезъ одинъ зуполный рокъ маютъ всякие

мыта и понизовое и корчмы наши пивные и медовые з воскомъ, што с корчомъ медовыхъ приходить, и горелку и корчмы посельские, торговое, важное, полозное, воскобойню, перевозы в Пинску и Городку и иньшие пожитки, естли которые ку тымъ мытомъ нашимъ здавна прислухали и по тые лета ихъ ку скарбу нашому выбирано в тыхъ замкахъ и волостяхъ нашихъ Пинскомъ, Клецкомъ и Городецкомъ, держати и водлугъ звыклого обычая и справы тамошнее, яко ся здавна до сихъ часовъ заховывало, на местцахъ звыклыхъ выбирати и справовати и тымъ пожиткомъ водлугъ воли своее шафовати. А за тотъ рокъ супольный верхуписаный отъ тыхъ мытъ, корчомъ и иньшихъ пожитковъ, к тому прислухаючихъ, мають осмьсотъ копъ семдесятъ пять копъ грошей на литовскую личбу и к тому двадцать и пять каменей воску топленого на вагу пинскую до скарбу нашого, то естъ половицу тои сумы о середопостъ прийдучомъ, которое будетъ в ындикте семомъ, а другую половицу и остатокъ тоижъ сумы посполъ из воскомъ при выдержаньи року на святый Михалъ до рукъ старосты нашого пинского пана Петра Кирдеевича Мыльского сполна монетою доброю, ничимъ тыхъ роковъ не омешкиваючи, отдати. А к тому такъ купцомъ постороннымъ, яко тежъ и подданымъ нашимъ, в тыхъ мытехъ жадного обтяженья над звычай стародавный чинити не мають. А што ся дотычеть промыты, естли бы ся на тыхъ мытехъ, которая в томъ году притрафила, с тои водлугъ заховалого обычая половица на замокъ нашъ, а другая на нихъ, яко мытниковъ приходить и делана (делена) быти маеть. Псанъ у Варшаве, под лето Бож. Нарож. 1548 мѣсяца ноября 20 ден, индикта 7.

(Кн. Зап. Лит. XXXII, л. 22—22).

2.

Листъ королевы Боны на аренду мытъ малыхъ въ Кременцѣ.

(Бона).

Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ. Ижъ што которые доходы наши замку Кремянецкого, то естъ мыта гребельное водлугъ старого звычаю и на местцахъ звыклыхъ, также мерки солодовые и бровары местские и млыны на реце Икве, з воли а росказанья нашого, маршалокъ короля его милости староста нашъ кремянецкий державца довкгалишский панъ Иванъ Богушевичъ посполъ зъ двораниномъ на-

шимъ Себестьяномъ Дыбовскимъ отъ нового лета, теперъ в року отъ Божьего Нароженья тисяча пятьсотъ сорокъ девятого недавно прошлого, ажъ до другого нового лета впередъ прийдущого через один зуполный год запродали и арендовали мещанину нашому кремянецкому Михайлу Скуйбеде за триста копъ грошей личбы и монеты литовское. А такъ мы, водлугъ постановеня и арендованя того старосты нашого кремянецкого и Себестьяна Дыбовского, оного Михайла Скуйбеду при тыхъ доходехъ нашихъ замковыхъ кремянецкихъ заставуемъ и заховываемъ такъ, ижъ онъ вси мыта наши замковые кремянецкие на местцохъ стародавна звыклыхъ и водлугъ стародавного звычая и захованья и якъ ихъ держано было, тамъ выбирати и къ рукамъ своимъ посполъ съ гребельнымъ Дунаевскимъ и с Пановскимъ держати и мети маеть. А естли бы где на которыхъ местцах водлугъ звычаю и повинности стародавное ему хто допустити не хотелъ мыта нашого замкового выбирати, тогды староста нашъ кремянецкий повиненъ будеть ему в томъ з уряду своего допомогати и его боронити, то естъ вижа дати и слугъ замковыхъ путныхъ, где будеть ему потреба, къ помоцы послати. А где бы ся хто с товаромъ своимъ промытилъ, таковое промыты на замокъ нашъ Кремянецкий половица, а на Скуйбеду другая приходити маеть. Такъ же тежъ тотъ Скуйбеда мерки солодовые, которые отъ мещанъ нашихъ Кремянецкихъ на замокъ нашъ приходять, к рукамъ своимъ держати и выбирати маеть, окромъ тыхъ мещанъ, которые бы листы нашими отъ плаченья, тыхъ мерокъ слодовыхъ з ласки нашое вызволены были. К тому броварщизну, которая тыхъ же мещанъ нашихъ кремянецкихъ отъ пива и меду на замокъ нашъ водлугъ звычаю приходить, тотъ же Скуйбеда къ рукамъ своимъ держати и выбирати маеть. А хто бы з мещанъ нашихъ тамошнихъ кремянецкихъ, ему не оповедавшися, пива варилъ, або медъ сытилъ, або тежъ, мерки солодовые не отдавши, в млине солодъ мололъ, таковыхъ водлугъ стародавного звычаю на замокъ нашъ Кремянецкий вины три копы грошей, а Скуйбеде истизну заплатити маеть. А однакожъ в тыхъ броварехъ вольно маеть быти на замокъ нашъ Кремянецкий пиво варити. А тотъ часъ, кгды на замокъ пиво буду(ть) варити, пивоваромъ изъ замку страву мають давати. А (съ) которыми статки и начинями тотъ Скуйбеда оные бровары нашие теперечи в моцъ и справу свою взялъ, с такими жъ статки и начинями и подъ тою личбою по выдержаньи аренды своее тые бровары наши намъ здати повиненъ будетъ. При томъ тежъ

млыны наши замковые кремянецкие, которые суть на реце Икве, то есть Кокоревский, Дунаевский, Подлесецкий и Сатановский со всими вымелки и пожитки и з валидбы (sic) тотъ же Скуйбеда к рукамъ своимъ держати маеть. А естли бы ку тымъ млыномъ каменя потреба была, тогды подданые наши Подлесецкие, водлугъ стародавного обычая и повинности, мають каменья с потребу до тыхъ млыновъ на его двѣ части, а мелники третюю давати. А мельники тежъ водлугъ старого звычаю на третей мерце в тыхъ млынехъ захованы быти мають; а того с пильностю мельники стеречи мають, абыся Скуйбеде в тыхъ млынехъ жадная шкода не деяла. А естли бы ся ему за ихъ недбалостью и непатрностью в тыхъ млынехъ шкода которая стала, тогды с права повинни они будуть то ему нагородити, яко бы онъ в томъ нешкодовалъ. А староста нашъ Кремянецкий повиненъ будеть гребель в тыхъ млыновъ казати оправовати. А естли бы, чого Боже уховай, у которого с трехъ млыновъ гребля отъ воды кгвалтовне была порвана, тогды маемъ Скуйбеде водлугъ речи слушное ласку нашу при плаценю аренды вделати. Ставъ Дунаевский, на которомъ спустъ естъ, староста нашъ Кремянецкий маеть казати, кгды того часу будеть, засыпати, а отъ которого часу оный млынъ замелеть, одъ того часу маеть его Скуйбеда зуполный рокъ выдержати. А наши такъ мещане, яко и селяне Кремянецкие водлугъ повинности стародавное в млынехъ нашихъ, а не в чужихъ збожъя всякие свои и солоды молоти мають под виною на замокъ нашъ Кремянецкий трема копами грошей и подъ втраченемъ збожя своего до Скуйбеды. А ку тымъ млыномъ коваль подлесецкий водлугъ повинности своее стародавное вси потребы зелезные маеть робити и поправовати зъ зелеза замкового. А за то въ млыне мерка отъ збожья его, водле обычая, не маеть брана быти. Такъ же тежъ корчмы две поселские у Кококорове и у Дунаеве тотъ же Скуйбеда держать маеть; яконалепей розумеючи ку пожитку своему ихъ привести можеть тые вси пожитки и доходы наши, то есть мыта всякие стародавные, мерки солодовые, броварщизну и млыны на Икве и две корчмы посельские, водлугъ постановенья и арендованья старосты нашого кремянецкого и Себестьяна Дыбовского, тому мещанину нашому кремянецкому Михайлу Скуйбеде, почавши отъ нового лета теперъ прошлого ажъ до другого нового лета впередъ прийдуцого, замыкаючи аренду остаточнымъ днемъ м-ца декабра черезъ одинъ зуполный рокъ, который ся пишесть (sic) отъ Бож. Нарож. тисеча пятьсотъ сорокъ девятого, за тую суму верху писаную за триста

копъ грошей личбы литовское симъ листомъ нашимъ арендуемъ и описуемъ. Маеть тотъ Михайло Скуйбеда тые вси доходы наши верхуписаные к рукамъ своимъ держати и черезъ тотъ зуполный рокъ, яко у верху описано есть, ими ку пожитку своему справовати, а намъ за то до скарбу нашого водлугъ вмовы, которую с тымъ старостою нашимъ кремянецкимъ и з Себестияномъ Дыбовскимъ вделалъ, черезъ руки того жъ старосты нашого кремянецкого триста копъ грошей личбы литовское, то естъ: первую сто копъ на Громницы, другую сто копъ на свято светыхъ апостоловъ Петра и Павла, а третюю сто копъ при выдержаньи аренды за три недели передъ Божьимъ Нароженьемъ в року нинешнемъ дати и заплатити будеть повиненъ. А к тому тежъ маеть дати тотъ Скуйбеда на себе тамъ старосте нашому кремянецкому рукоемство слушное, або листъ свой записный, такъ, яко естъ обычай, подъ своею и людей добрыхъ печатьми, такъ и за которымъ рукоемствомъ, або листы его певные бы есмо были тое заплаты отъ него трехъсотъ копъ грошей водлугъ тое аренды нашое. И на то есмо тому Михайлу Скуйбеде сес нашъ листъ дати казали з нашою печатью. Псан у Варшовѣ под лет. Бож. Нарож. 1549, м-ца ген. 13 ден, индиктъ 7.

(Кн. Зап. Лист. XXXII, лл. 47 об.—50).

3.

Берестейская устава о продажѣ солода.

Подскарбій земскій О. Воловичъ разсматривалъ жалобу войта и мѣщанъ Троцкихъ на мѣстнаго арендатора солодовень Еска Мордухаевича о томъ, что послѣдній поступаетъ не „водлугъ аренды“ и не „водлугъ уставы Берестейское“, продаетъ имъ солоды дороже и меньшею мѣрою, чѣмъ самъ покупаетъ на торгу, на что представлены выписы изъ книгъ врядовыхъ, посвидѣтельствованые вижемъ; арендаторъ, въ свою очередь, представилъ выписы изъ книгъ замковыхъ, что онъ продаетъ солодъ настоящею бочкою. Вслѣдствіе этого О. Воловичъ, по приказанію господаря, „*в сесь мой листъ уставу берестейскую казалъ есьми вписати*“. Приводимъ выпись этой уставы.

Напервей. Жидъ арендаръ збожье на солодъ потребное маеть з ринку и с торгу места Троцкого куповати ценою слушною, которую цену збожъя кождого торгу тые, которые на то уставлены будуть, то

есть одинъ вижъ з уряду замкового Троцкого и другий чоловекъ присяжный з уряду местского Троцкого, а жидъ арендаръ самъ, або кого на своемъ местцу ку той справе постановить, и кождого дня торгового цену збожья, на солодъ згожого, зголливе у реестра свои маютъ писати, а почому якое збожье на солоды згожое которого дня торгового будеть, потому и по той же цене от торгу до торгу жидъ арендаръ солодъ оного збожъя продавати таковою жъ мерою, якою и которымъ обычаемъ с торгу збожъе приймуеть, то естъ: естли зверхомъ с торгу збожъе приймуеть, тогды солодъ зверхомъ тежъ продавати маеть, а естли збожъе подъ стрыхъ збожъе приймуеть, тогды тежъ солодъ подъ стрыхъ продавати будеть. А жидъ арендаръ не маеть мети розныхъ и непристойныхъ меръ и бочокъ ку скупованью збожъя и продаванью солодовъ; солодовники, которые у солодовни его солодъ робять, маютъ присяглые быти и присягу вделати передъ урядомъ замковымъ Троцкимъ, з ведомостью враду местского Троцкого на томъ, ижъ солодовъ мешаныхъ з розного сбожъя немаютъ робить, солодъ кождого збожъя пшеничный особно, ячный особно, житный иного збожъя; а естьли бы арендаръ солодовниковъ ку тому тиснулъ и примушалъ, ижъ бы солодъ з розного збожъя робили и его надъ звычай вырасчали, тогды солодовники маютъ то без мешканья оповедати на враде Троцкомъ замковомъ, а врадъ замковый маеть того заборонити делати оному арендару. Тыежъ солодовники подъ тою жъ присягою маютъ догледати, абы жидъ арендаръ не иншою мерою, только звычайною торговою збожъе с торгу до солодовни куповалъ и таковоюжъ мерою солодъ мещанамъ и жидамъ водлугъ того, яко вышей описано есть, продавалъ, того стерегучи, абы штуки великии в ономъ солоде надъ звычай не были; а естли бы жидъ арендаръ на которого мещанина, або жида о нерыхлое заплаченье солоду справедливость жадалъ, тогды врадъ до которого жидъ своего виноватого водлугъ присуду позоветь, маеть на ономъ виноватомъ мещанине, або жиде заплату от бранья солоду в чотырехъ неделехъ всказати готовыми грошми, а не фанты, кгдыжъ жидъ готовыми грошми аренду платити повиненъ. А хто бы з мещанъ, або жидовъ на боркъ у жида солодъ взялъ, тогды кождую бочку грошомъ однымъ литовскимъ надъ цену торговую ему платити будеть повиненъ такъже в чотырехъ неделехъ. А ижъ се то притрафляеть, ижъ одного збожъя розные цены бываютъ на торгу одного дня, то естъ иншая цена збожъя порану, иншая о полудни, а иншая к вечору, тогды где бы ся то притрафило, цена

середняя полуденьная маеть до реестру вписана быти и подлугъ того солодъ отъ оного торгу до другого продаваный быти маеть.

(Кн. Судн. Дѣлъ Лит. XLI. л. 17—18 об.).

4.

Къ исторіи соляного склада въ Берестьи.

Маршалку и писару нашому старосте тыкотиньскому пану Яну Шимковичу. Што перво сего, бачечи быти розмноженье пожитку скарбу нашого, росказали есьмо складъ соли белое в Берестьи постановивши выволати, абы за Немонъ соль крупястая не шла подле давного обычая, але ижъ бы вси въ томъ краи перемешкиваючие от Берестья до Немна по Городно крупястое соли провадити не смели, але тое соли белое складу Берестейского вживали, ино ижъ многие (съ) подданыхъ нашихъ набеганье чинили намъ, кгды есьмо до Коруны Польское тыхъ часовъ ехали, и били намъ чоломъ, абы соль крупястая была пущона по реку Наровъ, поступуючи за пожитокъ, которий съ складу Берестейского мелъ быти, до скарбу нашого отъ каждое бочки по 6 грошей, на што призволивши, такъ постановляемъ: хто бы хотелъ черезъ Немонъ соль крупястую провадить по Наревъ реку до Яселды во все староство и хорузьство Слонимское ажъ до Мостовъ, а зъ Мостовъ ажъ до Городна по великую дорогу Лидскую до границы Пруское, а границою Прускою в реку Бобръ, а з Бобри в Наревъ и вверхъ Нарви по Яселду ажъ до того жъ назначоного местца стороства Слонимского, таковымъ вольно будеть в старомъ мыте и въ поборе, давши 6 грошей от бочки соли крупястое, провадити ее черезъ Немонъ с Прусъ по вышшеназначонымъ местцамъ. Нижли черезъ реку Наревъ и Яселду жаденъ не маеть упорне провадити и вживати тое соли под тымъ же закладомъ нашимъ, на листехъ нашихъ выданымъ. Ведже хто бы хотелъ черезъ Наревъ до Немна белую соль провадити, тымъ вольно водле першого росказанья нашого справоватися. Для того приказуемъ тобе, ажбы еси подданымъ тыкотинскимъ староства своего заказалъ, жебы нихто з нихъ черезъ Немонъ, провадечи соль, альбо с Прусъ, не смелъ прокрадывати побору мыта и сольничого вышшеназначоного подъ утратою всее маетности, што кольвекъ при немъ знайдено будеть, ажъ заплативши мыто и поборъ, а сольничое тому, хто будеть уставленъ от мар. двор.

за листомъ его: а хто бы ся кольве важилъ прокрадываючи провадити соль за Немонъ и с Прусъ черезъ Мазовею по реку Наревъ, альбо черезъ Наревъ, таковыхъ подданыхъ нашихъ забирати абы еси тому дворанину нашому Богуфалу допустилъ и на иншихъ посторонnихъ людей помочъ давати ему велелъ. И где бы ся трафило в небытности того дворанина нашого, абы еси самъ гамовалъ и враднику своему того стеречи и забирати казалъ, а за то половицу оное маетности загамованое тобе, естли кого кольве тамъ у Тыкотине загамовано будеть, казали есьмо давати, а другую половицу до скарбу нашого, для того абы еси подданымъ нашимъ обвестити велелъ, ижъ бы за неведомостью у шкоду не приходили, а естли бы еси не допустилъ таковыхъ тамъ у Тыкотине гамовати и помочи давати не хотелъ, тогды повиненъ будешъ справоватися намъ, господару, и закладъ перво сего положеный и о всю шкоду скарбу нашого, которая ся за тымъ станеть, того абы еси и выстерегался, кгдыжъ то вамъ, врадникомъ нашимъ, належить постерегати пожитковъ з скарбу нашого и розмножати, а не перекажати ихъ. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1562 м-ца ноября 23 д.

(Кн. Переп. Лит. VII, лл. 142 об.—143 об.).

5.

Къ исторіи соляного склада въ Пинскѣ.

Жыкгимонтъ Августъ, Божю милостью король полски.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ вдовамъ и ихъ наместникамъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ заказникомъ местъ нашихъ господарскихъ и князьскихъ, паньскихъ, земянскихъ, духовныхъ и тежъ жидомъ и татаромъ в паньстве нашомъ Великомъ князьстве Литовскомъ. Што есьмо перво сего всимъ вамъ черезъ листъ нашъ ознаймити казали, ижъ которая соль толпястая белая идеть до места нашого Луцкого с Коломыи, з Долины и з иншихъ местъ, а з Луцка ее до места нашого Пиньского подданые нами мещане пиньские и околичные мещане и волощане обователи иншихъ местъ и селъ нашихъ господарскихъ, также и князьскихъ, паньскихъ, земянскихъ и духовныхъ, которыхъ именья ку замку Пиньскому прислухають, на продажу провадять, а с того никоторого пожитку до скарбу нашого

не было. Ино мы, порадокъ хотечи вчинити, арандовали тотъ складъ соленый в месте Пиньскомъ подданымъ нашимъ войту пиньскому Андрею Ивановичу и мещаномъ пиньскимъ Сеху Рацевичу, Степану Лычковичу, Петру Лазорковичу, Позному Левонковичу, Олексею Кушелевичу, Богдану Кочановичу, Нестеру Лунковичу, Ивану Бережецкому, Олешку Козорезу, Мартину Бобыру, Костюку Лугичу, Богдану Логанику, Ѳедку Демьяновичу, Якубу Станиславовичу, Юшку Горевичу, Кондрату Бубновичу, Ждану Сочивце от светого Мартина пришлого света, которое будеть в року теперешнемъ 63-мъ, то естъ на пять годъ за певную суму пенезей. И вжо отъ того света и дня помененого продавати имъ велели в месте и во всемъ повете Пиньскомъ ни большъ, не меньшъ, одно завжды до выдержанья тое аранды по 15 грошей литовскихъ каждую тисячу толпъ соли белое, а иншие мещане пиньские и жидове и иншихъ местечокъ и селъ замку Пиньского, а подданые наши, также князи, панове, земяне и духовные, которыхъ кольве именья в повете Пинскомъ естъ, и подданые ихъ, которые перемешкиваючи в Пинску, соль продавали и шинковали, вжо отъ того часу свята помененого светого Мартина не маютъ ее в Луцку и нигде инде на продажу и на властную потребу свою куповати, одно в тыхъ вышейпомененыхъ арандаровъ нашихъ в месте Пиньскомъ маютъ тую соль куповати по той уставе вышейпомененой, о чомъ же есьмо и первей сего листъ нашъ о то до васъ писати казали; нижли далъ намъ тою справу дваранинъ нашъ, на тое солничое приданый, же вы и подданые ваши предъся соль в домехъ своихъ з иншихъ местъ препроважоную и не в нихъ купленую держите и ею шинкуете, не дбаючи ничого на листъ и росказанье нашо господарское. Што естли бы такъ было, того бы есьмо не ради слышали и не з ласкою нашою то от васъ приймовали, для чого жъ и теперъ приказуемъ всимъ становъ духовнымъ и светскимъ, подъ закладомъ нашимъ десятьма тисечми копами грошей, абы вы сами на потребу свою инде нигде, кромъ ихъ, соли не куповали и в томъ имъ никоторое переказы не чинили и людемъ местечокъ и именей селъ вашихъ, которые в Пинскомъ повете маете, грозне приказали, жебы они нигде соли куповати и на потребу свою оборочати и продавати не смели; и по которыхъ местечкахъ и именьяхъ и селахъ нашихъ господарскихъ, также князьскихъ, паньскихъ, земяньскихъ и духовныхъ будуть они сторожу для проваженья тое соли держати, вы бы имъ того не бороняли и никоторое не безпечности здоровью

того дворанина нашого, имъ на то приданого, и слугъ его и тыхъ арендаревъ нашихъ самихъ и справецъ ихъ не чинили и чинити не казали и во всемъ спокойне ся ку нимъ заховали подъ тою жъ зарукою вышей мененою. А особливе подданымъ своимъ, подъ забраньемъ всее маетности ихъ, приказали, жебы они соли, кромъ ихъ—арандаровъ нашихъ, ни в кого явне и потаемне не куповали, ани откуль провадили и ее не продавали и на властную потребу свою не держали. А где бы в кого колвекъ с подданныхъ нашихъ, мещанъ и волощанъ, ку Пинску прислухаючихъ, такъ тежъ и въ васъ самихъ князей, пановъ и земянъ, шляхты въ именьяхъ в дворехъ вашихъ, в повете Пиньскомъ лежачихъ, такъ светскихъ яко и духовныхъ и тежъ с подданыхъ вашихъ где инде, а не в нихъ такъ на властную потребу, яко и на продажу куплепая соль знайдена была, таковую мы тому дворанину нашому забирати казали и за ведомостью вряду тамошнего тая соль забираная половица на замокъ, а другая половица тымъ арандаромъ маеть быти, чого вы, врадники наши, также войтове, бурмистры и радцы абы есте, не вымовляючи ся ничимъ с повинности своее, пильне пристерегали. И естли бы ся тые арандари, справцы и слуги ихъ в той справе соляной которого кольвекъ вряду нашого господарского, або до врядниковъ вашихъ утеклися, абы есте имъ оборону и помочъ чинили. А хто бы сему росказанью нашому спротивенье уделалъ, о таковыхъ упорныхъ ажъ бы есте намъ, господару, ознаймовали, а мы, маючи отъ васъ певную ведомость, учинимъ с тымъ, што ся намъ, господару, слушного в томъ видети будеть. Писанъ у Ковне лет. Бож. Нарож. 1563 м-ца июль 3 дня.—Подписъ руки господарское.—Остафей Воловичъ.

(Книг. Зап. Лит. XLIV, л. 70—72).

6.

Господарскій листъ объ обложеніи рыбной торговли въ Пинскѣ.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ мы, господаръ, примножаючи пожитокъ скарбу нашого а беручи прикладъ з иншихъ местъ нашихъ господарскихъ и з местъ князскихъ, паньскихъ, земянскихъ и духовныхъ, в паньстве нашомъ Великомъ князьстве Литовскомъ будучихъ, ижъ по многихъ местечкахъ от купцовъ, которые рыбами перекупують, немалые пожитки бывають, котории пожитокъ и в месте

нашомъ Пиньскомъ за слушнымъ и без обтяженья подданыхъ нашихъ быти розумеючи, установили есьмо платъ новый отъ рибъ, которые в месте Пиньскомъ у волости староства Пиньского розные купцы продають, таковымъ обычаемъ, ижъ вси купцы и рыболове в месте Пиньскомъ и в местечкахъ, в Нобли и в Мотоли, также и во всихъ селахъ нашихъ волости Пиньское, хто бы колвекъ такъ в торгу на рынку, яко и на воде и на которомъ колвекъ местцу въ старостве Пиньскомъ рибы великие, малые, живые и вялые, осетри, щуки, уюны и всякие иные рибы великие и малые продавалъ и ими перекуповалъ, тотъ кождый повиненъ будеть на насъ господара давати десятую рибу; а естли бы хто рибы, в бочки посоливши, бочками где инде з места и з волости Пиньское рибу продавати хотелъ, тотъ кождый повиненъ будеть тому, кому то отъ насъ догледати злецоно будеть, то ижъ с тымъ товаромъ до иншихъ местъ, або волостей ехати мастъ оповедати и бочки дати нацеховати и квиты отъ справцы, на то вставленого взяти, а отъ того цехового грошъ одинъ, а отъ квитку другий грошъ давати повиненъ; а где бы тежъ хто колько бочокъ рыбъ солоныхъ до места Пиньского привезши, з бочокъ шинковати хотелъ, або до иншихъ местъ везти хотелъ, таковый кождый также десятую бочку рибы, або десятую рибу до справцы, на то встановленого, давати повинни будуть. И для лепшого и певнейшого в томъ пожитку скарбу нашого арендовали есмо тотъ платъ, водле постановенья в семъ листе нашомъ выписаного, подданому нашому жиду пиньскому Маеру Мошевичу, почавши отъ дня и року певного Громницъ, которое свето будеть в року нинешнемъ 68-мъ, на три годы зуполныхъ по собе идучихъ до таковогожъ року дня и света, которое будеть в року 71-мъ, за певную суму пенезей на кождый годъ по 100 копъ грошей. Маеть впредъ речоный Маеръ Мошевичъ тотъ платъ десятую рибу и отъ бочокъ поквитное, цеховое и покопное водле сее уставы нашое самъ чрезъ себе и черезъ слугъ своихъ в месте Пиньскомъ и в местечкахъ в Нобли и в Мотоли и во всей волости Пиньской в подданыхъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, паньскихъ, владычницкихъ, кгардыянскихъ, архимандрычихъ, игуменьскихъ и всякихъ духовныхъ, хто бы кольвекъ рибою перекуповалъ, выбирати и ку пожитку своему оборочати, а с того до скарбу нашого на кождый годъ по сту копъ грошей платити, которыхъ пенезей на кождый годъ на день светого Петра по 50 копъ грошей, а додерживаючи року на день Громницъ по другому 50 копъ грошей отдавати повиненъ бу-

деть. А подданые наши господарские, князские, паньские, земянские, владычницкие и духовныхъ тую десятую рибу и платъ пенежный водле постановенья, в семъ листе нашомъ описаного, тому арендару нашому Маеру Мошеевичу завжды платити и отдавати повинни будуть, никоторое трудности в томъ ему и справцамъ его не задаваючи; а где бы хто с подданыхъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, паньскихъ, земяньскихъ и духовныхъ в месте Пиньскомъ и в местечкахъ Нобли и Мотоли, также и во всей волости Пиньской десятое рибы, албо цехового, поквитного и покопного, водле уставы нашое, давати не хотелъ, албо тому арендару не оповедавшися и не нацеховавши, рибу продавати смелъ, тотъ будеть повиненъ заплатити вины на врадъ замку Пиньского 30 копъ грошей, а тому арендару 20 копъ грошей, а таковое рибы, яко промычоное, половица на замокъ нашъ, а половица на того арендара взята быти маеть. А старостове наши пиньские и ихъ наместники пильне того доглядати и постерегати мають, ижъ бы вси купцы и рыболове десятую рибу и пенязь от рибъ, водле постановенья нашого, до рукъ того арендара отдавали и во всемъ напротивъ ему, водле сего постановенья нашого, заховали. И на то есмо тому Маеру Мошеевичу дали сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писанъ у Кнышине лет. Бож. Нарож. 1568 м-ца февраля 17 дня.

(Книг. Зап. Лит. XLVIII, лл. 182—183 об.).

Къ исторіи монетнаго дѣла.

1.

Дворанину нашому пану Миколаю Нарбуту, который тотъчасъ есть у земли Жомойтской отъ старосты жомоитского пана Яна Миколаевича Радивиловича на местцы его милости, и тежъ всихъ тивуномъ земли Жомоитское, которые теперъ у тивунствахъ своихъ мешкають, а сыновъ своихъ на службу земскую за себе на войну послали, и которыи тивунове на службѣ земской суть, тыхъ врадниковъ, хто будеть отъ нихъ на тивунствахъ ихъ заставенъ. Што есмо, намовившы с паны радами нашыми, росказали в тамошнемъ панстве нашомъ Великомъ князствѣ Литовскомъ новую монету у мынцы нашой бити, грошы плоскии, которыи бы были браны по два полугрошки, або по десяти пенезей первшое монеты, и велели по всимъ землямъ и местомъ того панства нашого выволати и везде оповедити, абы вся земля, подданыи нашы, тую новую монету, подле уставы нашое а важности ее, кождый грошъ брали по два полугрошки, або по десети пенезей и за всякии речы оную монету приймовали и ничимъ ее не обегали подъ грознымъ караньемъ нашымъ, яко жъ тыи грошы плоскии по всему панству нашому, водле уставы, идуть и вси подданыи наши ихъ беруть. Нижли дей въ земли Жомойтской оное монеты новое потому, якъ есть устава наша, приймовати не хочуть и тыхъ пенезей обегають, в чомъ же ся не малая трудность и шкода иншымъ подданымъ нашымъ дееть; а звлаща противъ воли нашое то они смеють делати, не маючи бачности на росказанье нашо, яко есть по всей земли росказанье нашо на то вчинено. Прото жъ штобы

есте всимъ подданымъ нашымъ земли Жомоитское кождого стану грозно приказали, ажбы они тыи гроши плоскии новое монеты подле уставы брали, кождый грошъ по два полугрошки, або по десяти пенязей, и за всякии речы ихъ приймовали, ничимъ не обегаючы, яко по всему панству нашому тыи пенези бывають браны. А естли бы хто с подданыхъ нашыхъ земли Жомойтское подле росказанья нашого въ томъ ея не справовалъ и оное монеты потому, яко есть устава, брати не хотелъ, вы бы в таковыхъ оные речи и товары, што будеть в кого за колко сторговалъ, а онъ заплаты тыми пенезьми новою монетою прыймовати не хотелъ, моцно на насъ забирали, жадному з нихъ в томъ не фолкгуючы и никому того каранья не опущаючы, абы они в лепшой бачности росказанье нашо мели; и того бы есте смотрели, абы тая монета везде, по всей земли Жомоитской, была брана водле уставы и теперешнего росказанья нашого, а нихто бы иначей не смелъ того чынити.

Безъ даты. Среди актовъ 1535 г.

(Кн. Зап. Лит. XIX. лл. 11—12.)

2.

Старосте луцкому, браславскому и веницкому князю Богушу Өедоровичу Корецкому. Нижъ потребы великие земские для обороны границъ паньства и подданыхъ нашихъ на скарбъ нашъ пришли, про то абы в мынцы робота поспешнейшая была, за чимъ бы тежъ, даючи пенези служебнымъ и на иные земские потребы, не омешкивалося, для того росказали есьмо въ мынцы нашой монету другую бити с такового жъ пакгаменту, яко и на тотъ часъ мынца идеть, пошостные и потригрошные гроши, то естъ в одномъ ваги выносить 6 грошей литовскихъ звыклое монеты, в кождомъ гроши по 10 пенезей большихъ, другие половицею меньшие, то естъ по 3 гроши такежъ литовскихъ, на которой мынцы тваръ наша господарская, а з другое стороны погоня, а особно потригрошные гроши вышшого пакгаменту талярового сребра велели есьмо бити в той же мынци, а на немъ с одное стороны два першие слова, которыми ся починаеть писати имя нашо господарское, а з другое стороны таковый же гербъ погоня,— ваги не большое, ани меньшое, одно по 3 гроши жъ литовскихъ, в кождый грошъ по 10 пенязей большихъ. Ты бы, пане староста, о томъ ведаючи, въ томъ месте нашомъ Луцкомъ то ознаймити и всимъ

явне объволати велелъ, абы вжо от сего часу тое мынцы водле личбы вышейназначоное каждый вживалъ, приймовалъ и отбывалъ безъ всякого затрудненья, кгдыжъ однакую вагу несеть, яко и нинешная мыньца вышей менованою ценою, а хто бы, ведаючи тое обволанье, о тую мынцу вчиненое, оное монеты приймовати не хотелъ, таковый товари свои, о што бы торгъ шолъ, тратити маеть и тые товари на насъ, господара, забирани будуть; прото абы нихто не смелъ важитися тое мынцы обегати и людемъ вшеляко стану куповати и продавати потребнымъ для тое монеты трудности чинити не важилися. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1562 м-ца августа 18 дня.

(Кн. Переп. Литов. VII, л. 122).

2.

Жыкгимонтъ Августъ, Божю милостью король полский, великий князь литовский, пруский, жомоитский, мазовецкий, ифлянтский и иныхъ.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маршалкомъ, княгинямъ, панямъ вдовамъ, старостамъ, державцамъ и врадникомъ нашимъ господарскимъ и земскимъ и тежъ войтомъ, бурмистромъ, радцамъ в местехъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, панскихъ и духовныхъ по всему панству нашому Великому князьству Литовскому. Што в тыхъ часехъ многие а розные мынцы з земль посторонныхъ в панстве нашомъ входять, ино обегаючи мы, господаръ, то ижъ за вынесеньемъ таляровъ новыхъ, которие ваги зуполное, яко старие таляри, в собе не мають, не малая шкода в скарбе нашомъ и межи всими станы вобецъ деетъ, а то для того, ижъ в земляхъ посторонныхъ таковые таляры толко по золотому польскому беруть, а в панствехъ нашихъ за ровно з старими по золотому и по 3 гроши, и хотечи тому в часъ забечи, абы вжо напередъ тымъ большъ, яко скарбъ земский, такъ и каждый з обоватлей тамошнего панства нашого Великого князьства Литовского в бранью оныхъ новыхъ таляровъ шкоды не приймовалъ, такъ есмо постановили, ижъ тые таляры новые, которие зъ земель посторонныхъ до панства нашого вынесены, не маютъ в большой цене браны быти, только по 30 грошей польскихъ и по 4 пенязи белыхъ, а старие таляры водле обычаю давного, то естъ по 33 грошей польскихъ; прото, абы есте о томъ ведаючи сами в большой цене над сее росказанье нашо тыхъ новыхъ таляровъ не брали

и яко по местамъ нашимъ господарскимъ, такъ и по всимъ князскимъ, панскимъ и духовнымъ обволывати везде велели таковые новые таляры брати, росказуючи не большъ, одно по 30 грошей польскихъ и по 4 пенязей белыхъ, бо где бы хто не заховываючися в томъ водле того листу и росказанья нашого оные таляры новые в большой цене, а нижли яко в семъ листе нашомъ вышей описано, бралъ, нехай о томъ кождый ведаеть, же з ничиею шкодою, только зъ своею то на собе понесеть. Писанъ въ Люблинѣ лет. Бож. Нарож. 1567 месяца сентября 4 дня.

(Кн. Зап. Лит. XLVII, л. 109).

Къ исторіи прямой подати.

1.

Листъ о серебщинѣ и о высылкѣ подданыхъ въ войско въ 1563 г.

Тые листы тымъ обычаемъ писаны о серебщизну.

Тивуну земли Жомоитской волости Дирмяньское Яну Крадовскому. Ижъ для потребы речи посполитое уфалили и постановили есмо серебщизну, яко съ подданыхъ нашыхъ, такъ зъ людей князьскихъ, паньскихъ и духовныхъ съ кождое сохи воловое и конское по полукопю грошей, а съ полсохи, то есть одного вола, або одное клячи по петнадцати грошей, а хто бы воловъ, ани клячъ не мелъ, тогды зъ земли суполное службу, которую пашуть, по петнадцати грошей, а зъ огородника по пяти грошей, а въ местехъ, которые пашни не маютъ, ани огородовъ, отъ воротъ по три гроши, якожъ однесенью и отданью тое серебщизны рокъ певный на день свята Нароженья Панны Марии въ року теперешнемъ шестьдесятъ третемъ месеца сентебра осмого дня назначонъ. А такъ приказуемъ тобе, ажбы еси до тое серебшчизны рокъ подданымъ нашимъ державы своее зложилъ и самъ, або черезъ урядника своего тую серебшчизну по тому, яко вышей ознаймено, съ подданыхъ нашихъ выбравши, до скарбу нашого отдалъ, ничимъ того року назначоного дня Нароженья Панны Марии не омешкиваючи, а, выбираючи тую серебшчизну, не бралъ бы еси въ нихъ большей, только отъ кождое сохи бирчого пенязь одинъ, а пишчого такожъ пенязь одинъ: а мы до войтовъ, десятниковъ и всихъ подданыхъ нашихъ тамошнихъ листъ нашъ писати казали, же бы они на рокъ, отъ тебе назначоный, тую серебшчизну до тебе, або до

врадника твоего отдали, сплошенства и никоторое проволоки въ томъ не чинили. Ктому ижъ мы сами, господаръ, особою нашою господарскою, дасть ли Богъ, у войску быти маемъ, прото хочемъ мети, абы вси подданые наши тамошние люди волостные зъ двадцати волокъ двухъ чоловековъ и возъ двема клячами добрыми выправили, давши имъ у войско провадити живность на хлебъ сухий, муки бочку, гороху два корцы, крупъ овсяныхъ два жъ корцы, або толькна также два корцы, пшона корецъ, лошины два камени, соли два камени, чоснoку корецъ, сыровѣ десеть. А тые два чоловеки, которыхъ выправять, абы мели по рогатине и по сокери и сами тежъ для себе ижъ бы они приложилися живностью такъ, якобы на полрока зъ собою живности мели. А за то имъ всимъ съ кождое волоки што повинни на годъ отъ жорновъ давати по десети грошей и по чотыри пенези, ажъ бы еси отпустилъ. А будуть ли они за теперешний рокъ тые пенязи одъ жорновъ вжо выдали, ино серебшчизныхъ пенязей отъ кождое волоки по десети грошей и по чотыри пенязи абы еси въ нихъ не добиралъ. И со всими тыми людми, которыхъ они за росказаньемъ нашимъ выправять, же бы еси на часъ певный, на который и войску нашому у Креве збиратися есмо росказали, тамъ до войска былъ, ничимъ того часу и дня не омешкиваючи; а того бы еси съ пильностью досмотрелъ, яко бы врадники и войты никоторыхъ пожитковъ зъ выправы тыхъ людей не привлашчали. А особливе росказали есмо мешчаномъ волости Дирманьское зъ девети чоловековъ десятого выправити, которые абы скупуючи за пенязи свои живность вшелякую и тежъ тою живность, где на которыхъ местцахъ за пенязи наши господарские скуплена будеть, беручи въ пенезехъ, отвозили до войска, а то въ нихъ у войску куповано будеть не уставою, але торгомъ, не чинечи никоторое кривды. А ижъ есьмо тыхъ часовъ тивуну тверскому Миколаю Станькевичу зъ ласки нашое господарское дали тивунство Ойракгольское, для того росказали есмо ему тивунство Тверское тобе въ моцъ подати, а такъ приказуемъ тобе, ажъ бы еси, яко ревизоръ земли Жомоитское, тое тивунство Тверское въ него зъ моцы оземши, у справе своей мелъ до науки нашое и съ подданыхъ того тивунства серебшчизну выбиравши, на тотъ же рокъ назначоный посполъ зъ иншими пенезьми серебшчизными до скарбу нашого отдалъ и якую есьмо выправу на войну и инымъ подданымъ нашимъ вчинити росказали, по тому жъ бы еси и съ того тивунства людемъ въ томъ заховатися велелъ, справуючися водлугъ листу нашого, о сереб-

шчизну и о той выправе до нихъ писаного, который до тебе послати есьмо казали. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1563 м-ца июля 14 дня.

(Кн. Переп. Литовск., VII, л. 12 об.—14).

2.

Тые листы такъ писаны о данье пенязей водле вложенья соймового съ кождого места.

Войту и всимъ мешчаномъ места Бобруйского. Ижъ великие, пилные, праве кгвалтовные потребы на сесь часъ припали, на которые пенязей до скарбу нашого естъ потреба, а податокъ на потребу речи посполитое, но сойме теперъ недавно минуломъ уфаленый серебшчизна, ешче не выбрана, прото покладаемъ на тое место нашо на всихъ васъ суму пенязей двесте копъ грошей, якожъ и дворанина нашого.... о томъ до васъ послали и приказуемъ вамъ, ажъ бы есте отъ оказанья вамъ сего листу нашого за тыдень тые пенязи до поборцы тамошняго Стомы Макеевича отдали, проволоки никоторое въ томъ не чинечи и того часу и дня назначоного ничимъ омешкати не смеючи; а поборца вжо тые пенязи до скарбу нашого отошлеть. А кгды податокъ, на потребу речи посполитое удаленый выбравши, до скарбу нашого отнесуть, на онъ часъ тые пенязи вамъ отъ бирчихъ земскихъ, на отбиранье серебшчины уставленыхъ, отданы будуть. А естли бы которые сплошенства и проволоку увъ отданью тыхъ пенезей чинечи, а того, што на кого зъ нихъ отъ враду вашого местского узложено будеть, на часъ назначоный не отдалъ, въ того врадъ нашъ местский нехай то, што на него положоно, моцно озметь и вжо кождому таковому непослушному того съ податку земского не отдаючи, на потребу места тамошнего то обернути роскажемъ. Писанъ у Ковне лет. Бож. 1563 м-ца июля 4 день.

(Кн. Переп. Лит., VII, лл. 10—11).

3.

Лист къ „сборамъ" еврейскимъ относительно поголовщины 1568 г.

Жикгимонтъ Августъ.

Ко всимъ жыдомъ збору ихъ жыдовского Острозского такъ подданымъ нашымъ, господарскимъ, яко тежъ князъскимъ, панскимъ, шляхетскимъ и духовнымъ. Што на теперешнемъ прошломъ вальномъ сойме Городеньскомъ съ потребы речи посполитое панства нашого Великого князства Литовского, за сполнымъ зволенемъ пановъ радъ нашыхъ ихъ милости духовныхъ и свецкихъ и тежъ врадниковъ нашихъ земскихъ и дворныхъ, и пословъ земскихъ, и всихъ становъ, сойму належачыхъ, пры насъ, господару, уфаленъ и постановенъ естъ податокъ на людъ служебный ку обороне земской со всихъ подданыхъ князскихъ, панскихъ и шляхетскихъ, такъ духовныхъ, яко и свецкихъ зъ волоки, або службы, людми оселое, по сороку осми грошей на две рате отдати, то естъ половицу двадцать чотыры гроши у шести неделяхъ по выволаню сойму, которое выволане дошло месеца июля второгонадцать дня, а другую таковую жъ половицу по святомъ Мартине у чотырохъ неделяхъ въ року, теперъ идучомъ шестьдесятъ осмомъ, гдежъ и на всихъ васъ, жыдовъ въ панстве нашомъ Великомъ князстве Литовскомъ мешкаючихъ, для тое жъ потребы речи посполитое на оборону земскую уфалено и положено естъ съ кождое головы жыдовское мужское и женское и детей ихъ по дванадцати грошей на тые жъ помененые две рате по половицы, то естъ на каждую рату по шести грошей отдати, ведже не до бирчихъ поветовыхъ, але до скарбу нашого господарского, кгды жъ вси жыдова здавна властному пожытку и скарбу нашому господарскому належать. То пакъ ижъ тые обедве, вышей меновите описаные раты, на отданье оного податку положоные, вже минули, а вы, въ недбалость то собе положившы, ажъ и до сего часу того податку до скарбу нашого не отдали и не заплатили, за чимъ немалое омешканье въ отправахъ, яко людей служебныхъ на замки украйные, такъ и иныхъ многихъ а велико важныхъ потребъ нашихъ господарскихъ и земскихъ се деетъ. А такъ послали есмо тамъ дворанина нашого князя Павла Полтева, а росказали ему оный податокъ на его перъшую рату, то естъ у шесть недель за выволаныо сойму, такъ и за

другую рату въ чотырохъ неделяхъ по светомъ Мартине минулую, на васъ выбрати и до скарбу нашого што наборздей отнести и отдати. А прото прыказуемъ вамъ, ажъ бы есте, о томъ ведаючы, оный податокъ за прысягою трехъ старшихъ зе збору вашого, ижъ есте ничого не утаили и никому фолькги въ томъ не уделали, до рукъ того дворанина нашого отдали и заплатили безъ всякое проволоки, ничымъ се не вымовляючы и никоторого сплошенства въ томъ не чынечы конечно. А где бы есте тому досыть чынити не хотели и которую проволоку, або омешканье въ томъ делали, мы росказали тому дворанину нашому за тые обедве, вышей меновите описаные раты, оный податокъ на васъ самыхъ и на маетностяхъ вашихъ моцно а зъ децкованьемъ отправити. Вы бы, о томъ ведаючи, ничымъ сему росказанью и дворанину нашому въ томъ противни не были подъ зарукою на каждого непослушного и сему листу и росказанью нашому противного влелтеть (sic?) рублями грошей. Писанъ у Воиню року Божъ. Нароженья тисеча пятсотъ шестдесятъ осмого м-ца декабра девятого дня.

Таковые писаны до збору жыдовского то естъ Острозского, Луцкого, Володимерского, Кремянецкого, Пинского, Городенского, Берестейского, Виленского, Троцкого.

(Кн. Публичн. Дѣлъ Литовскихъ, XI, л. 121—122).

4.

Листъ о сборѣ серебщины съ господарскихъ державъ въ 1567 г.

Жикгимонтъ Августъ, Божъю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянтский и иныхъ.

Подскарбему нашому дворному, державцы кнышинскому, забелскому, авъкгустовскому пану Станиславу Захарьевичу Влошку, а въ небытности его самого на тотъ часъ въ Кнышине, въ Забелю и Августове, ино врадникомъ его и тежъ войту, мещаномъ, слугамъ путнымъ и всимъ подданымъ нашимъ волостнымъ, тяглымъ и осаднымъ тыхъ волостей помененыхъ. Што с постановеня на прошломъ валномъ сейме Городенскомъ уфалена естъ серебщизна по всемъ панстве нашомъ Великомъ князстве Литовскомъ на два годы, то естъ въ року теперешнемъ шестдесятт семомъ отъ свята Трехъ Кролей за двапад-

цать недель мела быти выбрана и отдана зо всихъ именей князскихъ, панскихъ, шляхетскихъ и духовныхъ, яко тое постановенье на уфале соймовой и на листехъ нашихъ достаточне описано естъ, якожъ и мы, господаръ, такъ же зъ именей столу нашого тые обедве серебщизны постановили, и вжо первшая серебщизна выбрана, нижли о вторую серебщизну, ижъ за теперешнимъ рушенемъ на войну пильныхъ а важныхъ потребъ речи посполитое того панства нашого вси станы, зъехавшися до Молодечна, доброволне зволили тую вторую серебщизну вборзде выдати, то естъ передъ теперешнимъ святомъ Божого Нароженя за тыйдень. А такъ и мы тежъ за таковыми жъ пилными а важными потребами нашими господарскими и земскими отданъю второе серебщизны зъ именей нашихъ господарскихъ въ скарбъ нашъ земский складаемъ рокъ певный отъ нового лета свята близко пришлого съ початья року шестдесятъ осмого въ чотырехъ неделяхъ. А ижъ есмо въ первшой серебщизне фолкгу подданымъ нашимъ чинили и меншъ десетьма грошей на нихъ брати казали, нижли на сойме постановило ее съ тое причины, ижъ тежъ первей въ ономъ же року особливе зъ именей нашихъ серебщизна до скарбу нашого выбрана и выдана, але тая теперешнея серебщизна абы сполна водле постановенья соймового была выбрана и до скарбу нашого на тотъ вышей помененый часъ, отъ насъ зложоный, отдана, то естъ съ кождое волоки резаное, або моркгованое по трыдцати грошей, а где вовоки не мероны, яко на Руси, на Полеси, и въ земли Киевской, и въ волостяхъ Поднепрскихъ, и въ земли Волынской, зъ дыму кождого по петнадцети грошей, а зъ мещанъ, которые волокъ не маютъ, але огороды и домы держатъ, съ тыхъ по пети грошей, а которые только домами въ месте живутъ, а огородовъ не маютъ,—отъ воротъ по два гроши, а зъ огородниковъ при дворехъ нашихъ отъ кождого по три гроши, тежъ люди люзные и перекупники, которые по местахъ мешкаютъ, або за дворомъ нашимъ господарскимъ, такъ тежъ и за панскими дворы ездятъ, особливе маютъ податокъ давати отъ головы, водлугъ уфалы сойму у Вильни прошлого въ року минуломъ шестдесятъ шостомъ. А про то штобы ты, пане Влошку, а въ небытности его у Кнышине, въ Забельи и Авкгустове, ино вамъ, врадникомъ тамошнимъ, приказуемъ, ижъ бы есте тотъ податокъ серебщизны со всихъ подданыхъ нашихъ тыхъ державъ водле постановеня нашого вышей описаного, яко наборздей выбравши, до скарбу нашого земского на оный рокъ, отъ насъ зложоный въ чотырехъ неделяхъ, отдалъ и личбу

учинилъ и присегу, яко справедливе выбрано а ничого не утаено вделати велелъ, ничимъ того року не омешкиваючи. Также вамъ, мещаномъ и всимъ подданымъ нашимъ волостнымъ прыказуемъ, ажбы есте во всемъ подле сего росказаня и листу нашого въ отданю того податку заховали и справовали ся, ничимъ ся не вымовляючи и жадного сплошенства и омешканя въ томъ не чинячи подъ каранемъ нашимъ господарскимъ конечно. Писанъ у Койданове. Лета Божъего Нароженя тисяча пятсотъ шестдесятъ осмого (оч. ош.: семого) м-ца декабря двадцать четвертого дня.

(Кн. Публичн. Дълъ Литовскихъ IX, л. 59—60).

5.

Отчетъ по сбору серебщины 1542 г.

Жикгимонтъ etc.

Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ. Чинилъ передъ нами личбу маршалок дворный подскарбий земский писаръ нашъ, староста слонимский и мстибоговский, державца бирштанский дорсунишский и зельвеньский панъ Иванъ Горностай з другое серебщизны, которая положона была лета Божьего Нароженья тисеча пятьсотъ чотырдесятъ второго, року индикта пятнадцятого со всее земли с подданыхъ нашихъ и з духовныхъ и светскихъ во всемъ Великомъ князьстве Литовскомъ изъ сохи по дванадцати грошей, которой серебщизны положилъ перед нами на личбе приходу всего двадцать одна тисяча копъ грошей и деветь сотъ копъ и двадцать осмъ копъ и сорокъ два гроши. А за росказаньемъ нашимъ выдалъ тое серебщины второе на росходы многие, яко то на кони двораномъ нашимъ, такъ и на отправы посломъ в речахъ земскихъ до короля его милости старшого до Кракова, и тежъ за корованы купцомъ турецкимъ и татарскимъ и на потребы до мынцы нашое, яко дому купленья, такъ и на будованья и на истраву даванья на мынцеры и на иные многие розмаитые росходы, што за волею и росказаньемъ нашимъ господарскимъ выдавалъ. Того всего росходу положилъ з личбы своей, што выдалъ скарбу нашого с тое второе серебщины петнадцат тисеч и сто копъ и осмдесятъ три копы и осмъ грошей и один пенез. Мы, обачивши достаточне с тое личбы его, ижъ он за волею и роска-

заньемъ нашимъ тые пенези выдавалъ с тое сумы росходу пенезей его самого, жону и детей и потомковъ его нине и на потомные часы вечные квитуемъ и доброволнымъ его с тое сумы чинимъ и на то даемъ ему сес нашъ квитъ с подписью руки нашое господарское и з нашою печатю. Нижли кромъ того росходу его ещо зостало в него в скарбе нашомъ тоежъ серебщины второе, чого ещо не выдал, и повиненъ впередъ намъ личбу вчинити з остатку тыхъ пенезей шести тисечъ копъ и семи сотъ копъ сорока пети копъ тридцати трох грошей и девети пенезей. При томъ тежъ поведилъ перед нами очевисте, реестръ немалый слово у слово передъ нами чолъ, ижъ многие панове рады наши, и князи, и панята, и дворане, и земяне, и вдовы, и духовные немало в себе тое серебщизны задержали и до скарбу нашого не отдали, о чомъ жо панъ Иванъ Горностай и на великомъ вальномъ сойме передъ отцомъ нашимъ королемъ старшимъ его милостью и передъ нами тотъ же реестръ серебщизны оказывалъ и потомъ неоднокротъ передъ нами упоминалъ и о то не молчалъ и многокротъ то сознавалъ и мовилъ передъ нами, ижъ тое серебщизны многие не малыхъ сумъ не отдали. Штожъ мы тую пильность пана подскарбего и немолчанье и мовенье его частое о тых, хто не отдалъ серебщыны тое, в томъ квите нашомъ ознаймуемъ, ижъ онъ досыть зъ себе в томъ чинилъ и о то ся напоминалъ и многокротъ мовилъ радамъ нашимъ, што естъ намъ зведомо, и будеть то впередъ на воли нашой господарской, што маемъ с тымъ чинити. Притомъ были вси панове рады наши великого князьства Литовского. Писанъ у Вильни под лет Бож. Нарож. 1546, м-ца августа 1 ден, индикт 4. Sigismundus rex. Валерыян писар.

(Кн. Зап. Лит. XXXI, л. 155—156).

6. Свѣдѣнія о сборахъ податей.

Ниже въ 3 таблицахъ собраны свѣдѣнія о прямой подати, позычкахъ, поконевщинѣ и ордынщинѣ, наложенныхъ въ разные годы на города; одна таблица представляетъ сводъ данныхъ о податяхъ 1565, 1567, 1569 гг., собранныхъ въ повѣтахъ.

Въ первыхъ двухъ таблицахъ сведены данныя касательно податка земскаго, позычекъ и поконевщины. Раздѣленіе городовъ на двѣ таблицы сдѣлано по чисто техническимъ соображеніямъ: въ *первой таблицѣ* сведены данныя касательно городовъ и волостей въ Поднѣпровьи: въ нѣкоторые годы подать налагалась на эти волости вмѣстѣ съ городомъ, въ другіе—города и волости платили отдѣльно; поэтому, оказалось болѣе удобнымъ выдѣлить эту группу въ особую таблицу. Во *второй таблицѣ* сведены города и мѣстечки, о которыхъ сохранились данныя за 1529—1567 гг.; въ началѣ этой таблицы (до г. Одельска) идутъ города, названные въ росписи 1567 г. привилегированными (Витебска и Полоцка въ этой росписи совсѣмъ нѣтъ), всѣ остальные названы въ этой росписи непривилегированными [1]).

---

[1]) Эти двѣ таблицы составлены на основаніи слѣд. источниковъ: Акты З. Р., II, № 168 (податокъ 1529 г.), Кн. Судн. Дѣлъ Лит., VIII, л. 164 (серебщина 1534 г.). Акты Ю.-З. Р., I, р. 133, Кн. Переп. Лит., VII, лл. 12 об.—13 (позычка 1561 г.), ibidem, лл. 10 об.—11 (то же 1563 г.), ibidem, лл. 71 об.—72 об. (1565 г.), ibidem, лл. 153—155 об. и Кн. Публ. Дѣлъ Лит., IX, л. 1—1 об. (1567 г.), Кн. Пер. Лит., VII, л. 6 (заемъ у г. Вильны), Акты Лит.-рус. гос., р. 152 (1513 г.), Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 46 (1552 г.).

А. *Таблица сборовъ съ Поднѣпровскихъ волостей и городовъ.*

Названіе подати.	Податокъ земскій.					Позычки.				Поконевщина.	
Годы.	1529	1534		1551		1561	1563	1565	1567	1513	1552
Города и волости.	Городъ.	Городъ.	Волость.	Городъ.	Волость.	Городъ.	Городъ.	Городъ.	Городъ.	Коп. гр.	Коп. гр.
Могилевъ . .	100 к. гр.	40 руб.	60 р.	100 к.	—	1000 к	600 к.	—	150 к.	—	150
Пропойскъ . .	—	20 к. гр.	—	—	40 к.	—	—	—	—	—	20
Чичерскъ . .	—	20 к. гр.	—	—	40 к.	—	—	—	—	—	20
Кричевъ . . .	—	15 р.	—	—	50 к.	—	—	—	—	—	20
Мозырь . . .	—	40 р. (Мозырь и Бчичъ)	—	50 к.	50 к.	100 к.	—	100 к.	100 к.	—	60 (Мозырь и Бчичъ)
Бчичъ	—		—	—	20 к.	—	—	—		—	—
Борисовъ . . .	—	30 р.	—	30 к.	50 к.	—	—	—	20 к.	—	20
Бобруйскъ . .	—	40 р.	—	30 к.	50 к.	100 к.	200 к.	100 к.	80 к.	—	60
Свислочъ . . .	—	30 р.	—	60 к.			—	—	60 к.	—	50
Горволь . . .	—	10 р.	—	—	—		—	—	—	—	—
Рѣчица	—	15 р.	—	50 к.			—	—	—	—	30
Озерище . . .	—	15 р. (Озерище и Усвятъ)	—	40 к. (Озерище и Усвятъ)	—	—	—	—	—	—	—
Усвятъ	—										
Орша	—	—	—	20к.гр.	—	500 к.	—	—	—	—	—
Мстиславль . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Любошаны . .	—	—	—	50 к.		—	—	—	15 к.	—	—
Радошковичи .	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—
Итого .	—	3350 к. 40 гр.		780 к.		1700	800	200	325	—	480

Прим.: Поконевщина 1552 г. взята съ волости и города.

В. Таблица податка, позычекъ и поконевщины съ городовъ.

Названіе сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество коней.	
Годы.	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513	1552
Названія городовъ.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	„коней“.	„коней“.
Вильна	1500	500	500	—	—	—	8000	500	500
Ковно	300	250	100	—	—	300	1000	50	50
Троки	10	50	20	—	—	200	100	10	10
Городно	180	100	51	1000	800	400	120	20	50
Бѣльскъ	100	100	100	1000	800	—	150	50	50
Тыкотинъ	—	—	30	200	160	80	60	—	—
Дорогичинъ . . .	100	100	60	—	200	150	60	60	60
Мельникъ	20	100	30	—	100	80	50	20	20
Лосичи	15	15	20	—	—	—	50	15	—
Клещели	10	20	20	—	30	30	50	—	—
Нарва	5	—	15	—	40	40	30	—	10
Луцкъ	30	60	60	200	400	400	150	30	30
Володимиръ . . .	20	60	50	—	200	150	60	30	30
Кременецъ . . .	—	—	40	200	200	150	50	—	—
Кіевъ	—	—	100	1000	—	—	200	—	—
Минскъ	50	—	50	500	500	100	150	10	—
Новгородокъ . .	50	60	60	500	400	200	100	20	20
Волковыскъ . . .	20	30	—	500	300	100	50	20	15
Каменецъ	100	60	50	200	200	100	60	50	50
Берестій	150	200	100	300	600	300	200	150	150
Воинь	—	—	—	—	—	—	30	—	—
Милейчицы . . .	10	—	20	—	—	50	30	—	—
Бранскъ	10	20	50	200	200	100	60	15	15
Саражъ	20	20	30	200	200	100	40	15	15
Порозовъ	10	—	20	100	100	30	20	15	10
Полоцкъ	5 (?)	100	100	3000	—	—	—	—	—

Названіе сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество коней.	
Годы.	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513	1552
Названія городовъ.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	„коней“.	„коней“.
Витебскъ	10	50	100	3000	—	—	—	—	—
Одельскъ . . . }	15	—	5	—	—	—	12	—	—
Кринки . . . . }		—	10	—	—	—	30	—	—
Кобрынъ	10	—	40	200	150	—	50	—	20
Пинскъ	50	100	100	500	400	—	150	—	—
Клецкъ	10	—	30	—	—	—	—	—	—
Слонимъ	20	60	30	100	200	100	50	20	10
Лида	10	—	20	—	—	—	30	30	—
Василишки . . .	5	—	10	—	—	—	15	8	—
Радунь	5	—	10	—	—	—	15	—	—
Ейшишки	5	—	15	—	—	—	15	10	—
Конево . . . . }	5	—	—	—	—	—	—	—	—
Дубичи . . . . }		—	—	—	—	—	—	—	—
Довги	5	—	5	—	—	—	15	—	—
Меречь	15	30	20	—	—	—	40	20	20
Пуни	10	—	15	—	—	—	30	20	20
Жижморы	5	—	—	—	—	—	15	—	—
Высокій Дворъ .	5	—	—	—	—	—	—	—	—
Керновъ	5	—	5	—	—	—	20	—	—
Мойшагола . . .	5	—	5	—	—	—	—	—	—
Вилькомиръ . . .	5	—	10	—	—	—	15	10	—
Оникшты	10	—	10	—	—	—	8	10	—
Утена	5	—	10	—	—	—	10	5	—
Ушполы . . . . }	10	—	10	—	—	—	—	—	—
Кунишки . . . }		—	—	—	—	—	10	—	—
Велена	10	—	10	—	—	—	15	10	10
Вилькея	5	—	10	—	—	—	15	10	10

Названіе сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество коней.	
Годы.	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513	1552
Названія городовъ.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	„ко-ней“.	„ко-ней“.
Ойрагола	10	—	—	—	—	—	20	—	—
Ошмена	5	—	5	—	—	—	—	—	
Крево	5		5			—		—	
Мосты	3	—	10		—	—	15		
Ожа	3	—	5	—		—		—	
Ляховичи				20	60	—	40		—
Мстибоговъ . . .	—	—	20	100		100	30		
Шерешовъ . . .		—	—	50	—	50	30	—	15
Ковель	—		—	100	—	100	—	—	
Переломъ	—	—		50		—		—	
Кнышинъ	—	—	30	200		80	—	—	
Августовъ. . . .	—	—	—	—	—	50	20	—	
Городецъ (Кобр. стар.)	—	—	20		—	100	10	—	—
Воложинъ	—	—	10	—	—	—	—	—	
Перелая	—	—	—	—	—	—	20	—	—
Шавли	—	—	—	—			30	—	—
Янишки.	—	—	—	—			20	—	
Вешвены	—		—	—	—		15		
Годинъ	—		—	—	—		15		
Тельши	—	—	—	—	—		15	—	
Плотели	—	—	10	—	—		15		
Вирболово . .	—		—	—	—		40		
Сомилишки . . .	—	—	—	—	—		8		—
Гераноины . . .		—		—	—	—	15		—
Липнишки . . .	—			—	—	—	15		
Вистинецъ . . .	—	—	—	—			8		
Лоздеи	—	—		—			8		

Названіе сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество коней.	
Годы.	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513	1552
Названія городовъ.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	„коней“.	„коней“.
Олита.	—	—	15	—	—	—	20	—	—
Контяжинъ . . .	—	—	—	—	—	—	5		—
Шадово	—	—	—	—	—	—	40	—	—
Поневежъ. . . .	—	—	—	—	—	—	30	—	—
Лингмяны. . . .	—	—	—	—	—	—	6	—	—
Крожи	—	—	—	—	—	—	8	—	—
Довгялишки . . .	—	—	—	—	—	—	20	—	—
Высоцкое		—	20	—	—	—	30	—	—
Добучинъ	—	—	—	—	—	—	40	—	—
Селецъ	—	—	20	—	—	—	15	—	10
Лысково	—	—	—	—	—	—	6	—	—
Жосли	—	—	10	—		—	15	—	—
Вольна	—	—	—	—	—	—	20	—	—
Новый Дворъ . .	—	—	—	—	—	—	20	—	—
Кузница		—	—	—	—		15	—	—
Рожаное	—		5	—			—	—	—
Трабы	—	—	10	—	—		—	—	—
Пружаны	—	—	15	—	—	—	—	—	15
Пеняны	—	—	10	—		—	—	—	—
Бѣлица	—	—	15	—	—	—	—	—	—
Волкиники . . .	—	—	5	—	—	—	—	—	—
Невяжа	—	—	10	—	—	—	—	—	—
Россіены	—	—	5	—		—	—	—	15
Скерстомонъ . .	—	—	5	—	—	—	—	—	—
Болница	—	—	10	—		—	15	—	—
Браславъ Лит. .	—	—	20	—	—	—	15	20	—
Ломазы	—	—	—	—	—	—	10	—	—
Молчадь		—	5	—	—	—	10	—	—

Названіе сборовъ.	Податокъ земскій.			Позычки.				Количество коней.	
Годы.	1529	1534	1551	1561	1563	1565	1567	1513	1552
Названія городовъ.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	копъ гр.	„коней“.	„коней“.
Здитовъ	—	—	—		—		10	—	—
Цыринъ (Новг. в.)	—	—	—			—	10	—	—
Острина	—	—	—	—		—	10		—
Немонойти . . .	—	—	—	—	—	—	10	—	—
Бирштаны . . .	—		—	—	—	—	10	—	—
Обели	—	—	5	—	—	—	10	—	—
Радивилишки . .	—	—	—	—	—	—	10	—	—
Ужвены	—	—	—	—	—	—	10	—	—
Биржаны	—	—	—	—	—	—	10	—	—
Полонга	—	—	—	—	—	—	10	—	
Кретинга	—	—	—	—		—	10	—	
Дорсунишки . .	—	—	—	—	—		10	—	—
Березники . . .	—	—	—	—	—	—	10	—	—
Луконница . . .	—	—	—		—	—	8	—	—
Ботоки	—	—	—	—	—	—	8	—	—
Симно	—	—	—	—	—	—	8	—	—
Швинтяны . . .	—	—	—	—	—	—	8		—
Межирѣчье . . .	—	—	—		—	—	6	—	—
Меликовъ	—	—	5	—	—	—	6	—	—
Лунное	—	—	—	—		—	6	—	—
Новый Дворъ (Свентицкаго)	—	—	—	—	—	—	6	—	—
Итого . .	2981	2085	2461	13420	6240	3640	12345	1253	1230

Примѣчаніе: Поконевщина взималась по одной копѣ за выставляемаго коня, слѣдовательно количество коней равно количеству копъ грошей. Въ видѣ исключенія „отпущено“ въ 1552 г. Вильнѣ 200 копъ гр., Берестій тогда же далъ только 50 копъ гр. Въ 1513 г. съ Вильны назначено 150 копъ гр. деньгами и небольшая сумма сукнами, Берестій далъ 100 копъ гр., а Володимиръ уплатилъ 40 копъ гр.,

Велена—15 копъ гр., Волковыскъ 15 копъ гр., Василишки 10 копъ, Городно—50 копъ, Луцкъ—50 копъ, Меречь—15 копъ, Брянскъ и Саражъ по 30 копъ каждый.

Серебщина 1551 г. взята въ нѣкоторыхъ городахъ „кромъ жидовъ“: въ Городнѣ, Трокахъ, Тыкотинѣ, Новгородкѣ, Слонимѣ, Мстибоговѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Берестьи, Пинскѣ, Меречи.

Въ Луцкѣ, Володимирѣ, Кременцѣ и Клецкѣ—серебщина взята „кромъ волости и жидовъ“.

Въ 1529 г., равно и позычки, евреи платили отдѣльно.

Въ спискѣ 1529 г. стоитъ „Парчовъ“—очевидно, ошибка вмѣсто Порозовъ.

Въ росписи 1563 г. на Тыкотинъ разъ положено 150 копъ, другой—200 к.; вѣроятно, ошибка.

По отдѣльнымъ свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ городахъ за другіе годы оказывается: въ 1554 году на Брянскъ наложено 50 копъ гр. (Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 332 об.), на Луцкъ — въ 1540 г. — 60 копъ (Кн. Зап. Лит., XXIV, л. 86 об.), на Оршу—въ 1568 г.—40 копъ, на Каменецъ—100 копъ (Кн. Публ. Д. Лит., IX, лл. 102 об. и 110), въ 1554 г.—на Мозырь—50 копъ, на Лиду—20 копъ, на Бѣлицу—15 копъ (Любавскій, Л.-р. сеймъ, прил., р. 94).

C. Таблица, показывающая сборъ земской подати по повѣтамъ за 1565, 1567, 1569 г.г.

Названіе повѣтовъ.	1565 г.			1567 г.			1569 г.		
	копъ	гр.	пен.	копъ	гр.	пен.	золотыхъ	гр.	пен.
Виленскій . . .	1398	41	1/2	3974	15	2	7016	10	—
Троцкій	729	47	—	1942	56	8 1/2	4425	—	—
Ошмянскій . .	3345	38	9	7383	44	1	9064	9	5 2/2
	—	—	—	(46)[5]	(30)	(8)	—	—	—
Витебскій . . .	214	28	5	25	5	1	—	—	—
	(25)[1]	—	—	—	—	—	—	—	—
Оршанскій . . .	2947	56	5 1/2	8045	43	2	5150	8	4 1/3
Гродненскій . .	2178	48	5 1/2	4565	50	9	11164	11	5
Берестейскій . .	3820	53	9	6697	35	5	10434	5	—
Пинскій	1450	23	5	1895	6	4	2575	—	—
Волковыскій . .	1581	50	9 1/2	3400	20	8 1/2	2525	—	—
Ковенскій . . .	840	17	1	1578	2	—	4399	18	6
Упитскій	955	—	—	3056	50	—	7054	—	—
Вилькомірскій .	2362	17	2 1/2	5735	22	7 2/3	6736	3	—
	(101)[2]	(14)	—	—	—	—	—	—	—
Дорогицкій . . .	1212	39	2	2381	9	5 1/2	—	—	—
Мельницкій . .	542	39	6	568	23	4	—	—	—
Новгородскій . .	4516	24	2 1/2	10923	32	3 1/2	10806	3	7
Кременецкій .	1814	9	2	1926	35	6	—	—	—
	(29)[3]	(55)	—	—	—	—	—	—	—
Володимирскій .	1182	23	4	2028	19	4	—	—	—
Кіевскій	1607	34	2 1/2	1402	—	9	—	—	
Минскій	3598	49	3	6209	24	8 1/2	9660	45	8
Слонимскій . . .	2024	22	1/2	3920	59	5 1/2	4683	15	—
Браславль Лит. .	533	28	1/2	1186	46	9	1907	28	4 2/3
Бѣльскій	961	9	3	2292	48	—	—	—	—

Названіе повѣтовъ.	1565 г.			1567 г.			1569 г.		
	копъ	гр.	пен.	копъ	гр.	пен.	золотыхъ	гр.	пен.
Лидскій	902	53	8	3040	55	—	4475	15	6
Жмудская земля.	8134	37	$7^{1}/_{2}$	5637	22	$2^{1}/_{3}$	14080	17	5
Мстиславскій . .	—	—	—	128	42	—	17	18	$5^{1}/_{3}$
Рѣчицкій	—	—	—	127	18	—	—	—	—
Луцкій	—	—		7137	26	6	—	—	—
	(1478)[4])	(47)	(3)	—	—	—	—	—	—
Мозырскій . . .	—	—	—	769	54	4	—	—	—
Браславскій и Веницкій . . .	—	—	—	171	57	—	—	—	—
	—	—	—	(539)[6])	(48)	—	—	—	—
Волость Убортская	—	—	—	—	—	—	45	20	—
Держава Унитская	—	—	—	—	—	—	1686	22	4
Держ. Полонка, Кретинка и Горжды	—	—	—	—	—	—	759	10	4
Кромѣ того:									
Изъ разныхъ пов. поступило прямо къ голов. бирчимъ.	1330	15	5	12294	12	$3^{1}/_{3}$	—	—	—
Получено по заключенію счета .	—	—	—	5127	30	4	—	—	—
Взято у жидовъ подъ залогъ вещей п. гетмана .	—	—	—	—	—	—	5000	—	—
Итого. .	50187	28	4	110576	11	$3^{1}/_{3}$	123766	4	9
	(51851)	(24)	(7)	(111162)	(30)	$1^{1}/_{3}$	—	—	—

Примѣчанія.

1) 2) 3) Въ скобкахъ поставлены суммы „решты на поборцахъ".
4) Отданныхъ поборцами гетману.
5) Взяты поборцами въ свою пользу.
6) Уплочены поборцами по листамъ гетмана.

По нашей провѣркѣ сборовъ по повѣтамъ, итогъ не сходится съ итогомъ коммисаровъ. Въ текстѣ на страницѣ 774 приведены итоги послѣднихъ, потому что они ближе къ суммѣ расходовъ. Въ итогахъ настоящей таблицы нижняя цыфра въ скобкахъ обозначаетъ итогъ дохода съ суммами, происхожденіе коихъ объяснено въ выше приведенныхъ примѣчаніяхъ.

Отчетъ о серебщинѣ 1565—1569 г.г. находится въ Архивѣ Варшав. Казен. Пал., отд. I, кн. 111.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
3	10 сн.	стекавшіеся	стекавшихся
17	8 св.	въ ней	въ немъ
18	прим. 1	Keneczny	Koneczny
27	12 св.	„Въ Витебскѣ судятъ по своему праву“	Въ Витебскѣ судятъ „по своему праву“.
31	9 св.	въ грамотахъ, называются	въ грамотахъ называются
34	12 св.	Смолняне	Смольняне
36	3 сн.	махдебурускаго	магдебургскаго
57	11 сн.	организованносгь	организованность
57	10 сн.	столько	столь
65	4 св.	и полякамъ	и къ полякамъ
68	прим. 4	Лилюшъ	Лелюшъ
75	14 св.	отчиней	отчичей
79	прим. 3	Вялковичу	Вячковичу
90	10 сн.	квотативнаго	репартиціоннаго
95	прим. 1	влыки	владыки
105	прим. 1	politycznycz	politycznych
124	прим. 6	А. Ю. З. Р.	А. Ю. З. Р., т. I, p. 75.
137	15 сн.	право по́дданнаго	положеніе подданнаго
197	13 сн.	въ отношеніи разрядовъ населенія.	въ отношеніи разрядовъ населенія къ скарбу
203	8 св.	различвыхъ	различныхъ
204	16 св.	но для	то для
213	10 сн.	что	то
232	8 св.	они не имѣли	они имѣли
235	8 св.	слѣдующіе служебники	слѣдующіе служебники: слуги путные, сокольники, садовники, кухари
239	1 св.	Незабытовскаго	Незабитовскаго
241	6 св.	Дорочицкаго	Дорогицкаго
242	1 прим., стр. 3 св.	намы	нами
252	2 сн.	змфитеузу	эмфитеузу

СТРАН.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
255	прим. 4	А. Ю. З. Р.	А. Ю. З. Р., т. II, р. 120.
255	прим. 5	А. З. Р., II, р.	А. З. Р., II, р. 99.
266	11 сн.	налогоспособностей	налогоспособности
278	прим. 4	правильныхъ отношеній	арендныхъ отношеній
284	прим. 1	осаживаючи, поручилъ, зачимъ	осаживаючи", поручилъ „зачимъ
309	прим. 1	Кн. Публ. Д. Л.	Кн. Публ. Д. Л., VI.
315	прим. 1	А. З. Р., III, р.	А. З. Р., III, р. 79.
329	8 сн.	съ теоріей	съ исторіей
336	12 сн.	вымовли	вымовы
341	10 св.	всегда	иногда
343	9 сн.	тысячу	тысячи
362	10 св.	хотя и	такъ что
367	прим. 3, стр. 10 сн.	торговатя	торговати
373	9 сн.	только въ періодъ	въ періодъ
387	10 св.	перепдавливаніе воска	перетапливаніе
389	11 св.	полокотная	полокотное
417	3 св.	рѣдкій	рѣзкій
443	1 сн.	арендной платы по устройству	расхода по устройству
447	прим. 2	1664 г.	1564 г.
454	3 св.	объ ограниченіи производства	объ ограниченіи частнаго производства
468	прим. 6	Скумилъ	Скуминъ
584	5 сн.	унін	уніи
590	18 св.	усиліяхъ	условіяхъ
610	3 св.	по завѣщанію, если	по завѣщанію; если
613	6 св.	по восходящей степени	по восходящей и боковой степени
632	7 св.	поморы	помѣры
633	14 св.	и грамоты	грамоты
643	1 пр.	407	447
604	11 сн.	составленной	составленный
725	13 св.	новый	иной
727	12 св.	едва ли	если

Въ приложеніяхъ опущено прил. къ стр. 703, прим. 5: оно будетъ помѣщено при второмъ томѣ.

тъ читать.

10р